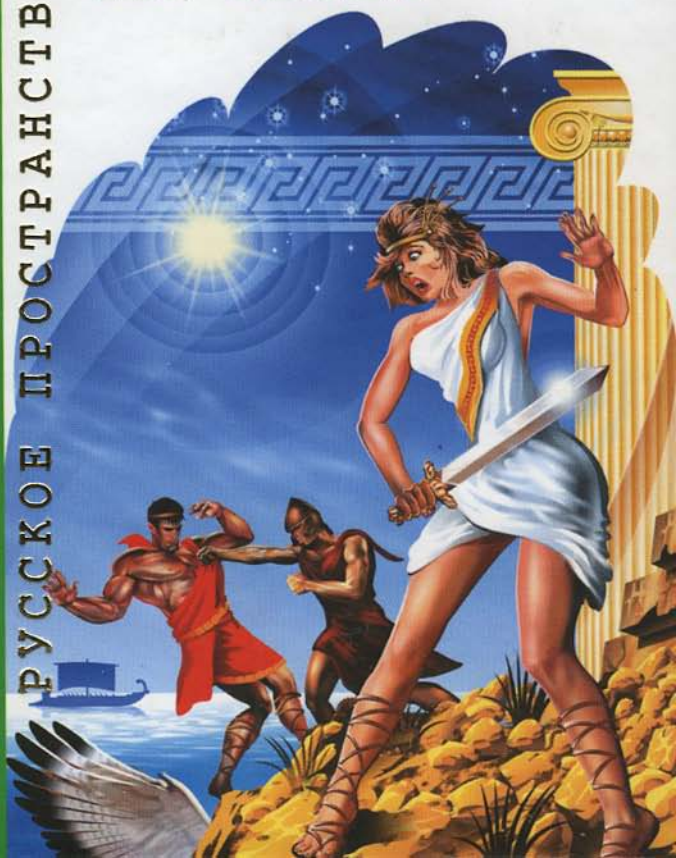
Кир

БУЛЫЧЕВ

ПОКУШЕНИЕ НА ТЕСЕЯ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ЭКСМО

Кир

БУЛЫЧЕВ

Кир

БУЛЫЧЕВ

ПОСЕЛОК
ПОДЗЕМЕЛЬЕ ВЕДЬМ
ПОХИЩЕНИЕ ЧАРОДЕЯ
ОПЕРАЦИЯ «ГАДЮКА»
ПОКУШЕНИЕ НА ТЕСЕЯ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Кир

БУЛЫЧЕВ

ПОКУШЕНИЕ НА ТЕСЕЯ

Москва
ЭКСМО
2005

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 90

Составитель *М. Манаков*

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2005 году

Булычев К.
Б 90 Покушение на Тесея: Фантастические романы. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 896 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство).

ISBN 5-699-14058-1

В очередной том собрания сочинений Кира Булычева вошли первые романы из цикла «Галактическая полиция».

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-14058-1

© Булычев К., 2005
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2005

ДЕТСКИЙ ОСТРОВ

Зловещий сентябрьский ветер, разбежавшись по взволнованной глади громадного озера, бросался на остров, бился о крутолобые валуны, утопленные в прибрежной гальке, карабкался на песчаный обрыв и принимался гнуть, терзать, вырывать из каменистой почвы изогнутые бурями сосны. Но сосны привыкли к подобным испытаниям и, поддаваясь насилию, склоняясь перед ним, лишь крепче смыкали ряды, и стоило ветру, утомившись, ослабить натиск, как они тут же распрямлялись и весело шумели ветвями, отгоняя уставшего воителя.

Ветер, не сладив с соснами, рвался вверх, где легкие облака не могли ему сопротивляться и бежали от него, неслись, порой закрывая узкий серп луны, порой обнажая великолепие звездного неба.

В такие моменты воронам, поднятым яростным порывом ветра из безопасности гнезд, была видна тонкая фигурка в длинном белом одеянии, которая брела по тропинке, перекрытой аркой сосновых ветвей, выставив вперед хрупкие руки, чтобы защитить глаза от сучка или иного опасного предмета.

Казалось, эта фигурка невесома. Порой, когда напор ветра раздвигал очередную сосновую преграду и врывался внутрь леса, девушка была вынуждена замирать и даже отступать под ударами массы воздуха, но стоило ветру немного стихнуть, как девушка упрямо распрямлялась и возобновляла свое загадочное путешествие, ибо никто по доброй воле не покинул бы в столь поздний и неуютный час надежный уют замка, немые темные башни которого возвышались над лесом, неподвластные бешенству бурь и ливней.

Тропинка, по которой спешила девушка в белом, причуд-

ливо вилась между деревьями и скалами; порой девушке приходилось склонять голову в низком тоннеле зелени, а порой она оказывалась на открытом пространстве.

На берегу озера стояла полуразрушенная сторожка, от которой тянулся давно не пользуемый причал для прогулочных лодок. Причал кое-где провалился, а две или три лодки, что были забыты возле него, погрузились в воду, и лишь цепи, прикрепленные концами к настилу, удерживали на плаву их узкие носы.

Неведомая сила вывела девушку к причалу. Обернувшись, проверяя, нет ли за ней погони, она обратила свой взор к сторожке, за окном которой уловила некое смутное движение. Там мелькнул красный огонек и пропал. Девушка неуверенно ступила на причал. Доски заскрипели под ее легкими шагами, звякнула ржавая цепь, и по замершей, словно ледяной, глади воды разбежалась мелкая рябь.

Глаза, которые следили за девушкой из сторожки, были не единственными, что наблюдали за ее ночным путешествием. Еще в те мгновения, когда девушка в белом спустилась по лестнице в холл замка и, стараясь не шуметь, открыла тяжелую боковую дверь, что вела из библиотеки к оранжерее, некто, старавшийся остаться невидимым, следил за каждым ее шагом. И когда девушка в белом очутилась в ветреной лесной ночи, следом за ней замок покинул некто. В отличие от первой девушки ее преследовательница была подготовлена к ночному путешествию по лесу и закутана в серый плащ и черный платок, отчего она была почти не видна как в лесу, так и на поляне.

Проследив за движением девушки в белом к берегу, преследовательница замерла на опушке леса, но не покинула сени деревьев, понимая, что девушка в белом уже достигла своей цели.

И на самом деле та остановилась, ступив на причал, и стала оглядываться, будто неожиданно для себя проснулась в неизвестном месте.

— Вероника, — послышался низкий прерывающийся голос. — Вероника, я здесь, я жду тебя, я томлюсь в нетерпении...

— О нет! — воскликнула девушка, и в голосе ее был слышен ужас.

— Ты принадлежишь мне, — прошелестел голос.

— Отпусти меня на свободу, — умоляла девушка в белом. Дверь сторожки распахнулась, за ней стоял мужчина.

— Я ждал тебя, — произнес он. — Меня комары зажрали.

Он сделал шаг вперед, и стало видно, что он почти обнажен, если не считать шортов, легких туфель и черной маски, скрывавшей верхнюю часть лица.

— Ты — мой сон, — произнесла девушка в белом. — Ты мой кошмар. Я не могу от тебя избавиться.

— Я — твое сладкое видение, — откликнулся молодой человек.

Он раскрыл руки, и девушка в белом, словно притянутая сильным магнитом, сделала два шага навстречу мужчине, пока не оказалась в досягаемости его рук.

Он привлек ее к своей груди.

— О нет! — повторила девушка в белом.

Молодой человек, прижимая девушку к себе, покрывал ее лицо и шею жаркими лобзаниями. Девушка дрожала от страсти и нетерпения, но в то же время продолжала сопротивляться.

Ее преследовательница в сером плаще стояла неподалеку на краю леса и разрывалась между желанием выбежать на открытое место и помочь девушке в белом или не вмешиваться в сцену и узнать о намерениях ее участников как можно больше. Большой жизненный опыт поведал женщине в сером плаще, что крики и жалобы, которые издает девица, оказавшись в руках молодого мужчины, не следует принимать всерьез. Порой губы девушки шепчут и восклицают одно, тогда как ее истинные чувства означают нечто противоположное.

Вот сильные обнаженные руки молодого человека гладят длинную шею девушки в белом, опускаются ниже, ласкают высокую грудь, и она негромко умоляет отпустить ее, но сама не предпринимает никаких усилий для того, чтобы вырваться.

— Иди ко мне, — уговаривает свою жертву молодой человек, стараясь увлечь ее в темноту сторожки.

— О нет! — в последнем усилии воскликнула девушка в белом и добавила от всего сердца: — Неужели не найдется ни одной живой души на свете, которая увидела бы мои терзания и пришла бы ко мне на помощь? Ведь я сама бессильна себя спасти!

Но этот возглас пропал в новом напоре дикого ветра, на-

летевшего с бескрайнего водного пространства. Со страшной зловещей силой ветер ударил в спину девушки и буквально кинул ее в объятия странного человека в маске. Тот сразу же обхватил девушку могучими руками и скрылся с ней в темноте сторожки.

Женщина в сером плаще не сразу нашла в себе силы последовать внутрь домика. Она прижала к груди руки, и ее скуластое бледное лицо, скрытое в тени серого капюшона, исказила гримаса отчаяния.

Изнутри домика доносились стоны и неясные мольбы несчастной девушки в белом. Но когда женщина в сером плаще услышала отчаянный приглушенный крик:

— Только не торопи события, мой мучитель! — она не выдержала.

Она в отчаянии окинула взором берег и увидела валявшийся неподалеку багор, которым некогда подтягивали к причалу прогулочные лодки. Подобрав багор, она ринулась к сторожке, держа его наперевес, и ударила им в дверь сторожки с такой силой, что дверь слетела с петель и упала внутрь помещения.

Грохот и последовавший затем грозный крик:

— Сдавайся, несчастный насильник! — произвели желаемое действие.

Молодой человек в шортах потерял присутствие духа и кинулся в сторону, противоположную той, откуда надвигалась опасность. Тонкая старая дощатая стена не выдержала удара его мощного тела и рассыпалась, отчего вся сторожка опасно накренилась.

Женщина бросила багор и наклонилась над распростертой на деревянном полу бесчувственной девицей в белом пеньюаре.

Ветер, вновь налетевший с водного простора, угрожающе пошатнул сторожку.

— Вероника! — позвала девушку женщина в сером плаще. — Очнись, простудишься! Он не успел надругаться над тобой?

Но ни единая мышца не дрогнула на лице несчастной жертвы насилия.

Еще более грозный порыв бури заставил сторожку содрогнуться.

Не оставалось ни секунды.

Скинув с себя серый плащ, женщина закутала в него Веронику и, перекинув ее через плечо, вынесла на берег.

В следующий момент, не выдержав напора стихии, сторожка сломалась подобно карточному домику. Но, почувствовав приближение катастрофы, женщина отпрыгнула в сторону, уронила на гальку несчастную Веронику и упала рядом с ней на мокрую от водяных брызг траву.

У девушки хватило сил приподняться на локте, чтобы кинуть взгляд в сторону причала, словно она опасалась, что страшный насильник находится где-то поблизости и, придя в себя, может повторить нападение.

И тут она увидела, как из-под причала вырвалась небольшая лодка, снабженная мощным мотором. Обнаженный молодой человек сидел на корме, управляя лодкой.

Сделав широкую дугу, лодка удалилась в сторону открытой воды, вздыбленной крутыми, бешено рвущимися к берегу волнами. Она опасно накренилась, и девушка даже попыталась встать, уже не опасаясь того, что насильник возвратится. Ей хотелось увидеть, куда же уносится открытая лодочка. Но на горизонте, скрытом в тумане водяных брызг и дождя, не было видно ни одного крупного судна, тогда как лишь безумец мог решиться уходить далеко в открытое бурное водное пространство.

И опасность такого рода стала действительностью: не завершив поворота, лодка зачерпнула бортом воды и опрокинулась — скорость ее была столь велика, что молодой человек в маске взлетел высоко в воздух и упал в воду, подняв фонтан брызг.

Женщина в сером стояла у воды, стараясь увидеть среди волн человеческую голову или хотя бы днище лодки... но волнующаяся поверхность воды была чиста от посторонних предметов.

— Вероника, — позвала она громко. — Вероника, очнись!

Вероника отвернулась — ее душа сопротивлялась возвращению в трезвую действительность.

— Вероника, — сказала женщина, — я из-за тебя совсем простужусь. Это бесчеловечно.

И действительно, холодный порывистый ветер заставил дрожать полную немолодую женщину, отдавшую свой плащ несчастной Веронике, которая была облачена лишь в белый шелковый пеньюар и тапочки на босу ногу.

— Что с ним? — прошептали губы Вероники. — Он не утонул?

— Открой глаза, — приказала женщина. Говорить ей было трудно, зуб на зуб не попадал. Ветер застил облаками луну, и на пляже стало темно.

— Это вы, госпожа Аалтонен? — спросила Вероника.

— Да, это я. Ты сможешь подняться?

— Я не знаю, — ответила Вероника, и вновь открывшаяся луна бросила свой холодный свет на ее прелестное лицо, по которому текли прозрачные слезы.

— Немедленно поднимись, Вероника, — приказала госпожа Аалтонен, имевшая привычку вставлять финские слова в русскую речь. — Я не хочу оставлять тебя на баскери. Я не уверена в твоих истинных намерениях. Что может заставить нормальную девицу, которой не исполнилось и семнадцати лет, красться ночью на берег на свидание с незнакомым молодым человеком?

— Только бы он не утонул! — прошептала Вероника.

— Что ты сказала? — спросила госпожа Аалтонен, не расслышав слов девушки из-за воя ветра.

— Я сказала... я сказала, что ничего не понимаю. Что ничего не помню.

Она зажмурилась и принялась тереть глаза.

— Вероника, немедленно прекрати притворяться, — рассердилась госпожа Аалтонен. — Ты хочешь сказать, что пришла сюда не по доброй воле?

— Не помню. Честное слово, я ничего не помню, госпожа директриса, — простонала Вероника. — Какая-то неведомая сила подняла меня с постели, и дальше... дальше у меня произошел провал в памяти. Здесь был кто-то еще? Кто?

— К сожалению, Вероника, я не могу тебе поверить. Твоя речь представляется мне обычной девичьей ложью. Ты отлично знала, с кем у тебя свидание ночью на берегу. И скажи спасибо, что я выследила тебя и спасла твою девичью честь.

— Что вы говорите! — воскликнула девица. — Неужели моей чести что-то угрожало? Неужели он хотел воспользоваться моим лунатизмом?

— Чем? — спросила директриса.

— Я думаю, — сказала Вероника, — что в моем случае мы имели дело с припадком лунатизма. Я только сейчас проснулась.

— Я хотела бы поверить тебе, — ответила госпожа Аалтонен, — но весь мой жизненный опыт противится этому. Ты знала, на что идешь. Но я должна тебе сказать, что во вверенном мне детском доме связи несовершеннолетних воспитанниц с мужчинами не поощряются.

— Так вы его не узнали? — спросила Вероника с надеждой в голосе.

— Я его обязательно найду. Хотя ты сама виновата: ты сама прибежала на свидание, то есть соблазняла слабого мужчину.

— Это немыслимо, госпожа директриса, — возразила Вероника. — Я не помню, чтобы мне хоть когда-нибудь в жизни приходила такая дикая мысль — в бурю, ночью отправиться на берег. Это же верное воспаление легких!

— Ты не совсем точна, — ответила директриса. — Воспаление грозит мне, а наказание тебе будет объявлено особо.

— О! — воскликнула Вероника. — Это так несправедливо!

Она попыталась упасть в обморок, но госпожа Аалтонен категорически запретила ей оставаться на берегу. Вероника вынуждена была подняться и, обливаясь слезами, последовать вверх по тропинке.

К счастью, ветер теперь помогал идти, энергично подталкивая сзади так, что порой им приходилось переходить на бег, чтобы удержать равновесие.

Наконец, когда они совсем уже выбились из сил, лес кончился и перед ними открылась широкая поляна, в дальнем конце которой возвышался замок.

* * *

Островок Кууси, мирно спящий в северной части Ладожского озера, имеет в длину около трех километров, в ширину — менее километра. Он покрыт редким сосновым лесом. Сосны поднимаются среди огромных валунов, и от частых ветров, сильных морозов и перепадов температуры они вырастают кряжистыми, корявыми, упрямыми, как старые морские волки. На южной оконечности острова поднимается пологий холм, почти лишенный растительности. Лишь полосы травы и лишайников покрывают низинки между серыми лбами покатых скал. Вершину холма венчает массивный замок, сложенный из грубо отесанных каменных блоков. По углам

его поднимаются четыре круглые башни с зубчатыми вершинами. Пятая башня, донжон, квадратная и просторная, поднимается в центре замка, и ее коническая медная крыша, позеленевшая от сурового климата, видна за много километров, словно маяк.

На вершине ее с наступлением темноты зажигают яркий белый огонь, который медленно вращается, бросая сильный узкий луч света на воды озера, окружающие остров Кууси.

В замок ведут железные ворота, которые закрываются с темнотой. Говорят, правда, что из него к берегу, к маленькой подводной пещере, ведет подземный ход. Но весьма возможно, что подземный ход — лишь выдумка романтически настроенных обитателей замка.

Кажется, что замок возвышается здесь вечно, он словно вырос из серых скал и поседел, покрылся лишайниками вместе с ними.

Но когда утренний туман уползает по поверхности холодной ладожской воды, замок, кажущийся причудливой немой скалой, оживает от звуков голосистых труб, играющих бодрую мелодию. Над одной из башен медленно поднимается голубой с белым флаг Вселенской лиги защиты детей, и вскоре вся местность вокруг оживает от веселых звонких голосов.

Широко раскрываются ворота замка, и из него на скалы выбегают легко одетые юноши и девушки. Невзирая на погоду и температуру воздуха, они резвятся на скалах, бегут вниз, окунаются в воду и даже плавают у берега, ныряя, чтобы поднять со дна понравившийся камешек или сорвать волосы водорослей для урока ботаники.

В действительности замок вовсе не стар, он построен на рубеже XX века одним петербургским чудаком, разбогатевшим на изготовлении чудесной ветчины, изменившим фамилию Галкин на фон Грааль и вообразившим себя одним из рыцарей короля Артура. Он откупил у казны остров, на котором тогда обитали две семьи финских рыбаков, давших острову финское имя Кууси, обозначающее нечто связанное с хвойным лесом, и воздвиг на нем замок Грааль. После чего началась революция 1917 года, и фон Грааль разорился. Скрываясь от большевиков, он убежал на свой заветный остров и при приближении к нему катера Ладожской флотилии под командованием матроса Медника бросился вниз с башни и разбился о камни.

В последующие сто лет замок неоднократно менял хозяев, обитателей и назначение. В истории его были страницы драматические, трагические и потешные, но в конце концов его совсем забросили, и долгие годы он стоял нем и пуст, подобно каменной скале. Лишь во второй половине XXI века он вновь ожил, так как некто в Галактическом центре решил расположить в замке детский дом.

Это был странный детский дом, единственный подобный детский дом на Земле.

Как известно, рождаемость на Земле в течение XXI века неуклонно падала, и потому на каждого ребенка, сданного в детский дом, выстраивалась очередь из родителей. Устраивали даже конкурсы родителей на любовь к детям. И не было смысла создавать детские дома.

Но один детский дом сохранился.

Этот дом состоял в ведении не ведомства Социальной защиты и даже не ведомств Здравоохранения или Просвещения, а подчинялся ИнтерГполу — то есть судьбами дома и его обитателей распоряжалось управление под именем ИнтерГалактическая полиция.

Нет, вы ошиблись! Там жили не малолетние преступники. Дело обстояло куда хуже: в доме содержались лишь те дети, подростки, юноши и девушки, судьба которых была окутана тайной. А так как на шестьсот восемь миллиардов жителей Галактической Федерации насчитывается немало тысяч различного рода тайн, то и детей, происхождение которых не разгадано, существует немало, по крайней мере, достаточно для того, чтобы организовать специальный детский дом, причем расположенный таким образом, чтобы случайный прохожий не мог туда попасть.

Все эти предосторожности диктовались здравым смыслом и несладким опытом, имевшимся в прошлом детского дома, который и в официальных документах, и в обыденной речи посвященных назывался Детским островом.

Кто эти дети, оказавшиеся без родителей и родственников? Что таинственного в их судьбе?

Можно привести несколько примеров, чтобы пояснить, что имеется в виду.

В спальне номер три, которая расположена в здании, примыкающем изнутри к восточной стене замка, между башнями Птичьей и Кривой, стоят кровати трех девушек. Всем им

приблизительно по шестнадцать-семнадцать лет, все они ходят в десятый класс расположенной на Детском острове школы. Все они ничего не знают о своих родителях, и даже Центральный компьютер в Галактическом центре не может с уверенностью сказать, откуда они родом.

...Девушку по имени Ко обнаружили геологи на планете Зрофилла, населенной мирными зеленоногими дикарями. Однажды утром, выйдя из своего бунгало, геолог Картье де Кутурье увидел на ступеньках завернутого в розовое одеяльце младенца, как потом оказалось, женского пола. Младенец, которому от роду было семь месяцев, был сыт, пребывал в отличном настроении, шевелил пальчиками, норовя сбросить шелковое одеяльце, и гугукал. При обследовании девочки обнаружилось, что она относится к виду гомо сапиенс, белокура, голубоглаза, на правой ножке шесть пальчиков. На одеяльце, простынке и даже пеленке, в которую была завернута девочка, были вышиты буквы К и О. Отчего впоследствии девочку и стали звать Ко.

Все попытки выяснить у мирных аборигенов планеты, не знавших еще ни одеял, ни грамотности, откуда могла взяться девочка Ко на пороге геологического бунгало, не дали результатов. Когда же девочку привезли на Паталипутру и тщательно генетически обследовали там, то выяснилось, что, вернее всего, родиной ее является планета Земля, там же изготовлены одеяло и пеленки. Известно также, что до геологов ни один земной корабль не причаливал к планете Зрофилла.

Судьба соседки и подруги Ко по спальне десятиклассниц была не менее загадочна. В двухлетнем возрасте ее нашли на покинутом космическом корабле, который, вернее всего, стартовал с Плутона. Однако этот корабль не был приписан к космопорту этой малопривлекательной планеты и был неизвестен в иных космопортах. На груди малышки на золотой цепочке висел золотой медальон, внутри которого находилась старая почтовая марка с островов Зеленого Мыса.

Девочку условно назвали Вероникой, потому что так звали мать капитана патрульного корабля, который наткнулся в космосе на покинутое судно.

Третью девочку в той спальне прозвали Саломеей. У руководителей ИнтерГпола были некоторые подозрения по поводу ее происхождения, но наверняка утверждать что-либо было невозможно. Девочку обнаружили в подвале Института времени в Бейруте. Судя по обрывкам ткани, в которую была завернута трехлетняя девочка, она происходила из древнего финикийского города Библа, однако уверенности в том не было. Высказывались подозрения, что девочку подкинули в машину времени в древней Финикии во время какого-то очередного социального катаклизма. Но как это могло произойти без помощи сотрудников Института времени, непонятно. Ни один сотрудник в таком поступке не признался. Да и некого было подозревать. Девочку назвали Саломеей в память героини романа Флобера.

Можно еще долго продолжать рассказ об обитателях других спален и боксов замка на Детском острове, но ничего нового вы не узнаете — имеющихся примеров достаточно, чтобы понять, почему место для детского дома было выбрано в исключительно уединенном и отдаленном от человеческих маршрутов месте. И поэтому замок Грааля как нельзя лучше подходил к этой цели.

По здравом размышлении создатели этого необычного детского дома решили как можно тщательнее изолировать несчастных сирот, потому что понимали, какую страшную опасность для Земли и всего человечества могут таить эти дети. Ведь Галактика — это не только полигон, на котором проверяются способности цивилизаций к дружбе и сотрудничеству. Та же Галактика давала, к сожалению, жизнь страшным тиранам и агрессивным замыслам, ставившим под угрозу само существование разумной жизни во Вселенной. И нет никаких гарантий, что рок в будущем не предпримет новых попыток подобного рода. Для того чтобы уменьшить опасность появления и торжества злобных сил, и существует Галактическая служба безопасности, а также соперничающий с ней ИнтерГпол. Если первая взяла на себя охрану Федерации от космических заговоров и вторжений, то ИнтерГпол занимается локальными, большей частью уголовными проблемами, разыскивая и нейтрализуя преступников и преступные замыслы. Но кто может сказать, где проходит черта между вселенским вторжением и его зародышем — одним убийством на отдаленной планете?

ИнтерГпол взял шефство над Детским островом, ибо каждый его обитатель, неся в себе загадку, смысла и значения

которой не осознавал и сам, мог в любой момент превратиться в угрозу для людей.

Почему и как — это мог решить лишь ИнтерГпол, если вовремя принимал меры.

А ведь примеры тому уже были...

Поначалу еще маленький, уютный Галактический детский домик построили под Лондоном в поселке Бромли, и сиротки свободно общались со своими сверстниками из окружающих кварталов, играли с ними в крокет и гуляли под замшелыми вязами поселкового парка.

Через некоторое время на окрестных фермах начался падеж домашнего скота. Коровы и овцы были фактически обескровлены. Ветеринары ломали себе головы, что же могло произойти. Но ответа не нашли. И вот случилась настоящая трагедия: в поле, возле изгороди, возведенной еще в пятнадцатом веке, было найдено тело сержанта Бейлиза, ветерана ряда космических экспедиций, отважного воина и доброго прадедушки. Белое, словно из мрамора, тело, облаченное в бархатный ночной халат, лежало навзничь. Широко открытые водянистые глаза ветерана были устремлены к звездам. Ни единой капли крови не осталось в его кровеносной системе.

На этот раз проводившему расследование этой трагедии инспектору бромлеевской полиции У.Э.Хелмсу повезло: возле тела ветерана он обнаружил во влажной почве дренажной канавы отпечаток маленького детского следа. По слепку со следа был изготовлен башмачок, который У.Э.Хелмс в течение нескольких суток примерял всем детям в окрестностях. Под подозрение попали даже лилипуты из бродячего цирка, который приходил в те дни из Лондона в Брайтон и ночевал в окрестностях Бромли. Паника охватила жителей местечка. Матери боялись выпускать детей в школу, взрослые мужчины вооружались бластерами и лучеметами, выходя ночью на прогулку с собакой. Поиски были безрезультатны до тех пор, пока интуиция не привела инспектора к тихому детскому дому. И оказалось, что миниатюрный башмачок как раз пришелся по ноге девчушке по имени Мисс, трехлетнему карапузу, которая таинственным образом была обнаружена в мешке с морковью на военном космическом тральщике «Орион», что особенно удивительно, потому что команда тральщика состояла исключительно из мужчин, ненавидевших морковь.

В детском доме девочка Мисс вела себя тихо, скромно,

улыбчиво, постепенно научилась говорить по-английски, лишь ночной сон ее вызывал опасения у лечащего врача: порой целую ночь девочка могла провести сидя на кроватке, обхватив коленки тонкими ручонками и мерно раскачиваясь. Глазки девочки загорались зловещим оранжевым пламенем, которое, правда, гасло, стоило подойти воспитателю или врачу. Соседки по комнате боялись ее и отказывались с ней жить.

Когда оказалось, что башмачок точно подходит девочке Мисс, инспектор У.Э.Хелмс был в полной растерянности. Как могла такая малютка совершить злодейское преступление, да и ряд других, которые ей приписывали?

Пока суд да дело, крошку поместили в отдельную палату психиатрической больницы, а общество защиты детей подало в суд на инспектора У.Э.Хелмса за особую жестокость по отношению к сиротке.

На третий день сиротка исчезла из палаты. Зато сторож психиатрической больницы был обнаружен под столом в своей сторожке, совершенно обескровленный, со следами укусов на шее.

Только тогда за дело взялись всерьез. Инспектора У.Э.Хелмса заменили комиссар Милодар из ИнтерГпола и несколько экспертов по переселению тел и душ. Малютку Мисс удалось отыскать в брянских лесах, а когда ее подвергли тщательному обследованию, то оказалось, что в ее теле находится переселившийся туда опасный шпион империи Кралаждале, он же жестокий вампир, просыпавшийся по ночам и питавшийся кровью своих жертв.

Разумеется, при таком кратком пересказе многие яркие детали выпадают. Можно было бы подробнее и драматичнее поведать о хроническом малокровии, которое обнаружилось у половины обитателей детского дома, и о крови, запекшейся на устах маленькой хрупкой девочки. Когда ее отыскали, она досасывала жизненные силы заповедного зубробизона. Важно, чтобы читатель понял, насколько опасными могли быть воспитанники детского дома, если позволить им свободно общаться со сверстниками. И надеюсь, достаточно сказать, что случай с девочкой Мисс оказался не единственным в истории Особого детского дома.

Непросто было превратить гуманное учреждение, центр любви и заботы о неизвестных сиротках, в заведение высо-

кой секретности. Порой, как говорил комиссар Милодар, ему так хотелось махнуть рукой на это предприятие и вообще закрыть детский дом для космических сирот, раздать их по желающим, и пускай малютки взрывают кого и когда хотят. А ведь это тоже были не пустые слова: среди воспитанников как-то обнаружился подросток, зараженный редчайшим вирусом пиромании, который, прежде чем его смогли спрятать в особую асбестовую больницу, умудрился сжечь половину города Цинциннати, так как этот вирус позволяет без вреда для его носителя поднимать температуру пальцев до семисот градусов. А вы представляете, что случится с вашим домом, если его погладить пальцем, раскаленным, как расплавленный свинец?

Наконец после долгих споров, в основном негласных, после возмущенных статей в газетах, которые большей частью оставались без ответа, решено было перевести Детский дом на выбранный для этой цели остров Кууси, лежащий в стороне от туристических маршрутов и населенных пунктов. Остров облегчал охрану Детского дома, замок давал возможность обороняться, если кому-то вздумается похитить или уничтожить кого-то из воспитанников, не допускать к детям людей, которые могли бы принести им вред.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что вскоре после завтрака над башнями замка сделал круг личный вертолет командующего силами ИнтерГпола в Северном полушарии комиссара Милодара. Комиссар, почитавший Детский остров своим подопечным хозяйством, примчался туда, бросив все дела, как только получил известия о ночном происшествии на причале.

Комиссар Милодар любил детей. У комиссара Милодара было сильно развито чувство долга. Комиссар Милодар считал Детский остров своим детищем, которое он обязан защищать от всех злодеев Галактики и от которого он обязан был защищать саму Галактику.

Вертолет комиссара Милодара опустился на площадке перед входом в замок. Ворота тут же гостеприимно раскрылись. В них стояла доктор наук Роза Аалтонен, полная, скуластая, добродушная дама с золотым лорнетом, который ей достался от дедушки.

— О, комиссари! — воскликнула финка, выбегая из железных ворот замка. — Какой кауху!

— Да, я с вами согласен, — устало ответил комиссар, который не спал три ночи подряд, выслеживая межпланетную банду, спекулировавшую мамонтовыми бивнями. Лишь таинственное происшествие на Детском острове смогло вырвать его из редких и долгожданных объятий Морфея.

Директриса Аалтонен смахнула набежавшую слезу.

— Вероника... очень войн пахойн, понимаешь?

— Плохо себя чувствует? Ну хорошо, я все равно должен буду поговорить с ней.

Комиссар Милодар почти не знал финского языка, директриса Аалтонен в стрессовые минуты забывала все остальные языки, кроме финского.

Милодар быстрыми шагами направился внутрь замка. Директриса гулко шагала сзади и громко переживала на смеси финского и прочих языков.

Уверенными шагами комиссар пересек двор замка и вошел в учебный корпус, который примыкал к восточной стене. По узкой лестнице (ее ступени были выточены из гранита) Милодар взбежал на второй этаж, проследовал узким коридором к кабинету директрисы и возле него замер, словно налетел на препятствие, и вытянулся как матадор, пропуская вперед величественную даму.

Затем быстро обернулся — конечно же, все двери из классов в коридор были приоткрыты и в них замерли многочисленные любопытные детские рожицы. Комиссар Милодар отдал честь сиротам, и все двери в классы тут же захлопнулись.

Директриса уже уселась за свой стол, на котором стояло лишь пресс-папье в виде бронзового медведя, придавившее стопку листков и фотографий. Она указала Милодару на удобное кресло. Затем по просьбе высокого гостя поведала ему такую странную историю.

Некоторое время назад директриса обратила внимание на то, что воспитанница Вероника ведет себя нервно, плохо спит, видит во сне кошмары. Она стала невнимательной на уроках и даже начала грубить преподавателям и своим подругам. Налицо был тяжелый клинический случай влюбленности, возможно, неудачной. Следовало проверить, в кого влюбилась Вероника. Сначала директриса спросила об этом соседок Вероники по комнате. Правда, она не ожидала, что те легко сознаются и выдадут сердечные тайны подруги товар-

ки. Но иритис — не пытка. Так что директриса под разными предлогами вызвала к себе всех трех девушек. Первой Ко, потому что она была ближе других к Веронике. К удивлению директрисы, Ко не стала отрицать влюбленности Вероники, но уклонилась от ответа на вопрос, кто объект ее страсти. «Подумай, — говорила директриса, — это может быть опасной болезнью. Вдруг молодой человек не может ответить взаимностью? Вдруг у него уже есть семья?» После этих провокационных слов директриса замерла, ожидая, что, возражая, Ко проговорится. Но Ко совершенно спокойно ответила, что Веронике ничего подобного не угрожает. Ее возлюбленный доступен только ей одной и ни с кем ее не делит. «Как его зовут?» — спросила директриса, не надеясь на положительный ответ. Но Ко спокойно ответила, что зовут его Джон Грибкофф. Такого персонажа на острове и даже среди тех людей, которые время от времени по делам посещали остров, директриса не обнаружила и сочла ответ Ко лукавством. Несколько расстроенная таким поведением Ко, директриса вызвала к себе другую соседку Вероники — Саломею.

— Саломея, друг мой, — обратилась к девушке директриса. — Скажи мне, не влюбилась ли в кого-нибудь Вероника?

— О да, — сразу согласилась Саломея. — И это прекрасно!

— Как есть его имя? — спросила директриса.

— Его зовут Джон Грибкофф, — ответила Саломея, потупя глаза, потому что она была моложе своих соседок и еще ни разу не влюблялась.

— Где он живет? — спросила директриса.

— Я полагаю, что в своем дворце, — сказала Саломея.

— Далеко ли его дворец от нашего Детского острова? — спросила директриса.

— О да! — искренне откликнулась Саломея.

Но более ничего конкретного ответить директрисе не смогла.

Слушая директрису, Милодар тосковал, потому что время утекало между пальцев, а широколикая директриса рассказывала крайне обстоятельно. В то же время он был убежден в том, что, не прояви директриса такой педагогической активности, вернее всего, роман Вероники и таинственного поклонника не принял бы драматических форм. Но что делать — директриса всегда действовала строго по инструкции.

А инструкция требовала расследовать любое необычное явление в жизни Детского острова.

Убедившись в том, что Вероника влюблена, директриса решилась на разговор с самой ослушницей. По правде говоря, никакого преступления в любви нет, и сама госпожа Аалтонен роковым образом влюблялась, о чем старалась даже не вспоминать. Но память о том трагическом увлечении осталась в ненависти директрисы к сахару, компотам, варенью — всему сладкому. Из-за чего страдали дети, потому что в детдоме даже чай был несладким.

Директриса прямо спросила Веронику, что с ней происходит. И Вероника ответила директрисе, что она влюбилась. «В кого?» — спросила директриса. И Вероника ответила, что она влюбилась в Джона Грибкоффа, вполне достойного человека, холостого и добропорядочного. «Кто же он по специальности?» — спросила директриса, но Вероника отказалась ответить на этот вопрос, заявив, что директриса, наверное, шутит, потому что Веронике кажется странным, что на свете есть человек, незнакомый с Джоном Грибкоффом.

Директриса сделала вид, что удовлетворена объяснениями девушек, но заподозрила, что стала объектом какой-то шутки или даже заговора. Поэтому она тут же направилась в учительскую и спросила там у своих коллег, не слышал ли там кто-нибудь такого имени: Джон Грибкофф.

В большинстве своем преподаватели, воспитатели, охранники Детского острова были молодыми людьми, и все они воскликнули буквально хором:

— О, несчастный Джон Грибкофф!

После ряда расспросов директрисе удалось выяснить, что Джоном Грибкоффом называли идола молодежи, авангардистского певца и танцора родом из Мелитополя. Его хиты, такие, как «Не казни меня живого» и «Чашка кофе в моем кармане», запали в душу миллионам его почитателей...

— Как он проник на наш саари? — строго спросила директриса.

— Ах, он не проникал, — с сожалением воскликнула преподавательница латыни Ларисочка Катулл. — Он погиб, прыгнув с парашютом на вершину Эвереста, ровно три года назад.

— Погиб? — ахнула директриса.

И, не откликнувшись на удивленные возгласы в учитель-

ской, она немедленно покинула комнату и уединилась в своем маленьком кабинете.

Случилось то, чего она боялась все годы своего правления на Детском острове: в его мирную размеренную жизнь вмешалась мистика. Каждый преподаватель понимает, насколько мир живых и мир мертвых близко соприкасаются в сознании ребенка. Ребенок же, заточенный злой волей судьбы на Детском острове, тем более может оказаться игрушкой в лапах злобных сил, которые тянутся с того света. Директриса надеялась, что остров хорошо защищен от гномов, троллей и злых эльфов. Но на деле обнаружилось, что это не так. Вот она, чернокудрая Вероника, — кто мог подумать, что у нее в семнадцать лет уже наметилась связь с инкубом? Или, может быть, эти полумертвецы зовутся иначе?

Перед директрисой встала задача всерьез разобраться в этой страшной истории. И как ни тяжело было ее деликатной натуре беседовать с воспитанницей о неприятных вещах, долг приказывал ей продолжить беседу.

Директриса подстерегла Веронику, побледневшую, похудевшую и похорошевшую, у входа в столовую и попросила уделить ей несколько минут для секретного разговора.

Для этой цели на Детском острове использовали розарий, разбитый как раз за южной башней.

Вероника покорно пошла за директрисой, ничем не выказывая страха или смущения. И вот, собрав в кулак свою волю и знание русского языка, директриса сказала, глядя на воспитанницу внезапно запотевшими очками:

— Твой роман с одним молодым... киолют...

— С мертвецом, — улыбнувшись, подсказала ей Вероника.

— Вот именно, киолют, — представляет большую тревогу для воспитательского корпуса нашей коулу.

— Получается школа мертвецов, — пошутила Вероника, чем вызвала в глазах доброй директрисы неподдельный ужас.

— О нет! — ахнула директриса. — Я спрашиваю о самом настоящем! Неужели ты полюбила мертвого человека?

— Мне трудно поверить в то, что он мертвый, — произнесла Вероника. — В моей памяти он навсегда останется живым. Вы знаете, что он разбился вдребезги о вершину Эвереста, но в тот момент он продолжал петь свой последний хит.

— О да! — согласилась директриса. — Но это не есть настоящая раккаус. Это есть игра в любовь?

— О нет! — возмутилась Вероника. — У нас с Джоном все так серьезно! Он обещал на мне жениться. Он поможет мне бежать из вашей проклятой тюрьмы.

— Но что же ты называешь ванкила? — спросила директриса. — Наш родной Детский остров?

— Ах, как он нам всем надоел! — воскликнула Вероника.

— Не может быть!

— Может, госпожа Аалтонен, может.

— Это не ванкила, а место для развития творческих сил...

— Значит, я могу отсюда уехать?

— Ни в коем случае.

— Почему же?

— Потому что твое образование не завершено.

— Ну вот, такая взрослая, а врете, — ответила Вероника. — Просто вы все, люди, нас боитесь. Вам неизвестно, что во мне скрывается. Вы трепещете и бережете от нас свои вещички. А вот Джон Грибкофф никогда ничего не боится. Он может на мне жениться в любой момент.

— Нельзя!

— Почему же?

— Ты подумала, какие у вас будут дети?

— Наверное, такие же смелые, как мой Джон.

— Но ведь он есть мертвый.

— Это для вас он мертвый, а для меня — совершенно живой, — не сдавалась девушка.

— Это трагедия! Я запрещаю тебе к нему приближаться!

В волнении, охватившем директрису, она даже забыла спросить, каким образом Вероника познакомилась со знаменитым мертвецом и как он проникает на остров. Но за нее эту проблему разрешила сама Вероника.

— Госпожа Аалтонен, — попросила она директрису. — Я предлагаю вам заглянуть к нам в дортуар, и там я вас представлю Джону. Думаю, что он вам понравится, а что вы ему понравитесь — в этом нет никакого сомнения.

— Ах! — сказала директриса. Она была близка к обмороку, ибо как опытный педагог знала, что не имеет права падать в обморок в присутствии своей подопечной. И как ей ни было страшно, она согласилась последовать за Вероникой в каменный флигель, где располагались девичьи спальни.

Когда они пересекли двор замка, начался мелкий холодный дождь — осень постепенно вступала в свои права, и вскоре

дни станут совсем короткими и тоскливыми. Возобновятся попытки побегов с острова, заявятся, отдохнув на Гавайских островах и в Каннах, группы психологов и физиков, чтобы изучать и мучить сироток, с целью разгадать их загадки, даже когда этих загадок нет. И эта перспектива наполняла сердце директрисы печалью, потому что она любила своих подопечных и переживала вместе с ними то, что им приходится служить подопытными кроликами.

Вот и сейчас — совершенно очевидно, что придется столкнуться с какой-то патологией и эта милая Вероника из прилежной, правда, не очень яркой ученицы десятого класса превратится в чудище, объект для недобрых психиатров или духоизгонятелей.

Они вошли в просторную комнату, где обитали три девушки. Высокое, частично забранное витражом окно, выходившее на озеро, было приоткрыто — девочек воспитывали в непритязательной суровой обстановке, зато никто из них никогда не простужался и не страдал болезнями дыхательных путей.

Комната была пуста — подруги Вероники были на занятиях.

Разумеется, директриса не раз бывала в дортуаре старшей группы, но обычно она интересовалась лишь, соблюдаются ли там чистота и порядок.

На этот раз она сразу направилась к кровати Вероники, которая стояла в отдалении от других кроватей, — места хватало всем, так что девушки могли создать себе в комнате уголок по вкусу.

В глаза директрисе сразу бросился портрет странного молодого человека, прикрепленный к стене таким образом, что, возлежа на узкой девичьей койке, Вероника могла непрерывно им любоваться.

Портрет изображал почти обнаженного мускулистого молодого человека ярко-лилового цвета с желтыми полосами, нарисованными на животе и груди. Одежда молодого человека состояла из коротких шортов, блестящих черных сапог и черной маски, скрывавшей верхнюю половину лица.

— Это он? — в ужасе воскликнула директриса, которой нравились иные мужчины.

— Да, — просто ответила Вероника. — Это и есть Джон Грибкофф, и я его безумно люблю.

— Но его на самом деле нет? — спросила директриса.

— Но он есть и на самом деле, — ответила Вероника.

— Где же он живет?

— Он живет между миром живых и мертвых, он живет в туманной бесконечности, ему там страшно скучно, и он хочет со мной дружить. Разве это плохо?

— О, эй! — воскликнула директриса. — Пожалуйста, пускай он живет там, где он живет, но только я не хочу, чтобы он беспокоил твои хермо.

— Что? — удивилась Вероника. — Может быть, я вас не точно поняла?

— Напомни мне русское слово для это понятия, — взмолилась директриса. — Это то, за что дергают.

— Хер-мо?

— Да, да! Нервы!

Директриса подошла к портрету. Она была вынуждена признать, что, несмотря на дикую раскраску, Джон Грибкофф производил впечатление гармоничного молодого человека.

— И как ты с ним познакомилась? — спросила госпожа Аалтонен. — Если это не секрет.

— Тут нет никакого секрета, — ответила Вероника. — Сначала я увидела его снимок в журнале, и мне он понравился. Потом мне попалась видеокассета с его концертом, и я подумала: вот в кого бы мне влюбиться! А потом он стал ко мне приходить.

— Как так? — Директриса, успокоившаяся было, встрепенулась. — Куда приходить?

— Сначала во сне, — ответила Вероника. — Но мне этого было мало. Мне хотелось до него дотронуться.

— Но ты знала, что он мертвый?

— Он не совсем мертвый, — терпеливо разъяснила девушка. — Все, кто попадает на вершину Эвереста, остаются в значительной степени живы.

— Хорошо, — не стала спорить директриса. — Значит, обнаружилось, что твой избранник в значительной степени жив и готов тебя трогать?

— Вы совершенно правы, госпожа Аалтонен, — согласилась девушка.

— И у вас есть... кохтаус?

— Простите, госпожа директриса. Я не совсем поняла, на

что вы намекаете, но надеюсь, что вы не имеете в виду ничего неприличного?

— О нет! — Теперь наступила очередь смущаться директрисе. — Кохтаус — это когда два человека только видят друг друга, но ничего больше не делают.

— Так у нас и было, — согласилась Вероника. — Но, честно говоря, мне хочется, чтобы Джон Грибкофф сделал со мной что-нибудь еще... более энергичное. Мне же семнадцать лет, и одного кохтауса мне недостаточно.

Директриса почувствовала облегчение, потому что происшествие, как оказалось, пребывало в рамках допустимого. Подобные случаи в детском доме уже бывали. Воспитанники и воспитанницы устраивали романы между собой, был даже случай, когда воспитанница соблазнила преподавателя черчения. Что же касается влюбленности в актеров, спортсменов и телевизионных полицейских, то подобные случаи происходили довольно часто.

Директрису смущало только, что возлюбленный Вероники уже умер и никто этому не удивляется. Надо будет проверить с психиатром, не зарождается ли в девушке болезнь некрофилия, то есть любовь к мертвецам.

— И где же вы делаете... кохтаус? То есть встречаетесь? — спросила директриса.

— К сожалению, госпожа Аалтонен, я не смогу вам ответить на этот вопрос, — сказала Вероника. — Потому что вы мне наверняка запретите наш кохтаус.

Вероника уже сомневалась в том, что под словом «кохтаус» скрывается всего-навсего «свидание».

— Но ведь это шутка, игра! — воскликнула директриса, зная уже, что совершает ошибку. Если ты имеешь дело с человеком, у которого есть мания — какая угодно: любовная, национальная или идейная, — надо с ним если не соглашаться, то по крайней мере не спорить.

— Для вас, может быть, и шутка, — спокойно ответила девушка. — Но для меня переломный момент в жизни. Может быть, я убегу от вас вместе с Джоном. Он уговаривает меня бросить вашу школу.

— И где же вы будете жить?

— У Джона осталось несколько замков и летних домиков. Может быть, мы с ним побудем на Таити.

— Голубушка, — рассердилась директриса. — Какой еще Таити? Твой Джон умер, разбился, ты же сама сказала!

— Что-то разбилось, а что-то для меня осталось, — загадочно произнесла Вероника, взяла с тумбочки небольшую фотографию своего возлюбленного и поцеловала ее. После этого она протянула ее директрисе со словами: — Поглядите.

Поперек фотографии было написано размашистой рукой: «Моей возлюбленной Веронике от верного ей Джона Грибкоффа». И дата: «6 сентября». Две недели назад.

— Ясно, — сказала директриса, возвращая фотографию и тяжело вздыхая. Она не думала раньше, что Вероника — такая лгунишка. Самой подписать себе фотографию — как это пошло!

В то же время маленькая ложь тщеславной девушки чем-то успокоила директрису. Если Вероника идет на такие наивные хитрости, значит, опасности для ее жизни и жизни человечества пока нет. Хотя, конечно, девочка требует к себе повышенного внимания — такой возраст... что поделаешь!

— Вероника, — сказала директриса, — я тебя понимаю. Трудно девушке в таком возрасте находиться в четырех стенах, даже если это золотые стены. Но ты знаешь, что с окончанием школы заканчивается и исследование тебя. Мы будем надеяться, что твои родители будут найдены и откроется тайна твоего происхождения. И ты вернешься в свою семью или, если захочешь, продолжишь свое образование на Земле.

— А вот это никому не известно! — резко возразила Вероника, и ее щеки окрасились ярким румянцем. — Откуда мне знать, что я — обыкновенный человек? А вдруг во мне таится чудовище? Или страшный микроб? Или по достижении совершеннолетия я взорвусь, подняв в воздух весь ваш любимый остров?

— О нет! — воскликнула директриса, которая и сама всегда жила в ужасе от такой возможности. — Это так на тебя не похоже, Вероника! Ведь ты всегда была хорошей пейти!

— Была, да кончилась, — сурово ответила Вероника. Она обратила свой воспаленный взор к большому портрету лилового красавца и воскликнула: — О мой Джон, ты один во всем свете не боишься меня, ты один мне доверяешь! О, как я устала жить в роли потенциального чудовища, быть чужой среди людей, к которым я так стремлюсь всем сердцем. Я хочу быть обыкновенной девушкой, я хочу целоваться с про-

стым сельским парнем, но даже здесь судьба смеется надо мной — из всех возможных поклонников мне достался лишь один — труп, разбившийся вдребезги о вершину Килиманджаро!

— Эвереста, — поправила воспитанницу памятливая директриса.

— Ах, какое мне дело до того, как называется та гора, которая подставила под твое мягкое тело свои острые скалы! И ты остался лишь видением... Но и этого мне не дано! И это у меня отбирают!

— Никто не отбирает его у тебя, — откликнулась директриса. — Ты вольна любить этого Джона. Только не принимай так близко к сердцу. Учись, гуляй, играй в подвижные игры... никто не будет тебе мешать. Ведь нас беспокоит лишь твое душевное состояние!

Но Вероника не слушала добрую директрису. Она рухнула на кровать и залилась горькими слезами.

* * *

Комиссар Милодар внимательно слушал рассказ директрисы. Он поднялся, подошел к окну и стал вглядываться в озерную даль, затянутую мелким дождем.

— И что же заставило вас не поверить девушке? — спросил он наконец.

— Как вы догадались, что я не поверила?

— Иначе зачем вам ночью бегать по острову?

— Тьетенкин, — согласилась директриса. — То есть разумно с вашей стороны. Я не до конца поверила девушке. Потому что я просила врача усилить наблюдение за этим ребенком...

— Сколько ребенку лет?

— Семнадцать по земному счету. Но мы не знаем, сколько по ее счету.

— Надо бы раньше выпускать ваших птенчиков на волю! Они застаиваются в гнездышке.

— О, я вас понимаю! Но есть указание ИнтерГпола задерживать пребывание сирот на Детском острове до последней крайности. Сироты должны быть идентифицированы.

— Как? — удивился комиссар.

— Это есть русское слово! — гордо сказала директриса, которой не всегда легко давались очень длинные русские слова.

— Ну да, конечно, — согласился комиссар. — А я уж было решил, что чукотское.

Директриса не оценила юмора и продолжала свой рассказ:

— Рапорт врача сообщил, что душевное состояние Вероники остается напряженным. Что ей свойственны резкие перепады настроений.

— Может быть, это возрастное? — спросил комиссар.

— Нет, доктор полагает, что это связано с активным романом. Что он либо существует, либо почти существует.

— Что говорят воспитанницы?

— Они буквально заворожены тем, что у Вероники происходит роман с самым настоящим таинственным мертвецом.

— Они в это верят?

— Все без исключения!

— И не шокированы этим?

— Наоборот, комиссар. У нас особенный контингент сирот. Они чувствуют себя мизерабль.

— Это по-фински?

— Нет, это название романа французского писателя Виктора Гюго.

— Вы хотите сказать, что они верят Веронике назло вам, госпожа Аалтонен?

— Нет, не мне, — твердо возразила директриса. — А вам, господин комиссар. Всей бесчеловечной системе, которая заточила на острове детей, и без того лишенных родительской ласки.

Директриса смахнула случайную слезинку. Комиссару стало неловко, будто это он придумал такую жуткую долю для детишек.

— Продолжайте, — отрезал он.

Директриса пожала плечами, и комиссар понял, что душой она остается на стороне сироток и потому ее пора менять: при таком эмоциональном состоянии руководителя колонии недолго и до беды. Под грубой, массивной, широкоскулой, белоглазой оболочкой директрисы трепетало слишком чувствительное сердце. Если та же Вероника окажется опасной, директриса может закрыть на это глаза из жалости к девушке. К сожалению, жалость — это личное чувство, а на директрисе лежит ответственность за судьбы детей и Земли в целом.

Сделав мысленно зарубку в памяти — приговор директрисе, Милодар дослушал рассказ.

Оказывается, вчера ночью дежурная по дортуарам старших групп сообщила ей, что Вероника только что покинула свою спальню и пробирается к выходу из замка. Старшие группы знали все секреты замка и отлично понимали, что его неприступность и древность лишь кажущиеся. На самом деле опытный человек может выбраться из замка и незаметно возвратиться в него в любой момент.

Пока Вероника спускалась на кухню, чтобы оттуда через склад подземным ходом выбраться за ворота, директриса, не поднимая лишнего шума, надела серый плащ и последовала за Вероникой. Директриса понимала, что девушка задумала нечто запретное, но не знала еще, насколько запретное.

Вероника, несмотря на ужасную погоду, одетая лишь в пеньюар, сбежала к причалу, и там, как оказалось, в сторожке возле причалов ее ждал некий молодой человек, показавшийся директрисе весьма темнокожим. И хоть в последующих событиях директриса не имела возможности тщательно рассмотреть охальника, она могла бы поклясться, что молодой человек как две капли воды похож на покойника, чей большой портрет висит над кроватью Вероники. Более того, директриса могла поклясться, что роман Вероники с покойником зашел так далеко, что если бы не своевременное вмешательство госпожи Аалтонен, Вероника наверняка лишилась бы девичьей чести, которую она охраняла совсем не так тщательно, как положено это делать девицам семнадцати лет.

Но вот дальнейшие события директрисе были непонятны и ее пугали.

Насколько она смогла увидеть, моторка, на которой пытался скрыться покойник, перевернулась, и фиолетовый любовник скрылся в волнах Ладожского озера. Утонул ли он в ледяной воде или смог выбраться, оставалось тайной. По крайней мере, после того, как директриса утащила в замок плачущую Веронику, она подняла по тревоге спасательные службы озера. Но ни остатков лодки, ни тела покойника отыскать не удалось. Если Джон Грибкофф погиб вторично, то на этот раз бесследно.

Вся эта история и заставила директрису в тот же день связаться по инструкции с ИнтерГполом и лично с комиссаром Милодаром.

Комиссар Милодар внимательно выслушал сообщение директрисы, которая очень боялась, что комиссар поднимет ее на смех.

Ничего подобного. Милодар бросил все свои дела и немедленно прибыл в детский дом.

— Да, — сказал он, когда директриса завершила рассказ. — И что же вы думаете?

— Ничего уже не думаю, — призналась госпожа Аалтонен. — Я видела черт знает что, я слышала черт знает что, и мне хочется поскорее уйти на пенсию, уехать на острова Зеленого Мыса и открыть там школы для одаренных детей-акварелистов.

Милодар посмотрел на директрису в изумлении, но промолчал, потому что и сам ловил себя в последнее время на желании бросить все к чертовой бабушке и заняться поисками подводных сокровищ, утерянных испанскими галионами по пути из Панамы к Барселоне.

— Тогда, — произнес комиссар Милодар, — нам ничего не остается, как побеседовать с потерпевшей.

Директриса понимала, что комиссар прав, и, тяжело вздохнув, повела его через двор во флигель, примыкавший к восточной стене замка, где располагались спальни воспитанников.

* * *

Вероника, пробыв два часа в лазарете, где выяснилось, что ничто в ней не повреждено, возвратилась к себе в комнату. Где и улеглась на постель, потому что была на тот день освобождена от занятий.

Она лежала на постели, закрыв глаза и отказываясь принимать пищу, даже компот из ананасов без сахара, к которому она была весьма неравнодушна.

На соседней кровати сидела девушка по имени Ко, читавшая книгу Достоевского «Идиот», что говорило о хорошей постановке образования на Детском острове.

Девушка Ко произвела на комиссара двойственное впечатление. С одной стороны, она была робкой, — даже встав, чтобы поклониться комиссару и госпоже Аалтонен, она не посмела поднять взор. Но когда через несколько минут он

перехватил ее взгляд, тот удивил его смелостью и даже некоторой наглостью.

Несмотря на то что девушки Ко и Вероника, занимавшие соседние койки в дортуаре, были совершенно различны, опытный взгляд комиссара Милодара уловил близкое между ними сходство. Ко была голубоглазой блондинкой — ее пышные пшеничные тяжелые волосы никогда не знали еще краски или парикмахерских щипцов. Вероника же, лежавшая на кровати с закрытыми глазами, была пышноволосой брюнеткой, и цвет ее глаз был неизвестен. Но размером и фигурами девушки были удивительно схожи.

— Простите, — сказал комиссар Милодар, — простите за вторжение, однако нас привело к вам чувство долга.

— Ой, конечно же, садитесь, — сказала Ко, откладывая Достоевского в сторону. — И вы, госпожа Аалтонен, присаживайтесь. Мы вас ждали.

Говоря так, Ко сквозь опущенные ресницы разглядывала комиссара.

Комиссар Милодар был невелик ростом, отчего многим людям казался схожим с небольшой хищной птицей, допустим, соколом. Этому способствовало и то, что его крупный крепкий нос чуть загибался к концу, создавая впечатление клюва. Небольшую голову комиссара венчала копна черных с проседью курчавых жестких волос. Женщины, которые любили комиссара Милодара, а его любили многие женщины, более всего стремились запустить пальцы в его жесткую шевелюру. На смуглом лице комиссара горели светло-карие, почти желтые, кошачьи, а может, тоже птичьи глаза, которые, казалось, пронзали собеседника и утверждали: «Я вижу тебя насквозь, негодница!»

Ко невольно насторожилась.

Но тут комиссар засмеялся, и лицо его, такое жесткое и даже суровое, удивительным образом преобразилось. Тонкие лучики побежали от уголков глаз, по-клоунски загнулись углы тонких губ, даже нос потянулся кончиком кверху — милее и добрее Ко не приходилось видеть человека.

Осторожнее, приказала себе Ко, которая, несмотря на малый жизненный опыт, отличалась наблюдательностью и недоверчивостью ко взрослым. Сверстники могли быть друзьями, взрослые, почти без исключения, относились к сиротам

настороженно, опасливо и неискренне. Даже если при этом мило улыбались.

— Вероника! — воскликнул комиссар, подходя к ее кровати. — Я пришел помочь тебе. Лежи, лежи, не поднимайся, у тебя нервный срыв. Мой долг тебе помочь.

Вероника открыла синие глаза — они оказались у нее такими же, как у Ко. Только у Ко они были поярче и повеселее.

— Чем же вы мне поможете, господин, имя которого мне забыли сообщить?

— Ах, это мое упущение! — воскликнула добрая госпожа Аалтонен. — Я не представила вам комиссара Милодара, одного из руководителей ИнтерГпола, который расследует дело о нападении на тебя, дорогая Вероника.

— Как приятно, что обо мне беспокоятся такие высокие начальники, — ответила Вероника. — Но я ничем вам не могу помочь. Я находилась в припадке лунатизма, а когда очнулась, то рядом со мной была госпожа Аалтонен. Она вам все и расскажет.

— Она мне все рассказала, — признался комиссар. — Но как вы можете догадаться, ее рассказ меня не удовлетворил. Так что придется выслушать и вашу версию. Гарантирую полную конфиденциальность. То есть тайну исповеди.

— Мне выйти? — спросила Ко.

— Наоборот, мне вы нужны, как лакмусовая бумажка. Я буду слушать, что говорит Вероника, и поглядывать на вас. И по вашему лицу, может, смогу определить, когда Вероника говорит правду, а когда лжет.

— Ну тогда я точно уйду! — Ко отбросила книгу и вскочила.

«Ого, — подумал Милодар. — Сейчас в ней, наверное, метр восемьдесят. И она еще не перестала расти. Чертова акселерация! Когда же она прекратится? Все девушки выше меня ростом!»

— Ты испугалась, что Вероника будет врать мне? — спросил Милодар, не скрывая усмешки сатира.

— Нет, почему вы так решили! — Ко была смущена.

— Оставайся, Ко, они хотят нас запугать, — попросила Вероника.

— Ничего подобного! — возмутилась госпожа Аалтонен.

— Как мне все это надоело! — Вероника не обратила внимания на возглас директрисы. — Сплошные допросы, подоз-

рения, преследования! Не успеешь влюбиться, как вокруг уже начинают принимать меры!

Она была в тот момент удивительно хороша. Синие, как аквамарины, глаза излучали ослепительный гнев, ресницы превратились в стаи черных стрел, нацеленных в сердца обидчиков, черные кудри разметались по плечам, щеки порозовели, а нос побелел.

Милодар терпеливо ждал ответа, а для этого Вероника должна была успокоиться. Когда девушка успокоилась, она сказала:

— Все было бы хорошо, если бы за мной не следили.

— Сомневаюсь, — вдруг вмешалась в разговор Ко. — Ты же сама говорила, что в последнее время Джон стал каким-то нервным, агрессивным.

— Я бы не посмела войти в сторожку, — произнесла директриса, — если бы вы, Вероника, не взывали о помощи изнутри.

— Я взывала о помощи совсем не для того, чтобы мне ее кто-нибудь оказывал. Неужели вы, прожив долгую жизнь, до сих пор об этом не знаете?

— Я знаю, что я должна верить людям, — ответила госпожа Аалтонен со свойственным ей чувством собственного достоинства. — Если мне кричат «помогите!» — я спешу на помощь.

— А если он утонул на самом деле? — спросила Вероника. Глаза ее наполнились хрустальными слезами, высокая грудь нервно вздымалась. — Кто будет нести ответственность?

Директриса была в растерянности. Она лишь захлопала белыми ресницами, развела руками. Но на помощь ей пришел комиссар Милодар.

— Я полагаю, — сказал он, выходя на середину комнаты, чтобы лучше разглядеть портрет Джона Грибкоффа, — что ответственность за его смерть несет гора Эверест. Ладожское озеро тут ни при чем.

— Почему? — удивилась Вероника.

— Потому что, надеюсь, вашего Джона в свое время надежно похоронили. Или вы будете утверждать, что он — привидение?

— Я не знаю...

— Ваши сказки годятся лишь для романтических девиц и доверчивых дам-учительниц. Вы даже толком не продумали

свою ложь, — сказал комиссар. — Вы не готовы к допросу. А я сейчас попрошу всех выйти из комнаты и начну допрашивать вас одну так, как это принято в ИнтерГполе, когда мы имеем дело с особо опасными инопланетными преступниками.

— Ой, не надо! — взмолилась Вероника.

— Вы не посмеете! — воспротивилась директриса. — Она еще почти ребенок!

— Мы убежим, — заявила Ко. — И будем жить в лесу. Пускай нас сожрут комары.

Милодар с интересом взглянул на подругу Вероники. Помимо того, что у них глаза были одного цвета, они были схожи стройными гибкими фигурами и высоким ростом. Но Милодар никак не мог решить, какое сочетание ему больше нравится: синие глаза и черные локоны Вероники либо пшеничные кудри и васильковые очи Ко.

— Тогда, — сказал Милодар, сменив тон на мирный, — временно мы не будем никого допрашивать, а пойдем гулять. Где у вас тут гуляют?

Женщины смотрели на комиссара, широко открыв глаза. Предложение было по крайней мере неожиданным.

— Может быть, мы посмотрим на ваш причал? — спросил Милодар.

— И на сторожку, которая разрушилась от ветра, — сказала Ко, которая была сообразительнее остальных.

— Только одевайтесь потеплее, — сказал Милодар, — и возьмите с собой зонтики. Собирается дождик.

Через несколько минут мирная группа гуляющих покинула замок.

Дождик не собрался, облака разогнало ветром — над Ладогой погода неустойчивая, порой за полчаса может измениться три раза.

На поляне, расчищенной от валунов перед входом в замок, несколько мальчишек из младшей группы под наблюдением высокого, в очках, физкультурника гоняли мячик. Молодой человек поклонился директрисе и Милодару. Его движения выдавали в нем хорошего спортсмена, а манеры — воспитанного джентльмена.

— Это наш тренер Артем Тер-Акопян, — сказала директриса. — Бывший вице-чемпион мира по серфингу. Он пишет поэму о спорте и потому нуждается в тихом уютном мес-

те для творчества. Мы предложили ему место физкультурника вместо перешедшей в балет Людмилы Георгиевны.

Физкультурник исподтишка бросил выразительный взгляд на девушек, те потупили глаза.

Милодар отстал на три шага от остальных, поднес к губам браслет часов и произнес шепотом:

— Вернисаж. Вызываю Узкое.

— Узкое на связи, — шепнул в ответ браслет.

— Проверьте, насколько лоялен преподаватель физкультуры на Детском острове по имени Артем Тер-Акопян.

— Проверен по форме шестнадцать, — ответил браслет.

— Вы свободны, — сообщил браслету Милодар. Он был разочарован, потому что предпочел бы разоблачить галактического шпиона. Так проверяли разведчиков, засылая их в Черную империю. И ни один еще не был разоблачен.

Миновав футбольную лужайку, процессия направилась вниз, к причалу.

— Рассказывайте по мере того, как мы будем спускаться, — приказал Милодар.

— Я спускалась здесь, — произнесла Вероника, — потому что в моей спящей душе звучал приказ спешить к причалу. Он увлекал меня. Я была бессильна ему сопротивляться...

— Она была в белой ночной рубашке, — сказала директриса. — Это ужасно!

— Как? — удивился комиссар. — На свидание в таком виде?

— А что поделаешь, если мертвец вытаскивает тебя из постели, забыв разбудить? — вмешалась Ко. — Я бы умерла от страха.

Они шли с Вероникой рядом, держась за руки, и так как были облачены в одинаковую детдомовскую одежду — серые платья в талию со строгими белыми воротничками, — то различались только цветом волос, во всем остальном казались близняшками.

— Я не помню, в чем была, — призналась Вероника. — Я шла как во сне.

— Вам было неприятно подчиняться воле этого чудовища? — спросил Милодар.

— Но я же не знала, что он — чудовище! — удивилась Вероника.

— Разумеется, чудовище. Ты бы слышала свой испуганный голос, моя крошка, — подтвердила директриса.

— И к тому же ты бежала босиком, — сказал Милодар, будто был свидетелем той сцены.

— Вы откуда знаете? — спросила директриса.

— Судя по старинным легендам, если девица становится жертвой страшного мертвеца, она бегает к нему на свидания босиком и даже не чувствует, как острые камни уродуют ее ноги!

— О да, — согласилась Вероника. — Я была его рабой. Я не могла сопротивляться. И мои нежные ноги не чувствовали острых камней. Его голос проникал в мое беззащитное сознание. Это был типичный мертвец. Фиолетового цвета!

— Ах! — Ко вырвала руку у своей подруги. Ей стало страшно, директриса закрыла ладонями лицо, но тут же споткнулась о корень сосны и полетела вперед. Комиссар Милодар не сделал и попытки поймать директрису, и этот подвиг выпал на долю Ко, которая успела обернуться, сообразить, что же происходит, прыгнуть рыбкой и принять госпожу Аалтонен на грудь. Чудом массивная директриса не переломила пополам свою тоненькую воспитанницу.

— Простите, — сказал комиссар Милодар, — что я не участвовал в этой сцене, однако для тех, кто еще мало меня знает, я должен сообщить, что перед вами находится не тело комиссара Милодара, а лишь его искусно сделанная голограмма, то есть объемное изображение. Такие меры мне приходится принимать, спасаясь от международного терроризма и некоторых коррумпированных режимов. Я слишком много знаю и слишком многим опасен.

— Мы и не рассчитывали на вашу помощь, комиссар, — ответила госпожа Аалтонен, и они продолжили путь вниз.

Между сосен голубела гладкая поверхность озера. Чудесный прохладный день распростерся над Ладогой.

Вот и берег.

Сосновый бор остался позади. Все было залито скромным светом северного солнца. Справа лежала повалившаяся набок сторожка. Прямо — страшно запущенный причал.

— Вот здесь все и произошло, — сказала директриса.

Девушки послушно остановились в двух шагах от сторожки. Ни страха, ни вины Милодар в них не ощущал, и это его смущало.

— Когда я подошла к сторожке, — сообщила директриса, — Вероника уже была увлечена ее... спутником... соблаз-

нителем внутрь. Ракастайя — это будет приличное выражение?

— Любовник — это всегда неприлично, — ответила Ко, но в ее синих глазах комиссар Милодар уловил веселый блеск.

Вся эта история ему совершенно не нравилась. Нет, не нравилась, потому что была лживой. Он еще не добрался до сути этой лжи, но весь его гигантский опыт по выявлению личной и организованной преступности тревожно предупреждал его: «Милодар, будь крайне осторожен. Возможна ловушка космического масштаба!»

— Я остановилась, — сказала директриса, — и думала, что надо постучать. Но куда стучать?

— И стали подслушивать. Фу, как это некрасиво! — воскликнула Ко.

— Я директриса и обязана слушать для блага Вероники. Если бы я не слушала, ты уже была бы без чести.

— Но я вас не звала.

— Ты кричала и билась, как птичка в сетке!

— Но я не для вас кричала, — обиделась Вероника. — Я для него кричала.

— И все это время вы знали, что он мертвый? — спросил Милодар.

— Разумеется, — после недолгой паузы согласилась Вероника.

— И никаких возражений против поцелуев с мертвецом у вас не было?

— А чем он хуже живых? — агрессивно спросила Вероника.

— И от него этим самым... разложением, тухлятиной не пахло?

— Почему?

— От мертвецов всегда тухлятиной пахнет.

— Только не от Джона Грибкоффа! — заявила девушка. — От него пахло одеколоном «Тореадор»!

— Бывают же исключения, — пришла на помощь подруге Ко.

— Нет, — мягко возразил Милодар. — Исключений, к счастью, не бывает. Но вы продолжайте, продолжайте. Значит, вы вошли внутрь сторожки, а он вас уже поджидал.

— Да, — подтвердила директриса, — он тянул к ней темные руки!

— Фиолетовые руки, — поправила директрису Вероника. — Чудесные фиолетовые руки.

— Как бы боевая раскраска, как говаривали ирокезы, — пояснил Милодар, хотя никто его об этом не просил.

— Он всегда такой.

— Мертвецам этот цвет идет, — согласился Милодар. — И значит, запах от него шел несильный?

— Не было запаха! — возмутилась Вероника.

— А я не спорю. Значит, вы проснулись и принюхались...

— Я не принюхивалась!

— И он заключил вас в объятия?

— Да, да, да! Я уже говорила!

— А объятия были холодные?

— Почему? — не поняла Вероника. — Самые обыкновенные горячие объятия.

— У мертвеца? Он что у вас, с подогревом?

— Но он же не совсем мертвый. Для меня он — как Ленин для коммунистов — вечно живой.

— Но коммунисты с Лениным не обнимаются.

— Не знаю, — сказала Вероника. — Но нам с ним было приятно обниматься. Я имею в виду Джона.

— Спасибо за пояснение, — сказал Милодар. — Значит, нам повезло с мертвецом. Пахнет одеколоном и еще с подогревом.

— Замолчите, какой вы гадкий!

— И что он с вами стал делать в сторожке?

— Он взошел со мной на ложе, — официально заявила девица, — и намеревался меня любить.

— И при этом совершенно не вонял.

— Да что вы с этой вонью к ней пристали! — воскликнула Ко. — Если ей показалось, что не пахнет, значит, это не играет роли.

— Еще какую роль играет! Представьте себе, госпожа Аалтонен не успела бы откликнуться на крики несчастной жертвы...

— Я тихо кричала, — буркнула Вероника. — Я кричала, потому что в таких случаях положено кричать. Знала бы, что вы подслушиваете, взяла бы себя в руки и промолчала.

— Разумно, разумно, — задумчиво произнес комиссар. Он пошел вокруг сторожки, остальные последовали за ним. С дальней стороны находилась полуразрушенная стена.

— Здесь привидение выскакивало наружу? — спросил Милодар.

— О да! — подтвердила его версию мадам Аалтонен. — Он ударил, как будто бульдозер. Есть такое русское слово?

— Еще как есть! — подтвердил комиссар.

— Могли вполне меня и погубить, — добавила Вероника.

— Удивительное привидение, — сказал Милодар. — Не воняет, горячее, как печка, убегает из сторожки, выломав половину стены. А потом?

— Потом он побежал вон туда, — показала директриса. — Там была привязана лодка.

— И привидение, ко всем своим бедам, еще вынуждено было управлять лодкой.

— И притом неудачно, — сказала директриса.

— Он утонул? — спросил комиссар.

— Я надеюсь, что он выплыл, — сказала Вероника. — Вообще-то говоря, он отлично плавает. Мне приходилось видеть, как он плавает.

— И он вернулся к себе в могилу... — завершил беседу Милодар. Затем он обратился к директрисе: — А как вы думаете, где прячутся мертвецы на день?

— Наверно, в земле, — сказала директриса. — Или, может быть, в морге, если его не успели похоронить.

— Вы так себя ведете, словно вы нам не верите, — с осуждением заявила Ко.

— А вы себя ведете так, — ответил Милодар, — будто верите во всю эту чепуху.

— Это не есть чепуха! — неожиданно обиделась директриса. — Я сама его почти поймала. Такой страшный.

— Страшный? — спросил Милодар у Вероники.

— Когда как, — уклончиво ответила девушка.

— Тогда все свободны, — заявил комиссар Милодар.

— Как так свободны? — не поняла директриса. — Вы хотите сказать, что желали произвести наш арест, а затем передумали?

— Все правильно, за исключением ареста, — ответил комиссар. — Девушкам пора приступать к занятиям, вам, госпожа Аалтонен, надо бы вернуться в свой кабинет и подхватить бразды управления Детским островом. А я пойду гулять.

— Но почему? Вы же расследуете очень серьезное дело! — воскликнула директриса.

— Но я же буду очень серьезно гулять, — ответил Милодар. — И очень серьезно думать, как мне разгадать это дело.

Он кинул быстрый взгляд на Веронику. Та наморщила круглый лобик. Решение комиссара ее встревожило. Ко стояла рядом и внимательно смотрела на комиссара. Она, судя по всему, ему не поверила. Ну что ж, сами придумали, сами и расхлебывайте, подумал комиссар.

И, приказав женщинам оставить его одного, комиссар Милодар стоял на месте до тех пор, пока они не скрылись за стволами сосен, сопровождаемые громким карканьем вороны, сидевшей на низкой ветке сосны.

Тогда он и начал свое расследование.

* * *

Комиссар был сторонником классической криминалистики. Подобно деревенскому знахарю или старенькому сельскому доктору, он верил в интуицию и лечил общество с помощью жизненного опыта, знания человеческой натуры, а если надо было — твердости характера и пренебрежения к риску и воплям больного.

Убедившись в том, что никого поблизости не осталось, комиссар осторожно вошел в сторожку. Так как он был голограммой, физическая опасность ему не угрожала, но психологически трудно ползти под упавшими палками, бревнами, досками, которые могут рухнуть в любой момент.

Если бы вы задали комиссару вопрос, что же он ищет, комиссар пожал бы голографическими плечами и ничего не ответил. Он сам не знал. Он искал то, что попадется. А уж из этого он сделает нужные выводы.

В развалинах сторожки было темно, шуршали мыши-полевки. На опрокинутой широкой скамье обнаружился клок белой шелковой одежды. Это был след любви. Он ничего не давал расследованию, лишь подтверждал то, что свидетели говорили правду.

Милодар повторил путь бегства мертвеца из сторожки в сторону причала, для этого ему пришлось проникнуть сквозь доски, дико проломанные телом Джона Грибкоффа. На одном из изломов Милодар обнаружил следы крови с помощью специального малозаметного манипулятора, который, в отличие от комиссара, не был голографическим. Он сложил образец в мешочек у пояса: определение группы крови мертвеца могло помочь следствию и, главное, доказать со всей оче-

видностью, был ли это мертвец либо вполне живой охотник за телами юных воспитанниц.

Милодар выбрался на причал. Дождь и роса смыли следы на досках, и молекулярная собака Милодара не взяла следа. Впрочем — а что его брать, если ясно, что подозреваемое лицо скрылось на лодке. Что было, впрочем, странным решением для мертвеца. Привидениям лодка обычно не требуется, так как любое привидение может пройти по поверхности воды. Да и лодка... Как же он забыл!

Милодар нажал на кнопку браслета часов и попросил дать ему связь с кабинетом директрисы.

— Госпожа Аалтонен, надеюсь, я вам не помешал? — спросил он.

— О нет, вы еще не успели помешать. Я только вернулась. А что у вас есть за вопрос?

— Вы не можете описать мне лодку, на которой скрылся тот человек?..

— О, вене! То есть лодка... Это была голубая вене. У нас такая была для прогулок... я не знаю, теперь не сезон для прогулки...

— У вас лодки с номерами?

— Вы задали правильный вопрос, комиссар! — откликнулась директриса. — Каждая наша вене имеет свой нумеро. Большая цифра, вам понятно?

— Какой номер был на той лодке? Я понимаю, было темно, но все же...

— Нумеро есть очень нехороший.

— Тринадцать?

— Как вы догадались?

— Жизненный опыт, — скромно отозвался комиссар.

Он выключил связь и, внимательно осмотрев причал, легко спрыгнул на берег, усыпанный галькой, затем пошел вдоль воды.

Путь по берегу острова местами был легок, подобно прогулке по Черноморскому побережью, но иногда комиссару приходилось преодолевать немалые препятствия. «Какое счастье, — думал он в таких случаях, — что я всего-навсего голограмма».

В легких местах неширокий пляж, серый от гальки, был ровным, и если на нем попадались коряги, выброшенные штормом, их легко было обойти. Хуже приходилось в тех слу-

чаях, когда к самой воде подходили скалы. Порой Милодар брел по колено, а то и по пояс в ледяной воде, а иногда взбирался на крутой откос.

На узкой оконечности острова сосновый бор сбегал к озеру, так что исковерканные тяжелой жизнью корни громадных деревьев касались воды. Некоторые деревья уже упали, не выдержав испытания ветром и водой. Сюда сверху, от замка, вела узкая заросшая тропинка, которую скорее можно было угадать, нежели увидеть. Пожалуй, подумал Милодар, воспитанники и воспитанницы приюта приходили сюда, чтобы выяснить сложные отношения, а то и помечтать в тишине и одиночестве.

Милодар задержался в этом месте и принялся лазить между перепутанных сосновых корней. Поиски его были не напрасны и вскоре увенчались результатом, к которому Милодар стремился.

Заглядывая в темные ямы между корней и обвалившихся в озеро стволов, под обломками скал и мшистыми валунами, достигающими размеров паровоза, Милодар в тени коряги увидел голубую полоску. Зайдя по пояс в воду, Милодар потянул на себя нос небольшой спасательной лодки, которую кто-то притопил под корягой, полагая, что этим надежно спрятал ее от постороннего взора. На носу была выведена цифра 13.

Милодар не стал вытаскивать лодку на поверхность и вычерпывать из нее воду — ему было достаточно убедиться в ее существовании. И в том, что ее не могло загнать под колоду случайной штормовой волной. Это могли сделать лишь сильные человеческие руки.

Затем Милодар, подобно куперовскому следопыту, принялся обыскивать окрестности, стараясь не наступить невзначай на сучок или листочек, чтобы не погубить вещественное доказательство, что ему, как голограмме, было нетрудно сделать.

Поиски вскоре дали свои плоды.

Отвалив камень, на поверхности которого острый взгляд комиссара заметил свежие отпечатки человеческих пальцев, он увидел небольшую банку фиолетовой краски с надписью на ней: «Краска маскарадная, употреблять только для раскраски чертей и духов подземелья. Беречь от детей, так как, принятая внутрь, она может вызвать несварение желудка».

— Так, — произнес Милодар вслух. — Страшный мертвец обретает плоть.

Сдвинув сухие листья, под тем же камнем Милодар обнаружил черную матерчатую маску. Теперь от туалета мертвеца Джона Грибкоффа не хватало только шортов. Но их Милодар найти и не рассчитывал. Таким образом, была обнаружена база таинственного мертвеца и даже следы его переодевания. Можно было предположить, что после бегства из сторожки, спугнутый директрисой, мертвец инсценировал кораблекрушение, а затем, пользуясь плохой погодой и волнами, скрытно подогнал перевернутую лодочку к своему убежищу. А раз убежище мертвеца было на Детском острове, то весьма вероятно, что он относился к числу его обитателей. А раз он относился к числу обитателей острова, то любопытно было бы его отыскать и с ним побеседовать. Милодару еще никогда не приходилось беседовать с настоящим мертвецом.

Внимательно осмотревшись и не найдя больше ничего подозрительного, Милодар двинулся в глубь острова по незаметной тропинке. Обыкновенному человеку этот лес ничего бы не рассказал, но комиссар сразу увидел сломанную сосновую иголку, прижатую к листку кислицы песчинку... Слишком громко и недружно перекликались над головой две вороны, и на это комиссар тоже обратил внимание.

На открытом участке скалы прилип листок, на нем и без лупы виден отпечаток подошвы. Ага, подумал Милодар, значит, наш мертвец смог обуться и, наверное, переодеться в своем тайнике — любопытная деталь.

Тропинка привела Милодара к площадке, заросшей орешником, — над ней возвышалась задняя стена замка.

— Ну, вот мы и ближе к дому, — заметил вслух Милодар, и вороны, передразнивая его, зловеще закаркали.

Незаметная тропинка сквозь орешник вывела Милодара к потайной двери в задней стене замка. Перед дверью зеленел небольшой водоем, по берегам которого, скрываясь в осоке и болотной зелени, сидели сонные лягушки. Одна из ворон спикировала и схватила лягушку пожирнее. Остальные с громким плеском ухнули в воду. Вода в пруди ке закачалась, и Милодар пошел по краю к дверце.

Дверца со скрипом приоткрылась, обнаружив слабо освещенное помещение.

Столб мутной воды вырвался из двери, ударил Милодара в

лицо и опрокинул в водоем. Только то, что Милодар был голограммой, спасло его если не от смерти, то от больших неприятностей.

На его крик из двери высунулись две прачки, которые только что опорожнили бадью с мыльной водой.

— Господи, нам еще такого чудища не хватало! — воскликнула одна из них.

— А что, я не первое чудище? — сразу среагировал комиссар, сбрасывая с себя водоросли, лягушек и стебли осоки. Одна крупная кувшинка осталась у него на голове и придавала комиссару несколько лукавый и легкомысленный вид.

— Бывают, — неопределенно ответила прачка. — А вы откуда к нам крадетесь?

— Да так, вот проходил леском, — простодушно откликнулся Милодар, — вижу прудик, только собрался на берегу видом полюбоваться, как вы в меня водой плеснули.

— Значит, вы гуляли? — спросила прачка.

— И увидели прудик, — добавила вторая прачка.

Обе они были молоденькие, краснощекие. Здоровая жизнь на свежем воздухе превратила их в простушек-красавиц — кровь с молоком.

— А если вокруг посмотреть, — заметила первая прачка, вся в веснушках, — то увидишь, что попал на помойку, вон и баки помойные стоят. Самое лучшее место, чтобы гулять...

Говоря так, прачки медленно, не смывая с лиц улыбок, приблизились с обеих сторон к комиссару, железными захватами постарались вывернуть ему назад руки, резкими подножками постарались сбить его с ног и обезвредить.

Но с комиссаром Милодаром, как известно, такие приемы не проходят.

Руки прачек прошли сквозь бицепсы Милодара, как сквозь воздух. Ноги прачек пролетели по пустому месту, и в результате прачки сами потеряли равновесие и благополучно опустились точно в середину прудика, который и на самом деле наполнялся водой от стирки и некоторых хозяйственных сбросов.

Милодар отошел на несколько шагов и, опершись о ручку двери, ждал, пока прачки вылезут на сухое место.

— Пароль — Флоренция, — сказал он, как только прачки, попрыгав, вытрясли из ушей воду.

— Отзыв — Микеланджело, — откликнулись хором прачки.

— Надо смотреть, на кого кидаетесь, — сказал Милодар.

— А когда же смотреть — мы сначала действовали, господин комиссар, — ответила веснушчатая прачка.

Прачки, как и многие другие работники обслуживающего персонала, находились на службе в ИнтерГполе и даже имели чины. Прачки, например, обыскивали сданное им белье на предмет обнаружения в нем забытых предметов или надписей, затем проводили химический анализ белья, старались, к примеру, обнаружить, не содержится ли чего-нибудь подозрительного в слезах сироток, которыми они орошали свои наволочки.

Кроме того, прачки оберегали все ходы и выходы замка, и потому Милодар, не сказавший пароля заранее, стал жертвой их бдительности.

Но все закончилось благополучно, никто из прачек не пострадал, голограмма Милодара также избежала повреждений.

Поэтому комиссар сразу же приступил к допросу.

— Давно здесь дежурите? — спросил он.

Первая прачка ответила, что с утра.

— Кто проходил?

— А этим ходом никто не пользуется, — ответила вторая прачка. — Только те сотрудники, которые имеют допуск.

— А ночью?

— А ночью дверь запираем и идем спать.

— Значит, ночью можно ходить через эту дверь сколько тебе пожелается?

— Никак нет, — ответила первая прачка. — Особый патентованный замок прошел проверку в управлении секретности. Никто не сможет его открыть.

— Ясно, — ответил Милодар. Он внимательно осмотрел замок и саму дверь, затем приказал прачкам отступить на шаг внутрь замка. Когда дверь за прачками захлопнулась, он велел им запереть ее на замок. Что они и сделали. Милодар прислушивался к тому, как щелкнул замок.

— Готово? — спросил он.

— Готово.

Тогда Милодар, несмотря на то что был голограммой самого себя, начал ковырять в замке ногтем указательного пальца, который сохранял твердость и упругость. Через минуту замок щелкнул и дверь медленно распахнулась.

— Этого не может быть! — воскликнула вторая прачка.

Милодар мысленно уволил прачку из ИнтерГпола и, отстранив подчиненных, уверенно поднялся по узкой винтовой лестнице на второй этаж.

Он попал в служебный коридор. Комната с надписью на двери «Канцелярия» попалась ему одной из первых, что он счел благоприятным знаком.

В канцелярии сидела лишь сама директриса, которая проверяла классные журналы. Желтые с проседью волосы толстухи были собраны в кукиш на затылке.

— Попрошу вас дать мне списки всех сотрудников Детского острова мужского пола, — попросил Милодар.

— Молодых, сильных, высокого роста, лилового цвета? — спросила директриса.

— Последнее необязательно, — оборвал Милодар слишком догадливую госпожу Аалтонен.

— Вы заблуждаетесь, — сказала директриса. — Среди сотрудников моего заведения нет ни одного киоллют. То есть мертвого человека.

— Проверка этого вопроса находится в моей компетенции, — произнес Милодар устало. Разгаданные истории для него не представляли интереса — как бывшие жены. Он даже забывал посылать им алименты.

Директриса пробежала толстыми пальцами по клавиатуре компьютера и протянула Милодару распечатку. Но острове, не считая воспитанников, среди которых, правда, не нашлось ни одного отвечающего богатырским параметрам покойного Джона Грибкоффа, отыскалось лишь три могучих молодых человека. Один из них был капитаном катера, который осуществлял связь острова с материком. Каждый день он совершал рейсы на своем небольшом грузовом судне на воздушной подушке, привозя продукты и увозя что надо. Второй молодой богатырь, стоматолог, мог бы попасть под подозрение, тем более что был негром, который вполне мог избрать лиловую краску как подходящий камуфляж, но уже вторую неделю, как знали на острове, стоматолог мучился воспалением надкостницы, щеку ему раздуло так, что он задевал ею при ходьбе за стены домов, и о любви стоматолог думать был не в состоянии.

Оставался третий и наиболее подозрительный.

Преподаватель физкультуры, кумир детдомовских мальчишек, милый и очаровательный Артем Тер-Акопян.

Что ж, он еще на пути к причалу показался Милодару подозрительным. А интуиция — основное достоинство сыщика.

— Будьте любезны, — произнес Милодар ледяным тоном, — личное дело преподавателя физкультуры Артема Тер-Акопяна!

— А я его как раз просматриваю, — ответила директриса. — Я очень заинтересовалась личными делами наших новых сотрудников.

— Какое удивительное совпадение, — заметил Милодар и не сдержал смеха. — Вам он тоже показался подходящим кандидатом в мертвецы?

— О да! — ответила директриса. — Но я не смела отвлекать господина комиссара от серьезных мыслей.

Милодар подошел к директрисе и взял у нее распечатки компьютерного дела физкультурника и спортсмена, которого никак нельзя было заподозрить в том, что он и мертвец Джон Грибкофф — одно лицо.

Но тут же Милодар отбросил распечатки в сторону.

— Нет, тут что-то неверно! — воскликнул он. — Я должен с ним поговорить. Где он сейчас?

— Он сейчас должен быть в своей комнате, отдыхает после обеда, — сказала директриса. — Разрешите, я вас провожу.

Директриса осталась возле двери в комнату с табличкой «А.Тер-Акопян».

Милодар постучал в дверь.

Никто не откликнулся.

Милодар постучал сильнее.

— О! — прошептала директриса, которую, видно, мучили тяжелые предчувствия.

Так как ответа и на этот раз не последовало, Милодар толкнул дверь. Дверь открылась. Внутри никого не оказалось.

Директриса громко вздохнула от дверей, видно, полагая, что в страхе перед разоблачением молодой человек бросился с башни на камни. Но Милодар был настроен не так трагически.

Он огляделся. Освещенная тусклым дневным светом через единственное узкое окно, комната была спартански пуста и неуютна.

Узкая, так называемая девичья кровать была аккуратно застелена серым одеялом. На полу лежали гантели, в угол закатился футбольный мяч. На тумбочке у кровати лежало несколько книжек лирической поэзии, в основном русских и армянских поэтов.

Тонкими пальцами Милодар, несмотря на то что был всего-навсего голограммой, перелистал книжки, задерживая на секунду взгляд на страницах, уголки которых были загнуты. Но страницы эти отличались от остальных лишь частотой употребления слов «любовь» и «кровь».

Затем Милодар попытался произвести в комнате Артема обыск, но директриса запретила это делать в отсутствие хозяина помещения.

— Нет, нет и еще раз нет! — воскликнула мадам Аалтонен. — Вы будете ждать возвращения хозяина комнаты, а потом обыскивать по санкции прокурора!

— У меня нет на это ни секунды.

— Тем не менее! — отрезала директриса.

Милодар пожал плечами и ответил:

— Поздно будет, когда вы пожалеете.

— Я никогда не пожалею о соблюдении правил, — не сдалась директриса, и тогда сдался Милодар. Ничего не трогая, он обошел комнату, словно гулял по ней как по бульвару, и в этом директриса не могла ему помешать. Он стрелял искрами из глаз, освещая темные углы, благо их было немного, и даже заглядывал в щели между тесно пригнанными глыбами кладки.

— А вот и свидетель обвинения! — торжественно воскликнул Милодар и вытащил из тонкой щели между камнями небольшую любительскую цветную мобильную фотографию Вероники. Такие делают на ярмарках и на карнавалах. Фотография улыбалась, шептала одними губами: «Я люблю тебя!», делала серьезное лицо, томно закатывала глаза, затем все начиналось сначала. Для влюбленного такие фотографии не казались произведением дурного вкуса. Милодар уже проверял этот эффект на себе. Как-то у него начался роман с русалкой-амазонкой, руководительницей делегации этого народа, который населяет океан на Эврипиде. Русалки-амазонки носятся там по океану, оседлав дельфинов или даже акул. Руководство ИнтерГпола было категорически против романа Милодара с русалкой-амазонкой, к тому же ее родственники объявили, что забросят десант террористок в наши водоемы, если Милодар посмеет дотронуться своими отвратительными сухими пальцами до их влажной красавицы. Так что у Мило-

дара от этого неудачного романа остался лишь фотопортрет русалки. Она улыбалась, шептала ему на трех языках «Я люблю тьебя», закрывала глаза, загадочно улыбалась, и единственная слеза скатывалась у нее по зеленоватой прекрасной щеке...

— Где он может скрываться? — спросил Милодар директоршу.

— Может быть, он в библиотеке? — ответила вопросом директриса. Наивность ее могла сравниться лишь с ее скромностью.

— Хорошо, — вздохнул Милодар. — Тогда вы поищите его в библиотеке, а я кое с кем поговорю.

— С кем? — строго спросила директриса.

— Вот об этом я вам пока не скажу, потому что вы немедленно захотите присутствовать при беседе, а мне хотелось бы сохранить ее в тайне...

— Ни в коем случае! Никаких интимных встреч! — воскликнула госпожа Аалтонен.

Но тут терпение комиссара лопнуло.

— Госпожа Аалтонен, — сказал он сухо и спрятал в карман своего голографического костюма фотографию Вероники. — Вы совершенно забыли, что директорствуете не в обыкновенной школе и даже не в обыкновенном детском доме, а в тюрьме повышенной опасности для малолетних преступников.

— О нет! Так не смеете говорить! — закричала директриса и замахала толстыми руками, словно индейка крыльями. — Это дети, несчастные крошки...

— Не надо дискуссий, — ответил кратко Милодар. — Идите в библиотеку и проверьте, надежна ли охрана острова. А я объявлю положение особой опасности.

И Милодар быстрыми шагами покинул комнату физкультурника и поспешил прочь по коридору к комнатам девочек, оставив директрису в растерянности посреди коридора.

* * *

В комнате девочек была лишь одна Ко.

— А где Вероника? — спросил Милодар от двери.

— Она гуляет, — ответила Ко.

— Ты мне покажешь, где она гуляет? — спросил Милодар.

— Наверное, на причале, — ответила Ко. — Она тоскует.

— Ты меня проводишь к ней? — спросил Милодар.

— Вы отлично знаете туда дорогу, — сказала девушка.

Милодар любовался девушкой со странным именем Ко. Он любил высоких женщин, а Ко в свои семнадцать лет уже вытянулась на шесть футов и обещала подрасти еще. У нее были тяжелые гладкие светло-русые волосы, синие, как у Вероники, глаза, пухлые светло-розовые, не знавшие помады губы и крепкий круглый подбородок.

— И тем не менее я прошу, чтобы вы меня проводили. Я объясню вам почему, — заявил Милодар. — С одной стороны, мне не хочется оставлять вас одну, потому что вы уже много знаете, а с другой стороны — я продолжаю беспокоиться за судьбу Вероники, и мне хотелось бы, чтобы в эти тяжелые для нее минуты рядом с ней находилась ее лучшая подруга.

— Спасибо за доверие, — улыбнулась Ко, и Милодару показалось, что она услышала в его монологе больше, чем он хотел ей сообщить, и куда больше, чем он на то рассчитывал.

Ко накинула на себя серую куртку и легко вскочила с постели, лежа на которой она только что читала.

Милодар острым взглядом окинул комнату, словно надеялся отыскать еще одну фотографию, но ничего, конечно, не увидел, потому что, если даже в комнате и были фотографии или любовные письма, их уже надежно спрятали.

Комиссар с Ко спустились вниз и пошли по тропинке к озеру.

— Что ж, давайте спрашивайте, — попросила Ко.

— Почему я должен вас спрашивать?

— Потому что иначе зачем вам тащить меня к озеру? — сказала Ко. — Вам хочется, чтобы я говорила с вами откровенно и никто нас не слушал.

«Черт побери, — подумал Милодар. — Если бы у меня все агенты были такими сообразительными, организованная преступность в Галактике была бы изжита».

— Тогда напомните мне, почему у вас такое странное имя.

— Вы это знаете.

— Я забыл! Я не могу помнить всякие пустяки! — рассердился Милодар. — Не делайте из меня гения — я просто талантливый руководитель полиции.

— Простите. Я вам напомню, господин комиссар. Когда

меня нашли у дверей геологической станции, на моем платочке и пеленках были вышиты две буквы — К и О. Вот меня и стали звать Ко, ожидая того момента, когда мое настоящее имя будет обнаружено.

— На каком языке? — спросил Милодар.

— Что?

— Буквы были на каком языке?

— Неизвестно, — ответила Ко, совсем не удивившись такому вопросу. — Алфавит был либо латинским, либо кириллицей. Иначе кто-нибудь бы удивился.

— А почему вы не приняли условное имя?

— Это очень странно, комиссар, — ответила Ко голосом, который выдавал в ней открытую и доброжелательную натуру, — но мне несколько раз пытались дать условное имя и фамилию, обычно начинающиеся с этих букв. В детском приемнике я была Катей Осколковой, потом в обыкновенном детдоме меня называли Кэтт и Кэтрин Осборн, а здесь пытались переименовать в Кристину Оннеллинен.

— Перевод, попрошу!

— Кристина Счастливая.

— Молодцы. И не прижилось?

— Что-то во мне сопротивляется. Отчаянно сопротивляется. Будто в глубине моей памяти живет мое настоящее имя. И пока я его не вспомню, мне суждено обходиться двумя буквами.

— И сколько же тебе было, когда тебя нашли?

— Несколько месяцев.

— Хорошая у тебя должна быть память!

— Господин комиссар, — ответила на это девушка. — Не надо во всех нас видеть только опасных для Земли чудовищ. Вы полицейский, вам по чину положено подозревать. Но если бы вы были подобрее, всем было бы лучше.

— Я не имею права быть добрее, — возразил Милодар. — Вот ты, например, говоришь, что с рождения знаешь, как тебя зовут.

— Подсознательно.

— А по мне хоть подсознательно или надсознательно — все равно! Где гарантия, что ты не носишь в себе бомбу замедленного действия или вирус?

— Меня уже столько раз обследовали и изучали, что еще удивительно, как во мне что-то осталось.

— Все же пока карантин не кончится, вы все — пленники и пленницы.

— Но он уже скоро кончается. По закону в восемнадцать лет живое существо в Галактике получает галактическое гражданство и полную свободу передвижений. Остался всего год.

— Этот год мы должны провести особенно осторожно и исследовать вас втрое интенсивнее, — твердо заявил Милодар.

— Ну ладно, ладно, потерпим! Но не надо из-за ваших страхов и подозрений портить жизнь моей лучшей подруге, чудесной и тонкой Веронике.

Милодар остановился посреди тропинки и посмотрел на Ко снизу вверх.

— Значит, ты так рассуждаешь! Значит, тебя не удивляет, что твоя подруга затеяла роман с мужчиной фиолетового цвета, который погиб уже много лет назад, разбившись о вершину Эвереста?

— Вы имеете в виду Джона Грибкоффа? — засмеялась Ко.

— Что в этом смешного! Я никогда еще не сталкивался с девушками, которые так бурно вели бы романы с мертвецами.

— Дорогой мой комиссар, — сказала Ко, — неужели вы думаете, что наш замок и весь наш Детский остров настолько велики, что каждый ваш шаг мгновенно не становится известен любому первоклашке? Неужели никто не знает, что вы бегали на оконечность острова и нашли там притопленную лодку номер тринадцать?

— Вы знаете об этом? — Комиссар, специалист по конспирации, был поражен.

— Неужели вы думаете, что никто не знает о том, что вы обыскивали комнату физкультурника Артема, а директриса просила вас этого не делать?

— Черт побери! — рассердился Милодар. — Я не могу работать, когда происходит такая утечка информации!

— Вы не отрицаете? — спросила Ко.

— Я ничего не отрицаю, но и не подтверждаю. Что вы еще узнали?

— Есть мнение, что в комнате физкультурника, нашего обожаемого Артемчика, вы нашли фотографию Вероники.

— Нашел.

— И обо всем догадались!

— Догадался.

— А теперь хотите услышать всю историю из уст Вероники.

— Может, сначала из ваших?

— Неужели я похожа на сплетницу и доносчицу?

— Я еще в жизни не встречал ни одной сплетницы и доносчицы, которая была бы похожа на сплетницу и доносчицу, — парировал Милодар.

— Тогда потерпите — осталось сто метров.

Девушка была права, и потому Милодар предпочел миновать последние метры до озера, наслаждаясь вечерним воздухом, ароматом сосен, свежим запахом озерного ветра и легким ароматом французских духов, строго запрещенных на Детском острове, отчего обладание духами было делом престижным.

Вероника сидела пригорюнившись на краю причала, свесив босые ножки, и болтала ими в холодной воде. Неподалеку от причала бродила крупная ворона, выклевывая что-то из щелей между досок.

— Вы же простудитесь! — воскликнул Милодар, выйдя на открытое место.

— Ну и пусть, — ответила девушка, ожегши его синим светом глаз. — Мне вовсе не хочется жить после того, как вы погубили моего мертвого друга.

— Ах, Вероника, — откликнулся на это Милодар, ступая на заскрипевшие доски причала, — ну зачем же лгать мне, старому сыскному волку. Передо мной склонялись разведки злобных планет, и мне сдавались банды космических пиратов. А ты полагала, что сможешь меня провести? Я же не директриса Аалтонен, которая готова поверить в любого ходячего мертвеца.

— Не в любого! — не сдавалась Вероника. — А в Джона Грибкоффа, о котором знает каждый.

Милодар присел на корточки рядом с Вероникой. Ко разулась и, держа туфли в руке, пошла по прибрежной гальке к выдававшейся в воду скале. Предвечерний воздух был так тих, что слышно было, как выплескивает вода от каждого ее шага.

— Я провел небольшое расследование, — произнес Милодар, глядя вдаль. Плеснула крупная рыба. Небо было бесцветным. — И мне не составило труда определить, что твоего мертвеца зовут Артемом Тер-Акопяном, служит он здесь

физкультурником, лодку свою прячет вон там, под корнями сосен, маску и краску — у той скалы... В замок входит по ночам через дверцу, которая ведет в прачечную.

Подобно молнии Вероника вскочила на ноги.

— Как ты посмела! — закричала она, гневно глядя на подругу. — Зачем ты все ему рассказала?

— Какая глупость! — Ко даже не обиделась. — Я даже и не подозревала, что Артемчик прятал здесь лодку. Зачем мне знать?

— Нет! — упорствовала Вероника. — Это был мертвец! Я не знаю никакого Артема.

Стоя в отдалении, Ко заметила:

— Когда тебя поймали, лучше сознаться. Может, комиссар подобреет.

— А я добрый, — сообщил Милодар, не вставая с корточек, и кинул в воду монетку. Все следили за тем, как она, подпрыгивая блинчиком, унеслась в закатную даль. — Мне почти все ясно, и потому я не намерен сердиться. Конечно, если вы будете говорить правду и только правду.

— Ну что вы ко мне пристали! — Вероника вскочила и побежала к концу причала. Никто не мешал ей, не останавливал. Так что ей пришлось остановиться самой. — А что вы узнали? — спросила она у комиссара.

Комиссар кинул еще одну монетку. На этот раз неудачно. Подпрыгнув раза три, она утонула.

— А я рассудил, причем без всякой помощи со стороны вашей подруги, что все таинственные явления имеют самые обычные объяснения. И только если обычное объяснение ничего не объясняет, тогда следует обратиться к необычным объяснениям. Как правило, это заводит в тупик.

— И вы догадались?

— С моим опытом и способностями — мне не стоило большого труда...

— Даже я бы догадалась на месте комиссара! Тоже мне — конспираторы! — заявила Ко.

— Как все было сделано — ясно, а вот зачем — попрошу объяснений, — потребовал комиссар.

— Чтобы не догадались, — вякнула Вероника. — Спросите Ко.

— Это я для них придумала, — заявила Ко. — И на нашем месте вы бы сделали то же самое.

— Говорите!

— Если бы директриса или кто-нибудь из доносчиков выследил Веронику и Артема — начались бы скандалы, разборки и Артема бы в два счета выгнали бы с острова.

— А быстро бы выследили? — деловито спросил комиссар.

— В два счета. Островок наш невелик, а за морем материк, — ответила в рифму Ко. — Директриса имеет не только штатных осведомителей — поваров, прачек, медсестер и уборщиц, но и добровольных доносчиков из числа заключенных нашего острова.

— Как вы сказали?

— Я сказала — заключенных!

— Это несправедливо, — обиделся Милодар. — Вы должны быть благодарны правительству и ИнтерГполу, которые идут на все, чтобы обеспечить вам счастливое детство.

— Погодите, комиссар! — возмутилась Вероника. — А если бы я захотела сегодня слетать на Гималаи! Возможно ли это?

— Зачем вам на Гималаи? — удивился комиссар.

— Вам задали вопрос, — строго сказала Ко, — отвечайте на него, не виляйте хвостом.

— Не смейте так разговаривать с комиссаром ИнтерГпола!

— Значит, нельзя?

— Напишите заявку, соберите группу, — быстро сказал Милодар, — и отправляйтесь на ваши Гавайские острова. Хоть завтра!

— Если, конечно, ваши сотрудники, которые будут обеспечивать контроль и охрану окружающей среды от нас с Вероникой, не будут на пикнике или в отпуске. В ином случае нам посоветуют подождать до следующих каникул.

— Девушки, девушки, вы же знаете, что все делается ради вашего блага! Земля опасна, на ней сохранилось еще немало хищников и вредных насекомых!

— Вероника, комиссар боится, что нас задушит анаконда, — сказала Ко.

— Одна на двоих, — подтвердила с язвительной улыбкой Вероника.

— Нет, — возразила Ко, и лицо ее стало серьезным. — За нас комиссар не боится. Но он ужасно боится за судьбу несчастной беззащитной Земли, для которой мы с тобой представляем страшную угрозу.

— Девушки, девушки, не так громко...

— А почему мы должны молчать? Мы и без того такие опасные!

Ворона, опустившись на нижнюю ветку сосны, громко каркнула, будто выражала поддержку девушкам.

— И давно у вас тут вороны каркают? — спросил Милодар.

— Он пытается нам зубы заговорить! — злым голосом воскликнула Вероника. — Ему не хочется признавать, что его милая лавочка держит нас здесь взаперти, словно мы уже совершили страшные преступления.

— А что, если так случится?

— Даже самого страшного убийцу на Земле не считают убийцей, пока его не осудит суд. А нас, детей, можно считать заведомыми убийцами? — сказала Ко. — Почему мы должны, и без того наказанные судьбой, раз лишены папочек и мамочек, еще лишиться свободы?

— А если...

— Только не надо вашей занудной пропаганды! — возразила Ко. — Не надо нам талдычить про страшных чудовищ, которые заключены в нас, про вирусы и убийственные наклонности, которые в нас проснутся. Вы, комиссар, в своей жизни побывали на разных планетах. Вы имели куда больше шансов, чем мы, маленькие дети, подхватить вирус или внедрить в свое тело паразита. Но мы-то вас не держим на острове.

— Не я придумал эти правила, не мне их отменять, — сказал комиссар. — Сейчас мы говорим о другом.

— Сейчас мы говорим именно об этом, — зло сказала Ко. — Поставьте себя на наше место. Мы-то знаем, что мы обыкновенные, и мы хотим всего, чего хотят наши сверстницы на воле. Но нам ничего нельзя. И потому мы понимаем, что наш единственный шанс — воспользоваться слабостью наших тюремщиков...

Комиссар поморщился. Слова «тюремщики», «лагерь», «воля» вызывали у него желудочные спазмы.

— Мы уговорили Артема, который безумно влюбился в Веронику, — сказала Ко, — последовать идиотским правилам игры. Если бы мы сказали, что у Вероники роман с учителем физкультуры, — объект ее страсти немедленно бы вылетел с острова. Но что случится, если мы с Вероникой на всех углах будем кричать, что ее преследует мертвец Джон Грибкофф? Это будет шок, за которым, вернее всего, не последует выво-

дов, потому что мертвец — самая подходящая пара для Угрозы мира!

— Так... вы решили, что если Вероника начнет рассказывать совершенную чепуху, ей никто не поверит, никто не станет ее выслеживать и, уж конечно, никто не заподозрит физкультурника Артема в попытках обесчестить воспитанницу детского дома, несовершеннолетнюю притом, — понял ситуацию Милодар.

— А если кто-то и заметит нашу парочку, — завершила рассказ Ко, — то рассказывать другим постыдится. Кому хочется, чтобы про него говорили, что он верит во всякую мистическую чепуху и повторяет бредни полоумных девчонок.

— Ну что ж, остроумно. Даже слишком остроумно для подростков, — произнес Милодар.

— Мы не подростки, — сурово ответила Вероника. — Мы уже девушки.

— И может быть, в зловещем вертепе, откуда мы все родом, совершеннолетие наступает в шестнадцать, — сказала Ко.

— А может, и в четырнадцать, — высказала предположение Вероника.

— Ну что ж, ловко! — вынужден был признаться Милодар. — Все знали, что у Вероники роман с мертвецом. И отворачивались, когда случайно видели мертвеца на вашем острове.

Тут Вероника вздохнула и добавила:

— Все было бы хорошо, если бы не наша госпожа Аалтонен. Она не ест сахар и нам не дает. Она такая глупая, что у нее даже фантазии нет, — сказала Вероника. — Она пошла проверять. А у Артема не такие уж крепкие нервы...

— Как Веронике бы хотелось, — добавила Ко.

— Не перебивай!

— Тебе хотелось, чтобы он тебя украл! Ты на все была готова, чтобы он тебя украл! Но он не решался потерять такое хорошее место.

— Теперь поздно о нем говорить! — вздохнула Вероника. — Мне не хочется больше встречаться с героем, который с такой скоростью убегает со свидания при виде госпожи Аалтонен.

— Не будь к нему так строга. Ведь он такой красивый! — пропела Ко, и Милодар с подозрением поглядел на лучшую

подругу Вероники. Тут могла таиться опасность для девушки. Нет людей более опасных, чем лучшие подруги!

— Где он теперь? — спросил Милодар.

— Наверное, у себя, — ответила Вероника. — Ко мне он — ни ногой... Трусливое ничтожество!

— А есть ли у него укромное место... скажем, где вы встречались, чтобы поцеловаться без свидетелей?

Наступила пауза. Если Вероника и знала о таком месте, гнев ее против возлюбленного был не настолько силен, чтобы выдать его и лишиться навсегда.

Милодар поднялся и громко вздохнул.

— Вы усугубляете, — сообщил он.

— Вы не правы, — ответила резкая Ко. — Если бы речь шла только о таких чудовищах, как мы с Вероникой, я бы первая кинулась искать нас по помойкам и подвалам, чтобы уничтожить. Но когда от вас скрывается трижды перепроверенный учитель физкультуры из детского дома, то Земле, пожалуй, ничего не угрожает. Ведь признайтесь, комиссар, у физкультурника Артема есть чин лейтенанта полиции?

— Ничего подобного! — рассердился правильной догадке Милодар. — Я в первый раз о нем здесь услышал.

Ко нагло усмехнулась, и Милодар понял, что никогда в жизни не приблизит к себе это существо. Ко слишком изобретательна и хитра, именно она придумала глупую на первый взгляд, но психологически верную версию с мертвецом Джоном.

— Сейчас же говорите, где вы его прячете! — воскликнул Милодар. — Или я весь остров переверну, а вам... — тут Милодар спохватился, что грозить девочкам, сиротам, неэтично, и закончил фразу так: — ...больше никогда не увидеть этого мерзавца Артема. Который воспользовался вашей невинностью и несовершеннолетием для того, чтобы над вами надругаться.

— Во-первых, не над обеими, — возразила Ко, — о чем я сожалею.

— Во-вторых, он не успел надругаться, потому что прибежала директриса, — добавила Вероника.

— В-третьих, Вероника сама пришла к нему на свидание, — произнесла Ко.

— В-четвертых, — закончила Вероника, — я не имела ни-

чего против того, чтобы надо мной надругался именно Артем. Это, наверное, очень приятно.

— Проклятие! — возмутился комиссар. — Я вас всех разгоню.

Вероника посмотрела на комиссара с жалостью, и вдруг он с ужасом понял причину этого взгляда. Вероятно, она думает, что маленькому комиссару ни разу не удавалось никого обесчестить. И, возмутившись этим подозрением, он вскричал:

— Еще чего не хватало! У меня было три жены, и сейчас я снова намереваюсь жениться!

— Это сексуальный маньяк, вот в чем дело, — сказала Вероника своей подруге, та молчаливо склонила голову, соглашаясь, и обе на всю жизнь заработали себе смертельного врага в лице комиссара Милодара.

Над островом прозвенел колокол — звук этот был приятен и разнесся далеко над озером.

— Нас зовут к ужину, — сказала Ко, — мы можем продолжить разговор после ужина, но опаздывать на него мы не имеем права — служба безопасности строго следит, чтобы мы, чудовища, не отбивались от рук. Но после ужина мы можем продолжить интервью, — сказала Ко.

— Никто вас не считает чудовищами! — в который уже раз воскликнул комиссар, но девушки не ждали ответа. Обе поспешили по тропинке к замку.

От первых сосен Вероника обернулась и сказала:

— Я попрошу Артемчика выйти из укрытия и поговорить с вами. Какое время вам удобнее? После отбоя? В девять?

— Только не позже, — мрачно ответил комиссар. — Мне пора улетать. Неужели вы думаете, что ваш островок — центр Вселенной?

— Для нас, чудовищ, без сомнения, — ответила Ко, и девушки довольно громко захохотали. Милодар был даже близок к тому, чтобы принять этот издевательский хохот за чистую монету. Но взял себя в руки.

— Девять часов. У вас в комнате, — сказал он.

* * *

У комиссара Милодара в замке была своя комната. Она называлась инспекторской. Но обычные инспектора и дежурные останавливались, как правило, не на самом острове, а на материке и прилетали сюда, когда надо, на флаерах или

вертолетах. Инспекторская была снабжена космической связью, компьютером, небольшой библиотекой и специальным ящиком с видеокассетами эротического содержания, которые любил перед сном просматривать комиссар Милодар и о чем ни в коем случае не должны были догадываться сиротки.

Войдя в инспекторскую, Милодар внимательно осмотрел и обнюхал комнату. Именно чужой запах смущал его: кто-то недавно побывал здесь. Милодар достал из сейфа детектор запахов и без труда определил, что без спроса заглядывала в комнату сама директриса госпожа Аалтонен. Но зачем? Она ведь даже не состояла на службе ИнтерГпола, а была сотрудницей Ведомства просвещения.

Милодар проверил все точки в комнате, которых касались пальцы директрисы. Сильнее всего запах концентрировался именно на кассетах и на видеомагнитофоне. Это было невероятно. Директриса не могла интересоваться такими предметами.

Разумеется, по правилам ИнтерГпола, сотрудник, узнавший нечто о подозреваемом, должен скрыть это знание, а потом использовать его на допросе. Но так как допрашивать директрису Милодар не намеревался, то он не выдержал и включил видеосвязь с кабинетом госпожи Аалтонен. И застал ее в неудачный момент. Директриса поднимала штангу.

— Простите, что беспокою, — заметил Милодар, сделав вид, что ничуть не удивлен.

— Ах, это вы меня простите, что я делаю так в рабочее айка!

Директриса пошла красными пятнами от смущения. Но Милодар, в отличие от многих других людей, был лишен чувства такта и жалости — иначе бы ему никогда не достичь командных высот в ИнтерГполе.

— Вы правы, — сказал Милодар. — Для этого есть специальный зал или лес.

— Но подумайте, как неладно видеть директора, который поднимает штангу на глазах у детей. Они подумают, что я — жестокая учительница, — директриса осторожно опустила штангу на пол и закатила под стол.

— Отлично. Я вас побеспокоил по другой причине, — сообщил Милодар. — Я хочу знать, зачем вы смотрели эротические пленки в моей инспекторской.

— Ой, что вы...

Но лгать директриса за долгую жизнь вроде бы не научилась.

— Говорите, мне, к сожалению, некогда ждать, пока вы придумаете подходящую версию!

— О нет, — ответила директриса. — Но я руковожу коллективом, в котором подрастают юноши и девушки. Я должна оберегать их от всяких эксцессов... К сожалению, я очень давно... простите меня, комиссар, — очень давно не делала этого с мужчиной. И я опасалась, что очень отстала и могу неправильно понять некоторые жесты и слова моих воспитанников. И при уборке — я никого не пускаю в вашу комнату, но пыль же нужно иногда стирать! — при уборке я увидела видеокассеты. Они вызвали мое любопытство картинками, которые на них изображены...

«Черт побери! — мысленно обругал себя Милодар. — Как же я не догадался убрать с обложек голые груди и попки героинь фильмов!»

— И я пришла к выводу, что вы обеспокоены, господин комиссар, той же проблемой, что и я. Вы тоже хотите узнать, что же делают современные мальчики с девочками, когда остаются наедине. И изучаете эту проблему как педагог.

Комиссар чуть было не крикнул, что у него шесть любовниц...

Но слова застряли в его глотке. Зачем разочаровывать ее?

Пускай директриса останется в убеждении, что они с комиссаром — два столпа современной педагогики и смотрят сомнительные для иных людей фильмы исключительно в интересах сбережения невинности сироток.

— Пусть будет по-вашему, — сказал Милодар. И выключил связь.

«Никогда не знаешь, в какой очередной лабиринт загонит тебя жизнь», — подумал он.

Он подошел к окну. Уже совсем стемнело. Крупная ворона пролетела перед самым окном. Надо возвращаться. Вся история оказалась пустой, банальной, выеденного яйца не стоит. Хотя, впрочем, надо признать, что комиссар познакомился с любопытными девушками... Теперь осталось провести воспитательную беседу с физкультурником Артемом. В результате ее физкультурника либо оставят здесь, что маловероятно, либо переведут в другую школу, что возможно, либо

вообще выгонят из системы просвещения, что более всего похоже на истину.

Где же искать этого трусливого охотника за девичьими ласками?

Милодар отошел от окна. Может, спросить директрису?.. Нет. Отыщем его без ее помощи. У нас есть искатель запахов.

Но для того чтобы задействовать искатель, следовало идти в комнату физкультурника и там брать какую-нибудь его вещь. А идти было лень — сейчас бы включить эротическую пленку и поглядеть на молоденьких распутниц...

Рассуждая так, Милодар подошел к видео и машинально сунул в щель тоненькую кассету.

И увлекся.

Любил он девушек. Любил женщин. Любил самую любовь...

Через десять минут, когда совершенно раздетая лань неслась по лесу от бешеного сатира, постучали в дверь. Милодар с трудом отвлекся.

— Минуту! — воскликнул он. — Сейчас схватит!

Но, как профессионал, сумел взять себя в руки, выключить видео, захлопнуть бар, замаскированный под пишущую машинку, и нажать на кнопку дистанционного управления дверью.

Дверь открылась. Опершись о косяк, изможденный и загнанный, там стоял физкультурник Артем.

Он нервно оглянулся, нырнул внутрь инспекторской и прошептал:

— Спасите меня, комиссар!

— Сначала заходите, — посоветовал ему Милодар, — и заприте за собой дверь.

За вошедшим физкультурником дверь плотно закрылась. На окна опустились титановые жалюзи, неслышно щелкнули замки из керамзитникеля.

— Садитесь, — сказал Милодар, — на вас лица нет.

Физкультурник рухнул на стул. Он не смотрел вокруг, даже если бы видео продолжало крутиться, он бы наверняка ничего не заметил.

— Я пришел к вам, — сообщил он хриплым голосом, — потому что осознал всю наивность и опасность моих увлечений.

— Давно пора, — проворчал в ответ Милодар. — Из-за вас

мне приходится сидеть здесь, тогда как неотложные галактические дела ждут меня в иных местах.

— Простите, — сказал физкультурник. — Я опасался вашего гнева.

— И что же вас привело ко мне? Раскаяние? Страх? Нечистая совесть? Вы не стесняйтесь, берите в шкафчике виски, пейте.

— Спасибо, я не пью.

— Прискорбно. В ваши годы я пил, как извозчик. Без этого не наладишь достойных связей. Значит, вы во всем признаетесь?

Милодар подошел поближе к физкультурнику и обратил внимание на красные точки на его шее и щеках.

— Что это? — спросил он. — Комары заели?

— Вы догадались?

— Разумеется, я догадлив. Вы нашли какое-то убежище и намеревались просидеть там, пока я не улечу, в надежде на то, что ваша роль в происходящем безобразии не будет замечена. Но ничего не вышло. Так?

— Это были не комары... — прохрипел физкультурник. — Это живые шприцы, это клещи и гвозди. Они беспощадны. Они задались целью убить меня...

— Не стоит так преувеличивать, юноша, — усмехнулся Милодар. — Вы слишком долго просидели неподвижно в комарином месте. Но меня не интересует само место — меня интересует, кто придумал трюк с переодеванием в мертвеца Грибкоффа.

— Я, — виновато и неубедительно произнес Артем.

— Ложь! Кто придумал? Говорите, если не хотите, чтобы я рассердился.

— Это придумали девушки...

— Ко?

— Сначала она...

Молодому человеку не хотелось выдавать девушку, но он вынужден был признаться — такова была сила взгляда комиссара Милодара.

— Очень перспективная девица, — заметил комиссар. — Я бы на вашем месте трижды подумал, прежде чем заводить интрижку с Вероникой. Вероника куда менее интересна.

— Я люблю Веронику! — взвыл физкультурник. — Я ее люблю и не предам этого чувства!

— Ну и не предавайте, бог с вами, — согласился Милодар. — Но какого черта вам потребовалось устраивать роман на месте, где вы работаете, да еще с воспитанницей особой категории опасности? Вы нормальный?

— Во-первых, — заявил физкультурник, — я не преподаю в старших группах и Вероника — не моя ученица.

— Во-вторых, — закончил за физкультурника Милодар, — вы не ощущаете никакой опасности от этой девицы.

— Вот именно!

— Если бы эта опасность ощущалась, — Милодар расхаживал по комнате, заложив руки со сплетенными пальцами назад, — тогда бы не надо было принимать таких мер предосторожности. Проблема заключается в том, что опасность порой неуловима и прозрачна, как ядовитый пар...

— Вероника — замечательная девушка.

— Не уверен, не уверен!

— Я ненавижу вас, комиссар! Вы погубили нашу любовь.

— Вот уж чем не занимался, — искренне возразил комиссар. — Гонялась за вами директриса, и то из чувства долга. Меня даже и не было. А если бы вы вели себя умнее и осторожнее — до сих пор бы себе целовались.

— Нет, — возразил физкультурник. — Мы были окружены вашими шпионами и клевретами. И директриса никогда бы нас не выследила, если бы ей не донесли прачки и уборщицы.

— Молодцы, девочки! — обрадовался Милодар. — А то уж я собирался менять местный обслуживающий персонал и всех ссылать на различные острова. Но что мне делать с вами — не представляю.

— Я хочу на ней жениться, — сказал физкультурник.

— Замечательная идея, и вы ее обязательно осуществите, как только Вероника достигнет совершеннолетия — то есть через год. Тогда как раз закончатся физиологические исследования и она будет признана полноценной гражданкой Галактики, а не...

— Не монстром!

— Вот именно.

— Но я женюсь на ней! — упорно настаивал молодой человек.

— Я приеду к вам на свадьбу, — сказал Милодар. — А сейчас идите и отдыхайте. У вас выдался трудный и нервный день.

Он выпроводил физкультурника, но возвращаться к эротическим фильмам уже не хотелось. И настроение испортилось. Милодару были порой свойственны странные движения души. Он знал уже, что завтра физкультурника подведут под сокращение штатов и переведут тренировать пенсионеров в Австралию. И к тому же, несмотря на то что он — полноправный гражданин Галактики, поставят под гласный надзор безопасности. Что делать, риск слишком велик. Милодар знал, что сам отдаст приказ о разлуке возлюбленных, о бесславном завершении романа Ромео и Джульетты, но как ему вдруг стало их жалко! И будь его воля, он бы сейчас запер их в одной спальне до утра — ведь даже шекспировским героям это было дано судьбой...

Милодар чуть было не бросился в коридор, чтобы посоветовать юноше соединиться с любимой и не обращать внимания на присутствие комиссара. Но затем комиссар взял себя в руки и лег спать. Будь что будет! Как распорядится судьба... А вот насчет Ко следует подумать. Скоро у нее совершеннолетие — надо узнать, что она собралась делать дальше.

С этими словами Милодар выключил свет, набрал на браслете свой личный код, и его голограмма, превратившись в легкое, едва светящееся облачко, поднялась над замком, сделала круг и понеслась домой, в подмосковный санаторий «Узкое», где на дне пруда находился секретный вход в Московское отделение ИнтерГпола.

В замке наконец-то воцарилась тишина.

* * *

С утра Милодар, приняв душ и потратив десять минут на гимнастику, вышел к завтраку. Был он облачен в пестрый шелковый китайский халат, подарок старого друга, великого иглоукалывателя Боровкова-сан.

На круглом столике стоял запотевший бокал с апельсиновым соком, омлет из двух яиц с беконом, булочка, кофейник... а по ту сторону стола светился экран, который выдавал сводку ночных новостей.

Новости были обычные: война в Боснии и в туманности Гончих Псов, конфликт в Карабахе и очередной раунд переговоров о судьбе морского флота Аргентины, недавно разделившейся на собственно Аргентину и Окраину Аргентины. И вдруг:

«Для сведения работников служб безопасности сообщаем, что сегодня ночью совершен побег с Детского острова — специального приюта для космических найденышей».

Милодар замер, не донеся до рта бутерброда с беконом.

— Ночью исчезли физкультурник острова, бывший вицечемпион мира по серфингу Артем Тер-Акопян, и его возлюбленная, ученица старшей группы Вероника. Особенность состоит в том, что на Детском острове содержатся найденыши, судьба и происхождение которых пока не выяснены. В некоторых случаях под сомнение ставится их антропоидная сущность. Известно, что роман между воспитателем и воспитанницей начался несколько недель назад и был разоблачен вчера, когда на остров специально для расследования прилетал комиссар Милодар.

— Дураки, — сказал Милодар телевизору, — это была моя голограмма!

— Очевидно, бегство влюбленных связано с этим визитом комиссара и мерами, которых они закономерно опасались, потому что комиссар славится в Галактике как наиболее коварный, жестокий и неподкупный сотрудник ИнтерГпола. Степень опасности такого побега неизвестна, всех сотрудников спецслужб просят сохранять спокойствие и бдительность.

У Милодара пропал аппетит.

Он вскочил из-за стола и кинулся к компьютеру.

Вид у дежурного по Детскому острову был виноватый. Он даже не снял халата прачки, парик съехал набок, руки дрожали. Видно, у него было развито воображение, и он представлял, что сделает с ним комиссар Милодар, когда до него доберется.

— Как это случилось? — спросил Милодар, стараясь сдержать свой вулканический темперамент.

— Девушка находилась под постоянным наблюдением, — произнес дежурный-прачка. — Один из сотрудников постоянно находился под дверью, а к постели были притянуты датчики. Кроме того, за девушкой наблюдала камера ночного видения.

— Где находился физкультурник?

— Он был у себя. За ним также наблюдали...

На этот раз в голосе дежурного не было уверенности, и Милодар понял, что физкультурника оберегали не так строго, как Веронику.

— Дальше, дальше... каждая минута дорога.

— В три сорок три Вероника направилась в туалет.

— У нее обычно ночное недержание мочи?

— Откуда мне знать, комиссар?

— Вот именно — не знаете элементарных вещей, от знания которых зависит, ведет ли себя подозреваемый естественно либо водит вас за нос! Продолжайте!

— Она вошла в туалет...

— И не вышла?

— Мы подняли всех по тревоге.

— А физкультурник тем временем тоже исчез.

— Так точно! — В голосе прачки булькали слезы.

— И сколько времени вы скрывали эту информацию от вышестоящих органов?

— Мы не скрывали...

— Через какое время после обнаружения пропажи вы доложили об этом?

— Через полтора часа. Мы искали их по острову, мы обшарили весь замок, мы думали, что они укрываются в подвале... Мы допрашивали ее соседок по комнате...

— И безрезультатно?

— Безрезультатно.

— Я вылетаю, — сказал Милодар. — Вы уволены.

Через шесть минут, оставшись без завтрака, комиссар Милодар перешел к себе в подземный бункер, снабженный всеми возможными видами связи, а его голограмма поднялась на борт служебного вертолета, который немедленно взял курс к Ладожскому озеру.

Путешествие на север заняло не меньше часа.

За это время все без исключения на проснувшемся острове знали о бегстве влюбленных. И надо сказать, что сочувствие всех, за исключением агентов комиссара, было на стороне местных Ромео и Джульетты. Все годы существования приюта его обитатели чувствовали себя оскорбленными родной планетой — ведь у кого, как не у Земли, просить защиты и поддержки? Но тебя сажают в холодную, богатую клюквой, опятами, подосиновиками и комарами каменную пустынь и начинают исследовать в надежде отыскать в тебе нечто столь ужасное, о чем они сами не имеют представления. О, как приятно отомстить вам, всесильные экспериментаторы!

Так Ко и сказала комиссару Милодару, когда тот ворвался в спальню и набросился на нее с упреками и обвинениями.

— А почему я должна вам сочувствовать? Вы думаете, что я желаю помочь вам сохранить ваше начальственное место? — жестко спросила девушка. — Да пускай вас гонят! Может быть, вместо вас придет человек с нормальным горячим сердцем, а не мороженой сосиской в груди.

— Вы забыли, — холодно ответил комиссар. — У меня в груди сейчас ничего нет, потому что я — только голограмма комиссара. А сам я сейчас сижу в подземном бункере и управляю всей операцией.

— Ах, как это на вас похоже! — воскликнула Ко и резким движением головы откинула назад длинные русые волосы. Она схватила себя сильными тонкими пальцами за локти, как бы обнявши свой стан. Плечи под утренним халатиком были такими хрупкими, будто норовили прорезать косточками материю. Милодару даже стало жалко девушку. Но он тут же отогнал это лишнее чувство.

— Итак, — произнес комиссар, осматривая постель Вероники, сложенную в лучших традициях так, чтобы заглянувшему проверщику казалось, что обитательница ее спит, накрывшись с головой. — Не умеем работать, не умеем...

Он обернулся к Ко и спросил ее мягко, по-товарищески:

— Давай, чего уж тут, рассказывай, как и куда они смылись.

— Неужели их еще не поймали? — удивилась Ко.

— Их еще не поймали, Ко. Поэтому ты сейчас мне честно расскажешь все, что тебе известно.

— Это угроза?

— Клянусь тебе — ничего подобного! Я сам предпочел бы, чтобы влюбленные удачно убежали и скрылись на Марсе. Но скажи, веришь ли ты в это? Веришь ли ты в любовь в шалаше?

— Пускай попробуют, — ответила Ко. — Каждый человек имеет право попробовать свое счастье на зуб.

— Ну что ж... Ладно, Ко, крики и угрозы я приберегу для тех идиотов, которые по долгу службы должны были беречь Веронику. Ты же расскажи мне то, что считаешь нужным рассказать.

— Что бы я ни рассказала, — ответила Ко, — вы повернете так, что Веронике будет плохо.

— Девочка моя, ты не совсем представляешь себе, что про-

исходит. Ведь бегство Вероники и Артема — событие чрезвычайной важности. По нашей, полицейской, терминологии — событие третьего-б разряда. На уровне землетрясения. Помимо этого, побег — плевок в лицо службе безопасности, для которой его подготовка была известна заранее.

Ко не глядела на Милодара, она все крепче сжимала себя пальцами, словно хотела заглушить боль.

— Ты не можешь даже нечаянно повредить подруге.

— Не только это, — сказала Ко.

— Что же, если не секрет?

— Вы будете смеяться надо мной.

— Нет, я не буду смеяться. Я редко смеюсь.

— Мне некому признаться, кроме вас...

— Признавайся.

Ко подняла голову и широко раскрыла синие глаза.

— Комиссар, — сказала она. — Я ужасно люблю Артема. Я так влюблена в него, что готова ради него прыгнуть с обрыва.

— И как тебе удается это скрыть?

— Он любит Веронику, — твердо сказала Ко. — Даже если бы он сейчас изменил свое мнение, я бы отвернулась от него.

— Для меня это слишком сложно, — ответил комиссар. — Если я кого-нибудь полюблю, то выцарапаю из чужих рук!

— Даже если это будет ваш брат?

— Разумеется! Зачем же моей возлюбленной всю жизнь мучиться с братом, когда она может любить меня?!

— И если это будет ваш друг?

— Даже если друг... — Голос Милодара дрогнул.

Глаза заволокло воспоминанием. Чутким сердцем Ко поняла, что прошлое комиссара омрачено какой-то историей такого рода.

— А впрочем, — произнес комиссар, — каждый живет как может, и никогда нельзя сказать заранее, что принесет дивиденды, а что тебя разорит.

Ко промолчала.

Комиссар сказал:

— И все же расскажи мне, что произошло здесь вчера вечером.

— Ничего. Она мне ничего не сказала.

— Неужели ты благополучно проспала побег? И не помогла?

— Зачем ей моя помощь?

— Как же он утащил ее, если мои люди клянутся, что следили за ней до двери туалета?

— Значит, надо проверить окно туалета.

— Я там был. Туалет на третьем этаже.

— Даже тысячу лет назад были веревочные лестницы.

Милодар понимал, что большего он от Ко не добьется.

Не сказав ни слова, он прошел в женский туалет и там имел возможность убедиться в правоте Ко: на подоконнике он обнаружил царапины и потертость от веревки. Не исключено, вынужден был признать Милодар, что этим путем воспитанники приюта пользовались неоднократно.

Милодар стоял в женском туалете, глядел наружу во двор и рассуждал: куда могли убежать влюбленные? Домой к Артему? Вряд ли. В Ереван уже были направлены запросы, там была поднята служба безопасности. Но Милодар отдавал себе отчет в том, что в том же Нагорном Карабахе, где у Артема были родственники и друзья, можно скрыть парочку так, что не отыщешь их с помощью всей галактической разведки. А если отыщешь, то пожалеешь, что ввязался в эту историю.

Но что-то надо делать...

Милодар тяжело вышел в коридор. Несколько девочек разного возраста, которые нетерпеливо маялись у входа в свой туалет, занятый страшным мужчиной, чуть не сшибив его с ног, кинулись внутрь.

Счастливо заурчала вода.

Неожиданно заговорил браслет связи:

«Девушка, отвечающая описанию Вероники, по показаниям носильщика № 26, замечена на полустанке Вырья Мурманской железной дороги».

— Проверить! — закричал Милодар. — Немедленно проверить. Одна ли она. Даю описание спутника... нет, не надо, высылаю флаер с сотрудником.

Что-то остановило Милодара от того, чтобы ринуться на полустанок самому. Что-то недоделанное, незавершенное здесь, в детском доме. Без этого нельзя улетать...

Ко стояла в коридоре неподалеку.

— Ты тоже сюда? — спросил комиссар, показывая на дверь туалета.

— Нет, спасибо.

— Веронику заметили на полустанке Вырья.

— Вы полетите туда?

— Ко, давай сходим к его укромному месту, — предложил Милодар. Без хитрости предложил, а как сотруднику. — Вдруг он там. Или послание для нас с тобой...

— Я только накину что-нибудь на себя, — ответила девушка. — А то на улице дождик.

Милодар подождал ее у выхода из замка. На Ко был длинный плащ. Выбежала директриса с большим черным зонтом и вручила его Милодару. Комиссар из вежливости взял зонтик, хотя голограмме он не нужен.

Директриса не посмела следовать за Милодаром. Она чувствовала себя виноватой, и вид комиссара был столь свиреп, что к нему лучше было не приближаться.

Ко его не боялась, и комиссару это было приятно. Она отличалась от других девушек. В ней была странная, почти профессиональная уверенность в себе. Такая появляется на генетическом уровне, раз в столетие. Милодару не хотелось потерять эту девушку. Она казалась ему куда более интересным приобретением последних дней, чем вся история с романом.

— Мы пойдем к его ухоронке? — спросила Ко.

— Ты знаешь, где это?

Они начали спускаться по тропинке, и Милодар все ждал, когда стволы деревьев прикроют их от внимательных и настороженных взглядов обитателей замка. Оглянувшись, Милодар увидел у ворот замка две одинаковые фигурки в белых халатах — это были прачки.

— Я несколько раз там бывала, — сказала Ко. — Я страшно любопытная. А особенно если учесть то, что я влюблена в Артема.

Она произнесла эти слова так просто, словно ей было далеко за двадцать и она уже научилась относиться к собственным увлечениям с некоторой долей юмора. А ей было всего семнадцать.

— Там он хранил лодку?

— Да, он убегал из замка через окно, спускался к озеру, на лодке переплывал к причалу и ждал ее в сторожке. Потом они катались на лодке по озеру.

— Что ты говоришь!

— В этом ничего дурного нет! — воскликнула Ко. — Они даже купались вместе и плавали, если вода была не очень холодной. Они и меня раза два брали.

— Именно катались и ныряли! — Милодар вложил в эти слова всю степень недоверия, но Ко не удивилась.

— Вы думаете, что мы уже совсем взрослые и думаем только о том, как забраться в кровать! — возмущенно ответила она. — А это не так. У нас много других увлечений и занятий, которые куда интереснее, чем тереться своим телом об какого-нибудь волосатого мужика!

— Но ты же сама говоришь, что влюблена в физкультурника!

— Он — совсем другое дело. И он меня, слава богу, не трогал руками.

— А Веронику трогал? — спросил Милодар.

— Только на самых последних свиданиях. Он стал говорить, что ему уже мало купаний и гуляний, что его любовь требует действий...

— А Вероника?

— Вероника сомневалась. Ей хотелось еще покататься на лодке. Хотя она говорила мне, что целоваться ей нравится. Но вообще, честно говоря, комиссар, мы с Вероникой много спорили о том, что же главное в любви, но так и не нашли ответа.

— А какова твоя точка зрения?

— Я думаю, что главное — это духовная близость, — сообщила Ко.

— Погоди, — Милодар остановился. Они уже углубились в лес и прошли полдороги к берегу.

Загорелся вызов на браслете Милодара:

— Есть подозрение, что подходящая под описание воспитанницы В. девушка в сопровождении молодого человека, соответствующего описанию подозреваемого А., совершили посадку на поезд Москва — Мурманск, который остановился на разъезде Вырья.

— Как далеко Вырья от Ладожского озера?

— Вырья находится на берегу озера.

— Ну вот и все, — сказал Милодар.

Затем он осведомился у своего браслета:

— На поезде наблюдение за подозреваемыми установлено?

— Так точно, — отозвался тонкий далекий голосок.

Они стояли в темном беззвучном лесу. Было холодно. Чуть-чуть сыпал холодный дождик.

— Ну что ж, — сказал Милодар. — Что ты предлагаешь? Вернуться?

— А что же еще? — удивилась девушка.

Милодар усмехнулся и показал слишком белые зубы.

— Тогда выслушай мой первый урок, девочка, — сказал Милодар. — Если на пути к цели, к подозреваемому, к камню с надписью тебя что-то отвлекает, даже что-то важное, ты выслушай это важное, но закончи путь к цели. В девяноста процентах игра стоит свеч.

— Мы дойдем до озера? — удивилась Ко. — Но там же никого нет!

— Вот именно. Мы потеряем еще десять минут, зато будем на всю жизнь спокойны и уверены в том, что не упустили чего-то важного из-за того, что мечемся от кормушки к кормушке.

Очевидно, комиссар имел в виду буриданова осла.

Милодар шел первым и предупреждал о ветках и камнях.

Впереди между стволов блеснула вода. Тучи, как бы ожидая этого момента, разбежались, и солнце тускло осветило лес.

Бухточка, над которой нависли толстые корни сосен, была тиха и безмолвна. Милодар склонился над тем местом, где была притоплена лодка. Она оставалась на старом месте. Значит, влюбленные уплыли на другой. Но когда Милодар уже намеревался возвращаться, его остановила Ко.

Она произнесла испуганным голосом:

— Господин комиссар... поглядите... под лодкой.

В ее голосе комиссар почувствовал тревогу.

Он наклонился ниже к прозрачной черной воде и увидел, что из-под притопленной лодки высовываются белые босые человеческие ноги...

Словно кто-то положил на неглубокое здесь дно раздетого человека, а потом придавил его затопленной голубой лодочкой, рассчитывая, что никто не сунется в такую глушь искать тело.

Ко стояла неподвижно. Ей было страшно убежать в темный лес, но и остаться — не менее страшно.

— Боишься, что пошлю тебя за помощью? — спросил Милодар, присаживаясь на корточки, чтобы лучше разглядеть тело.

Ко отрицательно покачала головой, но ничего не ответила. Голоса не было.

— Правильно, — сказал Милодар. — Сейчас тебя и танком не оттянешь.

— Вы... вы вызовите кого-то... у вас же связь, — произнесла наконец девушка.

— Хорошая мысль, — ответил Милодар и ничего не предпринял.

— А кто это? — спросила Ко, чтобы нарушить тишину.

— Скоро узнаем. Хотя я уже подозреваю. Ты тоже.

— Нет!

— Да.

Милодар опустился в воду — ухнул в нее по пояс, но вода не покачнулась, не разбежалась кругами — голограмма не разрушила ее спокойствия, и от этого Ко охватило состояние кошмара, нереальности.

— А теперь, — сказал Милодар, возможности голограммы которого были неоднозначны и не всегда одинаковы. Порой он мог взять в руки бокал или кинуть камень, а иногда терял способность управлять реальными предметами, — теперь возьми дрыну, которая валяется в трех шагах выше по тропинке. И возвращайся.

Ко покорно сделала три шага вверх по берегу, подняла с земли трехметровый прямой сук.

— Иди сюда, — велел Милодар.

Ко спустилась к воде.

— Теперь осторожно толкни лодку в корму. Только осторожно, поняла? Я думаю, что она не касается или почти не касается тела.

Ко подчинилась. Ей было страшно холодно.

С первой же попытки она уперлась концом палки в корму, но лодка не сразу сдвинулась с места — она оказалась тяжелее, чем рассчитывала Ко.

Ко нажала чуть сильнее — палка скользнула по корме и ушла в сторону. Ко с трудом удержала ее в руках и была вынуждена выпрямиться и вырвать конец палки из воды. Вода взбурлила, но лодка уже поплыла в сторону, притом поднимаясь к поверхности.

Труп, лежавший под лодкой, покачнулся и медленно поплыл к берегу — он двигался, пока не дотронулся до торчащего с берега корня расставленными пальцами руки.

Артем лежал близко от поверхности воды лицом вверх, и теперь, когда лодка ушла в сторону, медленно-медленно поднимался. Ко поняла: какое счастье, что рядом комиссар Милодар. Иначе бы она наверняка сошла с ума. Нельзя остаться нормальным человеком, если веселый юноша, в которого ты была немного влюблена, поднимается к тебе из прозрачной холодной воды, глядя в небо полузакрытыми мертвыми глазами и чуть шевеля разведенными в стороны руками и ногами — словно отдыхает на воде после долгого заплыва.

Ко ахнула и откинула в сторону палку.

Она попыталась отвернуться, закрыть глаза, но не могла.

— Терпи, — сказал Милодар. — Теперь уж никуда не деться. Придется тебе, девочка, терпеть.

— Он не мог утонуть, — прошептала Ко. — Он плавал как рыба...

— Не в этом дело, — отозвался Милодар.

— И он не здесь! — Ко обрадовалась, схватилась за ложь, как за тростинку. — Он же в поезде! Его же видели вместе с Вероникой!

— Вот это меня больше всего и смущает, — сказал комиссар.

Он включил свой браслет — загорелся зеленый огонек.

Ко не могла оторвать взгляда от лица Артема — совершенно спокойное и живое лицо, если не считать темного пятна на виске.

— Внимание, — сказал Милодар. — Сообщение чрезвычайной секретности и важности. Перехожу на шифр. Включить все микшеры звука в Солнечной системе, создать звуковые помехи на всех волнах вплоть до максимума килогерц.

Ко послышалось, как некто в браслете ахнул. Видно, приказание такого рода было настолько из ряда вон выходящим, что Земля на мгновение замерла на своей орбите.

Милодар же, выдержав короткую паузу, начал произносить бессмысленные сочетания цифр и присвистывать притом — звуки эти, как бы детская игра, разлетались со скоростью света по Земле, по Галактике, заставляя корабли изменить свой курс, караваны пропустить водопои, подземные боевые машины замереть в жерлах вулканов.

А Ко смотрела на спокойное лицо, до которого она еще сегодня утром так мечтала дотронуться губами и мучилась от

ревности, понимая, что Артем стремится лишь к губам Вероники.

Где же сейчас Вероника? На каком полустанке? Кто ее видел, с кем? Это какая-то ужасная ошибка. Веронике грозит опасность!

— Веронике грозит опасность! — воскликнула Ко.

Милодар поморщился, потому что крик Ко сбил его с четкости цифрового кода, который он выдавал подобно пулемету.

— Знаю, — откликнулся он.

Тем временем сверху, по незаметной среди деревьев тропинке, которой раньше пользовался только физкультурник, сбежали прачки — почти уволенные сотрудники ИнтерГпола. Они принесли с собой съемочную аппаратуру и, прежде чем вытащить Артема из воды, зафиксировали положение тела.

— Его не поздно оживить? — спросила Ко, когда Милодар отступил от берега, чтобы не мешать своим сотрудникам.

— Не говори глупостей, — ответил Милодар. — Ты же взрослая девочка. Ты отлично знаешь, что клетки мозга сохраняются лишь несколько минут. Потом наступают необратимые изменения. И если ты не успеешь пересадить мозг в другое тело или в морозильную камеру в течение шести минут, считай, что человек погиб.

— Но здесь такая холодная вода! — упрямо сказала Ко.

— Боюсь, что и это нам не поможет, — ответил Милодар. — Он лежит здесь давно, несколько часов!

— Откуда вы можете это знать!

— Послушай, девочка, — сказал комиссар. — Я знаю, что ты расстроена тем, что Артем погиб. Но поверь мне, я скорблю куда больше тебя, потому что мне нужно было его допросить, а теперь я этого не смогу сделать.

Ко удивленно посмотрела на Милодара. Он был совершенно серьезен. Тогда Ко еще мало знала комиссара и подумала, что он старается показать себя человеком долга. На самом же деле он ничего не показывал — для него важнее всего было дело. А сейчас этим делом оказалось задержание Вероники и того человека, который сопровождал ее и который, по версии Милодара, вместе с Вероникой убил физкультурника.

Зачем? Почему? — это будут вопросы завтрашнего дня. Сейчас же главной помехой в работе Милодара было то, что Артем умер и не мог ему помочь.

— Иди к себе в комнату, — сказал Милодар. — И отдыхай.

— Вы говорите серьезно? — озлилась Ко. — Вы хотите сказать, что в тот момент, когда убили моего друга, когда пропала моя подруга, я буду сидеть в спальне... может быть, посоветуете, что почитать?

— Я же не знаю, какие у вас книжки! — огрызнулся Милодар, который принял ее слова всерьез. — И вообще лучше посмотрите телевизор. Там сейчас какой-нибудь сериал показывают.

Прачки осторожно вытащили тело на берег. Сверху спустился приютский доктор, который без особой уверенности в себе приблизился к телу.

— Артем, Артемчик, — позвала мертвеца Ко.

— А ну, давай отсюда! — прикрикнул на нее Милодар.

Ко не обратила внимания на крик, она присела на корточки рядом с телом Артема и дотронулась пальцами до ледяного лба.

— Простите, — сказал доктор, спешивший заняться своим делом.

— Определите мне быстро время смерти и состояние мозга! — приказал Милодар.

— Но у меня с собой нет приборов.

— С приборами каждый сможет! — Милодар был в бешенстве. Он воспринимал случившееся как личное поражение и оскорбление. — Вы мне определите без приборов. Даже если он уже безнадежен, я должен его допросить. Понимаете?

— Нет, — признался доктор.

— Тогда, — Милодар постарался взять себя в руки, — определите причину смерти.

— Вот, — сказал доктор, — видите, на виске — следы удара колющим орудием.

— И все?

К счастью для доктора, который не знал, что больше сказать, потому что обычно черновую работу за него делали автоматы, а он лишь осмысливал их показания, на воду у берега, ломая вершины сосен, грохнулся флаер с красным крестом, из которого вылетели на реактивных аппаратах индивидуального пользования несколько медиков с чемоданчиками в руках.

— Вот видите, — сказал Милодар приютскому доктору, и тот, устыдившись, отошел в сторону.

Словно охраняя чувства присутствующих, медики покры-

ли тело Артема белой палаткой и забрались в нее. Оттуда доносилось жужжание приборов и пил, скрип и иные неразличимые звуки. Ко стало так плохо, что она стала задом наперед отступать вверх по склону, натолкнулась спиной на шершавый еловый ствол, замерла, и у нее не было сил двигаться дальше.

— Разъезд Вырья? — спросил Милодар, включив браслет. — Как проходят поиски нашей парочки?

— Они в поезде, — откликнулся голосок из браслета.

— Есть ли фотографии? — спросил комиссар.

— Принимайте, — ответил браслет.

Тут же из щели в браслете — Ко было отлично это видно — появилась тончайшая пленка, которая твердела и толстела на воздухе, распрямляясь и превращаясь в цветную объемную фотографию.

— Ко, ты где? — произнес Милодар, абсолютно убежденный в том, что девушка не подчинилась ему и не ушла в замок.

— Здесь.

— Погляди.

Ко взяла у него из рук фотографию Вероники.

Тем временем браслет выдал вторую фотографию.

Ко ахнула.

Камера уловила физкультурника в три четверти, отчего его лицо было особо живым и казалось подвижным.

— Это Артем, — сказала Ко.

— Сам вижу, что не Лев Толстой, — ответил комиссар. — Очень похож.

— Разве у вас сомнения...

— Замечательно, — сказал Милодар. — А кого же мы с тобой нашли?

— Не знаю.

В тот момент реальность Артема на фотографии казалась более очевидной. Найденный ими молодой человек был спрятан в палатке, и там, внутри, врачи что-то делали с ним, превращая его из человека... в объект.

— А я знаю, — сказал Милодар. — И потому сейчас же вылетаю в Мурманск.

— А что вы знаете? — спросила Ко.

Милодар словно не слышал ее вопроса. Он обратился к палатке:

— Ну, скоро вы?

Из палатки высунулся доктор. Он оперся ладонью в резиновой перчатке о траву. Перчатка была вся в крови.

— Мозг поврежден необратимо, — сказал врач. — Время смерти — три часа ночи. Убит он на берегу, а затем брошен в воду.

— Причина смерти?

— Удар... удар острым предметом. Возможно, клювом.

— Каким еще клювом! — раздраженно произнес Милодар. — Вы еще скажите — укусом муравья.

Большая ворона снялась с ветки над Милодаром, заложила пологий вираж и, набирая скорость, помчалась к комиссару.

— Комиссар! — успела крикнуть Ко и кинулась к валявшейся на земле палке. Но пока она поднимала ее, ворона успела долететь до Милодара, который непроизвольно поднял руки, защищая голову от удара.

Удар!

Стремительное движение головы, оглушительный шум крыльев — ворона пролетела сквозь голову комиссара и по инерции врезалась в землю — ворона не знала, что имеет дело лишь с голограммой комиссара Милодара.

Но Ко знала об этом.

Ей бы испугаться и кинуться бежать: ведь мало ли чем может грозить девушке птица-убийца. Нетрудно было сделать вывод, что и смерть Артема связана с таким же нападением.

Но Ко была разозлена. И если эта гадкая птица прилетела сюда убивать, то и ей не будет пощады.

В руке Ко была здоровая палка, та самая, которой она подгоняла к берегу лодку, и девушка сообразила, что надо делать, быстрее, чем все агенты ИнтерГпола, которые сбежались на помощь.

В тот момент, когда потерявшая равновесие птица ударилась о землю и забилась, стараясь взлететь вновь, на нее обрушилась палка — Ко ударила по птице изо всех сил.

Раздался треск.

Голова вороны с большим крепким клювом не удержалась на перешибленной суком шее и отлетела в траву.

Птица еще сильнее забила крыльями, побежала к воде и сорвалась с берега, набирая высоту.

Ворона летела, улетала от острова — она была совсем как настоящая птица, лишь безголовая. И Ко ждала, когда же она

упадет. Известно, что случается: отрубят голову петуху, но он еще некоторое время носится по птичнику, пока не упадет. Так, решила Ко, должно случиться с этой бешеной вороной — сейчас она рухнет в воду комочком черных перьев.

Все остальные, кто собрался на берегу, глядели вслед безголовой птице. Но она все не падала и хоть медленно, неуверенно, но набирала высоту.

Зрелище было, по крайней мере, необычным.

Но продолжалось оно недолго, потому что с вершины дерева сорвалась вторая ворона и, догнав свою товарку, полетела рядом, чуть ниже, затем ловким движением подставила безголовой вороне спину, и та опустилась на нее, позволяя унести себя к облакам.

— Ну что ж, — первым заговорил Милодар, — по крайней мере, мы с вами теперь увидели убийцу и даже узнали, как он это сделал.

— Я за вас испугалась, — произнесла Ко.

— Я сам испугался, — ответил Милодар. — Я, конечно, знаю, что я голограмма. Но когда на тебя неожиданно кидается какое-то чудовище, то руки сами действуют.

Он засмеялся, и все в облегчении тоже стали смеяться.

— А ты, Ко, молодец, — сказал приютский доктор. — Я бы на твоем месте не сообразил. И не успел бы...

— Я тоже отметил быстроту реакции, — согласился Милодар. — Но в будущем такие удары надо наносить куда сильнее и быстрее. Если бы ворона не растерялась от того, что так оконфузилась со мной, она бы раза три успела тебя заклевать.

Ко не могла не обидеться. Она сделала все то, что должны были сделать многочисленные профессионалы, которые за это зарплату и лычки получают, но вместо благодарности ей начинают читать нотацию.

— Ваше счастье, — буркнула она, — что вы ненастоящий. А то бы лежали на сырой земле.

— Грубо, — откликнулся Милодар, — невежливо. Никто не просил тебя здесь размахивать палками. Может быть, именно это помешало нам поймать странное существо. Можно сказать, что вы, девушка, сорвали нам операцию.

Милодар увидел, что на глаза Ко накатываются слезы. И тут же переменил фронт атаки.

— А что касается сотрудников ИнтерГпола, которые нахо-

дились здесь и не смогли обеспечить охрану своего комиссара, а также поимку опасных для человечества устройств, все они без исключения направляются под арест. Вопрос о суде над ними и последующей отставке без содержания решит трибунал. А ну, все под арест! Упустили Тер-Акопяна, проворонили воспитанницу, чуть меня не убили и еще смеют улыбаться!

Никто, разумеется, не улыбался. Просто челюсти прачек и других агентов ИнтерГпола дрожали от страха и унижения.

— Вон! — приказал комиссар.

Уволенные сотрудники покорно побрели под арест, и на берегу сразу стало свободнее.

— Медицина! — взревел комиссар. — Ну где вы, черт побери!

Медицине не надо было откликаться, потому что все врачи оставались рядом с комиссаром — некоторые в белой палатке, другие — снаружи.

— Да возьмите вы эту голову! — Милодар указал на воронью голову, которая лежала в траве, медленно открывая и закрывая клюв, будто просила напиться. — Возьмите голову и немедленно исследуйте ее!

Тут комиссар увидел, что к голове направился приютский доктор и готов уже взять ее в руки.

— Не рукой! — возмутился комиссар. — Откуда берутся такие неучи! Может быть, там вирус... яд, в конце концов!

Доктор отшатнулся от вороньей головы, и тут же, как бы в ответ на крик Милодара, голова начала медленно расползаться, превращаться в студенистую массу, в лужу киселя, в жидкость, которая быстро впиталась в землю и лишь несколько перышек да один черный глаз остались лежать снаружи.

— Этого и следовало ожидать, — сказал Милодар.

Неожиданно он обернулся к Ко, которая стояла, опираясь на сук, подобно Гераклу, опирающемуся о свою палицу и облаченному в шкуру льва.

— А вы уверяли, что от вас, сироток, не исходит опасность для человечества!

— При чем тут мы! — возмутилась Ко. — При чем тут мы? Вероника находится в плену у неизвестных злодеев, меня могли убить, и боюсь, что никто из вас не пришел бы мне на помощь. Но виноваты в этом, оказывается, только мы! Как мне все это надоело! И учтите, я вас предупреждаю: если кто-

нибудь организует террористическую группу, чтобы взрывать полицейские участки и детские дома, я буду среди первых кандидатов в боевики.

Милодар натужно посмеялся. Потом выдавил из себя:

— Надеюсь, что до того времени мы вас перевоспитаем.

— Я не хочу перевоспитываться!

— Неужели вы не понимаете, — закричал в ответ Милодар, — что вы притягиваете к себе все злобные силы Галактики! Это что-нибудь значит?

— Вы убеждены, что мы их притягиваем? А может быть, Артем? А может быть, мы стали пешками в вашей игре? Я же не верю вам, комиссар.

— Хорошее, правильное чувство недоверия. Из вас может получиться агент ИнтерГпола, — ответил Милодар.

Так впервые странное чувство, притягивающее и отталкивающее комиссара к Ко, было им сформулировано. И возникло на поверхности слово «агент». Отныне отношения комиссара и девушки по имени Ко вступили в новый, еще не оформленный опытом, памятью и совместными переживаниями этап.

Но в тот момент Милодар был слишком занят текущими заботами, чтобы анализировать свои чувства к Ко. Он извлек определитель запахов, «карманную собаку», как именовали ее в Управлении, и постарался, пока совсем не затоптали место преступления, определить, как же произошло нападение.

Увидев, что комиссар стал подниматься по тропинке, направляя голубой лучик небольшого прибора на листву и на землю под кустами, Ко спросила его, чем он так занят. Комиссар пояснил, что пытается выделить остатки запахов, оставленных здесь убийцей.

— Как же так, — удивилась Ко наивности комиссара. — Мы же знаем, что Артема заклевали биороботы-вороны.

— Это все так, — согласился Милодар. — Но вороны не могли бы утащить Артема в воду и накрыть его перевернутой лодкой в надежде, что его тело не найдут еще несколько дней, потому что не будут искать. Значит, вороны были не одни.

— Их кто-то направлял, — сообразила Ко.

— Вот именно.

Комиссар медленно шел по тропинке, посматривая на ми-

ниатюрный экранчик прибора и прислушиваясь к разнообразному тонкому писку, который тот издавал.

— Вот так, — произнес комиссар. — Это спускался Артем... его запах.

— Неужели он сохранился?

— Моей собаке достаточно нескольких молекул. А они всегда остаются: то ты коснулась ветки, то ты споткнулась о сук, то чихнула...

— А что дальше?

— А дальше я вижу и слышу наши с тобой запахи и ту вонь, которая осталась после нерадивых прачек и сиротского доктора, которые бегали по этой тропинке... Но мы это все отделим и отбросим... Вот! Вот запах незнакомый. Он принадлежит мужчине в возрасте от двадцати до двадцати пяти лет, высокого роста, темному шатену с родинкой на тыльной стороне левой руки...

— Вы все это видите?

— Кое о чем догадываюсь. Как скульптор, который воссоздает облик человека по его черепу.

Комиссар повернул обратно. Поглядим, остались ли следы незнакомца на берегу.

На берегу отыскать их оказалось куда труднее — слишком много народа там толклось. Но через несколько минут неутомимый комиссар снова подхватил след. На этот раз запах возможного убийцы повел их вдоль берега, и если голограмме комиссара погружения в холодную воду или лазанье по скалам были нестрашны, то Ко страшно измучилась за полчаса, которые потребовались, чтобы достигнуть причала.

— А вот здесь он нахально остановился, — комментировал ночные события комиссар, — потому что был уверен в себе.

— В каком смысле? — не поняла Ко.

— А потому что, начиная с места убийства, запах его был нечист. Я всю дорогу ломал голову, что же произошло. И только сейчас я понял: убийца раздел физкультурника и переоделся в его одежду.

— А куда дел свою?

— Не задавай пустых вопросов, — отмахнулся комиссар. — Нам с тобой его одежда ничего не скажет. Вернее всего, он утопил ее — привязал к камню и утопил посреди озера. А может быть, ее унесли ручные биороботы.

— Кто?

— Вороны, кто же еще! Как я мог их прошляпить! Сто раз видел их вчера на острове и не придал им значения! Какая наивность! А они ждали приказа, ждали своего часа.

Комиссар прошелся по скрипучим доскам причала. Подошел к развалинам сторожки. Прислушался, стоя, к попискиванию своей собаки. Потом подвел итоги поисков:

— Он пришел сюда и ждал здесь Веронику. Он был в одежде убитого физкультурника. Значит, это и есть тот, так похожий на физкультурника молодой человек, фотографию которого мы с тобой получили. К счастью, во главе следствия стоит такой гений сыска, как комиссар Милодар, и потому мы знаем, что Вероника трагически заблуждается. Ей подсунули двойника. А настоящей ее возлюбленный погиб. Следующий шаг наш.

— И каким он будет? — спросила Ко, несколько удивленная высоким мнением комиссара о себе самом.

— Мы подсунем им нашего двойника, — уверенно ответил комиссар, окидывая взглядом Ко. Но девушка в тот момент не догадалась, какое страшное испытание уготовил ей комиссар Милодар. Она ждала, что он предложит.

— Не хотели бы вы составить мне компанию? — спросил комиссар.

— Как так составить компанию?

— Полететь со мной на Кольский полуостров. Мне нужен помощник, который знаком с Вероникой, которому Вероника доверяет, который знает всю эту историю. Мне некогда вводить в дело другого агента. Но предупреждаю: предприятие опасное. Единственное, что могу обещать, — в случае удачи мы с вами освободим несчастную Веронику и отомстим за смерть Артема.

— Я готова, — тут же ответила Ко, будто ждала такого приглашения.

Комиссар испугался, что переборщил, дав девушке некие перспективы равноправия и товарищества. И поспешил снизить пафос своего предложения.

— Не обольщайтесь, — заявил он. — Я беру вас с собой не из-за благодарности за вашу попытку спасти меня. Хотя вы, в отличие от моих агентов, единственная вели себя достойно и по-мужски. И не потому, что вы умны или сообразительны. Это пока что ваше личное дело. Но я не хочу оставлять вас без присмотра, девушка. Черт знает, что еще может здесь про-

изойти, — мне спокойнее, если вы будете на расстоянии вытянутой руки. Поняли?

— Поняла, — улыбнулась Ко. — Можно я переоденусь?

— Только мгновенно! Пока я вызываю мой флаер, беги к себе, одевайся. Но не на бал, а как бы в поход за грибами. Чтобы через десять минут была готова.

Ко отбросила в сторону палку и понеслась по тропинке двухметровыми шагами — она была легкой, тоненькой, костлявой и такой длинноногой, что страшно становилось подумать: что же будет с ней к двадцати годам?

* * *

Они сошли с флаера на глухом полустанке неподалеку от Хибин. Дул жуткий ледяной ветер. К их прилету — по крайней мере, здесь Милодара слушались — в кабинете начальника станции ждал узел с одеждой — Милодар и его юная спутница должны были превратиться в парочку лыжных туристов, заблудившихся в снежной пустыне и теперь стремящихся к комфорту мурманского «Хилтона» и горячим бассейнам Североморска.

Лыжный костюм для Ко оказался короток — руки торчали чуть ли не по локоть, к тому же в нем не работал обогрев. Милодар сказал, что никто не обратит внимания на такие мелочи. Ему-то было все равно — надо было только следить, чтобы голограмма не выскочила из одежды в неподходящий момент.

Несмотря на требования Милодара ждать поезд на платформе, Ко ушла в маленький зал ожидания, стандартный блок в стиле «Архипелаг ГУЛАГ» с уютным баром в углу. Свет над стойкой не горел, сама стойка и круглые табуреты вдоль нее были пыльными — в сочетании с барачными стенами это создавало ощущение театрального закулисья. Здесь, по крайней мере, было тепло.

Вскоре пришел и Милодар. Он изображал вусмерть замерзшего путника.

— Печку растопила, дочка? — спросил он, подпрыгивая и беззвучно хлопая в ладоши.

— Скоро поезд? — ответила вопросом Ко, которой было страшно: за годы заточения на Детском острове она потеряла способность уверенно чувствовать себя в открытом одиночестве. Общество же Милодара было фикцией. Да и непонятно,

зачем она ему понадобилась. Отвратительно подозревать, что тебя используют как приманку и, если будет угрожать опасность, вернее всего, не пожалеют, а бросят, как обкусанного дохлого червяка. Жалко было физкультурника Артема — а вдруг он теперь будет сниться — голубые руки и ноги, торчащие из-под опрокинутой лодки. Почему она такая эгоистка — почему она думает о себе, когда надо думать о бедном Артеме и несчастной Веронике...

— Комиссар! — Ко вскочила с вертящегося табурета. — Произошла жуткая ошибка!

— Спокойно, — Милодар подошел к окошку, забранному ржавой решеткой, — не люблю моду, тем более моду, паразитирующую на человеческом несчастье. Какой идиот придумал эти лагерные декорации?

— Вы не слышите, комиссар? Произошла ошибка!

— Сейчас ты скажешь мне, что если Артема убили на острове, значит, его не может оказаться в поезде. А если он все же едет в поезде, значит, его не убивали на острове. Неразрешимая загадка!

— Как вы догадались? — удивилась Ко. — И зачем молчали?

— Не догадаться мог только полный дурак. Удивительно, как ты умудрилась не задать мне этого вопроса за последние два часа?

Ко задумалась. Никому не хочется казаться дураком.

— Мы так спешили, — сказала она, — что мне некогда было думать.

Заглянул начальник станции, уютного вида располневший робот в синем форменном костюме и красной фуражке.

— Шестнадцатый туристический идет по расписанию, — сообщил он, — через шесть минут будет.

— Поглядите, подоспела ли группа контроля, — приказал Милодар.

— Группа контроля, — повторил робот и пошел прочь.

— Второй твой вопрос — почему я молчал. Ответить на него сложнее. Причин тому несколько. — Милодар уселся на пыльные нары под портретом не известного Ко господина в военной форме. К рамке была прикреплена табличка:

И. БРОДСКИЙ
Портрет народного комиссара
И. Ягоды

— Первая причина, — продолжал Милодар, — недоверие к тебе. Ты для меня табула раса, то есть терра инкогнита, понимаешь?

— Это по-китайски? — спросила Ко. В приюте хорошо кормили, но учили умеренно.

— Не столь важно, на каком языке. Важен смысл.

— Значит, вы мне не доверяете... — произнесла Ко. — А зачем взяли с собой?

— Потому что ты мне понравилась, а интуиция подсказала: бери.

— Но теперь вы можете сказать, что все это значит?

— Нет, не могу. Сам не понимаю. — Комиссар слишком энергично развел руками, и правая рука пронзила ткань пиджака. Хоть это было лишь видимостью. — Но вижу во всем нечто зловещее. На поверхности все просто и трогательно: романтически настроенная девица убегает с возлюбленным. Но мы-то с тобой знаем, что любимый в виде трупа лежит под водой. С кем же тогда убежала Вероника и, главное, знает ли она сама, с кем убежала?

— Какой ужас вы говорите!

— Это тебе лишь кажется. Когда задумаешься, поймешь, что я прав.

— Я уже поняла. Хотя мне хотелось бы, чтобы Артем остался жив. А тот, фальшивый, был бы убит.

— Все это пустые разговоры.

— Знаю.

Издалека донесся гудок паровоза.

— Собирайся, — сказал комиссар.

— Я готова, — ответила девушка.

— Наша с тобой задача, — объяснил Милодар, разглядывая себя в зеркале над ведром-парашей, стоявшим у входа в бар-барак, — отделить Веронику от этого чудовища. Но так, чтобы он тебя не увидел. У них есть твои фотографии. Действуем вдвоем.

Милодар остался доволен собой. Он достал из кармана лыжного костюма темные очки. Надел их. Вторую пару протянул девушке. В очках было плохо видно.

Милодар двинулся к выходу на платформу, Ко — за ним. Лыжи были длинные и застряли в дверях. Комиссар обошелся без лыж.

Поезд появился из-за пологой, поросшей редкими низко-

рослыми елями горы. Он гудел, приветствуя станцию. Ранние снежинки летели над рельсами.

— Почему вы не задержите этого человека, если думаете, что на самом деле он самозванец?

Милодар даже топнул ногой, так он разгневался.

— Ты тупая или притворяешься? — спросил он, глядя на приближающийся поезд.

— Ни то, ни другое! — смело ответила девушка.

— Тогда подумай: на Детском острове, где содержатся, возможно, самые загадочные и опасные существа на свете... не хмурься, ты же не виновата, что можешь стать чудовищем... происходит убийство. Кому-то понадобилось не только убить, но и подменить человека. Зачем?

Ко покачала головой. Она не догадывалась, кому и зачем это понадобилось.

— Затем, — продолжал Милодар, переступая с ноги на ногу, подпрыгивая и изображая смертельно замерзшего туриста. — Затем, что кому-то понадобилась твоя подруга Вероника. Настолько, что похитители не остановились перед гигантскими расходами — они изготовили копию Артема Тер-Акопяна, видимо, настолько похожую на убитый оригинал, что Вероника попалась на подделку. Конечно, если она не часть дьявольского заговора...

— О нет! — воскликнула Ко.

Робот в красной фуражке со свернутым красным флажком вышел на перрон. Он поднял флажок.

Красная звезда была прикреплена к коническому носу старинного паровоза, похожему, как показалось Ко, на детскую пороховую ракету, какие использовались на острове во время фейерверка. Сам паровоз был темно-зеленым, блестящим, колеса — красными, из трубы валил черный дым, машинист в ушанке выглянул в боковое окошко и помахал роботу. К паровозу был прицеплен тендер, за ним — три вагона. Первый с окнами узкими и частыми, затем два деревянных монстра с широкими дверями в центре и маленькими, забранными решетками окошками под крышей. Ко знала, что такие вагоны сто с лишним лет назад именовались теплушками и занимали значительное место в русской истории. Вагоны эти были грузовыми, но так уж повелось в России XX века, что возили в них людей, и большей частью не по доброй воле. В них грузили солдат и преступников, в них набивались

беженцы и голодающие; а так как почти каждый житель страны в тот или иной час побывал солдатом, преступником или беженцем, то можно считать, что мало кто избежал путешествия в теплушке.

Уже к середине следующего века, хоть нравы далеко не везде и не всегда смягчались, теплушки, как и железные дороги, сгинули в погребах истории. Появились иные средства транспорта, внешне куда как более цивилизованные, быстрые и вместительные.

Но всеобщий интерес к истории и туризму возродил к жизни образы и некоторые способы путешествия, заимствованные из глубокого прошлого, со значительными отступлениями порой от исторической правды. Стало особым шиком строить заново древние замки и виадуки, копать рвы и сооружать подъемные мосты, чтобы путешественники, прибывшие от ближайшего космического терминала верхом, могли стащить с себя смазанные потом латы и переодеться в шелка для ужина в готическом зале. Там они внимали трубадуру, пожирали бараньи ноги и кидали кости злобным псам, цапающим гостей за щиколотки. Затем, тяжело захмелев от первобытного пива и браги, туристы устраивались спать по двое и по трое на соломенных тюфяках, мучились от сквозняков и дрожали при виде голубых привидений, созданных голографистами за особую плату.

На Кольском полуострове и под Магаданом функционировали ретродороги, призванные напоминать любознательным путешественникам о злодеяниях коммунистов и их вождя Иосифа Сталина. Разумеется, все учили в школе о злодеях XX века, и Ко еще недавно завалила контрольную по Второй мировой войне, решив, что в ней принимал участие Наполеон, который на самом деле участвовал в Первой мировой войне или в какой-то еще, не менее пустяковой.

Будущее всегда снисходительно к прошлому и склонно преуменьшать его достижения и преступления. На значительном расстоянии избиение младенцев царем Иродом может быть оправдано исторической необходимостью или превращено в приключенческий роман, в котором читатель следит за судьбой лишь одного из младенцев — того самого, которому удалось выпутаться из этой истории.

Так что для Ко, которая оказалась на полустанке по необходимости, изобретательность Всемирного туристического

агентства представлялась блажью, садизмом и просто глупостью, но путешественники из сытой Дании и благополучной Боливии с наслаждением отдавались мазохистскому началу в своих душах и, листая потрепанные страницы соответствующих русских романов и путеводителей, с душевным трепетом ждали, что же еще ужасное откроется за следующим поворотом.

На этот раз открылся барак — лагерный барак, он же полустанок, разъезд Лагерный. Датские туристы толпились у окошек теплушек, а гиды в шинелях из туристического бюро оттаскивали их от окошек и грозили побоями и даже смертью.

Мало кто из пассажиров обратил внимание на ожидавших поезда Милодара и Ко, хотя робот-начальник станции привлек внимание фотографов — в поезде было почему-то запрещено пользоваться современными камерами, и всем желающим выдавали советские аппараты «ФЭД» и «Смена», которые, как правило, снимать ничего не могли, пленка в них заедала и была перекошена, а то ее и вообще не оказывалось. Но это было не столь существенно, потому что по окончании путешествия аппараты и пленка конфисковывались.

Милодар оглядел Ко. Она уже на самом деле окоченела, из-под очков торчал красный кончик носа, тонкое тело сотрясала дрожь.

Сам комиссар также старался дрожать, и очки его были столь велики, что свободным оставался лишь подбородок.

Поезд на секунду притормозил.

Комиссар и Ко вошли в первый вагон, обыкновенный, хоть и старомодный, снабженный узкими окнами. Вдоль вагона тянулся узкий коридор, в который выходили деревянные двери купе. Вагон казался таким старым и запущенным, словно его и на самом деле нашли на свалке, а не соорудили на заводе года два назад.

Бравый усатый проводник, одетый в полувоенную синюю форму и черную фуражку, встретивший новых пассажиров на площадке, без слов провел их в первое купе и так уверенно закрыл за собой дверь, что Ко сразу поняла: он предупрежден, а может быть, служит в том же ведомстве, что и Милодар.

— Они в третьем купе, места пятое и шестое. После посад-

ки не выходили, если не считать, что девушка дважды посещала туалет.

— Сколько времени вы в пути? — спросил Милодар. Видно, он был забывчив или проверял на забывчивость проводника.

— Два часа сорок минут, — ответил проводник.

— Билеты у них были в порядке?

— В порядке.

— Так я и думал, — сообщил Милодар. Он был чрезвычайно серьезен.

Нет, Ко понимала, что ситуация сложная и никто не играет в игрушки. Но в каждом, даже самом серьезном, деле нельзя перестараться. А то и похороны могут показаться комичными.

Проводник ждал приказаний, чуть приоткрыв рот. Зубы у него были вставные, модные, жемчужные.

Поезд пронзительно загудел. Через окно было видно, как начальник станции дергает за веревку начищенный колокол.

Из двери в буфет вышел Сталин в сопровождении нескольких неизвестных Ко военных. Он поднял руку, приветствуя поезд. Ко непроизвольно помахала в ответ.

— Кто там? — очнулся Милодар.

— Сталин, — ответила Ко. — Странно, что я его на разъезде не видела.

— Они с товарищами нас часто провожают, — заметил проводник.

Милодар кинулся к окну.

— Голограммы, — сказал он удовлетворенно, словно опасался, что Сталин был настоящим. — Их, видно, к поезду активизируют.

Он снова опустился на полку.

— Возвращайтесь к своим обязанностям. Я вас позову, — сказал он проводнику.

Когда проводник покинул купе, Милодар обратился к девушке:

— Мы не знаем, сколько у нас времени. Может быть, считаные минуты. Я могу тебе сказать, что с этого момента основную роль в событиях будешь играть именно ты. Я, конечно, этого не хотел, я тебе не доверяю, черт знает, что сидит в твоем теле и твоей душе, но у меня нет выбора.

— Что вы придумали, комиссар?

— Сейчас ты пойдешь в купе, где сидит Вероника...

— Зачем?

— Ты заменишь ее.

— Как так?

— Ты станешь Вероникой, а Веронику мы вернем на Детский остров.

— Но это невозможно!

— Для ИнтерГпола ничего невозможного нет, — возразил Милодар.

Он стоял спиной к окну, уперев кулачки в бедра, и казался сердитым петушком.

— Хорошо, — сказала Ко, которая, конечно, уже давно поняла, что комиссар возит ее за собой по Кольскому полуострову не потому, что в нее влюбился. — Тогда расскажите подробнее о моей роли.

— Сейчас проводник выманит из купе лжефизкультурника. Ты же пройдешь в купе. У тебя будет минута, может быть, две. Ты должна будешь рассказать Веронике, что настоящий ее возлюбленный лежит в морге в Петрозаводске и при желании она может полюбоваться его телом...

— Комиссар! — сердито перебила его Ко. — Не старайтесь показаться большим циником, чем вы есть на самом деле.

— Я постараюсь, — криво усмехнулся Милодар. — Главное заключается в том, что ты займешь место Вероники. Она сойдет с поезда со мной. А ты отправишься дальше с Лжеартемом.

— Да вы с ума сошли! Он меня раскусит.

— Замечательный ответ, — обрадовался Милодар. — Любая другая девочка на твоем месте закричала бы, что она умрет от страха, что она упадет в обморок, как только останется с этим монстром вдвоем. А тебя беспокоит лишь деловая сторона проблемы...

— Мне страшно, просто я не успела вам об этом сказать.

— Поздно! Ты уже согласилась.

— Нет!

— Подумай, в твоих руках сейчас находится все. И возможность отомстить за смерть Артема, в которого ты была влюблена. И спасти свою подругу, которая в отличие от тебя не приспособлена к подобным ситуациям и погибнет быстрее тебя.

— Это значит, что я тоже могу погибнуть? Но позже?

— А почему бы и нет? — удивился комиссар. — Разумеется, первое задание, которое ты будешь выполнять, страшно опасное. Я и сам бы трижды подумал и скорее всего не согласился бы на него.

— А я соглашусь?

— Я еще не выложил все аргументы, — сказал Милодар. Он уселся на голую деревянную полку рядом с девушкой. — Помимо мести и спасения Вероники, ты будешь делать то, что тебе больше всего нравится в жизни. Ты авантюристка, Ко!

— Как вы смеете так говорить?

— Смею, потому что особая группа ИнтерГпола за последние часы успела изучить твое личное дело и твою медицинскую карту. Я знаю, что ты превосходишь всех сирот на острове по физическим данным, причем добилась ты этого не потому, что невероятно одарена от природы, а потому, что всегда и во всем хочешь быть первой. Когда остальные уходили спать, ты бегала вокруг острова или поднимала штангу. Было?

— Ну, это в прошлом.

— Если бы ты с таким же энтузиазмом и упорством учила литературу и историю, ты бы уже окончила университет.

— Я не выношу историю, потому что, возможно, ее не было.

— Удобная точка зрения. Слушай, кто в первом классе, в марте месяце, на спор с одной лыжей в руках пробежал до большой земли по тонкому льду, чтобы купить мороженого в сельском магазине? Кто, переодевшись привидением, забрался на башню замка без помощи крючьев и веревки и перепугал всех его обитателей страшным воем?

— Ой, это было так смешно! Вы бы видели, как госпожа Аалтонен в одной рубашке бегала по футбольному полю и кричала, что привидений не бывает!

— Кто в разгар зимы...

— Давайте прекратим этот разговор, комиссар, — в голосе девушки неожиданно прозвучали стальные нотки. — Это произошло не со мной и не здесь.

— Достойный ответ, — согласился комиссар. — Теперь ты понимаешь, почему я взял тебя сюда?

— Нет, все еще не понимаю. Ведь вы все равно мне не доверяете.

— Я тебе доверяю больше, чем другим обитателям Детского острова, то есть почти доверяю. Но у меня нет выхода. Ты

должна заменить Веронику, потому что ты похожа на нее, очень похожа, даже не надо менять цвет глаз. Кроме того, ты знаешь все об острове и Веронике — другого агента нам просто не найти.

— Ну, уж не настолько я похожа!

— Я уверен, что подставной физкультурник не различит вас.

— Ничего не получится. Я блондинка, а Вероника брюнетка.

Комиссар исподтишка усмехнулся. Ему нравилась эта девица: вместо того чтобы закатить истерику, она рассуждала о том, узнает ли в ней подмену неизвестный негодяй.

— Мы сделаем из тебя брюнетку, — быстро ответил комиссар, не давая ей опомниться. Он нажал на незаметную кнопку в грубо оструганной стенке купе, и тут же вновь появился проводник, словно уже ждал под дверью.

— Действуй, — приказал ему Милодар.

Проводник раскрыл чемоданчик — в нем были медицинские инструменты, а также тюбики, бутылочки и таблетки.

— Закройте глаза, — обратился проводник к девушке.

Та закрыла глаза, но, так как ей не запрещали разговаривать, спросила Милодара:

— Скажите, а почему бы вам просто не арестовать поддельного Артема? Он вам все расскажет.

— Ты уверена, что расскажет? Ты знаешь, что агенты других планет куда чаще кончают с собою, чем попадают к нам в лапы невредимыми? А если это не человек, а биоробот? Чего мы от него добьемся? А если он сам не знает, зачем он попал на Землю — ему внушено конкретное задание, но не более того? Слишком велик риск все провалить...

Проводник повязал салфетку под подбородком Ко, словно собирался вымыть ей голову и лицо. Он начал колдовать над ее кожей, потом вылил какую-то жидкость на волосы. Пальцы у проводника были длинными и чуткими — они двигались со скоростью ящериц.

— Кто-то пошел на большие усилия, чтобы утащить девчонку с Детского острова. Зачем? Что ему нужно? Боюсь, сразу не узнаешь.

— Я должна узнать?

— Разумеется, ты должна помочь правосудию, справедли-

вости, благородному делу Галактического центра и собственно Земли.

— А что, если я не земная девушка и даже враждебна Земле? Ведь вы меня в этом убеждаете.

— Мы дадим тебе земное гражданство, — сообщил комиссар.

— Если оно мне понадобится...

— Ну, что тебе нужно?

— Мне нужен пустяк. Вы должны узнать, как меня зовут, кто мои родители и почему я оказалась на Детском острове.

— Мы стараемся...

— Ни черта вы не стараетесь! Занимаетесь этим через пень колоду.

— Хорошо, я клянусь, что лично займусь этим вопросом.

— Нет, комиссар, не так. Не займетесь, а решите. Поклянитесь.

— Как?

— Клянусь всеми звездами Галактики и жизнью всех, кто мне близок и дорог...

— Клянусь всеми звездами Галактики и жизнью всех, кто мне близок и дорог...

— Что я узнаю настоящее имя и происхождение моего агента Ко.

— Что я узнаю настоящее имя и происхождение моего агента Ко. Теперь твоя душенька довольна?

— Где зеркало?

Проводник протянул Ко зеркало.

Из зеркала на нее смотрела Вероника.

— Черт побери! — удивилась девушка. — Вы свое дело знаете.

— Если останешься работать у меня, — сообщил комиссар, — то научишься этому и еще многому другому.

— Спасибо, я подумаю, — ответила Ко. — Что дальше у нас в программе?

— Дальше ты переоденешься. Держи. — Комиссар кинул на лавку пакет с одеждой. — Это твоя детдомовская одежда. Все предусмотрено.

Пока Ко переодевалась, Милодар отвернулся к окну и продолжал:

— Сейчас проводник вызовет Лжеартема в коридор. Как только он даст мне сигнал, ты выйдешь в коридор и проникнешь в купе к Веронике. Там ты убедишь ее, что Артем погиб, что ты заменишь ее... Дальше действуй по обстановке.

— А если она не согласится?

— Ты должна сделать так, чтобы она согласилась.

Ко открыла было рот, чтобы продолжить возражения, но Милодар лишь отмахнулся от нее.

— Иди, — приказал он. — Сейчас похитителя отвлекут. В твоем распоряжении три минуты, чтобы уговорить Веронику. И дальше ты полетишь туда, куда тебя увлечет твой соблазнитель...

— Он не мой соблазнитель!

— Будет твоим.

— Мне еще рано соблазняться!

— Кто тебе сказал? — удивился Милодар. — Самое приятное на свете — расцвести в обществе достойного мужчины.

— А там достойный мужчина? — спросила Ко.

— Не будь циничной, — воскликнул Милодар. — У нас нет времени препираться. На, проглоти.

— Что это? — Ко взглянула на металлического отлива ампулу.

— Детектор. Мы будем знать, где ты находишься.

— И придете мне на помощь?

— Если будет такая возможность. Но связь с тобой мы будем поддерживать. Считай себя полноправным агентом ИнтерГпола, выполняющим свое первое задание.

Но Ко было не так легко соблазнить красивыми словами.

— Я-то буду так считать. А вы, вы на самом деле считаете меня агентом?

— А что нам остается делать? — сердито произнес комиссар. — И помни, что спрашивать с тебя мы будем по всей строгости закона.

— Только учтите, что я несовершеннолетняя. И вы не имеете права делать мне опасные предложения.

— Ты вызвалась добровольно! — заявил комиссар.

— Разве?

Проводник заглянул внутрь и прошептал, что все готово.

— Сиди здесь. Молчи. Не дыши! — приказал Милодар.

— Вы помните о своем обещании? — спросила девушка.

— Я никогда ничего не забываю, — заверил ее комиссар.

— И не пытайтесь отделаться от меня пустыми словами. — Резким движением руки Ко отбросила назад вороные волосы.

Милодар усмехнулся. Девица ему нравилась. Пожалуй, она будет работать у него. А если она будет работать у него, то в ее происхождении обязательно разберутся компетентные работники управления кадров — волки, не чета тем, кто курирует Детский остров.

Дверь в коридор была чуть приоткрыта. Ко навострила уши. К счастью, у нее был великолепный слух, не хуже, чем у записывающих приборов, которые включил Милодар.

В коридор из тамбура вошло три человека. Один за другим они прошли мимо приоткрытой двери в купе, и Ко смогла их рассмотреть.

Впереди шагал офицер в синей фуражке с красным околышем, на воротнике его поблескивали продолговатые эмалевые четырехугольники, на рукаве был пришит золотой овал, пронзенный вертикально мечом. Следом за офицером прошли два солдата в таких же фуражках, но в шинелях и с винтовками в руках.

— Проверка документов! — громко кричал офицер. — Проверка документов органами НКВД.

Один из солдат заглянул в купе к Ко, Милодар махнул рукой — давай, мол, дальше.

Слышно было, как патруль остановился у нужного купе.

Офицер произнес строго:

— Ваши документы, граждане!

— Какие могут быть документы! — сердито произнес хриплый мужской голос. Голос был совсем не похож на голос физкультурника. Тут похитители промахнулись. Неужели ослепленная любовью Вероника этого не замечает?

— Ваш поезд проезжает сейчас закрытую зону, — сообщил офицер. — Еще вчера нам удалось поймать около тридцати финских и немецких шпионов, и все они были расстреляны. Надеюсь, что вам не придется идти по их стопам.

— Да вы с ума сошли! — воскликнул физкультурник.

— Встреча с сотрудниками НКВД и проверка документов входит в стоимость билетов, — мягко пояснил проводник. — Если вы согласились справить ваш медовый месяц в условиях развивающегося социализма, вы должны примириться с некоторыми неудобствами, которые и создают ощущение аутентичности путешествия. Должен сообщить вам официально, что во время проверки документов, которая займет всего десять минут, вам будет предложен неочищенный спирт, соле-

ный огурец и кусок настоящего ржаного черного хлеба. Стоимость допроса входит в стоимость вашей путевки. Так что прошу пожаловать!

— Вы обещаете, что этот бред не займет больше десяти минут? — недоверчиво спросил молодой человек.

— Все зависит от вас. Вы можете вернуться раньше, а можете и задержаться в НКВД.

Офицер засмеялся. Рядовые чины также засмеялись.

Физкультурник хмыкнул, выдавливая из себя смех. Ему было совсем не смешно.

— Я скоро вернусь, — сказал он, обращаясь, видимо, к Веронике. Ко не услышала ее ответа.

Через полминуты вся процессия во главе с офицером проследовала прочь из вагона.

— Пора! — приказал Милодар. — Увидимся, если повезет, в Галактическом центре.

— Значит, вы думаете, что это неземная операция?

— А ты сомневалась? Ну пошла, пошла, моя девочка.

Голос комиссара дрогнул, будто ему и на самом деле было неловко посылать на верную смерть такую молоденькую девушку.

Милодар подтолкнул Ко к выходу.

Там уже ждал проводник.

Он подтолкнул Ко к двери в третье купе.

Открыл дверь. И, загнав Ко вовнутрь, захлопнул.

Ко стояла посреди купе и смотрела на Веронику. Вероника не замечала ее, она сидела на деревянной полке, глядя в забранное вертикальными прутьями решетки окно. За окном начинался длинный полярный вечер. Впрочем, здесь он начинался с утра.

— Вероника, — окликнула Ко подругу. — Это я, Ко.

Вероника вскочила, ударилась головой о верхнюю полку, но не обратила внимания на боль. Она кинулась навстречу Ко, буквально упала в ее объятия с криком:

— Ты пришла! Ты спасешь меня, да? Какое счастье, какое счастье...

— Мы с комиссаром в поезде. Мы тебя нашли.

— Ко, я тебе должна сказать страшную вещь! — воскликнула Вероника. — Этот Артем — вовсе не Артем. Это кто-то другой. Это маскарад. Я так боялась, я боялась, что он меня

убьет, что они убили Артема... мне так страшно, возьми меня отсюда!

Ко не смогла сдержать вздоха облегчения. Как ей повезло, если, конечно, тут можно говорить о везении! Вероника сама догадалась о подмене. Ее не надо убеждать, уговаривать, умолять.

— А как ты догадалась?

— Он жестокий, он другой... он фактически меня не знает... он страшный... Куда нам бежать?

— Скажи точнее, мне надо знать.

— Ничего тебе не надо знать! — воскликнула Вероника. — Мы должны бежать вместе, прежде чем он вернется.

— Но почему ты согласилась бежать с ним с острова?

— Я договорилась бежать с Артемом! И ночью не сообразила, что это другой. А потом уже было поздно.

Ко хотела все объяснить Веронике, но комиссар, который, вернее всего, подслушивал под дверью, рассудил иначе.

Он приоткрыл дверь и сказал:

— Ко, Веронике пора уходить. Помни, ты остаешься за нее.

— О нет! Он узнает и тебя убьет! — испугалась Вероника. — Нельзя оставлять ему Ко. Он маньяк!

— Вероника, — сказал Милодар, стоя в дверях и нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. — Погляди на свою подругу внимательно. Тебя ничего в ней не удивляет?

— Ко... Ко, что с тобой? Почему ты стала брюнеткой? Почему у тебя широкие ноздри...

— Почему у тебя такие большие зубы, бабушка? — передразнил Веронику Милодар. — Чтобы съесть тебя, Красная Шапочка. Итак, Вероника, скорее переходи ко мне в купе. Госпожа Аалтонен заждалась тебя.

— А Артем? Где Артем?

— Идем, я тебе все расскажу.

— Но Ко нельзя здесь оставлять! Это очень опасно. Я чувствую, какой он опасный.

— Это наше с Ко дело, — сухо ответил Милодар.

Вероника потянулась взять свою сумочку. Она легко смирялась с действительностью, если было кому подчиняться.

— Ты с ума сошла. Ты ничего не возьмешь. Неужели ты хочешь погубить Ко? Он же не должен заметить подмены, — объяснил комиссар.

И тогда Вероника окончательно поняла, что ее скромная подружка сознательно ступает на тропу галактической войны.

Она поцеловала Ко и быстро сказала:

— Береги мою сумочку. Помаду не очень трать...

Вероника была бережливой девушкой. Даже в такой момент она подумала о помаде.

Но больше ничего сказать она не успела.

Комиссар потянул ее за руку. Хлопнула кое-как сбитая из досок дверь.

Ко осталась одна в пустом холодном купе.

Все произошло так быстро, что она даже не успела испугаться или подумать — а зачем, собственно говоря, ей все это нужно?

Она взяла сумочку Вероники... Открыла ее — нужно знать, что у тебя в сумочке. По крайней мере, не просить у спутника расческу или зубную щетку, если есть своя.

В сумочке были самые обычные вещи, как и положено быть в сумочке сиротки с Детского острова. Те же, что были в сумочке Ко, которую она вынуждена была оставить в приюте. По крайней мере, можно притвориться, что это все твои вещи, даже зубная щетка твоя. И пачка надушенных салфеточек, и нужный тампон, и записная книжка. В нее вложена записка. «Жду сегодня как стемнеет на старом месте. А.». Почерк был наклонный, сильная буква А возвышалась над остальными...

В этот момент поддельный Артем вошел в купе, не глядя на Веронику, тяжко рухнул на полку и откинул назад голову.

— Черт знает какой гадостью поят, — сообщил он, прикрыв глаза. Он был очень похож на Артема, но, конечно же, не был Артемом — не надо быть Вероникой, чтобы различить молодых людей. Но так как теперь Вероника не была Вероникой, то создавалась редкая в любви ситуация четырехугольника, в котором теперь все были самозванцами. Ромео был вовсе не Ромео, а Джульетта была лишь отдаленно схожа с Джульеттой. И если этот Артем в самом деле подослан для того, чтобы выманить Веронику к черту на кулички, значит, он может и не заметить разницы в девушках. А если заметит, следовательно, эти убийцы неплохо выучили домашнее задание.

— Где ты был? — спросила Ко, представив себе, что Ми-

лодар сидит в первом купе и слушает, как идет запись — каждое слово, каждый вздох Ко и Псевдоартема фиксируются и анализируются компьютерами.

— Это игра для идиотов, — сказал физкультурник, не раскрывая глаз. — Меня притащили в соседний вагон, совершенно пустой, деревянный, на полу солома, посреди бочка, на дне бочки стоит бутыль, рядом соленые... эти самые... огурцы. И стаканы на всех. Они сказали, что допрос заменяется этой пыткой... Да, это была ужасная пытка!

— Почему ты не отказался? — Ко тянуло продолжить разговор — проверить, не сомневается ли он, что перед ним Вероника.

— Я не знал — обычай это или в самом деле проверка документов.

— Разве у тебя есть документы? — спросила Ко. Документы на Земле не требовались: центральный компьютер знал в лицо все пять миллиардов ее обитателей, и достаточно было приложить палец к браслету, который носил каждый полицейский, как подозрительная личность становилась личностью выше подозрений либо ее приглашали на полицейскую станцию.

— Мне приходилось бывать на дальних планетах, — сказал молодой человек. — Там нужны документы. Я выправил их себе.

Лжец, подумала Ко. Даже говорить точно его не научили. Кто теперь говорит «выправить документы»?

Ко рассматривала своего спутника, уже не так трепеща перед ним, как в момент его возвращения. То ли потому, что он ничем не выказал своих сомнений, то ли потому, что она была на Земле, на Кольском полуострове, — осенний арктический пейзаж тускло и неспешно разворачивался за замутненным окошком, мерно стучали колеса, и из черного круглого репродуктора под потолком купе хрипло выливались незнакомые бодрые песни. Как раз сейчас репродуктор надрывно выкрикивал: «Нам нет преград ни в море, ни на суше, нам не страшны ни льды, ни облака, знамя страны своей, пламя души своей мы пронесем через миры и века!»

Артем (не называть же его всегда Псевдоартемом или Лжеартемом?) тоже услышал бодрую песню и пробурчал:

— Планета неврастеников. И как ты здесь живешь?

— Я не знаю, где должна жить, — откликнулась Ко. — Вернее всего, моя планета лучше этой.

— И ты хотела бы отыскать свой настоящий дом?

— Кто не хотел бы?

— Тогда у меня к тебе есть предложение, — сказал Артем. Щеки у него еще были красными, язык не совсем слушался, но взгляд, упершийся в лицо Ко, был трезвым и холодным. — Как ты смотришь на то, моя дорогая, чтобы как можно скорее покинуть эту планету?

— Как это можно сделать? — удивилась Ко.

— Вот это тебя не касается. Я обещал тебя укрыть от преследования, я обещал тебя любить и опекать, я обещаю отвезти тебя домой к несчастным родственникам, в твой родной замок, к твоим рабам и слугам.

— Артем, что ты говоришь? Какие могут быть рабы и слуги?

— Я никогда не бросаю своих слов на сквозняк. — Артем делал ошибки в идиомах. Видно, учили его наспех. — Если у меня есть информация, я ею делюсь.

— Чего же ты раньше молчал?

— Раньше было нельзя. Раньше ты могла проговориться.

— А теперь?

— А теперь они нас уже не смогут догнать.

— Почему?

— Здесь и стены имеют уши. Мы не знаем, сколько здесь ряженых агентов, а сколько настоящих. Но если ты веришь в мою любовь, крошка, то должна меня слушаться. Иначе сама погибнешь и меня привлечешь. Ты меня любишь?

— Разумеется...

— Я не слышу уверенности в твоем голосе. Ты совсем иная, чем пребывала на острове. Ты даже изменилась за последние минуты — что тебя тревожит? Ты потеряла доверие в меня?

Он положил тяжелую теплую ладонь на колени Ко. Она внутренне сжалась, но ничем не выдала своего страха.

— Будь готова к тому, что скоро мы покинем этот поезд, — сказал он.

Его рука спокойно, по-хозяйски поползла вверх по бедру Ко. Тут уж она не выдержала, вскочила, ударилась затылком о край полки и охнула от боли.

— Ты что? Ты меня разлюбила? — Артем рассердился.

— Больно! — ответила Ко. — Я стукнулась. Больно... Пожалей меня лучше.

— С удовольствием, — произнес молодой человек, и Ко раскаялась, что сама предложила себя пожалеть. Ее поклонник тут же схватил ее сильными руками и прижал к себе.

— Ой, не надо, мне больно! — воскликнула в ужасе Ко, тем более что от поклонника сильно пахло чесноком.

Но Артема не остановили ее слова, он страстно целовал ее в щеки, в висок, подбираясь к губам, и Ко в отчаянии вертела головой, избегая поцелуев. Она уже понимала, что бессильна, и готова была укусить Артема, как поезд резко затормозил. Настолько резко, что Артем и Ко упали на полку, но Ко удалось вырваться и отпрянуть к двери.

Теперь пришла очередь Артема жаловаться, он потирал затылок и сквозь зубы ру́гался. Песня в репродукторе оборвалась, послышалось шипение, и бесстрастный голос произнес:

— Уважаемые товарищи пассажиры и туристы, наш поезд переехал убежавших из лагеря заключенных. Туда им и дорога. Простите за временные неудобства. Через час двадцать минут мы останавливаемся в Кировске, где на станции есть столовая. Там вас угостят калорийной лагерной пищей. На первое — протертый суп из хвостов северных оленей, на второе — семга, запеченная в тесте из отрубей. Спасибо за внимание.

Теперь Ко надежно устроилась у двери, так что Артему пришлось оставить надежду прижать девушку к широкой груди.

— Ты начал говорить, что мы будем делать дальше, — громко произнесла Ко, надеясь, что так Милодару лучше будет слышен их разговор.

— Да не кричи ты! — зашипел на нее физкультурник. — Весь вагон слышит. Здесь стенки фанерные.

— Но вагон так стучит и дребезжит, что даже я тебя плохо слышу, — ответила Ко.

— Вот и подойди поближе, — сказал Артем, нехорошо улыбаясь.

— Давай не будем отвлекаться, — сказала Ко. — Мне надоело ехать в этом уродском поезде. У нас из всего умеют сделать развлечение. Весь мир — сплошное удовольствие. Лагеря в тундре — развлечение для туристов, концлагерь Ос-

венцим — приключение для путешественников с Альдебарана. Будь моя воля, я бы запретила этот цинизм.

— Ну, ты у меня сообразительная, — сказал физкультурник. — А я об этом не подумал.

— Ты вообще редко думаешь, мой любимый, — заметила осмелевшая Ко.

— Погоди, выйдешь за меня замуж, тогда заговоришь иначе.

— А почему я должна выходить за тебя замуж?

— Потому что ты меня любишь, сама говорила!

— Но это я увлеклась... на свидании... в лесу.

— Хочешь я записки твои покажу?

— Не надо, — остановила его Ко. — Я помню все мои записки. У меня отличное чувство юмора.

И тут Ко буквально всей кожей ощутила гнев и возмущение комиссара Милодара. Она готова была сорвать всю операцию! Молодой человек смотрел на нее удивленно, приоткрыв рот.

— Ты совсем другая, — сообщил он. — Я тебя не узнаю! Может, тебя подменили злодеи?

— Глупая шутка, — ответила Ко. — Я не думала, что услышу от тебя такие грубые слова.

— Мои слова грубые? Чем ты это докажешь?

— Мне не надо ничего доказывать, — сказала Ко. — Я не люблю, когда человек объясняется мне в любви, даже крадет меня из детского дома, а потом начинает грубить. Не забудь, что я несовершеннолетняя, я еще ребенок. И если я подниму крик, тебя тут же арестуют.

— Меня нельзя арестовать, я теперь личный друг и собутыльник майора НКВД Петькина, — ответил Артем.

— Ах, какой ты все же тоскливый, — вздохнула Ко. — И зачем только я согласилась с тобой убежать?

— Потому что тебе нравится со мной целоваться, — искренне ответил Артем, — и ты спешишь выйти за меня замуж.

— Ну, ладно, я согласна, — сказала Ко, чтобы не обострять отношений. — Но куда ты меня везешь?

— В одно место, оно далеко отсюда. Там нас ждут. Там нам будут рады.

— И как мы туда доберемся?

— Потерпи немного, моя дорогая невеста, — сказал Артем.

Ко стояла спиной к двери. Ей было слышно, как кто-то прошел по коридору, перекрывая пьяными возгласами шум колес и скрип вагона.

— В этом поезде, — сообщил физкультурник, — есть вагон, который так и называется: «вагон-ресторан». Представляешь себе? Все равно что сортир-оранжерея или бластер-ароматайзер.

Физкультурник заглянул на верхнюю полку и достал оттуда небольшой прибор. Включил его — и провел вырвавшимся из него голубым лучом по потолку купе. В потолке образовалась тонкая округлая щель.

— Что ты делаешь? — спросила Ко, чтобы привлечь внимание комиссара.

— Тише!

— Мы выберемся через крышу?

Физкультурник лягнул Ко ногой так, что она села на полку.

— Ну этого я тебе никогда не прощу! — воскликнула она.

— Я заглажу вину поцелуями! — откликнулся физкультурник.

Он подставил руку, и выпиленный круг тяжело упал вниз. Физкультурник прошептал Ко:

— Помоги мне, не стой как дура!

Ко придержала круг, чтобы не скатился на пол.

Круг, вырезанный из крыши вагона, был тяжелым и еще горячим по краям.

Он вырвался из рук Ко — впрочем, она и не старалась удерживать его — и гулко ударился об пол.

— Идиотка! — в сердцах выругался Артем. — И это есть моя невеста, присланная небом?

— Я не знаю, кем я прислана, но боюсь, что получилась накладка с адресатом. Ты — не мой герой, не моего романа.

— Это цитата из литературного произведения?

— Это жизнь. Это суровая правда жизни.

— Тебе уже поздно разлюбить меня, — сообщил Артем.

— Разлюбить никогда не поздно. Особенно если человек оказался не тем, кого ты ждала.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Понимай как знаешь, — сказала Ко.

— Ты отказываешься бежать со мной?

— Просто я боюсь. Мы выберемся на крышу, и нас подстрелят охранники НКВД.

— Это я беру на себя, — сказал Артем. — Через три минуты операция начнется. И нет силы на Земле, которая могла бы нас остановить.

Вот и врешь, голубчик, подумала Ко. Вопрос лишь в том, захочет ли эта сила тебя остановить. Лучше бы она не остановила! ...И тут Ко почувствовала, что она вовсе не уверена в том, что желает скорого конца этого приключения.

Пока что в ее смирной и скучной сиротской жизни ничего подобного не происходило. И если это приключение не принесет серьезных перемен, то ее жизнь так и продолжится... И еще неизвестно, выберет ли она путь, предложенный комиссаром. Конечно, Артем как жених ее не устраивает, но она надеялась, что физкультурник поможет ей вырваться на свободу, подальше от комиссара и детского дома. И она не смогла бы сказать, хочет ли она отомстить неизвестно кому за смерть настоящего Артема, в которого была немного влюблена, может, только потому, что его сердце принадлежало подруге, или предпочтет остаться на другой планете и сама будет искать свои корни, своих родных, свою планету и свое счастье!

Так что для нее круглое отверстие в потолке вагона было настоящим выходом. И она намерена была последовать за двойником погибшего физкультурника, даже зная, какой он мерзавец.

Но если они вылезут на крышу вагона, то их увидят...

— Положись на меня, — прошептал физкультурник. — У меня есть сильные и влиятельные друзья. Они не дадут нас в обиду.

И в этот момент в вагоне стало полутемно — густой дым заволок окна.

— Пора! — воскликнул физкультурник. Сильным движением он подтянулся и выскочил на крышу — оттуда в вагон втягивалась полоса удушливого дыма.

Ко увидела руку физкультурника — он протягивал ее вниз, чтобы помочь девушке последовать его примеру.

Ко крепко обхватила его кисть. Физкультурник крикнул:

— Держись!

И рванул ее наверх так, как поднимает акробат одним движением свою партнершу, чтобы она сделала стойку на одной руке.

Ко даже не сообразила, как она пролетела сквозь отвер-

стие в потолке вагона и оказалась на крыше рядом с физкультурником.

Она закашлялась. Поезд несся, гудя и тормозя, сквозь непроницаемое облако дыма.

— Это лесной пожар? — спросила Ко.

— Помолчи.

И тут между ними возник конец веревочной лестницы, который покачивался, приглашая подниматься.

— Иди первой! — приказал физкультурник. — Я подержу конец лестницы.

Ко послушалась.

Несмотря на то что вагон раскачивался и поезд продолжал двигаться, отчаянно гудя и свистя, будто боялся заблудиться, физкультурник так твердо и умело держал веревочную лестницу, что Ко смогла быстро подняться в дымную мглу, считая ступеньки — десять, двенадцать... тринадцать... На пятнадцатой ступеньке кто-то схватил ее за кисти рук и потянул наверх. У Ко хватило сообразительности не сопротивляться — она понимала, что, если ей удастся вырваться, это будет ее последнее достижение в жизни.

Раз-два! — и Ко оказалась в чреве вертолета, в котором также было дымно.

Она видела силуэты людей, которые склонились над светлым кругом нижнего люка, подтягивая веревочную лестницу. Несмотря на шум двигателя, Ко услышала снизу крики и даже хлопки выстрелов. Но тут вертолет резко пошел наверх.

Люди в нем помогли физкультурнику взобраться в люк.

Люк закрылся.

Физкультурник озирался, разыскивая Ко. Увидев ее, вздохнул с облегчением и спросил:

— У тебя все в порядке?

— Спасибо. А где мы находимся?

Ко уже могла разглядеть, что остальные пассажиры вертолета были облачены в оранжевые комбинезоны.

— Мы с тобой находимся в гостях у славных лесных пожарников, — ответил Артем. — Они увидели очередной лесной пожар и помогли нам выбраться из него живыми.

— Ловко придумано, — призналась Ко. — Но они скоро вычислят, что случилось, и поймают нас.

— Посмотрим, — ответил один из людей в оранжевом комбинезоне. — Мы же настоящие пожарники!

* * *

Вырвавшись из громадных клубов дыма, окутавших редкий невысокий лес в широкой впадине между горами и скрывших проходившую там железную дорогу и поезд на ней, пожарный вертолет взял курс на базу. Ко видела, как один из пожарников склонился к экрану связи.

— Восемнадцатый на связи, — говорил он уверенно, ничуть не сомневаясь в том, что его считают своим, одним из настоящих пожарников. — Через три минуты опустимся в пункте три для заправки пеной.

— Помощь требуется? — послышался голос. На экране появилось лицо пожилой женщины в синей с красными шнурами на плечах форме пожарников. — Я подниму шестую и семнадцатую бригады.

— Там остался третий, — сообщил пожарник, сидевший за пультом управления. — Нам потребуется еще один вылет.

— Отлично. Потом спуститесь вниз и оцените ущерб. Я вылечу к вам через тридцать минут, — сказала женщина в мундире, — как только мы закончим совещание о подготовке части к зиме. До связи.

— До связи, Дарья Павловна, — откликнулся командир вертолета.

Он развернулся вместе с пилотским креслом.

— Вроде обошлось, — произнес он. — Рассказывайте: как у вас, ребята?

— Мой господин, — произнес физкультурник, чуть склонив голову перед главным пожарником. — Разрешите представить вам мою любящую невесту по имени Вероника. Я до конца дней буду благодарен вам за то, что вы выручили нас и помогли бежать из этого страшного приюта.

— Мой долг и честь, — ответил пожарник, — требуют от меня всегда приходить на помощь влюбленным. А также несчастным, голодным и обиженным, где бы они ни находились.

— Поблагодари капитана Брасса, — обратился Артем к Ко, — это благородный человек.

— И настоящий авантюрист, в лучшем смысле этого слова, — откликнулся капитан Брасс. — В духе Робин Гуда и Квентина Дорварда. Вы слышали о Робин Гуде?

— Капитан Брасс — англофил, — произнес Артем.

— Бороться и искать, найти и не сдаваться, — подтвердил

свою англофилию капитан Брасс на плохом английском языке словами капитана Скотта. — Куда теперь, влюбленные? — спросил капитан Брасс.

— Как можно дальше отсюда, — ответил с улыбкой Артем, обнимая Ко за плечи. Та невольно отстранилась.

— Ваш цветок полон смущения, — сообщил Артему капитан Брасс с нехорошей улыбкой.

— Глаза прочь, капитан! — приказал Артем. В голосе его звучала сталь.

— Отлично! — бодро откликнулся капитан. — Продолжаем движение.

— Главное — стряхните с нашего следа капитана Милодара. Я его ненавижу. Он сорвал уже несколько наших операций, — произнес Артем.

Ко вздрогнула. Оказывается, они знали, кто их преследует. Может, они уже догадались, что Ко — подсадная утка? И теперь ждут момента, чтобы с ней расправиться?

— Я думаю, что они уже потеряли наш след, — ответил капитан Брасс. — Мой главный принцип — как можно меньше скрываться и таиться. Мне лучше скрыться на виду у всех под видом обыкновенного пожарника. Сейчас же мы станем обыкновенным рыболовецким ботом. Как почтальона-убийцу в классическом английском романе, все должны видеть, но никто нас не должен замечать.

— Действуйте, капитан, — сказал Артем.

Он сел на жесткое сиденье, прикрепленное к борту флаера, между свернутых бухтами шлангов.

— Славные ребята, — сказал он. — Не представляю, что бы мы с тобой без них делали.

— Наверное, ты нашел бы других славных ребят, — ответила Ко.

— Это ирония? Я не люблю иронии. У меня нет чувства юмора.

— Это не ирония, а вера в тебя, мой дорогой, — сказала Ко. — А куда делись настоящие пожарники?

— Лишний вопрос. И если ты задашь его капитану Брассу, он не сможет или не захочет тебе отвечать.

— Чепуха! — Оказывается, капитан слышал этот разговор. — Я не садист и не убийца. Я два месяца проработал добровольцем в лесной пожарной охране. И вся моя бригада вместе со мной. И должен тебе сказать, мы лучшая пожарная

бригада на всем Кольском полуострове. Кто не верит, может связаться с Мурманском.

— Я верю, — криво усмехнулся Артем. — Хотя проще было бы уничтожить какую-нибудь из бригад, и дело с концом. Вертолет вам был нужен всего на час.

— Я не люблю проваливать операции только из-за того, что спешу и ленюсь продумать лучший путь. Лучший путь, мой друг, не всегда бывает самым коротким. И уж наверняка не бывает самым кровавым. Но ты еще молод...

— Не так молод, как кажусь, — ответил Артем. И Ко поверила ему. Этот человек носил маску убитого, а что за лицо скрывалось под ней — одному дьяволу известно.

Не прерывая беседы, капитан Брасс разогнал вертолет, кинув его между двух гор, очевидно, в надежде обмануть следящие устройства комиссара Милодара. Впереди серым одеялом раскинулось море.

— Белое море? — спросила Ко.

— Нет. Баренцево, — ответил Брасс.

Вертолет уверенно шел над самыми волнами, низкими и пологими. Впереди показался серый рыболовный бот.

Можно было различить надпись на борту: «Амур».

Ко так и не догадалась, назвали ли так корабль в честь бога любви или реки на Дальнем Востоке. Спрашивать было некого, палуба бота была пуста.

Веревочная лестница развернулась и упала на корму судна.

— Быстро! — приказал капитан Брасс. — Сейчас нас легко засечь.

Пожарники один за другим — Ко насчитала пятерых — предпочли обойтись без лестницы. Они ловко прыгали прямо на палубу с пятиметровой высоты. Последним в люке показался капитан Брасс.

— Посторонись! — крикнул он и оказался среди своих товарищей. Пожарный вертолет пошел в сторону, кренясь и теряя высоту. Еще несколько секунд — и он врезался в волны, подняв высокий фонтан брызг.

— Черт побери! — воскликнул капитан Брасс. — Быстро, пока они не засекли фонтан!

И он первым побежал к двери, открытой в надстройке.

Артем подтолкнул Ко.

Она обернулась и поняла причину спешки: на фоне серых облаков образовалась черная точка. К боту спешил флаер.

Грохотали сапоги — один за другим пожарники спускались по трапу в машинное отделение старомодного бота.

— Неужели ты думаешь, что они нас не найдут? Они, наверное, видели, как упал в воду вертолет, — спросила Ко.

— Все было рассчитано, мисс, — откликнулся капитан Брасс, — сейчас они кинутся вытаскивать из воды пожарный вертолет и спасать пожарников.

— И никого там не найдут.

— Еще одна неразгаданная тайна истории.

Лжепожарники захохотали.

Механик бота встретил их в трюме корабля, перед раскрытым стальным люком.

— Все в порядке? — спросил капитан Брасс.

— Так точно.

— Останетесь на борту. Как и уговорено, дайте себя спасти и расскажите, как ваш бот затонул по неизвестной причине.

— Слушаюсь, — ответил человек из трюма. Он был очень бледен и худ. Руки его чуть заметно тряслись.

— Перестаньте дрожать, — прикрикнул на него Брасс. — Я не могу заменить вас моим человеком — у вас настоящие документы. Недаром вы прожили двадцать лет в Мурманске.

— Слушаюсь, — повторил убитым голосом человек.

— Я бы его утопил, — предложил Артем, не обращая внимания на присутствие механика. — Как только комиссар Милодар на него немного нажмет, он тут же расколется.

— Мы уже будем далеко, — ответил гуманный Брасс. — А ну, открывайте люк!

С помощью пожарников худой человек отвинтил люк — впереди открылось темное пространство.

— Тише, — сказал Брасс.

Все замолчали. И стало слышно, как на пустую палубу бота опускается флаер. Еще секунда — раздался удар — кто-то спрыгнул на палубу.

— Вперед! — сказал Брасс. — А ты, механик, открывай кингстоны.

Тот послушно метнулся назад.

Ко шла в середине — позади Артем, он подталкивал ее в спину.

Ко услышала, как зашумела, заурчала вода, врываясь в трюм.

— Он не утонет? — спросила Ко.

— Должен уцелеть, — в голосе Артема прозвучала безжалостная усмешка. Он не жалел своего сообщника. Он никого не жалел.

Когда последний — капитан Брасс — миновал люк, он тут же закрыл его и с помощью одного из своих людей мгновенно завинтил.

— Лодка готова к погружению! — неожиданно раздался над головой незнакомый голос.

Брасс подхватил висевший на стене микрофон.

— Начать погружение! Чем скорее мы уйдем от этого бота, тем больше шансов, что нас не смогут засечь.

Подводная лодка, которая, оказывается, была присоединена к днищу рыболовецкого бота, бесшумно пошла ко дну. Ко представила себе, как пытается выбраться из кипящей воды механик, которого оставили в трюме бота.

— Девушка, — приказал капитан Брасс, — следуйте за мной.

Глаза еще не привыкли к полутьме — Ко пошла на голос капитана, дотрагиваясь до стены. Стена чуть дрожала — ей передавалась вибрация двигателя. Видно, подводную лодку раздобыли в каком-то музее.

Ко вошла в маленькую кают-компанию лодки — там умещались диван, стол, на стене висела репродукция с картины «Иван Грозный убивает своего сына», принадлежавшей кисти художника Репина.

— Садитесь здесь и ждите, когда все благополучно кончится, мисс, — вежливо предложил капитан. И так как Ко вдруг почувствовала, что смертельно устала, она с благодарностью подчинилась приказанию капитана Брасса. Подводная лодка, урча двигателями, мчалась вперед, куда-то к Шпицбергену. В ней было тепло и царили запахи железа и масла.

Подогнув под себя ноги, Ко прилегла на диван.

И тут же задремала.

* * *

Во сне Ко привиделась собственная свадьба. Она была в белом платье, жених шел рядом, и она знала, что это — ее жених, хотя никогда раньше не видела этого человека. Ее не

столько беспокоил этот странный факт, как то, что подвенечное платье сшито неудачно, вот-вот пойдет по шву, и тогда все увидят, что у Ко кривые волосатые ноги, чего раньше у нее не было. Значит, ей без ее согласия подсунули чужое тело, к тому же некрасивое.

Священнослужитель, перед которым они остановились, был одет в белое, за плечами у него поднимались большие черно-белые крылья, как у сороки. Он спросил Ко, согласна ли она выйти замуж за это чудовище, Ко поглядела на жениха — и на самом деле увидела чудовище.

— Нет, — сказала она.

— А он согласен, — ответил священнослужитель и замахал крыльями, поднимая страшный ветер.

— Я согласен! — прорычало чудовище.

— А знаешь ли ты, что он с тобой сделает, как только вы окажетесь вдвоем? — спросил священнослужитель.

— Нет, не знаю, — сказала Ко. — Я болела свинкой, когда мы это проходили.

— Он тебя съест! — сообщил священнослужитель и захохотал.

Тогда чудовище схватило Ко в объятия и принялось сдавливать.

Ко сопротивлялась и кричала.

Так, крича, и проснулась. Она была уже не в подводной лодке, а в каюте космического корабля. Ей никто не говорил, что это именно так. Наверное, в раннем детстве ей уже приходилось летать на космическом корабле.

Некоторое время Ко лежала с закрытыми глазами. Если за ней следят, пускай подумают, что она спит.

Космический корабль. Значит, они смогли улететь с Земли. А что, если они проделали это так ловко, что комиссар не успел послать погоню или запеленговать корабль?

Ведь оказалось, что они знают о его существовании. И даже, скрываясь от него на Земле, посмеивались над способностями Милодара.

Она должна дать о себе знать — но как? Ведь существует реальная опасность, что если Ко не освободится из этой ловушки, то она и в самом деле окажется невестой, а то и супругой поддельного физкультурника. Так и не сообразив, зачем похитителям пришлось пойти на убийство настоящего Артема.

Из-под потолка каюты донесся мягкий и даже вкрадчивый голос:

— Дорогая Вероника. Надеюсь, что ты отдохнула после всех земных приключений. Твое платье и обувь, а также предметы украшения находятся в стенном шкафу, в шкатулке под зеркалом. Мы ожидаем тебя к завтраку через полчаса. Душ расположен за зеркалом. Для того чтобы оно отошло в сторону, тебе потребуется нажать на зеленую кнопку, расположенную на раме зеркала.

Ко открыла глаза.

Каюта, в которой она лежала на самой настоящей кровати с золотыми шарами на спинке и в изголовье, под розовым балдахином, была роскошной — таких на кораблях не бывает.

Ко поднялась, опустила босые ноги на пол. Ступни утонули в мягчайшем ковре.

«Кто меня раздевал?»

Ко даже покраснела от смущения.

...Туалет в самом деле скрывался за большим, в человеческий рост, зеркалом. Ванная была покрыта бирюзовой плиткой, за ней была дверь в зал, вмещавший круглый бассейн, наполненный голубой водой, от которой остро пахло благовониями.

Ко охватило такое страстное желание окунуться, что она забыла о своей наготе и о том, что за ней могут наблюдать. Вода расступилась, разлетелась голубыми и алмазными брызгами. Вода пахла морем, солнцем, будто Ко очутилась не в чреве космического корабля, а на берегу Индийского океана. Она перевернулась на спину — потолок изображал собой голубое небо, по которому не спеша ползли кучевые облака. Солнце сияло так ярко, что Ко непроизвольно зажмурилась.

— Доброе утро, моя красавица! — раздался уже знакомый голос Псевдоартема.

Он стоял на бортике бассейна, и белые плавки лишь подчеркивали гармонию его могучей фигуры, загорелой так, словно он и не покидал пляжа.

— Когда ты успел так загореть? — крикнула Ко. — На Ладожском озере не загоришь.

— Ты видела меня лишь одетым, — откликнулся ее жених. — Или ночью...

Он громко засмеялся и нырнул. Сквозь чистую голубую воду ей было видно, как к ней несется под водой стремитель-

ный пловец. Ко засуетилась, забила руками, чтобы не оказаться на его пути. Странно, подумала она, стремясь к бортику, потому что купание потеряло всю прелесть, ведь если бы это был настоящий Артем, она вряд ли смогла бы играть роль холодного агента, засланного во вражеский лагерь, — она бы предпочла, чтобы Артем ее догнал. А сейчас — вот он, такой же, как прежде, только выше ростом, шире в плечах, сильнее и красивей — совершенное человеческое существо, идеальный жених... для кого? Ко не могла преодолеть ужаса перед зрелищем, навсегда запечатленным в сознании: тело настоящего Артема под опрокинутой лодкой...

Когда физкультурник вынырнул в центре бассейна, отфыркиваясь и моргая, Ко уже доплыла до бортика.

— Чего же ты не подождала меня? — спросил жених с легким укором.

— Я тебя побаиваюсь, — сказала Ко. — Ты очень настойчивый.

— А разве это плохо? Я же согласен жениться на тебе.

— Тогда подожди, чтобы мне исполнилось восемнадцать лет, — сказала Ко.

— Ты в самом деле этого хочешь? Раньше ты вела себя иначе.

— А ты помнишь?

Ко подтянулась и вылезла из бассейна. Она сидела на бортике и болтала ногами в воде. Жалко было уходить отсюда. К тому же выдался, как ей показалось, удобный момент, чтобы побольше разузнать о том, что происходит.

— Почему я должен забыть наши страстные свидания? — удивился Артем.

— И что ты помнишь?

— Все.

— Конкретнее!

— Ты меня удивляешь, девушка! — ответил жених, подплывая поближе. — Мне в жизни приходилось покорять многих женщин, но ни одна не требовала от меня отчета о прошлых поступках.

— Я у тебя не первая невеста?

— Понимаешь... как тебе сказать. В общем, так далеко я зашел впервые. Раньше я получал от любви удовольствие, но не брал на себя обязательств.

— Что же тебя заставило изменить своим принципам?

— Ах, какие там у меня принципы! Я люблю женщин, еду, быстрые флаеры, теплое море...

— И не любишь сирот?

Ко поняла, что те, кто готовил замену Артему, недостаточно серьезно подошли к своей задаче. Не серьезнее, чем комиссар Милодар. Видно, они были уверены в том, что любовь закроет глаза Веронике на все мелочи, на несуразности, что буквально бросались в глаза. И это легкомыслие к деталям уже стоило противнику очков в этой игре: Вероника раскусила подмену и согласилась уступить место Ко. Чем все это закончится, Ко, конечно, не знала, потому что не была уверена, что комиссар Милодар поможет ей.

— Каких сирот я не люблю? — спросил жених.

— На острове Кууси.

— А... этих самых! — Жениху было нелегко. Он никак не мог сообразить, о чем идет речь.

Гул колокола разнесся по залу.

— Ну, вот и завтрак! — с явным облегчением произнес жених. — Побежали переодеваться, моя дорогая!

Он выбрался из бассейна, дружески похлопал Ко по плечу и подтолкнул к двери, ведущей в ее каюту.

Он шел сзади нее, и Ко чувствовала всей спиной его жадный хищный взгляд.

Даже мурашки по спине бегали.

Во второй раз загудел колокол.

— Спеши, — сказал жених. — Князь не любит, когда опаздывают к завтраку.

— Князь?

Но Артем уже ушел дальше по коридору.

Ко переоделась. Длинное платье было сшито словно по ней, туфли — точно по ноге.

Третий удар колокола.

Ко провела руками по бокам — в линиях платья чувствовалось Средневековье, и в то же время линии его были современны и смелы. Что-то помешало пальцам скользнуть по бедрам: маленький комочек бумаги был вставлен в чуть надорванный шов. Записка была написана по-французски, мелко, в спешке, махонькими неровными буквами:

«Я не переживу этой ночи... Они открыли меня. Простите, скажите обо всем маме... Кларенс».

Это было чужое платье...

* * *

Через минуту в дверь постучали.

За дверью стоял капитан Брасс в черном, облегающем фигуру мундире, с золотыми звездами на рукавах и высоким стоячим красным воротником.

— Разрешите проводить вас, Вероника.

Он подставил согнутую руку, и Ко положила пальцы на локоть капитана.

Они вошли в обширный белый зал. С потолка его свисала хрустальная люстра. Она сияла столь ярко и переливчато, что приковала к себе внимание Ко и та не сразу разглядела тех, кто собрался за овальным столом в этом зале.

Брасс провел Ко к ее месту рядом с женихом, который успел переодеться в легкий элегантный костюм и повязать на шею яркой расцветки шарф.

Ко остановилась у стула, держась за резную черную спинку и обернувшись к человеку, восседавшему во главе стола — благородного вида мужчине, еще не старому, с завитыми кудрями, выкрашенными в серебряный цвет, чтобы подчеркнуть фарфоровую нежность розовых щек и сверкание невинных и добрых голубых глаз.

Ко сразу узнала этого человека.

В него были влюблены все девочки приюта, госпожа Аалтонен произнесла, по крайней мере, три речи, разоблачая его негативную роль в Галактике. Но чем больше она старалась, тем больше влюблялись в него девочки и завидовали ему мальчики.

Князь Вольфганг дю Вольф родился в цирке, между двумя представлениями, в клетке с тиграми, куда его мать, дрессировщица ворон, спряталась, потому что в вагончике, где жила их семья, бушевала пьянка. Через год его отец умер под забором.

Когда мальчик, которого звали тогда просто Карлом, подрос и стал плохим иллюзионистом и посредственным акробатом, он поклялся изжить пьянство во всем государстве. Для этого ему следовало обзавестись государством. У Карла был свой цирк, с которым он ездил по горным и болотным княжествам Сребуса, пока ему не удалось поразить воображение одного из диких царьков настолько, что тот отдал ему в жены свою дочь, наградил именем Вольфганг, поклялся больше никогда не пить и не курить, иначе Вольфганг получит право его убить. По поводу подписания брачного контракта имел место шумный пир, в ходе которого тесть напился, и, держа слово, Вольфганг был вынужден его застрелить. После этого вожди кланов разделились во мнении, правильно ли он поступил. На той планете не принято убивать близких родственников, значит, Вольфганг был не прав, утверждали одни. Но другие утверждали, что настоящий вождь обязан держать слово. Даже если ему этого не хочется.

Первым делом Карл-Вольфганг присвоил себе княжеский титул и отныне именовался князем Вольфгангом дю Вольфом, так как быть князем культурнее, чем просто вождем. Затем, чтобы как-то оправдать смерть своего тестя, которого князь искренне и горько оплакивал, он казнил всех пьяниц в своем княжестве, чем вызвал ненависть родственников казненных. Для того чтобы спастись от покушений и всеобщей ненависти, ему пришлось убить и родственников. Однако у родственников казненных были свои родственники, так что процедура наведения порядка в болотистом Сребусе привела к его оскудению и опустошению. Население уменьшилось настолько, что князю Вольфгангу никак не удавалось набрать достойную армию, чтобы показать соседям, кто прав в вековых конфликтах, а также покорить Вселенную. В конце концов за пределами болот скопилось куда больше жителей Сребуса, чем внутри его границ, и тогда князь счел за лучшее изменить тактику.

Собрав драгоценности короны и полностью ограбив последних поселян и торговцев, князь купил по случаю одряхлевший прогулочный лайнер «Сан-Суси», построенный в свое время для богатых туристов, которые предпочитали путешествовать с таким же комфортом, к какому привыкли дома.

Погрузив на корабль своих девочек, фаворитов, запасы варенья, до которого князь был большой охотник, и дрессированных животных из ограбленного им цирка, Вольфганг дю Вольф отправился в бесконечное путешествие по цивилизованным планетам Галактики, во-первых, чтобы себя показать, во-вторых, чтобы на людей посмотреть, но главное — для того, чтобы получить посильную экономическую помощь для развития производительных сил никому не ведомой страны Сребус и для помощи ее трудолюбивому и свободолюбивому народу.

К сожалению для князя и, возможно, к счастью для Сре-

буса, куда он так и не возвратился, путешествие «Сан-Суси» превратилось в бесконечное странствие по Вселенной. Ведь все, что бы ни удалось добыть на благо страны, тут же уходило в уплату за продукты, топливо и прочие нужные вещи для корабля и его многочисленного экипажа, не говоря уже о прожорливых и избалованных пассажирах.

Порой князем овладевал гражданский долг и он приказывал взять курс домой, в княжество, оставшееся без правителя и, возможно, уже обзаведшееся новым. Но, как назло, всегда находилась причина, которая не позволяла ему осуществить свою мечту и долг. То в пути встречались тяжелые навигационные условия, то кончалось топливо или сахар, то возникал заговор на борту, который требовалось разоблачить, то, наконец, следовало неожиданное приглашение на какую-то планету, где выковывался новый оборонительно-наступательный пакт... причина всегда найдется.

Постепенно князь Вольфганг дю Вольф стал популярной фигурой в Галактике и любимцем прессы, о нем всегда можно было написать, если писать было не о ком. Зная, что лишь известность, притом скандальная, позволяет ему оставаться в памяти современников как государственному деятелю, он подогревал интерес к себе сумасбродными поступками. Он предпочитал быть «тем самым дю Вольфом», чем фигурой добропорядочной, но никому не известной. В своем стремлении к известности и, следовательно, к деньгам, которых всегда катастрофически не хватало, князь с утра похищал в театре имени Маяковского ведущую актрису, вечером на ней женился, ночью изменял ей с фотомоделью Юлией Ким, утром принимал вызов на дуэль чемпиона мира по эспадрону, который оказывался женихом Юлии Ким, днем доказывал следователю, что не смог попасть на место дуэли из-за внезапно заболевшего зуба, чему есть шесть свидетелей, так что к нежданному убийству из-за угла вышеупомянутого чемпиона не имеет отношения. Все знали, что бывший Карл, а ныне князь Вольфганг — большой мерзавец, человек без чести и совести, но притом его считали веселым малым, душой компании, и почти никто не отказывался от его приглашений отобедать на борту «Сан-Суси». Хотя не для всех эти обеды оканчивались благополучно.

Порой князю закрывали въезд в ту или иную страну, но потом обычно снимали запрет, потому что он проходил по

всем документам как глава суверенного государства, а демократически настроенная Галактическая Федерация строго осуждает нарушения прав человека, но охраняет притом и права нарушителей этих прав.

Ко попала на «Сан-Суси» без приглашения и не могла сказать, что рада этому собранию. Там, где прошел князь Вольфганг, оставались лишь выжженная земля и вытоптанные посевы. И если он как-то связан с историей гибели Артема, то надо признать, что Ко заработала себе опасного врага.

Пока что этот враг не казался врагом.

Князь Вольфганг восседал в золотом кресле во главе стола. Он наливал себе сок из высокого хрустального графина. На плече его дремала большая ворона. Ко показалось, что она видела ее на острове. Не эта ли ворона заклевала Артема?

— Садись, девочка, — крикнул князь через весь стол. — Будь гостьей. Мы еще погуляем на твоей свадьбе. Я рад, что мне удалось тебя спасти.

Ко удержалась от вопроса, в чем заключалось спасение, и вежливо поклонилась хозяину корабля.

— Ты меня, надеюсь, узнала? — спросил князь Вольфганг.

— Вас все знают, ваше высочество, — ответила Ко. — Достаточно включить новости.

— Достойный ответ. Тогда садись и завтракай. Потом я дам тебе аудиенцию.

Жених вел себя за завтраком безукоризненно. Он был вежлив, предупредителен, корректен. Правда, к сожалению, время от времени он хватал Ко за коленку. Ко хотелось спросить, кто такая Кларенс и что с ней стало, но она понимала, что в правилах игры новая жена Синей Бороды не должна спрашивать о судьбе предыдущих жен. Если уж так захотелось, иди открывай маленькую дверцу. Но без лишних вопросов.

Ко с интересом разглядывала сидевших за столом.

Вернее всего, это были придворные и советники князя Вольфганга, но помимо этих людей, разодетых в шитые золотом и серебром мундиры, украшенные многочисленными орденами, за столом находилось несколько красивых женщин, которые кидали друг на друга злобные взгляды, видно, рассчитывая на дружбу и любовь князя, двое здоровенных силачей, наверное, из цирковых борцов, и шумная семья лилипутов. Но больше всего Ко удивила горилла, которая зав-

тракала, как и люди, умело орудуя вилкой и ножом, — так великолепно она была выдрессирована.

К концу завтрака в зал вошли два льва, которые бродили за спинками стульев и обнюхивали ноги сидевших за столом, будто были не совсем сыты. Ко хотелось подтянуть ноги, но она понимала, что вряд ли таким образом спасется от зубов хищников. Львы подошли к князю, и тот кинул им по куску торта с блюда, стоявшего перед ним. Торт, конечно, не завтрак для толстяка, но князь сожрал кусков десять, почти не жуя.

* * *

В уютной кают-компании, где все — и пол, и стены, и диваны — было закрыто шкурами диких животных, князь Вольфганг дю Вольф принял Артема и Ко сразу после завтрака.

Вблизи было видно, что он не так уж розов и гладок, каким казался на экранах телевизора и в кино. Мелкие частые морщинки избороздили его лицо, под глазами образовались замаскированные гримом мешки, волосы были кое-где подкрашены, а кое-где имплантированы.

— Заходите, заходите, — пригласил он молодых людей. — Ты, Артемка, уже был у меня, а вот Вероника — в первый раз. Правда, Вероника?

— Да, — согласилась Ко.

— Хотя ты бывала здесь совсем маленьким ребеночком — не помнишь? — Глаза князя лгали.

— Вы знаете меня с детства? — удивилась Ко.

— Да, Вероника, и я намерен тебе помочь. Я хочу, чтобы ты нашла в стенах моего летучего убежища не только счастье супружеской жизни, но и счастье дочернее — я уже принял все меры, чтобы подружиться с твоим папой.

— Кто он? Где он? — Ко искренне взволновалась, совершенно забыв в тот момент, что появление отца Вероники еще не приближает Ко к разгадке собственного сиротства.

— Всему свое время, — отмахнулся князь. — Да ты садись, садись. Все эти шкуры — мои трофеи. И вот что я скажу тебе, девочка: каждый настоящий человек должен иметь специальность. Я вот умею снимать шкуры и даже делать чучела. Я лучший таксидермист в Галактике.

— Кто?

— Таксидермист. Это некрасивое слово обозначает чучельника. Я гуманист. Я продлеваю жизнь животных. Потом я проведу тебя поглядеть на мои чучела. Но сначала несколько слов о делах. Итак, мне удалось вывезти вас с Земли. Поверьте мне, это оказалось нелегким делом и стоило мне таких денег, что вам, мои дорогие молодожены, и ввек со мной не расплатиться.

Все это было сказано с такой сладкой улыбкой, так лучились добром глаза князя, что и без объяснения было ясно, что он шутит.

— Ничего, — Артем постарался уловить тон Вольфганга и соответствовать ему. — Женимся, подружимся с папочкой, разбогатеем, заплатим тебе, князь, в пять раз больше, чем ты потратил, правда, Вероника?

Вероника посмотрела на жениха с удивлением.

— Прости, — спросила она, — а разве мой папа богат?

— Еще как! — радостно сообщил Артем, но тут вмешался князь:

— Богатство — это вещь относительная. То, что может показаться большим состоянием для сиротки, такой, как ты, — для меня лишь песчинка в море моих сокровищ.

— Это правда, — поспешил согласиться Артем. — Князь Вольфганг — один из богатейших людей в Галактике. Многие правители планет склоняются перед ним.

Князь смотрел на Ко. И взгляд у него был нехороший, недобрый.

— А она не верит! — сказал он капризно. — Не успев воспользоваться моим гостеприимством, она уже издевается надо мной. И зачем только я согласился помогать этой неблагодарной твари!

Ко была растеряна. Она обернулась к Артему. Тот отступил на шаг и пожал плечами, как бы показывая, что он не имеет к этому никакого отношения.

— Я не позволю над собой издеваться! — крикнул князь, все более заводясь. — Я ночей не сплю, думаю, как сделать лучше для несчастной девушки, но в ее шкуре скрывается монстр.

— Простите, господин князь, — сказала Ко, отступая к двери. Не очень приятно себя чувствуешь, если на тебя наскакивает, толкая тугим животом, пожилой вельможа. Может, и в самом деле она вела себя неправильно?

— Я разволновался, — заявил князь и быстрыми шагами пошел из комнаты. — Мне надо поесть!

Артем и Ко остались одни.

— Что с ним? — спросила Ко.

— Ну как ты смела так грубо разговаривать с князем! — возмущенно ответил Артем. — Он для нас с тобой все: родной отец, опекун, начальник, наконец!

— У меня нет начальников.

— Не говори глупостей. Не бывает людей без начальников.

— А куда он убежал?

— У князя нарушен обмен веществ, — сообщил Артем. — Это нервное. Как только его выведут из себя...

— Я не выводила его из себя!

— А кто поставил под сомнение его богатство?

— Я не могла поставить под сомнение его богатство, потому что понятия о нем не имею.

Тут Артем снизил голос и заговорил, склонившись к уху невесты:

— У князя не очень хорошие финансовые дела. Справедливые войны, которые он ведет, необходимость поддерживать статус руководителя государства, заботы о культуре и искусствах, женщины, наконец! — все это требует расходов. Даже наш корабль «Сан-Суси» заложен и перезаложен. Если нам не дадут льготных кредитов, придется худо — хоть уходи в пираты!

Артем был совершенно серьезен. Он настолько углубился в финансовые заботы своего князя, что не заметил, как безнадежно проговорился: «если нам не дадут»... нам... конечно же, Артем принадлежит к команде князя. И это главное, о чем надо помнить. А князь, конечно, не филантроп. Сумасброд, жулик и, возможно, тиран.

— И зачем только я ему понадобилась? — произнесла Ко, надеясь, что в порыве откровенности жених проговорится и об этом.

— А ты не догадалась? — спросил Артем с издевкой в голосе.

— Нет, ума не приложу.

— Тогда и не прикладывай, — усмехнулся Артем.

Оба замолчали. Разговаривать больше не хотелось. К тому же Ко почувствовала, что не только она не выносит своего жениха, он тоже не испытывает к ней теплых чувств. Возможно, как любовница она его устраивает... но о влюбленности или любви речи быть не может.

— А как моя настоящая фамилия?

— Дю Куврие, — ответил Артем, думая о чем-то далеком.

— А имя?

— Имя — Вероника. Наверное, Вероника. Мне никогда не говорили другого.

Интересно, а почему Веронику назвали именно так? Кажется, это было связано с медальоном, в котором лежала старая почтовая марка. Вероника всегда его носила, она надеялась, как и все приютские сироты, что в один прекрасный день в детский дом войдет ее мама или папа и по медальону тут же узнает пропавшую дочку. И окажутся как минимум королем и королевой отдаленной планеты.

— Мне надо извиниться перед князем? — спросила Ко.

— Только не сейчас! Князь должен остыть. После вспышки у него обязательно должна пройти полоса плохого настроения. Тогда он особенно опасен. Может натравить на тебя бойцовых дрессированных ворон, которых унаследовал от мамаши. Или еще кого почище.

— Я вижу, что ты не очень любишь своего хозяина?

Но на этот раз поймать Артема не удалось.

— Что ты несешь, крошка? — произнес он. — Я обыкновенный физкультурник с Детского острова — откуда бы мне раздобыть такого хозяина? И рад бы в ад, да грехи не пускают.

— В рай, — поправила жениха Ко, но тот не обратил внимания на поправку.

— Можно я тогда погуляю по кораблю? — спросила Ко.

— Гуляй, — с облегчением сказал Артем, у которого, видно, были свои дела. — Только не суйся в запретные двери и не открывай секретных замков.

— Слушаюсь, господин Синяя Борода, — откликнулась Ко. Но, видно, этот Артем сказок в детстве не читал. Он лишь удивленно приподнял брови.

В коридоре они расстались.

* * *

Корабль был велик и пустынен.

Возможно, в другое время суток он казался гуще населенным, но не утром, сразу после завтрака.

Когда-то он был богато украшен, в стиле мадам Помпадур или какого-то Людовика. Даже в потолках коридоров размещались некогда белые изогнутые картуши, в которых на небесном фоне среди облаков резвились амуры и нимфы. Пол был покрыт пластиком, изображавшим наборный паркет, об этом можно было догадаться ближе к стенам, где его не так вытоптали, как посередине. Позолоченные бра горели вполнакала, а некоторые и вовсе перегорели — видно, электрик на корабле был ленив и нелюбопытен. Вскоре Ко вышла к обширному залу, в котором размещался овальный бассейн. Вокруг него тянулись клумбы, покрытые сухой травой. Из клумб поднимались стволы высоких пальм. Воды в бассейне давно не было, в него кидали обертки от конфет, пустые банки из-под пива, там валялась туфля с рваным носом и бластер с погнутым стволом. Среди сора бродила ворона, которая не обратила на Ко внимания.

Ко стало жалко бассейн, да и весь корабль «Сан-Суси», который и на самом деле попал в руки очень бедного князя, не имевшего возможности следить за ним. Тут уж поневоле начнешь подозревать окружающих в насмешках.

Полная сочувствия к Вольфгангу дю Вольфу, Ко миновала зал бассейна, толкнула дверь и оказалась в следующем помещении — видно, здесь когда-то был парк корабля — место, где среди цветников и кустов сирени разгуливали богатые пассажиры.

Теперь из-за небрежения все кусты и деревья высохли, но ветки их кое-где сплетались так тесно, что конца зала не было видно.

Впереди послышался легкий шорох, но Ко не встревожилась. Мало ли кто, подобно ей, может гулять по кораблю? Ко решила пересечь зал в надежде отыскать библиотеку. На таком старом и некогда роскошном корабле наверняка должна сохраниться сказочная библиотека.

Ко спокойно направилась по тропинке между сухими стволами и, когда удалилась от двери метров на двадцать, вновь услышала впереди шорох. На этот раз куда более громкий. И чем-то испугавший ее.

Может, это любимые вороны князя?

— Кто здесь? — спросила Ко.

В ответ послышалось почти беззвучное рычание, низкое и зловещее.

Ко остановилась, прислушиваясь. Надо было, наверное, бежать обратно, но вдруг кто-то увидит, как она в ужасе носится по кораблю князя Вольфганга, и она станет предметом шуток и издевательств — достаточно вспомнить, какая компания собиралась за завтраком, чтобы понять, что пощады ждать не приходится.

Ко оглянулась. Куда ни кинь взор — всюду переплетение ветвей и веточек, закрывающих даже потолок зала. На мгновение девушке даже показалось, что она потеряла ориентировку и не знает, где дверь. Нет, дверь сзади... туда и надо отступать.

Ко медленно отходила назад, стараясь производить как можно меньше шума.

И через несколько шагов вынуждена была застыть снова: сзади тоже послышался шорох. Там ее поджидали.

Ну что за глупость! Она же гостья на правительственном корабле! Ее специально выкрадывали с Земли, чтобы устроить ей свадьбу и найти отца. Тщетно успокаивая себя, Ко напугалась настолько, что готова была согласиться на свадьбу с Артемом — только уберите ее из этого страшного сухого леса!

Ко сделала шаг в сторону.

И тут спереди раздался треск, и нечто громадное, желтое, рычащее кинулось на нее.

Ко отпрянула назад, но всей кожей чувствовала, что и сзади на нее несется такой же убийца.

В отчаянии Ко кинулась к ближайшему дереву и полезла на него. Ноги соскальзывали по стволу — еще мгновение... и она погибнет.

Но тут черная волосатая рука, протянувшись сверху, схватила Ко за руку и рванула наверх.

Ко буквально взлетела на развилку дерева.

Гигантская горилла, которая так умело орудовала за завтраком вилкой и ложкой, обняла ее, прижимая к горячему животу. Ко от неожиданности рванулась было бежать — но куда побежишь, если ты находишься в объятиях гигантской обезьяны.

Горилла успокаивающе ворчала — без злобы, как мать, выговаривающая неосторожному детенышу. Она показала рукой вниз, и Ко с ужасом увидела, что под деревом кружатся два льва, которых она уже видела за завтраком. Подобно кошкам, стерегущим умирающего кролика, они мягкими ша-

гами носились вокруг дерева, ожидая, когда их добыча наконец свалится им в пасть.

Горилла, показывая множество гигантских зубов, стала гладить Ко по голове и потом принялась шершавым языком зализывать глубокие царапины на ее плечах и бедрах.

Ко была благодарна обезьяне. Она понимала, что та не сделает ей ничего плохого, но сможет ли она защитить ее, если кому-то из львов вздумается прыгнуть и достать добычу? Ведь дерево было невысоким, ветки на вершине нетолстыми, и сук, на котором расположилась горилла, мог треснуть и сломаться в любой момент.

Так что Ко старалась не двигаться и даже шепотом попросила гориллу:

— Пожалуйста, не прыгай. Давай подождем.

Наверное, глупо обращаться с такой просьбой к животному. Но что поделаешь, если ты испугана?

Не двигаясь и лишь медленно поворачивая голову, Ко постаралась отыскать выход.

Но тут лев встал на задние лапы и принялся яростно драть когтями кору дерева. Он испустил такой рев, что, наверное, было слышно на Луне.

Ко зажмурилась. Она понимала, что горилла не справится с этими хищниками. И как бы в ответ на мысли Ко, горилла жалобно завыла, потом вдруг отпустила Ко, оттолкнула ее и прыгнула на соседнее дерево.

Ко чуть не свалилась вниз, в пасть льву, но успела подтянуться и поджать ноги — а лев, подняв лапу, старался дотянуться до ее пятки.

Она карабкалась выше, но ветки гнулись...

— Помогите! — закричала Ко, забыв о гордости и возможных насмешках.

Руки отказывались держать ее, треснула ветка, подломилась другая, львы радостно урчали, предвкушая добычу...

И когда Ко уже отчаялась спастись и готовилась лишь отбиваться от львов, сколько могла, из-под потолка зала раздался громовой голос:

— Рустак, Лелька, долой!

Яркий свет, загоревшийся сбоку, осветил оказавшуюся совсем рядом, нависавшую над лесом трибуну или ложу, в которой, окруженный красивыми и некрасивыми девицами, сидел князь Вольфганг и пожирал кусок торта.

Это зрелище, эта наглая, лукавая, розовая рожа, обрамленная серебряными кудрями, была столь близко, что Ко чуть не вырвало от гнева и отвращения — и тут руки отказались держать ее, и она грохнулась на жесткую, покрытую ветками и колючками землю. Львы от неожиданности отпрянули и готовы были кинуться вновь на обессилевшую жертву, но тут рядом с Ко оказался гигантского роста силач — из цирковых борцов. В руке он держал длинный кнут. Он щелкнул им, еще раз... львы подобрали хвосты и, подогнув лапы, побрели прочь, не переставая угрожающе рычать.

Ко сидела на земле, все в ней дрожало от боли и обиды. Она не могла двинуться.

— А ну! — крикнул князь Вольфганг. — Медицина! Где ты, медицина? Помоги девчонке, которая без спросу суется, куда ее не просили.

Князь поднялся и медленно покинул ложу.

Девицы за ним.

Силач с кнутом подхватил Ко на руки и понес по коридору.

— Ничего, — сказал он обыкновенным голосом. Ему было жалко Ко. — Ничего не поломано. Скоро пройдет. Гарантирую. Меня самого столько раз били и ломали, даже запомнить забыл.

Ко не отвечала. Она была как в забытьи.

Силач остановился перед дверью, на которой был изображен красный крест.

Постучав, он вошел и положил Ко на покрытую пластиком койку.

— Займитесь, — сказал он вскочившей из-за рабочего стола женщине с большими, выпуклыми, как у стрекозы, глазами.

— Ах! — воскликнула женщина при виде Ко. — Что с тобой, крошка?

Она выскочила из-за стола и подбежала к Ко.

В голосе этой худышки было столько тепла и заботы, легкий белый халатик был таким чистым и выглаженным, волосы лежали на голове такими аккуратными колечками и так изящно обрамляли смуглое, почти черное лицо, что Ко поняла: все ее приключения закончились. И, сделав шаг к докторше, которая была на две головы ниже ее, Ко беспомощно протянула к ней руки и горько разревелась.

— Кто ее обидел? — строго спросила докторша у силача.

— Она в мертвый парк забрела, — сказал силач, смущаясь

в этой комнате своих размеров и неуклюжих движений. — А князь, знаете, когда злой, пошутить любит. Он велел львов спустить...

— Ой! Неужели он опять посмел?

— Еще как посмел, — печально сказал силач. — Свет в ложе выключили, туда запрятались со сладкими девочками... хорошо еще, Черная Бомбаса на дереве дремала. Она вот эту... и подхватила.

— Ой, я не переживу! — воскликнула докторша. — Ведь девочка могла пострадать.

— Я так думаю, что она пострадала, — поддержал ее силач. — И еще напугалась до полусмерти.

— Хорошо, Поддубный, иди, — сказала тогда докторша. — Я ею займусь. Спасибо тебе, иди.

Силач ушел, нечаянно разбив стоявший на столике у двери графин.

— Простите, доктор Ванесса, — сказал он смущенно.

— Иди, иди, — докторша быстро наклонилась и стала собирать с пола осколки.

И тут Ко заметила, что на спине халат докторши разошелся, обнаружив большие, чуть не до земли, прозрачные стрекозиного вида крылья.

Ко не сдержала возгласа удивления. Докторша тоже ахнула.

— Я так виновата! Я вас напугала! Вы никогда не видели таких уродцев, как я?

— Нет, это вы меня простите, — также смутилась Ко. — У каждого своя судьба.

Она не придумала лучшего утешения для женщины-мухи.

— Но я практически не летаю, — сообщила докторша. — Во многих отношениях я не отличаюсь от вас. Надеюсь, вам не противно, что я буду вас лечить?

— Ни в коем случае! Даже наоборот! Мне было так приятно с вами познакомиться...

Докторша улыбнулась.

— Не старайтесь быть вежливой. Некоторые люди к мухам равнодушны, другие их не выносят, так что я терплю. Тем более что я темнокожая муха.

— А я даже не заметила, что вы темнокожая... то есть муха...

— Но не навозная, — улыбка пучеглазой докторши была грустной — видно, ей пришлось немало вытерпеть в жизни от недобрых людей.

Ко в смущении молчала, пока докторша обрабатывала ранки и царапины.

Докторша тоже не проронила ни слова.

— Ну вот и все, — сказала она через две минуты. — Никто не догадается, что вы жертва диких нравов нашего княжества. Будьте, пожалуйста, осторожны с нашим князем.

— Простите, — сказала Ко, увидев, что докторша собирает инструменты, — но как вы оказались здесь?

— Каждому приходится зарабатывать на жизнь, — вздохнула муха.

— И этот... князь, его не смущает ваш вид?

— Он — любитель экзотики, — печально ответила муха. — Когда я была еще подростком, он украл меня у родителей, преступно соблазнил и сделал своей наложницей. Правда, потом обошелся со мной лучше, чем с другими. Он помог мне получить образование и потом предоставил место на своем корабле.

— Вы любите его? — прошептала Ко.

— Я отдаю ему должное, — сухо ответила муха, — однако не одобряю его вкусов. Вы не представляете, какими ничтожествами он себя окружил. В компанию сладких девочек он берет всех без разбора!

— Ой, если вы думаете, что я из его компании, то это неправда. Я попала сюда случайно. Я считаюсь невестой... Артема.

— Не надо оправданий. Я знаю куда больше, чем вы думаете. До свидания. Номер моей каюты — 68. Все разговоры на корабле прослушиваются и потом доносятся до сведения господина Вольфганга дю Вольфа. Вы свободны.

Выйдя от докторши, Ко поглядела вдоль коридора. Было трудно оторваться от двери и сделать первый шаг.

В коридоре было чисто, но тишина была зловещей...

Ко побежала к своей каюте.

Захлопнула за собой дверь и кинулась на койку. Она готова была отдать все — только бы вернуться на Детский остров.

Но долго ей отдыхать не пришлось.

К сожалению, двери на «Сан-Суси» не запирались. Ей пришлось убедиться в этом минут через пять, когда дверь отъехала в сторону и в ее проеме обнаружился совершенно ни в чем не виноватый, рот до ушей, жених Артем. В шортах и гавайской рубашке навыпуск.

— Не прыгай в угол, — сказал он, заходя и закрывая дверь за собой. — Я тебя не трону. Не люблю искусанных женщин.

— Так ты все знаешь?

— Разумеется, знаю.

— И ты не пришел мне на помощь?

— Клянусь тебе, Вероника, клянусь тебе именем моей мамы, я не подозревал, что он придумает такие идиотские шутки.

— Ты это называешь шуткой? Да я чудом осталась жива! Я требую, чтобы меня немедленно выпустили с корабля!

— Без скафандра? — усмехнулся жених.

— Да хоть бы и без скафандра — только бы избавиться от вашей компании!

— Как ты странно заговорила!

— А что мне остается? Я не могу узнать моего жениха! Меня травят львами, я вообще не уверена, что меня оставят в живых. Почему? За что?

— Вероника, — вздохнул жених, присаживаясь на краешек койки. — Я должен сказать, что ты совершенно права. Мы все ужасно виноваты перед тобой. Хотя начала все ты сама. Это ты травила нашего князя...

Жених вздохнул и замолчал.

— Что ты хочешь этим сказать? — грозно спросила Ко.

— Ты упрекнула его бедностью, а для него это — самый больной вопрос.

Жених замолчал, будто прислушивался, и Ко услышала, как с потолка над самой головой жениха раздался шепот:

— Скажи о народе... о народе.

— Да, — спохватился жених. — Больше всего наш князь печется о благе своего народа. Народ, мы должны тебе сказать, частично бедствует. И в некоторых случаях получает гуманитарную помощь, которую разворовывают корыстные чиновники. А князь нервничает, черт побери! Теряет над собой контроль.

Артем прислушался к писку, доносившемуся из вентиляционной решетки, и завершил свою мысль:

— И он порой срывает свой гнев и ненормальности своей патологически гениальной натуры на совершенно неповинных девушках. Вот такие дела...

Ко поглядывала наверх, затем на жениха и спросила:

— Должна я понимать твои слова как формальные извинения князя Вольфганга?

Жених подумал, но никаких звуков сверху не доносилось.

— Не знаю, — честно признался он. И печально вздохнул.

— Чего вздыхаешь? — спросила Ко.

Хотя Артем был мерзавцем, она уже к нему немного привыкла и понимала, что, сложись обстоятельства иначе, был бы он самым обыкновенным парнем, может, даже неплохим спортсменом. На него Ко не сердилась. Может, ему самому не нравилось...

— Скажи, — спросила она жениха, — а тебе нравится, когда девушек травят львами?

— Да ты с ума сошла! — воскликнул жених. — Да я бы такого мерзавца, да я бы... — и тут его голос сошел на нет, а с потолка совершенно явственно прозвучало:

— И что же ты сделал бы с таким мерзавцем?

Артем помолчал, борясь с собой, а потом все же произнес, запинаясь:

— Это не метод... мой князь.

— Понимаю, что не метод! — завопил голос с потолка. — Сам понимаю, что надо лучше разбираться в людях. Но так хотелось позабавиться...

— Я пойду к себе... — сказал Артем.

— Нет, — возразил голос. — Сначала проведите любовную сцену. Вы жених и невеста, в конце концов, а не чужие люди.

— Не вмешивайтесь, князь! — строго сказала Ко.

— А я и не вмешиваюсь, — захихикал князь. — Я вообще отсутствую.

— Уходи, Артем, — сказала Ко.

Но тут, видно, Артем, совсем запутавшись в указаниях и советах, сам принял решение.

— Навозная муха Ванесса тебя подлечила? — спросил он.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, раны не болят, трогать тебя можно?

— А зачем тебе меня трогать? — насторожилась Ко.

— От избытка чувств.

— Ах, оставь, Артем, — возразила Ко. — Нет у тебя ко мне никаких чувств.

— Есть, — ответил голос с потолка.

— И вы отстаньте, в конце концов! Никуда от вас не денешься! Лучше выкиньте меня в космос, чем так обращаться! Но предупреждаю, что перед смертью я буду сопротивляться так, что комиссар Милодар примчится ко мне на помощь...

— Так... — послышалось с потолка. И после паузы: — Значит, вы с ним знакомы?

— Еще бы не знакомы! Он меня любит, — сообщила Ко. — Он же курирует наш приют. Он нам всем как родной отец.

— Отец! — в голосе прозвучало презрение. — Таких надо уничтожать в колыбели.

— Он вам сильно насолил, князь? — спросила осмелевшая Ко.

— Помолчи!

— Значит, насолил, — обрадовалась Ко и чуть не погубила себя, увлекшись воспоминаниями о комиссаре Милодаре. Потому что, воспользовавшись моментом, жених подвинулся к ней вплотную и попытался обнять.

Ко отпрыгнула в угол и рубанула ладонью по кистям его рук. Артему не было больно, он засмеялся, но свои притязания временно оставил.

— Ну, балуйтесь, шалите, а я пойду, поем сладенького, — сообщил голос сверху.

Ко подумала, как коротка дорожка от любви к ненависти. Ведь этот человек, ее жених, был очень похож на Артема. Артема обожала Вероника, Артем нравился Ко. Этот же жених в обеих девушках вызывал лишь неприязнь и даже ненависть.

Жених потянулся, играя мышцами.

— Порой, — сказал он, — у меня создается впечатление, что ты меня разлюбила и не собираешься выполнять обещания.

— Я давала тебе обещания?

— Разумеется, ты обещала мне свое тело и душу, ты обещала выйти за меня замуж.

— Я не отказываюсь и сейчас, — ответила Ко, которая обещала комиссару вести эту игру до конца. Да и самой приятно, щекотно ходить по лезвию бритвы.

— Нам надо назначить день свадьбы, — сказал жених. — Как ты думаешь — может, завтра поженимся?

— Лучше поженимся через десять месяцев, когда мне исполнится восемнадцать лет.

— Как ты мне надоела со своими глупостями! Неужели ты еще не поняла, что как только ты покинула Землю и оказалась на корабле князя Вольфганга, который является территорией суверенного государства, на тебя не распространяются галактические законы? Если князь захочет тебя убить, он может это сделать по законам своего болота.

— Он пойдет под суд!

— Один из его силачей тут же сознается в этом преступлении и отправится в тюрьму вместо своего господина. Поверь, князь легко отыщет добровольца.

— Но почему такая спешка, любимый! — взмолилась Ко, изменившая тактику. — У меня даже нет подвенечного платья. Я всегда думала, что этот день станет для меня самым главным днем в моей жизни! О нет, дорогой, не позволю тебе погубить то святое, что живет в нас!

— Черт побери, мне приятно слышать то, что ты говоришь. Может, я в самом деле тебе нравлюсь?

— Я без ума от тебя! Но надеюсь, это не означает, что ты должен спешить... спешить... убери руки, я буду кричать! Ты еще не знаешь, как я буду кричать!

Так как угрозы не помогали, а жених облапил Ко всерьез и не намеревался отпускать, пока не состоится свадьба, то Ко пришлось завизжать.

Ее жених не знал, что в детском доме на острове Кууси проходили соревнования по визгу среди воспитанниц. Эти соревнования жестоко преследовались строгой госпожой Аалтонен, но, разумеется, она ничего не могла поделать, когда соревнования проходили на берегу острова среди скал. Ко держала в этих соревнованиях твердое второе место, сразу после Вероники. Но и она умела визжать достаточно громко и пронзительно. Говорят, что как-то в Петрозаводске была объявлена пожарная тревога, потому что там спутали визг Вероники с сиреной пожарной команды.

Еще не успели жадные пальцы Артема расстегнуть корсет старинного утреннего платья, еще не успели они коснуться бедер прекрасной черноволосой девушки, как ее визг, пронзивший переборки корабля, донесся до капитанского мостика и до совершенно звуконепроницаемых апартаментов князя Вольфганга, который как раз в этот момент обмазывал медом свою возлюбленную киноактрису Клавдию Мартинеску, чтобы потом в порыве страсти слизать с нее всю сладость.

Увлеченный любовным занятием, князь решил, что визжит его возлюбленная Клавдия Мартинеску, и чуть ее не задушил в порыве гнева. Актрису спасло то, что она была уже покрыта толстым слоем меда и потому смогла выскользнуть из жестоких пальцев тирана.

Тиран погнался по коридору за обнаженной и измазанной

медом любовницей, а навстречу ему несся оглушенный и обезумевший жених Вероники.

К сожалению, этим не исчерпывались беды, вызванные визгом пленницы. Испуганный невероятной пронзительностью звука, капитан Брасс сбился с курса и протаранил небольшой метеорит, занесенный в Красную книгу Галактики, потому что на нем обитала уникальная раса глистов, могущих обходиться без воды, пищи, воздуха до четырехсот лет. Глисты разлетелись по всей Вселенной, и теперь их находят в слонах и китах многих планет. В камбузе корабля, услышав визг, кок от неожиданности уронил на пол соусницу с приправой к гавайским омарам, заказанным князем на обед. А доктор-муха от испуга взлетела, чего никогда себе не позволяла, и в ужасе стала кружиться над пустым бассейном, а потом даже поползла по потолку. В таком виде ее обнаружил склонявшийся к тому, чтобы жениться на ней и иметь в доме лечащего врача, толстый обер-камергер двора его высочества и мгновенно разлюбил, потому что не выносил, когда кто-то при дворе старался над ним возвыситься.

Здесь не время и не место описывать все неожиданные неприятности, которые произошли на корабле из-за того, что Ко так громко завизжала. Главное — она отделалась от приставучего жениха. Князь Вольфганг ворвался к ней в каюту, волоча за собой медовую актрису, и начал грозить Ко всевозможными карами, но та спокойно объяснила ему, что не намерена выходить замуж без подвенечного платья и раньше, чем через год. А если ее хотят выдать замуж раньше, то она согласится на это только после того, как повидается с папой и получит его благословение.

Князь выслушал девушку до конца. При этом он домазывал медом перепуганную любовницу. Выслушав, он сказал так:

— Моя любезная Вероника. Все человечество делится на тех, кто управляет, и на тех, кто подчиняется всем глупостям тех, кто управляет. Я по специальности — правитель. Ты, как я понимаю, раба. Несмотря на то, что умеешь очень противно кричать. У меня есть свои планы. Как всегда, они грандиозны. Ты же не умеешь заглянуть дальше своего носа. Тебе нужно подвенечное платье? Завтра мы делаем посадку на Марсе и там купим тебе платье по росту. Конечно, я мог бы

предложить тебе платье Кларенс, но, к сожалению, оно сильно замарано кровью, а у нас на корабле нет химчистки.

— Это что за намек? — удивилась Ко, вспомнив о записке, которую Кларенс оставила ей. — Что с ней случилось?

— Ах, пустяки, — отмахнулся князь. — Мы ее достойно похоронили в космосе. И будем надеяться, что ее судьба тебя минует.

— Что случилось с девушкой? Вы должны мне сказать!

— К счастью, я ничего тебе не должен. Клава, повернись на спинку, я помажу тебе медом живот.

Князь принялся мазать медом живот покорной актрисы. При том он рассуждал, не обращая внимания на Ко, хотя вся его речь имела к ней прямое отношение.

— Моя дорогая девочка. Прошу тебя потерпеть, не визжать и не шуметь — выслушай почти старого и почти мудрого человека. Всю жизнь я стремился делать людям добро, и чем больше я делал его, тем меньше люди меня любили. Сначала я удивлялся, возмущался этим, теперь смирился. Дайте мне кусочек этого мира для удовольствия и возьмите все остальное себе. Жрите. Размножайтесь! Живите — я буду хорошим, я буду благородным... таков мой жизненный принцип. Но я должен сказать тебе, что еще русские коммунисты в середине двадцатого века придумали гениальный принцип, которому я следую: «ДОБРО ДОЛЖНО БЫТЬ С КУЛАКАМИ». И второе: «ЕСЛИ ВРАГ НЕ СДАЕТСЯ, ЕГО УНИЧТОЖАЮТ». Ты чувствуешь, какие славные ребята жили в России? Как жаль, что мировой заговор евреев и капиталистов лишил их силы, подорвал их могущество и остановил в одном шаге от цели, — ведь они уже были готовы завоевать весь мир... Клава, повернись на бочок, я помажу тебе за ушами. Ах, как сладко...

— Вы противоречите себе, ваше высочество, — сказала Ко. — Сначала вы заявили, что вам не нужна благодарность, что добро для вас важно само по себе. А теперь стали говорить о кулаках.

— А как тогда люди догадаются, что ты им сделал добро? — удивился князь. — Лишь те, кто опасается тебя, могут оценить благодеяния...

— А при чем тут я? — спросила Ко, которая уже поняла, что наступила ее очередь. Не зря же князь, вместо того чтобы

слизывать мед с актрисы, о чем он искренне мечтал, тратит время на разговоры с визгливой девицей с Земли.

— Ты должна оказать мне услугу. Ведь не зря же я тебя спас и воссоединил с твоим прекрасным женихом, который, кстати, оказался моим племянником.

— Вы хотите сказать, что держали своего племянника физкультурником на Детском острове?

— Мой племянник отличался в детстве плохим здоровьем, врачи прописали ему свежий воздух. А разве есть где-нибудь воздух свежее, чем на Ладожском озере?

Ангельская улыбка играла на алых губах князя Вольфганга дю Вольфа. Розовые щечки блестели, словно намазанные кремом. Голубая шевелюра была тщательно завита. Князь задумчиво гладил актрису по попке, размазывая мед. Все в комнате пропахло хорошим цветочным медом. Князь дю Вольф был лжецом, равного которому еще не рождала Галактика. С ним надо было быть настороже.

— Я спас тебя. Я устрою вашу свадьбу.

— Господин Вольфганг, — спросила Ко. — Что случилось с Кларенс? Кто она такая?

— Она — твоя прямая предшественница. Она плохо кончила. Но я надеюсь, что ты хорошо кончишь. Если будешь меня слушаться. Во-первых, давай договоримся, что ты выходишь замуж завтра и даже без подвенечного платья.

— Но я уже разлюбила моего жениха!

— Ты его боишься, крошка?

— Я к нему не привыкла.

— Я понимаю, — согласился дю Вольф. — На острове была романтика, шумели сосны и можно было целоваться на закате, глядя, как садится солнце, правильно?

— Правильно.

— А здесь от тебя требуют немедленной свадьбы, да еще без подвенечного платья. Но я не могу ничего поделать. Ты сама добровольно убежала вместе с моим племянником. Если ты не выйдешь за него замуж, это ляжет несмываемым пятном на наше семейство. Выходи, он тебя не тронет.

— А где гарантии? — спросила Ко.

— Вот это серьезный разговор. Гарантия — мое слово. Обычно ему не следует верить — я великий обманщик. Но на этот раз я заинтересован в том, чтобы ты была довольна. По-

тому что сразу после свадьбы мы едем на свидание к твоему папочке.

— Но почему не раньше? Почему не пригласить его на свадьбу?

— Потому что я люблю сюрпризы. А твоего папу ждет большой сюрприз.

— Милый, — взмолилась актриса, — я высыхаю. Вся кожа стянулась. Облизывай меня скорее.

— Сейчас, сейчас, я и сам не дождусь этого момента! Ты можешь идти, Вероника. Но учти, что сегодня вечером твоя свадьба, а завтра утром мы прилетим на Марс, где тебе предстоит встреча с твоим папой.

Так как князь Вольфганг более не смотрел на нее, а набросился на обнаженную актрису и принялся ее облизывать, Ко ничего не оставалось, как покинуть каюту.

* * *

Ко была в растерянности. Разумеется, ей не хотелось по-настоящему выходить замуж за этого бандита, лучше смерть, чем такая судьба. Но с другой стороны, она почему-то надеялась, что розовощекому Вольфгангу она нужна для другого, для более важной цели. И ее вытаскивали с Земли вовсе не для того, чтобы погулять на свадьбе.

И все равно было страшно. Вокруг корабля раскинулись миллионы километров пустого пространства. Ее крики услышать некому, а князю Вольфгангу достаточно приказать своим придворным заткнуть уши ватой — и Ко погибла, в объятиях Артема или когтях льва.

За обедом сытый, измазанный медом Вольфганг сообщил Ко, что свадьба состоится в шесть часов тридцать минут, церемонию будет проводить он сам, как князь суверенного государства, на что имеет законные права.

— Надеюсь, крошка, ты не будешь вести себя так же плохо, как Кларенс, — сказал он, показывая пятьдесят сверкающих белых зубов. — Нам ты нужна живая и здоровая.

Так как все за столом начали услужливо хохотать, Ко положила себе салата и сделала вид, что занята едой, хотя, конечно же, аппетита не было. Она жалела Кларенс и понимала, что каким-то образом судьба этой девушки связана с ее судьбой. Но как узнать об этом?

После ужина князь Вольфганг дю Вольф сообщил, что намерен показать гостье свой таксидермический музей. И все придворные стали проситься на экскурсию. Князь отобрал лишь самых приближенных: обер-камергера, облизанную актрису Клаву и жениха Артема.

Ко видела, что экскурсию устраивают для нее, поэтому старалась вести себя вежливо и непринужденно, ничем не показывая, какие печальные и тревожные мысли ее одолевают.

Когда они поднялись из-за стола, жених по-хозяйски обнял Ко за плечи и прижал к себе. Ко подчинилась и терпела. Скорей бы все кончилось... Докторши за столом не было. Видно, она обедала в другом месте.

Перед тем как перейти в музей, произошла задержка. Поднимаясь из-за стола и окидывая его взглядом, князь Вольфганг грозно спросил:

— Кто взял серебряную ложку?

Началась суматоха. Ложки пересчитывали, перекладывали с места на место, а князь все более распалялся, крича, что из-за таких вот воров он не может до сих пор покорить собственную планету, что он уничтожит вора собственными руками. Все испугались, особенно когда по приказу князя в столовую вбежали силачи дю Вольфа и, поставив всех гостей лицом к стене, обыскали.

Ко еще никогда не обыскивали, и ей было скорее любопытно, чем страшно, — словно она попала в идиотский театр и смотрит представление.

Силачи, играя мускулами, рычали, выворачивая карманы и содержимое сумок, женщинам расстегивали платья, а когда силач совсем уж обнаглел, Ко обернулась к жениху.

— Артем, — сказала она, — хоть бы ты меня защитил!

— Тише! — испуганно откликнулся Артем. — Ты же видишь, я сам без штанов!

Тогда Ко решила позаботиться о себе сама. И когда силач запустил лапу ей под платье, Ко припомнила один из недурных приемов самообороны — она была отличницей в кружке по китайской и тайской борьбе. Вспомнив, Ко применила прием на практике, а силач, видно, этого приема еще не выучил. Так что он с воплем отлетел в другую сторону комнаты и с ревом вытащил из-за пояса бластер. Ко нырнула под стол и услышала гневный вопль Вольфганга дю Вольфа:

— Ты с ума сошел, стрелять в моем доме, моей столовой?

— Мне бо-о-ольно! — вопил в ответ силач.

Раздался выстрел, и, высунувшись из-под стола, Ко увидела, как медленно падает на пол убитый охранник, который хотел ее застрелить.

Глядя из-под скатерти, Ко громко сказала:

— Если вы ищете ложку, то она лежит под столом у ваших ног, господин князь.

Князь поморщился, спрятал бластер за пояс и заглянул под стол. Он выпрямился, держа ложку в руке.

— Черт знает что, — сказал он. — Никому нельзя доверять. Простой ложки найти не могут. А ну, быстро все отсюда! И труп уберите. Понакидали трупов.

Силачи молча подняли труп своего товарища и понесли прочь из столовой.

Князь извинился перед гостями и сразу забыл об инциденте. Лишь сказал, обращаясь к Ко:

— Как-нибудь покажешь мне этот прием. Очень эффективен.

С этими словами он пошел к выходу. Камергер и актриса — за ним. Ворона опустилась ему на плечо и косила глазом на Ко. Жених подтолкнул Ко под локоть, чтобы она шла вперед.

Он стал куда менее нахален. Может быть, на него подействовала смерть силача?

Они прошли длинным коридором, спустились на нижний уровень, и там, вытащив из кармана небольшой золотой ключик, князь отпер дверь с табличкой:

«Таксидермический музей имени князя
ВОЛЬФГАНГА ДЮ ВОЛЬФА»

Скромностью розовый князь не страдал.

Вольфганг сам зажег свет, и Ко следом за ним вошла в низкий обширный зал, который и в самом деле дал бы сто очков вперед любому музею космических курьезов.

На подставках, под колпаками, свисая с потолка, возвышаясь на постаментах, в музее разместилось более сотни различных чучел, сделанных великолепно, тщательно и профессионально. Были звери и птицы, известные Ко по книжкам и фильмам, некоторые были неизвестны совсем или она лишь могла догадываться, что вот это волосатое чудовище, похожее на крупного кентавра, на самом деле кинтобрас обыкно-

венный, исчезнувший на Кулопетре примерно десять лет назад. Князь Вольфганг гордо вел гостей от стенда к стенду, и все делали вид, что попали в музей впервые.

— Я всех убиваю сам, — сообщил он, надуваясь от собственной значимости. — Любого зверя я встречаю лицом к лицу...

— И эту бабочку? — спросила Ко, показывая на чудо с метровыми крыльями.

— Эту бабочку я поймал в Бесконечном лесу, но для того, чтобы выследить и накрыть ее сачком, я прошел пешком около четырехсот миль, я болел тремя смертельными лихорадками, в двух стычках с туземцами потерял шестьдесят человек и, кроме того, возвращаясь домой, вынужден был убегать от двух патрульных крейсеров Экологического управления, потому что эта бабочка, как назло, оказалась последней во Вселенной.

Вокруг подобострастно засмеялись.

— Мне стыдно за вас, — сказала Ко.

Князь Вольфганг добродушно развел руками.

— Откуда я знал, что она последняя? Мне всегда казалось, что их осталось еще три или четыре. А теперь я покажу тебе, девочка, змею, яд которой убивает стадо слонов, а объятия могут задушить медведя...

Змея и на самом деле была внушительной.

Ко смотрела на нее и думала, зачем же на самом деле ее привел сюда князь дю Вольф. Ведь не для того, чтобы похвастаться бабочкой или змеей, — не такая Ко в его глазах фигура, чтобы устраивать ради нее представление. Ко, готовься к худшему — тебя сейчас снова будут пугать...

Приближение этой минуты она почувствовала по поведению окружающих. Вдруг все притихли. А сам князь тихо засмеялся горлом, как воркующий голубь.

— Я должен сказать, — заявил он, прервав смех, — что в мой таксидермический музей я допускаю только избранных. Например, твоему другу Милодару вход сюда категорически запрещен. И не потому, что я чувствую себя в чем-то виноватым. Ничего подобного — ведь я лояльный глава суверенного государства и по моим законам я могу казнить и миловать. Вот, например...

Князь Вольфганг сделал шаг в сторону — шаг был рассчитан и вымерен, — и перед глазами Ко предстала обнаженная фигура юной девушки, черноволосой, кудрявой, улыбающейся. Приподняв руку, девушка придерживала кончиками пальцев непослушные локоны, словно налетел порыв ветра и растрепал их.

— Что это? — ахнула Ко.

— Чучело, — сказал князь и от удовольствия зажмурил голубые глазки. — Самое обыкновенное чучело из нередкой и не охраняемой Красной книгой породы хомо сапиенс. Так что я могу спать спокойно. В отличие от бабочки, которой вы меня, юная леди, упрекнули, эта девица ничем не нарушит баланса живых сил в земной природе.

— Вы убили ее? — Ко стало страшно и так жалко девушку, что она еле сдерживала слезы.

— Мы были вынуждены ее наказать! Она сама виновата — не смогла помочь нам в том же деле, в котором вы нам так успешно помогаете.

— Как так наказать! — ужаснулась Ко. — Убить?

Ко не хотела, не могла смотреть на эту фигуру, но была не в силах оторвать от нее глаза. Толстый обер-камергер, выбиравший позицию, чтобы получше разглядеть Кларенс, оттолкнул Ко, и она неожиданно встретилась с девушкой взглядом. Глаза у Кларенс были совсем живые, они были широко открыты и чуть затенены длинными ресницами. Во взгляде замер немой допрос: «Почему я здесь? Что случилось?»

— Ах, как я ее помню, — прогудел толстый камергер. — Мы с ней в шашки играли. Когда я выигрывал, она всегда обижалась. Ну, как маленькая!

— Она и была маленькая, — откликнулась Клавдия. — Вы не поверите. Как-то за обедом много шутили, анекдоты рассказывали, а она слушала, слушала, а потом меня спрашивает: скажи, Клава, откуда получаются дети? Ей шестнадцать лет было, не больше.

— Вранье, — Артем ухмыльнулся так нагло и противно, что Ко готова была его убить — сейчас скажет какую-то гадость! — Вранье. Я спал с ней. Сначала она верещала, а потом привыкла.

— Помолчи, — вдруг оборвал его розовощекий князь, который задумчиво откусывал от большого пряника и сыпал крошками на пол. — Ты врешь, чтобы мне угодить. А мне твоя ложь не нужна. Девушка она была наивная и чистая. Клава права, она так до конца жизни и не поняла, что проис-

ходит. И я ее любил. По-своему, грубо, непостоянно, но любил. Так что попрошу без пошлостей.

— Пошутил я, — сразу признался Артем. — С кем не бывает.

— Со мной не бывает, — заметил Вольфганг. — С культурными людьми не бывает.

Взгляд Ко упал на пальцы ног девушки. Такие маленькие пальчики, такие аккуратные ноготки, а на большом пальце небольшой белый шрам — когда-то порезала ногу, и теперь навсегда... навечно.

— И вы ее убили, — тихо сказала Ко.

— Все не так просто! — оборвал ее князь. — Не упрощай. Она сорвала операцию. Поэтому она должна была исчезнуть. Это была политическая необходимость.

— Что за необходимость, которая позволяет убить девочку... — Ко совсем забыла, что она находится в таком же положении, как Кларенс. Но князь об этом отлично помнил.

— Кларенс по глупости, — сказал он, — позволила себя разоблачить. Она призналась, что самозванка. Ты не представляешь, какие средства и усилия были вложены в операцию. И все — коту под хвост! — Князь был искренне расстроен. — Она получила то, что заслужила. Пускай радуется, что хоть попала в такой хороший музей. Могла кончить на помойке.

— Вы привели меня сюда, чтобы запугать? — спросила Ко.

Князь сделал вид, что не услышал ее слов, а продолжал нежным тягучим голосом:

— Погляди, как мне удалось сохранить свежесть ее кожи! Гитлеровские палачи могли изготавливать из человеческой кожи только абажуры и кошельки. Но я никогда не опускался до потребительских товаров. Для меня таксидермия — высокое искусство. Я потратил две недели бесконечного, бессонного труда, чтобы обработать ее кожу и волосы по методу московского мавзолея. И какой результат?

— Гениально! — вырвалось у камергера.

— Только глазки пришлось заказать на стороне. Глазки мы делали из белого мрамора, а зрачки у нас аквамариновые. Разве не удачно?

Кларенс смотрела на Ко живыми глазами, и Ко даже заплакать не могла, такой глубокий ужас охватил ее.

А окружающие — и Клава, которой совсем не хотелось радоваться, и обер-камергер, который всего насмотрелся и ко

всему привык, и даже Артем — хлопали в ладоши, выражая восторг, словно собрались на Уимблдонский турнир и радовались удачному удару князя Вольфганга.

— Выпустите меня отсюда! — крикнула Ко. — Я не могу здесь больше стоять!

Ворона сорвалась с плеча князя и, оглушительно хлопая крыльями, полетела в темноту.

— Ах, как грустно, как грустно! — отозвался Вольфганг дю Вольф. — Но я должен был быть готов к такому поведению нашей невесты. Она очень волнуется, она влюблена в моего племянника, она жаждет объединиться с ним под одним одеялом. И главное — она ждет встречи с любимым папочкой, который бросил ее много лет назад! Сейчас мы разбегаемся по каютам и готовимся к свадьбе, к большому, искреннему и доброму празднику! Через два часа мы ждем всех в главном зале корабля. Опоздавшие будут безжалостно выпороты. Я кончил. А ты, Вероника, оглянись и погляди еще раз на Кларенс. Не правда ли, вы с ней похожи?

* * *

В каюте Ко ждала темнокожая муха, которая показалась ей еще более тонкой, хрупкой и грустной, чем прежде.

— Как ваши раны? — спросила она, глядя на девушку выпуклыми глазами, поделенными, как у стрекозы, на множество ячеек, отчего свет ламп, отражаясь от них, придавал глазам особый многоцветный блеск.

Муха перехватила взгляд Ко и заметила:

— Именно мой взгляд показался ему экзотичным. А я поверила в его любовь и осталась с ним, когда мой рой улетел в теплые края. Теперь мне отрезан путь назад.

— А были бы вы счастливы, оставшись среди своих? — спросила Ко.

— Нет, ни в коем случае! — ответила муха. — Я вырвалась из первобытного мира насекомых. Пускай мне будет хуже, но я нахожусь рядом с ним, кого я люблю и ненавижу.

— Вы все еще любите господина Вольфганга?

— Я его ненавижу, но не могу побороть мою первую любовь, — призналась муха.

Говоря так, она вытащила из кармана на груди белого халата блокнот и острым коготком написала на нем:

«Комиссар передает: Земля надеется, что вы выполните свой долг».

Докторша протянула блокнот Ко, и та, взяв с полочки у зеркала булавку, нацарапала на вновь побелевшей странице:

«Я никому ничего не должна».

Надпись продержалась на листке несколько секунд, а когда побледнела и пропала, муха написала на чистом листке: «Комиссар Милодар надеется, что вы помните об ужасной смерти ни в чем не повинного Артема, о горе вашей подруги Вероники, а также о чести Детского острова».

— Последнее — совершенно лишнее, — сказала вслух Ко, и муха испугалась: глаза ее стали втрое больше и концы крыльев, показавшись из-под белого халата, мелко дрожали.

«Не забывайте, нас подслушивают, — написала муха. — Комиссар активно ищет ваших родителей. Выходите замуж, не бойтесь ничего — комиссар мысленно проведет ночь возле вашей брачной постели. В случае чего — визжите! Жених не посмеет вас коснуться. Вам поможет в этом доктор».

— Вы поможете? — спросила Ко.

— Всему свое время. Но можете на меня положиться, — скромно ответила муха.

«Кто такая Кларенс? Почему ее убили?» — написала Ко.

«Она была акробаткой в цирке. Они хотели использовать ее для той же цели, что и вас. Но когда профессор Дю Куврие разгадал их замысел, они подстроили несчастный случай и убили Кларенс, чтобы она их не разоблачила».

«Как же можно, чтобы чучело человека хранилось в музее?»

«Ничего не знаю о чучеле. Никогда не слышала о музее, — написала в ответ муха. — При встрече доложите об этом шефу».

— Ваши ранки зажили, — сказала докторша вслух. — Так что я вам больше не понадоблюсь.

— Но я так волнуюсь, доктор, — произнесла дрожащим голосом Ко. — Я попрошу вас дать мне каких-нибудь средств от страха.

— Примите две таблетки перед ужином, — сказала докторша и положила пачку таблеток на столик у постели Ко.

И тут же написала на листке своего блокнота:

«Киньте две таблетки в стакан молока вашего жениха. Он будет спать, как муха зимой».

Ко оценила юмор докторши и искренне произнесла:

— Вы просто не представляете, как я вам благодарна. Теперь все мои страхи позади.

С тихим жужжанием муха вышла из комнаты. А может, Ко показалось, что докторша на ходу жужжит, потому что обычно мухи жужжат.

Так как известно, что подвенечное платье было приготовлено для несчастной Кларенс и промокло от ее крови, Ко отправилась на свою первую свадьбу в том платье, в котором выходила к завтраку. Очевидно, запас платьев ее размера был на «Сан-Суси» ограничен. Правда, облизанная Клава и две фотомодели, от которых пахло мускатом и ванилью, где-то раздобыли себе поистине роскошные туалеты, но Ко им не завидовала, потому что, несмотря на свой юный возраст, обладала острым трезвым взглядом и этот взгляд убедил ее, что она превосходит остальных девушек на борту княжеского корабля красотой, элегантностью, изяществом, классом и прочими женскими достоинствами, которые природа раздает скупо и весьма неравномерно. Девушки делали вид, что этого не понимают, а сам князь Вольфганг дю Вольф в очередной раз выразил свое восхищение Ко, сказав:

— Какая жалость, что ты не сладкая. Но ничего, после свадьбы приобщим.

Ко согласилась. Излишние споры с сумасбродным тираном ей не требовались.

В большом зале под хрустальной люстрой собралось все население «Сан-Суси», не считая, конечно, команды и охраны. Среди приглашенных Ко увидела капитана Брасса и помахала ему. Он отдал ей честь, улыбнувшись до ушей.

— Ты куда красивее, чем была раньше, — сообщил он.

Стол убрали, под ножки кресла, на котором обычно сидел князь, положили несколько толстых томов из штурманской библиотеки, и потому князь значительно возвышался над толпой придворных.

Ко стояла рядом с женихом, который был облачен во фрак, с бабочкой на шее. От него пахло сладкими духами.

— Берегись, — сказала Ко, когда он взял ее под руку и повел к трону. — Как бы князь не принялся за тебя.

— Не понял, — прошептал в ответ жених.

— Ты слишком сладко пахнешь. Можешь попасть в фавориты.

— Я к этому и стремлюсь, — цинично заявил молодой человек.

— Он тебе не родной дядя?

— Он мне такой же дядя, как я тебе велосипед, — загадочно ответил жених. — Я на него работаю.

— А как они тебя переделали в Артема на Детском острове? Они сделали тебе пластическую операцию?

— Что! Что ты имеешь в виду? Почему операция?

И тут Ко поняла, что слишком успокоилась и трагически проговорилась.

— Я пошутила, не слушай меня, — сказала она быстро. Но глаза жениха стали холодными и злыми. Он ей не поверил. Ну как можно не следить за собой! Комиссар Милодар не захочет ее знать после такой легкомысленной оплошности.

Князь Вольфганг захлопал в пухлые ладоши.

— Сладкие мои, медовые, вишневые! Давайте поскорее покончим со свадьбой и примемся за пир. Что может быть приятнее на свете, нежели нарушение всех христианских заповедей. Слава прелюбодеям! Слава чревоугодникам!

Он не сказал «слава убийцам», хотя он, конечно же, был приторным убийцей. Ко перехватила его расчетливый, на мгновение помутневший взгляд. Взгляд был липким, словно князь уже мысленно облил ее горячим сахаром и сделал из нее очередной леденец.

— Бумаги, дайте сюда бумаги! — закричал он. — Что же вы медлите!

Обер-камергер протянул князю папку. Тот открыл ее на обтянутых лосинами круглых ляжках.

— По желанию молодых людей, которых я спас от заточения на проклятой Земле, я решил данной мне богами и людьми властью подарить им счастье. Потому я разрешаю вам вступить в брак на борту моего флагманского корабля «Сан-Суси». И прошу учесть, что брак совершается в присутствии многочисленных членов моей свиты и офицеров корабля, так что он будет признан в любой нотариальной конторе Вселенной, и если кто-то из вас, молодые люди, разочаруется и отступит от данного здесь слова, то он в лучшем случае бесславно погибнет, оставив все свое имущество супругу. Ясно?

Ко пожала плечами. Речь совершенно не соответствовала моменту, но она и не слушала. В маленькой серебряной сумочке лежал флакончик с облатками, выданный Ванессой.

Сама докторша вползла по потолку из соседнего зала и замерла у притолоки. Белый халат свисал вниз, словно занавеска.

— Мой дорогой подданный, мой названый племянник, временно принявший на Земле кличку Артем Тер-Акопян, а на самом деле проходящий по нашим документам как Артур дю Гросси, согласен ли ты взять в жены Веронику дю Куврие?

— Согласен, — громко, как на параде, ответил жених. Он взял Ко за пальцы и потянул к себе. Засверкали вспышки фотоаппаратов.

«Снимайте, снимайте, — думала Ко, — чем больше будет снимков на память, тем легче мне будет доказать, что я не Вероника дю Куврие. Так что мой брак недействителен. Хотя до какой-то степени я выскочила замуж раньше всех остальных девчат в нашем классе. Правда, чем это пахнет на самом деле, я пробовать не намерена... Но многие бы лопнули от зависти. Еще бы — сбежала с проклятого острова Кууси, от госпожи Аалтонен и ее учителей, летала на настоящем роскошном космическом корабле, знакома с настоящим тираном, а мой первый муж — один из самых красивых парней, которых мне приходилось видеть не только на острове, но и в иллюстрированных журналах».

— Говори же! — крикнул князь Вольфганг.

— Что? — удивилась Ко.

— Я же спросил: согласна ли ты связать свою оставшуюся жизнь с Артуром дю Гросси?

— Вы кого спрашиваете? — как можно глупее задала вопрос Ко.

— Я спрашиваю тебя, идиотка, тебя. Веронику дю Куврие.

— Я, Вероника дю Куврие, — сказала Ко как можно яснее и громче, — согласна отдать руку и сердце Артему Тер-Акопяну. Только я несовершеннолетняя. И потому не уверена, является ли наша процедура законной.

Ко отлично понимала, что эти слова на бандитов не подействуют. Но подразнить их хотелось.

— Сладкая моя, — воскликнул князь Вольфганг. — Как тебе повезло! Мои законники подготовили желанный для тебя документ.

Он протянул руку в сторону, и обер-камергер вложил в толстые пальцы властителя свиток желтой бумаги. Князь развернул его и, не скрывая улыбки, прочел:

«Удостоверение

Сим удостоверяется, что на настоящий момент девица Вероника дю Куврие, рожденная на Марсе тринадцатого октября две тысячи сто семидесятого года, то есть семнадцать лет и три месяца назад, отныне считается совершеннолетней, имеет полное право спать с любимым мужчиной, зачинать детей и делать аборты и выкидыши, если ей это вздумается.

Подписано: Князь Вольфганг дю Вольф, властитель Сребуса.

Медицински удостоверено: Доктор Ванесса дю Инсектида».

Князь обернулся:

— А где наш любимый доктор?

— Я здесь, — слабым голосом откликнулась с потолка докторша.

— Ты подтверждаешь, мое насекомое, законность документа?

— Я подтверждаю, — сказала докторша и поползла по потолку к выходу.

— Тогда, Вероника, и делай сегодня ночью с моим племянником что тебе вздумается. Только не замучай его до смерти, он нам еще пригодится.

Тут князь расхохотался, и ему в тон захохотали все присутствующие в зале. Придворные хохотали громко и весело, стараясь, чтобы князь заметил, как они радуются шутке, а фотомодели и сладкие девицы лишь криво усмехались, так как смертельно боялись, что не сегодня завтра у князя появится сладкая любовница — Вероника дю Куврие.

Ко забрала свидетельство о совершеннолетии и вежливо поклонилась князю.

— А теперь — за пир, за сладкий и веселый пир, господа! — закричал Вольфганг дю Вольф. — Иначе я лопну от жалости к себе или усохну от голода.

Широко раскрылись двери, и слуги вкатили в них длинные столы на колесиках. Столы были уставлены блюдами, сотейниками, кастрюлями и тарелками — начался пир в честь бракосочетания Вероники дю Куврие неизвестно с кем. Ведь если Артем — это не Артем, то не исключено, что имя Артур дю Гросси тоже липовое.

* * *

В разгар свадебного пира князь Вольфганг, который в одиночку сожрал торт размером с автомобильное колесо, наклонился к уху Ко, которая сидела справа от него, и прошептал, выплевывая куски нежного крема ей на левое плечо:

— Смотри, что я сейчас сделаю. Только молчи.

Не переставая пожирать торт, розовый князь вытащил из верхнего кармашка махонький пузырек и, когда сидевший по левую руку от него Артур дю Гросси отвернулся, привлеченный соблазняющей улыбкой фотомодели, он насыпал из пузырька в наполненный вином бокал молодого супруга несколько крупинок.

— Теперь, — сказал он, — твой благоверный заснет праведным сном сразу после того, как ляжет в постель. Так что можешь спать спокойно и не визжать, не нарушать мир на нашем кораблике.

— Спасибо, — сказала Ко, нащупывая в сумочке таблетки, которые ей дала женщина-муха.

Артур дю Гросси поднял бокал, глядя в фиалковые глаза фотомодели, и та закричала ему через стол:

— До дна, мой крошка!

Жених с удовольствием опустошил бокал, и слуги туг же наполнили его снова.

Вольфганг с головой ушел в торт, а в это время Ко увидела, как по потолку ползет женщина-врач в белом халате, почти невидимая снизу, тем более что никому не приходило в голову поглядеть на потолок. Когда она оказалась над головой Артура, она точно кинула в его бокал три таблетки. Вино в бокале вспенилось.

Жених взял бокал в лапу и выпил его за здоровье актрисы Клавы, на щеках которой еще оставались следы меда, которые она не смела смыть.

— Я решила подстраховаться, — прожужжала муха, переползая по потолку к Ко. — Твоя честь будет спасена.

Выпив бокал до дна и поморщившись (возможно, таблетки были горькими), жених поглядел на Ко.

— Прошу тебя, не визжи сегодня, — ласково попросил он. Глаза его были мутными. — Я так мечтаю овладеть тобою.

— Не удастся, мерзавец, — послышался грудной голос. — Ты обещал, что женишься на мне, еще в прошлом году.

Ко удивленно обернулась и увидела полную статную девушку в скромном платье официантки.

Женщина взяла опустошенный бокал Артура и за его спиной наполнила его снова, а затем, не ставя на стол, высыпала в него какой-то порошок.

— Ты у меня проспишь всю брачную ночь, — злобно прошептала официантка.

Ко сделала вид, что не слышала и не видела ничего подозрительного. Зато, когда во время десерта жених заплетающимся языком сообщил ей, что он, пожалуй, немного перебрал, она сама предложила отправиться в опочивальню.

— По-шли, — согласился жених.

Он попытался поцеловать молодую жену, но промахнулся и поцеловал плечо князя Вольфганга.

— Действуй, — удовлетворенно сообщил князь, — можешь спать спокойно. Тебе нужна помощь?

— Если что, — ответила Ко, — я вам повизжу.

Князь весело засмеялся и принялся доедать торт.

Ко помогла жениху подняться из-за стола.

Сопровождаемые фривольными шутками и пьяными возгласами, молодые покинули зал.

Когда они проходили мимо официантки, та пронзила Ко ненавидящим взглядом.

— Не бойтесь, — сообщила Ко ревнивице, — они уже засыпают.

— Кто, простите, имеет возможность заснуть? — спросил Артур дю Гросси. — Я сейчас быстренько тебя обесчещу — и баиньки, хорошо?

Они вышли в коридор. Один из слуг шел впереди, показывая дорогу к брачному покою. Он открыл дверь и помог Ко довести жениха до постели.

— Вы можете идти, — отважно заявила Ко, когда Артур добрался до ложа.

И была права. Как только дверь за слугой закрылась, молодой муж во весь рост рухнул на кровать и захрапел так страшно, что Ко пришлось, помывшись, перетащить его в ванную и там запереть. После этого она спокойно легла спать.

Правда, чем черт не шутит — она приставила к двери в ванную тяжелое кресло и не стала на ночь раздеваться...

Но никто ее до утра не побеспокоил.

* * *

Артур дю Гросси продолжал спать и утром, когда Ко вышла к завтраку, за которым была любезна, мила и ничем не показывала, что смущена или расстроена ночными приключениями. Спал он и днем, когда корабль «Сан-Суси» опустился на Марс, где, по уверению князя Вольфганга, Вероника должна была встретиться со своим отцом.

Так что очередную воспитательную беседу с молодой женой провел сам князь Вольфганг. Он ел варенье и напомнил Ко старинную иллюстрацию к классической книжке про Малыша и Карлсона, который живет на крыше и ест варенье. Тот выцыганивал у своего друга банки с вареньем и опустошал их дюжинами.

— Варенье, — сообщил дю Вольф, — обязано быть домашним. Ты должен ощущать, как каждую ягодку в нем держали пальцы женщины — прекрасные, сладкие пальцы, измазанные соком. Каждую ягодку они ласкали, прежде чем бросить в сахарный кипяток. Кстати, стоит сказать мне спасибо за то, что я спас тебя ночью.

— Спасибо, — коротко ответила Ко, не вдаваясь в детали.

— Что-то он давно спит, — проницательно заметил Вольфганг. — Может, ты тоже чего-то добавила?

Ко пожала плечами.

Рабочий кабинет Вольфганга был сделан в виде старинного подвала с полками по обеим сторонам. На полках стояли банки, бутылки, мешки и коробки с вареньем, сиропами, орешками, конфетами и иными продуктами, совершенно необходимыми для нормального функционирования княжества.

Сам Вольфганг зачерпывал варенье столовой ложкой, отправляя в рот, сложив губы бантиком. Он был совершенно сказочным, добродушным, милейшим персонажем, если бы не был при этом жестоким убийцей.

— Даже не знаю, — сказал он, облизывая ложку, — как тебя теперь называть. Вероникой дю Куврие или мадам дю Гросси?

— Для моего папы это играет роль?

— Может быть, может быть... ты его не помнишь?

— Вряд ли. Как вы знаете, мне было чуть больше двух лет, когда меня нашли в помойном ящике в Нью-Йорке. Я плакала и пыталась выбраться из него.

— Перестань сейчас же! Еще не хватало, чтобы каждая девчонка портила мне аппетит! Не думай, что я жру сладости,

потому что я дурак. Я жру их, потому что у меня ненормальный метаболизм. Моему организму требуется постоянное вливание сахара. Без сахара мой мозг голодает, и я катастрофически глупею. Как-то мне пришлось неделю прожить без сладкого, и я забыл, сколько будет дважды два. Но я достаточно умен, чтобы превратить обыкновенную нужду в постоянный праздник с эротическим уклоном. Как-то я обмазал малиновым сиропом одну непослушную женщину, и ее положили возле осиного гнезда. Ты бы видела, как она распухла перед смертью! Впрочем, о чем я?

Ко преодолела приступ тошноты и, с трудом взяв себя в руки, попросила:

— Мне предстоит встреча с отцом. Может быть, расскажете, как вы его отыскали?

— Дело в том, что я в самом деле люблю моего непутевого племянника. Артур — шалопай, и я хочу устроить ему счастье. Пускай женится на богатой невесте и остепенится. Хочешь варенья, умница?

— Нет, спасибо.

— Мне никто никогда не отказывает.

— Но ведь вы позвали меня не для того, чтобы вдвоем есть варенье?

— Мои мысли загадочны. Мои поступки нелогичны, мои решения ведут к трагедиям. Ты в самом деле полюбила моего племянника?

— Я увлеклась им на Детском острове. Сейчас... не знаю.

— Мне приятно, что ты мне по крайней мере не врешь. Мне все врут. Одни из корысти, другие от страха. Он тебе кажется другим?

— Вот именно. Он совсем другой. Как будто моего Артема подменили... Ваш Артур даже не знает простых вещей, которые знал Артем. Как это можно объяснить?

Ко была сама доверчивость. Но князь не был готов ответить взаимностью.

— Так нельзя говорить о законном муже, — ответил он и с сожалением отставил банку. Он кашлянул, и тут же из глубины подвала возникла знакомая Ко официантка, которая несла большую дымящуюся кружку черного кофе. Запах был сказочно приятен. На Детском острове кофе был жидким, без кофеина, так как госпожа Аалтонен полагала, что дети слишком возбуждаются от настоящего кофе. Ко захотелось,

чтобы ее тоже угостили этим приятным напитком, но никому это не пришло в голову. Тем более что официантка смотрела на нее взглядом гюрзы, которая еще точно не знает, как лучше вонзить свои ядовитые зубы в пробегающего мимо тушканчика.

— Законный муж подарен тебе богом, то есть мною, — сказал Вольфганг, отхлебывая кофе. — Он как судьба. Единственное, чем я могу тебе помочь, — придержать его на расстоянии от тебя, пока ты не воссоединишься с папашей.

— Спасибо, — сказала Ко. — Я даже не ожидала от вас такой заботы.

Князь задумчиво почесал тугой, обтянутый лиловым халатом живот.

— Я буду с тобой откровенен, — ответил он. — С детьми и девушками откровенность часто окупается. Ты мне понравилась. Как ты смотришь на то, чтобы стать моей самой сладкой девочкой?

— Что это значит? — Ко догадалась, что это значит, но предпочла показать себя непонятливой.

— Когда станешь, узнаешь, — засмеялся князь. — Не разочаруешься. Многие через это прошли, все потом меня благодарили.

— А мой папа? Мой папа будет недоволен. — О муже она не стала говорить: ясно было, что он пешка в руках князя.

— Ты взрослая, замужняя женщина, — сказал князь. — Твой папа, как разумный человек, согласится с твоей личной жизнью. Иначе мы... иначе мы подадим на него в суд! — Такое решение позабавило князя. — Профессор дю Куврие, ихтиолог и филателист, судится с князем Вольфгангом дю Вольфом по поводу морального уровня его дочери, мадам дю Гросси! Представляешь?

— Мой папа — профессор?

— Профессор, профессор... и отличается слабым здоровьем. Так что его надо беречь. И чем позже он узнает, что его дочка уже замужем, тем лучше для его здоровья!

— Я не понимаю, почему я должна врать.

— По той причине, — пояснил князь, — что твой отец подозрительная недоверчивая сволочь. Он один раз чуть было не получил от меня дочку, теперь на воду дует. Он полагает, что я, князь древнего рода, могу быть мошенником и обманщиком! Какая подлость!

Князь расстроился и принялся ходить по комнате, заложив за спину тугие розовые руки.

— А что случилось? — спросила Ко, которая, к сожалению, догадывалась о том, какой ответ получит.

— Мы ошиблись, — воскликнул князь. — Ну, каждый может ошибиться! Мы нашли девочку, ее звали Кларенс. Мы искренне, повторяю — искренне хотели сделать лучше, хотели подарить этому мерзавцу потерянную дочь!

Слово «искренне» вылетало из уст князя, как отравленная пуля. Его толстые губы отказывались произнести это слово. И любому младенцу стало бы ясно, что во всей Вселенной не найдешь человека, столь далекого от искренности. Князь лгал всегда, когда нужно и когда не нужно... Конечно, Ко не могла знать о том, что в детстве, когда князя звали просто Карлушей, он был славен своей лживостью. Его собственная мама рассказывала, что когда подошло время его родить и она приготовилась к этому, то по истечении всех положенных сроков она услышала тонкий младенческий голосок: «Я уже родился, мамочка!» Мамочка поверила невинному младенцу и встала с ложа. И что же оказалось? Он ее обманул! Он еще не родился и лишний месяц пробыл в утробе матери, где было тепло и уютно, сытно и можно было спать в свое удовольствие. С тех пор Карлуша, а потом и князь Вольфганг делал все только ради собственного наслаждения. Ради этого он лгал, убивал и мучил других. Зато ему самому такая жизнь нравилась.

— И что же случилось? — Ко сразу представилось чучело девушки с аквамариновыми зрачками.

— Документы оказались не в порядке, какие-то сомнения появились у профессора, и он устроил этой глупой акробатке такой допрос, что она раскололась и призналась, что никакая она не дочка, а просто выполняет мою просьбу. Профессор был в бешенстве! Он хотел обратиться в полицию! Он хотел возбудить против нас с Артуром уголовное дело... — Тут князь замолчал, сделал паузу, прикрыл глаза рукой, всхлипнул и закончил так: — Пришлось девушку ликвидировать... Мы не могли себе позволить разоблачений.

— Улетели бы просто так, — сказала Ко, — зачем убивать?

— Она была виновата. Она меня подвела, — отрезал князь. — Виноватые должны быть наказаны. Надеюсь, ты это усвоила.

— Если мой папа такой плохой, почему же вы снова стали искать ему дочку?

— Случайность, — отмахнулся князь. — Чистая случайность. Артурчик встретил тебя, влюбился, женился... так бывает в жизни.

— И оказалось, что я — дочка профессора?

— На этот раз без обмана. Все чисто, комар носа не подточит. Мы нашли настоящие документы. Можешь плясать и радоваться! Ты нашла своего папу!

Князь вновь изобразил на лице умиление.

— Как же вы это сделали? — спросила Ко. — Мой отец вам не поверит.

— На этот раз у нас есть твои генетические карты. Мы получили их на Детском острове. У нас там был свой человек.

— Генетические карты?

— Генетику невозможно обмануть. И если сверить твои генетические карты и карты твоих родителей, то можно уверенно сказать, кто чей сын, а кто чья мама. Но все равно тебе придется постараться и быть хорошей девочкой. Нам понадобилось немало усилий, чтобы он согласился на новую встречу с нами. Он еще не признал тебя, и многое зависит от того, как ты будешь себя вести.

— Как мне хотелось бы верить вам, князь! — вырвалось у Ко.

— А ты верь, верь!

— Что вам нужно от профессора Куврие? — спросила Ко, понимая, что этот вопрос задавать не следовало. — Его деньги? Его дом? Или тут скрывается еще более сложный и зловещий заговор?

— Молчать!

— Почему я должна быть игрушкой в ваших руках? Ведь вы выбрасываете игрушки, когда ими наиграетесь!

— Не терплю возражений! — рявкнул Вольфганг и кинул кружку, в которой оставалась половина горячего кофе, под ноги Ко. Кружка раскололась, горячий напиток плеснул на туфли и щиколотки девушки. Было горячо, больно и противно, потому что кофе был сладким, как сахарный кисель.

Ко вскочила — но было поздно.

Князь добродушно засмеялся. Потом оборвал смех и сказал:

— Ты будешь меня слушать?

— Нет, — ответила Ко и пошла прочь из комнаты.

Князь не сразу кинулся за ней. Видно, ее поступок был слишком неожиданным для него.

— Как? — крикнул он вслед... — Как ты смеешь? Назад!

Но Ко уже была в коридоре.

Тяжелый топот и рев медведя раздались сзади.

Ко предпочла не ждать, пока ее растерзают. Она побежала к своей каюте. Вряд ли кто-нибудь придет ей на помощь, кроме самой себя, — муха не в счет, ее можно переломить одним ударом кулака.

Ко успела запереться в каюте за секунду до того, как Вольфганг дю Вольф настиг ее. Она закрыла дверь на старомодную, но надежную задвижку, а хозяин корабля принялся молотить в дверь ногами, кулаками и, возможно, головой.

Сквозь дверь были слышны голоса — видно, там собрался весь экипаж и свита князя. Хотя нет, не вся... кто-то продолжал вести корабль на посадку.

— Внимание, — послышался голос по внутренней связи. — Корабль «Сан-Суси» совершает посадку в космопорте Марсвилля. Всех пассажиров корабля просим занять свои места в каютах и пристегнуться к койкам, чтобы не получить травм при резком торможении.

Тут же удары в дверь прекратились, крики стихли — нападающие во главе с князем разбежались по своим каютам. Видно, князь не стал отменять посадку из-за своего столкновения с непослушной девицей.

Вскоре корабль начал резко тормозить, и Ко, которая лежала на койке, закрыла глаза — она всегда плохо переносила посадку на старомодных лайнерах, которые не имели гравитационных компенсаторов. Видно, «Сан-Суси» был старше, чем казался.

Вот и удар. Корабль замер. Прилетели. Добро пожаловать на Марс.

— Добро пожаловать на Марс, — произнес голос в динамике. — Пассажиры и уважаемые джентльмены и леди могут отстегнуться и привести себя в порядок. Нас ждут марсианские развлечения и веселый отдых.

«Может быть, и так, — подумала Ко. — Но для меня впереди — лишь испытания».

Кто на самом деле отец Вероники? Не догадается ли он, что его дочь подменили? А если догадается и сообщит об этом Вольфгангу, тот не будет церемониться с Ко. И может повести себя так, что никакой Милодар не успеет к ней на выручку.

* * *

Ах, Марс, Марс!

Давно ли ты был красной пустыней и писатели-фантасты посвящали тебе дурно написанные романы, в которых злодействовали краснокожие загадочные и зловещие жители безводных и безвоздушных песков. Давно ли всю Землю охватило горькое разочарование от того, что на Марсе не оказалось не только разумной — никакой жизни!

Еще вчера писатели и кинорежиссеры успешно пугали этой жизнью землян, а сегодня вздох разочарования прокатился по нашей планете: наш брат Марс оказался безвоздушным и безводным!

Но недолго пришлось Марсу оставаться беспризорной Золушкой Солнечной системы. Обнаружилось, что уменьшенная сила тяжести на Марсе полезна для пенсионеров, а климат под громадными прозрачными куполами, что были возведены там во второй половине XXI века, можно было сделать идеальным — в меру тропическим и в меру умеренным. Небольшие озера прогревались лучами далекого солнца, которому помогали искусственные звезды, горевшие в районе Фобоса.

На Марс поначалу могли попадать лишь состоятельные пенсионеры, и потому обстановка там была спокойной и мирной. Вскоре к ним присоединились те из строителей и создателей марсианского рая, которым не хотелось возвращаться на бурную и все еще загрязненную Землю. Затем к ним присоединились садоводы и пасечники — по мере того, как были обнаружены и использованы подземные марсианские моря. Марс превратился в житницу Солнечной системы. Житницу для тех, кто хотел и мог позволить себе питаться экологически стерильной пищей.

Некоторые из марсианских куполов были отведены для туристов и отпускников с других планет, и в глазах добропорядочных жителей Марса они казались источником разврата. О них принято было говорить неодобрительно и искать в них даже больше недостатков, чем они имели на самом деле. Но эти «источники разврата» на самом деле Марсу были нужны и выгодны: полет на Марс и жизнь в роскошном чистом отеле на берегу чистого голубого озера, где на десерт подают клубнику со взбитыми сливками, стоит недешево — и эти

деньги уходят на то, чтобы лучше жилось марсианским пенсионерам.

«Сан-Суси» прилетел на Марс с неофициальным визитом и опустился у подземного прохода в купол «Парадайз-Смоук». Там собирались просаживать свои денежки в азартные игры придворные Вольфганга. Других привлекали теплые купания в газированной воде, третьих — экскурсии в недавно разведенные джунгли, в которых все было настоящим, даже змеиные укусы.

Когда корабль замер на отведенной ему стоянке, Ко поднялась и подошла к двери. В дверь скреблись.

— Предупреждаю, — заявила Ко, — я буду сопротивляться. Живой я вам не дамся.

В дверь поскреблись снова. Это было не похоже на манеру князя.

Ко рискнула и приоткрыла дверь. Там никого не было. Ко выглянула наружу и чуть не умерла со страху: кто-то осторожно коснулся ее затылка.

Ко села на пол и поняла, что сверху, с потолка, на нее виновато смотрит темнокожая муха.

— Извини, — прошептала она. — Вам просили передать, чтобы вы не делали глупостей и не сопротивлялись. Сегодня все решится. Наши враги договорились о встрече с вашим отцом.

— С отцом Веро... — Но тут Ко оборвала себя. Пожалуй, неизвестно, что можно знать докторше, а чего нельзя.

— Подчиняйтесь, — прошептала в ответ муха и быстро поползла по потолку в сторону своего кабинета.

Ко не успела закрыть дверь в каюту, как в коридоре показался ее жених. Был он сонный, глаза мутные, движения неуверенные.

— Привет, жена, — сказал он мрачно. — Кажется, я перепил вчера и не мог тебе показать, где раки зимуют. Но ты не беспокойся. Сегодня наверстаю.

Утвердившись таким образом в роли настоящего мужчины, Артур сказал:

— Князь тебя видеть не хочет. Злой на тебя, как волк на зайца. Скорее всего, ты пойдешь к папаше со мной вдвоем. Все как в лучших семействах. Надень платье попроще, но чтобы со вкусом. Там в шкафу осталось от Кларенс.

— Я не хочу платья от Кларенс.

— Тогда кончишь, как Кларенс, — любезно ответил муж.

— Я вот смотрю на тебя и думаю, — заметила Ко. — Кто самый близкий для женщины человек, дороже отца с матерью, дороже родины?

— Кто? — не догадался Артур дю Гросси.

— Муж, — ответила Ко. — Муж — самый близкий и дорогой человек. Вчера я вышла за тебя замуж. Я уже не говорю о том, как ты вел себя ночью, напившись, как свинья. Но сегодня, вместо того чтобы радоваться нашей встрече, ты грозишь мне смертью!

— Ну нет... — Артур растерялся от неожиданного выговора, — я, в общем, сама понимаешь, я против тебя ничего не имею. Но служба прежде всего...

— Какая служба, мой дорогой? — спросила Ко. — Ты служишь лишь нашей любви.

— Это конечно, это разумеется... В общем, одевайся и спускайся к выходу.

— Пришлите мне достойное платье.

— Откуда я возьму его? — Муж схватился за возможность рассердиться. Так ему было легче.

— На борту полдюжины бездельниц — пускай одна из них одолжит мне платье. Только чтобы оно было скромным.

— Но они же не послушаются меня!

Ко не заметила, как из-за угла вышел сам Вольфганг и остановился в десяти шагах, потому и слышал конец беседы между молодоженами. За его спиной стояли камергер и силач.

— Вероника говорит дело, — заявил он. — Я сам подумал, что платье Кларенс надевать для визита к профессору дю Куврие опасно. Он мог запомнить, что у него уже побывала дочка в таком платье. Что мы их, штампуем, что ли?

Князь вытащил из кармана плитку шоколада и принялся, шурша фольгой, разворачивать ее.

— А ну-ка, камергер, прикажи моим сладким девочкам тащить сюда свои самые скромные платья. Даю тебе на конфискацию три минуты. А тебе, — он обратился к Ко, — на сборы и одевание — еще пять минут. Затем тебя будут ждать у выхода. Минута промедления — жестокое наказание, две минуты — смерть! Поняла?

Ко сделала шаг назад и прикрыла за собой дверь.

Она заперлась в тесном душе и, когда в дверь постучали, крикнула:

— Положите все на койку!

Больше ее никто не тревожил.

Когда Ко вышла из душа, она обнаружила, что охрана князя постаралась на славу. Наверное, сладкие девицы сидят сейчас по каютам и проклинают тот час, когда на корабле появилась эта выскочка, — выйти на Марс им не в чем. Пышной горой на койке высились платья, платьица, брюки, юбки, блузки, лифчики и прочие детали туалета полудюжины актрис и фотомоделей, которые послушно сопровождали князя Вольфганга в его путешествии.

Для Ко, которая вовсе не испытывала угрызений совести из-за того, что остальные красавицы вынуждены терпеть в раздетом виде, далеко не сразу удалось отыскать платье, в котором робкая и невинная девушка могла предстать пред очи своего строгого папы, о котором ровным счетом ничего не знала, даже не знала, на самом ли деле он чей-нибудь папа. Но в конце концов Ко выбрала юбку двухметровой Каролины ван Спасс, которая на Каролине выглядела фиговым листочком, а Ко годилась в качестве короткой, вполне приличной спортивного вида юбочки. С блузкой было легче, туфли сразу отыскались по ноге.

Так что через пять минут Ко смогла выглянуть наружу уже совершенно одетая и сообщить собравшимся в коридоре обнаженным красавицам:

— Можете забирать ваши тряпки, сладкие мои.

Скрежеща зубами, но проглотив бранные слова, потому что за их спинами, поигрывая плетками, стояли силачи в надежде пустить их в ход против обнаженных ягодиц, красавицы ворвались в каюту и принялись, визжа и царапаясь, делить свое имущество, а Ко прошла к выходу из корабля, где ее уже ждали не только муж, но и князь Вольфганг. Князь остался весьма доволен Ко, о чем сообщил в своей шумной и лживой манере:

— Сладкая ты моя, так бы и женился на тебе сам!

— Успеете, князь, — откликнулся Артур дю Гросси, и по взгляду князя Ко поняла, что и ближайшей ночью Артуру придется снова сладко спать, приняв снотворное.

Они прошли узким коридором до космопорта. Там их ждал небольшой оркестр, как полагается при встрече князей,

и местный чиновник средней руки, который приветствовал нежданных гостей от имени и по поручению марсианских властей.

— Обрати внимание, — заметил князь специально для Ко, которую не отпускал от себя дальше чем на шаг, — я никогда не совершаю преступлений. Я принят в лучших обществах мира, соседние планеты и государства высылают для встречи меня оркестры. И пускай они за моей спиной шепчутся о том, что я тиран и даже, может быть, убийца, я не более тиран и убийца, чем они сами. Мы оставляем трупы дома, в шкафу... или в музее. Куда посторонним вход воспрещен. У нас, правителей планет и государств, свои правила игры — вам их знать не положено.

— Спасибо, князь, — ответила Ко, которая в те минуты чувствовала себя совсем старой, может быть, уже двадцатилетней. Она все понимала и всему знала цену. — Спасибо за то, что просветили меня и до сих пор позволяете ходить по земле живой. Очевидно, я вам еще нужна.

— Ты мне еще долго будешь нужна, — жизнерадостно откликнулся Вольфганг. — Даже когда остальных я пошлю на тот свет, ты будешь моим кусочком сахара.

Он весело рассмеялся.

Они миновали зал космопорта. Зал был обширным, старомодным, редкие пассажиры или просто зеваки останавливались, рассматривая разноцветную процессию.

— Когда же мне что-нибудь расскажут? — спросила Ко.

— Тебе ничего не расскажут, — откликнулся ее муж. — Ты узнаешь обо всем через полчаса. Чем больше ты будешь знать заранее, тем опаснее для тебя и для нашего дела. Главное — сама держи язык за зубами. В частности, о наших отношениях. Я твой друг, но не муж.

— Два слова ей можно сказать, — прервал Артура князь Вольфганг. — Ты можешь знать, что когда тебе было два годика, тебя украли у твоего отца. За тебя хотели получить значительный выкуп. И когда его не получили, тебя выкинули.

— А почему не выкупили? — спросила Ко.

— Значит, не стоила ты таких денег, — отмахнулся князь, направляясь к самому большому лимузину, что ожидал у входа в космопорт. За ним последовали камергер и оба силача.

Артур дю Гросси остановился поодаль, не спеша садиться в машину. Ко волновалась. Еще бы: сейчас должен наступить

решительный момент ее путешествия. Ведь ей так и неизвестно, зачем украли Веронику, кому понадобилось убивать физкультурника.

Небольшая скромного вида машина остановилась рядом с ними. В машине сидел человек лет пятидесяти, худой, узколицый, с аккуратно расчесанными, разделенными пробором редкими волосами и небольшими черными усами над верхней губой.

Человек нажал кнопку на приборной доске, и обе двери машины со стороны супругов дю Гросси отворились.

— Прошу вас, — попросил человек в машине. — Надеюсь, путешествие было приятным?

— Садись, — Артур помог Ко сесть в машину.

— Я рад видеть тебя, Вероника, — сказал мужчина с пробором, — но я оставляю родственные объятия на потом. Дорога займет несколько минут, так что вы можете расслабиться и отдыхать.

— Спасибо, профессор, — сказал Артур.

— Насколько я помню, вы уже прилетали ко мне под видом жениха Кларенс. Какая у вас роль сегодня?

— Я друг Вероники, — весело сообщил Артур, больно наступив на ногу жене. Ко поняла намек.

— Чудесные совпадения, — недовольно буркнул мужчина. После чего он замолчал и принялся лавировать среди других машин и экипажей, которые заполнили центральную улицу спрятанного под куполом города.

— Вероника, — сказал Артур, которого трудно было удивить даже таким холодным приемом, — нас встречает твой отец. Твой папа — профессор дю Куврие.

— Я догадалась, — холодно ответила Ко. Она понимала, что должна выказывать недовольство столь неродственным приемом, но в то же время радовалась тому, что профессор оказался трезвым человеком и не собирается кидаться к новой дочери и прижимать ее к груди.

— Как здоровье Кларенс? — спросил неожиданно профессор.

— Не знаю, — почти сразу ответил Артур. — Она вернулась на Землю. Я ее больше не видел. Боюсь, что никто ее больше не видел. Мне стало стыдно, что я попался на ее удочку!

Ко насторожилась.

— Какая подлая натура! — воскликнул профессор. — Меня потряс цинизм этой маленькой самозванки!

— А в чем дело? — спросила Ко. Момент был вполне подходящий.

— Как, вы не знаете? — удивился профессор. — Я думал, что вам рассказали. В прошлом году ко мне заявилась девица и сообщила, что она — моя пропавшая дочь Вероника.

— То есть я, — вставила Ко.

— Может быть, — холодно ответил профессор. — Так эта бестия придумала жалостливую историю, как она скиталась по детским домам и чужим семьям, разыскивая меня или свою маму. Я почти поверил ей, но все же решил допросить ее по-родственному. Ведь никаких доказательств, кроме ее слов, у меня не было. И когда я нажал на нее покрепче, она разревелась и призналась в обмане. Какая наглость...

Профессор никак не мог успокоиться. Артур был вынужден даже напомнить ему, что он находится за рулем и рискует жизнью гостей. Ко было так жалко несчастную Кларенс. Знал бы профессор, где она теперь находится...

— С тех пор я дал себе слово, — заговорил профессор вновь, — если ко мне заявится новая так называемая дочка, я сначала проверю все документы и анализы. Лишь потом мы будем разговаривать по-человечески. Вы меня поняли?

— Это не очень вежливо, папа, — сказала Ко, входя в роль Вероники. Она понимала, что от ее поведения сейчас все зависит. И если они с Милодаром победят, она сможет отомстить князю за Кларенс. — Я ничего у вас не прошу. Мне лишь нужна ясность. Я живу в чудесном детском доме. Я получаю образование. Но когда Артур сказал мне, что добрые люди нашли моего папу, у меня что-то перевернулось в сердце. Я думала, что буду счастлива сама и принесу радость другому человеку.

Ко не могла бы сказать, что отец Вероники ей понравился, но она полагала, что лучше любой отец, чем безотцовщина. Настоящий родитель — как хозяин для бездомной собаки. Это означает, что у тебя будет свой угол и миска. А если порой ты получишь затрещину, значит, тебе временно не повезло. Тому же, кто живет в детском доме, не повезло надолго. Так что Ко считала своим долгом понравиться чужому отцу в расчете на то, что Веронике это пойдет на пользу. И лучше

пускай папа не разглядывает ее в упор. А то еще уловит разницу...

— Я искренне тебе обрадуюсь, как только ты докажешь, что ты моя дочь, — сказал профессор. — Но пока у меня нет никаких доказательств.

— Неужели сердце вам не подсказывает, папа? — спросила Ко.

— Нет, — ответил отец, — сердце мне ничего не подсказывает. И как оно может подсказывать, если я не видел тебя с двухлетнего возраста?

— Кто меня украл?

— Милая, не пори чепуху, — остановил Ко муж, — если бы мы знали, кто это сделал, зачем было тебя искать по всей Вселенной?

— Вот именно, — сухо заметил профессор.

Между тем машина профессора миновала разностильные здания игорных домов, музеев, библиотек, казино и отелей и въехала в жилой район, где тесно стояли особняки и коттеджи пенсионеров, окруженные ухоженными садиками и огородами. Многие пенсионеры подрабатывали тем, что разводили экологически чистую морковь и спаржу.

Дом профессора, возле которого тот притормозил, отличался от прочих пенсионерских жилищ своей очевидной мрачностью. Он представлял собой бетонный куб с забранными стальными решетками узкими окнами. Вход в дом располагался на втором этаже, и к нему вела узкая железная лестница. Вокруг дома не было ни травинки — каменные плиты образовывали гладкую серую площадку, обнесенную сетчатой изгородью с колючей проволокой сверху.

— Вот и мое скромное жилище, — сказал профессор, давая три гудка.

В ответ на них над воротами загорелся луч сканера, который обежал машину, сообщил данные в компьютер, опознавший машину хозяина дома, и ворота медленно растворились.

— Почему бы вам не развести цветы? — спросила Ко, первой вылезая из машины.

— Я ненавижу растительность, — искренне откликнулся профессор дю Куврие. — Она страшно неаккуратная и отовсюду лезет. Земля должна быть ровной и желательно плоской.

— Правильно, — угодливо улыбнулся Артур, которого совершенно не удивила реплика профессора.

— А кошек вы любите? — спросила Ко.

— Я все живое не выношу, — ответил профессор. — И надеялся, что моя дочь пошла в меня.

— Если я ваша дочь, то, значит, я не пошла в вас, — сказала Ко.

— Еще одно разочарование, — ответил профессор, первым поднимаясь по лестнице. — Не первое и не последнее в жизни. Я научился быть философом.

Налетел порыв ветра, встрепал волосы, его редкие, тронутые сединой волосы. Спина у профессора была узкая и согбенная, как могильный холмик.

Профессор остановился перед стальной дверью, ведущей в его дом.

— Это я, — сказал он двери.

Дверь не среагировала на звук его голоса.

— Откройся! — приказал профессор.

На двери загорелась красная лампочка. Но она все равно не открылась.

— Черт возьми эту технику! — вскричал профессор, но тут же спохватился, вытащил из кармана гребень и аккуратно восстановил свою прическу.

И тут же, будто смилостивившись, дверь отворилась.

— Узнала, — сообщил профессор своим спутникам.

Он первым прошел в дверь, зажег свет, потому что окна пропускали его слишком мало, и пригласил гостей в скудно обставленную комнату, посреди которой стоял стол без скатерти, вокруг — четыре или пять стульев.

— Я вас не угощаю, — сказал профессор. — По крайней мере, пока мы не выяснили с вами отношения. Итак, давайте перейдем к делу. Садитесь и говорите. Первой пускай говорит так называемая дочь.

— Я ничего не знаю, папа, — ответила Ко. — Пускай говорит Артур.

— Вам придется услышать романтическую историю, — сказал Артур.

Он положил перед собой на стол тонкую синюю папку.

— Только покороче, — ответил профессор. — Я очень занят. Мне сегодня нужно разобрать маврикийских динозавров, к тому же я должен надиктовать несколько писем. Так

что выкладывайте вашу романтическую чепуху покороче. В двух словах.

— После прискорбной неудачи с Кларенс... — начал Артур.

Профессор поморщился.

— Не надо о Кларенс. Мне противно даже вспоминать об этом.

— Мы продолжали поиски...

— Стойте! — вмешалась Ко. — Расскажите все с самого начала. Как я родилась и куда делась.

— Ты хочешь сказать, что тебе никто и ничего не рассказал? — удивился профессор.

— Ничего.

— Идиоты! — рассердился профессор. — Почему скрывали?

— Мы не хотели специально готовить девочку, — сказал Артур. — Лучше, чтобы все получилось спонтанно. Потому что у нас на этот раз нет никаких сомнений.

— Помолчите!

Профессор постучал кулаком по столу, и из стола вылез стакан с газированной водой. Профессор отхлебнул, не предлагая гостям, и заговорил:

— Пятнадцать лет назад, когда моя жена была еще жива, некие негодяи украли нашу двухлетнюю дочку Веронику. Похитители потребовали за ее возвращение миллион кредитов. Такой суммы у нас, конечно же, не было — откуда могут быть такие деньги у простого профессора и домохозяйки? Так что мы обратились в полицию за помощью. К сожалению, у нас здесь не полицейские, а клинические идиоты. В последний момент они спугнули похитителей, и те исчезли вместе с моим ребенком. Моя жена вскоре заболела и умерла, потому что ее организм был крайне ослаблен страданиями. Я постарел на двадцать лет. Но нашу дочь так и не удалось отыскать. Я не раз давал объявления в газеты, обращался в ИнтерГпол, к частным сыщикам... и все безрезультатно. Наша дочь так и не нашлась. Я остался бездетным вдовцом... И вдруг... вдруг в прошлом году я получил письмо от князя Вольфганга дю Вольфа, который сообщал мне, что поставил своей целью бороться со злом и несправедливостью, что он якобы откуда-то узнал о том, что мою дочь некогда украли. И что он надеется вернуть мне моего ребенка. Я, должен ска-

зать, обрадовался, потому что в моем доме я чувствую себя одиноко. Плохо коротать последние годы без родных.

Еще бы, подумала Ко. Ты как одинокий рыцарь в замке — кто к тебе пойдет в гости?

— Я согласился, чтобы они приехали и привезли Кларенс, так, по уверению князя Вольфганга, назвали в приюте мою дочь. Вот они и приехали...

— Случилась ошибка, — вмешался Артур. — Роковая ошибка. Это была не та девочка. Все совпадало в Кларенс, за исключением главного, — Артур с прискорбием развел руками.

— Это была самозванка! И вы участвовали в обмане! — Профессор уткнул худой палец в бок Артура.

— Для нас это была такая же неожиданность! — неубедительно воскликнул Артур. — Мы решили загладить вину перед профессором и возобновили поиски. И вот ваша дочь перед вами.

— А вот это мы должны проверить, — проворчал профессор таким голосом, что Ко заподозрила, что он вовсе не рад, что пропавшая дочь нашлась.

— Доставайте ваши бумажки, — сказал Артур бодро. — Мы готовы показать вам генетическую карту Вероники.

— Но смотрите, если вы и на этот раз подсунули мне самозванку, то больше я с вами в жизни не встречусь. Все!

— Мы не боимся разоблачений. Помимо документов у нас есть живые свидетели.

Артур аккуратно снял скрепку и протянул профессору пожелтевший листок.

У Ко замерло сердце. А что, если и Вероника не имеет отношения к этому профессору? Тогда ее тоже убьют? Нет, поняла она, убьют тогда не Веронику, а девушку по имени Ко. Вероника-то сейчас в безопасности.

Профессор дю Куврие положил листок с формулами рядом с раскрытой книгой, также заполненной цифрами. Склонив пегую узкую голову, он изучал ее долго, минут десять. Ко успела трижды проститься с жизнью, когда он отодвигал от себя бумаги, как бы отказываясь иметь дело с просителями.

Наконец он сказал удивленно:

— Странно. Формула крови точно совпадает.

— Я знал, — сказал Артур, щурясь как сытый кот.

— Странно, очень странно... Попрошу вас показать мне

отчет об особых приметах ребенка во время поступления в детский дом.

— Пожалуйста, — заявил Артур, не скрывая торжества.

Он протянул профессору еще один, заранее подготовленный лист из папки.

Профессор вытащил листок из кипы бумаг, лежавших перед ним, и принялся их сравнивать. Сравнение его удивило. Он поглядел на Ко.

— Странно, — сказал. — Подделать ваши бумаги заранее было невозможно, так как о содержании моих документов вы не могли знать: в сейф вы не забирались. Не забирались?

— Никто не знал, где вы храните свои ценности, — уверенно ответил Артур.

Ко понимала, что позиции Артура достаточно твердые. Она была уверена, что Вероника и в самом деле нашла своего отца. Кто-то смог выяснить на Детском острове действительное происхождение девушки, а затем выкрасть ее. Так что теперь Ко стало ясно, зачем была затеяна вся авантюра: убийство Артема, подмена жениха и бегство Вероники с острова. Все это было связано с кражей документов из архива Детского острова — ведь листы в папке Артура дю Гросси явно были взяты там. Кто-то помогал на острове похитителям. Теперь оставалась лишь одна тайна — зачем все это понадобилось князю Вольфгангу дю Вольфу, который, без сомнения, стоял за этой операцией? Больше того, в прошлом году он даже предпринял попытку навязать профессору дочку Кларенс и ошибся, не учтя, что профессор сможет разоблачить подделку. За последний год князь смог хорошо организовать поиски настоящей дочки профессора и в этом преуспел.

— Ну что ж, — произнес профессор, откладывая бумаги в сторону и с интересом, но без теплых чувств разглядывая свою обретенную дочку. — Чем-то ты похожа на свою покойную мать, которую довела до смерти своим исчезновением, — произнес он после паузы.

— Разве я была в этом виновата?

Профессор не слушал ее. Он резко поднялся — стул на тонких железных ножках опрокинулся и ударился спинкой о цементный пол.

— Оставьте мне все документы, — приказал он. — Я изучу их на досуге. Теперь вы можете идти.

— Кто? — спросил Артур. — Кто может идти?

— Разумеется, вы, идиот, — раздраженно ответил профессор. — Зачем вы нам нужны?

— Разумеется, разумеется, — согласился господин дю Гросси, атлет и красавец, родственник князя Вольфганга дю Вольфа, в чем, правда, его молодая жена Ко сомневалась. — Если я вам больше не нужен...

Ко чуть было не схватила мужа за полу пиджака — хоть он был негодяем и обманщиком, все же знакомый. Профессор же, холодный, как сосиска из холодильника, был похож на причесанное насекомое, разумеется, бескрылое, иначе такое сравнение было бы оскорблением для милой темнокожей мухи Ванессы.

— Я пошел, Вероника, — сказал, лучезарно улыбаясь, ее муж. — Я позвоню тебе попозже. Ты меня тоже не забывай, как ты знаешь, я остановился в гостинице «Континенталь». Номер шесть.

Это был их общий номер, о чем Ко еще не забыла.

— Спокойной ночи, профессор. — Артур казался вежливым и воспитанным, словно вчера получил диплом Оксфорда.

— Погодите, погодите! — остановил его профессор. — Вы забыли о важной мелочи.

— Я? Забыл?

— Разумеется. Вы сказали, что у вас имеется живой свидетель.

— О да!

— Неужели вы полагаете, что я удовлетворюсь бумажками, которые можно подделать?

— Но как! Они же хранились у вас в сейфе!

— Нет сейфа, в который нельзя было бы забраться.

— Хорошо, — вздохнул Артур, и Ко почудилось во вздохе нечто театральное, отрепетированное. И она догадалась: Артур ждал этого требования профессора и даже рассчитывал на него.

— Когда здесь будет свидетель? — спросил профессор противным голосом старенького обиженного ребенка.

— Это зависит от вас, профессор, — ответил Артур.

— Я вас не понимаю!

— Уважаемый господин дю Куврие, — сказал Артур. — Мы с князем дю Вольфом хотим людям добра. Но мы не настолько богаты, чтобы тратить миллионы на добрые дела. Вы

знаете, сколько стоит билет на курьерский рейс с Земли на Марс?

— Представления не имею!

— Четыреста тысяч. И если вы дадите нам эту сумму, то получите своего свидетеля.

— Четыреста тысяч? — Профессор не скрывал подозрений.

— Позвоните в космофлот, — предложил Артур.

— А нельзя подешевле? — сдался профессор.

— Можно подешевле. На туристическом рейсе. Это обойдется вам в триста двадцать тысяч и займет неделю.

— Вы с ума сошли! Какая еще неделя!

— Тогда решайте.

— Подождите. — Профессор вернулся к столу, выдвинул ящик, достал оттуда чековую книжку и с минуту размышлял, борясь с собой. Артур подмигнул Ко.

А Ко вдруг подумала, что, вернее всего, свидетель прилетел на «Сан-Суси» и скрывался там в одной из сотни кают. Потому что его не хотели показывать Ко. В таком случае мошенники Вольф и Артур уже прикарманили солидную сумму.

Профессор выписал чек и сухо произнес:

— Прошу первым же рейсом.

— Завтра после обеда свидетель будет здесь. Фирма гарантирует.

Артур был весел и доволен собой. Очевидно, события развивались по их с князем сценарию.

Профессор проводил Артура до выхода из дома. Ко пришлось провести минуты три в одиночестве. Она крутила головой, заглядывала в темные углы в надежде различить там голограмму комиссара. Неужели он не придет ей на помощь? Но в углах не было ничего, кроме паутины. Наверное, комиссар не может сюда проникнуть. Или, что хуже, потерял след своего агента.

Вернулся профессор и сварливо сказал:

— Ты еще мне не дочка, а уже меня разоряешь.

— А кто просил вас вызывать свидетеля? — огрызнулась Ко. — Поверили бы мне и сэкономили четыреста тысяч.

— Порой лучше потратить миллион и сберечь на этом миллиард, чем погнаться за десяткой и потерять состояние, — разумно ответил отец Вероники. — Ты еще мала и глупа, чтобы принимать такие решения.

Ко захотелось тут же признаться профессору, что она замужем за Артуром и вовсе не маленькая, но она сдержалась, потому что поняла, что такое заявление полностью подорвет доверие профессора к Артуру и к ней. И никакой свидетель тогда не поможет.

Ко понимала Артура — профессор подозрителен и может подумать, что Артур пытается втереться в его семью. А он не хочет иметь лишних родственников. Он и собственную дочку встретил пока что без особой радости.

— Не нравятся мне эти люди, — сказал профессор, усаживаясь вновь за стол и раскладывая бумажки — из папки Артура и из собственного архива. — В прошлый раз с Кларенс приходил розовый седой толстяк, завитой, словно постаревший Нерон. Он сожрал у меня запасы сахара на полгода вперед. Какая-то патология. Я не верю в филантропию. Обычно филантропы — самые корыстные люди на свете. Они ничего не делают бесплатно. За истраченный франк они требуют тысячу долларов у судьбы, бога, вечности и человечества. А так как человечество оказывается к ним ближе всего, то его-то они и грабят.

— Они сказали, почему помогают вам? — спросила Ко.

— Этот князь дю Вольф — председатель Галактического союза помощи потерявшимся родственникам. Неужели он тебе этого не сказал?

— Может быть, и говорил, но я забыла.

— Авантюрист, типичный авантюрист. И та девица, что была вместе с ним, хоть и изображала довольно убедительно мою дочь и даже рыдала, чтобы я ее признал, все же оставила у меня самое неприятное воспоминание.

Знал бы ты, папа, как ее наказал филантроп дю Вольф, подумала Ко. Чучело в музее таксидермии.

— Но ты тоже мне кажешься авантюристкой, — сообщил профессор. — Почему ты сидела столько лет в детском доме и никому не сказала, что у тебя есть отец?

— Странно рассуждаете, папа, — ответила Ко. — Мне было два года, когда меня украли. Я даже не помню, как меня украли...

— Пошли в мой кабинет, — предложил отец, который был удовлетворен сравнением документов. — Я тебя чаем угощу.

Кабинет ее отца оказался небольшой комнатой, окна в которой были также забраны железной решеткой, на полу ле-

жал потертый ковер, а у холодного пыльного камина стояли два кресла. Между ними — низкий столик с автоматическим кофейником.

— Надеюсь, — проскрипел папа, — что в комбайне еще есть кофе. Сегодня утром я так волновался перед встречей с тобой, что позволил себе выпить тройную дозу кофе.

Он включил аппарат.

И оказался прав. Тут же загорелась предупреждающая надпись: «Кофе на исходе».

Профессор злобно ударил по кофейному комбайну кулаком. Ко обратила внимание, что на теле комбайна видны вмятины — видно, его наказывали не впервые.

— Может, есть кофе на кухне? — спросила Ко. — Я могу принести.

— Принеси, — неожиданно согласился отец Вероники. — Вторая дверь направо. Там должна быть банка.

И профессор снова принялся раскладывать на низком столике перед камином пасьянс из документов.

Ко без труда отыскала кухню. При виде девушки тараканы и пауки нехотя уступили ведущие позиции. От каждого ее шага поднималось небольшое облачко пыли.

Банка с кофе была закрыта и была до половины наполнена зернами. Ко повезло. Она включила кофемолку, а сама занялась разведкой. Пройдя по коридору, она увидела приоткрытую дверь в спальню профессора. Там стояла продавленная тахта, накрытая несвежей простыней, перед тахтой на ковре грудой были свалены какие-то справочники и альбомы.

Если когда-нибудь Вероника будет жить в этом доме, подумала Ко, ей будет нелегко навести здесь порядок. А так как Вероника на Детском острове была известна своей пунктуальностью и невиданной аккуратностью, о которой она забыла, лишь влюбившись в Артема, то профессору тоже придется нелегко. Вероника своего добьется.

Ко вернулась в кабинет. Только теперь она заметила, что по стенам тянутся стеллажи с книгами и альбомами.

— Ты долго ходила, — сказал профессор. — Куда совала нос?

— В спальню, — призналась Ко. — Там страшный беспорядок. Впрочем, как и в кухне.

— Пожалуй, тебя это пока не касается. Дело в том, что уборка помещения требует участия в этом процессе по крайней мере одного совершенно чужого человека. Я же по специфике занятий никого и никогда не пускаю к себе в дом. Я согласился на поиски тебя только потому, что понадеялся: вдруг у меня выросла тихая, работящая и нелюбопытная дочка, которой будет приятно заниматься хозяйством и которая будет некрасивая, желательно хромая и одноглазая, чтобы никто на нее не позарился.

— Ну почему вы желаете мне такой доли? — удивилась Ко.

— Чтобы ты не вышла замуж, не привела сюда наглого корыстного мужика, не нарожала детей, не погубила весь мой мир... И вот теперь я вижу, что не зря опасался. Ты не только отвратительно хороша собой, но возле тебя уже вьется этот поганый дю Гросси, который смотрит на тебя, как на помидор, — чтобы съесть.

Тем не менее профессор быстро проглотил три чашки кофе. Он обжигался, отплевывался, словно опаздывая на поезд. Напоив его, Ко отнесла поднос на кухню.

На этот раз ее появление на кухне окончательно всполошило ее хозяев — насекомых. Они поняли, что это человеческое существо может завести здесь свои порядки и придется отступать. А может, и вообще погибнуть.

Пока Ко мыла посуду, брызгая горячей водой на особо наглых тараканов, профессор продолжал в кабинете ворчливый монолог, словно не заметил ее ухода.

Когда Ко вернулась, профессор чуть подобрел и стал расспрашивать ее о том, как она провела последние годы и что представляет собой Детский остров. Ко честно рассказывала об острове, и чем дольше говорила, тем настороженней становился профессор.

— Значит, я должен понять, — сказал он наконец, — что документы воспитанников хранились в особом сейфе в кабинете директрисы. Ты видела этот сейф и полагаешь, что случайный человек открыть его не мог. Тогда возникает вопрос: кто же такой неслучайный человек, который его открыл и достал твою генетическую карту?

— Не все ли равно, — отмахнулась Ко. — Главное, что мы вместе.

— А кому это нужно? — спросил профессор.

— Что вы имеете... что ты имеешь в виду, папа?

— Не называй меня папой... пока. Я хочу сначала понять, почему такие секретные документы оказались в лапах князя

и твоего Артура. Я встревожен... это заговор, конечно же, это заговор!

— Может быть, мне лучше уйти? — спросила Ко. — В конце концов, я прожила большую часть своей жизни без родителей и, пожалуй, обойдусь без них и дальше.

— Стой! Пойми же, если в самом деле моя дочь нашлась, это сразу снимает целый ряд проблем. Но я должен знать об этом наверняка. А вдруг документы подделаны?

— То есть сначала их украли у вас, папа, — заметила Ко, — потом скопировали, потом твои вернули на место, а копии принесли тебе вместе со мной.

— Чепуха, чепуха! Не мели чепухи! Это невозможно! И это меня больше всего возмущает. Я уверен, что документы настоящие, и, судя по анализам и всем документам, — ты моя дочь. Но как эти документы попали им в руки? Почему они стали тебя искать на острове?

— Это единственное место, куда свозят найденышей с других планет, — сказала Ко. — Если ты решил искать сиротку, то прежде всего надо ехать на наш остров.

Простота этого аргумента сразила профессора.

— В конце концов, — сообщил он Ко, — совсем не обязательно, чтобы кто-нибудь догадывался о твоей красоте. Ты никогда не будешь выходить из дома. И мы с тобой славно поживем вдвоем.

— Еще чего не хватало! — не выдержала Ко. — Значит, я из тюрьмы на острове Кууси попаду в тюрьму на Марсе? Лучше я уйду.

— Нет, нет, погоди, мы что-нибудь придумаем, — удержал ее профессор.

— Папа, — спросила Ко, — мне никто не рассказывал, чем вы занимаетесь. У вас столько книг — может, это секретная работа?

— Ты честно не знаешь о моих занятиях?

— Честное слово.

— Впрочем, я не рекламирую свои занятия. По специальности я был ихтиологом, крупнейшим специалистом по болезням рыб в Нижней Саксонии. Но мое истинное призвание заключалось в организации международных конференций и съездов. Я был вице-президентом шестнадцати различных обществ и союзов, связанных с моей специальностью. Мое имя было известно в Монтевидео не менее, чем в

Пекине. И так как я не выношу что-либо выкидывать, то постоянно мой дом наполнялся старыми конвертами — письмами от моих коллег и всевозможных организаций. Моя молодая жена полагала, что письма собирают столько пыли, что наш будущий ребенок, то есть ты, родится уродом, как рыба в отравленном водоеме. Я этого не хотел! Но я не мог просто выкинуть эти чудесные конверты. Я сначала снял с них почтовые марки. Ребенок, правда, тогда не родился — мы сделали с мамой аборт. До твоего появления пройдут еще годы и годы... С этого дня почтовые марки околдовали меня. Они молчаливы, они стремятся к порядку, они настолько символизируют порядок, что я постепенно оставил свои ихтиологические штудии и отдался филателии.

— Но откуда у тебя были деньги? — перебила профессора Ко.

— Я — талантливый коллекционер. Не менее талантливый, чем организатор ихтиологических конгрессов. Я люблю порядок, и порядок любит меня. Ведь обычные люди суетятся, ищут от добра добра, меняются ради обмена, бегут за журавлем в небе... Я просто не совершал ошибок. А вокруг меня все их совершали. Через десять лет я стал уже одним из крупнейших коллекционеров на Земле. К моменту твоего рождения я был королем Вселенной. Разумеется, в филателистическом смысле... И тогда я ушел в отставку. И переехал на Марс. Мне не к чему стало стремиться — потому что я достал все самые редкие марки прошлого. Голубой Маврикий? У меня есть Голубой Маврикий. Американские конфедераты? У меня есть все конфедераты, даже с ошибками. Английский черный пенни — первая марка на свете, у меня есть чистая в квардблоке, а есть на письме, которое отправил мистер Белл, изобретатель почтовой марки, английской королеве с поздравлениями по случаю этого события. У меня есть все, что стоит иметь!

Профессор покраснел, его щеки пылали, малиновым светом просвечивали уши, даже пробор стал розовым. Ко поняла, что имеет дело с настоящим, а потому очень опасным коллекционером.

Небольшой жизненный опыт Ко тем не менее включал в себя встречи с коллекционерами, самой опасной и вулканически кипящей породой людей, для которых преступления, могущие потрясти воображение самого страшного злодея, кажутся обыденными слабостями. Болезнь, ведущая к пре-

вращению обычного и даже доброго человека в безудержного коллекционера, совершенно не изучена медиками, и потому последствия ее не учитываются, а потери от нее неизвестны. Настоящий коллекционер лишь кажется человеком и лишь ведет себя как человек. На самом же деле он низменный и ничтожный раб своей коллекции, которая приказывает ему обманывать, убивать и жечь приюты. К счастью, судьба награждает коллекционеров слабым воображением, фантазии их несмелы и более связаны с опасением потерять накопленное, нежели со смелыми планами приобрести накопленное другими. Коллекционер — чаще всего монстр бережливости. Именно охраняя свое гнездо, он, подобно волчице, способен разорвать на куски льва. Это Отелло, которому настоящий Отелло не годится в подметки, потому что ради спасения своей коллекции от подозреваемого Яго Отелло-коллекционер задушит всех женщин Венеции.

К счастью, болезнь коллекционирования куда чаще поражает мужчин, чем женщин, ибо женщины по натуре своей куда более настойчивы, последовательны и цепки, чем мужчины, и если коллекционирование у мужчин почти неизлечимо, то у женщин оно неизлечимо вообще.

У Ко в классе было два или три мальчика, которые собирали марки, один собирал монеты, один — ракушки. Но самым знаменитым и единственным настоящим, смертельно больным коллекционером был некий Базиль, который собирал птичьи яйца.

Почему птичьи яйца?

А почему иные коллекционеры тратят жизнь на поиски старых писчих перьев, спичечных коробков или пылесосов? Судьба не разбирается, награждая тебя редкой болезнью. У тебя всю жизнь болели зубы, а помрешь ты от нарыва в пятке. А другой, с распухшей пяткой, скончается от флюса. Фатум выбирает нас, как волк овцу в покорном стаде.

Базиль собирал птичьи яйца. Он собрал их шестьдесят восемь. Он переписывался с двумя другими коллекционерами. Он намеревался поехать в Бразилию и собирать яйца там, в сельве. И тут обнаружилось, что собирать птичьи яйца категорически запрещено Ведомством экологии. Коллекционеров стали преследовать, некоторые покончили с собой, другие все же сдали яйца в музей и перешли на собирание мраморных шариков. Но не таков был Базиль. Сначала он, узнав,

что едет экологическая комиссия, чтобы конфисковать его коллекцию, спрятал ее в подвале замка. Но его лучший друг и сосед по парте, разумеется, выдал Базиля членам комиссии, когда те заявились на остров. Комиссия в сопровождении расстроенной госпожи Аалтонен направилась в подвал.

Базиль забаррикадировался в подвале и заявил, что не сдастся до последнего яйца. И пока члены комиссии с помощью дворника и садовника ломали дверь, он съел все шестьдесят восемь яиц, некоторые вместе со скорлупой. Когда комиссия ворвалась в подвал, Базиль был без сознания. Затем его отвезли в реанимацию, и больше на остров он не вернулся. Рассказывают, что он сошел с ума и содержится в специальной лечебнице.

К такой же породе людей, для которых предмет бессмысленного собирательства оказывается в конечном счете важнее самой жизни, относился и профессор дю Куврие, отец Вероники. И, самое интересное, он не скрывал от найденной дочки особенностей своей натуры.

— Разумеется, моя коллекция, будучи совершенной сама по себе, далека от совершенства, как любое произведение великого искусства, — продолжал профессор. — Коллекция картин Эрмитажа или Лувра тоже никогда не сможет достичь идеала. Для этого необходимо объединить по крайней мере тысячу крупнейших мировых коллекций. А это, к сожалению, невозможно. Но даже мое скромное собрание вскоре привлекло внимание криминальных элементов. Я полагал, что никому не приношу зла, что могу в свое удовольствие отдаваться благородному занятию. Но нет! Словно гиены к падали, ко мне потянулись мерзавцы разных мастей. Меня трижды пытались ограбить и дважды убить. Мне пришлось эмигрировать с Земли, чтобы скрыться в скромной надежности Марса. Но и здесь за мной охотились.

После того как меня попытались выкурить из особняка, который я купил на пенсию и сэкономленные деньги, я был вынужден построить вот это бетонное убежище.

— Надо было позвонить в полицию! — посоветовала Ко.

— Дурочка! Полиция бессильна перед межпланетной мафией. Она вся у нее на содержании.

— И ИнтерГпол тоже?

— Разумеется. В первую очередь.

Ко послышался какой-то скрип. Она обернулась.

— Что? — нервно воскликнул профессор. — Ты что-нибудь слышала?

— Мне показалось.

— Если что-то услышишь, сразу сообщай мне! С возрастом мой слух стал меркнуть. Мне нужны твои молодые глаза и уши... если это не глаза предательницы. Ты на самом деле моя дочь?

— Папа, вы же видели все анализы!

— Анализы-манализы! — закричал профессор. — Мне нужен один свидетель. Я хочу понять, как они стибрили эти документы!

— Папа, лучше рассказывайте про ваши приключения. Я ведь тоже не уверена, что желаю такого отца.

Профессор несколько удивился, помолчал и произнес не столь громко:

— Родителей не выбирают.

— Хороших не выбирают, — возразила Ко, — а таких, которые тебя теряют, можно и заменить.

— Сделай еще кофе, — велел профессор.

Ко не стала спорить. Она вернулась на кухню и занялась приготовлением кофе. Она пыталась выглянуть в окно, но оно было высоко. Ей пришлось встать на табуретку, чтобы просунуть голову между прутьев решетки. Из окна была видна маленькая каменная пустыня — наверное, единственное лишенное зелени место под марсианским куполом. Но за забором Ко увидела знакомую фигуру. Это стоит Артур. У него в руке телефон — значит, он на связи с князем. Они ждут. Подать знак? Помахать им салфеткой в окошко, как принцесса, заточенная в замке? Нет, она отогнала это желание. «Ничем я им не обязана и не буду помогать. А вдруг они замыслили какую-нибудь пакость против дю Куврие?»

Когда Ко вернулась с полным горячим кофейником, профессор, оказывается, совсем забыл о ней. Бумаги, касающиеся ее происхождения, он отодвинул на край стола, а перед собой положил раскрытый альбом с марками.

— Я принесла кофе, — сказала Ко.

— Что? — удивился профессор. — Что ты тут делаешь, девочка?

Но тут же спохватился, взял себя в руки и даже улыбнулся. Одними губами — получилась кривая гримаса.

— Старею, — сказал он, — совсем старею. Но прости —

меня вдруг посетила идея: нет ли в цеппелинах тридцатого года гребенчатой зубцовки?

— И как? — спросила Ко, разливая кофе по чашкам.

— Завтра проверю, — сказал профессор. — Сегодня у меня гости. По крайней мере, кофе ты готовить умеешь.

— Расскажите мне дальше про вашу жизнь, папа, — попросила Ко. — Как я пропала?

— Для того чтобы грабители не добрались до меня, я превратил мой дом в крепость. Но однажды они подложили бомбу под входную дверь. Бомба повредила купол и чуть было не задушила все население нашего городка. К счастью, здесь мы обошлись без полиции — общественность нашего квартала схватила грабителей, и их тут же повесили на городской площади.

— Не может быть!

— Об этом писали в газетах, — ответил профессор. — И казнь показывали по телевизору. Разумеется, потом начались страшные скандалы, родственники и друзья повешенных грабителей клялись, что это были невинные молодые люди, которые приехали к нам на Марс на экскурсию. Был процесс. Но мы доказали, что не превысили пределов оправданной самообороны. Если бы их не остановили вовремя, воздух бы вырвался из нашего купола. Марс тебе не Земля — здесь бомбы кидать не положено. После этого мне пришлось положить все свои ценные экземпляры в сейф банка. Больше никому до них не добраться. Но какое это горе для меня!

— Почему, папа?

— Потому что для настоящего коллекционера самое главное счастье — наслаждаться видом своей коллекции. Говорят, что Тамерлан, собрав гарем из трехсот конфискованных и захваченных в плен красавиц, каждый вечер выстраивал своих жен на плацу, выбирая ту, с которой проведет ночь. Он был настоящим коллекционером, мой древний коллега!

— История ругает его не только за это, — напомнила Ко.

— История никогда не ценила коллекционеров. Я не надеюсь на достойное в ней место.

— И что же было дальше?

Профессор задумался. Почему-то ему расхотелось рассказывать о прошлом.

— Может быть, пойдем, я покажу тебе твою комнату? Там спала твоя покойная мама.

— Хорошо, только доскажите мне про то, как я потерялась.

— Ты не потерялась. Тебя украли. Это долгий разговор.

— Разве мы спешим?

— У меня был трудный день, — сказал профессор. — Пора спать.

— Тогда расскажите в двух словах.

— Ты неприятно настырная девочка, — сказал профессор.

— Я давно живу без родителей, — призналась Ко. — Характер ребенка, лишенного родительской ласки, неизбежно ожесточается.

Профессор внимательно посмотрел на дочь, глубоко вздохнул и заговорил:

— Я положил ценности моей коллекции в швейцарский банк. До нее теперь не доберется ни один искатель сокровищ. Но они попытались пойти другим путем.

— При чем тут я? — спросила Ко.

— А при том, что банда грабителей украла тебя.

— Зачем?

— Мне сказали, что вернут тебя в случае, если я передам им коллекцию.

— А если не передадите?

— Тогда они тебя убьют.

— И что же случилось?

— Разумеется, я сообщил об этом в полицию. И полиция обыскала весь Марс. Но тебя на Марсе уже не было. Тебя увезли.

— И что же было дальше?

— Твоя мама умерла от горя. Да, я не скрываю от тебя всей жестокой правды жизни — ты стала причиной гибели твоей матери. Не зря же я ей говорил: сделай аборт, мы не можем с тобой иметь сразу два сокровища! Но она обещала родить мне сына, наследника, настоящего коллекционера.

— И родила меня?

— К сожалению, она меня обманула. Она родила тебя.

— И вы меня не любили.

— Я к тебе лояльно относился.

— И когда меня украли, вы сразу приняли решение?

— Ой, только не говори, что сразу! Мое решение стоило мне бессонной ночи.

— И когда вы решили, что я не стою вашей коллекции,

моя мама умерла? — спросила Ко, обнаружив несвойственную юности проницательность.

— Твоя мама умерла, потому что не уберегла тебя, — возразил профессор.

— Она предугадала ваше решение, папа?

— Поставь себя на мое место, — ответил профессор дю Куврие, отводя взгляд в сторону, — я полагал, что ничего страшного не случится. Это шантаж! Я надеялся, что полиция с честью выполнит свой долг и быстро тебя найдет.

— Папа, пять минут назад вы мне сказали, что вся полиция куплена мафией и вы ей не верите.

— Ну, в некоторых вопросах не верю, а в некоторых верю. Нельзя уж так грубо обобщать!

— Мама предугадала все заранее?

— Она сказала мне: я больше не увижу моей дочки. Она ушла из дома, и на следующий день ее нашли за пределами купола, в безвоздушном пространстве. Она умерла. Очевидно, она случайно открыла переходной люк, которым пользуются ремонтники, и вышла...

— Случайно?

— Она была в стрессовом состоянии, она искала тебя. Она чувствовала свою вину. Повторяю: ты убила свою мать.

— Тем, что меня украли?

— Тем, что попалась!

— Может быть, стоило отдать им вашу коллекцию?

— Что ты говоришь! Чтобы я, такой гордый и честный, поддался наглому шантажу грабителей? Ну уж нет! У меня есть принципы!

— Главный принцип — сохранить коллекцию?

— Такая коллекция, как моя, принадлежит не только мне — она принадлежит всему человечеству. Я не мог обездолить человечество!

— Наверное, она очень дорого стоит?

— Разумеется, она дорого стоит! — Профессор даже возмутился. — Иначе она не была бы лучшей.

— Вы совершили выгодный коллекционный обмен, папа, — сказала Ко.

— Какой? — не понял профессор.

— Вы поменяли мою маму и меня на марку острова Маврикий.

— Там не только Маврикий! Там такие ценности... — Тут

профессор осекся, потому что понял, что в запальчивости наговорил лишнего.

— Нет, я совсем не уверена, что хочу быть вашей дочкой, — сказала Ко.

— А я не уверен, что мне нужна такая дочка. И должен тебе сказать — моя дочь никогда бы не посмела так грубить своему отцу.

— Я хочу уйти.

— Уйдешь, когда я решу, — сказал профессор.

— Нет, я ухожу!

— Сейчас все закрыто. Автоматически. Даже я сам не могу до утра открыть двери.

Ко поняла, что профессор не шутит. Она смирилась и решила дотерпеть до утра, а там — хочет Милодар того или нет — она бросит этого сумасшедшего эгоиста.

Профессор провел Ко в дальнюю, за кухней, комнату — еще один каменный мешок с окошком под потолком, освещенный голой слабенькой лампочкой.

В комнате стояла продавленная в середине старая кровать, покрытая покрывалом, настолько пыльным, что, когда Ко ударила по нему ладонью, пыль поднялась густым серым облаком.

Профессор стоял в дверях и надрывно кашлял.

— А другой комнаты не найдется? — спросила Ко.

— Нет! — отрезал профессор. — В других комнатах марки-дубликаты, варианты, просто марки и конверты первого дня гашения.

Ко вдруг увидела, что в углу, почти скрытая открытой дверью, стоит детская кроватка — ее собственная детская кроватка... И тут она спохватилась: при чем тут она? Это же кровать Вероники. Нельзя так входить в роль...

Профессор пожелал Ко спокойной ночи.

Ко подняла с кроватки Вероники куклу. Надо будет отвезти ее подруге.

Потом она вынесла покрывало и подушку с кровати в коридор и выбила из них пыль. Профессор высунулся из кабинета и принялся было кричать, но Ко не обратила на него внимания.

К счастью, на Марсе всегда тепло. Ко легла поверх покрывала и постаралась заснуть. За окном был виден клок исполосованного решеткой синего неба. На фоне окна появилось

нечто черное. Черное закрыло собой решетчатую синеву и прошептало:

— Ко, держи себя в руках! От тебя сейчас все зависит.

Ко узнала голос темнокожей мухи Ванессы.

Она обрадовалась, что кто-то помнит о ней.

— А где комиссар? — спросила она.

— Он не может проникнуть к тебе. Дом сделан из такого бетона, сквозь который не проходит голограмма. Но он помнит о тебе. Он желает тебе удачи.

— А в чем моя удача? — спросила Ко.

— Он не сказал, — ответила муха и исчезла. Улетела. За окном снова загорелись яркие звезды на синем фоне.

* * *

С утра профессор ждал доказательств тому, что Вероника его дочь. На этот раз требовался живой свидетель. Профессор болтался у телефона в ожидании звонка Артура.

Наконец в десять позвонил Артур дю Гросси.

— Доброе утро, профессор, — сказал он. — Сегодня, как договаривались, после обеда.

— А раньше нельзя?

— Быстрее корабли не летают.

Профессор злобно кинул трубку и удалился к себе в кабинет.

Ко маялась бездельем. Она попросила профессора показать какие-нибудь драгоценные марки, но профессор был непреклонен: ни одной марки, стоящей больше ста тысяч экю, дома не хранится. Конечно, если девочка захочет позабавиться движущимися марками Кассиопеи, съедобными марками островов Черной туманности, меняющими рисунки по желанию зрителя марками Сперендопской Федерации или, наконец, совершенно белыми марками таинственной, еще не открытой планеты Фракас — ее воля. Все эти марки хранятся дома и представляют интерес только для людей наивных и далеких от классической филателии. Конечно, в другой ситуации Ко с удовольствием бы поглядела на марки, которыми раньше не интересовалась, потому что в ней не было коллекционерской жилки, но теперь ей не хотелось настаивать.

— Тогда я посмотрю наш семейный альбом, — сказала она. — Я же совсем не помню моей мамы.

— Ах, — отмахнулся профессор, — твоя мама была человеком непримечательным, я бы сказал, скучным. Она даже не могла родить мне наследника.

— Женились бы еще раз, — предложила Ко без всякой симпатии к профессору. Тот принял слова всерьез и ответил:

— Слишком велик риск. Если меня смогла так провести самая обыкновенная женщина, которая вышла за меня, когда я лечил рыб и не думал о марках, то теперь мне бы обязательно подсунули какую-нибудь охотницу за моим состоянием. Подобную тебе.

Ко не стала спорить. Тогда профессор вздохнул, с неудовольствием оторвался от своих альбомов и принес небольшой альбом, который, конечно же, принадлежал матери Вероники. Там была она сама в форме выпускницы гимназии — серьезная черноволосая девушка с косой, венком лежавшей вокруг головы, очень похожая на Веронику и немного на Ко. Потом Ко нашла свадебную фотографию, на которой профессор был таким же, как сегодня, даже пробор не изменился. А мама Вероники смущенно улыбалась, словно сбылась ее мечта...

— Как звали мою маму?

— У нее было нелепое имя — Клара, — сообщил профессор.

А вот появилась и Вероника. Клара держит ее на руках — они улыбаются одинаково. А вот Вероника лежит на животике, задрав пока еще почти лысую головку...

От князя позвонил толстый обер-камергер. Он сообщил, что нужный свидетель прибыл на Марс и готов к встрече.

— Так быстро этого быть не может, — подумал вслух профессор. — Значит, этот свидетель у них был заготовлен заранее. Как же они рассчитывают добиться моего доверия, если обманывают меня на каждом шагу?

— Я думаю, что они уже знают ваш характер, — ответила Ко. — Знают, какой вы недоверчивый. Они и пригласили свидетеля заранее.

«Зачем я их защищаю? Может, потому, что профессор мне не нравится? Они все хороши — каждый тянет одеяло в свою сторону, так что ткань трещит. И папочка-профессор с его марками, и князь с сахарными девочками, и красавец Артур, которому не нужна Ко... Но кого они привезли в качестве свидетеля?»

— Где мы встретимся? — Профессор задумчиво смотрел на экран. Там торчала завитая голова камергера, человека пожилого и грузного, — князь избрал солидного посредника. — Я согласен разговаривать со свидетелем в главном зале почтамта, — сообщил профессор. — Сегодня как раз проводится гашение первого дня серии, посвященной открытию Марсианского зоопарка. В два я получу свои конверты, а после этого мы сможем поговорить.

— Прямо в зале? — удивился камергер.

— А чем это место хуже другого?

— Но вас там, наверное, все знают.

— Тем более вы не сможете совершить по отношению ко мне никакой подлости.

— Мы и не собирались, ваше сиятельство, — буркнул камергер с видом человека, который не намерен от подлостей отказываться.

* * *

Профессор дю Куврие собирал в большой старый портфель кляссеры и тетрадки с наклеенными марками, поучая Ко, словно надеялся сделать из нее филателиста.

— Тебя может удивить, — говорил он, — что, собираясь на столь важную встречу, я беру с собой портфель, наполненный посредственными дублями.

По крайней мере, он признает, что собирается на важную встречу.

— Для настоящего коллекционера не бывает пустяков. Честно скажу тебе, что получил куда большее удовольствие, потому что выменял случайно эту непритязательную марочку на пустяковую картинку лунной флаерной почты, нежели купив за нормальную цену квардблок беззубцового полярфрахта. Ты меня не понимаешь, и не надо тебе этого понимать. Главное — я всегда должен быть настороже! Я должен быть готов в любой момент вытащить из этого боевого, заслуженного портфеля нужный кому-то клочок бумаги или пластика и получить за это вдвое больше. Именно поэтому я стал знаменитым и великим коллекционером. Захватывая столицу государства, не забывай о тысяче окружающих деревень и поселков.

Ко смирилась с особенностями характера профессора —

труднее будет Веронике. Но ведь никто не заставит ее переехать к отцу и коротать свой век в марсианском захолустье. Может быть, в ее сердце проснутся дочерние чувства, которые заставят не замечать некоторые черты его характера?

Быстро, без суеты, как хирург, собирающий саквояж на выезд к месту катастрофы, профессор наполнил портфель кляссерами и каталогами и, уже направившись к выходу, вдруг заявил:

— По крайней мере, если ты окажешься поддельной и тебя придется вернуть на расправу князю Вольфгангу, то я смогу остаться на почтамте и не зря потеряю время.

Ко вздрогнула. Оказывается, лицемерный профессор знал или догадывался, на какую судьбу он обрек Кларенс, разоблачив ее и отказавшись признать дочерью. Конечно, Ко не знала Кларенс и видела ее уже только в образе чучела в музее таксидермии, но Ко была уверена, что Кларенс была жертвой не только князя, но и профессора. Обоим плевать на Кларенс, Ко или Веронику. Но Вероника-то в безопасности! Как это несправедливо: Вероника оказалась дочкой профессора, а расплачиваться за обман придется Ко. Так сильные мира сего удовлетворяют свои страсти за счет простого народа. Ведь генералы сидят в надежных укрытиях, тогда как солдаты ждут под дождем, в грязи своей бесславной гибели.

По пути к почтамту, видно, в ожидании успешных коллекционных сделок, профессор подобрел и даже сказал:

— Не исключено, что у тебя и на самом деле найдется свидетель. С моей точки зрения, достойный. Не исключено. Тогда ты станешь моей дочерью. И первой помощницей. Давно пора разобрать шкафы в подвалах — там скопились тысячи альбомов. Я ведь скупал коллекции и вынимал из них однудве марки. Кое-что продавал, чтобы окупить приобретение. А остальное оставалось в подвалах. Может пригодиться...

Ко поежилась. Менее всего ее устраивала судьба разборщицы пыльных завалов. Может, уже сейчас признаться, что она знакома с его настоящей дочкой? Это, конечно, приятно, но где гарантия, что Милодар успеет спасти Ко от гнева Вольфганга? Нет такой гарантии.

Когда они доехали до скромного, углубленного в марсианскую красную глину здания почтамта и оставили машину на стоянке, профессор доверил Ко тащить за ним неподъемный портфель.

У входа в почтамт толпились в основном пожилые и просто старые марсиане с кляссерами, ожидая, когда начнется спецгашение. Многие приветствовали профессора. Но Ко показалось, что, как правило, теплоты в приветствиях не было.

Внутри почтамт представлял собой высокий сводчатый зал, вокруг которого располагались окошки. К некоторым стояли небольшие очереди.

— У нас есть пятнадцать минут до начала гашения, — сказал профессор. — Где твой свидетель?

— Я знаю не больше вас, папа, — ответила Ко.

И в этот момент из-за колонны походкой римского сенатора вышел господин Артур дю Гросси, муж Ко и потому инкогнито зять профессора дю Куврие.

— А, вы уже здесь! — произнес профессор с разочарованием, и Ко поняла почему: взгляд его остановился на кучке скромно одетых пожилых людей, которые сгрудились вокруг скамейки, где вальяжный старик с двумя длинными серебряными косами разложил альбом с марками.

— Свидетель ждет! — торжественно объявил Артур и тут же обернулся к Ко, словно только что заметил ее. Незаметно от профессора подмигнув, он спросил официально: — Как вы спали, Вероника?

— Без вас мне всегда одиноко спать, — нагло ответила Ко, Артур зашелся в кашле и покраснел, а профессор поморщился.

— Не терплю глупых шуток! — заявил он.

Ко чуть было не сказала, что это не шутка, но Артур резко потянул профессора к толстой колонне, уходящей под потолок зала. Ко пришлось торопиться за ними, волоча портфель, который кирпичной ношей рвался к полу.

Так что из-за портфеля Ко чуть опоздала и подняла глаза в тот момент, когда профессор уже кланялся госпоже Аалтонен, директрисе Детского острова, столпу педагогики и верному помощнику комиссара Милодара. Так что первым чувством Ко было облегчение от того, что свидетель — это свой человек, и лишь встретившись взглядом с госпожой Аалтонен и увидев в этих глазах откровенную панику, Ко встревожилась: а все ли проходит так гладко, как обещал комиссар?

— Здравствуйте, — сказала Ко робким голосом, как положено приветствовать директрису детского дома.

— Ах, — произнесла директорша. — Это вы тут...

— Что такое? — вдруг спросил профессор. — В чем дело? Я чувствую неладное.

— Разрешите представить вам, — вмешался смущенный Артур, который, видно, не понял значения этой сцены, — директрису детского дома на острове Кууси, я правильно говорю?

— Правильно...

— Доктора педагогики госпожу Розу Аалтонен.

— Оу, — сказал профессор с неким завыванием, которое он приберегал для разговоров с персонами высокого ранга. Почему-то он отнес госпожу Аалтонен именно к ним. Возможно, на него произвели впечатление размеры мадам, ее сходство с гигантским пингвином, чему способствовал строгий черный костюм и белая манишка госпожи Аалтонен. — Вы прилетели с Земли?

— Вот именно, — сказала Аалтонен, и взгляд ее нервно метался между профессором, Ко и Артуром. Порой ее глаза мутнели, будто она старалась прислушаться к внутреннему голосу. Правда, внутренний голос, как вскоре сообразила Ко, находился точно сзади Аалтонен, метрах в десяти, и представлял собой двух силачей князя, которые даже не старались казаться похожими на филателистов.

— Тогда попрошу ваш паспорт, диплом и удостоверение — все документы, которые вы удосужились захватить с собой. — Профессор уже преодолел первую реакцию почтения, и его сварливость взяла верх. — Я хотел бы убедиться в том, что вы — это вы.

— О да, — сказала директриса и, открыв старомодную сумочку, принялась рыться в ней, а Ко поняла, что Аалтонен, не выдав ее в первое мгновение, тем более не выдаст ее сейчас. Может, все же мадам состоит в агентах комиссара?

— Папа, — Ко потянула профессора за рукав. — Это в самом деле наша директриса. Она очень строгая, но мы ее уважаем.

— Помолчи! — приказал профессор и выхватил из пальцев Аалтонен ее галактический паспорт. — Верю, — сказал он, коротко скользнув взглядом по первой странице, и вернул документ. Затем через плечо тоскливо посмотрел на растущую толпу коллекционеров, которые стягивались к окошку, за которым должно было происходить гашение. Профессор беспокоился, что штемпель могут поставить без него. У этого

человека отсутствовали критерии того, что хорошо, а что плохо, что важно, а что — пустяк. Он был рабом своей коллекции, и, как назло, она была слишком дорогой, а потому люди становились игрушкой в борьбе за нее.

— Говорите! — приказал профессор. — Кто эта девица?

— Это, — госпожа Аалтонен проглотила слюну. Ее большой кадык неуверенно дернулся. Ко похолодела. А вдруг она не агент Милодара? И через несколько секунд здесь прозвучат выстрелы — силачи расстреляют самозванку. — Это Вероника... — Сказав так, директриса осмелела и повторила уже уверенней: — Вероника!

— Откуда вам известно ее имя? — спросил профессор.

— Мы называем детей... порой по случайным, совсем случайным деталям. Но в случае с Вероникой мы были почти уверены в ее имени.

— Почему? — профессор вцепился в директрису взглядом.

— На шее у девочки был золотой медальон. В нем находилась старая почтовая марка с надписью «Вероника». Мы определили, что так называлась маленькая английская колония в Карибском море, рядом с островом Тринидад. Марка относилась к выпуску 1886 года...

— Красная? Три пенса? — Голос филателиста сорвался.

Он закрыл лицо руками.

Он плакал.

Все вокруг замолчали. Было неловко видеть, как трясутся узкие плечи этого короля почтовых марок.

— Простите... — профессор вытер глаза рукавом, шмыгнул носом и спросил: — А что случилось с этим медальоном?

— О! — воскликнула госпожа Аалтонен. — Вероника бежала из детского дома так быстро, что не оделась и забыла свой медальон.

— Вы привезли его? — догадалась Ко.

— Простите, Ко... Вероника! Я думала, что помогу тебе отыскать твоего отца.

Директриса раскрыла свою сумочку и долго, мучительно долго копалась в ней, пока наконец не извлекла бумажный пакетик. Из него вытащила толстыми пальцами плоский золотой овал на тонкой цепочке.

— Это он! — закричал профессор. Он выхватил медальон из пальцев директрисы и открыл его. Выпавшую марку коло-

нии Вероника он положил на ладонь и не дыша начал ее рассматривать.

Наконец, вспомнив, что он здесь не один, профессор произнес:

— Это очень редкая марка. Ее нельзя подделать, потому что я помню расположение штемпеля. Все эти годы я страдал от того, что она потеряна для моей коллекции. Спасибо вам, мадам, за то, что вы возвратили эту ценность домой...

— Вы имеете в виду марку? — Директриса была потрясена душевной извращенностью профессора. — Марку или дочку?

— С дочкой теперь все ясно, — отмахнулся профессор. — Кстати, это вы забрались в сейф детского дома и достали оттуда секретные генетические карты?

— Да, — упавшим голосом произнесла директриса.

— И много вам за это заплатили?

— Клянусь вам, что ни гроша...

— Неважно. Даже если это так, то, значит, вам заплатили не деньгами, а молчанием. На свете есть только корысть и шантаж.

— Как вам не стыдно...

— А я не лучше вас, госпожа Аалтонен. Но я, по крайней мере, не делаю вида, что люди мне дороже марок. Марка — это совершенное создание природы. Человек — скопище недостатков. Почему я должен любить людей больше, чем марки? Почему?

Госпожа Аалтонен молчала. Она с трудом сдерживала слезы.

— Теперь вы, папа, удовлетворены? — спросила Ко.

— Теперь я удовлетворен, моя доченька, — ответил профессор.

Он достал из верхнего кармана своего потертого, блестящего на локтях пиджака маленький пластиковый пакетик и вложил в него марку. Его пальцы дрожали от возбуждения. Затем он спрятал конвертик, а медальон собственноручно повесил на шею Ко.

— Носи, — сказал он. — Все в порядке. Ты — моя потерянная и возвращенная дочь.

Профессор обернулся к Ко. Глаза его сияли. Это было немыслимо — увидеть сияющие глаза этой бумажной крысы. Он поднялся на цыпочки и поцеловал Ко в щеку.

— Какое счастье! — воскликнул он. — Спасибо вам, гос-

пожа Аалтонен, у меня больше нет сомнений. Вы все можете идти. А ты, дочка, подожди меня здесь. Береги портфель.

И с превеликим облегчением, словно выкинув из головы собеседников и саму проблему поисков дочери, он кинулся к толпе филателистов, которые двинулись на штурм окошечка, где начиналось гашение. Оттуда отдельными выстрелами звучали удары почтового штемпеля.

Ко осталась лицом к лицу с Артуром и директрисой.

— Спасибо, — сказала Ко, — что вы прилетели.

— Не беспокойся, — ответила директриса, часто мигая белыми ресницами. — Не беспокойся, Вероника. Все будет в порядке.

— Теперь, девочки, — обратился к директрисе и ее ученице Артур, — ваша задача — поскорее отвезти этого крысенка в Совет, пускай оформит отцовство, как положено.

— Это уж он сам будет решать, — возразила Ко. — Как я могу ему это сказать?

— Ты что думаешь, «Сан-Суси» вечно здесь будет парковаться? — спросил молодой муж.

— Почему это связано одно с другим? — спросила Ко.

— Много будешь знать, скоро состаришься, — прошипел Артур, заметив, что профессор возвращается к ним. Он поспешил спрятаться за стол, профессор заметил этот маневр, но отнесся к этому философски.

— А этот жулик все здесь крутится! Я знаю, он рассчитывает оторвать клок от того, что они берут с меня за беседу с вами, госпожа Аалтонен. Не поддавайтесь, торгуйтесь как дьявол — иначе вам ничего не достанется. Я же понимаю, что они ничего не делают бесплатно. Завтра и я от них получу счет за находку моей дочери.

И с неожиданной нежностью он потрепал Ко по руке. Впрочем, она тут же поняла, что ошиблась, назвав это чувство нежностью. Просто она стала значительным прибавлением к его коллекции.

— Как вам моя дочь? — спросил он у директрисы.

Но та не думала о Ко. Оказывается, ее занимала совсем другая проблема.

— Вы заявили, — воскликнула она, — что я приехала сюда ради получения определенной суммы денег! Так вы не правы!

Из-за колонны выскочил толстый камергер и позвал ее:

— Госпожа Аалтонен, госпожа Аалтонен, мы вас ждем!

— Ага, — засмеялся профессор. — Засуетились, испугались, что их денежки убегут. — И, обратившись к колонне, из-за которой выглядывала физиономия Артура, заявил: — Госпожа Аалтонен едет сейчас вместе со мной в мэрию. Вы слышите, жулики? Там она мне нужна как свидетель при одном юридическом акте. Поехали!

Никто не откликнулся из-за колонны. Лишь оба силача князя, что стояли в отдалении, играли мышцами. Потом, подчиняясь какому-то приказу, поспешили к выходу.

Это встревожило Ко. И она, хоть и дала себе слово не вмешиваться в отношения между всеми этими людьми, негромко сказала профессору, когда они втроем шагали через зал:

— Будьте осторожны, папа, за нами следуют силачи князя Вольфганга.

— А ты чего от него ожидала? — ответил профессор. — Конечно же, они глаз с нас не спустят. Как бы мы не украли у них госпожу Аалтонен.

Он обернулся к директрисе и взял ее под пышный локоть. Он был на голову ниже ее и втрое тоньше, но так уверен в себе, что разница в размерах не ощущалась.

— Госпожа Аалтонен, — сказал он, — я проникся к вам искренней симпатией. Независимо от причин, которые заставили вас прилететь сюда, вы совершили благородный поступок — восстановили мое семейство. И я сделаю все от меня зависящее, чтобы вы получили причитающиеся вам деньги и улетели на Землю.

— Но вопрос не в деньгах... вопрос вообще не в этом! — Госпожа Аалтонен говорила срывающимся голосом.

— Ну ладно, ладно, не надо переживать. Деньги еще никому не мешали. Ведь важны не деньги — важен ваш честный, благородный поступок.

Лицо госпожи Аалтонен стало малиновым. Ко испугалась, что щеки ее могут лопнуть от прилива крови.

Но профессор ничего не замечал.

Он отворил дверь в машину и пригласил Аалтонен внутрь. Затем проверил, не потеряла ли Ко драгоценный портфель, и занял место за рулем.

— Надеюсь, — сказал профессор, уверенно ведя автомобиль, — что вы сможете уделить мне еще полчаса вашего времени, притом бесплатно.

— О, конечно! — откликнулась директриса.

— Вся операция, в которой вы будете свидетельницей, займет совсем немного времени. Мы покончим с загадочным прошлым и откроем себе будущее.

Машина затормозила перед зданием мэрии. Оно было схоже с почтамтом, и, если бы не вывеска, Ко могла бы их спутать. На Марсе еще не наступила эра собственных архитекторов и собственных мод — строили лишь так, чтобы главной заказчицей была надежность.

Профессор провел своих спутниц на второй этаж и, указав на жесткие стулья в коридоре, велел дожидаться его. Впервые за все время директриса и сбежавшая сиротка остались вдвоем.

Ко боялась, что их могут подслушивать, и ждала, что же скажет директриса. Та почему-то молчала. Ко уже открыла было рот, чтобы спросить, почему не видно комиссара Милодара. Ведь он руководит всей этой операцией.

Но тут заговорила директриса. И ее слова прозвучали неожиданно.

— Ко, что ты тут делаешь! — громко прошептала она. — Я чуть с ума не сошла.

— А кого вы ожидали увидеть? — улыбнулась Ко.

— Как кого? Разумеется, Веронику. Я прилетела, чтобы опознать ее. И когда увидела тебя, то буквально впала в шок. Я чуть было тебя не выдала. Я могла тебя погубить!

— Неужели комиссар вам ничего не успел сказать?

— А почему комиссар должен был мне что-то говорить?

Ко удивилась.

— Так вы сюда прилетели не по заданию комиссара?

— О нет! — Крупные слезы сорвались с белых ресниц директрисы и покатились по красным щекам. — О нет, я здесь по причине моего преступного прошлого! Я есть риколинен. Я так виновата перед тобой...

— Но что? Что? Я не понимаю!

Всю свою сознательную жизнь Ко привыкла воспринимать директрису как высший авторитет, как бога, управляющего делами островного мира. И крушение божества всегда больно видеть.

Всхлипывая и сморкаясь в кружевной платочек, директриса призналась Ко, что в юности была «сладкой девочкой» — то есть попала в лапы Вольфганга дю Вольфа, который в те дни не был ни Вольфгангом, ни дю Вольфом, а был более известен как межпланетный карточный шулер Карлуша, скольз-

кий как угорь, за которым тянулись хвосты десятков незавершенных или недоказанных уголовных дел. Был он молод, хорош собой, дьявольски нахален и смертельно опасен для романтически настроенных девиц, к которым и относилась молодая студентка Стокгольмской консерватории по классу арфы Розочка Аалтонен. Девочка потеряла голову, бросила консерваторию и очутилась в проходном гареме Карлуши, который именовался «ротой сладких девочек». Уже тогда организм Карлуши ни секунды не мог обходиться без сахара, и потому жизнь в гареме проходила среди тортов, конфет и ликеров. Так что яды вкладывали в пирожные, иголки подсыпали в варенье, а толченое стекло — в мед.

— Нашей мечтой была... нашей мечтой был кусок селедки или черного хлеба. Если бы не власть, которую имел над нами Карлуша, мы бы разбежались хотя бы для того, чтобы забыть о сахаре.

— Поэтому у нас в детском доме не дают сладкого к чаю и не сахарят компот? — догадалась Ко.

— Поэтому, — коротко ответила Аалтонен.

— И что было дальше? — спросила Ко.

— Мне повезло более, чем другим. Я не успела стать его полной рабой, как однажды он попался на каком-то грязном деле и ему пришлось тайком бежать с Земли, бросив на произвол судьбы очередной гарем «сахарных девочек». После нескольких месяцев скитаний я смогла вернуться домой и стать учительницей. И жизнь моя прошла в честной работе... если бы не появился князь.

— Он прилетел к нам на остров? — спросила Ко.

— Да. Он прилетел сам. Потому что никому, кроме него, я бы не подчинилась. Но мне он сказал, что ему достаточно нескольких слов, чтобы навсегда погубить мою карьеру, чтобы лишить меня работы, чтобы опозорить меня на весь мир. Ты представляешь — директриса детского приюта, доктор наук Аалтонен в прошлом оказывается «сладкой девочкой» мерзавца дю Вольфа! Тогда лучше покончить с собой!

— Успокойтесь, — попыталась утешить директрису Ко. — Не надо так нервничать.

— И я совершила преступление... я пошла на сделку с этим убийцей. Я дала ему дело Вероники дю Куврие. А он поклялся мне, что ей не причинят никакого зла... А потом оказалось, что зло неотделимо от князя. Погиб Артем, исчезла

Вероника... На этот раз просто приказал лететь на Марс и подтвердить личность Вероники... Ты можешь себе представить, каково было мое удивление, когда я увидела тебя... но замаскированную под брюнетку.

— За Веронику не бойтесь. Мы с комиссаром спрятали ее, — ответила Ко, которая почувствовала себя старше и даже мудрее директрисы. Происходило это от уверенности в том, что она, Ко, стояла на стороне добра и знала, что добро сильнее, а потому имела как бы моральное право судить тех, кто не удержался на этом пути. И пройдет еще немало времени, прежде чем она поймет, что никакого права судить чужую слабость человеку не дано.

— С комиссаром?

— Больше я ничего не могу сказать...

— Ты думаешь, что комиссар знает обо всем?

— Он следит за каждым нашим шагом, — уверенно ответила Ко.

— Не может быть! — Ужас исказил доброе лицо директрисы.

Ко кинула взгляд наверх и увидела, как по потолку бежит темнокожая муха-докторша с «Сан-Суси». Муха прижала лапку к губам, чтобы Ко не выдавала ее присутствия, и Ко, от сознания того, что ее друзья рядом, стало еще легче и спокойнее.

Она хотела еще многое спросить у директрисы, но тут отворилась дверь и из кабинета выглянул профессор дю Куврие.

— Скорее! — крикнул он. — У них вот-вот начнется обеденный перерыв. Не приезжать же нам еще раз.

Аалтонен и Ко поспешили в кабинет, где за компьютерами сидело множество чиновников и чиновниц, и Ко даже удивилась, с какой легкостью профессор отыскал нужный стол и нужный компьютер, где решительного вида девица сурово заявила:

— Из-за вас я потеряла уже две минуты обеденного перерыва.

— Возместим, — сказал профессор.

— Мы здесь защищены от коррупции, — возразила девица и показала наверх, где под потолком над каждым из компьютеров горел зеленый огонек телевизионного глаза. И тут же девица ахнула и чуть не упала в обморок, потому что по по-

толку бежала муха-докторша. Муха метнулась обратно и исчезла из поля зрения девицы.

— Это вам показалось, — сказала Ко.

— Вы так думаете? — спросила девица.

— Скорее, скорее, — рассердился профессор, который не заметил Ванессу. — Вы сами себя задерживаете.

— Все документы готовы.

Девица протянула профессору пачку документов.

— Это удостоверение с приложением анализов и свидетельских показаний о том, что Вероника дю Куврие — ваша единственная дочь и наследница. А это завещание, которое оставляет ваше имущество дочери. Быстро подписывайте. Сначала свидетели. Первый — я сама.

Она расписалась.

— Вторая — госпожа... Аалтонен? Подписывайтесь.

Госпожа Аалтонен подписалась.

Затем документы были подписаны Ко и ее отцом.

Заведующий нотариальным бюро заверил удостоверение и завещание своей подписью и печатью.

— Поздравляю, — сказала девица и побежала обедать.

Комната с компьютерами опустела.

Профессор сложил документы, спрятал их во внутренний карман.

— Разве так можно обращаться с документами? — произнесла директриса, до того подавленно молчавшая.

— Ничего страшного, — отозвался профессор. — Я еще не собираюсь помирать, а копии есть в компьютере. Никто не отнимет у нас с дочкой мою коллекцию.

— О горе! — прошептала директриса, и Ко поняла ее отчаяние. Ведь в значительной степени по ее вине произошел катастрофический обман, значение которого не доходило раньше до самой Ко. Ведь теперь с профессором может произойти несчастье, и тогда Ко станет его наследницей. Хотя формально Ко ею стать не может, потому что любой генетический анализ покажет, что она не дочь профессора. Положение было тупиковым, и директриса, когда они шли к выходу, постаралась донести до Ко всю его сложность. Ко кивала, соглашаясь, но сама хранила молчание.

У входа в мэрию стояла большая черная машина князя с распахнутой дверцей. Возле нее — два силача и камергер с

толстым лицом. В сторонке терпеливо дожидался Артур дю Гросси.

— Вам сюда, госпожа директриса! — воскликнул камергер, делая шаг навстречу свидетельнице.

— Погодите, мы еще не расплатились, — попытался вмешаться профессор.

Но директриса, даже не попрощавшись с ним или Ко, покорно пошла к черному лимузину.

— Странно, — заметил профессор. — Странная женщина. Я побаиваюсь за ее судьбу.

Вдруг директриса обернулась. Лицо ее было искажено отчаянием.

— Береги профессора, Ко, — прошептала она, — ему грозит опас...

— Что она сказала? — спросил профессор, не разобрав возгласа директрисы.

— Она беспокоится за вас.

— Пустяки! — сказал профессор. — Поехали домой. Где портфель?

— Я оставила его в машине, — сказала Ко. — Он очень тяжелый.

— Ты с ума сошла! — закричал профессор, кидаясь к своей машине.

Он раскрыл дверь. Портфель лежал на сиденье. Профессор открыл его и начал копаться внутри, пересчитывая кляссеры.

Он полностью забыл о директрисе. А Ко смотрела вслед рванувшей с места машине князя. Ей показалось, что она видит белое пятно лица обернувшейся директрисы. Высоко в небе, под самым куполом, летела, следуя за машиной, большая темнокожая муха в белом халате.

* * *

Ко беспокоила судьба директрисы. Если ее начнут мучить, они выпытают у нее всю правду о подмене дочки...

Пока ее названый отец разбирал конверты, погашенные сегодня на почтамте, Ко сделала кофе. Казалось, что он совершенно забыл о том, что подписал такие важные документы. А Ко не могла о них забыть. Профессор, плохой или хороший, стал жертвой обмана со всех сторон. Его обманывали

и князь, и Ко, и Милодар. Это обязательно раскроется. Но как бы ни раскрылось, всеобщий гнев падет на Ко. Она всех обманула. И нет защитника — Милодара.

Разобравшись с конвертами, профессор занялся чтением писем коллег, и так продолжалось до середины дня. Ко предложила было сходить в магазин, чтобы купить продуктов для обеда. Несмотря на напряжение, в котором она ждала любого стука, скрипа, звонка, ей хотелось заняться чем-то полезным — ну хотя бы накормить профессора по-человечески. Он сознался, что несколько лет питается всухомятку и даже не разжигает плиту. Но профессор не выпустил ее из дома. Оказывается, он тоже чувствовал опасность.

— Погоди, — сказал он, — пока эта нечестная компания улетит с Марса.

Тогда, чтобы не терять даром времени, Ко вымыла в доме полы, пропылесосила спальню профессора, разобрала кухню и кладовку, измучилась, как после марафонского бега, и, к сожалению, совсем погубила одежду, конфискованную у сладких девочек.

Старый коллекционер оказался не таким рассеянным, как можно было подумать. Увидев дочь по окончании уборки, он повел ее наверх, в комнату матери. Отпер дверь, но сам заходить внутрь не стал.

— Возьми какое-нибудь платье, — сказал он. — Клара была высокой.

Он шмыгнул носом и быстро сбежал по лестнице.

В комнату жены профессора никто не заходил много лет. К счастью, дверь в нее плотно прилегала к косяку, окно было закрыто, и пыль не могла проникнуть внутрь, как бы ей ни хотелось. Но все же за пятнадцать лет некоторый слой пыли накопился. И на аккуратно застеленной кровати, и на рабочем столике, и на зеркале... Ко провела пальцем по большому зеркалу, и осталась сверкающая глубиной полоска.

Ко открыла шкаф. В нем висело несколько платьев, юбок, брюк — небогатый выбор для жены богатого человека. Вся одежда была темных тонов, без украшений.

Ко выбрала себе темно-синее платье с высоким, как будто от военного мундира, воротничком. В ящике комода под зеркалом она отыскала иголки и нитки и подогнала платье по себе.

Потом примерила платье. Нельзя сказать, что оно сидело

великолепно, но в нем не стыдно было появиться в любом скромном обществе, а уж тем более пред очи собственного отца.

Ко сошла к нему в кабинет.

И тут раздался звонок в ворота.

— Я открою, папа! — крикнула Ко и побежала к двери.

В тот момент ее посетила странная мысль: будто она на самом деле отыскала своего отца и теперь они будут жить вместе и даже вместе собирать марки. Почему бы им не собирать марки... И вот в этом ложном ощущении покоя Ко подбежала к двери.

За дверью стоял Артур дю Гросси.

— О господи! — ахнула Ко. — Ты еще зачем?

— Пришел поздравить восстановленное семейство, — сказал он.

Артур был роскошно одет. Поверх золотистого фрака была наброшена белая атласная накидка, расшитая изображениями волчьих голов — гербом клана дю Вольфов. На что ни Вольфганг, ни его приближенные прав не имели. В руке Артур держал букет цветов.

— Может, не надо? — жалким голосом произнесла Ко.

— Надо, — ответил Артур.

Он легко отбросил Ко к стенке. Из кабинета профессора доносился стук древней пишущей машинки. Артур поправил растрепавшиеся волосы и широкими шагами направился в кабинет. Ко кинулась за ним.

Артур подошел к профессору, удивленно привставшему при виде столь шикарного посетителя.

— Разрешите поздравить вас, — произнес он, — по поводу реюньона нашего семейства.

— Как вы сказали? Реюньона? Вы говорите по-французски?

— Немного, профессор.

— Тогда спасибо вам за букет, за поздравление и разрешите сказать вам: оревуар.

— Как вы сказали?

— Я сказал по-французски. До свидания.

— О нет, — улыбнулся Артур и, легким движением отстегнув атласную накидку, кинул ее на спинку стула. — Меня так легко не выгонишь, папаша.

— Что вы имеете в виду? — Профессор отступил немного, подавленный размерами и мощью посетителя.

— А то, что я ваш зять.

— Объяснитесь! — крикнул профессор.

— А чего объясняться. Я — муж вашей дочки. Может, перейдем на «ты», папаша?

— Прекратите это безобразие и покиньте мой дом! — завизжал профессор.

— Спокойно. Давайте сядем... Вероника, а ну, принеси нам вина!

— Вероника, никуда не уходи! — приказал профессор. — И скажи мне сама, что все это значит?

— Не надо вмешивать мою любимую маленькую женушку, — откликнулся Артур. — Если вы грамотный, то возьмите и читайте.

Артур протянул профессору лист бумаги, и Ко поняла, что это — копия их брачного свидетельства.

— Не может быть! — Профессор попытался разорвать лист, но Артур остановил его:

— Не старайтесь, профессор, вы же представляете, сколько мы сделали копий!

— Вероника, дочь моя, скажи, это правда?

— Да, это настоящий документ, но я надеюсь, что он не имеет силы... хотя бы потому, что я несовершеннолетняя.

— У нас на планете ты совершеннолетняя! — отозвался Артур. — Документ составлен по всем правилам. Так что попрошу выделить мне комнатку на вашем чердаке.

И он весело засмеялся, показывая замечательную здоровую челюсть, в каждый из зубов которой был вставлен бриллиантик, чтобы улыбка получалась еще лучезарнее.

— Впрочем, комнатка мне не нужна, я надеюсь, что вы нам с молодой женой купите хорошую виллу, желательно с бассейном.

Ко вынуждена была признать, что Артур был шикарен и, наверное, на человека более эмоционального, чем профессор дю Куврие, он произвел бы оглушительное впечатление. Но профессор, который в свое время хладнокровно отказался выкупить у похитителей свою единственную дочь, который потерял жену только потому, что коллекция была для него драгоценнее любого человека, не намеревался поддаваться давлению.

Он взял себя в руки, возвратил Артуру свидетельство о браке и холодным тоном заявил:

— Покиньте мой дом. Желательно захватите с собой и мою так называемую дочь. Я не желаю иметь дома предмет, который может послужить орудием шантажа.

Значит, ее он считает предметом и орудием... а впрочем, разве он не прав? Конечно же, князь использует ее как инструмент, как отмычку к сундукам господина профессора. Но не стоит расстраиваться, Ко. Ведь именно с этим преступлением мы и боремся. Вместе с исчезнувшим комиссаром Милодаром.

— Выгнать из дома собственного зятя? Ну уж это слишком! — делано возмутился Артур.

— И ты тоже уходи, — профессор смотрел на Ко глазами холодными, без ненависти, но такими холодными и равнодушными, что Ко поняла: князь проиграл — никакой доли в коллекции ему не получить. — И если вы будете сопротивляться, — продолжал профессор, — то я вызову полицию. Учтите — мой замок находится под охраной. Любая попытка нанести мне вред будет своевременно пресечена.

— Глупости, профессор! — резко ответил Артур, подбирая со стула свою волчью накидку и набрасывая ее на плечи. — Кому нужно нападать на вас? Всему миру известно, что вы бережете свои богатства в сейфах банка. Чего я достигну, убив вас? Ничего, кроме опасности быть пойманным.

— И повешенным! — добавил, улыбаясь, профессор.

— Вместо этого я предлагаю дружбу. И мир. И охрану. Я буду жить неподалеку от вас, я буду охранять вас, развлекать...

— Вот это лишнее!

— У нас с Вероникой родятся дети... вы будете гулять с внучатами. Неужели вам не хочется, чтобы крепкие шумные малыши носились по этим мрачным коридорам?

Вот этот текст Артура и был роковой ошибкой. Придумал ли монолог сам Артур или ему подсказали его умники-психологи на «Сан-Суси», но образ крепких внучат, которые носятся по коридорам дома и рвут драгоценные марки, показался профессору настолько ужасным, что он мгновенно превратился в сгусток злобной энергии и набросился на Ко и ее мужа так яростно, что через минуту оба очутились на ули-

це и вслед им из-за запертой двери неслись несвязные выкрики:

— Внуки! Бандиты! Разграбить... уничтожить... скорее смерть!

Артур стоял перед дверьми, и желваки нервно ходили под кожей скул.

— Ты хочешь смерти? — прошептал он. — Ты ее получишь...

— Завтра же отправляюсь к адвокату! — Профессор просунул угрожающий перст между прутьев решетки. — Дезавуирую отцовство. У меня нет дочери! Любой суд меня поймет!

Трах! — захлопнулось окно.

Дом молчал.

— Этого можно было ожидать! — сказал Артур. — Хотя князь будет недоволен. Он хотел бы, чтобы этот профессор пошумел, пошумел, а потом смирился и пустил меня в дом.

— Нет, так быть не могло, — сказала Ко. — Вы плохо знаете профессора.

— А ты лучше?

— Да, я с ним жила вместе. Хоть и недолго. Он лишен человеческих чувств. А если они и сохранились... где-то там, в самой сердцевинке... их надо откапывать терпеливо, долго и с помощью добра.

— На добро у нас нет времени. Мы должны действовать.

— Как действовать?

— Решать будет князь.

Они уселись в черную машину. Сзади сидел молчаливый силач, похожий на чугунный шкаф. Артур вызвал по рации корабль. На экранчике видео появился портрет князя. Его белые волосы были встрепаны. Он ел мороженое, и белые сливки стекали по подбородку.

— Он нас выгнал, — доложил Артур.

— И Веронику выгнал?

— Вы уже догадались, князь?

— Это логично. Как только он увидел твою наглую рожу и услышал, что ты намерен навечно поселиться в его домике, он перепугался за свою коллекцию.

— Я ему сказал про внучат.

— Это его не утешило?

— Наоборот. Он взбеленился. Именно после этого он выгнал Веронику.

— Естественно, — князь рассмеялся. — Конечно же — она представляет теперь наибольшую опасность, как человеческое устройство, из которого появляются дети.

Вольфганг заливался смехом, и слышен был смех других людей вокруг — видно, он ел мороженое в хорошей компании.

— Какие будут распоряжения? — спросил Артур.

— Какие могут быть распоряжения? — откликнулся князь, подмигивая Артуру. — Никаких. Отдыхай, мой дорогой. Будем ждать, пока профессор изменит свою порочную точку зрения. Будем ждать... наберемся терпения.

— Слушаюсь, — ответил Артур, усмехаясь в ответ.

И Ко поняла, что оба лгут. Что-то задумали, какую-то очередную гнусность. Но какую?

— Князь, — продолжал Артур. — А что делать с Вероникой? Она же лишилась дома! Разреши нам снять номер в гостинице! Я хочу наконец осуществить мои супружеские права!

— Успеешь, — ответил Вольфганг дю Вольф. — Осуществишь. Все мы их осуществим. Я тоже люблю твою женушку, она такая сладенькая... А мне пора менять своих сладких девочек, пора набирать новую смену! Люблю молодежь!

— Хорошо, князь, — согласился Артур без обиды. Словно иного ответа и не ждал. — Куда мне ее девать? На корабль?

— Ни в коем случае! Девочка должна быть под присмотром. Вокруг должны быть надежные, неподкупные свидетели. Что ты предлагаешь?

— А что, если поселить ее в гостиницу к директрисе Аалтонен? Она все равно ждет завтрашнего рейса на Землю, — спросил Артур, продолжая отрепетированную игру.

— Отлично. Только спроси разрешения у почтенной дамы. Согласится ли она претерпеть неудобства?

— Разумеется, князь.

— И попроси ее не спускать глаз с твоей жены до утра.

— Слушаюсь, князь.

— Для надежности я велю поселиться в той гостинице нашей докторше Ванессе. Пускай побудет с женщинами. Может, ее медицинская помощь понадобится...

— И лишний глаз не мешает, — закончил за князя Артур.

— А сам возвращайся поскорее ко мне. Сыграем в шахматы. Чудесные шахматы я достал здесь. Представляешь, белые

из леденцов, а черные — из шоколада. Ты какими будешь играть?

— Вы все равно мне не оставите, — улыбнулся Артур.

Смеясь, князь отключил связь, а Артур произнес с отвращением:

— Не выношу сладости. Даже чай пью без сахара.

— Как я тебя понимаю, — согласилась его молодая жена.

— Ты слышала, что я отвезу тебя в гостиницу? Там у директрисы номер люкс. Из двух комнат. Переночуешь вместе со своей любимой учительницей.

Ко хотела возразить, что теперь не смогла бы отнести Аалтонен к числу своих любимых учителей, но машина быстро понеслась по улицам, и она раздумала что-либо объяснять своему мужу.

— Может быть, нам всем улететь? — спросила она.

— Зачем же? Мы еще поборемся в суде, — ответил Артур. — Ты его законная дочь, я его законный зять. И пускай он докажет обратное.

— Вам очень хочется отсудить часть его богатства? — спросила Ко.

— Разумеется, иначе зачем нам было все это затевать.

В гостинице, роскошном обиталище богатых туристов, директриса занимала обширный номер на четвертом этаже. Когда они позвонили в дверь, она открыла сразу — оказывается, князь уже предупредил ее о гостье, и директриса не стала возражать против вторжения. Более того, Ко показалось, что она была рада.

Артур добавил, что, если князь и на самом деле решит прислать в гостиницу докторшу, она позвонит в номер Аалтонен.

— Сидите, — посоветовал Артур, уходя, — не высовывайтесь, в город не выходите, там к вам могут пристать темные личности — а потом выручать будет поздно.

— Мы и не собирались, — ответила директриса. Она была бледна, осунулась и выглядела лет на сто старше, чем обычно.

— То-то, — наставительно произнес Артур. — Нам нужно, чтобы у вас было железное, непробиваемое алиби. Так что не скрывайте того, что вы в номере, — можете заказывать в номер ужин, прохладительные напитки, требовать шахматы, домино и компьютерные игры, можете жаловаться на то, что барахлит освещение, звонить по телефону домой — и даже бить посуду...

— Этого еще не хватало! — возмутилась директриса.

— Шучу, — ответил Артур.

Ко не успела отклониться — он поцеловал ее в щеку.

Дверь закрылась.

Они остались одни.

* * *

— Боже мой, я так волновалась за тебя, — сказала директриса, усаживаясь на диван и показывая Ко место рядом с собой. — Эти люди готовы на все!

— А я беспокоюсь о судьбе профессора. Мне очень не понравилось, как князь договаривался с Артуром. Мне кажется, они что-то задумали, — ответила Ко. — Как бы мне отыскать комиссара?

— Как мне ни неприятно это сознавать, — ответила директриса, — но я полагаю, что комиссар следит за развитием событий, но не хочет, чтобы кто-нибудь об этом догадался. Боюсь, что он уже знает и о моей роли в этой истории.

Директриса приложила к глазам, кончику носа кружевной платочек и шмыгнула.

— Думаю, он не будет сильно сердиться, — постаралась утешить Аалтонен ее ученица. — Ведь вас шантажировали. Вы не хотели скандала для школы.

— Вот именно, для коулю, именно для моего Детского острова! Ты представляешь, какой был бы скандал, если бы открылось, что директрисой на острове служит бывшая сладкая девочка князя дю Вольфа! Но я все равно не вернусь на остров.

— Почему?

— Я уйду на пенсию и скроюсь где-нибудь. Потому что не имею морального права учить детей. Это будет мое наказание.

Ко не стала спорить с директрисой. Пожалуй, если та чувствует свою вину, ей и на самом деле лучше уйти на пенсию. Но если раньше она робела перед непогрешимой директрисой, теперь ей было ее жалко. Та оказалась слабым человеком, и груз прошлого раздавил ее.

Ко набрала код ресторана и попросила включить на дисплее обслуживания меню на ужин.

— Как ты можешь думать о еде? — упрекнула ее директриса. — Я бы вообще не смогла проглотить ни кусочка.

— Наоборот, — голосом умудренной жизнью путешественницы ответила сиротка. — Мне надо обязательно подкрепиться. Мы не знаем, что нас ждет в ближайшее время. Я же сегодня выпила лишь две чашки кофе.

— О нет! — госпожа Аалтонен уронила голову на руки.

Когда подносы с ужином, поднявшись из кухни, появились в комнате, Ко отнесла их в лоджию, где было прохладнее. Там дул искусственный ветерок и царила уютная полутьма летнего вечера, которая создавалась по земному времени, когда купол, превращаясь в темные очки города, темнел, пропуская лишь свет ярких звезд.

Госпожа Аалтонен вышла в лоджию посидеть вместе со своей воспитанницей, но когда та начала с аппетитом молодого животного уничтожать отбивную и хрустеть жареной картошкой, директриса не выдержала — ничто человеческое не было ей чуждо — и положила в рот ломтик помидора, потом листок салата, а потом взяла в руки ножик и вилку. И хоть Ко хотелось улыбнуться, она, разумеется, сдержалась и сделала вид, что полностью углубилась в еду.

Мягкий вечер, музыка, доносившаяся из близкого парка, выращенного марсианами, несмотря на пессимистические предсказания земных специалистов, смягчили нервное состояние директрисы. И она заговорила нормальным голосом, обретя интонации вельможной дамы.

— Пожалуй, — произнесла она, — для меня самым неожиданным и невероятным испытанием была встреча с тобой. Ведь я летела сюда, утешая себя, что сейчас увижу Веронику и помогу ей воссоединиться с отцом. Я понимала, что с князем надо быть настороже и если он тебя просит о чем-то, то скорее всего это выгодно только ему. Но мне хотелось надеяться, что важнее всего воссоединить семью, а потом уж можно будет придумать, как справиться с Вольфом.

Директриса отрезала половину отбивной и задумчиво жевала ее. Прожевав, продолжила:

— Когда вместо Вероники я увидела тебя, замаскированную под Веронику, я была потрясена. За секунду мне надо было сообразить, что означает этот маскарад.

— Вы быстро сообразили, — сказала Ко.

— Перед моими глазами возник образ комиссара Милодара, и я догадалась, что, вернее всего, подмена Вероники — дело его рук. И я даже поняла, почему он это сделал.

— Почему?

— Потому что Вероника была влюблена в Артема, потому что она уже раскусила подмену, она была в панике... я же знаю Веронику, она милое, слабое создание — в качестве помощницы Милодара она не годилась.

— А я?

— Ты годилась. В тебе есть авантюризм. Ты стремишься к приключениям. Ты — трудный ребенок. А Вероника — ребенок, удобный для воспитания, мирный и послушный. Ну скажи, я права, что Вероника догадалась о подмене?

— Я заменила ее в последний момент — она была в истерике...

— А где она сейчас? Ах, впрочем, что я говорю — конечно же, Милодар спрятал ее в укромном месте — он опасается, что на острове есть его враги.

— И он прав...

— Если ты, Ко, думаешь, что я отношусь к его врагам, ты глубоко ошибаешься. Я преклоняюсь перед его способностями. И клянусь тебе, что я была бы и дальше его верной помощницей, если бы не прилетел проклятый князь и не напомнил мне о позорной странице моей биографии. Он привез пленки... пленки, где я, обнаженная, измазанная вишневым вареньем, танцую перед пьяными придворными и матросами... А потом он, он делает со мной... нет, тебе рано знать, что он делает с наивными девушками.

— Рано, значит, рано, — философски согласилась Ко, которая была убеждена, что образована по этой части — правда, лишь теоретически — куда более, чем директриса. Именно некоторая, как ни странно, наивность директрисы и привела ее к падению. Но не станешь же рассказывать пожилой женщине, в чем заключается женская мудрость и женская наивность.

— В жизни каждой женщины, — директриса принялась за мороженое, и умиротворение расплылось по ее широкому розовому лицу, — наступает момент, когда она становится опасной не только для окружающих, но и для самой себя. Этот момент связан с паникой. Именно с паникой, дитя мое. В один прекрасный момент ты подходишь к зеркалу и понимаешь, что у твоих глаз появились морщинки, или видишь первый седой волос. И тогда на тебя как лавина обрушивает-

ся понимание того, что вся твоя жизнь устроена неправильно, что работа лишь убивает тебя, что твой муж или мужчина недостоин тебя, что жизнь катится слишком быстро и если не успеть схватиться за поручень последнего вагона, то поезд уйдет навсегда. И тогда ты готова выбежать на улицу и кинуться в объятия первого встречного подонка, который хорош лишь тем, что не похож на правильных людей, которые тебя окружают. Ну скажи мне, Ко, что могло заставить меня, отличницу, лучшую студентку консерватории, которая боготворила арфу, разломать за ночь чудесный и дорогой инструмент, бежать из общежития, и очнуться лишь в сомнительной гостинице в объятиях пахнущего ликером и карамелью беловолосого красавчика, и нестись несколько месяцев по притонам Земли и других планет, забыв обо всем — о родителях, о долге перед людьми, о боге, — теперь я с ужасом и каким-то тайным восторгом вспоминаю эти вальпургиевы ночи — но это все было не со мной! О нет, это другая девушка неслась на лаутта по бурной реке. И я полагаю, что такой взрыв опасней всего для натур послушных, мирных, сдержанных...

— Для отличниц, — досказала Ко.

— И для таких, как ты, потому что ты всегда находила лахто в чужих ошибках.

Директриса задумалась.

С неба медленно спустилась муха в белом халате и уселась на перила лоджии, в отдалении от директрисы, чтобы не испугать ее своим появлением.

— Добрый вечер! — приветствовала ее Ко.

— Ах! — воскликнула директриса, но Ко была готова к такой реакции и сразу спросила муху:

— Вы хотите кофе или чаю?

— Ничего, я уже пила чай, спасибо, — ответила темнокожая муха.

— Вы незнакомы, — сказала Ко. — Ванесса — наш доктор. Она очень хорошая. А это госпожа Аалтонен, директриса моего приюта.

— Я все знаю о директрисе твоего приюта, — ответила муха, и Ко почувствовала осуждение в ее слабеньком жужжащем голосе.

— Вот и хорошо, — сказала Ко. — А что нового слышно о нашем друге комиссаре?

— Комиссар занят срочными делами в Галактическом центре и не может прилететь.

— Пускай он пришлет сюда свою голограмму, — предложила Ко.

— К сожалению, на таком расстоянии голограмма получается нестабильная. Комиссар освободится завтра с утра и сразу же поспешит сюда. Так что вам надо продержаться до утра. Сможете ли?

— Мы постараемся, — сказала Ко и посмотрела на директрису.

— Боюсь, что от меня мало пользы, — сказала та.

— Но вред от вас бывает, — безжалостно прожужжала муха.

Директриса насупилась. Она согласна была сама казнить себя. И даже позволила бы это сделать комиссару. Но не темнокожей мухе.

— Я буду находиться как можно ближе к тебе, Вероника, — сказала муха.

— Не Вероника, — поправила ее директриса. — Неужели вы до сих пор не поняли, что девочку зовут Ко?

— Я этого не поняла, — ответила муха. — Потому что не знаю, установлены ли здесь подслушивающие устройства.

И она, взлетев, растворилась в теплом синем воздухе.

— Ну, вряд ли, — смущенно сказала директриса.

Она понимала, что совершила ошибку, но настолько уже устала совершать ошибки, что последнюю не захотела признавать.

— Что-то становится холоднее, — произнесла она, хотя вечерний воздух был подобен парному молоку. — Давайте пройдем в номер...

Ко подчинилась.

Телефон зазвонил именно в тот момент, когда они очутились в комнате.

Директриса громко ахнула и прошептала:

— Не бери трубку! — будто от аппарата исходила страшная угроза.

Но Ко была уже у телефона. Она включила его. На экранчике появилось лицо профессора дю Куврие.

— Слава богу! — произнесла директриса с облегчением. Видно, она страшилась увидеть на экране кого-то другого.

— Ну вот, слава богу, — произнес профессор. — Я уж думал, что никогда тебя не отыщу, что они спрятали тебя, увезли с планеты и, может, даже убили.

Ко странно было видеть такое взволнованное лицо профессора и слышать столь нервные слова.

— Ты в порядке, ты жива? — спросил он.

— Да, спасибо, папа, — ответила Ко, вновь входя в роль Вероники. — А как дела у тебя?

— У меня? Дела? Мне страшно, мне одиноко, меня гнетут ужасные предчувствия, Вероника. Ты уверена, что тебе ничего не грозит?

— Не бойся за меня.

— Я был не прав, когда выгнал тебя. Я думаю, что тебя обманом выдали за этого... Артура. Скажи, что это так. Завтра же адвокаты Марса разведут тебя с этим подонком, по законам Марса ты несовершеннолетняя. Ты сейчас в гостинице?

— Да, я в номере директрисы моего приюта, госпожи Аалтонен.

— Беги от нее! Она в сговоре с князем и его молодцами.

— Не беспокойтесь, профессор... то есть папа, она совсем не такая плохая. Она лишь хотела подтвердить правду, что у вас есть дочь.

— Я точно знаю, что она служит князю.

Директриса вошла в поле зрения аппарата.

— Вы имеете право так говорить, профессор, — сказала она. — Но клянусь вам, я сделаю все, чтобы... Вероника была в безопасности.

— Вероника! Я никому не верю, — перебил ее профессор. — Я не верю и тебе. Но хочу тебя спасти. Единственное место на Марсе, где ты будешь в безопасности, — это мой дом. Они не смогут взорвать его даже атомной бомбой. Я прошу тебя, я умоляю тебя — сейчас же беги ко мне. Пока они не спохватились. Мы с тобой не знаем всей глубины их дьявольских замыслов. Если они доберутся до тебя и директрисы, я ничем не смогу тебе помочь...

Профессор откашлялся. Он ждал ответа, и Ко никак не могла решиться, что ей следует делать. Тогда профессор продолжал:

— Мне плохо одному, я только сегодня понял всю глубину и пустоту моего одиночества. Вероника, приди ко мне, раздели со мной этот дом... завтра мы все сделаем, что надо. Но сегодня мы должны быть рядом, мы должны поддерживать друг друга.

— Поезжай к нему, — сказала директриса. — Мне тоже будет спокойнее.

И темнокожая муха, которая сидела на перилах лоджии, подтвердила:

— Иди к нему. Там надежнее спрятаться до завтра, когда приедет Милодар. Только никому не доверяйте, никому не открывайте. Я прилечу на рассвете.

— Я приеду за тобой, — сказал профессор.

— Ни в коем случае! — возразила Ко. — Я доберусь сама. Еще не так поздно. Мне идти минут десять.

— Тогда возьми напрокат флаер. Они есть на стоянке гостиницы.

— Я довезу тебя, — сказала директриса.

— Спасибо, — сказал профессор. — Теперь слушайте меня внимательно. Для того чтобы одеться и получить флаер, вам понадобится десять минут, — продолжал он. — Еще пять, чтобы добраться до машины. Пять минут я даю вам на полет до моего дома. Значит, ровно через двадцать минут гостиничный флаер должен быть у моих ворот. Я открою дверь, если вас узнаю. Для этого я должен знать, как вы будете одеты. Я хочу узнать вас сразу, как только вы выйдете из флаера.

— Я в том же платье вашей жены, папа, — сказала Ко. — То есть моей мамы.

Директриса укоризненно покачала головой — ее педагогической натуре была отвратительна любая ложь. Кроме той, которую по необходимости произносили собственные уста.

— Какого цвета? — спросил профессор. — У меня не такой большой экран, чтобы быть уверенным в чертах лица. Но платье я должен узнать.

— Посмотрите, платье темно-синее. — Ко протянула к экрану видеофона руку, чтобы профессор получше разглядел рукав платья.

— Синий атлас, — сказал профессор. — Серебряное шитье по воротнику. Теперь вижу. Записал и запомнил. Такое сочетание цветов на марке Суринама в шесть центов, посвященной третьей американской регате. Да?

— Может быть, — согласилась Ко.

— А во что будет одета твоя директриса?

— Я в черном, — коротко ответила госпожа Аалтонен, и голос ее звучал несколько обиженно, словно профессор поставил под сомнение моральные основы ее манеры одеваться. — Скромный белый воротничок. Небольшая черная шляпа, низко надвинутая на лоб.

Ко подумала, что директриса слишком подробно описывает себя, — даже смешно, как пожилые люди иногда серьезно относятся к таким пустякам.

— Черный пенни, — коротко ответил профессор, и почему-то, словно и на самом деле Ко была наследницей дю Куврие, она вспомнила, что так называется первая в мире почтовая марка — «черный пенни», наверное, ее придумали англичане.

— Черный пенни, — повторила директриса, не поняв, что имеет в виду профессор.

— И чтобы не менять одежду! — приказал профессор. — Темно, освещение оставляет желать лучшего, мы не можем ошибаться. Враги не дремлют.

Ко улыбнулась.

— Я совершенно серьезен, — ответил на улыбку профессор, но не удержался и улыбнулся сам. — Теперь я включаю часы, — добавил он. — И через двадцать минут жду вас у ворот моего замка.

Профессор отключился, и дамы принялись приводить себя в порядок. К тому же черная шляпка директрисы куда-то задевалась, и прошло минут пять, прежде чем она обнаружилась в ванной, где, видно, и оставила ее сама хозяйка номера, возвратившись в расстроенных чувствах после разговора с Ко.

Ванесса пожелала удачи и сказала, что пролетит над замком через четверть часа, чтобы проверить, удачно ли произошла встреча с профессором.

Она бесшумно взмыла в воздух и, сверкнув под фонарями витражными крыльями, исчезла среди звезд.

— Ну, вы готовы? — нетерпеливо спросила Ко, видя, как мечется по комнате госпожа Аалтонен в поисках сумочки. Сумочка нашлась, и пришлось снова спешить к зеркалу, чтобы поправить шляпку.

Конечно, Ко могла бы пошутить, что директриса рассчитывает заполучить жениха — не все же воспитанницам выходить замуж, но не посмела — и правильно сделала, потому что госпожа директриса была близка к истерике.

Даже странно было, что визит к профессору, правда, драматически обставленный, настолько выведет ее из себя.

— Пошли, — поторопила ее Ко. — Время на исходе. Нам еще надо взять флаер.

Но судьба и дальше продолжала ставить им палки в колеса.

Когда Ко толкнула дверь из номера, оказалось, что она закрыта. Ко начала толкать дверь, затем стучать в нее — создавалось впечатление, что их заперли.

Госпожа Аалтонен первой догадалась позвонить вниз, к

администратору. Тот сказал, что тут же посылает наверх дежурного, и попросил дам не беспокоиться. Прошло еще минуты три, прежде чем появился дежурный. Он окликнул их из-за двери, у них ли захлопнулась дверь. Ко ответила, что у них. Тогда он вежливо спросил, желают ли господа, чтобы дверь была открыта.

— Желаю, и немедленно! — закричала госпожа Аалтонен.

Тут же щелкнул замок, и дверь отворилась.

За дверью стоял барбосного вида наглый лакей, который был настолько вежлив, что хотелось сразу отхлестать его по щекам, в чем вскоре призналась директриса.

— Заела собачка, — сообщил он. — Надо было приподнять дверь... вот так. Она и открылась бы. Как же вы не догадались?

Они не стали более слушать барбоса и побежали к лифтам.

Лифты проносились мимо, словно некий шалун катался в них с двадцатого до шестого подземного этажа, не желая останавливаться на четвертом. Пришлось бежать по лестнице — но для этого сначала надо было лестницу найти — она оказалась за углом коридора и вывела Ко и Аалтонен в полуподвал, который заканчивается тупиком.

Они взбежали на пролет выше, и, к счастью, оттуда вниз вел широкий парадный пандус для почетных гостей.

На этом пандусе директриса врезалась в какую-то молодежную компанию, потеряла равновесие и, споткнувшись на ступеньке, сломала каблук. Пока она стояла, держа каблук в руке и рассматривая его, словно Гамлет череп Йорика, молодежная компания — видно, туристы из какого-то весьма отсталого уголка Вселенной — начала тянуть Ко с собой, обещая необыкновенный ужин в ресторане. Когда директриса поняла, что Ко увлекает толпа бездельников, она кинулась ей на выручку, а каблук, хоть небольшой, но острый, послужил ей вместо кинжала.

Наконец они вырвались на простор вестибюля, но не сразу сообразили, где находится стойка.

— Что с вами? — поразился их виду портье. — Вам плохо? Вам нужна помощь?

— Нам нужен двухместный флаер напрокат, — заявила директриса.

— А вы проживаете в нашем отеле? — спросил портье, зачарованно глядя на то, как директриса выстукивает нервную дробь по стойке окровавленным острым каблуком.

— Я проживаю в номере шестьдесят, я только что разговаривала с вами, и вы посылали лакея, чтобы выпустить меня из номера...

— Простите, — широко и дружелюбно улыбнулся портье. — Значит, вы разговаривали с бюро поломок и неприятностей. Пожалуйста, перейдите на ту сторону вестибюля и вон там, за колонной, вы найдете это бюро.

— Нам нужен двухместный флаер!

— Я не могу выдать вам флаер, — вежливо ответил портье. — Ваше нервное состояние заставляет меня заподозрить, что вы находитесь в состоянии алкогольного опьянения. Если вы будете так любезны, что пройдете в комнату медицинской сестры, которая мгновенно смерит вам давление и проведет тесты на нервное и наркологическое состояние...

— Бежим отсюда! — возопила Ко. — Мы найдем какой-нибудь флаер на улице.

— Я бы не советовал! — закричал вслед портье.

Но Ко уже бежала к выходу, а директриса хромала следом, размахивая каблуком и сумочкой.

— Стойте! — преследовал их голос портье.

Они уже почти достигли вертящихся дверей, и Ко с ужасом подумала, что сейчас не впишется в эти проклятые двери и они закружат ее, но тут вместо дверей образовался оранжевый шар, который рос, заполняя вестибюль громом и сиянием.

Ко и директрису отбросило назад ударной волной, и они, вместе со всеми, кто был в вестибюле, покатились ворохом осенних листьев ко входу в ресторан.

Когда грохот и сияние смолкли, оглушенная и избитая Ко поднялась и стала искать директрису в крошеве стонущих, кричащих, ревущих людей.

Она угадала ее по черному разорванному платью и желтым, затянутым назад волосам.

— Вы живы? — спросила Ко.

— Мне надо умыться и сделать сидонта, то есть перевязка. Ты проводишь меня в номер?

— Простите, госпожа Аалтонен, — сказала Ко. — К сожалению, мне надо спешить к профессору. Он очень волнуется и ждет нас.

— Он ждал весь вечер, — директриса с трудом выпуталась из чужих рук и ног и с помощью Ко вышла на свободное место. — Он подождет еще.

— Вы оставайтесь, найдите медицинскую сестру, — крикнула Ко. — У вас ничего не сломано?

— Откуда я могу знать? — возмутилась директриса, перекрывая все растущий шум в вестибюле. — Пока меня не обследуют...

Ко видела, что директриса отлично стоит на обеих ногах, в одной руке держит сумочку, а в другой каблук — значит, конечности целы.

— Я вам позвоню! — крикнула Ко и побежала к выходу.

— Ты куда? — крикнула вслед ей директриса. — Я запрещаю!

А может быть, Ко почудился голос госпожи Аалтонен сквозь шум и крики.

Самое трудное было выбраться из гостиницы. Некто, подложивший бомбу в крутящиеся двери, не пожалел взрывчатки, и вход в гостиницу превратился в щель, в которой торчали перепутанные, закрученные листы пластика и арматуры. Возле двери на земле лежала молодая женщина, платье разорвано, грудь в крови. Над ней склонился пожилой мужчина. Он увидел, что мимо пробегает Ко, и крикнул ей:

— Вызовите врача! Неужели вы не понимаете?

— Сейчас будут врачи, — уверенно ответила Ко и начала продираться сквозь прутья и камни к выходу из гостиницы. Она изорвала остатки и без того полусгоревшего платья, и вдруг ее посетила странная мысль: профессор может не узнать ее, если она появится перед замком почти голой и без директрисы.

Издалека донеслись сирены — к гостинице уже приближались машины — пожарники, «Скорая помощь»... Над крышами домов к зданию неслись красные пожарные флаеры.

Где здесь стоянка? Вон там, справа, стоят флаеры и машины. Ко побежала туда.

Первый флаер был заперт, второй — тоже. Неужели так не везет?

Странное жгучее нетерпение, смешанное с ужасом, заставляло Ко, забыв о себе, пытаться открыть машину за машиной... десятая или двенадцатая дверца отъехала в сторону. Ко прыгнула в машину, которая оказалась наземной, и погнала ее, не обращая внимания на знаки ограничения скорости, к дому профессора дю Куврие. Она знала лишь общее направление, а план города на приборном щитке ничего ей не говорил. Но, к счастью, интуиция и небольшие размеры

города ей помогли. Через несколько минут она уже оказалась на знакомой улице, а затем и перед знакомыми воротами.

Ко затормозила у ворот, выскочила из машины — клок подола зацепился за дверцу, синяя ткань маминого платья оказалась на редкость крепкой. Как пойманная за крылышко оса, Ко билась, стараясь освободиться. Наконец, оторвав подол, она кинулась к воротам.

— Профессор! — закричала она, глядя в глазок камеры, стерегущей ворота. — Это я, Вероника!

Металлический забор, окружавший виллу коллекционера, был освещен четырьмя парящими в воздухе прожекторами, которые то поднимались, освещая пространство до дороги, то опускались ниже и светили ярко на ворота и кусты за оградой. Суета этих схожих с воздушными шариками прожекторов придавала вилле праздничный вид. Сюда почти не проникал шум улицы, и лишь вечерняя тишина позволяла услышать на расстоянии вой сирен и звон машин, сбежавшихся к гостинице.

Она толкнула ворота — ворота медленно отворились: к счастью, профессор ждал ее и значительное, может быть, на полчаса, опоздание его не рассердило.

— Я иду... папа, — крикнула Ко и побежала к двери....

Дверь в дом была полуоткрыта. Над ней горел фонарь, прихожая была освещена.

Ко вбежала внутрь. Ноги были как ватные — еще три минуты назад она думала, что опоздала... опоздала к чему? Чего она боялась?

— Профессор, — сказала она, — не сердитесь, что я опоздала и приехала в таком виде, — в гостинице произошел взрыв. Честное слово!

Так как профессор не отозвался и не удосужился выйти из кабинета, Ко почувствовала некоторую обиду.

Она вошла в кабинет.

В кабинете горела только настольная лампа и перед ней — экран, на котором были видны открытые ворота.

— Папа, — позвала профессора Ко.

Тот продолжал сидеть, склонившись над своими марками, будто заснул.

— Папа, — Ко дотронулась до его плеча.

Этого легкого прикосновения оказалось достаточно, чтобы тело профессора потеряло равновесие и повалилось набок... Оно тяжело упало на руку Ко, и от неожиданности де-

вушка отпустила тело — головой вниз профессор рухнул на пол и остался так лежать.

Глаза его были полуоткрыты.

Профессор был мертв.

* * *

Ко ждала этого... конечно же, ждала именно этого, иначе почему она так стремилась сюда, так боялась за старого коллекционера?

— Прости, папа, — произнесла Ко.

Словно, если бы она успела, коллекционер остался бы жив.

Ко никогда в жизни не видела мертвых людей, а тут за несколько дней увидела двух убитых и сама попала в самый центр схватки, суть которой не до конца была ей понятна.

Ко осторожно положила еще теплую голову профессора на пол. Она уже поняла, что профессор убит из пистолета, — черный кружок с оплавленными краями и обожженная кожа посреди лба показывали, куда угодила пуля.

Глупо, но она не знает даже, как вызывают полицию или «Скорую помощь», — а рядом с телефоном нет никакой записной книжки.

Ко стояла возле телефона, глядя на черный экран и рассуждая, как заставить его работать.

И тут она услышала шаги.

Шаги звучали в коридоре, со стороны кухни, она знала этот путь.

Ко обернулась.

Она ожидала увидеть кого угодно — Артура, силачей князя, неизвестных ей бандитов, — только не двух женщин. Одна была полной, высокого роста, в черном длинном платье и черной шляпке. В руке она сжимала небольшую черную сумочку. Единственным инородным пятном смотрелся строгий белый воротничок. На женщине были большие темные очки, и потому, хоть и поняла, что она ей кого-то напоминает, Ко ее сразу не узнала. Вторая женщина была в синем старомодном платье со стоячим воротничком, пышные курчавые черные волосы шапкой поднимались над головой и обрамляли лицо...

Крупная женщина расхохоталась.

Хохотала она резким мужским голосом.

Затем она сорвала шляпку и парик из желтых волос, и Ко узнала господина князя Вольфганга дю Вольфа.

Женщина в синем платье последовала примеру князя и, стащив с себя пышный черный парик, оказалась Артуром дю Гросси. Даже полумрак комнаты, освещенной лишь настольной лампой, не мог скрыть озорного веселого блеска глаз этих ряженых.

— Что такое? — воскликнула Ко в полной растерянности. — Как вы здесь оказались, почему вы так одеты?

Князь хотел было разорвать на груди черное платье, но Артур остановил его:

— Не забывайте, нам с вами еще надо отсюда уйти, и лучше, если нас не увидят.

— Ты прав, мой мальчик, — согласился князь.

— Вы не ответили мне! — потребовала Ко.

— Милая моя женушка, — сказал Артур. — Счастье мое лукавое. Неужели ты не понимаешь, что этот скопидом и хитрец, этот жалкий трус вечером не впустил бы в дом меня с князем? Да он скорее бы удавился. А вот с тобой и госпожой Аалтонен он сговорился.

— А вы откуда знаете? — Ко спросила и поняла сразу, что вопрос ее глупый.

— Мы знали о каждом вашем слове и каждом вашем вздохе, — ответил князь и, задрав юбку, вытащил из кармана брюк длинный мятный леденец. Развернув его, он принялся сосать конфету.

— Перед тем как запустить тебя в номер к этой трусливой курице, — сказал Артур, — мы установили в номере «жучки», а заодно прослушивали телефон...

— Но это же подло!

— Вопрос точки зрения, — сказал князь. — То, что подло для тебя, благородно для нас. Это называется военная хитрость. Вся жизнь — война, и мы с Артуром на войне.

— Вы знали о том, как мы договорились с профессором? — промолвила в ужасе Ко.

— Да, ты можешь считать себя виноватой в смерти своего как будто папы, Ко.

— Как? Как вы меня назвали?

— Не старайся показаться глупее, чем ты есть на самом деле, — произнес князь. — Директриса выдала тебя в первые же минуты вашего разговора. Мы теперь отлично знаем, что ты не Вероника, а Ко. Что ты — жалкая служанка трусливого ко-

миссара Милодара, который даже не решился прислать сюда свою голограмму. Мы ведь знаем все об этом типе.

Артур угодливо смеялся.

Потом сказал:

— А я уж и не знаю, женатый я теперь или нет. Ведь женился я на Веронике, а получил в жены Ко. Может, мне сейчас выяснить разницу?

— Нет, к сожалению, ты опоздал, — сказал князь. — Но не расстраивайся, мой мальчик, мы найдем тебе настоящую Веронику, которая, судя по всем документам, и есть твоя настоящая жена. И может, это и к лучшему — эта Ко уже выпускает когти. Она может оцарапать.

— Да куда ей! — ответил Артур. — Погляди на ее рожу. Непонятно, где она умудрилась так себя изуродовать.

Ко непроизвольно потянулась пальцами к лицу. Стало больно, пальцы были в крови — ее оцарапало во время взрыва в гостинице.

Только не показать, что ты их боишься...

— А зачем вам понадобился этот маскарад? — спросила она.

— Смотри, она еще не потеряла дара речи, — заметил князь. — Но не понимает простой вещи: ведь она уговорилась с профессором, что он откроет ворота для двух женщин — одна толстая, в черном платье, другая молодая — в синем. Значит, если мы имели полную информацию, нам оставалось одолжить у наших сладких девочек на «Сан-Суси» соответствующие платьица и кинуться сюда.

— И отдать приказ, чтобы вас с директрисой пока задержали, — добавил Артур.

— Боюсь, что они перестарались, — мрачно сказала Ко. — Они взорвали половину гостиницы.

— Ну вот! — рассердился князь. — Этого я всегда боюсь, когда имею дело с моими помощниками.

— Тогда нам надо спешить, — сказал Артур.

— Да, ты прав, мой мальчик.

Причмокивая — видно, конфета досталась очень вкусная, — князь критически оглядел Ко.

— Очень грязная и окровавленная. Не в моем вкусе. И Артуру тебя отдать не могу, — вздохнул он. — А то не получится наш замечательный план.

— Какой план? — спросила Ко.

Князь был настроен мирно.

— План получить наследство профессора. Оно так нужно мне! Иначе мне не начать справедливую освободительную войну против моих соседей. Мне нужны миллиарды профессора.

— Как же вы их получите? — не поняла Ко. — Ведь профессор убит!

— Мы получим не из его рук, — мягко сказал князь. — С самого начала в моем гениальном плане получения коллекции профессора дю Куврие предусматривалось уничтожение самого профессора.

— Но зачем?

— Затем, чтобы ты, его дочка, унаследовала законным образом всю коллекцию и все деньги дю Куврие...

— Я вас не понимаю! — воскликнула Ко.

— А на самом деле все просто, — заметил Артур.

Князь согласно кивнул и продолжал:

— Когда мы узнали, что у профессора пропала дочь, мы поняли, что если ее вернем, значит, деньги — наши. Первый блин был комом. Кларенс оказалась всем хороша, но не прошла испытания на генетический тест и сразу раскололась. Пришлось ее... — князь засмеялся, — сделать чучелом! Сама виновата.

Ко молчала. В этом для нее не было ничего нового.

— Тогда мы занялись поисками дочки всерьез, и дальнейшее тебе известно, — продолжал князь. — Мы нашли Веронику, оказалось, что она и на самом деле дочь профессора, и больше того, в директрисе Аалтонен я узнал свою бывшую сладкую девочку. Знаешь, Ко, такие благовоспитанные арфистки легче всего и попадаются в мои ловушки.

Князь совсем развеселился и принялся хрустеть леденцом. За него рассказ завершил Артур. Он говорил быстро и спокойно. Как будто излагал урок.

— Мы знали, что профессор хранит коллекцию в банке. Достать ее даже мы не сможем. Значит, нужно было достать ему не только дочку, но и обеспечить ее связь с ним. Нам повезло, что Вероника была влюблена в физкультурника Артема. Артема мы убрали, заменили на меня. Сначала Вероника сомневалась, но потом мы сыграли свадьбу...

— Уже со мной, — заметила Ко. — Со мной, а не с Вероникой.

— К сожалению, мы не сразу догадались. Хотя это уже не играет роли.

— Почему вы так говорите? — вдруг испугалась Ко.

— Потому что мы — умные люди, а ты, если будешь умной девочкой, должна догадаться. Первый этап нашей игры прошел успешно. Веронику отдали замуж за нашего человека. Второй этап тоже прошел успешно — с помощью Аалтонен мы доказали профессору, что он вернул себе настоящую дочь. После этого ему следовало удочерить собственное дитя. И это прошло удачно. А вот третий этап операции сорвался.

— Хотя мы к этому были готовы, — заметил князь. Он ходил по кабинету, брал в руки различные вещи, быстро крутил в пальцах и либо ставил на место, либо опускал в большой карман, пришитый к платью.

— Пустяков не бывает, — сказал он, перехватив злой взгляд Ко. — А ты здесь только кажешься наследницей.

И он продолжил обыск.

— Я думал, — сказал Артур, — что твой коллекционер пошумит-пошумит, но выгонять тебя из дома не станет. И мы договоримся, за сколько уступим ему собственную дочку. И во сколько ему станет наш с тобой развод. Нам всего не нужно, но нам нужно окупить расходы.

— Вот именно! — сказал князь, и Ко поняла, что они с Артуром опять врут. Не собирались они отпустить профессора на волю. Замужняя дочка должна была стать якорем, который утянет на дно все его богатство. — К сожалению, он проговорился, что утром вызывает адвоката, чтобы отменить удочерение и выгнать тебя из дома. Может, мы и выиграли бы такой процесс. Но он очень дорого стоит. И потребует нескольких лет... Так что нам ничего не оставалось...

— Как убить моего отца, — подсказала Ко.

— Как оказалось — не твоего.

— Вы с директрисой нам помогли. Вы подсказали нам, как надо переодеться, чтобы старый дурак решил, что к нему идут родственницы. Остальное было делом техники, — сказал князь, хрупая очередным леденцом.

— Мы предложили ему добровольно переписать все имущество на дочь, — сказал Артур. — Мы дали ему шанс остаться живым.

— Если он не пожертвовал коллекцию за маленькую дочку, то сегодня это пустой разговор, — сказала Ко.

— Пустой разговор, — согласился князь. — И он закончился смертью профессора.

— Но зачем такая жестокость! — Ко хотелось плакать.

— Потому что мы хотим, чтобы все было по закону, — сказал князь таким голосом, каким говорят с непонятливым ребенком. — Потому что, когда профессор умер, все наследство перешло к его дочери. К тебе.

— Вот вы и провалились! — Ко почувствовала радость, несмотря на то что ей грозила смертельная опасность. — Достаточно проверить мой генетический код, и все узнают, что ты, Артур, женился не на дочери профессора.

— Именно поэтому, — печально сказал князь, — мы должны сегодня же ночью и тебя уничтожить. Ты погибнешь в пожаре, который через несколько минут охватит этот дом. Понимаешь, почему?

— Почему? — тупо повторила Ко.

— Потому что с твоей смертью по закону, понимаешь, по закону вся коллекция переходит к твоему мужу, а моему племяннику.

И Артур на эти слова князя шутовски поклонился, как кланяются в исторических фильмах мушкетеры, елозя перьями шляп по полу.

— Ничего у вас не получится, — воскликнула Ко. — Комиссар Милодар будет здесь уже завтра!

— Мы знаем. Мы слышали, как говорила о том еще одна предательница — черномазая навозная муха! А я поверил, что она меня любит! — Князь был взбешен. — Мы ее раздавили, как клопа.

— Вы ее убили? — Ко знала, что князь опять лжет, но тем не менее испугалась.

— И теперь спешим покончить с вашей семейкой. Пока все пожарные возятся у гостиницы, мы поработаем здесь. — Князь сделал вид, что не услышал вопроса.

— Но вы не успеете...

— Это наше дело, — усмехнулся князь. — С моими связями и напором я проверну дело о наследстве через компьютер завтра утром за полчаса. Когда все опомнятся и примчится твой комиссар Милодар, мы будем в открытом космосе. Никто никогда ничего не докажет.

И князь сказал это так, что Ко ему поверила.

Операция, задуманная еще в прошлом году, в конце концов удалась, как и хотел того князь Вольфганг. И никто ничего не узнает...

* * *

Князь и Артур были взвинчены и, наверное, пьяны. Они подпрыгивали, кривлялись и выглядели комично в длинных платьях и париках.

— Керосин! — вдруг закричал князь. — Неси керосин, племянник!

Ко оглянулась: куда бежать?

— И не надейся! — Князь заметил ее движение. — К сожалению, мы не можем оставить тебя в живых. Ты ведь даже не Вероника. А мы обязаны наследовать... мы так любим собирать марки!

Вбежал Артур. В руке он держал канистру. Даже об этом они позаботились.

— Мы, к сожалению, обязаны осквернить твою божественную красоту, — сказал князь. — Нам нужно, чтобы ваши трупы обгорели так, чтобы их нельзя было оживить. Мы не имеем права рисковать. У нас родственники и обязательства перед державой.

— Князь! — взмолился вновь Артур. — Но, может быть, я все же выполню супружеские обязанности? Быстро-быстро. Мне жаль, что она уйдет на тот свет девицей.

— В этом есть особая чистота, — возразил князь. — А я тебе достану еще десять жен, моложе этой. И нежнее... — и он расхохотался, одновременно пытаясь приказать Артуру, чтобы тот завершил свое черное дело.

— Лить или стрелять? — спросил Артур.

— Лей, а я буду стрелять, — ответил князь.

Он поднял пистолет и неверной рукой направил его на Ко.

Артур принялся разбрызгивать керосин из канистры. Все было просто, противно и плохо пахло. И не могло относиться к Ко. Не могло, и все тут!

Что-то должно было произойти, чтобы прекратить это бесчинство.

Какое-то чудо! Ведь нельзя же, чтобы она погибла...

В коридоре послышались уверенные быстрые шаги.

И в тот момент, когда князь наконец прицелился в Ко, рядом с ней возникла директриса Аалтонен.

Мадам была облачена в обрывки черного платья, волосы ее на правой стороне головы обгорели, а на левой — растрепались, туфля, и то без каблука, сохранилась лишь на одной ноге, зато в руке она сжимала свою черную сумочку.

— Немедленно! — закричала она с порога низким хрип-

лым голосом учительницы. — Немедленно прекратите это безобразие! Как вы только посмели!

— Сладкая моя! — крикнул ей князь. — Отойди с дороги, ты мне мешаешь прицелиться. Ведь ты не хочешь, чтобы твоя неудачливая воспитанница мучилась перед смертью?

— Беги! — приказала госпожа Аалтонен своей воспитаннице голосом, не терпящим возражений. — Сейчас же, хэти!

И Ко, как оловянный солдатик, как собачонка, которой велят бежать от злого пса, кинулась из комнаты... Князь принялся стрелять ей вслед.

Ко мчалась по коридору, затем выбежала на крыльцо и помчалась к воротам.

— Стой! — крикнул князь. Она слышала его голос. — Стой, стреляю!

Она услышала выстрелы, и что-то страшной болью ударило и обожгло плечо.

Она потеряла равновесие, ее развернуло, она сбилась с шага и даже смогла, сама того не желая, увидеть то, что происходит за ее спиной, — там на крыльце стоял князь и намеревался следующим выстрелом добить Ко.

Ко нагнулась и кинулась в сторону.

Мимо нее промчалась синяя молния выстрела.

И тут нечто темное, жужжащее и непонятное обрушилось на князя с неба, притом так неожиданно, что он потерял равновесие, сбил с ног выбежавшего на крыльцо Артура и свалился по ступенькам вниз.

Ко поняла, что в ее распоряжении секунда, вернее — доли секунды. И, пригибаясь, она успела миновать ворота, прежде чем снова раздались выстрелы.

И тут она замерла — в лицо ударил яркий прожектор, и ей показалось, что все погибло. Она сжалась, метнулась к стене, и голос с неба, властный голос, который может принадлежать лишь полицейскому, прижал ее к месту:

— Всем стоять на месте! Никто не сопротивляется! Бросить оружие! Вы окружены, и сопротивление бесполезно!

И когда Ко окончательно поверила, что это полиция, она кинулась прямо в сверкающий глаз прожектора с криком:

— Скорее! Там госпожа Аалтонен! Скорее спасите ее!

Ко поняла, что ноги ее не держат, и опустилась на землю. Доктор-муха спустилась рядом с ней, прикрыла ее своими добрыми хрустящими крыльями и велела проглотить какую-то пилюлю. И притом успела шепнуть:

— Здорово я его сбила? Я давно мечтала отомстить ему за все!

— Ой, это были вы!

— Да, — сказал комиссар Милодар, возникая рядом. Он был окружен голубоватым сиянием, и Ко закономерно предположила, что это еще не комиссар, а лишь его голограмма добралась до Марса. — Эта скромная представительница нетрадиционной медицины общим весом шестнадцать килограммов, включая одежду, умудрилась сшибить с ног и оглушить двух мужчин общим весом двести шесть килограммов. Я отправляю эти данные в Книгу рекордов Гиннесса.

— Где директриса? — спросила Ко. — Она прибежала, а то бы я погибла...

— Видишь, ты сама признаешь, что дважды должна была погибнуть.

— Госпожа Аалтонен не виновата. Она расплачивалась за свои давнишние ошибки, — взмолилась Ко, уловив в голосе комиссара осуждение.

— Вот видишь, — сказал комиссар. — Лучше не делать ошибок с самого начала. Обернись.

Ко обернулась. Сквозь крышу вырвалось желтое пламя.

Пожарные вертолеты кружили над домом коллекционера, поливая его пеной.

Санитары вынесли носилки, на которых лежала директриса. Она была бездыханной.

Реанимобиль уже ждал ее.

— Что с ней будет? — спросила Ко.

— К счастью, мозг директрисы не поврежден, — сказал комиссар. — Мы сможем ее оживить.

— Пожалуйста, дайте ей молодое тело, — попросила Ко.

— Специально для того, чтобы сделать тебе приятное, — сказал комиссар, — я уже отдал такое распоряжение. Но не исключено, что она предпочтет свое собственное, немножко отремонтированное.

Милодар расхохотался, и князь, которого проводили в то время рядом, сплюнул на землю, чтобы выказать свое презрение.

— К сожалению, — сказал Милодар, — этот негодяй пользуется дипломатическим иммунитетом.

— Неужели ничего нельзя сделать?

— Подожди до завтра, подумаем...

За князем полицейские вели Артура. У того на руках блестели наручники.

— Вероника! — возопил Артур. — Ко! Ты жена мне! Ты обязана взять меня на поруки.

Ко отвернулась. Он был ей противен.

* * *

Темнокожая муха Ванесса, к счастью, живая и здоровая, дала Ко десятичасовое снотворное. И потому Ко проспала в госпитале, в отдельной палате, десять часов.

Когда она проснулась, то чувствовала себя отдохнувшей и бодрой.

Голограмма комиссара Милодара была первой посетительницей.

Милодар осторожно уселся на стул и сказал:

— Я принес тебе газету. Будешь читать или рассказать вкратце?

— Вкратце! — улыбнулась Ко. Комиссар был похож на сатира — кудри его туго завивались, лицо было темно-смуглым, глаза — светлыми и хулиганистыми. Никогда не дашь ему пятидесяти лет.

— Как обнаружилось, вчера в государстве, которое так тщательно готовил к роли мирового завоевателя князь Вольфганг дю Вольф, произошел переворот. Князь свергнут с престола и объявлен обычным уголовным преступником. Галактический центр признал новое законное правительство и, обнаружив на территории Марса господина дю Вольфа и ряд уголовных элементов, сопровождавших его, посадил его в тюрьму, конфисковав корабль «Сан-Суси», а от себя добавлю — и невероятные запасы сладостей.

— А как коллекционер? Как профессор? — спросила Ко.

— Его не успели спасти. Он погиб.

— Жалко. Он погиб из-за меня.

— Я знаю. Но погиб он не из-за тебя, а от своей собственной неосторожности. Он открыл двери двум мерзавцам.

— Одетым, как я с директрисой.

— Ко, не спорь, — ответил комиссар. — Надо было лучше смотреть. Князь и Артур вовсе не похожи на тебя и директрису.

— Мы видим, что хотим, — заметила Ко, которая за эти

дни стала куда старше и даже умнее. — Ведь Артур увидел во мне Веронику.

— Тем более надо быть осторожными. Как вы с директрисой могли допустить, что ваш номер не прослушивается?

Ко промолчала. Комиссар был прав.

— А что касается госпожи Аалтонен, то решено не принимать против нее судебных действий, так как она оказалась жертвой шантажа. Но она сама, придя в себя, подала в отставку с поста директора Детского острова. И отставка была принята. Мы можем простить госпожу Аалтонен, но вряд ли можем доверить ей надзор над непредсказуемыми детьми. Правда, Ко? Кора?

— Правда.

— И она решила оставить себе старое тело.

— Наверное, она права.

— Какие еще вопросы, Кора?

— Почему вы называете меня Корой, комиссар? Меня зовут Ко.

— Ты ошибаешься. А я всегда держу слово.

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что тебя зовут Кора, фамилия твоя — Орват. Родом ты из поляков, которых еще в девятнадцатом веке выслали под Вологду в ссылку. Родилась ты в небольшой деревне под городом Великий Гусляр. В той деревне и сейчас живет твоя родная бабушка Анастасия Тадеушевна Орват. К которой ты и отправишься на отдых, как только кончишь давать показания по твоему первому делу и врачи тебя отпустят на волю.

— А где мои родители? Папа и мама?

— Оба они — геологи. Твоя мама Алина Удалова, родом из Великого Гусляра. Отец — Максим Орват. Оба пропали без вести в экспедиции, подробности которой уточняются. Твоя мать сдуру взяла малышку в экспедицию.

— Что с ними произошло? Где они? Я хочу их найти.

— Не спеши. Искать их буду я. И в конце концов найду. Потому что моя прямая обязанность — заботиться о моих полевых агентах.

— Это кто еще — ваш полевой агент? — насторожилась Кора.

— Ты, моя крошка. Ты будущий полевой агент ИнтерГпола и уже прошла первые испытания.

— А если я не захочу?

— Захочешь, — уверенно ответил комиссар. — Я уже знаю про тебя больше, чем ты сама о себе знаешь. И знаю, что в глубине души ты создана для того, чтобы стать агентом ИнтерГпола и вести жизнь, полную риска и приключений. И если ты заглянешь себе в душу, ты поймешь, насколько я прав.

— Я не знаю...

— Тогда вспомни последние дни. Вспомни, как тебе было интересно распутать дело о Веронике и коллекционере дю Куврие.

— Интересно, интересно, интересно! — призналась Кора. — Значит, мне можно не возвращаться на Детский остров?

— Ты полетишь к бабушке Насте. Бабушка уже предупреждена о твоем существовании и печет пироги к твоему прилету. Она счастлива.

— О, я тоже! Спасибо! — И Кора, забывшись, вскочила и обняла комиссара, но ее руки прошли сквозь его бесплотное тело.

— Не хватай меня за печенку, — сказал комиссар, — мне щекотно. Поскорее принимайся за отчет и анализы. Скоро прилетает твоя подруга Вероника, и ты должна будешь ей все объяснить и помочь стать самой богатой невестой Галактики. Ты ведь последней видела ее отца...

— А потом?

— Отдохнув, возьмешь курс на Москву. Пора поступать в Университет.

— А вы же сами сказали, что я буду агентом.

— Для того чтобы стать агентом ИнтерГпола, моя девочка, ты должна учиться, учиться и еще раз учиться. Поняла?

Кора хотела возразить, но комиссар растворился в воздухе. Даже улыбки его не осталось.

— Мою маму зовут Алиной, — сказала Кора вслух, — а папу — Максимом. И я их найду.

Она подошла к открытому окну.

На Марсе стоял яркий солнечный день. Совсем близко, снижаясь, пролетела темнокожая муха и, приложив тонкую лапку к тонкому рту, послала Коре воздушный поцелуй.

НА ПОЛПУТИ С ОБРЫВА

Кора и Вероника были центром компании. Другие девушки там не прижились, если не считать Кломдидиди, покрытой тонкой короткой зеленой шерстью, нежной и робкой подруги охотника Гранта. Почему они прибились к компании, никто не понимал, а сам Грант объяснял одним словом: «Стая».

Кора и Вероника были похожи почти как близнецы, только Вероника — брюнетка, а Кора — светло-русая, хоть и с темными бровями. А глаза у подруг были одинаково синими.

Кора привезла с собой черный парик, а Вероника — русый. Когда было выгодно, они пользовались париками, то становясь неразличимыми, то заменяя одна другую на роковых встречах или просто свиданиях. Результаты бывали непредсказуемыми.

Но лето выдалось веселым и настроение под стать ему.

Сессию подруги сдали удачно, романы и переживания оказались в прошлом, здоровье и красоту у них никто не мог бы отнять, судьбы человечества их не интересовали. Пускай человечество само разбирается со своими судьбами.

Еще в мае, сдав историю искусств, они решили, что улетят в Крым, в Ялту или Коктебель и ровно месяц будут сладко бездельничать, по возможности не отходя от моря.

И никто им не будет нужен, ни один мужчина, ни один мальчишка, ни один тридцатилетний старикашка. Истинным валькириям нужна тишина и свобода.

Тишина и свобода, которыми девушки пользовались первые три дня, на четвертый день им страшно надоели. За свободу приходилось отчаянно бороться, а тишина давила на уши.

Девушки пожертвовали тишиной и свободой, получив

взамен королевские привилегии в небольшом изысканном обществе, которым себя окружили.

Общество состояло из двух поэтов, живших в палатке у скалы Дева, композитора-песенника Миши Гофмана, инженера-авиатора по имени Всеволод и охотника Гранта в сопровождении хрупкой возлюбленной Кломдидиди, покрытой зеленой шерстью. Гофман присоединился последним, он был толстеньким, рыжим, зеленоглазым, с проблемами в личной жизни.

Члены компании жили в разных концах мирного, сонного Симеиза и встречались после завтрака на узком, заваленном каменными глыбами, но тем не менее уютном пляже, в конце которого сахарной головой возвышалась скала Дева, куда можно было подняться по бесконечной лестнице, круто выбитой в камне, а местами нависающей над пропастью.

В зависимости от настроения или каприза длинноногих повелительниц Симеиза пребывание на пляже могло быть заменено морской прогулкой в Алупку, поездкой за кумысом, походом за грибами или даже этюдами. Правда, на этюды ходили лишь дважды, когда был шторм на море, а хотелось показать спутникам и поклонникам, что современная женщина представляет не только физическую ценность. Обе красавицы были надеждой русской архитектуры и не намеревались это таить.

Июль выдался непостоянным, капризным, порой набегали облака, и весь день моросил теплый ленивый дождик, порой поднимался бурный ветер и зеленые, почти горячие волны накатывались на камни пляжа, порой вдруг устанавливалась ангельская погода, когда температура воздуха поднималась до библейских высот и даже ночью хотелось нырнуть в родничок, что журчал в скалах над повисшим на крутом склоне домом дамы Тамары Ивановны, которая сдавала подругам домик в вишневых зарослях.

Но в день, когда начинается это повествование, было умеренно жарко и умеренно ветрено. Так что даже можно было поиграть в нижнем парке в волейбол и потом охладить в море разгоряченные тела.

Кора уговаривала залезть в воду зелененькую возлюбленную охотника Гранта, но та, как смогла, объяснила Коре, что вчера видела в воде медузу, которая показалась ей невероятно страшным и отвратительным зверем. У возлюбленной был

широкий вздернутый носик, большой губастый рот и желтые глаза. Шерстка на лице была нежной, как пушок, но на спине и руках становилась гуще и длинней. Ее было приятно гладить. Кломдидиди начинала по-кошачьи мурлыкать, нежась от такой ласки, а охотник Грант говорил:

— Хватит, хватит, вы мне ее совсем избалуете!

Он был длинным, сутулым, жилистым мужчиной, на лице и на плечах розовели проплешины молодой кожи после недавних ожогов. Грант говорил, что попал в лесной пожар. Может быть... но девушкам хотелось представлять себе более драматическую причину ожогов, например, след дыхания дракона.

Инженер-авиатор Всеволод Той сидел на плоском камне у воды, опустив босые ноги, и когда волна, подкатившись, гладила их пеной, блаженно улыбался, как кот. Вообще-то он был крепким человеком с покатыми тяжелыми плечами и мускулистыми ногами. Его лицо не соответствовало могучему телу — редкие брови были нарисованы природой слишком высоко над глазами, отчего он казался растерянным. Хотя был вполне в себе уверен.

Инженер читал большую старинную книгу, которую заказал вчера в ялтинской библиотеке.

В Ялте и иных городках по побережью жило немало пенсионеров, сохранивших сентиментальную склонность к книгам. Может быть, такой пенсионер всю свою жизнь провел у дисплея и читал только с экрана, но, приехав в тихую обитель, он заказывая в библиотеке копии старых книг и гулял по набережной с настоящей книгой под мышкой.

Вот и инженер, хоть не был еще пенсионером, но приближался к роковому, с точки зрения девушек, тридцатилетнему возрасту, заказал в библиотеке копию труда издания 1889 года «Археологические загадки Крыма», принадлежавшего перу господина Сладковского.

— Ах, — произносил инженер, ознакомившись с очередной загадкой, — вы не представляете!

Возглас этот ни к кому не обращался, потому что в такую погоду никому и дела не было до древних крымских загадок.

Сам Всеволод занимался изобретением и конструированием самых маленьких летательных аппаратов, тех, что могли подняться в воздух с помощью мускульной силы человека. Это были махолеты, птицелеты и подобные им хрупкие, как

правило, сооружения стрекозиного вида. Инженер пообещал в ближайшие дни показать в действии свой новый аппарат, но ждал, пока его перешлют в сложенном виде из Коктебеля.

Так что пока он сидел у моря, касался пальцами ног теплых волн и читал тоскливую, с точки зрения спутников, книгу.

Поэтов звали Карик и Валик. Наверное, когда-то было кино или стихи про Карика и Валика, только первоисточник забылся, а аналогии остались. Поэты были худосочны, коротко острижены по моде, ходили в длинных полосатых шортах, именовали друг друга милостивыми государями и настолько были заняты собственными переживаниями и собственным творчеством, что опасности для дам даже в темное время суток не представляли.

Главную опасность для девиц представлял композитор-песенник Миша Гофман, который не столько сочинял новые песни, как напевал всем свои старые, с его точки зрения, известные и любимые произведения. Он был невероятной подвижности, толстым, рыжим и с рыжими веснушками. И ручки у него были короткие и загорелые, а пальчики совсем маленькие, но очень шустрые, и казалось, что ручек, а тем более пальчиков у него несколько десятков, потому что стоило скинуть с плеча или коленки одну ручку, на ее месте появлялось еще штук пять, и все цепкие. Притом композитор тонко хохотал. Миша был старым, даже старше тридцати. Но его держали в компании, потому что он был очень свойским, знал массу веселых историй, со всеми был знаком и мог провести в ресторан или на концерт даже тогда, когда там не было ни одного свободного места.

— Любопытно, — сказал Всеволод, утыкая палец в страницу книги. — Здесь рассказывается о наших местах.

— Почитай вслух, — попросила Вероника, которой инженер очень нравился, потому что был суров, задумчив и очень умен. К тому же у него была красивая фигура и он мог заплывать за горизонт. Вероника дождаться не могла, когда он наконец начнет испытывать свой махолет, и заручилась его обещанием дать ей попробовать подняться в небо.

— Ты уже готова в него влюбиться, — с осуждением предупредила ее Кора прошлым вечером.

— Тебе он не нравится?

— Мне он нравится.

— Больше, чем надо?

— Вероника, мы же хотели провести месяц без личных переживаний! — возмутилась Кора. — Я знаю, чем это кончится через три дня. Окажется, что он недостаточно в тебя влюблен, посмотрел не тем взглядом на нудистку на соседнем пляже, читает, когда тебе хочется с ним обниматься, вообще женат и любит своих детей.

— Он женат? — в ужасе спросила Вероника, которая только эти слова и выловила из краткого монолога подруги.

— Он не женат, но это не меняет дела, потому что ты отыщешь другой повод пострадать.

— Зачем же мне страдать, если он не женат? — удивилась Вероника. Это означало, что она уже начала влюбляться в инженера-авиатора и скоро их мирной жизни подойдет конец. Композитор-песенник вызовет инженера на дуэль, кто-нибудь из поэтов покончит с собой, охотник Грант утопит свою зеленую возлюбленную, и начнутся иные катаклизмы.

Ничего не подозревавший инженер, которому, как казалось Коре, куда больше нравилась она, нежели ее подруга, начал читать вслух, чуть повышая голос, когда волна набегала на берег и, шурша по гальке, уползала обратно.

— ...Некогда, — читал он, — скала Дева имела иную форму, нежели сегодня, и представляла собой завершение каменного гребня, берущего начало у нынешней нижней дороги. Там, где гребень скалы вливался в материк, располагалась прибрежная крепость, построенная еще до появления здесь древних греков дикими племенами тавров, обитавших на побережье Крыма. Крепость эта хоть и отличалась небольшими размерами и может именоваться скорее форпостом или наблюдательным пунктом, играла немалую роль в обороне полуострова...

Кора подняла голову, мысленно проводя линию от вершины скалы Дева в сторону берега. Инженер Всеволод, словно угадав ее мысли, заложил пальцем страницу и произнес:

— Это недалеко отсюда, надо будет обязательно сходить и посмотреть, что от нее осталось.

Далеко не все подданные королевства Вероники и Коры были покорными и заинтересованными слушателями Всеволода. Миша Гофман гулял довольно далеко, разыскивая в гальке выброшенные ночным штормом прозрачные камешки. Поэты, хоть и сидели рядом, играли в шахматы и вряд ли прислушивались, охотник Грант стоял у самой воды и вгля-

дывался в горизонт. Покрытая шерстью Кломдидиди сидела у его ног, обняв руками шерстяные коленки, и тоже вглядывалась в горизонт. Вероника дремала у ног Коры, подставив спину солнцу и накрыв голову бумажной шляпой. И неясно было, слушает ли она чтение или мысленно целуется с чтецом.

— Продолжайте, — милостиво повелела Кора, и инженер послушно в путь побег.

— Из этой крепости стражи видели первые греческие корабли, что медленно плыли на север, к таинственным гипербореям, всматривались в потрепанный парус «Арго», на котором прекрасная Медея убила своего брата...

Вероника услышала последнюю фразу и спросила:

— Зачем она убила своего брата?

Инженер смешался, но охотник Грант неожиданно откликнулся:

— Чтобы папа не догнал ее драгоценного Ясона.

Все удовлетворились пояснением Гранта, и инженер продолжал чтение:

— Форпост заглох в период упадка Боспорского царства, но был восстановлен крымскими готами. С этой крепостью связана малоизвестная крымская легенда, берущая начало еще в Средние века. В ней говорится о том, как прекрасная дочь местного царька долгие месяцы ждала своего суженого, отправившегося за море добывать воинскую славу. И вот его корабль появился на горизонте. Не в силах более ждать, принцесса разбежалась и кинулась с головокружительного обрыва в море, но не разбилась, а превратилась в белую чайку.

На этом легенда закончилась, и было непонятно, что же случилось дальше.

— Наверное, этот самый жених, — сказала Вероника, садясь, — погиб. Она потому и прыгнула.

— Аналогия со смертью царя Эгея, именем которого названо Эгейское море, — сообщил охотник Грант. Все обернулись к нему, ожидая разъяснений. По молчанию Грант догадался, чего от него ожидают, и продолжал: — Его сын Тесей плавал на Крит и убил там Минотавра. Помните про нить Ариадны?

Все согласно закивали, даже зеленая Кломдидиди, которая наверняка не знала о нити Ариадны.

— У них была договоренность, — сказал охотник, — если

операция удалась, то корабль Тесея поднимет белый парус, а если Минотавр забодает Тесея, то парус должен быть черным! На радостях молодежь, которая плыла с Тесеем, перепутала паруса, а может, и вовсе забыла о договоре — папа увидел с высокого берега черный парус и кинулся с обрыва.

— Ты думаешь, что у того жениха тоже был черный парус? — спросила Вероника.

Охотник не ответил. Но Вероника завершила свою мысль так:

— Не исключено, что в словах Гранта есть доля здравого смысла. Иначе зачем здоровой молодой девушке бросаться со скалы?

Вероника была отстающей студенткой и не ладила с литературой, но любила говорить изысканно и учено.

Инженер Всеволод с долей иронии поглядывал на хорошенькую синеглазую брюнетку, и та, перехватив его взгляд, зарделась. Ее тонкая белая кожа легко покрывалась румянцем — загореть же она еще не успела, да к тому же такая кожа плохо поддается загару.

— Вы что-то хотели сказать? — спросила она.

— Нет, — коротко ответил инженер и вновь углубился в чтение.

* * *

После обеда, который вкушали все вместе в молочном кафе над пристанью, они отправились на площадку за скалой Дева, где должны были находиться остатки форпоста или крепости, откуда кидалась в воду, превращаясь в птицу, несчастная девица. Подъем был пологим, незаметным, жару разгонял легкий ветер, который скатывался с гор, донося тонкие пронзительные переклики скалолазов, которые тренировались на обрывах.

Вероника отстала и потянула за собой Кору. И хоть мужчины приостановились, ожидая их, Вероника замахала им: идите, мол, дальше, вы нам не нужны. Кора подумала, как они сильно изменились с Вероникой с той поры, как обе жили в приюте для галактических найденышей на Детском острове. Теперь Вероника стала...

Кора не успела додумать, кем стала Вероника, потому что Вероника сама заговорила именно на эту тему.

— Как ты думаешь, — спросила она подругу, упершись ей в лицо синими глазами, — тебе не трудно будет, так, между прочим, в разговоре, сказать ему, что у меня есть дворец в Люксембурге? Так, между прочим...

— Влюбляешься? — спросила Кора.

— Хочу, чтобы он ответил мне взаимностью, прежде чем ты его соблазнишь, — ответила подруга. — Я боюсь, что он меня не принимает всерьез.

— И ты решила, что если он узнает, что ты — первая невеста Марса, он сразу в тебя влюбится?

— Любовь — это чувство, — разъяснила Вероника, — и его не купишь. Я это проходила. Но удивить мужчину богатством можно.

— Удиви композитора Мишу, он любит дворцы в Люксембурге, — посоветовала Кора. — Со Всеволодом этот номер не пройдет, поверь моему жизненному опыту.

— Он у нас одинаковый, — заявила Вероника.

От основной дороги оторвалась тропинка, которая повела между скал, поросших дикой вишней и акацией, налево, к обрыву над морем.

— Мы правильно идем? — спросил рыжий композитор, который ненавидел пешие прогулки.

— Должно быть близко, — ответил поэт Карик, державший в руке планшет с наклеенной на него схемой из путеводителя. Конечно же, можно было искать крепость более цивилизованными методами, но если ты романтик, то не будешь вызывать летающий глаз из ялтинского информатория.

В кустах жужжали пчелы, шмель вылетел подобно пуле навстречу Веронике, она кинулась на шею инженеру Всеволоду, но промахнулась. Кора оценила элегантную ловкость, с которой инженер произвел этот маневр и удержал девицу на вытянутой руке.

— Он очень грубый, — сказала Вероника, приблизившись снова к Коре. — Погляди, какие обезьяньи губы. И ноздри как у лошади. Мне кажется, что он по ночам страшно храпит.

Тропинка вывела их на обрыв — никакого форпоста не оказалось. Были лишь кусты, которые расступились, обнаружив старую железную скамейку, на которой сидела старушка и вязала. Правда, вид оттуда открывался изумительный: море поднималось до уровня глаз, но начиналось в невероятной глубине под ногами. Оно меняло цвет от серо-синего до се-

ребряного и на горизонте сливалось с таким же серебряным небом. По этой почти невидимой границе полз прогулочный пароходик.

Компания стала бурно изъявлять разочарование тем, что никакого форпоста они не обнаружили. Претензии обращены были к инженеру Всеволоду, и громче всех их высказывала разочарованная в нем Вероника. Кора вздохнула: по многолетнему опыту дружбы с Вероникой она знала, что такое шумное и резкое неприятие мужчины означает, что Вероника в него уже втюрилась.

— Вы ищете Птичью крепость? — спросила бабушка в черном платье, отрываясь от вязания. — Давайте я вам ее покажу.

Она легко поднялась с лавочки, и никто ее не останавливал, не возражал.

— Я — местный мельник, — сообщила бабушка. — Мои предки жили в Феодосии. Теперь я на пенсии и работаю наблюдателем за птицами. Отсюда удобно наблюдать за птицами.

Бабушка показала на оставленный на скамейке прибор.

— Я фиксирую полеты членов птичьих семей, — сказала она. — Меня интересуют сухопутные хищники. Морскими птицами занимается мой коллега капитан Громобой. Во-он там.

Она показала вниз, и все увидели маленькую шлюпку — как соринку в глазу моря.

— Капитан фиксирует чаек и бакланов.

— А они вас знают? — спросил охотник Грант.

Кора увидела, как сжался его кулак. Охотник ничего не мог с собой поделать — ему хотелось стрелять в птиц. Еще вчера композитор Миша сплетничал, что охотник Грант в порыве страсти перебил всех родственников своей Кломдидиди и, только когда она прибежала их оплакивать, догадался, что уничтожил целое разумное племя. И его любовь к зеленой девушке была вызвана раскаянием и надеждой, что она родит от него новое поколение своих единоплеменников и таким образом он хоть в малой степени загладит экологическое преступление.

Бабушка провела примолкшую почему-то компанию назад по тропинке и показала узкий проход между пышными кустами акации. И когда они миновали этот проход, то оказались в узком коридоре, образованном стенами, сложенны-

ми из грубо отесанных каменных плит, — оказалось, что это ворота в Птичью крепость.

Сама крепость была не похожа на крепость — это была пыльная каменная площадка размером с трехкомнатную квартиру, с разрушенными лентами каменных фундаментов. Со стороны, обращенной к морю, сохранился угол стены по грудь человеку и перед ним — неглубокая яма, из которой косо торчали две каменные плиты. Вот, пожалуй, и все.

Старушка словно почувствовала вину за ничтожество таинственной крепости, стала быстро говорить, что в окрестных кустах можно отыскать еще плиты, потому что сама крепость была куда больше размером, и еще в начале двадцатого века сохранялся нижний этаж одной из двух ее башен. Но никто не хотел лезть в кусты в поисках плит и башен, все сгрудились в углу крепости, глядя на небо и море, а бабушка все еще продолжала оправдывать крепость, сообщила, что с ней связано несколько легенд, которые как одна свидетельствуют об исчезновении людей.

— Знаем, — сказала Вероника, не сводя пристального взгляда с инженера Всеволода, — про княжну Ярославну на городской стене в Путивле, которая ждала князя Игоря, не дождалась, прыгнула вниз и улетела в виде вороны.

— Очень похоже на фольклор, — улыбнулась старушка, — к тому же это говорит о вашей начитанности.

— А что? — насторожилась Вероника, которая всегда боялась, что ее малое знание русской литературы будет поставлено кем-то под сомнение.

— Я могу привести еще два или три случая такого рода. Впрочем, они описаны в книге, которую ваш друг так осторожно держит под мышкой. Вы ее в Ялте заказывали?

— Да, — сказал инженер.

— Очень неплохая книга. В то время, когда Сладковский ее писал, здесь жило множество племен и народов, и каждый имел свои легенды. Все они переплетались одна с другой, и многие имели корни в действительности. Как легенда о капитане Покревском.

— А что это такое? — спросила Кора.

— Эта история случилась здесь поздней осенью 1920 года, когда красные взяли штурмом перекопские укрепления и устремились к морю. Здесь, в Крыму, скопилась большая армия белых, множество гражданских лиц... и вот по мере того,

как красные двигались на юг, положение в Крыму становилось все более отчаянным...

— Следовало заключить мир, — сказал поэт Валик. — Как Алая и Белая розы.

— Обе стороны в той войне так ненавидели друг друга, что о мире и речи быть не могло до полной победы одних или других.

— И кто победил? — спросил Карик.

— Красные, красные, — быстро сказал композитор Миша. — И правили этой страной много лет.

— Конечно же, — сказала Вероника. — И что же здесь случилось?

— Отряд Махно гнался за эскадроном капитана Покревского от самого Бахчисарая. Капитан доскакал до этой крепости, и вот здесь, где мы стоим, его настигли. Тогда он направил своего коня через парапет — вон туда, в море! Конь послушно совершил гигантский прыжок. И этот прыжок был виден многим... Капитан прыгнул, но не долетел до моря. Его конь разбился о камни... но без всадника.

— Он превратился в чайку, — сообщила Вероника. — Как та принцесса.

Вероника попыталась засмеяться, но ее никто не поддержал.

— Я пошла, — сказала бабушка. — И если вы не верите моему рассказу, то можете заглянуть в большой труд «Были и легенды Крыма». Ее написал Муслимов. Она есть в любой библиотеке. Там приводится легенда о капитане Покревском.

— Все же легенда! — торжествующе заявила Вероника, как будто одержала победу над невидимым противником.

Старушка пожала плечами и покинула компанию: она спешила фиксировать повадки местных орлов и соколов.

Остальные некоторое время стояли на месте бывшей крепости, а потом решили возвратиться к морю. Чтобы еще раз выкупаться перед ужином.

Так и сделали.

* * *

Кора встретила бабушку, наблюдательницу за хищными птицами, тем же вечером, возле танцевальной эстрады. Туда, в парк, стягивались жители и отдыхающие Симеиза от мала до велика, независимо от того, умели ли они танцевать либо

их просто тянуло к людям, когда воздух становился синим и густым от гудения цикад, горизонт исчезал, съеденный темнотой, и мир съеживался до пределов ближайших фонарей.

Старушка сидела на скамеечке возле эстрады, наслаждалась легкой музыкой и не спеша обсасывала пышный ком мороженого, норовивший стечь по вафле конического стаканчика.

— Простите, — Кора присела рядом с ней. — Но, может быть, тот капитан упал в кусты у моря — там осыпь и кустарник.

— Ваша трезвая хорошенькая головка не хочет мириться с легендами, — засмеялась старушка. — Я также была к ним скептически настроена. Тогда еще я отыскала сына одного из тех, кто гнался за капитаном. И легенда получила для меня неожиданное воплощение в виде старого горбатого пенсионера; он тысячу раз слышал эту историю от своего отца. Оказывается, когда этот капитан прыгнул на своем коне с обрыва, этот безумный поступок видели рыбаки, что скучали в лодках в бухте. Неподалеку от берега в тот момент проходил авизо — то есть посыльный корабль из Севастополя. И с борта этого корабля также был виден самоубийственный акт белогвардейца. Кстати, он был описан в севастопольской газете «Голос Тавриды» и в «Симферопольских новостях». И все в один голос утверждают, что до моря капитан не долетел и на камни у берега не падал. Десятки людей видели, как он буквально растворился в воздухе. Одно мгновение — он летит... Следующее — воздух пуст! Представляете?

— Нет, — призналась Кора, — не представляю.

— Единственное разумное объяснение, — сказала бабушка, хрустя стаканчиком, — это превращение Покревского в птицу. В орла.

Кора поняла, что бабушка предпочитает верить в легенду. Что ж, ее дело. Надо уважать или по крайней мере не высмеивать старческие причуды.

— Вы хорошая девочка, — сказала старуха. — Другая на вашем месте не удержалась бы от издевки.

— Мне уже приходилось видеть разные чудеса, — сказала Кора. — Это я только кажусь молодой. На самом деле внутри я старше вас.

— Чудесно сказано! — обрадовалась бабушка. — И сколько же тебе лет, моя старушка?

— Мне скоро будет двадцать. А моей подруге Веронике уже исполнилось.

— Вы студентки?

— Да, мы учимся в Суриковском институте. Это был такой древний живописец, хотя как художника я его не признаю.

— Я слышала о нем, — согласилась бабушка. — Он хороший колорист.

— Он никуда не годный колорист, — возразила Кора, — потому что подчинял художественные задачи задачам социальным, а это смерть для искусства.

— И Вероника учится с тобой?

— А где же еще? — удивилась Кора. — Мы с ней вместе жили в детском доме и вместе оттуда вырвались...

— Разве в наши дни есть детские дома?

— Для галактических найденышей.

— Ах, помню! Я где-то читала об этом. И кажется, одна из воспитанниц стала наследницей какого-то сказочного состояния.

— К сожалению, не я, — ответила Кора. — Но к счастью — Вероника. Ее папа был самым крупным филателистом в Солнечной системе. Он погиб, а Вероника живет теперь на проценты с коллекции. Но ведь скучно просто так сидеть. Поэтому она решила стать самой обыкновенной.

— Правильно, — согласилась старушка. — Вот я по происхождению, например, из семьи Романовых. И прихожусь правнучкой последнему претенденту на престол. То есть я живая носительница романовских генов.

— Так займите престол! Никто не будет возражать!

— Будут, — сказала бабушка. — Завистники всегда найдутся. К тому же престол стоит в Петербурге, а мне больше нравится крымский климат.

Бравый моряк из местных, возможно, из севастопольского флота-музея, пригласил Кору танцевать и принялся не в такт рассказывать ей о том, насколько она красива. Кора попросила его говорить комплименты в такт, но у морехода не нашлось музыкального слуха.

Когда она вернулась к скамейке, наследница престола уже ушла, и Кора, оказалось, не знала ее имени. А ведь наследниц престола следует именовать по имени-отчеству.

Потом Кора отыскала инженера Всеволода. При свете фо-

нарей его лицо казалось более суровым, чем днем. Глаза спрятались под крутыми надбровными дугами.

— Вы не танцуете? — спросила Кора. Музыка замолкла, цикады вопили хором, стараясь заполнить паузу. В кустах заверещала незнакомая птица.

— Я давно не танцевал, — сказал инженер. — Танцы изменились. Даже смешно. Между нами гигантская разница в возрасте. По крайней мере, с вашей стороны.

— Лет десять, — сказала Кора. — Я уже догадалась, что это вовсе не разница. Пушкин был куда старше Наталии Николаевны.

— И чем все это кончилось... — заметил инженер. У него были красивые руки с длинными сильными пальцами, как у хирурга или взломщика сейфов.

Тут же, конечно, возникла Вероника. Словно поджидала в кустах.

— Всеволод не будет танцевать, — сообщила она подруге. — Мы хотели пойти к морю. Пошли, Сева.

Вероника засмеялась нарочито низким голосом соблазнительницы.

Кора запрезирала инженера, который тут же покорно позволил себя увести по темной аллее к морю. Темные аллеи — где-то ей попадалось такое название. Наверное, американский фильм ужасов.

...Темные аллеи. Почему, когда тебе нравится мужчина, сразу возникает какая-нибудь пустоголовая Вероника, которая переползает с курса на курс только потому, что умеет мило улыбаться стареньким сластолюбивым доцентам или намекать на свое бешеное богатство пожилым дамам-преподавательницам. А сама...

Кора постаралась остановить в себе поток мелкой ненависти к подруге. Не нужен ей этот инженер, который еще толком не успел произойти от гориллы. И пускай он не изображает из себя интеллигента — у него это получается неубедительно. Так же неубедительно, как его заверения в том, что он умеет изобретать махолеты и птицелеты — аппараты девичьей мечты...

Но от таких чувств инженеры не возвращаются. Они остаются на берегу моря в обществе твоей чернокудрой Вероники, которая, надо признать, первой заявила свои права, за-

столбила этот участок дикой растительности с сомнительными золотыми россыпями.

Опять появился моряк. Глаза у него пылали — он готов был переплыть Черное море ради любви такой девушки, как Кора. Но Коре не хотелось, чтобы случайные моряки плавали ночами по Черному морю. И она пошла домой.

Вероника заявилась поздно, когда Коре уже удалось себя усыпить и даже сердце не билось от ревнивого бессилия. Надо отдать Веронике должное, она была достаточно уверена в себе, чтобы не придумывать подвигов, которых не было.

— Я ему говорю: послушайте, как бьется мое сердце, — доносилось сквозь сон. — А он убирает руку с моей высокой груди и рассказывает о том, насколько махолет экономичнее флаера... Я ему предлагаю искупаться в первозданном виде, а он отвечает, что не хотел бы меня смущать. У него начисто атрофировано чувство юмора. Ну что ж, впереди еще почти месяц. Неужели я не сломлю его сопротивления и не уложу его к себе на грудь, в лучших борцовских традициях?

Кора не ответила, ибо любой ответ был бы или груб, или неискренен.

Вероника ушла к себе и скоро погасила свет. Кора подумала, как она любит подругу, но больше, когда той не везет в любви.

* * *

С утра обнаружилось, что инженер Всеволод исчез. Уехал в Симферополь получать свои летучие игрушки. Обещал быть к вечеру, чтобы завтра их продемонстрировать друзьям. Он решил испытывать их над обширным склоном Ай-Петри, где воздушные потоки разнообразны и опасны, что и требуется для настоящего испытателя.

И день тоже не задался: ветер дул такой, что гнал по пологого идущей к центру поселка улице листву и ветки, где-то выше он набирал звук, оттого гудел, как эолова арфа. Кора подозревала, что он гудит, как эолова арфа, хотя никогда ее не слышала и даже не видела.

Ветер был злым, горячим и сушил кожу, будто прилетел из какой-нибудь Сахары, которой нет дела до наших отдыхающих. На Веронику такая погода оказывала удручающее влияние. Когда же она, заявившись на пляж, не обнаружила там

Всеволода, то тут же заявила, что забыла дома недосмотренную кассету и жить без нее не может. Она вызвала из Симферополя аэротакси, чтобы поскорее долететь до Москвы. Миша Гофман упросился ее сопровождать: его ждали в Москве творческие дела. Поступок Вероники в мгновение ока разрушил иллюзию замкнутости крымского мирка — он оказался лишь тем, чем был на самом деле, — продолжением настоящего мира, щупальцем действительности. И за это Кора была обижена на Веронику — ведь обещали друг дружке ни за что не мотать в столицу, иначе отдых не получится.

У моря было неуютно, о купании и речи не шло, зеленая возлюбленная охотника Гранта почему-то плакала, Кора решила, что она жалеет своих родных, убитых Грантом по ошибке. Потом Грант ее увел. Кора тоже потихоньку сбежала от остальных и пошла наверх, к Птичьей крепости. Бог знает, что ее туда влекло — может, просто хотелось посидеть с бабушкой, послушать ее низкий надтреснутый голос знатной дамы.

Наверху, на скамейке над обрывом, никого не было. Но лежала открытая книжка — аккуратный репринт «Опасных связей». Кора почему-то решила, что оставить его могла лишь старушка, имя которой ей так захотелось узнать.

Кора уселась на скамейке — небо было огромным. По нему неслись рваные, суматошные облака, будто спасались от ненастья.

Пахло дождем, но облаков на него не хватило. Они лишь пугали ливнем.

— Кора, — раздался знакомый голос. — Давно не виделись, моя девочка.

Рядом с ней на скамейку уселся сам комиссар Милодар, начальник земного отдела ИнтерГпола, то есть ИнтерГалактической полиции, человек, от одного имени которого падали в обморок известные разбойники и наркобароны. Коварный, но справедливый, осторожный, но отважный, вездесущий, но неуловимый, жестокий к врагам и не всегда справедливый к друзьям, Милодар был личностью удивительной, порождением сложностей, достижений и проблем двадцать первого века.

Кора была знакома с комиссаром, потому что росла на Детском острове, в приюте для галактических сирот, детей, подобранных или найденных черт знает в каких уголках Га-

лактики и неизвестно откуда произошедших. Этих детей побаивались, потому что было неизвестно, почему и кто их подкинул нашей хрупкой цивилизации. И бывали случаи, когда опасения оказывались обоснованными.

Этот приют подчинялся ИнтерГполу, и потому Милодар сам курировал остров, подстегивая и воодушевляя работавших там психологов и генетиков. Три года назад, когда решался вопрос о наследстве Вероники, комиссару потребовалась добровольная помощь Коры. Кора в ходе этого приключения неоднократно рисковала жизнью, но вышла из испытаний с честью. Отпуская Кору на волю и даже выполнив обещание — установив ее настоящее имя и найдя ей бабушку Настю на Земле, Милодар пообещал (либо пригрозил), что их встреча — не последняя. Из такого материала, как Кора, и делаются агенты ИнтерГпола. День наступит, утверждал комиссар, и Кора добровольно или почти добровольно станет сотрудником ИнтерГпола. Но пока этот момент еще не наступил...

— А вы что здесь делаете? — спросила Кора Милодара. — Тоже отдыхаете?

— Это было бы преувеличением, — признался Милодар. — Но я бы отдал месяц жизни за то, чтобы сейчас отдохнуть недели две.

— А разве у вас не бывает отпуска? — спросила девушка.

Она даже вдруг пожалела, что эту встречу не наблюдает инженер Всеволод. Хотя откуда ему знать, что скромного вида невысокий мужчина с копной курчавых черных с проседью кудрей — на самом деле всемогущий комиссар Милодар?

— Покой нам только снится, — ответил какой-то цитатой комиссар.

Коре показалось, что воздух чуть шевелится над торчащей коленкой облаченного в шорты и футболку комиссара.

— Это вы или ваша голограмма? — спросила Кора.

— Есть вещи, которые не обсуждаются даже с агентом, — ответил Милодар.

Тогда Кора не стала обсуждать облик комиссара, а спросила:

— Если вы не отдыхаете, значит, вы на работе. И кого мы ловим?

— Мы никого не ловим, — ответил Милодар. — Мы встревожены.

— Чем?

— Возможной встречей с параллельным миром, — ответил комиссар. — Еще этого мне не хватало!

Он не стал уточнять проблему, но предупредил Кору:

— Ты мне можешь понадобиться, девочка.

Тут же вскочил со скамейки и поспешил к кустам, сквозь которые Кора увидела знакомую фигуру последней Романовой. Старушка скромно дожидалась комиссара, и тот на ходу крикнул ей:

— Ну куда пропала, Ксения? Не могу же я терять день из-за твоих причуд...

— Это не причуды, мой мальчик, а моя работа, — ответила бабушка.

Беседуя с ней, комиссар удалился по тропинке.

Оказывается, они знакомы! Как тесен мир, и никому, кроме Вероники, об этом не расскажешь. Впрочем, какой смысл ей говорить, когда она вся погружена в свои сердечные дела? Да и вряд ли комиссар обрадуется, если Кора будет рассказывать о встрече с ним. Ведь главный принцип ИнтерГпола — держи язык за зубами. И если бы можно было это нарисовать, наверное, язык за зубами стал бы гербом этой организации.

А старушка хороша! Наблюдательница за хищными птицами! Нет, она наблюдала за совсем другими хищниками! Но не пошутил ли Милодар? Если принять его слова всерьез, то окажется, что среди нас появились существа из параллельного мира? А кто это? Как их можно увидеть? И какова роль Ксении Романовой?

Кора поглядела в небо. В вышине, под самыми несущимися вдоль обрыва облаками, метались чайки. Бабушка наблюдала за хищными птицами... А может быть, эти птицы и есть вестники из неведомого мира?

Шуршали листья, где-то посыпались камни, ударил колокол в далекой церкви. Мир казался таким устоявшимся и надежным, а параллельных миров не бывает.

* * *

Все беглецы возвратились к ночи. Первой — Вероника, она купила в Москве настоящую греческую тунику, а также сандалии и диадему — центр греческой торговли на Арбате изготовлял их так, что без экспертизы от настоящих не отли-

чишь. Почему Веронике показалось, что именно туника склонит к ней сердце сурового инженера, было неизвестно. В тунике она, правда, была очень хороша, но Тамара, квартирная хозяйка, отнеслась к ней критически и спросила: правда ли, что в Древней Греции девицы не носили нижнего белья? Вероника поклялась, что это было именно так, что не помешало грекам создать великолепную скульптуру и философию. Тамара вспомнила, что греческая скульптура вся раздетая, и ушла на кухню греметь посудой.

Инженер вернулся затемно, но позвонил из пансионата, в котором остановился. Подошла к телефону Кора, он не скрывал радости, что слышит ее голос, и Кора подумала, как неправильно путать резкость крупных черт с грубостью. Ничего грубого в лице инженера она не усмотрела.

На телефонный звонок прибежала Вероника — она, видимо, ждала его и не ложилась спать.

Она была в новой тунике, правая грудь обнажена, волосы собраны в пучок и спереди украшены диадемой. Кора была вынуждена с сожалением признать, что ее богатая подруга сказочно прекрасна. Она отошла от телефона, и настроение ее резко упало.

Вероника воскликнула:

— Куда ты пропал, Сева! Мне столько нужно тебе рассказать!

Кора ушла к себе в комнату, ей не хотелось слышать, как Вероника обольщает инженера.

Понимая, что она преувеличивает уровень разврата своей подруги, Кора не намеревалась изменять формулировки. И если бы ей сейчас пришлось писать воспоминания о жизни в Симеизе, она бы написала о событиях той ночи именно такую фразу.

Кора улеглась, откуда-то прилетел комар невероятной хитрости и злобы, жизнь не удалась, и не мешало бы завершить ее элегантным самоубийством, кинуться с обрыва у Птичьей крепости на глазах у всех знакомых. И на пути вниз желательно превратиться в чайку. Впрочем, нет, чайки слишком крикливы и наглы. Может быть, ей лучше превратиться в орла? В орлицу, которая может часами, почти не шевеля крыльями, парить над восходящими воздушными потоками. И ее дом будет располагаться высоко на обрыве, куда не заберется даже ловкий охотник Грант...

Так она и заснула, не решив, какой птицей станет, когда покончит с собой, а утром Вероника проснулась раньше и была возбуждена, радостна и суетлива, ну точно как чайка, несущаяся за пароходом, с которого ей кидают кусочки хлеба. Туника была снова надета так, чтобы одна грудь была обнажена, и Тамара Ивановна, поглядев на нее, спросила:

— Чой-то ты сегодня такая разнузданная?

— Ты не понимаешь, так ее полагается носить, — ответила Вероника, с наслаждением вгрызаясь в арбуз.

— Наверное, чтобы младенца удобней подкладывать, — заметила хозяйка без очевидного юмора, но Вероника тунику поправила и отказалась от мысли произвести сенсацию на пляже, так как не была готова к выкармливанию младенца, а воображение у нее было хорошо развито.

Тамара не успела испортить Веронике настроение, потому что снизу закричал композитор Миша Гофман:

— Девушки, не спать! Петушок пропел давно! Через полчаса Сева начнет испытания своего махолета!

Тут словно кто-то сильно уколол Веронику — иного сравнения Кора отыскать не смогла, — скорость ее движения увеличилась втрое, но пользы от этого было немного, потому что туника страшно мешала красить губы и одновременно завязывать длинные шнурки сандалий. Булавки, которыми крепилась диадема, дружно закатились под ванну... Кора ждать ее не стала, и Вероника неслась за приятелями в гору, припадая на босую ногу, туника обнажила все, что обнажать не следовало, но окутала шелковым туманом все пристойные части тела.

Когда Вероника, пылающая гневом, вбежала на площадку Птичьей крепости и затормозила, диадема слетела с головы, и в отчаянном прыжке ее поймала возлюбленная охотника Гранта, которая прыгнула за ней к обрыву и повисла на одной зеленой ручке, удержавшись за висячий корень. Бабушка Ксения Романова тут же кинула ей конец своего шарфа, за который с другой стороны уцепился охотник Грант, вытянувший возлюбленную на площадку. Ни Кломдидиди, ни Грант не произнесли во время этого приключения ни слова, лишь взялись потом за руки в знак взаимного расположения.

— Спасибо, — коротко ответила Вероника, которая мало что заметила, потому что смотрела в небо, выискивая своего инженера.

Инженер пришел пешком — с тыла. Он поздоровался и сказал, что его махолет собирают на шоссе, чуть повыше крепости, и желающие могут им полюбоваться. Будучи человеком воспитанным, инженер спросил бабушку Романову, не помешает ли он ее исследованиям, и та ответила, что, напротив, ей это интересно, а науке полезно знать, как реагируют коршуны на полеты махолетов.

Инженер ушел на шоссе, и остальные, включая приведшую себя в порядок и соблазнительную донельзя Веронику, отправились следом.

Там на обочине, в траве, лежали части хрупкой машины, верней, не машины, а типичной авиамодели, которые делают школьники и даже устраивают между собой соревнования. Разумеется, что бы ты ни собрал из таких планочек, оно человека не поднимет. Видно, иначе рассуждал молодой человек ученого вида, который оказался ассистентом Всеволода и как раз в тот момент раскрыл плоский чемоданчик и вытащил из него паутинку, что поместилась у него в кулаке, как это делают фокусники. Затем он раскрыл костлявый кулак, и паутинка превратилась в занавес, которым можно было обклеить планочки.

— Мечта человечества, — сообщил Миша Гофман. — Я хотел бы воспеть момент, когда человек воистину превращается в птицу. Без этих вонючих или пожирающих кислород двигателей. Да здравствует Икар!

— Спасибо, — сказал серьезный инженер. — Сравнение с Икаром, Михаил Львович, я принимаю лишь из уважения к вашему песенному творчеству. В ином случае сравнение было бы мне неприятно и даже опасно ввиду ранней кончины Икара.

— О господи! — ахнул композитор. — Я же в переносном смысле, в смысле общего героического образа.

— К тому же, — продолжал спорить с ним Всеволод, — я всегда уделяю первостепенное внимание соображениям безопасности, потому что хочу довести свою работу до конца, и нет ничего глупее, чем сорвать ее, не учтя такого пустяка, как точка плавления воска при приближении к Солнцу.

Пожалуй, Вероника и тут не догадалась, что испытатель шутит, потому что она как фурия накинулась на композитора.

— Как ты можешь! — закричала она. — В такой жизненный момент!

Пока Миша отбивался от нее, инженер с помощником осторожно воссоздали хрупкую птицу, натягивая паутину, которая оказалась весьма прочной. Нашлась работа и зрителям, и все с удовольствием ею занялись, опять же за исключением композитора, который был ленив и к тому же живот не позволял ему свободно наклоняться, и Вероники, которая во всеуслышание заявила, что не может увеличивать риск для человека, которого она ценит и уважает, залезая своими неопытными руками в чрево его создания. Так она и сказала, Кора далеко не сразу поняла, почему у подруги возникли ассоциации с абортом, но потом решила, что Веронику порой подводит недостаток образования, которое она пытается компенсировать небольшим житейским опытом. Ах, если бы она поменьше сбегала с уроков с мальчиками на Детском острове!

Часам к десяти махолет был собран, Всеволод разделся до плавок, потому что в случае неудачного спуска мог упасть в море, а там любой костюм — лишний. Старушка первой пошла в крепость, откуда лучше всего было наблюдать за испытаниями, там у нее на скамеечке лежала видеокамера, которая фиксировала птичьи полеты. Остальные дождались, пока инженер Всеволод Той вертикально прижал к себе одно крыло, а его помощник сделал то же самое со вторым, и, покачиваясь от порывов ветра, они отправились вверх по склону. Там, за громадной кубической скалой, инженер прикрепил к себе крылья, и помощник его вышел на открытое пространство и долго стоял, ожидая, пока ветер утихнет. Наконец он дождался паузы и закричал:

— Давайте, Сева!

Всеволод выбежал из-за скалы и тут же сделал сильное движение руками. Крылья подхватили его, как ладони мужчины подхватывают котенка, и оторвали от земли. Инженер совершал плавательные движения ногами, а крылья служили ему как средство для планирования. Все же, даже несильно двигая ими, он понемногу стал подниматься вверх. Там, наверху, ветер дул иначе, и Всеволод направился к морю. Коре хотелось крикнуть, хорошо ли ему одному в такой вышине, не страшно ли. Но это было глупое желание, и оно, к сожалению, перекликалось с мыслями Вероники, которая сообщила окружающим:

— Наверное, я этого не переживу. Какое счастье, если Сева вернется живым. Это же безумие, правда, это безумие.

— Безумству храбрых, — сообщил композитор Миша, нашпигованный забытыми цитатами, — поем мы гимны.

— Очень впечатляет, — сказала Вероника.

— Кажется, эти слова принадлежат Лермонтову. Я когда-то хотел написать на них кантату.

— Погодите же! — огрызнулся вдруг долговязый, бледный поэт Карик. — Вы мешаете наслаждаться зрелищем!

— Наслаждайтесь. Кто вам мешает! — обиделся композитор. — Я же только говорю, а не махаю руками, как некоторые.

Кора пошла к крепости — скоро Всеволод долетит до нее.

В крепости уже была бабушка из семьи Романовых, которая снимала полет Всеволода на видео. Кора сразу поглядела вниз, через парапет — на море. Там, среди белых барашков, покачивалось зернышко тмина — вторая лодка с наблюдателем.

Кора кинула взгляд в сторону кустов, посмотрела на скалы за осыпавшейся стеной — нет, комиссара Милодара нигде не видно. Сегодняшние события его не интересуют.

И тут махолет инженера появился из-за скалы. Он держал курс на крепость. Было очевидно, что Всеволод видит стоящую там Кору и направляется именно к ней, — Вероника пока задержалась у дороги, то ли выясняя отношения с композитором, то ли приводя в очередной раз в порядок свой туалет. Конечно, инженер мог направляться и к старушке, но вот он подлетел поближе и, мерно взмахивая громадными крыльями, крикнул:

— Кора, привет!

Тут уж никаких сомнений о том, что он видит именно ее, не оставалось.

— Привет! — Кора подняла руку, радуясь его достижениям. — Тебе хорошо?

— Хорошо! — Ветер донес ответ и тут же рывком умчал его вдаль. Инженер с трудом удержал равновесие, и его пронесло близко от Коры. Он смеялся и наслаждался птичьим полетом.

— Я готова в него влюбиться! — воскликнула бабушка из семейства Романовых. Но, кроме Коры, никто не услышал этого признания.

Площадка крепости наполнилась народом во главе с Вероникой. Все прибежали сюда. Но Всеволод уже взмыл так высоко, что казался орлом или коршуном, реющим над склоном горы.

— Спускайтесь! — кричала Вероника. — У вас устанут руки.

— Не беспокойтесь, — возразил ей ассистент инженера, — мы это предусмотрели. Руки лежат на специальных салазках.

Выждав паузу в порывах ветра, Всеволод решил еще раз спуститься к своим друзьям. Он начал снижаться кругами, и полет его был плавным и даже торжественным. По крайней мере, так казалось Коре.

Вот человек-птица, совершая очередной круг, приближается к обрыву, на вершине которого приютились развалины Птичьей крепости, вот он снова берет курс к морю, и под ним разверзается пропасть глубиной в сотни метров...

И тут случилось нечто ужасное!

Шквал или просто удар налетевшей воздушной массы оказался неожиданным для инженера, и он не успел развернуть крыло, чтобы взмыть на воздушной волне. Ударив в крыло, волна завернула руку пилота, и Всеволод на секунду потерял равновесие. Этого было достаточно для того, чтобы ветер добрался до второго крыла и, переворачивая человека, отломал часть крыла, пустив по небу клочья паутины, словно носовые платки.

В какое-то мгновение громадная и уверенная в себе птица превратилась в непонятно куда стремящийся комок планок, тряпок и человеческой плоти... Комок еще двигался по инерции, но он был тяжелее той ноши, которую смогла бы выдержать воздушная стихия.

И новый Икар сначала вроде бы медленно, но с каждым мгновением набирая скорость, ринулся вниз, в полосу, где волны разбивались о камни у подножия скалы.

Одно тягучее мгновение — и чем его измеришь — долями секунды? — все стояли, ошарашенные виденным, словно прилипшие к камню, неспособные произнести ни звука... Но в тот момент, когда тело инженера, опутанное остатками махолета, стремясь к смерти, пролетело мимо крепости, все ожили и с общим, неслышным их ушам криком кинулись к глыбам парапета, отделявшим крепость от бесконечного обрыва. И все увидели, как, медленно поворачиваясь, но притом набирая скорость, тело инженера летит вниз...

Но оно не долетело до воды и не подняло фонтан брызг...

Оно не долетело до прибрежных камней и не распласталось на них мягкой куклой.

Оно исчезло, не долетев до земли нескольких метров.

Некоторые видели в этой точке маленькую, но яркую вспышку.

Иные утверждали, что там возникло туманное облачко — так же мгновенно рассеявшееся.

Но все сходились в убеждении, что видели то место и знали тот момент, когда инженер исчез, как исчезли и остатки махолета, которыми было опутано его тело.

* * *

Дальнейшее происходило как бы параллельными потоками, и Кора запомнила все отрывками — впрочем, такими отрывками события и возникали.

Сначала начала кричать Вероника.

— Не уберегли! — кричала она. — Не уберегли!

Уберечь мог лишь нескладный ассистент, и он сразу же полез через остатки стены, намереваясь кинуться следом за шефом и, видно, поискать его в воздухе.

Охотник Грант схватил ассистента за пояс и потянул на себя.

Бабушка Романова вызывала по рации комиссара Милодара.

Поэты побежали по тропинке к берегу, чтобы там отыскать останки воздухоплавателя.

Затем охотник Грант извлек из-за пояса тонкую нить и, привязав к ней грузик, кинул с обрыва. Катушка в его руке мгновенно раскрутилась. Его зеленая возлюбленная достала откуда-то перчатки и, лишь касаясь перчатками нити, полетела вниз, с обрыва. Кора увидела, как из-под ее ладоней вырывается дымок.

Лодка, в которой был напарник бабушки, достигла берега и носилась вдоль линии прибоя, выискивая следы Всеволода.

Через несколько минут, а может, и меньше, показался флаер комиссара Милодара, который пронесся над их головами и затем пошел вниз, почти касаясь обрыва. Он замер на узкой полоске, отделявшей скалу от моря, и все видели малюсенькую фигурку комиссара, который о чем-то разговари-

вал с зеленой Кломдидиди, затем повернулся к сидевшему в лодке наблюдателю.

Вся эта деятельность, к которой потом подключились морские спасатели и горноспасатели, ни к чему не привела. Крепость осталась верна себе: еще одна ее жертва превратилась в птицу.

Иного объяснения найти не удалось.

Хотя некоторые следы Всеволода обнаружились. Например, щепка от махолета и клочки паутины, зацепившиеся за камни и кусты на обрыве. Но не более того.

Через два часа комиссар Милодар поднялся к развалинам крепости, которые как бы стали местом сбора всех свидетелей этой трагедии, и сообщил, что, по мнению полиции, которая, разумеется, не прекращает поисков тела, воздухоплаватель Всеволод Той был унесен неожиданным сильным порывом ветра в море, а зрители упустили его из вида, потому что в тот момент им светило в лицо солнце, специально выглянувшее для этого из-за облаков.

Никто не поверил Милодару, тем более что мало кто догадался, к какой организации он принадлежит. Но все предпочли сделать вид, что поверили, — ведь никакого иного объяснения, кроме мистического, никто предложить не мог.

Мистическое объяснение тем вечером предложила Вероника.

— Он вернется, — сообщила она доверительно, — он похищен духами горы. Эта легенда, которую рассказывала старуха, вовсе не легенда. Она и есть вестница духов. Ты видела, как она его еще вчера заманивала? Это все заговор темных сил, и я уверена, что мы должны найти в Симферополе Ахмета Вселенского. Он управляет астральными силами. Я видела его рекламу на вокзале в Симферополе.

Кора устало слушала Веронику. Она понимала, что с Всеволодом случилось нечто ужасное, никак не связанное ни с астральными силами, ни с Ахметом из Симферополя... Она отлично помнила слова Милодара о параллельном мире, которые он обронил за день до трагедии. Она понимала, что наблюдатели, бывшие в крепости и на море, также искали разгадку явлений, которые могут быть связаны с легендами, а могут быть независимы от них. Но сейчас надо обязательно встретиться с Милодаром, который, улетая, приказал Коре ждать и молчать... Хорошо ждать и молчать большому на-

чальнику, который занят тысячью других дел... А здесь вся вторая половина дня прошла под гнетом случившейся смерти.

Компания в тот день распалась — как будто на самом деле ее цементировал Всеволод, а не две московские красавицы. Впрочем, кто сейчас может рассказать правду?

Кора ждала появления Милодара.

Ей почему-то показалось, что тот придет вечером попозже.

Вероника заснула рано, она всыпала в себя чуть ли не смертельную дозу снотворного и теперь блаженно храпела за перегородкой. Но Коре не спалось, и она вышла в сад. В доме у Тамары бурчал телевизор и порой кидал отблеск цветного пламени на черную листву. Цикады звенели прямо в ушах, иногда снизу доносились удары волн — море раскачалось от ветра, и теперь, в безветрии, тугие валы мерно молотили по берегу.

Закрыв глаза, Кора вновь видела, как исчезает, вспыхнув холодным огоньком, Всеволод... Скорее бы приходил Милодар...

* * *

Кору разбудило нежное прикосновение — так мама будила ее, чтобы покормить... «Господи, — подумала Кора, просыпаясь, поднимаясь из глубин сна, — я же не должна помнить, как моя мама меня будила...»

Было темно. Луна освещала край столика у кровати и часы. Зеленые цифры секунд, равномерно возникая на циферблате, подчеркивали размеренность и спокойное течение ночи.

— Кора, вставай, — прошептала бабушка Романова. — Мы ждем тебя.

Кора попыталась резким движением сесть на кровати, но бабушка Ксения Михайловна удержала ее.

— Одевайся тихо-тихо и выходи. Никто не должен тебя заметить.

Кора натянула сарафан, сунула ноги в тапочки и ступила из двери на площадку перед домиком. Дверь в комнату Вероники была приоткрыта. Вероника невнятно заговорила во сне.

Распогодилось, облака утихомирили свой бег, стали серы-

ми и прозрачными — длинными тряпками они тянулись по черному небу, которое над морем на востоке начало розоветь. Вчерашняя непогода выгнала теплый воздух, и потому было зябко и сыро. Цикады молчали, видно, попрятались по норкам. Неуверенно запела наверху птица и оборвала мелодию.

Небольшой флаер покачивался в воздухе перед самым домом — шагах в пяти. Отсвет от приборной доски очерчивал лицо пилота, который прищурившись глядел на Кору — наверное, ее светлый сарафан был ему ясно виден.

— Пошли! Не закрывай дверь. Ты скоро вернешься.

Следом за старушкой, которая была резва не по годам, Кора поднялась во флаер по лесенке, лежавшей концом на дорожке.

— Комиссар ждет нас у себя, — сказала бабушка.

Во флаере стало тесно. Зато он был совершенно беззвучным и его нельзя было ни толком увидеть, ни засечь приборами — резиновая игрушка.

Кора мечтала вычистить зубы, для нее это главное после сна.

— Потерпи пять минут, — ответила ее мыслям бабушка. — Там все есть.

Оболочка флаера была прозрачной, но в такую темень от этого было мало пользы: порой пролетали снаружи огни, цепочки огней, вспышки, порой наваливалась тьма, что-то заблестело под светом прожектора — на мгновение заложило уши, видно, изменилось давление. И тут же флаер замер, улегшись на бетон, и слышно было, как сзади с громким шорохом закрываются ворота. Они пробрались в пещеру Али-Бабы.

Дверца флаера отошла в сторону, комиссар Милодар собственной голографической персоной встречал их, стоя на бетонной площадке выбитого в горе ангара. Почему-то Коре вспомнился какой-то роман Жюля Верна. Там герои обосновались в просторной пещере, чтобы укрыть в ней воздушный корабль или базу подводных лодок.

В глубине пещеры, за стеной кипарисов, виднелась белая стена дворца. Туда и пошел Милодар, понимая, что гости последуют за ним.

Дабы удовлетворить любопытство Коры, он на ходу деловито разъяснял:

— Этот дом отдыха был построен в конце двадцатого века на месте часовенки при целебном источнике, открытом лично поэтом Пушкиным и затем забытом до двадцатых годов прошлого века, когда здесь обосновался руководитель крымского ОГПУ, превративший часовенку в место встреч с негласными агентами. Однако он был переведен с повышением в Самару, не успев никому рассказать о своей тайне, так как его там вскоре расстреляли. Часовня была вновь открыта партизанами в период немецкой оккупации. Партизаны рыли из пещеры ход к Керчи, на соединение с частями полковника Брежнева, но их выдал фашистам местный фотограф. В следующий раз пещеру открыли краеведы, которые шли по местам боевой славы в поисках железных крестов и эсэсовских кинжалов. Слух о пещере дошел до Симферополя. Здесь была построена спецвилла для отдыха руководства. Последние сто лет мы используем пещеру как секретную базу Галактической полиции. Отсюда я курирую операцию, способную оказать влияние на судьбу всей Галактики.

Рассказ Милодара подошел к концу как раз в тот момент, когда они, миновав аллею кипарисов, росших под искусственным светом, вошли в стеклянные двери белого дворца.

Офицер безопасности отдал им честь и исчез в коридоре. Милодар провел бабушку и Кору в гостиную, где вокруг низкого журнального столика у незажженного камина стояли обширные мягкие кресла и диваны, предназначенные для официально-дружеских бесед. Обивка кресел была старинной, лиловые розы на коричневом фоне. От кресел пахло пылью и давно выветрившимися отечественными духами «Красная Москва». В креслах сидели двое вельмож, настолько незаметной внешности, что Кора не узнала бы их, встретив через полчаса. Они дружно склонили головы, приветствуя вошедших.

Указав дамам на два свободных кресла, Милодар уселся на последнее свободное место и спросил:

— Кому чай, кому кофе?

В ответ раздался неразборчивый гул голосов. Подождав, пока все выскажут свои пожелания, Кора сказала:

— Полцарства за рукомойник и зубную щетку.

— Пройди по коридору, вторая дверь направо.

Когда Кора вернулась, в камине уже горел электронный костер, незаметные вельможи пили кофе, а бабушка — чай из

большой фарфоровой чашки. Милодар передал чашку и Коре. Удовлетворенный тем, что обо всех позаботился, он заговорил:

— То, что люди имеют обыкновение пропадать, всем и давно известно. В любом мире, на любой планете статистика определяет точный процент таких исчезновений. Причины тому вполне реальные. Поисками пропавших лиц занимается полиция и находит столько, сколько положено найти. Остальные сгнивают, растворяются в воде или в кислоте. Каждому свое.

Незаметные вельможи согласно кивнули. Эта проблема была ими изучена.

— Однако современные службы безопасности внимательно следят за статистикой исчезновений, потому что любое увеличение числа пропавших должно вызывать подозрение. Теоретически уже давно доказано существование параллельных миров. Однако нам, несмотря на то что этой проблемой занимаются ведущие специалисты, проникнуть ни в один из параллельных миров не удалось. Мы, конечно, туда проникнем, дайте нам время, проникнем!

Незаметные личности согласно кивнули. Они верили в силу науки.

— Наука наукой, — продолжал комиссар, — а жизнь берет свое.

Произнеся эту странную фразу, комиссар допил кофе и поставил чашку на столик. Остальные гости последовали его примеру. Лишь бабушка и Кора продолжали мирно прихлебывать чай, жалея о том, что на столе нет ни печенья, ни варенья, ни даже сахара.

— В нашем распоряжении находится совершенно секретное исследование доктора дю Грие, проживающего в Галактическом центре, который доказывает, что один из возможных параллельных миров находится с нами в контакте и, возможно, существует перемещение между нашими мирами.

— Не может быть! — вдруг воскликнула бабушка из семейства Романовых. Но Коре показалось, что в этом восклицании был элемент театрального действа: ей хотелось обратить на себя внимание.

— Может быть, — сурово произнес Милодар. — И как вы сами отлично знаете, Ксения Михайловна, одна из точек соприкосновения миров находится именно в районе поселка

Симеиз, чуть ниже точки, условно именуемой Птичьей крепостью. То есть, точнее говоря, в районе обрыва, соединяющего крепость с поверхностью Черного моря.

Никто на этот раз не удивился, словно проблема уже обсуждалась в этой компании.

Милодар подтвердил подозрения Коры, продолжив:

— О параллельном мире мы не раз уже совещались и провели большую исследовательскую работу. Даже более того, вчерашний эпизод нам был очень полезен.

— Какой эпизод? — спросила Кора.

— Вы знаете какой, — ответил Милодар. — Переход инженера Всеволода Тоя в параллельный мир.

— Значит, он не погиб? — обрадовалась Кора.

— У нас нет оснований подозревать его в этом, — откликнулся Милодар.

— Но если миры соприкасаются и он попал в параллельный мир, — сказала Кора, — значит, он мог разбиться там?

Все замолчали, обдумывая информацию.

Кора же представила себе два мира — наш и тот, неведомый. Они казались ей схожими с двумя мыльными пузырями, которые соприкасаются, и их разъединяет лишь тонкая мыльная радужная пленка. И вот некто всемогущий пронзает стенку тончайшей иглой, настолько тонкой, что пузыри не лопаются. Хотя в масштабах Земли это отверстие может достигать нескольких метров в диаметре. Впрочем, любые сравнения в теоретической физике наивны и беспредметны, так как отверстие в то же время может быть не отверстием, а черт знает чем.

— Вернее всего, он не разбился, — ответил Милодар Коре и самому себе. — Вернее всего, наш инженер жив. Как живы и те, кто попал в параллельный мир раньше через тот же переходной туннель.

— Название условно, — уточнил один из незаметных вельмож.

— Разумеется, все условно, — согласился Милодар. — К сожалению, мы мало знаем и потому почти бессильны.

— Мы уже знаем, что они существуют и отказываются от контактов, — сказала бабушка. — А это уже тревожная информация.

— Почему они не идут на контакт? Откуда вы об этом

знаете? — спросила Кора. Раз ее сюда пригласили, значит, им нечего от нее скрывать.

— По всем нашим расчетам, — сказал Милодар, — выходит, что обитатели параллельного мира отлично знают о нашем существовании. Более того, люди, которые попадают туда, попадают не случайно — требуется определенный расход энергии для того, чтобы человек перешел из мира в мир. Мы еще не знаем, как это сделать. Но они-то знают!

— Не слишком ли много выводов вы делаете из одного случая? — спросила Кора. Хоть ей и хотелось, конечно, чтобы инженер был жив, пускай даже в параллельном мире. Но она была рассудительной девушкой и понимала, что теория теорией, а есть еще и равнодушная действительность.

— Почему из одного случая? — спросил Милодар.

— Но ведь только инженер Той исчез, когда падал возле скалы.

Тут пришла пора удивляться старушке.

— А как же та девушка, которая кинулась со скалы и превратилась в птицу? А как же капитан Покревский, который прыгнул из крепости вместе с конем? А как же все легенды, которые связаны с исчезновением людей и превращением их в птиц?

— Но ведь это легенды! — воскликнула Кора. — И даже если что-то было, то тысячу лет назад. Мы-то тут при чем?

— Погодите, — остановил готовую ответить бабушку Милодар. — Порой мы говорим о чем-то, думая, что слушатель знает столько же, сколько и мы. А слушатель может не знать, что для обитателей параллельного мира пространственно-временные связи действуют совсем иначе, чем у нас. Это для нас девушка кинулась в море две тысячи лет назад. А для них... — Милодар неопределенно показал вверх, — наше время не существует. Для них что тысяча лет назад, что сегодня — все является единовременным.

— Но этого не может быть! — воспротивилась Кора.

— Почему? — Милодар пожал плечами. — Ты же веришь в путешествие во времени?

— Каждый школьник в это верит, — ответила Кора.

— Для параллельного мира соприкосновение с нами — одновременно соприкосновение со всей суммой миновавшего у нас времени.

— Это не очень понятно, — сказала Кора, — но я не буду спорить.

— Правильно. Этим ты сэкономишь наше и свое время. Тебе достаточно понять, что все те документированные и отраженные в легендах случаи исчезновения людей в районе Птичьей крепости, вернее всего, являются следствием сознательной деятельности ученых параллельного мира, которые получили возможность как бы перетаскивать наших людей к себе.

— Вы уверены в этом? — Кора нашла слабое место в аргументации комиссара.

— Конечно, нет! — ответил за комиссара один из незаметных людей. — Мы ни в чем не уверены. Это только теория. И нам ее надо подкрепить экспериментом.

Он замолчал, словно выговорился на неделю вперед.

— Мы обязаны поставить эксперимент, — подхватил эстафетную палочку Милодар. — Мы должны попасть туда, к ним, и понять, как они это делают, что они могут и зачем им это нужно. Затем мы должны дать возможность гражданам Галактической Федерации возвратиться домой.

Произнося этот монолог, Милодар встал на цыпочки, надул грудь и стал похож на настоящего трибуна.

— В ином случае нам может угрожать опасность, — тихо сказал второй из незаметных вельмож.

— То, что нам неизвестно, дает преимущество сопернику и потому угрожает нам, — пояснил первый незаметный вельможа.

— Мы обязаны послать туда человека, который все узнает и постарается возвратиться живым.

— Правильно, — согласился второй незаметный вельможа.

— Мы подумали, — сказал Милодар, и тут у Коры упало сердце: зачем он так на нее смотрит? — Мы посоветовались и решили предложить эту почетную задачу тебе, Кора Орват. И эта экспедиция в параллельный мир будет одновременно зачтена испытанием для тебя при зачислении в штат Интер-Гпола в качестве полевого агента.

— Мне? В параллельный мир? — тупо повторила Кора. — Это еще почему?

— Потому что ты — лучший кандидат для такой авантюры, — ответил Милодар. — Ты молода, пока еще не так боишься смерти...

— Я боюсь смерти!

— Не перебивать! Пока ты еще не так, как я, боишься смерти, ты легкомысленна, что свойственно молодости. Очертя голову ты кинешься в эту авантюру.

— Ни в коем случае!

— Во-вторых, ты, как ни парадоксально, обладаешь довольно холодным умом и трезвой головой, что странно для твоего возраста...

— Перестаньте меня анализировать! Как будто я какой-то подопытный кролик!

— Сравнение закономерно, — согласился комиссар, и незаметные вельможи закивали, соглашаясь. Им тоже казалось, что комиссар относится к Коре, как к препарируемому кролику, однако они не имели ничего против. — Но от этого оно не становится менее абстрактным. Мне сейчас плевать, кролик ты или гиена, меня волнует одно — судьба Земли. И учти, Кора, я предчувствую, что в ближайшие двадцать лет судьба Земли неоднократно будет находиться в твоих руках, и не дай бог тебе ее хоть раз уронить на пол!

Кора чуть было не улыбнулась, потому что трагедия в устах комиссара умудрялась граничить с фарсом и лишь сам комиссар этого не замечал.

— Как же я это сделаю? — спросила Кора. — У меня нет махолета, и я не умею летать.

— Это пустяки, — отмахнулся комиссар. — Программу приманки разработают специалисты. Но в принципе все уже решено.

— Что?

— Тебе придется прыгнуть с обрыва.

— Как так?

— Прыгнешь с обрыва, и будем надеяться, что они там, в параллельном мире, тебя подхватят и перетащат к себе.

— Вы понимаете, что говорите, комиссар? — возмутилась Кора и с внутренним трепетом поняла, что никто в комнате ее не поддерживает. Даже бабушка Романова внимательно разглядывала мокрое пятно на потолке — видно, где-то в пещере протекало.

— Я отлично понимаю, — сухо ответил Милодар. — А тебе еще предстоит понять.

— Вы хотите, чтобы я кидалась с обрыва, как покинутая лицеистка, в расчете на то, что в каком-то другом, возможно,

несуществующем мире меня заметят, спасут и будут лелеять. А если у них мертвый час? А если они не успеют? А если их, в конце концов, и нет на свете?

— Все возможно, — произнес один из незаметных вельмож. — Все возможно.

И глубоко вздохнул, сочувствуя Коре. Но не более того.

— И почему вы не можете вызвать добровольца из рядов вашей отважной организации? Разве у вас мало добровольцев?

— Где они? — спросил заинтересованно комиссар.

— Вот, — Кора обвела рукой комнату, и незаметные вельможи тут же утонули в креслах — даже голов не видно. Старушка же зашлась в таком предсмертном кашле, что стало ясно: ей этой ночи не пережить!

— А я, — произнес Милодар, — не могу пожертвовать собой, потому что владею таким количеством государственных тайн, что на ночь меня приходится укладывать в сейф, чтобы не украли.

Когда никто не засмеялся, комиссар пояснил:

— Это шутка...

Но и это не вызвало смеха.

— А говоря серьезно, — продолжил Милодар, — обратиться к тебе нас заставляет серьезная реальность. Мы имеем основания полагать, что обитатели этого мира имеют возможность наблюдать за нами, по крайней мере, в пределах перехода — скажем, на расстоянии километра от точки соприкосновения миров. Если мы не дураки, то и они тем более не дураки. И они понимают, что появление бабушки Ксении Михайловны с аппаратом по учету птичек и ее кузена в лодке с той же целью — не случайная акция любителей природы. Они могут заподозрить, что раскрыты и находятся под колпаком. Более того, они и меня уже видели раза два-три. Я беседовал с наблюдателями, принимал участие в экспериментах по контролю воздуха, гравитационных направляющих, магнитных полей этого места — ведь мы не первую неделю здесь работаем. И исчезновение инженера Всеволода Тоя — лишь точка, может быть, предпоследняя, в агрессивной деятельности параллельного мира.

Незаметные вельможи, высунувшие головы из мякоти диванов, снова закивали.

— Но раз мы вели наблюдение за деятельностью парал-

лельного мира, то, очевидно, параллельный мир вел за нами куда более пристальное наблюдение. И можно считать небольшим чудом тот факт, что я до сих пор нахожусь рядом с вами, а не ликвидирован противником.

— То есть не ликвидирована твоя голограмма, — заметил первый из незаметных вельмож, что заставило Милодара запнуться и перевести дух. Но затем он продолжал как ни в чем не бывало:

— Нам надо послать туда человека, который не вызовет подозрений в параллельном мире. Поэтому мы организовали приезд сюда Коры Орват, уже испытанной нами некоторое время назад в деле об убийстве на Детском острове.

— Как так организовали мой приезд? — спросила Кора.

— Это потребовало некоторой ловкости с моей стороны, а также знания женской натуры.

Последняя из Романовых хмыкнула. Ей было весело!

— Я сама решила сюда ехать, и меня никто не направлял! — воскликнула Кора.

— А если ты постараешься вспомнить, как готовился и происходил ваш отъезд сюда, ты обнаружишь, что к решениям тебя все время подталкивала твоя легкомысленная подруга, которая со свойственной ей глупостью делала вид, что ты все решаешь в вашем тандеме.

— Это было подстроено? — Кора готова была растерзать Веронику.

— Вероника и не подозревает, что находилась под моим влиянием, — скромно заметил комиссар. — Она была слепым оружием в моих лапах. Не осуждай девушку.

Кора не ответила. Она постаралась восстановить в памяти, как же планировалась, обсуждалась и решалась поездка в Симеиз, и, конечно же, не вспомнила достаточно, чтобы поверить Милодару. Впрочем, теперь уже было поздно.

А комиссар между тем продолжал свой монолог:

— Для меня главное заключалось в том, чтобы Кора сама не подозревала о том, что оказалась здесь по моей воле. Она должна была вести себя совершенно естественно. Первые два или три дня гулять вдвоем с подругой по окрестностям, делая вид, что не смотрит на мужчин, которые ей с Вероникой вовсе не нужны...

— Вот именно! — воскликнула Кора, и все засмеялись.

— Затем, — продолжал комиссар, — вокруг двух красоток образовалась самцовая компания...

— А охотник Грант? — возразила Кора, чтобы хоть в чем-то опровергнуть этого самоуверенного комиссара. — Он не имел к нам отношения.

— Не спорю. И должен сказать тебе, что исключение лишь подтверждает общее правило.

— Значит, все было подстроено!

— Все. Вплоть до деталей вашего поведения и первого визита в крепость на скале.

— Значит, у вас в нашей компании был шпион!

— Обязательно! Но не ломай голову, не догадаешься. Главное заключается в том, что ваша компания с точки зрения параллельщиков не вызывает подозрений. Так что ты можешь спокойно прыгать в параллельный мир. Они тебя не обидят. И ты спокойно совершишь подвиг.

— Я не хочу совершать подвигов!

— Кора, милая, — заговорила бабушка из семейства Романовых. — Комиссар на этот раз не шутит и даже не преувеличивает. В самом деле, ты — часть обширного и серьезного плана спасения нашей родной планеты, а может, и всей Галактической Федерации от почти неизвестного и, возможно, всемогущего агрессора. Параллельный мир с неизвестными нам целями нащупал место перехода. Он уже активно использует его, похищая земных людей. Не сегодня завтра оттуда в наш мир могут хлынуть агрессоры, против которых мы не знаем противоядия.

— Но, может, они с самыми хорошими целями?

— Не перебивай старых! — рявкнул Милодар, но бабушка Ксения Михайловна подняла руку, останавливая комиссара.

— Ты задала правильный вопрос, девочка, — сказала она. — Но по законам космических контактов цивилизация, имеющая благородные цели, всегда первым делом старается наладить контакт. Капитан Кук вез с собой бусы для туземцев, а мы записывали биотоки мозга дельфинов. Если же цивилизация совершает действия, но не идет на контакт, значит, дело плохо.

— Плохо дело, — подтвердил один из незаметных вельмож.

— Но мы не можем позволить себе вызвать их подозрения, — продолжала старушка, которая явно была не просто

наблюдателем за птицами. В те дни Кора еще не знала, что Ксения Михайловна в ее девяносто лет уверенно руководит Галактической службой безопасности, в которую, в частности, входит и ИнтерГпол.

— Мы вынуждены были разработать операцию по внедрению в чужой мир нашего агента. Разработка не завершена, но исчезновение инженера Всеволода заставляет нас торопиться. Боюсь, что время на исходе — мы можем ждать неблагоприятного для нас развития событий в любой момент. Вы, Кора, должны стать глазами и ушами Земли — вы должны узнать планы противника и сорвать их или хотя бы довести до нашего сведения.

— Ну уж ты слишком, — сказал второй незаметный вельможа, в котором Кора, конечно же, не могла узнать вице-президента Галактической Федерации по безопасности, серого кардинала Галактики. — Ты, Ксюша, переборщила. Так ты нашего юного агента запугаешь.

Его провокация возымела действие.

— Меня трудно запугать! — сообщила Кора.

— Мне приятно слышать, что ваш агент уверен в себе, — отметила бабушка.

— Мы испытывали Кору в трудных условиях, — самодовольно заявил Милодар. — Она смогла противостоять князю Вольфгангу дю Вольфу и его банде на борту «Сан-Суси». Это не каждому по плечу.

— А вам не было страшно? — спросил незаметный вельможа. Тот, второй, который был комиссаром обороны Галактической Федерации, о чем Кора тоже не догадывалась.

— Я даже об этом и не думала, — призналась Кора. — Но там все было ясно.

— Здесь тоже все ясно, — возразил Милодар, — ты проникнешь в параллельный мир...

— Нам, — перебила комиссара Ксения Михайловна, — хотелось бы получить ваше принципиальное согласие на опасный и рискованный подвиг.

— Земля ждет вашего решения, — поддержал бабушку комиссар обороны Федерации.

— Но неужели у вас никого больше нет?! — попыталась сопротивляться Кора. Впрочем, уже сдаваясь.

— Мы можем подготовить и послать другого агента, — терпеливо объяснила бабушка. — Но нам никогда не отыскать такой же, как вы, хорошенький цветок, бездумный и легкомысленный.

— Я — цветок? — грозно спросила Кора.

— Мы очень надеемся, что вы их в этом убедили. Более нелепое, пустое, глупое времяпрепровождение, чем у вас с Вероникой, придумать трудно, — заявил Милодар. — Когда я проглядывал пленки, мне становилось стыдно, что ты — мой потенциальный сотрудник.

— И что же вам так не понравилось? — агрессивно спросила Кора. — Разве я не имею права отдыхать?

— Кора, — взмолилась мудрая Ксения Михайловна, — не обращайте внимания на Милодара. Я знакома с ним тридцать лет — более невоспитанного, грубого и нечуткого человека мне видеть не приходилось. Если бы не его цепкость, упрямство и умение интриговать, никогда не видать бы ему такого высокого поста.

Кора полностью согласилась со старухой.

— Ладно, — сказала она. — Я постараюсь его простить.

— И я только хотел сказать, — заметил серый кардинал Галактики, — что у вас, Кора, будет замечательная возможность спасти отличного инженера и милого человека Всеволода Тоя. Думаю, что ваша подруга Вероника лопнет от зависти.

Кора подняла брови — такого глубокого проникновения в собственную душу она не ожидала ни от одного мужчины. А ей вовсе не хотелось, чтобы мужчины туда проникали.

— Это к делу не относится, — отрезала Кора.

— Правильно, — согласился проницательный кардинал.

— Расскажите мне, что надо делать, — сказала Кора. — Ведь прежде чем согласиться, я должна, по крайней мере, понимать, на что иду.

— На подвиг, — просто сказала Ксения Михайловна.

— Вам все объяснит комиссар Милодар, — сказал комиссар обороны.

* * *

На следующее утро Кора проснулась у себя в комнате и никак не могла сначала сообразить, что же произошло в действительности, а что ей приснилось. Сначала она предположила, что ей приснился трагический полет инженера Всево-

лода на махолете, но потом она услышала за стенкой приглушенные рыдания Вероники и поняла, что это, к сожалению, не так. Нет, сообразила Кора, ей приснились события ночные — визит Ксении Михайловны и беседы с Милодаром... но по мере того, как она просыпалась, все яснее становилось, что и ночную беседу с руководителями безопасности Галактики вряд ли можно считать сном. Неужели она живет в таком сумасшедшем мире и ей грозит путешествие в другой мир, не менее сумасшедший? О нет!

Последний возглас вырвался из нее наружу. И настолько громко, что Вероника перестала рыдать и, забыв одеться, прибежала к ней.

Вероника была встрепанной, глаза красные, заплаканные. «Бедная девочка, — подумала Кора, — второй раз на моей памяти теряет возлюбленного! Как это трудно перенести».

— Ты что? Приснилось что-то страшное? — Вероника еще беспокоилась о ней!

— Извини, если я тебя разбудила, — сказала Кора. — Мне приснился кошмар.

— О Всеволоде, да?

— О Всеволоде.

— Ты думаешь, что он погиб?

— Я надеюсь, что он жив.

— Он превратился в чайку? — горько улыбнулась Вероника.

Кора дала Милодару слово, что никому из приятелей и друзей не скажет о предложении ИнтерГпола. А так хотелось успокоить Веронику.

— Я решила уехать, — сказала Вероника, не дождавшись ответа от Коры.

— Правильно, — ответила Кора.

— Ты поедешь со мной?

— Я поеду в Ялту, — сказала Кора.

«Ну почему я должна скрываться! Зачем я дала слово?»

И сразу вспомнились последние слова Милодара:

«Тебе захочется поделиться с кем-нибудь своей тайной. Скорее всего, с Вероникой. Но прежде чем откроешь рот, пожалуйста, подумай, что от каждого твоего слова на самом деле, без шуток, зависит судьба Земли. Вероника может оказаться не Вероникой, вас может кто-то подслушать... я не знаю, что может еще случиться, я не волшебник, я не знаю,

каковы возможности у наших противников. Умоляю тебя — впервые в жизни, — умоляю никому не проронить ни слова...»

— Что ты потеряла в Ялте? — удивилась Вероника.

— Мне хочется еще побыть на юге... но не здесь.

— Может, мне поехать с тобой?

Ну вот, еще этого не хватало!

— Ты лучше иди в душ, — посоветовала Кора.

Вероника потянулась — она загорела за эти несколько дней, следы трусиков ослепительно белели на смуглых обнаженных бедрах. Кора вспомнила почти забытую картинку: она стоит в ярко освещенном таксидермистском музее князя Вольфганга дю Вольфа и смотрит на чучело прелестной акробатки Кларенс, убитой князем... у нее была точно такая же фигура, как у Вероники...

— Не злись, — сказала чуткая Вероника. — Не поеду я с тобой в Ялту. Не буду вмешиваться в твою личную жизнь... Я лучше полечу на Марс, ты знаешь, что я строю там мастерскую. И в труде буду искать утешение.

— Если Всеволод найдется, ему дать твой адрес на Марсе?

— Еще чего не хватало! — Вероника надула пухлые розовые губки. — Я не прощаю мужчин, которые заставили меня страдать.

Вероника убежала в душ. Она быстро утешится, займется марсианскими делами, закружится в обрамлении поклонников — все же первая невеста Марса...

Ночью Милодар сказал, что попытка перехода Коры в параллельный мир будет предпринята через два дня. Но с утра события начали набирать темп.

Завтракали, как всегда, в кафе.

За соседний столик уселась Ксения Михайловна. Все стали с ней здороваться. Ксения Михайловна была печальна.

— Я была против спешки, — сказала она, когда Вероника отошла к общему самовару. — Но лететь придется сегодня.

Кора не поверила бабушке. Она уже догадалась, что лицемерие — достоинство шпиона. А старушка состояла в шпионках лет семьдесят.

Не дождавшись ответной теплой реакции от кролика, бабушка быстро прошептала:

— Отстанешь от остальных на большой аллее. Тебя будут ждать. Ясно?

— Ясно, — ответила Кора, в тот момент она их всех нена-

видела, и лишь гордость не позволяла ей улететь из Крыма первым же рейсом.

После завтрака все пошли к морю. В то утро никто не шутил, не смеялся, как будто инженер мог услышать и рассердиться.

Кора сказала Веронике, что забыла дома книжку, которую хотела дочитать, и, подождав, пока все скрылись за поворотом, медленно пошла обратно.

— Кора, — шепотом позвала ее скамейка. Милодар скрывался за ней в плотно сбитом из жестких листочков кусте. — Садись. Делай вид, что загораешь.

Кора уселась на скамейку. Сделать вид, что загораешь, было трудно, потому что скамейка стояла в густой тени.

— Есть указание Галактического центра, — продолжал шептать Милодар. — Операция считается срочной. Подготовка сокращается. В три часа мы совершаем переход.

— Как так? — испугалась Кора. — Я не готова.

— Ждать нельзя.

— Но я совсем не готова.

— Сейчас ты поднимешься со скамейки и пройдешь направо по аллее до статуи Аполлона. Зайдешь за статую и остановишься. Ясно?

— А можно завтра? — заныла Кора в ужасе от неотвратимости операции. Будто ей сообщили, что поход к зубному врачу переносится с послезавтрашнего дня на сегодня.

— Вставай и иди! — приказал Милодар.

Коре ничего не оставалось, как встать и идти.

Она дошла до белой мраморной статуи Аполлона. Затем обошла ее. На аллее никого, к счастью, не было. За спиной Аполлона, который стоял на цветнике, был канализационный люк. По требованию интуиции Кора на него встала. И в тот же момент люк ухнул вниз. Она даже не успела протянуть руки, чтобы ухватиться за край колодца.

Как только крышка люка сбросила с себя наездницу, она, в нарушение законов гравитации, ринулась наверх и, заняв законное место, отрезала Кору от дневного света. К счастью, девушка не ушиблась, потому что на дне колодца ее подхватили крепкие руки невидимого в темноте мужчины.

Свет зажегся. Она стояла на бетонном полу тоннеля.

— С прибытием, — сказал толстенький, круглый композитор Миша Гофман.

— А ты что здесь делаешь? — удивилась Кора. — Ты же был в столовой.

— Извини, что не представился сразу. Мне только сейчас комиссар сказал, что ты трудишься в нашей фирме, — сказал Миша. — Я думал, ты штатская, просто телка.

— И ошибся, — произнес Милодар. — А в людях надо разбираться. Кора — наш постоянный сотрудник. Имеет благодарность командования за ликвидацию банды Карлуши дю Вольфа.

— Ну, прости, коллега, — повторил Миша. И взгляд его, прежде рассеянный и легкомысленный, теперь лучился товарищеским теплом. А Кора, которая совсем недавно с негодованием отвергала саму возможность сотрудничества с полицией, почувствовала это приятное тепло. Всегда лестно выглядеть значительной в чужих глазах, даже в глазах полицейского агента.

— Мальчики, девочки, — призвал к порядку Милодар. — Срочно идем в центр подготовки к полетам. У нас в распоряжении три часа. После этого Кора уходит в параллельный мир.

— Нет, — возмутился Миша Гофман. — Так поступать нельзя. Несмотря на ваши уверения, комиссар, я знаю, что Кора не готовилась специально к полевым операциям.

— Она создана для полевых операций!

— Я не позволю рисковать жизнью прекрасной девушки!

Кора тепло поглядела на Мишу Гофмана. И хоть песенник был значительно ниже ее ростом и толст, Кора подумала, что не внешность определяет качества мужчины. Ведь и Тамерлан, и Наполеон были невелики росточком. А какие женщины извивались у их ног!

Милодар между тем быстро уходил низким туннелем. Туннель был выбит в скале, он наверняка нес разумную функцию, будучи коллектором для различных сетей — по нему тянулись разного рода кабели и трубы, — а кроме того, служил средством сообщения для работников разведок и секретных служб. Особенно он пригодился во время операции «Параллельный мир».

Однако центр управления операцией располагался не в узком и тесном туннеле, а дальше, в подвале виллы «Ксения», куда они и добрались метров через двести.

Подвал виллы «Ксения», как объяснил по пути Милодар,

долгие годы использовался как склад магазина, занимавшего первый этаж виллы. Теперь ввиду опасности склад был незаметно переведен на третий этаж, а в обширном подвале расположились приборы подслушивания и подсматривания, которые держали под контролем как Птичью крепость, так и близкую к обрыву часть моря.

У компьютеров и экранов сидели сотрудники ИнтерГпола, и никто из них не обернулся, когда Милодар и его спутники вошли в зал. Лишь высокий старик с бородкой, как у американского дяди Сэма, в голубом халате, строевым шагом приблизился к Милодару, протянул ему распечатку и сообщил:

— Здесь последние данные по напряжению поля и утечке масс.

Милодар сделал вид, что внимательно проглядывает цифры, затем положил лист на ближайший стол и обратился к старику:

— Это все приятно! Я бы сказал, убедительно. Но вы мне лучше скажите: можем ли мы посылать нашего сотрудника на смертельный риск?

Голос Милодара дрогнул, и крепкими пальцами он схватил Кору за локоть и подвинул к высокому старику, словно тот был должен получше разглядеть страдалицу.

Но Кора уже начала привыкать к тому, что заявления комиссара Милодара всегда требуют эмоциональной корректировки и совсем не соответствуют тому трагическому содержанию, которое он в них вкладывает.

— Принципиальных перемен не произошло, — ответил старик. — Но присутствие постороннего мощного поля мы продолжаем измерять.

— То есть они не ушли, не закрыли дыру?

Старик с козлиной бородкой, словно охваченный сомнением, обернулся к мигающим экранам и минуты две внимательно их разглядывал, медленно продвигаясь вдоль их строя.

— Все нормально, — уверил он Милодара. — Они здесь.

— Для меня это как гора с плеч, — сообщил Милодар. — А то кинешь сотрудницу с обрыва, а они ее подхватить забудут.

— Кого это вы вздумали кидать, комиссар? — спросил старик.

— Она здесь, моя бедная девочка, — ответил комиссар. — Кидать будем ее.

— Может быть, обойдемся без такого жестокого способа? — спросила, криво усмехнувшись, Кора.

— Другого мы не видим, — ответил Милодар. — Обрати внимание, существует закономерность — наши соседи посвоему гуманны. Насколько нам известно, они еще не утащили у нас ни одного человека, который, скажем, вышел погулять по дороге. По крайней мере, нам такие случаи неизвестны. Они хватают и утаскивают к себе тех типов, которые по той или иной причине оказываются на грани смерти.

— У вас только один пример — инженер Всеволод Той, — сказала Кора.

— Чепуха! Ты забываешь, чему тебя учили. Почти наверняка для тех, кто вытаскивает наших соотечественников, время не представляет непроницаемого барьера. Во взаимодействии наших миров им все равно — произошло ли событие тысячу лет назад или только вчера. Им важно место действия. А вот время им безразлично. И это великое открытие!

— Не понимаю, — искренне произнесла Кора. — Я, правда, по физике в школе выше четверки не поднималась, но, наверное, мои школьные успехи здесь не играют роли?

— Разумеется, не играют, — согласился дядя Сэм. — Но, честно говоря, я не выношу отличников.

— Как я вас понимаю! — обрадовалась Кора.

— Ну что, наговорились? — спросил Милодар. — Тогда пойдем к медикам. Нам нельзя терять ни минуты.

Медики занимали соседний подвал. В подвале недавно находился склад парфюмерного магазина, в нем еще пахло мылом и шампунем. Стены были покрыты блестящей белой краской, и это было не очень приятно, потому что свет ламп отражался от неровностей стен и от этого в глазах мерцало.

Здесь снова возник Миша Гофман. На этот раз он был в одних плавках и лежал на хирургическом столе, направив к потолку опавший животик. Коре, не выносившей ничего медицинского, сразу стало страшно.

— Что вы будете с нами делать? — спросила она слабым голосом.

— Каждому свое, — ответил Милодар. — Я правильно говорю?

Хирург — громила с преувеличенным подбородком и уто-

нувшими в глубоких глазницах глазами — молча кивнул и потом обратился к Мише Гофману:

— Будете терпеть или дадим наркоз?

— А больно? — спросил Миша.

Кора с некоторым облегчением подумала, что не она одна ослабла духом.

— Пошли, пошли, — Милодар потянул Кору в следующее помещение, где ее ждала неожиданная, но приятная встреча.

— Ах! — воскликнуло при виде Коры существо с громадными сетчатыми, словно у стрекозы, глазами, настолько тонкое в талии, что казалось — вот-вот верхняя половина тела отделится от нижней и начнет самостоятельное существование.

— Ванесса! — И тут Кора поняла, что ее старая подруга, чернокожая муха Ванесса, не даст ее в обиду.

Они обнялись с Ванессой, к неудовольствию Милодара, который не терпел задержек.

— Приступайте! — приказал он.

— Мы посовещались с профессором Пироговым, — сказала Ванесса, — и решили, что постараемся обойтись без имплантаций для Коры Орват.

— Еще чего не хватало! Ведь в этом-то и суть дела, чтобы мы получали через нее информацию.

— Если они достаточно развиты, чтобы пользоваться переходом между параллельными мирами, — загудел украшенный бакенбардами Пирогов, — то они, без сомнения, произведут анализ тела попавшей к ним сотрудницы и обнаружат наши приборы. На этом ее функции закончатся.

— Ничего страшного. Пока они будут проверять и анализировать, — возразил Милодар, — мы будем получать бесценную информацию.

— Но вы погубите агента! — воскликнула Ванесса.

— Этот агент пока не представляет ценности, — ответил Милодар, а когда все присутствующие, кроме Коры, на него зашикали и начали кричать о гуманизме и здравом смысле, Милодар махнул рукой и произнес: — Делайте как знаете! Все здесь умники, а отвечать мне придется!

Затем он ушел из комнаты, и Коре было слышно, как со своего одра Миша Гофман спрашивает его:

— Чего ушли, комиссар? Погодите, мне так хотелось задать вам несколько вопросов! А вы мне ответите — или да, или нет!

Но Милодар не остановился, и его шаги стихли в отдалении...

— Единственное, что мы сделаем, моя дорогая, — прошелестела темнокожая муха Ванесса, — мы внедрим в тебя микроскопический датчик — чтобы знать, что ты жива, и представлять, на каком расстоянии и в каком направлении от нас ты находишься. Хотя, конечно же, эти показатели могут быть неточными: мы же не знаем, искривляется ли пространство в параллельном мире.

— Вот именно, — сказала Кора. — Так что, может, обойдемся без датчика?

— Он мал и сделан из костной ткани зубробизона, так что никакими исследованиями в твоем организме его не отыщешь. А может оказаться, что для твоего спасения необходимо будет знать, где ты находишься.

На этом Кора прекратила сопротивление и позволила произвести над собой экзекуцию — ей дали проглотить махонькую ампулу, в которой и скрывался костяной датчик.

В комнату заглянул Миша. Он был бледен, но бодр.

— Ты тоже будешь проникать в параллельный мир? — спросила Кора, ощутив укол ревности, — ведь это она должна была идти на подвиг ради судеб Галактики.

— Я как твой дублер-космонавт, — ответил Миша Гофман. — Если с тобой что-то случится, не дай бог, конечно, то я пойду следом. Мы же не можем оставить этот объект без контроля.

После окончания операции «заглатывание» Коре ввели комплексную сыворотку от всех известных вирусов и бактерий. Сделано это было на случай, если что-то или кто-то из них встретится там, за поворотом. Затем была сделана еще одна серия уколов — а именно: отныне и в течение месяца потребности Коры в сне, воде и пище будут в десять раз ниже, чем обычно, а жизненный тонус выше.

После этих процедур Кора на полчаса заснула, а очнулась от звука знакомого доброго голоса.

— Пора, Кора, — сказала Ксения Михайловна, склонившись над кушеткой.

Кора легко поднялась с жесткого ложа. Она чувствовала себя так легко и бесплотно, словно стала трехлетней, когда

могла пропрыгать весь день без передышки и не почувствовать усталости.

— Я тебе расскажу сценарий перехода, а ты, пожалуйста, возражай мне, спорь — у нас с тобой есть полчаса, чтобы достичь согласия.

— А комиссар Милодар вернется? — спросила Кора.

— Комиссар Милодар улетел, — ответила бабушка. — И это, я думаю, хорошо, потому что он отрицательно действует тебе на нервы в стрессовых ситуациях.

Она лукаво улыбнулась, и Кора искренне сказала:

— Спасибо, Ксения Михайловна.

И тут Кора вспомнила, что она — взрослая, разумная женщина, которой предложили влезть в смертельно опасную авантюру, мотивируя это необходимостью спасти Землю и всю цивилизацию. А на самом деле нажимая на клавишу страсти к приключениям, обнаруженную в ее душе.

— Простите, — обратилась Кора к Ксении Михайловне. — Допустим, что я согласилась и попала в параллельный мир. То есть он существует и даже затягивает людей отсюда. И я туда попала. А дальше что?

— Дальше все просто, как в самом обыкновенном шпионском романе, — ответила бабушка из семейства Романовых. — Ты должна внедриться в тот мир, то есть по возможности понять, что же им от нас нужно, по возможности оценить опасность, которую представляет существование этого мира для Земли. Затем с помощью Миши Гофмана или сама по себе ты должна дать о себе знать. И главное, от тебя требуется вернуться обратно живой и дать возможность себя допросить и исследовать.

— А исследовать-то зачем? — спросила Кора.

— По нескольким причинам, о которых тебе самой положено догадаться. Во-первых, мы должны понять, не стала ли ты жертвой чуждых нам вирусов или болезней, не являешься ли ты биологической опасностью для Земли.

Кора поежилась. Собственная судьба казалась ей куда более печальной, чем еще час назад.

— Во-вторых, — продолжила бабушка железным голосом, — мы должны будем понять, не являешься ли ты агентом, возможно, не подозревающим того агентом чуждого нам мира, не превратилась ли ты в психологическую рабыню? Ведь это было бы опасно, не так ли?

— И если нужно, меня придется уничтожить? — спросила Кора почти серьезно.

И ответ она получила совершенно серьезный:

— Нам бы очень не хотелось тебя уничтожать. Ты хорошая девочка.

— Все ясно, — сказала Кора. — Как я понимаю, моего мнения никто уже не спрашивает!

— Нам бы хотелось, чтобы твое решение было добровольным. А пока ты как ни в чем не бывало пойдешь со всеми обедать.

* * *

Кора пошла обедать со всеми в татарское кафе у нижней дороги.

Миша Гофман, душа компании, был печален — он сказал, что его вызывают в Москву, где его срочное присутствие потребовалось на репетиции Дня Военно-морского флота. Охотник Грант пришел без своей девушки, сказал, что она простудилась. Поэты громко шептались: они задумали играть в буриме в тайной надежде создать поэму о современном Икаре, который превратился в птицу.

Когда они вышли из кафе, у входа увидели толстую женщину в накинутой на плечи кашемировой шали. Женщина продавала пышные георгины.

— Ах, — произнесла Кора выученный по сценарию текст. — Какая прелесть!

Все согласились, что цветы и в самом деле прелесть.

Согласившись, медленно двинулись дальше, рассуждая, куда пойти — к морю или погулять по горам. Такое поведение нарушило сценарий Ксении Михайловны, которая полагала, что кто-то из мужчин обязательно купит букет георгин у агента Мелании Джонсон, специально доставленной с корзиной цветов из Никитского ботанического сада.

Но Ксения Михайловна надеялась на сообразительность Коры. И не ошиблась.

— Если никто из мужчин не догадается купить нам по цветочку, я это сделаю сама! — воскликнула она и забрала большой букет, по рассеянности забыв даже сделать вид, что платит за цветы.

Это сделал Миша Гофман, догадавшийся к тому времени, что покупка букета входит в генеральный план ИнтерГпола.

Несколько пристыженные мужчины остановились, не зная, то ли купить оставшиеся цветы, то ли возвратить Мише истраченные им небольшие деньги. Пока они размышляли, Кора продолжила игру.

— Вероника, — заявила она. — Я чувствую, что надо сделать с этим букетом!

И тут Вероника, словно прочтя мысли Коры, невольно подыграла ей.

— И я знаю! — сказала она. — Мы отнесем их в Птичью крепость и подарим Всеволоду.

— Вот именно! Подарим Всеволоду.

Кора шла впереди, неся половину букета. На шаг сзади Вероника несла вторую половину. Затем, лениво беседуя о своих делах, шли мужчины.

— Если я сегодня исчезну, — произнесла удивительно чуткая Вероника, — они завтра обо мне забудут.

— Нет, — постаралась утешить ее Кора, — ты слишком красива. Тебя они не сразу забудут.

Вероника замолчала. Она не знала, то ли быть благодарной Коре за признание ее красоты, то ли обидеться на слова «не сразу», означающие в результате, что забвение неизбежно.

Солнце уже согнало с неба утреннюю голубизну — день обещал быть жарким, когда они вышли по тропинке к Птичьей крепости. Площадка, кое-где огороженная сохранившимися с древности каменными плитами, уже нагрелась, пыль, поднимающаяся от шагов, пахла сладко и горячо. Далеко-далеко внизу, синее в тени скалы Дева, замерло море.

Кора не посмела первой подойти к обрыву — это было чувство, заставляющее неопытного парашютиста искать темный уголок в чреве десантного самолета в надежде на то, что тебя не заметят и забудут.

Но краем глаза она не могла не видеть приставшую к компании Ксению Михайловну, еще вчера такую милую и добрую старушку, а сегодня невольно выглядевшую палачом, держащим в руках свернутую веревку.

Зато Вероника, не подозревавшая о том, какие чувства клокочут в головке Коры, смело прошла к самому обрыву и положила букет на каменный барьер, отделявший площадку от пропасти.

— Милый Всеволод, — пропела Вероника, устремив взор в голубизну бесконечности, — если ты астральным образом слышишь нас, то наши чувства и звуки речи доносятся к тебе на Валгаллу.

— Какая начитанная девочка, — счел нужным произнести Миша Гофман. Он-то знал, что такое Валгалла, проходил в хоровом училище на музграмоте. А так как в детском доме музграмоту усердно преподавали всем детям, имевшим музыкальный слух, то Кора тоже знала о Валгалле. Впрочем, как и Вероника.

— Не перебивайте, — огрызнулась Вероника. — Любую песню можно испортить.

— В самом деле, молодой человек... — с укором произнесла Ксения Михайловна.

Кора понимала, что руководительница разведки заинтересована в том, чтобы наивная Вероника создала подобающую для эксперимента атмосферу.

— О, лети наш дар тебе, дорогой летчик, отыщи человека среди облаков и птиц, прижмись к его бесплотному сердцу...

Вероника схватила букет, стала выхватывать из него отдельные крупные цветы и метать их в пространство, как сеятель пшеницу.

— Но они постоянно дежурят? — почему-то спросила Кора, хотя эта проблема уже не раз обсуждалась прошедшей ночью. — Вдруг они не заметят?

— Там есть люди, — прошептала в ответ Ксения Михайловна. — Ты же знаешь, я проследила.

— Мне страшно.

— Я понимаю, но, кроме тебя, этого не сделает никто. А ну, пошла!

Последние слова лучше обращать бы к лошади, но Кора восприняла их покорно, как лошадь. Видно, ей дали какие-то лекарства, подавляющие волю.

Сейчас должна произойти случайность... веселая компания пришла к обрыву, чтобы почтить память исчезнувшего вчера инженера, но тут случилось непредвиденное...

— Пошла! — повторила Ксения Михайловна, не боясь, что ее услышат.

— Постой! — крикнула Кора, вспомнив заученные слова и действия сценария. — Дай мне кинуть. Я тоже хочу!

Она выхватила у Вероники последний цветок и легко

вскочила на парапет — каменную плиту. Она кинула цветок далеко и сильно вперед так, чтобы самой потерять равновесие... но в последний момент инстинкт самосохранения оказался сильнее.

Тело ее, уже готовое сорваться с обрыва, начало конвульсивно дергаться на краю пропасти, стараясь удержаться, и, наверное бы, ничего из прыжка в преисподнюю не получилось, если бы не неловкий Миша Гофман, который кинулся сзади к Коре с криком:

— Остановись! Упадешь!

Одним прыжком он оказался возле ног девушки и постарался схватить ее, да так неудачно, что толкнул вперед — достаточно сильно толкнул, чтобы Кора окончательно потеряла равновесие и птицей полетела с обрыва, медленно поворачиваясь в воздухе, словно была не человеком, а ватной куклой, которую подхватил сильный порыв ветра и на мгновение задержал ее падение вниз, как бы стараясь вернуть тело к крепости... но безуспешно. И в страшной роковой тишине, охватившей от ужаса не только людей, но и птиц, и даже насекомых, она стала падать все быстрее, быстрее, стремясь к морю или камням, окаймляющим скалу у воды.

И уже подлетая к воде, тело Коры вспыхнуло ярким светом, настолько ярким, что все, кто в ужасе глядел на это роковое падение, невольно зажмурились. А когда открыли глаза вновь — через секунду, через несколько секунд, от Коры осталось лишь неясное и исчезающее на глазах сияние, вернее, воспоминание о сиянии.

Но море не всколыхнулось от удара о него тела, кровь не расплескалась по камням, оторачивавшим подножие скалы, — и только несколько чаек, испуганных падением девушки, отлетели подальше в небо, и неизвестно было, есть ли среди них дух Коры...

* * *

К счастью, Кора не успела толком сообразить, что погибает, потому что в ее сознании смешались убеждение в собственной безопасности, которое внушала ей Ксения Михайловна, и нормальный ужас человека, которого сбросили с гигантской скалы.

Но по мере того (это заняло десятые доли секунды), как

беспомощное тело Коры приближалось к гибели, разум, не в силах преодолеть внутреннего страха перед смертью и справиться с ускорением, отказался видеть и понимать действительность. А снова он включился лишь после того, как Кора разбилась о скалы, утонула в море или превратилась в птицу, — то есть после того, как с ней произошло Нечто...

Кора открыла глаза.

Она лежала на склоне холма или горы, а может, просто на склоне. Возле глаз росла подсыхающая, бурая трава, небо было обыкновенным, летним, может, чуть серее, чем положено. Воздух был жарким... нет, он был иным, чем у нас, на Земле, в него накапали каких-то не очень ароматных добавок, с чем придется мириться. Но в целом никаких особых перемен в мире не произошло — то есть параллельный мир и на самом деле оказался миром параллельным, а не перпендикулярным и не перекошенным, как того можно было опасаться.

Затем Кора поняла, что ушиблась. Все же это было падение — не сильное, не болезненное, но она оцарапала локоть и ударилась лодыжкой о камень.

Кора села, потирая лодыжку.

Вокруг было пусто. Никто на нее не смотрел, никто не кружил над ее головой, если не считать коршуна или подобной ему птицы, паривший высоко над склоном горы, похожей на Ай-Петри.

«Странно, — подумала Кора, — я предполагала, что параллельные миры должны быть идентичны. Я ожидала очутиться в Крыму, в Симеизе, только в несколько ином Симеизе, и даже встретить своих друзей, а может, саму себя...»

Кора села. Солнце было тусклым, будто где-то разыгралась пылевая буря. У ее ног пробежал муравей, совсем такой же, как на Земле, он тащил хвойную иголку, тоже подобную земной. Это как-то утешало. Хотя не исключало существования чудовищ.

Преодолев боль в лодыжке, Кора поднялась. Почему-то она не боялась. Может, потому, что стояла середина дня, лето, светило солнце и муравьи занимались своими делами.

Локоть почти не болел и не кровоточил, лодыжка поскрипывала, но умеренно.

Стоя, Кора огляделась.

Чем-то окружающий пейзаж напоминал крымский, но не

пейзаж Симеиза, а более восточные берега, где горы теряют остроту и обрывистость и стекают к морю, как плюхи овсяной каши. Но море оставалось и в параллельном мире — и так же ловило верхушками волн ослепительные зайчики солнца.

Так как никто не спешил пригласить Кору приобщиться к красотам и достижениям нового мира, но никто и не нападал на нее, то ничего не оставалось, как самой пойти наверх, от берега.

Чем выше поднималась Кора, тем становилось жарче и тем злобней жужжали вокруг мухи и слепни, и тем больше ей казалось, что все происходящее с ней — какая-то глупейшая шутка, злой розыгрыш — то ли рожденный с темными целями в недрах полиции, то ли придуманный кем-то из ее спутников по веселой компании.

Первым более-менее крупным существом, встретившимся ей при подъеме, оказался выглянувший из-под камня скорпион — в жизни она еще не встречала на побережье скорпионов. Скорпион был невелик, но напугал Кору до полусмерти, куда больше, чем прыжок с обрыва. Хорошо еще, что ее ночью снабдили одеждой, которая, чтобы не заметили окружающие, была точно такой же, как ее старая одежда, но отличалась прочностью и была приспособлена к экстремальным ситуациям. Туфли, например, внешне были теми же, что вчера, а на самом деле их шершавая подошва, подобно клейкой ленте, могла удержать Кору на вертикальной плоскости скалы или стены. Подошвы были рассчитаны на десять тысяч километров пути по самому отвратительному бездорожью.

Так что Кора, обежав скорпиона по широкой дуге и стараясь не приближаться к подозрительным камням, поспешила выше по склону в надежде выйти на дорогу или к каким-то людям, которые ей наконец все объяснят.

Этот путь привел к осыпи, широкой и светлой, поблескивающей под солнцем. Над осыпью вились мухи, и Кора решила обойти осыпь подальше, потому что если скорпионы, тарантулы и гадюки решили избрать себе убежище, то осыпь была для них оптимальным вариантом.

Но далеко она не убежала, потому что камни в осыпи привлекли ее внимание. Они явно были обработаны, и настолько интересно, что, несмотря на опасность, Кора осторожно подошла к осыпи поближе.

Вся осыпь, достигающая метров двухсот в длину и почти столько же в ширину, состояла из изваянных в мраморе, гипсе и бронзе человеческих голов, а также различных частей тела, принадлежавших большей частью одному человеку, хотя, впрочем, уверенности в том не было. Пожалуй, более всего это было похоже на отвалы мастерской сумасшедшего скульптора, который никак не мог удовлетвориться своей работой и, доведя до совершенства бюст своего постоянного натурщика, приходил в бешенство, бил по нему молотком, а потом сбрасывал с обрыва.

Кора пригляделась к голове, которая сохранилась более других — лишь на носу и волосах были сколы. Голова изображала человека средних лет, с низким выпуклым лбом, короткими, как войлочная нашлепка, волосами, большими негритянскими губами и усами под округлым носом. Глаза этого мужчины были малы и глубоко спрятаны под кустистыми бровями.

Чуть далее она увидела лежащую статую того же человека во весь рост. Человек был облачен в некий форменный костюм или мундир и держал руки на животе. Живот выдавался вперед, так что руки проходили под ним, словно помогали телу поддерживать эту тяжесть, чтобы не сползла на колени.

Из груды одинаковых голов торчала рука, указующая в небо. Совершенно очевидно, что в государстве, куда Кора попала, произошла революция и освободившийся от тирании народ сверг памятники душителю свободы. Такое не раз уже происходило на Земле, и до появления следующего мессии или диктатора население государства брело по опасной дорожке демократических свобод, когда монументы не воздвигались. Но то, что для Земли было давней историей, здесь, видно, произошло лишь недавно.

Россыпь статуй и голов убедила Кору, что все же она не жертва шутки, а на самом деле оказалась в параллельном мире.

Когда Кора поднялась выше по склону, к тому месту, откуда изливался поток диктаторских голов, она обнаружила дорогу, правда, запущенную, кое-где заваленную камнями и заросшую травой, но тем не менее самую настоящую асфальтированную дорогу, которая куда-то вела.

Кора направилась по этой дороге на восток, к земной Ял-

те. Несколько минут она шла без всяких приключений, но когда дорога обогнула выдающийся вперед утес, к своему удивлению, она увидела осыпь из каменных голов и тел, однако на этот раз обнаружила, что все головы и бюсты принадлежат совершенно иному человеку — узколобому и тонкогубому. И что важно — вторая осыпь образовалась куда раньше первой, головы большей частью заросли колючками и сорняками, были присыпаны пылью и землей, словно уже несколько лет солнце, ветер и другие стихии постоянно трудились над превращением этой свалки в каменную осыпь. Этот процесс оказался особо очевидным на третьей осыпи, до которой Кора добралась минут через пять. Головы бородатого, заросшего курчавыми волосами старика, что громадным холмом высились возле дороги и скатывались тысячами до самого моря, пролежали там, видно, многие десятилетия, и для того чтобы разглядеть черты лица давнишнего диктатора, Коре пришлось, присев на корточки, соскребать ссохшуюся землю и отдирать плотный дерн.

Это уже было похоже на национальный обычай, и Кора рассчитывала, что через несколько шагов увидит еще одну осыпь и так, постепенно погружаясь в глубь веков, узнает в лицо всех повелителей этой страны.

Однако на третьем повелителе все закончилось, потому что дорога выбежала в долину, горы расступились, и над Корой возник вертолет, который снижался, а навстречу ей по дороге, гоня тучу пыли, неслась зеленая машина, схожая с «газиком», но в то же время не совсем «газик».

Параллельный мир собрался встретить гостью, и Коре лишь оставалось надеяться, что встреча будет дружеской. Хотя в этом возникли сомнения. Во встрече чего-то не хватало — скажем, оркестра и неспешности, которая всегда сопровождает радостную процессию.

К сожалению, Кора оказалась права — в параллельном мире оказались достаточно суровые нравы: вздымая винтами пыль, вертолет обрушился на придорожный склон, и оттуда начали вываливаться солдаты в камуфляжных костюмах, тогда как подобные им солдаты выскакивали спереди из «газика», и все это воинство мчалось к Коре, но, не добежав, герои рухнули в пыль, расставляя ноги и направляя на Кору стволы автоматов.

— Руки! — завопил кто-то в хриплый мегафон. — Руки вверх, а то стреляем!

Кора оглянулась, никого больше на дороге не увидела и поняла, что приказ относится к ней. Тогда она подняла руки, отчего чувствовала себя полной идиоткой — ты стоишь на южном берегу Крыма, одетая по сезону, не вооружена даже микрофончиком, не говоря о газовой капсуле, а тебя штурмует взвод десантников.

Первым к ней осмелился подойти офицер — на нем была каскетка с пышным гербом, золотые валики на плечах, пуговицы с гербами и сверкающие сапоги. К тому же он был снабжен висячими усами и красным носом, что выдавало возраст и жизненный опыт, чего не было у рядовых солдат.

— Руки вытянуть вперед! — приказал он.

Кора уже догадалась, что она попала в чужой монастырь со своим уставом, и покорно протянула руки, даже не задавая сакраментальных вопросов, которых от нее, видимо, ожидали: «Где я нахожусь? Что происходит? Как вы смеете?» Без лишних разговоров и сопротивления офицер надел на Кору стальные наручники и, толкнув в плечо, показал направление движения — к «газику».

Там ей выделили место между двумя потными вонючими солдатами в давно не стиранных куртках и штанах. Офицер сел рядом с шофером, вертолет взлетел, а джип поехал за ним.

Машина была снабжена примитивными колесами, как в историческом фильме, и потому подпрыгивала на неровностях дороги, солдаты ругались, и некоторые слова были Коре известны еще по детскому дому, но другие оказались совершенно загадочными. Но в любом случае первый и совершенно категорический вывод Коры заключался в том, что параллельный мир оказался совершенно не таким, каким должен был оказаться и каким ожидали его увидеть сотрудники полиции и разведки, так напуганные феноменом непрошеных соседей.

Даже неопытного взгляда Коры было достаточно, чтобы понять, насколько этот мир отстал от нашего мира технологически, и это придавало всей истории дополнительный оттенок тайны, которую следовало отгадать именно Коре, потому что ее помощник, а может быть, и начальник Миша Гофман еще проходил инструктаж на вилле «Ксения».

К счастью, если, конечно, это не дьявольская хитрость противника, разговаривали эти люди по-русски, и хотя их язык пестрел чужими, устаревшими, а то и просто непонятными словами, все равно в основе своей он был понятен, и значит (а это горячо обсуждалось на Земле перед отправкой Коры), параллельный мир, из которого похищают людей, по своей судьбе, истории и устройству близок Земле. По крайней мере, это облегчает работу наших агентов среди тамошнего населения.

Так рассуждала Кора, не обращая особого внимания на неудобства пути, неприятные запахи, пыль, грубые шутки солдат и даже их попытки использовать в своих интересах тесноту на заднем сиденье. А когда один из солдат слишком разошелся, Кора смогла изловчиться так, что он гулко стукнулся лбом о лоб солдата, сидевшего по другую сторону пленницы. Офицер заметил, что за его спиной идет локальная война, и высадил солдат из «газика», заставив их бежать за машиной. Так что остаток пути Кора провела, развалившись на мягком сиденье машины. Солдаты трусили рядом и объясняли ей особенности сексуальной жизни ее мамы, солнце палило, пыль проникала в легкие, наконец впереди показалась ограда из колючей проволоки, в которой был проезд, перегороженный шлагбаумом. Джип миновал въезд и замедлил ход перед длинным одноэтажным бетонным бараком, за которым возвышалось скучное четырехэтажное здание с маленькими окнами, забранными на нижнем этаже железными решетками.

Именно к этому зданию направился джип.

Стоило машине затормозить, как из стеклянной двери выбежало странное существо в длинном платье, платке с кокардой и мясницком клеенчатом переднике, из-под которого торчали носки солдатских сапог.

— Привезли? — закричало существо.

— Поймали, — ответил офицер, спрыгивая на асфальт, которым был залит плац между бараком и четырехэтажным домом.

— Кто это? — спросила Кора у солдата, который, запыхавшись, догнал машину.

— Медсестра, — ответил солдат. — Не подходи, укусит!

Остальные расхохотались.

— Слезай! — приказала медсестра Коре. Голос у нее был басовитый.

— Она мужчина или женщина? — спросила девушка.

— Кому как, — ответил солдат. — А ты выходи, выходи, раз велят.

Кора покорно вышла из джипа.

Медсестра сильно толкнула ее к дверям.

— Осторожнее, — предупредила ее Кора. — Я могу упасть.

— Упасть? Так я тебе помогу, — ответила медсестра.

От сильного толчка в спину Кора полетела вперед, в стеклянные двери, предусмотрительно открытые вахтером, и, пробежав пустой вестибюль, украшенный лишь синими волнистыми узорами под потолком и портретами самодовольного узколобого человека с напомаженным коком и бородкой, которая вроде бы когда-то именовалась эспаньолкой, врезалась в стену.

— Эй, принимайте пополнение! — крикнула медсестра.

Оглушенная, Кора оглядывала идущий от вестибюля широкий коридор, покрашенный в приютский голубой цвет. Двери его были когда-то побелены, в простенках стояли стулья, а над ними к стенам были приклеены плакаты, рассказывающие о нужном поведении во время пожара или атомной тревоги. Плакаты были нарисованы плохо, примитивно, но доходчиво.

На стульях у правой двери сидело несколько человек в синих халатах, словно к зубному врачу. И Коре захотелось спросить, кто последний, несмотря на всю нелепость такого вопроса.

Однако Миша Гофман, который сидел на крайнем стуле, сам сказал ей:

— Я последний, гражданка. Вы будете за мной.

Композитор-песенник Миша Гофман, которого здесь оказаться не могло, потому что он еще оставался в нашем мире и даже способствовал падению Коры в мир этот, был облачен в синий больничный халат, из-под которого были видны кальсоны с развязанными белыми шнурками, свисающие, как усы сомов, по сторонам тапочкиных морд.

— Миша? — спросила Кора. — Это вы?

Странно было бы здесь заниматься играми в конспирацию.

— Да, — ответил Гофман, глядя в пол. — Мы с вами где-то встречались?

— Да, встречались, — сказала Кора и села на свободный стул. Напротив нее оказалась прелестная на первый взгляд смуглая брюнетка. В ее спутанных волнистых волосах горела маленькая диадема, а из-под больничного байкового халата, который был велик размеров на пять, из-за чего пришлось закатать рукава, выглядывала нежная узкая ножка в расшитом бисером башмачке.

— Здравствуйте, — сказала Кора.

Девушка захлопала глазами и ответила нечто на незнакомом языке.

Потом она принялась тихо плакать, но остальные не обращали на нее внимания.

Кора перехватила внимательный и настороженный взгляд соседа — тот был молод, худ, коротко пострижен, его щеку пересекал красный безобразный шрам, который оттягивал вниз угол рта. Своеобразие его туалета заключалось в том, что из-под халата торчали плохо начищенные сапоги со шпорами, что роднило его с медсестрой.

— А почему мы сидим? — спросила Кора, не дождавшись какой-нибудь реакции от «больных».

— Ради бога, помолчите! — воскликнул Миша Гофман. — Не привлекайте к себе внимания.

— Сколько вам можно говорить! — раздраженно откликнулся пожилой мужчина в сильных немодных очках, отчего его глаза казались голубыми прудами. — Это не играет роли. Главное — не обращать на них внимания. Игнорировать!

— Вам хорошо игнорировать! — возмутился маленький, широкий в бедрах и ватный в плечах, гражданин с тупым неподвижным лицом. — Вы с ними бесед не имели.

— Ах, оставьте! — отмахнулся очкарик. Он был лыс, коренаст, с красивыми губами и округлым подбородком.

Дверь рядом с Гофманом открылась, и оттуда выглянул дряблый сизолицый мужчина в белом фартуке, повязанном поверх голубого халата.

— Гофман! — приказал он. — Заходите.

Затем он окинул взглядом остальных и сказал:

— Прочих примем после обеда.

Но тут его взгляд упал на Кору, и сизолицый удивился.

— А вы тут что делаете? — спросил он.

— Меня привезли, — призналась Кора.

— Кто привез?

— Солдаты, — сказала Кора, изображая полную наивность. — Я шла по дороге, а меня нашли и привезли на машине.

— Так вы местная? — спросил сизолицый.

— Нет, я из Москвы. Я в отпуске.

— Господи, ну какая может быть еще Москва! Что за чушь? Вы мне скажите, вы включены в контингент или вы из обслуживающего персонала?

В полной растерянности Кора поглядела на Мишу Гофмана.

— Вот такой здесь бардак, — сообщил Миша. Под глазом у него чернел синяк. — Сами не знают, чего хотят. Но измываются над людьми.

— Помолчали бы, Гофман, ваша судьба вызывает у меня большие опасения, — сообщил сизолицый доктор. — Я бы за вас и двух резан не дал.

— Я молчу, но это мне не помогает, — ответил Гофман. — Я попал в атмосферу всеобщей подозрительности и террора.

— Другой атмосферы я вам предложить не могу, — ответил сизолицый. — Нет у нас другой атмосферы. Так что, кроме Гофмана и новенькой, все свободны.

Он почему-то погрозил Коре пальцем и добавил:

— Только чтобы туда вот, напротив, ни ногой! Ясно?

Кора почувствовала себя беззащитной, как всегда беззащитен человек в больнице, где нет знакомого доктора или хотя бы сестры, к которой можно обратиться по имени и как бы призвать ее покровительницей против духов болезней.

— Не волнуйтесь, девушка, — сказал ей лобастый очкарик с красивыми губами, — в данный момент их в самом деле не волнует ничего, кроме предварительного знакомства с вами.

Он улыбнулся так мягко и даже застенчиво, что Коре сразу стало легче.

Все посетители этой «поликлиники» поднялись и потянулись к выходу. Кора осталась в коридоре одна. На месте не сиделось. Она поднялась и подошла к двери, в которую сизолицый доктор не велел заходить. Раз он не велел, значит, за дверью скрывалось что-то интересное, а может, и важное для разведчицы Орват. Так что Кора прислушалась, но ничего, кроме неясного рокота, не услышала.

Тогда она осторожно приоткрыла дверь.

За столом сидел еще один доктор. Грузный человек с убранными за уши длинными серыми волосами, неопределенного возраста, и у него был такой громадный мягкий обвислый нос, что придавал доктору сходство с морским слоном.

— Заходите, — буркнул доктор. — Раздевайтесь.

Он поднял голову. Увидел Кору и удивился.

— Я вас не знаю, — сказал он.

— Я тоже, — согласилась Кора. — Но доктор напротив не велел мне к вам ходить. Почему?

Главное — казаться очаровательной дурочкой.

— Почему? — Морской слон быстро приходил в ярость. Тяжелой тушей он поднялся над столом. — А потому, что эти военизированные коновалы не способны понять, зачем они здесь находятся, и думают, что будут мною командовать! Да Гарбуй их в порошок сотрет!

И с этим криком, чуть не раздавив Кору, морской слон вылетел в коридор, пересек его и ворвался в кабинет к своему сизолицему коллеге.

Посреди небольшого кабинета стоял совершенно обнаженный, голубой от холода или волнения Миша Гофман, вытянув вперед руки и поставив ноги вместе. Глаза его были закрыты. Сизолицый, не обращая внимания на вошедших, приказывал ему:

— Поднять правую руку, не раскрывая глаз, поднести ее к кончику носа. Ну вот, промахнулись! Сколько же можно! А теперь левую руку... и только посмейте мне промахнуться, я вас тут же спишу в обслуживающий персонал и лишу усиленного питания... ну вот, лучшего я от вас и не ждал. Где у вас нос? Нет, это не нос, а это ухо!

— Доктор Клерий! — прервал монолог морской слон. — Вы успеете разобраться с этим неврастеником. Но меня интересует, какое вы имеете право хватать пришельцев, которые еще не прошли моего обследования? Вы понимаете, что ваши армейские интриги здесь не пройдут?!

— Я сделал то, что считаю нужным. Девушку нашли наши сотрудники. Вы ее вообще проморгали. Где был ваш Гарбуй? Опять политикой занимался? Опять с президентом шептался?

— Не вам об этом судить!

— Нет, мне. За нами будущее. А вас мы отправим на помойку истории.

— Прежде чем вы успеете отправить, вы побываете на

кладбище! — сообщил морской слон и со страшным ревом кинулся на сизолицего.

Но тот был готов к нападению. Отшвырнув в сторону маленького Мишу Гофмана, он схватил металлический стул и помчался на морского слона, который выхватил из верхнего кармана мясницкого фартука отлично отточенный пинцет и стал остро, резко, горизонтально махать им, чтобы выколоть противнику глаза.

Кора и Миша убежали из кабинета и оказались в коридоре. Вслед им неслись отдельные вопли и рев докторов.

Уйти далеко им не удалось, даже обменяться фразами они не успели, потому что двери с улицы распахнулись и в вестибюле поликлиники загремели, затопали, тяжело задышали солдаты в боевой форме, бронежилетах и с карабинами в руках. Окруженный ими, шел человек высокого роста с очень маленькой головой, откинутой назад, будто владелец головы только что отшатнулся от неприятного запаха или вида насекомого. Плечи господина были очень узки, затем туловище плавно и постепенно перетекало в живот и бедра, составляющие нижнюю часть этого конуса, а ноги были на редкость коротки, словно обрублены.

В отличие от солдат он был безоружен, если не считать шпаги, свисавшей с золотой перевязи, пересекающей темно-оранжевый мундир, расшитый серебряными дубовыми ветками. На голове офицера набекрень сидела красная каскетка, украшенная плюмажем из павлиньих перьев, которые все время задевали то за притолоку, то за люстру, а то и за потолок.

Натолкнувшись в дверях на Кору и Гофмана, усатый офицер на секунду задумался, затем сообщил:

— Тебя я знаю. Ты — Гофман, агент земных разведок, большой мерзавец. И я тебя задушу собственными руками. А вот девицу не имел чести... Я не имел чести или я имел честь?

— Мы не знакомы, — сказала Кора.

— Вот именно. Из этого я делаю вывод, что ты и есть наше новое приобретение, которое эти недоумки Гарбуя упустили, а мои соколы отыскали и привезли. Тебя солдаты привезли?

— Солдаты.

Офицер говорил хрипло, надрывно, напористо.

— Будем знакомы! — сказал он. — Полковник Рай-Райи, кавалер степени нежданного нападения.

— Кора, — ответила девушка. — Кора Орват, студентка Суриковского института.

— Степень имеешь?

— Степени не имею и не знаю, что вы имеете в виду.

— А то у вас как институт, сразу доктор или профессор. Слушать противно.

Вроде бы разговор шел по-русски, но собеседники друг друга не очень понимали.

— Чего я не хотел, — продолжал полковник Рай-Райи, — так это чтобы ты сперва попала в лапы молодчиков Гарбуя. Они из тебя вытянут, что им надо, а от нас могут и скрыть... Понимаешь?

Полковник показал на дверь, из-за которой доносилось рычание и звуки разбивающихся предметов — бой между докторами продолжался.

— Эти недоумки даже шпиона выследить не могут — хороши бы мы были, если бы оставили этого... — он показал на вздрогнувшего Мишу Гофмана, — на свободе. Откуда мы знаем, где его сообщники.

— Это трагическое недоразумение, — произнес Гофман.

— Я из тебя еще выбью добровольное признание, — пригрозил полковник Рай-Райи и, толкнув дверь сапогом, первым вошел в кабинет, где бились доктора.

Те не заметили, что появилось несколько зрителей, так как, разбежавшись по углам кабинета, метали друг в друга острые и тяжелые предметы. По лицам докторов сочилась кровь, на лбах и темени вздувались шишки.

— А ну, стоять! — крикнул полковник Рай-Райи.

Первым опомнился сизолицый.

— Ваше постоянство! — воскликнул он. — Я больше с этой компанией работать не могу. Они ставят интересы своей науки выше интересов национальной обороны. Это потенциальные предатели.

— Я исполняю указания правительства! — загудел морской слон. — И лично господина президента.

С этими словами морской слон сделал широкое танцевальное движение ластом, и Кора увидела, что в углу, плохо различимый на фоне белой стены, стоит беломраморный

бюст лысого человека с утиным носом и повязкой через правый глаз.

При словах доктора все присутствующие, кроме Коры и Миши, щелкнули каблуками и ударили себя кулаком правой руки по левому плечу.

— Все, хватит! — рявкнул полковник. — Начинаем допрос, пока не прискакал этот Гарбуй.

— Я полагаю своим долгом, полковник Рай-Райи, — пригрозил морской слон, — довести до сведения Председателя Высокой комиссии по пришельцам, господина Гарбуя, что очередной опыт завершился блистательно и в нашем распоряжении имеется живой образец. — Он указал на Кору.

— А ну, отодвиньте его! — рявкнул полковник, и солдаты оттеснили морского слона за разбитый в докторском бою стеклянный шкаф с лекарствами.

— Кора Орват, сделай шаг вперед! — велел полковник.

Но тут он заметил Гофмана и приказал:

— А этого, разоблаченного, отправьте в камеру.

Полковник смотрел на Кору, как ему, видно, казалось, пронзительным взглядом.

— Ну, расскажи, — заявил он. — Как жила, почему к нам проникла. Кто тебе приказал?

— Я вас не понимаю, — сказала Кора. — Я никуда не проникала. Я гуляла, я хотела кинуть цветы в память об инженере Тое, но тут не удержалась и упала...

— Похоже? — Неожиданно полковник обратился к сизолицему.

— Мы составили такое же представление об этом инциденте, — сказал тот. — Они всей толпой стояли там, на точке сброса. Ближе всех к ней находился Гофман. На кинопленке видно, как он ее толкнул.

— Не может быть! Он такой милый дядечка! — воскликнула Кора. — Кроме того, я прошу объяснить, почему я была там, а он уже здесь, почему он был там, а я здесь и он здесь?

— Да, кстати, — повел усами полковник, — как вы это можете объяснить?

— Объяснение этому математическое, — сказал морской слон. — За ним можете обратиться к профессору Гарбую.

— Ну, ты у меня допрыгаешься! — возмутился полковник. — Никакой Гарбуй и даже президент тебя не спасет. Тут решаю я!

— Но и над вами есть власть, — твердо прогудел морской слон, и полковнику пришлось подождать минуты две, прежде чем он снова обрел дар слова и смог возобновить допрос Коры.

— Значит, ты у нас невинный цветочек, ничего не знаешь, ничего не видишь... — Полковник сказал эту фразу так, словно надеялся, что Кора с гневом кинется ее опровергать. Но Кора ничего не опровергла. И подумала, что когда-то, готовясь к зачету по истории искусств, просматривала альбом картин двадцатого века. И там ее юное воображение потрясло полотно «Допрос партизанки». Так героически стояла эта девушка, так бессильно злобствовали фашисты, окружавшие ее! И было совершенно очевидно, что ничего эти фашисты от нее не добьются. И вот теперь наступила ее очередь...

Но допрос закончился на какой-то обыденной и скучной ноте.

— Что ж, — произнес полковник. — Не то чтобы добрая, отзывчивая душа к нам пожаловала, но мы от любой не откажемся. Неизвестно еще, на что тебя можно будет пустить. Все пригодится в нашем хозяйстве. Считай, что тебе сказочно повезло: ты попала в наш мир, светлый, веселый, справедливый. Ты будешь приобщена к нашему передовому строю. Твои физические данные обещают интерес к тебе со стороны нашего мужского пола.

Тут полковник позволил себе откинуть голову назад и немного посмеяться, а солдаты, стоявшие у стен комнаты, тоже посмеялись, но грубее, чем офицер. Сизолицый доктор Крелий ограничился улыбкой. Морской слон поморщился.

— А теперь садись, голубушка, за этот белый столик, возьми карандаш и бумагу и напиши нам свою биографию: где родилась, кто родители, — ответишь на все вопросы анкеты. Доктор, у тебя анкета есть?

— Есть, ваше постоянство.

— И медицинскую сторону объясни: чем болела, какие вирусы в себе носишь, к чему есть иммунитет. Нам не хотелось бы устраивать эпидемии из-за грязных пришельцев. И не спорь. Не зря же мы вас тут в карантине держим!

Кора не стала спорить. В конце концов, сведения, относящиеся к ее жизни на Земле, вряд ли принесут много пользы этому полковнику.

Вскоре полковник, пошептавшись с доктором Крелием,

ушел. Анкета оказалась десятистраничной, половина вопросов были глупыми, а половина — очень глупыми. К тому же анкета была снабжена грифом «Крайне секретно. Разглашение влечет за собой наказание».

Что же удалось ей узнать за первые часы в параллельном мире? То, что здесь периодически низвергают кумиров, и, судя по бюсту президента, который глядел на нее из угла комнаты, этими кумирами были президенты или диктаторы. Значит, и ты, мой дорогой неизвестный друг, тоже скоро угодишь на свалку истории. Что еще? Да, здесь есть внутренние, и довольно острые, противоречия между неким неизвестным ей Гарбуем, который пользуется поддержкой президента и которому подчиняется доктор, похожий на морского слона, и военными в лице полковника и верного ему сизолицего доктора. Этого было мало... если не считать и грустной новости: неизвестно как попавший сюда раньше Коры Миша Гофман находится в опасности. Он разоблачен как земной шпион, и с ним могут жестоко расправиться. На чем он мог попасться?

— Пришелец Орват, — сказал доктор Крелий, — поторапливайтесь с анкетами. Не вечно же мне тут с вами сидеть, прохлаждаться. А то в столовой все сожрут.

— А вы не здесь живете? — спросила хитрая разведчица Кора.

— Я живу на севере, — туманно ответил доктор. — Я здесь в служебной поездке из-за вас. Свалились на нашу голову!

— Мы не валились, — возразила Кора, понимая, что доктор прав: она-то, конечно, буквально свалилась в этот мир.

— Свалились, и теперь с вами разбирайся, а тут Гарбуй палки в колеса ставит со своей чертовой наукой. Мы бы давно приняли меры, если бы не его саботаж.

— А кто такой Гарбуй? — спросила Кора.

— Спроси у Калнина, — таинственно ответил доктор Крелий. — У Эдуарда Оскаровича.

* * *

Кора беспрепятственно покинула четырехэтажное здание, где познакомилась с докторами и полковником Рай-Райи, и вышла на залитый солнцем плац, разделявший большой дом и длинный одноэтажный беленый барак, в тени которого на газоне, протянувшемся вдоль него, в вольных позах располо-

жились, видно, в ожидании ужина, пришельцы с Земли. Слово «пришельцы» отложилось в памяти Коры — кто-то уже произнес его. Двоих из них Кора уже знала. По Земле. Вот сидит на корточках похудевший, словно месяц его не видела, серый лицом Миша Гофман, вчерашний шутник, трепло и записной весельчак. А рядом вытянулся во весь рост на траве и дремлет, смежив веки, инженер Той. Дальше — еще несколько человек.

Их всех объединяет странность — та, что как бы вводит Кору в их компанию: на них синие байковые больничные халаты, из-под которых виднеется грубое казенное белье. Будто все они — пациенты старинного сумасшедшего дома.

Кора остановилась, оглядывая пациентов. Пациенты разглядывали ее.

— Зачем они все это делают? — спросила Кора.

Так как она не обращалась к кому-либо конкретно, то прошло с полминуты, прежде чем ей ответила кухонным голосом коренастая, средних лет смачная полногрудая баба с толстыми ляжками, белеющими из-под короткого халата. Была та женщина крашеной блондинкой, но с момента ее последнего визита в парикмахерскую минуло немало времени, и ее волосы, отросшие неровно, были двухцветными: ближе к голове бурыми, а к концам белыми. Спереди волосы были закручены валиком, а пряди сбоку распрямились соломой.

— Все изучают, — сказала она. — А потом дадут вид на жительство или не дадут. Проверка идет.

— Свежо предание, Нинеля, — сказал Миша Гофман, — да верится с трудом. Мы им нужны для какой-то зловещей цели. Но я никак не могу их раскусить.

— Правильно. Верить им нельзя, — согласился молодой человек с уродливым шрамом. — Никуда от этих сволочей не убежишь.

— Я бы посоветовал вам держать ваши высказывания при себе, господин капитан, — произнес с угрозой пожилой мужчина, ватный сверху, широкобедрый снизу. Его халат упорно распахивался на животе, показывая несвежие кальсоны.

Кора окинула их взглядом — так вот они, гордые жители гордой Земли!

— Больше всего вы похожи на стадо коров, которое ждет у бойни, — сообщила Кора.

— Коров не спрашивают, — отозвался, не открывая глаз, инженер Той, — а нас все время о чем-то спрашивают.

— Но вы должны действовать!

— Как? — заинтересовался Миша Гофман. — Может быть, ты подскажешь?

— Сначала мы должны создать какую-то организацию, — сказала Кора, — а потом принимать общие решения.

— Каждый из нас сквозь это уже прошел, — сказал Миша Гофман. — Но все оказывается куда сложнее.

— Это оттого, что вы спасовали!

— Кора, — лениво отозвался инженер Той, — не надо недооценивать и упрощать. Ты здесь полчаса, а я — уже скоро месяц.

— Чепуха! — возмутилась Кора. — Ты попал сюда за день до меня. Я только повторила твой маленький подвиг.

— Не было никакого подвига. Был порыв ветра, шквал, случайность, и, слава богу, они меня подобрали. И случилось это, может, месяц, а может, тысячу лет назад.

— Инженер прав, — сказал человек со шрамом. Его сапоги высовывались из-под больничного халата. — Почти все сюда свалились месяц назад. Я делаю зарубки — как день, так зарубка.

— Этого не может быть, — решительно заявила Кора, — это нарушает все законы физики.

— Нет, гражданка, — ответила женщина Нинеля. — Не знаешь ты ни хрена законов физики. Не мы их придумали, не нам их менять. Но вот использовать их в интересах строительства социализма и борьбы с международной реакцией мы обязаны. Понимаете, гражданка?

— Хорошо, — сказала Кора, которая прогуливалась вдоль ряда сидевших у стены, — тогда я хочу познакомиться со всеми. Надеюсь, вы не возражаете. Вы ведь, как говорите, давно здесь и знакомы. А я — нет.

— Мы — по-разному, — тихо сказал Миша Гофман.

— Вот сейчас и разберемся, — с суровостью двадцатилетней богини правосудия заявила Кора.

— Замечательно, товарищ! — вдруг обрадовалась крашеная Нинеля. — Я тут у доктора Крелия лист бумаги сперла. А карандаш у Журбы взяла. Так что вы допрашивайте, а я буду фиксировать в письменном виде. Я давно ждала, что к нам пришлют руководящее лицо.

— Ну, не будем называть это допросом, — смутилась Кора, — я хотела побеседовать.

— Молодец, — сказал человек со шрамом, — называть мы, конечно, не будем. Но как ни назови, все равно полезай в кузов, точно?

Кора не ответила ему, а пошла к краю ряда отдыхавших людей, где лежал ватный в плечах толстобедрый человек с жирным тупым лицом, каковые создаются десятилетиями заседаний и застолий, подлых подсидок и доносов.

Почему-то Коре показалось, что этот человек откажется ей отвечать, но тот приветствовал начинание, даже приподнялся на локтях, отчего халат совсем разъехался.

Он так и сказал:

— А я, господа, приветствую ваше начинание. Во всем нужен порядок. Без списков мы не можем создать общество и организовать сопротивление врагам отечества, лишившим нас свободы.

— Тогда вы говорите, а вон та... гражданка будет записывать.

— Я готова, — сказала воинственная женщина Нинеля.

Кора обернулась к широкому человеку с тупым лицом, но тот был далеко не так туп, как казался.

— А мне бы, — сказал он, устремляя взор маленьких острых глаз к Коре, — хотелось сначала узнать, кто это меня допрашивает. И про тебя, Нинеля, неплохо нам узнать. А то и в самом деле получается беспорядок. Я не имею возражений против переписи, но в любом благом начинании должен быть порядок.

— Простите, — сказала Кора, понимая, что ватный чиновник прав. Если ты просишь людей рассказать о себе, откройся сама. — Зовут меня Кора Орват. Я студентка...

— Погоди! — прервал ее чиновник. — Что за фамилия такая? Был у нас в уезде один венгр, но его звали Хорватом.

— Говорят, что я родом из поляков, — покорно ответила Кора. — Но вообще-то я русская, у меня бабушка под Вологдой живет, в деревне.

— Значит, будешь из крестьян? Отец что делает? — спросил чиновник.

— Еще чего не хватало! — вдруг возмутился молодой человек со шрамом. — У нас здесь не выборы гласных, а вы не полицмейстер.

— Нужен порядок, — буркнул чиновник, но настаивать на более подробном отчете не стал.

— Я студентка, — продолжала Кора, — учусь в Суриковском институте.

— Это еще что такое? — спросил человек со шрамом.

— Художественный институт, — пояснил инженер Той.

— Как сюда попала? — спросил чиновник.

— Я здесь на каникулах. Отдыхаю со своей подругой. В Симеизе. И вот нечаянно упала из Птичьей крепости.

— Нечаянно?

— Я могу подтвердить, — сказал Миша Гофман. — Я присутствовал.

— Значит, как и все, — заметил молодой человек со шрамом.

— Я записываю? — спросила помощница Коры.

— Погодите, — вмешался в разговор пожилой человек в толстых очках, отчего его зрачки казались громадными. — Вы не могли бы сообщить нам, Кора, когда этот... инцидент произошел с вами?

— Вчера, — ответила та. — Вчера, 27 июля 2094 года.

— Спасибо, — ответил человек в очках. Кора снова отметила для себя, как красиво и четко у него очерчены губы.

— Чепуха, — сказал чиновник. — Получается, что мы сюда попали в одно и то же время, а вот у себя живем — в разное время. Это для меня загадка, неразрешимая загадка.

— Ну что, мы переходим к опросу? — спросила помощница Нинеля.

— Не-е-е-ет! — пропел чиновник. — Так не пойдет. Мне желательно о тебе знать. Туманная ты личность. И сейчас спешишь на меня разговор перевести, чтобы тебя забыли.

Все стали разглядывать помощницу Коры, будто увидели впервые. Та совсем не была смущена общим вниманием. Даже выпрямилась, чтобы и без того пышная упругая грудь туже натянула ткань халата.

— Я сюда попала из далеких военных времен, — сообщила помощница. — По паспорту я Нинель Иосифовна Костяникина. Друзья зовут Нинеля. Русская, член партии с 1939 года.

— Какой такой партии? — спросил чиновник. — Партий у нас много, одна другой хуже.

— Браво! — воскликнул человек со шрамом. — Очень точное наблюдение.

— Партия у нас одна! — вдруг рассердилась Нинеля. — Так было, и так будет всегда. С другими мы, слава богу, разделались.

— Вот они говорят, — пожаловался чиновник Коре, — даже объясняют, а для меня все это — невозможное крушение основ.

— Прошли твои времена, управа, — огрызнулась Нинеля.

— Простите, — снова заговорил мужчина в очках. — В каком году вы перешли с Земли в этот мир?

Почему-то этот простой вопрос Нинелю возмутил. Она даже топнула толстой крепкой икрястой ногой и сжала руку в кулак.

— Как так перешла? — спросила она. — Что вы подразумевали, а?

— Ничего. Кроме календарной даты.

— А вот этого я тебе не скажу! Я своему долгу не изменяла. Если бы не обстоятельства, я бы с такими, как вы, иначе разговаривала.

— Скажи, скажи, — вдруг вмешался в беседу чиновник. — Твой долг оставь при себе. Я понимаю, что Эдуард Оскарович хочет точно разобраться, ты ему не мешай.

— Ну ладно, ладно, — вперив в пространство желтые пуговицы глаз, буркнула Нинеля. Почему-то она не хотела признаваться, когда и при каких обстоятельствах покинула Землю. — Меня сбросили на парашюте в помощь партизанам. Но меня выдали. Немцы скинули меня с обрыва. Летом сорок третьего года. Вот я и здесь.

— Какие такие немцы? — спросил чиновник.

— Надо историю учить!

— Как же он будет учить, — сказала Кора, — если он, может быть, жил раньше.

— Они меня пытали, — сказала Нинеля, — но числа я не помню.

— Мне большего не нужно, — сказал Эдуард Оскарович. — Тысяча девятьсот сорок третий год. Разброс значительный.

— Все? — спросила строго Нинеля. Коре казалось, что она видела ее прическу и тонко нарисованные дугами брови в каком-то историческом фильме.

— Все, — согласился чиновник. — Все ведет к умопомешательству. Неужели России это суждено?

— Ваша очередь, — сказала Нинеля, — давайте поговорим про вас, гражданин Журба.

— Это слово мне, Нинеля, не нравится. Так вам и скажу.

— А какое же нравится? — спросила Нинеля.

— Можно — ваше превосходительство, ибо имею чин статского советника.

— Мамонт! — сказала Нинеля, обращаясь к Коре за поддержкой. — Он до революции жил.

— А разве вы об этом раньше не разговаривали? — удивилась Кора. — Вы же вместе живете здесь две недели.

Вместо Нинели, которая затруднилась с ответом, заговорил мужчина в толстых очках:

— Во-первых, мы сюда прибыли в разное время, в различных обстоятельствах. Я должен сказать, что некоторые находились в ненормальном состоянии — слишком сильной оказалась травма.

— Старик прав, — сказал человек со шрамом. — Я был убежден, что нахожусь на том свете. Честное слово.

— А что сказать? Конечно же, я думал, что в ад угодил. Или в рай, считай как знаешь, — сказал чиновник. — Тем более что всю неделю сидел в отдельной комнате или камере — понимай как знаешь. Никого не видел, кроме этих мясников.

Кора поняла, что он имеет в виду медсестер.

— Мы только в самые последние дни соединились, — пояснил инженер Той.

— Почему? — спросила Кора, не ожидая, что ей ответят. Но мужчина в толстых очках сказал:

— Они сами не знали, что делать. Они же не верили Гарбую. До конца не верили, что есть контакт с Землей. А теперь они оказались в положении мальчика, который вгрызся в слишком большой пирог. Отступать некуда, а наступать невозможно. И пока они не выяснят отношения между собой, наша судьба тоже не решится.

Тогда, охваченная сомнениями, Кора спросила:

— А все здесь знают, куда попали?

— Я постарался всем объяснить. Но не уверен, что все меня понимают.

Нинеля толкнула Кору в бок.

— Так мы до ужина проваландаемся. Давай, майор.

— Как?

— Ладно, пошутила. Но своих всегда угадываю.

— А у вас был чин? — спросила Кора.

— Сержант госбезопасности, — ответила Нинеля. — И не думай, что это чепуха.

— Я не думаю.

— Тогда веди допрос, раз я тебе инициативу отдала.

Кора обратилась к чиновнику. Тот ответил сразу:

— Всю эту абракадабру про параллельные миры я, конечно же, не принимаю, как иудейские штучки. Но нахожусь в недоумении, почему и стремлюсь к порядку. В настоящее время убежден, что попал в неволю к каким-то из наших соседей. Может, к немцам или к туркам. Точно не скажу.

— А когда вы родились? — спросила Кора.

Чиновник попытался затянуть халат потуже на пузе. Он продолжал:

— Я имел честь родиться в светлый день освобождения крестьян в государстве Российском, а именно 19 февраля 1861 года от Рождества Христова.

Чиновник обвел всех взглядом, в котором Кора неожиданно прочла гордыню: чиновник всю жизнь полагал себя отмеченным перстом Божьим.

— Дальше.

— Крестили меня Власом, Власом Фотиевичем, и в последнее время, до несчастья, имевшего место двадцать третьего июня 1907 года, я трудился на ниве управления государством, пользуясь почетом и уважением сограждан города Бабиловичи Могилевской губернии, где состоял полицмейстером.

— И что же случилось? — подбодрила его Кора, видя, что чиновник загрустил.

— А случилось то, что, отдыхая в Ялте, в пансионе «Марина», было решено посетить Байдарские ворота, где встретить восход солнца с возлияниями и весельем. Мы взяли с собой дам, наняли экипажи... Господи, неужели все это было только вчера?

— Когда же это было? — спросила Кора.

Нинеля записывала. Быстро, мелко, подложив под лист бумаги квадрат фанеры из стопки, лежащей у стены, — видно, до появления пришельцев здесь намеревались начать ремонт.

— Когда? — спросил Влас Фотиевич Нинелю, к которой испытывал определенную близость.

— Через два дня после меня, мы с тобой считали, Фотиевич. То есть две недели назад.

— А я этого не понимаю, — упрямо заявил Журба. — Помню, как с Байдарских ворот ехали, кто-то сказал, что крепость покажет, — мы к крепости пошли, я над обрывом на перилах спьяну плясать начал. Я ведь как выпью — заводной... И полетел я птицей по чистому небу... — В голосе Журбы заурчали слезы.

Конечно, более отдаленное от птичьего племени существо, чем Влас Фотиевич Журба, было трудно представить. Но это было неважно — интереснее для Коры был странный человеческий и даже русский феномен: все здесь присутствующие, независимо от того, насколько они могли осознать, что произошло, с самим фактом перемещения из мира в мир вполне смирились. Для одних в том была божья воля, для других — произвол судьбы, для третьих — физический феномен, но никто не собирался бунтовать, восставать и бороться с богом, судьбой-феноменом. Ждали. Ждали, пока Там решат, что делать дальше.

Когда Журба смахнул слезу, сопровождавшую воспоминание о его птичьем полете, хотя полет, конечно, был пьяным и безобразным, Кора, прежде чем обратиться к следующему, спросила:

— А в поездке — ну, в карете, в пролетке... вы были не один?

— Ни боже мой! — откликнулся полицмейстер. — Иннокентий Илларионович из Ялтинской городской управы...

Он оборвал себя, в глазках появилось загнанное выражение проговорившегося гимназиста.

— Не трать времени, Кора, — сказала Нинеля, — пошли дальше, а то до ужина прочикаемся.

Кора подошла к девушке, сидевшей на корточках, что выдавало ее, с точки зрения Нинели, восточное происхождение. Потому что она с убежденностью произнесла:

— Из татарок. Но эти... они с ней разговаривают, они ее Паррой называют. А так она языка не знает.

— Парра? — спросила Кора.

Девушка грациозно поднялась и встала перед Корой. Она была черномазой — это слово к ней подходило более других, — с жирными, нечесаными волосами с воткнутым в них костяным гребнем. Смуглая кожа и мелкие черты лица, опу-

щенные глаза как-то стушевывали лицо, делали его незаметным, прятали в сутолоке волос. Руки у девушки — а она была совсем молода — были слабые, с тонкими пальцами, они безвольно висели вдоль бедер. На безымянном пальце правой руки было тонкое золотое витое колечко. И Кора вдруг поняла, что эта девушка не ее современница, что она пришла из далекого прошлого. Может, она и есть та самая древняя принцесса, которая первой превратилась в птицу?

— Вы меня понимаете? — спросила Кора по-гречески — когда-то она учила этот язык, увлекшись мифами Эллады, это было еще на Детском острове.

Парра подняла глаза. Глаза оказались карими, и лицо ее озарилось мгновением истинной потаенной красоты. Тут же ресницы опустились вновь. Парра не ответила.

— Она — готская принцесса, — сказал Эдуард Оскарович, который знал не только многое, но и то, о чем и знать-то вроде был не должен. — Это был такой народ, о котором известно мало, — готы Крыма. О них упоминает автор «Слова о полку Игореве».

Кора вздохнула. Она помнила название этого стихотворения, но о чем оно и кто его написал — представления не имела: то ли болела в тот день, то ли прогуляла урок.

— И она тоже попала сюда недавно? — спросила Кора.

— Она не могла попасть давно, я же говорил вам, — ответил человек в толстых очках. — Они все попали сюда, когда активно заработала установка Гарбуя. И она стала вытягивать сюда всех, кто погибал или пропадал без вести в точке соприкосновения наших миров.

— То есть сколько лет этой девушке?

— Наверняка больше пятисот.

Сообразив, что речь идет о ней, Парра сказала несколько фраз Коре. Язык звучал красиво, звучно, но Кора не все поняла.

— Так и запиши, — сказала Кора, — готская принцесса.

— Я уже написала, — ответила Нинель. — И должна сообщить о том, что у этой гражданки есть отношения с Покревским.

— А какое нам дело до этого? — спросила Кора.

Она еще не знала, кто из присутствующих Покревский; оставался, правда, лишь молодой человек со страшным шрамом.

— Нам должно быть до всего дело, — сказала Нинеля. — Мы с вами комитет по управлению соотечественниками за рубежом. Моральный уровень наших товарищей должен быть на высоте. Ведь не на пустом месте сидим, а на глазах у враждебной общественности. А вернемся домой, и нас спросят: а как вы себя вели, не уронили ли достоинство советского человека?

Кора даже открыла было рот, чтобы ответить этой законсервированной красавице, но сдержалась. Ее функция — наблюдать, запоминать и понимать, что происходит. А кто с кем спорит, кто за кем наблюдает — это ее не касается.

— Господин Покревский? — спросила Кора, улыбнувшись при том и как бы ставя себя на сторону Покревского, который имел полное право дружить с любой готской принцессой.

— Я, — сказал молодой человек со страшным шрамом. Он продолжал лежать на земле, прикрыв глаза и разведя ноги в сапогах.

— Мне он не нравится, — сообщила Нинеля. — Сволочь недобитая.

— Вы мне тоже не нравитесь, мадемуазель, — ответил молодой человек. — Потому что вы шлюха.

— Ну вот, видишь!

— Расскажите нам о себе, — попросила Кора. — Что считаете нужным.

— Я ничего не считаю нужным, — ответил молодой человек, а когда Нинеля заорала, чего он, видно, и добивался, то молодой человек приоткрыл правый глаз. — Только не дотрагивайся, — закончил он свою речь. — А то отвечу действием.

— Можно, я его? — спросила Нинель. Она не была уверена в себе — признав главенство Коры и находясь в центре внимания, она предпочитала изображать подчиненную.

— Отставить! — рявкнула Кора и не узнала своего голоса.

— Слушаюсь — отставить, — сразу покорилась Нинеля. И в глазках загорелось странное тяготение к Коре, в которой для Нинели воплотился идеал хозяйки. Ее можно любить, и ей можно подчиняться. Но Нинеля была схожа с дрессированной пантерой: послушна, пока видит хлыст. И не дай бог укротителю отвернуться!

— Расскажите о себе, — попросила Кора.

— Я нахожусь во сне, из которого не могу вылезти, — от-

ветил Покревский. — Не знаю, каково остальным, но для меня случившееся — это смерть и то, что наступает после смерти. Я даже думаю — тут, в чистилище, и смешиваются души разные; мы собрались вместе — и жертвы, и палачи. И вчерашние, и завтрашние. Был бы я человеком глубоко верующим, я бы забился в угол и молился, вымаливал себе прощение за грехи, и просил бы о праве уйти отсюда, от этих монстров, — и Покревский обвел рукой присутствующих.

— Хорошо, — согласилась Кора, сказала громче, чтобы заглушить хруст зубов озлобленной атеистки Нинели. — Давайте сейчас не спорить — мы же хотим понять наше положение...

— Независимо от того, чистилище это или уже ад, — вмешался Эдуард Оскарович.

— Мое жизнеописание, — сказал Покревский, — умещается в двух строчках личного дела: служил в пятнадцатом гренадерском Тифлисском, был дважды ранен, в чине поручика перешел на службу к генералу Корнилову, совершил с ним Ледовый поход, а после смерти генерала примкнул к дроздовцам. Карьеры не сделал — опять ранили... — Покревский дотронулся до шрама, — потом болел тифом... войну кончил ротмистром, командовал эскадроном. Когда большевики вошли в Крым, попал в засаду, спасался, прыгнул с утеса... попал сюда. Коня жалко. Конь меня столько раз спасал... А что касается этой девушки, несчастной и особенно одинокой, то прошу грязными руками к ней в душу не лезть.

— Мы учтем твое пожелание, — сказала Нинеля, вложив в голос столько яда, что воздух стал горьким.

— Значит, это было в двадцатом году? Осенью? — спросил Калнин.

— В ноябре, — ответил ротмистр.

— Записала? — спросила Кора.

— Записала.

Дальше сидел, вытянув длинные ноги, инженер Той.

— Ты все знаешь, — сказал он Коре.

— Пожалуйста, — попросила она. — Скажи, как все. Чтобы все знали.

— Хорошо. Всеволод Николаевич Той. Инженер. Попал сюда в 2094 году во время неудачного испытания махолета. Еще не во всем разобрался...

— В каком году, простите? — Это был голос Калнина. — Мы уже слышали эту дату.

— Он прав, — сказала Кора. — Я попала сюда на следующий день после него.

— А вот этого не может быть! — закричала вдруг боевая Нинеля. — Инженер твой здесь уже вторую неделю. Он сразу за мной прибыл.

— Ничего особенного, — сказал тогда мужчина в толстых очках. — На переходе между мирами действуют совершенно иные законы пространственно-временного континуума. И не столь важно, кто и когда сюда попал. Попадать сюда вы начали тогда, когда заработала установка. Она же вытягивает людей из точки пространства, а не из точки времени. Почему вас так волнует появление инженера днем раньше или днем позже, но совершенно не удивляет то, что принцесса Парра покинула Землю, очевидно, более полутысячи лет назад и прибыла вместе с нами? А уважаемый Влас Фотиевич вылетел из пункта А в пункт Б за полвека до меня.

Кора дождалась, пока Калнин кончит говорить, и сразу же обратилась к нему со стандартным вопросом:

— А теперь расскажите о себе. Когда вы сюда попали и кто вы?

— Меня зовут Эдуардом Оскаровичем, — ответил тот. — Я физик, физик-теоретик. В сентябре 1949 года я оказался здесь в отпуске, из которого не вернулся. Не совсем по той же причине, как вы, но по причине близкой.

— Эдуард Оскарович, ваша фамилия! — потребовала вдруг боевая подруга Коры. Что-то ей не понравилось в имени физика.

— Моя фамилия Калнин, — ответил очкарик спокойно. — Но это вам ничего не скажет.

— Мне все и всегда говорит, — ответила боевая подруга. — И мне даже интересно, не приходитесь ли вы родственником комдиву Калнину Оскару, который проходил по делу военных вредителей в оборонной промышленности на процессе 56-ти в октябре 1938 года?

— А вы откуда знаете?

— Здесь вопросы задаю я, — ответила боевая подруга, и Кора вдруг испугалась, не слишком ли быстро та забирает власть, и потому решила сбить с нее спесь.

— Дайте-ка я проверю, что вы там изобразили, — сказала она.

— У меня почерк плохой.

— Давай, давай, когда велят, — вступился за Кору полицмейстер Журба, — должна быть проверка.

Как и можно было заподозрить, грамотность и каллиграфия не были сильными сторонами разведчицы Нинели. Строчки норовили уехать вниз, видно, стесняясь тяжелого груза многочисленных ошибок.

— Я потом перепишу, — сказала Нинеля. Молчание Коры казалось ей укором. — Ты не волнуйся, все будет как положено, протокол, выступления, анкеты.

— Ну, смотри, — строго сказала Кора и перехватила улыбку Эдуарда Оскаровича. Будто он все понимал. А чего такого? Ему лет пятьдесят — совсем старик. Наверное, уж набрался жизненного опыта. Революцию пережил и Гражданскую войну. Только надо будет как-нибудь спросить, за кого он — за белых или за красных? Или он уже забыл?

Кора возвратила список помощнице, и та вздохнула с облегчением: организационных выводов и выволочки не будет.

Как ни странно, никто так и не поставил под сомнение право Коры задавать вопросы. Впрочем, девушка понимала одну из причин этого: все эти люди попали сюда из разных эпох и потому еще не осознали движения времени и пропастей, разделявших их. За исключением Парры они говорили на одном языке, а как только их заставили одинаково одеться, они стали пассажирами ковчега, на котором сломаны часы. И тут трудно бравировать утонувшим прошлым.

— Расскажите нам, кто вы такой, — обратилась она к Мише Гофману.

Миша потряс головой, словно хотел отделаться от воды в ухе.

— Они его наказали, — сказала Нинеля. — Они его заподозрили в шпионаже и обработали...

Кора почувствовала, что все симпатии Нинели находятся на стороне сил порядка, тех, кто умеет и может обрабатывать.

— Вы не можете говорить? — спросила Кора, давая Мише лазейку.

— Еще чего не хватало! — возмутилась Нинеля. — Другие докладывают, а этот сачковать? Не пойдет, мать его ети!

Лицо Нинели, скуластое, узкоглазое, угорское, требовало

и маленького вздернутого носа, но нос почему-то выдался крупным и склонным к верхней губе. Волосы, валиком нависающие над покатым лбом, были плохо расчесаны и свисали двухцветными сосульками за ушами.

— Я не возражаю, — поспешил с ответом Миша. — Я отвечу. Я уже и им отвечал. Я песни сочиняю. Понимаете, я всего-навсего сочиняю песни и не знаю никаких ваших врагов!

— Миша, — кинулась к нему Кора. — Не волнуйтесь. Я же понимаю. Вас никто не укоряет.

— Кора, милая, — пояснил инженер Всеволод, — укоряют его местные власть предержащие. Как я понимаю, у них есть возможность наблюдать за нами в месте контакта наших миров. Мишу они уже видели, и тебя, и меня... Но Мишу заподозрили в том, что он не совсем тот, за кого себя выдает...

— Я пишу песни! — закричал Миша. — Хотите, я вам напишу песню? Веселую жизнерадостную песню...

— Не надо, — сказала Кора. — Все. Опрос закончен. Если, конечно, больше здесь нет пришельцев с Земли.

— Здесь нет, — сказал Всеволод. — За две недели мы бы заметили.

— Значит, — сказала Кора, протягивая руку, и понятливая Нинеля положила ей на ладонь лист с записями, — давайте подведем и без того очевидные итоги. Вот кто здесь собрались. Я, Кора Орват, попала сюда из конца двадцать первого века. Из того же времени здесь оказались еще два человека — Всеволод Той и Миша Гофман. Эдуард Оскарович прилетел из середины двадцатого века. Чуть раньше покинула Землю Нинеля.

— На шесть лет, — уточнила Нинеля, будто это играло роль.

— В начале века расстались с Землей Покревский и Влас Фотиевич. И, наконец, когда-то очень давно — принцесса Парра. Итого нас восемь человек. Правильно?

— Да, — подтвердил Эдуард Оскарович. — Здесь нас восемь человек.

— И мы хотим вернуться домой, — сказала Кора.

— Не знаю, — ответил Покревский.

— Как так? — удивилась Кора.

— Как только я вернусь домой, — сказал ротмистр, — красные воины бандита Махно догонят меня и порубят саб-

лями, чего они чуть-чуть не успели сделать недели две назад. Но на этот раз со мной не будет коня...

— Где-то по большому счету он прав, — поддержала ротмистра Нинеля. — Меня ведь тоже догонят. А ведь лучше смерть, чем когда пытать будут.

— А я хочу домой, — детским голосом сказал Миша Гофман. — Они мне делали так больно...

Наступила странная неловкая пауза. Оказалось вдруг, что именно возвращение домой, как казалось Коре, такое желанное, пропастью и разделило людей.

— Я лучше останусь тут, — сказал Покревский. — И Парре там делать нечего.

Парра вскинула голову на звук своего имени, робко улыбнулась ротмистру, и Кора поняла, что сплетни Нинели не лишены оснований.

Кора обернулась к Эдуарду Оскаровичу.

— Я ничего не понимаю, — сказала она. — Но может быть, вы как физик объясните нам, можем ли мы вернуться домой. А если вернемся, то куда?

— Еще никто не вернулся, — сказал профессор Калнин. — Я имею в виду людей...

— Неужели никаких опытов не делали? Ну, с птицами, с насекомыми?

— Есть такие предположения, — сказал осторожно Калнин. — Для этого вы должны представить себе время. Время как физическую реальность...

Но профессор не смог в тот раз развить свою идею. Через залитый вечерним теплым светом плац по траве к ним шла медсестра.

— Кто здесь будет Кора Орват? — спросила она.

— Я.

— К доктору Крелию на осмотр, — приказала медсестра.

Кора непроизвольно обратилась за поддержкой к остальным. Но никто не стал ее защищать.

— Ничего плохого не сделают, — сказал инженер Всеволод. — Всех осматривали. Такой порядок.

— Такой порядок... — вторила ему Нинеля. — Вы мне листок оставите?

— Нет, он мне нужен.

* * *

Медсестра провела Кору в административный корпус, в кабинет сизолицего Крелия, где Кора уже бывала.

Доктор был благожелательно настроен и, очевидно, в самом деле собирался Кору исследовать. Но девушку удивило его поведение: вместо того чтобы включить диагностический комплекс, должный осмотреть Кору и сделать все нужные выводы, он сам занялся ее изучением, как будто был тайным развратником, который под предлогом осмотра пользовался случаем, чтобы трогать, щипать и переворачивать пациентку. Будучи девушкой прямой, Кора спросила доктора:

— Вы всех женщин так изучаете или только молодых?

— Не понимаю, — возмущенно откликнулся доктор. — Что вас смущает? Я веду обследование по стандартной программе. И будь на вашем месте старенький дедушка, я бы вел себя точно так же.

И тут Кора сделала вывод о том, что медицина в параллельном мире значительно отстала от земной: она увидела в руке доктора небольшую треугольную бритву.

— Что вы намерены делать? — спросила она дрогнувшим голосом. Воспитанная на гуманных традициях медицины двадцать первого века, которая ставит во главу угла принцип «не разрежь», Кора оказалась лицом к лицу с медициной отсталого параллельного мира, представитель которого намеревался ее резать.

— Дайте мне палец и не устраивайте истерик. Дети в яслях — и те не боятся! — прикрикнул на Кору доктор. Кора в ужасе подчинилась приказу и протянула ему руку. Доктор крепко ухватился за безымянный палец, и Кора пережила одно из самых страшных жизненных испытаний: доктор полоснул бритвочкой по пальцу, и капля ее драгоценной крови показалась на коже.

— Зачем эта пытка? — прошептала Кора.

— Затем, — ответил доктор, — чтобы сделать вам анализ крови.

— Но разве для этого режут людей?

— Я вас еще не резал, — сообщил сизолицый Крелий. Он принялся давить раненый палец, выжимая из него сок — каплю за каплей кровь своей пациентки.

Трудно и страшно пересказывать мучения, сквозь которые прошла агент ИнтерГпола Кора Орват в этой пыточной ка-

мере. Достаточно сказать, что, не удовлетворившись издевательством над пальчиком Коры, доктор воткнул ей страшную иглу в сгиб руки — объяснив, что берет кровь из вены. Именно так! А затем... Кора увидела орудие пытки, именуемое здесь «шприц».

— У нас по соседству холера гуляет, — сообщил доктор, — мы всем прививки делаем.

Кора героически снесла и это. Она читала в книгах, видела в фильмах, как герои и тайные агенты подвергались пыткам и казням. Теперь же наступила и ее очередь.

— Вот и все пока, — сказал доктор, насытившись ее мучениями. — Завтра продолжим.

— Только не это! — проговорила Кора.

Она теперь поняла, какая невероятная пропасть разделяет наш цивилизованный, воспитанный мир от дикого, агрессивного параллельного мира, в который она угодила.

Правда, когда Кора, вернувшись в барак, стала за ужином рассказывать Нинели, какие пытки она претерпела, то сначала Нинеля, а потом и другие ее соседи — Покревский, Эдуард Оскарович и даже полицмейстер Журба — подняли Кору на смех, утверждая, что и на Земле еще недавно к телам людей относились без должного пиетета и кололи их, резали, кромсали в угоду медицине. Хотя, конечно же, это никак не спасало людей от страшных болезней и ранней смерти.

«Какое счастье, — подумала тогда Кора, — что я родилась в современном мире! Ведь могла же появиться на свет в двадцатом веке и мучилась бы всю свою короткую восьмидесятилетнюю жизнь».

— А что со мной дальше будет? — спросила Кора, когда прошла боль.

— Вы у нас побудете, отдохнете, придете в себя, — заурчал Крелий. — Потом мы найдем вам занятие по душе.

— Но я теперь свободна?

— Ни в коем случае! — возразил Крелий. — Пока что вы находитесь в карантине. Вы — источник очень опасных бацилл.

— И долго я буду томиться в этой тюрьме?

— Ай! — возмутился доктор. — Разве это тюрьма? Вы находитесь здесь в обществе ваших друзей. Вам будет интересно.

— Вы разговариваете со мной, как с идиоткой!

— Нами все остаются довольны, — возразил Крелий.

И он склонился над столом, где лежали записи, сделанные им во время обследования Коры. Он изучал, словно позировал для исторического полотна, на котором полководец, склонившись над картой, решает, куда же нанести решительный удар.

По сигналу, явно произведенному, но не замеченному Корой, в кабинет вошли две медицинских сестры в мясницких клеенчатых халатах.

— Обработать, — произнес Крелий, не поднимая головы, — и отвести в палату номер восемь.

Медсестры ловко подхватили Кору под локти, словно ожидали сопротивления, и вынесли из кабинета. В коридоре ее толкнули в направлении приоткрытой двери, за которой находилось узкое, уходящее в темную даль помещение, перегороженное рабочим столом. За столом сидел медицинский работник в привычном уже мясницком фартуке, а по обе стороны от него тянулись вглубь полки, уставленные ящиками, коробками, бутылками и прочими предметами.

Человек ждал Кору, он поднялся из-за стола, согнутый и кривой, тускло поглядел на нее единственным глазом и закричал:

— Где я ей обмундирование добуду — размер сорок четыре, а рост шесть футов?

И тут же скрылся в проходе и начал вываливать на пол коробки, шуровать в них, и оттуда, издали, донесся вопрос:

— Какой размер обуви?

— У меня своя, — догадалась Кора. — Не надо обуви.

— Положено, — заметила одна из медсестер.

Кладовщик уже мчался к ним по коридору, кинул на стол синий халат, кипу арестантского белья, чулочки, намотанные на картонку, и потребовал:

— Орват, расписывайтесь здесь. И здесь. И здесь.

Все ее арестантские вещи он покидал в серый мешок с какими-то лиловыми печатями на нем, протянул мешок Коре и тут же спрятал тетрадку с подписями в ящик стола. А медсестры снова подхватили Кору и повлекли ее вдоль коридора прочь от кладовой.

— Да я сама дойду! — рассердилась Кора.

— Нельзя. Не положено, — откликнулась сестра. — Вы проходите как больная. На излечении.

— От чего? — спросила Кора.

Ей не отвечали — все втроем скатились вниз по лестнице, снова побежали по коридору. Здесь были окна под самым потолком. Окна, забранные решетками. На другой стороне двери. Вот и дверь восемь.

— Где ключ? — спросила сестра.

— Где ключ? — еще громче воскликнула вторая сестра.

Ключ был в дверях, и Кора на всякий случай повернула его и потом, вынув из замочной скважины, спрятала в кулаке. Он мог пригодиться.

— Не прячь, — сказала медсестра, толкая дверь. — Куда ты от нас сбежишь? Вокруг пограничники.

Комната, которая отныне принадлежала Коре, была невелика — три метра в длину, два в ширину. Как раз достаточно, чтобы в ней поместилась койка, застеленная одеялом с вытканным на нем изображением тигра с ветвистыми рогами. Возможно, подобное экзотическое животное здесь водится. Кроме того, в комнате умещался унитаз и рядом с ним умывальник. Остальное пространство, очевидно, предназначалось для прогулок.

— А этот тигр? — спросила Кора. — Он здесь водится или вы его истребили?

— Этот выбрис, — ответила медсестра, — еще сохранился в труднодоступных местах, но далеко отсюда. Так что можете не беспокоиться.

— Вы меня радуете, — сказала Кора. — А то я боялась выходить на прогулку.

Медсестры повернулись и, потолкавшись в дверях, вылетели наружу. Параллельный мир удивил Кору. Она ожидала увидеть нечто другое. Хотя бы более технологически оправданное и продвинутое. Судя по тому, что она здесь увидела, он отставал от Земли лет на сто с лишним. Тогда почему они затаскивают сюда людей, а не наоборот?

Интересно, Гофмана в самом деле разоблачили? Она же сама, как агент, должна молчать и делать вид, что ничего не случилось. В хорошую же компанию она попала!

Дверь широко отворилась, и в ней возник гигант с маленькими усами на маленьком лице. Полковник Рай-Райи напомнил ей Петра Первого в напыщенном и глупом варианте.

— Переодевайся, — сказал он от дверей, — а то мне надо тебя допросить, а ты в цивильном.

— Не нравится мне ваш халат, — ответила Кора. — От него плохим мылом воняет.

— Мне тоже многое не нравится, — сообщил полковник. — Но я комендант лагеря для особо опасных пришельцев и отвечаю за их безопасность и здоровье, — полковник развел длинными руками, которые заканчивались такими маленькими и изящными пальцами, словно принадлежали элегантной даме и были пришиты полковнику путем операций. Пальчики украшали многочисленные кольца и перстни.

— Выйдите за дверь и побудьте там, — сказала Кора.

— Зачем?

— Затем, что я не люблю переодеваться при чужих мужчинах, тем более если это переодевание мне противно.

— Вы глупы и наивны, девушка, — сказал полковник. — Вам кажется, что ваше тело может представлять для меня какой-то интерес. Чепуха! У меня есть любовник, я с ним счастлив, и не исключено, что я на нем женюсь, если его тетя не будет чинить мне препятствий. — Тут полковника охватил безудержный гнев, очевидно, в адрес тети его любовника, потому что он выхватил из ножен саблю, но не стал рубить голову Коре, а со страшным треском сломал саблю о колено. — Не беспокойтесь, у меня протез, — произнес он с чувством собственного достоинства и уселся на край кровати. — Давайте, Кора, давайте, у меня еще масса дел, а надо проверить швы в вашей одежде.

— Какие еще швы?

— А вдруг та бабуся, которая делает вид, что наблюдает за морем из Птичьей крепости, вшила в швы письменные инструкции.

Они много знают, подумала Кора, ой как много!

— При одном условии, — сказала Кора, — я оставляю себе нижнее белье. Я не могу ходить в сиротском.

— Чепуха, — ответил полковник, — сколько вы проносите здесь свои трусики? Вам придется их стирать перед сном и сушить в камере. В эти периоды времени вы будете полностью беззащитны перед насильниками.

А черт с ним! Кора принялась раздеваться, уговаривая себя, что в камере никого нет. Полковник тут же занялся делом. Он хватал вещи Коры и начинал их мять, обнюхивать, царапать, гладить, потом складывал на краешке кровати и ждал следующего предмета.

Оставшись в одних трусиках, Кора вздохнула с облегчением, ибо поняла, что полковник ни разу на нее и не взглянул — все его внимание было поглощено ее одеждой. Полковник оказался человеком долга.

— Все, — приказал он, — сдай мне все.

Кора подчинилась и тут же надела длинные розовые казенные трусы — сейчас бы сыграть в них в футбол, потом рубашку — откуда они вытащили такие неудобные и так плохо отглаженные вещи?

Убедившись, что все вещи Коры у него в руках, полковник коротко произнес:

— Все. Я пошел в лабораторию. Будем исследовать!

Зачем исследовать белье, он так и не сказал.

Дверь за ним закрылась. Кора подошла к осколку зеркала, прибитому к стене. Зрелище оказалось неутешительным. Халат был широк, но страшно короток, из-под него торчала грубо сшитая сиреневая рубашка без воротника, вместо него была продета веревочка. «Господи, в нашем приюте на Детском острове, — подумала Кора, — за такую одежду рассчитали бы всех кастелянш и сама директриса приюта госпожа Аалтонен перешивала бы эти гадкие тряпки».

Без стука в дверь зашел доктор Блай, похожий на морского слона.

— Переоделись? — спросил он.

Доктор занимал все пространство двери. При тусклом полуподвальном освещении кожа его казалась серой и бугристой.

— Переоделась, — согласилась Кора.

— Давайте сюда ваше белье и всю одежду — ну быстро, быстро, мне надо нести это в лабораторию на обследование.

— Простите, но все у меня взял ваш полковник, с усиками.

— Рай-Райи?

— Кажется, так его зовут.

— Я так и знал!

Врач не скрывал своего разочарования.

— Не врете? — спросил он с пустой надеждой.

— Нет. Где здесь спрячешь? — сказала Кора.

— Прятать негде, — согласился Блай.

Врач ушел, а Кора направилась к двери, чтобы закрыть ее. Но в дверях стояла медсестра в белом клеенчатом фартуке.

— Вы за моей одеждой? — спросила Кора.

— Мне надо отнести ее в лабораторию.

— Послушайте, мою одежду унес полковник Рай-Райи, потом за ней прибегал доктор Блай, теперь вы. Что в моей одежде особенного? Откуда в вас такое радение?

— Глупости, — ответила медсестра. — Каждый хочет с вас чего-то поиметь. На нашу зарплату разве разживешься импортом?

— Вы хотите сказать, что полковник взял мою одежду себе? — искренне удивилась Кора.

— Еще бы. Ваше белье денег стоит.

Тут раздался неприятный звон — как будто заработал плохо смазанный будильник.

— На ужин, — приказала медсестра, — идите уж.

Медсестра показала Коре путь в столовую на первый этаж. Сама же не скрывала разочарования.

— Могли бы и предупредить, — сказала Кора у дверей столовой.

— Откуда мне знать, что они такие шустрые!

В столовой, покрашенной серой краской, тоскливой настолько, что никакая, даже самая изысканная, пища и в глотку бы не полезла, под портретом одноглазого президента уже собрались пленники с Земли.

Восемь человек.

Вот они: справа сидит мрачный, глядящий в пространство Эдуард Оскарович Калнин, он даже не заметил, что Кора пришла переодетой в униформу больницы. Рядом с ним горбится, массирует свой шрам Покревский. Тот увидел Кору и кивнул ей. Дальше положил массивные кулаки на стол бывший полицмейстер Журба. Нинеля шепчет ему что-то, наушничает. Инженер знаками пытается разговорить печальную принцессу. Но принцесса не поддается его хитростям. Миша Гофман сгибает и разгибает алюминиевую вилку и поглощен этим занятием.

Кора прошла на свое место — его показала ей Нинеля, рядом с собой.

— Допрашивали? — спросила она.

— Нет, только доктор осмотрел. Мучил, не представляешь как!

— А Гарбуя видела?

— Кого?

— Значит, Гарбуя ты еще не видала.

Медсестра вкатила стол на колесиках, на нем, опасно кренясь, стояли миски и тарелки. Проходя мимо стола, медсестра ловко кидала миски, они ехали по плохо протертой деревянной поверхности и замирали перед едоком. Вторая медсестра шла следом и кидала перед людьми ложки. Все это походило на цирковой номер. Коре хотелось им аплодировать, но все воспринимали операцию серьезно, были заняты наступающей едой — только Коре не хотелось есть, она появилась здесь недавно, и ее беспокоили другие проблемы.

Гороховый суп был невкусным, недосоленным. Журба крикнул:

— Где соль, мать вашу! Сколько раз надо об одном и том же просить!

Никто ему не ответил. И никакой соли ему не принесли, но когда минут через пять или десять снова появились медсестры, то они несли вдвоем большую кастрюлю. Медсестра поставила кастрюлю на край стола, а вторая принялась зачерпывать поварешкой густую кашу и метать ее в опустевшие миски.

Когда операция кончилась, медсестра достала из-под фартука большую открытую консервную банку, наполовину наполненную желтой крупной солью.

Все принялись есть кашу, и некоторые щедро ее солили. А так как первый голод, правивший этой маленькой колонией, был утолен, то люди начали разговаривать, повеселели.

— Что будет дальше? — спросила Кора у Нинели.

— Наверное, опять испытания. Они нас все испытывают, что мы умеем делать. Вчера нас по лабиринту гоняли. А может, допрашивать будут, беседовать.

— А ты кашу доедать будешь? — спросила Нинеля.

— Нет, не хочется.

— Давай я доем, — сказала Нинеля. — Чего ей пропадать?

— Конечно, бери.

Нинеля взяла миску Коры, отвалила почти полную ложку своему соседу Журбе, который заинтересованно глядел на нее, остальное съела сама.

Дверь открылась, но вместо ожидаемых медсестер в мясницких фартуках вошел странного вида неподходящий человек, очевидной, но неприятной женственности.

У него были курчавые волосы, как у толстого мальчика, которого бабушка водит со скрипочкой заниматься к дорого-

му преподавателю. В нем было много от такого мальчика, даже в повадках. Только вместо бабушки за ним выступал полковник Рай-Райи и еще один военный, неизвестный Коре. Новый гость был одет легкомысленно, в длинные шорты, белые гетры, белые матерчатые туфли, в белую же пропотевшую футболку с короткими рукавами.

Покачивая бедрами, мужчина прошел в дальний конец стола и уселся там на стул, услужливо подставленный прибежавшей из другой двери медсестрой.

— Ну что ж, — сказал тонким голосом мальчик, оглядывая стол. — Нас можно поздравить?

— Да, товарищ Гарбуй, — громко сказала Нинеля. — Нашего полку прибыло.

— Ну, пока что не полку, а отдельного стрелкового отделения. Хотя вам простительно, Нинеля, вы военному делу не обучены.

Гарбуй щелкнул толстыми пальцами, и тут же полковник Рай-Райи положил перед ним историю болезни Коры. Она ее узнала. Гарбуй стал листать тетрадку, шевеля толстыми мокрыми губами.

— Все ясно, — сказал он наконец. — Не считая Гофмана и Тоя, вы у нас самая продвинутая во времени. Мы с вами еще не раз поговорим. И откровенно. Вы согласны?

— Согласна, — сказала Кора.

— И отлично. А то господин Гофман, Михаил Борисович, начал лгать и даже противоречить самому себе. А нам нужна правдивая информация, на основе которой будут приняты ответственные решения. Понятно? — За ответом Гарбуй обернулся к Коре.

Миша Гофман молча возил ложкой в миске, собирая остатки каши.

— Зря я его пощадил, — сказал полковник Рай-Райи. Как он ненавидел Мишу!

— Вы руководствовались гуманизмом, полковник, и я вас понимаю, — ханжески промямлил Гарбуй.

«Сейчас придет его мама, в очках, даст ему в руки скрипочку, и мы будем слушать, как он играет гаммы», — подумала Кора.

— Теперь к делу, — Гарбуй перешел на командирский тон. Ему нравилось говорить командирским тоном. Кора даже подумала, что ему раньше не приходилось командовать ни

дома, ни в школе — всегда находился какой-нибудь другой командир. — Сегодня у нас, товарищи, трудный, насыщенный день. Испытания распределяются следующим образом. Гражданка Орват, как новенькая, проходит лабиринт. Инженер Той остается со мной. Он будет проходить дружественный допрос о состоянии дел в малой авиации. Остальные продолжат курс благо-психологических исследований.

— Я протестую, — сказал Влас Фотиевич Журба. — Мы же понимаем, что опять начнете мучить, а мы люди немолодые, немощные.

— Без этого наука не может двинуться вперед, — снисходительно ответил Гарбуй. — Без этого вы бы не оказались в этом лагере, и тем более без этого вы не сможете возвратиться обратно к вашим друзьям и близким.

— Сладко поешь, — прошептал Эдуард Оскарович, и никто, кроме Коры, этого не услышал. Впрочем, толстый мальчик Гарбуй настолько переигрывал свою роль заботливого учителя, что, пожалуй, за редким исключением всем была очевидна лживость его слов и обещаний.

В дверях, куда покорно потянулись ворчавшие пленники, Кору и двух ее спутников ждали солдаты, которых привел Гарбуй.

* * *

Уже вечерело, тени стали длиннее, и ветер утих, отчего воздух прояснился и стали видны нависающие над берегом горные вершины, кое-где покрытые желтеющим лесом. Обернувшись, Кора уткнулась взглядом в плохо побеленные стены барака и мрачного четырехэтажного куба, где обитали и трудились доктора и иные начальственные люди, которые и ведали контактами этого мира с Землей.

Эти и другие, видно, хозяйственные здания располагались на обширной площадке, большей частью заасфальтированной, кое-где поросшей редкой травой. Вокруг тянулась металлическая сетка, а у единственных ворот стояла пропускная будка.

— А как ваш мир называется? — спросила Кора у солдата.

Тот ответил:

— Земля, как же еще! — Потом подумал и добавил: — Впрочем, вам это знать необязательно.

Кора согласилась с солдатом, тем более что ее внимание было уже привлечено к лабиринту, перед которым они остановились. Кора сначала и не сообразила, что видит настоящий лабиринт, потому что для нее это было литературное понятие — нечто вроде гигантского холма, внутри которого должен таиться могучий Минотавр.

Тут же лабиринт оказался бесконечной — в обе стороны — серой бетонной стенкой без отверстий, высотой около трех метров. Наверное, она тянулась на полкилометра, и в ней был лишь один разрыв — как раз к нему они и направились. Возле правого угла лабиринта возвышалась высокая ажурная вышка, схожая с тригонометрическим знаком. Наверху вышки была небольшая площадка, обнесенная перильцами. Там на стульях сидели два солдата. Между ними и перилами были прикреплены пулемет и большая подзорная труба.

При виде процессии солдаты замахали руками, приветственно закричали. Спутник Коры ответил коротким непонятным возгласом и сообщил ей, как новенькой:

— Они будут за вами наблюдать. Оттуда видно все, что внутри лабиринта. Если они увидят лишнее, то и выстрелить могут.

— Что вы под этим имеете в виду? — насторожилась Кора.

— Много будешь знать, скоро состаришься, — ответил солдат.

— Он сам не знает, — сказал второй.

— А зачем мне надо в лабиринт? — спросила Кора.

— Да вас же испытывают! — откликнулся первый. — Испытают и в бульон!

Солдаты рассмеялись.

Солдаты остановились перед разрывом в серой бетонной стенке, на которой сохранились следы деревянной опалубки.

— Вам, девушка, — сообщил солдат, — положено проникнуть внутрь лабиринта, забрать в центре его послание и вынести его наружу. Весь проход по лабиринту фиксируется камерами и пулеметчиками. Не выполнившие задание подвергаются наказаниям.

— А какое вам дело, прошла я или нет? — спросила Кора.

— Сказать правду?

— Скажите.

— Диверсантов из вас готовят. На Землю засылать будут, — искренне ответил солдат.

Он подошел к круглым часам, приколоченным к стенке, и нажал на красную кнопку. Часы зажужжали, и секундная стрелка тронулась в путь.

— Один час, — сказал солдат, — шестьдесят очков. Каждая дополнительная минута — еще очко...

— Пошли! — приказал второй солдат. — Время не ждет.

Он подтолкнул Кору внутрь лабиринта не сильно, но решительно.

Кора сделала несколько шагов внутрь лабиринта и остановилась.

Перед ней был коридор, точно такие же коридоры отходили вправо и влево. Стенки были бетонные, пол тоже бетонный, потолка лабиринту не полагалось. Это был бы самый скучный лабиринт в мире, если бы не небо, которое голубело над головой и показывало куски очень красивых кучевых облаков, которые проплывали в сторону моря.

Лабиринт состоял из бетонных перегородок и точно напоминал те лабиринты, которые принято рисовать в детских журналах, помещая в центре его кусочек сыра, а снаружи голодную мышку, которая этот кусочек сыра должна была скушать. Бывали, правда, и другие варианты — в центре сидела кошечка и поджидала мышку.

— Эй! — крикнула Кора, надеясь, что солдат не услышит. — А как у вас насчет Минотавра? Не поджидает ли он?

Солдат не откликнулся, и Кора решила, что здесь нет такой легенды, не выдумали. Вместо нее какая-то другая, и вовсе не про лабиринт, а про подземную пещеру.

Вздохнув, Кора направилась по коридору направо, придерживаясь правой рукой за правую стенку, вскоре коридор загнулся внутрь и еще через двадцать шагов закончился тупиком. «Если здесь нет Ариадны с клубочком, — подумала Кора, — дай мне, господи, какой-нибудь карандашик или кусочек угля. Полцарства за карандаш, чтобы отмечать собственный путь».

Кора подняла голову — над ней, сбоку, будто плывя по небу, напротив течения облаков, располагалась площадка, с которой наблюдали за мышкой два солдата. Один смотрел, приложив ладонь ко лбу, второй наклонился к подзорной трубе.

Кора сделала шаг ближе к стене — башня пропала — значит, они видят далеко не все.

Но тут же она разубедилась в этом, потому что ей в глаза сверкнул зайчик — она поняла, что где-то над лабиринтом устроена система зеркал. «Ну, ладно, — сказала себе Кора, — пускай смотрят. В конце концов, лабиринт пройти нетрудно, только непонятно — зачем все это им нужно? Я же не подопытный кролик!»

В ответ на ее мысли из-за угла вышел доктор Блай и вежливо пробасил:

— Не возражаете, если я пойду рядом с вами? Мне любопытно наблюдать за вашими действиями.

— Идите, — согласилась Кора. — Я как раз думала: зачем нужно это испытание? Неужели вы и ваши коллеги уверены, что мы больше похожи на мышей, чем на людей?

— Честно говоря, — ответил доктор, — эти испытания — следствие нашего собственного несогласия по поводу того, что с вами делать. Вы так неожиданно и решительно свалились на наши головы, что некоторые предпочли бы, чтобы вас вообще не было. Другие хотят использовать вас в корыстных интересах. Мы же стремимся понять, как достичь взаимной выгоды.

— Кто здесь «мы»?

— Мы — это разумные люди, не охваченные манией величия. Замыслы генерала Лея могут привести к гибели нашей собственной страны. Направо, пожалуйста.

— Что?

— Направо, а то мы с вами попадем в очередной тупик, — сказал доктор.

— Значит, вы не едины?

— Какое, к черту, единство! Месяц назад я и представления не имел о вашем мире, о параллельной Земле и даже о докторе Гарбуе. Я заведовал кафедрой психологии в университете. Вдруг мне позвонил коллега, вы его не знаете, и рассказал об удивительном открытии профессора Гарбуя — и о том, что существует параллельный мир и даже есть с ним связь! Конечно же, я бросил все ради того, чтобы участвовать в этом проекте. Ах, какой это был праздник знания, — доктор прикрыл глаза и повел висячим носом, будто вдыхая сказочный аромат. — Это был несказанный прорыв в науке. Как радовались мы, когда заработали приборы, позволяющие следить за точкой контакта между нами и вашей, второй Землей!

— Моя Земля — вторая? — спросила Кора.

— Разумеется, — ответил морской слон. — Затем мы начали разрабатывать переходник для безопасного перемещения между мирами.

— В обе стороны? — насторожилась Кора.

— Конечно! Правда, пока еще человек не воспользовался этим путем. Но мы направляли на вторую Землю насекомых, птиц и даже мелких животных. Все перешли к вам без повреждений. Все было готово к большим событиям, но две недели назад опыты были приостановлены.

— Почему?

— Потому что заработал экран наблюдения, появились первые пришельцы и все нарушили.

— Пришельцы — это мы? — спросила Кора.

— Разумеется. Так вас называют даже в официальных документах.

Кора кинула осторожный взгляд наверх — солдаты наблюдали за ними с вышки. Солнечный зайчик отразился от линзы подзорной трубы.

— Ничего, что они за нами наблюдают? — спросила Кора.

— На таком расстоянии они ничего не услышат. А раз они видят нас, то не беспокоятся: доктор допрашивает пациентку. Это здесь принято. Зато лабиринт — самое надежное место, чтобы посекретничать.

— И что же случилось?

— Мы работали на вилле «Радуга». Вы не были там?

— Когда? Я здесь всего день.

— Это недалеко отсюда. Там был наш мозговой центр. Господин президент посещал нас по крайней мере раз в неделю. С проектом «Земля-2» у него были связаны важнейшие надежды.

— Какие же?

Доктор поглядел на вышку. Солдаты все так же глазели сверху. Он понизил голос.

— Я очень рискую, — сообщил он. — Но положение у нас сложилось драматическое. Трагическое. Опасное не только для всех вас, но и для нашей Земли. Поэтому я вынужден обратиться за помощью к вам, Кора.

— Но почему ко мне? Здесь есть люди старше меня, умнее меня.

— Человек, которому я доверяю, сообщил мне, что вам можно полностью открыться.

— Кто этот человек?

— Вы скоро его увидите.

— Тогда пошли к нему.

— Подождите. Прежде я объясню вам ситуацию. Мы не все знали, нам не все говорили... Но пока мы вели первые опыты и налаживали связь, мы были убеждены, что наши миры во всем подобны. В том числе в развитии. То есть мы полагали, что ваша Земля находится... ну, как бы в середине двадцатого века по вашему летосчислению. Мы не знали, не подозревали о парадоксе времени, о том, что при переходе время пропадает...

— А какую роль это играло для вас?

— Для меня, для других ученых — никакой. Но для президента — огромную.

— Почему?

— Потому что ваша Земля оказалась главной ставкой в борьбе за власть. Господин Гарбуй уверил президента, что Земля-2 ничем не отличается от Земли-1. Что с ней можно торговать, общаться, ее можно покорить...

— Покорить? Нас?

— Если как следует подготовиться к этому, если знать все заранее, если воспользоваться фактором внезапности — то почему бы не стать господином двух планет?

— И вы восприняли это всерьез?

— До тех пор, пока не начала работать установка и у нас не появились первые пришельцы. И тут произошла трагедия... Обнаружилось, что пришельцы относятся к разным эпохам. Самые поздние из вас живут в мире, который обогнал нас на полторы сотни лет, который освоил путешествия к звездам и такую военную технологию, что нашим бравым генералам и не снилось. И когда мы наладили наблюдение за вашей Землей, наши опасения подтвердились — мы увидели тот мир, в котором живете вы сегодня... Парадокс безвременья погубил нас. И разрушил все наши планы.

— Ну, ничего страшного, — постаралась успокоить собеседника Кора. — Еще не все потеряно. Если ваш мир докажет, что не имеет к нам враждебных намерений, мы будем рады сотрудничать с вами — и это будет всем выгодно.

— Во-первых, это невыгодно нашим военным, — возразил

доктор. — Они уже изготовились завоевать Землю-2 и прославиться в веках. Отговорить их от такого намерения нелегко. Они скорее перестреляют всех наших миротворцев. Во-вторых, это опасно нашему президенту и профессору Гарбую. Президент поспешил присвоить себе звание «Господин двух планет». Гарбуя он сделал своим первым министром по науке. А теперь что делать? Признать, что наш мир — не самый прогрессивный и передовой во Вселенной? Признать, что кто-то может раздавить нас одним пальцем? И теперь, конечно же, президенту лучше протянуть время до выборов, добиться переизбрания, а потом уж решать, что делать с Землей-2. А пока молчать... Но вряд ли это ему удастся. Секрета сохранить не удалось. Генерал Лей знает, что случилось, и не намерен отказываться от своих планов — у него уже отмобилизована армия, чтобы захватить Землю-2. А если не Землю-2, то, по крайней мере, свою собственную планету. Как у нас говорят: «Пришла пора президента с горы кидать».

Кора сразу же вспомнила о завалах одинаковых монументов и бюстов вдоль горной дороги. И даже спрашивать не надо было: ясно, что туда свозили памятники предыдущим президентам.

— А у вас старых президентов не жалуют? — спросила Кора.

— За что же я буду жаловать своего предшественника, если мне куда выгоднее свалить на него все грехи и провалы, а также экономические трудности, растущую преступность, детскую смертность, коррупцию, махинации чиновников, плохой климат и засилие тараканов — во всем виноват мой предшественник! А ну, долой его бюсты!

— Без исключения?

— Говорят, лет сто назад у нас был один безгрешный президент, но он процарствовал всего полгода, не вставая с ложа.

— Значит, президент ваш, как человек неглупый...

— Неглупый — не то слово!

— Но военные не согласны?

— Разумеется, генералы не согласны. Ведь когда идут бои, то гибнут не генералы, а солдаты. Для генерала всегда найдется бомбоубежище с теплым сортиром.

— Значит, всякие испытания и лабиринты придуманы...

— Они входят в программу Гарбуя. То есть президента.

— Теперь мне все более-менее ясно. Но кто же рекомендовал меня как доверенное лицо? С кем вы хотите меня свести?

— Пошли, — согласился доктор. — Это ваш друг. Беседа с ним убедила меня в пагубности нашего пути.

Доктор повел Кору по коридору, они свернули в какой-то закоулок, где у стенки, обращенной к вышке, спрятавшись от зорких глаз солдат, сидел Миша Гофман.

Чего и следовало ожидать.

— Пришла, — сказал композитор-песенник. — Спасибо, доктор.

Доктор отошел на несколько шагов назад.

— Кора, — прошептал Миша Гофман. — На меня больше не рассчитывай. Они вкатили в меня столько психотропных средств, что моя голова работает на три процента. Я тебе «Чижика» на фортепьяно одним пальцем не сыграю...

— Тебе надо обратно.

— Никуда мне не надо. Пойми, что я передаю тебе все полномочия — теперь ты здесь представляешь правительство Галактической Федерации. Но знает об этом только доктор...

— Внимание! — раздался голос издалека и сверху. — Замечено скопление элементов в центре лабиринта. Я требую от вас немедленно поднять руки и выйти на открытое место.

— Все, — сказал доктор. — Мы переоценили свои конспиративные способности.

— Вернее, недооценили возможности полковника, — ответил Миша.

— Расходитесь в разные стороны, — сказал доктор. — Они сначала стреляют, а потом выясняют, кто прав, а кто виноват. Прощайте. Они могут воспользоваться случаем, чтобы отделаться от меня. Мне же этого не хочется.

И доктор быстро пошел в сторону по коридору.

Но далеко уйти он не успел...

Вздымая пыль, по коридору бежали солдаты во главе с полковником Рай-Райи. Полковник был так высок, что горизонтальные лучи солнца, освещавшие лишь верхние кромки стен, золотили его редкие, встрепанные от бега волосы. Он первым выстрелил в морского слона. Доктор схватился за грудь и пошатнулся.

Он рванул Кору за руку, и они упали на бетонный пол.

— Ничего, — пробормотал Миша Гофман. — Пули резиновые. Конечно же, резиновые...

Кровь текла между пальцев доктора, по его груди. Полковник выстрелил еще раз. Доктор послушно и мирно улегся у его ног.

— А ну! — крикнул полковник, закидывая назад маленькую изящную головку и топорща усики, как котик. — Вперед! По лабиринту к цели вперед!

Кора и Миша поднялись и побрели по коридору.

Доктор не шевелился.

* * *

...Кора шла по узкому коридору между серых бетонных стенок, сзади шаркал подошвами Миша Гофман. Доктор Блай лежал мертвый, все оказалось чепухой. Хотя бы потому, что они находились в плену у цивилизации, которая настолько уступала галактической, что не могла угрожать Земле. Об этом следовало сообщить Милодару и Ксении Михайловне, но, с другой стороны, спешить не следовало, потому что сведения о параллельном мире Кора имела лишь самые предварительные. Она даже не выглянула за пределы лагеря для пришельцев.

Они трусили с Мишей по коридору, а сзади топотал полковник Рай-Райи и его молодцы. Не исключено, что они догонят и пристрелят Кору с Мишей.

— Стой! — вдруг предупредил ее Миша. Хоть он и был больным и слабым, но первым увидел подозрительную полосу впереди.

Кора остановилась у самой полосы и попробовала ее носком туфли. Носок послушно углубился в видимость бетона.

— В сторону! — велел Миша. Они метнулись в боковой ход и успели увидеть, как их преследователи промчались по главному коридору, а после этого послышался непонятный шум, плеск, крики, даже стенки лабиринта зашатались. Похоже, что за поворотом несколько человек бились за жизнь, разваливая чудо местной архитектуры. Тут сердце Коры не выдержало, и она побежала на крики — благо бежать-то было два десятка шагов.

Длинного полковника засасывало в бетон в метре от той черты, что встревожила Мишу. Он бил по месиву изящными, украшенными кольцами руками, молотил по головам своих тонущих солдат, пытаясь опереться на них, но солдаты укло-

нялись от его ударов и старались вылезти собственными силами, все более углубляясь в зыбучий бетон.

Кора бросилась на пол и протянула руку вперед — полковник сразу уцепился за нее. К счастью, вовремя пришел на помощь Миша — иначе полковник утащил бы Кору в трясину.

Солдаты держались за полковника, и после отчаянного сопротивления трясина, громко чавкнув, отпустила всех.

Полковник выбрался на сухое место, затем, помогая друг другу, вылезли солдаты. Они матерились, полковник тоже матерился и грозился выяснить, какой идиот понаделал здесь ловушек. Люди нужны не для того, чтобы тонуть в болотах, а для боевых дел.

Сверху, с вышки, тоже увидели этот инцидент. Очевидно, в ловушках лабиринта положено было погибать обычным мышкам, а не кошкам такого ранга. С топотом солдаты побежали по коридорам, забегая в ложные тупики и ударяясь лбами и локтями о перегородки. К тому времени, когда они достигли пострадавших коллег, сверху, с железного блюдца, уже спустился на парашюте невысокий подтянутый человек в камуфляжном комбинезоне. Он был коротко пострижен, на лоб падала челка, глаза были дикими, наглыми, рот широкий, без губ, скулы тяжелые.

— Что вы здесь делали? — спросил он у полковника.

Полковник не мог ответить, потому что бетон, в который он был только что погружен, быстро засох и сковал его члены, а также замкнул рот. Лишь дырки ноздрей позволяли дышать да удавалось немного приоткрыть веки. Солдаты были не в лучшем положении, они тоже на глазах превращались в статуи погибшим воинам.

— Перестарались? — спросил человек с челкой у Коры.

— Не знаю, — ответила Кора. — Ведь это предназначалось для нас. А против нас все средства хороши.

— Теряем людей, — рассердился человек с челкой. Он приказал солдатам, которые прибежали с вышки и стояли вокруг по стойке «смирно», чтобы они вывели из лабиринта пострадавших, для чего придется проломить часть стен.

Стенки рушились на удивление легко, поднялась пыль, человек с челкой куда-то пропал.

О Коре и Мише Гофмане забыли. Миша Гофман спрятался в какой-то тупичок и там задремал, сидя на корточках, а Кора осторожно прошла еще немного к центру лабиринта —

ей было интересно, что за награда ждала того, кто одолеет задание.

До цели оставалось совсем немного, и путь был почти прямым, хотя Кора, конечно же, глядела под ноги, чтобы не ухнуть в очередную ловушку, построенную неизвестно для чего, — даже господин полковник считал это глупостью до тех пор, пока не угодил туда сам.

В центре лабиринта оказалось небольшое квадратное помещение, где в середине стоял каменный алтарь или стол — кому как покажется. На нем возвышался мраморный бюст президента, а перед ним стояла закрытая пластиковой пробкой, до половины наполненная бутылка, на этикетке которой было крупно написано: «Вино розовое виноградное». Рядом стоял стакан. И лежала записка, придавленная обломком кирпича: «Поздравляем с выполнением задания. Надеемся, что вернетесь благополучно. Командование».

Кора постояла, посмотрела на награду, пить не стала, а записку взяла и спрятала в карман синего байкового халата. Пригодится для отчета комиссару.

Кора пошла обратно, глядя под ноги. Это ее чуть не сгубило, потому что как раз в десятке метров от центра лабиринта на нее свалился отрезок стены — бетонная панель, которая была плохо закреплена.

Кора, к счастью, отпрыгнула, но рассердилась на местные власти еще больше.

Из лабиринта Кора выбежала через разрушенный вход. На площадке, отделявшей его от жилых строений, никого не было. Солнце уже зашло, и вокруг благоухала розовая тишь заката, воздух был парным и неподвижным, но с гор уже наваливалась, наполняла собой небо вечерняя прохлада. Птицы молчали, цикад тоже не было слышно.

Кора спустилась на пролет по лестнице и полуподвальным коридором добралась до комнаты № 8.

Дверь к ней была открыта. Кора легла на койку.

В доме было тихо, только кто-то далеко играл на фортепьяно.

Может, пойти в гостиную?

Нет, никого не хочется видеть. С этой мыслью она заснула.

* * *

В комнату кто-то вошел. Кора сквозь сон почувствовала движение.

— Кора, — хриплый шепот глухо отозвался в комнате. Она поняла, что спит поверх одеяла, так и не раздевшись. Окно под самым потолком не давало света — в него было видно лишь синее небо.

— Кто там? — спросила Кора.

— Тише, это я, Нинеля, пошептаться надо, не возражаешь?

— Иди сюда, — Кора почувствовала облегчение от того, что это Нинеля, а не какой-нибудь насильник.

Койка заскрипела. Нинеля была женщиной плотной, не то чтобы жирной, но крепко мясистой.

— Ты чего спать легла? — спросила Нинеля. — Может, заболела?

— Нет, устала.

— Тебя не ранило? Мы слышали, что ты с Мишкой в заварушку попала?

— Да.

— Доктора Блая убило?

— Я думаю, что он погиб.

— Жалко. Он понимающий был, не приставал.

— Его полковник Рай-Райи убил.

— Полковник дикий совсем. Его бояться надо. Он на меня глаз положил, очень я этого боюсь. Нет, ты не подумай, он мужчина видный, и в другой обстановке чего еще желать-хотеть? Но здесь я всего боюсь. И главное, боюсь беспорядка.

— Мы здесь на виду, — прошептала Кора.

— Как кролики... или мышки.

— Ты имеешь в виду лабиринт?

— И лабиринт тоже. А почему полковник доктора убил?

— Я бы сама хотела узнать. Я ведь здесь один день и многого не понимаю.

Кора была не совсем искренней: доктор был сотрудником Гарбуя. Вернее всего, военные пользовались любым случаем, чтобы избавиться от чужих.

— Один день, а себя уже поставила выше всех, — сказала Нинеля. — А это правда, что ты в будущем живешь?

— Я же говорила.

— Нет, я тебе, конечно, не доверяю, — шептала Нине-

ля, — зачем я тебе буду доверять, если ты специально приехала к нам с провокационными заданиями, но ты мне, честное слово, понравилась — я тебе верить не буду, ты не обижайся, что я тебе верить не буду, но ты мне все-таки скажи, как у вас там?

— Мне трудно тебе рассказать, потому что между нами лежит много лет.

— А ты о главном, о главном, неужели не понимаешь, о чем я тебя спрашиваю?

— О чем?

— О победе коммунизма! Неужели тебе не ясно, что о победе коммунизма?

О господи! — чуть было не воскликнула Кора, осознав наконец, какая гигантская пропасть лежит между ними. Ведь Нинеля и Эдуард Оскарович — они пришли из особенного мира, почти литературного в своей придуманности, — из того источника, который десятилетиями после своей смерти питал вражду и войны не только в разных странах, так или иначе пораженных болезнью, но и на планетах, вроде бы не имеющих прямой связи с прошлым, но стремящихся повторить легковерие, ведущее к угнетению.

— Коммунизм вам построить не удастся, — сказала Кора без злорадства или издевки, как если бы ее спросил Александр Македонский, удастся ли ему завоевать Китай, и она так же ответила бы Македонскому, что Китай ему не покорится.

— Так я и знала, что ты скажешь, — вздохнула Нинеля. — Я тебе, конечно, не верю, но ты мне все равно скажи, как это случится.

— Это случится, когда ты уже будешь старой или, может, даже умрешь.

— Ну я-то пока живая! Живая, а все уже случилось!

— Мы не знаем, какой сейчас на самом деле год идет на Земле, — заметила Кора. — Ведь мы из разных лет и столетий прилетели сюда, а случилось это почти одновременно.

— Ты так говоришь, будто нам лучше и не возвращаться, — сказала Нинеля.

— Всегда лучше вернуться домой, — возразила Кора.

— А может, тебе и не хочется в свое время возвращаться? — спросила Нинеля. — Может, ты хочешь к нам, в героическую эпоху построения социализма?

— Нет, в героическую мне тоже не хочется, — сказала Кора. — Вы очень дорого платили за героизм.

— А героизм дешевым не бывает, — сказала Нинеля. — Я тебе еще не сказала правду, почему я сюда попала. На самом деле я от несчастной любви к одному чекисту с обрыва кинулась. Это долгая история, только ты меня не выдавай.

— Я никому не скажу.

— И презирать не будешь?

— Тебя жалеть надо.

— А вот это лишнее. — Нинеля взяла себя в руки. — Жалость унижает человека. Так учил Горький.

— Зачем он вас так глупо учил?

— Помолчи, Кора, а то ты плохо кончишь. И светлое будущее под вопрос поставила, и великого писателя Горького не помнишь. Может, ты в будущем и в школе не училась?

— Кое-как училась, — призналась Кора. — Компьютер меня учил, а я его обманывала. А что еще твой писатель Горький сказал?

— Он про тебя сказал: если враг не сдается, его уничтожают.

— Это он тебе сказал? Или Эдуарду Оскаровичу?

— Он всему миру сказал!

— Надо было громче говорить, — откликнулась Кора, — а то до нас не долетело.

— Больше я с тобой о политике не разговариваю. И ни слову не верю, поняла?

— Поняла, — улыбнулась Кора.

— Я сначала думала, что ты наша, помогала тебе. А ты — враждебный элемент.

— Никому я не враждебный элемент. И не надо меня уничтожать.

— Ну, спи тогда, — сказала Нинеля. — У тебя день был трудный. Я бы еще многое у тебя спросила, но боюсь.

Страшно и удивительно заглянуть в будущее. И неизвестно, верить ли, что будущее станет чужим, или сохранить свою веру в чистоте.

Нинеля поднялась с койки. Койка громко скрипнула.

Синь за окном чуть-чуть посветлела, а может быть, это Коре показалось.

Неуверенно запела какая-то птичка, оборвала песню, будто сама удивилась своему пению.

«Если кто-нибудь придет еще, — подумала Кора, — убью на месте».

Но никто больше не пришел.

До самого утра.

— Подъем, подъем, подъем! — кто-то шел по коридору и кричал.

А снаружи гудела сирена.

Шум стоял страшный — будто нельзя людей разбудить по-человечески.

Особенно было обидно, потому что снился сладкий сон, в котором инженер Всеволод катал Кору на махолете, для чего ему пришлось крепко прижать ее к себе. Было страшновато, но очень приятно — внизу, далеко проплывали городки и отдельно стоящие здания неизвестной красивой страны. Махонькие человечки махали снизу махонькими ручками, узнавая Кору. Кора знала, что полет на махолете завершится вон на той зеленой мягкой лужайке, где их со Всеволодом никто не потревожит...

Потревожили! Сиреной!

Кора опустила босые ноги на остывший холодный пол.

По коридору топали сапоги, шлепали босые подошвы.

Дверь к Коре растворилась, залезла морда медсестры неизвестного пола и рявкнула:

— Тебе что, особое приглашение?!

Кора натянула туфли — как хорошо, что она их сохранила! Умывальня и туалет обнаружились дальше, в конце коридора. Санузел был один на всех жителей этого коридора. У умывальника под портретом президента возился, медленный и уверенный в себе, Влас Фотиевич, совал палец в коробку с мелом и тер зубы.

Он обернулся — весь рот белый — к Коре и прорычал:

— Зубного порошка нету.

— И туалетной бумаги тоже, — отозвалось из кабинки туалета.

Кора стала ждать своей очереди.

Потом пришла принцесса, но, увидев мужчину, сразу убежала.

— Дура, — сказал Влас Фотиевич. — Думаешь, терпеть будет? Сейчас за угол побежит. Они все, татары, такие. Ох, долго еще приобщать их к цивилизации.

Из кабинки вышел Миша Гофман, поздоровался с Корой и сказал:

— Извини, что задержал.

Влас Фотиевич принялся полоскать рот. Он отплевывался, урчал, притом не переставал говорить:

— Какие сегодня мучения будут? Вот уж не думал, что приму такой крест на склоне существования.

— Лабиринт, можно сказать, рассыпался, — сказала Кора.

— Значит, тесты, — сказал Влас. — Доктор Крелий еще на той неделе грозился про тесты. Ты знаешь, что это за чертовщина такая?

— Ничего страшного, — сказал Гофман, оттирая от умывальника господина Журбу. — Задают вопросы.

Гофман был такой же заторможенный и вялый, как вчера.

— Зачем?

— Чтобы понять, кто умный, а кто дурак.

— Это и без вопросов видно, — засмеялся Журба и отошел к перекладине, на которой висело большое общее полотенце, и стал искать на нем место почище и посуше.

Вошел белогвардеец Покревский. Он был бледен, отчего уродливый шрам через лицо казался еще более красным и ярким.

— Уже очередь? — спросил он зло. — Это основная черта нашего режима — всюду устраивать очереди.

— Как мы проходили в школе, — вспомнил школьный учебник Миша Гофман, — царское правительство было погублено именно очередями за хлебом в феврале 1917 года.

— Откуда вам знать? — воскликнул ротмистр и направился к кабинке, но тут Кора поняла, что она пропустит все очереди, и кинулась к кабинке первой.

Внутри было густо насыпано хлоркой.

Хлопнула дверь. Кора догадалась, что ушел Миша Гофман.

— Не нравится мне этот Гофман, — сказал Покревский.

— Потише, ваше благородие, — откликнулся полицмейстер. — Они могут быть заодно. Пошли снаружи поговорим.

Когда Кора вышла из кабинки, у крана никого не было. Она решила воспользоваться коробкой с мелом, почистила зубы пальцем и поразилась способности людей разных эпох одинаково приспосабливаться к невероятным обстоятельствам.

— Доброе утро, — сказал Эдуард Оскарович Калнин, который вошел в туалетную.

Кора передала ему мел, а Эдуард Оскарович снял очки и начал протирать их с мелом.

— Знаете, что любопытно, — сказал Эдуард Оскарович, отставив очки на вытянутой руке и проверяя, хорошо ли они очистились, — если бы нас подержать здесь с полгода, получилась бы славная коммунальная квартира! Вы знаете, что это значит?

— Нет, а что это такое?

— Господи, как же это получилось! — воскликнул Калнин. — Мы одинаковые, но не имеем ничего общего.

И тут Коре показалось, что дверь чуть-чуть приоткрылась, — их подслушивали! Она подняла палец к губам, предостерегая Калнина.

— А я молчу! Хотя, впрочем, и не понимаю, кому здесь нужны доносы.

— Этот ужасный Гарбуй хочет все знать о нас и устроить вторжение на Землю.

— Не переоценивайте Гарбуя, — возразил профессор, — он пешка в чужой игре.

— Вы с ним знакомы?

— Разумеется. Он, подобно мне, сделал ошибочную ставку. История непредсказуема. Угадать будущее хоть один раз — это все равно что выиграть в лотерею миллион рублей или автомобиль «Победа», понятно? Если бы я мог избавиться от гипноза бессмертия вождя, если бы я хоть раз остановился и трезво поглядел на то, что Сталин — это старик, который всю жизнь губил свой и без того некрепкий организм водкой, вином и распутством, что не сегодня завтра он гикнется, я бы все мои действия построил иначе. Но я был под тем же гипнозом, под которым находилась вся страна.

— Вы хотите сказать, что Сталин не должен был умереть, но умер?

— Да.

— А что вы сделали?

— Как что? Попал сюда! Эмигрировал. Скрылся.

— Ой! — Кора была потрясена. — Значит, сто пятьдесят лет назад был человек, который догадался про параллельный мир и сюда перепрыгнул?

— До какой-то степени вы можете считать, что именно так.

Из кабинки вышел ротмистр Покревский и принялся умываться. Он не прислушивался к разговору Коры с Эдуардом Оскаровичем. А если и прислушивался, то ничем этого не показал.

— А вы кто по специальности? — спросила Кора Калнина.

— Я физик. Физик-экспериментатор. Это вам что-нибудь говорит, моя дорогая прапраправнучка?

— Разумеется, — сказала Кора. — Вы делали атомную бомбу.

Снова зазвенел колокол, к нему присоединилась отвратительным звуком сирена.

— Зовут на завтрак, — сказал Эдуард Оскарович.

— А вы не очень молодой... — осторожно произнесла Кора.

— Я был профессором, — сказал Эдуард Оскарович. — И даже должен был баллотироваться в члены-корреспонденты Академии наук. Но не успел.

— Потому что перешли сюда?

Профессор ничего не ответил. Он смотрел на спину ротмистра, который дожидался, пока тонкая струйка воды наполнит горсть, и плескал в лицо.

Они пошли на завтрак.

* * *

За завтраком Кора оказалась рядом с Покревским.

— Мне не хочется есть, — сказала Кора, когда медсестра кинула перед ней миску с кашей, на кучке которой чуть набок сиротливо лежала котлетка.

— Мне тоже, — ответил Покревский. Но взял тарелку Коры и подвинул ее сидевшей рядом чернявой принцессе.

— Бессловесным животным хуже всего, — сказал он.

Птичка сказала что-то ротмистру.

— Вы ее понимаете? — спросила Кора.

— А чего ее понимать, — лениво ответил Покревский. — Она говорит, что эту дрянь есть не хочет, но из уважения ко мне слопает котлету.

Медсестра поставила перед Корой кружку с чаем. Чай был на удивление крепко заварен.

Но без сахара.

— Они на нас экономят, — сказала Кора.

— Воруют. Все тащат.

Покревский щелкнул пальцами. Медсестра принесла сахарницу.

— Вас слушаются?

— Меня боятся. Я этот долбаный лабиринт прошел с первой попытки и прикончил ихнего солдата, который изображал дракона или еще какую-то нечисть.

Так как Кора не ответила и ничем не показала своего восхищения или недоверия, ротмистр агрессивно спросил:

— Вы мне не верите? Конечно же, вы не верите! А я знаю почему — вы селениты. Вы знаете о таком писателе — Герберте Уэллсе?

— Я его любила, когда была девочкой, — сказала Кора. — У нас была одна кассета в библиотеке. «Война миров».

— А я цитирую книгу «Первые люди на Луне». Он ее недавно написал.

— Или очень давно... с моей точки зрения.

Принцесса положила маленькую тонкую ладошку на руку ротмистра.

— Ты ешь, — сказал тот. — Черт знает, сколько нам еще придется наслаждаться прелестями мирной жизни. Вы москвичка, Кора?

— Нет, я найденыш, — сказала Кора. — Я из приюта. Но моя бабушка живет под Вологдой.

— Что-то они сегодня не торопятся угощать нас скудным завтраком, — сказал Журба, сидевший напротив Коры. Но стол был широким и потому разделял, а не объединял сидевших по разные стороны.

— А на рассвете три вертолета прилетели, — сказал инженер. Он был ухожен, побрит, пострижен, казалось даже, что от него пахнет одеколоном. Покревский перехватил взгляд Коры и сказал:

— Он на особом положении. Как консультант по летательным машинам. А вы думаете, что аппараты тяжелее воздуха в самом деле завоюют воздушное пространство?

Кора поглядела на него в растерянности, потому что непонятно было, шутит ли он. Ведь он здесь живет уже несколько дней. Но взгляд ротмистра был чист и честен.

— Да, — сказала Кора. — И мы научимся летать между звезд, как учил ваш любимый Герберт Уэллс.

— Чепуха, — сказал Покревский.

Принцесса стала теребить его, заговорила, и ротмистр склонился к ней, будто стараясь выделить в щебете какой-то смысл. Лицо у него было белым, шрам — темно-красным, неровным, глаза очень светлыми и оттого дикими. Прядь волос все падала на узкий высокий лоб, и ротмистр нервно откидывал ее.

Сонно вползла в комнату запоздавшая Нинеля.

Медсестра словно поджидала ее в дверях — метнула миску и чашку сразу, как только женщина села на свой стул.

— Поосторожнее, — сказала Нинеля. — Я этого не люблю.

Нет, она куда больше похожа на разведчицу, чем на самоубийцу от любви.

— Ой, Корочка, если бы ты знала, что было! — зашуршала она на ухо Коре.

— Что еще?

— Я от тебя ночью шла, а он меня подстерег. Ужас какой-то... какой мужик, я ни минуточки ночью не спала, меня еще никто так не... не радовал!

— Ты о ком?

— Ну, ты же знаешь! Полковник Рай-Райи. Наш с тобой полковник.

— Ну уж не наш.

— С него бетон, оказывается, до полуночи сбивали. Он рассказал. Чуть живой остался — налицо попытка превращения руководящего военного специалиста в статую.

Нинеля заразительно расхохоталась. И смех ее был таков, что все за столом обернулись.

А Нинеля попробовала кружку с чаем и крикнула медсестре, которая торчала в дверях:

— Этого еще не хватало! Холодным чаем будете поить. Сама пей эту бурду.

А так как медсестра не двинулась с места, то Нинеля смахнула со стола кружку. Кружка разбилась о бетонный пол, и большая темная лужа чая образовалась сзади стульев.

Все замерли. Оробели. Все-таки каждый чувствовал себя бесправным пленником.

Медсестра подошла к Нинеле и остановилась. Потом стала поднимать руку, намереваясь, видно, ударить ее, и Нинеля, понимая, что переборщила, стала клониться, уходя от удара, — и все это происходило как в замедленном кино.

— Ну-ну, — благодушно произнес полковник Рай-Райи, входя в столовую и прекращая назревавший конфликт. — Нинеля, сколько раз я тебе говорил, не спеши с выводами. Как говорится, близость — это еще не повод для знакомства.

И полковник рассмеялся, как бы приглашая всех остальных присоединиться к его веселью.

Затем прошел за свое место в торце стола и сказал:

— С сегодняшнего дня будем тренироваться по возвращению на исходные позиции. Хватит, нагостились, покушали нашего хлебушка.

Никто не понял полковника. Он пояснил:

— Великий эксперимент, который проводила моя держава, подходит к концу. Следовательно, мы благодарим иностранных участников эксперимента и готовим их к возвращению домой.

— Как так домой! — неожиданно вскинулся капитан Покревский. — Я бежал оттуда, предпочтя смерть. Да, смерть. А вы хотите вернуть меня! Человек может покончить с собой единожды, у человека бывает только одна смерть. А я уже мертв.

— Этот вопрос находится в стадии обсуждения, — сказал полковник. — Сегодня произойдет совещание на самом высоком уровне. Вами занимаются, и ваша судьба небезразлична. Но вы, друзья, тоже должны понять: у нас свои проблемы, и мы вам не няньки. Каждый сам зарабатывает себе на хлеб.

Допив чай, полковник вышел строевым шагом. Нинеля кинулась было за ним, подняв головку вверх в надежде, что ее погладят или потреплют по загривку. Не вышло. И хоть полковник вызывал у Коры омерзение, ей было приятно, что Нинеля унижена. Это создание было хуже полковника, потому что тот имел какие-то убеждения, а Нинеля — только преданность, притом она готова была ею торговать, как картошкой.

— Это странно, — сказал Эдуард Оскарович. Он поднялся из-за стола, держа в руке кружку с чаем, и пошел к окну. Он рассуждал вслух, и Коре было интересно, что же он скажет.

— Это странно, — повторил профессор. Он видел, что Кора подошла к нему, и не возражал против этого. — Мне казалось, что верх возьмет Гарбуй. В конце концов они признают его главой проекта. С точки зрения здравого смысла любое

их действие против Земли двадцать первого века обречено на неудачу.

— А если они на самом деле решили отказаться от планов? — спросила Кора.

— Кстати, это любопытная мысль, — капитан Покревский стоял рядом, держа принцессу за ручку. Вид его был нелеп, потому что нельзя носить сапоги со шпорами под синим байковым халатом, который мал тебе на два размера. Принцесса была похожа на его дочку-замарашку.

— Боюсь, что это практически невозможно сделать.

— Полковнику я не верю, — сказал профессор. — Хотел бы я знать, известно ли об этом Гарбую.

— А если мы вернемся, — задал самый важный для всех вопрос Покревский, — то куда?

— Первый вариант, — сказал Эдуард Оскарович, — все появляются на Земле в тот момент, в который исчезли.

— Но ведь они на Земле уже погибли или почти погибли! — крикнула Кора. — Всеволод разбился на своем махолете, Покревский и принцесса бросились со скалы...

— Значит, им ничего не остается, как довершить начатое, — сказал профессор. — Долететь до камней и разбиться вдребезги.

— Вы с ума сошли! — рявкнул Журба. — Я-то за что? Я в пролетке ехал с компанией. У меня и мысли погибать не было.

— Не я придумал эту вероятность, но с точки зрения гармонии природы она самая удобная. Восстанавливается статус-кво.

— Ничего не понимаю! — сказала Кора.

— Здесь царит обычный бардак двадцатого века, — ответил Эдуард Оскарович, сердито блеснув очками. — И мы можем стать жертвами этого бардака, если хитрая голова Гарбуя не родит очередной мысли.

И как бы в ответ на слова профессора вместо полковника во главе стола уже восседал господин Гарбуй, как хороший толстый мальчик, который завершил экзерсисы на скрипочке, скушал тарелочку геркулеса с вареньем и вот отпущен бабулей поиграть немножко с уличными мальчиками и девочками.

— Мы с вами — коллеги, — сказал Гарбуй. — Мы все — ученые, которые собрались в этом отдаленном районе для того, чтобы выяснить, как функционирует мироздание. Вели-

кая задача, поставленная перед нами судьбой, требует к себе адекватного отношения. Если кто захочет кофе, поднимите руку, вам дадут.

Почти все подняли руки. Гарбуй крикнул медсестрам, что наблюдали за сценой от двери на кухню:

— Кофе, попрошу всем горячего сладкого кофе!

Медсестры не пошевелились.

— Вы меня слышите? — крикнул Гарбуй.

— Нету кофе, — откликнулась одна из медсестер, вытирая сильные мужские руки о мясницкий фартук. Шапочка была у нее надвинута на самые глаза, из-под нее выдавались неровные пряди. Кора вновь усомнилась, женщины ли эти медсестры.

— Значит, кончился? — с надеждой спросил Гарбуй. — Тогда приготовьте еще.

— Не кончился, а нет, — ответила вторая медсестра.

Все смотрели на Гарбуя.

Он был готов смириться. И видно, ему выгоднее было бы смириться. Но восемь пар глаз, которые смотрели на него испытующе, заставили его вскочить так, что свалился стул, и мелкими шагами побежать к кухне. Гарбуй катился к двери, как тяжелый бильярдный шар, пущенный сильным ударом кия.

Гарбуй натолкнулся на медсестер, которые как бы незаметно сдвинулись, перекрывая вход на кухню, но он врезался в них, как колун в пень, разбросав их локтями и плечами, и исчез на кухне, откуда почти тут же донеслись протестующие голоса и грохот посуды.

Все ждали.

Через секунду или минуту — все равно никто не шевельнулся — Гарбуй выкатился из кухни с большим медным чайником в руке. Чайник был тяжел, он оттягивал руку.

Гарбуй прошел к столу и, левой рукой отодвинув принцессу, стал наливать кофе ей в кружку, но рука у него дрожала, струя хлынула мимо кружки, принцесса взвизгнула, кинулась в сторону, упала на ротмистра, а Гарбуй отскочил, крышка чайника зазвенела, прыгая по бетонному полу, — горячий кофе хлынул водопадом, разливаясь лужей, так что тем, кто сидел за столом, пришлось подобрать ноги.

— Ничего у вас не получится, господин советник Гарбуй, — произнес от двери незнакомый Коре генерал, пришедший в сопровождении полковника Рай-Райи.

— Что вы здесь делаете? — Гарбуй окончательно потерял самообладание. — Почему я не могу в спокойной обстановке встретиться с пришельцами?

— Лишнее это, — ответил новый генерал. — Вы только мешаете нашим планам.

У генерала было такое узкое лицо, что хватало одной черной густой брови на оба глаза, внутренние концы которых почти смыкались, потому что нос казался вырезанным из тонкого картона. Зато ротик у генерала был круглым, алым, очень удобным для засасывания червяков.

— Сначала я проведу беседу с жителями Земли, — торжественно заявил Гарбуй. — Я имею на это разрешение самого президента.

— Мы об этом не знаем, — ответил полковник. — Именно поэтому генерал дивизии Грай сам решил уделить время такой беседе.

— Тогда я могу предупредить вас об одном! — закричал Гарбуй. — Не верьте ни слову из того, что будут вам втолковывать эти генералы. Они хотят втянуть вас, нас и всю страну в дикую и кровавую авантюру.

— Вы ответите, Гарбуй! — завопил генерал.

«Толстый и тонкий», — кажется, у Чехова есть такой рассказ, подумала Кора. Но она была встревожена: конфликт между силами на этой Земле достиг критической точки, и, возможно, он кончится открытой войной. А в таком случае в первую очередь пострадают беззащитные.

— Говорить мы будем не здесь! Я тут же сообщаю президенту о вашем самоуправстве! — Гарбуй быстро выкатился из комнаты, остервенело хлопнув за собой дверью. С притолоки упал кусок штукатурки и чуть не угодил по голове Нинели, которая взвизгнула так, что узколицый генерал Грай закрыл ладонями уши.

— Та-а-ак. — Генерал прошел к столу и медленно обвел глазами стоявших вокруг стола пленников. — Наступает решительный момент. И нам не хочется, чтобы у нас под ногами болтались разного рода авантюристы.

Он говорил мягким, заговорщицким тоном, и Нинеля, которая внимательно прислушивалась к поведению начальства, прочувствованно откликнулась:

— Правильно! Как правильно!

— Не перебивать! — прикрикнул на нее полковник.

— Хорошо, лапочка, — прошептала Нинеля. Полковник поморщился, инженер неожиданно хихикнул.

Но генерал Грай не слушал пришельцев. Он намеревался изложить свою гуманную концепцию.

— Наше мнение, — произнес он, — это мнение не только министерства войны и мира, но и рядовых людей нашей страны, которые из-за карантина не знакомы с вами, но с интересом и сочувствием следят за каждым вашим шагом. Да, я честно скажу — разные были среди нас мнения. Например, известный вам профессор второго ранга Гарбуй, который, к сожалению, еще пользуется некоторым влиянием на любимого нами президента, намеревался навечно заточить вас в этом бараке. Да, именно так! — И генерал поднял узкую костлявую ладонь, останавливая возмущенный гул собравшихся. — Но сейчас побеждает здравый смысл. Я должен вам сказать — давайте жить мирно, давайте жить дружно! Возвращайтесь домой. Несите слово дружбы и мира к своим правительствам и друзьям. Какие замечательные перспективы открываются перед нами.

«Интересно, — подумала Кора, — а зачем он на самом деле к нам пришел?»

И как бы отвечая на ее мысли, генерал Грай продолжил:

— Вы спросите, зачем я пришел к вам? Неужели эти же слова вы не могли услышать из уст любимого вами полковника Рай-Райи? Но я подозреваю, что полковник слишком близок к вам, чтобы быть поистине авторитетным.

— Нет, он ничего, — ответил полицмейстер Журба. — Он авторитетный. Если что, то вполне.

— Ах, я же не об этом! — обиделся генерал. — Я о гуманизме!

— Вот именно, — сказал Журба, который в свое время такому слову не обучался.

— Главное, — воскликнул генерал Грай, — чтобы вы поняли: скоро наступит светлое время вашего возвращения. Нам удалось наконец найти научное объяснение вашему появлению у нас и отыскать способ, как вас всех без вреда для здоровья вернуть домой. И потому я обращаюсь к вам с просьбой: не препятствуйте нашим медикам и специалистам готовить вас к переходу домой, совершить последние исследования, анализы и уколы — это нужно для вашего блага. Мы очень

боимся, как бы вы не принесли на родину каких-нибудь опасных бацилл. Так что вас будут возвращать совершенно стерильными. Надеюсь на ваше сотрудничество.

Генерал откашлялся, орлом оглядел маленькую аудиторию и спросил:

— Вопросы будут?

— Будут, — сразу же ответил Покревский. Его главный вопрос не давал ему покоя уже несколько дней. — Куда вы нас вернете?

— Как так куда? На Землю-2, — ответил генерал, поражаясь тупости пришельца со шрамом.

— Не о том вопрос, не о том! — закричала вдруг Нинеля. — Вы скажите нам — в какое время мы попадем! Мы же здесь все из разных времен, неужели не понятно?

— Разумеется! — Очевидно, для узколицего генерала вопрос был неожиданным.

— Так куда мы попадем? — повторил вопрос ротмистр.

— Я так понимаю, что в сегодня, — ответил генерал без убежденности.

— А вот этого я не допущу! — сурово ответил полицмейстер Журба. — И полагаю, что среди нас еще есть такие, — он указал на жалкое чернявое лохматое существо в криво сидящем синем халате — готскую принцессу. — Куда вы ее денете?

— Так... А вы что думаете, полковник? — спросил Грай у своего коллеги.

— Есть разные мнения, — ответил тот. — С одной стороны, переходная рама Гарбуя настроена на наш день.

— А что с другой стороны? — спросил строго генерал.

— А с другой стороны — черт их всех разберет.

— Что у вас, кроме Гарбуя, физиков хороших нету? — разозлился генерал. — Я сегодня же подниму этот вопрос! Проводят операцию глобального значения, а оказывается, не знают простейшей вещи — куда вы будете забрасывать человеческий материал!

Последние слова недалекого, но воинственного генерала Коре очень не понравились. Она укрепилась в мысли, что гуманизм местных военных имеет под собой какое-то подлое основание. Она посмотрела на Мишу Гофмана. Тот глядел перед собой и как будто не слушал, о чем идет речь. Тогда Кора обернулась к Эдуарду Оскаровичу. И тот сразу же ответил — негромко, словно прочел мысли Коры:

— Они в самом деле не придали значения этой проблеме. А зря...

— Я требую возвратить меня домой! — вопил между тем полицмейстер.

— Какого черта я должен погибать дважды! Хватит одного раза! — вторил ему Покревский.

Это были два наиболее четко выраженных полюса интересов. Остальные в большей или меньшей степени примыкали к одной из этих партий.

— Кстати, я могу остаться и здесь, — сказал Покревский. — Дайте мне работу, я никакой работы не чураюсь. Мы с Паррой будем жить, никому не помешаем.

— Нет, нет и еще раз нет! — Генерал Грай поднялся и направился к выходу.

Полковник торопливо зашагал за ним.

— Почему вы мне не доложили, что у вас такой бардак? — спросил генерал на ходу.

— А у меня, простите, за плечами пехотное училище, а не университет, — огрызнулся полковник.

Военные, чеканя шаг, покинули комнату. Наступила тишина. Скорее от растерянности — каждый примерял к себе непонятное будущее.

— Почему же они так заспешили от нас избавиться? — спросил Эдуард Оскарович.

Он первым пошел наружу, на плац.

Инженер Всеволод последовал за ним.

— А я рад, что они хотят от нас избавиться. Независимо от их целей я скоро вернусь к своей работе. Соскучился.

— А вы уверены, что вам это удастся? — спросил Эдуард Оскарович.

— Надеюсь. — Инженер смотрел на небо так, словно надеялся увидеть там свой махолет.

— А вы как думаете, — тихо спросила Кора, — куда мы попадем?

— Насколько я знаю, — ответил Эдуард Оскарович, — Гарбуй ставил уже опыты — живые существа, которых он отправлял на Землю, попадали в тот момент, которого Земля достигла к настоящему времени.

— Значит, у полицмейстера Журбы и принцессы мало шансов увидеть родных?

— Почти никаких. Если природа не сыграет с нами злой шутки.

— А вы сами, я забыл, — спросил Всеволод, — из какого времени?

— Из середины двадцатого века, — напомнил Калнин.

— Не хотел бы я загреметь к вам, — вздохнул инженер. — Дикое время. Ни материалов, ни технологии. Типичное Средневековье.

— Пожалуй, оно миновало раньше.

— Я в переносном смысле. Стыдно было с такой технологией выходить в космос.

— Средневековье выражалось в ином.

— Я понимаю. Вы имеете в виду общественные отношения, — согласился Всеволод. — Но когда ваш Сталин умер, вы скоро вышли в космос.

— В каком году запустили первый спутник? — спросил Калнин.

Ответа инженера она не услышала, а сама, к сожалению, забыла — в школе проходили, а так забыла. Там еще был космонавт, который потом разбился на самолете...

Остальные тоже выходили из барака, но далеко от него не удалялись.

— А расскажите мне, — попросила Кора инженера, — что здесь было... в прошедшие дни?

— Из всех действующих лиц с нами общался только Гарбуй, — сказал Всеволод. — Полковник появился потом. Со всей охраной... Нас даже держали не здесь, а у самого моря, на вилле «Радуга».

— И нас было меньше, — сказал инженер. — Мы с поручиком.

— С ротмистром, — Покревский серьезно относился к своему чину. Будь его воля, подумала Кора, повесил бы Георгиевский крестик на синий халат.

Он погладил принцессу по плечу, и она прильнула к нему, запрокинув голову, смуглое матовое лицо и темные глаза в длинных ресницах. Красива она или нет? Разве красавицы водятся в богадельнях?

— А последними — вы и Эдуард Оскарович, — сказал инженер. — Вся компания. Интересно, кто будет следующий?

— Полагаю, что следующих не будет, — уверенно сказала Кора.

Облака плыли низко и медленно, от них исходила теплая, душная, утробная влажность. Чайки летали над помойкой в углу двора и выхватывали оттуда куски пищи и бумаги, как будто бычков из воды.

— Сначала они удивлялись нам, — сказал инженер. — А мы удивлялись им. Взаимная угадайка. Как собаки — знаете, они еще не знакомы и боятся друг дружку, ходят кругами и косят глазом.

Покревский засмеялся. Принцесса, глядя на него, тоже улыбнулась.

— Несколько дней назад я был вшивым и отчаявшимся офицером погибшей армии, — сказал Покревский, как бы оправдываясь перед Корой. — И я добежал до смертной черты. А теперь рядом со мной есть женщина — ребенок, моя птичка... мы ни черта не умеем говорить, а все понимаем. Смешно, правда?

— Смешно, если учесть, что ей на пятьсот лет больше, чем вам, — сказал инженер.

— Поэтому я так испугался сегодня, когда узнал, что возвращение может оказаться разлукой. Безнадежной, — сказал Покревский.

Над площадкой прошел вертолет. За ним второй. Они снижались за колючей проволокой.

Кора прошла к лабиринту. Он так и остался полуразрушенным, словно его топтали слоны. Кому могли понадобиться эти опыты?

Эдуард Оскарович, который стоял в тени стенки лабиринта и, приставив козырьком ладошки ко лбу, смотрел на опускающиеся машины, почувствовал, что подошла Кора.

— Сегодня все решится, — сказал он. — Мы попали палкой в муравейник, и все муравьи спешат первыми сожрать гусеницу.

— Вы говорите загадками, — сказала Кора. — Здесь все загадки. И лабиринт — загадка. Зачем эти игры?

— Вы когда-нибудь видели в музее одежду сибирского шамана? Да? Помните, сколько ненужных бранзулеток украшают его халат? Это игры в большую науку.

Калнин был напряжен и прислушивался к звукам, которые были для Коры неочевидны. Халат его был туго обмотан вокруг тела — ему достался широкий халат — и подпоясан веревкой, отчего у Калнина был вид католического нищенствующего монаха; низкое утреннее солнце отражалось в толстых линзах очков.

— Очевидно, некто, имеющий информацию о нашем с вами существовании, не заинтересован в том, чтобы делать ее достоянием гласности, и даже боится этой гласности. И если появилась опасность, что о нас узнают соперники, то он потеряет преимущества...

— Разве мы сами по себе можем быть преимуществом в борьбе за власть?

— Видите ли, я не успел сказать о борьбе за власть, но вы уже догадались, что мы можем стать орудием в этом.

— Почему?

— Не мы сами, нет. Но существование Земли. Существование нашего мира. Допустите, что некто хочет сыграть на страхе перед Землей.

— На страхе?

— Скорее это партия президента, а значит, и Гарбуя. Иные, то есть военные, намерены кусаться, зажмурившись.

Еще один вертолет сделал круг над лагерем пришельцев и пошел на посадку за загородкой.

Облака постепенно истончались и пропускали к Земле все больше откровенной солнечной жары. Уже образовались тени, и приходилось щуриться от яркого солнечного света.

Профессор смотрел мимо Коры. Туда, где из облака пыли возник севший вертолет с яркими опознавательными знаками на борту.

— Я думаю, — сказал профессор, — что мне лучше туда сходить и поговорить с Гарбуем. Меня все это тревожит...

— Тогда я пойду с вами, — сказала Кора.

— Еще чего не хватало! Неужели вы всерьез думаете, что я обременю себя девушкой, которую может сломать порыв ветра?!

— Простите, — сказала Кора, — но заверяю вас, что на Земле двадцатого века я была бы среди лучших специалистов по карате. Девушке надо уметь защитить свою честь.

— Дело не только в ваших умениях...

— Вот именно. Мне хочется понять, кто такой Гарбуй.

Профессор поглядел сквозь Кору и сказал:

— В конце концов, ваша голова — вы ею и распоряжаетесь. Но я вам помочь не смогу.

— Спасибо за искреннее предупреждение, — сказала Кора. — По крайней мере, я знаю, на что мне можно рассчитывать.

* * *

Эдуард Оскарович не спеша оглядел окрестности. Пленники толпились в тени у стены лабиринта, никто не смотрел в сторону Коры и профессора. Охрана также не обращала на них внимания: пост на вышке над лабиринтом был снят, медсестры неизвестного пола сгинули в глубинах кухни и, как полагала Кора, утешали себя, допивая кофе.

— Может быть, — сказал Калнин, — даже удобнее гулять с вами по окрестностям. Разрешите?

Он взял Кору под руку.

Профессор несколько уступал Коре ростом, но был плотен, тверд и уверен в движениях, так что никак не казался невысоким или слабым.

— Возмутительно, конечно, что нас заставляют носить эти больнично-арестантские хламиды, — сказал Калнин. — Но это делается сознательно. Это любопытнейший психологический феномен. Получая стандартную одежду, желательно неудобную и уродливую, человек сразу съезжает вниз по социальной лестнице. Единообразие в одежде — символ рабства. Даже если эта одежда подобна синему кителю вождя.

Рассуждая так, Калнин уверенно прошел к зарослям акации в дальнем конце плаца. Забор за кустами покосился, в нем были дыры, словно никому не пришло в голову проверить ограду.

Они спокойно вышли на склон горы. Там была протоптана тропинка, значит, они здесь были не первыми. Тропинка кружила, виляла, порой пересекая поляны, где царила густая жара. Эдуард Оскарович все чаще останавливался перевести дух и вытереть пот со лба большим чистым платком, само существование которого здесь было неестественным.

— Я веду вас таким неудобным путем, — сказал он, нарушив долгое молчание, — чтобы выйти к вилле «Радуга» сверху и получить возможность не спеша приглядеться к тому, что там происходит.

Крупные мухи нагло жужжали над головой, норовя вцепиться в руки, байковый халат казался жестким и тяжелым — о том, что он смертельно жаркий, и говорить не приходилось. Но профессор Калнин упрямо карабкался все выше, подражая барашку.

Наконец они вышли на скрытую со всех сторон площадку, нависавшую над крутым склоном, поросшим колючими кустами, где гнездились сердитые осы, которые тут же начали делать предупреждающие круги над пришельцами. Но Эдуард Оскарович умел абстрагироваться от внешних раздражителей.

— Ну вот, — сказал он, — они все перед нами как на ладони.

Зрелище, открывшееся Коре, оказалось любопытным.

Вилла «Радуга» была построена на плоской широкой площадке, от которой к морю спускалась широкая лестница. Стиль, в котором была сооружена вилла, Коре был незнаком, да, пожалуй, и не мог быть знаком, но более всего вилла походила на рыцарский замок, родившийся в воображении кондитерского ученика. В нем были и башенки, и переходы, и отрезки зубчатых стен, и круглые окна, и стрельчатые окна, и квадратные окна, а также террасы и лестницы многообразного облика. Все это было выкрашено в различные кремовые цвета — то есть старание, с которым ученик-кондитер хотел сделать здание похожим на сладкий торт, было столь велико, что даже сейчас, через несколько лет после ремонта, пролетавшие мимо птицы по наивности кидались на виллу, надеясь отщипнуть кусочек. Следы этих заблуждений были видны на углах здания, исклеванных до бетона.

Перед виллой торчала громоздкая раскрашенная статуя «Юный президент побеждает льва».

— Там никого не видно, — сообщила Кора профессору.

— Вот именно, — согласился тот. — Они заседают в конференц-зале. И это к лучшему. Будем надеяться, что нам повезет.

С этими словами профессор достал из кармана синего халата небольшое зеркальце и принялся баловаться — пускать солнечные зайчики, стараясь попасть в одно из окон второго этажа. Это удалось ему не сразу, но все же он в конце концов попал в цель и торжествующе воскликнул:

— Знай наших!

Пока он занимался столь интересной игрой, Кора рассматривала окрестности виллы. Перед ней расстилалось ровное зеленое поле — газон размером с футбольное поле и оформленный как футбольное поле — с беговой дорожкой, белой разметкой и даже воротами. Но Кора была уверена, что все это — обман. Людям, которые владели виллой, поле было нужно как посадочная площадка.

На футбольном поле стояло четыре армейских вертолета

камуфляжной окраски и один вертолет гражданский, серебряный.

Возле вертолетов лениво передвигались механики и охранники, стараясь не вылезать на солнце.

— Смотри! — радостно воскликнул профессор.

И в то же мгновение Кора была вынуждена зажмуриться, потому что ей в глаза запустили солнечный зайчик.

Кто-то подавал ответный сигнал из виллы. У профессора там нашлись друзья.

— Все в порядке, — сказал Эдуард Оскарович, — пошли вниз. Только прошу соблюдать максимальную осторожность. Мне бы не хотелось, чтобы по вашей милости мы погибли в двух шагах от цели.

Коре хотелось спросить, в чем же заключается их цель, но она побоялась, что профессор сочтет ее нетактичной.

Тропинка стала еще уже, кусты сомкнулись так, что приходилось продираться сквозь них, оставляя на их колючках клочки одежды и собственной кожи. Жара в зарослях стояла недвижная и пахнущая гнилью.

Они вышли к задам виллы в том месте, где располагалась свалка. Ворота, в которые въезжали грузовики, вывозившие мусор, были приоткрыты. Стражей, то ли по причине отвратительных миазмов, царивших в этой жаркой котловине, то ли из-за того, что все были заняты в другом месте, не оказалось.

— Я бы мог дать им несколько полезных уроков по вопросам безопасности, — сообщил профессор. — Так легкомысленно вести себя в моем присутствии недопустимо.

— А вы разведчик? — с надеждой спросила Кора, которой хотелось бы иметь рядом с собой побольше сотрудников одной организации.

— Нет, я держусь подальше от этой сволочи, — неожиданно признался Калнин. — Но у меня есть голова на плечах, а это чего-то да стоит.

При том профессор оставался мрачен, и голос его звучал сварливо, будто он говорил о несвежем жарком, поданном ему в ресторане.

Они прошли дорожкой, которая заканчивалась у дверей на кухню.

Профессор уверенно толкнул дверь, и они оказались в полутемной кладовке. Знакомый голос спросил:

— «Хвоста» за собой не привели?

— Кто полезет по горам в такой день? — сказал в ответ Калнин.

— Тогда подождите здесь три минуты, дайте мне уйти. Никто не должен видеть нас вместе.

— Знаю, — буркнул Калнин, — не надо меня учить.

Послышались быстрые шаги. Неясная тень мелькнула в дверях, тяжелые шаги удалились по коридору.

— Теперь наша с тобой очередь, — сказал Калнин. — Я знаю, куда идти. Я здесь уже был. Только умоляю: ничему не удивляйся, не подавай голоса... Ты, конечно, простужена?

— Кажется, нет.

— Это только кажется, что нет, а в решительный момент ты, конечно же, начнешь чихать.

— Мне подождать вас здесь? — обиделась Кора.

— Еще хуже, — прошипел профессор. — Чтобы тебя заметил случайный лакей или охранник и ты, когда тебя начнут спрашивать, откуда ты заявилась, конечно же, все рассказала? Тут нам с тобой и смерть придет.

— Как в сказке?

— Как в сказке, только больнее, — поправил Кору Калнин.

Он провел ее темной узкой лестницей на второй этаж, затем коридором, где были навалены пустые ящики.

— Знаешь, что это такое? — спросил он Кору.

— Понятия не имею.

— Это ящики из-под продуктов, которые выписывают на нашу честную компанию. На всякий случай нас положено калорийно кормить и ни в чем нам не отказывать. Местное же военное начальство получает продовольствие, включая всяческие деликатесы, которых даже в столице не сыщешь, на шестьдесят человек — так что в некоторых официальных кругах в столице полагают, что нас здесь почти рота и мы отличаемся страшным аппетитом.

— И едят сами?

— И едят сами, с челядью и любовницами.

— А если откроется? Приедет комиссия...

— Сейчас здесь находится самая высокая комиссия, опять решают, что с нами делать. И может быть, сегодня наконец решат.

Они остановились на галерее, которая опоясывала утопав-

ший в темноте зал. В дальнем конце ее располагалась, как догадалась Кора, будка киномеханика — где-то, когда-то она видела, как делали и показывали кинофильмы лет сто назад. Вот в эту кинобудку профессор и провел Кору.

Там было темно, пахло пылью, но жара сюда не проникала.

Калнин первым прошел к одному из двух квадратных отверстий в передней стенке кинобудки и выглянул наружу.

— Еще не собрались. Обедают, — сказал он.

Он уселся на высокий крутящийся стул киномеханика, с которого он мог поглядывать вниз. Кора подошла к соседнему отверстию и увидела, что кинобудка расположена под потолком зала, небольшого, но просторного и высокого.

Внизу находился большой овальный стол, вокруг которого стояли удобные широкие кресла.

Пока Кора разглядывала этот зал, в нем зажегся свет и вошли две женщины в строгих черных костюмах. Они катили перед собой тележки. На тележках стояли сосуды с напитками и бокалы, по числу участников встречи — пять. Женщины принялись расставлять бокалы и сосуды на столе. Потом пришла еще одна женщина, принесшая корзину фруктов.

Затем наступила пауза.

Профессор выглянул в окошко. Никого в зале не было.

— Мы жили на этой вилле. У меня была комната в западном крыле...

— Я думала, что вы здесь две недели, как и остальные?

— Вы никогда не выделяли меня из остальных, — усмехнулся Калнин, — даже когда, движимая юношеской гордостью, решили составить списки обитателей нашего ирреального мира, стараясь ввести порядок в законы ада.

— Мне трудно оставаться без дела, — призналась Кора.

— Хотя не исключено, — заметил профессор, — что вы выполняли определенное задание службы безопасности. Я не знаю, как все это будет называться через сто пятьдесят лет после моей смерти, но безопасность останется. Могут закрыться университеты и исчезнуть консерватории, но служба безопасности останется. Вы со мной согласны?

— Да, — сказала Кора. — Ведь без безопасности нельзя.

— Иначе кто будет арестовывать, допрашивать, пытать и расстреливать, правда?

— Я не это хотела сказать! — воскликнула Кора.

— А чем же будет заниматься разведка в ваше время?

— А вы жили... простите, я записывала, но забыла — это было так давно!

Профессор поерзал на жестком крутящемся табурете, выглянул наружу, никого не увидел и тогда лишь ответил Коре:

— Я пришел сюда в августе 1949 года, но это ничего вам не говорит.

— А почему это должно говорить?

— Потому что в те дни мир находился на пороге атомной смерти. И если я не мог остановить это безумие, то знал, как убежать от него.

— Как?

— Убежать сюда, — ответил Эдуард Оскарович.

— Значит, вы, как и я, знали, что можно проникнуть в параллельный мир?

— Девочка моя, — искренне удивился Эдуард Оскарович и остро взглянул на Кору. — Вам не кажется, что вы слишком осведомлены для вашего нежного возраста?

— А вы, — отпарировала Кора, — слишком осведомлены для вашего древнего и отсталого времени.

— Может быть, с вашей, юной, точки зрения вы и правы, — сказал профессор. — Но я очень прошу вас учесть вот что: тысячу лет назад люди были не глупее нас с вами, а сто пятьдесят лет назад, когда жил я, люди были наверняка точно такими же, как и вы, только более напуганными.

— Почему?

— Очевидно, вы прогуляли уроки, когда вам в школе рассказывали о жизни страны Советский Союз. Она существовала с 1917 года.

— По конец двадцатого века, — сказала Кора. — Я была здоровой девочкой и не болела. Прогуливать приходилось — но ведь это ничего не дает: если вы прогуляли уроки, то вечером у вас включается компьютер и принудительно заставляет пройти программу пропущенного дня.

— Как так принудительно? Насильно? Под угрозой побоев? — встревожился Калнин.

— Нет, ты сама знаешь, что должна, — объяснила Кора.

— Хорошо, вы мне еще расскажете об этом, — произнес профессор. — Но сейчас нам придется послушать вершителей наших судеб.

Кора ринулась ко второму окошку в стене.

— Полная тишина — мы не можем рисковать! — прошептал Калнин.

Сквозь небольшое окошко в стенке кинобудки Коре было видно, как не спеша в зал входили люди, по всему судя, только что обильно позавтракавшие и весьма уверенные в себе. Они проходили к креслам и занимали их. Эти люди чувствовали себя равными друг другу. За исключением одного — Гарбуя. Кора сразу почувствовала напряжение, исходившее от него. Он занял самое дальнее от Коры кресло и вцепился в его подлокотники так, что пальцы утонули в мягкой обивке.

Из пяти человек, собравшихся вокруг овального стола, трое были в сверкающих мундирах, двое — в скромной цивильной одежде.

В зале появились лакеи, которые развозили на тележках кофейники и чашки. Пока они разливали кофе по чашкам, в зале царило молчание.

Оно продолжалось и после ухода лакеев. Будто никто не хотел брать на себя первый рывок. Так бывает в велосипедных гонках на треке, когда соперники испытывают нервы друг друга, не двигаясь с места. Кто первый не выдержит и кинется вперед, обычно проигрывает. Но еще чаще проигрывает тот, кто прозевал рывок своего соперника.

Первым нарушил молчание седовласый грузный генерал с утробным голосом.

— Генерал Грай, — сказал он, скорее приказывая, чем прося, — вы только что побывали в лагере пришельцев. Каковы ваши впечатления?

— Ну что вам сказать, ваше постоянство, — ответил узколицый генерал Грай. — Общее впечатление они производят самое жалкое. Несмотря на то, что там подобраны экземпляры разных времен и социальных условий. Так что по первому впечатлению — это не противник. Нет, не противник.

Генерал Грай даже вздохнул и возвел к потолку тонкие и длинные, как у гиббона, руки, показывая, что он никак не виноват в том, что попались такие ничтожные пришельцы.

Странно слышать, подумала Кора, когда тебя называют пришельцем, а себя полагают аборигенами.

— Значит, вы поддерживаете план, выдвинутый Генеральным штабом и Управлением военно-промышленного комплекса? — спросил седовласый.

— Так точно, ваше постоянство, — согласился генерал. —

Но там возникла одна проблема, на которую нам почему-то забыл указать господин Гарбуй. И меня интересует: почему он забыл указать на эту проблему?

— Простите? — Гарбуй наклонился вперед. Он вел себя как послушный толстый мальчик, которого привели в гости к строгой тете.

— Мне открыл глаза полковник Рай-Райи. Оказывается, нет никаких гарантий, что полученные здесь образцы людей из параллельного мира при возвращении попадут в отрезок времени, который соответствует настоящему моменту на Земле-2.

— Никогда нельзя доверять штатским! — откликнулся седовласый генерал, который был вынужден широко расставлять ляжки, чтобы живот мог провалиться между ними и не закрывать обзора. — Хватит ждать! Хватит быть отщепенцами в собственном отечестве. История нам не простит промедления! Ты как, президент? Решил или в кусты?

— Ах, погодите, маршал Самсуний, — отмахнулся от него одноглазый президент, бюсты и статуи которого обильно украшали окрестности. В своем черном камзоле и брюках с белыми лампасами он казался вороненком, залетевшим на пир попугаев. — История всегда и все простит умному. История все простит победителю. Но в ней нет места тем, кто спешит и ставит под угрозу гигантские планы народа и любимого им правительства.

— Прав ты, Гурий-уй, прав ты, наш президент, — отозвался маршал Самсуний утробным голосом. — Неудачную войну мы можем и с Федерацией затеять. А нам нужна достойная, выгодная и победная операция, которая решит все проблемы сразу.

— Вот в свете этого, — снова заговорил узколицый Грай, — мне кажется особенно опасной информация, полученная от полковника. Он ведь не с потолка ее взял.

Все обернулись к Гарбую. Послушный мальчик перекладывал на столе бумажки, словно если пасьянс из них выйдет, он сможет сказать замечательную речь. Но пасьянс все не сходился.

Профессор Калнин с негодованием прошептал Коре: «Ну что же он!» Видно, от поведения и позиции Гарбуя многое зависело. Но Кора пока не знала — что.

Наконец Гарбуй, отчаявшись, видно, отыскать самую нуж-

ную бумажку, отодвинул ворох листов в сторону, откашлялся и заговорил тонким голосом:

— Проблема, как известно...

Тут его голос сорвался, и ему пришлось начать речь на тон ниже.

— Проблема, которая стоит перед нами, непроста, — сказал он.

Третий генерал, уже знакомый по лабиринту, крепкий солдафон Лей с челкой на низком лбу, громко хмыкнул.

— Ты, профессор, время не тяни, — сказал он.

— А то мы найдем на тебя управу, — маршал Самсуний приоткрыл тяжелые веки. — У нас, у армии, терпение тоже не бесконечно.

— Вопрос не в вас, не в ваших амбициях и вашем стремлении к власти, — заговорил Гарбуй, и заговорил с неожиданной энергией и злостью. — Вы почему-то убеждены, как, впрочем, это случалось и за тысячу лет до вас, что стоит паровозу разогнаться, он сметет все на своем пути. Но паровоз едет по рельсам и никуда в сторону съехать не может. А когда впереди загорается красный свет, машинист должен знать, что паровозу пора остановиться. Впереди может быть хвост товарного состава или вообще тупиковая ветка с обрывом в конце. Вы поняли меня, маршал?

— Я понимаю то, что мне диктует моя голова, — ответил фельдмаршал, дыша тяжело и часто. — И не пугай меня семафорами. На то и танки, чтобы скосить эти семафоры.

— Воля ваша, — сказал Гарбуй. — Тогда я ухожу, и разбирайтесь во всем сами. Когда сюда придут каратели с Земли, для каждого из вас найдется веревка.

— А вот это у тебя не выйдет, — сказал солдафон Лей. — И угрозы твои пустые. Я вообще не понимаю, почему президент держит возле себя эту истеричку.

— Это не истерия! — закричал Гарбуй. — Это попытка остановить, удержать вас от самоубийства!

— Не через такие пропасти перешагивали наши любимые гвардейцы! — счел нужным вставить слово генерал Грай.

— Хватит, — раздался голос одноглазого президента.

И все разом замолчали.

— Если кто-то пришел сюда еще раз изложить свою позицию, — сказал он высоким голосом подростка, — то он может сейчас же выйти в коридор, там ждут наши адъютанты и

референты. Они с наслаждением выслушают вашу речь. Мы же собрались принимать решения. И для этого я попрошу высказать свои точки зрения представителей двух основных мнений в нашем руководстве. И сначала я предлагаю выслушать господина профессора Гарбуя — руководителя проекта «Дубль». Затем мы послушаем, что нам скажет генерал Лей. Согласны?

— Нет, — выкрикнул маршал, — так не пойдет. Нам не нужен доклад, все и так ясно!

— Мы здесь все равны, — ответил президент, сдерживая гнев. — И если бы не профессор Гарбуй, мы бы здесь не сидели. К счастью, генералы годятся лишь исполнять.

— Не совсем так, твое постоянство, — возразил генерал Лей. Голос его был хриплым и сдавленным. — Маршал прав в том, что нельзя ставить на одну доску нас и всякого Гарбуя. Мы платим деньги, чтобы он думал. Будет думать неправильно, поменяем на другого.

— У вас есть другой? — спросил президент.

Генерал Лей прорычал что-то невнятное.

— Говорите, — президент обернулся к Гарбую.

После некоторой паузы тот заговорил без бумажек, подсказок и плана — он уже совладал со своими чувствами или страхами.

— Я не буду углубляться в историю, — произнес он, и грузный маршал уже открыл рот, чтобы издевательски откликнуться на эти слова, но президент успел поднять руку и ладонью в воздухе как бы затолкал обратно слова толстяка. Тот поперхнулся и смолчал. — Но позволю себе напомнить, что именно мне удалось доказать, а затем и осуществить переход между двумя параллельными мирами, то есть открыть окно из нашего мира в мир, называемый Землей-2. Я не ждал и не жду благодарности от вас за мое открытие, хотя полагаю, что на Земле-2 его оценили бы очень высоко.

— На Земле-2 тебя бы давно повесили, — кратко заметил генерал Лей.

— Не надо меня тыкать, генерал, — ответил толстый мальчик. — Каждый генерал сначала бывает сержантом, потом майором, потом генералом, а потом трупом или никому не нужным отставником на садовом участке.

— Да я же тебе глотку перегрызу! — взревел генерал Лей.

— Продолжайте, уважаемый Гарбуй, — сказал президент,

словно не услышал крика генерала. — Продолжайте, мы вас внимательно слушаем.

Гарбуй откашлялся, достал из кармашка расческу, привел в порядок свои редкие кудряшки. Кора подумала, что он всю жизнь старается казаться старше, чем есть на самом деле, но до старости будет казаться мальчиком. Тут уж хоть бороду отпускай до пуза, не поможет.

— В результате нашей деятельности, — продолжал Гарбуй, — нами привлечено через переход несколько пришельцев. Но я понимаю, что это — лишь начало пути. Всех перспектив этого достижения примитивному уму не дано осознать. В настоящий момент существуют две планеты, сопряженные, как слипшиеся мыльные пузыри. И только мы знаем об этом феномене, и только мы можем его использовать.

— Тогда чего вы медлите? — завопил маршал. — Каждая секунда промедления смерти подобна!

— Не преувеличивайте, маршал Самсуний, — ответил Гарбуй. — Мы с вами уже не первый раз спорим об этом. Ну соберете вы ударный отряд, ну кинете его через переходник — и в конце концов неизбежно получите ответный удар.

— Вы отлично понимаете, — вмешался генерал Лей, — что спешить мы должны не из-за этой паршивой Земли-2, а из-за того, что с каждым днем растет угроза здесь, на нашей планете. Нам нужна экспедиция на Землю-2 не для завоевания, а для того, чтобы захватить там современное оружие, которого нет у наших врагов. Нам нужно оружие возмездия для того, чтобы добиться господства на нашей планете.

— Не кричите, Лей, — сказал президент. — Гарбуй еще не кончил.

— И лучше бы не кончал, — буркнул генерал. Он вспотел, кривая челка прилипла ко лбу.

— Цель у всех нас общая, — продолжал Гарбуй. — Цель наша — использовать наши знания для достижения выгоды. Пока мы полагали, что уровень развития наших планет равен, еще могла быть речь о военной экспедиции. Когда обнаружилось, что они обогнали нас на полтора века, любая экспедиция стала самоубийством. Путь, который предлагают наши генералы, — путь нападения, путь захвата, грабежа, авантюры — этот путь меня не устраивает. Он приведет к нашей гибели. Неужели вы думаете, что они сдадутся без боя?

Теперь у нас один путь — осторожное проникновение, разведка, внедрение агентов. Терпение и еще раз терпение!

— Это саботаж, — заявил маршал.

— Это патриотизм, — возразил президент. — Я не намерен рисковать судьбами страны в угоду генеральской спеси.

— Чепуха. Мы проверяли пленных, — загудел Лей. — Они не обладают передовой идеологией. Они ее потеряли. Несмотря на машины и игрушки. Это вырожденцы и ничтожества. Их надо давить, как навозных мух. В истории не раз бывало, что дикие варвары покоряли изнеженных горожан.

— Мы тоже готовимся к тому, как использовать Землю. Но разумно. С пользой для дела, — возразил Гарбуй.

— К черту! Армия не намерена больше ждать! — зарычал маршал.

— То-то я вижу, — Гарбуй уже полностью владел собой и перешел в наступление, — что по наущению генерала Грая полковник Рай-Райи убил сегодня одного из крупнейших специалистов, моего помощника доктора Блая.

— Не может быть! — Президент обернулся к генералу Граю.

— Это клевета, — ответил тот, рассматривая ослепительно начищенный носок сапога, в котором отражалась, правда, в искаженном виде, его узкая физиономия.

— Убит доктор Блай или нет? — тихо спросил президент.

— Это был несчастный случай.

— Еще один несчастный случай, и я останусь без помощников, — сказал Гарбуй. — В таких условиях я работать, разумеется, не могу. Потому что очень скоро очередь дойдет и до меня.

— Не исключено, — заметил Лей. — Обойдемся без сомнительных саботажников.

— Обойдетесь? — На этот раз президент поднялся и направился в неспешное путешествие вокруг стола. Он говорил на ходу, словно рассуждал сам с собой. — Они обойдутся. Они думают, что перед ними открыли люк в чужой блиндаж, откуда они могут утащить связку гранат. И вот на таком уровне работают мозги военных руководителей страны.

Генералы насупились, но вытерпели эту выволочку.

— Да неужели вы еще не поняли, что на место каждого из вас я найду сотню таких же, если не лучше? А где я найду второго Гарбуя?

— Что ж, ищите на наше место, — произнес маршал и начал выкарабкиваться из кресла.

Президент не останавливал его. Он с интересом наблюдал за его попытками.

— Вы уходите? — спросил он, когда маршал наконец-то выполз из кресла и завис над ним. — Тогда не трудитесь обращаться за пенсией. Считайте, что вы отданы под суд за дезертирство в решающий момент для своей родины, идущей по пути трех добродетелей и шести достоинств.

Маршал рухнул обратно в кресло, которое, к счастью, не развалилось.

— Но вы же знаете, — заговорил генерал Лей, который, как Кора поняла, и был главным зачинщиком генеральского неповиновения, — что мы разработали свой план.

— Почему я не знаю о каком-то особенном плане военных? — спросил Гарбуй.

— Потому что существует военная тайна! — рявкнул Лей. — И ни одна нормальная армия не подпустит к своим тайнам грязного авантюриста.

— Вы кого имеете в виду? — спросил Гарбуй.

— А вы о ком подумали? — спросил генерал, и ухмылка растянула его узкие губы в щель, разрезавшую лицо пополам.

— Хватит, в конце концов! — закричал президент. — Прежде чем вы перегрызете друг другу глотки, я хотел бы выслушать господина Гарбуя по самому серьезному вопросу. Как мне доложили сегодня, оказывается, не решено, в какое время попадет человек, отправленный на Землю-2.

— Я работаю при постоянном дефиците грамотных физиков и математиков, — сказал Гарбуй. — Некоторые проблемы пространственно-временных отношений остаются для нас загадкой.

— Зря деньги жрете, — пробурчал маршал.

— Но все же, судя по нашим расчетам, независимо от того, когда путник покинул Землю-2, вернется он туда сегодня... но полной гарантии нет.

— Когда она будет? — спросил Лей.

— Не раньше, чем через месяц.

— Поздно, — сказал Грай.

Гарбуй насупился. Реплика Грая ему не понравилась, как не понравилась она и Коре.

— До тех пор, пока мы не отправим двух-трех человек на

Землю, — сказал Гарбуй, — мы не сможем сказать с уверенностью, в какое время они попадут.

— Нам надо, чтобы это было сегодня! — оборвал его Лей.

— Для этого требуются эксперименты. Для этого требуется время. Для этого требуются люди. А не пушки с усами! — взвыл в гневе Гарбуй. А так как усатым был только генерал Лей, то он и ударил кулаком по столу, заявил, что армия оставляет за собой право решать, и вышел из зала, грохоча сапогами.

Оба его коллеги вышли следом. Фельдмаршал — как только выковырнулся из кресла, а генерал Грай — чуть погодя, потому что нашел в себе силы пожать руки своим штатским собеседникам.

Когда шаги генералов смолкли и наступила тишина, которая наступает на большой, покрытой брусчаткой площади после прохода военных колонн, Гарбуй спросил:

— Что они все-таки задумали?

— Пока я знаю об этом только в общих чертах, — сказал президент. — Как только узнаю подробности, обещаю вам рассказать.

— А не будет поздно?

— Надеюсь, что не будет.

— Господин президент, — проникновенно произнес Гарбуй. — Мы сейчас уподобляемся стае обезьян, которая разбирает ракету дальнего действия. Если ракета рванет, то не останется обезьянки, чтобы рассказать всем, какую гайку мы зря выворачивали.

— Я постараюсь запомнить ваши слова и при случае донести их до сознания военных, — ответил президент.

— Вы неискренни со мной.

— А почему я должен открывать перед вами душу? — удивился президент. — Не исключено, что нас сейчас подслушивают. Люди того же генерала Грая. Я держусь лишь до тех пор, пока устраиваю группировки, ненавидящие друг друга. Я не даю вам сговориться за моей спиной. Но соблазн ограбить богатую Землю может оказаться слишком сильным для страны, которая вместо колбасы питается в основном самой передовой в мире идеологией.

— Жители вашей страны, президент, — ответил на это Гарбуй, — не получат желанной колбасы. И погибать придет-

ся тоже им — я полагаю, что у генералов есть надежные бомбоубежища?

— Лучше, чем у меня, — сказал президент. — И даже на дачах, и даже под сортирами.

— Тогда скажите мне, почему ваши генералы так уверены в себе?

— Не могу. Честное слово, не могу, — сказал президент. — Мое преимущество перед вами и перед генералами заключается лишь в том, что я знаю больше, чем каждый из вас в отдельности. Так что я обязан в интересах нации и нашей самой передовой в мире идеологии трех благоденствий и шести достоинств хранить собственные и чужие секреты. Вы свободны, профессор Гарбуй.

— Что же мне делать? — крикнул Гарбуй вслед президенту. — У меня не хватает людей, моя жизнь в опасности! Я не уверен, что мне дадут проводить исследования и дальше.

— Постарайтесь, — ответил президент от двери. — Я мало чем могу вам помочь. Но ваша сила в том, что они тоже не уверены, что смогут сделать что-нибудь без вашей помощи. Так что я не беспокоюсь за вашу жизнь... Пока.

Президент покинул зал, а толстый бородатый мальчик сел в кресло, оставленное фельдмаршалом, и положил голову на руки. То ли заплакал, то ли задремал.

— Мы пойдем? — спросила Кора.

— Разумеется, — ответил Эдуард Оскарович. — Нам здесь нечего делать.

* * *

Большую часть пути до лагеря Кора и Эдуард Оскарович прошли молча.

Стояла тяжкая жара, ни один листочек не шевельнулся, жужжали слепни, и оводы эскадрильями кружились над путниками.

С площади футбольного поля возле виллы один за другим поднимались вертолеты.

Только когда тропинка стала пошире и пошла вниз, Кора спросила:

— Эта встреча ни к чему не привела?

— Ты рассчитывала, что узнаешь все секреты мадридского двора?

— Я ни на что не рассчитывала и рада тому, что узнала. А что у них за передовая идеология?

— В истории человечества было немало передовых, лучших в мире, единственных, неповторимых идеологий. Чаще всего их излагали в маленьких книжечках для рядового идиота. Здесь тоже нечто подобное. Передовая идеология позволяет правительству прибегать к самым жестоким мерам против собственного народа, объявляя любое недовольство подрывом основных идеологических принципов, а это уже пахнет костром.

Эдуард Оскарович был расстроен.

И он сам объяснил причину своего расстройства:

— Я так и не понял, что же будет завтра. Я боюсь, что президент сразу же кинет Гарбуя, как кость, своим псам, если запахнет жареным.

— Но разве они смогут все делать без него?

— Кое-что смогут. Он же работал эти полгода не один и был окружен помощниками. Наука здесь примерно на том же уровне, что и у нас, а лучшие умы идут в оборонку.

Эдуард Оскарович оборвал себя, и губы его шевельнулись. Он считал про себя.

— Но в конечном счете он прав: его задача сейчас — не допустить генералов до машины перехода.

— А она существует?

— Да, она существует, и это довольно простой механизм, — сказал Калнин. — Здесь переход между мирами существует объективно. Задача машины заключается лишь в том, чтобы следить за этой точкой пространства и в случае, если некто сорвался со скалы, успеть подхватить его и перенести к нам.

— И она может перенести человека обратно?

— Не надейся, что сможешь это сделать сама, — усмехнулся Эдуард Оскарович. — Тебе потребуются помощники. Если соберешься бежать, обязательно предупреди меня. Я или отговорю тебя, или составлю тебе компанию.

— Зачем тогда откладывать дело в долгий ящик?

— А я не спешу убежать отсюда, — ответил профессор. — И должен сказать тебе, что, насколько мне подсказывает жизненный опыт, ты тоже не спешишь. Тебя попросили побыть здесь подольше.

— Почему вы так думаете?

— Потому что я давно наблюдаю людей и вижу, когда они ведут себя естественно, а когда притворяются.

— А я?

— Ты не очень умело притворяешься.

— Я еще только учусь, — попыталась отшутиться Кора.

— Это очень опасное учение, — сказал Эдуард Оскарович. — Мне не хотелось бы, чтобы ты потеряла на этом голову.

— Вы очень мрачный, — сказала Кора.

— К сожалению, у меня есть к этому основания.

Они вышли к склону, под которым располагались бараки их лагеря. Кусты расступились, и в лицо повеяло свежим морским ветром. Море было недалеко, и над ними проходило медленное, все нарастающее движение воздуха, как бы раскачивание его, отчего обеспокоились и перестали атаковать путников слепни и мухи, и, как бывает, когда отпускает зубная боль, вдруг сменились мысли — надежда на то, что все кончится хорошо, пришла с морской свежестью.

— Конечно, — попыталась выразить сочувствие Кора, — вы попали сюда, когда в России было трудное время. Даже моего образования хватает, чтобы знать это.

— И что же вы знаете? — спросил профессор. Он уселся на большом плоском камне, вдыхая свежесть морского воздуха, и Кора была благодарна ему за эту передышку. Лагерь казался тихим и безлюдным — по плацу медленно прошла медсестра, прижав к животу медный бак, да солдат у ворот закричал на бродячую собаку.

— То, что учили в школе, — сказала Кора. — А потом однажды мне пришлось путешествовать по Кольскому полуострову. Там есть специальная железная дорога для туристов, там все сделано так, как было при Сталине.

— Именно на железной дороге? — удивился Эдуард Оскарович.

— У нас есть специальные исторические дороги, гостиницы, туристические маршруты и даже курорты. У нас все помешаны на истории. Моя лучшая подруга Вероника на прошлых каникулах участвовала в штурме Иерусалима.

— Арабами? — спросил Эдуард Оскарович.

— Какими арабами? Что там штурмовать арабам? Нет, конечно же, крестоносцами. У нее даже контузия есть. Им всем выдали кольчуги, шлемы и сухой паек — представляете? А потом надо было лезть в свою гостиницу по приставной лестнице. А какой-то придурок эту лестницу оттолкнул.

— Наверное, сарацин, — предположил профессор.

— Наверное, — согласилась Кора, которая не знала, кто такие сарацины.

— Так что же ты увидела на Кольском полуострове? — спросил профессор.

— Там есть большой маршрут. Вместо гостиниц — лагеря, вместо спальных вагонов — теплушки и вместо обслуги — ВОХР. Вы знаете, что такое ВОХР?

— Я знаю, что такое ВОХР, — сказал профессор. — А интересно вам в таких путешествиях?

— Ужасно интересно, там дают спирт и соленые огурцы. Только мне было не до развлечений. Мы ловили одного преступника. Поэтому мы в эту игру не играли.

— Странно, — сказал профессор, дразня соломинкой тарантула, который выглядывал из щели между камней, — как история издевается над нашими трагедиями. Ужас, убивший столь многих, для вас, наших потомков, становится только цирком.

— Ну, вы совсем не правы, — возразила Кора. — Никто не издевается. Люди хотят помнить и хотят понять, как нашим предкам приходилось жить на свете. Мы же привыкли, что обед не бывает без компота и мороженого. Так надо же иногда увидеть, что это еще не закон.

— Как в зоопарке... — Эдуард Оскарович не слушал Кору.

— Но почему вы тогда не переживаете за тех, кто штурмовал Иерусалим? — спросила Кора. — Они же тоже погибали?

— Почему мне нужно переживать за них?

— В жуткую жару, без воды, голодные, оборванные, все в язвах, они лезли на эти стены и потом, если не погибали в страшных мучениях, начинали убивать и грабить тех, кто жил в городе. Это что, не страшно?

— Откуда ты знаешь? Вы изобрели машину времени?

— Машина времени есть... в институте. Туда трудно попасть. Да и действует она только на несколько лет.

— Можно отправиться в прошлое или в будущее?

— Конечно, в прошлое. Ведь будущего еще нет!

— А если ты нарушишь что-то в прошлом?

— Поэтому у нас такие строгости... Я не все знаю, но нас

учили, что если ты вмешаешься в ход времени, то просто исчезаешь... как будто тебя не было. Иначе бы пропали все мы.

Тарантул все-таки вырвал соломинку из пальцев профессора и утащил ее к себе в норку мучить и убивать.

Кора молчала.

— В конце концов, — сказал после паузы профессор, — эти крестоносцы добровольно отправились в поход. Никто их не тащил.

— Еще как тащили! Вы бы посмотрели, как их обрабатывали на митингах и собраниях, какие там были агитаторы и пропагандисты в каждом соборе, в каждом монастыре, на каждой площади. Люди думали, что идут к светлому будущему... Так что, если вы хотите сказать, что крестоносцы знали, на что идут, а вы, соратники Сталина или Гитлера, ничего не знали, я вам не поверю. Вы же уничтожали друг друга.

— От страха, — сказал профессор. — Нельзя судить человека перед лицом смерти. И вообще это пустой спор. Не может принц понять нищего, пока не побудет в его шкуре.

Кора пожала плечами. Ей было трудно согласиться с нищим.

— Полторы сотни лет назад вы догадались, что этим путем можно сбежать в параллельный мир?

— Да, — сказал профессор.

— Но как же вы могли? Ведь даже в мое время там, в Симеизе, работает целый научный институт, который старается понять, как это происходит.

— Если ты специалист и тебя посетило вдохновение, то в науке может произойти прорыв.

— Яблоко упало на Ньютона.

— Да, не хватало лишь последней точки. Теоретически существование перехода между параллельными мирами можно было высчитать даже на уровне теоретической физики середины двадцатого века. Ньютон не имел аппарата — Эйнштейн уже мог бы дойти до этой мысли.

— И вы дошли?

— Не только дошли, но и сделали выводы...

Внизу, у ограды лагеря, их перехватил незнакомый, из новеньких, офицер, который начал кричать на профессора и грозил расстрелом — видно, сам не знал толком ни своих функций, ни степени свободы пришельцев, — черт их знает — может, лучше их держать в подвале или, наоборот, не

обращать на них внимания? Последний вариант не удовлетворил бы никакого военного и был отметен с порога, а нарушителей, несмотря на ворчание профессора и требования вызвать самого полковника Рай-Райи, загнали в тюрьму.

Под одноэтажным бараком, где содержались пришельцы с Земли, располагалось бомбоубежище, которое полностью повторяло наземную постройку. Вместо столовой там обнаружилась камера с железной дверью, каменным полом и низкими нарами. Единственная тусклая лампочка под потолком осветила еще одного обитателя подземелья — им оказался Покревский. На скуле ротмистра темнел кровоподтек, рукав халата был оторван и держался на нескольких нитках, волосы встрепаны и взор дик.

— Что с вами случилось? — кинулась к ротмистру Кора. — Вас били?

— Меня били, — согласился ротмистр. — И я лишен возможности снова покончить с собой.

— Но кто позволил себе такое отношение к вам? — возмутился профессор. — Мы являемся подданными другой планеты, и они не имеют права...

— Они взяли это право в собственные руки, — горько воскликнул Покревский и, упав на нары, закрыл голову руками.

— И все же вы должны рассказать нам, что произошло. И я обещаю вам, что не оставлю этот инцидент безнаказанным, — настаивал профессор.

— Тем более, — добавила Кора, — что за нами стоит Земля и вся Галактическая Федерация, в том числе комиссар Милодар. А с ним шутки плохи.

— Какая еще федерация! — воскликнул ротмистр. — За мной не стоит ничего. Я видел, как последний пароход взял курс на Стамбул! Врангель бросил нас...

— Рассказывайте, — сказал Эдуард Оскарович тоном, которому нельзя было не подчиниться.

— Утром я увидел... — Глухой голос ротмистра с трудом пробивался в щель между тюфяком и губами. — Всю ночь ее не было... а утром она вышла из его апартаментов!

— Попрошу вас, — произнес профессор, — если можно, употребляйте имена действующих лиц. Порой вам известно нечто, скрытое от нас. Но вы не идете нам навстречу.

— Господи! — взвился ротмистр и уселся на нарах. — Неу-

жели не понятно? Принцесса Парра вышла утром из комнаты полковника Рай-Райи. Как ни в чем не бывало!

— А может, ничего и не бывало? — осторожно спросил Эдуард Оскарович.

— Бывало! Вы бы видели, какая улыбка играла на ее блудливых губах!

— А вы? — спросила Кора.

— А я кинулся к ней, чтобы убить!

— И не убили?

— У меня не поднялась рука.

— А она? — спросила Кора, которой эта сцена привиделась в несколько комических красках, но следовало сдерживаться, чтобы не обидеть влюбленного Покревского.

— Она хохотала! Как шамаханская царица. Вы читали?

— Я проходила. В детстве, — гордо ответила Кора. — Это написал один поэт в Азербайджане.

Профессор взглянул на Кору, чуть склонив голову, и если бы девушка увидела в тот момент его взгляд, она удивилась бы печали, присутствовавшей в нем. Профессор думал о своих отдаленных потомках. Очевидно, на пути цивилизации в будущее кое-чем приходится жертвовать.

— Это написал Пушкин! — воскликнул ротмистр, на секунду даже забыв о собственном горе. — Не может быть, чтобы вы считали его азербайджанским поэтом!

— Извините, — сказала Кора, не желая вступать в исторический спор. — Что случилось дальше?

— Простите, но если вы считаете Пушкина азербайджанским поэтом, я не могу продолжить.

— Я никогда этого не говорила! — возмущенно ответила Кора. — Азербайджанским поэтом был Низами, который родился в Гяндже в 1141 году, где и скончался на руках своей половецкой жены, выкупленной им из неволи в 1189 году. Сказка о шамаханской царице, обитавшей якобы в соседней с Гянджей Шемахе, была открыта среди рукописей Мадридской библиотеки лет десять назад. Неизвестная поэма Низами вызвала сенсацию среди специалистов и просто любителей поэзии, так как открыла человечеству новые грани таланта великого азербайджанского поэта. Если вы хотите, я могу прочесть несколько двустиший из этого шедевра, однако учтите, что я не сильна в арабском, на котором была напи-

сана «Шамаханская царица», и мое произношение будет несколько хромать...

Увидев обалделое выражение лица профессора, Кора получила искреннее моральное удовлетворение — пожалуй, впервые за это путешествие в параллельный мир. И она решила никому не признаваться, даже под пыткой, в том, что произнесенный ею текст она списала со шпаргалки на экзамене по литературе прошедшей весной и еще не успела забыть.

Ротмистр Покревский сел на нарах. Собственное горе даже потускнело перед невиданным девичьим талантом. Но Кора быстро вернула его к действительности.

— Продолжайте, ротмистр, — сказала она. — Рассказывайте, что было дальше.

— А что продолжать, — махнул рукой Покревский. — Я кинулся к полковнику Рай-Райи, чтобы вызвать его на дуэль на любом виде оружия — в конце концов, мне не привыкать к смерти.

— А полковник?

— Полковник вышел и в грубых выражениях потребовал, чтобы я убирался прочь. Тогда я поднял палку и крикнул ему: «Защищайтесь, сударь!»

— А он?

— А он ничего не ответил, потому что из той же двери выскочила ваша подруга Нинеля.

— Из той же двери? — удивился профессор.

— Из той же двери! Она издавала нечленораздельные звуки, она налетела на меня как злобная фурия, она вырвала у меня палку и начала меня избивать, утверждая, что не даст в обиду своего любимого. Затем прибежали медсестры и притащили меня сюда... вот в таком виде. Но я же не мог поднять руку на женщину, даже если она хамка!

— Таинственная история, — сказал Калнин, — но полагаю, что не такая уж трагическая, как вам показалось. Если, правда, полковник не забавлялся с двумя девицами сразу.

— О, только не это! — воскликнул ротмистр и сжал ладонями виски, словно голова его раскалывалась от немыслимой боли.

— Тогда между ними происходило что-то совершенно невинное, — заявила Кора. — Поэтому Нинеля так на вас рассердилась.

— Нет, — твердо возразил капитан. — Там происходило нечто ужасное.

— Я вас пытаюсь убедить, — сказал профессор, — что принцесса умерла пятьсот лет назад, что вы погибли полтора века назад, что здесь лишь Кора — реальное живое существо. Мы же с вами — привидения, фантомы.

— Чепуха, — проворчал ротмистр. Но он был не уверен в своих словах. — Есть только этот день и этот миг.

За окошком перекликались часовые.

— Что на обед? — крикнул ближний, второй ответил неразборчиво.

Ротмистр молчал, лежа на нарах. Профессор все мерил камеру шагами. Кора задумалась — она пыталась заставить себя поверить в то, что здесь происходит что-то настоящее, реальное, что это ей не снится. Но убедить себя трудно, потому что память Коры, как и память Покревского, отказывалась перенестись в настоящее. Оставленный ими мир был слишком близок и куда реальнее этих бараков, этой духоты и уж тем более буйства ротмистра из-за средневековой готской принцессы.

— И все же мне все это не нравится. — Профессор Калнин стоял у стены, запрокинув голову и вперив взгляд в забранную решеткой щель окошка. — Генералы что-то задумали. Гарбуй прав, они что-то задумали. Ты обрати внимание — они не были реально обеспокоены, в какое время попадут люди при возвращении на Землю, — а это для их планов должно быть ключевым моментом. Если они решились на локальное вторжение и похищение военных машин и технологий — это хоть и звучит наивно, но значит, что их план предусматривает обойти эту опасность. Но как?

— Но может быть, это просто ловушка, игра — может, они и не собираются захватывать наш мир, потому что понимают, что могут лишиться своего?

Коре было приятно разговаривать на равных с профессором и чувствовать, что он не старается приспособиться к ней.

— Интересно, — сказал Эдуард Оскарович. — И почему?

— Потому что, — сказал вдруг ротмистр, — им нужна не война, в которой они могут потерпеть поражение, а лихая подготовка к ней. Нужен образ врага. Вы слышали об этом?

— Я понимаю, что вы хотите сказать, ротмистр, — согласился Калнин, — пускай будет такая подготовка к войне, что

война нам уже не понадобится. Мы под шумок пересажаем всех смутьянов и заодно скушаем с хреном самого президента.

— А интересно, — спросила Кора, — президент это понимает?

— Мне интереснее, понимает ли Гарбуй. Если понимает он, то сможет убедить президента, — сказал Калнин.

Загремел засов, дверь отворилась — там стоял полковник Рай-Райи.

— Выходите, — приказал он, — обедать пора.

Ротмистр Покревский отвернулся к стене.

— Все выходите, все, — приказал полковник. — Вас, ротмистр, это тоже касается. Но если вы все еще настаиваете на дуэли со мной, я не возражаю. Вот кончу сегодняшние дела, и после ужина сразимся на пляже.

— Вы не шутите? — Покревский вскочил во весь рост.

— Я вообще не умею шутить, — ответил полковник. — Но хотел бы для ясности сообщить вам, что сегодня все утро в моей комнате две женщины, которые вам известны, приводили в порядок мой мундир, почти погубленный вчера, когда я угодил в бетонную ловушку. Это я говорю не для оправдания, а для сведения некоторых нервных господ. Принцесса же слишком черна и грязна, чтобы меня соблазнить, и ни слова не понимает по-русски.

— Врете, — сказал ротмистр.

— А я полагал, что в вашей армии были приняты правила вежливости между офицерами. Так что вы, ротмистр, остаетесь без обеда за грубость старшему по званию.

Покревский сделал было движение к двери — во-первых, он был голоден, во-вторых, понял, что ведет себя не самым лучшим образом. Но гордость заставила его остановиться. Так он и стоял — высокая фигура в синем рваном халате.

Но сердцу полковника не была свойственна жалость.

Когда они поднялись на второй этаж, он сказал:

— Покревский хотел меня убить и мог убить. Он был груб со мной, хотя я его пожалел — что мне стоило пристрелить его? Кто бы меня осудил за это? Разве что вы, профессор?

— И я в том числе, — согласился профессор.

В столовой уже собрались все остальные.

Маленькая кучка людей с Земли, совершенно разных и чужих друг другу.

Журба прогудел:

— Где же вы загуливаете, господа, разрешите вас спросить?

— У тебя, Кора, сзади к платью трава прилипла, — крикнула Нинеля.

Она сделала в халате глубокий вырез и откромсала рукава — получилось платье-ублюдок, но, по крайней мере, оно соответствовало климату и демонстрировало нахальные груди разведчицы.

Кора послушно постаралась отряхнуть платье сзади, раздался хохот Журбы, ему вторила Нинеля. Миша Гофман криво усмехнулся. Принцесса Парра подвинула к себе миску и без помощи ложки быстро пила из нее суп. У принцессы был чудесный аппетит.

Под смех зрителей Кора дошла до стола и уселась на свое место. Медсестры снабдили пришедших мисками с гороховым супом. Полковнику, пожелавшему разделить трапезу с пленниками, вместо миски дали большую фарфоровую тарелку и добавили к гороху кусок грудинки. Ну что же, он здесь хозяин.

— Сегодня начнем, — сказал Рай-Райи, опустошив свою миску, — собираться домой. — Затем он протянул миску медсестре за добавкой.

Так как все понимали: не зря же полковник сел за общий стол — слов его не пропустили. И поняли молчание как приглашение к вопросам.

— Возвращение добровольное? — спросил Эдуард Оскарович.

— Совершенно добровольное. Желающие остаться у нас могут остаться.

Полковник улыбнулся широко и бессмысленно — получилась гримаса, предназначавшаяся специально для профессора.

— Есть ли какие-нибудь гарантии, что мы останемся живы? — спросил инженер Всеволод.

— А какие могут быть гарантии? — удивился полковник.

— Я попал сюда, — ответил инженер, — потому что потерпел крушение в воздухе. Мой махолет сломался. Как мне теперь понятно, падая к земле, он был подхвачен вашим аппаратом и приземлился на мягкий склон по соседству с лагерем. Если вы вернете меня в точку, где произошло крушение, я из нее упаду на камни и разобьюсь. И этого я не желаю.

— А может, вы сначала на кроликах попробуете? — задумчиво произнес Журба.

— Зачем? — спросил полковник. Он сделал вид, что не понял.

— Кролика не жалко.

— А вас, думаете, жалко? — удивился Рай-Райи. — Почему это я должен вас жалеть?

— Да потому, что между людьми есть гуманизм, — ответила Нинеля. — Так учит партия. Мы не кролики, мы звучим гордо.

— Мы допрашивали вас и ваших товарищей, — полковник поднес ко рту миску и допил остатки похлебки. Потом закончил: — И поняли, что весь ваш гуманизм и медной монетки не стоит. В отличие от кроликов вы истребляли друг друга миллионами. Так что не вам говорить о жалости.

— Вы все путаете, — рассердилась Нинеля. — Мы уничтожали врагов в порядке исторической справедливости. Как классовых, так и агрессоров.

— Вот и мы уничтожим всех вас тоже в порядке справедливости. Должен ли я думать о вашем гуманизме, если я за ваш счет могу сделать жизнь моих людей лучше и сытней? Ну, отвечайте.

— А вот задавать такой вопрос вы не имеете морального права, — сказала Нинеля. Грейпфруты ее грудей согласно качнулись, и полковник замер, зачарованный этим зрелищем, благо верхние половинки грейпфрутов поднимались над вырезом в синем халате, как будто плавали в синем пруду. — Потому что наша человеческая жизнь не менее дорога, чем жизни ваших сотрудников.

Нинеля поправила халат, да так неудачно, что правая грудь вовсе оголилась, и полковник зашелся в кашле.

— Ладно, — сказал Рай-Райи, — наше дело военное — как прикажут, туда и стреляем. Пускай ученые изучают, начальство решает, а мы подождем этих мудрых решений. Что у нас сегодня по плану?

Полковник достал блокнот, открыл его на нужной странице и некоторое время шевелил губами, вникая в смысл слов.

— Ясно, — сказал он и хлопнул блокнотом. — Значит, так, проводим медицинский опыт на сексуальную совместимость наших пришельцев. Всем пройти в душевую, там оставить

одежду и остаток дня провести без одежды в гимнастическом зале...

— Боюсь, что это старая программа, — в обалделой тишине произнес Эдуард Оскарович. — И если вы справитесь о том у господина Гарбуя или господина Лея, они выскажут вам свое неудовольствие.

— А что я могу поделать! — Полковник вскочил и закричал, словно призывал всех идти в атаку. — Что я могу поделать, когда приказов десятки, начальства в тысячу раз больше, чем вас, а я за все в ответе! Гарбуй и его люди требуют, чтобы мы проводили исследования и опросы. Мое начальство требует готовить вас к диверсиям! А я как мышь в плоскогубцах! С меня весь спрос. Вы что думаете, мне нужно, чтобы вы голыми тут бегали и свальный грех по углам устраивали? Раздевайтесь по плану!

— Господин полковник, я вас призываю к разуму! — рассердился Эдуард Оскарович.

— Ладно, запишем, что провели. Этим ученым недолго осталось здесь командовать. Все свободны. А вы, госпожа Нинеля, останьтесь для разговора.

— Ну вот, еще чего не хватало! — воскликнула Нинеля с таким наслаждением в голосе, что Журба произнес:

— Эх, вкатил бы я тебе десяток розг!

— Помолчите, а то самому достанется, — отпарировала Нинеля.

* * *

Вторая половина дня оказалась насыщенной событиями.

Но поначалу ничто не предвещало перемен. Если не считать того, что тягостная жара постепенно превращалась в духоту, которая бывает перед сильной грозой. В небе все густели облака, и порой солнце отыскивало в них прореху, чтобы обжечь и без того измученные жарой тела людей, но затем все заволакивало движением мрачнеющих туч, и уже погромыхивало где-то в немыслимой дали над морем, словно там, за горизонтом, разгорелся морской бой.

Движения неизбежно замедлялись, и каждый шаг приводил к одышке, к поту и звону в ушах. И тем более странным было увидеть, как стремительно пересекли двор полковник и следом два доктора, сизолицый Крелий и другой, незнако-

мый, с небольшим саквояжем, видно, прибывший недавно. Они исчезли в административном корпусе. На минуту снова наступила недвижная тишина, отдаленно загромыхало. Из барака вышел Эдуард Оскарович. Не заметив стоявшую в стороне Кору, он, делая вид, что прогуливается, направился к кустам, к известной ей тропинке. Кору посетил было соблазн последовать за профессором, но мысль о том, что ей придется карабкаться в гору сквозь колючий кустарник, была настолько отвратительна, что чувство долга тихонько свернулось клубочком где-то внутри ее и замерло, надеясь, что его не заметят.

— Будет гроза! — сказал кто-то так неожиданно, что девушка отшатнулась.

Это был инженер. Он снял халат и остался в длинных полосатых трусах. У него было гладкое загорелое тело с плоским жестким животом, без единого грамма жира. Коре было приятно смотреть на него. В руке инженер держал длинный прямой прут, который он очищал от коры.

— Видишь, — сказал он, — не могу остановиться. Занимаюсь тем, что подбираю материалы к новой модели. Глупо, да?

— Наоборот, — сказала Кора, глядя на склон горы. Ей показалось, что она видит, как карабкается по тропинке пожилой неповоротливый Калнин.

— Мне кажется, что, если я построю махолет и поднимусь в воздух, я смогу улететь из этой чертовой страны. Только надо подняться повыше.

— Повыше у них летают истребители. Они не очень скоростные, винтовые, но на тебя хватит.

— Знаю, — согласился инженер. — Но все равно хочется взлететь. Ты как думаешь, нам удастся вырваться отсюда?

— Ты тоже об этом думал? — спросила Кора.

— Я все время об этом мечтаю. Мы же попали с тобой в какое-то Средневековье. Я сначала решил, что они ищут пути к контакту, что они понимают, какое великое открытие им попало в руки. Я, наверное, неделю все сомневался... но понял, что попал в стаю павианов, у них свои интересы, а у тебя человеческие. Знаешь, чего им хочется? Им хочется завоевать Землю. В их павианьих головках никак не может вместиться тот факт, что павианам невозможно завоевать Землю людей, потому что они не умеют говорить.

— Сейчас у них другая идея, — сказала Кора. — Идея налета. Схватить и унести.

— Ты знаешь, кто-то должен пройти к нам, вернуться и сказать, чтобы эту дверь прикрыли.

— А нас захлопнут здесь?

— Ну кто нас захлопнет здесь! — рассердился инженер. — Конечно, нас сначала вытащат.

Инженер был устроен просто и правильно. В нем было сильно развито чувство справедливости, он хотел ее восстановить, а потом снова заняться своим махолетом. Как, наверно, хорошо и просто иметь такого мужа. Он обязательно будет тебя любить и защищать, будет гулять с детьми и чинить дома и на даче все выключатели и тостеры. Потом ты от него убежишь...

— Главное сейчас — наладить связь с нашей Землей, кто-то должен пробраться туда и предупредить, а то они и на самом деле натворят чего-нибудь. Но как это сделать?

— Наверное, надо снова броситься со скалы вниз, — предположила Кора.

— Не спеши, — остановил ее Всеволод. — Это слишком рискованно. Но я подумаю. Надо изучить то место...

Бормоча что-то под нос и забыв уже о Коре, он пошел прочь. Но через двадцать шагов остановился и, обернувшись, громко заявил:

— Какие мы с тобой дураки, Кора! Там, где мы появились, никакой скалы нет! Она есть только на нашей Земле.

— И что это означает? — спросила Кора.

— Это означает, — сказал инженер, — что, если отсюда есть ход к нам, он совсем иначе устроен. А как — я обязан догадаться. Я ведь изобретатель.

Когда инженер исчез, Кора стала снова вглядываться в кусты на склоне. Но профессора не увидела. Видно, он хорошо спрятался.

На площадке вновь появился Миша Гофман. На этот раз он шел быстро и, проходя совсем рядом с Корой, не повернув головы, быстро произнес:

— Если со мной что-нибудь случится, ты должна оставаться здесь как можно дольше. Не пытайся уйти самостоятельно, даже если тебя будут звать. Твоя задача все узнать...

Чтобы иметь возможность договорить, Миша присел, чтобы завязать шнурок на казенном ботинке.

— Меня требуют к докторам. Они мне не доверяют. Но я буду и дальше играть роль дебила.

Из столовой выбежала медсестра.

— Вот вы где, Гофман! — пробасила она укоризненно. — Ведь доктор вас ждет. Неужели это так непонятно?

— Я не хочу к доктору, — тупо произнес Миша, глаза его остекленели, в углу рта появилась слюна.

Медсестра жестко взяла его под локоть и повлекла к административному зданию.

«Бедный Мишка», — подумала Кора. Она еще не знала, чем это кончится, но боялась за него.

Стало темнее. Плотная, почти непроницаемая для лучей света туча тяжело перевалила через стену гор и, набирая скорость, покатилась по склону к морю. Она толкала перед собой стену воздуха, та в свою очередь поднимала тучи пыли, веток, листьев и даже мелкие камешки.

Коре показалось, что со стороны административного корпуса донесся крик.

Но тут же все звуки были сожраны раскатистым и долгим громом, который вызывали молнии, пока еще не добравшиеся до вершины горы и лишь озарявшие черную тучу огненными зарницами.

Каково же профессору там, в горах? А что, если он заблудится?

Странно, как меняются человеческие отношения. Три дня назад она соперничала с Вероникой за сердце инженера Всеволода. Теперь он здесь, рядом, и сам тянется к ней. И нет соперницы. Но нет, инженер стал неинтересен — он был спутником для вольного отдыха в тихом месте, он был романтической принадлежностью махолета и олицетворением риска...

И оказалось, что ей интереснее всего немолодой очкастый профессор из середины прошлого века, которому давным-давно лежать бы в могиле. Они с этим профессором даже ни разу не заговорили на личные темы: не до этого. Она даже забыла расспросить, как же профессор здесь оказался — в самом ли деле вычислил дорогу сюда или шутит? И профессор тоже никакого особого внимания к Коре не проявлял — просто он был чудесный.

От шума ветра и пыли Кора не сразу увидела, что в ворота

въехал, вернее, ворвался автомобиль вроде джипа, синий с зеленой крышей.

Разгоняя радиатором песок и ветки, джип промчался к административному корпусу. Молния, сорвавшаяся с неба, ударила в землю рядом с джипом, будто природа была недовольна его появлением. Джип подпрыгнул, но не остановился. Он развернулся у входа в корпус и только тогда замер. Из джипа выскочил генерал Лей. Порывом ветра с него тут же сорвало высокую фуражку, и он побежал за ней.

Фуражку несло к Коре, и той ничего не оставалось, как включиться в погоню.

Они с генералом настигли фуражку посреди плаца, и их руки столкнулись над добычей.

— Спасибо, — сказал генерал, глядя пронзительными светлыми глазами на коленки Коры. Та выпрямилась и сделала шаг назад. — Ты из этих?

— Да, я с Земли, — сказала Кора.

— Ага, вспомнил, — сказал генерал, — я тебя видел в лабиринте.

Вблизи он еще более казался солдафоном. Был он приземист, подобен горилле, его сильные широкие руки опускались до колен. Низкий лоб прикрывала челка, но глядевшие из глубоких глазниц глаза были живыми и умными, как бывают у обезьяны.

Они стояли друг против друга — генерал был ниже ростом, но широк и уверен в себе, так что Кора чувствовала себя тростиночкой перед пнем.

— Ну и как? — спросил генерал, стараясь перекричать шум ветра. — Домой хочется?

— Не знаю, — ответила Кора. — Если это не опасно, то хочется.

— А ты чего боишься?

— Разбиться, — честно ответила Кора, — я до половины долетела, а если вы меня отправите обратно, то не исключено, что я пролечу остаток пути.

Генерал не стал отвечать, а крепко натянул фуражку, и в это мгновение в последний раз за тот день солнце смогло отыскать щелочку в тучах и прорваться лучом к земле. Этот луч упал на кокарду генерала Лея, изображавшую кулак в дубовом венке — знак гвардейского полка, полученный им в

память о столетии разгона непокорных туземцев в горах Тодрей Нивилей.

Генерал пошел к административному корпусу, твердо ступая кривыми ногами кавалериста.

— А когда вы нас будете отправлять обратно? — крикнула вслед ему Кора.

Генерал остановился не сразу. Но остановился и обернулся.

— По очереди, — сказал он. — Ввиду неизвестности, куда вы попадете.

Кора кивнула.

— Начнем сегодня с господина Гофмана, подозреваемого в шпионаже, — сообщил генерал и ступил под козырек здания. Больше он не оборачивался.

Значит, Мишу уже сейчас готовят к возвращению домой. Но почему такая неожиданная спешка? Надо отыскать профессора. Он что-то может знать.

Она забежала в столовую и схватила халат, брошенный там инженером. Пусть послужит вместо зонтика.

И, убедившись, что ее никто не видит, а солдат у ворот спрятался в будку, она, пригибаясь, пробежала к началу тропинки. И через три минуты уже была в безопасности на заросшем кустарником склоне.

* * *

Кора отчаялась отыскать профессора. Она поднялась чуть ли не до половины горы, до того места, где тропинка раздваивалась и от нее начиналась узкая дорожка к вилле «Радуга».

Ветер налетал шквалами, и сверху было видно, как по морю гуляют два больших смерча, легко касаясь воды тонкими гнучими пальцами.

Дождь было начался, взбил пыль, но тут же прекратился, словно еще не набрал дыхания.

И тут Кора увидела Калнина. Он стоял на тропинке, прижимаясь спиной к коренастой горной сосне, и потому его можно было бы увидеть, только подойдя совсем близко.

— Эдуард Оскарович! — окликнула она профессора.

Профессор обернулся, синим отсветом тучи блеснули очки.

— Кто? Что нужно?

И тут он узнал Кору.

— Как вы меня испугали, — произнес он, потом улыбнулся.

— Я уж боялась, что не найду вас, — сказала Кора.

— Что-нибудь еще случилось?

— Приехал генерал Лей.

— Зачем? — спросил профессор и тут же добавил: — Откуда тебе знать...

— Я говорила с ним, — сказала Кора. — Он сказал, что нас отправляют домой. Но не всех сразу, а по очереди. И первым — Мишу Гофмана.

— Ты уверена?

— Совершенно. Потому что за несколько минут до прилета генерала Рай-Райи и два доктора провели Мишу в административный корпус.

— Может быть, какое-нибудь очередное обследование?

— Вы же слышали, как сегодня полковник отказался от обследований!

— К Гофману они относятся с опаской. Они полагают, что он мог быть специально заслан сюда.

— Чем он вызвал их недоверие?

— Очень просто, — ответил профессор, прижимаясь к стволу гигантского платана, чтобы на него не попали крупные капли начинающегося дождя. — У Гарбуя есть установка, позволяющая видеть то, что происходит по ту сторону... на Земле. Как я понимаю, наблюдатели засекли встречи Гофмана с посторонними людьми.

— А кто там посторонние?

— Все просто, Кора. Например, они знали, что ты и Всеволод приехали туда отдыхать и даже на скалу попали далеко не в первый день и случайно, да и падение инженера было естественным. Они не такие дураки, как тебе кажется.

— А мне это не кажется, — ответила Кора. — Может, они хотят еще что-то узнать у Гофмана?

— Ничего хорошего это нам не сулит.

— Почему?

— Потому что, — сказал профессор, — я не могу понять, с чего они, построив какие-то планы, связанные с Землей, вдруг откажутся от них и обо всем забудут, отправив нас домой.

— Значит, мы им не верим? — спросила Кора.

— Разумеется, не верим.

— И вы здесь кого-то ждете?.. Только вы можете мне не говорить, если не хотите.

— Вряд ли у тебя большой выбор для догадок, — усмехнулся профессор.

— Это сам Гарбуй?

— Ты права, — сказал профессор. — Это сам Гарбуй. Он обещал прийти сюда к часу. Сейчас уже скоро два, а его все нет.

— Может, за ним следят?

— Все может быть. Но лучше бы он не опаздывал.

— Вы его так близко знаете? — удивилась Кора.

— Я его близко знаю, — согласился профессор.

— Может, мне уйти?

— Уходи, девочка, — сказал профессор. — Есть вещи, которых тебе лучше не знать. И я не хочу, чтобы Гарбуй заподозрил неладное.

Кора не стала спорить. Она быстро пошла прочь, надеясь успеть в лагерь до того, как начнется настоящий ливень. Профессору же она оставила халат инженера, который утащила из столовой.

После короткой настороженной паузы, когда ничто не шевелилось — ни листок, ни ветка, ни лепесток, ни насекомое, все замерло, даже волны перестали бежать по морю, хлынул настоящий ливень. Наконец-то!

Кора еле успела выбежать на плац и, за сто шагов промокнув до нитки, спряталась в столовой.

У окна стоял ротмистр Покревский.

— Самое время бегать по грибы, — сказал он.

Кора не ответила, она думала о профессоре, казнила себя за то, что оставила его одного в лесу. Никакой Гарбуй не придет в такую погоду.

— У вас не найдется чего-нибудь пожевать? — спросил ротмистр. Кора вспомнила, что ротмистр был отлучен от обеда за невежливое поведение. Лицо его хранило следы нападения Нинели.

Кора сказала, что у нее нет ничего съестного, и хотела было сходить на кухню, но в дверях стояла одна из злобных медсестер, которым досталось вчера, от них милостей ждать не приходилось. Покревский это тоже понимал. Но тут появилась принцесса. Она подошла к ротмистру и протянула ему кусок хлеба.

Как странно — у них нет общего языка, ротмистр с утра чуть не избил эту красавицу прошлых эпох, а сейчас она са-

ма — ротмистр не стал бы просить у нее — догадалась, что он голоден.

— Не надо, — сказал Покревский, все еще злясь на принцессу.

— Перестаньте, корнет, — сказала Кора.

— Я ротмистр.

— А я думала, что корнеты — это молоденькие и очень обидчивые курсанты.

— Хорошо. — Покревский заставил себя улыбнуться, взял кусок хлеба у принцессы, и она смотрела, как он ест, стараясь не спешить.

— А Миша Гофман не возвращался? — спросила Кора.

— Откуда? — Покревский явно не видел его.

— Его отвели в административный блок.

Ливень хлестал по окнам, и снаружи не было ничего видно — Кора лишь угадывала силуэт джипа генерала Лея, стоявшего у двери в административный блок. Значит, генерал все еще здесь. Что ему там делать? Пережидает ливень? Впрочем, может, и на самом деле пережидает ливень?

И тут Кора увидела, вернее, угадала, как отворилась дверь в административный блок и оттуда выскочил, борясь с дождем и ветром, человек в низко надвинутой фуражке. Он был коренаст и широк — генерал Лей.

За ним выбежал полковник Рай-Райи и вынес зонтик, которым пытался прикрыть генерала, но зонтик тут же поломало и вырвало из руки полковника. И пока он боролся с ним, генерал, придерживая фуражку, влетел в предусмотрительно распахнутую изнутри шофером дверь. Полковник подбежал к машине, но машина уже рванула с места и, обдав без того мокрого полковника грязью из-под колес, помчалась прочь.

Должно было случиться нечто чрезвычайное, чтобы заставить генерала выбежать из дома в такой ливень!

Полковник юркнул обратно в здание. Беззвучно для зрителей хлопнула дверь.

— Все-таки у них очень развито чувство долга, — сказала Нинеля, подходя сзади.

— Что мы знаем! — философски заметил Покревский.

— Я на этом пострадала, — прошептала Нинеля Коре на ухо. — Мы с Райечком только устроились, как ворвался этот солдафон.

Интересно, что она тоже называет Лея солдафоном.

— Ты что-нибудь слышала? — спросила Кора.

— Нет, они сразу меня выгнали, — ответила Нинеля.

— И ты там не видела Мишу Гофмана?

— Нет, мы были в другой комнате.

— Значит, слышала?

— Они что-то делали. Он даже закричал, но потом больше ничего не говорил.

Пришел Журба, он жевал сухарь, видимо, припрятанный.

Выплеснув первую ярость, дождь шел густо, косо, чуть ли не параллельно земле, но не так бешено. И когда от леса появилась фигурка профессора, Кора сразу его увидела.

— Надо найти что-то сухое, — сказала она, — он может простудиться.

— Что же, интересно, заставило его отправиться в такую погоду за пределы лагеря? — подумала вслух Нинеля.

— А вам какое дело? — огрызнулась Кора.

— Мы здесь — сообщество земляных жильцов, — ответил за Нинелю Журба. — И как таковые должны противостоять происках иностранцев, неужели вам не понятно?

— Понятно.

— А когда некоторые из нас, не поставив власти в известность, отправляются под дождиком гулять в лес, это вызывает у меня подозрение.

Профессор вошел, пошатываясь, его встретили возгласами: «Где вы были?», «Надо бы стакан водки»...

Профессор сказал, что пойдет к себе. Он был мрачен.

Значит, Гарбуя он не дождался.

— Я вас провожу, — сказала Кора и повела профессора под руку.

Никто не оспаривал ее права гулять с промокшими профессорами.

— Я сейчас уйду, — сказала Кора, впустив профессора в его кабинку. — Он не пришел?

— Значит, не происходит ничего экстраординарного, — ответил профессор. — И это утешает. А что у вас?

— Мишу так и не выпустили. Генерал Лей только что уехал. Даже не испугался ливня.

— Странно, здесь очень опасная в дождь горная дорога.

— Что-то происходит, — сказала Кора.

— Я всей шкурой чую, — согласился профессор. — Ну, идите, идите, вас хватятся. Пойдут сплетни.

«Какие сплетни? — хотела спросить Кора. — О вас и обо мне?»

Но, конечно же, ничего не сказала.

* * *

К ужину полковник Рай-Райи не вышел. Каша была недосолена, вместо мятного чая, которым здесь поили три раза в день, раздали какую-то бурую жидкость, видимо, кофе для бедных инопланетных пришельцев.

Потом пришел один из офицеров — помощников Рай-Райи, принес отпечатанные на машинке протоколы допросов пленников — чтобы прочли и подписали. Вопросы, которые им задавали, были стандартными, и поэтому, даже сложив все протоколы вместе, невозможно было бы составить объективное представление об истории Земли или отношениях там. Сведения были подобны сообщению о том, что паровоз пускает пар, гудит и едет по рельсам. А вот как ходит поршень в паровом котле, из этих бумаг выяснить было невозможно.

— Если они захотят забраться к нам и утащить самолет или пушку, — пояснил Всеволод, — они смогут забивать ими очень большие гвозди или колоть очень крупные орехи. Понимаешь?

— Понимаю, — согласилась Кора, которая и сама, читая протоколы, пришла к подобному заключению. — И все же не считаю их полными идиотами. На что-то они рассчитывают. На предателей?

— Предатели появляются, как правило, когда твоя сторона противостоит сильному противнику. Когда ей грозит поражение. Когда есть за что предателя купить. А здесь?

— Страх, — сказал ротмистр Покревский. Он читал свой протокол, отмечая галочками на полях отдельные места. Потом принялся вычеркивать строчки.

— Вы поосторожнее, — сказал Журба. — Все-таки официальный документ. Власти могут составить о вас неблагоприятное впечатление.

— Вот Влас Фотиевич мог бы от страха стать предателем, — отомстил ему Покревский.

— Нет, — сказала Нинеля, которая ела вторую миску каши, предназначавшуюся, видно, Мише Гофману, — Влас

Фотиевич от страха никогда бы предавать не стал. Только если по указанию свыше.

— Вот именно, — согласился Журба. — По указанию свыше я на все пойду.

— Это и есть страх, — заметил Эдуард Оскарович. — Только превратившийся в безусловный рефлекс.

— Тоже мне, академик Павлов, — фыркнула Нинеля, которая, видно, в свое время изучала газетные статьи о наших приоритетах в области условных рефлексов.

Офицер забрал протоколы, даже не посмотрев на них. Журба был разочарован.

— Ничего, — сказал он, — потом посмотрят и сделают надлежащие выводы.

Дождь успокоился, он лил мирно, как будто хотел растянуть удовольствие на несколько лет.

— Как в Макондо, — сказала Кора, подходя к окну.

— Там было жарко, — сказал инженер, который тоже читал Маркеса.

Остальные не поняли. Они были куда старше колумбийского писателя Маркеса.

Вошел полковник Рай-Райи. Вошел быстро, наткнулся на стол и замер, выстукивая пальцами нервную дрожь по его краю.

— Тишина! — приказал он. — Важное сообщение!

Все подошли ближе. Лица были серьезными и напряженными — судя по всему, добра ждать не следовало.

— Тяжкая трагедия обрушилась на наше государство, на нашу родину, — отчеканил по-дикторски полковник. — Сегодня на пути из отпуска в столицу самолет нашего высокочтимого президента потерпел аварию и разбился в горах. Подробности происшествия разбираются правительственной комиссией. Вместе с президентом погибли члены его свиты. До выборов нового президента, которые состоятся через месяц, во избежание беспорядков и сепаратистских выступлений в национальных районах власть возложил на себя чрезвычайный временный совет в составе командующего армией генерала Лея, начальника службы государственной безопасности, корпусного генерала Грая, а также госпожи Куфетти ар Рей, правительницы автономной области Рей-колья.

Кора посмотрела на профессора. Он был бледен.

— А Гарбуй? — выкрикнул он. — Его там не было?

— Советник Гарбуй пока жив, — осклабился полковник.

Остальные внимательно слушали, стараясь понять, имеет ли отношение это событие к их судьбе, и когда полковник кончил читать, Журба спросил:

— Чего же он поездом не поехал?

Никто ему, конечно, не ответил.

— Что, попал в грозовой фронт? — спросил Всеволод.

— Мы надеемся, что это не было диверсией, — ответил полковник.

— Кому надо, разберутся, — сказала Нинеля, — для этого они поставлены. Наше дело — не вмешиваться.

Кора вспомнила ухмылку генерала Лея. Теперь никто не помешает ему напасть на Землю — какой бы глупой ни казалась эта акция, к каким бы жертвам она ни привела!

— Нам надо написать письмо! — воскликнула Нинеля.

— Какое письмо? — не понял полковник.

— Сочувственную ноту, как положено в таких случаях. Ведь здесь еще нет нашего посольства. Мы должны взять на себя его функции. Только у нас нет хорошей бумаги. Вы прикажете нам выдать хорошей бумаги?

— Вы озверели, что ли? — вдруг озлился полковник. Он стукнул кулаком по столу. — Не понимаете?

— А что? — спросил Покревский. — Что мы должны понимать?

— Что власть перешла к армии. К власти наконец-то пришли здоровые силы нации. Хватит армии находиться на вторых ролях, подбирая крошки со стола продажных политиков! Мы намерены навести порядок.

— Включая и Землю? — спросила Кора.

— Включая и Землю. Какие еще вопросы?

— А нас будут возвращать домой? — спросил инженер. — Ведь вы еще сегодня обещали.

— Как только я получу инструкции из центра, я доведу их до вашего сведения. Еще вопросы будут? А то мне пора идти.

— Я хотела спросить: где Гофман? Куда он пропал? — спросила Кора.

— Пришелец Гофман проходит специальные исследования на предмет возвращения на Землю.

— Он вернется сюда?

— Когда закончатся исследования. Больше вопросов нет?

Больше вопросов не было.

Профессор Калнин стоял у полковника на пути.

— Я хотел бы связаться с коллегой Гарбуем. Можно я позвоню ему?

— Нет, нельзя, — ответил полковник.

— Почему? Он болен?

— Пока не закончится расследование обстоятельств гибели нашего возлюбленного президента, он останется под стражей, так как был среди тех, кто последним видел президента перед отлетом из виллы «Радуга».

Полковник резко отстранил профессора и совершил необычное действие. Он подошел к высокому постаменту, на котором стоял бюст президента, опрокинул его на себя и, откинувшись от тяжести назад, поволок к выходу из столовой.

Кора вспомнила отвалы бюстов и статуй у горной дороги. Теперь на отвал будет больше.

Заговорили не сразу. Но шумно, бестолково.

— Это заговор!

— Они убили собственного президента! Как это отразится на нашей судьбе?

— Не говорите чепухи! Почему им нужно убивать президента? Вы же видели, какая гроза, — кто просил его улетать...

— Но они нас отпустят?

— Может, теперь отпустят.

— А может быть, наоборот — именно теперь не отпустят.

— Плохо бунтовать в синих байковых халатах без пуговиц, — сказал Эдуард Оскарович.

— Чепуха! — возмутился вдруг Покревский. — У меня есть мундир. Я не намерен возвращаться в синем халате.

— Я пойду, — сказала Кора Эдуарду Оскаровичу. — Мне нужно увидеть Мишу Гофмана. Я боюсь, что они сделают с ним что-то плохое.

— Но там такой дождь... — растерянно возразил профессор, будто сам только что возвратился с горы.

— Подскажите мне, как проникнуть в административный корпус. Я же не знаю. Они меня схватят.

— Простите, но я всегда ходил туда через дверь, — ответил профессор.

— Кора, душечка, — сказала Нинеля. — Хочешь, я тебе подскажу?

— Ты знаешь?

— А я от полковника уходила, он меня вывел, он тоже не хочет портить репутацию.

— Не неси чепуху, Нинеля! — остановил ее Журба. — Блудница рода человеческого. Ты у меня в холодной насидишься!

— Господи! — сказал Покревский. — Как вы мне надоели!

Подошла принцесса, защебетала, Покревский прислушивался. Кора подумала: как ей объяснить, что пора бы вымыть волосы? Дикие времена, дикие нравы! Вернее всего, принцесса не выдерживает психологического давления обстановки.

— Я сейчас не пойду, — сказала Нинеля. — Пускай сначала стемнеет и дождик кончится. Потом я тебе покажу, как туда пройти.

Профессор начал кашлять. Кашель был сухой, нехороший. Кора пошла на кухню. Медсестры ели курицу. Пахло соблазнительно. На Кору они даже не оглянулись. Кора поставила котелок, вскипятила воды. За это время никто не покинул столовую. Все ждали дальнейших событий. Смерть президента была каким-то образом связана с их судьбой, обязательно связана — и это понимали все. И понимали, насколько они беспомощны. Когда Кора возвратилась с горячей водой, Нинеля витийствовала — громко и агрессивно — видно, от неуверенности в себе:

— Я уверена, что нас не оставят, не бросят. Родина никогда не бросает в беде своих героев. Возьмем, к примеру, эпопею папанинцев, которых посадили на льдину. Я как сейчас помню восторг всей страны, когда их сняли с такой вот махонькой льдиночки, негде ножку поставить...

Кора подошла к окну, на улице начинало неуверенно темнеть.

— Пойдите поспите, — сказал профессор.

— А вы?

— Я боюсь пропустить весть от Гарбуя. Он может прислать человека. Его судьба меня беспокоит.

Кора пошла к себе, прилегла и скоро заснула, безмятежно и глубоко; хорошо, когда тебе двадцать лет.

Проснулась она как от толчка. За окошком было черно. Занудно шумел дождик.

Кора поднялась, в раскаянии от того, что все на свете проспала, побежала в столовую. Там никого не было, если не

считать инженера, который что-то чертил на листе собственных показаний, которые он не возвратил офицеру.

— Что-нибудь случилось без меня? — спросила Кора.

— Глупый вопрос. Ты ушла, если не ошибаюсь, часов в пять, а сейчас десять. Радио у нас нет, газет нам не показывают. Все сидят по каютам, ждут ужина, а вот будет ли ужин, я сомневаюсь, потому что медсестры так и не появлялись.

— Ничего, вскипятим чаю, а ты покажешь мне, как залезть в кладовку.

— Это неприлично, — сказал инженер и тут же углубился в рисунок очередного махолета.

Кора пошла к Нинеле. К счастью, Нинеля не спала, а раскладывала пасьянс из самодельных карт.

— Влас Фотиевич нарисовал, — сообщила она, — сейчас он спит, а мне дал. Они прошлую ночь с Покревским и инженером в преферанс дулись. Ты не представляешь — белогвардейская сволочь, полицмейстер и твой дружок из коммунистического будущего. Компания!

— Нет у нас коммунистического будущего, эксперимент не удался, битва за урожай проиграна.

— Ну ладно, ладно, я это уже от Мишки Гофмана слышала. Пока они его не разоблачили. А сам рукам волю дает.

— А при коммунизме бы не давали?

— Там все иначе, там бы я никому не отказывала, потому что все люди друзья и братья с сестрами.

Нинеля не была лишена чувства юмора, и вроде бы поражение коммунизма не нанесло ей травмы. Хотя черт ее знает, где она искренняя, а где притворяется.

— Ты обещала провести меня к Мише Гофману.

— А он твой хахаль был?

— Не говори чепухи. Я просто беспокоюсь.

— А не стоит о нем беспокоиться, — посоветовала Нинеля. — Если он на обратном пути к нам попадет, им наши займутся.

— Пошли?

— Там дождик идет.

— Не успеешь промокнуть, старший лейтенант госбезопасности, — сказала Кора.

Нинеля вдруг напряглась.

— Ты откуда получила сведения?

— Из твоей анкеты, — соврала Кора, которая никогда бы

не смогла объяснить, почему она подарила Нинеле именно этот, а не иной чин. Что-то глубоко внутри подсказало ей... потом вспомнила: Кольский полуостров, железная дорога, тамошний командир — старший лейтенант госбезопасности...

— Не могла ты видеть мою анкету... — отрезала Нинеля и тут же спросила: — Значит, все дела хранятся, а вы операцию готовили?

— Так пойдешь или нет?

— Иду, иду, чего кричать! Сержант я, до старлея не дослужилась.

* * *

Нинеля и в самом деле просто и быстро провела Кору через незапертую дверь с обратной стороны административного корпуса. Дверь вела в подвал к мусоросборнику, оттуда лестница поднималась на второй этаж. Здесь они расстались — Нинеля не хотела рисковать.

В главном коридоре, разделявшем здание пополам, еле-еле светили плафоны. В боковых ответвлениях было совсем темно.

Впрочем, это и помогло Коре. Миша содержался в подвале, и Кора сразу догадалась, где это, потому что ход туда перегораживал стол, за столом сидела мускулистая медсестра и спала, положив голову на скрещенные руки. Притом мирно похрапывала басом.

За спиной медсестры находилась стеклянная дверь, и Кора открыла ее.

Мишу она отыскала в тупике подвального коридора. Перед боксом был стеклянный тамбур. В боксе Миши горела яркая лампа без абажура, оттого казалось, что там проводят ремонт.

Миша сидел на продавленной койке на сером одеяле, скрестив ноги и покачиваясь.

Кора попыталась проникнуть к нему, но эта дверь была заперта.

Кора тихонько постучала в стекло. Миша услышал, поднял голову, удивился, потом обрадовался.

Он попытался подбежать к перегородке, но ничего не по-

лучилось, он согнулся в три погибели, схватился за живот. Лицо его исказила гримаса боли.

— Ты что, Миш? — спросила Кора. — Отравился?

Миша подошел к круглому отверстию в стекле, забранному частой сеткой.

— Нет, не отравился, — сказал Миша. — Они мне вкололи какую-то гадость, а теперь наблюдают, как я загибаюсь.

— Зачем? Не может быть!

— Как раз с ними и может быть. Вспомни лабиринт, вспомни другие идиотские и жестокие тесты. Ах да, тебя еще не было!

— Ты думаешь, что это испытание? Тест?

— А что еще? — спросил Миша.

И тут его вырвало. На четвереньках он кинулся к ведру, что стояло в углу палаты. Он опустился на колени спиной к Коре — завел руку за спину и жестом прогнал девушку.

За спиной Коры во сне забормотала медсестра.

Кора замерла.

— Я еще приду, — шепнула она в переговорное устройство. — Ты не бойся.

Но Миша, судя по всему, ее не слышал.

На цыпочках Кора миновала медсестру, которая уже почти проснулась, но, к счастью, жалела расстаться со сном.

Дальнейший путь вниз прошел без приключений.

Кора пробежала до барака. Испытание? Зачем такое испытание?

Так она и сказала профессору, который лежал у себя на койке.

— Его отравили! Его точно отравили! И вы знаете, что я подумала? А вдруг теперь, когда начнется заварушка с переменой власти, они решили от нас отделаться: нет человека — нет проблемы.

— Зачем?

— Они же тоже боятся. Судя по протоколам допросов, у них есть представление о том, что наша цивилизация обогнала их... намного. Так что замахиваться на нас все равно что замахиваться на паровоз.

— Они об этом не думают, — усомнился Калнин.

— Но почему? Почему?

— Мне надо увидеть Гарбуя. Если он жив, он, по крайней мере, что-то знает.

— Тогда я пойду с вами, — твердо заявила Кора.

— Зачем?

— Я скажу вашему Гарбую, что над Мишей Гофманом проводят эксперименты! Он должен их остановить. В ином случае пускай поможет мне вернуться обратно.

— Боюсь, что все это не в его власти.

— Сначала вы уверяете меня, что он — изобретатель этой системы...

— Но президента убили! А без президента Гарбуй — только тень самого себя.

— А мы — подопытные кролики?

Профессор Калнин ответил неожиданно:

— Я оказался здесь, потому что не хотел быть кроликом, тем более мертвым кроликом.

— Если так, то вы, по крайней мере, живы.

— Пока жив, — согласился профессор.

Кора выглянула в окно. Дождь все продолжался. Было темно — хоть глаз выколи, ветер налетал волнами и пригибал к земле тонкие вершины кустов у забора из колючей проволоки. Там светили прожектора — лагерь с десятком беспомощных пришельцев тщательно охранялся. Хотя, впрочем, убежать оттуда было легче легкого.

— Сейчас совсем темно и ливень, — сказал профессор, словно рассуждая сам с собой. — Но если к утру дождик успокоится, я схожу к вилле.

В комнату без стука заглянула Нинеля и сказала:

— Быстро в столовку! Быстро, говорю! Там полковник чрезвычайное сообщение произносит.

Она затопала тяжелыми ногами по коридору.

— Надо идти. — Эдуард Оскарович с трудом поднялся с кровати.

— Вы одеяло возьмите, закутайтесь в него, — сказала Кора. — А может, вам вообще не ходить?

— Нет, я любопытный, — возразил Калнин. — Белье я поменял, а в одеяле во мне появляется что-то от римского сенатора.

Все уже собрались в столовой. Полковник стоял во главе стола.

— Ну вот, — сказал он, криво усмехнувшись при виде опоздавших. — Спасибо, что почтили нас своим присутствием.

— Безобразие! — вслух произнесла Нинеля. — Люди стараются, а они ноль внимания.

Полковник постучал по столу небольшим кулаком, откинул назад маленькую усатую голову и сообщил, словно начинал торжественную речь на юбилее:

— Я рад сообщить вам, что только что закончилось заседание чрезвычайного Временного совета. На нем разбиралось много вопросов, как из области политики и экономики, так и военных. Создано переходное правительство, в которое вошел ряд известных военачальников. В частности, принято решение свернуть как экономически нецелесообразный, а политически вредный проект профессора Гарбуя по контактам с параллельным миром. Вы меня поняли?

— Нет, не поняли, — сказал Покревский.

— Вы будете отправлены обратно. В ближайшее же время. У нас нет лишних денег на бесперспективные направления в науке.

— И вы хотите отправить людей, не проверив сначала, что с ними будет? — спросил Калнин.

Полковник добродушно развел руками.

— Вы нас недооцениваете, профессор, — сказал он. — Есть доброволец, Михаил Гофман. Если мы убедимся, что он окажется в сегодняшнем дне, значит, предсказания Гарбуя подтвердятся. Тогда и вы полетите. Ясно?

Многое было неясно. Пришельцы начали было осаждать полковника вопросами, но тот резко повернулся и покинул комнату. Кора так и не успела докричаться — что же в самом деле с Мишей и можно ли к нему пройти.

Но она знала, что проберется к нему до ухода с профессором к Гарбую. И если плохо, то попытается помочь. Сама еще не знает как, но постарается. Должен же быть выход для подопытных кроликов.

Через две минуты после ухода полковника — не успели даже пленники обсудить ситуацию — вошли две медсестры с большим ящиком. Хлопнули его на пол, и одна из медсестер сказала басом:

— Разбирайте, ваше.

Они отошли в кухню и оттуда посматривали, как пришельцы двинулись к открытому ящику, как будто к упавшей, но неразорвавшейся бомбе. Потом принцесса вдруг затараторила — и в слезы! Темной обезьяньей лапкой она вытянула из

груды тряпок и предметов, наполнявших ящик, длинную одежду в блестках — тащила ее, отступая от ящика, и Покревский пришел ей на помощь, освободил подол длинной одежды от запутавшихся в нем ботинок, которые, как оказалось, принадлежали инженеру.

— Ребята! — воскликнул он радостно. — Нам же одежду варвары вернули!

И только тогда все сообразили, что местные хозяева не шутят и в самом деле решили отпустить пришельцев домой — иначе зачем бы им возвращать одежду и обувь и все вещи, что были с ними в момент перемещения.

— Мой сюртук! — рычал Журба, отталкивая Кору. — Надо проверить!

Он погружался в ящик, выбрасывая оттуда вещи — в поисках своего сюртука, он был страшен в упорстве и силе, употребленной на эти раскопки. Но из его деятельности прочие люди извлекали пользу — по крайней мере, Влас Фотиевич не дал людям устроить кучу-малу, навалиться на ящик одновременно. Вылетавшие оттуда платья, чулки, туфли, сумки тут же находили хозяев — не так уж много народа было в комнате. И когда все разобрали выкинутое Журбой и тот отыскал свой драгоценный сюртук и полосатые брюки, оказалось, что в ящике еще остались вещи Миши Гофмана. Их взяла Кора — как бы наследница Гофмана, — и никто не стал спорить.

Оттолкнув медсестру, Журба вышел на кухню, и та подчинилась. На кухне он стал громко петь народную песню, которую Кора в школе не проходила: «Эх, полным-полна коробушка, есть и ситец и парча!»

«Какое счастье, что вы вымерли, — подумала Кора, — еще до того, как я родилась. Возвращайтесь лучше к себе!»

Некоторые потянулись к своим комнатам, чтобы переодеться в тишине, другие спешили, переодевались прямо в столовой. Инженера, например, не беспокоили соображения стыдливости. Зато принцесса унесла все свои одежды — а их оказалось немало — в свою норку.

Но каждому хотелось одного — как можно скорее скинуть унизительный синий халат и серое арестантское белье. Причем халат не был таким унизительным еще час назад, потому что все были равны в унижении и не было из него выхода.

А вот теперь люди снова стали разными — будто их уже выпустили на свободу.

Кора переоделась у себя в комнате. Ей переодеваться было несложно. Тем более что возвратили далеко не все — разворовали. Правда, у нее осталась куртка Миши Гофмана — он не обидится, если она наденет ее в ночной и утренний походы — они еще предстоят Коре. Так что пока Кора была девицей студенческого возраста и положения, отдыхающей в Симеизе, — одежда на грани сексуального риска, но не более.

Переодевшись и с удивлением посмотревшись в зеркало, ибо за три дня отвыкла от себя настолько, что не сразу узнала, Кора поняла, что более оставаться одна не может, и хотела было пойти к профессору, но ноги сами принесли ее обратно в столовую.

И не только ее одну.

— Земляне и землянки!.. — так их назвал инженер Всеволод Той.

Он был одет просто, без затей, как одеваются славные изобретатели махолетов, когда поднимаются в воздух над склонами Ай-Петри, все на нем было облегающим, упругим, хлопковым, шерстяным, с буфами, притом в обтяжку — человек-птица!

Покревский изменился в поведении и даже внешности. На нем был черный мундир, на левом рукаве нашит щит с черепом, под ним золотые шевроны, на груди Георгиевский серебряный крестик. Мундир был не нов, пропоролся в одном месте, на колене черные галифе протерлись. Фуражки у капитана не было — потерял, но погоны были, хоть без звездочек. Но главное — изменилась его выправка.

Тут вошел, облаченный в полосатый пиджак и черные брюки, Журба — с радостным криком:

— Нашел! А ведь не хотели возвращать! Жулье! — Он держал в руке большой черный бумажник с золотой монограммой.

— Там деньги? — спросила Кора.

— Мало что осталось, — Журба сразу замкнулся.

— А ты спрячь, — сказала Нинеля, которая оказалась одета просто и грубо, в короткой суконной юбке, срезанных ниже колен кожаных сапогах, в гимнастерке без знаков отличия, но перетянутой солдатским ремнем. Она приподняла ва-

лик надо лбом, взбила локоны и изменилась, пожалуй, более всех.

Остальные, кто пришел в столовую, крутили головами от собеседника к собеседнице — как поворачивают голову за мячом зрители на теннисном корте.

Журба отошел к обеденному столу и, открыв бумажник, стал вынимать из него ассигнации, раскладывать их на столе и разглядывать, словно это было сладкое, давно желанное чтение.

Профессор пришел одним из последних. Он, как оказалось, почти не изменился. Он сменил халат на старый костюм, поношенный, домашний, в котором любил работать в кабинете.

Кора его удивила.

— Так будут носить? — спросил он. — Через сто лет?

— А что? — смутилась Кора. — Некрасиво?

— Нет, что вы! У каждой эпохи свои вкусы. Только на мой взгляд... несколько откровенно.

— Я не могу изменить моду.

— Не хочешь! — возразил Журба, не поднимая головы от своих бумажек. Он все замечал и не одобрял.

Последней пришла готская принцесса. Покревский ждал ее, все глядел на дверь, даже продвигался в том направлении, но что-то удерживало его от того, чтобы побежать за девушкой.

Ее появление было предварено удивленным возгласом медсестры — охранник увидел принцессу идущей по коридору.

Она вошла медленно — видно, хотела, чтобы ее разглядели.

Она настрадалась, может, более других — грязная маленькая цыганка, не понимающая ни слова, и один лишь у нее заступник — уродливый от страшного шрама, издерганный, худой белогвардеец, о котором принцесса не знала, что он белогвардеец, — он был ей непонятен, но заботился и даже защищал.

Принцесса остановилась в дверях и замерла, будто не решаясь шагнуть в столовую, где возле пустого исцарапанного деревянного стола стояли кучкой пришельцы, все выше ее, шумнее, разговорчивей, все связанные знанием общего языка — несчастные, украденные, но не такие одинокие, как эта смуглая девица.

Вернее всего, подсознательно — уж очень она была от них

далека и вряд ли думала о мести или насмешке, — но она причесала свои тугие, черные, раньше забранные в неаккуратный узел на затылке волосы, распустила их по плечам из-под золотого венца, по сторонам которого свисали тяжелые, изысканные, с ладонь, подвески. И от этого лицо возникло в обрамлении золотой изысканной рамы и само как бы впитывало часть света, излучаемого золотом, усеянным драгоценными камнями. Какой-то золотой пудрой или краской принцесса Парра тронула веки и даже ресницы, серебром — губы и превратилась в создание ювелирное, искусственное.

Обрамленное золотой рамой лицо принцессы находилось, как в высокой чаше, в воротнике, переходящем затем в узкоплечее, расширяющееся пирамидой к земле парчовое сиреневое платье, густо и тяжело поблескивающее растительным восточным узором. Пальцы принцессы были унизаны перстнями, но зоркий глаз Коры все же отметил: вычистить черноту под ногтями она не успела. Или не догадалась?

— Принцесса... ваше сиятельство, — произнес Покревский, делая шаг к принцессе и щелкая каблуками. Он не смог найти нужного тона или нужного соотнесения себя и своей несчастной возлюбленной.

Принцесса обернулась к Коре, как бы спрашивая у нее, что же ей делать дальше, когда утихнет гул восхищенных и удивленных голосов. И Кора поняла, что она ожидала иной реакции, иного поведения людей, а может, и иных людей. Только что все были не людьми, а синими халатами, то есть рабами и нежитью. И тут оказалось, что у каждого есть свой костюм, своя повадка, свое правило поведения. Принцесса была как бедная девочка, которой купили настоящее платье и настоящие туфельки. Она, надев их, вышла во двор, а оказалось, что всем купили туфли — может, и попроще, другие, но всем новые.

— Черт побери, — сказал ротмистр.

— Я ее у вас уведу, — сказал инженер, и где тут была шутка, а где искреннее намерение, осталось непонятным для Коры. А Журба оторвался от своих бумажек и сказал:

— Чего только у вас не насмотришься. Дьявольское наваждение.

Он был недоволен этим зрелищем. Оно не входило в круг его понимания.

Наконец принцесса все же решила, что обстановка изме-

нилась не настолько, чтобы отказаться от общества Покревского. И сделала шаг к нему, и это как будто выключило внимание окружающих. Каждый вернулся к своему делу. Люди собирались в обратный путь, как в номере гостиницы, — только сувениров никто не приобрел.

Краем уха Кора услышала, как Нинеля, подойдя к Журбе, говорила ему:

— Влас Фотиевич, значит, возвращаемся?

— Возвращаемся, если не шутишь, — ответил тот.

— А что делаешь?

— Как видишь, — ответил полицмейстер. — Отчет пишу. Краткий отчет. Я понимаю: с меня градоначальник, господин Думбадзе, полный отчет попросит.

Нинеля присела на стул рядом с Калниным.

— Если нужно, ты подтвердишь, товарищ Калнин, что мы с тобой звания коммунистов не опозорили, а?

Нинеля замолчала, как бы оценивая заранее возможный ответ.

— А что? — спросил без улыбки Эдуард Оскарович. — У тебя есть основания для беспокойства?

— Это как понимать?

— Бывают некоторые люди, которые морально упали в глазах товарищей или отдались иностранцу. Все бывает...

— Вы что это, Эдуард Оскарович! — перепугалась Нинеля. — Кто это морально упал?

— Не я этот разговор начинал.

— Послушай, Калнин, — изменила тактику Нинеля, — а стоит ли нам с тобой вступать в конфликт, от которого радость получат лишь наши враги?

И Нинеля кинула выразительный взгляд в сторону принцессы и ее белогвардейца — очевидных классовых врагов.

— Я буду у себя, — сказал профессор Коре. — Вы меня разбудите или я вас?

— У меня вся надежда на вас, — сказала Кора, — я слишком люблю спать.

— А вы не чувствуете тревогу?

— Чувствую, но разве от этого можно впасть в бессонницу?

Калнин засмеялся.

— А знаете, какая у меня радость? — спросил он.

— Вы скоро будете дома!

— Нет, не это, не это! Меньше всего я стремлюсь домой.

И только тут Кора поняла, что никогда не спрашивала: а как жил профессор, где он был раньше, есть ли у него семья, дети? Чепуха — так давно знакомы... и тут же она поймала себя на логической несуразности: ведь она знает профессора лишь три дня. И общалась с ним за эти дни совсем недолго.

— У меня в пиджаке оказались запасные очки. Когда я сюда переходил, я взял с собой очки.

В тот момент Кора не обратила внимания на странную оговорку профессора, но когда вернулась к себе в комнату, ожидала, когда все уснут и можно будет пойти к Мише Гофману, задумалась, вспомнив слова Эдуарда Оскаровича. Что они значат? Как будто бы профессор знал заранее, куда идет и что ему понадобятся запасные очки... И опасался, что здесь не будет для него запасных очков. Странно... В пятидесятом году он не мог предсказать собственный переход сюда — или понять суть параллельного мира. Не мог, и все тут. В то время, как и в течение последующих десятилетий, это понятие существовало лишь в умах фантастов и сатириков.

* * *

Даже лучше, что дождь еще лил — хоть и несильный, — от этого было темнее и часовые от невысокой вышки, что стояла у ворот, не могли видеть далеко. К тому же им мешал барак.

Было уже больше двенадцати — в бараке все улеглись спать. Только когда Кора проходила мимо двери в шестую конуру — там жил капитан Покревский, она услышала громкий быстрый шепот, сладкий стон. Значит, они были там вдвоем. Ну и слава богу — кто знает, доживем ли мы до завтрашнего дня?

Почему эта мысль вдруг посетила Кору? Она об этом раньше не думала.

Прожектор повернулся — видно, часовой на вышке заподозрил неладное или услышал, как плеснула вода, когда Кора угодила в лужу. Кора присела на корточки — наверное, надо было кинуться к стене барака, а она присела на корточки. Прожектор миновал ее, не заметив.

Потом, пригибаясь, Кора добежала до административного здания. Но дверь, которую показала ей Нинеля, была на этот раз закрыта — видно, в ту ночь в доме не было приходящих

любовниц. Кору охватило отчаяние: если окна первого этажа закрыты, то ей не проникнуть внутрь. Она шла вдоль здания и пробовала все окна по очереди. Раз ей пришлось снова присесть и прижаться к стене, потому что прожектор скользнул по ее платью, но ее скрыл розовый куст.

Неизвестно какое — десятое ли, двадцатое — окно, когда и надежды не осталось, а было лишь тупое упрямство, вдруг поддалось, правда, отчаянно заскрипело.

Кора перебралась через балкон.

Дверь в комнату, куда она попала, а там стоял письменный стол и по стене тянулись металлические шкафы, была заперта на задвижку. Выйдя в коридор, Кора не забыла запомнить номер комнаты — 16. Иначе пробегаешь здесь до утра.

Но в палате, где Кора была в прошлый раз, Миши не оказалось. Палата была пуста.

Кора начала обходить комнату за комнатой четырехэтажного здания, бредя по пустым гулким коридорам, скупо освещенным тусклыми лампочками под потолком. Здание, не такое уж большое снаружи, в ночном путешествии увеличилось и стало бесконечным. Некоторые комнаты были заперты, и Кора стояла перед ними, то окликая Мишу шепотом, то прислушиваясь к человеческому дыханию. И чем дальше она шла, тем больше ее охватывало отчаяние, потому что ею владела уверенность, что ключ к тайне, к тому, что должно случиться завтра, должен ей передать Миша — став жертвой какой-то страшной интриги, он обрел за это понимание ее.

Но Мишу могли увезти отсюда — она же не следила за входом в здание. Мало ли кто за этот вечер побывал здесь.

Раза два Коре приходилось останавливаться, замирать и даже прятаться.

На втором этаже был пост — видно, там находились кабинеты начальства. Кора чуть было не толкнула задремавшего часового. К счастью, он похрапывал, так завалив назад стул, что тот касался спинкой стены, и не проснулся при ее приближении.

Кора решила оставить обследование этого участка коридора на случай, если не найдет Мишу в ином месте, — надежд на этот начальственный угол было мало — она судила по дверям, обитым кожей, с черными табличками на них.

Во второй раз ей пришлось скрываться в туалете от двух медсестер, которые совершали обход.

Кора не сразу обнаружила ход в подвал. Дверь туда была очень мала, и Кора дважды миновала ее, прежде чем заметила в казенной полутьме.

Кора толкнула незаметную, покрашенную в бурый цвет дверь и по бетонным ступенькам спустилась вниз, где было сыро, но лампы светили ярче. Там пахло карболкой и какими-то лекарствами. И Кора сразу поняла, что находится на правильном пути.

Через несколько шагов по подвальному коридору Кора остановилась перед дверью, которая, на ее счастье, была заперта снаружи. Пройти дальше было можно, а вот выйти оттуда — нельзя.

За дверью коридор был белым, стенки выложены белой плиткой.

Затем была еще одна дверь — вернее, перегородка из небьющегося стекла, на которой время от времени вспыхивала электрическая надпись:

«Опасно! Смертельно опасно! Дальше хода нет!»

Миша здесь, понимала Кора. Она не послушалась надписи и повернула штурвал, которым отпиралась внутренняя дверь. Сразу зазвенела тревога, покатилась по подвалу звонком, загорелся красный огонек. Кора быстро прошла внутрь — если ее здесь сейчас застигнут, то ей некуда будет деваться. Впереди была еще одна стеклянная дверь, почти вся замазанная белой краской, лишь на уровне глаз был оставлен прозрачный кусок — как прорезь в старинном танке.

Кора остановилась перед прозрачной стенкой. За ней была ярко освещенная комната без окон, тупик, слепой конец подвального коридора. Там стояла койка, покрытая серым одеялом. Миша лежал на одеяле, отвернувшись от Коры.

Кора постучала в перегородку.

Миша был неподвижен. И его неподвижность страшила.

И тут Кора увидела, что на полу у самой перегородки лежит разлинованный лист бумаги, вырванный из какого-то формуляра или блокнота. На нем было написано густо и неровно бурой краской, пятна этой краски остались на полу. «ЗАРАЖЕН ИСПЫТЫВАЛИ ВИРУС ГРОЗИТ ВАМ ЗЕМЛЕ».

На большее у Миши Гофмана не хватило сил. Кора поня-

ла, что он писал своей кровью. Потом он смог забраться на койку, подогнуть ноги и отвернуться к стене.

И Кора поняла, что он без сознания, а еще вернее — мертв и ей не докричаться до него.

Но и уйти было нельзя. Мише плохо. Как заставить охранников помочь ему, может, дать какое-то лекарство... О каком вирусе он торопился сообщить? Надо добраться до телефона, вызвать полковника, вызвать их начальство — они обязаны спасти человека.

Впоследствии Кора спрашивала комиссара Милодара, был ли Гофман телепатом. Милодар отмахивался, утверждая, что телепатии вообще не существует, это выдумка фокусников, но доктор Ванесса, приехавшая как-то в университет навестить Кору, сказала ей, что телепатия как атавизм, как система связи, которая помогала первобытным людям выжить, конечно же, существовала. И у некоторых людей эти способности могут просыпаться в особо критические моменты жизни. Видимо, именно это произошло с Мишей Гофманом, который, умирая в стеклянном подземном боксе, предчувствовал не только то, что Кора придет и прочтет его послание, но и, что было для него самым страшным, она не сможет осознать, каких трудов и какой боли стоило ему написать записку, которая заключала в себе страшную догадку, касающуюся его собственной смерти и смерти всех людей...

Но в тот момент Кора кинулась поднимать, будить стражей, вызывать помощь. Она не думала, что своим порывом сведет к нулю последнее героическое действие Гофмана. И, почувствовав эту угрозу, Гофман смог послать вслед ей свою последнюю мысль:

ОСТАНОВИСЬ! НИЧЕГО НЕ ГОВОРИ УБИЙЦАМ! ЭТО СМЕРТЬ ДЛЯ ВСЕХ! СООБЩИ... КОМИССАРУ!

Может быть, слова были не такими или не совсем такими — но понимание слов заставило Кору замереть.

Миша запретил ей звать на помощь, и это был приказ. И Кора не могла ослушаться его — такова была сила сигнала, посланного мозгом Миши Гофмана, который тут же умер.

Кора смотрела на него, прижав к губам кулак.

— Прости, Миша, — сказала она. Она поняла, что Миша умер и теперь все зависит от нее, удастся ли ей выбраться из подвала и здания незаметно, чтобы полковник не догадался,

что Кора видела. Главное — добраться до профессора Калнина, и он поможет ей...

К счастью, сигнал тревоги, который прозвучал из подвала, не поднял стражей. Может быть, им и не очень хотелось туда спускаться? Может быть, они знали о вирусе?

Кора на цыпочках поднялась на первый этаж.

Коридор, еле освещенный слабенькими лампочками, скрывался в полумраке. До открытого окна отсюда было недалеко. Но как раз когда она подбегала к комнате, в которой было это окно, по лестнице сверху приблизились тяжелые шаги людей в сапогах. Кора успела нырнуть в дверь и беззвучно закрыть ее за собой. Шаги проследовали мимо. Шли двое, они негромко разговаривали, словно боялись кого-то разбудить. Наверное, медсестры.

Кора выбралась через окно. Дождь совсем перестал, и даже первые, самые смелые цикады короткими фразами пробовали, не застудили ли они свои драгоценные музыкальные инструменты. Трава была мокрой.

Чтобы не рисковать, Кора спряталась за кустом, росшим у здания. Прожектор светил на ворота, ее выхода не ждали.

Кора шла вдоль здания до тех пор, пока не поравнялась с углом барака. Теперь он прикрывал ее, и можно было смело бежать к своей комнате. Но вместо этого она остановилась у стены и с минуту просто стояла, превозмогая страшную усталость, — ноги отказывались сделать еще шаг.

Совсем рядом послышался громкий шепот.

Женский голос произнес:

— Ты бы руки не распускал, Влас Фотиевич. Ведь окажешь мне неуважение, а как вернемся домой, я сразу могу меры принять. За мной такая сила стоит — закачаешься!

— Ты чепухи не неси, крохотулечка моя. Кто их знает, здешних. Может, и у меня окажешься, подумай. Тогда я с тобой тоже строгость проявлю. Я ваших, революционеров, социалистов, на дух не переношу, виселица по вас плачет.

— Осторожнее, Влас, ох, осторожнее! Не знаешь ты, сколько мы таких, как ты, на тот свет отправили!

— Это за что же?

— А за то, что вы долг свой слишком выполняли.

— Ну и дурачье! — осерчал полицмейстер. — Мы вам — самые главные специалисты. В каждом деле нужен специа-

лист. А то наберете кухаркиных детей, они вам всю державу растащат.

— Влас!

— Пятьдесят лет как Влас.

— Влас, ты где меня щекочешь!

— Я, может, не тебя щекочу, а будущую полицейскую силу, как бы смену мою на пути охраны порядка и законности.

— А ты не смейся!.. ну щекотно же!

— Еще не так щекотно будет.

— Нельзя, мы с тобой с классовой точки зрения враждебные элементы.

— Будешь сопротивляться, твоему начальству напишу, в каком ты разврате состояла с иностранным полковником. Твое начальство, как я понимаю, этого не выносит.

— Тише! Молчи! Ну, дам я тебе, дам... Только не под кустом, не здесь. Мы же с тобой не студенты какие — мы сотрудники правоохранительных органов.

— Ну то-то! Пошли тогда ко мне, обсудим, побеседуем.

Две темные тени, соединенные объятием в одну, поднялись и четырехногим существом побрели, целуясь, к бараку.

Кора пошла следом за ними.

Все перепуталось, и люди, и события...

Профессор сейчас спит. Не надо его беспокоить.

Кора понимала, что вряд ли можно спасти Мишу или помочь ему. Но оставлять это было нельзя. И хоть выходить из барака было еще рано и в горах в такую темень ничего не поделаешь, Кора все же не пошла к себе, а постучала к профессору.

К счастью, Калнин и не собирался спать.

Он сидел на койке, скрестив босые худые ноги. Он блеснул на вошедшую Кору объемными линзами очков и сказал:

— Садись. Ходила к Гофману?

— А вы как догадались?

— Я к тебе заглядывал, а там пусто. Значит, ты пошла к Гофману. Как он?

— Я очень боюсь, — ответила Кора. И сказала о том, что видела. И пересказала содержание записки.

— Как в готическом романе, — сказал профессор. — И как мало было шансов, что ты первой увидишь послание.

— Он приказал мне уйти. Вы не думайте, что я испугалась. Я хотела позвать на помощь, чтобы дали лекарства или что-

то сделали! Вы не представляете, какое это чувство — ты видишь и бессильна. Но он мне не велел. Вот тут, в мозгу, без слов...

— Я тебе верю, девочка, — сказал Эдуард Оскарович. — И если бы ты сделала иначе, ты оказалась бы в том же подвале, Гофман был все равно мертв и они сохранили бы тайну. Теперь же у нас с тобой есть шанс. А то бы не было ничего...

— Мы должны с вами идти!

— Куда?

— Вы сказали, что можете поговорить с Гарбуем. Что он может прийти в лес...

— Я ни от чего не отказываюсь, Кора. Мы пойдем с тобой в лес в надежде отыскать Гарбуя, — все правильно. Но только не сейчас. У нас ведь даже нет фонаря.

— Но мы медленно...

Кора сама оборвала фразу — она была наивной и даже глупой. Что они будут делать в ночном мокром лесу? Кого они будут там искать?

— На виллу «Радуга» нам не пробраться, — сказал профессор. — А Гарбуй не может стоять всю ночь и ждать нас. Я вообще не знаю, где он и жив ли. И в истории с Гофманом нам, боюсь, не разобраться... все равно надо ждать рассвета.

— А здесь нет телефонов?

— Здесь только телеграфная связь. В некоторых отношениях они отличаются от нас.

— Я пойду к себе? — Кора поежилась.

— Если тебе страшно одной в комнате, оставайся у меня. Спи на койке, а я устроюсь на полу.

— Спасибо, — сказала Кора. — Но я пойду к себе... мне все кажется, что могла бы сделать что-то для Миши.

— Мы сделаем для Миши куда больше, если сможем понять его предупреждение и воспользоваться им.

— Тогда я пошла?

— Иди, Кора. Постарайся заснуть. Завтра будет трудный день.

* * *

Калнин постучал в дверь Коре в пять утра. Еще толком не начало светать — лишь чуть заголубело небо. Он постучал костяшками пальцев, но Кора проснулась сразу — будто ни в

одном глазу, хотя заснула только два часа назад. Страшно было засыпать — она боялась, что ей будут сниться кошмары.

Профессор был в пиджаке, застегнутом на все пуговицы, и на шею он намотал полотенце. Заметив взгляд Коры, он сказал:

— Пускай некрасиво, зато горло болеть не будет.

Когда они вышли из барака, он добавил шепотом:

— Наверное, вам смешно, что я думаю о горле в такой момент. Но мне вовсе не хочется болеть, когда начинаются приключения.

Лицо его было абсолютно серьезным, и Кора не понимала, шутит он или подбадривает ее и в самом деле ждет приключений.

Дождя не было, но поднимался туман. В густом сумраке он казался плотным, как светло-серая вата, и, сделав шаг вперед, Кора погрузилась в него по пояс.

— Ничего, — прошептала она, уговаривая больше себя, чем Эдуарда Оскаровича, — скоро рассветет, а сейчас в тумане нам легче уйти из лагеря.

— Если не поломаем ног, — разумно ответил профессор Калнин.

Ног они не поломали и даже отыскали дыру в заборе. А как только начали подниматься в гору, то выбрались из моря тумана. Начало светать. Как бы приветствуя победу профессора и Коры над силами природы, всполошились и начали петь птицы, поднявшийся свежий ветер принес в лес свежий шум листьев; правда, от него было очевидное неудобство спутникам: он сбрасывал с деревьев дождинки и норовил плеснуть за шиворот.

Когда они поднялись к развилке, стало почти совсем светло и предметы, до того состоявшие из различных сочетаний серых цветов, приобрели разноцветие, и даже небо стало голубым.

Затем они свернули на узкую тропинку, что вела к вилле «Радуга», но спускаться к вилле им не пришлось, потому что Кора, зоркая и настороженная, вдруг замерла: в утренний шум леса вмешался чужой, животный звук.

Кора подняла руку.

Профессор понял и послушно остановился.

Стараясь не наступать на сучки, Кора выглянула на открытую полянку, и там, под сенью могучего дуба, свернувшись в комок, спал человек, накрытый плащом, и храпел так, что плащ от каждого его выдоха вздымался, словно воздушный шар.

— О господи, — произнес профессор. — Этот старый дурак обязательно простудится.

Он пересек поляну, и Кора не смела его остановить.

Он наклонился и потряс спящего за плечо.

Тот проснулся сразу, словно и не спал, а ждал прикосновения. Он сел. И Кора сразу узнала Гарбуя.

Начальник проекта был накрыт плащом, словно мусульманская женщина платком, и его широкое розовое детское лицо тоже казалось женским.

Эдуард Оскарович словно и не удивился встрече. Он подождал, пока Гарбуй поднимется и задрожит от накопившегося в нем холода, пока проморгается и протрет глаза, а потом спросил:

— Давно нас ждешь?

— Я убежал, — сообщил Гарбуй. — Наверное, с минуты на минуту они начнут меня искать. Может, даже с собаками. А ты, как всегда, где-то отдыхаешь.

— Я ждал вчера вечером. Кора может подтвердить.

— Зря ты приглашаешь посторонних, — поморщился избалованный мальчик.

— Это сейчас не обсуждается. Кора полезнее, чем я. Особенно сейчас.

— Вопрос о пользе абстрактен. Ты, например, умудряешься доказать свою бесполезность в самый неподходящий момент.

— Давай не будем сейчас спорить, — сказал Эдуард Оскарович, но, как почувствовала Кора, не от миролюбия, а от того, что момент был критическим.

— Я и не собирался спорить, — ответил Гарбуй.

Он стоял, широко расставив толстые короткие ноги, картинно запахнувшись в плащ, как, наверное, делали поздние римские императоры, не уверенные в том, что их поддержат мятежные легионы. Влажные колечки рыжеватых волос окружали его розовую лысинку нимбом, и в этой лысинке, как ни странно, тоже было нечто трогательное и детское.

— Чего ты боишься? — спросил Эдуард Оскарович.

— Я думаю, что военные решили меня убить, — ответил Гарбуй. — До сегодняшнего дня я держался наверху только

силой и хитростью президента. Я был нужен ему для власти, и я был опасен военным. Теперь, когда они убили президента...

— Он был убит?

— Они устроили ему авиакатастрофу. Я знаю точно: со мной смог связаться его адъютант. Он предупредил меня, что я на очереди.

— И они хотели тебя убить?

Толстый Гарбуй подпрыгивал на месте, чтобы согреться.

— Они все же меня опасаются. Это не значит, что не убьют. Но никак не могли решиться, как лучше это сделать — чтобы не связывать мою смерть со смертью президента. Пока они рассуждали, я сбежал. Сегодня ночью.

Кора сделала несколько шагов в сторону моря, которое поблескивало сквозь ветви деревьев. Внизу виднелась вилла «Радуга». Около нее стояли два военных автомобиля, в них — солдаты, сверху они казались оловянными игрушечками.

— Они уже собираются, — сказала Кора.

Профессор подошел первым.

— Рано встали. Наверное, спохватились. У них нет собак?

— Ой, не знаю! — сказал Гарбуй.

— А они тебя охраняли?

— Нет, они думали, что я ничего не подозреваю.

— Так что намерение убить тебя — это твое собственное умозаключение?

— А вон те солдаты — это тоже умозаключение?

— Может, они встревожены тем, что исчез руководитель проекта?

— Не мели чепухи, Эдик, — отмахнулся Гарбуй.

— Я совершенно серьезен. Я убежден на двести процентов, что тебе сейчас ничто не угрожает.

— С чего ты решил?

Машины одна за другой поехали в сторону футбольного поля. Над морем на востоке небо начало золотиться от приближения солнца.

— Знаешь ли ты, что военные намерены немедленно или, по крайней мере, очень скоро отправить всех нас обратно на Землю?

— Но это же чепуха! Как и их идея отправить туда отряд коммандос за трофеями. Это все — детские игры.

— А тогда послушай, что тебе скажет Кора. Ей пришлось

два раза за последние сутки разговаривать с Гофманом. Ты его знаешь.

— Я всех знаю. И что же вам сказал Гофман, милая леди? — спросил Гарбуй.

Удивительно, но его возраст угадать было невозможно. Щеки были надуты, на толстом лице не было ни морщинки, а в то же время он казался пожилым человеком.

— Гофман умер, — сказала Кора. — Поэтому мы так спешили вас увидеть.

— Как так умер? Что с ним произошло? Почему мне не доложили? — Мальчик рассердился, на секунду он забыл, что перед ним не подчиненные медики, а пришельцы из параллельного мира.

— Расскажи ему все, — попросил Калнин.

— Все?

— Все и подробно, и не трать времени даром.

Кора отметила для себя, что профессор перешел с ней на «ты», но это произошло естественно.

Видя, что Кора продолжает колебаться, Калнин добавил сердито:

— У тебя есть другие помощники? Спасители и избавители? Может, ты предпочитаешь обратиться к полковнику Рай-Райи?

Тогда Кора рассказала Гарбую о двух своих визитах к Мише Гофману, о записке кровью. Краем глаза она поглядывала на виллу «Радуга» и прервала рассказ, когда из нее вышли два медика в светлых фартуках, сопровождаемые офицерами. Офицеры несли за ними чемоданчики. Машина, в которую они уселись, так же, как два первых джипа, взяла курс на лагерь.

— А теперь они хватятся: где наш любимый руководитель проекта? — произнес Калнин, и, как показалось Коре, с издевкой.

— Помолчи!

— Они пока оберегают твой сон — ведь без тебя операция по возвращению беженцев к родным очагам может не состояться. Или ты уже подготовил кадры?

— Их еще готовить и готовить, — сказал Гарбуй и обернулся к Коре. — Рассказывайте дальше. Значит, вы решили, что Гофман мертв...

Окончание рассказа заняло еще минут пять. Коре при-

шлось дважды повторить последние мысли Гофмана — те, что она уловила без звука.

Солнце уже поднялось над морем и слепило глаза. Птицы перекликались, как на митинге. Кора подумала, что Миша, наверное, так и лежит там, хотя, может быть, те медики, что поехали в лагерь, сейчас колдуют возле него, выясняют причину смерти.

— Одного я не понимаю... — сказал Гарбуй. Но кончить свою мысль он не успел, потому что его перебил Эдуард Оскарович:

— Ты не понимаешь, какого черта им надо было травить Гофмана!

— Ума не приложу!

— Я в том вижу две причины, — сказал Эдуард Оскарович. — Первая проста, ты до нее додумался бы сам: им надо было выяснить, не отличается ли реакция человеческого организма, я имею в виду земной организм, на некий вирус от реакции аборигена.

— Речи о смертельных вирусах не шло, — сказал толстый мальчик. — А в чем вторая причина?

— Вторая — их убеждение, внушенное тобой, мой ангел, в том, что Миша Гофман — подосланный сюда агент из будущего.

— Они боятся?

— Они рассудили, что лучше пожертвовать им, чем мной или Корой.

— И эксперимент удался.

Гарбуй повернулся к Коре.

— Когда, вы говорите, ему сделали укол?

— Вчера он уже был болен.

— Эффективный вирус. Мы такого, пожалуй, не проходили.

— И не могли проходить, — ответил Калнин. — Надо было выбирать другой факультет.

— Значит, вернее всего, сутки — инкубационный период и сутки сама болезнь. А что — неплохо придумано.

Кора переводила взгляд с одного ученого на другого, но не во всем могла уследить за ходом их быстрой беседы.

— Но бактериологическая война зависит от такого числа факторов, что рассчитывать на то, что она уничтожит населе-

ние планеты... или хотя бы дезорганизует ее оборону, вряд ли приходится.

— Мы не знаем, насколько живуч этот вирус, — сказал Калнин. — Насколько быстро распространяется. Мы еще ни черта не знаем, и узнать это сможешь только ты.

— Ты что, всерьез предлагаешь мне вернуться?

— Там, где пехота не пройдет, — произнес загадочную фразу Калнин, но Гарбуй продолжил ее:

Где бронепоезд не промчится,
Тяжелый танк не проползет,
Там пролетит стальная птица!

— Вы можете продолжить? — спросил Гарбуй у Коры. Почему-то он развеселился, помолодел.

— Я не помню таких стихов, — сказала Кора.

— Наша далекая потомочка, — сказал Гарбуй, — не помнит таких стихов. И не знает, что это не стихи, а боевая песня. Значит, ты считаешь, Эдик, что мне надо вернуться?

— Если бы ты не заварил эту кашу, — сказал Калнин, — то не было бы и такой опасности.

— Только не надо мне говорить, что ты меня предупреждал.

— Я тебя предупреждал, — серьезно ответил Калнин. — Но ты не мог меня послушаться.

— Не мог, — согласился Гарбуй. — А они меня не шлепнут на подходе?

— Ты знаешь, что не шлепнут. Хотя потом, когда все образуется, они тебя обязательно шлепнут. Как твоего любимого президента.

— Помолчал бы, Эдик. Президент был светлым человеком.

— Особенно если не вспоминать, по каким трупам он пришел к власти.

— Это было двадцать лет назад.

— Срок давности истек?

Кора смотрела на двух пожилых мальчиков, которые вспоминали какие-то свои детские истории.

— Ну, ладно, я пошел, — сказал Гарбуй. — Ты расскажи Коре, что знаешь. Или не рассказывай. Ты вольная птица.

— Я не птица, я ворон, — сказал Калнин.

— Ты уверен, что мне следует возвращаться?

— Я думаю о другом, — сказал Калнин. Он снял очки,

протирал их носовым платком, близоруко щурясь на Гарбуя. — Я думаю, как лучше всего вести себя нам с Корой.

— Вы должны вести себя так, чтобы нарушать их планы, но не дать им догадаться об этом.

— Спасибо за дельный совет, — усмехнулся Калнин.

— Возвращайтесь домой и ждите, что будет дальше, — продолжал Гарбуй. — А как только вы мне понадобитесь — придете на помощь. Надеюсь, вы понимаете, что я остался совершенно один.

— А что они собираются делать? — спросил профессор.

— К сожалению, я знаю не больше тебя. — Толстый мальчик заторопился. — Послушай, Эдик, я не хочу, чтобы они меня хватились. Уже семь часов.

— Ты прав, — согласился Калнин. — Но все же ответь мне, как они собираются выполнить свою угрозу? Как они будут доставлять вирус на Землю?

Гарбуй склонил голову, словно впервые увидел Калнина.

— Значит, ты не знаешь?

— Не знаю.

— И не предполагаешь?

— Подозреваю.

— Поделись с нами.

— А ты-то знаешь?

— Я убежден.

— И что же?

— Зададим этот вопрос девушке.

— Какой вопрос? — спросила Кора. В этой дуэли реплик она поняла суть спора.

— Каким образом вы намерены завоевать Землю, если вы куда более отсталая планета, чем Земля? И в вашем распоряжении не так много времени?

— Но в моем распоряжении есть вирус, — напомнила Кора.

— Вот именно!

— Тогда я переправлю вирус на Землю.

— Как?

— Вместе с носителем. С каким-то больным животным...

— Или?

— Или человеком!

— Ну, вот, — сказал Гарбуй, обращаясь к Калнину. — Устами младенца глаголет истина. Если у нас с тобой были какие-

то сомнения, то теперь я их не вижу. Мы заражаем вирусом наших пришельцев...

— Поэтому нам вчера вернули нашу одежду, — вмешалась Кора.

— Вернули одежду? — Гарбуй и этого не знал.

— Да, вернули одежду и сказали, что нам пора домой.

— Черт побери, как же они заразят вас? — Гарбуй размышлял вслух.

— Существует немало способов заразить нас, — ответил Калнин. — Они зависят от того, каким путем передается вирус. Так что тебе надо доказать им, что ты ничего дурного не подозреваешь, но постараться узнать, каким образом вирус передается.

— Да, — согласился Гарбуй, — ты прав, Эдик. Они могут передать вам его в пище, через вентиляцию...

— Но так, чтобы не заразиться самим.

— Не ломитесь в открытые двери, — сказала Кора. — Мише Гофману сделали укол. Они заведут нас одного за другим в подвал и сделают нам уколы. Потом у нас будет несколько часов инкубационного периода, и нас забросят домой. И если они правы, то на Земле наступит хаос...

— Иди, — сказал Калнин.

— А что вы будете делать? — спросил Гарбуй Эдика.

— По крайней мере, я знаю одно, — сказал профессор, — в лагерь нам возвращаться пока нельзя.

— А как же остальные? — спросила Кора. — Мы должны их предупредить!

— Скажи, пожалуйста, о чем ты их предупредишь? — поинтересовался Калнин.

— Чтобы они опасались заражения вирусом.

— Но ведь пока Виктор не скажет нам, как распространяется и передается вирус, мы не знаем, о чем предупреждать! Не есть? Не дышать? Не давать делать укол? Как спастись?

— Значит, пускай они погибают, а мы будем жить?

— Если вы будете живы, — Гарбуй опередил профессора, который хотел возразить Коре, — то сможете помочь остальным. Мертвые вы никому не нужны, кроме генерала Лея, потому что вы источник смертельной инфекции.

— Так что же делать? — воскликнула Кора.

— Оставаться здесь и ждать вестей от меня, — сказал Гарбуй.

— Не совсем так, — поправил его Эдуард Оскарович, — мы пройдем триста метров в ту сторону, откуда видны лагерь и бараки. Важнее не спускать глаз с лагеря. Может быть, увидим что-нибудь интересное.

— Хорошо, — согласился Гарбуй.

— С богом, — сказал Калнин, — возвращайся скорее.

— Я постараюсь, — сказал Гарбуй. И ускорил шаги.

Они смотрели, как он скрылся в зелени.

— Как будто смотришь кино, — сказала Кора, когда Гарбуй уже скрылся. — А Гарбуй его настоящая фамилия?

— Нет, — сказал Калнин, — его фамилия Гарбуз. Но когда он стал здесь большой шишкой, его имя переиначили на местный лад.

— Вы с ним учились? — догадалась Кора.

— Тебе хотелось бы узнать, как все произошло на самом деле? — спросил профессор.

— Разумеется!

— Я надеюсь, что для краткой версии времени у нас будет достаточно, — ответил профессор. — Только давай перейдем на ту тропинку, откуда можно наблюдать за нашим лагерем.

— А вы начинайте, сразу начинайте.

— Хорошо.

Они пошли обратно к лагерю. Утро уже расцвело, расшумелось песнями птиц, веселым ветром и косыми лучами солнца, бьющими сквозь листву. Над ними прошел на бреющем полете вертолет, потом еще один...

— Снова прилетели генералы? — спросила Кора.

Но профессор ничего не ответил до тех пор, пока тропинка не подошла ближе к склону и оттуда можно было посмотреть вдаль, в сторону моря. И тут они увидели, что на футбольном поле возле виллы «Радуга» стоят уже несколько вертолетов. Солдаты выгружают из них тюки и ящики. Еще дальше группа солдат собирала нечто вроде большого миномета. Солдат было много, и видно было, как вдали от берега поднимается еще отряд моряков в серой одежде с голубыми отложными воротниками, вырезанными волнисто, чтобы подчеркнуть флотский характер формы.

— Они собирают целую армию, — сказала Кора.

— Ты наблюдательна! — заметил профессор. — Но для чего?

— Я почти уверена, что они хотят все же отправить этих

людей в наш мир. Значит, они не боятся вируса? Значит, у них есть противоядие?

— Может быть, ты права. Будем надеяться, что Виктор об этом узнает.

— Виктор Гарбуз?

— Виктор Филиппович Гарбуз, ровесник Октября.

— Что это значит?

— Это значит, что он родился в 1917 году. Мне так странно порой, каких обычных вещей ты не знаешь.

— А я должна знать, что такое ровесник Октября?

— Наверное, нет. Ты же помнишь, что такое дни Термидора или Мартовские иды?

— В Мартовские иды убили Юлия Цезаря. Я читала об этом роман Торнтона Уайлдера.

— Новый роман?

— Нет, он был написан в ваши времена. Может, вы даже были знакомы с этим писателем?

— Нет, не пришлось. Боюсь, что если он американский писатель и не очень прогрессивный, его у нас не переводили.

— Писатели бывают прогрессивными и агрессивными?

— Не мели чепухи! — возмутился профессор. — Писатели бывают прогрессивными и реакционными!.. Впрочем, ты лучше меня не слушай. А то получается, что мы говорим с тобой на разных языках.

— Это плохо?

— Для меня это замечательно. Для Гарбуза — не знаю. А для Нинели это, наверное, трагедия. Так что все или почти все согласны вернуться в свое время. А для меня сорок девятый год — смерть.

Они вышли на широкую тропинку, которая вела к лагерю, и профессор Калнин принялся рассказывать о том, как физики Калнин и Гарбуз оказались в параллельном мире.

* * *

Путешествие до лагеря заняло десять минут, и этого оказалось достаточно, чтобы профессор Калнин рассказал Коре удивительную историю.

Эдуард Оскарович Калнин и Виктор Филиппович Гарбуз были ровесниками Октября. Оба были мальчиками из социально сомнительных семей: Гарбуз происходил из малорос-

сийских мещан, а Калнин был из латышей. Оба мальчика увлекались математикой и физикой и умудрились поступить в Петроградский университет, окончив который в конце тридцатых годов, расстались — Гарбуз поселился в Харькове — на Украине, Калнин работал у Иоффе в Питере. Жизнью они были довольны, потому что им дозволяли заниматься любимым делом, а те, кому положено бдеть, в этом деле ничего не смыслили.

— В войну мы на фронт не попали, у нас обоих была бронь, — говорил профессор, и Коре чудились какие-то бронированные машины, в которых ездили герои рассказа, к тому же не сразу можно было догадаться, что такое война. Первая, Вторая или третья мировая? Очевидно, по датам получилась Вторая, когда тиран Гитлер захватил половину России, но тиран Сталин его выгнал.

— После войны мы встретились и сдружились в почтовом ящике, в Симферополе. Вот отсюда и начинается рассказ. Почтовый ящик — это значит секретное военное место.

— Спасибо, — сказала Кора. — Господи, как это далеко от нас!

И странно понимать, что желания и чувства этих людей, жизни которых должны были завершиться давным-давно, влияют на судьбу Коры и всей Земли.

— Сначала идея параллельного мира была чистой сумасшедшей математической абстракцией. Ее было так же легко доказать, как опровергнуть. Наши коллеги высмеивали нас, но для нас с Гарбузом это была игра, игра ума. И со временем эта игра обретала все более четкий математический аппарат. Мы начали верить в теоретическую возможность параллельного мира и даже готовили статью об этом...

Они вышли к заросшей кустами площадке, которая нависала над лагерем. Отсюда до ограды было метров сто и еще двести — до барака.

Сквозь листву было видно, что перед административным корпусом стоят два джипа. Из двери барака вышел инженер Той. За ним шагал доктор в мясницком фартуке. Воздух был по-утреннему чист и свеж — видно было далеко-далеко. Инженер Той направился к административному корпусу, который утром выглядел вовсе не зловещим, и трудно было даже представить, что где-то там, в подвале, лежит мертвый Миша Гофман.

— Мы подождем здесь, — предложила Кора.

— Да, отсюда хорошо наблюдать, — откликнулся профессор. И продолжил свой рассказ: — Витя первым догадался, что за нашими формулами может скрываться физическая реальность. Параллельный мир не только существует, но соприкасается с Землей и даже оказывает некоторое влияние на ее гравитационное поле. А еще через год мы вычислили точку соприкосновения миров. Мы пытались поделиться своим открытием с нашими коллегами. Но явление, открытое нами, было столь грандиозным, нам настолько повезло, когда, пойдя на белку, мы случайно застрелили медведя, что нас всерьез никто не принял. Нас даже прозвали «не от мира сего». Смешно?

— Наверное.

— Ты боишься ошибиться? Я скажу что-то несмешное, а ты засмеешься?

— Нет, не боюсь, — Кора смотрела на лагерь, и ей хотелось быть там, независимо от того, что ее ждет.

— Потерпи, — догадался профессор. — Гарбуз скоро придет.

— Придет ли?

— Надо же на что-то надеяться. Нельзя быть самым слабым.

— И это вы мне говорите?

— Именно я. Ты позволишь мне закончить рассказ?

— Извините.

Внизу в лагере все было тихо. Коре показалось, что она слышит, как звенят миски на кухне, — но это было лишь воображением — до завтрака оставался еще час. И наверное, их еще не хватились.

— Как мы ни проверяли наши расчеты — а ты пойми, что у нас даже элементарной вычислительной машины не было, — все сходилось на том, что в районе южного побережья Крыма есть точка соприкосновения миров. И если точно ее установить, то есть шансы наладить связь с этим миром, который, на наш взгляд, должен был во многом соответствовать нашему, но быть все же иным. Ты не представляешь, что такое радость большого открытия! Мы находились в эйфории. Мы написали в журнал, мы пытались втолковать суть дела коллегам, которые стали бегать от нас. Неизвестно, как бы все кончилось, но Выхухолев услышал об этом от Ларисы.

— Кто такой Выхухолев?

— Второй муж Ларисы. Лариса — бывшая жена Гарбуза. Она ушла от него к Выхухолеву, а тот понял, что под другим миром мы имеем в виду мир империализма и хотим туда убежать.

— Зачем? — спросила Кора.

— Ну ведь ясно!

— Да не ясно же!

— Все хотели убежать!

— Куда?

— Господи! — вскричал профессор Калнин с некоторым оголтелым весельем. — Разве ты не знаешь, что Земля делилась на два мира — на мир загнивающего капитализма и на мир победившего социализма.

— Кого победившего?

— Более тупой женщины, чем ты, Кора, я, к счастью, в двадцатом веке не встречал, — заявил профессор. — Ты не знаешь, какой чин был у добровольца госбезопасности Выхухолева, ты не знаешь, что мир победившего социализма необходимо постоянно защищать от мира разлагающегося капитализма, который так приятно смердит... но мы, к сожалению, все знали.

— Вы решили убежать?

— В тот момент мы еще ничего не решили, потому что не знали наших возможностей. Но мы понимали: шел к концу сорок девятый год и вера во всесилие и безгрешность режима начала давать трещины. Мотором, конечно же, был Виктор. Он всегда был решительней меня. Мы оказались в расчетной точке. У нас были приборы, сделанные нами же. Мы определили точку соприкосновения миров, мы собрали местные легенды... Птичья крепость, птичья скала... Ты знаешь.

— Конечно.

— Ты ведь тоже шла сюда сознательно?

Кора кивнула.

— Мы провели там около двух недель... и что-то дернуло Виктора позвонить на службу. А там удивились: разве вас не взяли — всех ваших знакомых трясут. Виктор позвонил Ларисе, и та стала требовать, чтобы он сдался органам. Виктор понял, что она его предупреждает в меру своих сил. Мы не знали, когда за нами придут, — вернее всего, в ближайшие часы. Мы не стали даже возвращаться в комнату, которую

снимали. Мы взяли с собой только приборы и расчеты... И кинулись бежать.

— Вы кинулись с обрыва?

— Зачем? — удивился Калнин. — Мы знали, как спуститься с него. Там есть точка, где соприкосновение происходит на выступе обрыва... нет, мы не самоубийцы.

— И перешли?

— И очнулись на берегу... Ни единой знакомой рожи вокруг. И я помню, как Виктор сказал: «Лучше полная пустыня здесь, чем полный лагерь у нас. Хуже не будет...»

Инженер Той возвращался из административного корпуса. Он шел, мирно беседуя с доктором, солдат шагал сзади. Картинка была идиллической, инженер был одет в свой летный костюм. Солнце уже начало греть. Правда, было очень рано — никогда еще их не поднимали так рано и не водили в административный блок на исследования... а может, ему показывали Гофмана? Зачем?

— Может быть, он уже... — произнесла Кора.

— Подождем, проведут ли следующего.

— Тогда рассказывайте, что было дальше, — сказала Кора.

— Вскоре мы встретили местного коменданта... А еще через несколько дней мы поняли, что мир здешний и мир наш имеют много общего. Сначала, когда мы как бы обживались здесь, пока борьба за нас, за наше открытие и за власть над Землей...

— Почему они претендовали на власть над Землей?

— Это продолжение их внутренней борьбы.

— Но вы бы сказали, что не хотите в этом участвовать.

— Как ты скажешь — мы же беглецы, беженцы, мы принесли открытие и хотим, чтобы нас не посадили в тюрьму и не убили, как чужаков. Нам дали лабораторию на вилле «Радуга», мы смогли с помощью здешних инженеров построить приборы, позволяющие следить за участком Земли, где миры соприкасаются.

— Они видят Землю?

— Конечно. Если сделан первый шаг, то следующие шаги даются легче. Мы соорудили цивилизованный переходник. Теперь не надо прыгать с обрыва, чтобы оказаться здесь. Достаточно открыть дверь.

Внизу из барака вывели Нинелю. Она была невыспавшейся, сонной, ее даже пошатывало. Одеться и причесаться как

следует она не успела. Доктор подталкивал ее, Нинеля отбивалась и ругалась — благо ее слова не пробивались сквозь птичье пение.

— Они ее повели! — воскликнула Кора. — Ей грозит то же самое?

Профессор схватил Кору за рукав.

— Чем ты ей поможешь?

— Я ее предупрежу.

— О чем?

— Но нельзя же так вот... ждать.

— Самое разумное — ждать. Единственный путь для нас — ждать! — Голос профессора стал жестким. Словно его устами заговорил другой человек.

Нинеля, продолжая сопротивляться, скрылась в подъезде административного блока.

Прошло две или три минуты. Калнин молчал. Кора сама нарушила молчание.

— Продолжайте, пожалуйста, — сказала она. — Почему вы поссорились?

— В тот прекрасный день я понял, что все происходящее неправильно. Что мы строим переходник между мирами, мы налаживаем наблюдение за Землей, мы начали получать...

— Наверное, потому, что вы ученые, а ученые совершают много страшных вещей, чтобы удовлетворить свое любопытство.

— Где ты подслушала такую формулу?

— Сама придумала.

Профессор оторвал ветку от невысокой сосны и принялся отмахиваться от назойливой осы.

— Нет, ты не права... мы предпочли бы стать знаменитыми дома. Но нам не повезло. Мы родились и жили в такое нелегкое время, когда и великие открытия могли уничтожить и окружающих, и тебя самого. Только не надо преувеличивать нашу сознательность, Кора. Мы испугались, что нас арестуют и, может, расстреляют за то, чего мы делать не собирались.

— Вот это для меня самое непонятное! — призналась Кора.

— Многое у нас непонятно нормальному человеку. Сложись обстоятельства иначе, не исключено, что вот эта самая планета стала бы полем боев. Все было бы наоборот.

— Чудо!

— Ты живешь в мире, который уже, как я понимаю, переболел болезнью самоуничтожения. А я жил в мире, где один сумасшедший мог нажать на кнопку, и враждебные армии перебили бы не только друг друга, но и всех мирных людей.

— Как хорошо, что этого не случилось!

— Но случилось другое, — профессор победил осу — жалобно жужжа, она стала кружить над Корой. — Мы с моим другом Виктором неожиданно для себя попали в новый переплет. Представь себе — мы перелетаем сюда, чтобы отсидеться, найти убежище... А попадаем в ситуацию, похожую на ту, из которой умчались. Конечно, не совсем такую, но достаточно неприятную. Правда, среди местных начальников нашлись умные головы, которые предпочли нам поверить. И первым среди них стал покойный президент.

— Вы тоже думаете, что его убили?

— Очень похоже. Он разбился именно тогда, когда стал последним препятствием на пути генерала Лея к власти.

— И что решил президент?

— Президент решил, что информация — самое ценное оружие наших дней. И он был прав. Он рассудил, что сама по себе дырка между двумя мирами, даже если она и существует, еще ничего ему не дает. И прежде чем использовать ее, надо узнать, как ее использовать.

— Он был прав, — сказала Кора, — я бы то же самое сделала на его месте.

— У тебя нет таких возможностей. В общем, первым делом нас засекретили, в лучших земных традициях. Затем расставили посты по всему побережью, превратили виллу «Радуга» в центр исследований, а нам дали по трехкомнатной камере с видом на море, пайку и спецодежду...

— Как так?

— Я шучу. Откуда тебе знать такие слова? И все было бы хорошо, наши исследования проходили успешно, и нашли мы здесь добрых коллег и почти соратников... но не уловили того неизбежного и мерзкого момента, когда нашим проектом заинтересовались военные. И чем дальше, тем больше. А когда в них созрела славная идея скинуть президента и взять власть в свои руки, наш проект «Земля-2» стал главной ставкой в политической борьбе. Для президента он был козырем за пазухой, а для военных — средством одним налетом решить все проблемы. Разумеется, я упрощаю и далеко не все

могу тебе объяснить... Но главное то, что в один прекрасный день я проснулся и понял: больше я в это не играю. Дома в это наигрался. И не хочу я стоять на стороне тех, кто намерен убивать моих соотечественников — хороших, плохих, но соотечественников. Людей, в конце концов! И я все выложил Вите Гарбузу. Но оказалось, что он не хочет видеть очевидного — он считает, что все отлично кончится, что они с президентом постепенно наладят союз двух миров, а если и придется как-нибудь долбануть по нашей родине, то туда ей и дорога.

— Вы снова преувеличиваете?

— Я снова преувеличиваю. Суть дела в том, что Витя испугался вновь упасть с облаков на землю. Он испугался, что его поставят к стенке местные герои. «Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел, а от тебя, лиса, тем более уйду!» Он стал уговаривать меня, а еще больше — себя, что все обойдется, мирные силы победят, а милитаристы стыдливо уползут в свои норы... Но я не стал с ним спорить. И отказался участвовать в работе над проектом. Поздно, конечно, но отказался!

— Трудно было?

— Еще как! Но в результате я остался более-менее живой, в общем бараке с обещанием хранить тайну. А ребра срослись, и ссадины зажили. Нигде не любят дезертиров с трудового и научного фронта.

Он улыбался. Но очень печально.

— Понятно, — сказала Кора.

— Что понятно?

— Теперь мне многое понятно.

— У тебя в голосе звучит осуждение.

— Ничего у меня не звучит. Я смотрю на лагерь.

Там вели обратно Нинелю. Она шла спокойно и больше не ругалась.

— А давно вы здесь служите? — спросила Кора.

— Я же говорил, что ты меня осуждаешь.

— Я не переживала того, что переживали вы. Мы можем доверять Гарбузу?

— Он не дурак. После смерти президента он сообразил, что в любой момент от него могут отделаться. Как решат, что обойдутся без него, обязательно вздернут на сук.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Мы служим здесь... третий год.

— А на Земле прошло почти полтора века.

— Природа непредсказуема.

Профессор посмотрел на часы.

— Проголодались? — спросила Кора. Потому что сама она страшно хотела есть.

— Я забыл об этом, — ответил профессор.

— А все-таки вы сделали великое открытие, — сказала Кора. — Представляете — прошло сто пятьдесят лет, а ваше открытие никто не повторил. Это же удивительно!

— Спасибо.

— Если мы доберемся до Земли, то как минимум Нобелевская премия вам с Гарбузом гарантирована.

— А Нобелевские премии еще выдают?

— И они очень почетные.

— Я скажу Гарбузу. И передам, что маленькая хитрая девочка из двадцать первого века очень настаивает на том, чтобы он не уничтожал Нобелевский комитет и вообще население нашей планеты, потому что иначе некому будет вручить ему Нобелевскую премию.

Кора засмеялась.

— А вы хитрый!

Сквозь птичий гомон донесся звук колокола, который созывал в столовую.

* * *

Виктор Филиппович Гарбуз появился, когда они уже отчаялись его дождаться. Уже после того, как в лагере спохватились, что два пришельца исчезли. Сверху было видно, как их искали на территории, потом несколько солдат начали шуровать в кустах возле ограды, но высоко по склону в лес не углублялись: или не было приказа, либо чего-то опасались. Но ясно было, что поиски на этом не прекратятся — это только отсрочка, и если Гарбуз не появится, то придется уходить в горы либо сдаваться.

...Гарбуз спешил по тропинке так, словно бежало стадо Гарбузов.

Он пыхтел, наступал на ломкие сучья, бормотал что-то себе под нос, и когда Калнин окликнул его, он от неожиданности вскрикнул и натолкнулся на ствол дерева.

— Ну, ты меня напугал, — сообщил он. — Нельзя разве

было потише кричать? Они же услышат. — Рубашка его взмокла от пота и была застегнута неправильно, отчего спереди перекосилась.

— Если они хотели услышать, то уже услышали. За тобой не следили?

— Я не привел с собой «хвоста», — сказал Гарбуз, припомнив фразу из какого-то исторического романа про революционеров.

— Тогда рассказывай, а то времени у нас мало.

— Почему?

— Потому что нас уже ищут. Видишь вон там солдат?

— Интересно, — сказал Гарбуз. — Вы уверены, что ищут именно вас?

— Ты даже сейчас спесив, как всегда, — усмехнулся профессор. — Ты не допускаешь мысли, что кто-то кроме тебя может пользоваться повышенным вниманием. Говори же, что ты узнал.

Гарбуз пригладил ладонью кудряшки над висками.

— В общем, ты был прав, — сказал он. И это признание далось ему с трудом. Оно разрушало остатки заграждений, которые он выстроил между собой, великим, и действительностью. — Они бессовестные сволочи.

— Очень приятно, — сказал профессор. — Я имел честь сообщить тебе об этом уже давно. Потому я сижу в бараке, а ты наверху.

— Если бы я не остался наверху, кто бы вам помог? — спросил Гарбуз.

— Он умеет обернуть в свою пользу любую ситуацию, — сказал профессор Коре.

— А вот впутывать женщин и детей в наши дела не следует, — обиделся Гарбуз. Даже покраснел от обиды. — Я же делал все, что мог, и даже больше для того, чтобы спасти людей. И прости, пожалуйста, но я рискую своей жизнью.

— Боюсь, что остальные ею уже рискнули, — ответил профессор. — Только ты шел на все сознательно, а они оказались твоими жертвами, ничего, кстати, не подозревавшими.

— Ты что, имеешь в запасе вечность? — спросил Гарбуз.

— Я не имею в запасе ничего. Что же ты узнал?

— Мои худшие подозрения оправдались, — сказал Гарбуз и шмыгнул носом, совсем как обиженный мальчик. — Этот мерзавец генерал Лей фактически захватил власть в стране.

Но оппозиция ему велика, в том числе и внутри армии. Я уже стараюсь наладить с ней связи. И надеюсь, что мы сможем его сковырнуть.

— Да, Витя, это не твои игры! Какой из тебя, к черту, политик?

— По крайней мере, три года я находился в элите этого государства. И у меня неплохо получалось.

— Забудь, Витя, забудь об этом! — пытался урезонить его Калнин. — Ты был силен, пока за твоей спиной стоял сильный президент.

— Но в стране сохранились здоровые силы, которые не допустят этой авантюры с нападением на Землю.

— Я не знаю, где сейчас таятся твои силы, вернее всего, в столице или даже в столичной тюрьме. Но погляди вон туда, вниз, ты видишь, сколько здесь войск? Это что, соревнования по футболу?

— Ну, мы можем допустить, — голос Гарбуза дрогнул, — что они принимают особые меры по охране лагеря...

— Ты в это сам не веришь.

Гарбуз присел на поваленное дерево. И когда профессор спросил его, узнал ли он что-нибудь о вирусе, Гарбуз ответил не сразу.

— Вирус есть, — произнес он наконец. — Передается он лишь в активном периоде. То есть когда человек уже заболел. В инкубационном периоде он безопасен. Инкубационный период — сутки или менее, в зависимости от индивидуальных особенностей... Болезнь убивает человека за двое суток. Симптомы...

— Погоди. О симптомах мы еще поговорим, — сказал профессор. — Куда важнее сейчас понять, как можно первоначально заразить человека.

— Гофману сделали укол.

— Вот это и требовалось доказать! — Можно было подумать, что Эдуард Оскарович обрадовался такому решению. — Значит, они вводят раствор с вирусом в кровь, и ты становишься заразен для окружающих...

— Как только кончается инкубационный период. То есть через сутки.

— А я-то думал! — Профессор ударил кулаком по стволу сосны. — Я голову ломал — почему, когда инженер возвращался из административного корпуса, где ему наверняка вве-

ли культуру вируса, медик шел рядом с ним совершенно спокойно... и солдаты остались в лагере.

— Ты думаешь, они уже начали? — удивился Гарбуз. — Не может быть! Мне дали слово, что вся эта операция назначена на завтра. Сам генерал Лей дал мне слово.

— Не может быть! Сам лично дал! И что же он сказал? — Калнин издевался над коллегой.

— Он обещал собрать Государственный совет и пригласить на него меня. В Государственном совете у меня есть союзники. Настоящие союзники, мы там дадим бой военным! И никаких вирусов...

— Поздно, — сказал Калнин. — Пойми же, что поздно.

— Но ведь переброску людей на Землю должен буду проводить я. Как же они, скажи на милость, надеются обойтись без меня?

— А они думают, что ты сделаешь все, что нужно.

— А давай не будем пререкаться... хотя бы сейчас! — взмолился Гарбуз, и Кора подумала, что он прав. — Что ты предлагаешь мне делать?

— Сломать переходную машину, — сказал профессор.

— Не будь наивным. Во-первых, я там не один. Их техники и специалисты разбираются в машине лучше меня.

— Но ты должен что-то сделать! — настаивал Калнин.

— А что представляет собой ваша машина? — спросила Кора.

— Сейчас не время проводить экскурсии.

— Я о другом, — сказала Кора. — Можете ли вы отправить в наш мир не только человека?

— А что же еще?.. Господи, как жарко здесь!

В лесу вовсе не было жарко. Утро не кончилось, с гор тянуло свежим ветром.

— Боюсь, что Кора вовсе не та, за кого себя выдает, — сказал профессор.

— А за кого я себя выдаю? — спросила Кора.

— За наивную отдыхающую студентку, — сказал Гарбуз. — По крайней мере, так считает генерал Грай.

Кора подняла руку, останавливая готового к монологу Калнина.

— К вашему сведению, — сказала она, — я и есть ненавидимый вами сотрудник безопасности. Я, правда, еще не

штатный сотрудник. Наверное, потому ваши хозяева решили, что я глупая курочка.

— Этим должно было кончится, — убитым голосом произнес Гарбуз.

— Нельзя бесконечно сидеть между двух стульев, — сказал Калнин.

О Коре они забыли. Она даже топнула ногой.

— Да прекратите споры! Скажите, можно ли через вашу установку передать весть на Землю?

Гарбуз промолчал, а Калнин ответил:

— В принципе ничего особенного в этом нет. Наша установка — практически окно на Землю, установленное в точке контакта. Мы уже перемещали некоторые предметы... Животных и птиц... и наблюдали за ними — переход ничем плохим не грозит.

— Тогда отправьте туда записку, — сказала Кора.

— Какую записку? — спросил профессор.

— В ней должно быть сказано: сегодня вечером или завтра утром на Землю попадут восемь пленников, зараженных смертельным вирусом двухдневной чумы. Примите меры к изоляции всех нас... Адресат — комиссар ИнтерГпола Милодар или Ксения Романова.

Физики внимательно выслушали монолог Коры, затем Гарбуз сказал:

— С таким же успехом можно отправить записку с просьбой нас всех расстрелять.

— Что, возможно, и будет сделано, — сказал Калнин. — Причем я не могу винить вашего шефа, Кора. Он тоже несет громадную ответственность.

— Тогда я останусь здесь, — сказал Гарбуз. — По крайней мере, меня не расстреляют.

— Тебя, я думаю, даже и вирусом заражать не будут, — заметил Калнин. — Ты нужнее как коллаборатор.

— Не кидайся словами, Эдик! Ты бежал сюда вместе со мной, и начинали мы вместе с тобой.

— Но когда я понял, чем это может грозить Земле, я ушел...

— Умыл руки, Пилат двадцатого века!

— А что я мог сделать?

— Может, не будем выяснять отношения? — спросила Кора. — Лучше скажите, пошлете ли записку?

— Не знаю, — сказал Гарбуз. — Но только если меня ни в чем не заподозрят. А для этого мне надо вернуться. Вас же попрошу: оставайтесь пока здесь — я не хочу, чтобы вас заразили.

— А что дальше? Мы будем бродить по горам?

— По крайней мере... может быть, все обойдется и вы не станете кроликами.

Гарбуз говорил с трудом, лицо его побледнело.

— Нет, — сказала Кора. — Я решила. Я не хочу чего-то ждать. Я пойду к остальным.

— Ну зачем? Зачем?

— Чтобы быть с ними... — Кора никак не могла объяснить Гарбузу, почему ей надо оставаться с ними. Помощь пришла с неожиданной стороны.

— Девушка правильно рассуждает, — раздался резкий утробный голос. Обрамленный сосновыми ветвями, с пистолетом в руке, стоял генерал Лей. — Каждый должен выбрать свою сторону. И больше всего я не выношу мозгляков, которые носятся между нашими и вашими, чтобы заработать побольше очков в этой беготне. Это плохо кончается, советник Гарбуй.

— Вы следили за мной?

— Разумеется!

— Я буду жаловаться в Государственный совет.

— Жалуйся! — усмехнулся генерал Лей. Он любовался собой — стоял на прогалине — два солдата на шаг сзади — руки в бока, ноги в сапогах широко расставлены — каскетка, надвинутая на лоб, скрывает челку. — А тем временем за твоей спиной будет стоять санитар с иглой. Понял? И как только ты начнешь кобениться, тебе сделают такой маленький укольчик... и некому будет ехать на Государственный совет и разоблачать своего благодетеля. Понял, мозгляк?

— Не выйдет! — закричал в ответ Гарбуз, забывая о реальной ситуации. — Не получится! Честные люди узнают о том, что вы готовите!

— Если даже узнают, то тебя среди них не будет. Ты уже подохнешь... правда, возможно, и не здесь, а на родине. Я так и вижу картинку: к тебе бегут родные и близкие, а ты им кричишь в ответ: я смертельно опасен — застрелите меня, не подходите близко, спасайтесь сами! Представляешь такую картину?

— Я не намерен более с вами разговаривать! — отрезал Гарбуз.

— И не надо, — ответил генерал. — Извини, что пришлось самому тебя брать, — мне было интересно вспомнить молодость, когда я был полковым разведчиком. Спасибо, что вывел меня на Калнина и эту крошку.

Последние слова относились к Коре.

— Вам есть что сказать? — спросил генерал Лей Калнина.

— Нет, — сказал профессор.

— Я так и думал. Тогда нам придется разделиться. Государственного советника Гарбуя я почтительно приглашаю с собой, нам пора готовить аппаратуру к десанту. Как вы понимаете, мы отпускаем вас не просто — мы отпускаем вас, чтобы вы могли рассказать своим властям о том, в каком могучем и миролюбивом государстве вы побывали, как милостивы мы были к вам. Понятно? Идите, идите в лагерь, там вас ждут врачи.

— Зачем врачи? — быстро спросила Кора, которая заподозрила, что генерал Лей не слышал их разговора с Гарбузом и не догадывается, что они знают все о вирусе двухдневной чумы.

— Вас осмотрят, сделают уколы, чтобы вы не занесли каких-нибудь болезней на свою родину. У нас все как в передовом государстве — мы не скупимся на расходы. Идите, таков первый шаг нового правительства — правительства гуманизма.

— Спасибо, — сказала Кора.

Она с тоской посмотрела на близко подступающие к прогалине заросли кустарника, но тут же поняла, что убежать не удастся, — да и что это даст?

— Пошли, пошли, — прикрикнул на нее солдат и ткнул ее в спину стволом винтовки.

Они с профессором, не оглядываясь, пошли вниз.

* * *

Калнин был так подавлен, что до самого лагеря молчал, а там солдат передал его ожидавшему возле ограды и кем-то предупрежденному полковнику Рай-Райи, который и внимания не обратил на Кору, зато профессора повел сам, как важного гостя. Впрочем, они с профессором были давно знакомы...

Некоторое время Кора прождала решения своей участи в

кладовке барака, за закрытой дверью. Потом заглянула медсестра. Ее фартук был забрызган грязью, она не скрывала злости.

— Выходи! — скомандовала она.

Кора надеялась кого-нибудь увидеть на пути по бараку и через плац. Но было пусто. Лишь со стороны моря раздавались команды — там маршировала колонна солдат. Высоко в небе прошел военный самолет... Становилось жарко, и Кору страшно мучил голод — теперь, когда волнения встречи с Гарбузом, а потом генералом Леем остались позади, юный организм требовал пищи.

Но у грязной медсестры просить ничего не хотелось, а нормальных людей не встретилось до самого административного корпуса.

Там ее ждал медик. Он спросил имя, отметил его в тетрадке, как будто секретарь на приеме к дантисту.

— Один остался, — сказал он медсестре.

— Сам полковник приведет, он сказал, — ответила медсестра.

Речь, конечно же, шла о профессоре.

Только не в подвал, мысленно молила медсестру Кора. Только не в подвал, где был Миша! Как будто это что-то решало.

Ее все же повели вниз, в подвал, и Кора не могла бы даже дать отчета о том, что происходило с ней в последующие минуты, — как будто она заснула. Она понимала, что, если ей сейчас введут вирус, она, вернее всего, обречена на смерть, мучительную и медленную, и в то же время ей было почти все равно, что с ней будет. Что будет, то будет... Ведь это ей кажется, это как будто кино, в котором беды случаются только с актерами, а она — зритель.

Ее провели к стеклянной перегородке — она уже побывала возле нее ночью. Но дальше путь лежал не прямо по коридору, а в комнату направо. Там уже ждал сизолицый доктор Крелий — как же она забыла его!

— Как приятно, — сказал он, — давно не виделись.

— Другого доктора убили, — сказала Кора, не желая вовсе обидеть Крелия, а лишь констатируя несчастье. — Его убили, а вы живой? Вас тоже убьют, потому что вы слишком много знаете.

— Не говори чепухи, — сказал доктор. — Никто никого не

убивает. Это только в приключенческих фильмах бывает. С моим коллегой произошел несчастный случай.

— Нет, его убил садист-полковник, — сказала Кора, — я видела.

— Нет, вы не могли видеть! И прекратите этот бред! Вы мне мешаете.

— Чему я мешаю?

— Осмотру. Неужели вам не известно, что сегодня же вы возвращаетесь в свой мир, что является гуманитарной акцией нового правительства?

— Гуманной акцией, — поправила его Кора.

— А у нас говорят — гуманитарной! — возмутился доктор.

«Сейчас я доведу его до белого каления, и он откажется делать мне укол», — подумала Кора. Но это сделать было не так просто.

— Закатайте рукав платья, — попросил доктор. — Мне надо смерить ваше артериальное давление.

— Не надо, — сказала Кора.

— Вы мне мешаете работать!

— А Миша Гофман умирал в соседнем отсеке. Вы потом осматривали его труп?

— Что вы говорите! Вы сошли с ума!

— Среди ваших пациентов сегодня был Михаил Гофман?

— Михаил Гофман скончался от лихорадки несколько дней назад. Вел его не я, а доктор Блай.

— Вот именно. Который умудрился погибнуть раньше, чем его пациент.

— Орват, я вас отказываюсь осматривать!

— Я могу идти?

— На все четыре стороны! — Доктор был разозлен и растерян.

Кора, почувствовав немыслимое облегчение, вышла в коридор и там столкнулась с полковником Рай-Райи.

— А вы что делаете? — спросил он. — Почему одна?

— Я была на процедуре у доктора Крелия, — сказала Кора, — он сделал мне укол и отпустил.

— Да? — Полковник был настроен недоверчиво. — Тогда идите...

Кора пошла вверх по лестнице, чувствуя взгляд полковника.

— Орват, стоять! — приказал полковник.

Кора, словно ожидала этого окрика, кинулась наверх. Полковник громко засмеялся.

Наверху лестницы стояла медсестра в грязном мясницком фартуке.

— А не скажете ли вы мне, девушка, — полковник уже подошел к ней и положил длиннопалую руку на плечо, больно стиснув его. — А не покажете ли вы мне место укола?

— В руку, — сказала Кора.

— Место покажи!

Кора промедлила менее секунды.

Полковник кинул взгляд на чистый сгиб в локте и сказал:

— Так я и думал.

Доктор Клерий, словно почувствовав неладное, приоткрыл дверь и высунулся.

— В чем дело? — спросил он. — В чем дело?

— Вы забыли сделать укол этой молодой особе?

— Как я мог, — разыграл возмущение доктор, — если она убежала от меня? Я как раз шел вызвать стражу.

— Так сделайте укол!

— Госпожа Орват, добро пожаловать, — запел доктор. Голос ему не повиновался, дрожал... — Нам надо сделать профилактический укол, дайте мне вашу прелестную ручку.

Он уже был не сизолицым, а темным, как грозовая туча, — сейчас лопнет от страха.

— Нет! — стала биться Кора, спохватилась, ожила — но опоздала, потому что полковник был готов к такой ее реакции.

— Ты знала! — закричал он. — Ты знала, признайся?

— Я ничего не знала!

Полковник навалился на Кору, прижав ее всем телом к столу. От полковника пахло чесноком и потом. Доктор набирал шприц и бормотал:

— Вы только крепче держите, крепче... я могу иглу сломать.

— Не уйдет, — отвечал полковник. — Ломай иглу!

Ему доставляло удовольствие прижимать Кору к столу, а ей не хватало воздуха... она почувствовала иглу — она чувствовала, как яд распространяется по ее телу, она сдалась... она была готова умереть...

— Ну вот и все, — сказал доктор. — Вот и ладушки.

— Жалко отпускать тебя, — сказал полковник. — Но надо. Придется искать другую.

Он отошел в угол комнаты.

Кора поднялась. Ее шатало. Она стояла, держась рукой за угол стола.

— Вы скольких обработали? — спросил деловито полковник.

— Была седьмая.

— И всем сделали укол?

— Разумеется, полковник.

— Так же, как ей!

— Она — исключение. Но я пытался поймать ее.

— Вижу, как пытался.

— Что вы делаете? Вы не имеете права...

Кора обернулась на негромкие выстрелы. Пули вбивали доктора в стену, посыпались стекла стеклянного шкафа с лекарствами. Доктор все не хотел умирать — он пытался подняться, вокруг было много крови, Коре стало дурно, и она побежала из комнаты — ей только казалось, что побежала, она вывалилась в коридор, и тут ее вырвало. Потом, пряча за пояс пистолет, вышел полковник и сказал ей так, словно речь шла о посадке рассады:

— Он все сделал. Все равно пришлось бы его убирать. Мы не можем оставить свидетелей, не имеем права перед историей.

По знаку полковника медсестра спустилась по лесенке в подвал, взяла Кору за локоть и потащила ее наверх.

* * *

На этот раз Кору привели в столовую барака. Там она увидела взбешенного капитана Покревского, с синяком под глазом и поцарапанной щекой в дополнение к шраму. Капитан метался по комнате.

— Они увели ее! Но я до них доберусь.

— Ни до кого вы уже не доберетесь, — говорил ему инженер.

Нинеля тоже была здесь, но вот Журбы не оказалось.

Его, оказывается, тоже увели на «подготовку».

— Тебя обследовали? — спросила Нинеля.

— Обследовали.

— И укол делали?

Что делать? Вот он, момент, в который надо решить — говорить ли правду или нет.

Кора еще не успела открыть рот, как Покревский спросил ее:

— А что, если правда каждый вернется к себе, в свое время? Я больше Парру не увижу?

— Боюсь, что дело еще хуже, чем вы полагаете, — сказала Кора.

— Куда уж хуже, — произнес инженер.

— Вы знаете, что Миша Гофман умер? — спросила Кора.

— Ты откуда знаешь? — спросила Нинеля.

— Я знаю. Я видела его.

— Я его мало знала, — сказала Нинеля. — Болел, что ли?

— Ему сделали такой же укол, как и нам.

— Какой еще укол? — спросил Покревский.

— Какой сделали всем.

— И мне тоже, — сказал инженер.

— И мне. Это противостолбнячная сыворотка, — сказала Нинеля.

— Это страшный вирус, — сказала Кора. — Мы с вами стали оружием. Оружием этих генералов, которые хотят заразить Землю, — мы умрем, умрут миллиарды человек, а они потом захватят наши города.

— Ну, это ты слишком! — возмутилась Нинеля. — Чего ты на людей напраслину наводишь. Я хорошо знакома с полковником, можешь мне поверить, что он мне такие нежные слова говорил... такие слова. Неужели он скрыл бы от меня такую вещь?

— Твой полковник только что застрелил доктора Крелия, чтобы тот не проговорился...

— Своего застрелил?

— Для него нет своих.

— Слушай, Кора, — рассердилась Нинеля, и ее бюст взволнованно вздымался. — Ты кончай нам мозги затуманивать. Я не знаю, в чем твоя выгода и перед кем ты выслуживаешься, но я на любом суде подтвержу, что ничего, кроме хорошего, от местных товарищей не ощущала и в первый же момент они отправили меня на родину.

Покревский подождал, пока Нинеля кончит филиппику, и спросил:

— Они в самом деле рассчитывают захватить Землю?

— Обескровить, — сказала Кора. — Уничтожить как можно больше людей, дезорганизовать, чтобы мы не могли сопротивляться.

— Кто такие мы? — Профессор так и пришел с закатанным рукавом, без пиджака. Он прижимал к сгибу локтя ветку.

— Люди. Кто вам сделал укол? — спросила Кора.

— Неизвестный мне доктор. В административном здании. Сначала они возили меня в виллу «Радуга», они предлагали мне работать дальше над переброской войск на Землю. Им нужно расширить окно, но они не надеются на моего друга Гарбуза. Он в плохом физическом состоянии, у него стенокардия...

Никто, кроме Коры, полностью не вник в смысл слов профессора.

Но Коре было ясно, что профессор Калнин отказался сотрудничать и потому стал одним из смертников.

— Профессор, — обратился к Калнину инженер Той. — Кора сказала, что вам ввели вирус, который смертельно опасен. Это так?

— К сожалению, это именно так.

— Вранье! — закричала Нинеля. Она на самом деле теперь уже испугалась и, крича, как бы колдовала, шаманила, чтобы ее страхи не сбылись.

— Значит, все равно помирать, — сказал Покревский. — Так я бежал от смерти, даже думал, что любовь встретил...

— Еще не все потеряно, — сказала Кора. — В моем времени, а Всеволод Николаевич подтвердит, — она показала на инженера Тоя, — можно произвести оживление практически мертвых людей. Вы не представляете, какая у нас медицина.

— Какая бы ни была, — сказал профессор Калнин, — у нее есть свои пределы.

— Поэтому я и сказала всем о том, что с нами случилось. И у меня есть совет.

— Я знаю, — сказал Покревский, — покончить с собой здесь, и тогда им некого будет посылать. Я согласен.

— Может, это и красивая идея, — ответила Кора, — но учтите, что двое зараженных, Парра и Журба, вернее всего, уже находятся на Земле. И они ничего не знают. Каждый их шаг увеличивает опасность.

— Что же тогда надо сделать? — спросил инженер.

— Я думаю, что каждый из нас должен помнить: если он окажется в нашем времени...

— Если бы да кабы... — зло заметила Нинеля.

— В нашем времени вы должны тут же сообщить тем, кто нас встретит, что вы опасно больны. И потребовать, чтобы вас немедленно отправили в госпиталь.

— А они сразу начнут нас отстреливать, — сказала Нинеля.

— Вряд ли, — сказал инженер, — я могу подтвердить, что там нас должны ждать...

— Нас пока не ждут, — сказала Кора. — Поэтому от нас зависит, насколько быстро нас изолируют.

— Хватит этой изоляции! — воскликнула Нинеля. — Я лучше останусь здесь. Меня полковник любит.

— Вот чего не советую, — отозвалась Кора. — Ты для полковника — смертельная опасность. Пока, первые сутки, ты еще не так опасна, а после ты будешь буквально излучать заразу.

— Когда это случится? — взвыла в ужасе Нинеля.

— Будем думать, что завтра утром.

— У нас много времени в запасе, — сказал профессор. — Это меня тревожит.

— Почему? — удивилась Кора.

— Представь себе — зачем посылать нас на Землю, если они подозревают, что мы можем догадаться, и тогда все идет прахом.

— А почему они должны нас заподозрить? Никто нам не говорил о вирусе.

— Значит, врала? — обрадовалась Нинеля. — Значит, это все липа? Ну, признайся!

— Нет, это правда, — сказала Кора.

Полковник Рай-Райи стоял в дверях.

— Хорошо, что я решил послушать, о чем вы беседуете. Вы чуть не сорвали нам всю операцию.

— Почему? — спросил Покревский.

— Мы и на самом деле думали, что вы ни о чем не догадались. Теперь же на Земле вы тут же сдадитесь, чтобы вас расстреляли. И вас благополучно расстреляют и сожгут трупы. И мы не сможем выполнить наших планов.

— Я же говорила! — воскликнула Нинеля.

— Не подходи, — предупредил ее полковник. — У тебя такой бурный организм, что, может, ты уже заразная.

— Миленький, ты что несешь?

— Отойди, стреляю!

Нинеля отпрянула и начала рыдать.

— Что же будем делать? — спросил доктор.

— Будь моя воля, — сказал полковник, — я бы расстрелял вас тут же. Но у руководства может быть другая точка зрения. Так что я оставляю вас здесь, и мы немного подумаем.

— Погодите! — окликнула полковника Кора. — А нельзя нам чего-нибудь поесть?

— Вы же завтракали!

— Мы с профессором не завтракали!

— Поглядите на кухне, она не заперта, — отмахнулся полковник и быстро ушел из столовой.

— Ну, вот, — сказал инженер, — такие взрослые и такие неосторожные. Я вам и одного шанса из ста теперь не дам.

— Боюсь, что вы правы, — согласилась Кора. — Мы следы, и нас надо замести.

— Нет, — заявила Нинеля, — Райчик что-то придумает. Вы не представляете, какой он умный. Он нас убивать не будет, потому что он меня любит.

— Мы сами себя убьем, — сказал Покревский. — Я думаю, что чем скорее, тем лучше.

Кора пошла на кухню. Там лежало несколько хлебов, в баке была вода.

Кора поставила бак, который заменял чайник. Нашла коробку с травяным настоем. Из столовой слышались голоса, но она их не слышала. Она устала и хотела спать.

И когда они напились чаю, Кора улеглась на скамейке в столовой и заснула.

* * *

Проснулась Кора от того, что в комнате появились чужие люди — сквозь смеженные веки она видела, как солдаты уводили пришельцев — не грубо, а деловито и равнодушно. И так как в том не было ничего страшного, а времени прошло немало — за окном уже темнело и голод опять был первым чувством, посетившим Кору, когда она проснулась, — и всем надоело ждать, то люди прощались и расходились.

— Может, до встречи? — сказал Покревский.

— Если чего, не сердитесь, — ответила Нинеля, — хоть вы мне, конечно, классово чуждый элемент.

— Смотря где встретимся, — равнодушно ответил Покревский. — Или ты меня к стенке, или я тебя.

Никто не говорил о смерти, болезни, вирусе — словно это была выдумка Коры.

Кора села на скамейке, чуть не закричала — так онемела нога — и сказала:

— Если увидите людей, предупреждайте, чтобы не подходили!

— Ладно уж, — сердито ответила Нинеля. — Опять ты тут каркаешь!

Конечно, они не хотят об этом думать!

— Сколько времени? — спросила Кора, словно на руке ее не было часов.

— Седьмой час, — сказал профессор. Его тоже не позвали.

Инженер попрощался с Корой и профессором и сказал, криво усмехнувшись:

— До встречи.

— Вы-то знаете, что ничего страшного не будет, — сказала Кора.

— Именно я и опасаюсь больше всего, что нас раздумали посылать туда. На Землю.

— Что вы говорите? — удивился профессор. — Что вас заставляет так думать?

Солдат потянул инженера за рукав.

— Сейчас, — сказал тот миролюбиво, — только два слова скажу... Раз они поняли, что мы догадались о вирусе и их плане, то им нет смысла отправлять нас туда. Зачем? Чтобы мы предупредили всех об опасности и провалили план? Так что теперь все зависит от того, куда нас поведут. Если отправят подальше от виллы «Радуга», значит, решили пустить в расход. И это логично. Им хватит и тех, кого они уже послали. Те же — невинные агнцы. Они сейчас обнимаются с соотечественниками.

— Их всего двое, — сказала Кора, будто это что-то меняло.

— Хватит, — сказал солдат, — пошли. Машина ждет.

— Так что на их месте я бы нас ликвидировал или дал возможность мирно помереть от чумы... — закончил инженер.

И быстро пошел к выходу, не оборачиваясь, словно уже был не знаком с Корой и профессором.

Но Кора не оценила генерала Лея.

Не успела закрыться дверь за инженером, как вошли еще две медсестры.

— Пошли, — сказала первая и показала пальцем на Кору.

Этого надо было ждать, но расставание с профессором, такое окончательное, испугало Кору.

— Не надо, — взмолилась она. — Пожалуйста, можно мы останемся вдвоем?

— Нельзя, — сказала медсестра. — Скорее.

Она потащила Кору за руку. Девушка стала отбиваться — это было нелепо, потому что той на помощь пришла вторая медсестра. Они подхватили Кору вдвоем и вытащили в коридор.

— До свидания, Кора, — сказал Калнин вслед. — Я надеюсь. Всегда остается надежда.

К своему крайнему удивлению, через три минуты Кора оказалась в собственной камере. Дверь захлопнулась.

Все, что угодно, — но этого она не ожидала.

Она уселась на койку. Господи, почему в такой момент можно хотеть есть?

Ведь завтра этому организму не понадобится никакая пища. Как он не понимает? Кора искренне злилась на свой желудок. Потом легла. Время текло медленно и состояло из звуков — они доносились сквозь окошко под потолком, забранное решеткой и находившееся вровень с землей.

Далеко-далеко раздался гудок — наверное, парохода. Какая-то птичка присела на ветку куста возле решетки и спела Коре небольшую песенку. Раздались голоса — в отдалении ссорились солдаты из-за того, что один из них не хотел идти за одеялами... Но никто не подходил к окну, чтобы разъяснить будущую судьбу Коры.

«Наверное, — думала Кора, — я должна сейчас прокручивать в памяти свое детство, вспоминать сладкие картины Детского острова...» Потом пришло страшное понимание: в ней живет и размножается вирус — болезнь... вот сейчас внутри ее рушатся бастионы, прорываются плотины — злобная посторонняя сила врывается в домики и храмы, уничтожая мирных обитателей... «Что за бред у меня в голове? А что должно быть, если мне всего двадцать лет и я еще не начинала жить на свете, а меня хотят убить! Кому-то нужна власть,

кто-то боится остаться без добычи — я у кого-то стою на пути. Почему же мы, кролики, всегда стоим на пути у волков? Надо бы взбунтоваться... показать свои длинные передние зубы...» Кора снова задремала и проснулась ночью от головной боли. И головная боль была такой особенной, тягостной и чужой, что она с обреченной ясностью поняла: началась болезнь.

Она постаралась подняться — так хотелось пить. Но слабые ноги держали ее с трудом. Она пошла к двери, оперлась о нее, чтобы перевести дух, и потом стала стучать в дверь. Но ее удары глохли — дверь была обита поролоном и обтянута пластиком...

— Пить! — закричала Кора.

Но ей только показалось, что она кричит.

Почему болезнь началась так рано?.. Кора побрела к окну — окно открыто. Кто-то услышит и придет. Кто-то остался на свободе. Он придет...

И пока Кора брела по стенке к окошку, она поняла, что профессор был прав: ее оставили умирать, как оставили умирать Мишу Гофмана. Она оказалась ненужным для опытов кроликом. Что за опыт, если кролик догадался, что его заразили? Пускай лучше подыхает в одиночестве.

— Помогите! — закричала Кора в открытое окно.

Там было тихо. Лагерь спал...

Кора ощупью возвратилась на койку. Она еще не сдалась, но была близка к этому. Надо дождаться... дождаться...

И она снова забылась.

В следующий раз она пришла в себя от резкого света, ударившего в лицо. Свет убежал — это был луч фонарика.

— Проверьте ее, доктор, — послышался глухой голос полковника.

— И проверять не надо, — ответил незнакомый голос. — Вторая стадия.

— Тогда несите ее.

Кору стащили с постели — она понимала, что руки людей, кладущих ее на носилки, затянуты в резиновые перчатки, — они ее боялись! Она была страшно заразной.

— Пожалуйста, — прошептала она, — дайте мне пить... вы понимаете — пить.

— Скоро напьешься, — ответил полковник Рай-Райи. —

Приедешь домой к мамочке и первым делом попросишь напиться... А ну, несите ее!

Кора почувствовала, как носилки поднялись и стали покачиваться. Ее несли вверх... потом щекам стало прохладно от ночного воздуха... ее несут... куда несут? Почему так темно?

— Посторонитесь! — кричал кто-то спереди. — Подальше, подальше, особо опасный груз! Кому говорят — в сторону!

Здание административного блока было освещено очень ярко, и этот свет Коре был неприятен — отвратительный белый свет!

— Выключите, — попросила она, но никто не услышал. И воды не давали. А что они обещали? Они обещали, что мамочка напоит ее. А где мамочка?

Коре было дурно, и она мечтала о забытьи, чтобы ничего не слышать и не чувствовать... Но, как назло, забытье не наступало, и она все слышала и видела.

Она даже разглядела тех, кто нес ее, — они были в длинных, до полу, блестящих балахонах, в масках и шлемах — ни одного сантиметра открытого тела.

Полковник, которого можно было угадать лишь по росту и манере запрокидывать назад маленькую головку, был запакован так же, как остальные.

Кору пронесли по коридору первого этажа.

Носилки поставили в большой светлой комнате, у стен которой находились измерительные щиты и щиты управления. Это был зал, подобный залу управления атомной или гидростанции прошлого века.

Несколько человек, в таких же балахонах и масках, встретили носилки.

— Все готово? — спросил полковник.

Врач сказал:

— Надо дать стимулятор мышечной деятельности, а то она рухнет там, и они сразу поймут.

— А с Покревским помогло?

— Покревский был почти здоров... то есть владел собой... мы вырубили у него память...

— Молодцы, молодцы! — загудел, подходя, генерал Лей — его тоже можно было узнать лишь по голосу. — Где у нас советник Гарбуй, который ждет, когда меня сбросят и повесят

на первом суку? Где он, наш ангел? Пускай полюбуется, на что нам приходится идти из-за него.

— Почему из-за меня? — Гарбуз говорил из-за стеклянной перегородки, отделявшей от зала галерею второго этажа, подобно пульту телевизионного режиссера.

— Вы раскрыли им наш маленький секрет, советник. Так мы бы отпустили их здоровыми, чтобы они могли гуманно скончаться дома на руках у родных. А теперь мы отправляем их на последнем издыхании... Это же не люди, а эпицентры страшной заразы. Мне страшно за Землю!

— Перестаньте, генерал, — попросил его Гарбуз. — Мне горько слышать от вас такие слова.

— Какие?

— Слова человеконенавистника и зверя.

— Знаете вы кто, Гарбуй? Вы толстый мальчик из хорошей семьи, который так и не стал взрослым. Вы умудряетесь забирать себе все игрушки, но не хотите видеть, что вокруг умирают и голодают люди. Вам неприятно... Вы и с Земли убежали, потому что надеялись на конфетки. Ладно, вы их уже получили. Отправляйте девушку домой. У нас есть еще один кандидат. Ждет за дверью... Ну!

— Вы убьете меня, — сказал Гарбуз.

— Со временем ты умрешь сам. От стыда и нечистой совести, — ответил генерал Лей. — Я же тебя и пальцем не трону. На что ты мне? Даже пригодишься в будущем. Я о тебе столько знаю, что ты предпочтешь быть самым послушным государственным советником нашей великой страны! Я тебя сделаю начальником трофейного управления! Ты будешь разбирать добычу с Земли — ты же отлично разбираешься в земных штучках... Ладно, действуй!

— Генерал...

— Не надо меня ни о чем просить. И пойми простую вещь — ты мне даже не союзник, а только попутчик. Идем рядом, потом разошлись. И чем заниматься гуманизмом, ты мне покажи, что там происходит! У них. А то сколько времени прошло, как мы запустили первых, а ты от меня все таишь.

— Я не таил, — обиделся Гарбуз. — Мне нечего таить. Но результатов ждать рано. По словам ваших медиков. И по ре-

акции Гофмана. Рано, генерал, не спешите стать президентом двух планет. Можете оказаться между ними.

Генерал поморщился, как бы терпя комара, которого скоро прихлопнет, но пока нельзя: гуманисты смотрят.

Укол, сделанный Коре, подействовал. Она чувствовала себя немного лучше. Настолько, что смогла поднять голову, когда по приказу Гарбуза техники зажгли большой экран, глядящий сверху, под пологим углом, на Симеиз, и, как она почти сразу догадалась, на ее родной Симеиз, на Землю-2.

Что-то странное творилось там.

Там снимали кино?.. Кино, которое называлось, наверное, «После войны». Или «После налета»... Почему-то на скамейке, на той самой, возле памятника, лежала молодая женщина, свесив безжизненно руку к земле. Еще два тела были видны на открытом месте, в конце аллеи. Вертолет «Скорой помощи» стоял на площадке, совсем рядом, но был безжизнен и неподвижен, люк был открыт, но никто не появлялся оттуда, чтобы помочь пострадавшим. Вдали на перекрестке мелькнула еще одна «Скорая помощь», местная, наземная, она медленно проплыла по экрану и исчезла...

Сцена была почти бесшумной, раздавалось лишь шипение.

И сквозь это шипение прорвался вдруг торжествующий, звериный рык генерала Лея:

— Я ж тебе говорил, мать твою! У них сопротивляемость низкая. Они там вокруг уже дохлые, а мы время теряем! Зла не хватает!

— Я не предполагал, — промямлил Гарбуз.

— Предполагал — не предполагал! Немедленно готовить передовой отряд! Не терять ни минуты! Ты меня слышишь?

Но даже если растерянный Гарбуз и слышал, помочь он генералу ничем не мог. Генерал рванулся прочь из зала перехода, Гарбуз закричал ему вслед:

— А что делать с Орват?

— С кем?

— С Орват и с Калниным? Они же заражены, но еще не отправлены!

— Пристрели, — посоветовал Лей.

Но в дверях замер, обернулся и добавил:

— Пристрелить их всегда успеем. Срочно отправляем на Землю-2. Каждый вирус в строку, усек?

Генерал низким голосом рассмеялся своей шутке и исчез, хлопнув дверьми.

Кора продолжала наблюдать за тем, что происходило в Симеизе, и понимала, что и в самом деле произошла некая ошибка в расчетах инкубационного периода. Он оказался короче, чем думали здесь. И поэтому эпидемия застала Землю 2, то есть нашу Землю — сколько же можно говорить, как они того хотят! — застала нашу Землю врасплох. Но неужели и Милодар не принял мер... И тут Кора с ужасом поняла, что совершенно неизвестно, сколько же прошло времени на Земле с того момента, как она ее покинула. При относительности временных переходов, когда Гофман, ушедший позже Коры, оказался там раньше ее, могло пройти всего пять минут... и тут гости, больные гости.

— Простите, — Кора понимала, что времени терять нельзя, — давайте, в самом деле, отправьте нас туда.

— Не советую, — сказал вдруг Гарбуз. — Я знаю один маленький секрет: здесь известно лекарство от двухдневной чумы, вакцина. По крайней мере, не помрете... а там, сами видите!

— Может, я смогу кого-то предупредить, объяснить, что происходит.

— Чепуха. Вы опоздали.

— Тогда скажите: где вы можете достать вакцину?

— Не говорите чепухи! Вас же надо везти в институт на севере... и на это нужно получить разрешение генерала Лея.

— Тогда, значит, вы мне не сможете помочь? Вакцина только для вас!

— Мы можем рискнуть. Мы спрячем вас, и как только основные военные действия переместятся к вам, мы вас тихонько отправим на север. Генерал Лей будет занят, и мы обязательно...

— Она помрет, — сказал Калнин.

Он вошел сам. Его поддерживала медсестра, и он выглядел, как говорится, краше в гроб кладут.

— Что? — не сообразил Гарбуз.

— И я помру, — добавил Эдуард Оскарович. — Впрочем, тебя это уже не беспокоит?

— Неправда! Корват может подтвердить...

— Кора Орват!

— Не придирайся к пустякам. Кора может подтвердить, что я сам предложил ей остаться здесь. Как только первая волна вторжения минует, я переправлю вас в клинику, где есть противоядие от чумы. Я обещаю!

Кора слушала весь этот разговор, в ушах шумело, она не спускала глаз с экрана, на котором был виден Симеиз. Камера медленно перемещалась, и теперь показался пляж, пустой, лишь неподалеку от берега покачивался надутый оранжевый матрас, а на пляже была забыта полосатая простыня...

Море было пустым. Неизвестно, насколько далеко распространилась эпидемия. Надо как можно скорее найти Милодара и ему все объяснить!

— Отправьте меня туда! — закричала Кора. — Сволочи, убийцы!

— Ни в коем случае. Я не убийца! — гордо ответил Гарбуз, будто ему предложили отрубить Коре голову и даже дали топор, а он теперь пытается это тяжелое орудие отшвырнуть.

— Меня тоже, — сказал Калнин. — Я не верю тебе, Витя. Ты в самом деле не пристроишь нас в клинику, куда и тебя самого могут не пустить.

— Ну уж это слишком! — Гарбуз снова обиделся. Он все еще хотел казаться значимым. Он хотел раздавать благодеяния.

Этот спор, пустой, хоть и вредный, был прерван полковником Рай-Райи в защитной одежде и с пистолетом в длинной лапке.

— Почему они здесь? — закричал он, размахивая оружием. — Почему не выполняется приказ генерала Лея? Саботаж! Пристрелю!

Пистолет его недвусмысленно был направлен на господина советника Гарбуза, и Гарбуз понял, что никаких защитников ему не дождаться.

— Я готовлю... одну секунду...

Носилки с Корой поставили на салазки, Гарбуз возился у пульта и бормотал — Кора еще слышала это бормотание, а полковник, вернее всего, не слышал его совсем:

— Вы у меня ответите... все ответите. Вы не думайте, что я так уж одинок...

— Готово! — сказала одна из медсестер.

— Начался переход, — сказал Гарбуз громко.

Медсестра толкнула носилки, и они, набирая скорость, покатились вниз, к разверстому окну переходника.

На мгновение бесконечная тьма окутала Кору.

Кора полетела в бесконечность, в неизведанную глубину.

И оказалась в нашем мире.

* * *

Кора лежала недалеко от моря — слышно было, как накатываются на гальку волны и сползают обратно, шевеля камешки для сотворения ровного шума. Как будто она довершила свое падение с обрыва, но не разбилась, а, подхваченная сильными руками, улеглась на гальку.

Если не считать равномерного движения волн, стояла тишина, тишина смерти или молчаливого умирания. И тогда, поняв, что возвратилась на свою Землю, возвратилась, опоздав ей помочь и, возможно, лишь для того, чтобы погибнуть вместе со множеством ни в чем не повинных людей, Кора, приподнявшись на руке, села и больно, в кровь, начала бить кулаком по камням.

— Сволочи! — закричала она. — Никакой им пощады быть не может. Скорпионы, отведавшие крови, каракатицы в погонах! Бандиты с челками! Гитлеры доморощенные!

— Погоди, — прервал ее голос, и тень упала на камни перед ней. — Красиво выражаешься, но энергия уходит в свисток! А ну, перестань разводить истерику!

Голос принадлежал Милодару, и комиссар сильно серчал либо делал вид, что серчает.

— Я так виновата, — с трудом произнесла Кора, потому что при виде возвышающегося над ней, руки в боки, комиссара ИнтерГпола из нее как будто выпустили воздух и одновременно исчезла возможность борьбы, страха, отчаяния. Осталась лишь дурнота и сонливость... — Я ничего не сделала, комиссар. Я даже Мишу Гофмана не спасла...

— Значит, подтверждаешь? Я так надеялся, что эти, первые посланцы, чего-то перепутали.

— А эпидемия... двухдневная чума? — спросила Кора.

— Жалко Мишу, — сказал комиссар. — Тогда вставай!

— Не могу, — призналась Кора.

— Сейчас встанешь через «не могу», — пригрозил комиссар. — Ты у нас единственная из агентов, кто знает расположение тамошних помещений. Пойдешь туда.

— Не пойду, — ответила Кора. Несмотря на раскаяние и горе, она была в полуобморочном состоянии.

Рядом с ней стоял доктор... знакомый. Ага, она его видела дня три назад в подвале виллы «Ксения».

— Приведите ее в порядок, доктор, — сказал Милодар.

— Это невозможно, — сказал доктор. — Вы же видите, человек при последнем издыхании...

— Спасибо, — просипела Кора.

— Она не потеряла чувства юмора, — возразил Милодар. — Значит, будет жить. Но я объясняю вам все самым простым языком. Мы не знаем, что они там сделали с телом Миши Гофмана. Может быть, он в коме, может быть, они заморозили его тело — может быть, мозг его не разрушен болезнью. Мы не можем оставить агента погибать, если остается хоть маленькая надежда перенести его мозг в другое тело.

— Введите туда сотрудников, поговорите с тамошними военными, объясните им ситуацию...

— Доктор, вы сами не уверены в том, о чем говорите. Сколько это займет времени, при условии, что мы находимся с ними в состоянии войны и они считают, что Земля уже готова для вторжения. Мы должны отражать вторжение, а вы говорите: «Побеседуйте, втолкуйте, объясните!» Чепуха, доктор! У меня есть только одна надежда — Кора Орват.

— И как вы себе это представляете?

— Очень просто. Вы сейчас приводите ее в рабочее состояние. Заодно давайте ей все, что положено, от чумы.

— Она не справится.

— Кора, — спросил Милодар, — если мы сейчас тебя подправим, ты согласна пойти туда обратно? Ты только не бойся. Я буду с тобой.

— Я не боюсь, комиссар, — сказала Кора. — Я не смогу.

— Молодец, — сказал Милодар. — Носилки! Вертолет! Флаер! Даю вам, доктор, пять минут. Через пять минут мы вылетаем обратно в параллельный мир.

— Это невозможно, — ответил доктор, но уже начал обрабатывать Кору. Во флаере, пока перелетали на базу управле-

ния, Кору ввели в интенсивный сон. Три секунды сна были равны десяти минутам.

Пока Кора еще спала, ей полностью перелили кровь, сменили костный мозг и очистили внутренние ткани от вирусов двухдневной чумы.

Когда она пришла в себя, в глубокой уверенности, что проспала десять часов, и лишь голова гудела не столько от чумы, как от экзерсисов, произведенных медиками, но в целом, хоть и слабенькая, она чувствовала себя готовой к любой борьбе за справедливость.

Она приподнялась на постели, медики отпрянули, потому что не были еще готовы к столь быстрому ее выздоровлению, по подвалам виллы «Ксения» прозвенели звонки и проревели сирены, призывая к одру Коры комиссара Милодара и милейшую старушку Ксению Михайловну Романову, также готовую к завершающей фазе операции.

— Нормально? — Милодар вбежал в бункер. Был он одет странно и для Коры непривычно. Не будучи еще кадровым работником ИнтерГпола, она не подозревала, что каждый агент, инспектор или комиссар имел несколько форменных мундиров на различные случаи жизни. И сейчас ей пришлось увидеть комиссара Милодара в боевом мундире парадного толка, каковой надевается лишь для ежегодного парада организации в Галактическом центре и символизирует победу над силами беспорядка. От светло-голубого, частично отражавшего свет, туго облегающего мундира с пышными буфами, украшенными горящими переливчатыми эполетами, до высокого головного убора, имеющего происхождение от треуголки Наполеона, но украшенного белыми страусовыми перьями и обильно расшитого золотом, до тяжелых на вид сапог с врезанными в подошвы выдвигающимися бритвами, способными распилить стальную дверь, до, наконец, орденов и знаков, украшающих грудь комиссара, он был мечтой солдафона, сказкой для недоигравшего в детстве фельдмаршала и источником трепета для тех, кто до старости останется в душе капралом.

— Побежали, — сказал Милодар Коре. — Пока переход открыт. Мы им не мешаем. С минуты на минуту они намерены двинуть в него войска. Генерал Лей на белом коне уже гарцует на площади с их стороны.

— А мы куда? — еще слабым голосом спросила Кора.

— Ты знаешь — спасать и жестоко мстить! — воскликнул Милодар, который тоже недоиграл свою роль в детстве.

— Ах... — Кора поднялась, и ее повело в сторону. Медики подхватили ее, и этим воспользовались костюмеры, вбежавшие за Милодаром. В две минуты Кора была полностью облачена в мундир, подобный мундиру Милодара, однако, хоть она уступала ему в количестве нашивок и блесток, сама тонкая, с высокой грудью, фигура молодого агента еще более привлекала к себе внимание.

— Все! — крикнул Милодар. — Все, все, все! Побежали!

— Сколько времени? — спросила Кора, все еще опустошенная и дезориентированная. — Сколько прошло?

— С тех пор как ты вернулась, прошло восемнадцать минут. Так что ты понимаешь — времени в обрез.

— Восемнадцать минут? Я думала, что часов десять.

— Эффект мгновенного сна, — заметил доктор.

Кора больше не тратила времени и усилий на разговоры — она поняла, что, несмотря на неутоленное желание свалиться и спать еще несколько дней, она сейчас пойдет и выполнит желание Милодара... Это же и ее желание! Если осталась хоть крохотная надежда отыскать Мишу и вернуть его к жизни, то она должна попытаться...

— Взгляни, — велел Милодар, когда они проходили мимо зеркала.

Кора остановилась, замерла, не в силах понять, что за сказочные, словно райские птицы и притом грозные существа, глядят на нее, — это же Милодар и она... Милодар подхватил Кору.

— Только не терять равновесия, когда будешь там!

Они вошли в следующий зал.

— Приготовься, — приказал Милодар.

Впереди стояли два саркофага. Они стояли вертикально, торчком, и оттого, что так не бывает, у Коры мелькнуло странное сравнение с музеем в процессе эвакуации.

Створки саркофагов открылись.

— Идем, идем, — сказал Милодар.

— Зачем? — спросила Кора.

— Неужели ты думаешь, что мы отправимся туда в естест-

венном виде, чтобы любой сбрендивший полковник мог нас пристрелить?

Милодар первым ступил в саркофаг. Коре ничего не оставалось, как, стараясь не шататься, последовать его примеру.

И тут с ее телом произошла странная перестройка, которая была куда как знакома Милодару и некоторым другим сотрудникам ИнтерГпола, которые заменяли себя в ответственных и опасных местах собственными голограммами, но для Коры оказалась в новинку.

Она понимала, что с ней что-то происходит в этом темном саркофаге.

Будто она, подобно куколке, вылезает из своего твердого кокона и приобретает бабочкину свободу движений и возможность воспарить над миром.

И когда передняя стенка саркофага растворилась, как дверца шкафа, и она оказалась на улице перед виллой «Ксения», то эта легкость показалась ей восхитительной.

Она посмотрела направо — там из подобного саркофага выскользнул такой же легкий и знакомый ей именно этой легкостью комиссар. Но она знала, что означала такая легкость у комиссара: это значило, что он — собственная голограмма.

Неужели и она голограмма тоже?

О чем она и спросила комиссара.

— Разумеется, — ответил тот, — я же предупреждал тебя, что люблю свою жизнь и надеюсь, что это — взаимно.

— А я?

— А ты тоже.

— Значит, я сейчас — моя голограмма?

— Разумеется.

— А где я?

— Как бы грубая физическая нечистая оболочка?

— Называйте как хотите. Мне она нравится.

— Она осталась в хранилище.

— В саркофаге?

— Мы их называем гробиками. В каждом моем кабинете стоит по гробику.

— Значит, в меня теперь можно стрелять?

— Разумеется!

— А я могу проходить сквозь стены?

— Это опасно и неопытным сотрудникам не рекомендуется. Можно потерять часть своей субстанции в преграде, и тогда уж это не восстановить.

— Я могу остаться без пальчика?

— Ты можешь остаться без головки, — в тон ей, так же мягко ответил комиссар.

— Давайте тогда не будем думать о дурном, — сказала Кора. — Пошли?

И они помчались, чуть касаясь ногами земли, к обрыву, где был открыт переход между мирами и вот-вот должно было начаться широкомасштабное вторжение генерала Лея.

Центральная аллея Симеиза выглядела так же удручающе, как при взгляде с параллельной Земли. Так же на лавочках дергались, корчились умирающие люди, медики в белых халатах пытались им помочь, несколько санитарных машин приехали сюда, но горе заключалось в том, что и медики также не имели иммунитета против чумы и почему-то легко и быстро поддавались болезни.

— Господи! — расстроилась вслух Кора. — Неужели вы до сих пор не смогли принять действенных мер?

— А мы и не хотели, — ответил жизнерадостно комиссар.

— Но ведь люди страдают, умирают...

— Это тебя не касается, ими займутся специалисты. А ты должна спасти одного больного, моего сотрудника.

— Мне не очень нравится, комиссар, — ответила Кора, — что вы достаточно нагло делите мир на две категории...

— Моих агентов и прочих, — продолжил мысль Коры Милодар. — Но это и есть настоящий профессионализм. Каждый мой агент должен знать, что я денно и нощно думаю и забочусь о нем. И если я перестал бдеть и заботиться, значит, этот агент уже не нужен или нужнее мертвый.

От такой наглости Кора умолкла и грустно молчала до самого переходника.

Чем ближе они подходили к обрыву, тем чаще им встречались тела больных чумой или уже умерших от страшного вируса.

— Какой ужас! — вырвалось у Коры. — Ну почему их не увозят?

— У нас не хватает машин и флаеров. Мы дали знать в Москву. Помощь идет!

— Только не перезаразите всю Россию, — заметила Кора, которая, конечно, жалела заболевших, да и о самой себе не знала, вылечилась она уже или нет, но еще больше жалела население, которое может так жутко пострадать.

Обогнувши флаер «Скорой помощи», куда больные санитары втаскивали труп девушки, Кора в сопровождении Милодара оказалась над обрывом. Обрыв изменился. Вместо отвесной стены была сделана тщательно обработанная, крутая, но все же наклонная плоскость, обустроенная лестницами, как веревочными, так и вырытыми в скале. А само место перехода в параллельный мир было обнесено столбиками, лампочками, медной проволокой и светящейся полосой, не говоря уж о силовом поле.

— Держишься? — спросил Милодар.

— Держусь, — сказала Кора.

— Не забудь, что ты — голограмма и тебе ничто не угрожает.

— Ага, — откликнулась Кора, которая далеко не все понимала.

— Тогда скорее. Мы должны войти к ним в мир хотя бы за минуту до того, как они вторгнутся к нам. Иначе начнется такая толкучка, что придется кого-нибудь убить. А где тогда гуманизм? Мне без строгого выговора не обойтись. И ты распрощаешься с первой в своей жизни благодарностью от министра Галактической безопасности.

Работники ИнтерГпола, прижавшиеся к откосу вокруг входа в тот мир так, чтобы их не было видно, махали руками, кивали, подмигивали и подавали дружеские знаки Коре и Милодару, одобряя их и понимая, что товарищи идут на смертельно опасное ответственное задание.

Хлоп! — прорвалась пленка между мирами.

Хлоп! — еще раз прорвалась она за спиной Коры.

Это прошел комиссар Милодар.

И тут Кора зажмурилась.

Она ожидала чего угодно, но не столкновения нос к носу с большим белым жеребцом, который двигался, понукаемый всадником, к переходным вратам.

А за всадником виднелись тупые рыла вездеходов и броневых машин, а еще далее угадывались нестройные колонны солдат в камуфляжных костюмах и противогазах.

Но куда более удивился и испугался незапланированного

появления пришельца всадник на белом коне в парадном мундире и броневом шлеме, а именно лично генерал Лей — глазки как горячие точки, скулы под самый шлем и выражение лица самое хулиганское, только нос и рот скрыты маской.

И тут же выражение лица генерала изменилось. Им завладела гримаса обиды, которую испытывает ребенок, протянувший ручку за конфетой и увидевший, что куда более сильный мальчик, а то и взрослый, эту конфету уводит из-под его носа.

— Я — голограмма, я — голограмма, — дважды повторила себе Кора, прежде чем смогла совладать с собой и твердо встать на пути коня, выбравшего этот неподходящий момент, чтобы встать на дыбы и свалить на землю Завоевателя Земли.

От этого сразу остановились, взревев всеми моторами, танки и вездеходы, смешалась в кучу бравая пехота.

И произошло это не столько от неожиданного падения лидера, как от того таинственного и отвратительного для незащищенного глаза сияния, которое испускали мундиры Коры и ее низкорослого спутника.

Для любого солдата и офицера армии, вторгавшейся в неизведанный мир, к тому же обязанных маршировать в напяленной на нос защитной маске, вход в переходник был страшным испытанием: надо было шагнуть в темную неизвестность, и даже присутствие впереди бравого генерала на белом коне недостаточно успокаивало, потому что солдату известно, что генералы всегда каким-то образом умудряются возвратиться домой за пенсией, а солдаты остаются на чужбине под могильным холмиком, одним на целую роту.

Кора задержалась было возле генерала Лея, который пытался, отталкиваясь локтем от земли, вытащить ногу из стремени, но Милодар приказал ей по-французски, чтобы Лей не понял, бежать в административный корпус и выяснить, что там с Мишей. Оправдается ли слабая надежда на то, что человек, пораженный вирусом двухдневной чумы, проводит последние сутки жизни в глубокой коме, схожей со смертью, либо Миша уже погиб окончательно и оживлению не подлежит?

— Беги! — приказал Милодар по-французски. — Ты мо-

жешь это сделать быстрее всех. И если найдешь — сразу сигналь мне.

Кора обогнула генерала и затрусила к ближайшему танку.

Очень хорошо и утешительно знать, что тебе не страшны пушки. Но когда ты идешь на пушку и заглядываешь в ее дуло, то сомнения в силе голографии тебя покидают.

Для солдат изготовившейся к завоеванию Земли армии она была существом совершенно сверхъестественным. Облаченная в сверкающий мундир, отражавшая и в то же время пропускающая свет фигура неслась к административному корпусу, и некоторые из солдат кидались в стороны, другие приседали от ужаса, одно из орудий вознамерилось было выстрелить, но замерло в молчании — лишь изнутри танка доносился шум драки.

Так, ножом сквозь масло, Кора пронизала колонну штурмовиков.

Справа остался длинный барак, в котором она провела немало горьких, но поучительных часов. В дверях барака стояли две медсестры. Они присели при виде Коры, не сообразив, что надежнее убежать внутрь. Кора, погрозив им кулаком, останавливаться не стала — с медсестрами разберемся потом.

Вот и административное здание.

Сверкающая фигура в мундире из далеких будущих фантастических романов приблизилась к административному зданию, и стоявшие возле него медики и штабной народ, наблюдавший издали за началом победоносного вторжения, кинулись врассыпную.

Кора вошла внутрь.

К счастью, часовой на входе так перепугался, что не смог убежать.

— Стоять! — приказала ему Кора.

Часовой вздрогнул, вытягиваясь во фрунт.

— Где находится тело убитого вами... — Глаза солдата были бессмысленны. — Где лежит мертвый?

— Не могу знать.

— Где начальство? Ну, есть тут кто-нибудь?

— Не могу знать.

— Где? Твой? Начальник?

Солдат показал наверх. Объяснить словами он уже не мог.

Кора побежала на второй этаж, пробежала мимо открытых дверей — везде было пусто. Руководство операцией по завоеванию Земли шло не отсюда. Может быть, и тело Миши тоже эвакуировали?

До нее донеслись голоса. Они гулко звучали в пустом коридоре. Кажется, хлопнула дверь.

Оттуда, от входа. Солдат говорил с кем-то. Может, ее догнал Милодар. Кора побежала обратно. Там было пусто. Солдат тоже отсутствовал.

И все же Коре было трудно покинуть здание.

Хотя бы для очистки совести она должна спуститься в подвал, где ночью лежал мертвый Миша. Может быть, там найдутся какие-то следы.

Тишина. Все ушли на фронт...

Кора спустилась по лестнице в подвал и побежала по коридору к стеклянной перегородке. От движений ткань ее мундира переливалась и бросала на стену разноцветные зайчики. Будто праздник уже начался.

Дверь в стеклянной перегородке была приоткрыта, далее царил беспорядок, словно только что оборвалась, так и не закончившись, срочная эвакуация либо здесь побывали неопытные грабители.

Вторая версия оказалась куда ближе к действительности.

Стоило Коре шагнуть за перегородку, спереди словно забегали крысы — громкое шуршание, стук, что-то прокатилось по полу...

— Кто здесь? — спросила Кора.

И тут же из внутренней комнаты выскочили две медсестры в солдатских сапогах и мясницких фартуках, под которыми они таили мешки с барахлом.

При виде Коры они завизжали, подобрали длинные халаты и кинулись бежать, чуть не сшибив ее с ног.

Кора не обратила на них внимания, потому что увидела, что стеклянная дверь в самый последний отсек, где и умер Миша Гофман, была разнесена пулями или молотом, и сначала она даже не поняла, что же это значит, но Миша лежал, как и в последний раз, когда она его увидела, а длинная, склоненная над ним фигура была занята странным делом — стаскивала с Миши ботинки...

Когда Кора ворвалась в отсек, человек, разувавший Ми-

шин труп, уже услышал и осознал вопли медсестер и обернулся, держа ботинок в руке.

И хоть полковник Рай-Райи был в защитной одежде и маске, закрывающей нос и рот, Кора его узнала сразу, он ее — чуть погодя, потому что она допускала, что может встретить его здесь, а он был убежден, что живой никогда ее не увидит. Тем более никогда не увидит в роскошной и, вернее всего, — генеральской форме.

От ценного ботинка отказаться было трудно — народ на параллельной Земле был нечист на руку, так что полковник ботинка не выпустил, но стал тащить из кобуры револьвер.

— Перестаньте, полковник, — медленно произнесла Кора, уже ощущая свою неуязвимость и поняв, что это животное ее боится. А любой женщине при встрече с противным мужчиной так приятно ощущать свою неуязвимость!

— Долой! — визгливо закричал полковник, и визг получился приглушенным из-под маски — глаза его, такие же черные, яркие, пронизывающие, тут же затуманились, он никак не мог расстаться с ботинком и вдруг, словно сообщал о погоде, сказал, протягивая Коре ботинок Миши: — Натуральная кожа. У нас так уже не делают!

И когда Кора, ошеломленная этими словами, протянула руку, чтобы послушно пощупать ботинок, полковник начал стрелять в Кору, он стрелял часто, насколько успевал сгибаться указательный палец, нажимая на курок.

Разумеется, повредить Коре, которая фактически находилась на другой Земле, он не мог, но определенное взаимодействие зарядов с голографической субстанцией происходило, и оттого мундир, да и само тело Коры, резко увеличил свечение, и Кора запылала искристым светом, так что ослепленный полковник стрелял зажмурившись и притом приглушенно верещал, словно не он стрелял, а Кора его поджаривала.

Разумеется, этот инцидент не мог остаться без внимания Милодара, задержавшегося у входа в чужой мир по государственным делам, связанным с ликвидацией вторжения.

— Что там у тебя, девочка? — спросил он, перекрывая грохот выстрелов и звон бьющихся колб и пробирок.

— Меня расстреливает один местный полковник. Садист и негодяй.

— Зачем он это делает? — спросил комиссар.

— Он очень перепугался, когда я застала его раздевающим тело Миши.

— Значит, ты нашла его! — закричал радостно Милодар. — Он сильно мертвый?

— Я не могу подойти, полковник еще не расстрелял все заряды, — ответила Кора, которой стало щекотно от выстрелов, что было ложным ощущением, на самом деле ей только казалось, что она чувствует щекотку.

— Бегу! — крикнул Милодар. — Только медиков возьму.

Тогда Кора, успокоившись за ближайшее будущее, направилась к Рай-Райи, будто желала принять из его дрогнувшей руки ботинок, а полковник, в полном отчаянии, расстреляв патроны, начал колотить Кору по голове рукояткой револьвера. Вот этого ему делать не следовало. Рука его свободно проходила сквозь голову и тело Коры, однако электрическое поле, существовавшее там, передало полковнику часть свечения и подняло его возбуждение до невыносимого состояния, о чем и сама Кора не подозревала.

С дикими глазами, тупо повторяя:

— Убью! Всех перебью, убью! — полковник приложил револьвер к виску и принялся нажимать на курок.

Кора как зачарованная смотрела, как после каждого щелчка барабан револьвера поворачивался на одно гнездышко — оно оказывалось пустым, снова раздавался щелчок, снова поворачивался барабан. И на шестом движении барабана оказалось, что одна пуля все же в револьвере затаилась...

Полковник рухнул со всего роста, опрокинувшись на койку, где лежал скрючившись, как замерзший младенец, Миша Гофман.

И именно в этот момент в подвал вбежали два наших медика в бронекостюмах, с самодвижущимися носилками на воздушной подушке, похожими на атомную бомбу.

— Какой из них? — глухо спросил первый из медиков через опущенное забрало шлема.

— Верхнего оставьте. Я спрошу комиссара, стоит ли нам его оживлять.

— Не оживишь, — ответил медик, — он же себе мозг разворотил.

— Правильно, — согласилась Кора. — Может, вы проверите Мишу Гофмана? Милодар сказал, что, по нашим иссле-

дованиям, человек на второй день этой чумы впадает в кому... значит, можно успеть.

— Мы дома посмотрим, — ответил медик.

Крышка носилок откинулась, манипуляторы осторожно перенесли внутрь Мишу.

Все произошло мгновенно — снаряд уплыл, набирая скорость, а за ним помчались медики.

Кора посмотрела на Рай-Райи.

Он был совсем не страшен. Маска сползла с губ, и рот приоткрылся. Усики над верхней губой казались наклеенными.

И тут Кора поняла, что ей Рай-Райи не жалко, хотя бы потому, что и самому полковнику такое понятие было неизвестно.

Она вышла из пустого административного здания.

Пока она шла по коридору, то думала: а почему они тут занимались грабежом? Ведь куда слаще пограбить Землю? Но телевизор с маленьким черно-белым экраном, что стоял у проходной и показывал переход на Землю-2, видно, уже давно показал, что великое нашествие провалилось. И наверное, полковник, прежде чем побежать за Мишиными ботинками, успел увидеть, как свалился с коня сам генерал Лей.

Сейчас на экране была совсем уж странная сцена.

Генерал Лей сидел на походном складном стульчике. Напротив него на барабане восседала голограмма комиссара Милодара, хотя Лей не знал о существовании голограмм. И высокие стороны договаривались...

* * *

На улице, на ступеньках административного блока, горбился профессор Гарбуз. Как-то успел прибежать сюда с виллы «Радуга».

Увидев Кору, он, разумеется, удивился, а потом спросил:

— Здравствуйте. Вас так быстро вылечили?

— Нет, мне еще лечиться и лечиться, — ответила Кора. — Но мне надо было вернуться за Мишей Гофманом.

— Да, — сказал Гарбуз, — наломали мы дров. Вот что значит — не верить в прогресс.

— Но на вас, наверное, никто не сердится, — сказала Кора. — В крайнем случае мы с Калниным замолвим за вас слово.

— Не знаю, насколько оно будет веским, — сказал Гарбуз. — Все утихло. Думаю, что идут переговоры.

— Да, я только что видела по телевизору, что наш комиссар уже говорит с генералом Леем.

— Значит, моя голова полетит, — обреченно произнес Гарбуз.

Он делился с подружкой своей бедой: будут пороть, потому что потерял ключи от дома. Будут пороть...

— Вы всем еще пригодитесь, — сказала Кора. — Это я точно знаю. Они еще за вас бороться будут.

— Вы так думаете? — У Гарбуза в глазах мелькнула надежда. — Ведь меня нельзя отнести к военным преступникам?

— Пошли, — сказала Кора, увидев, как к административному зданию катит еще один «газик». — Может, это мародеры, а мне вас не защитить. Я ведь всего-навсего голограмма, собственная объемная копия.

— Неужели? Я об этом не знал. Расскажите принцип!

Гарбуз послушно побежал следом за Корой, и хотя Кора не могла ему толком объяснить принципы развития голографии за последние века, он извлекал из ее рассказа нужные себе детали и ахал от радости. Можно было подумать, что он бросает все и переходит в голографы.

Так, таясь за бараками и кустами, они добежали до перехода.

Обстановка там была тихой, мирной, но антураж — внушительным.

Насколько мог видеть глаз, к переходу стягивались и тормозили танковые части, моторизованная пехота и даже кавалерия. За неимением приказа следовать далее части сдвигались, теснились, и потому Коре с Гарбузом было нелегко протолкаться к месту разговора Лея с Милодаром. Гарбуз жался к Коре, и та прикрывала его своим сиянием.

Наконец они оказались возле Милодара.

Гарбуз чутьем физика-практика сразу угадал в Милодаре настоящего шефа и зашатался, готовый рухнуть перед ним на колени. Генерал Лей, который вовсе не выглядел подавленным и уничтоженным, сказал:

— Ага, приперся! Не было бы тебя, не пострадали бы люди.

— Разумеется... — сразу согласился Гарбуз.

— Разве это он войска сюда привел? — рассердилась Кора, обводя руками воинственные армады Лея.

— Он нас спровоцировал, — быстро ответил генерал.

* * *

Когда Кора с Гарбузом перешли в наш мир, там их встретила Ксения Михайловна. Она помолодела, отлично себя чувствовала и выучила свой урок — оказывается, она уже читала какие-то труды Гарбуза. Тот оттаивал от глубокого страха.

Ксения Михайловна повела их в клинику, где под виллой «Ксения» приходили в себя пленники параллельного мира.

Никаких трупов, умирающих, «Скорых помощей» и прочих ужасов зараженного мира вокруг не было.

— А где все... — начала было фразу Кора, но старушка улыбнулась и ответила:

— Тебе все лучше объяснит Милодар. Но принцип наших действий заключался в том, чтобы не нарушить ожиданий агрессора. Если агрессор видит то, что рассчитывал увидеть, он морально обезоруживается. И не происходит неожиданных нежелательных инцидентов. А нам они не были нужны. Пришлось пойти на инсценировку страшной эпидемии...

— Эпидемии не было? — Кора устала удивляться.

— Ну что же мы, с элементарным чумным вирусом справиться не можем? Это сделать куда легче, чем одолеть панику или парализовать тысячи вооруженных гвардейцев генерала Лея.

— Зачем же тогда...

Бабушка имела обыкновение не дослушивать вопрос и отвечать на него правильно:

— Важен был индивидуальный шок. Некто хотел войти на Землю на белом коне и потом стать в виде статуи посреди площади. Вот его-то и надо было сбить с коня. Для этого вы с Милодаром и оделись светящимися новогодними елками.

— Ах да, — смутилась Кора. — Я так и не переоделась.

— Переоденешься, — пообещала Ксения Михайловна. — Но сначала мы посетим бывших пленников.

Пленники, более-менее пришедшие в себя, томились в обширном подвале виллы «Ксения», обращенной в нечто вроде госпиталя для привилегированных больных.

Калнин кинулся к Гарбузу.

— Витя, как я рад! — закричал он высоким голосом. — Я так боялся, что ты сгинешь в этой заварушке! Хочешь чаю? Тут настоящий цейлонский. Ты не представляешь!

У отмытой и вычищенной, может, впервые в жизни, готской принцессы волосы оказались такими пышными, что от всего лица остались носик и сверкающие очи. Кожа ее оказалась матово-белой.

— Мне обещали снять шрам, — сообщил Коре Покревский, не отпуская руки принцессы. Вид Коры его не смутил, видно, потому, что сияние принцессы было куда более ярким.

Нинеля поахала весьма умеренно. Она спрашивала, и настойчиво, когда отсюда можно уехать. Почему-то в виде цели движения вдруг возник домик тети в Геленджике.

И тут Кора поняла: все, что говорила эта женщина и о своей службе, и о гибели, — вранье чистой воды, и ей кажется, что где-то таится судья или следователь, ждет ее все эти годы и теперь вот скажет:

— А теперь, известная ялтинская воровка и шлюха Нинеля, последуйте в «черный воронок». Ждет вас Ванинский порт и борт парохода угрюмый.

Недоволен был лишь Журба.

Он сидел за столом, писал прошение на имя президента с просьбой обеспечить ему возвращение в славные времена государя императора и ялтинского градоначальника Думбадзе, а также вернуть имущественное состояние и ответственный пост по состоянию на 1907 год.

Инженер Всеволод уже был готов возвратиться в старую компанию. Кора попросила его подождать, пока она поговорит с Милодаром и примет человеческий облик.

Она как раз прошла сквозь саркофаг обратно и возвратилась в свое тело, когда появился комиссар.

Он был доволен, потирал ладони, между которыми проскакивали маленькие молнии.

— Война кончилась? — спросила Кора, снимая с себя пышную униформу.

— Разумеется, — ответил Милодар. — Что и следовало доказать. Мы с бабушкой провели неплохую операцию.

— А что они сделают с генералом Леем и генералом Граем? — спросила Кора.

— Откуда мне знать?

— Как? Их не посадили в тюрьму? Не расстреляли? Они же убийцы!

— Они государственные деятели, и не наше с тобой дело вмешиваться в их внутренние дела!

— Но они же вмешивались!

— Во-первых, они еще дикие. Во-вторых, они не успели натворить бед.

— Успели.

— Небольшой вред... — согласился Милодар.

— А Миша?

— А что Миша? Все в порядке! Миша в коме! Его выведут из нее завтра или послезавтра. В Москве. И есть надежда, что он почти полностью восстановится...

Милодар старался не глядеть Коре в глаза, и она поняла, что дела Миши не столь хороши, как то хочет показать комиссар.

— Тогда я рада одному, — сказала Кора.

— Чему?

— Что убила полковника Рай-Райи.

— Этого быть не может! — закричал Милодар. — Ты была голограммой. Ты не могла...

— Я его достаточно попугала. Я его... спровоцировала.

— А вот это — лишнее. Мой агент должен быть лишен всяких глупых чувств. Как учил один из моих давних предшественников: «У чекиста должны быть холодные руки и горячее сердце».

— Кто это был?

— Кажется, Савонарола, — неуверенно ответил Милодар.

— Это был Дзержинский, — ответила куда более образованная Кора. — И он имел в виду не руки, а голову. Го-ло-ву.

— Вот именно, — сразу согласился Милодар.

Он прошел по комнате, окинул внимательным взглядом ценителя фигуру Коры и сказал:

— Иди в душ, напяливай старую одежду и присоединяйся к своей отдыхающей компании. И до конца каникул забудь о том, что было.

— А после каникул?

— После каникул ты и на самом деле обо всем забудешь.

Когда Кора выходила из комнаты, она спросила Милодара:

— А что будет с ними? — имея в виду пленников.

— Вернее всего, останутся здесь. Ни одна машина времени не действует на полтора века, чтобы вернуть Журбу к его обязанностям. Ничего, пошлем его мелким начальником на отсталую планету. Будет доволен. Нинеля тоже найдет место... наверное, не на Земле, но найдет. С остальными просто.

— И с Гарбузом?

— Они с Калниным решили остаться здесь. Хоть генерал Лей и обещал Гарбузу золотые горы, тот понимает, насколько рискованна жизнь Джордано Бруно и при римском дворе.

* * *

Инженер Всеволод ждал Кору у выхода из виллы «Ксения». Он истомился.

— Мне каждая минута кажется вечностью, — сообщил он. — Мой ассистент должен привезти из Москвы сверхлегкие конструкции.

Они пошли пешком к морю, надеясь отыскать там отдыхающих.

— Ты знаешь, — сказала Кора, — комиссар говорит, что генералу Лею ничего не будет.

— Логично, — ответил Той, — нам в качестве соседа удобнее генерал пуганый, чем совсем уж невежественный.

Тут они увидели, что впереди небольшой кучкой идут их друзья.

— Эй! — закричала Кора. — Подождите! Нам вас не догнать!

Отдыхающие, видно, шли из кафе на море и не спешили.

— Господи! — закричала Вероника, бросаясь к Коре. — Как мне было плохо без тебя! Я не могу быть в одиночестве!

Притом она умудрялась не сводить выразительного взора с инженера Всеволода.

— Как в Ялте? — вежливо спросил охотник Грант.

Зеленая Кломдидиди прижалась к нему. Она смотрела на Кору ласково, и та поняла, что Кломдидиди рада ее возвращению.

Поэты Карик и Валик потребовали, чтобы все остановились и выслушали экспромт, который они сочиняли всю ночь в надежде на возвращение царицы бала.

— Конечно, вы у нас царица бала, — сообщил охотник Грант. — Глава стаи. Нам было грустно, что вас задержали в Ялте.

— Какая Ялта? — не могла понять Кора. Что они все несут? Они же видели, как она упала со скалы...

— Ксения Михайловна нам все объяснила, — сказал поэт Карик. — Как тебя кинуло порывом ветра в море, как тебя подобрал ее друг в свою шлюпку и отвез в Ялту, чтобы вылечить от шока. И спасибо вам за приветы и виноград, которые ты вчера прислала.

— Конечно же, спасибо, спасибо, спасибо! — откликнулись остальные.

— А я... — начал было инженер Всеволод. Потом махнул рукой и сказал: — Значит, мы были с тобой, Кора, в одной лодочке.

Тут он увидел впереди на дороге своего ассистента, который опирался на пук длинных металлических прутьев — основы завтрашнего махолета, — и громадными шагами умчался вперед, к разочарованию Вероники, которая только-только собралась на нем повиснуть.

...Заручившись обещанием Всеволода вскоре присоединиться к ним, все пошли купаться. Вода в тот день была теплой, море спокойным, а ветер умеренным.

ПОКУШЕНИЕ НА ТЕСЕЯ

У агента ИнтерГалактической полиции Коры Орват был двухлетний племянник. Кора обещала связать ему варежки. Для этого она еще в пятницу слетала в Боливию и купила там чудесной шерсти альпака. Альпака, как известно, одомашненный гибрид викуньи и гуанако.

В субботу с утра Кора собрала сумку, чтобы отправиться в родную деревню к бабушке Насте и там, в тишине, попивая парное молоко, связать эти варежки-лапушки.

Хотя в сумке лежало все, что может пригодиться в деревне в выходные дни, Кора вдруг вспомнила, что хотела перечитать «Записки» Марка Аврелия и освежить таким образом заржавевший от неупотребления латинский язык. Она перешла в гостиную, чтобы отыскать книгу.

И тут почувствовала, что в гостиной кто-то есть.

Странное присутствие.

Нечеловеческое. Чуждое, почти неощутимое.

Кора провела правой рукой по бедру и нахмурилась — она не взяла с собой бластера, когда собиралась к бабушке.

Бежать? Скрыться? Известными ей пещерами уходить за реку?

— Не спеши, Кора, — раздался глуховатый низкий голос комиссара Милодара.

Комиссар стоял посреди гостиной и деловито оглядывался.

— Где брала обивку на диван? — спросил он, так как знал о своих агентах все. В частности, помнил, что Кора только на той неделе закончила ремонт квартиры. Сам же Милодар намеревался жениться, хотя это было тайной.

— Присаживайтесь, шеф, — произнесла Кора. — В ногах правды нет.

— Спасибо, постою, — улыбнулся комиссар, и Кора поня-

ла, что к ней пожаловал не сам Милодар, а его голограмма — вот почему она так странно ощущала его появление в квартире!

Комиссар осторожно прислонился спиной к чучелу полосатого медведя, которого Кора в прошлом году голыми руками одолела на Цукарке.

— Кофе я вам не предлагаю, — сказала Кора.

— Не надо, тороплюсь, — ответил комиссар. — Я хотел вас пригласить на стадион.

— Не сходите с ума, шеф. Через десять минут я улетаю в деревню к бабушке Насте.

— С какой целью, если не секрет?

— Отдохнуть два дня на свежем воздухе и связать варежки моему племяннику Герасику.

— Чудесно, — откликнулся комиссар. Добрая улыбка тронула его лицо — морщинки побежали по загорелой коже от голубых глаз, крепкие белые зубы сверкнули под лучом полуденного солнца. Милодар убрал со лба седую прядь — другого седина бы старила, а комиссар казался еще мужественнее. — Чудесно, — повторил он. — Ни в какую деревню ты не поедешь. Мы с тобой идем на стадион «Уэмбли».

— Комиссар, сейчас не время шутить!

— Шутить всегда есть время, — парировал комиссар. — Мужчина сразу бы спросил, на какой матч идем. Тебя же это не интересует.

— Я не играю в футбол. Я не смотрю футбол, я не выношу футбол!

— Считай, что ты на службе и выполняешь особо важное задание!

— И не подумаю.

— Ты уволена из ИнтерГпола!

— Я давно мечтала уйти из вашей замшелой организации!

— Кора, я достал для твоей бабушки семена тыквы обыкновенной и морковки «Буратино». Помнишь, она просила?

— Комиссар, вы старый лицемер, хитрец и обманщик. Где семена?

— Сразу после матча.

— Что это за матч?

— Вот уже лучше, дружок, уже теплее!

— Говорите же!

— Россия — Аргентина, финал Кубка мира.

— Разве это сегодня?

— Ты далека от футбола, крошка.

— Не терплю такого обращения.

— Иного не заслужила. Агент ИнтерГпола обязан, понимаешь, обязан знать некоторые элементарные вещи. Например, сумму чисел два и два, число «пи», дату и исход матча Россия — Аргентина в финале Кубка мира. И кое-что еще...

— Семена с вами?

Голограмма похлопала себя по груди.

— Может, все же вы мне сообщите, зачем меня туда тащите? Наверное, кто-нибудь из юных сотрудников сектора мечтал бы очутиться на моем месте?

— Конечно.

— И билет на матч стоит немалых денег.

— Безусловно.

— Так скажете?

— Ни в коем случае.

— Почему?

— Потому что я намерен поручить тебе дело, специфика которого определяется исходом финального матча на Кубок мира по футболу.

— Я убью вас, комиссар, — сообщила Кора и, подняв с пола кочергу для камина, направилась к Милодару, чтобы привести угрозу в исполнение.

Он непроизвольно отступил, когда Кора замахнулась. Протянутая вперед лапа медвежьего чучела проткнула голограмму и высунулась из груди комиссара. Зрелище было кошмарное.

Кора бросила кочергу и заявила:

— Как жаль, что вы не настоящий, комиссар.

Милодар наконец-то заметил, что из его груди торчит медвежья лапа с растопыренными когтями, и шагнул вперед.

— На стадионе я буду самый настоящий. Таковы правила.

Милодар известен в организации тем, что всегда нарушает любые правила.

* * *

Вход на стадион «Уэмбли-2» располагается в районе станции метро «Спортивная». Туда ходят специальные составы от «Парка культуры», «Сокольников» и «Лубянки». Их подают заранее до начала матча, и на платформах уже толпится раз-

номастный народ — истинные футбольные болельщики. Но что творилось в тот, уже месяц ожидавшийся, день финала — трудно описать! Фантастически разбогатели продавцы свистков, козырьков от солнца или дождя, различных напитков и прочих мелочей.

Поезда с крупными надписями над передним стеклом «Стадион «Уэмбли» вылетали в ярко освещенный зал станции пустыми, полутемными, и в то мгновение, когда раздвигались их двери с простыми надписями: «Не прислоняться!», внутри загорались лампы, и толпы болельщиков, еще спокойных, еще мирных, вливались в вагоны, заполняя их до полного добродушного отказа. Вагоны в мгновение ока пропитывались сложным запахом табака, перегара, машинного масла, пота и ваксы, но тут поезд мягко брал с места и разгонялся, все быстрее мчась внутрь туннеля, и запахи вылетали через открытые сверху окна вагона и оставались в темноте перегона.

Болельщики, как бы проникаясь общим духом, пытались запевать песни своей молодости. Они вели себя так, будто старались соблюдать правила игры, которые Коре, прижатой толпой к Милодару, были неизвестны. Более того, ее, как опытного агента ИнтерГпола, смущало и почти пугало то, что Милодар впервые на ее памяти так близко появился рядом во плоти, — она ощущала его руки, грудь, частое дыхание, жесткий ус щекотал ей щеку.

— Мне и самому не по себе, — признался он шепотом, лаская губами ее ухо. — Наверное, мне пора жениться.

Самое время помечтать об этом!

Комиссар Милодар был завидной партией и давнишним женихом, на которого по правилам, а то и без правил охотилось несколько тысяч красавиц и дурнушек Галактики. Может быть, утверждали злые языки, он и придумал для себя правило безопасности: нигде и никогда не появляться во плоти, потому что боялся похищения. На некоторых планетах выращивают смелых и беспринципных девиц, готовых украсть и обесчестить понравившегося ей мужчину. Лишь узкий круг ответственных сотрудников ИнтерГпола и, может быть, самые близкие друзья знали, что Милодар был уже женат, но, к сожалению, под оболочкой прекрасной девушки скрывалось не очень привлекательное существо с одной дальней планеты, которое таким образом рассчитывало шан-

тажировать Милодара и проникнуть в наши секреты. Нет, не опасность для страны превратила комиссара в безнадежного холостяка, а искренняя любовь к оболочке врага, сделанной так искусно! Он любил ее до сих пор и до сих пор хранил объемные фотографии своей первой жены, хотя ее настоящие щупальца и жвалы давно уже гниют на одном отдаленном кладбище в поясе Астероидов.

Правда, недавно Милодар заинтересовался синхронным плаванием и не пропускал ни одного состязания, в котором участвовали близнецы Джульетта и Макбетта Жилины. Но кем из них он заинтересовался и кто из них подарил ему защипку для носа, оставалось тайной даже для Коры.

Поезд мчался к своей цели, не останавливаясь на некоторых станциях и действуя по своим законам, ибо у него была цель — привезти свою партию, свою тысячу болельщиков на «Уэмбли-2», — и никого не интересовало, каким способом он добьется своей цели.

Кто-то начал ритмично бить в ладоши. Та-та, та-та-там! И в вагоне подхватили; и даже Кора знала значение этих хлопков и топанья по полу, древний как мир клич: «Спартак» — чем-пи-он!»

Вагон раскачивался, болельщики топали и хлопали, разжигая себя. Милодар, воспользовавшись необычной ситуацией, гладил бедра Коры. К счастью, было так тесно, что ему приходилось заодно гладить бедра других болельщиков, за что в конце концов ему досталось от рыжего кривоносого соседа, который даже в этой тесноте умудрился врезать как следует в скулу комиссару и сказать наставительно:

— Мы здесь не по этой части.

— Уничтожь его! — прошипел комиссар. В ИнтерГполе есть закон: комиссары и суперкомиссары сами никогда не совершают насильственных действий. Они призывают агентов.

— А я с ним согласна, — сказала Кора. — Мы с ним здесь не по этой части.

— Ты какую такую часть имеешь в виду? — обиделся комиссар.

Но ответить Кора не успела, потому что поезд начал тормозить у перрона станции «Стадион «Уэмбли-2».

Далее толпа понесла их, приходилось лишь переставлять ноги, чтобы не упасть, а то затопчут и не заметят.

Эскалаторы в метро работали только на подъем, и то с трудом справлялись с людским потоком, но никто не роптал, люди даже получали некое удовольствие, предвкушая наслаждение от того, каково им будет в ближайшие два часа.

На улице стало сумрачно — погода изменилась за то время, пока они ехали в метро. Кора отметила этот факт и хотела поделиться им с комиссаром, но тут же забыла о нем.

От станции метро «Спортивная» к «Уэмбли-2» вела широкая асфальтированная дорога, которая проходила под насыпью железной дороги, и тогда перед восхищенными взорами болельщиков открывалась панорама великого стадиона.

Здесь идти было легче — не было такой тесноты.

— Милодар, расскажите мне хоть, что это за матч, — попросила Кора.

— Говори тише, — испугался Милодар. — Вдруг кто-то из болельщиков тебя услышит? Убьют.

— За что?

— За то, что ты занимаешь чужое место. Может быть, из-за тебя на стадион не смог попасть настоящий почитатель российской команды.

— Ну ладно, рассказывайте тихо, — согласилась Кора.

— Сегодня финал первенства мира по футболу две тысячи второго года.

— Какого года? — спросила Кора.

— Две тысячи второго, — ответил Милодар. Что-то шевельнулось в Коре, какое-то сомнение. Что это было?

— Рассказывайте дальше.

— Финальные игры проходят в Лондоне, на стадионе «Уэмбли», — продолжал комиссар, поводя рукой вокруг, и Кора кивнула — она знала, что они приближаются к стадиону «Уэмбли». И что она находится в Лондоне.

— Правда в Лондоне? — спросила Кора.

— Никто не думал, что российская команда дойдет до четвертьфинала. Ведь для этого она должна была вышибить команду Германии. А ты понимаешь!

— Понимаю.

— Мы победили в добавочное время, — сказал Милодар, — и вышли в полуфинал, где встретились с хозяевами турнира — англичанами. Продолжать или ты вспомнила?

— Продолжайте.

— В полуфинале у нас не было никаких шансов. На «Уэмбли» билеты продавались по тысяче фунтов стерлингов.

— А сегодня?

— Сегодня дешевле, — отмахнулся Милодар, которому не терпелось продолжить рассказ. — Матч начался без разведки. Уже на восьмой минуте Джонсон — эта черная торпеда — врезал головой мяч в нижний правый угол. Харитонов был бессилен что-либо сделать.

— Что-то знакомая фамилия, — заметила Кора.

— Еще бы! — отозвался шедший рядом грозного вида мужчина в панамке. — Второго такого вратаря нет в мире. Он же отбил пенальти Марадоны-Джуниора!

— Да погодите, не вмешивайтесь! — обозлился Милодар. — Кто рассказывает? Я или вы?

— Ты, старый, не сердись, — вмешался в разговор тощий кришнаит с грязной косичкой на затылке. — Каждому хочется поделиться. Надо любить людей.

— Не всех! — отрезал Милодар. — У меня, молодой человек, специальность: выяснить, кого следует любить, а кого надо наказывать.

— Вы ошибаетесь, — тихо, но с достоинством ответил кришнаит. — Даже у крокодила есть искренние друзья.

— Крокодилы не бывают преступниками, — возразил Милодар.

— Да вы будете слушать или так пойдем? — рассердился грозный мужчина. — Я хочу рассказать, как Харитонов играл за детскую спортивную школу.

И поскольку никто не знал, как Харитонов играл за детскую спортивную школу, то окружающие замолчали и стали внимательно слушать грозного мужчину, повествующего о болезненном мальчике, которому запрещали даже играть в шахматы, но который однажды убежал от няни, увидел, как тренируется вратарь Черчесов, и навсегда выбрал свой жизненный путь. Тайком от родителей он стал обливаться по утрам ледяной водой и часами висеть на дверном косяке, чтобы укрепить и удлинить мышцы рук.

За этой так и не оконченной историей они подошли ко входу на стадион, но судьбе было угодно, чтобы кришнаит оказался на два места левее Коры в том же ряду. Он помахал ей, как старой знакомой, и протянул сухую кунжутную лепешку. Кора с благодарностью приняла лепешку, хотя ко-

миссар предположил, что она отравленная. Подозрительность была сильной стороной его натуры. С ее помощью он вырывался из совершенно безвыходных ситуаций, так как заранее догадывался об опасности.

Облака закрывали солнце, день был нежарким, как бы специально созданным для ответственного футбольного матча.

Сидеть приходилось тесно — видно, билетов было продано намного больше, чем мест, но никто не жаловался на тесноту; наоборот, она вызывала у всех чувство особой духовной близости, ибо за исключением жалких групп на противоположных трибунах, размахивающих бело-голубыми аргентинскими флагами, остальной стадион был нашим, русским, единым и непобедимым.

На поле выбежал судья — мулат с Тринидада, о чем Коре сообщил сосед справа, состоящий из острых костей пенсионер с армейским биноклем, в кителе без погон, но с многочисленными планками наград.

Вообще проблема мулата с Тринидада, а также двух боковых судей оттуда же волновала наших болельщиков потому, что они могли найти общий язык с аргентинцами. Припугнет их Аргентина своим морским флотом — куда деваться Тринидаду? Поэтому на трибуне над левыми воротами скандировали:

— Три-ни-да-да нам не на-да!

Стражей порядка, включая солдат внутренних войск, вызванных из Тулы, эти крики беспокоили. Они оборачивались в ту сторону, и кое-кто сжимал кулаки, а в кулаках — дубинки.

Стадион зашумел — в правительственной ложе появился Президент, а также некоторые деятели ФИФА и премьер Аргентины — дама мрачной красоты.

Судьи вызвали команды на поле.

Они выбежали параллельными рядами: голубые с белым — аргентинцы и красно-белые — наши, российские.

Стадион неистовствовал, от крика и духоты Коре чуть не стало плохо. Сколько же людей погибнет сегодня от сердца и нервов? — подумала она. Ведь самой-то Коре лишь недавно исполнилось двадцать пять лет, а росту в ней было сто восемьдесят пять сантиметров при гармонично развитом теле, а также совершенной красоте лица. Кора уже прошла в своей жизни просто школу, затем юридический факультет Московского университета и Высшую школу ИнтерГпола, выиграла

первенство мира по прыжкам в высоту, вышла замуж, через год рассталась с мужем, пережила эту трагедию, побывала по работе на восемнадцати планетах, трижды меняла погибшее тело, сама убила четверых закоренелых преступников — в общем, была одним из самых ценных агентов ИнтерГалактической полиции.

А вот на стадионе «Уэмбли-2» чуть не упала в обморок.

Ворота бело-голубых были справа, ворота красно-белых — слева.

С первой же минуты наши кинулись в атаку.

Если для аргентинцев проигрыш в этом матче был всегонавсего национальной трагедией, после чего президентша лишалась места, кровавые генералы развязывали террор, футболисты скрывались в изгнании, а трудящиеся массы еще более нищали, то для нас, для России, поражение означало крушение национального престижа. Нам, русским, не нужны вторые места, которые нам все время предлагают. Мы берем или все, или ничего. Так сказал царь Иван Грозный, въезжая во взятый им город Казань верхом на белом коне, а полководец Жуков повторил эти слова, проходя в Берлин под Бранденбургскими воротами. Другими словами, «Тринидада нам не нада»!

Некоторые экономические проблемы вкупе с проблемами национальными и социальными были напрямую связаны с результатами этого матча. Его ждали не только в Москве и Туле, но и в Тбилиси, Улан-Удэ и еще в нескольких горячих точках. Именно этим можно объяснить тот факт, что лондонский стадион «Уэмбли» был на девяносто девять процентов заполнен русскими болельщиками.

Первый удар нанес Первухин.

Это сочетание вызвало на стадионе смех и аплодисменты. Но когда Первухин постарался нанести еще один удар из-за пределов вражеской штрафной площадки, то какой-то хулиганствующий аргентинский защитник нагло сбил его с ног. И вот тогда русских болельщиков охватила тревога, потому что судья с Тринидада, как и следовало ожидать, не назначил не только пенальти, но и банального штрафного удара.

Возмущенно закипевший стадион через некоторое время чуть смягчился, потому что нашим удалась неплохая атака, и лишь завершающий удар Железняка пришелся мимо цели.

Кора, которая не была активной поклонницей футбола,

оглядывалась, рассматривала публику и старалась понять, зачем комиссару Милодару понадобилось тратить время и государственные деньги на такое сомнительное развлечение. А так как за простодушными масками комиссара скрывался холодный и даже коварный ум вселенского интригана, Кора буквально вывихнула мозги, стараясь найти решение задачи, и в результате упустила момент, когда в наши ворота влетел глупый, нелепый, случайный и несправедливый мяч.

О несправедливости и случайности гола Кора узнала от Милодара, которого горячо поддержали соседи по трибуне, особенно сосед справа, локтистый старик с орденскими планками. Тот требовал повтора, чтобы все видели, что гол забит из положения вне игры, к тому же рукой. В бешенстве старик начал молотить кулачком Кору по плечу, и это было больно, но она понимала, что приходится терпеть, потому что ветеран не ведал, что творит.

С трибуны прозвучало несколько выстрелов — солдаты в бронежилетах кинулись по лестницам, чтобы поймать нарушителей порядка, матч на время прервали, и голос по стадиону объявил, что в случае еще хотя бы одного выстрела стадион «Уэмбли-2» деквалифицируется навсегда, а команде России засчитается поражение со счетом 0:3.

Стадион бушевал в бессильной ярости, как дикий зверь, попавший в капкан. Старик справа повторял как заведенный:

— Нет, вы подождите, вы подождите, я сюда вернусь! Только пулемет из дома принесу... А ну, пустите меня за пулеметом!

На этот крик ветерана восторженно отозвались некоторые из соседей, включая, к удивлению Коры, и самого комиссара Милодара, глаза которого сияли зловещим огнем справедливца. Все стали вставать, подвигаться, чтобы ветеран мог поскорее сбегать домой за пулеметом, а Коре повезло — теперь ее правым соседом стал очень мягкий, сонного вида молодой человек в наушниках и с таким отсутствующим выражением лица, словно он пришел не на стадион, а засыпает.

Угрозы лишить русскую команду причитающегося ей выигрыша возымели наконец действие. Виновные были вычислены, выведены со стадиона, и одного из помощников судьи, которого царапнуло пулей на излете, унесли на носилках и

вместо него выпустили запасного, к сожалению, тоже с Тринидада.

Матч продолжался.

Кришнаит протянул Коре еще одну лепешку, завернутую в листок бумаги с номером телефона и предложением встретиться для обсуждения духовных проблем. Милодар, заметив, что Кора читает листок, в мгновение ока выхватил его и сжевал. Кришнаит тихо плакал. На поле кипели страсти, потому что Марадона-Джуниор упал в нашей штрафной площадке и делал вид, что ему сломали ногу. Но кто мог сломать ему ногу, если рядом никого, кроме бело-голубых, и не было! Если кто и сломал ему ногу, то не иначе как аргентинский защитник Хуан Обермюллер, наверное, его дедушка был палачом Освенцима.

Стадион ревел, пытаясь издали доказать этим перекупленным тринидадцам, что Марадона-Джуниор сам сломал себе ногу, чтобы заработать пенальти, и даже сломал ее заранее, вчера или позавчера, под общим наркозом.

На беговую дорожку выехали три пожарные машины и начали угрожающе поводить рыльцами шлангов, как бы отыскивая жертвы.

Судья из Тринидада отправился к белой отметке, чтобы показать, откуда он назначает одиннадцатиметровый штрафной удар в наши многострадальные ворота. Марадону-Джуниора унесли, а весь стадион принялся выть, чтобы запугать тринидадского судью. Но, видно, заплатили ему в галактических кредитах, так что разжалобить судью никак не удавалось.

Христофор Кортес, по прозвищу Буэнос-Айрес, вышел к мячу и установил его, не обращая внимания на беспорядочные выстрелы с трибун. Отмахиваясь от пуль железной перчаткой, отошел на десять метров. Наш вратарь Харитонов покачивался, как пантера перед прыжком, и вместе с ним покачивался весь стадион. Даже Кора ощутила ужас перед тем, что сейчас произойдет.

Нарастая, как далекая лавина, и заполняя собой воздух, над стадионом возник и расширился глухой многотысячеглотковый свист.

Коре казалось, что этот свист придавит к траве, расплющит несчастного нападающего аргентинцев, вынужденного,

разбегаясь, тащить на себе этот непосильный многотонный груз.

Но тот, выдирая ноги из земли, отчаянно стремясь к мячу, все же добрался до него и ударил, как можно ударить по пудовой гире...

Мяч лениво покатился по траве, с трудом добрался до ворот, и там уже, как следует подпрыгнув, вратарь Харитонов накрыл его телом и замер, словно совершил немыслимый подвиг, прыгнув за мячом на высоту пятиэтажного дома.

Но как воспарил стадион! Как все кричали и веселились, пели и плясали, пили водку, припрятанную в карманах и за пазухой, распевали народные песни.

Удрученный нападающий побрел к центру поля, а наши, словно в них вселился дух войны и победы, ринулись к воротам противника.

Удар Желюбко пришелся в штангу, и она зазвенела, как мачта от попавшего в нее пиратского ядра, Кусюцкий врезал мячом во вратаря, и того пришлось унести с поля, поменяв на нового, молодого и, к счастью, необстрелянного.

Штурм ворот аргентинской команды неизбежно закончился бы голом, если бы не очередная случайность. В то время как защитники аргентинцев бестолково отбивали мяч куда угодно, только подальше от своей штрафной площадки, один из таких случайных ударов послал мяч в ноги Хуана Обермюллера, и этот аргентинец немецкого происхождения совершенно случайно оказался в центре поля в полном одиночестве с мячом в ногах.

Несколько секунд Хуан стоял на месте и раздумывал: послать ли мяч на трибуну или вернуть своему вратарю. Тренер аргентинцев махал ему от кромки поля, внушая дьявольские планы, и внушение достигло цели. Словно нехотя и даже не спеша Хуан побежал к нашим воротам, а наши нападающие, напрасно прождав от него паса или аута, погнались следом. Но опоздали. Так что Хуан встретился с неосмотрительно выбежавшим из ворот Харитоновым, обогнал его и побежал дальше к воротам. Харитонов бежал за Хуаном Обермюллером, требуя, чтобы тот остановился и перестал хулиганить, наши нападающие и защитники бежали за Харитоновым и клеймили его последними словами, судья тоже бежал за всеми...

Некоторые из болельщиков, что сидели в первых рядах, поняли, чем это безобразие может кончиться, и стали выбираться на беговую дорожку, но тоже не успевали. Снайперы, которые могли бы подстрелить Хуана, к сожалению, истратили боеприпасы раньше, лишь один фоторепортер успел выскочить на поле и упал на пути аргентинца. Но аргентинец, к сожалению, не обратил внимания на этот подвиг и, вкатив мяч в ворота, сам упал туда следом.

— Ну, где же ветераны?! — кричал Милодар. — Где ветераны с пулеметами?

Ветеранов не было. Продажный судья засчитал гол, а герой-фоторепортер поднялся, вытащил мячик из сетки и убежал с ним, давая этим понять, что никакого гола и не было, потому что и мячика не было.

Кришнаит протянул Коре кунжутную лепешку, и Кора заподозрила, что он втайне болеет за аргентинцев. Сосед с другой стороны, в наушниках, сидел, закрыв глаза, и блаженно улыбался. Это был странный человек.

Когда после пятиминутной задержки, в ходе которой солдаты отбивали у болельщиков то, что когда-то было нападающим Хуаном Обермюллером, и уносили в госпиталь, игра возобновилась. На табло горели цифры 2:0 в пользу Аргентины.

До конца первого тайма оставалось несколько минут, и стадион угрюмо шумел, не в силах придумать, чем бы взять этих аргентинцев.

И вдруг откуда-то издалека донесся крик:

— Плюш-кин... Плюш-кин... Плюш-кин...

— Плюш-кин! ПЛЮШ-КИН!

Стадион скандировал это слово, как будто кричал: «Ура!»

— Что это? — спросила Кора у толстого соседа.

Тот не услышал.

— Кто это? — спросила Кора у Милодара.

— Ах, отстань, — ответил комиссар. — Ничего не выйдет!

Тут прозвучал свисток судьи, и команды, провожаемые воем и ревом публики, спрятались в подземных туннелях зализывать раны и планировать новые атаки.

— Пойдем в буфет, — предложил Коре комиссар. Она сначала хотела отказаться — такое состояние ста тысяч человек ее удручало и вызывало дурноту, но Милодару почему-то нужно было, чтобы Кора испытала полный набор мужских удовольствий. Так что Кора, чтобы не спорить с начальством, пошла с ним под трибуны, где было шумно, накурено,

воняло перегаром, валялись банки из-под пива и бутылки из-под «Смирновской» водки, где мрачно шумели рассерженные болельщики, словно пчелиный рой, готовый кинуться на прохожего, который случайно задавил его матку.

Коре показались невкусными и пресными бутерброды, которые добыл для нее Милодар, и пиво, принесенное кришнаитом, который на правах старого знакомого увязался за ними.

— Кто такой Плюшкин? — спросила Кора, чтобы поддержать светскую беседу.

— Ничего не выйдет, — сказал кришнаит и сунул Коре в карман листок со своим телефоном.

Но комиссара такие дешевые трюки не смущали, он вытащил листок из кармана и проглотил его, не разжевывая.

— Плюшкин, — сказал он, — выведен из состава команды еще до начала первенства мира. И за дело.

— За какое? — осторожно спросила Кора.

— Это был неплохой нападающий...

— Отличный нападающий, — добавил кришнаит.

— Но он нарушил режим, — сказал Милодар.

— Вообще-то все нарушают режим. — Кришнаит вытащил из кармана блокнот и написал на листке свой телефон. — Но тут дело было в принципе.

— Вот именно что в принципе, — согласился Милодар и отнял блокнот у кришнаита. — Плюшкин набрал лишний вес.

— Ну и что? — не поняла Кора.

— Ему было сказано — не набирай лишний вес. А он набрал.

— И что же в том криминального?

— Даже президент издал указ, чтобы Плюшкин сбросил лишний вес.

— А он не сбросил, — сказал кришнаит. Писать ему было больше не на чем, и он показывал номер на пальцах. — Он добавлял еще и еще.

— И стал плохо играть в футбол?

— Никто не знает, — ответил Милодар. — Он же не был допущен.

— Но почему?

— Потому что это было сделано по аморальной причине, — сказал кришнаит. — Он плотски влюбился в одну женщину. А та сказала ему, что хочет, чтобы он стал толстым и красивым. Несмотря на то что руководство команды и государства требовало от Плюшкина спортивной формы и подтянутой фигуры, он начал бессовестно жрать, нарушать режим...

— А она? — спросила Кора.

— Кто она? — не поняли мужчины.

— Женщина. Она полюбила его?

— Об этом ничего не известно, — сухо ответил Милодар, словно Кора допустила бестактность.

— Нет, — печально сказал кришнаит. — Она заявила, что толщина портит мужчину. Она не может любить человека, который ради развращающей женской любви мог пойти на нарушение спортивного режима, на предательство интересов команды и спорта в целом. Она ушла от него к председателю акционерного общества «Большой честный спорт».

— А он? — спросила Кора, пожалев футболиста.

— А он, говорят, играет в дворовой команде.

— За этим скрывались большие интересы монополий, — заметил Милодар, — молодому человеку они непонятны.

— И не хочу понимать, — ответил с достоинством кришнаит. — Я сторонник духовной любви, чистой от плотских утех. Вы меня понимаете? — Он обратил страстный и двусмысленный взор на Кору, будто предлагал ей не верить его словам.

Тут по переходам и подземным помещениям разнеслись звонки и свистки, и зрители, доедая бутерброды и допивая пиво, поспешили обратно на трибуны.

Второй тайм начался бурными атаками российской команды. Казалось, гол назревал, он, как говорят комментаторы, витал в воздухе. Но никак не мог довитать до ворот противника. Аргентинцы (их число поубавилось, так как уже трех или четырех игроков вывели из строя наши защитники, а резерв замен аргентинцы уже исчерпали) продолжали нагло обороняться, а их вратарь брал мячи, что неслись в дальние от него углы. По трибунам, как электрический разряд, пронесся слух о том, что президент обещал автору каждого русского гола по «Мерседесу-Лада», но это лишь прибавило суматохи на поле и шума на трибунах.

А когда вовсе неудавшийся ростом и неприятный на вид, почти чернокожий Каравелло, таща на плечах и спине четы-

рех наших славных защитников, умудрился забить нам третий мяч, а подлые тринидадцы его посмели засчитать, тяжелая тишина овладела стадионом. Медленно поднялся и направился к выходу президент России, потянулись к другим выходам наиболее неуверенные в себе и слабонервные зрители.

Но основная масса болельщиков будто проснулась, будто очнулась от шока и начала скандировать все громче и увереннее:

— Плюш-кин! Плюш-кин! Плюш-кин!

По стадиону, перекрывая гул голосов, разнесся механический голос из мощных динамиков:

— Уважаемые гости стадиона «Уэмбли»! Сообщаем вам, что нападающий Плюшкин дисквалифицирован Федерацией за нарушение режима и антипатриотическое поведение.

— Плюш-кин! Плюш-кин!

Игра остановилась. Все наши футболисты, не глядя на мяч, присоединились к реву толпы:

— Плюш-кин! Плюш-кин!

Аргентинцы, как настоящие спортсмены, к тому же уверенные в своей победе, также остановились и стали кричать:

— Плющ-кин! Плющь-кин!

Даже проклятые тринидадские судьи, поддавшись народному мнению, кричали:

— Плю-ши-ки! Плю-ши-ки!

— Нет, — произнес тогда сосед Коры справа, стягивая с головы наушники. — Когда меня гнали из команды, так никто и слова в мою защиту не сказал.

Он снял темные очки и положил их в верхний карман пиджака.

— А теперь им, видите ли, понадобились мои ноги? Разве я не прав?

— Вы совершенно правы, Плюшкин, — ответила Кора симпатичному толстяку. — И мне очень грустно, что ваша преданность, верность и честность не нашли должной оценки. Но если вы свободны завтра вечером, я могу пригласить вас поужинать со мной.

Милодар так громко заскрипел зубами, что многие подумали, что падает осветительная вышка. Кришнаит тоже услышал и зарыдал.

— Спасибо, дорогая девушка, — сказал футболист, — но, к

сожалению, я до сих пор верен этой паршивой суке, то есть Тамарке. Но как вы думаете, стоит ли мне идти на поле?

Тут вновь включились динамики. На этот раз в них звучал женский грубоватый голос:

— Слушай, Слава Плюшкин, говорит Тамара. Я тебе все простила. Если ты выйдешь на поле, то я вернусь к тебе.

— У-у-у-у! — зарычал стадион.

Рычал он со сложными, смешанными чувствами. С одной стороны, он презирал Тамарку, которая предала такого героя, с другой — надеялся на то, что призыв возымеет свое действие.

— Обманет, — сказал Милодар. — Я слышу рядом с ней мужское дыхание.

— Знаю, — печально ответил Плюшкин. — Но не могу сопротивляться.

Он поднялся, и в первое мгновение никто на стадионе не узнал его.

Прежде чем пойти вниз, Плюшкин прошептал Коре:

— Я уже сбросил шесть килограмм.

Он пожал ей руку своей сильной мягкой рукой и пошел не спеша вниз, на футбольное поле.

А навстречу ему уже бежали костюмеры и ассистенты с российской формой.

Стадион узнал своего бывшего кумира. Болельщики выли, как волки в лесу. Аргентинцы растерялись и уже пожалели о своих рыцарских словах и жестах. Они побежали к тринидадскому судье, показывая на часы и торопя его продолжить встречу. А тем временем руководство аргентинцев уже толпилось у ложи комиссара, доказывая, что Плюшкин на игру не заявлен. Неизвестно, как дальше проходили переговоры, но через минуту Плюшкин, переваливаясь, выкатился на поле.

И стадион, который был готов почти к любому исходу, замер от ужаса. Ведь у многих дома висели фотографии Плюшкина, но никто не подозревал, что человек может так растолстеть. Казалось, Славе не пробежать и трех шагов.

Болельщики начали свистеть, обреченно и даже не очень громко.

Судья как бы в ответ прикоснулся к своему свистку.

Если верить часам, то до конца матча оставалось меньше получаса.

Делать нечего — свисти не свисти, все замены сделаны.

И игра продолжалась при вспышках хохота с трибун, когда круглый и неуклюжий Плюшкин никак не мог подпрыгнуть или дотянуться до мяча. И чем больше хохотал стадион, тем злее становился бывший нападающий. Кора это чувствовала лучше всех на стадионе, потому что ей очень понравился этот человек, способный на такие жертвы ради любви.

И она смогла уловить полусекундную паузу в стадионном шуме и крикнула ему громко, но на такой ноте, которая достигла ушей форварда:

— Слава, я тебя понимаю!

Слава замер и посмотрел вверх. Его заплывшие глазки отыскали на трибуне Кору. Он поднял толстую руку, улыбнулся — может, именно такой, дружеской, искренней поддержки ему и не хватало.

Как раз в этот момент к нему приближался стройный, как тополь, и нахальный, как русский банкир, Хуан Обермюллер, который явно решил забить четвертый мяч в русские ворота и доказать всему миру, что настоящего футбола в этой стране не знают.

Толстяк Плюшкин не казался ему достойным соперником, тем более что Хуан, как и любой другой футболист, знал о трагической истории своего русского коллеги и скорее сочувствовал ему. Но сочувствие в спорте остается за оградой стадиона. Спорт не знает снисхождения.

Но не тут-то было! Ловким движением корпуса Плюшкин отрезал Хуана от мяча, и тот не успел сообразить, в чем дело, как оказалось, что он продолжает бежать к нашим воротам уже без мяча, а мяч, словно приклеенный к ноге Плюшкина, мчится к другим воротам.

Аргентинцам пришлось мобилизовать всю защиту, чтобы в конце концов свалить Плюшкина с ног у самой своей штрафной площадки, и, может быть, ситуация разрядилась бы иначе, если бы кто-нибудь из русских игроков догадался о том, что происходит, и пришел на помощь Плюшкину, хотя бы для того, чтобы получить от него пас. Но никто не пришел.

Зато когда надо было бить штрафной, прибежали все и забыли о Плюшкине, который, конечно же, хотел сам ударить по мячу. Но, незамеченный, он не спеша потрусил к своим воротам, в которых стоял вратарь, — все остальные забивали аргентинцам гол.

Но не забили.

Стенку из восьми игроков Железняк пробить не сумел, зато Каравелло тут же подхватил мяч и помчался к нашим воротам.

А там не было никаких преград.

Только неповоротливый Плюшкин, которого нетрудно обыграть любому. По необычной тишине на стадионе Плюшкин догадался, что дело неладно, и, обернувшись, увидел, что мимо него, метрах в десяти, несется Каравелло.

Какой бес вселился в Плюшкина — не знал никто, кроме Коры.

Он в три прыжка догнал Каравеллу и в подкате отправил мяч на трибуну.

Стадион грянул аплодисментами.

Аплодисменты не понравились товарищам Плюшкина по команде. Так что, когда Хохрянский кидал с аута, он нацелился Плюшкину в лицо. Но Плюшкин сделал вид, что так и надо, чуть отклонился, принял мяч на голову и, подбрасывая его, побежал к воротам аргентинцев, причем остановить его было невозможно и засудить тоже — никому не запрещено пронести мяч к воротам противника на голове.

Уже в штрафной Слава подбросил мяч себе под левую ногу и заколотил мяч под перекладину.

Конечно же, не только стадион бушевал. Товарищи по команде стали обнимать и целовать Плюшкина, исщипали его и исколотили при этом, но Слава не обидчивый. Ему главное — сделать дело.

Президент вернулся в правительственную ложу.

«Мерседес-Ладу» выкатили на беговую дорожку.

А время шло.

Товарищи по команде плохо снабжали Плюшкина мячами. Предпочитали забить сами, хотя это у них не получалось. И вот уже весь стадион кричал:

— Отдай Плюшкину, мазила!

Неприятно быть мазилой, но тут к кромке поля выбежали тренер и председатель Федерации и стали приказывать игрокам играть на Плюшкина, иначе все зарубежные контракты будут аннулированы, а московские квартиры экспроприированы.

Тогда футболисты зашевелились.

Они стали нехотя и не очень точно пасовать Плюшкину, но тот бегал как заведенный и совершал чудеса.

Стадион сходил с ума от радости и надежды.

За шесть минут до конца матча Плюшкин забил второй мяч. Счет стал 3:2 в пользу Аргентины.

Плюшкина старались свалить и покалечить все защитники Аргентины. Но как его свалишь, если он круглый?.. Покатится — и опять на ногах...

Кора обратила внимание, что ее новый друг меняется на глазах.

Многие на трибунах тоже заметили это. Видно, жир был на нем наносный, нетвердый.

И когда за две минуты до конца матча Плюшкин забил свой третий гол, то футболист был уже втрое тоньше, чем в начале тайма.

А на самых последних секундах, когда тринидадский судья тянул к губам свисток, но не спешил, потому что ему же не хотелось бегать по стадиону все дополнительное время, Плюшкина все же завалили в штрафной площадке. И с облегчением тринидадский судья назначил пенальти, но реализовал его не Плюшкин, а Железняк. Железняку Плюшкин и подарил один из трех своих новых «Мерседесов», так как у спонсоров четвертой машины не нашлось.

Стадион ликовал, и многие рыдали.

Множество людей выбежали на поле, чтобы качать игроков.

Но большинство футболистов успели убежать, и тогда стали качать тринидадских судей.

Плюшкин тоже убежал, потому что люди путали, не могли понять — он еще толстый или уже худой?

В темных очках и старом костюме он поднялся на трибуну, где Милодар и Кора ждали, пока схлынет толпа, чтобы спокойно выйти со стадиона.

— Я принимаю ваше приглашение, — просто сказал он Коре.

— Ни в коем случае! — закричал Милодар. — Завтра Кора будет в другом конце Галактики.

— Я дождусь, — сказал футболист.

— Нет, — возразила Кора. — Не надо таких сложностей. Что вы делаете сегодня вечером?

— Только не это! — закричал Милодар.

— Только не это! — закричал кришнаит.

— Это выход! — обрадовался футболист.

— Это невозможно! — Милодар был непреклонен.

— Возможно! — ответила Кора.

— Ты поймешь это через десять минут, — сказал комиссар.

— Если пойму, то попрошу прощения, — вежливо ответила Кора, а футболисту сказала: — В семь возле входа в Дом кино на Васильевской. Там, где написано: «Ресторан».

— Идем, идем, — Милодар потянул Кору за руку. — Нас уже ждут.

Кора протянула руку Плюшкину, и тот нежно пожал ее. Ладонь и пальцы спортсмена были такими же теплыми и сильными, но потеряли мягкость.

* * *

Вместе с веселящейся, шумной толпой они вышли со стадиона и в бурном потоке радостных людей влились в метро.

Вскоре подошел поезд метро. На нем было написано: «Финал — Центр».

Поезд понесся без остановок. В нем было тесно, но весело. И Кора не чуралась громких разговоров и песен, потому что чувствовала себя причастной к исторической победе отечественного спорта.

Еще через несколько минут поезд затормозил у станции «Лубянка» и выплеснул на платформу пассажиров.

Люди умолкали и медленно расходились в разные стороны.

Что-то странное происходило с Корой.

— Милодар, — спросила она. — Где мы были?

— На стадионе «Уэмбли», на финальном первенстве мира по футболу между Россией и Аргентиной.

— На стадионе «Уэмбли» в Лондоне, — сказала Кора.

Комиссар снисходительно усмехнулся.

— Стадион «Уэмбли» находится в Лондоне, — подтвердил кришнаит. — До встречи. — Он растворился в толпе.

— Милодар, объясни мне, что произошло?

— Ничего особенного. Мы были с тобой на стадионе...

— Стой! Я вспомнила! Этот матч состоялся в две тысячи втором году. В Лондоне. Но ведь сегодня...

— Да, немало лет прошло.

— Но ведь мы с тобой были на стадионе!

Они поднялись наружу и уселись на лавочке в сквере на площади Лубянка, чтобы выкурить по сигарете. Вообще-то Кора не курила, но сейчас она была взволнована.

— Это была виртуальная реальность, ВР. Слыхала об этом?

— Конечно же, читала.

— Но сама не испытывала?

— Нет.

— А я тебе показал, что это такое. Потому что тебе придется работать в ВР.

— То есть все это нам казалось?

— Неужели у тебя ощущение галлюцинации?

— Ни в коем случае. — И Кора вытащила из кармана куртки сразу две кунжутные лепешки.

— То же самое было со всеми зрителями.

— Но они же знали, что это спектакль?

— Виртуальная реальность создается гигантскими по мощи компьютерами, которые переносят человека в нужную ему реальность, и эта реальность совершенно очевидна и индивидуальна.

— Но я могу поклясться, что никто на стадионе не знал, чем кончится матч, хотя они обязаны были это знать.

— Иначе незачем брать за билет месячную зарплату профессора. Но в тот момент, когда специальный поезд-транслятор подходит к перрону метро, люди переключаются из своей действительности в виртуальную.

— И забывают, где находятся?

— Они знали лишь, что идут на грандиозный футбол.

— Но почему никто не разочаровался?

— Зачем? Они получили, что хотели.

— Сколько же человек на самом деле в этом участвовало?

— Глупенькая, все зрители на стадионе были настоящими. Этот сюжет виртуальной реальности настолько популярен в России, что раз в месяц болельщиками полностью наполняют стадион в Лужниках.

— То есть они знают, что идут в Лужники, и думают, что идут на «Уэмбли».

— Видишь, уже сложность! И не первая, и не последняя.

— А толстый Плюшкин?

— Он умер от старости полвека назад.

— Значит, матчи проходят по-разному?

— Общий результат четыре — три в пользу России остается без изменений. Но в пределах этого счета возможны варианты.

— Но ведь я переживала, меня толкали, я пила пиво, слышала шум, я там была!

— Конечно же, ты там была.

— И еще сто тысяч человек?

— И еще сто тысяч.

— И президент?

— Какое-то число людей — миражи, голограммы. Это футболисты, судьи, президент.

— Значит, ты хочешь сказать, что сто тысяч человек могут купить билет на матч, который состоялся сто лет назад, забыть по дороге туда, в каком году они живут, провести два часа в неведении о конечном результате матча и вспомнить обо всем лишь по дороге домой?

— Вот именно, умничка!

— А вы сами все знали?

— Я не был закодирован. Я же находился на работе.

— А почему меня одурачили?

— Потому что я хотел показать тебе убедительность виртуальной реальности, создаваемой компьютером.

— Одурачить сто тысяч человек!

— Не одурачить, а показать им суперзрелище! Ты же знаешь, что есть люди, которые ходят на этот матч каждый месяц, — и таких тысячи. Это их главное развлечение в жизни.

— Гнусный наркотик!

— Почему? Человек получает заряд хорошего настроения на весь месяц вперед. Это как любовь. Пока ты целуешься, зуб не болит. К наркотику привыкают, а виртуальная реальность — как хорошая книга, как фильм. Полюбил его — смотри снова. Не удалось посмотреть — тоже не беда.

— В кино ты сидишь в зале и не участвуешь в действии.

— В хорошем — участвуешь. Ты можешь поставить себя на место героя.

— Но тебя не могут побить.

— С виртуального стадиона ты тоже вернешься живым. Фирма гарантирует.

— Значит, участие кажущееся?

— Нет, участие настоящее.

Пальцы Коры нащупали в кармане куртки что-то мягкое.

Она вытащила кунжутную лепешку, ту, что получила на стадионе от кришнаита.

— Наверное, я зря провожу жизнь в метаниях по Галактике, — произнесла Кора. — Рискую жизнью, даже иногда погибаю, сама убиваю людей. Зачем? Можно пойти на стадион...

— Ты бы сбежала с этого стадиона, как только догадалась, что он игрушка, перец в пресной жизни. Твой стадион не для зрителей, а для истинных спортсменов.

— Не утешайте меня, комиссар, — запротестовала Кора. Она уже поняла, что ей не суждено провести выходные в родной деревне.

У выхода из старой подземки их ждал серый с синей полосой служебный флаер ИнтерГпола, вызванный Милодаром по интуитивной связи...

Пришлось перебежать к нему, прикрываясь футбольными программками. На улице моросил тоскливый осенний дождик.

Комиссар достал из кармана два скромных белых пакетика.

— Здесь семена для твоей бабушки. Все-таки сдержал обещание!

Через шесть минут флаер примчал их в санаторий «Узкое», раскинувшийся за Палеонтологическим музеем на окраине Москвы. Там, под одним из прудов, находилась тайная база московского сектора ИнтерГпола.

Спустившись по бетонной трубе и миновав стальные двери, они оказались в белом коридоре. Потолок кое-где протекал. Стены давно пора бы покрасить. Но Кора не стала говорить об этом комиссару. Она все еще ломала себе голову, зачем он ее сюда пригласил.

Они вошли в кабинет комиссара.

Ничто не указывало на то, что он находится под прудом в запущенном парке, если не считать таза в углу, в который капало с потолка. Мягкие ковры и низкие кресла придавали кабинету восточный экзотический уют.

— Присаживайся, Кора, — произнес комиссар, — чувствуй себя как дома.

Это был опасный знак. Комиссар никогда не добрел перед своими агентами, если им не угрожала смертельная опасность.

— Что будешь пить? Виски с содовой? Или джин с тоником?

— Вы же знаете, что я пью только водку «Абсолют», — ответила Кора, которая старалась держать себя в руках и не показать страха, охватившего ее. Задание обещало быть смертельно опасным.

— Сейчас ты увидишь испуганную, убитую горем женщину. Ты должна проникнуться сочувствием к ее горю, — сказал Милодар, протягивая Коре высокий бокал. До половины он был наполнен колотым льдом и ломтиками лимона, поверх покачивался небольшой, но глубокий бассейн водки.

— Должна?

— Я не заставляю тебя притворяться. Ее горе искренне и глубоко. А мы обязаны ему помочь.

— В чем заключается ее горе? — осторожно спросила Кора. Она знала, насколько активно ИнтерГпол был погружен в большую галактическую политику.

— Она боится потерять своего единственного племянника. Его могут убить.

— Мы должны спасти его?

— Вот именно.

— Почему?

Милодар поставил своей бокал на край стола и начал загибать пальцы.

— Во-первых, мы гуманисты. И любая человеческая жизнь для нас — истинная драгоценность.

— Комиссар, мы не на парламентских слушаниях.

— Не старайтесь показаться циничнее, чем вы есть на самом деле, агент Орват.

— Быть циничнее, чем я, невозможно, — откликнулась Кора, отпивая из бокала. Конечно, это была водка среднего класса, никак не «Абсолют», но она другого от Милодара и не ждала.

Комиссар удрученно вздохнул и продолжал загибать пальцы.

— Во-вторых, — продолжал он, загнув второй палец, — смерть молодого человека нанесет смертельный удар по корпорации «ВР», акции которой наполовину принадлежат правительству Земли, и на них содержатся детские сады...

— Приюты для инвалидов, матерей-одиночек и бывших футболистов, — добавила Кора. И произнесенное ею самой слово заставило энергично заработать ее мозг. — Корпора-

ция «ВР»... Значит, вы не случайно меня сегодня повели на стадион.

— Я ничего не делаю случайно.

— Этот молодой человек погибнет на стадионе?

— Все сложнее. И если ты дашь мне возможность договорить, то узнаешь немало любопытного.

— Я внимательно слушаю.

— Оторвавшись от нашей мирной жизни, ты, наверное, и не представляешь, насколько глубоко вошла в нее виртуальная реальность. Стадион, на котором ты была сегодня, — это как бы вершина айсберга, очевидная для всех и всем известная. Мы все ходим смотреть сказку о Великой победе... Но основные доходы «ВР», а соответственно нашей с тобой родной планеты, не от этих примитивных массовых зрелищ.

— А от чего же?

— От невероятно дорогих и тщательно подготовленных индивидуальных круизов.

— Это еще что такое?

— Дальнейшее развитие компьютерной игры. Ты становишься ее безусловным участником. Ты не руководишь действиями других персонажей, а попадаешь в заданные условия. В них живешь, из них возвращаешься в действительность с синяками, шишками и жизненным опытом. Но обязательно возвращаешься, и обязательно живым. Так что... — Милодар загнул третий палец. — Спасение самой идеи зависит от нас с тобой. Если кто-то погибнет во время виртуального путешествия, это значит, что сама виртуальность порочна.

Кора допила водку, покатала языком во рту кусок льда, протянула бокал обратно. Чтобы взять его, Милодару пришлось разогнуть пальцы.

— Пожалуйста, не жалейте на меня слов, шеф, — попросила Кора. — Ведь вам хочется, чтобы я чего-нибудь поняла?

— Ты права, черт возьми, — согласился комиссар. — Специально для тебя, темной женщины, объясняю, что в индивидуальном туре ты можешь заказать себе любую сказочную или, скажем, историческую роль. Ты можешь стать Жанной д'Арк...

— И кончить свою жизнь на костре девственницей?

— Тебе что больше нравится? «На костре» или «девственницей»?

— Все плохо.

— В последний момент тебя вытащат из костра, для этого и существует наша служба спасения и страховки.

— Значит, я могу стать Мессалиной?

— Это кто, проститутка?

— Или мадам Помпадур?

— Наверняка проститутка! Любовница Д'Артаньяна. Я читал. Что у тебя за направленность фантазии?

— Но ведь это фантазии. А в жизни я — типичная Жанна д'Арк.

— Да? — Милодар смутился. Он не знал, спорить или согласиться.

— Продолжайте, комиссар. Только короче. Что же произошло?

— Один молодой человек заказал путешествие в Древнюю Грецию.

— К Сократу захотелось? — Нет, водка вовсе не такая плохая. Может, и не «Абсолют», но «Столичная» как минимум.

— Не совсем. Захотелось прожить жизнь Тесея.

— Тесея? Что-то знакомое. Это не он бегал по лабиринтам и придумал бой быков?

— Ты почти права, хотя твое образование оставляет желать лучшего.

— Я взяла за правило не быть образованнее собственного начальства, — отпарировала Кора.

— Тогда я тебе помогу. Тесей — один из сказочных древнегреческих героев. Нечто среднее между Гераклом и Периклом. Тебе что-нибудь говорят эти имена?

Кора протянула комиссару бокал, и тот отправился наполнять его вновь, но по его спине было видно, что он ждет ответа.

— Геркулес — это каша, — сказала Кора. — А Перикл — что-то связанное с расстройством желудка.

Господи, думала она между тем, как это романтично. Интересно, сколько стоит такое путешествие? Как жаль, что она никогда ничего не откладывала с зарплаты или премиальных, а то бы купила себе жизнь Афродиты или Елены Прекрасной. Пускай бы за ней побегали Одиссеи и Телемахи. Геркулес — это грубо, он все время кого-нибудь нечаянно убивал...

— Ладно, все равно тебе придется прочесть книжку о Древней Греции...

— Зачем? — удивилась Кора.

— Как зачем? Я тебе уже второй час пытаюсь сказать, что ты должна отправиться в мифологическую Древнюю Грецию, чтобы отыскать там Тесея.

— Комиссар, вы мне говорили что угодно, только не это!

Кора выхватила у комиссара бокал и выпила его залпом.

— Я волнуюсь, — сказала Кора.

В стене загорелся квадрат — на нем возникло миловидное лицо секретарши Милодара, Прасковьи Харловой, несчастной женщины, как рассказывают, спасенной когда-то Милодаром от приспешников Пугачева.

— Милостивый государь, — пропела секретарша, — к вам пришла госпожа Н.

— Введите, — приказал Милодар.

Дверь открылась. В нее осторожно впорхнула окутанная розовым пухом средних лет женщина с небольшой бриллиантовой диадемой в лиловых волосах.

— Проходите, ваше высочество, — сказал Милодар, поклонившись.

За пять лет работы в ИнтерГполе Кора не видела, чтобы Милодар кому-нибудь поклонился.

— Познакомьтесь, герцогиня, — продолжал Милодар. — Это Кора Орват, о которой я вам имел честь рассказывать. Агент номер три. Что означает третий по качеству агент в нашей конторе.

Женщина улыбнулась печальной царственной улыбкой и протянула Коре руку в белой перчатке — рука двинулась к ней куда выше, чем нужно для рукопожатия, как бы предназначая себя для поцелуя, но Кора, будучи принципиальной демократкой, воспользовалась преимуществом в росте и осторожно пожала лапку ее высочества.

— Но почему для меня у вас только третий агент, комиссар? — спросила посетительница еле слышным нежным, даже робким голосом. — Где же те два, которые лучше?

«Ах ты, коварная, — подумала Кора. — Тебе не меньше пятидесяти, но одеваешься ты как собственная внучка».

— Агент номер один пропал без вести в одном из кратеров Венеры. Его ищут... ищут уже шесть лет. Агент номер два неделю как вышел в отставку.

— Пускай его вызовут из отставки!

— К сожалению, он вряд ли согласится. Он мечтал об отставке последние сто тридцать лет.

Тогда ее высочество замолчала, прошла к самому большому из кресел и уселась с достоинством истинной герцогини.

— Девушка в курсе дела? — спросила она.

— В самых общих чертах, — ответил Милодар, виляя хвостиком. Коре даже захотелось встать, зайти к нему с тыла и поглядеть, не высовывается ли хвостик наружу.

— Она мне кажется слишком громоздкой, — заявила дама.

— В виртуальной реальности ваш Густав может сделать себя настоящим Тесеем, то есть почти гигантом.

— Ах, как это глупо! — воскликнула дама и покраснела, смущенная какими-то собственными мыслями. Когда-то, относительно недавно, она была сказочно хороша — бывает такая бесплотная, недолговечная красота — красота розовой в голубизну кожи, светло-русых рыжеватых кудрей, тонких рук, увенчанных тончайшими длинными пальцами, а уж глаза... Глаза природа выдает таким красавицам нежных пастельных тонов, прозрачные, словно ты глядишь на утреннее голубое небо. Такая красота рано гаснет, и не дай бог спасать ее кремами, подтяжками и массажами — кожа превращается в хрупкую бумагу, глаза становятся водянистыми, а руки из тонких превращаются в худые.

Но дама Рагоза, так звали герцогиню, менее всех на свете была склонна согласиться с неумолимым действием природы. Она видела себя не в зеркале, а на портрете, писанном лучшим салонным художником ее государства двадцать пять лет назад.

Дама Рагоза была очень влиятельной дамой одной из планет, которая не родила собственной цивилизации, а, питаясь воспоминаниями о Земле, тем не менее давно уж была независимой и делилась на полдюжины королевств и республик. Некоторые были знакомы лишь составителям справочников, а некоторые, как, например, отечество Рагозы, было известно в Генеральном штабе Галактики, и его внутренние дела беспокоили больших политиков. В горных районах королевства находилась долина, где зачем-то собралась нижняя половина Периодической системы элементов, а извлечение элементов из недр было процессом несложным, отчего когда-то на отечество Рагозы ходили походами соседи, поочередно покоряя его земли и оплодотворяя его девиц, а в последние годы Рагоза стала объектом дюжины межпланетных

договоров, которые не всегда выполнялись, но открыто не нарушались, потому что существовал Галактический центр.

Знать из Рагозы, а также способные молодые люди плебейского происхождения прилетали на Землю, по возможности учились в Гарварде, Черноголовке и Гейдельберге либо, попавшись на торговле наркотиками, коротали дни в тюрьмах Синг-Синг или Лефортово.

Приехал на учебу в Московский университет, колыбель гуманитарных наук, наследник рагозийского престола Густав-Розарио-Иоахим, который, как только подошли очередные летние каникулы, направил стопы в правление компании «ВР», чтобы подвергнуть себя настоящему испытанию, избрав наитруднейший ВР-круиз.

Подобное испытание на планете, где располагалась Рагоза, было еще внове, и решение принца, вызвавшее удивление его родственников и знакомых, скрыли от простого народа — пекарей, шахтеров, фермеров и электриков. Принц Густав был единственным прямым наследником престола. Права остальных претендентов были сомнительны или вообще отсутствовали. Это, разумеется, не мешало различным политическим партиям сдерживать претендентов, помогать им, толкать в спину и под локотки, ставя под сомнение исход борьбы за власть в государстве в случае, если с принцем Густавом что-то случится.

Об этом Милодар рассказал Коре в присутствии дамы Рагозы, а та слабым голосом, будто только что поднялась без лифта на двенадцатый этаж, сочла нужным добавить:

— Особа наследника престола священна.

После этого она надолго замолкла, ожидая, видимо, что Кора проникнется трепетом. Кора не смогла проникнуться, но спросила:

— Если вы так его бережете, зачем отпустили с родной планеты? Учили бы дома.

— Наш мальчик, — сказала дама Рагоза, — должен получить настоящее образование. Пришло время нашей Рагозе выйти в первые ряды мировых держав. Для этого нам нужен просвещенный монарх. Вы меня понимаете, душечка?

Душечкой Кору давно никто не называл. Слово было унизительным. Но не обижаться же на эту развалину!

— А что он учит? — спросила Кора.

— Густав учится на юридическом факультете, осваивает

международное право. Но помимо этого вечерами он посещает лекции по теоретической физике и минералогии. Как вы знаете, наше главное богатство — полезные ископаемые, редкоземельные элементы...

Выговорив столь трудные слова, дама Рагоза откинулась в кресле. Она утомилась.

— Джин с тоником? — спросил Милодар.

— Капелечку, на самом дне, — ответила дама. — Откуда вам известны мои вкусы?

— Мы готовились к встрече с вами, — ответил Милодар. — Это так естественно!

— Неужели? — Дама поглядела на Милодара загоревшимся голубым глазом. Видно, только сейчас она увидела в нем мужчину, и это ее заинтересовало. Что Коре вовсе не понравилось.

Пока комиссар готовил напиток для дамы, Кора молчала и думала: то ли ей самой подойти к бару и приготовить себе новую порцию, то ли попросить Милодара не забывать другую даму. В конце концов, она куда привлекательнее этой платяной моли!

Милодар, видно, спиной почувствовал укор, локти его заерзали, он обернулся, поднес бокал даме Рагозе и сказал почему-то ей, а не Коре:

— Наш агент Орват, к сожалению, не может составить вам компанию — она не употребляет горячительных напитков.

— Ах, какая жалость! — откликнулась дама Рагоза, принимая бокал из руки Милодара и дотрагиваясь до его пальцев кончиками своих фиолетовых ногтей. — С такими дикими привычками она ничего не добьется ни в обществе, ни в жизни. Светские обязанности требуют от нас умения поглощать всякую дрянь бочками.

С этими словами субтильная дама опрокинула в себя бокал и, проглотив джин, выплюнула кубики льда на ковер. Милодар кинулся поднимать их — он ценил свой ковер, привезенный из какой-то юношеской экспедиции, от последних людоедов Аркадии. В его узор были вплетены волосы жертв межплеменной борьбы.

Кора решила, что она не настолько заинтересована в задании, сути которого до сих пор не знала. Пора было заявить о себе во весь голос.

Она резво вскочила и, пока Милодар ползал по ковру, в

два шага подошла к бару, откупорила бутыль с водкой «Абсолют» и налила чуть больше половины стакана. С этой добычей она хотела вернуться на свое место, но ее остановил тонкий голосок дамы Рагозы:

— Не будете ли вы так любезны, душечка, долить мне в бокал того же напитка.

— С удовольствием, — сказала Кора и почувствовала, как ее отношение к этой герцогине меняется на прямо противоположное. Хваленая выдержка изменила Милодару. Так и не собрав льдинки, он наподдал их сапогом, и они, взлетев веером, автоматной очередью выбили дробь по окну.

— Очень мило, — сказала дама Рагоза. — Очень мило.

Она приняла бокал из рук Коры, чокнулась с ней, и дамы выпили.

— Вы говорите, что вы только третий агент? — спросила она Кору.

— Это преувеличение, — сказала Кора. — Но думаю, что я во второй десятке.

— С каждой минутой ты мне все милее, — сказало хрупкое создание.

Милодар вернулся на свое место — напротив дамы Рагозы — и произнес голосом запоздавшего на совещание большого начальника:

— Ну что ж, продолжим?

Он делал вид, что его дамы пьют апельсиновый сок.

— Разумеется, в хороших домах это не принято, — сообщила дама, сама направляясь к бару и подливая в бокал из бутылки. Щеки ее покраснели, глаза сияли, она помолодела лет на двадцать. — Но мой Густав совершенно необычный ребенок. Его никогда не интересовали охотничьи подвиги и драки, он сам выучился грамоте, затем стал считать. Когда ему было десять лет, пришлось рассчитать всех его профессоров, потому что они ему ничего не могли дать.

— Не может быть! — Милодар постарался перехватить инициативу. — И что же дальше?

Дама Рагоза с удивлением окинула его взглядом от макушки до пяток, как бы спрашивая: что здесь делает этот человек? Милодар, непривычный к таким взглядам, смешался и замолчал.

— Сейчас Густаву двадцать. Он, без сомнения, самый образованный и серьезный человек на нашей планете, я уж не

говорю о государстве Рагоза. С ним связаны все надежды на прогресс. Я уж не говорю, как он много значит для меня. После того как его родители пали от рук убийц и власть перешла к регентскому совету, я осталась его ближайшей родственницей. Он — мой родной племянник, сын моей любимой сестры. Вы понимаете ситуацию?

— Так зачем ему было уходить в ВР-круиз? Лучше бы слазил на Эверест, — предложила Кора.

— Может, сделать кофе? — вмешался Милодар.

— Сделайте, голубчик, — согласилась дама Рагоза.

— Может, он устроил сам себе испытание? — предположила Кора.

— Все куда сложнее, — вздохнула герцогиня.

— Может быть, следует кого-то ликвидировать? — спросил Милодар из кухни.

— Как вы грубы, комиссар, — откликнулась дама. — Человеческие проблемы не решить насилием.

— Еще как решить! — не согласился комиссар. — Нет человека, и нет проблемы. Это я прочел в каком-то древнем манускрипте.

Он вошел с подносом и поставил его на журнальный столик.

— Вам пора жениться, — сказала дама Рагоза.

— Я пробовал, — ответил Милодар. — Но без взаимности мои союзы распадались.

— Я подыщу вам девицу благородного происхождения, из графской семьи.

— И я получу в придачу кучу сомнительных родственников! Ну уж нет! Лучше поищите мне ее в детском приюте...

Дамы рассмеялись, потому что испуг Милодара был искренним.

— Кроме того, я сейчас влюблен.

Милодар разливал кофе по чашкам. Рука его дрогнула.

— Это достойное занятие для мужчины, — вздохнула дама Рагоза, показывая этим, как горько ей сознавать, что он влюблен не в нее. — И кто же ваша счастливица?

«Помолчи, — мысленно приказывала комиссару Кора. — Зачем позорить всю нашу родную планету в глазах мирового общественного мнения?»

Но Милодар не послушался невысказанного совета.

— Две счастливицы, — сообщил он. — Близнецы.

— И какую вы выбрали?

— Я еще не решил, — ответил Милодар. — Вернее всего, я выберу обеих.

— Как так? Разве у вас не моногамия?

— Не знаю, что у нас, не знаю! Но поставьте себя на мое место. Если я женюсь на Джульетте, то Макбетта выйдет замуж за кого-то еще и будет ему отдаваться!

— Очевидно, так и нужно для ее счастья.

— Но я же их не различаю! — закричал Милодар. — И я убью каждого, кто посмеет жениться на сестре моей жены, потому что я не знаю, на ком он женился: на сестре моей жены или на моей жене.

— Боюсь, что это выше моего понимания, — призналась дама Рагоза, явно обеспокоенная. — Боюсь, что вы представляете опасность для окружающих.

— Другого на мое место пока не подыскали, — ответил Милодар. — Я умен, решителен, коварен, быстр, предан делу, меня ценят начальники и любят подчиненные, правда, агент Орват?

— Что касается любви, — осторожно ответила Кора, — то это преувеличение. Но я убеждена, что каждый новый начальник хуже предыдущего. Это вселенский закон. По мне лучше тот, к которому я привыкла.

— Не самый умный ответ, но лучше такой, чем никакого, — заметил Милодар. — По-моему, мы отвлеклись. Ведь вы сами передали мне через посла о крайней срочности и важности дела. Я отложил в сторону все срочные текущие дела и для ознакомления моего агента с виртуальной реальностью отвез ее на стадион, где показывали прошедший сто лет назад драматический финальный матч по футболу.

— Сто лет назад! — вырвалось у Коры. Ей стало грустно при воспоминании о Плюшкине. Водка делала свое черное дело. — Все они давно умерли...

— Ах, я вспомнил — тебе понравился там один толстяк! — сказал Милодар. — Но он тоже плод виртуальной реальности.

— Со мной такое было, — сообщила фарфоровая герцогиня, отхлебывая водку из стакана, словно это был лимонад. Видно, совсем освоилась в кабинете грозного комиссара. — Я влюбилась в портрет. Я купила его, повесила в спальне и приказала моим техникам отыскать все данные по этому...

рыцарю, который погиб триста лет назад, и восстановить его голограмму по скелету...

— Вы разрыли могилу? — удивилась Кора.

— А что ты прикажешь делать, если полюбила? — резонно спросила дама Рагоза. — Учти, что в любви я не знаю границ и правил. Не дай бог тебе оказаться у меня на пути.

Кора была удивлена. Вот сидит перед ней робкое, покрытое глазурью розовое существо, в изящной ручке которого вздрагивает бокал с водкой «Абсолют», и угрожает Коре своими вулканическими страстями. А что, подумала Кора, ведь и отравить может. Именно отравить.

— Они его восстановили. Почти настоящего. Объемного... Пришлось отключить.

— Почему?

— О, эти льстивые художники!.. На портрете он был идеализирован настолько, что я его узнала только по усам. С тех пор я не позволяю себе увлечься мужчиной... За редчайшими исключениями.

— Дама Рагоза, — вмешался Милодар. — Если вам не трудно, продолжайте, пожалуйста, ваш рассказ.

— С удовольствием. Душечка, подлей этого славного напитка. Спасибо. На чем мы остановились?

— На том, что ваш племянник остался сиротой и поступил учиться в Московский университет.

— Правильно. А теперь отправляется в Древнюю Грецию, где его убьют, и мы останемся без наследника престола...

— И он выбрал судьбу Тесея? — спросил Милодар.

— Именно так. Именно Тесея. Это какой-то древний грек, который всю жизнь рисковал и хулиганил. Я еще понимаю, если бы он выбрал судьбу Гомера...

— Гомер был слепым.

— Или Наполеона.

— Он кончил жизнь в ссылке.

— Ну, наконец, какого-нибудь бога — Диониса или Гермеса. Я бы не так беспокоилась.

— Но в любом случае никаких оснований для беспокойства нет, — сказал Милодар. — Я только что разговаривал с главой компании «ВР». Они клянутся, что их приключение совершенно безопасно. Ни в одном индивидуальном круизе за последний год не было смертельного исхода. Синяки, шиш-

ки, царапины, в крайнем случае поломанные руки... но все возвратились к мамам, папам и тетям.

— Боюсь, что могут быть исключения, — сказала дама Рагоза. — Я бы не примчалась к вам через половину Галактики только из-за нервного состояния души.

— Откуда у вас опасения?

— Сначала были слухи, — неверным голосом произнесла герцогиня: водка начала действовать. — Они ширились, ширились, ширились, пока не затопили всю столицу.

— Какие слухи?

— Очень конкретные. Что наш дорогой Густавчик решил отправиться в ВР-круиз и не вернется оттуда живым.

— И неизвестно было, откуда эти слухи, кто их распространяет? — спросил Милодар.

— Мне ничего не оставалось, как отправиться к самому оракулу Провала. И он мне... так и сказал: «Твой Густав отправится в ВР-круиз, и его там прихлопнут. Уже все готово».

— Кто такой оракул Провала? — спросила Кора.

— Сейчас все объясню, — сказала герцогиня. — Сейчас все объясню. Оракул... послушайте, где у вас тут туалет? Меня тошнит, черт побери! Чем вы напоили высокопоставленную гостью, а?

Герцогиня поднялась с дивана, и Коре пришлось подхватить ее на руки и отнести в ванную, где произошла некрасивая сцена, после чего Кора вымыла герцогиню, а Милодар вызвал охрану герцогини, которая состояла из двух мрачного вида красивых молодых людей, один из них закинул даму Рагозу через плечо, словно она была мешком с картошкой, а второй шел сзади, вытащив бластер и оглядываясь по сторонам, словно опасался нежданного нападения.

У двери он остановился и, глядя на Милодара, произнес:

— Нельзя было старой перечнице водки давать, неужели не ясно?

— Совершенно неясно, — сдержанно произнес Милодар. — Кстати, она не производила впечатления алкоголички.

— Ты тоже производишь впечатление мыслителя, — грубо ответил охранник.

Милодар тут же выхватил из кармана бластер, а молодчик не только выхватил свой в ответ, но и открыл стрельбу без предупреждения — хорошо еще, что и Милодар, и Кора обучены предвосхищать выстрел по тому, как напрягается указательный палец противника. Оба они успели улечься за диваном, всю спинку которого разнесло в клочья.

Со стены с грохотом упала чудесная картина Боттичелли «Венера с чужим младенцем», пробитая и сожженная, люстра закачалась и рухнула на ковер, разбившись на множество осколков.

— Чудесно, мальчики! — раздался из коридора голос дамы Рагозы.

Вся эта компания исчезла, а Милодар тут же вызвал в кабинет бухгалтеров, чтобы подсчитать ущерб и отправить иск на планету в королевство Рагоза до того, как корабль с дамой Рагозой на борту попытается улизнуть с Земли.

Пока бухгалтеры, щебеча и ахая от негодования, подсчитывали и утраивали ущерб, Милодар убрал свой бластер.

— Я все равно выстрелить не мог, — сказал он. Он направился к столу, рассеянно прошел сквозь него и попытался усесться на стул, но, разумеется, провалился. Лишь на уровне ковра ему удалось остановить свое падение.

— Когда вы успели подмениться! — удивилась Кора. — Ведь на стадионе вы были самим собой, а сейчас уже — голограмма!

— Ах, это так просто, — ответил Милодар, — я же ходил на кухню готовить кофе, там и заменился. Не понравилась мне эта герцогиня. Не люблю пьющих пожилых женщин.

— Предупредили бы меня, — заметила Кора. — Меня могли продырявить.

— Ну, убили бы в крайнем случае, — отмахнулся бессердечный Милодар. — Нашли бы тебе новое тело, получше этого.

— Еще чего не хватало! — возмутилась Кора. Если бы она не знала, что вместо ее шефа в кабинете стоит голограмма, она бы сейчас выцарапала ему глаза. — Меня устраивает мое тело. Вы предатель, комиссар!

— Я разумный государственный деятель, — ответил тот. — Агентов можно отыскать сколько угодно. Комиссаров можно пересчитать по пальцам.

У Коры было свое особое мнение на этот счет, но она не стала делиться им с шефом, потому что не хотела терять работу. Если тебя увольняют с ИнтерГпола, то ты сразу оказываешься на чертом забытом астероиде, на окраине Галактики в должности начальника местного полицейского участка. И вскоре

бесславно заканчиваешь жизнь от случайной пули или ножа в пьяной драке. Такова жизнь...

— Простите, шеф, — сказала Кора, взяв себя в руки. — Так мы будем браться за это дело или пускай дама Рагоза убирается в свое королевство?

— Я был бы рад забыть о ней. Не люблю дам, у которых такие нахальные охранники. Кстати, кому поручить его ликвидацию — тебе или Иванову?

— Пошлите Рабиновича. А то он в последнее время слишком много говорит о гуманизме.

— Хорошая идея, Кора, — одобрил Милодар.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Неужели тебе не ясно? Разумеется, мы беремся за это дело. Потому что таково решение Галактического штаба. Хотим мы того или нет.

— Тогда избавьте меня...

— Не избавлю. Ты сейчас единственный у меня красивый и опытный агент женского пола. В мифологической Греции это играет роль.

— Почему?

— Вот, возьми. Тут книжки о греческих мифах. Нейхарт, Кун, Плутарх. Прочтешь все, что сможешь, о Тесее и его родственниках.

— Комиссар!

— Я уже шестьдесят лет комиссар. Но сначала ты вылетаешь специальным рейсом в королевство Рагоза.

— Это еще зачем?

— Ты должна встретиться с неким оракулом Провала и узнать, почему он считает, что принц Густав будет убит во время ВР-круиза. Какая птичка ему напела. Ясно?

— Неужели нет никого больше...

— Есть! Но это твое дело. Ты должна увидеть как можно больше действующих лиц этой драмы, понять их отношения, расположение сил и решить — убьют ли они Густава или только попугают. За время путешествия и освежишь свои знания в мифологии и древнегреческом языке.

— Я никогда не знала древнегреческого языка.

— Значит, к началу ВР-круиза будешь знать в совершенстве.

— Какого еще ВР-круиза?

— А как же иначе ты отыщешь принца Густава и будешь его охранять?

— Неужели это уже решено...

— Моя дорогая Кора, ты не представляешь, сколько стоит на галактическом рынке долина в королевстве Рагоза, где находятся месторождения всех редкоземельных элементов.

— Мне можно идти? — удрученным голосом произнесла Кора. Все происходящее ей совсем не нравилось.

— Иди, иди... Впрочем, вернись!

— Ну что еще?

— Не так грубо, агент! Посмотри, пожалуйста, кто из них тебе больше нравится?

Милодар протянул Коре две голографии молодых привлекательных брюнеток, похожих друг на дружку как две капли воды, тем более что у обеих носы были сдавлены прищепками для белья.

— А прищепки зачем? — спросила Кора, уже догадавшаяся, что присутствует при очередной попытке решения задачи про буриданова козла. Или осла?

— Мои невесты — чемпионки Таганрога по синхронному плаванию. Вот справа — Джульетта, а слева — Макбетта... Нет, погоди, может быть, наоборот?

— Вот когда научитесь различать, тогда и показывайте.

— А ты тоже не различаешь?

— А зачем мне различать?

— Пожалуй, ты права... ну иди, иди, чего стоишь? Рейс на Рагозу через два часа. А тебе еще надо собраться.

— Чего же вы раньше не сказали! Я не успею.

— Не успеешь — нечего тебе делать в ИнтерГполе.

С этими приятными словами они расстались.

* * *

На корабле «Нирвана» Союза буддийских планет Кора увидела госпожу Рагозу в сопровождении одного телохранителя. Второго убрал Рабинович. Но подходить к ним Кора не стала, да и нелегко это было, потому что Рагоза летела в классе «люкс», где ты мог сам выловить себе на ужин осетра из небольшого бассейна, где кокосовые орехи падали с пальмы по твоему выбору, а в ресторане слух клиентов услаждал джаз-оркестр под управлением Дюка Эллингтона, тщательно и изящно реконструированного генными инженерами.

Кора же пребывала в стандартной каюте второго класса,

слава богу, одна (от экономного Милодара всего можно ожидать), получала еду из овального отверстия в стенке над столиком, под надписью на нескольких галактических языках: «Использованную посуду сбрасывать в дезинтегратор».

Так что Кора наблюдала даму Рагозу, лишь когда та прогуливалась по галерее, поглядывая вниз, но, разумеется, не видя ни Коры, ни других простых пассажиров, потому что со стороны «люксов» галерея как бы парила над бескрайней равниной, а стеклянный потолок, на который, задрав голову, глядела Кора, был превращен руками умелых голографов в зеленое море джунглей. Время от времени из переплетения ветвей взлетали вверх экзотические птицы и доносился рев обезьян и леопардов.

Всю дорогу Кора, будучи дисциплинированным агентом, посвятила изучению древнегреческого языка, на нем предположительно объяснялись Зевс и его родственники, а также биографию Тесея, которую различные источники трактовали по-разному.

Хоть это и не имело, с ее точки зрения, большого значения в будущей работе, сначала она выяснила, кто он родом, откуда взялся. Ведь, честно говоря, до этой поры она знала за Тесеем только один подвиг: этот самый Тесей пробрался в знаменитый Лабиринт, отыскал там дикого быка Минотавра и зарезал его, став таким образом первым в мире тореадором. Неужели принц Густав решил отправиться в ВР-круиз только затем, чтобы еще раз зарезать несчастного быка? Странно все это!

* * *

Отцом Тесея, как указывали все авторы, был некий Эгей, который, видно, потом назвал в честь себя Эгейское море. Он царствовал в Афинах, которые тогда еще не были столицей Греции, а, как поняла Кора, оставались довольно мелким городком. Этот самый Эгей шел к власти нелегким путем, у него были злобные родственники, желавшие отхватить у него Афины. Это были племянники, сыновья его брата Палланта. Звали их всех скопом Паллантидами, и насчитывалось их примерно пятьдесят голов, что доказывает, что у Палланта либо было много жен сразу, либо он их часто менял. Паллантиды никак не могли дождаться, когда помрет их

дядя Эгей, и тщательно следили за тем, чтобы он не женился и не сделал себе наследника престола.

Дело становилось интересным. Кора с увлечением прочитывала абзац у Плутарха, потом кидалась к Куну или Нейхарту, за проверкой информации перекрестным допросом.

Эгею, конечно же, хотелось иметь детей, но он боялся за их судьбу, когда по дворцу так и шныряют десятки племянников и все они вооружены и опасны.

Тогда, под видом визитов к оракулам и соседям, Эгей стал отлучаться из Афин. Добрался он и до известного во всем тогдашнем мире Дельфийского оракула.

В энциклопедии Древнего мира о нем было написано немало интересного. Оказывается, оракул — это не человек, а главный религиозный центр в Древней Греции, у подножия горы Парнас. Там стоял храм Аполлона. Он считался самым богатым храмом страны, потому что греки были народом суеверным и по возможности ни одно важное дело не начинали без совета с сотрудниками Дельфийского оракула, которые сидели в храме. А советы предсказателей, как и во все времена, не бывают бесплатными. Энциклопедия утверждала, что во время войн и вторжений этот храм обязательно в первую очередь грабили и разрушали, но потом восстанавливали еще лучше прежнего, пока его окончательно не уничтожил византийский император Феодосии, который, будучи христианином, предсказаний конкурентов не выносил.

Рядом с храмом располагались ипподром, театр и даже картинная галерея. От нее не сохранилось ни одной картины. В этом храме находилась очень важная святыня — полукруглый камень, метеорит по происхождению, носящий название Пуп Земли. Отсюда и пошло это странное выражение. Для греков все было просто: оказывается, Зевс как-то занялся геодезией, для чего с западного и восточного краев Земли по его приказу было одновременно выпущено два орла. Они встретились именно в районе Дельфийского оракула, и с тех пор все знали, что центр Земли находится именно здесь. Кора невольно улыбнулась: значит, греки были убеждены, что Земля плоская, или она в то время на самом деле была плоской?

В одном греки ошиблись — Кора отлично помнила, что ее бабушка Настя в раннем детстве внушала Коре, что центр Земли находится на Красной площади. Каких орлов и с ка-

ких концов Земли бабушка выпускала для этой цели, осталось неизвестным.

В глубине храма сидели пифии — так назывались жрицы Дельфийского оракула. Сначала там была одна пифия, а потом, когда она не стала справляться с работой, наняли еще двух, чтобы работали в три смены.

Предсказывали пифии таким образом. Сначала они должны были выпить воды из священного источника Кассотиды, затем сжевать несколько листьев благородного лавра и усесться на золотой треножник, который стоял прямо над трещиной, откуда тянулся ядовитый дымок, зародившийся в недрах Земли. Теперь трещина закрылась, и определить состав газа, который приводит пифию в возбужденное состояние, невозможно. Но трезвые греческие наблюдатели утверждали, что пифия, нажевавшись листьев и надышавшись газами, начинала нести непонятную чепуху, а окружающие старались сообразить, что ее слова означают. Для толкований рядом стояло несколько дельфийских жрецов, которые специализировались в дипломатии. Они переводили бред на нормальный греческий язык, но всегда старались оставить предсказание как можно более туманным. Впрочем, лучшие предсказатели всегда так делали. В историю вошел один замечательный случай хитрости дельфийских жрецов. Как-то к оракулу приехал лидийский царь Крез, богатейший, как известно, скопидом той эпохи. Ему вздумалось повоевать с персами, и он интересовался, чем это для него кончится. Итак, пифия надышалась газом и начала бормотать что-то невнятное. Жрецы посоветовались и сообщили царю, что оракул устами пифии сказал следующее: «Крез, Галис перейдя, великое царство разрушит». Галис был пограничной речкой, а великое царство, как понимал Крез, было Персией.

Оставив жрецам немало драгоценностей за хорошее предсказание, Крез отправился воевать и по дороге, по словам Геродота, повстречал известного мудреца Солона, которому сообщил, что теперь он не только богатейший, но и счастливейший человек в мире. На что Солон мрачно ответил: «Вот когда будешь помирать, тогда и подводи итоги». Или что-то подобное.

Крез посмеялся над пессимизмом известного ученого и поспешил перейти реку Галис. Перешел, потерпел сокрушительное поражение от персов, был взят Ксерксом в плен и вскорости задушен. Но перед смертью еще успел поднять ме-

ждународный скандал, требуя сатисфакции от пифии и жрецов оракула.

На что жрецы вежливо ответили:

— В жизни мы еще не делали более точного предсказания. Мы же предсказали, что великое царство Лидия будет погублено в результате заносчивости Креза, так и случилось. Надо слушать, что тебе говорят, а не то, что хочешь услышать.

Вот к таким людям и отправился за советом Эгей.

История умалчивает о том, какой вопрос Эгей задал оракулу, но, судя по ответу, догадаться нетрудно.

Вот что ответила пифия (в редакции жрецов и обработке поэта):

«Нижний конец бурдюка не развязывай, воин могучий, раньше, чем ты посетишь народ пределов афинских».

— Что это значит? — вопрошал царь Эгей. — Я хочу жениться, а вы мне про бурдюки!

Но жрецы больше ничего не сказали, и расстроенный Эгей поехал домой.

Путь его, как проверила по атласу Кора, лежал на юго-восток, в сторону Фив и Афин. Но вместо прямой дороги он удалился на юг, в Арголиду, и как-то остановился переночевать в городке Трезене, где правил царь Питфей. В те времена в Греции царей было почти столько же, сколько крестьян. По нашим меркам, Трезена была небольшой деревней, но раз Питфей считал себя царем, да еще хвастался родством с некоторыми второстепенными богами, то к нему и относились соответственно — ведь древние греки были доверчивыми людьми.

Питфей Эгея, конечно, знал, тот наверняка приезжал в Афины за покупками.

За ужином гость пожаловался на Дельфийского оракула. Что еще за бурдюк? Что еще за пределы афинские?

Питфей насторожился. Предчувствие удачи укололо его.

Он принялся подливать вина уставшему с дороги гостю, и в конце концов тот согласился перейти в опочивальню.

Как только Эгей уснул, Питфей призвал к себе свою дочку по имени Этра. Дочка как дочка, ничем не приметная, замуж отдать трудно, потому что приданое незначительное, а сама красотой не блещет. А тут такой случай!

— Дочка! — горячо прошептал Питфей. — Маме ни слова, она этого не перенесет. У меня есть к тебе деловое предложение, которое сделает нас богатыми и знатными.

— Говори, папа, — ответила умная девушка.

— В гостевой опочивальне у меня храпит царь Афин Эгей.

— Слыхала.

— Ему только что предсказали в храме Аполлона вот что. — И Питфей повторил дочке предсказание.

Сначала она не поняла, но, когда папа раза два стукнул ее жезлом по голове, она воскликнула:

— Нижний конец бурдюка — это та штучка, которая есть у мужчин, да?

— Умница!

— А развязывать — это значит...

— И ты будешь в этом участвовать!

— Ну что вы, папа, я же девушка!

— Сегодня ночью ты станешь матерью великого принца и будущего царя столичного города!

— Ах, папа, мне так стыдно! — ответила Этра, но более не спорила с родителем.

Папа лично отвел дочь в опочивальню, где храпел Эгей, подтолкнул к его ложу, а дальше девушка сама занялась обработкой спящего гостя.

И это ей удалось, что говорит о некотором жизненном опыте Этры. «Хотя, возможно, — подумала Кора, — я клевещу на принцессу. Порой можно обойтись и без жизненного опыта».

Утром Эгей с некоторым удивлением увидел на своем ложе женскую головку.

Он вскочил с ложа, и разбуженная Этра тоже вскочила, стараясь тонкими ручками прикрыть обнаженное тело.

Тут, разумеется, вбежал отец Питфей и поднял страшный скандал ввиду того, что Эгей, напившись допьяна, нарушил закон гостеприимства, обесчестил дочь хозяина и теперь намеревается сбежать.

— Ничего не помню, честное слово, ничего не помню, — сказал Эгей и пошел завтракать.

За завтраком Питфей открыл глаза гостю на события прошедшей ночи.

— Припомни-ка, мерзавец, — сказал он молодому царю, — что тебе пифия предсказала.

— Нижний конец бурдюка не развязывай, воин могучий, — произнес Эгей. — И это... Раньше, чем ты посетишь народ пределов афинских.

— Теперь слушай правду жизни, — сказал Питфей. — Народ пределов афинских — это мы, трезенцы, от нас до вас морем полдня ходу. Понял?

— Понял.

— Нижний конец бурдюка — это, прости, твоя мужская часть. А развязывать ее — это значит переспать с женщиной. Прямее пифии тебе сказать не могли, они сами девушки, стесняются.

— Понял, — сказал угнетенно Эгей.

— Значит, ты, надругавшись над моей невинной дочкой, по сути, выполнил предсказание пифии. Развязал в пределах. Так что я тебя прощаю, и давай играть свадьбу.

Эгей, который, в сущности, не был подлецом, даже обрадовался, потому что хотел иметь семью и ребенка. Но он разумно возразил потенциальному тестю:

— Я не могу подвергнуть риску жизнь твоей милой дочки. Как только мой брат и племянники узнают, что я женился, да еще на твоей дочери, они ее убьют. У тебя какое войско?

— Ну какое там войско — может, с десяток гоплитов наберется.

— А их пятьдесят богатырей, один другого страшнее.

— Тогда бери мою дочь и бегите куда-нибудь подальше, скрывайтесь в горах и лесах, по примеру героев древности, в конце концов твои высокие родственники за тебя вступятся...

Говоря это, на самом деле Питфей так и не думал — своей дочке он желал трона в Афинах, а в крайнем случае остается надежда, что прошедшей ночью удалось зачать наследника престола.

На то же самое надеялся и Эгей.

Не в силах обещать Этре венец и семейное счастье, он согласился оставить в Трезене доказательство своего отцовства. Он снял сандалии и отстегнул свой меч. Обыкновенный меч, неплохой, а на рукоятке родовой герб — изображение змей. Потом он сказал Питфею: «Вот когда мой сын родится да подрастет, пускай он отвалит камень и достанет из-под него обувь и оружие. И идет ко мне. Я его сразу узнаю».

И с этими словами Эгей поднял значительную скалу и придавил ею меч и сандалии. Затем поцеловал на прощание Этру, велел ей беречь будущего ребенка и ускакал в Афины...

А Коре надоело читать сказки, и она отправилась на танцы в общий салон.

* * *

День за днем Кора читала не только популярную литературу, но и источники на древнегреческом языке, и потому она скоро прониклась особенной, дурманящей, ветреной, жаркой атмосферой Древней Эллады.

Ей уже не терпелось возвратиться к никем не читанным страницам старых книг и узнать, что еще придумал наивный интриган Питфей. Впрочем, о его уме высоко отзывались современники. А как дела у Этры? Не округлился ли ее животик под девичьим хитоном? А как удастся оправдать такую неожиданную беременность? Правда, древние греки в таких случаях нередко валили все на пролетавшего мимо бога — боги были страстными, любвеобильными и совершенно необязательными. Сделают ребеночка и тут же подсовывают его неведомо кому на воспитание.

Но в тот вечер Коре не пришлось продолжить увлекательное чтение и она не узнала, чем же кончилась история с дурнушкой Этрой. Потому что когда Кора, полюбовавшись веселыми танцами в салоне, направилась в бассейн, чтобы окунуться перед сном, дорогу ей преградил охранник дамы Рагозы.

— Госпожа агент, — сказал он, глядя мимо такого ничтожного существа, как Кора, — ее высочество снизошло до встречи с вами. Так что спешите, охваченная счастьем.

— Слушайте, передайте вашей даме, что со мной так не разговаривают. Я еще не решила, снизойти ли мне до встречи с герцогиней. Так что спешите обратно, охваченный счастьем.

— Как так, как так? — озлобился охранник, наморщив низкий лоб в попытке понять, что же произошло.

Кора опытным взглядом окинула его мышцы и поняла, что он ей не соперник. Мышцы у него были накачаны, но совершенно не развиты. Такого кинет любой мальчишка в секции дзюдо.

— Выполняйте, — сказала Кора и продолжила свой путь по широкому пустому коридору к своей каюте за купальником. — А то с тобой случится то же, что с твоим напарником.

Охранник неосмотрительно догнал ее и схватил за локоть.

— А ну, тебе говорят...

Дурак, что схватил за локоть, этим он облегчил Коре задачу. Она легонько двинула локтем, и охранник улетел назад по коридору и так неудачно врезался своей маленькой, коротко

остриженной головой в стену, что прошло минут десять, прежде чем он смог подняться и вернуться к своей госпоже, чтобы доложить ей о неудачной миссии.

Тем временем Кора успела переодеться и дойти до бассейна, небольшого, пятидесятиметрового, совсем пустого в это время суток, когда большая часть пассажиров уже почивает, а остальные коротают время в ресторанах или на дискотеках либо балуются эротическими или географическими трипами в ВР — малыми приключениями наподобие снов.

Когда, проплыв под водой полсотни метров, Кора вынырнула у противоположного края бассейна, она увидела, что там на складном стульчике сидит дама Рагоза, у ее ног на бортике бассейна — большая бутыль водки «Абсолют», ведро со льдом и два бокала.

— За встречу, — сказала она Коре.

— Мы с вами путешествуем в разных классах, — ответила Кора и снова нырнула. Когда она показалась на поверхности, герцогиня, субтильная и хрупкая, как никогда прежде, стояла на краю бассейна.

— Подождите, — окликнула она Кору. — Ведь не я вам покупала билет. Очевидно, ваша организация экономит на комфорте агентов, и это очень прискорбно. А вы мне понравились, и когда перейдете на работу ко мне, то будете всегда летать вместе со мной в «люксе». Как вам нравится такая перспектива?

Конечно же, дама Рагоза была совершенно права, и это было тем более обидно, что Кора уже несколько лет блюла абсолютную верность ИнтерГполу и лично Милодару, получая при этом в основном тычки и зуботычины. Любой охранник в банке или на автостоянке получал вдвое больше ее.

С этой грустной мыслью Кора нырнула на дно бассейна и залегла там, временно отключив дыхание. Так она могла пробыть под водой минут десять. Через пять минут Коре стало скучно, и она решила, что герцогиня уже ушла.

Ничего подобного. Герцогиня сидела на стульчике и сосала из бокала водку. Господи, подумала Кора, какие у нее тонкие ножки — всю жизнь ходи и трепещи, что сломаются.

— Я на вас не обижаюсь, — крикнула она Коре. — Я понимаю, что вы человек подвластный и безропотный. К тому же одинокая женщина.

— Почему одинокая? — удивилась Кора, откидывая голо-

ву назад, чтобы волосы падали на шею прямо и ровно. — В любой момент...

— Ах, сколько тысяч лет мы, женщины, повторяем эту фразу, — вздохнула герцогиня, — но это не скрашивает нашего одиночества.

— Я была замужем, — сообщила Кора. — И это не доставило мне удовольствия.

— Неточно, — возразила герцогиня. — Сначала это доставило тебе удовольствие, но оно кончилось раньше, чем тебе этого хотелось. В этом горе всех неудачных браков. Мы забываем первые ночи, а помним последующие дни, хотя в любви достойно лишь начало.

Кора выбралась из воды и села на край бассейна. Герцогиня протянула ей бокал.

— Неспортивно пить в бассейне, — сказала Кора.

— Никто не увидит. Все ушли спать. А дверь сторожит мой охранник. Кстати, простите, что ему пришлось сделать вам больно.

— Мне? Больно?

— В коридоре, когда он передал вам мое вежливое приглашение, вы ответили ему грубо, и он был вынужден чуть-чуть сжать ваши прекрасные пальчики.

— Ну и мальчик, ну и лжец! — вздохнула Кора. — Вы не могли бы его позвать сюда?

— Пожалуйста, — удивилась герцогиня и щелкнула пальцами. В пальцах, видимо, была микрокнопка, потому что через секунду дверь в отсек отворилась и появился охранник. На его лбу темнела небольшая шишка.

— Он самый, — сказала Кора. — Пускай подойдет и покажет, каким образом он сжал мои прекрасные пальчики.

— Не обращайте внимания, — сказал охранник. — Я вас уже простил.

— Надеюсь, он у вас не трусоват? — спросила Кора.

— Гера, подойди к девушке, — рассердилась герцогиня. — Что еще за спектакль? И не делай ей очень больно. Я же знаю, какой ты бываешь грубый.

Пожалуй, поняла Кора, он для нее больше чем охранник.

Гера подошел и остановился в трех шагах.

— Нет, ты показывай, показывай. — Кора рассердилась. Она не любила, когда за ее спиной распространяли сплетни, и тем более унизительные. — Мучай меня!

Эти слова, произнесенные с женским подвыванием, видимо, возымели на Геру действие, и он ринулся к Коре. Что и требовалось.

Она чуть отступила в сторону, выставила ногу, подтолкнула летящий мимо нее снаряд весом в сто килограммов, и тот ухнул примерно в середину бассейна, выплеснув половину воды, едва не утопив субтильную герцогиню, которой удалось спасти лишь бутыль с водкой, а сам скрылся на дне, и герцогине, после того как она пришла в себя, пришлось умолять Кору, чтобы она вытащила Геру из бассейна, пока тот еще жив.

После этого Кора с дамой Рагозой отошли в сторонку к деревянной скамейке и принялись за мирным разговором распивать бутылку. Причем, надо признать, пила в основном дама Рагоза, а Кора, хоть и была специально натренирована в этом деле, частенько пропускала очередь и проливала водку на пол — ей было противно вспоминать вчерашнюю попойку у Милодара.

— Придется мне менять охрану, — с грустью произнесла дама Рагоза. — Не оправдывает моих надежд.

— Не расстраивайтесь, — ответила Кора. — Я же профессионал, иначе бы меня и не следовало посылать на важные задания. А ваши местные козлы для драк и мордобоя вполне годятся.

— Они хорошо стреляют, — добавила дама.

— Вот видите, и стреляют хорошо. Из рогатки?

— Из чего?.. Ах, вы шутите! Из бластера!

— Расскажите мне об оракуле, — попросила Кора. — Я сейчас как раз читаю о древнегреческих оракулах, а у вас, оказывается, есть свой!

— Я с самого начала поняла, что вы мне не доверяете, — сказала герцогиня. — Вас послали, чтобы меня разоблачить?

— Нет, чтобы уточнить ваши показания и понять, откуда к оракулу попали сведения, которые вас встревожили.

— С неба, — уверенно сообщила герцогиня. — Он имеет прямой контакт.

— Вот я и хочу проверить выключатель, — сказала Кора.

Они выпили, глядя, как приходит в себя Гера.

— Женщина в наши дни должна уметь постоять за себя, — заметила дама Рагоза.

— Я надеюсь, что вы умеете это делать, — ответила Кора.

— Вопрос правильного воспитания. У нас, девочка, в благородной семье обязательно проходят курс мести.

— И сложный курс?

— Три-четыре года.

— Разные предметы?

— Конечно, мы проходим интригу, яды, изготовление ловушек, теорию доносов — много предметов.

— И отравленное оружие?

— И разумеется, отравленное оружие, — дама Рагоза ловким незаметным движением вытащила из широкого пояса кинжал, упругий и тонкий, острый настолько, что его жертвой стал пролетавший мимо комар, Кора успела заметить, как лезвие отхватило ему ножку.

Кинжал исчез в одежде герцогини так же незаметно, как появился.

— Вы опаснее меня, — призналась Кора.

— Конечно, — согласилась герцогиня, — я же благороднее тебя.

Для Коры это не было аргументом, но спорить она не стала.

— Я хочу тебе рассказать о моем племяннике, — сказала дама Рагоза, когда они почти покончили с бутылкой. — Густав — чудесный, честный мальчик, он не хочет быть нашим королем. Вот если ты его найдешь и поговоришь с ним по душам, то поймешь, что для него самое важное — физика и счастье народа.

— Это несовместимо, — возразила Кора.

— А в нем сочетается. Посмотри на его фотографии.

Дама вытащила из своей сумочки изящную книжечку с фотографиями принца Густава. Вот он в младенческом возрасте лежит в колыбельке, согнув в коленях ножки и делая пальчиками какие-то неспешные движения. А улыбка у него глупая-преглупая. Вот мальчик подрос. Он стал курчавым и серьезным. Он стоит, опершись локтем на какой-то декоративный столб, на нем рубашонка, подпоясанная ремешком, и короткие штанишки. А вот принц, одетый в гвардейскую форму, готовый принимать парад полка, шефом которого состоит. Мундир сидит на нем кривовато, каска налезла на брови, выражение лица страдальческое.

— Парады и смотры он не выносил, — пояснила герцогиня, — и участвовал в них из чувства долга, потому что народ ждал от него этого.

Следующая фотография — принц уже на Земле, в обыкновенной свободной непритязательной студенческой одежде. На носу — очки. Почему-то принц не захотел носить контактные линзы, как остальное человечество, а предпочел старомодные очки.

— У него сильная близорукость? — спросила Кора.

— Он носит очки, когда читает, — сказала герцогиня. — А так он обычно обходится без них.

Вот еще фотография — принц в библиотеке Московского университета. Он сидит за столиком, свет настольной лампы падает на страницы открытого фолианта, принц так углубился в чтение, что не заметил фотографа. У него были длинные темные волосы, длиннее, чем Кора ожидала. На концах они завивались. Нижняя губа показалась Коре слишком полной и чуть капризной, нос с небольшой горбинкой и высокой переносицей. Если его соответственно одеть, то в Греции он может сойти за аборигена.

Вот, наконец, последний снимок. Он сделан на улице. Веселая студенческая компания смеется чему-то перед объективом. Справа — Густав. Рядом с ним невысокая плотная девушка с широкими скулами и раскосыми глазами. Она держит его за руку. Наверное, это та бурятка, о которой так строго отзывалась герцогиня.

— Из-за этой девицы все и началось, — повторила герцогиня свое обвинение.

— Не похоже, — сказала Кора. — На этом снимке она за него держится, а не наоборот.

— Это все азиатская хитрость! Не прошло и семестра, как она ушла от него к курсанту Лукавому. У них в марте будет ребенок. Мы проверяли.

— Почему-то вам хочется убедить меня в страшной вине этой девушки, которая давно уж перестала думать о Густаве, да и он о ней забыл.

— Вы меня не поняли! Уйдя от него, бурятка подорвала в Густаве уверенность в себе, столь необходимую для королевской особы.

— Вы уверены, что именно она в этом виновата?

— Она первопричина.

— Значит, были другие причины, о которых вы предпочитаете умолчать?

— Остальные причины были вторичными. — Дама Рагоза умела быть упрямой.

— Вы поможете мне узнать о них в Рагозе?

— Нет, — отрезала герцогиня. — Я вас не приглашала в Рагозу и не намерена вас там опекать.

— Я была уверена, что действую в ваших интересах и по вашей просьбе. Боюсь, что и комиссар Милодар был уверен в том же.

— Никогда не говорите, девочка, за своего комиссара Милодара. Он самая хитрая бестия, с которой мне приходилось сталкиваться за последние годы. Он оскорбил меня недоверием, послав тебя за мной шпионить!

— Но зачем это комиссару?! — возмутилась Кора. — Еще вчера он и не подозревал о вашем существовании. Вы прилетели, вы пожаловались, вы попросили, наконец...

— Глупышка! Твой комиссар служит ИнтерГполу. ИнтерГпол — Галактическому центру. Галактический центр контролирует наши ценные природные ископаемые. А если к тому же окажется, что он владеет половиной акций компании «Виртуальная Реальность», я также не удивлюсь. Поэтому интересы какой-то там герцогини лишь предлог вмешаться в наши внутренние дела.

— Тогда зачем же вы к нам обратились?

— Чтобы потом меня не допрашивали, почему я не обратилась, — загадочно ответила герцогиня.

Кора не сразу нашлась, что еще сказать... И молчание нарушила вновь дама Рагоза. Она склонилась вперед, опрокинула ополовиненную бутылку и смотрела с интересом, как водка струйкой льется в бассейн.

— Вы мне нравитесь, — сказала герцогиня, не отрывая взгляда от струйки. — И я очень надеюсь, что найду в вас искреннюю сочувствующую натуру. Мы могли бы с вами подружиться. И если все закончится ко взаимному удовлетворению, то вас ждет заслуженная награда. Я обещаю вам рагозское дворянство и имение в хорошем районе. Вы не откажетесь?

— Мне никогда еще не предлагали дворянства и имения. Так что я просто боюсь отказываться, — сказала Кора. — Снова не предложат.

— Мне нравится ваше чувство юмора, — сказала герцогиня.

«В самом деле она надеется меня перекупить или это только игра? И ей важно выведать, зачем я лечу на Рагозу? Впрочем, я сказала ей правду. А в правду трудно поверить».

— Если у вас найдется для меня несколько минут, — сказала Кора, стараясь перехватить инициативу, — я бы хотела задать вам несколько вопросов.

— Уже допрос? — со слабой улыбкой произнесла дама Рагоза.

— Нет, любознательность.

— Я к твоим услугам, девочка.

Дама Рагоза перевернула бутылку в нормальное положение и убедилась, что в ней осталось как раз на одну порцию. Ее-то она и выпила из горлышка.

Кора терпеливо ждала, пока дама Рагоза кончит пить. Сделав последний глоток, она кинула бутылку через плечо. Из дверей бассейна выскочил маленький служебный робот, который ловко подпрыгнул, схватил бутылку и укатился прочь. Кора подумала, что, может быть, его специально здесь держат для этой цели — у знатных обитателей Рагозы есть странный обычай кидать пустые бутылки через плечо.

— Чего же ты молчишь, деточка? — спросила дама Рагоза. — Мы уже начали дружить, правда?

— Расскажите мне, пожалуйста, о Рагозе.

— Для этого есть справочники.

— Мне хотелось бы услышать о королевстве из ваших уст — просто и доходчиво, чтобы даже я поняла, что к чему.

— Какое наивное лукавство! — воскликнула дама Рагоза. Она закрыла лучистые глаза и задумалась. — Самое главное, — сказала она наконец, — заключается в том, что в Рагозе есть два древних клана. Мы — собственно Рагозы, и клан Дормиров — младшая и недостойная ветвь королевского дома, не имеющая прав на престол, но нередко поднимавшая восстания против нашей законной власти. Густав — наша надежда, Кларенс — из клана Дормиров — надежда грязной оппозиции.

Это уже была нужная информация.

— Значит, ваш племянник связывает свои права на трон с результатами ВР-круиза? А разве у ВР-круиза могут быть результаты? Это то же самое, что ждать результатов от прочитанной книги или просмотренного фильма.

— Но он же в этом участвует!

— Разве может быть качество участия?

— По-видимому, вы ничего не понимаете! Разумеется, можно участвовать хорошо или плохо. Можно прославиться в ВР-круизе или полностью провалиться.

— А кто узнает об этом?

— Душенька, вы как будто вчера родились! Ведь фирма «ВР» выдает сертификат успеха! По крайней мере у четырех принцев королевской крови и двух герцогов висят на стенах кабинетов такие сертификаты. А еще у двух десятков ничего не висит, хотя они в круизах были. Вы меня понимаете?

— Еще не совсем, — призналась Кора. — Ведь если во время путешествия в виртуальной реальности вам не грозит смерть, чего же бояться?

— Бояться можно многого помимо смерти, — мудро заметила фарфоровая герцогиня. Она достала из своей жемчужной сумочки длинную черную наркотическую сигарету и закурила, не предлагая Коре. Впрочем, Кора никогда не курила и не любила, когда курят рядом. К тому же на лайнере «Нирвана» повсюду висели строжайшие надписи, запрещавшие курить. Преимущество общественного положения дамы Рагозы заключалось в том, что она могла не обращать внимания на надписи с запретами.

— Бояться можно увечья, — продолжала герцогиня, затягиваясь, — боли, унижения, насилия, навязанной тебе любви, а то и ненависти. На то и придуман страх, чтобы человек менялся перед его рожей и терял свое достоинство. Не так много знатных молодых людей нашей планеты решаются на ВР-круиз, хотя и существует негласное правило, по которому наследник княжества или большого состояния обязан пройти хоть небольшой круиз. Допустим, вы можете стать спутником Колумба, и самое большее, что вам грозит, это морская болезнь либо наглые поползновения стосковавшихся по любви соседей по кубрику, если вы меня понимаете...

Герцогиня выпустила струйку дыма. Над бассейном распространилось тонкое дурманящее облако запрещенного наркотика.

— Или стрела индейца, направленная в тот же самый не прикрытый доспехами зад.

Хрупкая фарфоровая леди была холодна и цинична. Что на самом деле движет ею? Маска ли — этот холодный цинизм, маска ли — любовь к пропавшему племяннику? Или все это — отсветы большой политики маленькой Рагозы?

— Это значит, — спросила Кора, отворачиваясь, чтобы не вдыхать удушающий аромат, — что ваш племянник избрал необычный круиз?

— Как комиссар мог ничего вам не рассказать!

— Он не успел, — ответила Кора. — Когда он получил вашу жалобу, то прежде всего он вызвал меня и отвез на стадион, чтобы показать, что такое виртуальная реальность. В последние годы я работала в примитивных условиях и немного отстала от современных развлечений.

— Счастливая девочка. Если бы у меня был сын и если бы ты была достаточно знатной, я бы его на тебе женила.

— Зачем?

— Представляешь себе, — искренне ответила маленькая герцогиня. — У всех телохранители. Два метра в плечах, два сантиметра лоб. А у меня хорошенькая девица. Но я говорю тебе: «Хватай!» — и ты их раскидываешь голыми руками!

— А вы кровожадная, дама Рагоза.

— В нашем скорпионнике иначе не проживешь, — сообщила герцогиня. — Но моя кровожадность — это защита от хамства. Я как та слабенькая маленькая зверушка, которая кидается на громадного дракона, чтобы защитить своих детенышей. Да, я оскаливаюсь. Но, честно говоря, мои зубки для этого никогда не были приспособлены. И если бы почти весь наш клан не был уничтожен в заговоре Монтегасков, я бы оставалась нежным цветком, каким природа меня и создала.

Фарфоровая герцогиня грустно оглянулась в поисках бутылки. Не нашла и удовлетворилась затяжкой сигареты.

Какие-то шумные туристы вторглись в отсек бассейна, размахивая полотенцами и надувными спасательными кругами. Герцогиня щелкнула пальцами, и в дверях появились оба телохранителя. Возникла какая-то суматоха, давка, писк... Кора хотела было подняться, чтобы прекратить это безобразие, но тут услышала, как глава туристического семейства виновато произнес:

— Но мы же не знали, что бассейн закрыт на профилактику. Простите, но нигде не написано...

И воцарилась тишина. Туристы принадлежали к тому большинству населения Галактики, которое убеждено, что если им сказали «нельзя», то этому есть разумное основание. В действительности за запретами, как правило, разумных оснований нет, а есть чье-то эгоистическое желание.

— Мой племянник избрал самый уникальный, дорогой и трудный ВР-круиз, — как ни в чем не бывало продолжала герцогиня. — Даже Одиссею и Гераклу пришлось проще, чем Тесею. Вы уже прочли его биографию?

— Я читаю, — честно призналась Кора. — У меня с собой книги и кассеты.

— Читайте внимательно. И если вы отправитесь следом за ним в виртуальную реальность, учтите, что это самая жестокая из всех возможных реальностей.

— Ему так нужно было испытать себя?

— Я не знаю, что ему было нужно! — Пустой бокал герцогини полетел в бассейн. Он утонул не сразу, а почему-то сначала подпрыгнул на водной глади, разбив ее, затем легко скользнул в глубину. — Я знаю, что этой его глупостью, этой непростительной глупостью воспользуются наши враги. И погибнет наш род, и будут истреблены все Рагозы до седьмого колена...

— Неужели у вас так строго? — спросила Кора.

— У нас подло, — ответила герцогиня и прикорнула на скамеечке.

Охранник заметил это движение повелительницы, подошел к скамейке, взял хрупкую и невесомую герцогиню на руки и унес из бассейнового отсека, стараясь не встречаться глазами с Корой.

Коре пришлось снова нырять в воду, доставать со дна бокал, потом снова сушить волосы. Так что она попала к себе в каюту лишь через полчаса. И прежде чем заснула, успела познать лишь небольшой отрезок биографии своего героя.

* * *

Тесей рос в мирном Трезене, жил в царском дворце, больше похожем на обширный крестьянский дом. Излишне любопытные соседи и прохожие интересовались, как же так Этра понесла без мужа и даже без очевидного возлюбленного. Царь Питфей, беспокоясь о репутации дома и судьбе своего внука, которому всегда могли угрожать пятьдесят дядей, подробно рассказал любопытствующим, как его милая дочка купалась в море, ее увидел сам морской бог Посейдон и воспылал к ней неутолимой страстью. Он преследовал ее по прибрежным кустам, а потом настиг под одним фиговым

деревом, да так настиг, что дочка стала его невенчанной супругой, каковых у Посейдона, как известно, по нескольку в каждом царстве. Если кто из любопытных не верил, Питфей советовал ему обратиться в ближайший храм Посейдона и выяснить эту проблему у его жреца, а то и выйти на берег и обратиться непосредственно к отцу ребенка. Никто этого не сделал — проще было поверить или сделать вид, что поверил старому царю. Возможно, по нашим меркам, царь и не был таким старым, но в те времена смертные старели быстро.

Мальчик, которого назвали Тесеем, рос подвижным, шустрым, драчливым. Но был неглуп, хорош собой и крепко сложен.

Мать в нем души не чаяла и мечтала, чтобы он унаследовал Трезен, но старик Питфей вел себя иначе. Дело в том, что он не отказался от высокой ставки, сделанной им несколько лет назад, — Афины или ничего!

Он торопил Тесея расти, тренировал его тело, заставляя бегать, поднимать тяжести, бороться со сверстниками, не забывая, правда, и о духовном развитии ребенка. Грамоте, счету и началам идеалистической философии мальчика обучал известный в тех краях ученый Коннид, о котором Плутарх писал, что «афиняне до сих пор приносят ему в жертву барана за день до праздника в честь Тесея. Они помнят его и чтут несравненно больше, нежели Силаниона и Паррасия, рисовавших портреты Тесея и делавших его бюсты». То есть Плутарх намекает на то, что афиняне ставили науку выше искусства.

«...Господи, — оборвала себя сонная Кора. Количество водки, которое ей пришлось проглотить в последние два дня в компании хрупкой фарфоровой герцогини, удручало ее желудок и мозг. — Зачем мне знать, кто и чему учил Тесея, которого я, может, и не увижу? Может, принц Густав уже вернулся домой и учит физику?»

...Тесей подрастал, и неугомонный Питфей раз в неделю после тренировки вел его к большому обломку скалы, лежащему на заднем дворе дома, и велел поднимать его. Мальчик покорно тужился, но камень не двигался с места, а мать Тесея, Этра, кричала в окно:

— Прекратите издеваться над ребенком, если он надорвется, то кто его будет лечить? Грыжа — это на всю жизнь.

Но на следующую неделю все начиналось снова. И так год за годом.

Тесей и не подозревал, что под камнем, который он никак не может перевернуть, лежат отцовские меч и сандалии, должные изменить всю его жизнь и жизнь окружающих царств.

Когда Тесею исполнилось двенадцать лет, дедушка позвал его на прогулку по окрестностям и остановился перед крупным обломком скалы, лежавшим у дороги буквально в ста шагах от питфеевского дома.

— Мой мальчик, — произнес дед, поглаживая волнистую седую бороду. — Я должен открыть тебе тайну. Под этой скалой лежат сандалии и меч твоего отца Эгея, который правит в славном городе Афинах.

— Как так? — не понял мальчик. — Ведь мне же говорили, что мою мать изнасиловал...

— Тесей! Где ты нахватался таких понятий?

— Прости, дедушка, я хотел сказать, что моей мамой овладел сам Посейдон. Так что я рассчитывал быть его сыном.

— Никто не отнимает у тебя Посейдона. Считай его своим отцом, сколько пожелаешь! Он как бы останется отцом номер один, а отцом номер два, но реальным, земным и нужным для будущего, мы будем считать царя Эгея.

Тесей задумался. Ему надо было все понять и взвесить. Потому что для своих двенадцати лет он был развитым подростком. В конце концов он кивнул и спросил: а почему сандалии и меч лежат под скалой?

Такая реакция на сообщение дедушки, конечно, непонятна и даже невероятна для мальчика наших дней. Он знает, что его папа — либо генерал, либо шофер генерала. Но на двух пап ни один ребенок не согласится. В Греции было проще. И существовало немало детей, которые совершенно официально признавали своими отцами кого-нибудь из смертных, а также пролетавшего мимо бога. Двуотцовство было преимуществом и открывало политические перспективы. Поэтому Тесей совершенно не расстроился, узнав, что помимо бога в папах у него числится и царь.

— Эти предметы, — пояснил дедушка, — положены под скалу Эгеем.

— Зачем?

— Видно, ему хотелось бы увидеть тебя сильным и решительным.

— Значит, как от болезней лечить, пеленки стирать, в школу водить, это вам с мамой? А папе подавай готового богатыря? — спросил Тесей, не скрывая иронии.

— Мальчик, не надо так говорить о царственном отце, — ответил дед. — Лучше попробуй приподнять скалу.

Тесей попробовал, но тщетно. И они с дедом вернулись домой.

А сам Эгей между тем забыл о мимолетном ночном приключении. Больше того, он наконец женился, да так удачно, что все пятьдесят племянников царя прикусили языки и попрятались по своим небольшим поместьям.

Но всему на свете бывает конец. Тесей умнел, рос, расширял кругозор, много времени проводил в гимназии, занимаясь спортом, и в конце концов вырос в славного молодца, одного из самых крепких в Трезене. Неизвестно, хорошо ли он себя вел, но сведений о каких-нибудь особенных хулиганских поступках Тесея не сохранилось. Из будущих его подвигов и приключений станет ясно, что он был хорошим товарищем, готовым ради друзей на жертвы и подвиги. Не жаловался на Тесея и его учитель Коннид. В общем, в отличие от всех остальных греческих героев Тесей вырос славным добрым парнем.

Наконец наступил великий день для старого Питфея.

В присутствии деда, матери и нескольких слуг Тесей приподнял обломок скалы...

* * *

— Просим внимания уважаемых пассажиров. Наш лайнер проходит в галактической близости от планетной системы Вартлос. Пассажиров, сходящих на Вартлосе с пересадкой на местный рейс на Рагозу, просим собраться на нижней палубе и у терминалов А и Б.

— А и Б сидели на трубе, — сказала Кора, потягиваясь. Она вчера так и заснула над жизнеописанием древнего героя Тесея, и теперь голос корабельного информатора превратил все эти приключения и чудеса в обыкновенный собачий бред. Какой еще Тесей при пересадке с терминала Б?

В каюте было зябко и почему-то сыро. Кора включила туа-

лет, стенка напротив койки уехала вниз, обнаружив унитаз и умывальник. Очень мило, но не романтично.

Собирать Коре было почти нечего, правда, груз ее был необычен — вряд ли кто-нибудь возит в космических лайнерах старинные книги в переплетах и с буквами на страницах.

Кора выбрала самый неизвестный и скромный из своих туалетов, она здесь — ничто, она — открытое для шепота ухо, прищуренные глаза, ее нет, есть только приемник информации, правда, лично знакомый герцогини дамы Рагозы.

Кору никто не встречал, кроме сдержанного в движениях агента Космофлота, относительно молодого человека с лицом, украшенным небольшим шрамом на подбородке. У агента была простодушная улыбка, и звали его Мишелем.

Небольшой зал Космопорта на Рагозе был шумно переполнен встречавшими. Оказалось, что дама Рагоза пользовалась здесь известностью не меньшей, чем в других местах популярные певицы или спортсмены. Некий седовласый, облаченный в вышитый халат господин надел на розовую шейку дамы гирлянды из фиолетовых цветов. К обниманию и щекоцелованию потянулось несколько десятков дам различного возраста в шляпах от широкополых до аэродромных. Почему-то многие из встречавших привели с собой домашних животных — отчего было немало лая, мяуканья и даже блеяния. Неподалеку от Коры остановилась миловидная курносая девица с птичьей клеткой, в которой суетился маленький попугайчик. Представитель Космофлота Мишель представил ее как Веронику, которая отвезет Кору в гостиницу. Сам он задержался, чтобы договориться об отправке почты.

Они медленно пробивались сквозь толпу, попугай покрикивал на собак и кошек; дама Рагоза заметила Кору, помахала ей тонкой ручкой и улыбнулась... «И улыбнулась королева улыбкой слез, улыбкой слез» — это было из какого-то древнего романса, который любила напевать бабушка Настя в вологодской деревне.

В машине, лимузине десятилетней давности, раскрашенном, как цирковой клоун, которой управлял пожилой шофер, они направились в гостиницу.

За окнами проплывал обыкновенный, толком не приобретший индивидуальности, пограничный колониальный мир, который напоминал Землю с опозданием на десятилетия и в то же время находился под влиянием Галактического

центра, лишенного прошлого, памяти и традиций. В Рагозе еще не научились как следует убирать мусор, но постройки были импозантные: с чего-то скопированные и безвкусные здания парламента, верховного суда и оперного театра, который, разумеется, использовали под биржу. Машин было мало, доставлять их космосом накладно, а собственные дупликаторы, разумеется, работали из рук вон плохо.

По пути из гостиницы Вероника замучила Кору вопросами о принце Густаве; оказалось, она принадлежала к армии его поклонниц. О том, что принц из патриотических побуждений, решив проверить себя, прежде чем стать настоящим королем, отправился в невероятно опасный ВР-круиз, она уже знала, как, видно, и все в Рагозе. Потом она прошептала, прижимая к себе клетку с птичкой:

— А вы слышали главную тайну?

— Нет, уважаемая Вероника, — вежливо ответила Кора.

— Поклянитесь здоровьем моей птички, что эта тайна умрет между нами.

Между ними не было места, чтобы умереть тайне, потому что девица прижималась к Коре горячим боком, но Кора не стала возражать и тут же поклялась.

— Так знайте! — громко прошептала девица. — Нашего принца во время ВР-круиза должны убить! Какой ужас!

— А вы откуда знаете?

— Это страшная тайна.

На перекрестке мальчишка сунул в открытое окно машины газету. Девица кинула ему монетку и раскрыла газету на первой странице.

Там красовался грубо отретушированный портрет Коры и было написано:

«Агент ИнтерГпола № 3 прибыл в столицу Рагозы, чтобы провести предварительное расследование надвигающейся смерти принца Густава. Убийцу, как подозревают, надо искать в одном из высших кланов».

Переведя эти строки, девица сказала:

— Я за вас боюсь. Они постараются от вас отделаться.

И она оказалась пророчицей.

Именно в этот момент из толпы людей, ожидавших на краю тротуара зеленого света, выдвинулся черноволосый юноша в черных очках и синем плаще и кинул гранату в машину Коры. Граната рванула под колесами, двери на другой

стороне вырвало взрывной волной, и девушек выбросило на улицу под колеса встречного транспорта, который, к счастью, вовремя завизжал тормозами, и потому все остались живы, хоть и поцарапаны.

К сожалению, погиб попугай — на него упал шофер. Пока Вероника рыдала над тельцем птички, а толпа, собравшаяся в ожидании «Скорой помощи», выражала свое возмущение, шофер сказал:

— Достанут они вас, точно говорю — достанут!

— Но кому я мешаю? — удивилась Кора.

— Вы мешаете сильным мира сего, — ответила из толпы высокая женщина с большим потертым портфелем в руках. — Наш принц Густав пропал, но мы, представители простого народа, продолжаем надеяться на его возвращение. И нас подавляющее большинство жителей планеты.

Женщина неожиданно побежала, за ней последовали другие любопытные, и пространство вокруг очистилось, в нем появились полицейские машины, и полицейские сразу начали оттеснять людей еще дальше, оцеплять мостовую, искать осколки гранаты и задавать пустые вопросы. Потом приехала карета «Скорой помощи» и забрала всех пострадавших.

Свое первое на Рагозе интервью Кора взяла у космофлотовской Вероники, которая периодически начинала рыдать, жалея птичку, но Кора умело поворачивала беседу в нужном направлении.

Они сидели заклеенные пластырем и кое-как перевязанные в приемном покое скорой медицинской помощи и ожидали, пока из центрального распределителя привезут противостолбнячную сыворотку и сделают им уколы. Медик, потрясенный тем, что лечит агента ИнтерГпола, объяснил, что вакцину и прочие ценные лекарства держат на центральном складе для удобства распределения, но Вероника, как только он покинул кабинет, пояснила, что этот центр распространения расположен в элитарной специальной больнице, потому что хорошие лекарства привозят с Земли или из Галактического центра и они слишком дороги, чтобы тратить их на кого ни попадя.

— Раньше, — популярно объяснила Вероника, — мы жили в отсталом, можно сказать, средневековом обществе — так часто случается, если частица цивилизованного общества отрывается на большое расстояние и закукливается. Постепенно, с развитием контактов, мы расправили крылья, но получилось так, что первыми расправили их наши благородные кланы, те, что нажились в свое время на рудниках и теперь не намереваются делиться с остальными.

— Где вы учились? — удивилась Кора правильной и даже скучной речи ее собеседницы.

— Не принимайте нас за отсталых дикарей, — улыбнулась Вероника. — Я училась в столичной школе, у нас даже некоторые преподаватели были с Земли, по контракту. Потом поступила на химический факультет — не думайте, что это легко сделать обыкновенной девушке, даже не дворянке.

Кора согласилась, что нелегко.

— А потом не смогла найти работу, — продолжала Вероника. — Кланы, которые поделили между собой Долину, не заинтересованы в том, чтобы там добывалось много ископаемых. Они уже достаточно нажились за время редкоземельной лихорадки и вложили капиталы в фонды Галактического центра. Так что мне повезло, когда я нашла место у Мишеля... то есть в Космофлоте. И я не жалею, честное слово, не жалею!

Девочка влюблена в своего Мишеля, поняла Кора.

— Значит, богатство планеты стало тормозом ее развития, — сказала Кора.

— Правильно! Семнадцать семейств, которые делят власть в Рагозе, — потомки экипажа первого разведывательного корабля, открывшего Долину. С тех пор они так и не выпустили власть. Им выгодно, чтобы все оставалось как в сказке с королями, принцами и князьями.

— А вам смешно?

— Нам не смешно. Нам грустно. Мы живем, как в закрытой банке консервов. И потому наши надежды связаны с принцем Густавом.

— Почему?

— С тех пор как он окончил школу, он не скрывал отвращения к клановому заповеднику. И тот факт, что он улетел учиться на Землю, тоже о многом говорит, вы понимаете?

— Значит, в вашей Рагозе найдется немало людей, которые порадуются, если принц не вернется?

— К сожалению, да. Вы же видите... — Вероника погладила пустую помятую клетку. Попугая она уже закопала в клум-

бу у входа в приемный покой. Вероника заплакала, а Кора терпеливо ждала, когда она успокоится.

— Он был как человечек, — сказала Вероника. — Он все понимал, и, по-моему, он был умнее многих людей. А они его убили.

— Значит, кланы поделили между собой Долину? — спросила Кора.

— Да.

— Но они не равны между собой?

— Конечно же, нет. Есть богатые кланы, а есть такие... одно название!

— А клан Рагозы?

— Он самый сильный. Из него обычно и выбирают королей.

— Он всегда был и есть самый сильный?

— Ну как вам сказать... конечно, есть и другие, которым это не очень нравится. Например, клан Дормиров. У них есть принц Кларенс. Они считают, что престол должен перейти к Кларенсу... Но это так сложно и неинтересно.

— Может быть, это не очень интересно для тех, кто живет здесь всегда, а мне это очень интересно. Мне ведь надо понять, что грозит вашему Густаву.

В этот момент в приемный покой ворвались врачи с коробкой, в которой лежали спецшприцы и спецсыворотки. О чем они не уставали твердить все время, пока заканчивали процедуры.

Потом девушек и шофера отпустили. Но машины, чтобы довезти их до гостиницы, в больнице не нашлось. Пришлось идти пешком, впрочем, до гостиницы «Люкс» было недалеко.

В гостинице они подверглись атаке небольшой группы журналистов, уже знавших о покушении. Обнаружилось, как и следовало ожидать, что в машину гранату кинул какой-то землененавистник, абсолютно сумасшедший, которого уже вернули в психиатрическую лечебницу.

В номер удалось прорваться лишь через полчаса, и Кора без сил рухнула на постель.

— Я вам больше не нужна? — спросила Вероника. Вид у нее был ужасный, волосы встрепаны, вся в пластырях, в руке пустая клетка.

— Я вам так благодарна, — сказала Кора. — Извините, что

я не могу проводить вас. Но завтра я хотела бы встретиться с оракулом Провала.

— Ой, зачем он вам?!

— Завтра, завтра я все расскажу, — пообещала Кора.

* * *

На следующее утро, в половине восьмого, в тот момент, когда Кора досматривала самый интересный сон, позвонил представитель Космофлота Мишель и сказал, что заказал завтрак в ресторане гостиницы.

Так и не узнав, чем кончился сон, Кора поднялась, проклиная планеты, на которых труженики поднимаются с пением петуха.

Мишель был не один. Вероника стояла рядом, свежая, душистая, пухленькая, маленькая; единственно, что нарушало гармонию, — аккуратные кусочки пластыря, наложенные на вчерашние царапины.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Мишель, печальный, как французский мим.

— Все зажило или заживет, — ответила Кора. — Главное, что нам повезло.

— Кому как, — сказал Мишель, и Кора поняла, что он имеет в виду. А Мишелю хотелось объяснить причину своей печали, но он был деликатен и потому промолчал.

Они прошли в длинный низкий зал ресторана. Завтрак никуда не годился, потому что Мишель поселил Кору в самом шикарном отеле «Люкс», в котором повара старались придерживаться британских колониальных традиций. Кора представила себе гнев Милодара, когда тот узнает о расходах, понесенных организацией из-за расточительности Космофлота.

Британские колониальные традиции выразились в овсянке и яичнице с беконом. Но овсянка здесь изготовлялась из куколок каких-то мелких бабочек, а яичница из яиц ящерицы куруаны. К счастью, Кора узнала об этом заранее и ограничилась жидким «импортным» чаем и вчерашней булочкой. Зато труженики Космофлота накинулись на бесплатный завтрак, словно специально голодали две недели. Чтобы рассеять возможные сомнения Коры, Мишель смущенно сказал, что стоимость питания включена в представительские расхо-

ды, а Вероника давно мечтала отведать жареных яиц куруаны.

— Кора, — признался Мишель, уже к ней расположенный. — Я тебе должен сказать, что забочусь о твоих интересах по официальному запросу ИнтерГпола. По официальному. Иначе нельзя — если бы я сделал что-то втайне, меня сразу бы выслали, потому что здесь и без того подозревают, будто я не столько агент Космофлота, сколько агент ИнтерГпола. Это смешно, правда?

Но глаза Мишеля не смеялись. Кора поняла, что он и на самом деле агент ИнтерГпола, и послушно посмеялась за него.

— Вероника рассказала, что вы вчера болтали о кланах и о принце Густаве. Наивно болтали, по-женски.

— Да, конечно, ничего интересного, — ответила Кора, и Вероника радостно улыбнулась. В отличие от землянина Мишеля она была пуганой местной жительницей.

— И куда вы хотели бы съездить? Какие достопримечательности вы хотели бы увидеть? Водопады? Заповедник сов?

— Пока что меня интересует одна достопримечательность — так называемый оракул Провала. Когда можно его посетить?

— Я уже звонил ему с утра, — сказал Мишель, признавая этим, что заранее обсудил проблему с Вероникой. — Он согласен вас принять сегодня. В одиннадцать-двенадцать. Обычно к нему записываются за год.

Вероника нервно разгладила скатерть.

— Может быть, вам не стоит с ним встречаться? — предположила она.

— Почему? Он мне нужен как свидетель по делу, которым я занимаюсь.

— Он злобный реакционер. — Вероника перешла на шепот. — Всем известно, что он предсказывает те бедствия, которые выгодны сильным мира сего. Буквально до смешного... Ну скажи, Мишель, скажи!

— Разумеется, он очень популярен, — осторожно произнес Мишель, предварительно оглянувшись. — И влиятелен. Но в конечном счете Вероника права. Многие убеждены, что он находится на содержании у некоторых сильных кланов.

— Точнее, у клана Дормиров, к которому принадлежит принц Кларенс, — уточнила Вероника.

— Соперник Густава? — Кора уже начала вживаться в местную политику.

— Именно так! — сказал Мишель. — Но все это было бы только смешно, если бы он врал. Но он угадывает! Угадывает важнейшие события! Вы не представляете, насколько ему у нас верят.

— До смешного, — сказала Вероника. — Я человек несуеверный, но иногда поражаюсь его ловкости. Может быть, за этим что-то есть... Ведь экстрасенсы существуют?

— Пока что в Галактике я их не встречала, — ответила Кора. — Ни одному из экстрасенсов не удалось нарушить законов физики. А это уже утешает.

— Жалко, — призналась Вероника. — Я в школе не выносила физику и всегда надеялась, что найдутся какие-нибудь волшебники или маги, которые эту проклятую физику отменят.

— Заодно с грамматикой? — спросила Кора.

— Ах, — согласилась Вероника, — вы говорите, словно льете мед на мои раны!

— Так что же он предсказывает? — спросила Кора.

— Он предсказывает неурожаи и засухи... — пискнула Вероника.

— Ну уж и засухи!

— У него на зарплате заместитель директора метеоцентра, — сообщил Мишель. — Только об этом нельзя говорить.

— Убьют? — спросила Кора.

— Нет, высмеют, а потом посадят в сумасшедший дом.

— Дело так плохо?

— Плохо настолько, что когда оракул вечной жизни...

— Как вы сказали?

— Официально его зовут Амитаюс, Будда вечной жизни... Так вот, когда он предсказал в прошлом году пограничную войну между двумя небольшими кланами, то оба клана собрали армии и начали пограничную войну.

— А когда он предсказал прорыв плотины в Горноречье? Помните? — сказала Вероника.

— К сожалению, помню. Плотина рухнула. От взрыва. И кто ее взорвал — так и не выяснили. А предсказание сбылось — и это главное! И погибло несколько сот человек.

— Одни его любят и трепещут... — сказала Кора.

— А другие ненавидят и тоже трепещут, — сказал Мишель,

который, как землянин, имел право на скептическое мнение. Вероника положила ладонь на его руку, чтобы остановить.

— Здесь всюду уши, — прошептала она.

— Оракул любит выступать по телевизору, читать лекции, заколдовывать воду, предсказывать результаты местных выборов... Но главное его выражение: «Я никогда не ошибаюсь!»

— «И если я предскажу день своей смерти, то умру в тот же день», — закончила цитату Вероника.

— И я убежден, что в королевстве есть тысячи людей, которые желали бы, чтобы он сделал такое предсказание, — тихо сказал Мишель, изучая узор на скатерти.

— Скорее всего, не дождетесь, — сказала Кора. — Такие люди себя берегут.

— Боюсь, что так, — согласился Мишель. — Ну что ж, поехали?

Когда они вышли в обширный, но низкий холл гостиницы, Вероника, все так же вполголоса, обратилась к Коре:

— А о чем вы его хотите спросить? Если это не секрет?

— Для вас не секрет. Этот оракул объявил даме Рагозе и, возможно, другим лицам, что принца Густава убьют во время ВР-круиза.

— Все знают об этом! — подтвердила Вероника. — Я сама, кажется, вам об этом говорила.

— Но меня интересует — откуда он получил такую информацию, — сказала Кора.

— Оттуда, — показал Мишель пальцем в потолок. Он пропустил Кору в дверь.

— Милый Мишель, — сказала Кора. — Подобно вам, я верю в законы физики, а они гласят: слухи и сплетни распространяются от человека к человеку без посредства высших сил, которые заняты своими делами.

— Хорошая теорема, — согласился Мишель.

— Аксиома, — возразила Кора.

Было прохладно, собирался дождик. Мишель нервно раскрыл зонт, потом закрыл его снова. Кора спросила:

— А где ваша машина?

И по тому, как вздрогнул Мишель, поняла, что допустила бестактность. И тут же вычислила какую. Кора прилетела из мира, где машин или подобных им средств передвижения изготавливается столько, сколько нужно. Если у тебя что-то

случилось с флаером или мобилем, ты берешь со стоянки другой... Но сейчас-то она в чужом мире. В мире, где машина — предмет престижа, где машины дефицитны и недоступны подавляющему большинству жителей Рагозы.

— Вашу машину взорвали из-за меня, — сказала Кора.

— Я напишу и отправлю на Землю рапорт, — сказал Мишель. — И они пришлют новую машину через два года. Да еще с выговором... А как нам работать?

— Как только вернусь на Землю, я сразу же пойду в Космофлот, — сказала Кора.

— Они будут с вами очень вежливы. Они мастера избавляться от неудобных посетителей.

— Но как же вы будете без машины?

— Буду брать напрокат, когда прилетают корабли. А так... обойдемся. Здесь есть общественный транспорт, — сказал Мишель, разводя руками и становясь еще более похожим на французского мима.

— Это не общественный транспорт, — возмутилась девушка. — Это общественное безобразие!

— Вероника!

Мишель поднял руку. Притормозило такси.

— К оракулу, — объявил Мишель. Водитель подозрительно покосился на пассажиров, но ничего не сказал.

— Интересно, кому я так помешала? — поинтересовалась Кора.

— Наверное, клану Дормиров, — предположила Вероника. — Это они хотят убить нашего Густава, чтобы трон достался тупому Кларенсу.

Выслушав Веронику, Кора обернулась к Мишелю.

— Не знаю, — тихо сказал тот. — Я не могу для себя ответить на вопрос: что выгоднее для клана Рагозы — посадить ли на трон законного короля из собственного клана, который ставит своей целью задачу ликвидировать кланы и превратить Рагозу в государство нового типа... или договориться с другими кланами и отдать трон чужому, но послушному королю?

Кора не стала отвечать на вопрос, обращенный не к ней.

Вероника ахнула:

— Ну как ты мог так подумать!

Машина свернула на пальмовую аллею фешенебельного района.

— Будьте осторожны, — прошептала Вероника на ухо Коре. — Если он предсказывает смерть, то человек обязательно умирает. Уже были случаи... Не злите его.

— Это не входило в мои планы, — призналась Кора.

Перед узорчатыми железными воротами Кора, попрощавшись, вышла из машины.

В воротах ее встретил мажордом в ливрее, с деревянным жезлом.

Кора поглядела на светящуюся электрическими лампочками вывеску над воротами: «ОРАКУЛ ПРОВАЛА».

— Что это означает? — спросила она. — Где у вас провал?

— Вам объяснят, мадам, — ответил мажордом. — Господин оракул ожидает вас в голубой гостиной, как раз у провала.

Фонтаны журчали на разные голоса, птицы вторили фонтанам, а бабочки, что кружились над клумбами, старались удержаться в колорите высаженных там цветов.

Господин оракул встретил Кору в вестибюле. Он стоял, опершись ладонью о белый бок мраморной Венеры.

— Кора, милая, — сказал он. — Как радостно и трогательно тебя увидеть вновь!

Оракул удивил Кору. И не столько странным приветствием, как тем, что оказался нестарым человеком, лет тридцати пяти, аккуратно, по местной моде, причесанным и одетым. Одна прядь была покрашена в голубой цвет и, завитая, падала на правый глаз — ну точно как у знаменитого певца, имя которого Кора, к своему стыду, забыла.

— Мне очень приятно, — сказала Кора, направляясь к оракулу и протягивая руку. — Но я не помню, когда мы встречались.

— Ах, Кора, Кора, — укоризненно произнес оракул, улыбаясь лукаво и добродушно. Был он неестественно гибким, словно вместо костей в нем находился упругий резиновый костяк. — Мы же были дружны в прошлой жизни, в конце двадцатого века... Ты была императрицей Жозефиной, а я маршалом Фошем.

Несмотря на ограниченные знания в истории, Кора сообразила, что ее морочат, ибо оракул сам никогда ничего не читал, кроме детективов Чейза и Шейнина.

— Ах, извините, — Кора подхватила тон оракула. — Как я могла запамятовать! Вы же взяли Бастилию и подарили мне открытку с ее видом!

— Не Бастилию, — поправил Кору оракул, — а Измаил. Но разве это столь важно?

Он жестом пригласил Кору в голубую гостиную.

Стены, потолок и даже пол этой обширной комнаты были стеклянными; за стеклами находился слой воды, подсвеченный голубыми лампами. В воде плавали рыбки и головастики. Зрелище было впечатляющее и не лишенное приятности.

Посреди пола чернело круглое отверстие диаметром в три метра.

— А вот и провал, — ласково произнес оракул. Незаметно для окружающих, но, разумеется, не быстрого взора Коры, он нажал носком ботинка на кнопку, чуть выступающую из пола у двери, и из черного колодца вырвался клуб голубого дыма. — Адские силы, — легко и почти весело заметил оракул. — Именно в них я обретаю способность видеть будущее.

Он указал на золотой треножник, на котором лежала подушечка, и Кора поняла, что именно там он восседает.

— А где вторая кнопочка? — спросила Кора.

— Какая кнопочка? — насторожился оракул.

— На которую вы наступите, чтобы дым прекратился, — и Кора показала на первую, у двери.

— Ах, это не имеет никакой связи, — сказал оракул. — Кстати, я забыл представиться. Обычно меня зовут моим мистическим именем Амитаюс, то есть Будда вечной жизни.

— Кора Орват, агент ИнтерГпола, — представилась Кора. — А у вас есть настоящее имя?

— У меня сотни имен, и все настоящие. Но друзья детства звали меня Оливером. Оливер Джадсон — в этом что-то есть!

Он уселся на треножник возле провала. Кора обернулась в поисках какого-нибудь стула.

— Тебе придется постоять, подруга моей предыдущей жизни, — сказал Амитаюс. — В моем присутствии никто не садится.

— В предыдущей жизни, — заметила Кора, — ты был куда лучше воспитан.

— Ты меня неправильно понимаешь, — ответил Будда вечной жизни, — субъективно я хотел бы, чтобы ты сидела или лежала в моем присутствии, а я стоял бы или лежал у твоих ног. Но мое положение обязывает меня к превосходству над тобой. Не сердись, моя милая, я ничего не могу поделать с общественным мнением. Здесь не только стены, здесь

и потолок имеет глаза и уши. Мы живем в отсталом, пронизанном суевериями обществе.

Кора, конечно же, могла бы сесть и на пол, но ее сейчас интересовали не вопросы этикета, а факты. Идея о смерти Тесея во время ВР-круиза, судя по показаниям его тетки Рагозы, исходила именно из этой голубой гостиной. Кто-то должен был принести ее сюда. Вряд ли она родилась в воображении оракула, которому хотелось набить себе цену. Но ничего нельзя исключать. Так что Кора продолжила разговор стоя.

— Уважаемый Будда, — сказала она, — я пролетела половину Галактики, чтобы насладиться лицезрением вашего мастерства.

— Что это означает?

— Я хочу, чтобы вы предсказали мне судьбу принца Густава.

— Невозможно, — улыбнулся оракул.

— Почему?

— Потому что я могу предсказывать судьбу лишь вам или вашим близким. Предсказания по заказу на других порочны, неэтичны и, главное, лживы. Иначе ко мне прибегали бы соседи по квартире, соперники в любви и всякая преступная шантрапа.

— Почему же дама Рагоза узнала от вас судьбу Густава?

— Дама Рагоза, да будут дни ее протекать в благополучии, — ближайшая родственница нашего будущего короля и повелителя. Как мог я отказать ей? Мне еще дорога своя шкура, простите за грубое выражение.

— И что же вы ей сказали?

— Я сказал то, что увидел в клубах дыма, которые вырвались из этого провала, достигающего центра планеты.

— И что же вы увидели?

— Я увидел исчезновение тела принца Густава в таинственном катаклизме, имеющем место в чужом для нас мире. Без надежды на воскресение. Окончательная терминальная смерть.

— Так не бывает. Человеку всегда можно подыскать другое тело или вырастить новое.

— Так бывает. Люди умирают навечно, если разрушен мозг.

— Вы рассказали это даме Рагозе? Почему она поверила вам?

Оракул Амитаюс длинным наманикюренным ногтем почесал маленькие усики — точно следы угля под тонким длинным носом.

— Мне верят все, — ответил он.

— Вы хотите сказать, что вы настоящий оракул?

— Разумеется, я великий оракул. Я вижу будущее.

— Что вы говорите! — возмутилась Кора. — Аксиома Вундеркинда гласит, что будущее увидеть нельзя, потому что оно еще не существует.

— Кому нельзя, — лениво ответил оракул, — а кому и можно. Таких, как я, всего два или три гения во всей Вселенной. Я могу заглянуть в будущее в любой момент.

— Дым помогает? — спросила Кора.

— Да, в частности, и дым. Если бы вы знали историю, то вам удалось бы узнать, что Дельфийский оракул сидел на треножнике над специальным дымом и входил в состояние.

— Теперь мне все понятно, — вздохнула Кора. — Вы читали что-то из популярных изложений, но не прочли, что оракул лишь термин, это символ, а не человек. А входили в состояние, по вашему выражению, лишь пифии.

— Вот именно, — неуверенно подтвердил оракул Амитаюс, — именно пифии. Крылатые богини! Я их видел, когда летал в прошлое!

— Значит, этот самый дым подсказал вам, что Тесея убьют во время ВР-круиза? — спросила Кора. — Терминально убьют?

Она протянула кончик башмака и легонько дотронулась до кнопки в полу. Клуб дыма послушно вырвался из провала. Запах у дыма был неприятный, с душком, наверное, адский.

— Прекратите хулиганить! — закричал оракул. — Я вас уничтожу! Вам мало неудачного покушения? Будет и удачное!

— Вы и об этом уже слышали, Джадсон?

— Не Джадсон, а Будда вечной жизни, Амитаюс!

— Скажите мне, Будда вечной жизни, а про покушение на меня вам тоже дым сообщил?

— Разумеется, — ответил оракул, отодвигая ногой носок Коры, чтобы вернуть себе контроль над извержением дыма.

— А теперь меня убьют удачно?

— Успешно, — ответил все еще недовольный оракул.

— Объясните мне, Вечный Будда, — попросила Кора как можно вежливее. — Кому я помешала на вашей благословенной планете? Я ведь прилетела всего на один день поговорить с вами и тут же улечу.

— Значит, помешали, — ответил оракул противным голосом мальчика, который знает какую-то гадость про старшую сестру, но сообщать ее не намерен.

— Я чего-то увидела, чего мне видеть не следовало?

— Может быть.

— Или услышала?

— Не исключено. — Оракул покачивал ножкой, обутой в золотой сапожок.

Господи, подумала Кора, сколько времени он проводит у зеркала!

— И теперь меня убьют окончательно?

— Сегодня же, — лучезарно улыбнулся предсказатель.

— Но предупреждаю, — заявила Кора, хотя нельзя сказать, что она получила удовольствие от такого категорического предсказания, — что, если меня сегодня не убьют, я вас дезавуирую.

Оракул не понял слова.

— Поясняю, — продолжила Кора. — Я всему свету раззвоню, что вы трепло, которое не выполняет обещанного. Не смог угробить простого агента.

— Тебе никто не поверит, — сказал оракул. — Мне все верят так, что я порой сам себя боюсь. Если я говорю, что будет война, они начинают ее в назначенный мною срок. Если я предсказываю смерть, человек ложится и перестает принимать пищу.

— Где-то я уже это слышала.

— Вы нигде этого не слышали, — сообщил оракул, — потому что я уникален.

— Последний вопрос, и я уйду навстречу смерти.

— Пожалуйста.

— Кто все-таки посоветовал вам распустить слух о смерти наследника престола?

— Ну вот, опять за свое! — завопил оракул. Он нажал на кнопку и скрылся в облаке дыма. Оттуда пахло адом и доносились проклятия в адрес Коры.

* * *

Добрые дела должны приносить доходы — таков принцип здравого смысла. Значит, надо спешить с добрым делом, иначе погибнешь, не успев принести пользы хорошим людям, из-за тебя же пострадавшим.

Кора взяла на стоянке такси, но не первое, а пропустив две машины. Сейчас ей нельзя было рисковать.

За ней следовала одна машина, почти открыто. Может, это была слежка, может — охрана. В сущности, это не меняло дела.

Намерения Коры были самыми прозаическими, так что скрываться не было смысла. Правда, она предпочла бы ехать по наиболее оживленным улицам. Почему-то убийцы предпочитают стрелять в тихих переулках.

Вот и центральный телеграф.

Кора взбежала по лестнице на второй этаж, в зал космической связи, и, пройдя во внутреннюю операторскую, показала дежурному свой знак и номер. Видно, для дежурного не было секретом пребывание на планете агента ИнтерГпола, и он провел Кору в святая святых — помещение грависвязи с Галактическим центром. Туда, не зная сегодняшнего кода, не мог войти даже король Рагозы.

Теперь Коре предстояло лгать.

Кора не любила лгать, хотя ей время от времени приходилось во спасение или в интересах службы. Сейчас ситуация была иная и потому тем более неприятная. Но выхода не было. Кора отлично знала, что правда ничего хорошего ей не принесет, а лишь испортит репутацию.

Связь дали минут через пять. Кора проверила звукоизоляцию камеры связи.

Милодар был на месте.

— Надеюсь, все в порядке? Ты узнала, кто стоит за этими сплетнями? — спросил он.

— Кое-что узнала. Кстати, на меня было покушение.

— Удачное? — деловито спросил комиссар.

— Пока я отделалась несколькими швами и ушибами.

— Везучая ты у меня, — сказал Милодар так, словно сам устраивал эти покушения, а теперь сокрушался в их провале.

— Срочно переведите мне десять тысяч триста двадцать два экю для подкупа. Деньги должны быть у меня, как только я доберусь от телеграфа до банка.

— А далеко до банка? — спросил Милодар, не ставя под сомнение требование агента, так как, зная психологию начальства, она назвала до нелепости точную сумму.

— Десять минут перебежками.

— Продолжают преследовать?

— Оракул полчаса назад предсказал мне, что последнее удачное покушение произойдет сегодня.

— Ты поосторожнее. — Голос Милодара дрогнул. — На моей свадьбе обещала погулять.

— Многое теперь зависит от вас. Деньги на бочку!

— А поменьше нельзя? — комиссар спохватился, что не поторговался с Корой.

— Поменьше нельзя. Могу провалить операцию.

— Верю, девочка, — сказал Милодар. Кора прекратила связь, поблагодарила дежурного и спросила, есть ли в здании запасной выход.

— Я вас провожу, — ответил дежурный. По дороге он сообщил: — Сегодня с утра во всех газетах пишут о покушении на вас. Говорят, что к вечеру состоится удачное покушение. Все-таки это хамство, а вы как думаете?

Дежурный провел Кору длинными подземными туннелями, где вдоль стен и потолка тянулись, повисая, многочисленные кабели.

— Я с вами совершенно согласна, — сказала Кора. — А кто, вы думаете, за этим стоит?

— Распространяет слухи, конечно же, оракул Провала, — прошептал дежурный. — А ему подсказывает младший Кларенс из клана Дормиров.

— А ему зачем?

— Нагнитесь, здесь может током долбануть, — предупредил дежурный. — А Кларенсу советует Кларисса. Он сам бы не догадался.

— Спасибо, — сказала Кора. Они как раз вышли к полуоткрытому люку, ведшему на задний двор телеграфа. Конечно, Коре хотелось бы поговорить еще — всегда хочется узнать что-то новенькое, если это касается твоего убийства, но дежурный откланялся и ушел, сославшись на срочные дела. Для него смерть Коры была неприятностью, но не личной.

Итак, рассуждала Кора, пробираясь дворами и переулками к центральному банку. У нас есть цепочка: оракул — дама Рагоза — некий Кларенс-младший из клана Дормиров, который, если Кора не ошибалась, является главным соперником Густава в борьбе за трон и получает реальные шансы стать королем, если Густава забодает Минотавр. Но кто такая Кларисса и зачем ей убивать Кору? Появилось новое лицо, и это всегда интересно.

Без приключений, если не считать короткой схватки с бродячими собаками, которых Кора нечаянно отогнала от ящиков с мусором, считавшихся собачьей собственностью, она добралась до банка. У входа в банк кипела обычная жизнь, но ничего подозрительного Кора не заметила.

В банке она прошла сразу к менеджеру — он ее ждал. Гравперевод через Галактический центр поступил четыре минуты назад. Кора попросила выдать ей всю сумму наличными, что никого не удивило, потому что в Рагозе еще не обзавелись такими игрушками, как кредитные карточки или лазерные сканеры.

Семь тысяч Кора получила золотыми монетами в кожаном мешочке, который надежно привязала к поясу. Ни одна живая душа в этом городе не подумает, что кто-то может разгуливать по улицам так легкомысленно, если каждый вечер по радио не меньше трех часов перечисляются случаи нападений, насилий и убийств.

Остальные деньги, крупными купюрами, она положила в бумажник.

Все эти операции Кора провела в кабинете директора банка, у него на глазах. Тот старался не показывать своего изумления; в конце концов, сказал он на прощание, в каждой стране свои обычаи.

Напоследок Кора позвонила в представительство Космофлота. Мишель оказался на месте, он был рад, что Кора еще жива. Кора сказала, что им нужно встретиться — она нуждается в помощи для выяснения одной весьма важной для следствия детали. Мишель спросил только, где и когда. Он уже воспринимал Кору как стихийное бедствие, с которым простые смертные не спорят.

— Я попрошу также присутствовать Веронику, — предложила Кора.

— Ой, она ушла домой пораньше, — ответил агент. — Боюсь, что у нее легкое сотрясение мозга.

— Вызовите ее, Мишель. Я знаю, как ей помочь.

Мишель не ответил. Он боялся за свою Веронику и хотел,

чтобы Кора, от которой исходил аромат близкой смерти, поскорее улетела.

— Я улечу сегодня же ночью, — сказала Кора. — Мне казалось, что у вас в расписании был указан местный рейс на внешнюю планету.

— Правильно! — Наконец-то в голосе Мишеля послышалось облегчение. — Конечно же, оттуда вы улетите куда легче и безопаснее, чем от нас.

— Через полчаса я жду вас в подземном гараже универмага, — сказала Кора.

— Вы уже знаете этот гараж?

— Я уже многое знаю, — ответила Кора. — Спуститесь туда из кафе нижнего этажа.

— Через полчаса? Я постараюсь успеть. Если Вероника сможет...

— И постарайтесь не приводить за собой «хвоста», — попросила Кора. — Мне надоели нежданные встречи.

Повесив трубку, Кора поблагодарила директора банка за терпение, пригласила его на Землю, и тот вежливо принял приглашение, хотя они не уточняли, где и когда встретятся, как бы подразумевая этим, что такие известные персоны всегда отыщут друг друга на просторах Галактики.

Кора отказалась от сопровождения.

День уже кончался, на улице было тесно от спешащих по домам служащих, медленные потоки автомашин рывками двигались по мостовым, причем новенькие земные «Мерседесы», с молодыми аристократами или банкирами внутри, пробовали время от времени взлететь над общим потоком, и полицейские вяло осаживали их.

Если бы кто-то попытался сейчас убить Кору, ему пришлось бы пробиваться сквозь толпу.

Но Кора не стала задерживаться на ступеньках банка и, сбежав вниз за спиной солидного господина в широком плаще, согнулась, затесавшись в толпу, и минут через десять уже была в центральном универмаге, занимавшем целый квартал.

Все ее дела в универмаге заняли десять минут, ибо сила чистого золота в кожаном мешочке с печатями центрального банка производит на продавцов неотразимое впечатление.

Агент Космофлота и его помощница опоздали минут на десять — попали в самый час «пик», а без машины, даже плохонького космофлотовского фургона, в городе проехать почти невозможно, потому что электрические дилижансы и поезда внутренней железной дороги движутся медленно, а в часы «пик» набиты настолько, что на конечных станциях дежурят кареты «Скорой помощи», чтобы извлекать трупы тех, кто не смог выдержать путешествия.

Они спустились на лифте.

Кора, стоявшая за широкой колонной подвального гаража и внимательно наблюдавшая, нет ли слежки, увидела их сразу, как они вышли и неуверенно остановились возле кабины.

— Если ее нет, это означает только одно... — начал Мишель. При слабом освещении он казался бледнолицым братом всего человечества.

— Что мы ее лишились? — спросила Вероника. Она покорно держала Мишеля за руку и ждала чего-то страшного.

— Спасибо, что так быстро откликнулись, — громко сказала Кора, чтобы не пугать их неожиданным появлением.

Лифт загудел и уехал наверх. В подземном гараже стало темнее.

Кора подошла к ним, улыбаясь.

— Не сердитесь, что я вас потревожила.

— Это наш долг, — ответил с облегчением агент Космофлота.

— Если говорить о долгах, — сказала Кора, — то, прошу вас... — Она сделала широкий жест рукой, показывая на новейший микробус — мечту каждой космической компании — со сложенными крыльями, на воздушной подушке, способный перевоплощаться в спальный вагон или грузовик, грузоподъемностью в шестнадцать тонн зерна, и в то же время, в обычных условиях, — комфортабельный лимузин на десять мест.

— Что это? — спросил агент Космофлота.

— Я возвращаю долг, — сказала Кора. — Из-за меня вы потеряли машину. Без машины работать здесь невозможно. Ваш Космофлот пришлет вам новую через полгода, причем устаревшую и страшно неудобную.

— Ой, как вы правы! — вмешалась Вероника. — Они уже это делали в прошлом году. — Она поцеловала Кору и всхлипнула от счастья.

— Но откуда у вас деньги? — спросил подозрительно Мишель, побледнев еще более.

Он знал, что Кора, как и он, — государственная служащая, то есть человек относительно нищий.

— Давайте уедем отсюда куда-нибудь в укромное место, где можно перекусить. У меня выдался трудный день, — ушла от ответа Кора.

Она указала Мишелю на водительское место, а сама уселась сзади. Рядом устроилась Вероника, которая была растрогана и все норовила дотронуться до Коры, погладить ее.

— И все-таки вы должны признаться мне, — настаивал Мишель, — как вам удалось добыть такие деньги? Это же невозможно.

— Если бы я сказала комиссару, что мне надо восстановить машину, которую из-за меня потерял Космофлот, он бы ответил...

— Я знаю, что он бы ответил, — улыбнулся Мишель, а Вероника счастливо засмеялась.

— Я сказала, что деньги нужны на срочный подкуп, на грязные делишки, на тайные убийства и всевозможную гадость, — сказала Кора. — Он и не пикнул.

— Я вам верю, — сказал Мишель. — И тем более вам благодарен.

— Когда будете ставить машину у ресторана, — предупредила Кора, — сделайте так, чтобы с дороги никто не видел, что я в ней ехала. Вы же не хотите, чтобы ее взорвали снова.

Мишель аккуратно выполнил совет. Он уже любил свой микробус.

Они вошли в небольшой загородный ресторанчик, где кормили дарами раскинувшегося рядом горного озера, — там были чудесные нежные крабы и суп из черепах.

— Что вы узнали у оракула, если не секрет? — спросила Вероника. Глаза ее сияли, как на новогодней елке, а пластыри ничем не могли испортить чудесного личика.

— Что и предполагала — он утаил ответ, ускользнул как червяк. Но потом я услышала от одного человека два имени. Так как одно из них мне незнакомо, я нуждаюсь в вашем совете.

— Все, что угодно, — сказал Мишель.

— Что вы знаете о принце кларенсе и девушке по имени Кларисса?

Кора отметила, насколько изменилось отношение к ней со стороны собеседников. Час назад она была не только со-

юзницей, соратницей, но и эмоционально чужой, ввергшей их в неприятности и опасность. Сейчас же она стала другом не потому, что подкупила их, а потому, что позаботилась, — в этом заключалась большая разница. Она понимала, что и сама могла оказаться на месте этих людей. И если утром они старались ей помочь, то сейчас они сделают для нее все, что в их силах.

— О Кларенсе вы уже слышали, — сказал агент Космофлота. — Сам по себе он ничего не представляет, но за его спиной сгруппировались все те силы, что противостоят Густаву. Если Густав умрет — у Кларенса и его клана появляются реальнейшие шансы оттеснить клан Рагозы от власти...

— А наша планета останется такой же старой ведьмой, как и сегодня, — смело заявила Вероника. Владелица такого микробуса могла и забыть о робости.

— Значит, он заинтересован в смерти Густава?

— Он никогда не высказывался подобным образом, но его окружение не скрывает своих надежд. К тому же у нас ходят туманные слухи о дуэли между Густавом и Кларенсом из-за Клариссы.

— Она состоялась? Кто победил?

— Говорят, — Вероника была смущена. Всегда неловко плохо отзываться о своем кумире, — говорят, что Густав отказался от дуэли и улетел на Землю.

Кора отодвинула тарелку с недоеденным крабом, хотя краб был чудесным.

— Расскажите мне о Клариссе. Это что еще за роковая женщина? — спросила Кора.

— Вовсе не роковая, — воспротивился Мишель. — Это очень красивая и милая девушка, мисс Рагоза позапрошлого года. Когда Густав приезжал на каникулы, он влюбился в нее.

— Так почему все молчат о ней?! — воскликнула Кора.

— Вы об этом не спрашивали, — возразил агент Космофлота.

— Это низкая продажная тварь, — сказала Вероника хрипло. Словно готовилась к пытке, но не собиралась сдаваться.

Впервые в присутствии Коры Вероника возразила своему Мишелю. Кора поняла, что угадала истинную причину конфликта, — видно, Кларисса была хороша и пользовалась при этом репутацией соблазнительницы.

— Простите, — обратилась Кора к Веронике, — и что же натворила эта продажная тварь?

— Ну нельзя же так! — укорил дам Мишель.

— Мишель, не перебивай меня, — сказала Вероника, хотя агент Космофлота и не собирался этого делать. — Все знают, что Густав в позапрошлые каникулы до смерти влюбился в эту охотницу за мужчинами и деньгами и даже объявил о намерении жениться на ней после окончания университета. Разве не так, Мишель?

— Это не было официальной помолвкой.

— Густав выше этого! Он дал слово Клариссе. Он совершил ради нее преступление...

— Ну уж, преступление! — прервал подругу Мишель. — У них это не считается преступлением.

— Не говорите загадками, умоляю вас! — взмолилась Кора.

— Говорят...

— Кора, учти, что все это только слухи и сплетни, — сказал Мишель.

— Сбором их я и занимаюсь на этой планете, — ответила Кора. — Так что меня не смущает такой вид информации. Продолжай, Вероника.

— Под каким-то предлогом она заставила его заложить родовое имение.

— А Густав не богат?

— После смерти его родителей все имения и участки редкоземельных элементов перешли под контроль клана. Если Густав станет королем, то он станет и главой клана. Сейчас глава клана — дама Рагоза.

— И он заложил родовое имение?

— Вероника права, — вмешался Мишель. — Судя по всему, Густав и на самом деле небогат. А когда он к тому же отправился учиться на Землю, то его шансы пошатнулись. Началась интрига против него, стали все чаще поговаривать, что стране нужен настоящий король, железный кулак, а не получивший образование черт знает где очкарик. Ну, вы понимаете...

— С трудом, — сказала Кора.

— Когда Густав улетел, Кларисса вела... как бы вам сказать... рассеянный образ жизни. Внешне скромница, тихоня... она подбиралась и подбиралась к принцу Кларенсу! — сказала Вероника.

— У нее было немало помощников, которые толкали ее в объятия Кларенса, — добавил Мишель.

— Ей, при ее любви к бицепсам, скоростным автомобилям и кожаным курткам, было трудно не кинуться в объятия к Кларенсу, — продолжала Вероника. — У него мышцы на руках — во! На ногах — во! А лобик — во-о-о-от такой малюсенький!

— Не преувеличивай! — улыбнулся Мишель.

— Принц Кларенс еще не успел произойти от обезьяны, — сообщила Вероника. — И именно это пленило нашу кошечку.

— И все же ты к ней жестока. Я допускаю, что она искренне увлеклась Кларенсом.

— Конечно. При условии, что она согласилась участвовать в заговоре с целью убийства Густава и лишения его трона. Тогда она получала трон и Кларенса.

— Но чем ей плох трон плюс Густав? — спросила Кора, зная ответ заранее.

— Да потому что она уже стала любовницей Кларенса и подружилась с теми, кто хотел видеть на троне именно его.

— Хватит, друзья. Мне почти все понятно.

— Подождите, мы еще не все рассказали! — возразила ей Вероника. — Разве вам не интересно, что случилось на балу, когда Густав два месяца назад прилетал сюда на каникулы?

— Любопытно, — призналась Кора.

— Шансы на то, что это правда, — минимальны, — сказал Мишель.

— Но у моей подруги двоюродная сестра была на том балу! — возмутилась Вероника. — Я же тебе говорила.

Мишель печально сделал шалашиком брови и устранился от разговора.

— Густав ничего не подозревает! — драматическим голосом воскликнула Вероника. К счастью, ресторанчик был пуст. — Он приезжал на бал с Клариссой. А там все уже подстроено. Он приглашает Клариссу на танец, но его опережает, даже отталкивает Кларенс. Мишель, не делай такое лицо — это видели пятьсот человек! Да, Кларенс отталкивает Густава и приглашает танцевать Клариссу. Густав терпит и делает вид, что ничего не случилось. Следующий танец. То же самое. И тогда Густав делает Кларенсу замечание. Он указывает ему на то, что Кларисса — его дама. А Кларенс хохочет ему в лицо в присутствии всей знати королевства и ос-

корбляет его, называя книжным червем, которому не видать такой бабы, как Кларисса. Но даже тут Густав ни о чем не догадался. Он стоял как дурак и говорил Кларенсу: как тебе не стыдно, братец. У Кларенса такое было прозвище в школе — Братец.

— Вероника!

— Это видели пятьсот человек.

— Извините, но это на самом деле видели пятьсот человек, — сказал официант. — Тесть моего кузена был там лично. Он полковник гвардейских мотоциклистов.

— Вот видишь! — обрадовалась союзнику Вероника.

— Ну и что дальше?

— А дальше Кларенс обозвал Густава жалким трусом.

— Ну!

— И Густав был вынужден догадаться, в чем дело, и вызвать Кларенса на дуэль на дубинах.

— На чем?

— На дубинах! Дуэли позволены только знатным людям. И последние двести лет их проводят только на дубинах.

— С ума сойти, — сказала Кора. — Куда я попала!

— Я с вами согласен, — снова вмешался официант. — Совершенно варварский обычай.

— Густав сказал: «Кларенс, ты понимаешь, что я теперь буду вынужден вызвать тебя на дуэль?» Это ужасно. Кларисса хохотала на весь зал. Кларенс тоже стал смеяться. Тогда Густав повернулся и ушел из зала.

— И что же?

— А ничего! — ответила Вероника. — Это тайна. Дуэль не состоялась. Никто ничего не понял. Они так здорово придумали убить Густава традиционным путем, а дуэль не состоялась. Теперь Густава многие презирают и говорят, что такому трусу не видать дуэли как собственных ушей.

— Вероника, никто ничего не знает! — повторил Мишель.

— Почему же, — задумчиво произнесла Кора. — Сколько у нас времени до отлета местного рейса?

— Часа четыре, — сказал Мишель.

— Тогда мне надо поговорить со свидетелем.

— С каким свидетелем? — спросил Мишель.

— Ну как ты не догадался? — воскликнула Вероника. — Конечно же, с Клариссой. Правда?

— Правда. А что она сейчас делает?

— Она затаилась. Говорят, что она встречается с Кларенсом, но тайком.

— Она ждет, пока принца убьют у вас на Земле, в ВР-круизе, — сообщил осведомленный официант. — Мороженое нести или вы спешите?

— Спасибо, мы спешим, — ответила Кора.

— Тогда потратьте еще три минуты, и я поведаю вам, что рассказал тесть моего кузена. Я помню его рассказ до последнего слова.

— Говорите, — сказала Кора, взглянув на часы.

— Принц Густав сказал, что он никогда в жизни еще не дрался на дубинах и не знает, как это делается, но он убежден, что любая дуэль с человеком, который в школе, вместо того чтобы учить алгебру и думать, какую пользу он принесет собственному народу, размахивал палками и дубинками, будет просто убийством. А он, Густав Рагоза, не намерен выступать в роли барана. Так что он отправляется на Землю, там он окончит университет, а через полгода, получив диплом, возвратится домой и перед коронацией готов встретиться с Кларенсом и дать ему удовлетворение. Вы бы видели, что тогда началось! Крики, хохот, издевки и даже возгласы одобрения!

— Почему возгласы одобрения? Насколько я понимаю, принц струсил и потерял лицо? — спросила Кора.

— Не совсем так, — сказал официант. — Ведь в танцевальном зале было немало нормальных людей, которые понимали, что Густава затянули в ловушку и хотят убить, чтобы захватить трон. А Густав, хоть на первый взгляд струсил и попросил немыслимой полугодовой отсрочки от дуэли, в самом деле поступил разумно. Ну зачем ему спешить подставлять голову под чужую дубинку? А формально он не нарушил никаких правил, потому что его право оскорбленного — назначить место и время дуэли. Что он и сделал. А сейчас или через полгода... Просто раньше никто до такого не догадывался.

— Когда же должен возвратиться принц Густав? — спросила Кора.

— Через полгода. Как сдаст государственные экзамены и получит диплом. И тогда же намечена коронация.

— Почему? — спросила Кора.

— Совет регентов передает власть королю в день достижения им совершеннолетия. А это случится через полгода. Тогда принцу Густаву исполнится двадцать лет и четыре дня.

— Что за странный возраст? — удивилась Кора.

— Это для вас — странный, а для нас — обыкновенный, — ответила Вероника. — Давным-давно, когда короновали первого короля Солнечной династии, это должно было произойти в день его двадцатилетия. Но как раз перед началом церемонии пошел страшный дождь. Наши предки в то время еще не умели делать крыши. Им пришлось попрятаться по пещерам и пережидать его. Четыре дня бушевал ливень. Так что короновали первого короля, когда ему исполнилось двадцать лет и четыре дня. И с тех пор...

— Понятно, — сказала Кора, — с тех пор вы ждете, пока кончится дождик.

Никто не засмеялся.

— Спасибо, — сказала Кора официанту. — Вы очень помогли ИнтерГполу.

— Не может быть!

— Вы не рады?

— Теперь я как бы иностранный шпион...

— Мы никому не скажем, — улыбнулась Кора.

* * *

Отыскать нужный адрес, не привлекая при этом внимания убийц, которые, в чем Кора не сомневалась, охотятся за ней, было нелегко. Мишель несколько раз останавливал машину в узких пустынных вечерних переулках, а Вероника выскальзывала из микробуса и исчезала в темных подъездах или шепталась с бабушками, сидевшими на скамейках в скверике, засеянных одинаковыми лиловыми цветами.

Потом она забилась в будку телефона-автомата, и минут через десять Коре показалось, что она вовсе забыла о ее существовании и обсуждает с подружкой модель нового платья. Мишель курил — он был настороже, — Кора ловила его на том, как он поглядывал в зеркальце заднего вида.

Наконец Вероника возвратилась с нужным адресом.

— Я поднимусь, — сказала она, — и скажу ей, в чем дело, — мы немного знакомы. Потом мы уедем. Я не хочу, чтобы Мишель рисковал. Ему здесь работать. Мы будем в Космопорте. Мы оформим вам билет на местный рейс.

— Ты права, — согласилась Кора, которая ценила преданность в других людях. И рада бы быть преданной кому-ни-

будь на этом свете. У нее же из близких людей оставалась лишь бабушка Настя... если не считать Милодара, который пожертвует ею, как жертвовал многими агентами, если того потребуют обстоятельства.

Машина остановилась, не доезжая метров пятидесяти до узкого дома, зажатого между другими, такого же рода двухэтажными зданиями, со следами некогда яркой, а ныне выцветшей краски. Отличала его от соседей лишь недавно покрашенная зеленая дверь.

Улица была пуста, если не считать женщины, катившей детскую коляску. Прежде чем выйти из машины, они просидели там минуты три, пока не убедились, что никто за ними не следит.

Наконец Вероника выбралась из микробуса и не спеша подошла к зеленой двери. Постучала в дверь деревянным молотком, висевшим на цепочке. Дверь приоткрылась и впустила Веронику. Кора и Мишель ждали. Они молчали. Мишель поглядывал на часы, он тревожился за Веронику.

Вероника вышла из двери и пошла к машине. Кора приоткрыла дверь. Девушка быстро нырнула в машину.

— Ей нужны деньги, — сказала она. — Иначе она не станет говорить.

— Сколько? — спросила Кора.

— Двадцать золотых. Вы наберете столько?

Это была небольшая сумма, малая часть того, что Кора истратила на новую машину для Космофлота. Затем Вероника отдала ей свою широкую короткую вышитую пелерину.

— Это вам на память, — сказала она. — И в знак благодарности.

— Спасибо, — одобрила Кора. — Так меня труднее узнать издали.

Вероника усмехнулась. Они поцеловались.

— Главное, учтите, что Кларисса больна жадностью. Блеск золота сводит ее с ума.

— Спасибо, я учту, — сказала Кора.

Как только Кора вышла из машины, та сразу рванула с места. Вероника обернулась и помахала Коре на прощание.

Кора подошла к новой зеленой двери.

Дверь сразу приоткрылась, приглашая ее зайти.

— Быстрее же! — послышался резкий женский голос.

Дверь тотчас закрылась за Корой, клацнул засов, звякнула цепочка.

В крошечной прихожей, где помещалась лишь вешалка для верхней одежды и откуда вели две двери и узкая лестница наверх, стояла небольшого роста согбенная женщина, одетая в бесформенное серое платье.

Заметив удивление Коры, она шепотом пояснила:

— Я бабушка Клариссы. Мы боимся покушений.

— Проходите, — послышался низкий хрипловатый голос из-за одной двери.

Кора вошла туда. Там ее поджидала Кларисса. Виновница всех злоключений принца Густава.

— Заходите и садитесь, агент Орват, — произнесла она. — Чем меньше мы будем разговаривать, тем спокойнее обеим. Мне сказали, что вы готовы купить информацию.

Кора смогла приглядеться к собеседнице, несмотря на то что шторы в комнате были закрыты, а лампа под потолком пряталась в коричневом шелковом абажуре.

Кларисса была рождена королевой — не происхождением или чином, а статью, голосом, профилем, тем сочетанием порой неуловимых деталей лица, фигуры и осанки, которые и рождают императриц, даже если такая императрица рождена на помойке. Но не верьте тому, что императрицы рождаются на помойке, это бывает настолько редко, что только подтверждает обратное правило.

Женщинам такого рода свойственно прирожденное умение носить любую одежду, как вечернее платье от Диора.

В тот момент на Клариссе были заштопанный домашний халатик и шлепанцы, что вовсе не портило общего впечатления, которое усугублялось столь невинным и простодушным взглядом фиалковых глаз из-под длинных черных ресниц, что не оставалось сомнений: эта императрица очень дорогая и очень порочная шлюха.

Кларисса поправила свои естественно пышные и почти не причесанные волосы.

Кора, которая не уступала ей ростом и также достигала шести футов с лишком, была, пожалуй, посильнее, побыстрее и даже стройнее Клариссы, но ощутила неполноценность своей быстроты и стройности — это была стройность овчарки, стройность львицы, стройность дикарки рядом с ланью, рядом с борзой.

Признав относительное поражение, Кора прошла в гостиную, аккуратную, как уголок у кроватки старушки в богадельне. У окна, занавешенного плотной, хоть и потертой, портьерой, стоял небольшой письменный стол с тетрадками и книгами — почему-то именно он и привлек внимание Коры.

Кларисса перехватила ее взгляд и заметила:

— Я решила, что, когда мое имущественное положение улучшится, я поступлю в университет. Но, честно говоря, — тут она сдержанно улыбнулась, показав жемчужные зубы, — я плохо, легкомысленно училась в школе, и мне приходится догонять и догонять... Сегодня, например, я задумалась с утра, когда и где произошла битва при Акуензуаре?

— И что же?

Кларисса лукаво улыбнулась.

— Мучилась до самого завтрака, просмотрела весь учебник и даже энциклопедический словарь. А вы не знаете?

— Простите, но я плохо знакома с историей вашей страны.

— Конечно, то, что необходимо знать каждому нашему патриоту, для вас, жителей Галактического центра, — мышиная возня...

Кора промолчала. Ну чем она могла утешить эту красавицу, забывшую дату битвы?

— И знаете что? — вдруг воскликнула Кларисса голосом отличницы. — Я вспомнила эту дату!

Где же у нее рождается звук голоса? — подумала Кора. Наверное, за пупком. И на пути оттуда набирает глубину и надтреснутую звучность. Эта мысль помогла ей преодолеть гипноз присутствия Клариссы.

— Поделитесь со мной этим открытием! — попросила Кора.

— Оказывается, Акуензуар был предводителем странствующих монахов, которые вырыли пещеру Скупых слез, а битва была при Кензуаре. Представляете, какая я глупая?

Кларисса не улыбалась. Она показала Коре на низкую кушетку, а сама уселась на шатком стуле. Их разделил угол письменного стола.

Кларисса постучала по столу длинными холеными ногтями.

— Если бы не бабушка, я не смогла бы поддерживать в порядке руки, — сообщила она. — Ведь столько стирки и мытья посуды!

— Сколько я должна вам за информацию?

— Мое финансовое положение неблагоприятно, — офи-

циально ответила красавица. — Я оказалась игрушкой в грязной политической игре.

— Вам обещали за это заплатить?

— Не говорите глупостей. С такими людьми я не играю на деньги. В ином случае они теряют к тебе уважение и ты не получишь ничего. Я рассчитывала на брак с Густавом.

— Он обещал на вас жениться?

— Он поклялся в любви. Я была столь доверчива, что отдала ему все деньги на покупку учебников по физике.

В старинных романах писали в таких случаях, что глаза героини затуманились. Кора увидела именно это — глаза Клариссы заволокло туманом. Как будто из фиалковых они стали серыми, бездонными и непрозрачными, как опалы.

— Неужели у него не было своих денег на книги?

— Откуда у него деньги? — небрежно отмахнулась красавица от неприятного воспоминания. — Если только те, что тетя Рагоза давала ему на конфеты.

Глаза Клариссы неожиданно поменяли цвет и стали зелеными. Это было великое достижение, даже для такой красавицы.

— Вы лжете? — спросила Кора.

— Обычно меня обвиняют во лжи покинутые любовники.

— Вы не ответили на вопрос.

— А я и не хотела отвечать. — Кларисса засмеялась низким, глубоким смехом греческой богини.

Бабушка звенела чашками на кухне за тонкой стенкой.

— Значит, вы отдали возлюбленному все свои скромные сбережения на покупку учебников по физике... Простите, но я готова заплакать.

— Пожалуйста, здесь многие рыдают, — ответила Кларисса.

— Но потом оказалось, что он вас недостоин.

— Конечно, недостоин. Он улетел на Землю и не взял меня с собой, хотя мне так хотелось учиться в университете! — Кларисса нежно погладила тетрадку, лежавшую на краю стола.

— Значит, в вашем разрыве виноват только он? — спросила Кора.

— Все не так просто. — Кларисса возвратила глазам прежний фиалковый цвет. — Мне пришлось выдержать неприятный разговор с дамой Рагозой. Старая метелка предупредила меня, что я не проживу и дня после свадьбы с Густавом. Представляете мое состояние? Девочка, только что из шко-

лы, совершенно невинная, смущенная первой любовью, только-только расставшаяся с девственностью, — и вдруг услышать такие слова от женщины, на которую надеялась опереться и найти в ней мать вместо той алкоголички, которая бросила меня в приюте!

— Она так и сказала — не проживете и дня?

— У нас ничего так просто не говорится. — Кларисса откинула со лба непослушную прядь. — Дама Рагоза спросила меня, как я отношусь к отвару из кукольных орешков. О ужас, подумала я. Мне пришел конец!

— Почему?

— Потому что это страшный яд, от которого нет спасения. Половина злодейств в нашей истории совершена с помощью этого отвара. Сначала у жертвы выпадают волосы, потом — зубы, потом размягчаются кости... И ни один доктор ничего не докажет, потому что при этом человек остается совершенно здоровым. Он и умирает совершенно здоровым.

— Вы ей поверили?

— А кто меня защитит? Я не принадлежу к клану, у меня даже нет старшего брата.

— А принц Густав?

— Он бросил меня! Он променял меня на свои эгоистические интересы! О, как я его ненавижу!

Кора почему-то решила, что сейчас глаза Клариссы загорятся желтым пламенем. Но ничего не произошло. Красавица простодушно глазела на Кору фиалковыми глазами, и лишь ее ногти выстукивали что-то нервное по поверхности письменного стола.

— Пока его не было, вы нашли нового поклонника?

— О, вам насплетничали, вам наклеветали! — вздохнула Кларисса. — Иного я и не ожидала. Вы знаете, в чем мое проклятие?

— В чем?

Глаза Клариссы заглядывали в душу и молили о пощаде.

— В моей красоте. Все мужчины планеты желают, чтобы я им принадлежала. Но мне нужны дом, семья, дети, университет, тихое семейное интеллигентное счастье. Вы меня понимаете?

— Я стараюсь вас понять. Но это трудно.

— А я не так проста, как думают многие. Почему-то считается, что ум и красота несовместимы. Подобно гению и зло-

действу. Так вот, они совместимы: гений, злодейство, ум, красота!

— Из всех поклонников вы избрали принца Кларенса?

— У меня не было выхода. Я считала своим моральным долгом дождаться возвращения неверного Густава. Принц же мог меня защитить. Не более того.

— И что произошло?

— Густав меня снова предал. Я так ждала его, а он меня предал! На первом же балу! Вы можете представить себе, что он отказался сражаться из-за меня на дуэли? Какая низость, какое коварство! Оказалось, что ему дороже собственная ничтожная жизнь, чем мое счастье!

Бабушка принесла поднос с двумя чашками чая и жалкой горсточкой печенья на тарелочке с битым бочком. Кларисса хотела, чтобы Кора осознала степень ее бедности. Бабушка поставила поднос на стол.

— Неужели принц Кларенс тоже вам совсем не помогал? — спросила Кора, обводя взглядом комнатку с потертыми обоями, скрипучей мебелью и аккуратно зашитым ковриком с изображением пруда с лебедями.

— Если бы я унизилась до того, чтобы принимать подачки от мужчин, я перестала бы себя уважать, — твердо возразила Кларисса. — Лучше благородная бедность, чем продажное богатство!

Бабушка, все еще стоявшая у стола, принялась хлопать в ладоши. У бабушки были молодые руки.

— Именно поэтому, — продолжала Кларисса, опустив глаза, — тень от длинных ресниц пересекла ее щеки, как тюремная решетка, — именно поэтому я согласилась принять вас и продать вам информацию... Если эти сведения не затрагивают стратегических секретов моей родины.

— Браво! — едва слышно закричала бабушка. Кора смотрела на свою чашку. Пар, поднимавшийся над ней, был чуть-чуть темнее, чем пар над чашкой Клариссы. В воздухе присутствовал намек на запах миндаля и еще какой-то незнакомый, но очень опасный запах. Ну что ж, квартирка Клариссы вполне удобное место для того, чтобы выполнить последнее предсказание оракула. А если труп Коры потом убрать с глаз долой, то ИнтерГполу нелегко доказать, что в ее смерти кто-то виноват. Кларисса перехватила взгляд гостьи.

— Вам не нравится чай? — спросила она. — Вы попробуйте, попробуйте. Останетесь довольны.

— А почему ваша бабушка не составит нам компанию? — спросила Кора. — Она же тоже любит чай.

— Я уже пила, — прошептала бабушка. — На кухне.

— Я настаиваю, — сказала Кора медленно и раздельно, — чтобы ваша бабушка отпила из моей чашки.

— Вы думаете, что я вас отравила? — удивилась Кларисса. — Ах как это пошло!

Краем глаза Кора увидела, что бабушка продвигается к двери.

— Если бабушка не хочет пить чай, — сказала Кора, — тогда давайте поменяемся чашками, уважаемая Кларисса.

— С удовольствием, — ответила красавица, не дрогнув и ресничкой. Она протянула тонкую, украшенную золотыми браслетами руку, взяла чашку, принюхалась к ней и добавила: — Какая гадость!

После чего молниеносным, но точным движением выбросила чашку в открытое окно.

Раздался отдаленный звон — чашка разбилась о мостовую. И в тот же момент, словно подчиняясь приказу, выраженному этим звоном, бабушка нырнула в окно следом за чашкой. Она прыгнула головой в окно, и Кора лишь успела заметить черные брюки, что скрывались под ее длинной юбкой.

— Вот и все, — сказала Кларисса. — Теперь мы можем продолжить наш разговор. Вы согласны?

Такого противника Коре еще не приходилось встречать.

— Согласна, — сказала Кора, стараясь не перевести неуместной улыбкой драматическую сцену в разряд «черного» юмора.

— Тогда задавайте вопросы, а я буду называть цену... если смогу ответить, — произнесла Кларисса.

Под окном послышался слабый стон. Затем невнятная ругань... Девушки замолкли. Они услыхали, как некто побрел прочь от дома, вздыхая и охая при каждом шаге.

— Кто эта «бабушка»? — спросила Кора.

Кларисса закрыла глаза, подумала, распахнула их снова и произнесла с отчаянием, будто сама мысль о деньгах была ей отвратительна:

— Десять золотых!

Кора отсчитала десять монет и оставила мешочек с остальными монетами на столе, у правой руки.

— Этот был тот, кто не терпит, когда его предсказания не сбываются. И он идет на многое, чтобы доказать миру свою непогрешимость.

— Неужели сам мистер Оливер Джадсон, Будда вечной жизни, прыгал в это окно?

Кларисса искренне засмеялась. Отсмеявшись, произнесла:

— По возможности обойдемся без имен, хорошо?

— Хорошо.

— Ваш следующий вопрос?

— Меня интересует, кто хочет убить принца Густава.

— Это слишком сложно! Здесь сталкиваются интересы различных группировок, — ответила Кларисса. — Я не смогу дать вам полную информацию. — Она вздохнула, выговорив такую сложную фразу. Она была собой довольна.

— А приблизительно? — спросила Кора.

— Это обойдется вам... Сорок золотых вас не затруднит?

Кора раскрыла мешочек с печатями банка и стала отсчитывать золотые монеты. Кларисса шевелила изящно очерченными губами, как бы помогая Коре считать.

Затем Кларисса пододвинула кучку тяжелых монет к себе и сказала:

— Приблизительно — дама Рагоза.

Кора приподняла брови, делая вид, что удивлена. Эту версию она уже слышала от Мишеля.

Кларисса неверно истолковала движение бровей Коры, как знак недоверия.

— Но вы не удивляйтесь! — воскликнула она, стараясь честно заработать золотые. — Представьте себе положение, в котором очутилась дама Рагоза! Верхушка кланов недовольна этим принцем. Кому нужны реформаторы с учебниками физики в зубах? Ну ладно, думали, что обойдется, утрясется. Нет, не выходит. Я вам больше скажу — если бы не было этой дуэли, Густаву бы что-нибудь еще подкинули. Ну, там, автомобильную катастрофу, лавину, наводнение... Мало ли способов ухлопать наследника престола? Я думаю, что они давно перетянули герцогиню Рагозу на свою сторону. Не так важно, кто сидит на престоле, важнее, чтобы кто-то на нем сидел, понимаете?

— Понимаю, — согласилась Кора.

— Сначала они придумали, как убить его на дуэли.

— Значит, дуэль была подстроена?

— Кто об этом до сих пор не догадался, тому не место в политике! — сообщила Кларисса тоном молодой императрицы. Не было никаких сомнений, что для себя красавица отводит в политике значительную роль.

— А вы тогда...

— Я — жертва! Типичная жертва.

— Спасибо. Я уяснила.

— И не надо этой улыбки, Кора, — сделала ей выговор императрица. — Не надо усмешечки в глазах. Жизнь — жестокая штука.

— Значит, получается, что Густав всех обманул?

— О, только не воображайте, что он такой хитрый! Он струсил и постарался оттянуть время, потому что Кларенс сделал бы из него отбивную котлету. Зато если он вернется из ВР-круиза, то тогда у всех возникнут дополнительные сложности. Если дуэль состоится и Густава убьют — это хоть и в рамках древних обычаев, но очень пахнет скандалом. Многие поймут, что таким образом убрали законного наследника, а клан не смог его отстоять... Нет, даме Рагозе эта отложенная дуэль как кость в горле. И если она в свое время согласилась на этот план, то теперь проклинает тот день и час. А вот если Густав исчезнет без следа в ВР-круизе, то никто в Рагозе не виноват. И нет скандала. Больше того, клан Рагозы может выдвинуть нового кандидата, например принца Бискера... Знатные кланы на это тоже пойдут — только бы не пропустить Густава. Впрочем, все, кроме меня, будут рады смерти принца Густава.

— Почему же вы — исключение? — удивилась Кора.

— Он моя первая несчастная любовь, — призналась Кларисса. Она сама уже верила в это. — Он меня мучил, а женщины не забывают страданий.

— Густав не может отказаться от дуэли вообще? Отменить ее?

— Только не это! После такого заявления состоится суд чести и тэдэ и тэпэ. Вот если бы он добрался до трона и отменил дуэли, будучи уже королем, им пришлось бы проглотить эту пилюлю... Ох, как я их всех презираю! Надутые индюки, видите ли, по праву рождения призванные кушать омаров и устриц. В то время, когда простой народ...

— Кларисса!

— Двадцать три года как Кларисса! Еще вопросы есть?

— Значит, Рагоза примчалась в ИнтерГпол с требованием спасти племянника...

— Чтобы никто потом не вздумал показывать на нее пальцем как на организатора и вдохновителя этого убийства. С вас, дорогая, пять золотых за дополнительную информацию.

— Это была не информация, а рассуждение.

— Кора, у тебя же в мешке еще сотни две осталось, если не больше. И тебе жалко пяти золотых для бедной девушки?

Кора молча отсчитала три монетки.

Кларисса спросила:

— Может, поставить кофе? Не бойся, у меня своего яда нет.

— Обойдемся. Мне скоро уезжать. А кто рассказал о заговоре против Густава оракулу?

— Десять монет. Авансом.

Кора отсчитала деньги.

— Каждый мальчишка знает, что Густава хотят убить.

— Вы не ответили на вопрос. Мальчишки знают об этом сегодня. Но когда все затевалось, мальчишек и близко не подпускали.

— Я почти уверена, что дама Рагоза хорошо заплатила оракулу, чтобы он сделал такое предсказание. Как бы судьба устами оракула выносит приговор. Красиво?

— Это значит, — заметила Кора, — что ваш друг оракул становится заинтересованным лицом.

— Почему?

— Он не выносит, если его предсказания не сбываются. Его лозунг: «Все мои предсказания сбываются!» Он и меня ненавидит за то, что я ему порчу статистику.

— Во-первых, — заявила официальным тоном Кларисса, — этот оракул мне не друг. Просто он очень навязчивый и умеет пользоваться моей бедностью. Он способен только шипеть из угла или подсыпать людям в чай английскую соль.

— Это теперь называется английской солью?

— Проверьте. Там под окном.

— Молодец, — похвалила Клариссу Кора. — Вы знаете, что наш разговор я записываю.

— Ты была бы кретинкой, если бы не записывала. Твое начальство тогда тебя съест.

— Вы с оракулом надеялись потом забрать запись. Теперь же тебе хочется оставить потомству что-то вроде признания в своей невиновности. Может быть, вы просто хотели пошутить?

— Мы просто хотели пошутить, — послушно ответила Кларисса.

— Последний вопрос, — сказала Кора, — и я вас покину.

— Жалко, — вздохнула красавица. — В мешочке еще столько всего красивого!

— Какую роль в заговоре играет ваш друг Кларенс?

— Не буду снова утверждать, что этот человек мне не друг. Вы все равно не поверите. Но он оскорбил меня, потому что ему нужно мое прекрасное тело, а к моей душе он был равнодушен, представляете?

— Нет, этого я представить не могу. Так он участвует в заговоре?

— Десять золотых.

— Держи.

— А еще лучше пятнадцать.

— Нет.

— Ну хорошо, хорошо! Хотя мне неприятно видеть молодую женщину до такой степени охваченной бациллой жадности.

— Это подотчетные деньги, — сказала Кора.

— Я пошутила.

— И что же с Кларенсом?

— Он слишком глуп, чтобы участвовать в заговорах. Его не позовут.

— А пошел бы?

— Он не выносит всех очкариков и отличников. Густава в первую очередь.

— Спасибо, — сказала Кора. — Мне было приятно с вами познакомиться. Должна признаться, что еще не видела такой красивой женщины.

— От вас это мне особенно приятно услышать, потому что у меня есть основания верить в вашу объективность, — ответила польщенная Кларисса. — Разрешите провести вас через чердак?

— Зачем? — спросила Кора.

— Я хочу, чтобы у вас был хоть малюсенький шанс выжить.

Они поднялись на третий этаж. Маленькая дверца вела на чердак, заваленный старой мебелью и ящиками.

— Ужасно не люблю выкидывать старые вещи, — сказала Кларисса. — Наверное, с возрастом из меня получится скряга.

В темноте белки глаз и зубы Клариссы отсвечивали жемчужно-голубым цветом. Свет ночного городского неба проникал сквозь полукруглое чердачное окошко.

Чердачное окошко заскрипело, заныло так, что слышно было, наверное, за три квартала. Они подождали еще несколько секунд. Кора нащупала в темноте длинные холодные пальцы Клариссы и пожала их.

Крыша была скользкой и мокрой от росы или недавнего дождя. На соседней крыше орал кот, облака неслись стайками, по очереди показывая обе Луны: розовую — побольше и маленькую — голубую. У пожарной лестницы в переулке Кору поджидали. Но ей повезло, они были так уверены в своем успехе, что не стреляли, пока она не опустилась на землю, — видно, хотелось потешиться. Так что Кора, почувствовав их тени и дыхание, прыгнула со второго этажа и застала их врасплох. Она кинулась бежать по переулку, ей стали стрелять вслед, но опоздали.

На улице ее поджидала машина — черная, низкая, бронированная. Она перекрывала выезд из переулка. Кора разбежалась и прыгнула руками вперед; пролетев над машиной и опустившись на землю, она клубком покатилась в подворотню.

Прицельно по ней стрелять не могли, но нападавших было так много, что кто-то обязательно в нее попадет. За подворотней был проходной двор, в нем преследователи потеряли ее — на две или три секунды.

У следующих ворот, выходивших на параллельную улицу, стоял микробус. Дверца с ее стороны была открыта. Кора с разбегу прыгнула в дверь, и микробус рванул вперед, набирая недозволенную скорость.

Кора спросила Мишеля:

— Как вы меня нашли?

— А мы решили, что если вы будете убегать от Клариссы, то обязательно побежите этим двором, — сказала Вероника. — Я училась здесь в школе, и мы всегда бегали в кино этими дворами.

Кора не стала больше ничего выяснять. Она не решила для себя достаточно важный вопрос: оказались ли убийцы возле

пожарной лестницы, потому что Кларисса подсказала им, что Кора будет уходить по крыше? А может быть, Вероника и Мишель оказались у этой подворотни, потому что Кларисса бегала в кино из школы вместе с Вероникой?

До Космопорта они домчались без приключений. Там Мишель провел Кору служебным ходом к местному рейсу, уходившему через полчаса к соседней планетной системе. Ждать более удобного рейса было нельзя, потому что по радиосвязи уже был объявлен розыск жительницы Земли Коры Орват, которая в припадке безумия пыталась ограбить и убить бывшую мисс Рагозы Клариссу К.

* * *

— Как мне сказал агент Космофлота, моя несбывшаяся смерть — первое неудачное предсказание оракула Провала за последние годы, — сказала Кора, заканчивая доклад Милодару о краткой командировке в королевство Рагоза.

Комиссар слушал Кору не очень внимательно — какая-то часть его сознания была занята мыслями о невестах-пловчихах, о чем он намеревался рассказать Коре, как только она закончит отчет о командировке. Он находился в трех тысячах километрах от московской базы ИнтерГпола «Узкое», где Кора приходила в себя в массажном кабинете после рискованных приключений в Рагозе, поэтому голографическое изображение комиссара порой начинало дрожать или даже двоиться. Вернее всего, комиссар опять укрылся в бассейне для синхронного плавания в Таганроге. А связь с Таганрогом всегда плохая.

И тем не менее комиссар не упустил главного в докладе Коры.

— Итак, — сказал он, дослушав ее до конца, — ты не выполнила задания. Как всегда.

— Не выполнила, — согласилась Кора. — Как всегда.

Массажистка Татьяна, женщина добрейшей души, фигурой и силой схожая со штангистом тяжелого веса, перевернула Кору на спину, чтобы пересчитать ребра с передней стороны тела. Тут она увидела на боку пациентки кровоподтек такого размера и интенсивности, что воскликнула:

— Ратуйте, люди добрые!

Родом Татьяна была из-под Николаева, и, хоть жизнь и

профессия кидали ее из конца в конец Солнечной системы и даже за ее пределы, каждое лето она проводила отпуск в родном селе, где ее муж ловил бычков в лимане, а все три дочери умело сводили с ума местных парубков.

Милодар вздрогнул и схватился за бластер, но тут же вспомнил, что ему ничто не грозит, и пригляделся к Коре. Нельзя сказать, чтобы он ее пожалел, — сердцу комиссара Милодара чужда жалость. Если будешь жалеть каждого агента, некогда будет работать и расправляться с врагами Галактического союза, но удивление он все же выказал.

— Чем они тебя так? — спросил он. — Бульдозером?

— Честное слово, я не запомнила, — призналась Кора. — Я там успела попасть в несколько переделок. Вероятнее всего, это от последней. Они взяли меня в кольцо ротой снайперов, а я, как назло, спускалась по пожарной лестнице.

— Возвращаемся к делу, — сказал комиссар, взглянув на часы. Тренировка его невест заканчивалась, и ему хотелось проводить их до гостиницы, чтобы они не успели познакомиться с кем-нибудь из приезжих турецких спортсменов. — Ты уверяешь, что оракулу сообщила о покушении дама Рагоза, а я тебе говорю, что ты пошла на поводу у дезинформаторов. Дама Рагоза произвела на меня приятное впечатление.

— Все же я полагаю, — сказала Кора, — что Кларисса права: оракул узнал об этом покушении от дамы Рагозы и превратил его из сплетни в факт общественной жизни. Этот человек страшно избалованный, самовлюбленный, спесивый, но он достаточно умен, чтобы тщательно следить за обстановкой в королевстве. Убийство Густава, история с его злосчастной дуэлью и ВР-круизом для такого оракула — золотая жила. И конечно же, он не смог остаться в стороне.

Татьяна мягко и решительно разминала бок Коры, той было больно, но надо было терпеть, потому что Татьяна была остра на язык и даже самые жесткие из агентов остерегались показать слабость в ее ручищах.

— Вот я и говорю, что ты не выполнила задания, — повторил Милодар.

— Если бы вы думали, что все так просто, что я прилечу в Рагозу и там мне выложат факты и домыслы на золотом блюдечке, то вы бы не начали работу с похода на стадион «Уэмбли» в Лужниках, — заметила Кора.

Татьяна резко перевернула ее на живот, чтобы заняться

ссадиной на бедре. Из шкафа по знаку Татьяны выскочил маленький юркий робот — много рук, а тела нет, — вскарабкался на жесткое ложе и принялся обрабатывать поверхностные раны Коры.

— Мне самому хотелось побывать в виртуальной реальности, — сказал Милодар. — Это интересно и поучительно. Для тебя также.

— Не притворяйтесь, комиссар, — возразила Кора. — Ради моего удовольствия вы бы и пальцем не пошевелили. Особенно когда влюблены в синхронных пловчих.

— Это видно?

— Это видно всей Земле, — ответила Татьяна. — Скорее бы вы женились.

— Но на ком из них? — деловито спросил Милодар.

— И это чоловик? — спросила Татьяна у робота. Но тот не умел говорить. Может, поэтому Татьяна спросила именно у него.

— Ну хорошо, хорошо, — отмахнулся от женщин комиссар, — я с самого начала понял, что дело непростое, тем более что оно взято под контроль Галактическим центром. И дама Рагоза меня встревожила... Повтори, что сказала Кларисса о ее возможной роли в заговоре против Густава?

— Пленка с записью уже отправлена к вам и, вернее всего, лежит в правом верхнем кармане вашего костюма, — мягко ответила Кора.

— Я лучше тебя знаю, что и где у меня лежит... — Комиссар замолк и сделал шаг вперед, то есть это его голограмма сделала шаг вперед. — Кора, — спросил он встревоженным голосом, — отвечай, только честно, что за красная сыпь у тебя на правой ягодице?

Кора не могла ответить, потому что в последние дни не рассматривала это место своего тела. За нее ответила Татьяна.

— Осколки разрывной пули на излете, — сообщила она. — И вообще-то не чоловичье это дело — рассматривать девичий зад. Вот оденется, тогда и бачите.

— Татьяна Петровна, мы с вами на службе, — строго сказал Милодар. Он был разочарован тем, что его мелкая месть не удалась.

— Кларисса считает, что дама Рагоза более всех заинтересована в смерти племянника. Ей не нужен опозоренный пле-

мянник, ей не нужен убитый на дуэли принц. Ей нужно сохранить власть кланов. Ради этого она готова на все.

— Парадоксально, но убедительно, — согласился Милодар. — Кто у нас еще в списке подозреваемых?

— Разумеется, остается Кларенс. Ему нужен трон. Конечно, у него есть шансы добыть его после дуэли. Но не меньше шансов получить его, если Густав пропадет без вести в ВР-круизе. К тому же он не выносит Густава. Впрочем, Кларенса я не смогла увидеть.

— Еще одно упущение! — сказал Милодар. — У тебя были сутки. За сутки Наполеон взял Бастилию.

Познания Милодара в истории оставляли желать лучшего, но апломб его был беспределен.

— Это кто такая — Бастилия? — спросила коварная Татьяна.

— Его первая жена, — коротко ответил комиссар. — Кто еще у нас в подозреваемых?

— Мы знаем тех, у кого есть явные основания хотеть смерти Густава. Найдется еще немало людей, которые желают его смерти, но нам о том не поведали. Боюсь, что к их числу относится красавица Кларисса.

— Откинем желающих, — сказал Милодар. — Нам нужнее всего те, кому его смерть выгодна.

— А Бастилии смерть Наполеона была выгодна? — спросила Татьяна.

— Татьяна Петровна, попрошу не вмешиваться в деловой разговор! — рявкнул комиссар. — При чем тут смерть Наполеона?

— А разве она его не отравила? — спросила Татьяна. Кора попыталась незаметно ущипнуть разошедшуюся массажистку, но пальцы лишь скользнули по каменному бедру.

— Она у него была не последняя жена! — сообразил Милодар.

— Та ж, конечно, простите, дядечку, — спохватилась Татьяна. — Я ж запамятовала, что он помер на Елене.

— Вот именно! — подытожил комиссар. — И учти, что я имею моральное право не знать деталей из жизни полководца древних времен. Прошло четыреста лет, как он взял Москву.

— Триста, — поправила его Кора.

Милодар сделал паузу. И снова посмотрел на часы.

— Хорошо, — сказал он. — Как диалектики, мы должны с

тобой понимать, что даже в неудаче есть свои достоинства. Все же ты побывала в их гнезде, посмотрела на них, познакомилась кое с кем, запомнила их физиономии. Может быть, пригодится в расследовании. Завтра отдыхаешь, проводишь время в медицинском центре, затем отправляешься в Древнюю Грецию.

— А он уже там? — неудачно спросила Кора, чем вызвала вспышку сарказма своего шефа.

— А ты что думаешь, — спросил он, — если бы он еще ходил на лекции в университет, мы бы его пустили в ВР-круиз? Разумеется, вся суета началась, потому что он уже там. Он уже давно там! Со дня на день он достигнет совершеннолетия и отправится в путешествие. Тогда он будет открыт всем опасностям и бурям.

— Он поднимет скалу и достанет сандалии? — спросила Кора.

— Я вижу, что ты кое-что прочла из литературы, которую я тебе рекомендовал?

— А как же меня туда отправят? — растерялась Кора. — Кем я буду?

— Об этом ты узнаешь завтра в семнадцать ноль-ноль, когда у тебя назначено свидание с президентом концерна «ВР» доктором Гермесом-Полонским. Подробности завтра. Отдыхай, лечись. Мне пора.

Комиссар начал медленно растворяться в воздухе. Когда от него осталось лишь слабое сияние, он вдруг заговорил вновь, только голос его звучал глухо и отдаленно:

— Когда будешь писать финансовый отчет, напиши заявление о том, чтобы стоимость подаренной автомашины твоим дружкам из агентства Космофлота была вычтена из твоей премии за раскрытие дела об убийстве Тесея.

— Комиссар, но они потеряли машину из-за нас! Они нам так помогли!

— Я не желаю платить из средств ИнтерГпола за неимоверную жадность Космофлота. Не желаю, и все тут!

И тут комиссар растворился в воздухе, а Кора осталась наедине с горькими своими думами и болью. Татьяна и робот взялись за нее вдвоем.

— И что за чоловик, — сокрушенно сказала Татьяна, имея в виду Милодара. — И везде у него доносчики и стукачи. Даже думать погано!

* * *

Президент всемогущего концерна «Виртуальная Реальность» доктор Гермес-Полонский оказался родом из Крыма. Его истинные объемы и формы скрывались в складках терракотовой туники. На нем был тщательно завитой и напомаженный черный парик, охваченный золотым лавровым венком.

Он встретил Кору в обширном кабинете, представлявшем собой внутренность древнегреческого дома — атриум, вместо письменного стола она увидела мраморное возвышение, на котором стояли компьютер, принтер, факс и супергалафаксетт. Возле аппаратуры возлежала длинноногая девица в легкой тунике, прикрывавшей лишь одну грудь. Девица была покрыта гусиной кожей и немного посинела от холода. Маленькая подушечка под локтем не могла уберечь ее от леденящего контакта с мрамором.

Президент концерна «ВР» доктор Гермес-Полонский, приподняв толстые младенческие ручки, запорхал между колоннами, намереваясь элегантно встретить гостью, но застрял между ними.

Он вытащил свой живот из щели, достаточной, чтобы там прошел бегемот, и, сделав круговое движение, отыскал более широкий проход между колоннами.

— Ах, какая прекрасная гостья меня посетила! — пропел доктор Гермес-Полонский. Он склонился к руке Коры, впрочем, особых усилий ему для этого не потребовалось, потому что он был ниже Коры как раз на две головы. — Я мечтал о встрече. Я люблю только высоких женщин.

Глаза у доктора Гермеса-Полонского были очень маленькие, карие, внутри их горели крошечные золотые искры, и Коре подумалось: реален ли этот господин, а вдруг он искусственный феномен, а глазки — рецепторы?

— Я реален, — угадал ее мысль президент концерна «ВР». — Каждое утро я просыпаюсь с уверенностью, что поменяю наконец свою отталкивающую внешность, — это мне теперь доступно! Но меня останавливают поклонницы.

— Нет! — заученно закричала девица у компьютеров. Ей было так холодно, что ее голос срывался. Но кричала она громко. — Оставайся как есть!

— Пожалуйста, сделайте для начала немного потеплее. Ва-

ша ассистентка совсем замерзла, — попросила Кора. — А потом займетесь своей внешностью.

— Неужели? — удивился доктор. — Анастасия, так ли это?

— О нет, мой возлюбленный, мой кумир! — откликнулась посиневшая девушка.

— Но я замерзаю, — сказала Кора.

— А мне жарко, — ответил президент концерна «ВР». — Мне всегда жарко.

— Ну хотя бы подложите что-нибудь под свою поклонницу. Она вся в синяках. Вы сам когда-нибудь лежали на холодном мраморе?

— Ах, какое упущение, какое упущение! — закручинился Гермес-Полонский. — Какой недосмотр! И в самом деле синяки... и здесь синяк, и здесь синяк...

— Это временно! Это совсем не больно! — сопротивлялась девица на мраморе.

— Уходи, крошка, ты уволена. Мы поищем кого-нибудь более толстокожего.

Доктор Гермес-Полонский вытолкнул девицу из зала. Она хныкала и клялась в верной любви.

Кора проклинала себя за неистребимую потребность лезть в чужие дела.

— Так, — Гермес обернулся к Коре. — А из тебя мы сделаем амазонку. Какую грудь мы отрежем, чтобы удобнее стрелять из лука?

— Правую, — мрачно ответила Кора. — Скажите, вы притворяетесь хамом или вы такой на самом деле?

— У меня было трудное детство, — ответил доктор Гермес-Полонский. — Я открою тебе тайну. Я не доктор, не Гермес и не Полонский. Но президент концерна «ВР». Этого достаточно! Значит, ты получаешь ВР-круиз с ролью царицы амазонок. Стоить это будет всего пустяк — ночь со мной.

Кора в растерянности оглянулась. Милодар задерживался. Этот маньяк-президент был самозванцем. Настоящий не позволил бы так себя вести.

— Вызываем хирурга по удалению правой груди? — спросил он.

— Вы, очевидно, ошибаетесь, — сказала Кора. — Я агент ИнтерГпола.

— Не выношу этой организации. И знаете почему? Я боюсь, что когда-нибудь комиссар до меня доберется... Или я

до него доберусь. Это шутка, крошка. Надеюсь, ты тоже пошутила?

Наконец-то в углу тихонько материализовался комиссар Милодар. Очевидно, он слышал последние слова доктора Гермес-Полонского.

— Пока я еще не добрался до вас, старый жулик! — ласково улыбаясь, сказал комиссар. — Убери лапы от моего агента, иначе я не ручаюсь за вашу сохранность.

— Ах, Милодар! — Гермес-Полонский стал сама любезность. — Я так рад визиту. Вы не видели мой сад? Ведь вас провели с главного подъезда, а он непрезентабелен.

Кору и в самом деле провели через подъезд скучного стеклянного небоскреба на углу Никольской и улицы Борщова.

Меценат — сама любезность — пропустил Кору вперед, в проход между колоннами. Милодар не спеша шел следом, обходя предметы, чтобы лишние глаза не заметили, что он лишь голограмма.

За домом обнаружился чудесный сад. Апельсиновые деревья были в цвету, утрамбованную землю покрывали лепестки глицинии.

— Осторожнее! — крикнул президент.

Кора обернулась на крик — на нее мчался кабан. Белый, с высокой гривой и огромными клыками. Кора еле успела отскочить в сторону и врезалась в колючий куст. Доктору Гермесу повезло меньше. Кабан подхватил клыками его хламиду и дернул так, что Гермес упал и покатился по земле, а кабан, перепуганный не меньше президента «ВР», пытался вырваться и рвал хламиду клыками и острыми копытами.

Коре пришлось метнуться на помощь меценату, потому что никого из слуг вблизи не оказалось. Она прыгнула на кабана таким образом, чтобы обеими ступнями ударить его в бок. Прыжок удался. От неожиданности и без того ополоумевшее чудовище упало и тут же потеряло все преимущества перед людьми. Кора навалилась на кабана, прижимая к земле его голову. Маленький, в белых острых ресницах глаз кабана смотрел на нее бешено и тупо.

Гермес-Полонский, попискивая и постанывая, выполз сразу из-под кабана и из своей хламиды.

— Поторопитесь, доктор, — с трудом сказала Кора, — у меня силы на исходе.

— Эй, мать вашу! — завопил Гермес-Полонский, выпрыгивая наконец из одежды и оставаясь в красных трусах. — Где вы все! Всех уволю!

Будто испугавшись, что их и в самом деле уволят, изо всех дверей и прочих отверстий в пейзаже возникли деловитые молодцы и мужчины различного вида — от тяжело вооруженных гоплитов до секретарей в серых костюмах и бордовых галстуках. Растолкав их, на лужайку выбежал устрашающего вида бородач в кожаном фартуке, отягощенный метровыми плечами. Он первым достиг кабана, впрочем, это легко было объяснить тем, что остальные не столь рьяно стремились оказаться первыми. Ловким движением гигант схватил кабана, локтем оттолкнул Кору, поднял кабана в воздух и, тяжело переступая, побежал с ним в обнимку к ближайшей двери.

— Наш идиот-дрессировщик, — мрачно сказал доктор, поднимаясь. — Вам нужна медицинская помощь?

— Если у вас есть вата, пластырь и противостолбнячная сыворотка, то я обойдусь без ваших медиков.

— Проводите, а я переоденусь, — сказал Гермес-Полонский одному из секретарей.

— Я пойду с тобой, — предложил Милодар, которого в последние минуты Кора не замечала.

— Только не это!

Она знала, почему Милодар предпочел не вмешиваться в бой с кабаном. Он никогда не был до конца уверен, когда и где он — голограмма, а когда и где — оригинал. Потому предпочитал не рисковать без нужды.

Разглядывая себя в зеркале туалета, Кора подумала, что в жизни ей еще не приходилось за такое короткое время получать столько неглубоких, но болезненных и нечистых ран, как за последнюю неделю. Хорошо бы эта жизненная тенденция прекратилась.

К сожалению, ее платье было испачкано и измято, но, когда она собиралась позвонить и сообщить об этом местным хозяйственникам, дверь в туалет приоткрылась, и в ней возникла тонкая женская рука с вешалкой. На вешалке висело неплохое парижское платье как раз размера Коры. Это примирило ее с действительностью. Ибо ей не раз уже приходилось сталкиваться в жизни с отвратительной ситуацией, когда твоего размера в продаже нет. Какой-нибудь коротышке по пояс — любое платье, а ты хоть в простыню заворачивайся!

Когда Кора вновь вышла в садик и опасливо оглянулась —

не исключено, что у дрессировщика есть в запасе тигры и удавы, — то она обнаружила, что часть растительности уже исчезла, а к атриуму вела выложенная мрамором дорожка, которой десять минут назад еще не было.

За колоннами обнаружился уютный и просторный кабинет президента «ВР». Сам доктор Гермес-Полонский поднялся при виде Коры из-за широкого, затянутого зеленым сукном стола. Его пожилая секретарша, сидевшая справа у двери за металлическим тонконогим столиком, вежливо улыбнулась и замерла как послушная собачка.

Доктор Гермес был облачен в строгий серый костюм, белую сорочку и шоколадный галстук. Со времени их последней встречи в лице президента произошли две перемены. Во-первых, он потерял парик с золотым венцом и облысел, во-вторых, поперек правой щеки тянулся серый пластырь и под глазом виднелся небольшой припудренный синяк.

— Простите, агент Орват, — сказал президент, протягивая Коре обе руки. — Как вы понимаете, события несколько вышли из-под контроля. Белый вепрь, которого мы готовим для Геракла, сегодня не в духе. А дрессировщик плохо запер загон и будет лишен квартальной премии. Надеюсь, вам понравилось скромное платье, которое я вам преподнес?

Милодара нигде не было.

Перехватив и разгадав ее взгляд, доктор Гермес-Полонский произнес:

— Комиссар был вынужден нас покинуть и вылететь в Таганрог. Он попросил меня сделать все для вас необходимое.

— Большое спасибо, — сказала Кора. — Я надеюсь, что вы мне поможете.

— Моя помощь, — улыбка чуть-чуть тронула уголки пухлых губ президента, — начнется с того, что я не сообщу комиссару, сколько стоит ваше очаровательное платье.

Доктор Гермес был проницателен. Если Милодар узнает, что Кора приняла подарок, превышающий по стоимости ее годовую зарплату, то, скорее всего, Кору немедленно вышибут из ИнтерГпола. И правильно сделают. В истории многих тайных организаций падение агента начиналось с маленького дара от доброго клиента.

— Присаживайтесь, — пригласил Кору президент, не ожидая благодарности за платье. — Очевидно, вы полагаете, что наблюдали час назад разгул страстей параноика. На самом же

деле я знакомил вас с возможностями виртуальной реальности. Вы застали меня в тот момент, когда я возвратился из Древнего Рима, где мне пришлось разыскивать нашего агента, и потому я вынужден был играть роль Нерона. Я возвратился еще под действием той нереальной обстановки, и раз уж вы пришли, то продемонстрировал вам всю эту чепуху... Так что забудем!

«Любопытно, — подумала Кора, — что же такого специфически нероновского он мне демонстрировал? Если это и был Нерон, то не по долгу службы, а по извращенному нраву. Об этом надо помнить, но нельзя говорить. Ведь он старается пронзить тебя, Кора, взглядом, чтобы угадать, поверила ли ты толстому дяде. Нет, не поверила, а полагаю, что ты пользуешься собственными возможностями для наслаждения? Для отдыха? Для разрядки? Надо лишь запомнить, что люди, подобные тебе, легко коррумпируются и поддаются шантажу».

— Спасибо за урок, — сказала Кора. — Но вот эти шрамы... и мое порванное платье!

— Я же сказал вам, кабан — это здешняя реальность. Потому и наши с вами синяки — проступок дрессировщика. Но учтите, если вы направляетесь в индивидуальный тур, то получите все синяки и шишки, как в настоящей жизни. Задавайте мне вопросы. Я готов отвечать.

— Я должна буду отыскать принца Густава.

— Я знаю и постараюсь вам помочь. Но зачем вам это?

— А где он сейчас? Что он делает?..

— Эльза, будьте любезны, — попросил президент, — свяжитесь с Управлением надзора. Пусть проверят, где сейчас объект Тесей, что делает.

— Приступаю, доктор, — ответила секретарша и включила компьютер.

— Время там, то есть в виртуальной реальности, идет с той же скоростью, что и здесь? — спросила Кора.

Вопрос обрадовал доктора Гермеса.

— Умница, — сказал он. — Выдрессировал вас Милодар. Сразу берете быка за рога.

— Это самый элементарный вопрос, — возразила Кора. — От ответа на него зависит, сколько времени Густав должен пробыть в ВР, пока он не проживет героическую жизнь героя Тесея.

— Время в ВР проходит по принципу горного хребта, —

пояснил доктор Гермес. Он дал знак, и секретарша принялась выстукивать его сентенции. — Представьте себе Гималайский хребет. Он состоит из ста разных пиков. Но вам достаточно назвать Эверест или Аннапурну — да, пожалуй, эти две вершины. И вы уже знаете, что речь идет о Гималаях, о недостижимых горных вершинах. Вы мысленно увидели Эверест и Аннапурну — значит, вы увидели хребет. Значит, вы видели Гималаи.

— Гениально, — сказала секретарша. Эта секретарша, как и прежняя, была влюблена в толстяка. Но стаж ее влюбленности как минимум четверть века.

— Это значит, что мы проходим в той жизни только ее наиболее значительные моменты? — спросила Кора.

— Я же говорил, что вы — умница! — одобрил президент. — Что вам запомнилось из пятого класса средней школы? Что вы делали там третьего октября? Да никогда в жизни не вспомните! А вот первый поход на каток в том же году или сладкое воспоминание о том, как Коля Колин дернул вас за косичку, — это останется до старости. Понятно?

— И сколько же занимает человеческая жизнь?

— Тесей погиб не старым человеком, — как бы невпопад ответил доктор Гермес.

— Сколько ему там быть?

— Несколько недель, — сказал Гермес. — Но даже такой круиз нечто редчайшее. Мониторинг и вся обслуга индивидуального круиза такой сложности стоит бешеных денег и научных усилий. Мы вынуждены сократить вдвое обычную деятельность.

— Не преувеличивайте, президент, — произнес Милодар, выходя из стены кабинета и проходя к свободному креслу. — Процент, от силы два процента мощностей... я проверял.

— Но вы не представляете, комиссар, что такое целый процент моих мощностей! — закричал доктор Гермес-Полонский, воздевая руки к потолку.

Сам факт возвращения комиссара в его кабинет впечатления на президента не произвел, хотя другой бы испугался, насколько легко проникает в святая святых главный сыщик. Но человек, имеющий дело с виртуальной реальностью, привык не обращать внимания на такие мелочи.

— Где сейчас принц Густав? — спросил Милодар.

— Где этот бездельник, черт побери?! — воскликнул Гермес.

Секретарша послушно закивала сизой головой.

— Как раз поступают данные.

Мужской голос произнес:

— Агент четырнадцать-бис вошел в длительный сон, который продлится сорок минут и за время которого он станет старше на год и два месяца.

— Мы можем его сейчас увидеть? — спросил Милодар.

— Виртуальная реальность не позволяет нам увидеть объект, так как он реально не существует для человеческого зрения.

— Как же вы его контролируете, черт побери?!

— Мы не контролируем, черт побери! — бесплотный голос компьютера передразнил Милодара, но сделал это настолько равнодушно, что даже возмутиться было невозможно.

Милодар перевел дух и обратился к президенту:

— Мне, пожалуйста, джин с тоником. И немножко лимонного сока, две капли.

— Вы забываетесь, комиссар, — ответил на это доктор Гермес-Полонский, и комиссар, спохватившись, криво усмехнулся.

— Старею, — признался он. — Забыл, что я — голограмма. — Он поднялся с кресла, прошел сквозь стену и исчез.

— Почему нельзя просто сказать принцу Густаву, что ему угрожает смерть, что ему пора прервать ВР-круиз и вернуться в общежитие университета? — спросила Кора.

— Чепуха, чепуха, трижды чепуха! — воскликнул комиссар, возвращаясь сквозь стену. На этот раз в одной руке у него был бокал с кубиками льда, в другой — бутылка джина. Он снова уселся в кресло и налил джина в бокал. — Во-первых, он не захочет прерывать круиз, потому что он хочет стать героем, — продолжал Милодар. — Иначе бы он не затеял эту игру, вместо того чтобы защищать второй диплом, по экономике. Для него отступление на этом этапе, да еще при отложенной дуэли, — смерти подобно.

— А во-вторых, — закончил за комиссара доктор Гермес, — это сделать более чем трудно, потому что принц Густав сейчас закодирован таким образом, что он убежден в собственной идентичности Тесею.

— Вот так-то, — согласился с президентом Милодар.

Мужчины торжествующе смотрели на Кору, словно победили ее в отчаянной борьбе.

— Значит, если вы пошлете туда человека и попросите его привести Тесея обратно, то Густав просто не поймет, в чем дело?

— Вы совершенно правы, умница, — согласился Гермес.

— Значит, его надо утащить насильно. И спасти.

Из этих слов всем стало понятно, насколько Коре не хотелось отправляться в дикое прошлое.

— Наша компания, — доктор Гермес-Полонский махнул рукой секретарше, чтобы та не забыла зафиксировать его мудрые и окончательные слова, — никогда не позволит никому в мире прервать ВР-круиз, даже если за этим стоит вся мощь Галактики.

— Почему? — удивилась Кора.

— Потому что мы не сможем сохранить в тайне этот инцидент. И через некоторое время потеряем все — и честь, и клиентуру. Сегодня вы выхватываете из круиза клиента Густава, потому что какая-то сумасшедшая интриганка или выживший из ума оракул прокричали вам на ухо, что его собираются прикончить. А завтра к нам прибежит муж клиентки и потребует ее возвращения, потому что он без нее не умеет делать салат оливье.

— Не преувеличивайте, — заметил Милодар.

— Речь идет не о преувеличении, — рассердился президент «ВР». — Дело в принципе. Люди уходят в круиз, как в небытие, уверенные в том, что они заживут иной жизнью. И если они будут подозревать, что столоначальник может вызвать их, потому что заболел бухгалтер и его некому заменить, то мы можем переходить на торговлю кастрюлями.

— А если мы представим доказательства того, что на принца готовится покушение? — спросил Милодар.

— Пожалуйста. Но я уверен, что вы никогда, ни за что не сможете представить нам таких доказательств. А впрочем, попробуйте.

С легкостью, неожиданной для столь грузного немолодого мужчины, доктор Гермес-Полонский оттолкнулся ладонями, подпрыгнул и уселся на крышку письменного стола. Стол зашатался, но выдержал.

— Но если его убьют, вы будете отвечать по закону! — рассердился Милодар, который не терпел, когда с ним спорят, а тем более спорят убедительно.

— Еще никто не погиб в круизе, если сам того не хотел, — сказал доктор Гермес.

— Значит, кто-то все же погиб? — спросила Кора.

— Дорогая моя умница, — терпеливо сказал президент, который явно симпатизировал агенту номер три. — Разрешите мне объяснить вам, как нельзя и как можно погибнуть в ВР-круизе. Как я уже имел честь вам говорить, уходя в прошлое, вы принимаете образ, происхождение, окружение и, в общих чертах, судьбу своего персонажа. Его жизнь и его смерть. Ваша деятельность в прошлом контролируется весьма относительно, в вычислительном центре существует ваш ввод, и микродатчик, вживленный в вас, подает нам сигнал — пока вы живы, мы спокойны. Если вы погибли — мало ли что может произойти, — сенсоры тут же определяют ваше местонахождение и через несколько секунд извлекают вас из круиза, и вы оказываетесь на операционном столе, где вас собирают по кусочкам.

Почему-то это выражение показалось забавным секретарше, которая уже перестала стрекотать на клавиатуре и внимала президенту, как божеству. Она захихикала. Доктор Гермес цыкнул на нее и продолжал:

— Скажу больше, в случае, если ВР-круиз проходит по категории «О»...

— Опасный? — спросила Кора.

— Умница! — уже привычно воскликнул Гермес, вызвав гневный взгляд секретарши. — Маршрут Тесея расценивается как «ЧО», понятно?

— Понятно. Чрезвычайно опасный.

— В таких случаях мы ведем мониторинг состояния здоровья путешественника. И даже если он не умер, но параметры тела крайне ненормальны, мы посылаем в примерное место действия своего агента. Но это стоит безумных денег и не всегда дает эффект.

— Почему? — спросила Кора.

— Потому что мы знаем точку нахождения путешественника в пространстве и времени только приблизительно. Постоянна лишь неподвижность. Неподвижность означает смерть. Если вы умерли, то мы вас вытащим, но если вы живы, то вас трудно локализовать в пространстве и времени —

вы же движетесь активно. Так что наш агент может помочь, может даже эвакуировать круизника, но порой это ему не удается. Особенно если круизник сам не хочет, чтобы его нашли, и решил покончить с собой. — И предвосхищая вопрос Коры, доктор Гермес-Полонский закончил: — Да, так было трижды. Один раз мы смогли вытащить и оживить самоубийцу, дважды потерпели поражение.

— Как же так? — спросил Милодар, не скрывая сарказма. — Ведь ты сказал: наступила смерть, завершилось движение, объект неподвижен, вы его вынимаете из круиза, но терпите поражение?

— Есть редкие ситуации, когда мы его достать не можем, — уклончиво ответил президент и добавил специально для секретарши: — Это можно не фиксировать.

— Значит, — сразу же бросила в него вопросом Кора, — можно убить человека так, что вы не сможете его вернуть и привести... в порядок?

— Теоретически — да. Практически — очень трудно.

— Любопытные же вы открываете перед нами перспективы, — сказал Милодар. — Крайне любопытные. Вы не только допускаете смерть клиента во время увеселительной прогулки...

— Кто говорил здесь об увеселительных прогулках? Это ВР-круиз типа «ЧО»!

— Чрезвычайно опасный, — пояснила секретарша.

— Но вы еще утверждаете, что мы будем рисковать жизнью моего ценнейшего агента? — Милодар указал бутылкой на Кору.

— Давайте уточним, что будет делать ваш агент в чужом ВР-круизе?

— Она будет беречь принца Густава, который представляет особую галактическую ценность, от покушения.

— Так не бывает!

— Причем вы гарантируете, что никакой чужой личности агенту Орват вы не будете навязывать.

— В том мире — все современники!

— А Кора останется Корой.

— Исключено, исключено, исключено! Вы хотите опозорить меня и разорить.

— Наоборот, я хочу спасти вашу репутацию и поэтому рискую жизнью лучшего агента.

«Может, лучше было бы спросить мое мнение?» — подумала Кора, но вслух ничего не сказала. Ей польстило то, что ее назвали лучшим агентом. Понятно было, что эти слова вырвались у Милодара только потому, что он торговался с Гермесом, но все же!

— Я могу в крайнем случае направить в прошлое моего сотрудника, — произнес доктор Гермес. — Но только не вашего агента, совершенно неподготовленного, обреченного на провал, к тому же молодую женщину! Нет, нет и еще раз нет! — Президент стукнул по столу пухлым кулаком.

— Ну что ж, — вздохнул Милодар так, словно и в самом деле решение далось ему с трудом. — Властью Галактической Федерации я приостанавливаю деятельность концерна «Виртуальная Реальность» как подвергающую опасности жизни своих клиентов.

— Вы сошли с ума! Вы разоряете миллионы акционеров, вам этого скандала не пережить.

— И вам тоже, коллега, — ответила голограмма Милодара.

И доктор президент Гермес-Полонский с проклятием капитулировал.

* * *

Когда перед уходом в ВР-круиз Кора прилетела на Центральную базу комиссара, расположенную подо льдом в Антарктиде, Милодар, пожав ей руку и поцеловав в щеку — на базе он позволял себе бывать в естественном виде, то есть во плоти, — сразу провел к себе в кабинет.

Он взял со стола небольшой объемный портрет молодого человека с капризным мокрым ртом, низким лбом итальянского патриция времен Возрождения и курчавыми рыжеватыми волосами.

— Узнаешь? — спросил он.

Кора покачала головой.

Милодар включил проектор, и на стене появилось изображение Космовокзала — известного шереметьевского терминала. Из туннеля для пассажиров вышел этот молодой человек, одетый богато, но старомодно.

— Неужели не узнаешь? — спросил Милодар.

— Да нет же!

— Ты ненаблюдательна.

Он включил еще один фильм. Кора сразу догадалась — эта

пленка была снята ею самой посредством камеры-пуговицы в бедной светелке красавицы Клариссы. Вот и сама Кларисса, вот и старушка, оказавшаяся оракулом Джадсоном.

Глаз камеры обследовал обшарпанные и залатанные обои, протертый ковер с изображением лебедей в пруду, ученический стол с фанерным верхом, на котором лежали учебники странной красавицы...

Затем глаз камеры переместился на стены и последовательно пригляделся к фотографиям, портретам и открыткам, прикрепленным к обоям. Открытки, как правило, изображали какой-то небогатый приморский городок, куда Кларисса, видно, ездила отдыхать; на фотографиях были изображены капралы и фермеры — возможно, предки и родственники девушки...

— А теперь прошу твоего внимания, — сказал Милодар. — Я догадался совершить некий фокус, до которого ты, моя крошка, по неопытности не додумалась. Мы снимаем тонкий слой грима, нанесенный на стены и пол, и смотрим, что же скрывается за обоями и открытками... Смотри!

Верхний слой картинки медленно расплавился.

По мере того как таяло изображение, Кора, к своему изумлению, видела, что и комната приобрела иной вид.

Под потертыми залатанными обоями обнаружились иные, шелковые, давленные, безупречные в голубизне, новизне и беспорочности. Попугаи и трясогузки летали с ветки на ветку... Портреты, развешанные по стенам, принадлежали кисти посредственных, но вполне профессиональных светских художников, на полу раскинулся пышный ковер чудесного рисунка, а столик семнадцатого века был изящно инкрустирован драгоценными камнями. На столе лежало несколько модных журналов — и ни одной тетрадки. Да и сама Кларисса была одета настолько дорого и изысканно, что сразу стало ясно, что на туалеты она ухлопывает львиную долю чьих-то денег.

— Это гипноз? — спросила Кора.

— Нет, это так называемое наведение антиглянца. Недавнее и довольно дорогое развлечение: твое жилище и ты сам выглядишь в глазах гостя так, как тебе того бы хотелось. Тончайшая пленка скрывает истинный интерьер... А теперь посмотри на самый большой портрет над столом.

— Это он! — воскликнула Кора.

— Кто он?

— Тот, кто прилетел. Чью фотографию вы мне только что показали.

— За это ты получаешь еще один выговор и предупреждение о служебном несоответствии. Ты упустила одного из главных подозреваемых. И если бы не меры, принятые мной, мы могли бы не заметить того, что сегодня на Землю прилетел не кто иной, как принц Кларенс под именем торгового агента Купера.

— Это он? — удивилась Кора. — А я думала, что он куда как утонченнее.

— Ты не только не желаешь признавать ошибок, — укорил агента комиссар, — но и упорствуешь в них. Ты лишаешься премии за прошлый квартал.

— До чего вы бываете занудным! — сказала Кора, вытащила из волос шпильку, поддела ее ногтем, и из шпильки выкатилась и развернулась тончайшая пленка — портрет принца Кларенса.

— Могла раньше сказать! — рассердился комиссар. — Почему ты заставляешь меня тратить время, насыщая тебя ненужной информацией?

— Премия остается за мной? — спросила Кора.

— Только если Тесей вернется из круиза живым. Или не настолько мертвым, чтобы его нельзя было сложить и вылечить. Так что иди выспись, почитай мифы Древней Греции, а также Плутарха — с собой их взять будет нельзя. Завтра в восемь ты отправляешься в мифические времена Афин. Ты рада?

— Я рада, что наконец высплюсь, — уклончиво ответила Кора.

— Если ты в Москву, я тебя могу подбросить до Таганрога, оттуда ты доедешь на метро.

— Что за неожиданная доброта? Неужели ваши невесты там сегодня ныряют?

— Вот именно!

* * *

Добравшись до своей скромной квартирки, выстроенной в виде небольшого замка на крыше обветшалого небоскреба на углу Маросейки и Потаповского переулка, Кора сразу от-

ключила связь и высыпала, не проглядывая, в преобразователь мусора всю корреспонденцию, накопившуюся за последние дни в почтовом ящике, — все равно прочесть не успеешь. Затем Кора направилась в ванную, намереваясь, смыв с себя пыль космических трасс, рухнуть на диван и проспать часов двенадцать. Но когда она уже была в двух шагах от заветного дивана, преобразователь мусора недовольно заворчал и выплюнул, как не подлежащее уничтожению, открытку от бабушки Насти о том, что черника в этом году не уродилась, а вот вишня была чудесная, и также книгу, присланную комиссаром Милодаром. В углу конверта было крупно написано: «Прочесть до начала задания».

Внутри пакета лежал объемистый труд британского поэта и исследователя Роберта Грейвса «Мифы Древней Греции», где жизни Тесея была посвящена особая часть, подвиги и приключения героя трактовались в контексте культурологических штудий и сравнительной мифологии.

Кора намеревалась проглядеть первые две-три странички, как бы повторить пройденное, но нечаянно зачиталась и отправилась дальше по дорожке жизни своего героя...

Итак, мальчик Тесей рос при скромном дворце Питфея, нежась на ласковых руках мамы Этры, потом стал все дальше и дальше отбегать от родного дома. Учитель Коннид рассказывал ему о богах и героях, а также учил его читать, писать и считать, показывал созвездия и открывал тайны живой природы.

Порой к Питфею заезжал его родственник, очевидно двоюродный брат, а может быть, и дядя Геракл. У греческих героев всегда нелегко разобраться в родственных связях, во-первых, потому, что у каждого автора они иные, а во-вторых, потому, что в Греции можно было иметь, к примеру, двух отцов. Нередко хитрые и похотливые боги в брачную ночь или накануне ее слетали с Парнаса в постель к невесте, и потом считалось, что получившийся сынок имеет сразу двух отцов. Кстати, такая версия широко использовалась дедушкой Питфеем по отношению к самому Тесею.

Впрочем, Кора все же сделала попытку разобраться в семейных делах. Это могло ей понадобиться в работе сыщика.

Значит, Питфей, сын Пелопа, в память от которого нам остался полуостров Пелопоннес, и Гипподамии (что вовсе не означает, как может показаться, что его мама была «лошадиной дамой»), имел двух известных своими подвигами и безобразиями братьев, Фиеста и Атрея, о которых мы здесь умолчим. Но еще у него была совершенно не известная никакими подвигами и безобразиями хорошенькая домовитая сестренка Лисидика. Лисидику отдали за Электриона, который не имеет отношения к электронике, и родилась очаровательная дочка Алкмена. Дочка Алкмена, как вы понимаете, родная племянница Питфея, вышла замуж за Амфитриона, который этого самого Электриона убил. Но не нарочно, а нечаянно, по дикости своего древнего характера. Амфитриона изгнали из Микен, и беглецы поселились в Фивах, где Амфитриону дали отряд и велели воевать, чтобы отрабатывал свой хлеб.

Амфитрион редко бывал дома, а скучавшая Алкмена принимала солнечные ванны на плоской крыше своего дома. Когда ее увидел пролетавший мимо Зевс, он так удивился, что тут же приказал ночи сменить день. Трое суток продолжалась ночь, потому что трое суток Зевс не мог насладиться и насытиться прекрасным и страстным телом Алкмены. Может быть, это и преувеличение, подумала Кора, но древним надо было найти какое-то объяснение тому, что плодом этой трехсуточной любви стал не кто иной, как Геракл, формально считавшийся сыном Амфитриона, который те трое суток пробыл со своим войском в поле, так как в кромешной тьме не знал, куда направить свои удары.

Значит, в общем, все не так сложно: Геракл — внучатый племянник Питфея, то есть сын племянницы. А Тесею он дядя. А дворец в Трезене для Геракла — дом родной.

Теперь все стало ясно и можно было двигаться дальше.

Может быть, именно в Трезене, в небольшом интеллигентном доме, в неспешных беседах, в атмосфере обожания и поклонения, Геракл отдыхал душой.

Всем там запомнилась такая яркая сцена.

Как известно, Геракл вместо нормальной одежды носил львиную шкуру, что говорит о его тщеславии и постоянном страхе, что его не узнают, не оценят и не испугаются.

Вместо того чтобы оставить шкуру, как и положено в прихожей, Геракл вошел в ней в столовую и только там спохватился, что в шкуре обедать жарко и неудобно. Он бросил ее в угол и забыл о ней. После обеда взрослые перешли выпить амброзии и поиграть в кости во внутренний дворик под сень

виноградных лоз, а в столовую прибежали мальчишки, среди которых Тесея можно было угадать лишь по благородной осанке, и то если как следует приглядеться.

Мальчишки кинулись к блюдам — может, осталось от взрослых что-нибудь вкусненькое. И тут один из них увидел в темном углу льва!

С визгом дети бросились прочь из комнаты. С ними убежал и мальчик Тесей. Но в отличие от сверстников и старших товарищей он помнил, что на поленнице у кухонной печи лежит топор. Мальчишка стремглав влетел на кухню, схватил топор и, не в силах еще замахнуться, поволок его в столовую.

Кто-то из поваров заметил Тесея и погнался за ним. Поэтому и оказался первым свидетелем первого подвига Тесея. Мальчик отважно дотащил топор до львиной шкуры и, с трудом подняв его, уронил на голову льва.

— Скорее сюда! — закричал повар. — Мальчик совершает подвиг Геракла!

Разумеется, тут прибежали взрослые, кто-то засмеялся, а кто-то и покачал задумчиво головой, понимая, что на глазах у них растет настоящий античный герой.

— Что поделаешь, — негромко сказал дипломатичный дедушка, — кровь Посейдона...

Этра зарделась, потому что любой молодой женщине стыдно сознавать, что у нее сын от существа, которое умудрилось совершить любовный акт, не поставив об этом в известность свою любовницу.

Рассердился только один Геракл, который был очень вспыльчивым. Он поднял шкуру и показывал всем, что Тесей прорезал ее в одном месте топором. Дырка была маленькая, и, вероятнее всего, от моли, но с Гераклом спорить не стали, и Этра сама зашила шкуру той же ночью.

...Кора потянулась, сон накатывал неумолимо. Пойти принять надежное лекарство, которое лишает тебя сна на сутки, а то и на неделю... «Нет, лучше поставлю будильник», — подумала Кора. Потому что она очень любила спать и смотреть сны.

Она дочитала историю детства и юности Тесея на следующее утро, нежась в ванне, покрытая голубой пеной, словно взбитыми сливками. В комнате шумел пылесос, ему вторил уборщик, который собирал по полу и под диваном осколки упавшего со стола будильника. Солнце поднялось уже высоко.

Кора заглянула в любимого ею здравомыслящего Плутарха, который, как и положено цивилизованному человеку, почти не верил в богов и всякую мифологическую чепуху, но был убежден, что Тесей существовал и совершал свои подвиги. Только их потом ложно толковали.

Не удовлетворившись краткими сведениями, излагаемыми Плутархом, Кора снова открыла Грейвса. Там история возмужания Тесея была описана с любопытными житейскими подробностями. Оказывается, когда юноше исполнилось шестнадцать лет, дедушка отправил его в Дельфы, к тому самому оракулу... Там, в храме Аполлона, Тесей пожертвовал богу свои волосы. Правда, не все. Он выстриг спереди короткую челку.

Когда Тесей вышел из храма, одна девочка, которая с ним в те дни дружила, удивилась и спросила:

— Ты что, с ума сошел? Это же некрасиво и совершенно немодно.

— Я не гонюсь за модой, — рассудительно ответил шестнадцатилетний юноша.

— Тогда зачем ты это сделал? — спросила девушка.

— Я готовлюсь к подвигам, — ответил Тесей. — А когда я буду драться с врагом, он может схватить меня за волосы. А потом стукнуть дубиной по голове. Мы же еще совершенно первобытные. А так врагу будет не за что хвататься.

Девочка была потрясена такой сообразительностью в юноше и всем рассказала эту историю. И она дошла до нас, так же как и рассказ о том, как через тысячу лет Александр Македонский перед решающими сражениями с персидской армией приказал всем своим воинам сбрить бороды. С той же целью, с какой Тесей отстриг волосы.

Когда Тесей вернулся в Трезену, мама с дедушкой, как обычно, подвели его к скале. На этот раз он, поднатужившись, отвалил глыбу. Сандалии, хоть и были из хорошей кожи, запылились и ссохлись, а меч немного проржавел. За ночь сапожник и оружейник привели в порядок отцовское наследие. А утром дедушка Питфей призвал внука и сказал ему:

— Отправляйся в Афины. Срочно. Там покажи сандалии и меч афинскому царю Эгею. Он тебя узнает и сделает своим наследником.

— И все-таки скажите, мой отец не Посейдон? — огорчил-

ся Тесей, как огорчился бы на его месте любой молодой человек, внезапно лишенный божественного покровительства на небезопасных дорогах Эллады.

— Если спросят враги, говори: Посейдон, — ответил дедушка. — А если друзья, то друзьям всегда надо говорить правду. В конце концов, унаследовать Афины — самый большой и богатый полис в Греции — это даже не каждому богу под силу. Так что я уже отдал приказ снаряжать корабль. С утра поднимешь парус — и в путь!

Но не тут-то было...

...В квартиру позвонили. Кора не открывала. Она не любила, когда ей мешали. К тому же до отъезда в Древнюю Грецию ей хотелось обязательно догнать Тесея в его походах.

Дверь в ее квартиру пытались сломать. Безуспешно. Дверь и внешние стены ее небольшого замка были сделаны из остатков боевого космического крейсера «Забияка», на котором покойный отец Коры прошел сквозь черное облако из волиевой кислоты.

Так что, кроме направленного атомного взрыва, дверь ничем невозможно взять. А бомбу рвать не будут — все-таки исторический центр Москвы, пережил три мировых войны...

...Но не тут-то было. Тесей посмотрел на дедушку и сказал:

— Нет, мы пойдем другим путем.

— Не понял, — удивился Питфей.

— Я не поплыву в Афины!

— Почему? Это же удобно! Корабль уже поднял парус, гребцы уже опустили в воду весла, на корме подготовлено удобное ложе для юного героя. Дня за два с попутным ветром вы доберетесь до Афин и увидите чудесные храмы и дворцы. О, это настоящее искусство, настоящая столичная архитектура! Ты поймешь, что рос в деревне. Но пусть это не смущает тебя, малыш, ты законный наследник престола в Афинах.

— Значит, точно Посейдон мне не отец?

— Сдался тебе Посейдон! Человек выше богов!

В этот момент Посейдон послал на Трезену такую грозу, что дедушке с внуком пришлось долго отсиживаться на чердаке. Но это могло быть случайностью.

Пока они сидели, Тесей честно рассказал дедушке, что безопасное путешествие по морю на комфортабельной койке и под стройное пение гребцов для него не подходит. Для настоящего героя оно даже унизительно. Разве совершишь подвиг на этом пути?

— В жизни всегда есть место подвигу, — неуверенно заметил дедушка, мысленно подсчитывая, во что ему обойдутся завтрашние жертвы обиженному Посейдону. Ибо известно, что древнегреческие боги — большие мздоимцы.

— Зачем тебе идти по суше? — ломала руки мать Тесея, все еще молодая и даже похорошевшая с возрастом, по крайней мере приобретшая округлые формы, дама. — Там же страшные леса, давно не чищенные от разбойников и всякой нечисти. Ты понимаешь, что обрекаешь себя на ужасный риск всего в двух шагах от цели? Давай договоримся: ты устроишься на новом месте, по сандалиям и мечу тебя опознает твой отец, а мой нечаянный муж, потом ты возьмешь афинское войско и с его помощью прочешешь окрестные леса. И нам хорошо, и народ доволен, и ты ничем не рискуешь.

— Ой, мама! Ой, дедушка! — возопил Тесей. — Неужели вы не понимаете, что это будут не подвиги, а карательная экспедиция, которая не останется в истории? Нельзя стать героем, если не рискуешь.

— Откуда тебе это известно? — строго спросил дедушка.

— У меня есть дядя, — ответил Тесей.

Этого ответа Питфей и опасался. Он давно видел, какими восторженными глазами мальчик смотрит на дядю Геракла. И бессмысленно было объяснять ему, что в большинстве своем подвиги дяди Геракла никому не приносят пользы и ведут лишь к разрушениям и жертвам. Да и сам Геракл с возрастом не становится умней и сдержанней. Он то и дело кого-нибудь убивает либо по неосторожности, либо в диком припадке. Словно невероятная сила, рожденная трехсуточным любовным экстазом Зевса, плохо влияет на клетки головного мозга и сдерживающие центры знаменитого героя. Может быть, именно поэтому зачатие ребенка обычно не растягивают на трое суток.

— Твой дядя — хулиган-переросток! — закричала Этра, которая не была связана правилами мужской чести. — Он только и может, что убивать, убивать, убивать... Ты же сам мне говорил, что убийство тебе претит!

— Несправедливое убийство мне претит, — согласился Тесей. — Но и мой любимый дядя никого и никогда не убивает просто так...

— Тогда посчитай! — рассвирепела мать Тесея. — Кто убил всеми уважаемого старца Лина, крупнейшего исполнителя священных гимнов на кифаре, музыканта, какого не знал мир, учителя...

— А зачем этот старикашка хотел выпороть Геракла за то, что он плохо учил гаммы? — спросил в ответ Тесей.

— А кто убил своих детей и детей своего брата Ификла? Кто, я тебя спрашиваю? — закричал старик Питфей.

— Дедушка, от тебя я этого не ожидал, — укорил его внук. — Ведь все признали, что это случилось в припадке безумия, который наслала на дядю Геракла противная богиня Гера. За этот проступок он казнил себя больше, чем его могли казнить люди! Он выполнил двенадцать подвигов, и все они были совершены на благо человечеству!

— Пока еще он выполнил всего три или четыре, — поправила Тесея мать. Но она уже поняла, что все ее увещевания бесполезны. Мальчик верил в отвагу, доброту и благородство своего дяди.

А старый Питфей понял, что мальчика не стоит отговаривать. Пользы никакой, одно раздражение. А может быть, для репутации Тесея совсем не так уж и плохо совершить несколько небольших и не очень трудных подвигов? Это ведь не всемирно известные деяния Геракла, а всего лишь наведение некоторого порядка в соседних рощах и оврагах... В конце концов, мальчик крепкий...

— Мама, — произнес между тем Тесей. — Я даю тебе слово, что буду драться только с разбойниками и бандитами, которые грабят и угнетают наш простой греческий народ. И не нападу ни на кого, если он не атакует меня первым. Больше того, я постараюсь сделать так, чтобы наказание, которому я подвергну бандита, будет точно таким же, как и его преступление.

Разумеется, свою мать Тесей не убедил и не утешил, но Питфей поспешил в арсенал, чтобы подобрать внуку шлем, латы и круглый щит. Девочки, с которыми Тесей еще недавно танцевал на храмовых праздниках, юноши, с которыми делил забавы детских лет, собрались проводить его в славный путь. Некоторые просились сопровождать его, но Тесей пожал друзьям руки и объяснил, что подвиги лучше всего совершать в одиночку. А что касается народной молвы и свидетелей, то они обязательно найдутся, если подвиг настоящий.

Провожающие теснились толпой у открытых деревянных ворот Трезена, глядя, как, уменьшаясь, фигурка юноши достигла масличной рощи и пропала в тени деревьев. Этра плакала, Питфей смахивал скупую мужскую слезу, а девочки и девушки, целовавшиеся с Тесеем под вишнями и смоковницами, рыдали навзрыд.

* * *

— Ну хватит! — грозно сказала Кора, отложив все книги, и вышла из голубой пены, как Афродита. Правда, она превосходила Афродиту ростом и размахом плеч, да и талия у нее была потоньше, чем положено богиням.

Кора подошла к двери, содрогавшейся от ударов электронным отбойным молотком.

— Кто там? — спросила она голосом домашней хозяйки.

Грохот прервался.

За бронированным стеклом окна завис вертолет, в котором яростно размахивал руками президент Гермес-Полонский. Рядом сидела голограмма Милодара и грызла ногти. Комиссар никогда не мог простить Коре, что даже его голограмма бессильна проникнуть внутрь ее квартиры без спроса.

— Что случилось, господа? — спросила Кора, потягиваясь и открывая окно. Из окна потянуло свежим ветром и перегоревшей пылью от буровых инструментов. Кора вытирала волосы махровым полотенцем.

— Что с тобой? Мы думали, что тебя убили! — закричал Милодар.

— Нет, — ответила Кора, — меня не убили!

— У тебя не отвечал телефон и экстренная связь тоже...

— Знаю, я была в ванной.

— Сколько ты там была?

— Часа два, не больше.

Милодар не хотел разговаривать, он отвернулся и замолчал.

— Вас ждут, — сказал доктор Гермес, простив Коре опоздание за то, что она явилась пред его очи в костюме Афродиты. — Все готово. Тесей пошел в Афины пешком.

— Значит, все согласовано? — спросила Кора. Она накинула полотенце на плечи и, взяв с подоконника гребень, на-

чала расчесывать свои тяжелые русые волосы. — А мне никто ничего не рассказывает.

Президент Гермес-Полонский в смущении обернулся к комиссару, но тот продолжал хранить молчание, хотя в настоящий момент Кора была виновата лишь в том, что зачиталась подвигами Тесея.

Видя, что Милодар не желает говорить, президент взял инициативу на себя.

— Если вы будете так любезны одеться и присоединиться к нам, — сказал он, — мы отвезем вас к вратам ВР-круиза. Время не ждет. С той минуты, как Тесей покинул свой дом, он лишен профессиональной охраны.

— Какое оружие я беру? — спросила Кора.

— Никакого, — вежливо отвечал президент. — Вы выключили воду в ванной?

— Да, и сняла чайник с плиты.

Милодар возмущенно фыркнул, но промолчал.

Одевшись, Кора вылезла на крышу, захлопнула за собой окно, теперь только она знала кодовое слово, чтобы открыть замок в свою квартиру.

— Доктор-президент, — обратилась она к Гермесу. — Скажите, я получу у вас какую-нибудь одежду или должна буду добывать себе хламиду в отдаленном прошлом?

— Не говорите чепухи, — буркнул президент. — У входа в ВР вас ждут наши специалисты по хитонам, хламидам, гиматаям, обуви, застежкам и правилам приличия. У вас будет полчаса, чтобы все это освоить.

— Я не успею, — сказала Кора.

— Успеешь! — отрезал Милодар. — Хватит издеваться над старшими! Успеешь и через полчаса будешь в Древней Греции. Твоя работа уже началась. Ты найдешь Тесея и будешь охранять его до конца круиза. Не смей раскрывать свое инкогнито.

— И даже без отпуска?

— Ты все прочла, что я тебе оставил?

— Я успела дочитать только до его выхода из дома.

— К сожалению, больше связи с тобой не будет. В самом крайнем случае оставишь записку Дельфийскому оракулу. Учти, что ты первый посторонний человек, который входит в ВР-круиз, помня о том, кто ты такая и почему там оказалась.

Все остальные живут чужой жизнью. Тебе понятно доверие организации?

— Я подтверждаю это! — воскликнул доктор Гермес-Полонский. Пожалуй, слишком громко, чтобы Кора ему поверила.

— А я могу и не ехать, — сказала Кора. — Мне больше нравится читать про Тесея.

— Врешь! — крикнул Милодар. — Сама ждешь не дождешься, когда пустишься в приключения. Ты без них жить не можешь!

— О как вы далеки от истины, комиссар! — ханжески ответила Кора.

Вертолет пошел на посадку в глубоком овраге на обнесенной силовой защитой площадке Центрального управления виртуальной реальности.

До перехода Коры в Древнюю Грецию оставалось двадцать пять минут.

* * *

У вертолета Кору подхватил молодой человек, женственный в движениях и интонациях.

— Какое счастье, — проворковал он, проводя узкой ладонью по боку Коры. Девушка в некоторой растерянности оглянулась на президента, но тот в ответ сделал некое прощальное либо прощающее движение толстой рукой, отдавая Кору на растерзание женственному молодому человеку.

Увлекая Кору внутрь здания, он ворковал, подобно влюбленному голубю, гуляющему по ограде балкона.

— Вы несколько превосходите размером среднюю гречанку классического периода, но надеюсь, что мы успеем, успеем.

В большом, низком, ярко и холодно освещенном зале двое мужчин с ножницами и сантиметрами в руках стояли по обе стороны закройного стола, снабженного собственным компьютером с большим разноцветным экраном.

— Представлять никого не будем! — воскликнул женственный закройщик. — Речь пойдет лишь обо мне, скромном гении современности. Виртуальная реальность невозможна без моего толчка — вы должны появиться там либо обнаженной, либо приемлемой. Потом вы обзаведетесь гардеробом,

но ваше невежество в простых повседневных вещах может стоить вам жизни.

Один из закройщиков взял со стола и протянул Коре массивные наушники, соединенные с металлическим шлемом. Молодой человек прикрепил его к голове Коры, для чего той пришлось склониться перед ним в поклоне.

— Сейчас я включаю изображение — фильм, снятый нашим сотрудником в нужном вам прошлом. Звуковое и смысловое сопровождение будет внушаться вам... — закройщик показал на наушники. — А мы тем временем вас оденем.

Мастера стали снимать мерки для одежды и обуви, а Коре казалось, что она очутилась в богатом древнегреческом доме, дивясь его простоте и неприхотливости, заглядывала на женскую и мужскую половины, увидела в обнесенном колоннами зале алтарь Аполлона, занавесы, заменявшие двери... Потом она перешла в бедный дом... Соответствующие греческие названия навсегда отпечатывались в памяти, да и картины античной повседневности тоже становились частью памяти Коры — ибо теперь она должна была поверить в то, что знает все детали этого мира с детства.

Недолгая процедура обследования дома, затем быстрого прохода по рынку, к храму, к гимнасии и гипподрому отвлекли Кору от того, что делали непосредственно с ней.

Когда женственный закройщик снял наушники и магические очки, Кора получила возможность увидеть себя в зеркале. Зрелище ей понравилось, хотя ее несколько разочаровала простота и даже бедность одеяния, которое ей предстояло носить.

Волнистые тяжелые волосы Коры, спадавшие на плечи — она ни за что не желала их укоротить, хоть сам Милодар требовал и грозил разжаловать, — были собраны сзади в низкий пучок и покрыты плетеной сеткой, будто попали в серебряную нить.

В ушах были две жемчужные серьги, схожие с каплями перламутровой влаги, на шее — две тонкие нити бус, простые, но красивые: халцедоны, оникс, опал, жемчуг... интересно. Прелесть в отсутствии симметрии.

На руке тонкие браслеты и золотой перстень — потом рассмотрим.

На ногах сандалии — ничего особенного, кожаные подошвы привязаны к щиколоткам кожаными же ремешками.

Основная одежда — Кора знала уже теперь, как что именуется, — была коротким хитоном, который не доставал до колен. Он был соткан из тонкой шерстяной ткани белого цвета и обшит узкой полоской терракотового орнамента. Кора знала также, что хитон — простейшая одежда на свете — сложенный вдвое кусок ткани, сгиб которого приходится сбоку так, что в нем прорезано отверстие для руки. Вторая рука свободна, а на плече концы хитона были подхвачены брошью.

Так как легкий хитон, перехваченный поясом, был единственной одеждой Коры, то она поняла: прекрасное на греческих скульптурах не всегда удобно в жизни. Тем более когда женственный юноша, задыхаясь от эстетического восторга, объявил, что Коре будет предпочтительней обойтись без броши и застежек, а правую грудь оставить обнаженной. Это ей тем более удобно, если придется стрелять из лука. Высокая грудь в таких случаях только мешает, и, как известно, амазонки порой ее ампутировали...

— Да замолчите вы! — воскликнула Кора. — Я уже слышала этот текст от вашего президента, но я показываю свои груди лишь избранным.

— Какая жалость! — завопил женственный специалист. — Это же национальная ценность. Я предлагаю вам сделать с них слепки как с образцовых изделий.

Кора поняла, что ей хочется пристукнуть женственного юношу, но что делать, если человеку досталась такая странная работа и свойственны эмоциональные всплески.

— Кстати, я не знаю, какие сумочки носили ваши гречанки, но мне сумка нужна.

— Вы с ума сошли? Что вы туда положите? Это вас выдаст!

— Я положу лишь то, что кладут все женщины мира, и, надеюсь, это добро в вашей костюмерной найдется: зеркало, маникюрные ножницы, гребень, вата, мыло...

— Никакого мыла! Оно еще не изобретено!

— Проверим, — грозно заявила Кора.

— Вот там проверите, там и достанете. — Голос женственного юноши приобрел ледяные хрустящие нотки.

Оба закройщика, как оказалось, один — по одежде, а второй — по обуви и общему облику, отступили, любуясь результатами своего труда.

— Пора, пора! — послышалось по внутреннему динамику.

Загорелся экран видеосвязи. На нем появилось встревоженное круглое лицо Гермеса. — Аппаратура готова. Ведите агента к вратам виртуальной реальности.

— Желаю удачи! — крикнул Милодар, выглянувши из-за плеча президента. И Кору повлекли к вратам ВР...

* * *

Очнувшись на траве под сенью могучего дуба, листья которого лишь начали желтеть и жухнуть, а желуди наливаться питательной мякотью, Кора не сразу сообразила, где она, кто она и зачем она сюда попала. Этого с ней еще не случалось. Плохой признак — наверное, надвигается старость... Впрочем, сколько ей еще осталось до старости? Если тебе двадцать шесть, во сколько лет впала в маразм Мария Кюри? Или Жозефина Бонапарт? Успели ли?

Налетел нежный ветерок (как-то он звался?), дохнул прохладой и сбросил несколько желудей. Один из них ударил Кору по плечу, и она сразу вскочила.

И все стало на свои места.

Агент ИнтерГпола Кора Орват выполняет особой важности задание: охранять и сохранить жизнь принцу Густаву из государства Рагоза, который отправился в ВР-круиз, чтобы доказать своему народу и девушке Клариссе, что он на что-то годен, кроме умственных занятий.

Находится она в автономном плавании, без связи с базой, без надежды на помощь начальства и без страха, что начальство не вовремя вмешается, чтобы помочь, и все загубит.

Выглядит она... Кора постаралась окинуть себя взглядом, и оказалось, что без зеркала женщина может увидеть себя только по частям. Руки обнажены, возле локтя царапина — след краткого путешествия в Рагозу. Грубо сотканное платье, точнее, хитон достает до колен и расклешен.

Больше ничего из одежды, как Кора проверила, она на себе не обнаружила, если не считать сандалий. Одеваться и раздеваться легко, но вот уже на холодном камне не посидишь: верное воспаление придатков. Вряд ли в Древней Греции ничего, кроме этой легкомысленной одежды, не ведали — надо будет обзаводиться гардеробом и в первую очередь приобрести приличную сумку через плечо.

Где здесь покупают приличные сумки через плечо? И как

об этом попросить? Ах да, сначала надо проверить, как она знает здешний язык, который ей вкололи перед самым началом круиза, но совершенно неизвестно, что из этого вышло. Пожалуй, ей придется не легче, чем на незнакомой планете.

Муравей побежал по ее ноге. Кора с интересом следила за ним, ей хотелось понять, насколько он реален. Было чуть щекотно. Она схватила его двумя пальцами. Муравей был крупный, рыжий, лесной, он сердито ухватил ее жвалами...

— Больно же, ты с ума сошел! — крикнула Кора, отбрасывая муравья.

Она потерла сразу заболевший палец, рассуждая, куда идти дальше. Наверняка Тесей-Густав бродит где-то неподалеку, иначе не было смысла забрасывать ее именно сюда.

Самое разумное для нее — выйти на какую-нибудь сельскую дорогу и спросить, как пройти в Афины. Специалист по мифологии, который крутился возле нее, пока ее готовили к переходу в древность, уверял, что ее рост, стать и вообще данные дают основание называть себя если не богиней, то наследницей какого-нибудь престола или незаконной дочкой Посейдона. Можно, конечно, сойти и за нимфу, хотя для нимфы Кора крупновата.

Грабителей и убийц можно не опасаться, но надо быть готовой к попыткам насилия. Отношение к женщине в те времена было скотским, особенно к женщине одинокой и не имеющей хорошей мужской защиты. Об этом, впрочем, и написаны почти все греческие мифы. Либо война за богатство и славу, либо война за женщину. Иного не дано. Не дай бог повстречаться с каким-нибудь мелким божеством, эти существа совершенно аморальные и бесконтрольные, потому что бессмертны и ничего не боятся. С такими милыми напутствованиями Кору и отпустили на поиски Тесея.

Нельзя сказать, что Кора пребывала в отличном настроении. Хотя надо признать, что сентябрьский теплый, уютный день был приятен, и, если бы не отвратительное задание, Кора с удовольствием выбралась бы сейчас к морю и провела неделю на пелопоннесском берегу.

Ну что ж, надо идти. Дело прежде всего. А если удастся сохранить жизнь принца, то у нее найдется денек-другой для отдыха. Правда, как всем известно, Кора предпочла бы пребывание в деревне в обществе бабушки Насти всем чудесам атоллов и курортов.

Рассуждая таким образом, Кора вышла на прогалину. Перед ней тянулась проселочная дорога, узкая, пыльная, но приятная даже в жаркий день, потому что листва деревьев с обеих сторон смыкалась над ней, почти не пропуская солнечных лучей, пыль же под ногами была пятнистой, золотой и сиреневой.

Внутренне собранная и готовая к неожиданностям самого неприятного свойства, девушка вышла на дорогу и остановилась, соображая, в какую сторону ей направиться. В любом случае Афины лежат на востоке, за ними уже Эгейское море. Эгейское — не стоит здесь называть его так. Как жаль, что она не успела дочитать историю жизни Тесея, но что-то беспокоило память еще с детских времен. Именно из-за Эгея море стало Эгейским, именно из-за отца нашего Тесея. А что же натворит старый Эгей, чтобы заслужить такую честь? Ладно, подождем — увидим.

Сзади послышался скрип колес, Кора отступила в сторону. Высокая повозка вроде арбы катила по дороге, за ней золотилось облако пыли. Правил арбой сухопарый, жилистый, загорелый старик в широкополой шляпе. В повозке лежало несколько бурдюков с вином, на одном из них сидела средних лет крепкая женщина с черными курчавыми, будто из проволоки, волосами.

— День добрый, — сказала Кора путникам. — Куда едете?

— Едем в Коринф, — ответил, не смутившись, старик. — Везем на продажу молодое вино.

Говорил старик понятно, да и говору Коры он не удивлялся, а значит, лингвистическая программа в центре «ВР» была составлена правильно. Уже утешение.

— Я пойду рядом с вами, — сказала Кора, одновременно и спрашивая и утверждая.

— Иди, нам не жалко, — ответила женщина. — Но посадить тебя в повозку я не могу, потому что наш мул такой груз не свезет.

— Нет, что вы, я не устала! — сказала Кора.

— Вижу, что ты не устала, — согласилась женщина. — А мы вот с утра выехали, так что уморились.

Улыбка у женщины была добродушной, открытой, только зубов спереди у нее не хватало. Впрочем, Кора понимала, что в Древней Греции с дантистами плохо и надеяться на хорошие зубы могли только боги и прочие бессмертные существа.

— Меня зовут Харикло, — сообщила женщина, — муж мой Хирон, а дом наш в Лаконии, потому что с горы Пелион нас изгнали лапифы.

— Разбойники лапифы, — грозно произнес возница. — Покарает их Зевс, обязательно покарает.

— Только нас с тобой уже не будет на свете, — заметила женщина. — Обычно добро торжествует после нашей смерти, ты не замечала?

— Простите, для этого надо умереть, — ответила Кора.

— Тонкий ответ, — заметил возница. — Выглядишь ты подобно богине, но лицо твое незнакомо. Не сообщишь ли ты нам своего уважаемого имени?

— Кора, — честно ответила девушка.

И как только она произнесла это имя, то прокляла себя — надо было прикусить язык. По тому, как буквально сжались ее случайные спутники, как загрустили они, Кора поняла, что совершила чудовищную ошибку. Она не знала какую, потому что времени перед отъездом было в обрез и ей просто не пришло в голову проверить по словарю, нет ли какой-нибудь известной или малоизвестной Коры в греческой мифологии. А вдруг под этим именем была известна какая-нибудь распутница? Или похитительница драгоценностей?

Но дело оказалось хуже, куда хуже, хотя Кора об этом догадалась не сразу.

Некоторое время они шли молча. Слышно было только, как екает селезенка у серого мула да скрипят старые несмазанные колеса повозки.

— Простите, — сказала Кора через несколько томительных минут, отгоняя надоедливого слепня, — я вас ничем не обидела?

— О нет, госпожа, — тихо ответила Харикло. — Но, может быть, вам удобнее следовать дальше в повозке? Мы с Никосом с удовольствием пройдемся пешком.

— Ваше отношение ко мне изменилось, как только я назвала свое имя. — Кора решила выяснить отношения сразу, не оттягивая надолго недоразумения. — Чем же оно вас смутило?

Харикло смущенно хихикнула, возчик пожал плечами и соскочил с повозки. Далее он пошел, прихрамывая, рядом и ни за что не желал вновь подняться в повозку.

Только тут Кора заметила, что обнаженные ноги возниче-

го покрыты серой шерстью и заканчиваются раздвоенными копытами, что никого, кроме Коры, не удивляло.

— Конечно, вы изволите шутить, госпожа, — сказала Харикло.

— Но я, должен признаться, не слышал, чтобы Кора когда-нибудь шутила. А если шутила, то это плохо кончалось, — заметил Никос.

«Ну что я натворила! Сказать им, что я не та Кора, которую они имеют в виду? Что моя бабушка Настя живет под Вологдой? Да, но до основания города Вологды должно пройти еще две тысячи лет! И польский прадедушка для госпожи Харикло — пустой звук».

— И далеко нам до Коринфа? — спросила Кора, чтобы переменить неудачную тему беседы.

— Нет, недалеко, — вежливо ответила Харикло и укоризненно покачала головой — зачем задавать такой вопрос? — Сегодня там будем.

— А от Коринфа до Афин далеко? — спросила Кора заискивающим голосом. Заискивания ее спутники не уловили. Кора перехватила взгляд возницы, очевидно сатира по национальности, который поглядывал по сторонам, будто собрался сбежать.

— От Коринфа до Афин дальше, — послушно ответила Харикло.

Снова замолчали.

Справа от дороги лес прервался, и потянулся пологий склон холма с виноградником — виноградник был низкий, грозди маленькие, ягоды мелкие. Мичурина на них нет, подумала Кора.

— А вы знаете, почему меня назвали Корой? — спросила она, решив наконец, что искренность — лучшая политика. Чего не поймут, пускай спрашивают. — Назвали меня так потому, что моя мама была великой поклонницей Шекспира, а Корделия из «Короля Лира» ее любимая героиня. Так что официально меня зовут Корделией. Но я полагаю, что об этом никто не подозревает. Даже мой первый муж.

— Муж? — робко спросила Харикло.

— Имеется в виду Аид, — мрачно пояснил сатир Никос. — Бог подземного царства мертвых.

— Ах да, разумеется, — согласилась Харикло.

— Я никому не желаю зла, — сказала Кора. — А к вам испытываю только благодарность за то, что разрешили идти вместе с вами. Я так боялась. Мне рассказали, что в этих местах безобразничает некий Тесей. А вместе идти спокойнее, правда?

Харикло поглядела на Кору, как на буйную сумасшедшую.

— С нами спокойнее? — переспросила она. — А без нас неспокойнее?

— Конечно, в компании всегда лучше. Я так давно здесь не была...

— Ну конечно, — согласился возчий. — Наверное, грустно вам, великая госпожа, понимать, что сейчас пойдут дожди, наступят холода и придется вам возвращаться... туда.

— Никос, замолчи сейчас же! Ты что, хочешь навлечь на нас гнев самой великой богини Персефоны?

— Если вы считаете меня Персефоной, — вежливо сказала Кора, — то вы ошибаетесь. Меня зовут Корой.

— Ну разумеется, мы никогда бы не посмели ошибиться, — сказала Харикло. — Но разве у вас не два имени, госпожа? Ну что ж, придется примириться пока с дурной славой.

— А вы сами слышали о Тесее? — спросила Кора Харикло. — Он из Трезена, внук Питфея.

— Как же, как же, этот Питфей подсунул свою дочку пьяному афинскому Эгею, — сказал возничий, — а он сделал ей мальчика. Потом Питфей много лет бегал вокруг и кричал, что сынка ей сделал сам господин Посейдон.

— Никос, госпоже богине может быть неприятно, когда без уважения говорят о ее родственнике.

— Ничего, ничего, — ободрила сатира Кора. — Я с ним совершенно незнакома. Ведь я же только тезка вашей Коры!

Кора могла бы поклясться, что страх перед ней смешивался во взорах ее попутчиков с недоумением, подозрением, не спятила ли она. Поверить в такое совпадение они не решались, так как боги обидчивы и мстительны. Вдруг сатир указал вперед и произнес с тревогой:

— Смотрите, стервятники кружат!

Харикло вскочила, встала в повозке, чтобы дальше видеть.

— Ох и не нравится мне это, — сказала она. — Может, повернем назад?

Она спросила у возницы, но вопрос относился и к Коре.

— А что там может быть? — спросила Кора.

— Вы, госпожа, можете и не знать о таких, с вашей точки

зрения, пустяках. Но для нас, простых путешественников, это одно из самых опасных мест, — заявил сатир Никос.

— И немало невинных путников поплатились жизнью и своим добром из-за этого проклятого Перифета, — дополнила Харикло. — Кстати, о нем тоже говорят, что он незаконный сын Посейдона!

— Нет, госпожа, — возразил возничий. — Я старый фавн, много видел, много слышал. Но знающие люди полагают, что Перифет — сын Гефеста и Антиклеи.

— Что ты говоришь! — закричала, топнув ногой, Харикло, отчего повозка закачалась, а мул сбился с шага. — Ты понимаешь, что ты говоришь? Ты хочешь сказать, что он — единоутробный сын хитроумного Одиссея?

— Я полагаю, что Гефест забрался к ней на ложе еще до того, как она стала женой Сизифа, не говоря уже о ее браке с Лаэртом!

— А ты что, за ноги ее держал? — возмутилась Харикло. — Опозорить бедную женщину каждый из вас, козлов, рад! — И Харикло указала на ноги возницы, который стоял возле остановившейся повозки.

— Я попрошу нас не оскорблять, тем более в присутствии могущественной богини. Ты знаешь, что она с нами сделает, если рассердится?

— А я ничего плохого не сказала! — продолжала Харикло. — Я только защищала женскую честь.

Возница снял шляпу и почесал затылок. Из тугих кудрей торчали короткие прямые рога.

— Надень шляпу, не пугай женщину! — прикрикнула на сатира Харикло.

— Можно, — сказал возница. — Можно и не пугать.

— Вообще-то он у меня старательный, — пояснила Харикло. — Но происхождение вылезает, как уши у Мидаса. Вы слышали, что случилось с этим несчастным царем?

— Да, да, ослиные уши, — сказала Кора. — Можно задать вам вопрос?

— Всегда готовы ответить, госпожа.

— Тогда объясните мне, почему вы тратите столько времени для выяснения проблемы, кто чей отец, кто с кем спал, кто к кому залез в постель. Только об этом и говорите.

— Шутит, — сказал возница, обернувшись к госпоже Харикло. — Конечно, богиня шутит.

— А если не шучу? — спросила Кора построже.

— А куда деваться простому человеку? — вопросом на вопрос ответила Харикло. — Я же должна выяснить, кого обидела, а кто меня обидел, с кем поссориться можно, а кого лучше обойти стороной, иначе и костей не соберешь.

— У нас в деревне был случай, — заметил старый сатир. — Одна женщина увидела, как гусыня снесла яйцо. Гусыня была ничья, так, просто гусыня. Принесла она яйцо домой, и что же вы думаете?

— В яйце был зародыш кого-то еще? — ахнула Кора.

— Ничего подобного, яйцо было нормальное, свежее яйцо, только что снесенное. Но гусыня, как узнала, что случилось с ее яйцом, кинулась к своим родственникам. А оказывается, ее отдаленным троюродным дедушкой был тот самый лебедь.

— Тот самый лебедь, — вторила Харикло.

— Тот самый, который изнасиловал Леду!

— То есть изнасиловал, конечно, Зевс, — поправила Харикло, — но он принял вид настоящего лебедя, который на самом деле был гусем...

— Потому что в то время все были гусями, включая лебедей, — пояснила Харикло.

— А этот гусь долгое время жил в доме Прекрасной Елены, когда та была еще девочкой... Так вот эта гусыня пожаловалась Леде, Леда пожаловалась своему брату Кастору, Кастор прискакал и отрубил голову несчастной женщине.

— И я ее знала, — вздохнула Харикло. — Чудесная женщина! А какие пироги пекла!

— Но его наказали? — воскликнула Кора.

— За что? За то, что он вступился за родственницу, у которой съели еще не родившегося ребенка?

Они замолчали. Потом сатир предположил:

— Не иначе как Перифет кого-то убил своей железной дубиной. У него она такая...

— Быка убивает.

— Он, может быть, не одного человека убил, а целый караван уничтожил.

— Значит, — сказала Харикло, — напился душегуб человеческой кровушки и дрыхнет.

— И что из этого следует, госпожа? — спросил сатир так, словно знал ответ. Харикло обратилась к Коре.

— Великая богиня, — сказала она, — вас, может быть, и не интересуют наши мелкие дрязги и наши земные хитрости. Но нам надо выжить, нам надо кушать и рожать себе подобных.

Сатир почему-то захихикал, и Харикло погрозила ему внушительным загорелым кулаком.

— Эта дорога нам отлично известна. Мы знаем, за каким поворотом можно встретить дракона или пещерного медведя, за каким камнем с двух до пяти таятся разбойники, когда и как поджидают своих жертв Перифет или Синис. И мы подгадываем наше путешествие к их привычкам и слабостям. Если разбойники дежурят с двух до пяти, то опытный купец пройдет опасную поляну в половине шестого.

— Вы хотите сказать, уважаемая Харикло, — сказала Кора, — что мимо разбойника Перифета лучше проходить, когда он уже кого-то убил и ограбил?

— Вот именно. И не будем терять времени даром. Будем надеяться, что в случае смертельной опасности великая богиня Кора нас защитит и спрячет в темных пропастях Аида. Но не навечно, а пока не минет опасность.

С этими словами Харикло склонилась до земли перед Корой, а сатир бухнулся в ноги, и при этом нечаянно обнажился его зад, — зад был покрыт густой шерстью, и из него торчал короткий козлиный хвост.

— Прикройся, дурак, — прикрикнула Харикло и вспрыгнула на повозку.

Сатир бежал рядом, Кора шла сбоку.

Перевалив через пригорок, они оказались над широкой низиной, которую занимала старая роща, с гигантскими, под самое небо, деревьями грецких орехов. Роща проглядывалась далеко вперед, и потому они сразу увидели человека, лежавшего в тени грецкого ореха. Лежал он навзничь, раскинув руки, и его пальцы правой руки омывал быстрый ручеек, на другом берегу которого сидела обнаженная девица.

— Осторожнее, фавн, — приказала Харикло. — Странно это...

— У меня лесное зрение, хозяйка, — ответил возница. — Скажу вам, что у ручья сидит наяда, я ее знаю в лицо, даже как-то с ней целовался. Она живет в том ручье.

— Никос, ты идиот! — рассердилась Харикло. — Скажи, кто там мертвый лежит у ручья?

— Разбойник Перифет, и в том нет никакого сомнения.

— Как так разбойник Перифет? Я не верю своим глазам.

— Да я эту толстую свинью уже лет сто знаю!

— Может, он лежит потому, что напился коринфского вина и наслаждается покоем?

— А почему вода в ручье стала красной — неужели бурдюк разрезан?

— Это не бурдюк, а брюхо разбойника.

Сатир принялся подгонять мула, тот легко побежал вниз по склону; наяда, которая сидела у ручья, поднялась при их приближении и громко закричала:

— Злодейство, злодейство! Гнусное злодейство! Предательски убит и скончался в муках справедливый защитник бедных путников, мужественный борец за права малых народов Перифет Благородный! О боги, спасите человечество, которое подвергается таким мучениям!

Наяда была прехорошенькая. Длиннющие темные волосы служили ей как бы видимостью платья.

— Вы же сказали, что Перифет был разбойником, — удивилась Кора.

— Разумеется. И одним из самых подлых на свете, — согласился сатир.

— Неправда! — закричала снизу наяда. — Вы его не знаете! Он так меня любил!

— Его называли еще Корунет, что значит...

— Человек-дубина, — подсказала Кора.

— Он выскакивал из-за дерева на путника и забивал его дубиной насмерть.

— А вы видели, вы видели, вы видели? — возмущалась наяда.

— Кто видел, — сказал фавн, — тот нам ничего не расскажет.

— Как же это произошло, милая девушка? — спросила Кора, подходя к ручью и останавливаясь на мостике в том месте, где он пересекал дорогу.

— Ой, я не переживу, не переживу! — причитала наяда. — Он поджидал меня на этом мостике. Я бежала к нему, просветленная от близкой встречи, готовая отдать ему самое дорогое, что есть у каждой из нас, — девичий стыд.

— А кому ты его не отдавала? — удивился фавн Никос. —

Я тебя помню лет восемьдесят, как ты стала наядой этого ручья.

— Молчи, грубиян! — возмутилась наяда. — Тебя там не было.

— Видишь, забыла, крошка, — засмеялся фавн. — Лет пятьдесят назад мы с тобой резвились в тех вон кустах, которые превратились в каштановую рощу.

Наяда поглядела в ту сторону, но ничего не вспомнила.

— Они как ветер, — сказала Харикло, — наяды, нимфы, нереиды... Они помнят лишь вчерашний день и удовольствия нынешнего вечера.

Кора разглядывала гигантского мускулистого разбойника. Череп его был проломлен, лицо изуродовано.

— Чем его так?

— Я все видела! — сообщила наяда. — Это сделал Тесей. Этот мерзавец Тесей. Из Трезена, внук тамошнего Питфея. Он шел в Афины совершать подвиги. Такой противный, вы не представляете! А мой миленький Перифет увидел его и, как всегда, вежливо спрашивает, ты куда направляешь свой путь, о добрый чужестранец...

Харикло взяла с повозки кусок холста и накрыла лицо разбойника.

Наяда кинула взгляд на тело возлюбленного, но на этот раз его не узнала.

— Кого здесь положили? — спросила она. — Это же мой ручей, тут никого нельзя класть. Тем более если он уже умер.

— Подождите, — попросила ее Кора. — Расскажите, что было дальше с Тесеем.

— Я не буду с тобой разговаривать, — капризно отмахнулась наяда. — Ты кто такая, почему спрашиваешь?

— Меня зовут Корой, — ответила та.

Наяда вздрогнула.

— Прости, о Кора, — прошептала она. — Я тебя приняла за земную женщину. Что ты хочешь узнать?

Бедное речное существо трепетало от ужаса. «Почему я вызываю такой страх у этих людей?! Ведь во мне нет ничего пугающего. Может, я превосхожу их ростом? Но ведь этот разбойник Перифет, он не ниже меня».

— Что было дальше? Только правду.

— Правду? Тогда мне надо начать с самого начала, великая богиня. Я должна начать с того момента, как на дороге

показался молодой человек высокого роста, стройный и очень милый. На поясе у него висел ржавый меч в рваных ножнах, а на ногах очень старые сандалии — я обратила на это внимание. Тут из-за дерева выскочил Перифет с дубиной — у него громадная железная дубина. «Я, — кричит, — могучий разбойник Перифет! Сознавайся, кто ты есть, отдавай все деньги, а потом попрощаешься с жизнью». А тогда этот молодой человек говорит: «Я — Тесей, сын царя Афин и внук царя Трезена, иду совершать геройские подвиги, и первым из них полагаю подвиг во славу моего дяди Геракла — я намерен очистить от разбойников все побережье от Трезена до Афин». А Перифет размахнулся дубиной и отвечает ему: «Теперь я тебя убью с чистым сердцем, потому что ты намеревался причинить мне вред». Он как закричит: «Стой смирно, убивать буду!» Да как рубанет своей дубиной, но этот хитроумный Тесей его подло обманул...

— Как же он его обманул? — спросил фавн.

— Он отскочил в сторону. Вы представляете — ему велели стоять, а он прыгает в сторону. Разве так себя ведут?

— Так не ведут, но в будущем обязательно поведут, — сказала Харикло. — Это же очень разумно — тебе говорят: подставляй голову, а ты не подставляешь голову.

— Но так не положено! — воскликнула наяда.

— Откуда вам это известно? — поинтересовалась Кора.

— Да потому, что мой дорогой Перифет закричал на этого Тесея, что так не положено, а Тесей все же уклонился от удара, и Перифет долбанул палицей по дереву.

И тут, следуя указательному пальцу наяды, путники увидели сломанный пополам грецкий орех со стволом в два обхвата.

— Ого! — произнесла Харикло. — Так не смог бы и сам Геракл.

— Но от удара дубина вылетела у Перифета из рук, — сообщила наяда. — И тогда... Нет, вы не представляете! Этот самый Тесей подбежал к дубине, поднял ее, с трудом раскрутил над головой и проломил череп моему возлюбленному.

— Думаю, что он правильно сделал, — сказал сатир.

— Нет, неправильно! — сопротивлялась наяда. — Ведь Перифет меня любил!

— Я думаю, — сказала Кора, — что когда Перифет напал

на Тесея, у того не было никакой защиты от палицы. И никто не мешал разбойнику Перифету отпрыгнуть в сторону.

— Отпрыгнуть? В сторону? Он привык убивать всех не сходя с места. У него живот лежал на пне, куда ему прыгать?

И тогда Кора поняла, что покойный разбойник и на самом деле был при жизни очень толстым человеком.

— И что сделал Тесей дальше? — спросила Кора.

— Он вел себя очень странно, — сказала наяда. — Он помахал еще немного дубиной и сказал вслух, что она ему не по силам. Сказав так, он сразу подрос на пядь и стал на пядь шире в плечах. Потом снова помахал палицей и сказал: «Теперь в самый раз». Я ему крикнула, что согласна, чтобы он взял меня в качестве добычи. Что я согласна, чтобы он меня угнетал и принимал от меня жертвы... А он даже не взглянул на меня. Паршивый извращенец.

— Теперь мне ясно, почему она так проклинала Тесея и так кручинилась о Перифете, — сказала госпожа Харикло. — Она осталась без защитника и возлюбленного.

— Правильно, — согласилась нимфа. — К тому же я совершенно не представляю, как этого самого мертвяка хоронить.

Несколько стервятников уже расхаживали вокруг трупа, ожидая, что люди уйдут и им удастся отведать человеческой падали.

— Об этом просите госпожу Кору, — сказал фавн. — Это по ее части.

— О, великая богиня. — Нимфа бросилась Коре в ноги. — О ты, Персефона, владычица царства мертвых, повелительница чудовищ, разрывающая последние нити, что соединяют живых людей с этим миром. Пожалуйста, вызови кого-нибудь из своих слуг, чтобы они закопали тело этого отвратительного разбойника.

Так, поняла Кора, Кора и Персефона — одна и та же персона, которая замужем за каким-то Аидом и связана со смертью.

— Нет, — сказала она нимфе, — я полагаю, что для других разбойников поучительно узнать, что их Перифет лежит здесь, лишенный погребения, ибо человек, который убивает невинных, недостоин лучшей участи.

— Слушайте, слушайте! — закричала Харикло. — Это слова мудрой богини.

Остальные слушатели захлопали в ладоши. Тем временем

Кора могла не спеша рассуждать. Первое и основное — она на правильном пути. Перифет еще теплый. Наяда о нем не успела забыть. Значит, Тесей не успел отойти далеко. Значит, Тесей сдержал свое слово и отправился береговой дорогой, чтобы очистить торговый путь от разбойников. И наверное, до Афин ему встретится кто-то еще. Насколько он опасен? Насколько реальна замена разбойника кем-то из клана Кларенса или слуг дамы Рагозы?

— Госпожа Харикло, — попросила Кора. — Скажите, пожалуйста, а отсюда до Афин еще встречаются разбойники?

— Обязательно, — сказала Харикло. — Впереди, на Истме, сидит Синис, сын Пемона, его прозвали Питиокомптом. Что это значит?

— Это значит «сгибатель сосен», — вежливо ответила Кора.

— Вот именно. Синис сидит на горе, справа — Коринфский залив, а слева — Саронический. Вокруг него шумят могучие сосны. Если он видит путника, то привязывает его за правую руку к вершине одной сосны, а за левую — к вершине другой. И когда он отпускает сосны, те распрямляются и разрывают путника пополам. Так что по сравнению с ним Перифет милый добряк.

— А результат тот же, — заметила Кора.

— Результат тот же. Но можно убить гуманным способом, а можно — изуверским, — сказал фавн. — Когда-нибудь под настроение я покажу тебе разницу, великая богиня.

— Да перестаньте называть меня богиней! — вспылила Кора. — Это случайное совпадение.

— Слушаемся и подчиняемся, великая богиня, — на всякий случай согласился фавн.

— Мы сегодня увидим этого сгибателя? — спросила Кора.

— Нет, госпожа, — ответила Харикло. — Сегодня вечером мы достигнем нашего дома и я буду спать вместе с моим любимым мужем.

— А оттуда еще далеко до Афин?

— По берегу — три дня хода. Но ты богиня, если хочешь, сможешь долететь.

— Нет, — отрезала Кора. — Я оставила дома крылья.

Спутники поглядели на нее с уже привычным удивлением. Какие еще крылья? Что, богиня без крыльев долететь не может? Но опять же не стали с ней спорить.

— Я пойду до Афин пешком.

— Как тебе угодно, богиня, — сказала Харикло. — Тогда, если тебе не противно, прими наше гостеприимство и проведи ночь в нашем скромном доме.

— В нашей конюшне! — добавил фавн Никос и нагло расхохотался.

— Когда-нибудь я тебя убью, — разъярилась Харикло, но возница, смеясь, отбежал в сторону, отмахиваясь от хозяйки шляпой.

— Спасибо, добрая женщина, — сказала Кора. — Я с удовольствием и благодарностью воспользуюсь твоим приглашением.

* * *

Город Коринф, почему-то знакомый Коре из истории Древнего мира, хотя чем именно, она не смогла вспомнить, открылся неожиданно, как только дорога, петлявшая среди каменистых склонов, вырвалась на простор, к морю. Там, на границе бурой, зеленой, желтой, оранжевой осенней земли и лилового моря, лежал сам город: дома, домики и хижины, окруженные виноградниками, оливковыми рощами и огородами. Искренняя радость охватила спутников Коры.

— Вот мы и дома, — сказала госпожа Харикло.

— И снова живые, — поддержал ее старый сатир. Мул, обрадовавшись тому, как близко его стойло, поспешил вниз, и остальным пришлось бежать по бокам повозки, стараясь удержать бурдюки с вином, — обидно же потерять товар в двух шагах от дома.

— Как-то там мой Хирон! — беспокоилась Харикло. — За неделю исхудал, наверное.

— Ну уж он-то нашел себе козочку, которая его и накормит, и согреет, — цинично заметил возница, но Харикло даже не обратила внимания на наглые слова — все ее устремления были впереди, дома, с семьей.

Повозка миновала ворота в городской стене, которая, видно, защищала город от соседских коз, и колеса ее застучали по неровной каменистой мостовой главной улицы. Прохожие издали узнавали госпожу Харикло и кланялись ей, приветствовали ее, с любопытством поглядывая на Кору.

— Как дела? — спрашивали торговцы на маленьком базар-

чике рядом с деревянным покосившимся храмом. — Живой добралась? Перифет тебя не тронул?

— Нет больше Перифета! — отвечал сатир. — Укокошили Перифета.

— Не может быть!

Но другой купец поддержал сатира.

— Это точно. Только что пролетали две гарпии, вон там, над огородами. Жена спросила: «Чего летите?», а они отвечают: «Там Тесей разбойника Перифета убил. Спешим полакомиться, пока кто-нибудь его труп не украл».

— От гарпий иного не жди, — откликнулся кто-то.

— Что будет, что будет! — закричала неизвестная женщина, торговавшая бусами из разноцветного стекла.

Торговцы принялись убирать товар, да и немногочисленные покупатели не возражали, спешили по домам — кто сообщить семье о событии, кто спрятаться и пересидеть очередную смуту. Ведь если есть разбойник и он всегда живет в лесу и машет своей дубиной, значит, так угодно богам. Лучше покориться и не трогать разбойника, пожилого человека, занятого неблагородным ремеслом, но все же ремеслом! А тут появляется семнадцатилетний мальчишка и убивает его до смерти! А ведь говорят, что после Перифета осталась безутешная наяда и прижитые от лесных тварей дети и внуки... А если боги разберутся и решат, что Тесей не прав, может пострадать и Коринф, хотя бы за то, что его когда-то выстроили слишком близко к месту боя.

Под взволнованные крики торговцев и топот местных жителей повозка госпожи Харикло подъехала к воротам в высокой стене, сложенной из каменных глыб.

Сатир постучал в ворота кнутовищем, но не успел он ударить второй раз, как ворота со скрипом раскрылись, за ними стояла служанка, снабженная копытами и рожками, — явно родственница сатира.

— Госпожа, с приездом! С приездом, отец! — радостно воскликнула она. — А мы вас не ждали. Думали, вы только в темноте приедете, когда Перифет ляжет спать.

— Нет больше Перифета! — сообщил сатир. Повозка въехала во двор. Обычный хозяйственный двор: направо — вход в дом, высокий, но одноэтажный, налево — обширная конюшня.

— Где мой муж? — спросила Харикло. Голос у нее был на-

пряженным, словно она страшно беспокоилась за судьбу мужа. Наверное, муж у нее пожилой, может, старый, подумала Кора. Возможно, он болеет или даже парализован?

Молодая сатирочка поклонилась госпоже и почему-то тупо повторила:

— А мы думали, что вы в темноте приедете, к ужину, когда Перифет заснет.

— Разгружай товар, — приказала Харикло. И тут же обратилась к дочке сатира: — Где он?

Сатирочка страшно смутилась и, не говоря ни слова, показала пальцем в сторону конюшни.

— Простите! — сказала Харикло Коре. — Но вы знаете их нравы. Тут уж ничего не поделаешь.

Она вырвала у сатира кнут и решительно направилась к конюшне.

Остальные заинтересованно двинулись следом, никто их не останавливал. Кора, хоть и понимала, что нетактично вмешиваться в семейные разборки, последовала за ними.

В конюшне было светло — солнечные лучи, проникая сквозь узкие проемы под крышей, освещали стойла, копны сена, в лучах плавали золотистые пылинки.

Колоссального размера всадник что-то делал с коровой, попавшей ему между передних ног; мелькает свет, корова мычит, всадник кричит и хрипит, госпожа Харикло кинулась к нему и лупит плетью... И тут Кора чуть не лишилась чувств от изумления.

Она поняла, что смотрит на очень крупного бородатого рыжего с проседью кентавра — по пояс человека, который ручищами тянет к себе за рога корову, — а дальше виден лошадиный круп, лошадиные ноги, лошадиный хвост и это самое... тоже конское. Кора смотрела на то, как кентавр любит корову... или это называется иным словом... как кентавр покрывает корову?

Харикло носилась вокруг и хлестала кнутом кому попадет — корове, кентавру. А тот стонал и вопил в ответ:

— Да погоди, жена! Да погоди ты, дай кончу свое дело, выйду...

Но корова, которой, видимо, эта сцена была неприятна, рванулась вперед, лягнула кентавра и помчалась прочь из конюшни, получив напоследок плетью по спине от взбешенной Харикло, а кентавр заколотил передними копытами, тоже

выражая недовольство. Он откидывал назад крупную, украшенную седой бородой голову, ржал и вопил:

— Кто хозяин в доме? Всех разгоню!

И был он так грозен, что все выбежали прочь из конюшни и оказались на залитом послеполуденным солнцем дворе.

Харикло кинула кнут на землю и быстро ушла в дом, забыв пригласить Кору; сатир Никос стал разнуздывать мула. Прочие слуги и рабы, сбежавшиеся было на шум, потихоньку разошлись по своим делам, а из дверей конюшни не спеша вышел кентавр. Хозяин дома выступал осторожно и притом величаво, он, правда, не успел расчесать бороду, и в ней золотились соломинки, торчали сучки, а в волосах, переходящих в гриву, запутались палочки и даже сено.

— Разрешите представиться, — произнес кентавр, чуть грассируя. — Я — многоопытный и мудрый кентавр Хирон, хозяин этого дома, законный супруг уважаемой госпожи Харикло. С кем, простите, имею честь?

Хирон протянул Коре руку, и взгляд его ярких блудливых глаз настолько нагло путешествовал по ее телу, что Коре захотелось напомнить Хирону, что она ему не корова.

— Кора, — сказала она, протягивая руку и пожимая теплую жесткую кисть кентавра.

— Как? — Кентавр был поражен, даже отшатнулся... но тут же взял себя в руки. — Я не ослышался? — спросил он. — Мне приходилось встречаться с Корой, которую порой именуют в наших краях Персефоной, владычицей царства мертвых. Но она разительно отличалась от вас. Означает ли это, что вы сознательно приняли чужое обличье, или мы имеем дело с простым совпадением имен?

Наконец-то цивилизованный человек!

Кора с облегчением призналась:

— Это совпадение. Но мне никто не верит.

— Совпадений, — сообщил кентавр, запуская пальцы в бороду и выскребывая оттуда соломинки, — в греческой мифологии даже больше, чем необходимо. Каждый второй персонаж ее имеет двойника. Возьмем, к примеру... Ну кого нам взять? Например, Парфену. Не слыхали? Я знавал одну из них, очаровательную, тихую, скромную девушку. Не могу сказать, что она была красива, нет, она уступала многим развратным нимфам и наядам. Но какая стать, какие вишневые глаза под длинными ресницами! Какие нежность голоса и

движения тонких рук... Несмотря на то что отцом ее, без сомнения, был Стафил, все были убеждены, что Хрисотемида впустила на свое ложе Аполлона. Иначе почему он так любил эту девушку? Почему присылал ей цветы и конфеты ко всем праздникам? Хрисотемида поклялась при мне именем Зевса, что не имела никаких сношений с Аполлоном, что они дружили когда-то в ее детстве... Впрочем, я верю Хрисотемиде, и, если вам придется когда-нибудь с ней встретиться, вы сами сможете задать этот вопрос.

Борода была уже очищена, и кентавр запустил пальцы в гриву, для чего ему пришлось изогнуть шею. Он говорил громко, кося лошадиным глазом, несколько странным на человеческом лице, в сторону кухни, где гремела посудой Харикло.

— Что же случилось? — продолжил он свой рассказ. — Стафил, отличавшийся строгостью, послал Парфену с сестрой, не запомнил ее имени... Харикло, душечка, как звали сестру Парфены?

Никакого ответа.

— Стафил велел Парфене и ее сестре сторожить погреб, в который были сложены амфоры с молодым вином... Интересно, как этот идиот Никос сложил бурдюки?

— Отлично сложил, — отозвался старый сатир, который как раз в этот момент вышел из кухни, неся стопку круглых горячих хлебов, от которых исходил соблазнительный запах.

Кентавр несколько смутился и тут же продолжил рассказ о Парфене:

— Эти гадкие свиньи... не выношу свиней... забрались в погреб, когда девушки, по одной версии, спали...

— А по другой — баловались с Аполлоном! — крикнул с другого конца двора сатир.

— Помолчи. То, что не доказано, не может считаться фактом истории, — оборвал его кентавр. — Главное то, что девушки, спохватившись, увидели, что погреб полон пьяных в стельку свиней, а все амфоры перебиты. В ужасе от наказания, которому их подвергнет отец, девушки побежали к морю.

— Все было не так! — решительно заявил сатир Никос, выходя на открытое место. — Они увидели, что вино погибло, и хотели об этом сказать отцу, но тот при виде разорения решил убить своих дочерей, и они побежали от него к морю.

— Это бред! — заявила Харикло, появляясь в других дверях, держа в одной руке нож, в другой — луковицу. — Я знаю Стафила, это добрый человек, он души не чаял в своих дочерях.

— Но они же кинулись в море! — заревел Хирон. Никто ему не ответил. Сцена опустела. Кентавр смог закончить свой рассказ:

— Они кинулись в море, но Аполлон подхватил девушек у самой воды и унес их от жестокого отца в Херсонес. Там он их и поселил. Может, вы слышали, где расположен Херсонес? Это далеко на севере, на краю страны скифов и гипербореев, которая именуется Тавридой. Они там вышли замуж, а Аполлон навещал Парфену...

— Все вы, мужики, развратники! — крикнула Харикло из кухни.

— Не обращайте внимания, Персефона, — сказал Хирон. — Но я совершенно забыл, почему я рассказал вам историю о Парфене? Разве вы с ней знакомы?

— Нет, уважаемый господин Хирон, — ответила Кора, — вы говорили лишь о том, что одно имя давали разным людям.

— Правильно! Именно так! Ведь была другая Парфена. Родилась она у той же Хрисотемиды, за несколько лет до того, как родилась первая Парфена. Так вот, ее отцом был именно Аполлон. Вы понимаете?

Кора кивнула, чтобы старый кентавр не пускался вновь в объяснения. Она уже страшно устала и от переживаний, и от длинной дороги, и особенно от монотонного голоса Хирона.

— Вторая Парфена умерла в младенчестве или, скажем, в юности. Может быть, в молодости. Но умерла, не познавши мужчину. И знаете, что сделал Аполлон? Он превратил ее в созвездие Девы. Как будто наше небо и без того не набито созвездиями, как базарная площадь в праздничный день. Но была и третья Парфена, так звали Афину в ее девичьем воплощении. Если будете в Афинах, посмотрите на храм Парфенон. Его назвали так в честь девы Афины, то есть Парфены. Догадались, да? Слушайте: Пар-фе-на — дева! Пар-фенон — девичник! — Тут кентавр заржал, забавно переступая всеми четырьмя конскими ногами. Кора чуть отошла — взволновавшись, он мог и зашибить. Отхохотавшись, кентавр сделал серьезное лицо и завершил свою мысль: — Так что вполне возможно совпадение имени Кора с именем великой богини преисподней. И полагаю, что такое совпадение

мешает вам жить! Я с трудом представляю себе мужчину, который решился бы жениться или хотя бы взойти на ложе с женщиной по имени Смерть.

— Хирон, перестань преувеличивать! Госпожа Кора — богиня-дева, дочка самого Зевса.

— И Деметры!

— Зевса и Деметры.

— И Аид утащил ее в подземное царство и заставил съесть зернышки граната, чтобы она всегда была ему верна. — Кентавр обернулся к Коре и быстро спросил: — Гранат был кислый?

— Не ловите меня так дешево, господин Хирон, — ответила Кора, которая, что ни говори, все же была агентом номер три ИнтерГпола, и на такую простую уловку поймать ее было нелегко. — Все равно я не та Кора, за которую меня принимают. Но если вы все будете сильно настаивать, чтобы я была именно той самой Корой, то я постараюсь в нее превратиться. Но вам же будет хуже!

Эти слова заставили кентавра задуматься, а простая умом госпожа Харикло произнесла:

— Я же вас предупреждала, что это та самая Кора.

Кора лишь мысленно махнула рукой, а Кентавр воспользовался паузой, чтобы наладить семейные отношения.

— Более того, — сказал он, — некоторые известные всем боги и титаны, а также другие существа, не менее опасные для нас, простых смертных, могут временно принимать иной облик. Когда Зевс возжелал Леду, он принял образ лебедя. Ну как могла несчастная Леда допустить, что под видом невинной птицы к ее ногам подкрадывается злобный мужчина?

— Зачем ты это рассказываешь? — подозрительно спросила Харикло.

— А затем, что сегодня я стал невинной жертвой очередной проказы всемогущей, но подлой богини Геры. Ей почему-то пришло в голову временно принять облик нашей коровы Эос и заманить меня в хлев под предлогом получить из моих рук сено.

— Та-ак, — произнесла Харикло, словно в руке у нее была плеть, хотя она держала всего-навсего картофелину, которой не следовало быть в Древней Греции, и потому на глазах Коры картофелина превратилась в репу. — И что же произошло дальше, любитель кормить коров?

— Не помню, — ответил кентавр. — Хоть убей, не помню. Вроде бы я дал ей сена, а она попросила почесать ей за ухом...

— Корова? За ухом? — спросила Харикло, потрясенная наглостью мужа. Кора с трудом сдерживала смех.

— Потом я очнулся, — продолжал кентавр, — от того, что ты лупишь меня кнутом, словно старого мерина.

— Ты и есть мерин. Только развратный.

— Подобные логические ошибки свойственны глупым женщинам, — сказал Хирон. — Мерин не может быть развратным. К тому же я должен пожаловаться нашей гостье, она, кстати, может быть, является Персефоной, что я стал жертвой интриги богини Геры, которая давно искала путей к моему сердцу и, конечно же, не могла найти ввиду моей преданности моей жене Харикло. Пылая дикой местью, Гера уже не столько хотела соблазнить меня, сколько отомстить мне за верность супруге — единственной настоящей женщине среди всех жен кентавров! И с какой дьявольской тонкостью она все обставила! Она подослала к разбойнику Перифету юного Тесея, открыв таким образом моей жене путь для раннего возвращения домой. Она затащила меня в сарай именно тогда, когда, по моему разумению, до возвращения Харикло домой оставалось еще два часа, и там... Да, я потерял бдительность! Да, я признаю свою вину! Но вина была не злонамеренная! Ты понимаешь, Харикло!

— Понимать-то я понимаю, — медленно и рассудительно ответила женщина. — Но при чем тут мое раннее возвращение?

Кентавр развел руками, чтобы весь мир видел, какая у него глупая жена. Если мир что и понял, то он промолчал.

Тогда кентавр сказал лишнее:

— И если я произнес хотя бы одно лживое слово, пусть меня Гера и покарает.

Немедленно в воздухе над двором образовалось небольшое серое клубящееся облако. На нем, как на мягком диване, восседала грозного вида женщина с крупным носом, яркими капризными губами и жестким подбородком.

— Чтобы я домогалась этого козла? — спросила она громовым голосом. — Этого лжеца? Так пусть же с этого момента ни одна женщина, кентаврисса или даже коза, не пострадает от его распутства. Хирон, отныне тебе придется заниматься философией!

Она указала пальцем вниз, и из пальца вылетела небольшая голубая молния, которая потянулась к животу кентавра.

Страшно закричал кентавр Хирон от немыслимой боли!

Взбрыкнув, он понесся кругами по двору, выбежал за ворота, и топот его, постепенно стихая, удалился в сторону моря.

— Ты довольна? — спросила богиня Гера с облака.

— Наказать его, конечно, надо было, богиня, — признала Харикло. — Но ты забыла о моих интересах.

— Меня никогда не беспокоили интересы обманутых жен, — ответила богиня. Облако начало медленно подниматься.

Харикло сильно взволновалась.

— Гера! — закричала она. — Ты же сама жена!

— Мой муж делает что хочет и с кем хочет. Я не возражаю, зато делаю то же самое с кем хочу и когда хочу. Так что и тебе советую последовать моему примеру.

— Но я хочу этого только с моим мужем!

— Я тоже хочу, но не показываю виду.

— Я умоляю тебя, богиня... возврати ему...

Но Гера уже растаяла среди облаков. Лишь длинный белый самолетный след остался памятью о ней на бесцветном к вечеру небе.

Харикло кинулась на землю, в пыль, и зарыдала. Кора понимала ее, но чем она могла помочь? И тем более ей стало неловко, когда, не поднимаясь с земли, Харикло потянулась к Коре и стала молить ее:

— О великая богиня, дающая жизнь и отбирающая ее, пойми же свою несчастную сестру. Волей злобной Геры...

Голос отдаленный, но могучий, донесшийся из верхних пределов стратосферы, перебил монолог Харикло:

— Не злобной, а оклеветанной, униженной и названной коровой! Фу!

Харикло несколько секунд молчала. Ей надо было осознать то, что теоретически она знала и ранее: боги способны слышать смертных на значительном расстоянии. И могут ответить им с небес.

Но, помолчав, Харикло возобновила свой монолог:

— Боги не даровали нам с Хироном сына. У нас есть лишь дочка Эндеида, настолько маленькая, что находится на попечении нянек и мамок. Если же Хирон станет годен лишь для занятий философией, то откуда возьмется наследник?

И голос с небес ответил:

— Не расстраивайся, женщина. Всегда найдется бог или полубог, готовый подарить тебе сына за хороший ужин и бокал вина.

— Только не это! — воскликнула Харикло. — И вообще я не хочу больше слушать тебя, богиня.

В ответ из космических далей донесся насмешливый хохот Геры.

Харикло устало поднялась и спросила у Коры:

— И что мы теперь будем делать?

— Во-первых, это пройдет. Поболит и пройдет.

— Есть надежда? — Лицо Харикло озарила радостная улыбка.

— В крайнем случае у тебя уже есть дочка, наверное, вся в папу.

— Ты с ума сошла, Кора! — возмутилась Харикло. — Слава богу, у Эндеиды нормальные ножки и ручки. Кентавр-мужчина — это еще куда ни шло, но кентавриссы — нет, лучше умереть бездетной, чем качать на руках девочку с копытами!

Харикло оглянулась. Во дворе было тихо. Домочадцы затаились, потрясенные событиями.

— Пойду, — сказала она, — поищу моего мужа. А то его занесет с горя куда-нибудь в опасное место или подерется с кем-нибудь. Он хоть и мудрый, говорят, даже самый ученый из кентавров, но все же, сама понимаешь, не совсем человек, а с животными инстинктами.

— Я с тобой, — сказала Кора. — Мне интересно поглядеть на Коринф. К тому же я могу тебе пригодиться.

— Какая-никакая, но богиня всегда сгодится, — ответила Харикло, словно придумала поговорку.

У ворот их догнал сатир Никос. И хоть Харикло хотела оставить его дома, чтобы присмотрел за хозяйством да за тем, чтобы бурдюки с вином хорошенько заперли в подвал, тот все же увязался за женщинами.

Прохожие, которые знали, что в доме Хирона произошла какая-то беда, но не догадывались еще какая, готовы были помочь Харикло. Мучимый ужасной болью, кентавр носился по улицам и переулкам Коринфа кругами — так что его видели все, но куда он в конце концов убежал, сказать не смог никто.

В конце концов, когда солнце уже коснулось краем холмов Истма, узкого перешейка, отделявшего Пелопоннес от

Аттики, женщинам удалось увидеть кентавра. Он устало брел по водоразделу, мимо редких сосен, и показался Коре персонажем из театра теней, выдумкой сказочника, а никак не реальным существом, с женой которого она сбилась с ног в поисках ее несчастного мужа.

— Хирон! — закричала Харикло. — Хирончик, миленький, вернись домой, я люблю тебя!

Крик ее пронесся над холмами, скатился к Сароническому заливу и заставил кентавра остановиться и замереть.

Он обернулся на голос и, видимо, разглядел жену.

Медленно, виновато, понуро кентавр спустился к ним.

Они ждали молча. Осенний, и без того не жаркий день сменился прохладным, даже зябким вечером. Потная шерсть тускло поблескивала под лучами заходящего солнца.

Хирон остановился в нескольких шагах от Харикло и медленно опустился на колени передних ног.

— Да ладно уж, — сказал сатир и смахнул слезу.

Харикло подошла к мужу и обняла его за шею. Стоя на коленях, он как раз сравнялся с ней ростом. У Коры запершило в горле.

— Как жить будем? — тихо произнес Хирон, гладя жену по густым, тугим завиткам волос.

— Проживем, что ж теперь делать.

— Я к врачу пойду. Мне Асклепий поможет. Асклепия я грамоте учил, — сказал Хирон. — Он еще мальчишкой был, я ведь многих учил.

Кора где-то слышала, что Асклепий — это греческое имя Эскулапа, а Эскулап — главврач Древнего мира. И все же этот бедный кентавр преувеличивает...

— Ты с Ясоном поговори, — советовала жена, — он подрос, славный герой из него получится. Ахилл тоже тебе многим обязан.

— Я к Гераклу пойду. Он человек справедливый. Должен помочь.

— Эй, поглядите, опять Синис хулиганит! — закричал сатир Никос.

Кора поглядела наверх, на теневой театр, персонажем которого недавно был кентавр. На фоне оранжевого неба стояли редкие сосны. Кора раньше и не думала, что в Греции могут расти сосны. Она скорее предполагала, что здесь финиковые пальмы, которых вовсе не оказалось.

Синис... Синис. Это разбойник, который живет на самом Истме, то есть перешейке. На перешеек она и глядит...

Между сосен можно было разглядеть две маленькие человеческие фигурки. Кора пожалела, что у нее нет бинокля.

— Что они там делают? — спросила Кора.

Кентавр поднялся с колен и тоже смотрел в ту сторону.

— Если бы я мог, давно бы с ним разделался. Но у него сильные связи на Олимпе. Рассказывают...

— Только не надо, пожалуйста, не говорите, что он — незаконный сын Посейдона! — взмолилась Кора. — Я этого не выдержу.

— Скорее всего, он — незаконный сын Посейдона и Селии, дочери Коринфа, основателя нашего славного города, — сообщил Хирон, который, когда дело касалось богов и сложных родственных связей любвеобильных греков, терял чувство юмора и вообще все чувства, кроме почтения.

— Сколько же у Посейдона детей?

— Не наше дело считать.

— Но ведь вас могут обмануть. Что, если я скажу, что я — дочка Посейдона? — спросила Кора.

Все дружно засмеялись — шутку на таком уровне они восприняли с удовольствием. И когда Кора удивленно подняла брови, они слаженным хором воскликнули:

— Хорошо издеваться над смертными той, отец которой, без сомнения, сам Зевс...

— От чего он никогда не отказывался, — завершил хоровую декламацию Хирон.

— Опять двадцать пять, — проворчала про себя Кора, но не стала спорить с семейством Хирона, потому что события на вершине холма приняли драматический оборот.

Один из человечков явно одолел другого и теперь, пригнув к земле вершину одной из сосен, что говорило о его недюжинной силе, привязывал к ней руку своего противника.

— Что он делает? — спросила Кора.

— Ничего нового, — вздохнул Хирон. — Как всегда, победив путника, разбойник привязывает его за правую руку к вершине одной сосны, а за левую... Вот, смотрите! — за левую к вершине другой сосны. И что он сейчас сделает?

— Смотрите, смотрите! — сатир Никос даже поднялся на цыпочки, чтобы лучше видеть. — Сейчас!

Нечаянно оглянувшись на шум сзади, Кора увидела, что

на крышах всех домов и хижин Коринфа стоят люди — с детьми, стариками, даже домашними животными — и все глядят на вершину холма, ожидая развязки.

Кора тоже стала смотреть туда.

Победитель сделал шаг в сторону и отпустил вершины сосен.

Видно было, как с невероятной силой, стремясь освободиться, сосны стараются принять вертикальное положение.

Фигурка, привязанная руками к вершинам, извивалась, стараясь удержать их...

Но тщетно!

Сосны взяли верх над человеком.

Еще одно движение, судорога... и сосны разорвали человека пополам.

И распрямились — каждая из сосен несла на своей вершине, как флаг, половину человека. С одной рукой и одной ногой...

— Это ужасно! — вырвалось у Коры.

И вокруг нее — сзади, от города, сбоку, от семейства Хирона, — донесся горький стон!

Человечек на вершине холма, убедившись, что его жертва погибла ужасным образом, медленно пошел прочь и скрылся за горизонтом — черный муравей на алом фоне заката.

Когда стенания мирных жителей Коринфа стихли, кентавр Хирон грустно произнес:

— Еще один наш соотечественник стал безвинной жертвой этого злодея! Еще один. Когда же найдется смелый герой, который положит этому конец?

— А вот ты бы своим ученикам подсказал. Что, Ахилл не может с ним справиться? Или Кастор?

— Беда героев заключается в том, что они очень дорожат своей репутацией, — ответил Хирон. — А объясняют нежелание воевать с разбойниками, мелкими бандитами и грабителями тем, что у них чистые руки, такие чистые, что кровь разбойника их может замарать.

— А Геракл? — спросила Кора. — Разве он не дрался с разбойниками?

— Ну там были особенные разбойники!

Сатир приподнял широкополую шляпу, почесал между рогов и сказал:

— Схожу все-таки погляжу. Может, кто из знакомых, надо снять, похоронить...

— Пройдоха! — воскликнула Харикло. — Он надеется на то, что убитый — купец и Синис чего-то у него не забрал.

— Дождешься такого от Синиса! — возмущенно воскликнул сатир. — Он все до последней нитки к себе в пещеру тащит. А потом пиратам продает. Нет, не дождешься...

Кора не могла сказать, что ей хотелось разделить компанию Никоса, но на вершину холма решил отправиться и кентавр. Он предложил жене и Коре подвезти их на своей широкой теплой спине. Коре не приходилось раньше ездить верхом на кентаврах, но коней она знала и любила. Для отказа у нее не было причин, к тому же она была здесь на службе, а на службе ей не раз приходилось видеть мертвых людей. Так что она забралась на кентавра, который элегантно подсадил дам.

Кора обхватила за плечи Харикло, сидевшую спереди. От волос Харикло пахло ярким солнцем, ветром, пылью и дымом очага. Оказывается, судьба женщины мало меняется за тысячелетия — женщина везет бурдюки, делает компьютеры или стирает, а мужчины занимаются высокой политикой.

Сатир бежал рядом, и сверху Кора видела лишь бурый круг его войлочной шляпы, поля которой скрывали плечи.

— Насчет этой коровы... — начал было Хирон.

Харикло оборвала его:

— О коровах мы еще поговорим. Если тебя вылечат.

Кентавр замолчал.

Он с трудом взбирался по крутой проселочной дороге, что виляла и крутилась, как бешеная змея.

Кора оглянулась. За ними, переходя порой в бег, спешили несколько коринфян.

— Они почему туда идут? — спросила Кора у шляпы.

Сатир услышал и ответил:

— Одни боятся — вдруг родственник, а другие думают — вдруг можно поживиться? Люди странно устроены. Я как-то видел, как сгорел храм Аполлона в Мегаре. Такое горе, такое страшное знамение! Толпа стояла вокруг, и люди рыдали. А некоторые хватали еще горячие от огня обугленные остатки чаш или горшки с пшеном, жертвоприношениями и бежали домой. Люди разные бывают. И не меняются. С этим лучше мириться.

Дорога вывела на вершину холма, оказавшуюся плоской и весьма обширной.

Люди останавливались под соснами. Смотрели все больше на правую сосну, потому что получилось так, что голова разорванного человека осталась на правой сосне.

— На кого-то похож, — сказал сатир. Кора скользнула на землю с кентавра и помогла спуститься Харикло.

— Не хочу смотреть, — отвернулась Харикло. Коре тоже смотреть не хотелось, но пришлось. Голова, висевшая на дереве, принадлежала пожилому длинноволосому человеку грубой, отталкивающей наружности, который, видно, ни разу в жизни не мылся и не причесывался, зато предавался всем тайным и явным порокам, в первую очередь пьянству. И менее всего погибший был похож на купца или богобоязненного пилигрима.

— Эй, — обернулся кентавр к группе жителей Коринфа. — Кто из вас видел этого человека?

— Я, — сказала девочка, державшаяся за край хитона своей мамы. — Мы с девочками в лесу играли, а этот дядя вышел и спросил, кто хочет вкусную конфету?

Девочка замолчала. Все тоже молчали. Видно, эта история всем, кроме Коры, была известна. Поэтому Кора спросила:

— И что дальше было?

— Дальше? Дальше Гига первая закричала, что хочет конфету. А я не успела. Он тогда взял Гигу и унес... а мы побежали следом и плакали, и просили, чтобы он отпустил, а он ее...

— Он ее съел, сожрал с потрохами, — сердито сказала мать девочки. — И хватит травмировать ребенка.

— Простите, — смутилась Кора. — Я же не знала, что все так трагично кончилось.

— Для него что ребенок, что слон — все одно... — произнес сатир, и только тут до него дошло значение собственных слов. — Ого-го-го! — закричал он. — Сограждане мои, родные мои эллины! Мы видим перед собой голову страшного разбойника Синиса, который терроризировал всю нашу округу! Оказывается, это не он разорвал свою очередную жертву, а очередная жертва каким-то образом связала и разорвала самого страшного разбойника всех времен и народов.

И тут горожане тоже догадались, что Синису пришел конец, и началось веселье.

Люди прыгали, пели, потом образовался хоровод, мужчи-

ны положили руки друг другу на плечи, и так они, притопывая, выражали свою радость.

— Кто это мог сделать? — спросила Кора, подозревая ответ, хоть и не успела прочесть продолжение мифа о Тесее.

Угадав ее мысли, Кору поддержал кентавр Хирон.

— Видел ли кто-нибудь, — спросил он, обращаясь к веселящимся землякам, — сегодня в городе могучего вида юношу, который шел в эту сторону?

После короткой паузы вперед выступила полная женщина в длинном желтом хитоне, вышитом золотом.

— Такой юноша остановился возле моих ворот, — сказала она. — Он хотел пить, и я велела вынести ему напиться.

— Каков он был собой? — спросил кентавр.

— Высокого роста, — ответила женщина, — выше, чем молодая богиня, которая стоит рядом с тобой, Хирон. Широкий в плечах, в коротком алом гиматии и кожаных сандалиях с завязками. Он был подпоясан мечом, а в руке он нес очень большую и тяжелую железную палицу, такой я еще никогда не видела. Я даже спросила его: «Ты решил подражать Гераклу, мальчик?» И знаете, что он мне ответил? Он ответил: «Вы правы, добрая женщина, я подражаю моему дяде Гераклу».

— Это он! — воскликнул кентавр. — Конечно же, это славный Тесей, которому на роду предсказаны славные подвиги.

Кора была полностью согласна с кентавром.

— Простите, Хирон, — обратилась она к нему, — мне хотелось бы знать ваше мнение — где может остановиться на ночлег этот юноша?

— О богиня, не делай ему зла! — взмолилась Харикло. — Твоя власть над смертью ужасна, но этот юноша сделал уже немало добра, за один день он убил двух самых страшных разбойников.

Кентавр остановил свою жену жестом руки.

— Где он остановится — ведают лишь боги, которые следят за ним. И если ты, Кора, относишься к разряду великих богинь, тебе проще, чем нам, узнать об этом. Но если ты простая смертная, то лучше тебе не соваться в густые буковые леса за Истмом — они кишмя кишат нечистью. К утру от тебя останутся рожки да ножки.

— Это я гарантирую, — подтвердил сатир. — Я всю молодость провел в тех лесах, и если бы у меня в те годы была совесть, я бы уже повесился от ее груза.

— С утра я составлю тебе компанию, Кора, — сказал старый кентавр.

— Только не это! — воскликнула его жена.

— Глупая женщина! — возмутился Хирон. — Не позорь меня перед всем Коринфом. Может, ты уже забыла, какому несправедливому и жестокому наказанию подвергла меня богиня Гера? Я должен обязательно попасть в Афины и увидеть Асклепия. Если мне не поможет бог врачевания, я уж не знаю, кто мне поможет.

Харикло поняла, что ее ревность оборачивается против нее самой, и без слов отправилась обратно в город. Остальные потянулись следом.

— Может, подвезу? — обратился кентавр к женщинам. Но Харикло будто не услышала, а Коре неловко было одной ехать на кентавре. Правда, идти под горку было нетрудно, все спешили, потому что ночь обещала быть холодной.

За обильным ужином, который Кора и хозяева дома вкушали в большом зале, обнесенном деревянными колоннами, Харикло и Кора сидели на жестких деревянных скамьях, к счастью, покрытых циновками и подушками. Перед каждой из женщин стояло по небольшому круглому столику, на который слуги и ставили плошки с едой, простой, но свежей и вкусной. Мяса в обеде почти не было, если не считать куска курицы для Коры. Кентавр с удовольствием поедал свежую зелень, вареную капусту и початок кукурузы, который при внимательном рассмотрении оказался бананом и тут же превратился в небольшой кабачок. Правда, освещение было ярким, но неровным — горели факелы на треножниках, и масляные светильники стояли на каждом столе.

Кентавру нелегко сидеть или лежать, как обыкновенному человеку, и таким образом вкушать пищу, поэтому в доме Хирона вышли из положения, выкопав за столом неглубокую обширную яму, устланную соломой, куда и вместился круп хозяина дома.

Вкушая петрушку и запивая ее разбавленным красным вином, кислым настолько, что Кора от него отказалась, кентавр рассуждал так:

— Может быть, есть определенная справедливость в том, что Гера совершила надо мной отвратительное деяние. Я засиделся в этой дыре.

— Ты же всего полгода назад говорил совсем другое! — возмутилась его жена.

— Правильно. Тогда я устал жить по чужим дворцам, учить грамоте и геометрии могучих телом и духом, но слабых разумом героев и принцев. Я был уверен, что мой милый домик в Коринфе — это то единственное место, где я хочу провести оставшиеся мне здесь годы...

— Ну и проводи!

— Но месяцы безделья пролетели незаметно, я отдохнул, и теперь меня снова потянуло к приключениям.

— С коровами?

— Не обижай меня, Харикло, ибо согрешить может каждый, но далеко не каждый может раскаяться в своих грехах. А именно раскаяние и станет когда-нибудь основой передового человеческого мировоззрения. Покаяние, любовь к человеку, умение прощать... Я боюсь, что отсутствие этих качеств и приведет в конце концов к гибели нашу античную цивилизацию.

— Вы мыслитель, Хирон, — сказала Кора.

— А что еще остается одинокому кентавру, ушедшему на отдых... Нет, мне повезло! Теперь я вынужден идти в Афины, вынужден искать друзей, совершать подвиги и искать истину! Молчи, женщина!

* * *

Кентавр встал на рассвете. Харикло продолжала отговаривать мужа от путешествия, утверждая, что предчувствие, которое ее никогда не обманывает, упреждает, что она уже больше никогда не увидит своего могучего, легкомысленного и мудрого мужа.

К проводам вынесли маленькую дочурку. Кентавр прижал ее к широкой обнаженной груди и долго смотрел на ребенка. Девочка, такая же курносая и белобрысая, как отец, мирно играла его бородой.

Сатир дал Коре на дорогу холщовый мешочек с изюмом — им лучше всего подкреплять силы в пути.

Харикло стояла у открытых ворот с девочкой на руках. Кора ехала верхом на кентавре. Она обернулась и с нежностью поглядела на дом, в котором оставались ставшие близкими ей люди.

— Хорошая у вас жена, — сказала она кентавру.

— Ни у кого из кентавров нет человеческой жены, — сказал Хирон, не скрывая гордости. — У всех — лошади, а у меня — человек. А любит меня — ты не представляешь как! Если я погибну, может не пережить.

— Куда мы держим путь? — спросила Кора.

— Мы проедем мимо Кроммиона. Если Тесей идет по берегу, он не может миновать этого селения. Там разберемся.

— А в Кроммионе есть разбойники? — спросила Кора.

— Разбойники есть везде, но знаменитых разбойников там не водится. Зато те места знамениты своим вепрем. Такое дикое и могущественное животное, такое кровожадное, что кроммионцы перестали возделывать поля. Как этот кабан увидит человека, сразу бросается за ним. Сами кроммионцы справиться с ним не могут, потому что стрелы не берут его шкуры, а настоящие герои не хотят связываться. Еще опозоришься из-за какого-то кабана — пятно на репутации.

— Тогда мы там точно отыщем Тесея, — сказала Кора.

— Почему ты так думаешь, богиня?

— Тесей обожает своего дядю Геракла. А Геракл совершил известный всем подвиг — поймал живым эримантского вепря, который опустошил всю Аркадию.

— Геракла знаю, — заметил Хирон, — но никогда не слышал о его подвигах. А почему столь знаменитый и могучий муж должен совершать какие-то подвиги?

— Если не ошибаюсь, — ответила Кора, — то он что-то натворил. Или хотел натворить. То ли убил своих детей, то ли решил жениться на фиванской царевне.

— Никогда не слышал о подвигах Геракла, — повторил Хирон. — К тому же Геракл никогда не служил царю Фив, милейшему Креонту, я его знавал... Геракл служит Еврисфею, так повелела проклятая Гера, но Еврисфей — царь Тиринфа и Микен...

— Только не это! Остановись, кентавр! — взмолилась Кора. — Я не могу больше слушать о ваших родственных связях, о том, кто кому обязан, кто кого проклял, родил или предал. У вас не история, а телефонная книга!

— А как же мне тогда рассказывать? — удивился кентавр.

— Говори просто — один человек.

— Хорошо, богиня, я постараюсь.

Дальше они ехали молча. Кора подумала, что, может быть,

Геракл еще и не совершал своих подвигов, а совершит их через несколько лет, как обидно быть необразованной! «Перед следующим заданием обязательно прочту весь фактический материал и, если придется попасть в Киевскую Русь или в экспедицию Магеллана, буду знать, чем все это закончится».

Неизвестно, были ли уже совершены подвиги Геракла или юный Тесей лишь подражал своему дяде, но, по крайней мере, в первом же из своих подвигов он убил сразу двух зайцев. Во-первых, подобно дяде, он обзавелся тяжелой дубиной, только у Геракла она была деревянной, а Тесей отнял у разбойника железную. Во-вторых, он обрел оружие для будущей дуэли. Если Тесею удастся потренироваться в этих краях и научиться управляться с железной палицей, то его сопернику Кларенсу стоило бы поостеречься и принять меры заранее.

Они проехали Истм — удивительный узкий перешеек, с вершины которого как раз за той рощей, где Тесей убил Синиса, открывался вид сразу на два моря, вернее, на два залива двух морей.

— А зачем Тесею воевать с разбойниками? — спросил кентавр. — Если он, как говорят, собрался к своему отцу, то мог бы плыть на корабле — и ближе, и спокойнее!

— Насколько нам известно, — ответила Кора, — Тесей — противник легких путей. Он должен совершать подвиги, а не следовать безопасными дорогами.

— Как это мне понятно, — вздохнул кентавр. — Я тоже таким был в молодости. Интересно, а рады ли ему будут при дворе Эгея?

— А почему бы и нет? — удивилась Кора. — Он приедет, покажет меч и сандалии, которые для него оставил отец при зачатии. И тот объявит его наследником престола.

— Посмотрим, посмотрим, — уклончиво заметил кентавр.

В Кроммионе — небольшом поселении на берегу, где жители большей частью ловили губок или разводили виноград, — Тесея они не застали. Чуть-чуть. Оказывается, он походя совершил там подвиг. Не потратил ни одной лишней секунды: как только увидел несущегося на него вепря, размахнулся палицей и раскроил животному череп.

Вепрь лежал на площади, вокруг веселились жители поселка, готовились к большому торжеству и общему пиру, а Кора подумала, что этого вепря она уже видела там до начала круиза. Она даже обернулась в поисках дрессировщика, но

вместо него ее взор натолкнулся на стоявшую в отдалении молодую женщину в хитоне, достающем до земли, и в платке, закрывающем лоб. Что-то в осанке женщины, в линии руки, поддерживающей ткань, чтобы закрыть подбородок, в форме ногтей подсказало наблюдательной Коре, что эту женщину она встречала раньше.

Женщина была здесь чужой, ее никто не замечал, потому что жители поселка находились в истерическом восторге. Женщина внимательно смотрела и слушала.

Пока кентавр разглядывал убитого вепря и обсуждал с поселянами подвиг Тесея, Кора подошла к одиноко стоявшей женщине и спросила:

— Простите, но я вас где-то встречала. Где?

Женщина не стала таиться. Она опустила руку с краем хитона, и открылось прекрасное бледное лицо — лицо Клариссы.

Затем, убедившись, что Кора ее разглядела, она произнесла:

— Меня зовут Медея. Я — грузинская царевна и законная супруга царя Афин Эгея. Соответственно, мачеха молодого человека по имени Тесей, который намеревается проникнуть в Афины и заявить о своих правах на престол. С помощью сандалий и меча. Всего-навсего. У меня же есть сын. Он еще маленький мальчик, его зовут Мед. Он сын Эгея и законный наследник афинского престола. Теперь вы представляете, с какими чувствами я ожидаю появления в Афинах Тесея?

— Но Тесей — старший сын Эгея.

— Об этом, девушка, мы с вами еще поспорим. Даже Питфей, его родной дедушка, кричит на всех перекрестках, что настоящий отец Тесея — Посейдон.

— Но вы же знаете репутацию Посейдона! — сказала Кора. — Я подозреваю, что каждый второй ребенок рожден от этого бога.

Но Кларисса-Медея не слушала Кору. Она взволнованно продолжала:

— Никто не знает, откуда этот Тесей раздобыл сандалии и меч. Может быть, украл? Может быть, это вовсе не эгейские меч и сандалии?

— Не переживайте, — сказала Кора. — Наверное, лучше кончить дело миром.

— И не надейтесь! Вы плохо знаете мою биографию. А я ведь настоящая грузинка. И во всем иду до конца.

— А разве имя Кларисса вам ничего не говорит?

— Ровно столько же, сколько имена Жанна, Марина и Параша, ничего!

Фиалковые глаза Медеи грозно сверкнули, и Кора поняла, что лучше промолчать. Слова здесь не помогут.

— Вы куда? — спросила Кора, увидев, что Медея уходит.

— Я должна присмотреть за Тесеем, пока он идет к Афинам.

— Не смейте его убивать!

— И не подумаю, — ответила Кларисса, но Кора ей не поверила.

Она хотела последовать за ней, но та вдруг разбежалась, широко раскинула руки и взлетела. И вскоре, уменьшившись, стала одной из многочисленных птиц, летавших над морем.

Оторвав взгляд от неба, Кора поспешила к кентавру Хирону, который помогал любопытствующим поселянам измерять вепря. Оказалось, что его длина от рыла до кончика хвоста — десять локтей. Такого вепря никто раньше не видел. Сразу поднялся спор, какую часть его принести в жертву богам, что съесть самим.

Кора отозвала Хирона в сторону и сказала:

— Здесь была одна женщина, которая хочет зла Тесею. Расскажи мне, что ты о ней знаешь.

— Что за женщина? Это становится интересным. — Хирон обожал пикантные ситуации.

— Боюсь, что это не совсем то, что ты думаешь, — сказала Кора. — Эта женщина сказала мне, что она законная жена царя Эгея, что у нее есть от царя сын, ставший теперь наследником престола, и что она разыскивает Тесея, чтобы помешать ему занять при дворе причитающееся ему место.

— Медея! — возопил Хирон так, что некоторые кромминонцы начали оглядываться. Кентавр схватил Кору за плечо своей длинной ручищей и оттащил в сторону. — Ты говоришь — Медея? Неужели она пронюхала?! Это смертельная опасность для Тесея. Потому что и в любви, и в ненависти эта женщина совершенно неудержима.

— Кто она, кто? Мне это очень важно знать!

— Тогда слушай. До ужина у нас есть время, и это время я посвящу рассказу о самой удивительной истории наших дней.

Кентавр удобно устроился под яблоней и начал свою повесть, время от времени срывая с дерева красные плоды и хрупая их так, что сок брызгал во все стороны.

* * *

— Может быть, ты слышала когда-нибудь об одном корабле, который во главе с одним молодым отважным человеком отправился в одно море, где есть одна страна, а в ней у одного царя хранится одна золотая вещь.

Кентавр сделал паузу и не без хитрости поглядел на слушательницу.

Кора тем временем пыталась привести в порядок услышанные слова: один царь, одна вещь, одно море...

— Ты что, издеваешься надо мной, Хирон?! — воскликнула она, отчаявшись понять что-нибудь в рассказе.

— Но, госпожа моя, — возразил кентавр. — Только недавно ты потребовала, чтобы я перестал упоминать в моих рассказах все имена, потому что тебе надоело разбираться в том, кто чей дядя или папа.

— Но всему есть мера! — возразила Кора. — Если ты рассказываешь интересную историю, то самые важные имена ты можешь употреблять.

— А как я узнаю, какие из них важные, а какие нет?

— Хирончик, пожалуйста! — взмолилась Кора. — Я никогда больше не буду тебя обижать! Расскажи мне об одной золотой штуке нормальным языком.

Кора погладила покрытый жесткой короткой шерстью бок чудовища.

— Не щекочи! — хохотнул кентавр. — Ладно уж, я тебя прощаю. Тебя невозможно не простить.

— Продолжай.

Шум поселян, которые никак не могли решить проблему, то ли тащить вепря к алтарю, то ли освежевать и разделать его здесь, доносился сюда, в низинку, как шум морского прибоя.

— Может быть, ты слышала о нем, о герое Ясоне. Он широко известен, — вновь начал свой рассказ кентавр.

— Да, он широко известен. У него был корабль «Арго», и он искал золотое руно.

— Все не так просто, девочка, — сказал старый Хирон, от-

махиваясь хвостом от слепней. — Так как Ясон был моим любимым учеником и я воспитывал его втайне от царя Пелия, который поклялся его убить, потому что Дельфийский оракул предсказал ему, что он потеряет трон от одного из потомков Эсона, из-за чего он перебил всех потомков Эсона, он не смог убить Диомеда, потому что Полимела распространила слух, что он родился мертвеньким...

— Хирон, я тебя убью, — не выдержала Кора. — И ваши боги меня простят. Я не просила пересказывать мне телефонную книгу. Я хочу только знать, кто такая Медея, почему она грузинка, что она здесь делает и насколько опасна.

— Но как же я тебе все объясню, если ты не будешь знать, что Пелий должен был бояться юношу, у которого на ноге только одна сандалия?..

— Хоть три! Почему Ясон поплыл на корабле за золотым руном? Почему в Грузию?

— Я устал от тебя, женщина, — воскликнул кентавр. — Я не могу рассказывать тебе историю, если в ней не будет героев и негодяев, а ты не хочешь слушать меня, если я говорю о людях.

— Хорошо, — сдалась Кора, — говори как хочешь.

— Если начинать эту историю не с самого начала, а только с того момента, который тебя интересует, то мой ученик по имени Ясон, один из лучших, умнейших и храбрейших юношей, которых мне приходилось знать, согласился отплыть в Колхиду, чтобы привезти оттуда золотое руно. Об этом ты слышала, читала и знаешь, ибо подвиги Ясона и его товарищей на корабле «Арго» стали достоянием вечности. Но теперь я тебе скажу самое главное, о чем ты не знаешь и не знает никто из необразованных, темных и нелюбопытных людей в этом мире, а именно: Ясон отплыл в Колхиду вовсе не за золотым руном.

— Ну вот еще этого не хватало! — в сердцах сказала Кора.

Поселяне между тем решили оттащить вепря домой целиком и теперь подводили под него палки и сучья, чтобы сдвинуть с места. Шум доносился до Коры, но она старалась не обращать на него внимания.

— Все дело было в привидении Фрикса. Вот именно — в привидении Фрикса, который когда-то сбежал в Колхиду верхом на божественном баране, покрытом золотой шерстью. Там этот самый Фрикс помер, и местные дикари-гру-

зины не смогли его похоронить, как положено хоронить достойных греков. Вот он и стал привидением и теперь преследует во сне царя Пелия. Того самого, который захватил трон и должен отдать Ясону, но отдаст...

— Короче!

— Ясон, чтобы совершить свой великий подвиг и добиться трона, должен был привезти с собой привидение! Привидение Фрикса. И похоронить его дома по всем правилам. Поняла?

— А как же золотое руно?

— Куда привидение, туда и золотое руно!

— Почему?

— Не задавай глупых вопросов. Я сам не знаю. Так решили боги. Золотое руно без привидения не считается.

— Хорошо, продолжай. Только рассказывай поинтереснее. А то я засну.

— А ты устраивайся поудобнее. Клади голову мне на живот.

— У тебя там блохи, — сказала Кора.

— Не оскорбляй честного кентавра, — но Хирон не обиделся.

Кора улыбнулась и устроилась поудобнее, опершись о бедро кентавра.

— Итак, решено было, что мой ученик Ясон поплывет в дальние края искать золотое руно и привидение Фрикса.

— Слушай, коняга, — сказала Кора. — Долго мне от тебя слышать: мой ученик, мой ученик! Можно подумать, что ты научил всех великих героев Эллады.

— Так и было, — скромно ответил кентавр.

— Но что ты можешь знать!

— Все науки, — ответил кентавр.

— Науку стрелять из лука, науку биться на палках или науку готовить похлебку из лука?

— Вы, люди будущего, — ответил на это кентавр, лениво почесывая себе бок, — полагаете, что если живете на закате Земли, то стали умнее и даже образованнее. Чепуха все это! Я могу тебе как дважды два доказать, что мои знания глубже и разнообразнее твоих, агент Кора Орват.

— Что?! — Кора вскочила и схватилась за то место на боку, где положено было висеть пистолету.

— Вот видишь, — кентавр даже не пошевельнулся, — для

тебя главный аргумент — пуля. А разве это не проявление глупости?

— Откуда ты знаешь?

— Здесь, в мире виртуальной реальности, я могу охватить взглядом и интуицией все ходы вашей игры.

— Значит, ты знаешь, что мы с тобой не в настоящей Греции?

— Глупышка. Ты и здесь осталась такой же наивной, как в поезде метро. Ты не поняла, что события и явления могут быть многозначными и многосмысленными. Виртуальная реальность — в первую очередь реальность. Для многих источник сомнения — само существование мифических времен в Элладе. Я — сказка, миф, выдумка старика Гомера? Грустно, но я сам порой поддаюсь таким мыслям. Ты ощупываешь свои крепкие бедра, ты смотришь на свои серые копыта, ты проводишь ладонями по короткой шерсти на своих боках и думаешь: а существую ли я на самом деле? Ведь здравый смысл против меня. Для Вольтера я — химера, выдумка, а для меня Химера — реальность, потому что я был знаком с ее мамой, которую звали Ехидной и которая также не отличалась красотой. Ты думаешь, что Химера была злобным чудовищем? Нет, жизненные обстоятельства сделали ее таковой. И Беллерофонт был хорош, когда напал на нее, на мой взгляд, предательски! Но мне ли судить людей и богов? Я знаю, что они существовали и существуют, а создание людьми виртуальной реальности лишь укрепило реальность их существования. Я не знаю, к чему движется человеческая история, но подозреваю, что в относительно недалеком будущем нарушится связь времен. То, что прошло тысячелетия назад, разумом человеческим будет исторгнуто из вечности и отправлено в будущее. И не удивляйся тогда, встретив меня в каком-нибудь Космопорте. Хотя, впрочем, кому от этого станет лучше — не знаю.

— Значит, ты знаешь, почему я здесь?

— Милая моя Кора, мои знания обрывочны и случайны, и я сам не знаю, каким образом они проникли в мой мозг. Я знаю, например, что ты выполняешь свой долг, но ведь каждый из нас выполняет свой долг. Я знаю, что ты не хозяйка своей судьбы. Но каждый из нас — раб собственной судьбы, собственных слабостей или собственной силы. Ты ищешь человека... В то же время от тебя исходит аромат справедливо-

сти. Я не хочу сказать, хорошая ты или плохая, жестокая или добрая, но основное направление твоей судьбы — это попытка помочь торжеству справедливости. Так что всю жизнь ты будешь способствовать ее победам, маленьким и небольшим, и вместе с ней ты будешь проигрывать большие битвы, потому что маленькая справедливость очень часто становится частицей большой несправедливости. Не спорь сейчас со мной. Я очень стар и видел столько тысяч людей и богов, что мне простительно кое-что знать об устройстве этого мира. А учу я людей и героев астрономии и арифметике, письму и риторике, и всем тем наукам, к которым в твои времена свойственно относиться со снисхождением взрослого мужчины, глядящего на то, как мальчишки гоняют по улице сшитый из тряпок мяч. Глупец, он забыл о радости этого немудреного занятия!

— Вы меня поражаете, Хирон, — сказала Кора.

— Это не было моей целью, — сказал он. — И жаль, что наше знакомство столь мимолетно. Вы выполните свою задачу и исчезнете из нашего мира. А жаль.

— Почему?

— Потому что Асклепий, может быть, вылечит меня от наказания Геры, и тогда я снова стану настоящим жеребцом, хоть куда! Но показать вам это на примере я не смогу.

— Вы с ума сошли! — Кора вскочила. У нее было хорошо развитое воображение.

Кентавр заржал от радости так громко, что с перепугу поселяне отпустили вепря, и он покатился под откос. Кентавру пришлось подниматься и вытаскивать их добычу на тропинку.

Когда кентавр возвратился, он был все еще весел.

— Продолжать ли рассказ о Ясоне? — спросил он.

— Продолжайте, — ответила Кора смущенно. Хуже всего оказаться в положении девицы, которая не понимает рискованных мужских шуток.

— Для нас, древних греков, — произнес кентавр, — поход на Черное море был необычайно трудным путешествием. И знаешь почему? Потому что это было в сказочные времена. Теперь Черное море стало как бы внутренним морем для греков, там понастроили городов и деревень, туда школьников возят на экскурсии. А вот во времена Ясона грекам казалось, что как только выйдешь в море, то начинаются такие чудеса, что и не приснятся. То же самое происходило с Одиссеем.

Если задуматься, он кружил по нашим же домашним морям, а сказка осталась на века.

— Ты нарушаешь логику, Хирон, — заметила Кора. — Сам же сказал, что Ясон был твой ученик.

— На его корабле «Арго», построенном из лучших стволов лучшего дерева, было немало моих учеников.

— Что же получается? Для Ясона это путешествие на Черное море — сказочный подвиг, достойный поэмы, а в то же время ты говоришь, что это море как бы внутреннее озеро греческого мира.

— Никакого противоречия, девочка, — ответил кентавр, — если ты вспомнишь об относительности времени. Кстати, когда вернешься от нас к себе, то скорее всего там пройдет совсем немного дней... или часов.

Кора вынуждена была склонить голову перед мудростью кентавра и попросила продолжить его рассказ.

— Корабль «Арго», который построили для Ясона буквально всей Грецией, был очень большим по тем временам, пятидесятивесельным.

— Но он был с парусами?

— С одним большим квадратным парусом и с двадцатью пятью парами весел.

— Значит, у них были рабы?

— Ты можешь не перебивать старших? Раз не знаешь, что в те времена за веслами на кораблях никогда не сидели рабы, это было почетное занятие, и лучшие гребцы считались героями. Аргонавты и гребли! Сегодня трудно сказать, сколько их всего было, и даже перечислить их всех по именам. Вернее всего, их было чуть больше пятидесяти, и каждому принадлежало весло. Но кое-кого из них ты должна знать.

— Я?

— Конечно. Я тебе назову только моих учеников. Во-первых, сам Ясон, капитан и предводитель, во-вторых, Геракл.

— Сам Геракл? Неужели он подчинялся Ясону?

— Так повелели боги и люди. Это был поход Ясона, и всякий, кто присоединялся к нему, должен был подчиниться Ясону. Затем братья Диоскуры — Кастор и Полидевк, великий фракийский поэт Орфей, слышала о таком?

— Да.

— И многие герои. Среди них совершенно неизвестные

твоим современникам, Кора. А теперь ты скажешь: не может быть!

— Не скажу.

— Среди них была девушка! Аталанта из Калидона, дева-охотница, стрелы которой разили без промаха.

— Она так и сохранила свою девственность? — спросила Кора, довольная, что скрыла свое удивление.

— Больше того, у нее было такое же весло, как у остальных, и она ни разу не уступила никому из мужчин.

— И это все?

— Почти все. Там, правда, был еще Лапиф Кеней.

— Ну и что? Что в нем особенного?

— До этого он был женщиной, но перед путешествием изменил свой пол.

— Не может быть!

— Я выиграл, богиня! Ты изумилась.

— Неуже́ли в древнегреческие времена об этом знали?

— В наши времена знали все! Кеней был неуязвим и бессмертен. А раньше он был девушкой, говорят, очаровательной и хрупкой. И звали ее Кенидой. Кенида была любовницей Посейдона...

— Опять этот Посейдон!

— Сексуальный гигант, — согласился кентавр. — И Кенида пожаловалась ему, что мужчины не только преследуют ее, но и достигают своих низменных целей, ибо она — беззащитная и слабая. И тогда Посейдон превратил ее в неуязвимого мужчину, которым никто не смог бы овладеть без его желания.

— Надеюсь, остальные члены экипажа «Арго» были обыкновенными?

— Более-менее, — согласился кентавр. — Некоторые из них обладали способностями... нет, не буду сейчас отвлекаться. Пора отплывать.

— Разумно.

— Вскоре после отплытия «Арго» достиг острова Лемнос. Если посмотреть по карте, окажется, что он совсем рядом, но в те времена...

— В какие те времена? — лукаво спросила Кора.

— Время может растягиваться и сжиматься. Лемнос тогда казался таинственным и недостижимым. На том Лемносе начались такие безобразия, что о них лучше и не рассказывать.

Кора ничего не ответила. Она знала, что кентавру хочется рассказать о безобразиях. В кои-то веки раз ему попалась слушательница, которая ничего не знала о походе Ясона за золотым руном.

— А на Лемносе случилась трагедия, — продолжал кентавр, — о которой мало кто знает. Тамошние женщины зарабатывали тем, что красили ткани травой, она называлась вайда и отличалась особенным отвратительным запахом, который ничем невозможно уничтожить. Но так как ткани, окрашенные на Лемносе, пользовались спросом во всей Греции, лемноски все больше разводили этой травы и все хуже пахли. И в конце концов их мужья в весьма грубой форме заявили, что не желают больше жить с такими женщинами, и отправились в поход на Фракию. Там они набрали в плен немало девиц, привезли их на Лемнос, поселили в своих домах и стали жить с ними, наслаждаясь жизнью, а бывших жен с их вонючими красителями изгнали на край острова. Но, как ты знаешь, женщин можно угнетать, бить и даже выгонять из дома, но нельзя так поступать с женским коллективом. И знаешь, что произошло? В конце концов женщины устроили заговор, ночью окружили собственный город и безжалостно перебили всех своих мужей, братьев и отцов, а также их фракийских наложниц. И стали жить без мужчин. Нельзя сказать, что это было очень удобно и всем доставляло удовольствие, но страх был сильнее страсти к наслаждению. Женщины боялись, что если соседи на других островах узнают об их преступлении, то им не поздоровится.

Поэтому когда они увидели, что к берегу подходит большой корабль, то взяли луки и, помня покойных мужей, вышли на берег и встретили гостей на «Арго» тучей стрел. Аргонавты вывесили белый флаг и отправили на берег самого красноречивого из них, Эхиона, который уверил, что кораблю надо только переночевать и набрать воды. А с утра они уплывут дальше.

Женщины посовещались и решили дать аргонавтам воды и пищи, но в город не пускать, чтобы они не стали задавать естественных вопросов: «А где, простите, ваши мужчины?»

Так бы все и закончилось. Но среди этих женщин была одна старуха, которая сказала примерно так:

«Не подумайте, что я рассуждаю из эгоистических интересов, нет у меня уже интересов. Но я знаю, что без мужчин род

продолжить невозможно. Скоро вы станете старухами, и никому будете не нужны, и умрете бездетными. Разве это выход из положения? Я предлагаю вам впустить аргонавтов в город, разделить их между небольшими женскими коллективами и установить некоторую очередность. Пусть аргонавты трудятся по своему прямому мужскому назначению. А вы их ласкайте, кормите, поите, пока не почувствуете, что ваша забота об этих моряках дала свои плоды. Тем более весь мой жизненный опыт говорит, что лучше мужчин, чем эти пришельцы, вы во всей Элладе не сыщете». Девушки и женщины Лемноса с готовностью согласились со старухой, потому что ее слова отвечали их тайным желаниям.

Предводительница женщин Гипсипила отвела Ясона в сторону и объявила ему со смущенной улыбкой, что мужчины на Лемносе бездельники и пьяницы, так что их с острова выгнали. А если аргонавтам хочется отдохнуть в обществе интеллигентных и страстных женщин — добро пожаловать, отдыхайте!

Конечно же, молодым людям было трудно отказаться от такого предложения, и они тут же отправились в город, где их развели по домам. В каждом доме их окружили группы женщин и девушек, жаждущих любви, и начались такие вакхические ночи, что и представить трудно! Днем аргонавты отсыпались, потом обильно обедали — и начинали трудиться... И так продолжалось несколько дней.

Неясно, чем бы кончилась вся эта история, если бы не Геракл. Он, как известно, несмотря на то что бывал женат, имел любовниц, к женскому полу в принципе был совершенно равнодушен. Именно поэтому, когда встал вопрос, кому остаться на «Арго» и стеречь корабль, он сам вызвался быть вахтенным. Он неделю смотрел в небо, занимался починкой паруса, немного охотился и рыбачил — в общем, отдыхал. Наконец его встревожило отсутствие товарищей, и он к вечеру отправился в город. Увиденное возмутило его до глубины души. Геракл верил в любовь, а тут он увидел, как женщины стояли в очереди в ожидании ласк аргонавтов.

— Где Ясон? — гневно спрашивал он аргонавтов, но те только отмахивались от настойчивого моралиста. Наконец Геракл нашел дом Гипсипилы и стал молотить своей всем известной дубиной в ворота, пока их не проломил.

Выскочил заспанный Ясон.

— Голубчик, — спросил его Геракл, еле владея собой, — разве я уступил тебе место вождя такой ответственной экспедиции, чтобы ты проводил время с распутной женщиной?

Разумеется, Ясона охватил стыд. К тому же Гипсипила уже надоела ему немыслимыми сексуальными запросами и плохо отмытым запахом красителя. Так что Ясон признал правоту Геракла, и они уже вдвоем отправились вытаскивать спутников из постелей лемносок.

Те всем городом выбежали на берег провожать временных мужей, не зная еще, что большинство их беременно. Старуха была права. Отныне остров Лемнос будет заселен потомками аргонавтов.

Кентавр перевел дух и потянулся.

— Знаешь что, Хирон, — сказала Кора. — Давай пропустим все знаменитые и великие приключения, выпавшие на долю аргонавтов, и сразу перейдем к Грузии... Вот они достигли берегов Колхиды.

— Когда они достигли берегов Колхиды, — не стал спорить Хирон, — Геракла среди них уже не было. Тому находят разные объяснения. Мне же кажется наиболее вероятным то, что связано с соревнованиями по гребле.

— А что случилось?

— Ты должна себе представить этот корабль «Арго». Относительно небольшое суденышко, которому приходится по нескольку дней находиться в открытом море. И становится скучно. А парни там молодые, здоровые, один сильней другого. Пожалуй, лишь поэт и певец Орфей не тягался с прочими да возлюбленный Геракла юноша Гил. И вот как-то в безветренное утро Гераклу захотелось покуражиться, показать свое превосходство над прочими. И он предложил соревноваться, кто лучший гребец. Я, честно говоря, не очень представляю себе, как можно проводить такое соревнование на корабле с пятьюдесятью веслами, но я ведь не моряк, а простая лошадь, — с ложной скромностью произнес кентавр, и Коре захотелось возразить: «Что вы, не простая!» Но она, к счастью, удержалась. — В общем, как рассказывают свидетели, победа Геракла оказалась вовсе не такой простой и очевидной, как он думал. По крайней мере, трое его товарищей: Ясон и братья Диоскуры — Кастор и Полидевк — продолжали грести, когда все остальные уже свалились без сил. Тут Полидевк заметил, что любимый его брат Кастор гребет из

последних сил, но не может в этом признаться. Тогда Полидевк, известный в Греции боксер, решил добровольно выйти из борьбы, чтобы Кастор не надорвался, он рванул весло брата и вырвал его из уключины. И сам тоже перестал грести. Теперь осталось лишь два гребца, они были загребными по разным бортам, судно рывками двигалось вперед. Ясон не сдавался, что привело Геракла в ярость. И тут случился сомнительный инцидент — так никто не знает, то ли сначала Ясон выпустил весло и откинулся на скамью, то ли сначала у Геракла сломалось весло и, лишь увидев, что Геракл вышел из борьбы, Ясон выпустил свое весло. Это казалось бы не так важно, но на отношения двух героев, которые и без того во всем соперничали, этот инцидент наложил неизгладимую печать.

«Арго» в тот день пристал к чудесному лесистому берегу в устье реки Киос. Пока все отдыхали, Геракл мрачно вылез из «Арго» и буркнул, что идет искать себе новое весло, а то подсовывают черт знает что...

Высоко на берегу он отыскал гигантскую ель, вырвал ее с корнем и стащил вниз. Остальные аргонавты с трудом сдерживали смех, зная, чем это может кончиться. Геракл уселся у костра и стал обтесывать бревно топором. И тут кто-то из аргонавтов на вопрос Геракла, где Гил, почему он уже второй час не видит своего любимца, ответил, что Гил ушел в лес. Обеспокоенный его исчезновением приятель Гила Полифем уже отправился его искать. Полифем был свояком Геракла — они были женаты на сестрах, поэтому особенно близки.

Вскоре вернулся Полифем и сообщил, что вроде бы слышал голос Гила, который звал на помощь, но никаких следов юноши не увидел. Геракл кинулся в лес. Всю ночь они с Полифемом и пришедшими на помощь аргонавтами искали юношу, но безуспешно. И только утром от жителей леса им удалось узнать, что в Гила влюбились нимфа Дриона и ее сестры, они увлекли его в подводный грот, где он добровольно остался с ними, предпочтя общество прекрасных девиц любви мускулистого Геракла.

А утром произошла очередная драма, на этот раз на борту «Арго». Геракл и Полифем не возвращались из леса. Их звали, бегали их искать, но без успеха. Тогда Ясон приказал отплывать. И тут мнения аргонавтов разделились. Некоторые были согласны, более того, они утверждали, что, пока Геракл

на борту, на корабле не будет настоящего капитана — самомнение и бешеный характер Геракла наверняка завлекут их в какую-нибудь беду или междоусобицу. Другие же утверждали, что отплытие — месть Ясона за то, что Геракл победил его в состязании по гребле и что Ясон боится соперника. В конце концов «Арго» не дождался Геракла и отплыл. Но Геракл, как человек мстительный и злопамятный, через много лет отыскал тех двух аргонавтов — Калаида и Зета, которые более других настаивали на отплытии «Арго», — и зверски их убил. Такие времена, такие нравы...

— Как будто сейчас другие, — заметила Кора.

— Если вы имеете в виду наши времена, то разница невелика, но я думаю, что в отдаленном будущем наступит торжество гуманизма.

— Да? — рассеянно произнесла Кора. — Давайте пропустим Черное море и сразу окажемся в Колхиде. Не забудьте, что у меня здесь много дел и я здесь на службе, а одна из подозреваемых в подготовке преступления находится по соседству.

— Раз так, то продолжаю, — сказал кентавр. — После долгих приключений аргонавты увидели впереди горы и вошли в устье широкой реки Фасис, или Риони, которая впадает в Понт Эвксинский, то есть, по-вашему, Черное море.

— От Риони никаких гор не увидишь, — сказала Кора. — Колхида плоская.

— Разве это важно, если она так далека от Греции? — спросил кентавр. — Главное, что аргонавты достигли цели и теперь им нужно было добыть золотое руно, хранившееся под защитой дракона у колхидского царя Ээта, который и правил в тех местах. Но если Ясон полагал, что самое трудное уже позади, то богини, собравшиеся на Олимпе, понимали, что добыть золотое руно и прилагавшееся к нему привидение будет очень нелегко. И потому, ничего не сказав Ясону, Афродита уговорила малыша Эроса пустить стрелу в сердце Медеи, дочери Ээта, чтобы таким образом внушить ей любовь к греческому аргонавту. Медея пока об этом не знала.

— Наконец-то мы добрались до Медеи, — сказала Кора. — Про нее давай все подробности. Мне это важно.

— Это была драматическая сцена, — оживился кентавр. — Мне ее рассказывали многократно. Жаль только, что самому не удалось видеть. В общем, пришли аргонавты к царю Ээту

и просят отдать золотое руно. Сначала тот и знать их не хотел, но потом обнаружились кое-какие родственные связи, и началась торговля. И тут входит в зал Медея... прекрасная, как грузинская ночь! — Кентавр глубоко вздохнул, жалея, что не присутствовал при той сцене. — Медея вежливо поздоровалась с Ясоном, тот — с Медеей. Надо сказать, что они друг другу понравились, но особой симпатией не прониклись. Царь Ээт, как положено сказочному царю, тут же придумал для героя невыполнимое задание. Он сказал Ясону, что раз уж тот проплыл столько дней, чтобы выполнить волю оракула и вернуть золотое руно и привидение на место, то он согласен расстаться с сокровищем. Но и Ясон должен ему помочь. Он должен вывести из стойла двух меднорогих огнедышащих быков, выкованных Гефестом, запрячь их в железный плуг, вспахать поле, посвященное богу войны, и засеять его зубами дракона.

— *Зубами дракона? Это еще откуда?*

— Если я буду объяснять, откуда и кто их уже сеял и собирал, то тебе придется выслушать еще двухчасовую историю и запомнить десятка два имен. Ты к этому готова? — не без издевки спросил кентавр.

— Обойдемся, — согласилась Кора.

День клонился к закату, было еще тепло, и их одолели слепни. Кора достала из сумы, данной на дорогу Харикло, сыр и лепешку, они спустились к ручью, поделили еду пополам, а потом кентавр еще немного попасся вокруг кустарника, пожевал листьев, объяснив Коре, что делает это только для желудка, который у него разделен на половины — человечью и лошадиную, и каждая половина требует своей пищи.

Перекусив, они уселись в тени на берегу ручья, и кентавр продолжил свой рассказ:

— Конечно, Ясон в тот момент жалел, что поссорился с Гераклом. Тот очень хорош как раз для таких ситуаций: тебе предлагают невыполнимое задание, а взяться за него никто не хочет или не может. И тут приходит спесивый, надутый величием, словно перебродившим вином, Геракл и спрашивает: «Ну, где здесь невыполнимый подвиг, который только мне по плечу!» Но Геракла не было, пришлось самому запрягать быков. А надо сказать, что Ясон, а я это знаю лучше всех на свете, хоть и силен и упорен, в остальном человек обыкновенный, он может и струсить, и схитрить, и даже смалодушничать — не то что Геракл. А тут запрягай быков, засевай поле, зная при этом, что из драконьих зубов вырастет. Ведь в древние времена один герой по имени Кадм уже засеивал землю зубами убитого им дракона. А что вырастает из зубов дракона?

— Ничего? — осторожно спросила Кора.

— Из них вырастают солдаты! Убийцы! Воины!

— И Ясон знал об этом?

— Лучше всех, потому и стоял в задумчивости. Он собрал пятьдесят героев и намеревался с их помощью схватить руно и бежать. А оказывается, что все предстоит делать ему одному. Беда!

...Сцена представилась Коре довольно ярко: низкий, но обширный тронный зал провинциального колхидского дворца, толпа грузин с кинжалами на поясах, красавицы в длинных юбках, впереди которых стоит Медея. Ясон, за его спиной — растерянные аргонавты. И наступает долгая пауза...

— И вот в этой паузе, — произнес кентавр, — сверху слетает невидимый для всех Эрос и стреляет из маленького лука прямо в сердце принцессе Медее.

...В тишине зала слышны быстрые шаги. Неожиданно надменная принцесса, надежда Грузии, гордая дочь свободолюбивого грузинского народа, быстрыми шагами покидает зал. Все смотрят ей вслед. Но она не оборачивается.

За ней побежала в спальню вдова Фрикса, того самого, о привидении которого все в тот момент забыли. «Что с тобой случилось, царевна?» — спросила она. И Медея с античной прямотой ответила, что у нее в сердце стрела Эроса — она без памяти влюблена в пришельца Ясона.

Вдова рассудила, что победа Ясона в ее интересах, и потому согласилась быть посредницей. Пока Медея, изнемогая от любви, лежала на своем пуховом ложе, та проникла к Ясону и сообщила, что у него есть во дворце союзница. И не просто союзница, а Медея.

— Так что в ней особенного? — спросила Кора.

— Ах, ты и этого не знаешь, — вздохнул кентавр, который явно не встречал еще в жизни такого неосведомленного создания. — Медея — это Медея!

— Точнее! — потребовала Кора.

Ответить кентавр не успел, потому что наверху, на косогоре, появился один из поселян, который вежливо сообщил,

что вепрь уже разделан и из него получится чудесное жаркое. Не соизволят ли высокие гости разделить скромную трапезу избавленных горожан?

Кора хотела объяснить поселянину, что она на работе, но кентавр остановил ее.

— Законы гостеприимства превыше всего, — прошептал он. А обращаясь к поселянину, сказал, что они с радостью примут приглашение.

Так как до торжественного ужина оставалось чуть менее часа, кентавр мог продолжить свой рассказ:

— Медея, как известно каждому, даже отсталому ребенку, — величайшая волшебница греческих мифов. Она — внучка Гелиоса!

— Но, положим, здесь все чьи-то внучки. Правда, я не знала, что ваши боги шалили и в Грузии.

— Но в отличие от прочих у Медеи есть небесная колесница и она может летать по небу!

— Неубедительно, — возразила Кора. — Все боги умеют летать.

— Она может почти все! И главное — нет совести!

— Вот это уже опасно, — согласилась Кора. — Потому что, если она та женщина, которую я подозреваю, с ней придется нелегко. Пожалуйста, Хирончик, расскажи мне побольше о Медее.

— Честно говоря, рассказывать не хочется, потому что в греческих землях подобной твари просто не отыскать, да и грузины вздохнули свободно, когда от нее избавились.

— Хотя до сих пор называют своих девочек Медеями, — заметила Кора.

— У грузин есть комплекс малого, но героического народа, — объявил кентавр. — Героев у них не очень много, но все знаменитые. Злодеев и того меньше, но они еще более знамениты, чем герои. Обычно они отъезжали из Грузии для того, чтобы совершать свои страшные деяния на стороне. Медея безобразничала в Греции, потому в Грузии ее чтут как красавицу и волшебницу и знать не хотят о ее заморских преступлениях.

— Да, — согласилась Кора, — потом у них были Сталин и Берия. Они тоже отъехали из Грузии и совершали свои безобразия вне ее пределов. До сих пор грузины чтут Сталина. Хотя от его клевретов досталось и Грузии.

— Людская память коротка. И если людей сильно и долго бить, они начинают обожествлять палку, которая их колотила... Ты можешь сказать про какого-нибудь страшного тирана: «Он уничтожил миллион невинных душ!» А совершенно добрейший человек, который и мухи не обидит, ответит тебе на это: «Зато он присоединил к нашей державе два безводных острова и одну пустыню, правда, для этого пришлось уничтожить всех обитателей, включая скорпионов, потому что они посмели кусать завоевателей».

— Хорошо, — вздохнула Кора, признавая концепцию кентавра. — Вернемся к Медее.

И кентавр продолжил свой рассказ:

— Медея призналась Ясону, что безмерно любит его. И поклялась быть верной ему до гроба. Ясон, которому Медея, конечно же, нравилась (такая красотка кому не понравится?), тоже поклялся быть верным Медее до гроба, любить ее и жениться на ней. Так и решили. Остальные пункты брачного договора до поры до времени остались, как говорится, неопубликованными. Тогда Медея достала с полки флакон с волшебным зельем, которое странным образом действовало на обоняние медных быков. Стоило Ясону обмазать себя соком корней растений, выросших на крови титана Прометея, и подойти к быкам, быки стали относиться к нему как к родному. Весь день Ясон без отдыха пахал поле на быках, а аргонавты, царь и придворные грузины наблюдали за этим с окрестных холмов, чтобы чего не случилось. Поздно вечером Ясон притащил на вспаханное поле мешок с зубами дракона. И начал их сеять. Но, по совету своей Медеи, он сеял их не равномерно, а как бы по две стороны поля, оставляя между ними промежуток. Когда посев кончился, из земли начали вылезать закованные в латы, тяжеловооруженные воины, жаждавшие убивать и убивать... Тогда, отбежав до крайнего воина, Ясон изо всей силы метнул вперед большой камень. В темноте камень просвистел между двумя фалангами драконьих воинов и упал на землю. Воины приняли камень за врага и с двух сторон кинулись на него. Разумеется, камень никому не достался, потому что начался отчаянный бой левых с правыми. Бой кончился тем, что воины перебили друг друга. Надеюсь, ты понимаешь, что этот образ условен и символичен. Другими словами, тот, кто сеет зло, пожнет его стократно. Ясно?

— Ясно, Хирон. Теперь я верю, что ты учишь героев. Дальше, наверное, все было просто?

— Дальше все было сложно. Разумеется, Ээт тут же отказался от своего слова и принялся придумывать новые отговорки. А когда и они не помогли, то впал в гнев и пригрозил сжечь «Арго» и перебить аргонавтов.

— Но с ними была Медея...

— Ты права. Медея отвела Ясона в священную рощу, где висело руно, охраняемое гигантским драконом. Медея подошла к дракону — он ведь был как домашний пес: своих узнавал, чужих терзал. Она подсунула ему какого-то зелья, смазала веки сонным настоем, а когда дракон захрапел, Ясон снял руно, и они с Медеей оттащили его на корабль — все-таки баранья шкура с золотой шерстью весит немало.

— Наверное, это отражает старинные рассказы о том, как греки плавали в Грецию за баранами, — сказала Кора.

— Ничего подобного, — отозвался кентавр. — Если рассуждать научно, то известно, как на реке Фасис добывают золото: опускают в воду баранью шкуру, а потом смотрят, не застряли ли крупинки его в шерсти...

— Наивно, — сказала Кора, — но красиво. И чем же кончилась история с Медеей?

— Медея заняла вместе с Ясоном кормовую каюту, число гребцов еще поубавилось, а Ясон стал наслаждаться ласками грузинки.

— А товарищи не предлагали кинуть ее в набежавшую волну? — спросила Кора.

— История не сохранила об этом упоминаний, — ответил кентавр, которому самому надоело рассказывать, а более всего его манил запах жареной свинины, доносившийся от живописных домиков у моря. Человеческая половина его желудка требовала мяса. — Медея честно отработала свой хлеб на «Арго», — сказал кентавр: — Когда флот Ээта настиг их в устье Дуная, то Медея придумала тонкий ход, еще невиданный в греческой истории. Она убила своего брата Апсирта, которого ранее уговорила поплыть с ней вместе, чтобы повидать Грецию и сделать славную карьеру в центре цивилизованного мира. Она не только убила его, но и разрезала его на куски, а куски кидала в море, когда корабль ее отца приближался к «Арго». «Смотри, папочка, — кричала она, — вот голова твоего сыночка. Не спеши, сначала вылови ее из воды».

Со страшными проклятиями грузинские моряки спускали парус, сушили весла и начинали вылавливать части тела несчастного мальчика.

— Ясон после этого в отвращении бросил ее?

— Какое бы отвращение он ни испытывал, он закрывал на это глаза. Когда страшное преступление совершают для твоей пользы, надо быть очень сильным и чистым человеком, чтобы пожертвовать своими интересами ради справедливости. Аргонавты отворачивались, делали вид, что ничего не слышат и не замечают, и продолжали изо всех сил грести — они-то знали, что теперь грузины их ни за что не пощадят. К тому же существует версия, что Апсирта убил Ясон предательским ударом меча в спину и это он отрубил ему руки и ноги. Настоящей правды мы с тобой уже не узнаем.

— Дальше!

— Неожиданно доска, которую вставила в корму «Арго» сама Афина, заговорила. Она потребовала, чтобы Ясон и Медея сошли с «Арго». Пока они не очистятся от подлого черного убийства, они не имеют права находиться на «Арго», построенном для благородного дела.

— И они сошли?

— Думаю, что этого хотели не только боги, но и аргонавты. Медея повела Ясона к пророчице Кирке, которая жила где-то в западных пределах Черного моря, и та сначала не желала совершать обряд очищения, но Медея ее уговорила, так как Кирка тоже была грузинкой, теткой Медеи. После долгих переговоров, в которых Ясон ничего не понимал, потому что они велись по-грузински, Кирка зарезала свинью и ее кровью провела церемонию очищения преступников. И те поспешили сушей догонять «Арго», чтобы вернуться на его борт...

С холма донеслась музыка, пир уже начинался.

— Может, закончим в следующий раз? — спросил кентавр.

— А много еще осталось?

— Нет, немного. Но самое главное.

— Тогда договаривай быстро, и пойдем на ужин.

— Так неудобно опаздывать!

— Хирон, говори короче, а то нам ничего не оставят.

— Наши герои достигли «Арго», когда он уже благополучно вернулся в родные воды и чуть-чуть оставалось до дома. Но тут-то их и настигли грузинские корабли. Не буду углуб-

ляться в частности, но после изысканных интриг Медеи с помощью посредников решили так: если Медея все еще девушка и находится с Ясоном не в интимных отношениях, а лишь состоит с ним в одной банде, то Медею отбирают и возвращают папе. Не теряя ни секунды, Ясон с Медеей кинулись в ближайшую пещеру, там устроили с аргонавтами пир, посмеявшись над наивностью старшего поколения, затем аргонавты вернулись на корабль, а молодожены расстелили для уюта золотое руно и на нем предались любовным утехам, как и делали уже несколько недель. Но формальности были соблюдены, и наутро все аргонавты могли клятвенно подтвердить, что именно этой ночью Ясон овладел девицей Медеей. Кстати, о силе искусства... — Кентавр потянулся, застучал от натуги копытами задних ног, зевнул и продолжал: — Помнишь, как Одиссей боролся с сиренами?

— Это которые так пели, что матросы кидались за борт?

— Вот именно. Он всем заклеил уши воском, а себя велел привязать к мачте. Говорят, он бился так, что чуть не перерезал себе руки веревками. А знаешь, что случилось на «Арго», когда сирены начали свои песни? Орфей взял лиру и в ответ им стал петь не хуже. Да так, что они сами полезли на корабль, пришлось отбиваться от этих меломанок... — кентавр хмыкнул, будто сам там присутствовал. — Но все гадости и преступления этой парочки — Ясона с Медеей, потому что к тому времени мой ученик полностью подпал под влияние этой стервы, — меркнут перед тем, что они натворили, когда вернулись домой к царю Пелию, пославшему Ясона в поход. Конечно, они имели для этого некоторое оправдание, потому что мстили, но месть тоже должна знать границы. Ты как думаешь?

— Месть — глупое занятие, — сказала Кора.

— Без нее нет прогресса цивилизации, — возразил кентавр.

— Она заводит в тупик, потому что любая месть порождает новую месть.

— Тогда послушай о конце этой истории. Когда «Арго» подплывал к родному дому, он увидел в море лодку, в ней сидел рыбак. Рыбака позвали на борт и попросили рассказать, что нового случилось дома. И тот рыбак поведал ужасную вещь. Оказывается, царь Пелий откуда-то узнал, что аргонавты погибли, возрадовался и решил навсегда разделаться с

родными Ясона. Он пришел к отцу Ясона Эсону и объявил о предстоящей казни. Тот взмолился: «Дай мне погибнуть от собственной руки!» Пелий согласился. Эсон выпил чашу бычьей крови и скончался.

— Почему? — спросила Кора.

— Сам не знаю, так рассказывают, — ответил кентавр. — Затем Пелий пришел на женскую половину и объявил матери Ясона Полимеле, что ее муж мертв. Сказав так, он схватил за ножки родившегося недавно младшего братишку Ясона и ударил головой о мраморный пол — головка вдребезги! Нет, не могу рассказывать!

— А мать? — спросила Кора.

— Мать тут же закололась.

— Значит, Ясон узнал о смерти родителей перед самым возвращением?

— Буквально в двух часах плавания от дома. Тогда Ясон собрал военный совет. И надо заметить, что на борту «Арго» к тому времени оставалось не многим более тридцати моряков. И все были крайне истощены путешествием. Они разумно сказали Ясону, что ни сил, ни возможности штурмовать столицу Пелия у них нет. Надо разъехаться по домам, каждому собрать отряд и к назначенному сроку съехаться вновь и всем вместе пойти на штурм.

Но Ясона такой план не устраивал. Он впал в бешенство, он обвинял своих друзей и спутников в предательстве. И тогда Медея сказала, что она все уладит сама, одна, только попросила никого не вмешиваться в ее планы. И такое согласие, конечно, немедленно получила от всех аргонавтов. Тогда Медея приказала им спрятать корабль в небольшой бухте, замаскировать его и ждать сигнала. Как только над крышей дворца начнут размахивать горящим факелом, значит, месть свершилась.

Дело в том, что на борту «Арго» находилась небольшая, странного вида статуя Артемиды, полая внутри, они подобрали ее где-то в далеких морях. Теперь же Медея одела своих служанок в никому не известные экзотические одеяния, сама замаскировалась древней старухой, и в таком виде, волоча статую, процессия явилась к городу. Стражи, удивленные подобным визитом, не посмели остановить женщин. И они принялись носить статую по улицам и кричать, что сама богиня Артемида явилась из дальних стран.

Услышал об этом визите и Пелий. Город-то был невелик, а шум эти женщины производили изрядный. Пелий позвал женщин к себе и спросил, чего им здесь нужно. Медея, древняя старуха, заявила, что волей Артемиды она может возвратить Пелию молодость и даже дать ему возможность зачать нового наследника вместо того, кто недавно погиб. И когда Пелий начал сомневаться, Медея ловко провела по лицу влажной тряпкой, смыла краску, выпрямилась и стала вновь юной красавицей.

— Что говорит... — вмешалась Кора.

— Медея была в первую очередь замечательной актрисой, а вот насколько она была волшебницей — вопрос остается открытым, хотя бы потому, что волшебнице не надо тереть лицо полотенцем, чтобы омолодиться.

— Дальше, — попросила Кора.

— Конечно же, старый дурак Пелий решил омолодиться, и немедленно. Для того чтобы окончательно убедить его, в полую статую девицы сунули молодого барашка, а старого барана на глазах у Пелия разрезали на части и кинули в котел с кипящей водой. С громкими грузинскими заклинаниями Медея после этого вытащила из статуи ягненка, и тогда Пелий, которому казалось, что теперь он все доказательства видел собственными глазами, заявил, что тоже намерен стать молодым.

Старого дурака положили на ложе, и мстительная безжалостная Медея велела трем дочерям Пелия резать усыпленного ею старца. Старшая дочь отказалась резать отца и убежала, младших Медея заставила это сделать. Затем велела потрясенным девочкам идти на крышу двора и оттуда размахивать факелами, взывая к Луне, чтобы их отец скорее очнулся молодым. Девочки взобрались на крышу и начали махать факелами. Этот сигнал увидели аргонавты и без всяких помех вошли в город, оборону которого некому было возглавить...

Но когда аргонавты увидели, что творится во дворце, их охватило такое отвращение к Медее и ее методам мести, что они тут же заявили Ясону, что не позволят ему и Медее править на родине его отцов, а отдают трон старшему сыну Пелия, Акасту, который был одним из аргонавтов и, конечно же, не подозревал о том, что Медея намерена разрезать и сварить его отца руками его собственных дочерей.

— Послушай, Хирон, я вижу в Медее какую-то ненормальность, — сказала Кора. — В наши времена это называется садизмом.

— Как ни называй, но эта грузинка — позор славного грузинского народа. Что касается конца этой истории, то царем стал Акаст, он изгнал из города двух сестер, опозоривших, хоть и по незнанию, свой род, а старшую выдал замуж за одного из своих друзей.

Аргонавты устроили в память о Пелии игры, они подробно описываются многими писателями, а Ясона и Медею изгнали из города. Причем, отдавая должное справедливости, «Арго» и золотое руно они оставили Ясону. Тот набрал команду из простых моряков и перегнал корабль в городок Орхомен, который захватил и стал там править. Ясон велел отвести дряхлый «Арго» от берега и утопить его как жертву Посейдону, но морской бог не принял от Ясона жертвы, и вскоре корабль выкинуло штормом на пустынный берег неподалеку...

— И это все? — спросила Кора.

— Нет, — ответил кентавр, — это не все, но если ты будешь настаивать на продолжении, то мы останемся без ужина, а оставшись без ужина, я впаду в такой гнев, что затопчу тебя, и все боги Греции меня оправдают.

Разумеется, кентавр шутил, но у древних существ порой трудно решить, где кончается шутка, а где начинается угроза. Так что Кора последовала за кентавром в городок, где на центральной площади были оставлены места для почетных гостей, а простые поселяне сидели на земле, пили и веселились. Кора время от времени вставала и обходила площадь в надежде увидеть Медею. Но так никого и не увидела.

* * *

Под утро, когда все укладывались спать, Хирон шепотом попросил Кору разделить с ним ложе в главном доме города. В ответ на удивленный возглас Коры он напомнил ей, что ничем угрожать ей по вине Геры не может, но если он позволит своей спутнице спать отдельно, то его кентаврийская репутация понесет неизгладимый урон.

Кора, хотя и не до конца доверяла Хирону, пошла на такой риск и в результате выиграла, потому что Хирон спал как

убитый, но обнимал ее и прижимал к своему мягкому животу, и спать было удобно, как в люльке, если не считать, что в животе у кентавра время от времени громко урчало...

* * *

Утром путь вел через редкую дубраву. Кое-где под деревьями возились дикие свиньи, но не обращали на кентавра внимания. Солнце светило прямо в глаза, птицы не пели, но переговаривались, обсуждая свои осенние хозяйственные заботы. Кентавр сам продолжил рассказ.

— Отец Медеи, — сказал он, — имел права на трон в Коринфе. Да, да, в моем родном Коринфе. Меня, правда, тогда не было, но соседи и общие друзья рассказывали, как и что там случилось. Медея отравила тогдашнего правителя и этим добыла себе и Ясону коринфский трон. Они заняли царский дворец. Надо сказать, что прожили они там долго и нажили нескольких детей. Медея совершила немало гадких поступков, но Ясон был к ним глух и слеп, потому что и сам оказался не самым благородным человеком в Элладе. Но когда ему стало выгодно, то он припомнил Медее ее преступления. Однажды он вдруг заявил, что осуждает убийство Медеей коринфского царя. «Как бы иначе я добыла для тебя этот трон?» — взвилась всегда верная Ясону Медея. И вдруг, к ее удивлению, Ясон поднял страшный скандал и заявил, что не намерен больше существовать под одной крышей с убийцей. Медея не поверила в искренность скандала и сразу же навела справки. И оказалось, что она и на самом деле рано успокоилась.

Ясон тайком влюбился в молоденькую хорошенькую Главку, решил жениться на ней, а Медею с детьми бросить... Ты можешь представить, Кора, насколько Ясон был наивен. Такие номера с Медеей никогда не проходили... Сначала Медея вспылила и напомнила ему о клятве вечно быть ей верным. Ясон стал юлить и говорить, что клятва была вытянута из него в особо тяжелых обстоятельствах и не была добровольной... Тут Медея начала рыдать и сообщила, что она понимает своего мужа, что она глупая, старая женщина, никому не нужная и покорная...

— Погоди, погоди! — оборвала его Кора. — Сколько же лет было этой покорной старухе?

— Дайте, боги, памяти... Когда она влюбилась в Ясона, ей уже исполнилось шестнадцать, больше года они путешествовали и устраивались в Фессалии и Арголиде... потом еще лет семь-восемь прожили в Коринфе. В общем, для волшебницы и царицы не так много, — сообщил кентавр, — как раз двадцать пять лет.

— Двадцать пять, моя ровесница... нет, не такая уж старуха!

— Медея заявила, что сама выткет свадебное одеяние для Главки и приготовит все для свадьбы. Ясон был буквально потрясен миролюбием жены.

И вот наступил момент свадьбы. Медея настояла, чтобы Главка накинула белый свадебный хитон, когда соберутся все гости.

И когда невеста так сделала, то ослепительное пламя охватило ее.

Она с криком сгорела в несколько секунд.

И сгорел ее отец.

И все родственники ее.

И все приглашенные на свадьбу.

Лишь Ясон, оказавшийся ближе других к окну, успел выпрыгнуть в него и, хоть сильно расшибся, упав со второго этажа, остался жив... Больше никого уже не спасли.

Медея тут же на глазах у всех вознеслась в небо, ибо ее дед, бог солнца Гелиос, прислал волшебнице свою собственную колесницу.

— А дети? — спросила Кора. Рассказ взволновал ее.

— А детей она оставила на алтаре храма Геры, и та обещала ей сохранить им жизнь.

— И сохранила?

— Не посмела! Устранилась, чтобы не впутываться. В ту же ночь толпы разъяренных коринфцев, у каждого из которых кто-нибудь погиб в том свадебном зале, забили детей камнями...

— Скажи, Хирон, а есть ли на свете справедливость? — задумчиво спросила Кора.

— Чья справедливость? — ответил вопросом мудрый кентавр. — Справедливость Главки, которая хотела выйти замуж за чужого мужа? Справедливость Медеи, которая ради любви к Ясону предала свою родину и отца? Или справедливость старого Пелия?

— Не знаю, — ответила Кора.

— Вот и другие не знают. Ее дед Гелиос спасал ее не раз и спасет еще. Геракл был готов принять ее в Фивах, потому что когда-то она вылечила его от приступа безумия, но сами фиванцы не пустили ее в город, заявив, что не желают видеть в своих стенах страшную и подлую убийцу. А что тогда она сделала? Она отправилась в Афины, явилась к королю Эгею и пленила его как мальчишку.

— Того самого Эгея?

— Да, того самого Эгея, к которому направляется сейчас наш Тесей, чтобы показать ему сандалии и меч и добиться права на престол.

— Погоди, погоди, Хирон! А правда ли, что у Медеи подрастает сын Мед, рожденный ею от Эгея?

— Именно это делает судьбу нашего Тесея рискованной. Я бы и медной монеты не дал за его жизнь.

— И я ее видела!

— Это втройне плохо. Значит, Медея уже узнала, что Тесей приближается к Афинам, и пойдет на все, чтобы Эгей его не признал. Все разбойники мира и гроша ломаного не стоят рядом с Медеей.

— Надо его предупредить!

— Не будь наивной девочкой. Тесей не может заглянуть в будущее, которое определено ему богами.

— Ну вот это мы еще посмотрим, — отрезала Кора, которая не верила в исторический детерминизм, то есть в предопределенность будущего. Будущее мы создаем собственными руками, говорила она. И сейчас повторила эти слова кентавру. Хирон склонил голову и ничего не ответил.

* * *

На следующий день Кора долго не могла добудиться Хирона. Она бы ушла одна, без него, но местный царек, человечек с зеленоватой от возраста бородой и рассудительный, как старая черепаха, оказавшийся к тому же внучатым племянником Афродиты, о чем сообщил с должными подробностями, убедил ее, что дальше к Мегаре, дорога очень опасная, можно сказать, непредсказуемая.

— Если Скарон заставит тебя мыть ему ноги, что ты ответишь? — Старичок смотрел хитро и беззлобно. Ему в самом деле хотелось узнать.

— Я откажусь это делать, почтенный царь, — ответила Кора, морщась от храпа, который издавал ее спутник, и удивляясь тому, насколько местные жители к этому равнодушны. Впрочем, подавляющее большинство местных жителей дрыхли, как и кентавр, или маялись желудком, обожравшись свинины.

— Вот он тебя и того, — сообщил царек и расхохотался.

— Может быть...

— А потом тебе еще придется поговорить с Прокрустом. О таком слыхала?

— Что-то знакомое имя, — призналась Кора. — Это не он придумал прокрустово ложе?

— Вот именно! — Старичок обрадовался начитанности Коры. — Меня бы он вытянул вдвое, а тебе бы все обрубил, и головку, и ножки до колен. Так что лучше подожди, проснется твой кентавр, повезет тебя. Он у нас добрый.

— Вы все знаете, — сказала Кора. — Может, вы мне скажете, когда Хирон проснется?

— Сама виновата, видно, утомила ты его за ночь, девица! Но как только тень вот этой скалы дотянется до скамьи перед моими воротами, Хирон продерет свои бесстыжие очи. Так что ты отдыхай, а я пойду управлять государством. Надо хоть какие-нибудь остатки вепря снести к нам в храм, а то боги рассердятся. Мои-то как накинулись вчера, так и позабыли о жертвоприношении.

— Вам помочь, дедушка?

— Нет, там мало осталось, все больше косточки. Иди искупайся, сегодня вода в море хорошая, теплая. А то наступит зима — как искупаешься? Если ты, конечно, морской воды не боишься.

— Не боюсь, — улыбнулась Кора.

Так она рассталась со старым царьком.

Кора не спеша спустилась по крутому берегу к морю.

Море было ласковым, утренним, синим, волны поднимались над ним гладкие, без барашков, у берега были видны светлые камешки на дне. Здесь высокий берег загибался громадной дугой, и на другом берегу залива угадывались белые строения Коринфа.

Ни рыбаков, ни сирен, ни циклопов — место казалось безопасным и мирным. Да и вряд ли старый царек отправил бы гостью купаться в опасное место.

Кора сбросила тунику и, найдя чуть повыше по берегу глиняное пятно, взяла кусок глины и использовала его вместо мыла, постирав хитон.

Разложив хитон сушиться на камнях, Кора вошла в ласковую воду и поплыла вдаль от берега. Пловчихой она была сносной, но на этот раз плыла не на скорость, а для собственного удовольствия.

Потом перевернулась на спину.

Высоко-высоко над ней парил орел. И может, это был вовсе не орел, а Зевс, принявший облик орла и даже имеющий по отношению к одинокой обнаженной пловчихе какие-нибудь эротические намерения. Черт их всех здесь разберет.

Кора поплыла вдоль берега, держась на глубине. Неподалеку стаей вынырнули дельфины и решили посостязаться с ней. Дельфины смеялись, что-то говорили высокими голосами, но боги не дали ей умения разбирать дельфиний язык, так что Кора могла только улыбаться им в ответ.

Один из дельфинов подплыл близко и повернулся, подставив ей плавник. Кора не выдержала соблазна и, схватившись за плавник, оседлала дельфина. Спина у дельфина была скользкая, упругая, и было непросто удерживаться на нем.

Они неслись вдоль берега, и Кора подумала, что они слишком далеко отплыли от Кроммиона. Она попыталась втолковать дельфину, что пора бы возвращаться. Но дельфин не хотел ее понимать, да и другие дельфины только скалились, улыбались, поднимали пенные брызги и продолжали нестись в сторону Коринфа, будто преследовали какую-то цель.

Кинув взгляд на проносящийся мимо берег, Кора увидела медленно бредущего человека в странной одежде, не обращавшего внимания ни на погоду, ни на море, ни на резвящихся дельфинов.

При виде его дельфины внезапно потеряли интерес к Коре, словно выполнили свой урок. Даже тот большой дельфин, на котором она восседала, неожиданно ушел в глубину, и, чтобы не захлебнуться, Коре пришлось оттолкнуться от него и вынырнуть.

Ей ничего не оставалось, как плыть к берегу, и, хотя до берега было не меньше двухсот метров, она добралась до него быстро и только тут вспомнила, что совершенно обнажена. И хоть в Греции к обнаженному телу относились куда спокойнее, чем в фундаменталистском Иране, все же встречаться с незнакомым мужчиной в таком виде ей не хотелось.

Но пока она рассуждала, мужчина, отошедший столь далеко, обратил внимание на то, что из моря вышла девушка, и ничуть этому не удивился.

— Добрый день, — сказал он. — Возможно, ты Афродита, хотя зрение мое ослабло, или ты Океанида, вышедшая на берег без разрешения строгого Океана? Честно говоря, мне не хотелось никого видеть, но, раз ты здесь, я не могу тебя прогнать. Земля — общая для всех живых существ.

Человек этот выглядел странно. Он был не стар, по крайней мере его длинные волнистые волосы были лишь чуть тронуты сединой, хотя борода и усы были совсем седыми. Кожа на лице была обветрена штормами, выдублена, как у старого моряка. Глаза этого человека казались бы молодыми, если бы не взгляд — пустой, усталый, мертвый, взгляд настолько древнего человека, будто он старше самой Земли. И одежда человека была странной. На нем была позолоченная бронзовая кираса с выкованной на ней мордой льва, короткий хитон, вылезающий из-под нее, был из дорогой пурпурной ткани, но оборван и потрепан. Сандалии, прикрепленные к ногам золотыми шнурками, сношены так, что ступни касались песка. У пояса висели пустые ножны. Некогда это был могучий воин, мышцы его, истощенные и обтянутые шершавой кожей, еще хранили память о победах в борьбе и гимнастических ристалищах, да и ростом он не уступал Коре.

Кора уже поняла, что видит кого-то из знаменитых героев Древней Эллады, но не знала, с кем из них столь жестоко обошлась судьба. В любом случае это был не Тесей, которому только-только исполнилось семнадцать лет и который шел от победы к победе.

Кора забыла о своей наготе, потому что человек более не замечал ее. Но не знала, что спросить. Обычно в Древней Элладе путник спрашивает незнакомого человека, кто он и куда держит путь. Но Коре было неловко задать такой вопрос. Потому она спросила:

— Прости, странник, я разыскиваю юного Тесея, который идет из Трезены в Афины к своему отцу Эгею. Не встречался ли он тебе?

— Кого? — переспросил путник. Голос его был надтреснутым и усталым. Будто каждое слово давалось ему с трудом.

— Тесея.

— И он идет к Эгею? — вдруг оборванец засмеялся так же хрипло и устало, как говорил. — Какое странное совпадение. Она погубила меня, она погубит его... Разве это не забавно?

— О чем вы говорите, добрый человек?

— Если ты хочешь получить ответ на свой вопрос, девушка, то ты должна будешь немного пройти со мной. Я уже завершаю свой путь в этом мире, мне осталось идти недолго. Поэтому, если в тебе есть любопытство, последуй за мной.

Разумеется, Кора была настолько заинтригована, что пошла рядом со странным нестарым стариком.

— Меня зовут Ясон, — произнес человек. — Я думаю, ты слышала обо мне. О моих подвигах и путешествиях.

— Вы — Ясон! — Кора не смогла сдержать удивления. Кентавр не завершил вчера рассказ о Ясоне, но почему-то Кора была убеждена, что Ясон остался править где-то... но где?

— Кто-то должен платить за все, — произнес Ясон. — Покупают на рынке двое, а платит один. Смешно, правда? Я полагал, что цель, к которой меня подталкивали боги, на которую меня благословила вся Эллада, настолько велика, что ради нее можно пойти на все. Я был одержим. Ты меня можешь понять?

— Вы для меня, — призналась Кора, — не человек с человеческими чувствами, а герой сродни Гераклу. Вы исполняете свой великий долг, а каково людям и городам, на которые вы между делом наступили, вам дела нет. Вы подали человечеству дурной пример — почитать убийц. Если бы вам дано было заглянуть в будущее, вы узнали бы, что люди почитают больше всего не спасителей, а именно убийц. Вам ничего не скажут великие в будущем имена Александра Македонского, Наполеона, Ленина, Сталина, Гитлера, — каждый из них выдумывал себе и своему народу, который одурманивал, подчинял себе, сводил с ума, одну цель, а цель была простая: убивать и убивать. И кто успел больше убить, тот выигрывал игру с вечностью. Видно, вы убили не так много людей, если бродите по берегу в таком жалком виде.

— Нет, я не герой. То, что я сделал по воле богов, как бы осталось вне меня, — сказал Ясон, — я оказался подобен

полководцу, который вернулся с победоносной войны, а дома никому до этого дела нет и надо все начинать сначала. Пасти скот и растить детей. А у меня в ушах все звенят клинки мечей и слышны боевые клики.

— Но у вас была жена, семья, — неосторожно сказала Кора.

— Вы, наверное, слышали о моей жене, — отозвался Ясон.

Они медленно шли по берегу, к счастью, берег был песчаный, и босиком идти было даже приятно, особенно если спускаешься ближе к воде, где песок плотный, утрамбованный волнами.

— Да, я слышала о Медее, — согласилась Кора.

— В вашем голосе звучит отвращение. А знаете ли вы, что, будучи одинок, брошен всеми, ожидая смерти, я еще раз вспомнил всю нашу жизнь с Медеей. И знаете, о чем я догадался? Что она моя жертва.

— Я не поняла вас, Ясон, — сказала Кора.

— Все, что делала эта дикая, первобытная душа, она делала ради любви ко мне. И не было и не будет уже в мире человека, который готов был бы на все, абсолютно на все, ради того, чтобы угодить возлюбленному. Порой я чувствовал это, а чаще такая любовь меня утомляла и даже пугала. Потому что она не знала границ. Я разделил любовь и деяния, а этого нельзя было делать. Нельзя было умиляться любовью и ужасаться деяниям. Потому что, когда мне было выгодно, я толкал Медею на эти деяния. О силе ее любви знаю лишь я, а о ее преступлениях знает весь мир. В каждом из нас смешан бог и смертный. В каждом... даже в последнем рабе. Так вот во мне правит смертный, а в Медее — богиня. И потому ее поступки нельзя мерить мерками смертных. Но что дозволено богине, то, к сожалению, осуждают в человеке.

— Значит, можно убить и разрезать на куски своего брата...

— Ради любви — да! Но богине, а не смертной.

— И смерть Пелия?

— Медея мстила за меня так, как я хотел бы отомстить в глубинах моего ума. Но, будучи смертным, не посмел. А она посмела — она как бы воплощение моих самых страшных и самых запретных желаний.

— Все это можно объяснить, но тогда она должна была смириться с вашей женитьбой на Главке.

— Может быть, она и смирилась бы, будь простой смерт-

ной. Но богиня должна мстить! Мстить мне за то, что я предал ее любовь.

— Но мстила не вам!

— Она знала, что для меня смерть Главки горше и больнее, чем собственная смерть. Моей тени будет все равно, живете ли вы, умерли ли, любите или ненавидите... все равно. А живому больно!

— А дети?

— Знаешь, девица, что самое страшное: я подозреваю теперь, что она сознательно отдала наших детей на растерзание дикой толпе. Потому что в ее сердце вмещалась лишь одна любовь — ко мне. И потому лишь одна месть — месть любимому. До того момента, как я был верен ей, ничто не могло встать на пути ее любви ко мне. В тот момент, когда я изменил ей, изменил своей клятве, она лишилась чувства любви. Медея жива, Медея неуязвима, ибо боги все равно защищают ее как высшее воплощение любви. Но на самом-то деле она никого не любит и не полюбит больше. И потому бойся ее, девушка. Она лишилась сердца. Это сердце в ней сжег я.

Далеко впереди в воду спускались черные скалы, высокие, тонкие, схожие с людьми в длинных черных хламидах с покрытыми головами, будто это были каменные плакальщицы. К ним и направлялись случайные спутники.

— Мне грустно, что меня отовсюду изгнали, что люди забыли обо мне и моих путешествиях. А завтра даже имя мое исчезнет с лица земли, — произнес Ясон. — Но я не корю судьбу.

— Я знаю будущее, — сказала Кора, нарушая правила поведения агента в ВР. — Вы будете знамениты и славны до тех пор, пока будет жить человечество. Вы станете символом отважного мореплавателя, смелого героя...

— Странно, — сказал Ясон, не удивившись предсказанию. Греки не удивлялись предсказаниям, потому что на каждом углу у них был оракул.

— А куда вы идете сейчас, Ясон? — спросила Кора.

И впервые пожалела, что согласилась уйти в эту виртуальную реальность, которая на самом деле лишь добавляет печали нашей жизни.

— Я иду попрощаться с «Арго». Это мой последний друг.

— «Арго». Твой корабль?

— Да, он стоит вон за той скалой, выброшенный волнами

на берег. Я принес его в жертву Посейдону, но бог не принял жертвы. Она ему была неугодна.

— Может, он пожалел утопить такой славный корабль? — сказала Кора.

— И предпочел, чтобы он гнил на пустом берегу?

И на самом деле за большой скалой, которая, как наклоненный в сторону моря палец, поднималась у самой кромки воды, криво стоял старый корабль, днище которого покрывал толстый слой ссохшихся водорослей. Мачты и весел не сохранилось. Слово «Арго» было выложено большими золотыми буквами на корме, на доске, пожертвованной Афиной.

Поднялся ветер, по морю побежали барашки, дельфины играли в воде, глядя на обнаженную девушку и старого героя.

— Уходи, — сказал Ясон.

— Что ты решил сделать?

— Хочу повеситься, — сказал Ясон. — Я хочу повеситься на своем корабле, хочу своей рукой принять смерть от моего единственного и верного друга. И не смей останавливать меня, ибо тебя нет и ты мое видение.

— Вернись к людям, Ясон, ты можешь принести им пользу. — Кора говорила и слышала утешительную фальшь своих слов.

— Уйди.

И приказ его, царя и героя, был таков, что Кора повернулась и пошла обратно по берегу.

И тут услышала крик.

Инстинктивно она обернулась.

Она поняла, что случилось. Ясон привязал конец веревки к высокому носу «Арго», забрался на нос и прыгнул вниз с петлей на шее. Но старое гнилое дерево не выдержало, нос корабля обломился, и доски погребли под собой несчастного героя.

Кора кинулась обратно. С трудом ей удалось растащить бревна.

Ясон был мертв.

В смерти его лицо было гладким, молодым и спокойным. Он умер на своем корабле.

Она должна похоронить его? Или позвать коринфинян? Но, может, они будут мстить ему и мертвому?

На берегу стояла женщина с мраморно-белым лицом, в

длинном золотом полупрозрачном хитоне и жемчужной диадеме.

— Иди своей дорогой, — сказала она Коре. — Не следовало тебе видеть такой смерти героя. Потому что герои так умирать не должны. Это наша вина. Мы тоже забыли о Ясоне.

Не зная, кто говорит с ней, Кора поняла, что это Афродита.

— Если ты вспомнишь когда-нибудь о Ясоне, — продолжала богиня, — то взгляни на небо. Посейдон сегодня отнесет корму «Арго» с золотой надписью на небо, и Корма станет созвездием. Пусть будет так.

— Пусть будет так, — громом отозвался с неба Зевс.

* * *

Кора принесла горстями воды из моря и отмыла от крови и грязи ставшее прекрасным лицо Ясона. Проклятый Милодар, какое право он имел показывать ей на собственном примере бессилие человеческого разума, зависимость ее чувств от древних спектаклей... спектакль не был древним. Она спустилась снова к воде и долго оттирала ладони крупным колючим песком. Далеко-далеко белые домики Коринфа сбегали к светлой полоске берега.

Возвратившись к Ясону и глядя на его спокойное лицо, она вдруг поняла, что в ее настоящей жизни смерть героя не окончательна, — да свистни ты, и примчится бригада медиков, увешанных аппаратурой, как елки игрушками. Если еще не поздно — а мозг сохраняет способность к регенерации клеток до десяти минут, — Ясону сменят тело и вдохнут в него жизнь с эффективностью, которой мог бы лишь позавидовать сам Зевс... был бы цел мозг.

И тут мысли Коры перескочили к проблеме, над которой не задумывалась за недосугом, а давно должна была задуматься. Ведь убийцы принца Густава должны знать условия виртуальной реальности и понимать, когда и почему человек, даже попавший в смертельную переделку в своем круизе, останется жив, потому что, как только его жизнь оборвется, его вытащат в будущее. Значит, их задача — сделать так, чтобы не было никакой пользы от того, чтобы его оживлять. Надо уничтожить... уничтожить мозг! Остальное все восстановимо. Всегда тебе отыщут тело, временно твой мозг могут поместить в тело каракатицы, лишь бы оно имело обмен веществ и

температуру, подходящую для твоего мозга. Итак, Тесея, то есть принца Густава, нельзя убить копьем в грудь, ножом в спину, нельзя задушить и повесить, нельзя утопить и сбросить в пропасть. Убийца должен быть уверен в том, что мозг жертвы наверняка и бесповоротно разрушен...

Грохот копыт вернул Кору к действительности. Вдоль берега, тяжело дыша, несся кентавр Хирон. Его седая борода в две струи окаймляла щеки.

— О боги! — закричал он издали, распугав равномерный шепот прибоя и тихий шелест ветра в листве прибрежного кустарника. — Она жива! Как ты смеешь так пугать старого Хирона, какое ты имеешь право выбивать из равновесия пожилых людей?

— Прости, Хирон, — сказала Кора, — меня привела сюда судьба.

И она рассказала о встрече с дельфинами, которые приплыли именно к этому месту, к «Арго», куда в тот момент подходил несчастный Ясон.

Хирон расстроился, увидев своего ученика. Он громко рыдал и рвал бороду. Он хотел предать тело героя погребальному костру, но Кора предупредила, что Афродита велела не трогать тела.

Некоторые жители Коринфа, узнавшие откуда-то о смерти Ясона, подошли к берегу. Но не посмели приблизиться к герою, потому что в его смерти была их вина — справедливо или несправедливо, но они выгнали его из города.

Из океана вышло несколько голубых девушек, в волосы которых были вплетены водоросли и морские звезды, а в руках они держали большие розовые раковины. Хирон сказал, что это и есть океаниды — дочери старого бога Океана. Океаниды украсили ложе, на котором лежал Ясон, звездами и раковинами.

И совсем уж странным показалось появление Медеи.

Она возникла на высоком берегу за спинами коринфинян. Она шла медленно, как будто гуляла, и в руке у нее был какой-то горшок с хвостом.

Все расступались, опасаясь прикоснуться к ней. Но Медею это не задевало. Она никого не видела, не узнавала и ни на кого не глядела.

Только когда Медея подошла к лежащему Ясону, Кора поняла, что в руке у нее боевой шлем, который она несла, дер-

жа за подбородочный ремень. Шлем был медный, некогда позолоченный, но позолота с него стерлась, вычеканенные по бокам сцены боевых схваток от частых ударов казались просто неровностями, гребень, сделанный из лошадиного волоса, вытерся и поредел. Забрало было утеряно.

Медея присела на корточки возле тела своего возлюбленного, которому доставила столько горя, нежно приподняла его голову и надела на него шлем.

Она не вставала, глядела на Ясона, и Кора поняла, что сходство ее с Клариссой весьма поверхностно и могло таковым показаться лишь с первого взгляда. В Медее, еще далеко не старой женщине, была некая бессмертная древность прекрасной ведьмы, каждая морщинка на ее лице, будто специально высвеченная и подчеркнутая лучом заходящего солнца, казалась шрамом, и глаза были глубже и чернее ночи, в которой царит Аид. Нет, это не Кларисса, а само олицетворение трагедии.

Наконец Медея поднялась и пошла обратно, туда, где, как оказалось, ее ждала колесница, которой раньше Кора не заметила. Коре не надо было ничего объяснять, ибо она уже прониклась знанием, которым обладали древние эллины, — узнавать героев и богов. Хоть солнце, поднявшееся высоко, било в глаза, Кора увидела, что место возничего на золотой колеснице занимал царь Эгей.

Медея легко взошла на маленькую колесницу, которой правил ее чернобородый муж, обняла его сзади за пояс, и Эгей взмахнул длинным бичом. Кони легко тронули, и колесница исчезла, словно растворилась в воздухе.

Кора вновь обернулась к Ясону.

Это было последнее мгновение.

Именно в этот момент при полной тишине в море родилась высокая немая зеленая волна, которая накатывалась на берег, как накатывается море во сне. Хирон подхватил Кору, кинул себе на плечо и в два прыжка оказался на высоком берегу, среди жителей Коринфа, которые глазели оттуда на Ясона.

Гигантская волна в мгновение ока покрыла берег зеленым бутылочным стеклом, замерла, словно ожидая приказа, и так же беззвучно откатилась обратно.

Берег был пуст.

Исчез корабль «Арго».

Исчез его капитан.

Но на поверхности воды не было видно ни единой щепки или иного предмета, напоминавшего о корабле.

Море успокоилось.

— Его взял Посейдон, — сказал кентавр. — По воле богов. Потому что теперь не нам судить, в чем прав, а в чем виноват этот человек.

* * *

Пока они возвращались к Истму и Кора, уже освоившись на широкой спине Хирона, вертела головой, любуясь пейзажами, Хирон рассказал ей еще об одном подвиге Тесея. Оказывается, пастухи поведали кентавру о том, что Тесей добрался до разбойника Скирона. Впрочем, этого и следовало ожидать, потому что тот сидел точно на пути Тесея и миновать его он мог, лишь свернув с дороги. Но Тесей, как Коре уже было известно, отличался тем, что никогда не сворачивал с дороги.

У Скирона была скверная привычка. Он сидел на скале, которая нависала над морем, и всем путникам предлагал ни больше ни меньше как вымыть ему ноги. Ноги у него и на самом деле были такие грязные, мозолистые и противные, что, говорят, из-за этого его в свое время выгнали из Коринфа. И жена от него ушла.

Сидел Скирон над скалой и приказывал мыть себе ноги. Разумеется, свое предложение он подкреплял острым мечом, которым размахивал, как тростиночкой. Те путники, что знали, чем это кончается, вообще делали в том месте большой крюк, чтобы Скирон их не приметил, а вот мужей наивных и неосведомленных Скирон вылавливал.

Рядом со Скироном из скалы выбивался родник и пробил за века углубление вроде ванны. Путник начинал мыть правую ногу разбойнику, полагая, что ему еще повезло, и в этот момент Скирон левой ногой изо всей силы ударял путника в спину, и тот, перевалившись через край обрыва, падал в воду с высоты в сто локтей. А там уже дежурила гигантская морская черепаха, таких больше в других местах не водится, может, только где-нибудь на Галапагосских островах. Черепаха тут же пожирала оглушенного человека, а Скирон, посмеива-

ясь, собирал его добро и потом сдавал перекупщикам или сам употреблял в пищу.

Разумеется, как рассказывают очевидцы, завидев юношу, Скирон потребовал, чтобы тот вымыл ему ноги. Тесей спросил его, а хорошо ли разбойник обдумал свои слова, ведь принуждать свободного человека мыть себе ноги — это значит нанести ему оскорбление.

Разбойник нагло расхохотался, схватил Тесея за край хитона и потащил к своей ванне.

Тесей сказал тогда разбойнику:

— Учти, я тебя предупреждал.

Он взял его за ногу, поднял в воздух, раскрутил, будто это был не разбойник весом в двух быков, а зайчик, и закинул его так далеко в море, что черепаха еле его отыскала. Отыскав, она его сожрала — ей-то, черепахе, все люди на одно лицо.

— Куда же направится Тесей дальше? — спросила Кора.

— Я думаю, что к самому Прокрусту. И это уже настоящий подвиг, не то что мелкие провинциальные разбойники.

— Это к тому самому, который на своем ложе кого вытягивает, а кого укорачивает?

— Вот именно, — согласился кентавр. — И должен сказать, что это самая подлая пытка из тех, что придумана человечеством. Ты в самом деле хочешь поглядеть на Прокруста?

— А это возможно?

— Надо постараться. Правда, я теперь не тот скакун, что раньше, но обыкновенного коня всегда обгоню. Так что устраивайся поудобнее и держись за мои плечи. Тебя будет трясти, а ты терпи.

— Ни в коем случае. Ведь если ты будешь крутиться вокруг Коринфа, мы не только до Афин, до Мегары неделю не доберемся. Зато Медея до Тесея доберется куда раньше нас. И уж она-то щадить его не будет.

— Тогда поскакали! — Кентавр перешел на рысь, но не замолчал. — Чем больше я узнаю Медею, — говорил он, — тем меньше понимаю. Вроде бы она — жертва любви. Ведь по прихоти богинь шалун Эрос вонзил в нее стрелу. Разве простой смертный может воспротивиться этому? Никто. Даже кентавр не может. Если сказать честно, для меня самый главный авторитет в истории — Плутарх.

— Какой еще Плутарх?! — тут даже Кориного школьного

образования хватило, чтобы возмутиться. — Этот Плутарх еще не родился, и неизвестно когда родится!

— Кора, научись наконец простой вещи, — возразил Хирон. — Время относительно, и уж тем более относительно положение в нем людей. Если ты попытаешься создать какую-нибудь таблицу, в которой разместишь деяния и жизнеописания людей, богов и героев, то получится сплошная чепуха. Даже мои ученики, которых я катал на этой вот самой лошадиной спине, порой умерли раньше, чем я родился, а другие переживут меня на столетие. Троянская война еще не началась, а кое-кто из моих современников уже погиб, сражаясь под стенами Трои. Да что там говорить, мальчишкой Тесей не испугался шкуры Немейского льва, которую Геракл, его дядя, бросил, придя к ним в гости на спинку стула. Но ведь в те годы Геракл еще и не помышлял о своих подвигах. Да что там говорить, в большинстве греческих мифов ты прочтешь о том, что Тесей был одним из аргонавтов. Да каким он мог быть аргонавтом, если Ясон уже погиб, а Тесей еще лишь движется к своим подвигам. Так что не спорь со мной, девочка, и смирись с порядком, который навел в истории мудрый Плутарх, хотя Сократ пишет, что ему не хватает глубины выводов и умозаключений. Но Плутарх велик тем, что в эпоху, когда все верят в любую мистическую чепуху, когда любой демагог и популист может сманить на свою сторону греческий народ, если пообещает каждому по бутылке самогона и тысяче драхм, да еще пять рабынь, которых отнимет неизвестно у кого, то весь народ кинется за ним с криками «Слава!». И прольется кровь. Так вот, в этот критический для моей родины период приходит Плутарх и находит любой чепухе рациональное объяснение. И если ты начнешь утверждать с горящими глазами, что видела, как из груди Медеи торчало оперение стрелы, посланной Эросом, то Плутарх объяснит тебе ситуацию разумно, просто и без всяких стрел. Что было на самом деле? На самом деле невероятно тщеславная, красивая, помирающая от скуки и безвыходности колхидская принцесса узнала о прибытии аргонавтов из великой Западной Европы! На что она могла рассчитывать до этого? На мингрельского князька? На абхазского дикаря? На свана, живущего в вечных снегах? И Медея тут же дает себе слово — любой ценой она заполучит облеченного доверием богов Ясона и вырвется с его помощью из колхидского заточения.

Что и происходит. А ведь тщеславие Медеи не имеет границ. Если ради своей карьеры, которая в тот момент выражалась в завоевании Ясона, надо предать отца, она сделает это не задумываясь. Эрос ей выгоден для оправдания всех своих подлостей. Ему вообще предстоит в истории грустная роль — быть в ответе за все. «Я сделал это во имя любви!» А что ты сделал во имя любви? «Я завоевал империю! Я перебил сто тысяч поселян! Я ограбил храмы! Я убил родителей — и все во имя любви!» Разве это любовь? Уж лучше мой грех с коровой, то есть с Герой, принявшей облик коровы. — Кентавр заливисто захохотал. Хотя ему было невесело. Коре тоже. Ведь из уст Ясона она слышала другую правду! — Медея увидела Ясона и поняла: она его добьется, — продолжал Хирон. — И не только красотой, но и необходимостью. Она должна была внушить ему, что без нее он — ничто, он беспомощен. Зачем она разрезала на куски своего брата? Да потому, что после этого Ясон привязан к ней как сообщник. Зачем она заставила девочек резать на куски собственного отца? Потому что это было ее общее преступление с Ясоном. Но кто погиб в конце концов? Кто был виноват в том, что сгорела живьем прекрасная Главка, ты думаешь, Медея?

— Да, я думаю, что Медея, — сказала Кора, зная иной ответ.

— Чепуха, виноват больше всего не тот, кто убивает, а тот, кто дает на это согласие! И как сказал когда-то мудрый человек: «Не бойся своих врагов, худшее, что они могут сделать, это убить тебя. Не бойся друзей, худшее, на что они способны, это предать тебя. Бойся равнодушных. Это с их молчаливого согласия на Земле совершаются все подлости и преступления». Может, я цитирую неточно. Но смысл передаю верно.

— Ты думаешь, что Ясон погиб... по справедливости?

— Это была для него лучшая смерть. Он мог погибнуть хуже. И я казнил бы его куда более жестоко.

Кора не стала спорить. Как и кому она сможет передать свой ужас перед пустотой глаз Ясона перед смертью?

— Человек должен отвечать за свои поступки, — сказал старый кентавр. — Надеюсь, что урок, полученный тобой, будет усвоен.

Над ними вились слепни, кентавр отмахивался от них хвостом и ладонями.

К Прокрусту они опоздали. Впрочем, успей они туда вовремя, вряд ли что-либо смогли изменить.

Было уже поздно, стемнело, яркие звезды высыпали на небе, и среди множества созвездий наиболее ярко горело созвездие Кормы — память о корабле Ясона. Звезды этого созвездия были такие новые, самые яркие на небе, разноцветные, как рождественские фонарики на елке, и от них на землю падали праздничные отблески.

Зрелище, которое они застали в доме Прокруста, наполнило сердце Коры ужасом и отвращением.

Слуги и рабы Прокруста толпились у входа, не смея войти внутрь. Из черной и невнятной толпы доносились стоны и вздохи.

Кентавр спросил:

— Что случилось в этом доме, добрые люди?

— Наш хозяин... — откликнулся некто невидимый из толпы, — нашего хозяина злодейски убили, это ужасное преступление, и боги жестоко отомстят убийце!

— Что же случилось с Прокрустом?

— Некий разбойник, — ответил тот же голос из толпы, — пробрался в дом к хозяину и, когда тот предложил ему, как и положено, лечь на прокрустово ложе, чтобы выяснить, умещается ли он на нем либо хозяину придется подставить к ложу стульчик, чтобы гостю было удобнее спать...

— Ты говоришь правду, раб? — строго спросил кентавр.

— Разумеется, чистую правду.

— Как же зовут тебя, правдивый слуга?

— Меня зовут Мироном, и я здесь служу домоправителем. Завтра с утра приедут Прокрустовы братья и наведут здесь порядок, — ответил домоправитель.

— Так продолжай же врать, недобрый человек. Я подозреваю, что именно ты приносил веревки, чтобы помочь Прокрусту, именно ты затыкал рот гостю, если он кричал и беспокоил соседей, именно ты оттаскивал потом истекающий кровью труп на свалку, ну, признавайся!

— Я никогда не дотрагивался до трупов, — быстро отозвался домоправитель, — это дело рабов.

— Тогда скажи, что же случилось сегодня?

Домоправитель почему-то замолчал, и из толпы заговорил низкий женский голос:

— К Прокрусту пришел человек по имени Тесей и попро-

сился переночевать. Господин Прокруст, как всегда, ответил, что рад оказать гостеприимство незнакомцу, и пригласил его в дом. Затем, после легкого ужина, господин Прокруст предложил юному Тесею лечь на ложе и вытянуться. Когда же господин Прокруст увидел, что его гость длиннее ложа на два локтя, то он тут же поднес ему чашу с вином.

— Зачем? — спросила Кора, спрыгивая с кентавра.

— В чаше было сонное зелье, — ответила женщина, — его гость должен был заснуть.

— Почему?

— Неужели вы не поняли, что наш хозяин был добрейшей души человек? Он щадил чувства всех тех, кому вынужден был отрезать ноги или вытягивать их.

— Зачем ему это делать?

— Глупый вопрос! — возмутился домоправитель. — Ведь наш господин был Прокрустом. Он имел прокрустово ложе. Он должен был всех прохожих подгонять по длине под прокрустово ложе. Чего же здесь непонятного?

— Скажите, уважаемые рабы и слуги Прокруста, — попросила Кора. — А если ваш Прокруст просто пускал бы людей переночевать и не калечил бы их, не мучил и не убивал, разве это не лучше?

— Глупости! — визгливо ответила какая-то женщина. — А как тогда войдешь в историю? Как добьешься бессмертной славы? Как станешь знаменитым в веках?

— Все ясно, — сказала Кора. — Ведите меня к нему.

Никто не двинулся с места. Коре пришлось повторить просьбу.

Домоправитель ответил:

— А что, если он еще жив?

— Тогда вы напоите его лекарством и перевяжете ему раны. Ваш долг заботиться о господине.

У входа в дом в медную трубку был вставлен факел. Кора взяла его и вошла внутрь. Дом был богат, в центральном дворе дома стояли статуи, валялись многочисленные сундуки, мешки и корзины, словно обитатели дома в спешке собирались бежать, да не успели.

Мальчишка посмелее провел их на мужскую половину, где они застали ужасную картину.

На каменном ложе, установленном посреди помещения, в неверном свете догорающих факелов корчился в агонии истекающий кровью массивный человек с торчащей к небу рыжей курчавой бородой. Резкие и жестокие черты лица были искажены последней болью. Странно было видеть его ноги, по колено отрубленные и валявшиеся у подножия каменной постели, как лежат снятые на ночь сапоги.

— Месть, — шептал Прокруст, увидев пришедших. — Отомстите за меня! Он посмел... он посмел...

— Скажи мне, Прокруст, — произнес кентавр, возвышавшийся над ним и касавшийся головой расписанного сценами любовных утех потолка, — многих ли людей таким образом ты укоротил или удлинил за свою жизнь?

— Зачем мне их считать? — ответил Прокруст, с трудом переводя дух. — Кто-нибудь добрый и благородный, приставьте мне обратно, пришейте ноги на место, чтобы кровь не вытекла из моих жил, чтобы я мог догнать и уничтожить Тесея! Ведь он был гостем в моем доме!

— А что бы ты сделал ночью с этим гостем? — Голос кентавра звучал без жалости.

— Я сделал бы с ним то же, что и с другими.

— Прокруст, ты уходишь сейчас в царство Аида, смирись с этим.

— О нет! Я не хочу! Я не заслужил смерти! Я хочу жить!

— Ты видишь, что рядом со мной стоит сама Кора, богиня подземного мира. Она подтвердит, что твой час пробил.

— Твой час пробил, — сказала Кора.

— Нет, я же хороший, я же справедливый! Я столько всего не успел сделать. Я принесу жертвы богам, я принесу тебе, Кора, такие жертвы, что не снились и Афине! Я принесу тебе в жертву половину Эллады, только пришей мне ноги на место.

— Не скажешь ли ты мне, зачем ты посвятил этому свою жизнь? — спросил Хирон. — Может, у тебя была высокая цель?

— Я отвечу... — Прокрусту говорить было все труднее, он потерял много крови. — Я хотел, чтобы мир был красив. Чтобы все люди в нем были одного роста, чтобы при взгляде на людей сердце радовалось гармонии...

— Даже в такой момент он лжет, — сказал кентавр и пошел прочь.

— Пить, — попросил Прокруст.

Никто из слуг не посмел дать умирающему напиться. Кора

увидела кувшин, налила из него воды в плошку и, приподняв голову Прокруста за горячий, мокрый от пота затылок, дала ему напиться. Прокруст пил жадно и быстро, он захлебывался, словно боялся умереть раньше, а когда напился, то поднял сильные руки и сомкнул их на горле Коры.

— Я утащу тебя с собой в царство Аида, девушка, которая выдает себя за богиню. Я не уйду один!

И все его силы, вся его ненависть к людям собралась в этом движении, в этом стремлении убить Кору.

Кора стала вырываться, но когти Прокруста безжалостно впивались в горло, и в глазах у нее поплыли красные круги. Она могла бы и сама схватить его за горло и задушить, прежде чем он успеет это сделать, но она не могла заставить себя причинить боль умирающему...

На крики слуг в комнату ворвался кентавр. Его не беспокоили моральные соображения. Он поднял переднюю ногу и так ударил копытом Прокруста в висок, что показалась темная кровь, хватка его пальцев тут же ослабла, и он, коротко охнув, умер.

— Просто, — сказала Кора.

— Пошли отсюда. Не надо было нам сюда заходить, — сказал Хирон.

— Куда теперь? — спросила Кора, когда они вновь оказались на пыльной дороге, еле видной, как серая полоса под светом южных звезд.

— Здесь неподалеку есть небольшая священная роща, мы переночуем в ней, а завтра — в Афины.

* * *

Впервые в жизни, если не считать фотографий и голограмм, Кора увидела принца Густава, убежденного демократа и наследника престола в Рагозе, утром третьего октября на улице столичного города Афины неподалеку от строящегося храма Аполлона Дельфиния.

Видимо, принц, перед тем как войти в Афины, остановился в какой-то цирюльне, завился, напудрился, купил в лавке длинный, до земли, розовый хитон и скрыл под ним пояс с мечом. Походка у Тесея была изящная, вернее, та, которую в трезенской провинции полагали за изящную, да и сандалии он приобрел из позолоченной кожи, точно такие, как носили

девушки и юноши из хороших семейств, где в моде тех дней были элегантность и изысканные ионические манеры.

Кора, которая провела ночь у городских стен Афин, так как они с Хироном добрались туда так поздно, что ворота города были уже закрыты, а вступать в переговоры со стражей было пустым занятием, утром лишь ополоснулась в ручье, а теперь шла по рынку, выискивая себе новый верхний хитон и платок на голову. Сандалии она уже приобрела, к счастью, ей ни о чем не пришлось просить — деньги на покупки ей выдал Хирон, который уже считал себя ее старшим родственником. Сам кентавр пошел в низменный район Афин, где обитал его лучший друг Фол. У него он намеревался узнать, в городе ли сейчас бог медицины, на помощь которого он так рассчитывал.

Так что когда Кора увидела Тесея, она не сразу догадалась, что видит героя.

Юношей и девушек, подобных Тесею, надушенных, элегантных, лениво фланирующих по обширной рыночной площади, красиво устланной каменными плитами, в то позднее утро было немало. Они бродили либо останавливались поболтать поближе к ее краям, где возвышались статуи знаменитых людей, совершенно незнакомых Коре, а возможно, и божеств невысокого ранга. Дальше, где начинались улицы, раскидывали свои желтеющие, но еще густые кроны могучие платаны, некоторые из них еще помнили времена, когда столичные Афины были лишь поселением, подобным Трезене. За пределами площади тянулись ряды небольших колонн, перекрытых сверху каменными плитами, что давало дополнительную тень, которая падала на каменные прилавки и скамьи, где были разложены товары торговцев. Некоторые пристраивали к каменным прилавкам временные навесы и даже кабинки или хижины для товаров, и в одной из таких хижин Кора подыскала себе чудесный длинный хитон нежного апельсинового цвета, тонкий и легкий, который доставал ей до колен и ниспадал широкими складками на пояс. Поверх него Кора приобрела плащ сродни гиматию, из тонкой шерсти терракотового цвета, обшитый по краю темно-пурпурным геометрическим узором. Хорошо бы сохранить эти одежды до возвращения домой и показаться в них в изысканном обществе Галактического центра.

Конечно, Коре хотелось бы провести остаток дня, а мо-

жет, и недели в рядах, торговавших украшениями и драгоценностями, и совершить простительное преступление для женщины Галактической эры — купить себе, и только себе, немыслимые по изысканности драгоценности из опалов и аметистов Древнего Египта и Шумера, из нефрита Древнего Китая, из золота амазонок и скифов. Она понимала, что этим она лишила бы музеи будущего их сокровищ. Впрочем, денег у нее было немного, и если ты хочешь возвратиться домой не только с сувенирами для себя, но и с подарками для бабы Насти и невест комиссара Милодара, то лучше вообще отказаться от покупок.

С печалью и терзаниями оторвавшись от ювелирных рядов, где она уже обзавелась славными приятельницами и приятелями, Кора направилась к холму, на склоне которого возводилось массивное здание из белого мрамора, окруженное простыми дорическими колоннами. Сначала Кора по недостатку классического образования предположила, что присутствует при сооружении Парфенона, но потом сообразила, что Парфенон увенчивает или будет увенчивать собой высокий крутой холм, пока еще не застроенный, с маленьким храмиком на вершине.

О названии храма Кора спросила стоявшую рядом женщину.

Та поглядела на Кору, как на сумасшедшую, но потом, видно, смягчилась при виде дорогих одежд собеседницы и сообщила, что сооружается храм Аполлона Дельфиния, о чем знает каждая собака.

— Кроме приезжих, — вежливо поправила ее Кора.

И вот тут Кора впервые увидела Тесея во плоти и не узнала его, что, конечно, непростительный промах для разведчика. Надушенный, расфуфыренный и гордый собой и своими пока еще никому здесь не известными подвигами, Тесей шел по улице, и кто-то из рабочих, уже воспитавший в себе классовое чувство, несмотря на то что только брезжила заря рабовладения, крикнул сверху:

— Ребята, поглядите, какая фря по улице гуляет. Я бы не отказался попользоваться!

Кора не могла удержаться от улыбки, потому что подумала, скольких щеголей в Древней Греции подводило крайнее сходство мужских и женских одежд. Различие в среде молодежи скорее заключалось в прическах, нежели хитонах. Может, именно поэтому в Греции было столько «голубых» и лес-

биянок. Попасть в разряд сексуального меньшинства можно было случайно, по недоразумению, а вот выбраться из него — куда труднее.

— Вы обо мне? — спросил вполне добродушно настроенный Тесей, запрокинув голову и демонстрируя каменщикам юный пушок под носом и на подбородке.

— О тебе, девица, о тебе, любезная! — хохотали рабочие. Развлечение по тем диким временам было отменное.

И вдруг Тесея охватил гнев, вспышка его была столь неожиданна и быстра, что Кора не успела уловить момент, когда мирно фланирующий по улице пижон превратился в дикого зверя.

Тесей начал крутиться на месте в поисках какого-нибудь орудия, которым он мог бы поразить обидчиков, но ничего подходящего под рукой не было. Он метнулся было к самому строительству, чтобы вырвать шест из опалубки, но тут обнаружилось, что путь к цели ему перекрывает воз — небольшой, но массивный бык волочил арбу, нагруженную тюками с сеном. Возчик, оказавшийся свидетелем столь смешной сцены, шел рядом, сгибаясь от хохота.

В следующее мгновение он уже не смеялся, а благодарил богов за то, что шел рядом с повозкой, а не сидел на ней, потому что этот женоподобный изящный юноша ловко ухватил в охапку своими длинными и вроде бы еще выросшими руками быка за живот и кинул все это вместе — и быка, и повозку, и тюки с сеном — на крышу храма, где веселились рабочие.

Бросок был столь сильным, что бык с повозкой долетели до крыши храма. Хоть храм, по нашим меркам, был невысок, но метров шесть до крыши все же насчитывалось. Повозка смела с крыши насмешников, и все вместе — рабочие, бык, повозка, сено, палки, шесты — рухнули на мостовую.

Юноша пошел дальше, и Коре было видно, как ему хотелось оглянуться и полюбоваться безобразием, которое он натворил. Но Тесей превозмог мелкое тщеславие и, поравнявшись с Корой, которая, как и все зрители этого подвига, стояла неподвижно, вежливо спросил:

— Вы не скажете мне, добрая госпожа, как пройти ко дворцу царя Эгея?

Придя в себя, Кора толково и кратко объяснила юноше дорогу и вынуждена была признаться себе, что юноша произ-

вел на нее куда лучшее впечатление, чем на снимках и голограммах, которые она изучала, потому что даже лучший фильм не передает тех микроскопических движений мышц и зрачков, которые так важны, чтобы понять человека.

— Кстати, — спохватилась Кора, полагая, что в этом мире полезно применять наглость последующих тысячелетий, ибо даже самые умные и сообразительные из местных жителей все равно еще наивны и просты, как наивен и прост их мир. Даже заговоры и злодейства их можно разгадать, если хоть на секунду остановиться и задуматься: зачем же эта милая женщина сыплет зеленый порошок в суп своему дорогому сожителю?

— Кстати, — повторила Кора, — мне как раз в ту сторону, и, если вы согласитесь сопровождать меня, я буду рада показать вам кратчайший путь.

— Разумеется, я буду польщен, — признался Тесей. — Вы очень красивая девушка и, судя по одежде, знатная. Значит ли это, что вы живете в этом славном городе?

Не спеша удаляясь с Тесеем от шума и проклятий, доносившихся сзади, Кора имела возможность как следует рассмотреть своего подопечного.

Разумеется, сходство с Густавом оставалось настолько ясно выраженным, что даже человек, мало знакомый с рагозским принцем, узнал бы его. Но узнав, удивился.

Принц Густав был высок ростом, худ, чуть сутуловат, то есть его нельзя было назвать откровенно хилым человеком, но, пожалуй, физически он был развит недостаточно. Он был скорее студентом кабинетного склада, чем атлетом.

К тому же принц Густав был близорук, отчего носил очки, а не контактные линзы, ибо, как говорится в анналах рода Рагозы, в детстве мальчик часто плакал, терял линзы, и его отец Теодор-Рудольф III как-то упал, поскользнувшись на потерянной ребенком линзе, и сломал шейку бедра. Чувство вины перед горячо любимым отцом овладело мальчиком настолько горячо, что он поклялся: никаких линз! Коррекцию же зрения или установку новых глаз запретила бабушка принца Густава, которая где-то вычитала, что эти операции могут вредно отразиться на здоровье, а главное, умственных способностях мальчика.

Здесь, в ВР-круизе, Густав изменился — иначе бы и не было смысла затевать все это дело. Как и каждый «заказчик»,

Густав вообразил перемены в собственном теле, какие он желал. И вообразив, получил.

Порой, где-то читала Кора, путешественники в ВР вовсе не обязательно становятся богатырями или геркулесами. Наоборот, они даже согласны выбрать себе некий соблазнительный недостаток, вплоть до известного своими безобразиями в ВР Ахмета Магомет-оглы, который вообразил и осуществил себя невысоким, хромым и страшнолицым, решив повторить походы и подвиги Тамерлана. Его пришлось вытаскивать из круиза по частям, спасая после первого же восстания сельджукской гвардии.

Густав пошел по обычному пути. Он оставил себя таким, как есть, но улучшил, как подсказало ему тщеславие: «Ах, если бы я был на голову выше его да вдвое шире в плечах, он бы убежал от меня быстрее зайца!» Считайте, что принц осуществил свою школьную мечту. Зная, каким был принц Густав, мы без особых трудностей можем представить себе, как выглядел принц Тесей.

— Я здесь приезжая, как и вы, господин Тесей, — сказала Кора. — И мне спокойней и надежней идти вместе с вами.

— Вы узнали меня? — Растерянная и добрая улыбка принца, такая знакомая Коре по справочному изоматериалу, тронула его губы и затуманила глаза. — Как вам это удалось?

— Это небольшой мир, — ответила Кора. — Здесь люди знают друг друга по именам. Я жалею иногда, что не родилась в будущем, когда все концы Ойкумены будут уже известны и населены, когда я смогу встретить на улице Афин настоящего гиперборея или этруска. Как тогда будет интересно! Сколько будет разных людей и товаров! Наверное, тогда корабли будут плыть быстрее, а Дедал наконец-то построит свой воздушный корабль, о котором он уже давно всем уши прожужжал.

— Не надо! — вырвалось у юноши, который в сердце своем оставался все же интеллигентным, хорошо воспитанным студентом. — Вы забываете о жестокой судьбе... мальчика... как же его звали...

Кора чуть не подсказала, но сообразила, что в Густаве сработал блок беспамятства. Он не мог знать будущего этого мира, он был частью его, он его формировал, и, как только он заглянет в будущее, весь смысл ВР-круиза, конечно же, пропадет. Нельзя забывать, что ты здесь, возможно, единствен-

ная, кто смотрит в будущее... исключая Дельфийского оракула. Погодите-погодите, а что, если пифии — работницы службы виртуальной реальности? Смешно... Впрочем, нет, они слишком часто ошибаются.

— О чем мы говорили? — спросил Тесей, прижимая указательный палец к переносице, — жест, оставшийся от прошлого, когда он носил очки.

— Мы говорили, что я люблю путешествовать.

— По виду своему вы принцесса, — произнес Тесей. — Простите, если я вам покажусь невоспитанным...

— Для этой эпохи вы слишком хорошо воспитаны, — оборвала его Кора. — Вам придется быть погрубее.

— О да, я сам это уже чувствую, — согласился молодой человек. — Они думают, что я их боюсь. Но ведь это ошибка. Я, должен вам сказать, приехал сюда для того, чтобы восстановить свои права. И никого не боюсь. Мне вообще не свойственно чувство страха.

— Точнее! — потребовала Кора. Молодой человек удивился такому требованию, но подчинился ему:

— Точнее, я намерен преодолеть в себе чувство страха для того, чтобы, возвратившись куда надо, вести себя достойно.

Густав не стал уточнять, а Кора не стала настаивать. Обе стороны поняли этот краткий монолог в меру своей информированности.

Наконец они поднялись на холм, увенчанный дворцом Эгея. Здесь, над узкими городскими кварталами, было прохладнее, с горы, поросшей соснами, скатывался прохладный ветерок, в прозрачном воздухе медленно плыли паутинки. По площади перед дворцом вышагивали большой семьей индюки. Два солдата в медных доспехах и шлемах, надвинутых на носы, чтобы укрыться от солнца, дремали у входа.

Тень Тесея упала на одного из них, тот лениво поднялся, опершись на короткое копье.

— Кто ты, странник? — спросил он, и ясно было, что времена стоят мирные, врагов в Афинах не ожидают, так что одинокий щеголь в сопровождении богатой молодой женщины не вызывает тревоги.

— Меня зовут Тесей. Я пришел из Трезины, — сказал молодой человек. — Я хочу видеть царя Эгея.

— Еще вопрос, захочет ли царь Эгей видеть провинциала, — проворчал воин, но беззлобно, как бы для порядка. —

Эй! — крикнул он в глубь двора, в который выходили двери и ворота хозяйственных построек и конюшен. — К царю гости.

Последовала длительная пауза. Потерявший вдруг уверенность в себе Тесей переминался с ноги на ногу, из глубины двора вышла большая белая коза с голубой ленточкой на шее и стала обнюхивать хитон Коры.

— Ты не обращай внимания, — сказал сидевший воин. — Это Номия, нимфа, гонялась за Дионисом и вот догонялась!

Коза, она же бывшая нимфа, опустив короткие рожки, кинулась на воина, а Кора, которая совершенно не представляла, чем провинилась Номия перед Дионисом, отошла в сторонку, чтобы не испортить в суматохе хитон.

Это был их мир, даже Тесей чувствовал себя здесь своим. А она лишь выполняла задание. Кора подумала, что не спросила Тесея, каково было ему, студенту Московского университета, отрубить ноги пожилому человеку Прокрусту, даже если тот и в самом деле виноват перед древним человечеством. Надо будет спросить... правда, если Медея не расправится с Тесеем в этом дворце.

Кора профессионально оглядела двор и двери, откуда выглядывали любопытные слуги, — типичный лабиринт, здесь и убегать, и сражаться очень трудно, а если Тесею подстроят какую-нибудь ловушку, его трудно будет защищать. Любопытно, родилась мысль, там, наверху, в компьютерном центре «ВР» есть дисплей, на котором видна энцефалограмма Тесея, чтобы вытащить его в момент смертельной опасности? А есть ли такой же дисплей для нее, агента Коры Орват? По крайней мере, никаких параметров перед уходом с нее не снимали. Может быть, раз ее круиз никем не оплачен, они решили сэкономить? А если так, то прекращение ее жизнедеятельности не отразится на показаниях приборов! Грустно!

— Ну, ты идешь, девушка? — спросил Тесей. Видно, повторил вопрос, так ей показалось по тону.

Перед ними стоял воин более импозантного вида, чем солдаты на входе в бедных кирасах и домотканых юбочках из-под них.

Шлем его был украшен гребнем из конских волос, по бокам которого были прикреплены петушиные перья. Поножи покрывал чеканный узор.

За ним следовал пожилой местный служитель в синей хла-

миде из милетской шерсти и широкополой войлочной шляпе.

— Чем мы обязаны визиту столь высоких гостей? — спросил он, быстро и внимательно оглядывая их.

— Я Тесей, — сказал молодой человек. — Внук Питфея и сын Этры. Послан ими в гости к Эгею.

Придворный никак не отреагировал на слова Тесея, но обратил взор к Коре.

Та представилась честно:

— Кора, дочь Тадеуша из страны гипербореев.

— Великая богиня? — спросил придворный с некоторой опаской, но без трепета. Видно, сюда раз в неделю заглядывает кто-то из великих богов.

— Тезка богини, — ответила Кора.

— Так просто это не случается, — сообщил придворный, и Кора склонила голову, отдавая должное его мудрости.

Но внимание придворного уже вновь было обращено к Тесею.

— Мы ждали твоего прихода, Тесей, — сказал он. — Известие о твоем продвижении от Трезена к Афинам достигло нашего слуха, как только ты объявил в родном городке о намерении очистить от разбойников всю прибрежную дорогу. Сама госпожа Медея, царица Афин, не раз высказывала беспокойство, что кто-нибудь из разбойников сломит тебе шею и мы не будем иметь счастья лично лицезреть тебя.

— Ничего, — искренне отозвался юноша. — Конечно, нелегко пришлось, да и неудобно убивать людей, но я дал обет. Вы понимаете?

— Разумеется, — ответил придворный, — каждый из нас неоднократно дает в жизни обеты. Главная цель, таким образом, не выполнить их, чтобы сохранить и честь, и жизнь.

— Вы говорите изысканно, — признал юноша.

— Я и думаю изысканно, — ответил придворный, отступая в сторону и подбирая хитон так, чтобы он полностью замотал правую руку. Это было не очень удобно, но жест получился выверенным. — Я хотел бы представиться, — сказал он, — имя мое Гиас, и считается, что я погиб на охоте от укуса змеи. Но, как видите, я жив, немолод и никогда не хожу на охоту.

Кора мысленно отмахнулась от очередных родственных

отношений, но принадлежащий теперь к этому сообществу Густав-Тесей сразу спросил:

— Вы не родственник гиад, о которых мне приходилось слышать?

— Гиады — нимфы дождя, дочери Атланта, — ответил низкий женский голос, — они так горевали после гибели их брата Гиаса, что все умерли, обливаясь слезами. Пожалев их, великий Зевс взял их на небо и составил из них созвездие Тельца, появление которого на небе связано с началом дождей.

Голос принадлежал незаметно подошедшей Медее, которая и объяснила родственно-божественные связи.

— Парадокс в том, — всхлипнул придворный, — что я не умер, Асклепий вылечил меня от укуса змеи, но весть об этом опоздала, и сестры уже погибли. Грустно.

— Только не плачь, умоляю, — попросила Медея. — Не хватало мне в Афинах еще одного плакальщика. И так с утра до вечера слезы.

— Почему, владычица? — спросил Тесей, глядя на Медею влюбленными глазами глупого теленка. И Кора отлично знала, почему это происходит, — Медея обладала обликом Клариссы. Однако это была Кларисса, обогащенная грузинской яркостью Медеи. Не той Медеи, что скорбела над Ясоном, а иной, живой и настороженной.

Важно было понять, находится ли Кларисса в ВР-круизе или она здесь так же нелегально, как и Кора. А в таком случае она должна Кору узнать...

— Мы с вами где-то уже встречались, госпожа Медея? — спросила Кора. Та поглядела на нее равнодушно и ответила:

— Не то в Коринфе, не то в Мегаре — вы ведь приходитесь родственницей кентавру Хирону?

Если она притворяется, то она неплохая актриса.

— А я вас видела вчера на берегу, у тела...

— Помолчите, девушка! — раздраженно прервала ее царица.

— Простите, я не права.

Медея добавила:

— Право же, нам незачем стоять посреди двора, где любой раб может нас лицезреть. Прошу вас пройти в малый зал для приемов, где мы продолжим беседу, пока мой благородный супруг еще почивает.

Гиас, лишившийся безутешных сестер, проследовал за

гостями и царицей в гостиную, где посреди небольшого, окруженного порфировыми колоннами зала находился неглубокий овальный бассейн, в котором плавали листья кувшинок и мелькали серебряные спинки карпов. Прислужницы поправили подушки на деревянных с плетеными рамами ложах и принесли тазы и кувшины для омовения ног и рук путников.

— Да, — сказала Медея, ни на секунду не спуская глаз со служанок и следя за тем, чтобы они вели себя достойно и вовремя исполняли все положенные ритуалом действия. — Я та самая несчастная женщина, которая ради охватившей любви предала интересы моей небольшой, но свободолюбивой страны Колхиды и дала возможность выкрасть золотое руно из Грузии, куда оно со временем, я верю в это, обязательно вернется как часть нашего культурного наследия.

— А правда ли... — начала Кора, но закончить вопрос она не успела, потому что Медея его угадала.

— Нет! — резко ответила она. — Неправда все, что касается моего брата, которого я любила и с которым росла и резвилась на пляжах возле Батуми. Нет, если вы хотите задать мне вопрос о дочерях этого мерзавца Пелия. Если они что и сделали, то сами виноваты. Еще вопросы есть?

— О, не волнуйтесь, благородная госпожа! — сказал Тесей и робко протянул в ее сторону дрогнувшую руку атлета и богатыря.

И Кора не без ехидства подумала: «А ведь ты, голубчик, все эти мышцы себе выдумал. Когда мы тебя снова увидим в университетских коридорах, этих мышц и в помине не будет». Но кто, кроме Коры, знал о том, что происходит на самом деле? Присутствующие играли в свою игру. Они существовали в том мире, который для Коры был ареной Игры... И она была бы в этом уверена, если бы не смерть великого Ясона, при которой она так недавно присутствовала.

— Давайте поговорим о более приятных вещах, — сказала Медея, сладко улыбаясь.

Служанка, принесшая таз с теплой водой для омовения ног, подставила его Тесею, ловко развязала завязки сандалий и сняла их.

Краем сознания Кора понимала, что эти сандалии сейчас важны для дальнейшего. Но все внимание было обращено к Медее.

Служанка унесла сандалии Тесея, но Кора никак не могла вспомнить, почему этого нельзя было делать.

Медея проследила за ее взглядом и сделала незаметный знак другой служанке. Та склонилась к Тесею и отстегнула пояс с мечом. Меч звякнул о пол.

— Сейчас ты отдохнешь, Тесей, — сказала Медея, — сейчас тебе будет покойно. Дорога была трудной.

— Это правда, что погиб Ясон? — спросил Тесей, как бы просыпаясь. — Сам Ясон? Этого не может быть.

— Не жалей его, — сказала Медея. — Он причинил людям много зла и погубил мою молодость.

— А я знаю тебя, — сказал Тесей, покорно позволяя девушке снять с него пояс с мечом. — Я помню тебя. Скажи, где мы встречались с тобой?

— Наши встречи еще впереди, мой герой, — сказала Медея.

— Стой! — Кора вдруг пришла в себя. — Меч! Тесей, они уносят твой меч! Как он узнает тебя?

— Кто узнает? — тихо и зловеще спросила Медея.

— Где мой меч? — Тесей сразу вскочил. Девушка побежала по коридору. Тесей кинулся за ней. Кора не двигалась с места. Она смотрела на Медею, готовая в любой момент остановить ее или предупредить ее действия. Медея словно чувствовала угрозу, исходившую от Коры, и была неподвижна.

Через минуту вернулся Тесей. В руке он держал пояс с мечом, девушка, пытавшаяся унести его, брела сзади.

— Зачем ты это сделала? — спросила у нее Медея, словно меч утащили у нее, а не у гостя.

— О госпожа! — воскликнула рабыня. Она была искренне напугана и протягивала вперед тонкую девичью руку с глубокой ссадиной на ней. — Я хотела вытереть ножны от пыли, я хотела начистить меч, как положено молодому герою. Я хотела сделать как лучше.

— Ты будешь наказана, — приказала Медея, — ты будешь сослана в серебряные рудники Фракии и будешь там девкой для услады рудокопов.

— О, только не это, госпожа, я всегда верно служила тебе!

— Послужишь верно и простым людям!

Откуда-то вышли два воина. Девушка пыталась что-то сказать, но один из воинов заткнул ей рот, второй потащил из комнаты.

— Медея! — воскликнул Тесей, прижимая пальцем к переносице несуществующие очки. — Только не это! Девушка не виновата. Пожалуйста, сделай это для меня.

— Я сделаю это, но ты будешь моим должником, — сказала Медея, — и уберешь с моих глаз женщину, из-за которой и случилось это досадное происшествие! — Медея указала пальцем на Кору.

— Но мы почти незнакомы, — сказал юноша. — Мы только недавно встретились.

— Ты не родственник ей?

— Нет.

— Ты видел ее раньше?

— Никогда.

— Почему же она пришла ко мне во дворец?

— Я пришла, как каждый путник, который устал с дороги, — сказала Кора, выпрямляясь во весь свой великолепный рост. И Медея сразу стушевалась перед ней, хоть и была дьявольски хороша собой.

— Как твое имя, гостья? — спросила Медея. Разыгрывался спектакль. Медея уже сталкивалась с Корой, Кларисса — тем более.

— Меня называют Корой, — сказала Кора, стараясь придать голосу силу и значимость.

Шорох голосов, испуганный шепот прокатились по залу. Имя богини пугало. Кора здесь уже сталкивалась с этим феноменом: возможно, имя Кора принадлежало здесь разным женщинам, но сознание выбирало лишь самый опасный вариант — имя Коры-Персефоны, владычицы царства мертвых. А впрочем, может, Кора и ошибалась — вряд ли греческая мать, выбирая имя для ребенка, склонна была избрать одно из имен смерти...

— Сегодня во дворце пир, — сказала Медея так, словно и не было только что столкновения с Корой. — Надеюсь, что наши гости сочтут возможным принять в нем участие. Меня же ждут дела.

Медея повернулась, чтобы выйти из зала, но тут вбежал мальчик лет семи, черноголовый, кудрявый.

— Мама! — закричал он. — Там привели белого барана! Настоящего белого барана! Его тоже зарежут на ужин?

Медея подхватила мальчика на руки, закрывая всем телом от Коры.

«Неужели она меня тоже опасается? Она, величайшая из волшебниц древности?»

— Это мой сын, — сказала она, обращаясь к Тесею. — Его зовут Мед. Отец его Эгей!

— Очень приятно, — сказал Тесей, еще не осознавая смысла слов хозяйки дома и стараясь при этом как-то пристроить на ногах новые, не очень удобные сандалии.

— Это единственный законный сын Эгея. Он взял меня в жены, когда я поклялась ему, что рожу сына — Меда. Я выполнила свою клятву. Перед вами наследник престола в Афинах.

И она быстро вышла из зала, неся мальчика на руках. Мед что-то говорил ей, он был веселым балованным ребенком, и на прощание он помахал Тесею ручкой.

Тесей поднял руку в ответном жесте.

— Я не знал о том, что у Эгея есть еще сын, — сказал он. — А у меня младший братишка.

— Я тоже не знала, — сказала Кора. — Ты намерен отказаться от разговора с отцом?

— Нет.

— Ты не заметил, что сандалий у тебя уже нет? — сказала Кора.

— И что же? Ведь остался меч. — Тесей был рассеян, будто никак не мог сосредоточиться на том, зачем он здесь оказался.

— Тесей, — позвала его Кора. — Что с тобой? Опомнись! Ты зачем пришел в Афины? Ты зачем совершал подвиги на пути сюда?

— Чтобы быть достойным своего отца, — твердо заявил Тесей, словно проснувшись.

— Но для этого надо, чтобы отец тебя узнал. А Медея постарается этого не допустить.

— Но она такая красивая...

— Тесей, перестань лепетать глупости! — оборвала его Кора. — Ты о ком сейчас говоришь?

— Я? — Тесей замер, словно ему с размаху заткнули рот.

— Ты говоришь так о своей мачехе, знаменитой на весь мир убийце, бывшей жене путешественника Ясона, грузинской царевне Медее. И нет преступления, которое она еще не совершила. Впрочем, есть...

Тесей тупо посмотрел на Кору.

Ну зачем таким мальчикам позволяют шляться по Древней Греции, где смерть караулит их на каждом шагу?

— Какое? — спросил Тесей.

— Она еще не убила тебя, Тесей!

— Но зачем ей убивать меня?

— Потому что ты пришел сюда, чтобы доказать, что ты — старший сын царя Эгея, так?

— Так. Но кому от этого плохо? Я буду любить и брата, и мачеху.

У Коры на языке вертелся ответ: «Нет, это Кларисса, и потому она вдесятеро опаснее для тебя, чем какая-нибудь древняя волшебница. Медея тебя только убьет — вонзит в тебя кинжал или отравит цикутой, — и уже через два часа ты будешь лежать в реанимации московского центра «ВР-медицина». Кларисса уничтожит тебя так, что потом не оживить. А значит, она уничтожит твой мозг, мой мальчик. На твое счастье, она здесь находится в теле Медеи и с возможностями Медеи. Но если мне приведется живой вырваться отсюда, то я приму все меры, чтобы выяснить, как получается, что в ВР-круизе оказываются убийцы с другой планеты».

— Что такое ВР-круиз? — спросил Тесей. Оказалось, что Кора произнесла последнюю фразу вслух.

— Не обращай внимания. Я хотела тебе сказать, что Медея всегда честно выполняла все, что обещала. Она обещала Ясону золотое руно, и она его добыла, даже обманув и предав своего отца, она обещала спасти Ясона от погони, и спасла. Она приехала к Эгею и в обмен за кров и защиту обещала, что будет верна ему и родит наследника. И она была верна ему и родила наследника. Так что она — достойный противник.

— А мне она не противник, — упрямился Тесей, — она красивая и добрая.

В этот момент в комнату вошел воин, на этот раз одетый вполне прилично, словно из учебника истории. Кора невольно бросила взгляд ему под ноги в поисках сопроводительной подписи вроде «тяжеловооруженный гоплит VI в. до н.э. Афины».

Надписи не было, но говорить эта картинка умела.

— Великий господин царь Афин Эгей приглашает своих высоких гостей для знакомства.

— Это аудиенция? — спросила Кора. Вместо ответа воин указал на меч Тесея и велел снять его.

— Я не могу, — ответил Тесей. — Я всегда с ним хожу.

— А у нас к царю ходить с мечами не принято, — вежливо ответил воин. — Ты, может, человек воспитанный, а другой придет, решит, что он герой, — и сразу нашему царю срубит голову с плеч. Теперь после этого Геракла столько развелось героев, что без друзей лучше вечером на улицу не выходи.

Тесей был возмущен, но сдержался и отстегнул пояс с мечом.

Ну и дела, подумала Кора. Сандалии у нас новые, выданные Медеей из дворцовых запасов, меч у нас отобрали, как же теперь узнать младенца?

Кора сама позаботилась о том, чтобы спрятать меч в один из сундуков, стоявших в комнате вдоль стен.

Воин с картинки провел их темным коридором, затем шесть крутых ступенек вверх, еще коридорчик, где сидел на корточках гоплит, упершись копьем в потолок. Наконец за пурпурным, но потертым занавесом обнаружилась комната, которую Кора условно назвала для себя кабинетом властителя.

Там находился первый письменный стол, увиденный Корой в античной древности, хотя надо признаться, что с интеллигенцией, не считая одного полуконя, ей встречаться не приходилось. Стол был мраморным, на толстых дубовых ножках и использовался по назначению — на нем лежало несколько свитков, намотанных на деревянные палки, просто листки бумаги, таблички, впрочем, Коре некогда было рассматривать, насколько образован ее хозяин.

Сам царь Эгей вошел сразу следом за гостями, откинув кусок ткани, прикрывавшей вход во внутреннее помещение.

— Я рад видеть вас, — произнес он, идя навстречу гостям. — Я всегда рад, когда благородные герои посещают наш город.

Кора могла разглядеть его. На вид царю Эгею было лет пятьдесят, но, как она обратила внимание, в Древней Греции люди старели раньше — видно, ничего не знали о диете и экстрасенсах.

Пегая борода царя была тщательно завита, длинный гиматий выглажен, каждая складочка как бритва, да еще вышит золотом понизу. Под гиматием был золотистый длинный хитон, расшитый сложным восточным узором. Кора отметила

про себя, что царь ухожен, вымыт, надушен, и, вернее всего, в этом чувствуется заботливая женская рука. При всей своей антипатии к Медее она должна была признать, что свои супружеские обязанности по отношению к очередному мужу она выполняет.

Тесей вежливо поклонился отцу. Отцовских и сыновних чувств, так обильно расписанных в мифологической литературе, они друг к другу пока не испытывали. Пожалуй, Тесей скорее ощущал неловкость, как человек, желающий потребовать то, что ему вовсе не принадлежит, а царь Эгей был в привычной для себя роли государя на малой аудиенции, когда надо по возможности разузнать, чего хотят от тебя потенциальные просители. Беда любого царя заключается в том, что, встретив человека, он вынужден подозревать в нем просителя. А это утомляет и ведет к разочарованию в людях.

— Я шел из Трезена, — сообщил Тесей, — по дороге, которая ведет вдоль берега моря. И по пути уничтожал тех разбойников, которые за последние годы заняли всю эту дорогу и совершенно сорвали местную торговлю.

— Постой, постой! — воскликнул царь. — Ты не тот ли Тесей, внук Питфея, о котором говорят, что он сын Посейдона? Не ты ли решил совершать подвиги подобно твоему двоюродному дяде Гераклу?

— Простите, родному дяде Гераклу! — с достоинством поправил царя юный герой.

Царь Эгей улыбнулся. Молодой человек пришелся ему по душе.

— И ты один пошел по берегу?

— Совсем один.

— И как видел разбойников, нападал на них, забыв, что все они дети хороших семей, с большими родственными связями, и именно из-за этого ни жители Коринфа, ни жители Мегары, ни даже мы, афиняне, не осмеливались их тронуть? Или тень Посейдона все время охраняла тебя?

— Нет, царь, — отвечал Тесей с достоинством, которое редко можно встретить у простого студента университета, — я никогда не причиняю людям боль ради боли. Я делал с этими разбойниками только то, что они делали с другими людьми.

— Что? — Эгей был поражен. Видно, слух о подвигах Тесея еще не добрался до Афин. — Это значит, что ты сбросил со скалы Скирона?

— И еще отрезал ноги Прокрусту, — сообщил молодой человек, — а главное, раскроил дубиной череп Перифету!

«Ах, какой ты еще молодой и наивный!» — подумала Кора.

Как бы в ответ на слова Тесея, занавесы и занавески, которыми были украшены стены зала, закачались, и оттуда донеслись голоса и суета.

— А ну, пошли отсюда! — закричал Эгей и затопал ногами. — В собственном кабинете покоя нет!

— Кто это? — спросил Тесей, хватаясь за пояс, на котором не было меча.

— Это мои племянники, — пояснил Эгей. — Паллантиды, сыновья моего неразумного, тщеславного и жадного брата Палланта, который все ждет не дождется, пока я помру, чтобы захватить власть.

— Но у вас же есть наследники, — осторожно заметила Кора.

— Мед — замечательный мальчишка, — признал царь, — но он еще мал. Я надеюсь, что Медея достаточно умна и осторожна, чтобы оградить мальчика от кровавых лап Паллантидов. Пока что она их запугала, пригрозив страшными волшебными бедами всему роду, если что-нибудь случится с Медом. Так что они предпочитают охранять его и беречь... до поры до времени.

И царь сокрушенно вздохнул.

— А другие наследники? Мне приходилось слышать, что у вас был сын в Трезене?

— Я надеялся на это, — искренне ответил царь Эгей. — Но, наверное, ничего из нашей случайной связи не вышло. А то бы я давно уж об этом узнал.

«Вот сейчас бы показать ему меч и сандалии! — подумала Кора. — Но сандалии наверняка сожжены Медеей, а меч слишком далеко, чтобы бежать за ним. Ну ладно, еще не все потеряно».

— Господин царь, — произнес между тем отважный юноша. — Если вам нужна помощь, то моя железная палица уступает лишь палице самого Геракла. Если надо кого сокрушить, уничтожить, в пыль стереть — я к вашим услугам.

Царь с благодарностью положил руку на плечо Тесею и произнес роковые для своего старшего сына слова:

— Хотел бы я иметь такого сына, как ты, Тесей.

Снова шевельнулась шелковая занавеска за спиной царя,

и на этот раз Кора явственно увидела черную прядь, блеск бриллиантовой диадемы и услышала легкую поступь грузинской царицы. Судьба Тесея была решена. И спасти его могла только Кора Орват.

* * *

Аудиенция у царя была закончена. Он пригласил их вечером на праздничный ужин в честь двадцатой годовщины со дня восьмилетия его посещения источника Семи нимф.

Кора посмела поинтересоваться, почему такое незначительное на вид событие послужило причиной для пира во дворце, на что царь ответил, что пиры во дворце бывают каждый вечер и, к сожалению, знаменательных дат и событий для причин не хватает.

После этого Эгей вызвал слуг, чтобы они проводили гостей отдыхать.

— Осторожнее, — попросила Кора Тесея, прощаясь с ним до вечера. — Особенно бойся опасности сверху. Здесь враги постараются расколотить тебе голову.

— Я буду смотреть в небо, чтобы на меня не упала черепаха, — засмеялся Тесей и направился направо, на мужскую половину дома. Коре туда вход был возбранен, так что пришлось идти налево, на женскую половину, где служанка провела ее в небольшую комнату без окна, только с дверью, затянутой полосатой занавеской.

Коре было приготовлено ложе, девица в коротком хитоне и обнаженной грудью предложила помочь раздеться и себя в качестве грелки, но Кора отказалась, спросив только, когда же будет обед. Обед, как сообщила служанка, только сейчас готовится, так что у гостьи есть время отдохнуть. И ушла.

Кора вытянулась на низком ложе, устланном козлиными и бараньими шкурами. Хоть это был царский дворец, шкуры были выделаны кое-как, и от них несло козлятиной. Занавеска не отделяла комнату от деловитых звуков дворца. Надо было бы попроситься на экскурсию, подумала Кора. А то она даже не представляет устройства дворца, и если придется отсюда срочно убегать, то неизвестно, насколько это удастся. Где-то она читала, что в Древней Греции дворцы строились как лабиринты, отсюда и пошло название дворца на Крите, где жил Минотавр. Ну что ж, если сегодня у нас все обойдет-

ся благополучно и нам удастся сохранить жизнь принца Густава, то вскоре мы окажемся именно на Крите, чтобы драться с Минотавром, — до таких пределов знания Коры по древней истории вполне распространялись.

Как жаль, что этот перестраховщик Милодар не разрешил взять с собой никаких приборов и приспособлений, которые так нужны агенту ИнтерГпола! Ей достаточно было бы надеть один рабочий пояс со взрывчаткой, отмычками, оптикой и средствами подслушивания. Тем более что раз ее здесь подозревают в принадлежности к классу богинь, то никого не удивили бы ее сверхъестественные способности. А то как будешь голыми руками работать телохранительницей древнего героя по имени Тесей? Курам на смех!

И все же Кора поднялась и осторожно обошла помещение. Комната была невелика, стены, сложенные из аккуратно обтесанных блоков песчаника, оштукатурены, а на них довольно грубо нарисованы полоски орнамента, и повыше, под потолком изображены птицы и бабочки, как их учат рисовать в старшей группе детского сада. Великим греческим искусством в этой части дворца пока и не пахло.

Знает ли Медея, что не любая смерть убьет ее врага? Настоящей Медее это все равно, главное — сохранить престол для Меда. Клариссе важно убить Тесея безвозвратно и окончательно...

Кора поднялась с ложа и, осторожно приоткрыв занавеску, высунулась наружу. Коридор был пуст. Кора двинулась в ту сторону дворца, откуда доносились звон посуды, голоса, шум и бульканье варева. Вскоре она попала в один из внутренних двориков, где стояли распряженные повозки и в ряд у коновязи жевали сено добродушные ослики и мулы. Под повозкой на куче сена мирно спала служанка, прикрывшаяся серой накидкой, которую Кора осторожно с нее сняла. Спящая не шевельнулась. Кора накинула трофей как платок, который опускался ниже пояса, — в полутемных переходах, комнатах и других служебных помещениях дворца она сразу стала незаметна, при условии, что она будет непрестанно двигаться. В атмосфере всеобщей суматохи и кажущегося беспорядка, напоминавшей муравейник, дворец управлялся стихийным разумом, когда каждое насекомое тащит свою палочку черт знает куда, и в результате добыча попадает в нуж-

ную ячейку, а все куколки и личинки оказываются вовремя накормленными.

Для вящей убедительности Кора прихватила где-то горшок, который поставила себе на бедро, и теперь ничем не отличалась от мириад прислужниц и рабынь, благо здесь не было заметно надсмотрщиков, которые давали бы указания, — видно, все дела были многократно отрепетированы.

Одаренная фотографической памятью, Кора через двадцать минут уже имела полное представление как о женской половине дворца, так и о его многочисленных хозяйственных помещениях. На мужскую половину попасть было труднее, но Кора вскоре освоила и ее. Для современного разведчика древний греческий дворец был детской игрушкой. В нем, к примеру, совсем не имелось дверей, кроме входных ворот. Дверные проемы закрывались занавесами или просто тряпками, так что не было проблем со взломом и подслушиванием. А так как коридоры днем и вовсе не освещались, а свет туда попадал только сквозь дверные проемы и занавески, то многочисленные служанки, которыми кишел дворец, казались тенями — такими, наверное, кажутся друг дружке муравьи в глубинах муравейника.

Коре предстояло отыскать нервный узел двора — покои Медеи.

Это оказалось не так-то легко, не потому, что покои были особо запрятаны. Просто они почти не отличались от покоев других родственниц царя, которых тоже оказалось немало.

Когда Кора уже решила, что ничего не отыщет и лучше возобновить поиски к вечеру, когда нападение на Тесея станет наиболее реальным, ей повезло.

Она шла по какому-то черному узкому коридору, смахивая с лица клочья паутины, стараясь не уронить ненароком что-нибудь из сломанной мебели, сваленной там, и не поднять лишнего шума, как услышала за перегородкой громкий разговор. Беседующие не таились и не понижали голосов — видно, они были убеждены в том, что их никто не может подслушать.

— Ты видел его? — послышался низкий глуховатый голос Медеи. — И какое он произвел на тебя впечатление?

— Милый юноша. Я хотел бы иметь такого сына...

Длинная пауза. Кора поняла, что Медея старается взять себя в руки. Потом снова ее голос:

— У тебя есть сын.

— Я стар. Боюсь, что не доживу до того момента, когда он сможет поднять мой меч. А если я оставлю царство мальчику, вас затравят мои родственники.

— Я волшебница и целительница, — ответила грузинка. — Ты будешь жить много лет, ты увидишь, как поднимут мечи твои правнуки. Ты у меня самый молодой и красивый...

— Ах, Медея, как мне трудно поверить в твою любовь! Я дал тебе приют, когда толпа хотела тебя растерзать. Ты дала мне сына. Но о любви разговора не шло.

— А я понемногу полюбила тебя, старый дурак!

— Ну ладно... ладно... мне же щекотно! Медея, прекрати! Вспомни, сколько мне лет!

— Зевсу куда больше...

— Зевс — бог.

— Ты — выше всех богов, ты — царь Афин. Народ беспрестанно славит твою мудрость...

— Медея!

— Эгей... О! Как ты могуч! Обними меня еще крепче!

Коре стало стыдно подслушивать далее, потому что если в восклицаниях и отдельных словах супругов можно было уловить смысл, то он не имел никакого отношения к сегодняшним событиям.

Но Кора не сразу отошла от опочивальни царя, потому что старалась сообразить, в какой стороне может находиться комната, выделенная Тесею. Ей пришла в голову неприятная мысль: пока они будут ужинать, Медее нетрудно подослать верных работников, которые подпилят балки над ложем Тесея, и ночью он погибнет именно так, как нужно Клариссе и клану Кларенса. Может быть, Медея за эти годы и в самом деле полюбила царя Эгея и хочет, чтобы он пожил подольше, пока Мед не сможет занять престол. Но опасность, грозящая Тесею, от этого не уменьшается.

Когда Кора сообразила, куда двигаться по этому лабиринту, сквозь звуки поцелуев и страстные вздохи прорезался вполне спокойный голос царицы.

— Эгей, я хотела спросить, — произнесла она, — а как тебе показались нынешние гости?

— Милейшие люди, — с придыханием ответил Эгей, — милейшие люди... О, как я счастлив!

— Осторожнее! Со мной такого еще никогда не было!

Я умираю от счастья! Все эти титулованные мальчишки и мизинца твоего не стоят! Кто научил тебя так обращаться с женщиной?

— Жизненный опыт, любимая!

— О, не бросай меня, не оставляй, иди ко мне, мой старый вепрь!

— Ты совсем другая сегодня! Я тебя не узнаю! Ты трепещешь, словно только что пойманная лань!

Но тут торжествующий счастливый крик Медеи озарил всю парадную часть дворца. Замерли повара и поварята у своих плит, замерли кухонные мужики и подавальщики, мойщики посуды и резчики мяса... И каждый подумал о том самом счастливом миге его собственной любви, который уже миновал или на который еще можно надеяться.

Кора печально вздохнула.

Любая нормальная женщина хочет быть счастлива, как Кларисса... черт побери, как Медея! А может, в этом и есть секрет бурной любовной сцены, которую Кора случайно подслушала...

Какое-то время было тихо. Лишь быстрое и нежное дыхание доносилось из царской опочивальни. Потом она услышала голос Медеи:

— Надеюсь, ты понял, возлюбленный, что они не те, за кого себя выдают?

Некоторое время Эгей тяжело дышал, приходил в себя после ласк Медеи, потом спросил:

— Почему ты так решила?

— Ну, с этой, так называемой Корой, все ясно! — сказала она твердо. — Никакая она не Кора и не Персефона, я отлично знаю в лицо всех богинь, и уж тем более таких выдающихся, как богиня подземного царства.

— Вот и я подумал, — отозвался Эгей. — Слишком она молода и красива для такой должности. Нет в ней ничего страшного. Милейшее, добрейшее создание.

— Ты, как всегда, прав, мой кролик. Но чувствую я, что наши дела никуда не годятся, если шпионы спокойно разгуливают по дворцу и вынюхивают, что где лежит.

— Я тебя не понял, крошка!

— А я не понимаю тебя. С твоим государственным опытом! С твоим политическим чутьем... и так попасться! Ты что, не догадался, что этот Тесей — искусственный человек?

— Как так искусственный?

— Тебе в женской вышивальне сидеть, а не на престоле! К тебе во дворец пробралась парочка политических террористов! Это вовсе не люди! — В голосе Медеи появились визгливые, кухонные интонации.

— А кто же?

— Ты Дедала помнишь?

— Еще бы не помнить, — ответил Эгей. — Великий мастер, но, по-моему, слабый человек.

— Я бы его не назвала слабым. Есть другие слова для этого поступка.

Кора замерла, чтобы не пропустить ни слова. Ведь она в детстве читала про Дедала и Икара. Она отлично помнила, что Дедал изобрел воздухоплавание, что он сделал себе и своему сыну Икару крылья и скрепил их воском, а потом велел Икару не подниматься близко к солнцу, а то воск растопится — и тогда молодой человек с небес упадет в море. Все прогрессивное человечество с тех пор любит образ Икара, как человека, устремившегося к солнцу, даже рискуя погибнуть! Конечно же, она об этом знала, но при чем здесь Тесей?

— Не великий мастер! — кричала Медея. — Это типичный случай сальеризма! Если ты подонок, значит, ты не великий мастер.

«Кларисса! — чуть не закричала Кора. — Что ты делаешь! Сальери еще нет! Этого понятия не существует...»

— Давай не будем спорить в такой момент, — взмолился Эгей. — С тобой, усладившей меня необычными ласками грузинских земель, я готов согласиться во всем. Давай не будем ссориться, и если ты полагаешь, что мы имеем дело со случаем сальеризма, то не мне с тобой спорить.

«Все, — поняла Кора, — я схожу с ума».

— Но тем не менее я должна открыть тебе глаза на этого юношу.

— Открывай, — лениво откликнулся Эгей. Коре показалось, что он намеревается задремать.

— Слышал ли ты когда-нибудь о том, что Дедал сделал для Миноса девять искусственных юношей из смолы редких пород деревьев, столь схожих с настоящими, что отличить их можно было лишь по их совершенству?

— Зачем? — удивился Эгей.

— Это идеальные шпионы, убийцы, лазутчики. Минос ненавидит тебя за смерть Андрогея.

— Я его не убивал. Он сам упал и умер.

— Я не спрашиваю, как он умер. Минос убежден в твоем злом умысле! Он отбирает у Афин дань — юношей и девушек. А теперь он подослал к тебе идеального шпиона, искусственного человека. Скажи, знаешь ли ты обыкновенного юношу, который мог за три дня истребить почти голыми руками всех великих и непобедимых бандитов и разбойников побережья Арголиды и Аттики?

— Нет, о таком я не слышал.

— А видел ли ты, с какой легкостью он носит железную палицу, которую мог бы поднять только Геракл?

— А вдруг он и на самом деле сын Посейдона?

— У Посейдона сыновья в каждой деревне, он сам не знает их числа. Сейчас я тебе сообщу, что я дочка Посейдона. А дальше что?

— С меня достаточно того, что ты внучка самого Гелиоса, — не без гордости возразил Эгей.

— Так что отбрось сомнения. Этот самый Тесей — шпион Миноса. Он уже обследовал все побережье Аттики, отыскивая самые удобные места для высадки десанта. Теперь же ты будешь эту куклу развлекать в своем дворце. Поздравляю! Хватит с меня уж того, что весь цивилизованный мир смеется над тем, как ты служишь этому грязному отвратительному Миносу.

— Я не служу ему... Это условия мирного договора! Они сильнее нас!

— Теперь ему мало этого! Он подослал к тебе лазутчика, чтобы забрать не дюжину лучших, а отобрать и убить или отдать в рабство всех афинских юношей и девушек.

Слышно было, как Медея опустила ноги на пол и возит ступнями по плиткам пола, разыскивая в темноте сандалии.

— Что же делать? — спросил Эгей.

— Ты должен показать себя настоящим мужчиной. Ты должен плюнуть в лицо этому мужлану. Ты должен наконец сказать «нет»!

— Но разве могут Афины сравниться по силе с Критом? Да он камня на камне от нас не оставит!

— Трус! Старикашка! — Это говорила не Медея, а Клариса. — Афины должны остаться в истории мира как величайший центр цивилизации. Твоим именем должны называть моря! А кто запомнит какого-то Миноса? Может, потому, что он вырастил в семье Минотавра, — ничего себе наклонности! Такого изощренного разврата я не встречала даже в солдатских анекдотах.

— Но это его боль, его беда...

— А почему мы должны за это расплачиваться? — не сдавалась Медея. — Почему очередная подлая выдумка Дедала должна стоить жизни нашим с тобой лучшим детям? Почему?

Эгей вздохнул и не ответил.

— Я собственными руками уничтожу этого робота! — заявила Медея.

— Кого?

— Деревянного шпиона, сделанного подлецом Дедалом.

— Моя любимая, так нельзя поступать. Тень падет на мой дом. Я не могу нарушить законов гостеприимства.

— Какие еще в Греции законы гостеприимства? — возмутилась Медея. — Ты что, цикуты объелся? Да здесь каждый мерзавец вроде Прокруста готов затащить тебя в дом, чтобы потом отрезать тебе ноги или голову. Мы не в Грузии, где еще поддерживаются обычаи. Опомнись. К тому же и речи не идет об убийстве. Уничтожь игрушку! Разломай изобретение Дедала. Я даже не прошу тебя убивать эту отвратительную дылду.

— Ты о Коре?

— О ком же еще? Конечно, об этой самозванке.

— Боги порой принимают чужой облик.

— Меня не проведешь дешевым трюком. И хватит об этом. Ты лучше поспи, в твоем возрасте после общения с молодой женщиной надо поспать, отдохнуть.

— Ты его хочешь отравить? — спросил Эгей вполне трезвым и мирным тоном. Чем сразу восстановил Кору против себя. Только сейчас она полагала, что царь поддается наглому нажиму царицы, которая бьется за своего сына-наследника. Но теперь ее охватили сомнения. Так ли уж невинен и нейтрален Эгей? Может, ему удобно, чтобы роковые решения принимала женщина, репутацию которой уже ничем не ухудшишь?

— Я его хочу растворить, — ответила Медея. И Кора сразу насторожилась. — Отравить можно простого человека, — продолжала Медея, — есть для этого много ядов, и я, как вол-

шебница, все их знаю. Но как ты отравишь деревянного шпиона? Цикутой? Смешно.

— И что ты придумала, любимая? — снова звук поцелуя. Этот сладострастный старик уже смирился с решением Медеи, и теперь его интересовали только детали.

— У меня есть яд, добытый из слюны подыхавшего Цербера, — сказала Медея. — Тебе не надо знать его состава. Он растворяет те смолы, из которых Дедал изготовил свою игрушку.

Здорово придумано, подумала Кора, прислонившись спиной к стене коридора, потому что мимо проскользнул кто-то из слуг, таща за ногу ягненка. Деревянный шпион. Жалеть мы его не будем. Растворяются смолы... Как она все продумала! Но свою ли ты волю исполняешь или ты сама игрушка в руках Кларенса... А может, тети Рагозы?

Вдруг Кору посетила успокоительная мысль: теперь можно спокойно отправиться в свои покои и поспать до вечера. Вряд ли Кларисса-Медея совершит свое покушение до ужина.

Но оказалось, что отыскать собственную спальню нелегко.

Только минут через пять Кора попала в большую кухню, там сбросила серый платок и уже в образе гостьи дома спросила у поваров, где ей положено отдыхать. Повара об этом не знали, они были заняты, они спешили. Позвали охрану, охрана тоже не знала. Медея, как выяснилось, заперлась в своем тайном волшебном подвале, в который никто не смел входить, царь Эгей спал без задних ног. Так что Коре пришлось устроиться на первом попавшемся ложе в гостевых покоях. Все было бы хорошо, если бы через полчаса не появился какой-то чиновник из Фив, приглашенный на обед и полагавший, что это его комната, а раз Кора спит на его ложе, то он имеет право пользоваться ею наравне с подголовником и покрывалом. Кора спросонья провела совсем неизвестный здесь прием борьбы фу-ку-шу, и, пока визжащего от боли советника не унесли на перевязку, она не могла уснуть.

* * *

Даже если бы Кора не успела выспаться, ее бы все равно разбудили. Во дворце, во всех его залах и переходах, загремели медные бубны и гонги, завизжали неблагозвучные флей-

ты, забухали обтянутые бычьей кожей барабаны. Торжественный обед в память всеми забытого события начался.

Кора вскочила — вид дикий. Хорошо еще она в своих странствиях обзавелась гребнем, который подвешивала к поясу вместе с зеркалом и самодельной зубной щеткой, объясняя любопытным, что это обыкновенное средство для размазывания пудры.

Кора причесалась, взбила волосы, поправила смятый хитон и натянула жемчужную сетку на голову. Зеркальце, привязанное за ручку к поясу, сообщило ей, что она здесь всех прекраснее и белее. Пожалуй, кроме Медеи?

В коридорах были беготня и мелькание теней, но уже не деловое, а связанное с приближением праздника.

Музыканты прошли, толкаясь и громко разговаривая, будто уже оглохли от собственной музыки, какие-то люди тащили длинные гирлянды, сплетенные из виноградных листьев. Торжественно проследовали виночерпии...

Зал, в котором происходило пиршество, был обширен, но невысок — черные, кое-где прогнувшиеся от старости балки нависали буквально над головой. Толстая пузатая колонна с вырезанными в ней крокелюрами, будто она была каменной, поддерживала потолок в центре. А по сторонам, нестройно и многочисленно, словно молодая поросль, тянулись колонны потоньше, некоторые из них резные, другие гладкие, отшлифованные поколениями ладоней, как раз между этими колоннами и размещались деревянные с подлокотниками кресла для гостей поважнее, и дальше, вдоль боковых стен, стояли складные табуретки, какие любят брать с собой на этюды художники-пейзажисты. Стола, как единого понятия, не существовало. Столов, вернее, столиков было множество. Для почетных гостей и хозяев дома столики были индивидуальные, круглые, каждому по штуке, а к столикам у стен было приставлено по три-четыре табуретки. Справа от двери располагался оркестр, пока что он расставлял и настраивал инструменты и с наглостью, свойственной оркестрам всех времен и народов, производил звуки неприятного свойства. Слева, копошась в сундуках и коробках, готовились к танцам девицы из придворного ансамбля, которых, как, впрочем, и окружающих, вовсе не смущала их нагота.

Гости, ожидая сигнала сесть за стол, толпились в центре зала, благо места всем хватало. Кора сразу отыскала глазами

Тесея и направилась к нему. Он был рад ей. Между ними, к счастью, установилось доверие, столь необходимое между охранником и его подопечным, даже если подопечный не подозревает, что его охраняют.

— Здравствуй, госпожа, — сказал Тесей.

Господи, ты же еще совсем мальчик, подумала Кора, у тебя даже борода толком не растет, и, когда ты сдвигаешь в гневе брови, далеко не всегда получается сурово — скорее в таком движении проскальзывает растерянность перед необходимостью делать больно или неприятно другому человеку... Впрочем, чувство долга и ответственности у юноши развито достаточно сильно. Ведь нельзя забывать, что, дав себе слово повторить подвиги Тесея, студент Московского университета, вряд ли знакомый со смертью иначе как на телевизионном экране, смело отправился в бой.

— Ты выспался? — спросила Кора.

Ей было приятно прикосновение его большой сильной руки. Черт с ним, что это следствие ВР-образа. В ней течет самая обыкновенная красная кровь, и она тепла, как положено обыкновенной руке.

— Я выспался, отдохнул и готов к встрече с отцом.

— Ты понимаешь, что не все испытывают счастье от этого?

— Разумеется. — Тесей улыбнулся улыбкой студента и поправил кончиком указательного пальца несуществующие очки на переносице.

— Ты помнишь, что сандалий у тебя уже нет?

Студент понизил голос:

— Я думаю, что отец их бы и не узнал. Они совсем сносились.

— А меч?

— Меч он узнает.

— Надеюсь, на этот раз ты не сдал его у входа?

Тесей лишь усмехнулся, и Кора не стала задавать глупых женских вопросов. К счастью, греческие парадные одежды, ниспадающие пышными складками до пола, как нельзя лучше приспособлены для того, чтобы под ними носить мечи, топоры и, может, даже катапульты. Говорят, что перед смертью Цезарь успел горько пожалеть о том, что не приказал носить сенаторам короткие юбки в обтяжку.

— Эй, там, в оркестре, пора! — крикнул толстяк в засаленной тоге, видно, распорядитель.

Тогда вперед выступил офицер в полном боевом облачении, но без шлема и взмахнул руками, как регулировщик, останавливающий уличное движение.

Из оркестра поднялся негр с медными тарелками и с удовольствием ударил ими. Звонкий гул заполнил зал.

И тут все заспешили, прерывая на полуслове разговоры, потому что, как оказалось, подавляющее большинство гостей относилось к разряду обыкновенных, которым следовало занять наиболее удобные табуретки по бокам зала, а то могло и табуретки не достаться, тогда придется простоять весь пир за спиной более удачливого соседа, перехватывая кусочки с его столика.

Раньше Кора была уверена, что греки на пирах возлежат и вкушают. Ничего подобного — по крайней мере, здесь, в Афинах, они сидели как обычные люди, собравшиеся в кафе на празднование дня рождения дедушки. Перед каждым — столик, перед компанией — столик на троих. Официанты, одетые в набедренные повязки, несмотря на прохладный вечер, сновали между столами, принося и унося чашки, подносы, кубки, добавляя вино по вкусу, отсекая куски мяса и кидая их на глиняные тарелки.

Кора не спешила занять свое место, ее больше встревожил настороженный взгляд Клариссы, которая стояла между двумя колоннами в полутьме и внимательно оглядывала Тесея.

— Тесей, — позвала Кора. — Твой меч под хитоном?

— Как же иначе я смогу показать его отцу? Но мне никак не удается остаться с ним с глазу на глаз. Медея обещала устроить нам встречу сразу после обеда. Тогда я покажу ему меч.

При имени Медеи голос героя дрогнул и очи его несколько увлажнились. В сердце Коры шевельнулось дурное предчувствие: на чары Клариссы наложились чары Медеи, и скорее всего лишь тот факт, что Медея приходилась ему хоть и молодой, но мачехой, останавливал Тесея от каких-либо поползновений.

Медея подозвала к себе двух воинов весьма решительного и мрачного вида. Она что-то шептала им, воины склонили к ней шлемы, украшенные гребнями.

— Послушай меня, Тесей. И не сердись. Ты можешь мне верить, можешь посмеяться надо мной. Но я могу поклясться именем Громовержца, что через минуту к тебе подойдут вон

те два воина. Они тебя обыщут и отнимут у тебя меч, под предлогом того, что с оружием вход на пир не рекомендован.

— Но ведь многие здесь с оружием, Кора! Погляди вокруг!

— У тебя осталось полминуты, чтобы незаметно передать меч мне.

— Я пожалуюсь Медее...

— Это она приказала отнять у тебя меч.

К счастью, они были отделены в тот момент от воинов толпой слабосильных мелких рабов, которые волокли прожаренную тушу быка.

— Решайся, иначе будет поздно!

Тесей решился — он сделал шаг и стал вплотную к Коре. Она перехватила короткий меч за рукоятку, изображающую двух переплетенных змей — знак знатного рода Эрехтеидов, к которому принадлежал Эгей, — и, резко отвернувшись, спрятала его в многочисленных складках праздничного терракотового хитона.

Отходя в сторону, чтобы не быть в поле зрения стражи, Кора видела, как воины ловко подхватили Тесея под локти.

— Что вы делаете? — громко спросил он, несколько стесняясь попасть в центр скандала, — неловко же прийти в знатный дом и драться там с солдатами. В отличие от Геракла Тесей умел владеть собой, хотя бы как студент Московского университета.

Воины незаметно для окружающих гостей, которые, правда, были заняты тем, что старались поудобнее рассесться на пиршественных сиденьях, обыскали Тесея, вытащили и расстегнули ремень и выхватили пустые ножны.

— А ножик? — прошипел один из них.

— Меч где?

— Какой меч? — в лучших традициях восточной сказки ответил наивный царевич.

Воины убедились в том, что Тесей их не обманывает, окинули подозрительными взглядами тех, кто находился по соседству, но в таком движении трудно было отыскать подозреваемого. И потому с пустыми ножнами и ремнем они поспешили к Медее, а Кора, понимая, что, в отличие от воинов, Медея может зачислить ее в число подозреваемых, спряталась за колонну. Очередной раунд был выигран, но до победы на этом пиру было еще далеко...

Служитель подошел к Коре и провел ее к почетному крес-

лу справа от царя Эгея. Все же рост, осанка и независимость поведения, несмотря на уверения Медеи в обратном, заставили царя не рисковать — он оставил Кору в числе почетных гостей.

Во главе стола восседал царь Эгей, длинные завитые белые кудри и курчавая борода придавали ему несколько опереточный вид, он производил впечатление слишком ухоженного и напомаженного старого мужа молодой красивой жены, которая тщится доказать прочим его наследникам, что она-то позаботится о нем лучше прочих.

Медея сидела справа от него. Она беспокоилась, вертелась, покрикивала на слуг, особенно внимательна была к виночерпиям — очевидно, это пиршество стало одним из решающих моментов в ее бурной биографии.

Затем сидел Тесей, безоружный, лишенный сандалий, да еще оклеветанный. Правда, к счастью, юноша не знал, что он — робот-шпион Дедала и Миноса, иначе бы очень расстроился.

Между ним и Корой уместилась нимфа Левкотея, существо голубоглазое, нежное, полногрудое и страстное, она все норовила тронуть Тесея коленкой, но Кора успела предупредить юношу, что Левкотея страстно влюблена в Аполлона, который почитает ее в своем девичьем резерве и при первом возможном случае намерен ее обесчестить. А так как у Аполлона мстительный и мелочный характер, то Тесею Левкотею лучше за коленки не хватать. Впрочем, Тесей и не думал о коленках. Кора видела это по уже привычному жесту — когда принц Густав волновался, он начинал поправлять на переносице дужку несуществующих очков.

Далее располагались родственники и афинская знать, некие богатые фиванские оптовики и знаменитый родосский мореплаватель, чье имя никто не знал, но который выступал со смелой гипотезой, что Земля подобна чаше и именно поэтому океаны не выливаются с ее поверхности, как то случилось с несчастной Луной. А дальше, занимая все табуретки и все столы числом не менее пятидесяти, сидели совершенно одинаковые, словно клонированные молодые люди в полном боевом вооружении, наглого вида и грубые в манерах. Центром этого странного сборища был пожилой мужчина, во всем подобный самому Эгею, но не носивший пурпурных царских одежд и царского золотого обруча на голове, не за-

витой и не причесанный, а как бы нарочно грязный и всклокоченный.

От этого сборища исходил козлиный дух, грохот мечей и доспехов, наглые слова, но тем не менее никто их не боялся и не обращал на них внимания, как не обращают внимания в доме на вечно лающую собаку. Кора сама догадалась, что впервые в жизни видит Палланта и его пятьдесят сыновей от различных женщин, нимф, наяд и океанид, которых он наплодил, рассчитывая в свое время занять афинский трон и снабдить каждого из сыновей выгодным местечком. Но этого не случилось — в свое время трон у него отобрал Эгей. Дело это давнее, темное, и своих прав на престол наглый Паллант и пятьдесят Паллантидов доказать никому не смогли, народ их не любил, и Палланту теперь оставалось лишь ждать, когда Эгей умрет или погибнет, чтобы захватить власть в Афинах. Можно представить, как все Паллантиды ненавидели своего дядю, но невозможно даже хоть на йоту вообразить их ненависть к Медее, которой приходилось скрывать от них своего сынишку Меда в высокой башне без входа и самой ночами кружить над башней в облике орлицы с зелеными перьями и когтями, оберегая башню от подкопов или штурма. Сколько раз Паллантиды устраивали на нее покушения! Так что Медея в Афинах ходила буквально по лезвию ножа. Правда, в ее грузинском характере было нечто, заставлявшее получать удовольствие от такой полной опасностей жизни.

Ах, что будет, если они узнают, что у Эгея есть еще один наследник, подумала Кора и не смогла сдержать усмешки.

Вначале несколько слов о значении праздника произнес сам Эгей, затем поднялся запасной афинский философ, из ранних стоиков или киников, который говорил долго. Гости начали таскать со столиков закуску, и уровень шума, постепенно повышаясь, перекрыл голос оратора. Тогда и Эгей взял со столика луковицу, разрезал ее кинжалом, снятым для этой цели с пояса, и вложил половинку луковицы в мягкую нежную плоскую лепешку.

— Вина! — приказал он.

Виночерпий поспешил к нему с большим кувшином. Но Эгей велел начинать с гостей.

Теперь следовало быть особенно осторожной.

Виночерпий наливал поочередно — Коре, Левкотее, потом Тесею...

Тесей бросил встревоженный взгляд на Кору. Та ободряюще ему улыбнулась.

Это отвлечение чуть не стоило Тесею жизни.

Медея обернулась к Эгею.

— Пора? — спросила она, чуть улыбаясь.

— Ты уверена? — спросил Эгей.

— Корабль под парусами Миноса, который привез его сюда, таится в бухте Тридда всего в часе ходьбы от твоего дворца. Скорее всего, он не только шпион и лазутчик, но и убийца.

К счастью, у Коры был абсолютный слух. Она слышала шепот царственных супругов, словно они прикладывали губы к ее уху.

— Как жаль, — сказал Эгей. — Может, сначала допросим его?

— Со дня на день появится Дедал. Тебе еще не хватало шпиона и убийцы! Ты потеряешь трон!

— Я согласен, — сказал Эгей и с печалью во взоре отвернулся от Тесея, который сидел неподвижно, чувствуя неладное, но не зная, откуда ждать опасности.

Медея провела рукой над чашей с вином, стоявшей перед Тесеем, и Кора увидела, как тонкая струйка белого порошка протянулась к красной поверхности вина.

Кора нащупала рукоять меча и постаралась положить его на колени так, чтобы он оставался прикрыт хитоном. Прекрасная Левкотея заметила это движение, и, как назло, в этот момент острый конец меча ткнулся ей в бедро.

— Ах, — тихо сказала Левкотея. — Что вы со мной делаете?

Кора не нашлась, что ответить.

Но внимание их было отвлечено мужем достойным, бородатым, полным, который нес большой поднос, где лежали какие-то плоские штуки, неизвестные Коре и сразу насторожившие ее. Нервы были и без того на пределе, а тут еще что-то вроде жареных осьминогов.

Но никого, кроме Коры, штуки на подносе не смутили, когда муж достойный склонялся к гостю, тот брал штуки с подноса и натягивал на руки — это были перчатки, что окончательно сбило Кору с толку. Перчатки!

Тем временем многочисленные слуги с подносами, на которых лежали куски мяса, быстро проходили мимо столов и кидали руками мясо на блюда, стоявшие перед гостями. Мясо было горячим, от него поднимался пар.

Все смешалось: рука Медеи над чашей Тесея, полная рука Левкотеи, отталкивающая конец меча, поднос с мясом — кусок его шмякнулся на тарелку перед Корой, наконец, перчатки, которые бросил достойный муж со своего подноса. Это были кожаные перчатки. Кора кинула мимолетный взгляд вокруг и увидела, что все гости дружно натягивают перчатки на руки и берут ими куски горячего мяса. Перчатками рвут мясо на куски, перчатками отправляют куски в рот... Господи! Они еще не изобрели вилок! Но все-таки с античной тонкостью вышли из положения: руки остаются чистыми, да и не обожжешься — перчатки кожаные. Интересно, знают ли об этом ученые или Кора совершила великое историческое открытие?

Все! Рука Медеи легко поднялась; щелкнуло — закрылась крышечка перстня. Медея усмехнулась, глядя в затылок отвернувшегося царя, — тот не хотел видеть, как за его столом отравят гостя, даже если это всего-навсего робот злодея Дедала.

Теперь пришла пора действовать!

Но Тесей был в растерянности, на это Кора сейчас и рассчитывала. Ведь обычно студенты Московского университета не рвут мясо руками, тем более в перчатках.

Он растерянно поглядел на свои руки, затем на дымящиеся кусища мяса, наконец потянулся к кубку, видно, надеясь, что лучше начать со знакомого действия.

Теперь пришла пора вмешаться!

Тесея отделяли от смерти мгновения.

— Тесей! — окликнула его Кора. — Тебе будет удобнее резать мясо ножом.

Она достаточно ловко выхватила меч из складок хитона, отчего нимфа Левкотея упала в обморок. Говорили, что она не пришла в себя до самого утра, что и дало возможность Аполлону нежно надругаться над ней.

Так как двум рукам за рукоять невозможно держаться, Кора перекинула меч Тесею.

Молодой человек оказался не так наивен, как казался.

— Это еще что такое?! — закричала перепуганная Медея, которая, видно, решила, что Тесей, раскусивший ее злодейские планы, намерен свести с ней счеты.

— Это мой фамильный меч, — вежливо ответил Тесей, держа его плашмя на ладонях и протягивая Медее, словно

пойманную большую бабочку. Но сделал он это столь решительно, что рукоять меча не мог не увидеть обернувшийся на шум Эгей.

И всем стали видны сплетенные змеи — знак древнего рода Эрехтеидов.

— Что? — вскочил Эгей. — Откуда это у тебя?

— Это наследство, которое оставил мне отец, царь Эгей Афинский, — сказал Тесей.

— Где? — спросил Эгей.

Еще далеко не все в зале, неровно освещенном факелами и светильниками, поняли, что же там происходит, еще катилась по залу волна вопросов и сбивчивых ответов, но первая сообразила, что надо делать, Медея, которая схватила со стола кубок с отравленным вином и, приложив его к губам Тесея, воскликнула:

— Быстро! Пей! Ну же!

В ее черных глазах было столько силы, столько гипнотического внушения, что если бы эти слова относились к Коре, то она, как призналась себе, наверняка бы подчинилась волшебнице.

Но так как приказ относился не к ней, Кора была свободна в своих решениях. И она буквально по-вратарски прыгнула вперед, опустилась животом на столик Тесея, опрокинула его и, главное, вышибла кубок из рук Медеи.

Пока она старалась подняться с пола, соображая, много ли костей переломала, Медея уже поняла, что проиграла. За эти секунды основные действующие лица драмы успели прийти в себя.

Тесей, подняв меч, кинулся за ней через весь зал. Эгей, рыдая, опустился на трон, грубые Паллантиды бросились убивать Медею, но в суматохе спасли ее, потому что ей удалось пробить сквозь их толпу ровный, как лезвие ножа, проход и выскочить наружу, тогда как Тесей задержался, натолкнувшись на толпу двоюродных братьев, которые, к счастью для него, не сообразили, что он и есть их главный враг.

Кора сидела на полу — не было сил подняться — и думала, что никогда еще не была так близка к провалу ответственного задания. Секунды и сантиметры отделяли ее от провала, а Тесея от смерти.

Но закончились ли ее приключения... или убийцы не отказались от своих намерений?

* * *

Вот как пишут известные авторитеты в греческой мифологии о событиях, последовавших тут же за сценой во дворце во время пира.

«Тогда в Афинах воцарилось веселье, которого город еще не знал. Эгей обнял Тесея, собрал народное собрание и на нем объявил его своим сыном. Он зажег огни на всех алтарях и осыпал изваяния богов подарками, были принесены в жертву гекатомбы быков (точный перевод этого слова забыт, но быков погибло очень много), украшенных гирляндами цветов. Во всем дворце и во всем городе аристократы и простолюдины пировали вместе и пели славу Тесею, свершившему уже больше подвигов, чем прожил лет в своей жизни... После этого Тесей отправился отомстить Медее, которая ускользнула от него, окутав себя волшебным облаком, и уже покинула Афины вместе с юным Медом и свитой, великодушно предоставленной Эгеем».

Другие источники уточняют, что бежала она не на волшебном облаке, а на самой обыкновенной колеснице, запряженной летающими драконами, которую прислал за ней ее дедушка Гелиос. Особо хотелось бы обратить внимание читателей на то, что, с одной стороны, Эгей носился по дворцу, славил судьбу, вернувшую ему сына, и проклинал Медею, которая чуть его не убила, но с другой — именно царь Эгей, и этого не отрицает ни один из древних и современных авторов, вывел тихонько жену из дворца, посадил на облако или на колесницу, поцеловал на прощание мальчика Меда, подарив ему игрушечную лошадку, и даже смахнул непрошеную слезу, когда Медея скрылась в облаках. Как себя вела в этой ситуации Медея? Думаю, что и она, несмотря на твердость характера, всплакнула. Все-таки они десять лет прожили душа в душу, и расстаться им пришлось из-за недоразумения. Не появись старший сын так не вовремя, отпраздновали бы Эгей и Медея серебряную, а потом и золотую свадьбу, нянчили бы внуков и правнуков, и эта история не имела бы драматического продолжения. По крайней мере для Эгея, отрави Медея его старшего сына, судьба сложилась бы куда удачнее.

Но это все относится уже к греческой мифологии, а не к сюжету нашей повести. Хотя, впрочем, может быть, кому-нибудь из наиболее любознательных читателей будет интересно узнать, что убежавшая от Эгея Медея на этом не успокоилась, а отправилась искать счастья дальше. В частности, она побывала в Фессалии, где не придумала ничего лучшего, как участвовать в соревнованиях по красоте, состязаясь с Фетидой. Это было большой непоправимой ошибкой.

Сегодня уже мало кто помнит, кто такая Фетида. Елену Прекрасную помнят, Минотавра помнят, горгону Медузу вспоминают, а вот Фетиду забыли, хотя в те времена это была фигура первого плана. Достаточно того, что она — мать Ахилла. Помните, такой герой Троянской войны, который был совершенно неуязвим, потому что мать окунула его в воды мертвой реки Стикс для бессмертия. Но было у него одно место, так называемая ахиллесова пята, то есть пяточка, за которую мама держала крошку, окуная его в мертвые воды (некоторые говорят — в огонь). Вот эта пятка и привела его к гибели. Фетиду боялся даже Зевс. Она была такой красавицей, что именно на ее свадьбе и появилось то самое яблоко раздора, доставшееся Афродите, принесшее Парису Елену Прекрасную, а грекам — Троянскую войну.

Говорят, что Фетида была дочкой кентавра Хирона и милой женщины Харикло. И тоже оказалась волшебницей. Когда ей очень не хотелось замуж и она скрывалась от жениха, то превращалась в огонь, воду, льва и змею...

И вот с такой женщиной решила соревноваться Медея. Причем Фетида тогда, как сами понимаете, была еще совсем юным цветком, а Медея — женщиной средних лет, закаленной в боях и интригах. Медея проиграла соревнования — Фетида была в тот раз объявлена самой красивой. После очередного поражения Медея уехала в Азию, где вышла замуж за какого-то неизвестного царя, он усыновил Меда, и вроде бы эта история должна была закончиться... но тут до Медеи дошел слух, что трон ее отца Ээта, с которым она столь злобно и предательски обращалась раньше, захвачен его братом Персом. Интересы грузинской государственности взяли верх, Медея оставила нового мужа и помчалась в Колхиду наводить порядок. С ней был и подросший Мед, который убил своего дядю Перса на поединке, Ээту вернули трон, а вот что было дальше, покрыто обычным для истории туманом. Одни утверждают, что по протекции Гелиоса боги сделали Медею царицей Островов Блаженных, где она живет и поныне, считают, что она вернулась к своему последнему азиатскому суп-

ругу, наконец, есть сторонники той точки зрения, что Медея осталась в Колхиде и нянчила детишек своего Меда, который законным образом наследовал Ээту.

Вот и все о Медее. Здесь справедливость не восторжествовала.

Правда, остается неясным, а что же считать справедливостью. Ведь для каждого она своя.

* * *

Кора смогла заснуть только следующей ночью. Впрочем, это относилось к большинству жителей Афин, которые были искренне рады, что теперь у них есть настоящий наследник престола, притом сильный, молодой, умный и не имеющий в прошлом никаких грехов и преступлений.

Недовольны были только пятьдесят Паллантидов, они, правда, далеко не сразу сообразили, что путь к трону им закрыт навсегда. И сначала с горя напились. И проспали первые сутки. Так что все жертвоприношения, праздники и народные гулянья проходили без них. Зато на следующую ночь они проснулись и отправились убивать Тесея, а заодно, очевидно, и самого царя.

Кора в это время как раз заснула, она тоже была не двужильная. Некий Леос успел разбудить Тесея и донести ему, что все пятьдесят молодых Паллантидов идут его убивать. Двадцать пять братьев во главе с отцом пошли на штурм царского дворца, а еще двадцать пять залегли в засаде на дороге, ведущей из Афин к морю, полагая, что Эгей с Тесеем побегут спасаться именно по ней. Предупрежденный Леосом, Тесей не стал тратить времени на ожидание, пока Паллантиды отыщут его в лабиринте спален и переходов дворца, а, схватив свою железную палицу, помчался к сидевшим в засаде кузенам. Там в полной темноте и неразберихе он их перебил. Тем временем остальные двадцать пять кузенов, подняв страшный шум, разбудивший Кору, разбежались по дворцу, чтобы отыскать и убить Тесея, который в это время добивал засаду, а что касается царя Эгея, то он, наученный Медеей, никогда не ночевал две ночи подряд в одной спальне и на одном ложе. Спал он в специально сделанных для этого сундуках, а то и на шкафах. Если он спал под ложем, то на ложе клали

двойника, порой заодно и двойника Медеи. Погибло их, говорят, видимо-невидимо.

Шум и грохот еще продолжались, стража дворца, как ей и положено, отсиживалась по подвалам, потому что не знала, кому придется служить завтра, но тут прибежал последний из оставшихся в живых Паллантидов из засады, и, охваченные ужасом, остальные братья исчезли в ночи...

Остаток ночи прошел спокойно. Хотя рассказывают, что с тех пор потомки Паллантидов запретили называть детей именем Леоса, а своим девочкам принимать ухаживания от людей с именами Лев, Леос, Лео, Леонард, Леонардо, Леви, Левит и Левитин, Львов и Лайон. Так они отомстили Леосу и его потомкам до последнего колена.

* * *

Праздники по поводу возвращения наследника и возведения его на престол рядом со счастливым, хоть и не столь уже ухоженным отцом должны были продолжаться на следующий день, но ничего из этого не вышло, потому что утром, когда слуги еще очищали дворы от побитой за ночь посуды и перевернутых стульев, а из домов павших Паллантидов доносились стенания (хотя, впрочем, никто в городе не жалел этих хулиганов и бездельников), во дворец прискакал посланец с дозорной вышки, которая стояла на самой вершине Акрополя — там, где будет построен храм Ники. Оттуда было видно море на много стадий к югу, откуда обычно и появлялись торговые, а то и вражеские корабли.

Посланец буквально сшиб с ног стражей у ворот дворца и помчался по коридору, вызывая Эгея.

Тот не спешил отзываться, потому что отлично усвоил, что спешка — один из основных недостатков любого царя. Чем дольше ты полежишь под своим очередным ложем, тем больше шансов у тебя дожить до старости.

Так что Кора узнала о тревожных событиях даже раньше, чем царь Афин и его наследник, который, конечно же, спал без задних ног.

— Что случилось? — спросила Кора строго, загораживая дорогу гонцу.

— Мне нужен царь!

— Вы можете сказать мне, — ответила Кора. — Я имею

полномочия от комиссара ИнтерГпола. — Она могла позволить себе такую невинную шутку, потому что Милодар ее сейчас не слышал, а его имя в Древней Греции неизвестно.

— Приплыл Дедал за данью, — грустно произнес гонец. — В этом году несчастье обрушилось на нас еще раньше, чем обычно. Наверное, это наказание за то, что мы веселились вчера вечером в честь возвращения наследника.

Гонец был пожилым человеком, сандалии его были снабжены небольшими крыльями, которые, хоть и шевелились, трепеща, вряд ли помогали ему бегать.

— Что еще натворил ваш Дедал? — спросила Кора, но гонец не ответил, а с криком: «Господин царь, покажитесь народу! Господин царь, очередное несчастье!» — побежал дальше по темным коридорам.

Тогда Кора решила, что ей не мешает самой посмотреть, что же происходит. Она побежала вверх по узким улочкам на холм Акрополя, где и стояла дозорная вышка и куда спешили тысячи жителей Афин, прослышав о приближении корабля Дедала.

Так как Кора нагнала полную немолодую женщину, которая взбиралась наверх довольно медленно, ей удалось вытянуть из нее кое-какую информацию.

Надвигалась еще одна древнегреческая трагедия, и здесь шансы Тесея выжить падали до нуля.

Ненавидя Афины за убийство сына, Минос готов был стереть их с лица земли. Но, как положено древнегреческому извращенцу, он отказывался брать дань лошадьми, золотом или осетриной.

Дань Минос брал семью самыми прекрасными девицами и семью самыми отважными и сильными юношами Афин, которых отвозили на остров Крит, где был Лабиринт... Вспомнили? Кора тоже вспомнила. В Лабиринте жило страшное чудовище по имени Минотавр, то есть человек с головой быка. Этот подлец не желал питаться ничем иным, как молодыми девушками и юношами из Афин. Вот так проявлял свой мерзкий характер и своеволие царь Крита.

Такова была жизнь в эту эпоху, таковы были нравы. А так как в основе действий Миноса была родительская месть, то его изощренный садизм становится более-менее понятным...

Корабль, изобретенный и ведомый главным советчиком и доверенным лицом царя Миноса Дедалом, приближался к

Афинам, чтобы взять очередную партию жертв. Афины приобрели наследника, но должны были потерять четырнадцать юных душ.

Корабль, который Кора увидела, когда поднялась к подножию деревянной дозорной башни, был для греческих времен удивителен и неповторим. На нем сидели в два ряда гребцы, формой корпуса он также не отличался от античных кораблей, но посреди него возвышалась высокая черная труба, которая венчала собой кирпичную печку. В печку кидали дрова, перед печкой стояла первобытная, но действующая паровая машина, из трубы шел дым, и было совершенно очевидно, что Кора наблюдает первый в истории человечества пароход. Дедал, а это было доступно орлиному взору Коры, в белом гиматии возлежал на корме, поглядывал на работу своих чудесных механизмов и попивал вино из турьего рога.

В отличие от афинян, которые осыпали Дедала и Миноса проклятиями, оставаясь на почтительном от дедаловского монстра расстоянии, Кора, влекомая любопытством, дошла пешком до гавани и успела туда как раз в тот момент, когда Дедал, оказавшийся худым лысым малорослым, почти карликом, с крючковатым носом и слишком светлыми для такого смуглого и чернобрового человека, желтыми глазами, выбрался на берег. Кроме Коры, его никто не встречал, что Дедала совершенно не расстроило.

— Удивительно, — произнес он, глядя на Кору, — судя по всему, знатная дама, а не испугалась и пришла сюда. Ага, я догадался! Ты пришла просить? За свою сестру? Но ведь не я отбираю, кого посылать на съедение нашему племяннику, это решает ваше народное собрание. Так что вы, девушка, обращаетесь не по адресу.

— Я здесь чужестранка, — сказала Кора. — Меня более интересуете вы, мастер Дедал. Я наслышана о ваших изобретениях и злодействах, и потому мне хотелось с вами познакомиться.

— Тогда погодите немного, — сказал Дедал. — Я должен отдать приказания моим людям, а затем я свободен. Если вы захотите говорить со мной, то удобнее всего это будет сделать в доме моего здешнего друга кентавра Фола, может быть, вам приходилось о нем слышать?

— Нет, из кентавров я знаю только Хирона и полагаю честью для себя считать его в числе своих знакомых.

— И даже друзей! — послышался сверху глубокий голос.

Кора обернулась. На склоне, возле складов, где таились, выглядывая, редкие афиняне, стоял могучий Хирон, расчесывая свою раздвоенную бороду, а рядом с ним возвышался кентавр поменьше ростом, более изящный, склонный к щегольству, что выдавала заплетенная в толстую косу длинная грива.

— Фол, друг мой! — воскликнул Дедал и побежал к кентавру.

Возмущенные возгласы донеслись из-за складов. Там афинские граждане высказывали свое негодование по поводу отсутствия патриотизма у кентавров, и неудивительно, что ругательства, которыми их награждали, относились к разряду зоологических терминов.

Кора также была рада увидеть вновь Хирона, а тот представил ее Фолу.

Фол сказал:

— Именно такой я вас и представлял, богиня.

Значит, Хирон говорил о ней как о богине? Ну что же, это его право.

— Эй! — крикнул Дедал гребцам и солдатам, что оставались на судне. — Выставьте стражу. Никого близко не подпускать. Пароль и отзыв вы помните?

— Помню, — отозвался один из гребцов, который отличался от остальных желтой повязкой, стягивающей волосы. Во всем остальном и гребцы, и воины были совершенно одинаковы.

— Это твои искусственные люди? — спросил Хирон.

— Да, с ними удобнее, — ответил Дедал. — Они всегда послушны и готовы умереть.

— К тому же их нельзя подкупить, — сказал кентавр Фол.

И все с ним согласились.

— Но люди, которые управляют паровой машиной, стоящей на корабле, не могут быть деревянными, — сказал Дедал. — Им надо думать.

Он помахал на прощание оставшемуся возле машины механику.

Кора спросила:

— Я не вижу колес. Или колеса сзади? Зачем вам тогда паровая машина?

— Мой друг Архимед, не знаю, слышала ли ты о таком, богиня, ты ведь чаще встречаешься с воинами, чем с мыслителями, придумал приспособление, которое именуется винт. Пар вертит этот винт, помещенный под водой сзади моего корабля, и толкает корабль вперед. Понятны ли тебе мои слова?

— Спасибо, Дедал, — сказала Кора.

Никакой официальной встречи не предусматривалось. Царь Эгей не желал в глазах своего народа показывать свою зависимость от ненавистного критского царя. Но когда Дедал с Корой и кентаврами поднимались от причала, подошел глашатай и сказал, что царь Эгей примет посланца царя Миноса по интересующему их обоих вопросу сегодня же в два часа пополудни в храме Аполлона в присутствии знатных граждан города.

— Скажите царю, что я буду, — ответил Дедал и быстро пошел вперед, откинув назад лысое яичко головы и резко ударяя по плитам высокими каблуками своих башмаков.

Кентавр Фол жил неподалеку от порта в большом доме, устроенном удобно для коней, а не для людей, как у Хирона. Да и понятно, если Хирон обожал свою Харикло и дочкой его была красивейшая девушка земли, то у Фола все было проще, и сам он был кентавром, и жена его была кентавриссой, и его дети были маленькими кентаврами.

День разошелся, небо было синим, стало даже жарко, все расположились в уютном крытом дворе фоловского дома, и хозяин угощал как мог каждого из гостей. Когда гости немного насытились, кентавр Фол сказал:

— Мы здесь старые приятели, мы знакомы много лет, и потому между нами не должно быть секретов.

При этом он поклонился в сторону Коры, как бы прося у нее прощения за то, что она не относится к числу его старых приятелей. Но его бестактность тут же исправил Хирон.

— Ты не прав, мой друг, — произнес он. — Кора умна, образованна, разумна и вполне достойна того, чтобы принадлежать к компании интеллигентных людей.

— Говорите, — призвал их Дедал, который понимал, что разговор пойдет о нем.

— Я слышал, что погиб молодой Талос, — сказал Хирон.

— Ты прав, — сухо ответил Дедал, глядя в кубок с вином.

— Мне говорили, что это не было случайностью...

— Нет, это была случайность, — возразил Дедал, голова

его так склонилась над кубком, что казалась большим страусиным яйцом.

— Это тот юный Талос, — произнес Фол, — который изобрел пилу?

— Каждый дурак мог изобрести пилу, — ответил Дедал. — Если бы мне на глаза попалась рыбья челюсть, я бы тоже догадался, по какому принципу должна работать пила.

— Ты не догадался, — заметил Хирон.

Дедал наконец отпил из кубка. Но не глядел на окружающих.

— А я слышал, что он изобрел гончарный круг, — сказал Хирон.

— Его много раз изобретали, — отмахнулся Дедал. — И в Лидии, и на Крите, и в Египте, эта идея витала в воздухе.

— Конечно, витала, — согласился Фол. — Так же, как идея циркуля.

— Между прочим! — Дедал неожиданно вскочил с места и зашагал по комнате. — Между прочим, у меня в заметках есть чертеж циркуля. Я не мог только подобрать хорошего дерева для его ножек.

— Ну и расскажи нам, — сказал Хирон, — как погиб несчастный Талос?

— Мы с ним стояли на крыше храма, — медленно произнес Дедал, словно вспоминая, как было дело, — он сделал шаг вперед... я сказал ему: «Остановись, Талос, это опасно!» Но он не услышал меня, сделал еще шаг... и упал!

— Ты больше ничего не хочешь нам сказать, Дедал? — спросил Фол.

— Хочу! — вдруг взорвался маленький изобретатель. — Да, хочу! Я хочу заявить всему миру, что Талос был грязной тварью, что он вступил в преступную связь со своей матерью Поликастой — с моей родной сестрой! Честь семьи была под угрозой! И он должен был умереть!

— О грехе Талоса было известно давно, — тихо произнес Хирон. — Да, они были любовниками... и это очень прискорбно. Но за это карают боги, а не Дедал.

— Он не думал о морали, — поддержал Хирона Фол. — До тех пор, пока люди вокруг не стали говорить, что Талос талантливее Дедала, что Дедал уже на закате, а Талос — это завтрашний день науки!

— Никто, кроме идиотов, так не говорил!

— В Элладе нашлось немало таких идиотов, — заметил Хирон.

— Даже до наших лошадиных ушей докатились эти сплетни, — сказал Фол.

Почему он терпит? — удивилась Кора. Почему великий изобретатель и могущественный, судя по всему, человек так покорно слушает обвинения двух полуконей, словно мальчик, вызванный на порку взрослыми дядями?

— На главное ваше обвинение, — сказал Дедал, остановившись посреди комнаты, — я отвечу решительно — нет! Я никогда и никому не завидовал. Мои величайшие изобретения еще впереди! Вы видели мой корабль, который передвигается силой пара?

— Ему уже десять лет, — усмехнулся Хирон.

— Вы видели моих гребцов и воинов? Одинаковых, как горошинки в стручке!

— Твоих деревянных людей знает весь мир. Видно, плохи твои дела, наш друг, если ты ищешь оправданий в своем же вчерашнем дне.

— Справедливый суд свершился, — сказал Дедал, видно, имея в виду Талоса, потому что кентавр Фол на это ответил:

— Твоя прекрасная сестра Поликаста покончила с собой.

— Это ее воля и признание вины, — жестоко ответил Дедал. — Я теперь тоже хочу задать вам вопрос, друзья. Ведь не зря же я терпел все обвинения, которые вы мне бросали в лицо, какими бы нелепыми они ни были. Но скажите мне, к чему весь этот разговор? Разве дело только в обвинениях прошлых лет?

— Мы не обвиняем тебя. Мы не суд, иначе бы ты сюда не пришел, — сказал Хирон. — Но мы — люди, которые хотят понять смысл и связь вещей в природе и причины человеческих поступков. Мы не стали бы разговаривать об этом с ничтожным рабом или толстым чиновником. Мы хотим понять, совместимы ли гений и злодейство...

«Странно, я где-то уже слышала эту фразу, — подумала Кора. — Я ее даже отлично знаю. Я знаю ответ: «Гений и злодейство несовместимы!» Кто же сказал это? Гегель? Дарвин? Эйнштейн?»

— Он сам упал с крыши храма, — сказал Дедал, как бы подводя итог дискуссии.

— Можно ли поговорить с тобой, — спросил тогда Фол, — о другой женщине?

— О ком?

— О Пасифае?

— Нет! — отрезал Дедал. — Нет, нет и еще раз нет! Я покидаю ваш дом.

— Неужели ты так испугался?

— Срок давности миновал!

— У нас другие сроки, Дедал.

— Передо мной была поставлена инженерная задача, — сказал Дедал. — Мне был брошен вызов. И я принял его.

— Так это был инженерный вызов?

— Да! Именно так.

— А Лабиринт? Тоже инженерное задание?

— Сделав первый шаг, я был принужден ко второму.

— То есть, по-твоему, эти твои конструкции сопоставимы?! — спросил Хирон.

— Да! — Дедал поднял сжатый кулачок. Тут кентавры начали хохотать и ржать, как жеребцы, так что сбежались домочадцы Фола и пришлось гнать их, потому что объяснить причину смеха кентавры не могли ни женщинам, ни детям. И лишь Коре удалось уговорить Хирона рассказать, над чем они смеялись, и тот, несколько смущаясь, поведал ей о критском подвиге Дедала, причем последний вовсе не был смущен, а даже подавал реплики и был собой доволен, ибо: «Для гения нет задач мелких и неблагодарных. Для него любая задача — одинаковый вызов!»

— На острове Крит был белый бык, — сказал кентавр, — говорят, с точки зрения бычьей красоты он был совершенен.

Фол фыркнул.

— Ну как, например, можно считать Фола образцом конской красоты? — заметил Хирон, и его друг густо покраснел. Неловко, когда тебя сравнивают с конем в присутствии красивой дамы. — Это был бык Посейдона — я уж, честно говоря, не помню, почему он там оказался... — Оба его друга кинулись было объяснять происхождение белого быка, но Хирон поднял руку, останавливая их. — Важно лишь то, — продолжал он, — что супруга царя Миноса, которую зовут Пасифаей, женщина невероятной прелести, и притом любвеобильна так, что... — Пока Хирон искал сравнение, сам Дедал докончил его мысль:

— Что готова переспать с пнем!

— Ну вот как грубо! — сказал Хирон, но в принципе он был согласен с Дедалом. — Дама она уже солидная, в летах...

— Чепуха! — закричал Дедал. — Это было десять лет назад! Какие могут быть лета?

— Ну, дама она все равно солидная, с пышными формами, родившая Андрогея, из-за которого Крит поссорился с Афинами, а также девочек Ариадну и Федру. И вот эта мать семейства воспылала страстью к белому быку! — Хирон замолчал, как бы подыскивая наиболее приличные слова для последующего рассказа, а Дедал вмешался в паузу, заявив:

— Да ты говори как есть, не стесняйся. Наша подруга знает, какая птица приносит детей.

Дедал Коре совсем не нравился. Она привыкла к тому, что в учебниках, книгах и фильмах все великие ученые, изобретатели и поэты — обязательно милейшие, мудрейшие и бескорыстные люди. И если поэт Пушкин влюбляется в какую-нибудь Керн или Воронцову, то делает это только для того, чтобы подарить ей букет цветов, воспылать вдохновением и заодно порадовать мужа своей музы... Конечно, это он придумал! Конечно, он: «Гений и злодейство несовместимы!» Правда, имел он в виду не Дедала, а Моцарта.

— Хорошо, — согласился кентавр. — Я буду придерживаться безжалостных фактов.

— Почему безжалостных? — удивился Дедал. — Любовь зла — полюбишь и кентавра! Разве вы не слышали такой поговорки?

— Полюбишь и козла, — поправила Дедала Кора. Все засмеялись. И она сама засмеялась, поняв, что ее поправка была неуместной.

— Пасифая начала выходить в поле, — продолжал Хирон, — когда там пасся белый бык, и ласкала его, гладила, приносила ему всевозможные вкусные вещи и всеми знаками, принятыми у людей, показывала, что хотела бы добиться с ним близости. Бык был обыкновенным — бык как бык. Он не возражал против близости, но не с Пасифаей, так как у быков нет рук, чтобы прижимать крошек к груди.

Когда кентавры отсмеялись, заговорил Дедал:

— Давай я сам доскажу. Вызывает меня Пасифая, а я тогда только-только на Крите укоренился, мне нужны были покровители, да и сама женщина мне нравилась...

— Неужели и ты тоже воспользовался ее ласками? — спросил Фол.

— А чем я хуже белого быка? — удивился Дедал. — Я мужик хоть куда! Это входило в мой гонорар.

— Ты еще и деньги с нее взял?

— Изобретатель живет на свои гонорары. Я не беру подачек. Но если сдаю работу, то попрошу: деньги на стол!

— И что же вы придумали? — спросила Кора, чтобы возвратить Дедала на истинный путь рассказа.

— Я посмотрел на то, как мучается несчастная женщина на лугу, стараясь соответствовать белому быку, как она, бедная, подлезает под него, да и он страдает... Я понял, что должен был решить проблему ко всеобщему удовольствию. И вот что я сделал: я изготовил деревянную корову, крепкую, гладкую, изящную с точки зрения коровьей эстетики, затем я обшил ее коровьей шкурой... Вам понятно?

— Пока да.

— Внутри ее я сделал ложе, на которое могла устроиться царица Пасифая. Затем проделал в дереве дырку там, где у коровы соответствующее отверстие, и подогнал ложе Пасифаи таким образом, чтобы ее соответствующее отверстие совпало с соответствующим отверстием в деревянной корове.

— Ну хватит, все ясно, — сказал Хирон.

— Сейчас кончаю, немного осталось, — ответил изобретатель. — Я дал совет Пасифае: держитесь крепче и если что не так — терпите. Потом закрыл царицу в корове, отошел и позвал быка. Вскоре белый бык появился. Он увидел мою деревянную корову — должен вам сказать, шедевр коровьей красоты — и буквально кинулся к ней, раздеваясь на ходу.

— Быки ничего на себе не носят, — заметил Фол.

Дедал долго смотрел на него, склонив голову набок. Фол вопросительно обернулся к Хирону.

— Дедал пошутил, — пояснил Хирон.

— Да, я пошутил, — сказал Дедал. — И мне грустно сознавать, что с такими тупыми лошадками я дружу и даже позволяю им меня судить.

— Заканчивай свою историю, надоело, — буркнул Фол.

— А больше нечего рассказывать. Бык взгромоздился на деревянную корову, и изнутри вскоре донесся отчаянный женский вопль. Однако я был бессилен помочь несчастной, потому что бык вряд ли позволил бы мне вытащить ее из деревянной коровы. Когда бык утолил свою страсть и удалился пастись, я подошел к корове и, с некоторым ужасом, открыл окошко внутрь. Я боялся увидеть холодеющий труп Пасифаи, но вместо этого увидел разъяренную львицу, которая потребовала, чтобы я заставил быка возвратиться и продолжить любовное насилие!

Дедал расхохотался подобно маленькому мальчику. Он зашелся от смеха, и кентавру Хирону пришлось как следует шлепнуть его по спине.

— Меня чудом не поймали за этим занятием, — закончил Дедал, — потому что Пасифая заставила меня еще раз десять устраивать ей свидания в деревянной корове, а вы попробуйте спрятать корову, когда любовное свидание закончилось.

— Результатом этих мерзких действий Дедала... — начал Хирон.

— Не надо! Не надо навешивать ярлыки! — возмутился Дедал. — Если любовники счастливы, никогда не смей называть этот процесс «мерзкими действиями».

— Но ты же служил ее мужу!

— Ее мужу я тоже служил. Должен тебе сказать, что для него я делал не меньшие мерзости, чем для жены. Пойми, в конце концов, вечная задача наша, изобретателей, поэтов, ученых, писателей — угождать самым низменным прихотям правителей и владык. Если эти прихоти совпадают с общественным мнением и к тому же ты славно услужил начальству, то останешься в истории, как Гомер. Еще вопросы есть?

— Есть, — сказал Хирон. — Ты построил Лабиринт для Минотавра?

— Да, милая женщина. — Дедал вновь обратился к Коре, полагая, что ей неизвестно продолжение этой истории. — От любви к белому быку Пасифая забеременела. И как следовало ожидать, родилось чудовище. Здоровенный младенец — все в нем как у людей, а голова бычья! Фу, какая гадость! И как только природа терпит этих гибридов!

— Поосторожнее, Дедал, — заметил кентавр Фол. — Нас она пока терпит.

— Недолго это будет продолжаться, — сказал Дедал. — Вы же с Хироном — исключение, а как правило, кентавры — грубые скоты, мечтающие лишь о том, как кого-нибудь изнасиловать, а потом напиться допьяна.

Фол и Хирон не стали спорить. Помолчали. Видно, в словах Дедала заключалась неприятная правда.

— До последнего момента Пасифая надеялась, что все обойдется и у нее родится человеческий младенец. Но боги у нас любят пошутить, — продолжал Дедал. — Когда Минос пришел в ужас, она поклялась ему, что белый бык напал на нее в поле и надругался над ней. Но она испугалась сразу признаться мужу, потому что берегла его чувства. Неизвестно, поверил ли Минос этой лжи, но все же велел казнить всех акушерок, служанок и повивальных бабок, которые присутствовали при родах, приказал назвать чудище Минотавром, а затем велел мне построить такой каменный дворец, в который можно войти, но выхода не найдешь: заблудившись, обязательно попадешь в самый его центр, где таится Минотавр. Для меня это была инженерная задача, и я ее выполнил. Дорогу внутрь Лабиринта не знала даже Пасифая. Лишь однажды она попросила меня провести ее внутрь, чтобы показать, хорошо ли устроен малыш, удобно ли ему. Я подчинился царице. Она равнодушно поглядела на Минотавра, и я понял, что она не чувствует себя его матерью. Потом она спросила меня, нельзя ли заменить кормилиц коровами. И мы сделали так... А потом он их съел.

— Кого съел? Кормилиц? — удивился Фол.

— Нет, коров.

— А чем его теперь кормят? — спросила Кора и по неловкому молчанию окружающих поняла, что вопрос оказался бестактным.

— В этом и проблема, — сказал наконец кентавр Хирон. — Поэтому мы и пригласили мастера Дедала.

— Я догадываюсь, — сказал маленький гений.

— Каждый год семь самых красивых девушек и семь самых сильных юношей отправляются на Крит на корабле Дедала, чтобы стать жертвами отвратительного кровожадного Минотавра.

— Какой ужас! — воскликнула Кора. — Нельзя ли его кормить чем-нибудь попроще? Кроликами, например?

— Это дело принципа, — заметил Дедал. — Я сам не раз спрашивал Миноса: «Зачем тебе эти варварские обычаи?» Мы живем в гуманном государстве в гуманную просвещенную эпоху. А он в ответ: «Мой сын погиб в Афинах, и потому афинские дети будут погибать на Крите».

— Может, выпустить Минотавра, пускай живет на воле, может, женится на какой-нибудь корове? — спросила Кора.

— Какая наивность! — воскликнул Фол. — Минотавр — чудовище. Так постановила судьба. Как же он может стать обыкновенным быком и жениться на корове? Нет, пока его кто-нибудь не убьет, все это будет продолжаться!

— Вот именно поэтому, — сказал Хирон, — ты, Дедал, должен нам помочь.

— Всегда рад! — В голосе Дедала прозвучала бравада, будто он заранее знал, что они скажут, и заранее отметал это как пустяк.

— Завтра ты поднимаешь паруса и отбываешь на Крит?

— Да.

— На борту у тебя будут четырнадцать жертв — лучших сынов и дочерей Афин, предназначенных для того, чтобы их сожрало чудовище. Ты считаешь, это правильно?

— Меня никто не спрашивает.

— Скажи, а если бы ты изобрел, к примеру, бомбу, которая может испепелить половину мира, ты бы отдал ее своему царю? — спросил Фол.

— Боги решают такие проблемы. Боги, а не мы, смертные.

— Ты не ответил на мой вопрос! — закричал Фол, стуча копытом.

— Я не мерзавец. Я честный гений. Я лучший в мире изобретатель. Не смей оскорблять меня, мерин паршивый!

— Подождите, подождите, — прервал его Хирон, — в таких спорах не бывает победителя, потому что никто не согласится считать себя неправым. Дедал, у нас к тебе очень простая просьба. У тебя самого есть любимый сын Икар, тебе знакомы отцовские чувства. Поэтому от имени всех отцов города Афины я прошу тебя об одном — дай мне план Лабиринта.

— Зачем вам план Лабиринта?

— Чтобы можно было войти в него, пройти безопасными ходами и выйти оттуда.

— Ни в коем случае!

— Но почему?

— Это слишком опасно. В моих интересах, чтобы с Минотавром было все в порядке. Чтобы он был сыт, чтобы все жертвы попадали к нему в желудок... Как только случится что-то неладное, на меня сразу же падет подозрение, что я

подстроил встречи Пасифаи и белого быка. Минос — страшный человек, тиран, деспот. А у меня любимый сын Икар. Я должен его беречь.

— Тебе ничем не грозит...

— Кто, кроме меня, знает этот план? Никто. Отдать вам план — значит подставить шею палачу! Нет, никогда!

— Уезжай с Крита, если тебе там плохо. Живи в Афинах.

— Ни в коем случае! Для меня этот деспот создал идеальные условия работы. У меня лаборатория, мастерские, тысячи рабов для опытов. Меня любит жена царя Пасифая... нет, с Крита я не уеду.

— Значит, пускай умирают юноши и девушки?

— Им все равно суждено умереть, — ответил Дедал с искренней печалью. — Мы с вами умные люди, цвет человечества, мы понимаем, что жизнь человека быстротечна, как жизнь бабочки-однодневки. Все его метания — лишь три взмаха крыльев.

— Значит, и твоя жизнь такова? — спросил Хирон.

— Нет, господа кентавры. Я бессмертен! Я заработаю бессмертие величием своего разума. Боги не посмеют убить меня, потому что второго Дедала на свете нет. А теперь я должен откланяться, потому что моих деревянных людей каждые два часа надо заводить бронзовым ключом, чтобы не останавливались. Спасибо за угощение. Надеюсь, что нам еще не раз удастся посидеть за чашей вина в более мирной и дружеской атмосфере. К сожалению, нас, умных людей, осталось так мало... Не представляю, чем все это кончится? — Дедал поднялся.

— Судьба накажет вас так, как вы наказываете других родителей, — сказала Кора.

Дедал не стал прощаться. Он зло вскинул яйцо головы, окинул Кору презрительным черным взором и быстро вышел из дома. Подошвы его подкованных медными шипами башмаков долго еще отсчитывали плитки мостовой.

Кора знала продолжение этой истории, по крайней мере ее ближайшее продолжение. И понимала, что в ВР-круизе путешествие Тесея на Крит и его бой с Минотавром должны стать центральным эпизодом. Ясно было, что враги принца Густава скорее всего воспользуются боем с Минотавром для того, чтобы размозжить голову ее подопечному. Ну что ж, раз нам не дали плана Лабиринта, будем проникать туда без пла-

на. Там ведь была нитка, нить, чтобы вернуться обратно? Кто ее даст Тесею? Какая-то девушка... Спросить не у кого.

— Скажи, Хирон, как зовут дочерей Миноса?

— Кажется, Федра и Ариадна, — ответил старый кентавр. Он был задумчив и расстроен. Его огорчила не столько неудача с попыткой добыть план Лабиринта, сколько разочарование в Дедале. В этом он был сродни Коре, она ведь читала в книжках, что великие ученые — средоточие благородства. А когда дело касается твоего старого приятеля...

— Вы давно с ним знакомы? — спросила Кора.

— Много лет, — ответил Хирон. — Он тоже когда-то был моим учеником. Я встретил его, когда он был простым кузнецом, правда, очень способным кузнецом. Но за пределами кузнечного дела Дедал был совершенно необразован, даже не знал элементарной математики.

Кентавр Фол ухмыльнулся:

— Я помню, как Хирон в первый день спросил его: «Сколько будет один и один?» — «Если один и один, — ответил он, — то не знаю, а если один и одна, то получаются трое».

— Этому анекдоту тысяча лет, — отмахнулся Хирон и обратился к Коре: — На твоем месте я пошел бы во дворец. Там сейчас наверняка разворачиваются основные события. Я бы и сам пошел, но Эгей не жалует кентавров, говорит, что от нас пахнет псиной.

— Обидно, — вздохнул Фол, — от кентавров — и псиной!

* * *

Во дворце и на самом деле кипел великий скандал.

Как только было объявлено, что Афины должны заплатить очередную дань юношами и девушками, Тесей отправился к своему новоприобретенному отцу и заявил, что он станет одним из семи юношей.

Сначала, когда слух об этом заявлении и о том, что старый Эгей по этой причине находится в сердечном приступе, распространился по Афинам и по всей Аттике, никто ему не поверил. В Древней Греции, как и во многих иных цивилизациях, не было принято, чтобы царские дети жертвовали собой вместо совершенно безымянных и даже не обязательно знатных сверстников.

Все забыли, что настоящим царским отпрыском Тесей яв-

ляется лишь второй день, а до этого он был весьма сомнительным бастардом, которого дедушка из политических амбиций называл сыном Посейдона. А назвать так человека — это все равно что объявить его подзаборным сиротой.

Тесей вырос в местечке, где ходил рыбачить с такими же, как он, мальчишками и даже пас коз на крутых склонах. Он имел великого дядю Геракла, которому старался подражать, но, будучи сам человеком неординарным и благородным, не умел просто подражать — он должен был шагнуть вперед, чтобы стать достойным сравнения с кумиром детства.

Геракл не стал бы предлагать себя в жертву вместо неких юношей. Другие герои сочли бы ниже своего достоинства стать возможными жертвами полоумного быка. Тесей обладал странным для тех времен и мест качеством — чувством справедливости. Ведь это он первым из древних героев придумал способ борьбы с разбойниками: «Я буду делать с ними лишь то, что они делают с невинными прохожими». И таким способом очистил побережье от бандитов. Это он сказал сам себе: «Я не могу оставаться во дворце отца и праздновать здесь, пить и веселиться, если другие отцы оплакивают своих детей, потому что государь, долг которого защищать народ, не смог этого долга выполнить».

Примерно так Тесей заявил отцу.

— Он тебя растерзает! — раздавался по всему дворцу крик Эгея.

— Никто меня не растерзает, — откликался Тесей, и жители Афин, которые прислушивались к этой перепалке, радостно приветствовали слова юного героя.

Кора не присутствовала при последней беседе Эгея с Тесеем, но на этот разговор был приглашен посол Миноса Дедал, который за чаркой подробно пересказал все старику Хирону. А Хирон, конечно же, ничего не скрыл от своей любимицы Коры.

Оказывается, Тесей уломал отца, показав себя патриотом Афин и весьма зрелым для своего возраста политиком. Помирившись, Эгей и наследник престола предложили царю Миносу следующие условия.

Вместе с девушками и юношами, предназначенными в жертву Минотавру, на Крит отправляется и Тесей. Минос впускает его в Лабиринт вооруженного лишь одним мечом, и там Тесей сражается с человеком-быком. Если победит Минотавр, то юноши и девушки, как и договорено, безоружными и связанными предоставляются Минотавру на растерзание. Но если победит Тесей, то Афины навечно освобождаются от позорной дани, и их отношения с Критом отныне будут совершенно равноправными...

Афины замерли в ожидании ответа царя Миноса.

Весть к Миносу Дедал послал почтовым голубем, и другой голубь возвратился на следующее утро.

В ответе царь Минос высказывал радость по поводу того, что царь Эгей жертвует своим наследником. В то же время он выразил искреннее сочувствие Эгею, ибо Минотавра победить невозможно, он соединяет в себе силу быка и ловкость атлета, шкура его непробиваема, а рога заточены как стрелы. Но, если царь Эгей настаивает на том, чтобы потерять своего сына, царь Минос не может отказать ему в такой просьбе. И он согласен на условия Афин. Только пускай на этот раз девицы будут помоложе да покраше, чем в прошлом году, — царю Миносу хотелось насладиться ими, прежде чем передать их юному Минотавру.

Письмо, конечно же, было наглым, но Тесея оно устраивало, потому что после него Эгей уже не мог оставить его дома — была задета честь державы и самого Эгея.

Еще об одном Тесей договорился прямо с Дедалом — и это было естественно. Тесей поплывет на собственном корабле, не к лицу наследнику афинского престола плыть на каком-то суденышке с черной трубой, из которой валит дым. Опоздание на несколько дней роли не играет. Минотавр немного попостится. Впрочем, ему порой подкидывали пленника или приговоренного к смерти раба.

Дедал тут же отплыл, а в городе между тем шли печальные приготовления.

Конечно же, родители пытались доказать царю и старейшинам, что именно их дети никуда не годятся и известны уродством. Правда, из этого ничего не выходило, ведь в таком небольшом по нашим масштабам городе, как Афины, каждая красавица была на виду, а юноши нередко состязались в гимнасиях, так что лучшие из них были известны.

Тесей собрал отъезжающих в одном из небольших залов дворца. Они расселись на складных табуретках у стен. Сбоку, на скамьях, сидели их отцы. Сам царь велел принести себе

небольшое кресло и сидел в стороне, не более как наблюдатель.

Тесей остановился перед строем табуреток — милые юные лица глядели на него с напряженным ожиданием, словно на учителя, который намерен был их экзаменовать. И никому из четырнадцати молодых людей не приходило в голову, что наследник престола — их сверстник, а то и уступает возрастом некоторым из них. Да и выглядел он куда старше своих семнадцати лет.

— То, о чем мы сейчас будем говорить, — произнес Тесей, — должно остаться строго между нами. Возможно, от сохранения тайны зависит наша жизнь... Честно говоря, я даже думал, не отравить ли всех голубей в Афинах, чтобы какой-нибудь доносчик критян не послал весть об этом Миносу. Так что, если здесь есть хоть один шпион, мы погибли.

Присутствующие возмущенно зашумели, и неясно было, то ли были обижены подозрениями Тесея, то ли испугались за своих голубей — голубей многие разводили, хорошая голубятня мало чем уступала ценностью конюшне.

— Ладно, — улыбнулся Тесей, поднимая ладонь и призывая к молчанию. — Предателей здесь нет. А разговор пойдет не о том, как убить Минотавра, это я беру на себя, и вы можете быть уверены в моем успехе.

Тут все захлопали в ладоши, и более других радовался царь Эгей.

— Но меня беспокоит другая проблема, — продолжал Тесей, расхаживая вдоль ряда своих спутников. — Проблема возвращения домой. Я убежден, что Минос не захочет выпустить нас живыми с Крита. Значит, мы должны его перехитрить.

— Молодец! — воскликнул Эгей. — Мой сын!

— Слушайте, что я придумал! — воскликнул Тесей, чтобы перекрыть радостный шум в зале. — Мы оставляем дома двух девиц... Тебя и тебя. — Тесей показал на двух девушек и пояснил: — Вы повыше ростом и пошире в плечах, чем остальные. Встаньте, встаньте. Разве вы не поняли?

— Что? — спросила одна из девушек, которых Тесей попросил встать.

Она ничего не поняла.

Тесею пришлось взять обеих девушек под локти и отвести их к рыдающим от счастья отцам.

— Вместо девушек я повезу с собой двух молодых солдат из отряда царских лазутчиков.

Тесей хлопнул три раза в ладоши, и в зал, робея от того, что они попали в такое изысканное общество, вошли две девушки, повыше остальных, короче остриженные, но хорошенькие, только, пожалуй, слишком ярко накрашенные — с черными бровями, румянами на щеках, помадой на губах и даже накрашенными ногтями. Правда, хитоны на них были длинные, застегнутые брошками на плечах и закрывающие руки.

— Ты сказал о солдатах из моего отряда лазутчиков? — спросил Эгей.

— Именно о них, — согласился Тесей. — Ведь они славятся тем, что могут незаметно проникнуть во вражеский лагерь, даже в неприступную крепость противника, умеют обращаться с кинжалом и знают тайные приемы борьбы. Как зовут тебя, милая девушка?

Вопрос относился к девушке в синей хламиде.

— Мое имя — Парфена, — ответила та хрипловатым голосом.

— Парфена, — попросил Тесей, — мне кажется, что на тот столб села муха. Убей ее!

В мгновение ока, незаметно для окружающих, девушка выхватила тонкий кинжал и метнула его через весь зал в столб. И все увидели, как конец кинжала вонзился в спину комнатной мухи, которая наблюдала за этой сценой с деревянного столба.

— Спасибо, моя девочка, — сказал, загадочно улыбаясь, Тесей. — Садись. — И он указал Парфене на освободившуюся табуретку. — Теперь ты, красавица, — обратился Тесей ко второму созданию — весьма пышноволосой, с густыми усиками над верхней губой, чернобровой девице с большими руками. Глаза ее были обведены черной полосой, губы — как кровь. — Можешь ли ты попасть ножом вон в ту трещинку в потолке?

— Слушаюсь, Тесей, — ответила брюнетка басом. И тут обман Тесея был разоблачен. Все, кто собрался в зале, догадались, что видят перед собой загримированного мужчину.

— Нет! — крикнул Тесей. — Так не годится! Какая жалость! Я подобрал из отряда лазутчиков двух воинов. Я думал, что мне удастся выдать их за девушек. Но если первая, Пар-

фена, не вызвала у вас подозрений, — Тесей показал на лазутчика, который скромно сидел на табуретке, — то второй лазутчик нам не годится... Придется искать снова, а времени нет!

— Погоди, Тесей, — вмешалась Кора, которая наблюдала за этой сценой от двери и поняла, что появился хороший шанс попасть на корабль Тесея. — Я надеюсь, что смогу сыграть роль девушки.

— Но ты и есть девушка! — удивился Тесей.

— А тебе кто нужен?

— Неужели ты не понимаешь, мне нужен юноша, воин, который умеет обращаться с кинжалом и мечом, который может быстро бегать и высоко прыгать, но которого критяне примут за девушку.

— А почему они меня не примут за девушку? — спросила Кора.

— Потому что ты не юноша!

— Так ты радуйся, что я не юноша! Значит, меня не смогут разоблачить. Даже если разденут догола.

— Даже если разденут догола? — переспросил Тесей, дотрагиваясь кончиком указательного пальца до переносицы. — Это любопытно.

— Послушай, сынок, — сказал тогда старый царь Эгей. — Если тебе в самом деле все равно, кто умеет обращаться с мечом и кинжалом, то испытай Кору, а потом уж чеши нос!

— Это идея! — сказал Тесей и протянул Коре кинжал, который взял у брюнетки. — Можешь ли ты перерезать паутинку, по которой спускается паучок в дальнем конце зала?

Все обернулись в ту сторону, но мало кто смог разглядеть паучка.

Кора потрогала кинжал. Он был железным и, если как следует нажать, гнулся.

— Хорошо, — сказала Кора и незаметно для всех быстрым движением согнула длинное лезвие кинжала и тут же метнула его.

Кинжал полетел через весь зал, перерезал паутину, чуть коснулся дальней стены, взлетев повыше, прилетел обратно к Коре и оказался у нее в руке. Теперь осталось лишь быстро разогнуть самодельный бумеранг и протянуть его пораженному Тесею.

— Ты волшебница? — спросил Тесей.

— Нет, я умная, — ответила Кора.

— А может ли прыгать эта девушка? — спросил царь Эгей.

— Здесь тесно, — ответила Кора. — Некуда прыгать.

Но все же она подпрыгнула на месте — метра на два, не выше, схватилась за балку под потолком, оттолкнулась от нее и опустилась у самых ног афинского царя.

Эгей испуганно отпрянул, а когда пришел в себя, то раздраженно произнес:

— С такими способностями лучше выступать в цирке! — Цари не любят, когда их пугают.

Но ни у кого уже не оставалось сомнений в том, что Коре уготовано место в женской каюте.

Когда Кора уселась на табуретку, кто-то из команды Тесея спросил:

— А зачем все это сделано?

Кора тоже рада была бы задать этот вопрос, но терпела, понимая, что кто-то его обязательно задаст.

— Есть секреты, — ответил Тесей, — которые знаю только я сам. Потому что я не могу рисковать. Вы же держите язык за зубами. Знайте, что вашему Тесею понадобилось, чтобы среди девушек было два юноши... — тут он сбился, проглотил слюну и, не глядя на Кору, закончил фразу: — ...чтобы среди девушек было две персоны, которые умеют сражаться в ближнем бою...

— И охранять нас! — сказали хором три красавицы, которые были очень похожи, причем не только внешне, но и именами. Их звали Перибея, Эрибея и Феребея.

— Замечательно! — согласился Тесей. — Именно охранять. А теперь два слова скажет один из наших кормчих.

От стены отделились два человека средних лет. Первый был худ, высок и сутул. Его редкие волосы были связаны сзади в косицу. Лицо было темным от солнца и ветра, ибо кормчий весь день стоит на корме и управляет тяжелым рулевым веслом. Он же командует, когда ставить, а когда убирать парус. Первый кормчий — капитан корабля. За ним, отступив на шаг, вышел вперед второй кормчий, широкоплечий горбун с большим крючковатым носом. Он был рыжим, курчавым, лицо его усыпали веснушки.

— Наш первый кормчий — Феак, — представил Тесей, и Феак поклонился царю и наследнику престола.

Это был знаменитый кормчий. Имя его мало кто знал, а

называли по имени славного племени феаков, из которого выходили лучшие кормчие. Горбуна же называли Навсифоем.

— Отплываем на рассвете, — сказал Феак. — Гребцов для корабля отбирал я сам. Это лучшие воины Афин.

— Я помогал Феаку и подтверждаю это, — сказал Тесей.

Навсифой говорить ничего не стал. Он глазел на красавиц, словно сатир. Впрочем, он настолько был похож на сатира, что Кора украдкой поглядела на его ноги. Но на ногах кормчего были самые обычные сандалии.

...Они покидали Аттику ранним утром, когда легкий туман еще плыл тонкой пленкой над морем, небо казалось розовым, все приметы были благоприятны, родители доплакивали последние слезы, а царь Эгей стоял рядом с сыном, держа его за руку, как маленького мальчика. Тесей тоже волновался и поправлял несуществующую дужку очков на переносице.

Судно было большим, тридцативесельным, и на веслах сидели славные афинские воины. Феак, стоявший у кормового весла, приказал поднять парус, чтобы в последний раз проверить снасти.

Парус захлопал под легким ветром, разматываясь и вползая на мачту. Навсифой метался вдоль него, следя, чтобы он поднимался ровно.

Парус был черным. Кора не знала этого и удивилась.

Рыдания на берегу, усеянном народом, утроились.

— Почему так? — спросила Кора.

— Корабль, увозящий наши жертвы на Крит, всегда уходит под черным парусом, — ответила пухленькая очаровательная Перибея.

— Где белый парус? — спросил Эгей. Кора удивилась, услышав, как он произнес эту странную фразу.

— Вон он лежит, сложенный на дне, на нем будут отдыхать девушки, — ответил Тесей.

— Слышала? — спросила Кору Перибея. — На этот раз мы возьмем с собой второй парус, белый.

— Зачем? — спросила Кора.

Перибея была рада ответить:

— Мы поднимем его, если все удастся, как мы того желаем. Если мы вернемся живыми!

— Хвала Тесею, — произнесла Кора. — Из тебя может

выйти государственный деятель, понимающий смысл исторической детали.

— Вы что-то сказали? — спросила Перибея. Подобно остальным девицам, она относилась к Коре с почтением. Не только потому, что Кора была старше и превосходила прочих девиц ростом, а скорее подозревая, что Кора — богиня Персефона инкогнито. Это бывает с богинями. Если она решила отправиться на корабле Тесея, это только принесет удачу. Даже дурная по специальности богиня остается полезной богиней, если попала к тебе в союзницы. Девушки полагали, что у Коры с Тесеем начинается роман, но кто из них жертва, а кто охотник — оставалось тайной.

Тесей крикнул, чтобы все грузились на корабль, и началась последняя суматоха, которая продолжалась еще часа полтора, прежде чем корабль выбрал каменный якорь и гребцы дружно взмахнули гибкими веслами.

* * *

Путешествие до Крита прошло в общем благополучно, если не считать шторма, налетевшего в первый же день и сильно напугавшего девушек, которые никогда еще не бывали в море. Аппетит пропал, девушки сидели зеленые, как сирены, и готовы были покончить с собой, только чтобы прекратить эти муки.

К их счастью, кормчий Феак вспомнил, что, отправляясь в путь в спешке, девицы забыли принести жертвы на алтарь Аполлона.

Кормчий тут же направил корабль к берегу и умудрился проскочить на высокой волне в небольшую тихую бухту. Там все вылезли из корабля, воскурили жертвенный треножник, принесли небольшие, но искренние жертвы, и тотчас же небо прояснилось, волны улеглись, и можно было продолжать путь дальше, что и удалось сделать с опозданием на три часа, потому что Феребея и Эрибея убежали в лес собирать грецкие орехи с двумя гребцами.

Тут Кора впервые усомнилась в том, что принц Густав совершенно не помнит о своей прошлой жизни.

— Какое счастье, — сказал он себе под нос, стоя на прибрежной гальке и шаря глазами по кустам, откуда должны были появиться загулявшие жертвы Минотавра, — какое

счастье, что проблема девичьей невинности здесь не играет еще решающей роли.

Он обернулся, увидел, что неподалеку стоит Кора, которая могла услышать эти слова, и, смутившись, быстро пошел к кораблю.

Феак долго ворчал на гребцов, потому что до темноты оставалось уже недолго и обычно на ночь корабли приставали к берегу. Но опытный кормчий после краткого совещания с Навсифоем ушел в открытое море и, хотя корабль покачивало и было весьма прохладно, повел прямо к Криту. Ровный сильный ветер дул в парус, казавшийся черной квадратной дырой в звездном небе; тихо и слаженно пели гребцы, помогая себе песней. Потом по приказу Феака стали сушить весла и улеглись спать.

Коре не спалось. Она сидела на носу корабля и смотрела, как синяя в свете звезд пена взмывает валиками у заостренного выгнутого носа корабля, а в воде отражается луна и наиболее яркие звезды. Тесей подошел к ней.

— Иди спать, богиня, — сказал он. — Завтра будут красные глаза.

— Богини никогда не спят.

— Странно, — сказал Тесей. — Зачем ты притворяешься, что мало знаешь?

— Зато я знаю, что Тесея надо беречь, потому что у него есть злые враги.

— У настоящего воина должны быть враги. Но я, к сожалению, не знаю своих врагов.

— А Медея? А Минос?

— Я их не боюсь. Как не боялся разбойников. Меня тревожит другое: страх внутри, в груди, страх перед тем, чего я не знаю. Ты мне можешь объяснить это?

— Нет, — солгала Кора.

— Жаль. У меня странное чувство к тебе, Кора. Будто мы с тобой давно знакомы, будто мы с тобой из другого мира, из другой сказки. А ты знаешь куда больше, чем говоришь.

Он положил руку ей на плечо. Рука была теплая — сквозь тонкую ткань Кора почувствовала тепло его ладони. Он чуть притянул ее к себе, и Кора послушно прижалась к нему. Ей было хорошо и надежно.

— Ты не такая, как другие девушки, — сказал Тесей. — В Трезене или Афинах.

Он поцеловал ее в щеку — хотел в губы, но она успела отклониться.

— Тебе неприятно? — спросил Тесей.

— Я не хочу быть, как другие девушки... в Трезене и Афинах.

— Может, ты и вправду богиня?

— Я твой ангел-хранитель, — сказала Кора.

— Какую весть ты мне несешь? — спросил Тесей. Кора улыбнулась. Она забыла, что в древнегреческие времена слово «ангел» означало совсем иное, чем принято в религиях, которые пришли на смену греческим богам. Ангелы в Элладе были лишь вестниками, с их помощью боги объявляли о своих решениях.

— Иди спать, — прошептала Кора, — завтра трудный день.

— Я хотел, чтобы у меня каждый день был трудный, — сказал Тесей.

— Почему?

— Я хочу стать мужчиной.

— Значит, ты еще мальчик, — сказала Кора, потому что она была мудрее великого героя древности, она была женщиной.

Тесею все равно не спалось, и он ушел на корму, к Феаку. Там они о чем-то говорили, но слышны были лишь обрывки слов — ветер уносил звуки назад. Кора лежала на сложенном белом парусе и смотрела на звезды. Звезды были расположены несколько иначе, чем будут через три с лишним тысячи лет, но созвездия можно было угадать.

Низко над кораблем пролетели две гарпии — их отвратительный запах пронесся как удушливая волна. Далеко-далеко запели сирены. Но вряд ли кто-нибудь, кроме Коры, слышал их. Тесей был занят беседой с кормчим, остальные мирно спали. Чайка села на вершину мачты, и Кора подумала — просто ли это чайка или некто принявший этот образ?

— О горе, горе, горе! — пробормотала чайка. Она сорвалась с мачты, сделала круг над кораблем и растворилась в ночи.

* * *

Дедал на своем пароходе обогнал Тесея, поэтому о прибытии афинян были предупреждены заранее.

Царь Минос, как только ему донесли, что́ приближается

афинский корабль под черным парусом, выехал на боевой колеснице на холм, который господствовал над портом.

Как только корабль мягко дотронулся до причала высоким загнутым носом и по команде Феака весла улеглись вдоль бортов, Минос толкнул в плечо колесничего, и тот погнал колесницу к причалу.

Царь успел к причалу как раз в тот момент, когда по сходням сходил Тесей.

Кора, державшаяся сзади, имела возможность разглядеть знаменитого критского царя. Минос имел облик тирана, словно боги специально собирались и выдумывали, как бы убедительнее сотворить такое чудо.

Высокого роста, по крайней мере не ниже Тесея и Коры, он был скорее могуч, чем толст, и если его сравнивать с горой, то он был скорее горой мяса, чем жира. Телом он был схож с борцами-тяжеловесами, которые раздавливают соперника своей массой. И венчала это закованное в сверкающие золотые латы тело толстощекая голова с низким морщинистым лбом и редкими, медного цвета кудряшками. В цвет им была и бронзовая короткая борода. Глаза у Миноса были маленькие, черные, пронзительные и бессмысленные, как у мыши. Если добавить к этому толстые мокрые губы и выпяченный вперед, преувеличенный подбородок, то и получится образина, именуемая Миносом.

Проникшись неприязнью к Миносу, Кора подумала, каково же сейчас остальным его жертвам — милым девушкам и стройным юношам, воспитанным в Афинах в зажиточных семьях, где даже рабов пороли редко. В самом деле, к радости Миноса, он всегда наслаждался впечатлением ужаса, которое производил при первой встрече, молодые заложники не могли преодолеть дрожи. Даже сам Тесей с трудом сдерживался, чтобы ничем не показать охватившего его страха.

— А ну! — закричал Минос, поигрывая хлыстом с золотой рукоятью. — Кого привезли вы на этот раз, ничтожные мои слуги! Показывайте товар!

По знаку Тесея, который не имел причин отказать Миносу в наглом приказе, молодые заложники сошли с корабля и выстроились неровной шеренгой на причале. Кора более всего боялась, что обман обнаружится и Минос поймет, что вместо одной из девиц ему подсунули юношу. Но этого не случилось, потому что взгляд Миноса сразу упал на пухленькую Перибею. Глаза его расширились, и из угла рта потекла струйка слюны.

— Кого я вижу! — закричал царь. — Кого я вижу! Девица моего сердца! Услада моих ночей! Ты освобождаешься от смерти. Ты будешь жить в моем дворце и нежиться на лучших пуховых подушках мира!

Собственные слова привели Миноса в полный восторг, и он начал топать ногами, как избалованный мальчик, требующий конфетку. Утреннее солнце отразилось в золотых начищенных поножах, и лучи его разлетались по причалу, слепя собравшихся там людей.

Минос протянул ручищу и рванул к себе прелестное, растерянное и до смерти перепуганное создание.

— Ты счастлива? — зарычал он. — Ты довольна?

— Нет, — пискнула, обретя наконец голос, Перибея. — Лучше пускай меня растерзает Минотавр.

Толпа придворных, воинов и зевак, собравшихся на пристани, ахнула от такой наглости, и тогда вперед шагнул Тесей.

— Приветствую тебя, великий царь Крита, — произнес он, стараясь, чтобы голос его не дрогнул.

— А, кого я вижу! — рассмеялся Минос, не отпуская ручки Перибеи. — Мальчишка из Афин, который решил добровольно влезть на рога моему теленочку?

— Великий царь, — сказал Тесей. — Мы прибыли сюда, потому что Афины согласились помимо своей воли отправлять в жертву Минотавру юношей и девушек. В жертву, государь, а не для твоей необузданной похоти.

— Что он сказал? — спросил Минос, оборачиваясь к своим придворным и ожидая услужливого хохота. Но, как ни странно, на причале царила тишина. Даже придворные Миноса не смели осмеять слова царевича Афин. — Я оказываю благодеяние девице, — произнес недовольно Минос, не дождавшись аплодисментов. — И тут мне начинают указывать, что мне положено делать, а что не положено. Я сейчас умру от смеха!

Последние слова были откровенным приказом подданным также умирать от смеха. В толпе послышалось жидкое хихиканье, кашель и иные странные звуки, которые при желании можно было принять за смех.

— Как наследник афинского престола и как сын Посейдо-

на, я обязан заботиться об афинских девах и привезти их невредимыми обратно родителям, — сказал Тесей.

На этот раз Минос не смеялся.

— Ты, по-моему, совсем обнаглел, мальчишка, — сказал он тихо. — Ты не только утверждаешь, что победишь Минотавра, но и указываешь, как мне себя вести! Ты самозванец! Любой нищий в Элладе скажет, что твой дед, ничтожный Питфей, придумал эту сказку о двух отцах. Я сомневаюсь даже, что твой отец Эгей.

Кора понимала Тесея. У него не было иного выхода. Если он останавливает Миноса сейчас, у него сохраняются шансы на победу. Но если он сейчас сдается, тогда он — ничтожный раб Миноса. А гибель его и прочих афинян неизбежна. Если в этой схватке можно кидать, как козырные карты, любую ложь, любую похвальбу, то Тесей не только волен, но и обязан так себя вести.

— Если ты — сын Посейдона, — сказал Минос, — то докажи это нам.

— Я рад доказать тебе это, царь.

— Тогда смотри.

Минос с трудом стащил с толстого пальца массивный золотой перстень с топазом и, размахнувшись, кинул его с причала в море, где волны, поднимаясь горами, загуляли белыми бурунами и, превращаясь в ревущие валы, неслись к берегу.

— Если твой отец — Посейдон, — произнес Минос, — то он поможет тебе найти и принести сюда мой перстень. Если нет, то твоя девочка будет сегодня в моей опочивальне, а ты проведешь ночь в вонючей яме моей тюрьмы для рабов.

«Дайте мне хороший металлоискатель! — мысленно закричала Кора. — Без него никогда не отыскать перстня в крутящемся песке и мутной воде прибоя».

Но мысли Коры остались ее достоянием, а Тесей тем временем быстро стащил через голову хитон, стараясь не упустить глазами точку, в которой перстень коснулся воды. Выбора у него не было, и агент ИнтерГпола Орват была бессильна ему помочь.

Толпа на причале и на склоне холма была безмолвна: одни — в надежде на немыслимую удачу, другие — в злорадном нетерпении. Сам прыжок в волны прибоя был смертельно опасен.

О, как Коре хотелось верить в Посейдона!

А верить приходилось лишь в могущество компьютера. Если тот, подобно Посейдону, пожелает проявить свою власть над воображаемым миром.

Тесей отстегнул пояс с мечом, и ножны прозвенели по камням причала серебряной обшивкой.

Коротко, в десять шагов Тесей разбежался по причалу и прыгнул в мутную зеленую волну, сразу пропав в смеси воды, песка и пены.

И сразу все заговорили, зашевелились, стали продвигаться к краю причала и к кромке воды, но шум человеческой толпы был скрыт в шуме моря, он звучал лишь одним дополнительным инструментом в оркестре.

Рядом с Корой оказался Минос, который тоже двинулся по причалу, словно пытался рассчитать место, куда Тесея выбросит волна. Рядом с ним шли женщины, наверное, его семья.

Кора не могла внимательно приглядываться к ним, потому что основное внимание было приковано к воде... Но взгляд агента всегда внимателен. Одна из трех женщин, сопровождавших царя, была старше других, крупнее, увереннее в себе, в ее красоте было что-то диковатое, звериное, и если уж для кого-то из троих мастер Дедал придумал необычное брачное ложе, то, конечно же, для нее, царицы Пасифаи. Похожа на нее была одна из дочерей. Она была выше матери, вдвое тоньше ее, и то, что казалось на лице матери грубым и животным, в ее лице было лишь воплощением страсти, того сочетания черт, что заставляет мужчину остановиться и обернуться, а если в нем живет самец, то, бросив все дела и прежние привязанности, кинуться за ней. Кто это — Федра? Ариадна? Вот и третья. Изысканно-нежная, каждое движение тонких пальцев отточено, само совершенство, даже складки туники движутся как бы сами, живые, робко дотрагиваясь до удивительного по изяществу тела... Девушка кинула мимолетный взгляд на Кору, не узнающий, скользящий и чужой, и тут же все в Коре зазвенело сигналом тревоги — почти узнавания: эти фарфоровые щеки сегодня еще упругие и горячие, эти серебряные кудри, волнами тончайшего шелка ложащиеся на узкие беззащитные плечики... Значит, такой вы хотите увидеть себя в ВР-круизе, в охоте за любимым племянником, госпожа герцогиня?

Разумеется, возможна ошибка. Но мы будем действовать так, как будто никакой ошибки не произошло.

Кора словно очнулась от гипноза. Сколько времени прошло?

Внутренние, точные до долей секунды часы сообщили:

— Минута и шесть секунд... семь, восемь, девять, десять...

Кора стала продвигаться к кромке причала, понимая, что еще через двадцать секунд ей надо будет нырнуть в эту круговерть пены и взбаламученного песка — без особой надежды отыскать там безжизненное тело ее героя. И пока она будет, сдерживая дыхание, рыскать в зеленой мути, остается надежда, что принца Густава отыщут мониторы, отметят прекращение дыхания и тут же вытащат его наружу, вырвут из игры. Если не опоздают, если не будут повреждены клетки мозга... если он не размозжит себе голову о каменную причальную стенку...

В этот момент принц Тесей выскочил из воды — почти по пояс. Глаза были выпучены, рот приоткрыт, он стремился втянуть в себя воздух, потому что легкие готовы были разорваться...

Один вздох, второй...

Тесей могучими гребками преодолел расстояние до песчаного пляжа рядом с причалом. Он поднялся, пошатываясь, — воды было по пояс... пошел дальше. Потом повернулся, отыскав глазами Миноса, и поднял вверх два пальца — указательный и большой. Между ними был зажат золотой перстень.

Зарыдала, забилась в истерике пухленькая Перибея — она уже похоронила себя. Резко повернулся и пошел прочь царь Минос. За ним, утками, — его семейство. Лишь тонкая и прозрачная его дочь — Ариадна? — обернулась, глядя на обнаженного богатыря.

— Великий царь! — крикнул Тесей, перекрывая шум прибоя. — Ваше величество! Возьмите свой перстень. Мой отец Посейдон возвращает его вам.

Минос был вынужден остановиться. Он не мог игнорировать дар морского бога.

Тесей протянул руку и кинул перстень в открытую ладонь Миноса.

— Вечером жду вас на пир в моем дворце, — сказал Минос. — Завтра же наступит великий день жертвоприношения.

Кора подумала, что чудо, происшедшее у нее на глазах, не столь уже чудо для тех, кто убежден в том, что боги и существуют, и определяют судьбу людей. Случившееся, скорее всего, можно было бы сравнить с ситуацией, когда царь Минос требует удостоверение, метрику, паспорт у приехавшего молодого человека. И тот вынужден этот паспорт предъявить.

То, что Тесей чуть не утонул при этом, кого это касается, кроме Минотавра, теряющего завтра новую жертву?

Тесей остановился рядом с Корой.

— Трудно было? — спросила она.

Кора не верила в реальность Посейдона, что было нелогично и даже глупо, потому что если ты всего два дня назад распивала славное вино не только с великим Дедалом, но и с двумя кентаврами, то не грех бы допустить и существование морского бога. Но Кора предпочитала оставаться на позициях здравого смысла, даже когда не оставалось ни позиции, ни смысла.

— Я и не мечтал отыскать, — ответил не менее трезвый, чем она, Тесей. — Я шарил руками в песке, а быстро это не сделаешь. И когда воздуха уже не оставалось и я понял, что сейчас придется подниматься без кольца, пальцы нащупали что-то круглое... это мог быть камешек.

— К счастью, это оказался перстень, — сказала Кора.

— Прошу уважаемых афинян проследовать в отведенные для них покои, — провозгласил критский придворный.

Тесей поднял руку, прощаясь с гребцами. Те оставались на корабле, а причал был оцеплен двумя шеренгами тяжелых воинов Миноса — тот не хотел рисковать.

Гребцы ответили нестройными криками. Тесей был их вождем и героем. Феак за всех обещал сделать все как надо. Ведь на долю гребцов могло выпасть немало испытаний.

Остальным предстояло провести последнюю ночь в восточных, покинутых даже челядью и отданных летучим мышам, крысам и тарантулам помещениях. Холодный дождь молотил по дырявым крышам, глиняный пол кое-где отсырел и стал скользким. Идти на корабль за одеялами было далеко, да Тесей и не хотел никого отпускать туда, опасаясь подвоха со стороны критян. Так что все сбились в двух комнатах — девушки в маленькой, внутренней, куда можно попасть лишь через внешнюю, в которой спали юноши. Притом всю ночь кто-нибудь бодрствовал.

На рассвете возле комнат послышались шаги. Зазвенело оружие. Тесей громко приказал всем проснуться и занять места у дверей. Тогда все стало тихо. Только шумел дождь.

Утром, когда холодный туман окутал дворец, к Тесею пришла гостья.

Женщина была закутана в длинный, до земли, плащ, накинутый и на голову, так что видны были лишь нос, рот и подбородок.

Она сказала часовому, что ей нужно поговорить с Тесеем. Часовой не хотел пускать ее, но Тесей, который не спал, услышал их разговор и вышел к женщине. Кора сидела у стены и слышала их разговор.

— Тесей, — сказала женщина знакомым надтреснутым глуховатым голосом. — Я не могла заснуть всю ночь, и ты тому виной.

— Кто ты?

— Я открою тебе свое имя. Но поверь мне, что я твой друг, и, может, единственный настоящий друг на острове.

— Зачем ты пришла?

— Отойдем на несколько шагов. Я не хочу, чтобы нас могли увидеть.

Кора поднялась и прижалась к щели, пересекавшей стену. Две фигуры — высокий массивный Тесей и изящная маленькая, по грудь ему, закутанная молодая женщина — стояли лицом к лицу.

Голубой туман полз у их ног, закрывая до колен.

— Сегодня я впервые увидела тебя на набережной, — прошептала женщина. — В моем сердце что-то дрогнуло. Я поняла, что ты и есть мой избранник.

— Кто ты? — повторил свой вопрос Тесей, и Кора была вынуждена признать, что он совершенно прав. Терять время с незнакомкой на рассвете, перед важными событиями было легкомысленно для вождя похода, даже для очень молодого вождя.

Женщина откинула с головы покрывало, и Кора в рассветном голубом сиянии узнала одну из дочерей царя Миноса, ту, субтильную, тонкую, нежную, знакомую голосом и манерами. Неужели Тесей ничего не почувствовал?

— Я — Ариадна, дочь царя Миноса, — произнесла молодая женщина. — Я славна своей красотой на весь остров и на все земли, подвластные Криту. Сотни благородных принцев

и героев сватались ко мне, но вынуждены были возвратиться восвояси...

Кора не сказала бы, что Ариадна уж так хороша, как сама о себе говорила. Впрочем, существуют женщины, которые вынуждены хвалить себя, иначе есть опасность, что их недооценят современники. Но принцессе нельзя было отказать в преходящей и непрочной красоте, такой же, какую Кора увидела у дамы Рагозы, герцогини и главы клана Рагозы. Той самой, которая, втрое помолодев, стояла ранним утром перед своим племянником Тесеем — он не мог ее узнать, ибо был заколдован условиями ВР-круиза, — с которым дама Рагоза, очевидно, решила расправиться, чтобы он пропал без следа. Лучше исчезнувший принц Густав, чем потерпевший поражение либо слишком радикальный реформатор.

— Чего ты хочешь от меня, прекрасная девушка? — вежливо спросил Тесей.

— Я желаю тебя. Тебя всего, прекрасный чужестранец. Я хочу, чтобы ты стал моим возлюбленным и мужем, чтобы ты полюбил меня так же, как я полюбила тебя с первого взгляда.

— Простите, — Тесей говорил вполголоса, чтобы не разбудить своих спутников, — но я не вижу для этого оснований.

В минуты растерянности он становился куда более похож на студента Густава. Стеклышки очков, казалось, поблескивали перед близорукими глазами.

— Разве я не желанна? Разве я не прекрасна, принц? Разве не стану я тебе чудесной и верной женой?

— Но я не собирался жениться.

— Я тоже. — Улыбка тронула губы соблазнительницы. — И я понимаю, что любовь твоя ко мне не может родиться на пустом месте. Но она может начаться сегодня.

— Почему же?

— Из чувства благодарности. Потому что я — единственная, кто может спасти тебя и всех афинян.

— Как же это случится?

«Вспомнила! — чуть не закричала Кора. — Нить Ариадны! Она сейчас предложит ему нить, и по ней он выберется из Лабиринта!»

Странное торжество ученицы, которая в последний момент, уже стоя у доски, вспомнила урок, охватило Кору.

— Я могу предложить вам... — Ариадна искала слово. Кора

еле сдержалась, чтобы не подсказать «сделку». — Я могу предложить вам соглашение.

— Странное место и время для такого разговора, — сказал Тесей.

— У нас не будет другого времени и места.

— Я вас слушаю. — Тесей скрывал раздражение.

— На острове лишь моя мать и я знаем, как проникнуть внутрь Лабиринта, как отыскать в нем зал, где живет мой брат... Минотавр. И я знаю, как можно выбраться оттуда. — Ариадна сделала паузу. Тесей ее не перебивал. — За это вы возьмете меня с собой. И женитесь на мне.

— Вы думаете, что вам лучше покинуть остров?

— Вы ничего не понимаете в любви, Тесей, — сказала Ариадна, и тон ее был тоном женщины, которая знает этот предмет очень глубоко. — К тому же если что-нибудь случится с Минотавром, то мои родители быстро догадаются, кто в том виноват. И меня убьют. Я не сомневаюсь в этом.

Тесей несколько раз открывал рот, желая вмешаться, но Ариадна движением руки останавливала его.

— Если же вы отправитесь завтра в Лабиринт, не зная его устройства, то через несколько шагов вы уже попадете в ловушку — не думайте, что Лабиринт — лишь бесчисленные коридоры. Он полон ловушек, ям, капканов и тупиков, в которых копошатся ядовитые змеи. Вы никогда не доберетесь до цели. И если кто кого и выследит, то Минотавр выследит вас, ибо его заранее предупредили, что утром вы идете в Лабиринт. И погибнете не только вы — погибнут все ваши спутники. И погибнет надежда Афин освободиться от моего отца... Подумай, мой возлюбленный.

— Вы рискуете, благородная принцесса, — сказал Тесей. — Я не могу говорить о любви к вам. И я не могу обещать вам верности. Вы представляете, в какое положение вы себя ставите?

— Я рискую. Но риск... за этот риск я получаю тебя, Тесей. Кроме того, ты сейчас же поклянешься именами всех богов, что останешься мне верен.

— Ясон поклялся в том же Медее. Ничего хорошего из этого не вышло.

— Они прожили вместе долго и были счастливы.

— Я не могу с тобой спорить, — сказал Тесей, — но и не могу поклясться именами всех богов в верности к тебе.

— И я не надеялась на это. Но обещай жениться на мне.

— Обещаю, — сказал Тесей. — Я обещаю жениться на тебе, Ариадна. Если ты поможешь мне убить Минотавра.

— Если ты не убьешь Минотавра, то мне такой муж не нужен, — сказала громко Ариадна. И раздался дружный смех многих голосов, потому что от мертвого мужа мало пользы.

И тогда Кора поняла, что не только она слышала этот разговор. Оказывается, все афиняне не спали, все стояли у тонких стенок, плетенных из тростника и обмазанных глиной. И слушали.

И Тесей понял, что его спутники не спят.

Уже пожертвовав собой ради них, он не мог предать их снова.

Ариадна поднялась на цыпочки, и, угадав ее движение, Тесей склонился к ней, и их губы встретились. В сердце Коры неприятно кольнуло. В сущности, это не должно было ее касаться — она лишь телохранитель античного героя. Но целовался он со своей тетушкой Амалией, герцогиней Рагозой. Это было неестественно, и Кора была против предстоящей женитьбы. Хотя в древности, особенно в царствующих домах, к этим проблемам, сохраняя чистоту крови, относились иначе. В Египте фараоны женились на родных сестрах. Но ведь то Древний Египет...

— Может быть, мы более не сможем встретиться без свидетелей, — прошептала Ариадна, — поэтому слушай. Я все приготовила заранее.

— Ты знала, что я соглашусь?

— Да, потому что ты ответствен за других людей. И это отличает тебя от всех прочих героев.

— Но мой дядя Геракл...

— Твой дядя Геракл способен думать только о себе. И не отвлекайся. Вот твое главное оружие.

— Что это?

— Волшебный клубок. Клубок ниток. Как только за тобой закроются ворота Лабиринта, ты кинешь клубок на пол, крепко держа в руке кончик нити. Клубок сам покатится впереди тебя. И когда ты почувствуешь или увидишь, что клубок кончается, — значит, перед тобой центр Лабиринта, логово моего прекрасного братца. С помощью этого клубка я сама бывала в Лабиринте.

— Можно подумать, что ты не любишь своего брата.

— Как можно любить чудовище, плод страшного греха?

— А как же твой отец?

— Ты намерен превратить нашу первую встречу в утро вопросов и ответов? — В голосе Ариадны Кора вновь услышала нотки герцогини Рагозы. — Скажу тебе, что для отца Минотавр — предмет гордости. Как и Лабиринт. Он из тех людей, которые могут похваляться всем, что удивляет толпу. Даже собственным обжорством. Говорят, что в горах есть коровье стадо, где гуляет несколько его детей. Дурные примеры всегда заразительны...

— В самом деле? Я нигде не слышал об этом!

— Помолчи, мой любимый. Я пошутила. Чувство юмора — это то, что отличает великого человека от простого героя.

— Спасибо тебе за клубок, Ариадна, — сказал Тесей.

— Я пошла. Мне пора спешить.

— Я увижу тебя... — голос Тесея звучал уже куда мягче, чем хотела бы того Кора.

— К двум часам я буду на набережной, у причалов. Надеюсь, что ты не настолько наивен, чтобы не подумать о путях отступления?

Тесей улыбнулся, но не ответил.

Ариадна кивнула.

— Правильно, — сказала она. — Чем меньше людей знают о твоей тайне, тем она сохраннее.

Издали послышались шум голосов и звон оружия. Ариадна, как кошка, растворилась в утреннем тумане.

— Поднимайтесь, друзья, — сказал Тесей. — Надеюсь, что вы ничего не видели и не слышали.

* * *

К сожалению, в последующие часы Кора видела куда менее, чем ей того хотелось. Самое знаменитое событие в мифологической истории Греции — бой Тесея с Минотавром — проходило за стенами Лабиринта, и Кора могла, как и прочие, догадываться о нем только по его результатам.

Сначала слишком многочисленные отряды критской конницы и стражи согнали всех афинян, за исключением Тесея, сохранившего видимость свободы, в низкий храм, стоявший неподалеку от Лабиринта, весьма непривлекательное и невы-

разительное нагромождение башен и бастионов из грубо обработанного камня. В храме, также каменном и грубом, их заперли во внутренних помещениях, видно, складах — там лежали тюки с шерстью, валялось несколько пустых амфор и битых сосудов. Кора задохнулась бы в этом каменном мешке, но, к счастью, там, как и во многих античных домах, дверей не было, а лишь открытые проемы. Кора сообразила, что пленники нужны Миносу для того, чтобы в тот момент, когда изнутри донесется торжествующий рык Минотавра либо он поднимет над центром Лабиринта какое-нибудь победное знамя, можно было решить — то ли скармливать пленников поштучно Минотавру, то ли сперва принести их в жертву собственной похоти.

Когда глаза Коры привыкли к полумраку темницы, в которой содержались лишь девушки — пленников опять разделили по половому признаку, — Кора поняла, что сверху из-под потолка проникает свет. В неточно пригнанных плитах были щели. Тогда Кора, приказав жестом своим товаркам молчать, подтащила к стене несколько тюков с шерстью, взобралась на них и получила возможность наблюдать из блиндажа за атомными испытаниями, то есть увидела вход в Лабиринт — приоткрытые сейчас кованые бронзовые ворота, площадь перед ними, заполненную критянами, и возвышение, на котором стояли самые знатные люди страны. Впереди — толстая скотина Минос, рядом крепкозадая Пасифая и две прекрасные принцессы.

Затем на возвышение поднялся Тесей, и завязался длинный разговор между ним и Миносом, и Кора заподозрила, что речь идет о выборе оружия. По примеру своего великого дяди, Тесею очень хотелось взять с собой железную палицу, тогда как Минос настаивал на бронзовом мече — оружии, конечно же, хилом в борьбе с любым быком.

В конце концов Тесей сдался и направился ко входу в Лабиринт.

При его приближении толпа раздалась, оставляя для Тесея коридор. Воины старались открыть врата Лабиринта, но те не поддавались.

Если центральный вход в Лабиринт выходил на площадь, как бы нависшую над спуском к порту, то его боковые стены и бастионы смотрели в сторону моря. С трудом, но Кора смогла рассмотреть стоявший у причала корабль афинян. Ей

показалось, что она угадала на нем темноволосого Феака и гребцов, занятых какими-то обычными делами и не обращающих внимания на сборище наверху.

Юноша, заменявший собой девицу, поднялся на тюки рядом с Корой.

— Ну что? — прошептал он. — Зашел?

Остальные девицы столпились внизу. Порой кто-нибудь из них тоже подбирался к щели, но делали они это осторожно, чтобы не услышали стражи, которые стояли снаружи.

У черной пасти Лабиринта Тесей остановился. Он поднял меч. Видно, ему очень хотелось, чтоб кто-нибудь из друзей увидел его. Ведь Тесею было страшновато. И лучше всех это понимала Кора. В Тесее сосуществовали древний герой — для него этот мир был обычен и страх был также первобытен — и рафинированный демократ, студент, который самоутверждался для будущих дел и политических побед, но в глубине души, не зная этого, Тесей был более Густавом, нежели эллином.

Никто не помахал ему в ответ, кроме Ариадны, которая осторожно подняла к уху изящную ручку, словно собиралась убрать непокорную светлую прядь.

И Тесей исчез в темной пасти Лабиринта.

Затем воцарилось долгое ожидание.

Ожидание было напряженным и отвратительным, но страха за Тесея Кора не испытывала. Жалко было афинских девушек, если Тесей не одолеет быка...

Кора слезла с тюков, ее спутницы по очереди забирались наверх, чтобы не оставлять площадь без наблюдения, но понимали, что путешествие по Лабиринту и бой с Минотавром могут затянуться надолго и еще неизвестно, чем закончатся.

Девушки уселись в рядок на тюках, обнялись и пели хором, мелодия была простая и заунывная, но знакомая, наверное, она прожила свои три тысячи лет и попадалась Коре в будущем. Пели девушки хорошо, в три голоса, потом к ним присоединился юноша. А Кора представляла себе, как Тесей идет по коридорам Лабиринта, кое-как освещенным дырами в крыше, — Кора спрашивала об этом Феака. Дырки в крыше были сделаны нарочно, чтобы сквозь них свет проникал в витки коридоров. Ведь не будешь ты отправлять слуг внутрь, чтобы они меняли факелы или масло в светильниках. Странно, подумала Кора, вот читаешь древние мифы и никогда не

задумываешься: а как же видел Тесей, если в Лабиринте нет света?

...Вот он идет, настороженный, останавливаясь через каждые несколько шагов, чтобы слушать тишину Лабиринта, — ведь Минотавр тоже не стоит в центре, склонив голову с тяжелыми рогами и ожидая врага. Он, наверное, подстерегает Тесея за углом... Осторожней, Тесей!

Но конец этой истории наступил неожиданно и оказался вовсе на таким, каким могла его себе представить Кора.

— Смотрите! — закричал юноша, дежуривший у щели.

Сначала она никак не могла сообразить, что же происходит.

Слишком далеко от нее, да еще подсвеченный сзади косыми лучами утреннего солнца, крошечный человечек вылез на крышу Лабиринта почти в центре его. В руке эта фигурка поднимала нечто круглое, тяжелое, видно было, как она изогнулась, чтобы удержать равновесие.

И тогда скорее воображением, чем силой зрения, Кора поняла, что видит выбравшегося каким-то образом на крышу Лабиринта Тесея, который поднимает в руке голову быка.

Потом Тесей спрыгнул вниз и исчез почти на двадцать минут — пожалуй, самые длинные минуты в жизни Коры Орват.

Она старалась не выпускать из вида то, что происходит на возвышении, среди высокопоставленных зрителей.

Там царила паника.

Исход боя был настолько невероятен, что Минос и его жена отказывались в это верить и даже обвиняли Тесея в жульничестве. В то же время придумать, как же Тесей обманул их, они не могли и теряли время, сцепившись в ссоре. Какие-то высокие чины отдавали приказы и тут же отменяли их, и, по мере того как приближался момент появления Тесея, суматоха в стане критян все увеличивалась. Но так не могло продолжаться до бесконечности, и одновременно с ростом суматохи в ней появлялась некоторая осмысленность, исходившая от Миноса, который уже отметал самые глупые и поспешные решения. Вот он подозвал к себе нескольких моряков и заговорил с ними, склонившись к ним, чтобы окружающие не слышали о его решении.

Когда появится Тесей, было неясно. Но Кора полагала, что остались считаные минуты. Дальнейшее зависело от того,

насколько точно его выход из Лабиринта совпадет с действиями остальных афинян. Ни Кора, ни Феак — никто из них не думал, что, убив Минотавра, афиняне получат за это обещанную свободу. Теперь надо было убежать, ибо в ином случае их сначала всех перебьют из чувства мести и лишь потом когда-нибудь начнут мирные переговоры с Афинами.

Кора бросила взгляд к причалам — все верно. Она увидела то, что надеялась увидеть, — афинских гребцов, которые по двое, по трое перебирались на пришвартованные рядом военные суда критян и торопливо рубили топорами им днища, благо и команды, и охрана этих кораблей — все были на площади перед Лабиринтом, надеясь увидеть исторический момент — гибель Тесея.

Теперь наступила очередь действовать Коре — она была старшей в этом подвале.

Кора выхватила короткий кинжал, который был скрыт у нее под одеждой, и, подчиняясь этому знаку, другой юноша, замаскированный под девушку, также обнажил оружие.

Эрибея по знаку Коры осталась на тюках у щели — она должна была дать сигнал, когда Тесей появится из Лабиринта.

Юноша с кинжалом и Кора замерли по обе стороны дверного проема, за которым ходили, переговаривались солдаты. Воины обращали куда больше внимания на ту комнату, где были заточены молодые люди, оттуда вырваться было немыслимо — они были заранее обысканы, обезоружены, в дверях стояло несколько тяжеловооруженных панцирных воинов с короткими копьями, направленными на дверь. Все надежда была только на девушек, на продуманную еще в Афинах хитрость предусмотрительного Тесея — нападение должно исходить с той стороны, откуда противник его менее всего ждет.

— Идет! — крикнула девушка. — Ой, девочки, он же весь в крови! Сейчас упадет.

Шум и крики, донесшиеся с площади, казалось, поколебали толстые стены храма.

Можно было предположить, что и стражи храмовых подземелий также замерли, прислушиваясь к крикам сверху и стараясь понять, означают ли они победу Минотавра.

— Вперед! — приказала Кора.

Юноша послушно кинулся вперед. Кора за ним.

Два стража у двери, пораженные кинжалами, упали сразу,

никак не ожидая нападения от девиц, которых они охраняли. Кора и ее напарник бились молча, отчаянно и быстро, стараясь, прежде чем охрана опомнится, пробиться к двери, за ней их ждали товарищи. Только вместе можно было надеяться одолеть солдат, которые растерялись от нападения, но растерянность скоро минет, и тогда положение афинян будет безнадежным.

Через минуту Кора уже была у двери в подземелье, где содержались афинские юноши.

В полутьме подвала храма мелькали черные тени, слышались крики и звон оружия, испуганный стражник встретился глазами с Корой, и та сразу в прыжке ударила его ногами в живот, надеясь, что теперь он не скоро очнется.

Хорошо уговаривать себя, что все это игра. Все это ВР-круиз, изобретение изысканных умов далекого будущего. Но когда ты наталкиваешься рукой на горячую потную кожу, когда кровь, брызнувшая из раны воина, обжигает тебе бок, когда в крике рвущегося к тебе солдата ты ощущаешь запах чеснока — какая к черту игра!

Но надо сражаться.

«Кого я убиваю? Фантомов или людей?»

— Выходите! — крикнула Кора, стараясь перекричать шум и грохот в подземелье. — Скорее! Разбирайте их оружие! Выводите девушек!

Ей подчинялись. Если ты берешь на себя командование, если ты делаешь это уверенно, словно знаешь и о цели, и о том, как ее добиться, люди готовы доверить тебе свою жизнь, надеясь, что сохранят ее вернее, чем когда будут действовать по собственной инициативе. Они не думают об этом, не анализируют, они просто начинают двигаться быстрее и осмысленнее.

Афиняне пробились к выходу из храмовых подвалов, и никто их не преследовал, настолько оставшиеся в живых воины были растеряны и испуганы тем, что произошло.

Кора не потеряла чувства направления и умения ориентироваться.

Опрокинув нескольких воинов, что находились у храма, афиняне толпой кинулись вниз, к кораблю.

Там у кормового весла стоял Феак и кричал на гребцов, торопя их занимать свои места. Корабль уже развернулся так, что с причалом его соединяли лишь узкие мостки, а по оба

борта было открытое водное пространство, в которое гребцы опустили весла, готовые сделать первый гребок.

Теперь Кора, замыкающая группу афинян, смогла обернуться назад и увидеть, как обстоят дела у Тесея.

И вовремя, потому что она стала свидетелем исторического момента.

Именно в эту минуту, измазанный кровью, смертельно усталый, шатающийся Тесей кинул к ногам Миноса колоссальную голову его сына. Тугая шерсть кучерявилась на крутом лбу быка, рога были позолочены, глаза полуоткрыты... Голова с тяжелым глухим стуком ударилась о землю.

— Афины свободны! — воскликнул Тесей.

— Взять его! — Минос как будто ждал именно этого мгновения, но не успел опередить слова Тесея.

Но рядом с Миносом не было простых воинов — он настолько далеко прошел вперед к Лабиринту, что рванувшаяся за ним толпа придворных и знатных критян оттеснила охрану, и потому произошла заминка. Сам же Минос не смог вытащить меч. Ну а что касалось критской знати, то ни один из князей царства не посмел поднять меч на Тесея...

Ариадна уже бежала по крутому склону вслед за группой афинян. Она специально надела в то утро короткий хитон, чтобы он не мешал ей бежать. Да ее никто и не преследовал, потому что все внимание в тот момент было приковано к Тесею.

Тесей кинул взгляд в сторону моря. И сразу оценил обстановку.

Афиняне уже подбегали к причалу. Быстроногая Ариадна вот-вот их догонит.

— Прощай, царь Минос! — крикнул Тесей и помчался вниз, следом за своими спутниками.

И тут вся масса критян, включая стариков, женщин и детей, которые пришли полюбоваться на праздник, набирая скорость и издавая зловещий звук, словно гигантский рой пчел, покатилась по склону к кораблям.

Впереди гигантскими прыжками несся, обнажив свой меч, сам царь Минос. За ним его охрана и полководцы. Затем придворные, потом просто воины и просто зрители.

Кора помогала юношам забрасывать визжащих девиц в корабль.

Тесей крикнул еще с полпути, но так, что голос его докатился до кормчего Феака:

— Днища у их кораблей проломлены?

— Проломлены, царевич. Поспеши!

И в самом деле уставшего Тесея настигали враги.

Тогда он остановился и стал крутить мечом, стараясь задержать толпу.

Но толпа лишь на мгновение замедлила движение, а потом задние ряды стали так напирать на передние, что Тесей понял — ему не удержать критян.

Он снова побежал и успел на причал в последний момент, умудрившись еще подхватить на причале Ариадну, которая выбилась из сил и рыдала в ужасе, что не успеет на корабль.

— И... раз! — крикнул Феак.

Весла дружно разрезали спокойную зеленую воду, и тяжелый корабль сразу сделал прыжок вперед.

Преследователи, заполнявшие причал, после минутной растерянности начали обстреливать беглецов из луков и метать дротики — стало темно от потока острых стрел. Дротики и стрелы выбивали дробь по бортам и банкам корабля, кого-то ранило, кто-то вскрикнул, кто-то уронил весло, и один из бывших заложников кинулся на скамью занять место раненого гребца.

Но уже через минуту стрелы перестали долетать до корабля.

А на причале и возле него кипела суматоха. Критяне старались вычерпать воду из боевых кораблей, продырявленных афинскими гребцами, затыкали дыры паклей. Всадник поскакал в соседнюю бухту, чтобы поднять там вторую критскую флотилию.

— Поставить парус! — приказал Феак.

Черный парус пополз вверх по мачте и, подхватив ветер, надулся пузырем.

«Теперь нас никто не догонит, — подумала Кора. — Удалось».

Тесей лежал во весь рост на скатанном на дне белом парусе. Он был измазан в крови так, словно купался в ней.

Никто не задавал ему вопросов.

Тесей тоже молчал.

Потом сказал:

— Надо не забыть...

Никто не понял, о чем он говорит.

— Надо не забыть, — повторил он, закрывая глаза и засыпая, — сменить парус.

Тесей заснул.

Никто к нему не приближался.

Лишь Ариадна сидела в двух шагах от него, с опаской поглядывая на афинян, которые делали вид, что не замечают ее, им трудно было понять, спасительница ли она или дочь врага... и чего от нее ждать.

Так же на нее смотрела и Кора.

Она почти не сомневалась в том, что Ариадна — идеализированное компьютерное воплощение дамы Рагозы.

И теперь, когда простые подвиги позади, придется не спускать глаз с этой девицы. Она опаснее для Тесея десяти Минотавров.

Ветер крепчал, Феак велел сушить весла, гребцы заговорили, вспоминая приключения прошедшего утра, к ним присоединились и заложники, каждый рассказывал о том, что происходило вокруг него. Коре тоже досталось — оказалось, что она настоящая амазонка и перебила человек десять критян. К счастью, это было не так. Но Кора не спорила. Она тоже устала и не выспалась.

* * *

Во сне Коре казалось, что Ариадна превращается в скрипящую пергаментом герцогиню Рагозу и, вновь став юной, медленно переступая по-балетному, приближается к раскинувшемуся на парусе Тесею. В руках у нее нож, и Коре понятно намерение герцогини: сейчас она отрежет голову принцу Густаву и кинет ее в море, туда, где, преследуя корабль афинян, несутся стаи акул... Надо проснуться и остановить убийцу, ведь задача Коры не допустить гибели принца! Если ты не смогла помочь ему в Лабиринте, то помоги хоть на узком пространстве корабля.

Кора вскочила. Села. Корабль беззвучно скользил по черному морю, опасных акул в Ионическом море никогда не водилось... Тесей спокойно спит, он виден кормчему и впередсмотрящим. Ничто ему здесь не может угрожать. Ариадна тоже спит, свернувшись калачиком на кошме среди других афинских девушек.

Кора не сомневалась, что Ариадна задумала убийство Тесея, — но как?

С этой мыслью она уснула снова, а потом, на рассвете, ей уже в полусне показалось, что она вот-вот догадается, в чем же загадка, но тут случилось трагическое происшествие, которое заставило Кору на время забыть о своем задании.

Она как раз ополоснулась забортной водой и, посетив примитивный туалет, прикрепленный на носу корабля, чтобы волны омывали его, уселась среди девушек в ожидании утренней пищи — лепешек, пресного сыра и простокваши, разведенной водой.

Настроение у всех было чудесное, эйфория выспавшихся победителей, когда вчерашние испытания вызывают лишь слишком громкий смех. Оказывается, с самого начала афинянам было ясно, что все хорошо закончится.

Тесей еще спал, и это единственное, что удерживало молодежь от желания поднять страшный шум.

И вдруг Феак, который так всю ночь и не покинул своего места кормчего и внимательно оглядывал горизонт и небо, чтобы определить курс судна, предупреждающе крикнул. В голосе его звучала тревога, и мгновенно необузданное веселье афинян сдуло как ветром. Все обернулись туда, куда показывал кормчий.

Там, высоко в небе, выше облаков, куда могли подниматься лишь орлы, догоняя корабль, неслись две точки, две птицы. И, казалось бы, ничего угрожающего от них не могло исходить.

— Что там? — спросил Тесей, мгновенно просыпаясь и хватаясь за мачту.

Кора поняла, что за прошедший день он стал куда старше и его уже не назовешь юношей. Тесей поправил несуществующую дужку очков и, как бы почувствовав взгляд Коры, на мгновение перевел на нее взор и улыбнулся ей открыто и даже задорно. Кора показала взглядом на проснувшуюся и сидевшую, обхватив колени тонкими ручками, Ариадну. Ариадна, не отрываясь, смотрела на своего мужа — ведь Тесей ее муж? И ей был очевиден обмен взглядами между Корой и Тесеем.

Ариадна поморщилась, она была недовольна. Приоткрыла было рот, чтобы что-то сказать, но новый крик Феака отвлек и ее.

Теперь уже было понятно, что в небе летят не птицы, а какие-то иные существа — вернее всего, люди, ибо тем, у кого было острое зрение, стали видны человеческие тела, расставленные для равновесия ноги и головы без клювов.

— Это боги! — пискнула Перибея.

— Нет, — сказала Ариадна, вставая и протягивая руку Тесею, чтобы он ее поддержал.

Тесей взял ее за пальцы. Кору внутренне передернуло.

— Нет, — повторила Ариадна, — думаю, что это Дедал убегает от гнева моего отца.

— Но почему? — удивился Тесей. — Он же пользуется полным его доверием?

— Вас там не было, — сказала Ариадна. — Вас там не было, у Лабиринта, когда в дверях появился Тесей с головой моего брата. И мать Пасифая, увидев, что ее сын погиб, нечаянно, не удержавшись, закричала: «О боги! Какое горе! Лучше бы Дедал не делал мне ложа для того, чтобы я могла отдаться белому быку! Каждая страсть ведет к горю!» Так кричала моя мать, не отдавая себе отчета в том, что выдает себя. Ведь все при дворе, включая отца, думали, что она — невинная и несчастная жертва того быка. И тогда отец, и без того преисполненный гнева, обернулся к мастеру Дедалу и крикнул: «Смерть тебе, изменник!» Я не знаю, чем это кончилось, потому что вскоре я и сама убежала... Но я знаю, что Дедал давно уже учился летать, он склеивал орлиные перья воском, присоединял их к тонкой раме и делал крылья, чтобы крепить их к рукам. Я думаю, что это он.

— А кто второй?

— Второй — его любимый сын Икар, — сказала Ариадна.

Все смотрели, как две фигурки приближались, нагоняя корабль.

А Кора вдруг вспомнила недавний разговор в гостях у кентавра Фола. Разговор, в котором упоминалось о гении и злодействе...

Гелиос, бог Солнца, уже высоко взбежал в своей колеснице на небо, и потому приходилось прикрывать глаза козырьками ладоней, глядя, как летят отец и сын. Один из них летел прямо, невысоко над морем. Ровно и настойчиво. Второй все норовил то коснуться крылом волн, то устремиться к легким облакам, к самому солнцу.

Разумный летун был уже близок, и черты его лица были знакомы Коре. Конечно же, это Дедал.

Стало очень тихо. Утреннее море было спокойно, словно зеркало, ветерок дул ровно и беззвучно, и вдруг все услышали, как кричит Дедал:

— Мой сын, берегись! Не воспаряй высоко, чтобы солнце не растопило воск! Ты слышишь меня, Икар?!

И тут Кора поняла, что Икар отлетел уже так высоко и далеко, что вряд ли слышит предостережение отца, — ведь он взмахивал крыльями и ветер свистел в ушах и шумел в орлиных перьях.

Кора знала, чем закончится сейчас эта история. Об этом она читала.

Что-то творилось с крыльями Икара — они начали изгибаться, оплывать, терять свою изысканную и совершенную форму.

Дедал начал было набирать высоту, но потом спохватился, что рискует погибнуть сам, не спасши сына, и продолжал полет, лишь глядя, как мимо него, набирая скорость, с отчаянным криком: «Отец, спаси!» — летел, кружась, как подбитая стрелой птица, его сын Икар.

Он ударился о воду, подняв высокий фонтан, и сразу исчез с поверхности моря!

Феак, не дожидаясь приказа, налег на кормовое весло, разворачивая корабль в ту сторону, гребцы, не ожидая команды, кинулись к веслам и принялись часто грести.

Дедал кружил над тем местом, где упал в море Икар.

Корабль достиг этого места через несколько минут, но на поверхности гладкой воды лишь медленно плавали белые с черным орлиные перья.

Дедал молча и упорно кружил над кораблем, будто не видя его.

И вдруг кто-то из гребцов крикнул:

— Смотрите!

Из глубины синей воды медленно поднималось тело Икара — море отдавало его.

Несколько гребцов сразу же прыгнули за борт и, поддерживая тело Икара, передали его своим товарищам, которые склонились с борта.

— Дедал! — крикнул Феак. — Ты видишь островок, вон

тот, с каменной скалой, стоящей отдельно. Мы причалим к нему и поможем тебе похоронить сына.

Дедал не ответил, он полетел к острову, и когда гребцы через час вынесли на берег тело Икара, Дедал ждал их. Рядом лежали аккуратно сложенные крылья. Он не сказал ни слова во время похорон.

Потом корабль взял курс дальше, к острову Наксос, чтобы набрать воды и фруктов. Впереди предстоял целый день пути. Дедал же вновь поднялся в воздух и вскоре растворился в облаках.

* * *

Кора с интересом наблюдала за жизнью неожиданно создавшейся семьи Тесея, впрочем, странность ее не ускользнула от внимания и прочих афинян. Вокруг перешептывались, словно на балу, где ждали, пригласит ли Дантес прекрасную жену Пушкина на вальс или не посмеет.

Конечно, сравнение было не очень удачным, просто иного Коре в голову не пришло. Вскоре после того, как афиняне предали земле погибшего Икара и окрепший ветер, срывая с вершин волн белые барашки, еще быстрее понес корабль к дому, Ариадна перешла к Тесею, и они вместе с ним поели, так же как и остальные гребцы. На корабле, правда, оказалось несколько амфор вина, и, смешивая его с водой, молодые люди утоляли им жажду и успокаивали нервы.

Кора, которая сидела неподалеку от Тесея и Ариадны, слышала каждое слово, сказанное ими, и находилась в таком же недоумении, как и прочие путешественники.

— Не знаю, — сказал Тесей, откусывая от большого ломтя сыра, — как я представлю тебя жителям Афин и моему отцу. Ты знаешь, что у нас не любят критян. Слишком много несчастий из-за вас...

— Не говори глупостей, — ответила Ариадна. — Афиняне поступали с моими соотечественниками вдесятеро хуже. Еще недавно у меня было два славных брата — одного из них подло убил твой отец...

— Ариадна!

— Я имею право говорить правду! Вся Эллада знает, что моего брата убили из-за зависти. А второго моего брата убил ты, и твои руки до сих пор по локоть в крови.

— Но, Ариадна! — Тесей пытался оставаться по крайней мере вежливым. — Кто дал мне клубок? Кто предложил себя в жены, если я убью твоего брата?

— Вот это и ужасно! — крикнула Ариадна. — Вот это и ужасно, если ты довел несчастную, совершенно невинную девушку до того, что она предала свою семью и кинулась в объятия чужестранца... Впрочем, и объятий еще не было...

— Не спеши, Ариадна, — ответил Тесей. — Мы приедем с тобой в Афины, я представлю тебя как следует моим родителям, мы сыграем свадьбу. В лучших античных традициях.

— Я не верю тебе, потому что я полюбила тебя с первого взгляда, а ты меня так и не полюбил.

— Ариадна, уважаемая мною, Ариадна. Я тебе по гроб жизни буду благодарен за то, что ты сделала для моих родных Афин. И мои спутники также вечные твои должники.

Неожиданно нестройный гул голосов донесся со всех концов корабля — оказывается, все без исключения его пассажиры были слушателями этой беседы и выражали согласие с Тесеем.

— Не подменяй важные понятия! — возмутилась Ариадна, поднимая тонкую ручку, чтобы остановить афинян от участия в беседе. — Любовь и уважение — это не только различные чувства, это чувства взаимоисключающие. В течение тысячелетий люди говорили и будут спрашивать одно и то же: «Ты меня любишь?» — и отвечать: «Нет, я тебя уважаю».

— Это близкие чувства, — попытался возразить Тесей.

— Помолчи! — Глаза Ариадны горели светлым, небесным пламенем. Лицо густо покраснело. Такая женщина может приказать казнить, хотя не сумеет сама вонзить кинжал. — Я хочу тебя предупредить при всех твоих спутниках — у меня на борту полсотни свидетелей. Ты станешь моим мужем, ты полюбишь меня, и когда ты унаследуешь трон Афин, я стану афинской царицей. И если ты посмеешь каким-то образом попытаться избежать своей судьбы, то берегись — месть моя достанет тебя в любой точке земли.

— И все же, — Тесей проявил упрямство, что вообще-то свойственно мягким по натуре людям, — при всех твоих замечательных качествах я не могу сказать, что успел полюбить тебя за те несколько часов, которые мы знакомы. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы ответить тебе взаимностью, но

и тебе придется быть терпеливой — я не могу полюбить по приказу и за полчаса.

Восторженные, приветственные крики и даже аплодисменты донеслись со всех концов корабля, что вызвало недовольную гримасу на лице Ариадны.

История с гибелью Икара отняла у корабля чуть ли не полдня, так что по дороге к Наксосу пришлось сделать еще одну остановку, чтобы переночевать на островке без названия, на котором, к счастью, выбивался из-под скалы родничок пресной воды, а в бухточке, куда он впадал, кружились в хороводе несколько сирен.

Вечер выдался теплым, некоторые из гребцов нырнули в бухточку, чтобы порезвиться с сиренами, но Тесея это не волновало, потому что бухта была неглубока и вход в нее так узок, что достаточно было посадить двух гребцов покрепче, лишенных музыкального слуха, на случай, если кто-то из молодежи решит уплыть в открытое море с сиреной и погибнуть в его пучине. Но у сирен в тот вечер не было агрессивных намерений, а у молодых людей — стремления к роковой любви, так что они только резвились с сиренами в бухточке, а кому было невтерпеж, вылезали с ними в прибрежные кустики и предавались там ласкам.

Тесей отправился помогать гребцам — во время отплытия с Крита треснула мачта, и ее надо было починить. К тому же в двух местах была повреждена обшивка.

Кора услышала, как Ариадна подсела к рыжему горбуну Навсифою. Тот сидел у кормового весла. Ариадна говорила тихо, почти шепотом, Коре пришлось включить свой слух на полную мощность, но и то она скорее догадывалась, чем слышала, о чем разговаривала царевна со скромным кормчим.

— ...Нет, — донеслось до Коры. — Я хочу знать твою самую главную мечту.

— Жениться.

— И ты знаешь, на ком?

— Она не выйдет за меня, потому что я урод.

— Потому что ты урод или потому что ты беден? Что случилось, если бы ты стал богатым?

— Тогда ее отдадут за меня. Но зачем ты задаешь такие вопросы, госпожа Ариадна?

— Я готова дать тебе деньги на выкуп твоей невесты.

— Нет. Это невозможно. Они очень богатые люди.

— Сколько?

— Полталанта серебра.

— У нас на Крите другие меры... Сколько это будет в деньгах?

Помощник кормчего посмотрел на царевну, как на сумасшедшую.

— Царевна не знает, сколько драхм в таланте?

— Забыла. Мне можно забыть. Мне деньги давали без счета.

— В таланте шесть тысяч серебряных драхм.

— Ничего мне это не говорит, — растерянно проговорила Ариадна. Она готова была уже позвать на помощь Кору, но спохватилась. Ее выпуклый лобик наморщился. Видимо, в отличие от Коры Ариадна не так тщательно учила домашние задания.

— Это много? — растерянно спросила она.

— Два таланта серебра — это ваш вес, госпожа. Значит, за четвертинку можно выкупить мою невесту.

Навсифой не был уродлив и кособок. Скорее он казался чрезмерно сутулым. А лицо у него было мрачное, обезьянье, но лукавое, как у сатира.

Ариадна окинула взглядом собственное тело, взгляд ее остановился на ноге. Она подобрала ногу.

— Очень дорого, — согласилась она. — Но я вам могу помочь.

— Весьма благодарен, госпожа, — сказал помощник кормчего. — Но что я должен за это сделать? Бесплатных чудес не бывает.

— Это мы обсудим с тобой потом, — сказала царевна.

Чем-то Навсифой не понравился Ариадне, не вызвал доверия. А может быть, цена показалась слишком велика?

— А что надо делать? — спросил помощник кормчего.

— Выполнить мою просьбу.

— Какую?

— Скажу тебе ночью, когда пристанем к острову.

Навсифой пожал широкими плечами.

— Ариадна! — окликнул невесту Тесей. — Ты бывала на Наксосе?

— Да, — быстро ответила Ариадна.

Ариадна могла там бывать — Наксос близок к Криту, хоть и относится уже к Кикладам. Пока же это дикие, ненаселенные и даже отдаленные земли. На Наксосе иногда ночуют

рыбаки или пережидают ночь и непогоду мореходы, что держат путь из Карий в Аттику или на Крит, но постоянно там живут лишь духи ручейков, порой заплывают океаниды, и, говорят, там пасся Пегас.

— Там есть пресная вода? — спросил Тесей.

— Там текут настоящие речки. Это большая земля.

— Там есть деревья?

— Там есть даже оливковые деревья. И там есть дикие козы.

Голос Ариадны был серебряным, ласковым, нежным. Она легко, по-кошачьи, подошла к Тесею.

«Зачем она предлагала горбуну деньги? Она готова была заплатить много. За убийство Тесея? Это правдоподобно. Ей самой трудно убить жениха так, чтобы нам не удалось его оживить. С помощью могучего горбуна она могла что-то придумать».

— Эй, Феак, — окликнул кормчего Тесей. — Ты знаешь на Наксосе хорошую бухту?

— Я не водил туда корабли, — ответил Феак. — Но говорят, что там есть бухты.

— Есть, я знаю, — вмешалась Ариадна. — Я покажу.

— У нас новый кормчий, — крикнула Перибея, которая, естественно, не выносила критскую пассажирку.

— Там есть даже пещера, сухая и удобная. В ней раньше жил дракон, но потом его изгнал кто-то из древних героев. Я покажу вам. Отец возил туда нас с сестрой, когда мы были маленькими...

Ариадна смотрела на Тесея влюбленными глазами. Даже Коре было трудно поверить, что за очаровательным обликом этой девушки, почти ребенка, скрывается изощренная в интригах герцогиня.

Затем потянулся томительный долгий день. В середине дня ветер упал, и гребцам пришлось взяться за работу. Но они были рады размяться. И Коре даже казалось, что корабль побежал еще быстрее.

По сторонам были видны острова, но близко к ним корабль не подходил, порой встречались рыбачьи лодки, один раз на фоне поросшего соснами крутого берега они видели парус большого торгового судна — вот и все события за день.

Ариадна, как заметила подозрительная Кора, выбрала для обработки еще одного молодого человека, того юношу, что был заслан в девичий лагерь кинжальщиком. Юноша с пер-

вого мгновения не сводил с Ариадны восхищенного взора и потому показался Коре куда опаснее, чем горбатый кормчий.

На корабле трудно подслушивать, если люди не хотят, чтобы ты слышала их разговор, а Ариадна была осторожна. Коре удалось разобрать лишь отдельные фразы, а то и слова. Но она сделала важный вывод — Ариадна не склоняла юношу к каким-нибудь действиям. Она лишь кружила ему голову, проявляя к нему больший интерес, чем положено царевне, причем ей оказалось легко это сделать, так как Тесей был занят своими планами, мыслями и разговорами. Он потратил, в частности, часа два на обсуждение с Феаком плана путешествия морем к Порту Эвксинскому для повторения подвига Ясона. Тесей был честолюбив, и в нем сидел тот черт, что отправляет Магеллана искать неизвестно что в пустом океане. А потом дети вынуждены заучивать имена этих великих людей.

Ариадна ворковала, ее горловые, с придыханием рулады доносились до Коры, и она видела, как юноша-кинжальщик таял на глазах, ей даже казалось, что он становится меньше ростом.

Пожалуй, правильно. Кора на месте Ариадны повела бы себя точно так же.

Сначала попробовала бы стойкость мужчин, тех, кого надо будет использовать в своих интересах, и, отыскав нужного, превратила его в воск.

Что касается воска, об этом Коре было неизвестно, но вот короткий хитон Ариадны уже не раз задирался достаточно непристойно даже по древнегреческим нравам. Царевны из хорошего дома так не поступают. Но остальные афиняне этого не замечали — благодарность к Тесею, который вытащил их из большой беды, вспыхнув поначалу, уже погасла — все они были сверстниками, приятелями. Они спаслись, они здоровы, веселы, сыты, скоро будут дома — вот и отлично!

Так что Кора предчувствовала, что основной опасностью для путешественников станет сохранение невинности немногочисленных афинских девиц.

Это не означает, что саму Кору сильно пугала эта перспектива, она всегда умела обращаться с нахалами, которые забывают спросить у девушки разрешения на близость. Но что будет с пухленькой Перибеей — страшно представить!

К счастью, поднимающийся пологими холмами над мо-

рем, поросший соснами и кедром чудесный остров Наксос оказался гостеприимным, как обещала Ариадна.

Корабль вошел в тихую бухту, куда впадала небольшая, мирно журчащая по камням речка, в бухте медленно плавали крупные и весьма миролюбивые лебеди, череп большого дракона валялся, наполовину погрузившись в песок, а из кустов, подходивших к пляжу, выглядывали любопытные физиономии нимф, нереид и фавнов, видно, расплодившихся на острове за отсутствием людей.

Обилие жизнерадостных и изголодавшихся по любовным утехам нимф порадовало Кору. Значит, тем афинянкам, кто бережет честь смолоду, удастся отоспаться в одиночестве.

Ариадна не обманула своих спутников. Остров и на самом деле был мирным, лесистым, полным всевозможной живности, а также дарующим плоды и ягоды.

С веселыми возгласами афиняне разбежались по острову, и вскоре их голоса перемешались с голосами птиц и нимф. Порой кто-нибудь выбегал из леса и выпрашивал у горбуна Навсифоя очередной бурдюк с вином или круг сыра. Да кормчий и не жадничал, до дома оставалось немного и по обжитым путям — чего экономить?

Лучи вечернего солнца пронзали пожелтевшую и поредевшую листву деревьев. Ариадна, легко перепрыгивая через упавшие стволы и обегая камни, вела их крутой заброшенной тропинкой к гроту над речкой.

Грот и на самом деле оказался сухим, даже уютным. Свет попадал внутрь сквозь широкое отверстие входа. Вернее, входа и не было, скорее это было углубление в скале с нависшим каменным козырьком.

Дно грота было ровным, у входа грудой поднимались сухие листья.

— Вряд ли здесь мог поместиться дракон, — сообразил здравый умом Тесей.

— Это мог быть небольшой дракон, — ответила Ариадна и слегка покраснела, словно была виновата в том, что дракон не поместился в эту пещеру. — Но даже если здесь жил всегонавсего медведь, мы же можем здесь переночевать... с тобой?

Перед последним словом Ариадна сделала паузу, и Кора подумала, что тетя Рагоза может полностью войти в роль. Неизвестно еще, как влияет ВР-круиз на тех, кто попадает сюда нелегально. Во всяком случае, сейчас она искренне смотрит

на Тесея как на своего жениха, на мужа, с которым намерена сегодня ночью разделить ложе.

Ариадна протянула тонкую руку и взяла Тесея за пальцы. Она ввела его в грот, словно в спальные чертоги.

— Нет, — сказала она без печали, — не так я представляла себе свадьбу дочери царя Миноса.

— А как? — спросила Кора, потому что Тесей рассматривал окрестности, игнорируя торжественность момента.

— Шумно, — ответила Ариадна и замолчала, будто вспомнила о чем-то более важном, чем свадьба, и забыла о брачной ночи.

— Вас что-то беспокоит? — спросила Кора.

Ариадна посмотрела на нее холодно.

— Как трудно без служанок, вы не представляете, девушка, — сказала она.

Но должность служанки она Коре не предложила. Хотя сегодня Кора бы не отказалась от нее.

— Простите, царевна, — сказала Кора. — Я могу помочь вам...

— Зачем? — спросила Ариадна. — Мне приятней самой нарвать зеленых ветвей и сделать ложе нам с возлюбленным, мне удобней самой принести кувшин с родниковой водой. Здесь нет румян, белил и помад, здесь нет благовоний и духов. Здесь мы все такие, какими нас сделали боги.

Кора покорно поклонилась и отошла. По крайней мере, Ариадна отлично владела собой и ее фраза о том, что боги сделали герцогиню Рагозу молоденькой Ариадной, не звучала лицемерно. Герцогиня верила в это и была совершенно права.

— Ты не занята? — вежливо спросил принц Густав, но не у Ариадны, а у Коры.

Рука Тесея была кое-как перевязана — Минотавр не хотел умирать. На щеке — ссадина, к тому же, судя по манере держаться, герой сломал два или три ребра, в том месте панцирь из литой бронзы прогнулся и с трудом выдержал удар рога. В этом мог убедиться каждый, кто поднялся бы на борт корабля: панцирь был привязан к мачте.

Тесей шел прихрамывая, держась рукой за бок.

Он вывел Кору на площадку, господствующую над бухтой, где стоял корабль.

— Я эту площадку снизу разглядел, — сказал Тесей. — От-

сюда виден весь мир. Даже край земли. Вон там, — герой сел на камень, и ему пришлось, сморщившись, перевести дух, — края гипербореев. Слышала о таких? Оттуда родом Аполлон. В той стране летом никогда не заходит солнце, а зимой оно не поднимается вовсе. Гипербореи достигли счастья. Они не убивают себе подобных...

— Афины — счастливый город, — произнесла Кора.

Тесей уселся поудобнее, боль отпустила, и он сказал:

— Твое тело — само совершенство. Оно наполнено жизнью, и каждая линия его нужна и правильна, как линия тела у пантеры.

— Тебе мало ссадин и переломов, которые нанес Минотавр? — усмехнулась Кора. — Ты решил напасть на богиню?

— Во мне нет сил напасть на тебя, хотя я желаю тебя, незнакомка. Боюсь, что ты и в самом деле не живешь на земле.

— Зачем ты позвал меня сюда?

— Мне не у кого спросить совета.

— Совета о твоей новой жене?

— Наш брак может принести счастье и Афинам, и Криту. Породнятся два самых могучих царских дома, и возникнет держава, которой не будет соперников во всех морях. Но беда в том, что она не любит меня, — сказал Тесей. — Это видно по ее глазам.

Он не спрашивал. Он утверждал. И замолчал, поглаживая бок.

— Тебя интересует мое мнение?

— Да, Кора.

— Я была бы осторожна.

— Ты думаешь, что Минос нарочно подослал ее ко мне? Нет, этого быть не может. Это означало бы, что Минос по доброй воле пожертвовал своим сыном. Унизился перед всем миром, не в силах справиться с горсткой... молодых людей.

— Нет, этого быть не может. Минос здесь ни при чем.

Внизу, в бухте, было уже полутемно. Солнце давно ушло оттуда, погрузив залив в синеву. Возле корабля на песке горел костер, и люди вокруг него казались черными тенями. На высокой корме корабля чуть поблескивал в вечернем воздухе панцирь часового — Феак никогда не забывал об осторожности.

— Тогда в чем дело?

Кора промолчала.

— Пускай я молод, — продолжал Тесей. — Но я знаю девушек, я знаю, что означают взгляды и движения, робость прикосновения и боль поцелуя. Я не вижу любви в глазах моей невесты. Я не вижу даже страсти, даже желания быть моей женщиной, моей самкой — ну почему? Разве так может быть? Разве я мог когда-нибудь помыслить, что моя свадьба будет именно такой?

— А ты? — спросила Кора. — Что чувствуешь ты? Любишь ли ты ее? Желаешь ли ты ее?

— Как твою бабушку, — ответил Тесей.

Кора отвернулась к морю, чтобы скрыть улыбку.

— Пусть все будет как будет, — сказала Кора. — Ложись спать в положенное время. Избегай этой женщины, так как оракулы гласят — тебе выпадет несчастье, если ты войдешь в нее. Уже к утру все станет ясно. Вот увидишь.

— Что станет ясно?

— Она выдаст себя. У нее нет свободного времени. Она спешит.

Кора сделала шаг вперед вслед за отблеском заката, чтобы алое сияние светило ей справа, а Тесей глядел на нее слева. Чтобы Тесей видел все линии ее тела, чтобы оценил длину ее ног и озаренных пламенем волос.

Тесей даже приподнялся, наслаждаясь этим зрелищем, но боль в боку и ноге заставила его воскликнуть:

— О жестокие боги! За что вы лишили меня мужской силы и резвости именно в ту ночь, когда мне могла принадлежать наипрекраснейшая из дев!

— Он имеет в виду Ариадну, — пояснила Кора, как бы переводя монолог богам.

— Замолчи, глупая! — рассердился раненый герой. — Речь идет о тебе, и я докажу тебе, что это все означает, как только у меня заживут хотя бы самые глубокие из ран.

«К сожалению, — подумала Кора, — я к этому времени буду вынуждена покинуть ваши приятные края».

— Боги могут рассудить иначе, — ответила Кора вслух, обнаружив в себе немалое кокетство.

Герой зарычал, но был бессилен противопоставить что-нибудь воле богов, и это встревожило Кору, потому что она предпочла бы, чтобы ночью Тесей был более подвижен — могут предстоять резкие движения.

Кору более всего злило то, что она не могла представить

себе плана Ариадны. У нападающего в такой ситуации миллион возможностей, у того, кто защищается, не зная от чего, не так много шансов уцелеть. Кто-то из древних, может быть даже из ее знакомых, зная, что ему такого-то числа грозит неминуемая смерть, надел шляпу и ушел гулять в степь, приказав своей армии оцепить степь по периметру. Там пролетел орел, неся в когтях черепаху, уронил ее, да так умело, что проломил герою череп. Интересно, Тесей знает эту историю? Если знает, значит, она уже случилась. Если она ему неизвестна, то герой еще гуляет.

Кстати, где наша Ариадна? Где наша невинная крошка, которая намерена нынче ночью разумно распорядиться своей невинностью?

— Пойди отдохни, герой, — посоветовала Кора. — Ты сегодня устал.

— Это я вчера устал, — разумно возразил Тесей. — Сегодня я не успел совершить ни одного подвига.

— Кстати, — не удержалась Кора, — тебе не приходилось слышать историю про то, как одному человеку предсказали смерть?

— Я слышал тысячу таких историй.

— И он ушел гулять в степь.

— Дурак. В степи отлично стрелять из лука.

— Но тут пролетал орел и уронил черепаху.

— Ему на голову? — обрадовался своей догадке Тесей. — Вот это да! Вот это совпадение! А ты все: воля богов, воля богов! А ему черепахой по голове!

Тесей прервал смех — видно, в голове отозвалось болью. Он поднялся и, опираясь на Кору, побрел вниз.

Ариадны в гроте не было, ложе любви она тоже забыла приготовить.

Странно, неужели она задумала каверзу до свадьбы? Кора на ее месте все же не удержалась бы, потеряла бы невинность с самим Тесеем. Правда, если Ариадна помнит, что это ее любимый племянник, которого она качала на коленке, то, может быть, у нее другие планы.

В греческом октябре, когда деревья начинают облетать, а ночи еще не холодные, зато темные, путешественники, остановившиеся на острове, ложатся спать рано, благо есть с кем лечь. Со всех сторон и, как показалось Коре, даже с самого неба доносились разноголосые и бравые мужские вскрики, и

нежное женское лепетание — гребцы носились за нимфами, а нимфы за гребцами. Но довольно быстро эти крики становились все тише и обрывистее, Кора понимала, что даже самые бойкие козлики в такой темноте опасались сломать копытца...

Оставив Тесея в пещере, Кора осторожно начала спускаться вниз по тропинке, к кораблю. К счастью, в ее глаза было вживлено ночное видение — диапазон частот, видимый ей, был куда шире, чем у обычных людей. Так что лес виделся ей в инфракрасных лучах — серым, туманным, загадочным, но тем не менее любое движение в нем она замечала.

А вот и шепот:

— Да, мой любимый, да, мой прекрасный, как только ты сделаешь то, о чем я тебя прошу, — я твоя!

— Но так темно и страшно...

Первый голос был женским и нежным, второй — мужским, вернее, юношеским. Кора замерла.

За кустами, еле видные Коре, вели беседу сплетенные в объятиях тени. И это не были случайный гребец и разделяющая его ложе из листвы нимфа. Что нужно нимфе от человека?

— Ты желаешь насладиться моим телом?

— О да, прекрасная царевна!

— Тогда иди. Я жду.

— Один поцелуй, моя прекрасная!

Тени слились в одну. Кора сделала вывод, что наблюдает совершенно немыслимый в этой обстановке роман: попытку измены со стороны красавицы Ариадны красавцу и герою Тесею с горбуном низкого происхождения. Разумеется, в истории есть масса примеров тому, как красавцу предпочитали дикого козла. Особенно этим славится именно древнегреческая история. Но так как Ариадна сама выбрала себе суженого Тесея, да еще и по любви, да притом способствовала бесславной гибели единоутробного братца, то тогда ее поцелуй с помощником кормчего принимал зловещий характер.

А раз так, то необходимо поглядеть, что за задание дала милая девица грубому уроду и за какой подвиг она обещала ему свою любовь?

Страстное тяжелое дыхание кормчего становилось все громче, и Коре стало боязно, что он справится со своей крошкой раньше, чем с заданием. И тогда он потеряет интерес к диверсионной деятельности. Кора же была более заин-

тересована в том, чтобы иметь дело с известными преступниками, чем подозревать невинных.

Она уже готова была оттащить кормчего от царевны, но той самой удалось ущипнуть его настолько больно, что он вскрикнул, выругался на древнегреческом и прошептал:

— Давай свою медяшку.

— Повтори, куда ты ее положишь?

— Я помню.

— Повтори, или тебе век моей любви не видать!

— Я поднимусь на отвесную скалу и положу медяшку. И вернусь к тебе.

— Не сразу. Ты вернешься ко мне, когда поднимется луна.

— Когда поднимется луна...

— Иди.

— Ты меня обманешь?

— Я не обману тебя. Ты прекрасный и сильный мужчина. Ты лучше всех.

— Я горбатый.

— Ты самый прекрасный из горбатых! Иди же...

Послышался треск сучьев. «Самый прекрасный из горбатых», кормчий послушно полез по скалам наверх. Но куда? Это обязательно требовалось узнать. Пока тебе неизвестно, что задумал противник, ты бессилен против его козней.

Коре приходилось куда труднее, чем кормчему, потому что он был жилист, коряв и силен, как старый горный баран. Но на ее стороне были молодость и уроки альпинизма, которые она прошла в школе месье Леблана в Ментоне. Ну и, разумеется, глаза ночного видения.

Карабкаться приходилось по почти отвесной стене, правда заросшей кустарником, большей частью достаточно колючим, чтобы раздеть тебя через двадцать метров. Одетому в короткую куртку из грубой кожи и такую же македонскую юбку, кормчему колючки были не страшны. К тому же ему не надо было заботиться о тишине — услышит ли кто, как он карабкается, или нет — его не интересовало. Но Кора не могла себя выдать. Поэтому ей приходилось думать о тишине, плюнув на колючки.

К ее удивлению, они оказались на той же самой видовой площадке, с которой вечером любовались закатом с Тесеем. Вот уж самое неожиданное место для альпинистских штудий!

Кормчий явно подчинялся строгим указаниям своей музы.

Он подошел к росшему на площадке дереву, присел на корточки и что-то стал прятать среди корней. Затем удовлетворенно поднялся и пошел обратно, чуть не натолкнувшись на зазевавшуюся Кору, которой ничего не осталось, как замереть, приняв позу молодого платана. К счастью, кормчий был настолько занят своими мыслями и скорыми любовными забавами, что не заметил Коры.

Когда он, шумя, как небольшой танк, скрылся в зарослях, Кора быстро перебежала к дереву и протянула руку туда, где кормчий спрятал свою «медяшку». Оказалось, что за деревом через всю площадку проходила узкая глубокая трещина. К счастью, «медяшка» зацепилась за корни на глубине полуметра, и Кора смогла ее нащупать и вынуть. Потом она принюхалась к добыче. У нее был фантастический нюх, лучше, чем у собаки, — это уж было известно всем в ИнтерГполе. На Кору заключали пари и даже не раз приглашали экспертом по делам, которые не могло распутать ничто, кроме ее обоняния.

Ничего особенного. Взрывпатрон, даже не очень сильный. Но достаточный, чтобы отколоть эту часть скалы, нависшей над обрывом. И взрывчатка Коре была знакома — сладковатый, даже скорее приторный запах. Противный запах, которому категорически не может быть места в античные времена, где пахнет маслинами, оливковым маслом, свежей рыбой, апельсинами, потом сатиров, молодым вином...

Там нет машин и нечего взрывать, если не считать машин Дедала, о которых люди скоро забудут, потому что они им пока не нужны.

Кора осторожно провела пальцем по патрону — вот микроприемник — значит, наш патрон управляется на расстоянии. А кто им управляет? Давайте допустим, что дорогая невеста, которая так благородно спасла Тесея от Минотавра, знает, что, пока цел мозг, человек может быть оживлен. Значит, человека надо расплющить, сжечь, залить кислотой — уничтожить без следа.

Замечательно. Следующий наш шаг — проверить, над чем нависла эта гигантская каменная плита. Коре казалось, что она догадывается, что находится там, под ногами, но следовало уточнить, в таких делах ошибок быть не должно.

Кора спускалась вниз. Это же надо — пронести в ВР-круиз взрывчатку из будущего. Если станет известно в правлении

компании, это будет взрыв, крушение галактического бизнеса, потому что каждый житель Галактики несет в сердце нечто святое и все вместе они убеждены, что правила ВР-игры нарушить невозможно. Ты голым входишь в тот мир и голым его покидаешь. А появление дамы с взрывчаткой означало лишь то, что в ВР-компании существует коррупция, масштабов которой даже невозможно представить.

Все правильно, спуск привел ее к гроту, в котором намеревались провести свою первую брачную ночь счастливые возлюбленные: Ариадна и Тесей!

А если рвануть хотя бы небольшой заряд, то скальная плита толщиной метров в двадцать, являющаяся элегантным навесом над гротом, мягко сядет на освободившееся место и грота больше не будет, а от обитателей грота останется, как говорится, мокрое место. Но даже об этом никто никогда не узнает.

Кора стояла в темноте, тем более непроницаемой от того, что перед входом в грот все еще горел костер. Тесея возле него не было, как и в самом гроте, — видно, спустился к кораблю. Она пыталась анализировать свои действия: почему же она не взяла с собой бомбочку Ариадны? Ну хотя бы не перенесла в другое место? Зачем рисковать? Но в то же время Кора отлично понимала, что она права и ее цель теперь — доказать, что Ариадна напрасно выдает себя за любящую невесту. Сейчас неважно, кем будет считать ее Тесей, главное — убрать ее от Тесея. Желательно не убивая. Все же герцогиня... Комиссар Милодар взбесится от возможных международных осложнений. А раз так, то не мешает позволить Ариадне провести в жизнь свой злодейский замысел.

Теперь следовало бы поглядеть, где прячется Ариадна, какие у нее планы. Здесь время поджимает — вот-вот пора начинать первую брачную ночь с Тесеем.

Кора осторожно двинулась к тому месту, где еще недавно таилась Ариадна.

Там шуршали кусты, ломались сучья, оттуда доносились взволнованные голоса. Не все возгласы долетали до Коры, но она услышала достаточно, чтобы понять суть происходящего.

— Да, я обещала! — это писк Ариадны. — Да, я выполняю свое обещание! Но только не сегодня!

— Это почему же... — Кора угадала голос кормчего.

— Но поймите же, глупый человек, сегодня мне предстоит

брачная ночь с вашим же начальником, с принцем Тесеем. А я — невинная дева...

В ответ на это последовало рычание, треск сучьев — Ариадна билась в когтях могучего горбуна, подобно куропатке, попавшей в силки или, хуже того, в когти бурого медведя.

Повизгивания то поднимались соловьиной трелью к самому небу, то снижались до шипения бешеной кошки. Постепенно они ослабевали, и Кора отправилась вниз, к кораблю, на поиски Тесея, потому что не намерена была более выпускать его из поля зрения, почувствовав очевидное злорадство. Давай, бабуся, говорила она себе — хотя, конечно же, объективно герцогине было едва за пятьдесят, а если говорить об Ариадне, то ей и двадцати еще не исполнилось, — давай, бабуся, повторяла Кора, отстаивай свою девичью честь. Ты сама накликала себе такого любовника.

К сожалению, борьба между царевной и разъяренным кормчим закончилась не столь мирно, как того хотелось Коре. Завершающий этап ее происходил на лесной прогалине, освещенной взошедшей луной, уже недалеко от моря, и никто не обратил внимания на схватку лишь потому, что вскрики нимф и возгласы подвыпивших гребцов все еще оглашали окрестные склоны и потому казались естественной частью пейзажа.

Отчаявшийся одолеть маленькую, но упрямую крошку кормчий не придумал ничего лучше, как врезать ей кулаком в подбородок. Нельзя забывать, что это были жестокие времена и нравы оставляли желать лучшего. Ведь лишь в Средние века, да и то лишь в определенных кругах общества, женщинам перестанут наносить удары кулаком в челюсть, чтобы сломить их целомудренное сопротивление.

Головка Ариадны дернулась, и она явно попала в нокаут.

Такой способ любви Кору возмутил. И хоть агент Интер-Гпола не должен ни в коем случае вмешиваться в деликатные ситуации, Кора вышла из темноты и спокойно направилась к могучему горбуну, который не спеша и поудобнее для себя раскладывал на траве свою жертву.

Впрочем, если задуматься, то окажется, что даже в такой ситуации, даже защищая честь женщины, которая вряд ли этого заслуживала, Кора не выпускала из виду интересов дела. Ей нужна была живая, здоровая и разоблаченная Ариадна. Ариадна же пострадавшая и, может быть, после любовно-

го общения с кормчим вообще потерявшая способность предпринять что-либо злодейское, для планов Коры не подходила.

Итак, Кора вышла из кустов и негромко окликнула кормчего:

— Эй, обернись, насильник!

Тот не услышал.

Кора подошла поближе и похлопала его ладонью по плечу.

Кормчий вскочил и обернулся к ней. Он доставал Коре до пояса, но был шире ее втрое и скручен из мышечных канатов.

— Еще одна! — сказал он радостно, и только тут Кора вспомнила, что она совершенно раздета и притом густо исцарапана спереди, потому что вынуждена была карабкаться по кустам за этим самым негодяем. — Погоди, — сказал кормчий, после удачного романа с Ариадной поверивший в свою неотразимость для прекрасных и знатных дам, — сейчас я с этой кончу и потом возьмусь за тебя. Подождешь, крошка?

Тогда Кора повторила тот удар, которым кормчий послал в нокаут свою царственную возлюбленную. Причем надо сказать, что Кора проходила неплохую школу боевых искусств и сдала на пятерки все виды единоборств, кроме классической борьбы. Так что от ее удара в челюсть кормчий отлетел к дубу, росшему на краю прогалины, и ударился об него спиной и затылком. Дуб радостно загудел. Давно его так не ласкали. Кормчий тихо сполз по стволу и улегся плашмя на землю. Кора подошла к Ариадне, которая еще не пришла в себя, и, осторожно откинув ее тунику, чего не успел сделать насильник, обнаружила, как и ожидала, кожаный кошель для косметики, прикрепленный к внутреннему поясу. В кошельке среди пузырьков, баночек и ароматических палочек лежал миниатюрный пульт дистанционного управления. Достаточно было нажать тонким наманикюренным пальчиком на маленькую красную, в цвет маникюра, кнопочку, как громадная скала, нависшая над гротом, который Ариадна выбрала для первой брачной ночи с Тесеем, рухнет, превратив в кашицу всех, кто не догадался раньше выйти из этого грота.

Кора осторожно положила приборчик обратно, закрыла кошель и пощупала пульс Ариадны. Пульс был слабый, учащенный, но ровный. Вот-вот она придет в себя.

Кора отступила от нее, и вовремя.

Ариадна открыла глаза, и в них мутно отразились звезды и луна.

Сознание возвращалось к ней быстро. Вот ее руки метнулись к кошелю на поясе и ощупали застежку. Затем Ариадна провела руками по животу и ногам, решая, видно, для себя вопрос, получил ли кормчий свою плату за минерные работы... На том Кора оставила Ариадну и не спеша спустилась вниз, к кораблю, во-первых, чтобы проверить, чем занимается Тесей, а во-вторых, чтобы взять из своей сумки, оставленной на борту корабля, запасной хитон. Ей не хотелось привлекать к себе повышенное мужское внимание.

Корабль неподвижно застыл у берега, соединенный с пляжем длинными мостками. У мостков дежурил один из гребцов, вернее, не столько дежурил, сколько маялся. Кора отдала должное предусмотрительности Феака — Тесею достался хороший главный кормчий... но весьма посредственный помощник кормчего.

— Кто идет? — спросил гребец, хотя глаза его давно уже привыкли к темноте, к тому же светила луна и безоружность Коры была более чем очевидной.

— Это я, Кора, — ответила она и подумала: а вдруг здесь уже придумали пароли и отзывы?

Оказалось, не придумали. Но вот ущипнуть обнаженную женщину ниже спины — на это у часового хватило сообразительности.

И тут же с корабля раздался оклик:

— А ну прекрати баловаться на посту!

— Спасибо, Феак, — сказала Кора. — Я зашла переодеться.

— Когда переодеваются, то вместо новой одежды оставляют старую, — разумно возразил Феак. Он лежал, завернувшись в шерстяной гиматий, на корме, на своем рабочем месте. Отсюда ему был виден и корабль, и берег. — Резвишься? — спросил Феак, пока Кора доставала и надевала хитон и накидку, чтобы не замерзнуть ночью.

— Нет настроения, — честно ответила Кора.

Но Феак не поверил.

— Когда нет настроения, — сказал он, — то не ходят голышом, чтобы мужчине не тратить ни одной лишней секунды.

— Несчастный случай, — ответила Кора.

По тону Феак понял, что она не шутит.

— Я не хотел тебя обидеть, госпожа, — сказал он.

— Я не обиделась, мастер Феак, — ответила Кора. — Вы не видели господина Тесея?

— Он только что был со мной, — ответил кормчий. — Он очень любознательный молодой человек. Из него вышел бы классный мореход. Посмотрите дальше по пляжу. Он пошел гулять.

— Скоро ему предстоит брачная ночь, — сказала Кора, — поэтому я искала его.

— Во-первых, — засмеялся Феак, — насколько я понимаю, ваша брачная ночь еще впереди и вам не следует так переживать, оседлает ли ваш жеребец другую кобылицу. Во-вторых, он сделает это без ваших советов...

— Ах, вы не понимаете, — ответила Кора. — Меня беспокоят совсем иные проблемы. Я заверяю вас, Феак, что, когда мне понадобится муж, я найду его себе без труда. Лучше бы вы смотрели за своим помощником.

— А что с ним? Он должен был подменить меня... Неужели он осмелился напасть на вас?

— Спросите его об этом завтра, — ответила Кора и решительно пошла прочь. Хоть и нечего бы обижаться на доброго Феака, но Кора была сердита — скорее всего на себя. Чем-то она выдала излишний интерес к Тесею. А ведь настоящий агент должен быть почти невидим, как паутинка, летящая над лугом.

Вдруг внимание Коры привлекли звон мечей и возгласы, которые доносились из-за скалы, отделяющей бухту, где стоял корабль, от соседней. Еще этого не хватало!

Кора кинулась туда, и пока она огибала далеко выступающую в море скалу, так что обходить ее приходилось по колени в воде, шум боя все усиливался.

Она сразу узнала Тесея. Отступая к воде, он отбивался мечом от двух нападавших на него воинов...

Неужели эта гадюка герцогиня Рагоза припасла резервный вариант?

Кора доверчиво гонялась за кормчим да проводила время в беседах с Феаком, а тем временем Тесея намереваются разрубить на куски?

В какую-то долю секунды Кора оценила ситуацию. Тесей стоял спиной к воде и под напором противников был вынужден медленно отступать, в чем и заключалась основная опасность, так как сбоку и сзади Тесея стояли еще двое мужчин с

мечами, стояли они лениво, как волки, ожидая, пока их собратья по стае разорвут оленя, чтобы потом присоединиться к трапезе. До тех двух было метров десять, и потому, когда Кора поняла, что спасение уставшего Тесея зависит от нее, она, добежав до края кустов, собралась и прыгнула вперед ногами так, что начисто вышибла дух из одного из сражавшихся, тут же перевернулась, подсекла второго противника Тесея и даже умудрилась услышать при этом, как зазвенел о камень, отлетев, его меч. Парню было больно — возможно, Кора сломала ему руку. Но оставались еще двое.

— Тесей, берегись! Сзади! — крикнула Кора и кинулась на стоявших по щиколотку в воде наблюдателей, понимая, что ее шансы на победу невелики и нет времени подобрать один из мечей. Но тут наступил несколько неожиданный финал сражения, потому что наблюдатели, к которым она устремилась, оглашая окрестность воплями, кинулись в разные стороны, поднимая при каждом шаге фонтаны воды, а остальные сражавшиеся — имелись в виду Тесей и два его противника — понеслись в кусты.

И Кора осталась на пляже в полном одиночестве.

Глупое положение.

Ты бросаешься в бой, ожидая близкой и почти неминуемой смерти, а вместо этого обнаруживаешь вокруг такую пустоту, что даже не с кем перекинуться словом.

Кора увидела у ног меч. Это был меч с перевившимися змеями на рукоятке — героический меч Тесея. Чепуха получается...

— Тесей! — позвала Кора. — Тесей, ты здесь?

Полная тишина.

Потом заплескала вода — темная фигура появилась из-за скалы со стороны бухты, в которой стоял корабль. Фигура была невысокая, приземистая, в длинной хламиде и какой-то тряпке, накинутой на плечи.

— Эй, что за шум? — спросила фигура ворчливым голосом Феака. — Кого убили?

— Это я, Кора.

— Кого ты еще убила?

— Надеюсь, все целы, — сказала Кора. — И может быть, находятся поблизости.

Тесей первым вышел из кустов и, различив при свете луны

свой меч в руках Коры, сказал голосом самого Зевса, страшно недовольного поведением гномов:

— Дай сюда сейчас же! Не дело женщине носить такой меч.

— Не дело мужчине разбрасываться мечами, — не пожалела своего героя Кора. — Особенно на дальних островах. Любая ворона может унести.

Темные тени возникли из кустов. Все четыре...

— Кто скажет мне, что происходит? — строго спросил Феак, который, будучи вдвое старше своих спутников, исполнял должность общего родителя.

— Да мы так, — сказал Тесей смущенно. — Решили немного на мечах побиться, разве нельзя? Мы же не всерьез...

Господи, они же мальчишки! Самые обыкновенные мальчишки, у которых есть сабельки, а завтра будут бластеры... Им не так хочется сражаться, как играть в войну. И клянусь тебе, Зевс, подумала Кора, что Тесею было вдесятеро приятнее фехтовать с гребцами и доказывать им свое превосходство в чистом умении рукопашного боя, чем в каком-нибудь полутемном лабиринте, тяжело дыша и страшась чудовища, втыкать меч в сердце несчастной скотины...

— Неужели она вас одна испугала? — В голосе Феака звучал смех. Но не очевидный, он, как и Кора, понимал, что обижать таких великовозрастных мальчиков нельзя. Пускай они сами догадаются рассмеяться.

— Я во всем виновата! — воскликнула Кора, стараясь опередить всех. — Прости меня, Тесей! Я так испугалась... Мне показалось, что на тебя напали какие-то страшные демоны... здесь же темно. Я так закричала, что, наверное, перепугала весь Олимп. Прости меня, если сможешь... И пусть простят меня отважные воины. Я понимаю, что когда на вас кидается перепуганная женщина, то воину лучше отойти в сторонку.

— Так мы и поступили, — сообщил сообразительный Тесей Феаку.

— Когда раздался этот дикий крик, мы решили: а вдруг это бешеная львица? Ведь тут так плохо видно, — послышался еще чей-то голос.

— Да, тут так плохо видно, — отозвались промокшие наблюдатели, которым даже посражаться не удалось. Один из них наклонился и шарил руками в воде в поисках своего меча.

— Мы с госпожой Корой искали тебя, — сообщил тактичный Феак. — Наступает ночь, и молодая жена ждет тебя на брачном ложе. Но ты так увлекся фехтованием, что Коре пришлось кричать на весь остров.

Тут наступила разрядка. Молодым людям показалось очень забавным то, что Тесей позабыл о свадьбе, сражаясь на мечах, и посыпались весьма несдержанные и даже грубые шутки в адрес женщин, а особенно девственниц или по крайней мере тех, кто впервые оказался на брачном ложе. Кора слушала непристойности терпеливо, так как никто не собирался щадить ее самолюбия. Здесь это не было принято. «Любопытно, — подумала она, — а если я привезу парочку этих историй и расскажу их в конторе в присутствии Милодара — он хлопнется в обморок или просто меня уволит? Надо попробовать...»

* * *

Тесей шел к пещере как бы нехотя, но не задавал естественного в такой ситуации вопроса: а какого черта эта женщина Кора тащится за ним в свадебный грот? Или она намерена присутствовать при таинстве? Скорее всего, он был подавлен происшествием на берегу, как-то в одночасье смявшим значение его подвигов. Но это Кору не так беспокоило — молодой человек быстро забудет об инциденте, а если не забудет, то переведет его в разряд забавных анекдотов вроде «Тут из кустов как выскочит что-то черное!».

— Господин Тесей, веришь ли ты мне? — спросила Кора.

Голос ее дрогнул, потому что ей приходилось торопиться, чтобы не отставать от взбирающегося в гору юноши.

— Я тебе верю, — откликнулся Тесей.

— Тогда остановись хоть на минутку! Никуда твоя брачная ночь от тебя не денется.

Молодой человек с готовностью остановился. Свет луны, бивший ему в спину, очерчивал стройную мускулистую фигуру эллина — все-таки у них буквально культ физкультуры. Но нечего этим хвастаться, сели бы за компьютер...

— Ты мне что-то хочешь сказать? — спросил Тесей.

— Да. Я хочу попросить тебя о небольшом одолжении.

— Жаль, что не о большом, — сказал Тесей, и на черном силуэте его зубы блеснули голубым.

— Я хочу попросить тебя не оставаться в гроте, когда твоя невеста выйдет оттуда.

— Я тебя не понял, — произнес Тесей.

— Мне явилась сейчас моя мать, великая богиня Деметра, — сказала Кора как можно торжественней, потому что судьба всего задания, а уж тем более жизнь этого теленка зависела от того, насколько он верит в богов, в призраков, являющихся своим родственникам. Но она почти не сомневалась в том, что Тесей отнесется к ее словам серьезно.

Подсознательно ему было куда удобнее полагать, что на самом-то деле Кора не простая девушка, а особенная, может, даже на самом деле богиня Персефона. Тогда и история на берегу приобретала совсем иной смысл и годилась для того, чтобы после достойной обработки попасть в какой-нибудь миф.

— Мне явилась богиня Деметра, — повторила Кора более решительно. — И моя мать предупредила меня, что если ты останешься в гроте один, то погибнешь.

— Но если Ариадна будет бегать... если у нее болит живот! Мне что, сопровождать ее на каждую прогулку?

— Ты не понял, юноша, — произнесла Кора.

— Говори же, госпожа.

— Она выйдет не по нужде, она выйдет сознательно, чтобы смерть, которая ворвется туда, не причинила ей вреда.

— Она? Моя невеста?

— Так случилось. Так повелели некоторые из богов, решившие наказать тебя.

— Но почему?

«Ну сейчас я тебе выдам все родственные связи, которыми меня снабдил говорливый Феак, пока мы плыли сегодня по спокойному морю, еще не названному в честь твоего папы. Сейчас ты у меня затрясешься от суеверного отца».

— Ты забыл, кто отец Миноса?

— Я об этом никогда не знал.

— Любой мальчишка в Аттике или на Крите скажет тебе, что Минос — сын Зевса и Европы, брат самого Сарпедона. А слышал ли ты когда-нибудь, чья дочь Европа? Она дочь Феникса! И кстати, Зевс похитил Европу, приняв облик... Чей?

— Не знаю, о госпожа. — Голос юного героя дрогнул.

— Зевс принял облик быка, похитил ее, когда она с подругами резвилась на берегу моря, увез на своей спине на Крит, а потом сделал с ней то, что позже изобрел Дедал для Пасифаи, но совершенно без всяких технических ухищрений.

Но Тесей не желал воспринимать иронию. Он был существом того времени, и для него родственник Зевса был тем же, что и брат начальника районной милиции в России двадцатого века. Он трепетал...

— И она будет мстить мне?

— Не она сама, — великодушно сказала Кора, — а рассерженные родственники используют ее как орудие мести.

— И я не смогу спастись?

— У тебя есть один путь спасения. Полностью подчиниться мне.

— Я готов, госпожа. Я повинуюсь.

— Тогда пусть все идет своим чередом. И пусть взойдет твоя невеста на свое ложе, но вскоре после этого она под каким-то предлогом покинет грот. И тогда, если ты останешься там, тебя ждет неминуемая гибель.

— Конечно, я верю тебе... Но как же так получается? Она ради меня предала своего отца и помогла мне убить своего брата...

— Вот именно, — настоятельно произнесла Кора, — и тогда боги покарали ее безумием.

— О я несчастный! — Тесей искренне переполошился. — За что же мне такая немилость богов? — Вдруг он нашелся и схватился за соломинку: — Но ведь я сын Посейдона! Он должен за меня вступиться!

— Говорят, что ты сын Посейдона, — согласилась Кора. — Твой дедушка Питфей любил рассказывать об этом. Но почему-то ты понес свой меч в Афины к Эгею, а не на дно морское.

— Но ведь я нашел кольцо!

— Тесей, дорогой, — сказала Кора устало, — ты мне надоел. Если ты хочешь проверить, испытывает ли к тебе Посейдон отцовские чувства, то, пожалуйста, спускайся вниз, ныряй и ищи своих родственников.

— Но, может, мы уйдем отсюда?

— Тесей боится?

— Нет, лучше я ее зарублю!

— Беззащитную девушку? За что? За то, что ты поверил моим словам, продиктованным завистью или ревностью. А что,

если я решила убрать со своего пути соперницу? Да ты не оберешься позора во всей Элладе, если поступишь так с самой внучкой Зевса.

Короткая, но энергичная речь Коры привела Тесея в полное смятение. Больше всего на свете ему хотелось бежать отсюда за тридевять земель к маме в Трезену.

— Возьми себя в руки, Тесей, — сказала Кора, стараясь не улыбнуться, ибо вид здорового парня, который дрожал от волнения, как от холода, был нелеп, — ничего плохого не произошло. А если ты будешь вести себя как тебе велят, то и не произойдет.

— Может быть... может быть, вы побудете со мной в пещере?

— Еще чего не хватало! — рассердилась Кора. — Свадьба со свидетелем? Но я буду поблизости. И когда нужно, я тебе помогу. Только ни в коем случае не подавай виду, что ты о чем-то догадываешься! Ни в коем случае. Иначе погибнешь.

«Пожалуй, я его достаточно запугала».

Они дошли уже до площади перед гротом. На земле возле входа горела масляная плошка. Еще одна светила внутри, возле ложа из листьев, прикрытого несколькими морскими хламидами, какие носят моряки, — заботливый Феак велел принести их с корабля.

Кора едва успела остановиться и не войти в слабенький круг света. Темная фигурка Ариадны поднялась при приближении Тесея.

— Тебя так долго не было, мой повелитель, — прошептала невеста, — я уже боялась за тебя.

— Ну что со мной может случиться на этом острове! — ответил Тесей, обретая в присутствии маленькой Ариадны остатки прежней смелости.

— Я готова развязать свой пояс перед тобой, — прошептала Ариадна.

— Я бы сначала выпил чего-нибудь, — сказал Тесей. — Неужели эти лодыри не догадались принести сюда вина?

— Вон там стоит кувшин, — сказала Ариадна. — Я позаботилась обо всем.

Кора подошла к самому входу в грот и наблюдала за тем, как, грациозно опустившись на колени, Ариадна протягивает Тесею глиняный кубок. Тот жадно выпил его.

— А теперь — на ложе! — провозгласила царевна и одним

движением развязала тонкий пояс и скинула короткий хитон и сандалии.

Тонкая, хрупкая, как девочка, она стояла на коленях перед богатырем, который послушно отставил выпитый кубок и, понимая, что выхода нет, отстегнул пояс с мечом.

Подогнув под себя ногу, он уселся на груду плащей. Он вел себя как муж, который прожил в браке с Ариадной уже лет двадцать. Сейчас спросит, заперла ли она скотину, засыпала ли птице корм...

— Наверное, нам лучше, — сказал Тесей, — чтобы свадьба такого рода состоялась достойно, при жрецах и гостях, в нашей опочивальне...

Ариадна осторожно сложила свой хитон, прикрыв им детонатор.

— Не говори глупостей, мальчик, — сказала она, — сейчас само по себе, а в Афинах само по себе. — Она задула светильник, и грот погрузился в темноту.

Тесей охнул.

Кора, которая стояла сбоку от входа в грот, с тоской подумала: сейчас она его изнасилует. И удивилась, почему это должно ее касаться? Мало ли какие племянники спят со своими тетушками, а тем более не подозревая, что это их тетушки.

— Иди ко мне, — прошептала девица, которая по роли должна была бы быть самой невинностью.

— Да, — согласился Тесей. — Подожди немного, я так устал сегодня!

«Это ты устал? Бычок! — усмехнулась Кора. — Просто я тебя так пуганула, что тебе кажется, будто с тобой возлежит сама горгона Медуза».

— Ну давай же, ну где ты! — сердилась Ариадна.

Тесей что-то мычал в ответ.

Коре стало неловко, да и неприятно подслушивать эту сцену. Она отошла подальше к краю площадки, метров за пятьдесят. Теперь звуки из грота еле доносились, и исход схватки между невинностью и перепуганной сексуальностью ей был неизвестен.

Но довольно скоро звуки изнутри вовсе прекратились.

Это Кору смутило. Она подошла на цыпочках поближе к пещере. Оттуда доносилось ровное дыхание Тесея. Затем за-

шуршала ткань. Ариадна одевалась. Но странно, что Тесей на это никак не реагировал.

Ариадна выскользнула из пещеры так близко от Коры, что она могла бы, протянув руку, дотронуться до нее.

Как же все быстро произошло!

У Коры оставались минуты. Может, секунды... Как только Ариадна отойдет на безопасное, с ее точки зрения, расстояние, она тут же взорвет заряд.

— Тесей! — позвала Кора, заглядывая в грот. Она не боялась, что Ариадна услышит ее, — царевна убегала, ломая сучья, словно стадо диких свиней. — Тесей же!

Никакого ответа.

Уже прошло три секунды.

Кора нырнула в пещеру. Темно, хоть глаз выколи. Где этот чертов любовник?

Она налетела на груду хламид, под которой уютно храпел Тесей, и схватила его за плечо.

— Тесей!

Он спал как дитя.

Эта гадюка еще и усыпила его, чтобы уничтожить наверняка! Ну и нравы в этой проклятой Ратозе!

Кора подхватила Тесея, в котором было чуть больше ста килограммов живого веса, забросила его на плечо и, пошатываясь, потащила прочь из пещеры. Ей некогда было разбираться, сломает она ногу или нет, главное — успеть отойти в сторону — именно в сторону, — ведь оползень пойдет вниз.

Опять ее хлестали и рвали ветви — неужели новую хламиду тоже придется выкидывать? Это была ее последняя сознательная мысль, потому что земля под ногами дрогнула и поехала, и гул был настолько страшным и утробным, что Тесей проснулся, но не мог понять, что же происходит, он попытался убежать, и Коре пришлось заломить богатырскую руку за спину.

— Стой! — крикнула она. — Погибнешь! Теперь ты видишь, что значит жениться на дочках Миноса?

— Но что это? Это Зевс! Это гром! Это он явился на землю!

— Ничего подобного. Твоя невеста знала, что сверху над пещерой, в скале, есть трещина. Скала держалась еле-еле. Утром посмотришь внимательно. А когда ты заснул...

— Но у нас с ней ничего не было, — доверчиво сообщил Тесей Коре.

— Вот и молодец! — похвалила его Кора, как старшая сестра братишку, который умудрился возвратиться невинным из публичного дома.

— Она хотела меня убить?

— Ты почему меня не послушался? Ты почему заснул, когда я тебе велела немедленно выходить из пещеры следом за ней?

— А я не вышел? А почему я здесь?

— Потому что... потому что добрая Афина Паллада вынесла тебя на своих плечах, — сказала Кора, которой не хотелось выступать в глазах юноши богатыршей. Юноши их уважают, но не любят.

— А где сейчас Ариадна?

— Я думаю, что мы найдем ее на берегу. Она наверняка рассказывает твоим друзьям, как у пещеры поехала крыша и как ее нечто божественное выбросило наружу, а тебя это божественное не выбросило.

Кора не успела договорить, как они услышали внизу взволнованные голоса.

Афиняне поднимались к гроту.

Шум поднялся невероятный, тем более что к нему присоединились жители леса — к месту катастрофы стремились и люди, и нимфы, и фавны... Кто-то из девиц уже вопил, оплакивая прекрасного Тесея, но тут всех их перекрыл голос Ариадны:

— Это была ночь моей мечты! Это была ночь моего супружества! И пускай боги уничтожили Тесея, я понесу в себе его сына...

— Погодите вы, господа, — совсем рядом от Коры послышался голос Феака. — Не хороните его.

Кора держала Тесея за руку. Но он и без нее понимал, что спешить сейчас не следует. Чем подольше они поговорят без Тесея, тем полезнее. Тесей широко зевал, но спать ему расхотелось. Процессия афинян подтянулась к площадке перед входом в грот. Точнее, к тому, что от нее осталось. У некоторых с собой были факелы, все новые и новые факелы зажигали внизу и приносили сюда. Скала, упав вниз, полностью ликвидировала не только пещеру, но и память о ней. Перед людьми был крутой скалистый откос...

— Может, мы ошиблись? — спросил кто-то.

— Нет, мы не ошиблись, — сказал Феак. — Смотрите!

И тут все увидели, что из камня торчит рукоять меча Тесея, родового меча, сделанная в виде переплетающихся змей.

И тогда зарыдали все — и женщины, и нимфы, и мужественные воины.

Плакала и Ариадна. И Кора подумала, что она, наверное, и на самом деле жалеет племянника Густава, которому приносила конфетки на день рождения и которого качала на своей сухонькой коленке. Но интересы клана превыше всего...

— Я вышла по нужде, — с античной откровенностью рассказывала, обливаясь слезами, герцогиня. — А когда обернулась, то увидела этот ужас.

Кто-то из гребцов подошел к скале и попытался потянуть меч. Но он, придавленный многотонной скалой, не пошевелился.

— Мы даже не сможем его достойно похоронить, — сказал Феак.

— Но как я докажу ее злой умысел? — прошептал Тесей на ухо Коре. Мальчик уже настолько пришел в себя, что в нем частично проснулся студент Московского университета. — Лишь твое предупреждение... и тоже тайное.

Кто-то из гребцов притащил копья, палки, пытались копать, но скоро стало ясно, что это бесполезно — на все есть воля богов.

— Предоставь это мне. Твое дело лишь появиться рядом со мной и не мешать.

— Ты меня спасла.

После этого им осталось лишь дождаться, когда угомонятся неумелые спасатели и плакальщики. И постепенно вся процессия потянулась к бухте, к кораблю. Прежде чем следовать за ними, Тесей подошел к скале и совершил никем не описанный очередной подвиг. Он потянул свой меч за рукоять с такой силой, что чуть не вызвал новой лавины. Но через три минуты меч, хоть и сильно поврежденный, был у него в руке. Можно было спускаться вниз и завершать представление.

Когда они подходили по тропинке к кострам, еще горевшим на берегу, ибо мало кто лег спать в ту ночь, они избрали самый большой из них, возле которого сидел Феак, накрывший плащом все еще всхлипывавшую Ариадну. Там же сидели знатные афинские юноши. И помощник кормчего, Навсифой.

— Теперь, — сказала Кора, — мы займемся шоковой терапией.

— Чем? — спросил Тесей.

— Сейчас увидишь. Иди первым. И остановись в пяти шагах от костра так, чтобы они видели твой меч. Обвини вслух Ариадну в своей смерти.

Тесей послушно совершил нужные движения, и тут Кора увидела, как рождалась вера в чудеса.

Первым Тесея заметил Феак. Он осторожно отпустил Ариадну и пал ниц перед костром.

И тут же цепной реакцией начался шок, куда больший, чем в момент лавины или поисков Тесея. Ибо они видели возвращение из мертвых, чему дополнительным доказательством был меч в руке героя.

— Я обвиняю эту женщину, — Тесей показал на вскочившую Ариадну, — в том, что, желая моей смерти, она сотворила подлое колдовство, чтобы убить меня в брачную ночь. И лишь заступничество богов спасло мне жизнь. — При словах «заступничество богов» Тесей показал на Кору, и никто не посмел возразить. Лишь Ариадна вдруг закричала — нервы не выдержали у тетушки: «Нет! Нет! Ты мертвый! Тебя не может быть!» Она упала на землю и, сидя на корточках, отчаянно колотила кулачками по слежавшемуся песку.

— Может ли быть такое? — спросил Феак.

— Нет! — Ариадна уже взяла себя в руки. — Нет! Я любила его, я лишь отошла в сторону.

Тесей в растерянности обернулся к Коре. Правильно. Ее очередь.

— Я утверждаю, — произнесла она, — что Ариадна хотела погубить Тесея мерзким колдовством. Она обрушила скалу на пещеру, а сама убежала заранее.

— Нет!

— А почему она была в хитоне, подвязанном поясом, в хламиде, платке и сандалиях?

— Я вышла по нужде.

— Вы видели женщину, которая в лесу выходит по нужде в таком наряде?

Тут все начали смеяться — это была нервная разрядка. Смеялись, хохотали, хихикали, просто на песок валились от

того, как это смешно — надеть хитон, подвязать пояс, накинуть хламиду и пойти по малой нужде! В брачную ночь!

— А ведь это не смешно! — рявкнула на них Кора, и смех постепенно иссяк. — Ведь это была хитрость убийцы.

— Нет! Вы никогда не докажете этого! — закричала Ариадна. — Вы клевещете на меня, и я обращаюсь к моему деду Зевсу с мольбой о помощи! Меня оклеветали.

Толпа на берегу замерла в ужасе.

Все же они имели дело с внучкой Зевса, и понятие справедливости у богов всегда уступает родственным соображениям.

Но, к счастью в этот раз для Коры и Тесея, Зевс, видно, отдыхал. Он не стал вступаться за Ариадну.

— Раз боги молчат, — сказала тогда Кора, — говорить буду я. У меня есть свидетель ее подлого колдовства. Есть человек, которого еще днем она послала положить колдовское устройство в трещину над пещерой. И это один из вас...

— Не может быть... — прокатилось по толпе.

— Может, он сознается сам? — спросила Кора. — Я все равно знаю правду.

И тогда могучий горбун сделал раз, два, три... трудных шага к костру.

— Она просила меня подняться днем на площадку над пещерой и положить медяшку в трещину над пещерой...

Он замолк, бессильно опустив руки.

— Так было? — спросил Феак. Он подошел близко — между кормчими было лишь два метра.

— Так было.

— Он сам! Он сам хотел! Он пытался меня изнасиловать! — закричала Ариадна.

— И это было? — спросил Феак.

— И это было, — сказал горбун.

И Кора не успела заметить, как Феак выхватил свой короткий прямой меч и нанес два удара — по шее и по животу Навсифая.

Горбун сложился как перочинный ножик и превратился в хрипящую груду красных и черных тряпок.

Визжала Ариадна. Наверное, она решила, что ее ждет такая же участь...

* * *

Утром Тесей сказал всем свое слово:

— Мы отплываем домой в Аттику. Нас ждут. И ждут мира. И я не хочу, чтобы наш праздник был омрачен плохой памятью. Ариадна, ты здесь?

— Здесь! — За ночь она втрое постарела. Теперь она была почти такой же, как в тот день, когда Кора впервые увидела даму Рагозу, беспокоившуюся о безопасности племянника.

— Ариадна, ты останешься на этом острове. Тебе дадут пищу, воды здесь много. Сюда заплывают рыбаки. Я надеюсь, что дурного с тобой не случится. Но я больше не хочу видеть тебя никогда в жизни.

И Феак сказал:

— Ты прав, Тесей.

Гребцы, уже занявшие места на банках, застучали древками весел об уключины в знак согласия и одобрения.

Ариадна повернулась и ушла вдоль речки в глубь острова. Кора о ней тоже не беспокоилась.

Все смотрели ей вслед.

Но она не обернулась.

Тогда Феак приказал поднимать якорь, потому что их уже заждались дома.

Феак был удручен и мрачен. С горбуном они вместе проплавали много лет.

Поднялся ветер. Феак приказал сушить весла. Остров Наксос казался издали спиной кита. Феак велел поднимать парус. Никому не пришло в голову, что парус надо переменить на белый. Они привыкли к черному парусу, и радость от возвращения перекрывалась печалью от прошедшей ночи. И потому никто не встревожился из-за того, что корабль идет к Афинам под черным парусом.

История многим известная и очень печальная: когда Эгею сообщили, что виден черный парус, он не спеша оделся и, не проронив более ни слова, поднялся, окруженный стражей и придворными, на вершину Акрополя. Он долго смотрел на море, пока корабль, на котором плыл Тесей, не приблизился к берегу настолько, что никаких сомнений не оставалось.

Тогда Эгей, все так же хранив молчание, подошел к обрыву, которым в том месте Акрополь отделен от Афин, и кинулся вниз.

Он погиб сразу.

Он не смог перенести крушения всех надежд.

Тесей ожидал встретить веселье и торжества, а вместо этого он участвовал в траурной церемонии — хоронили Эгея.

И Тесей стал царем Афин. Одним из самых могущественных властителей античного мира.

Кора хотела поселиться самостоятельно, снять небольшой домик и жить там, пока Тесей не закончит свой ВР-круиз. Но никто ей этого не позволил. Кентавр Фол, проводивший обратно в Коринф своего друга Хирона, требовал, чтобы Кора разделила с ним его скромное жилище, но Фол был излишне говорлив, дом его представлял собой обширные конюшни да и находился далеко от дворца. А работа Коры еще не завершилась. Ей надо было оставаться как можно ближе к Тесею и ждать, не появится ли рядом еще кто из убийц.

Так что в конце концов она приняла настойчивое, граничащее с приказом предложение нового царя Афин и заняла часть покоев Медеи на женской половине афинского дворца.

* * *

Кора не знала, каково соответствие времени здесь, в Афинах, и там, в Галактическом центре. Она знала всего, что ВР-круиз может вместить в себя человеческую жизнь, а в будущем пройдет лишь несколько недель. Но дни, прошедшие после возвращения с Крита, казались ей совершенно бесконечными, потому что у нее не было никакого стоящего дела. Даже не отправишься в путешествие к каким-нибудь циклопам или горгонам — когда еще такое увидишь! — потому что не можешь надолго удалиться от Тесея.

А вот Тесей был занят с утра до вечера.

Он принимал послов, творил суд и расправу, налаживал экономику, совершенно разваленную Эгеем и Медеей, не интересовавшимися ею, причем делал все это с врожденными навыками править державой, чем немало удивлял Кору, да, впрочем, и не ее одну.

Кору, потерявшую реальную скорость движения времени, больше всего злила невозможность узнать, когда же, чем же должен закончиться ВР-круиз принца Густава. Вероятнее всего, смертью Тесея. Местной смертью, не связанной с судьбой королевства Рагоза. Но никто не подскажет, надо терпеть.

Кора боялась, что за бездельем и вынужденным ожиданием она стала малоподвижной и прибавила в весе. По ночам она ныряла в небольшой бассейн, принадлежавший ей по чину, и плескалась в нем, а потом подтягивалась на балке или отжималась, пока рабы и служанки спали.

Чтобы оставаться поближе к царю, она добилась при нем поста советницы по вопросам безопасности, который, разумеется, так не назывался. И до тех пор пока ее многочисленные враги при дворе (а с каждым днем она зарабатывала все новых — нельзя же быть хорошей и доброй со всеми придворными мерзавцами и лакеями) не оклевещут ее умело перед царем, она будет рядом с ним...

Наступила зима. Ночью трещал мороз, утром вода в кувшине для мытья покрывалась корочкой льда, примитивные печки грели скверно, во дворце царили сквозняки, все ходили сопливые и кашляли.

Тесей пригласил Кору на охоту.

Они охотились на оленя в дубравах, что начинались сразу за Афинами. Под лучами солнца снежок растаял и высох. Сухие листья и сучки похрустывали под подошвами башмаков. Кора привычно закуталась в гиматий.

Они оставили лошадей внизу и вскоре потеряли охрану, которая с криками погналась за зайцем. Кора понимала, что Тесей не случайно увел ее в сторону. Но прежде чем смог начать разговор по существу, к нему следовало подобраться...

— Ты оставил в живых Палланта и его братьев, — сказала Кора. — Это опасно?

— Родственники всегда опасны, — улыбнулся Тесей. — Если я почувствую опасность с их стороны, я их убью.

— Убьешь? Этого тебе не простят...

— Они мне многое простят. Потому что я хороший правитель. Я навел порядок, я сделал так, что нашим купцам в Афинах лучше, чем приезжим, но и приезжим хорошо настолько, что они не меняют Афины на Фивы и Спарту. Я приношу все жертвы, которые от меня требуются, и участвую во всех праздниках. В Афинах больше праздников, чем в любом другом городе.

— Но у тебя здесь самые жестокие законы.

— Против преступников — да. А обыватель любит узнать, что казнили вора. Даже если вор украл только булку. И зна-

ешь почему? Он теперь уверен, что именно этот вор не украдет его булку.

— Значит, когда Паллантиды тебе покажутся опасными...

— Когда Паллантиды дадут мне предлог, я с ними разделаюсь. Кроме самого Палланта. Я уважаю стариков.

Улыбка Тесея была жесткая, и в углах рта появились морщинки. А ведь только вчера, буквально вчера она увидела этого мальчишку под Коринфом!

— Сколько времени прошло, как мы знакомы? — спросила Кора.

И сама считала — началось все в сентябре, сейчас уже январь.

— Прошло шесть лет, как мы возвратились с тобой в Афины, — сказал Тесей.

— Как так шесть лет?

— Вспомни, моя госпожа. В первую зиму после возвращения мы с тобой были в Дельфах и приносили жертву оракулу, а потом направились в Фивы. Нам нужен был договор с Фивами.

— Да...

— А вторую зиму мы провели в Трезене. Ты помнишь, как мой дед испугался, заподозрив, что ты — моя невеста? И что у нас с тобой будут такие высокие дети, что боги невзлюбят их?..

Тесей лгал. Он лгал, потому что никаких шести лет пройти не могло.

И тут же память стала выплескивать отметками, клочками, туманными обрывками картинок то, что происходило с ней за прошедшие годы, за годы, которых, она могла поклясться всем святым, в ее жизни не было, но события которых, впервые упомянутые сейчас Тесеем, словно бы происходили. Настолько реально, что вдруг начали всплывать и детали — их неудобное ложе в Трезене и мелкие пакости Этры, невзлюбившей воображаемую наложницу ее сына... А как она пыталась разгадать механизм Дельфийского оракула...

— Сейчас в городе много новых людей, — сказал Тесей.

Несмотря на то что он был всего лишь на охоте, он был облачен в боевой панцирь и малый шлем. Это были плоды агитации Коры, немало времени потребовалось ей, чтобы убедить царя в том, что его геройские подвиги не будут забыты народом из-за того, что он будет проявлять осторожность.

К счастью, приближенный к Тесею Феак, кентавр Фол, некоторые мудрые старейшины бывших общин Аттики, объединенной отныне в одно государство, понимали, что в их интересах беречь государя... Пока он служит городу и государству.

— Почему ты говоришь мне об этом? — спросила Кора. — Я и без тебя знаю, что по всей Элладе ты разослал людей, которые призывают: «Придите сюда, все народы!» Ты хочешь, чтобы Аттика была самым населенным и благодатным краем, а Афины самым большим и знаменитым городом в мире.

— Ты возражаешь?

— Я рада твоей политике, она разумна. Но я боюсь, когда ты начинаешь рассуждать странными для меня и опасными для человечества категориями «самый большой», «самый знаменитый», «самый сильный»! На каждого «самого сильного» всегда найдется «сильнейший».

Тесей не обиделся.

— Я знаю, — сказал он спокойно. — Ты имеешь в виду моего дядю Геракла?

Кора о нем и думать не думала, но не стала возражать.

— Я иногда выхожу в город, — продолжал Тесей. По просьбе Коры Феак организовал небольшую охрану Тесея, сопровождающую его в этих походах, которые, как правило, заканчивались не в тихих садах, где обитали философы, а в трактирах либо у известных гетер, а то и превращались в постыдную, с точки зрения Коры, охоту за хорошенькими девицами на улицах Афин. В таких прогулках было переломано немало ребер, но Тесей всегда умел остановиться в опасный момент и отойти в сторону, что и выдавало в нем государственного деятеля. Кора всегда мечтала о том дне, когда вернется обратно, раскроет историю Древней Греции и выяснит, какова же объективная оценка роли царя Тесея в истории Афин. Должна же быть такая!

— Продолжай, — сказала Кора, делая осторожный шаг в сторону, чтобы освободить плечо от ладони Тесея.

...Не может быть, чтобы время так жестоко играло с ней! Но она забывала, что это компьютерное время и оно может играть в любые свои игры, допуская или не допуская ее к пониманию игры. Значит, прошло шесть лет ее жизни в Афинах, и Кора понимала, что, если она постарается, все эти годы всплывут в памяти. Но означает ли это, что они оконча-

тельно вычеркнуты из ее жизни? Что у нее появились морщины и кожа потеряла упругость? Но как это выяснишь, как это докажешь, если не с чем и не с кем сравнивать, если ты ведешь настолько травоядный образ жизни, что могла уже превратиться в корову. Причем при качестве местных зеркал об этом даже не догадаешься!

— Ты меня слушаешь, госпожа?

— Да, я вся — само внимание.

— В последние месяцы мои советники и старейшины все в один голос требуют, чтобы я женился. Трон должен достаться моему наследнику.

— Вот и замечательно, — ответила Кора, отлично отдавая себе отчет в том, что это ее совершенно не касается. И она давно уже была готова к такому вопросу.

— Мой новый друг, — продолжал Тесей, — Пирифой, рассказал мне, что в Спарте растет сестра Диоскуров по имени Елена... ее называют Еленой Прекрасной.

— Что еще за Пирифой?

— Вспомни, я тебе говорил о нем. Он обещал скоро быть в Афинах. Это славный парень. Герой, подобный мне самому. Он правит магнетами, живущими у реки Пеней. Как раз в прошлом октябре он решил испытать мою силу и решительность и, напав на границы Аттики, угнал оттуда стада. Неужели ты не помнишь?

...Еще одно воспоминание. Шум на улицах Афин, Тесей врывается к ней в опочивальню, где она беседует с навестившей ее Харикло, и кричит, что он уши открутит этому мальчишке! Хотя сам-то Тесей тогда был... Давайте забудем, сколько лет Тесею.

— Да, я помню. Но ты, кажется, отнял у него стада?

— Он сам их отдал, — засмеялся Тесей. — Мы с ним встретились на берегу реки и пошли навстречу друг другу, оставив наши отряды за спиной. Мы хотели помериться силой. Но у него было такое приятное лицо... и он так хорошо, по-человечески, попросил у меня прощение за стада. Мы с ним тогда же поклялись друг другу в вечной дружбе. Теперь он намерен нанести мне визит.

— Это очень приятно, — ответила Кора, проклиная себя за недооценку игр времени. Вот и появился Пирифой, очаровательный герой, взявшийся неизвестно откуда и правящий магнетами, о которых, наверное, ни в одном учебнике не на-

писано. «Немедленно сегодня же удвою охрану! И начну вести дневник, чтобы не терять дней и лет».

— И что же он предлагает? — спросила Кора.

— Настоящее дело! — радостно сообщил Тесей и на глазах снова превратился в мальчишку. — Мы с ним едем в Спарту и крадем Елену! Затем кидаем жребий. Кому он выпадет, тот женится на Елене.

— Но почему именно на Елене?

— Потому что уже известно, что она — самая красивая девушка на земле.

— Тесей, — сказала Кора. — Я тебя хорошо знаю. Ты никогда бы не стал советоваться со мной, с кем переспать или даже на ком жениться. Я сейчас не совсем помню, сколько лет прошло с нашего возвращения с Крита, но я помню войну с амазонками из-за похищенной тобой Антиопы, когда амазонки опустошили половину Аттики. Я вспоминаю историю со смертью Федры... Ты никогда не советовался со мной!

«Что я несу, что я несу! Какая Антиопа? Какая война с амазонками? Почему трагедия с Федрой? Кто такая Федра? Сестра Ариадны? Почему память об этих событиях провалилась вглубь — не достанешь, и почему так странно смотрит на меня Тесей?..»

— Антиопа, война с амазонками, — произнес он неуверенно. — Это разве было? Антиопа?

ВР-круиз, дорогие мои, не обязательно может и должен включать значительные события в жизни путешественника. Законы игры выбирают нужные фишки. Но сложность заключается в том, что ты можешь вспомнить некоторые несбывшиеся события, если они были в иной реальности, и ваши воспоминания не совпадут.

Тесей был растерян, и Кора поняла, что они с ним сейчас попали в сходное положение и лучше выбираться из него, чем погружаться в эту трясину. Давай вспомним лучше, что здесь, в зимнем солнечном прозрачном лесу, беседуют принц Густав из Рагозы и агент Кора Орват.

— И все же, — сказала Кора, — ты пришел ко мне по иной причине. Что-то еще случилось?

— Ты права, — сказал Тесей. — Я вчера видел на улице носилки. Закрытые носилки, в которых взяли за обычай выезжать знатные дамы. Когда носилки проносили мимо меня,

занавески в них раздвинулись, и я увидел, что на меня смотрит и улыбается, понимаешь, улыбается — Ариадна!

— Ариадна? Не может быть!

— Я не сумасшедший. Я ее отлично видел. И она не пыталась скрыть от меня, что находится в Афинах.

— Ты догнал носилки, ты поговорил с ней?

— Не смейся, Кора, но я растерялся. Я стоял как дурак и думал, откуда я знаю эти глаза, этот маленький рот и эти белые щеки? Пойми же — прошло столько лет!

Это уже неважно. Антракт закончен. Убийцы принца Густава догнали его.

— Я вспомнил, — продолжал Тесей, — что она — злая волшебница. И если она узнает, что я женился на Прекрасной Елене, она мне жестоко отомстит. Один раз ты смогла, Кора, меня предупредить. Сможешь ли сделать это вновь?

Кора ответила не сразу. Конечно, наивно было предполагать, что враги Густава откажутся от своих планов, но наглость, с которой они это сделали, Кору удивила. Ариадна не скрывала, что она в Афинах. Значит, чувствовала свою силу. Или уже придумала способ расправиться с Тесеем и теперь как бы предупреждала: «Иду на «вы»!»

— Мне не нравятся новости, которые ты мне сообщил, царь, — произнесла наконец Кора. — Меня тревожит появление коварной Ариадны, она, конечно же, ненавидит тебя. Меня тревожит и другое: твое желание жениться на Прекрасной Елене. Почему вдруг ты решил это сделать?

— Так Пирифой мне все уши прожужжал! Он считает, что это выражение мужской дружбы. Мы ее крадем у Диоскуров, а потом разыгрываем по жребию. Если выпадает мне, я на ней женюсь, а Пирифою подыскиваем какую-нибудь другую дочку Зевса.

— Может, хватит тебе породняться с богами?

— Почему? — искренне удивился царь. — Это очень полезно для государственных дел. В конце концов можно добиться такого положения, что я смогу попросить кого надо о бессмертии.

— Подсказали?

— Дедушка подсказал, — признался Тесей, чуть покраснев, что говорило в его пользу.

— А дедушка знает о похищении Прекрасной Елены?

— Я думаю, что ему рано об этом говорить.

— Из-за ее братьев?

— В частности, из-за ее братьев, — вынужден был признаться Тесей.

Такое признание дается герою нелегко. Но слава о близнецах Касторе и Полидевке, принцах Спарты, гремела звонче, чем слава о подвигах Тесея. Им было проще — отцом их считали Зевса, а Зевс никогда от отцовства не отказывался. Да и как откажешься, если каждый мальчишка в Элладе знает, как Зевс из-за страсти, настигшей его при виде их матери Леды, принял образ лебедя. Именно в таком образе он стал ластиться к девице, которая и не заподозрила дурного, пока не оказалась обесчещенной. Леда благополучно забеременела и в назначенный срок, когда все акушерки и повивальные бабки Этолии сбежались принимать у нее роды, а ее муж царь Тиндарей взволнованными шагами мерил коридор у женской половины дворца в ожидании вестей, случилось очередное древнегреческое чудо: вместо детей Леда снесла два яйца. Вот именно, два крупных яйца, вернее, одно просто крупное яйцо, а второе совсем крупное яйцо.

Царь Тиндарей ворвался в опочивальню и поднял страшный скандал, заявляя во всеуслышание, что, если в яйцах окажутся саламандры или дракончики, он покончит с женой и дракончиками. Зевс помирал со смеху, Гера устроила ему сцену ревности, какой давно не устраивала, потому что ей не хотелось далее жить с таким, как она полагала, извращением, а Леде пришлось сесть на яйца, и через неделю нелепого, тревожного, истеричного ожидания из совсем крупного яйца вылупились два прелестных мальчика, а из просто крупного яйца — еще более прелестная девочка. Царь Тиндарей сразу успокоился и счел выходку Леды за женский каприз, Зевс помирился с Герой, а Леда стала выкармливать свое потомство. Мальчики из яйца звались Полидевком и Кастором, а девочка Еленой. Причем, как уверяют достойные доверия историки, эта тройня была не совсем тройней, потому что мальчики с момента рождения были на десять лет старше своей сестренки-близняшки, что не мешало им опекать ее, нежно любить и быть готовыми положить за нее жизнь любого нежеланного жениха. А репутация у братьев Зевсовичей была такая, что вся Аттика перед ними трепетала. И если забежать вперед (об этом в те дни Кора знать не могла), то братья не расстались и после смерти. Зевс превратил их в созвездие

Близнецов. А что касается Елены... Ну, многие слышали о Прекрасной Елене и знают, что из-за нее произошла самая страшная война в древней истории. Но об этом Кора тоже не подозревала. И Тесей не подозревал, и тем более не подозревала сама Прекрасная Елена.

— Послушай, Тесей, — сказала Кора. — Ты уже не тот мальчик, который раздирал голыми руками разбойников. Ты — государь Афинский, можно сказать, царь самого передового государства в древнем мире, которому суждено войти в историю.

— Я так и думал, — честно признался Тесей.

— Ты обеспечил Афинам благосостояние, укрепил их, объединил всю Аттику и совершил множество подвигов государственного значения. Одно введение твердой конвертируемой валюты ставит тебя в один ряд с крупнейшими экономистами мира!

— Ну уж, не преувеличивай! Я допускаю, что у иудеев или на краю Ойкумены у гипербореев тоже есть свои экономисты.

Но, разумеется, царь был польщен.

— Рядом с тобой появляется юнец Пирифой.

— Он не юнец — он взрослый муж!

— Тем более! Рядом с тобой появляется так называемый взрослый муж Пирифой и втягивает тебя в нелепейшую авантюру. Ты в какие времена живешь? В эпоху дикости и варварства?

— Нет! Ты же знаешь, как я отношусь к цивилизации.

— Относишься? Только вчера ты принимал спартанскую делегацию по поводу обмена в области легкой атлетики.

— И дискоболов. Отстаем мы с дискоболами, — сказал Тесей.

— Вот именно! И на фоне этих отношений со Спартой ты намереваешься красть у них невест, как какой-нибудь дикий македонец?

— Но ведь это прекраснейшая девушка в мире! Пирифой поклялся мне в этом! Не могу же я жениться бог знает на ком?

— А Антиопа? А Федра? Они что, были уродливы?

Тесей пожал плечами. А Коре вдруг стало холодно и страшно. Она вдруг поняла, что память о прошлом Тесея, которое миновало рядом с ней, в ее присутствии, на самом деле живет

в ней вполне объективно — ведь имена предыдущих жен царя, о которых она сегодня утром не имела представления, вырвались из ее уст совершенно естественно и вполне нечаянно.

— А если это авантюра Пирифоя? Если на самом деле этот красавец выиграет Елену в кости, куда же дальше направится ваша честная компания?

— Вот это мы решим! — твердо заявил Тесей, показывая, что все-таки царь в Аттике может быть один, а женщин-советчиц — сколько царю угодно.

— Тогда я предупреждаю тебя, — сказала Кора твердо, — любя тебя, желая добра Афинам и всем близким тебе людям, я приму все меры, чтобы ты не кидался сломя голову воровать девушек из яиц Леды и не навлекал на Афины гнев всемогущего Зевса. И главное, не начинал из-за этого войны с Диоскурами. Ты знаешь, что их армия сделает из афинской?

— Что?

— Гуляш.

— Что?!

— Не знаю, как это у вас называется. В общем, изрежет вас на кусочки.

Тут Тесей принял королевскую позу и зарычал на весь лес:

— Пусть только эти Диоскуры посмеют пальцем тронуть хоть одного афинянина. Пусть только они посмеют вторгнуться в пределы нашей славной державы! Да я сам с ними так расправлюсь, что у них навсегда пропадет желание нападать на нас!

— Тесей, мой дорогой, — сказала Кора. — Ты, кажется, забыл, что у них нет никаких намерений на тебя нападать. И твои Афины в полной безопасности. И будут пребывать в таковой, пока ты сам не кинешься воровать девиц на их территории.

— Чепуха! — заявил Тесей, потому что ничего больше заявить не мог.

Облако набежало на солнце, и сразу стало студено, как под Москвой в ноябре. Начал сыпать редкий снежок. Придумали бы гетры или хотя бы штаны, подумала Кора, глядя на голые колени царя. На мгновение она представила себе, как лежала на ее плече жесткая ладонь Тесея... Сейчас об этом и речи быть не могло. Кора была той нелюбимой тетей, которая готова отнять конфету или пожаловаться на мальчика маме. Таких теть не обнимают за плечи, даже если это очень

красивые плечи. А черт их разберет под этими хламидами! Придумали тоже моду!

— Пошли обратно, государь, — сказала Кора, злясь и на себя, и на этого Тесея, которого почему-то должна оберегать от глупостей, и на Милодара, который сейчас восседает в уютном кресле, посасывая свое любимое вино «Вазисубани».

Тесей, не говоря ни слова, пошел впереди. Он не оборачивался.

Кора шагала сзади.

Нечего распускать нюни. Хватит бездельничать... будем работать. А что, если они там что-то не так соединили и она вернется на Землю старухой, когда все ее современники покинут этот мир?.. Кора, не думай о чепухе. У янки, который жил при дворе короля Артура, был телеграф и даже вроде телефон, а как ей связаться с Трезеной, с дедушкой Питфеем? Требуется мобилизация всех средств... Сейчас же надо встретиться с кентавром Фолом, сообщить обо всем Хирону — это все народ мудрый, тертый. И главное...

— Главное, — сказал кентавр Фол тем же вечером, когда они втроем — Фол, Кора и кормчий Феак — обсуждали опасность, нависшую над Афинами и всей цивилизацией, — послать верного человека в Спарту и дать им понять через неофициальные источники, что принцессу по имени Прекрасная Елена следует беречь всей армией страны, потому что ей угрожает страшная опасность. Надо припугнуть Диоскуров, не говоря им, конечно, откуда эта опасность исходит.

— Будь другом, — попросила Кора Феака, — разузнай что можешь об этом Пирифое, когда и откуда появился, чем славен, что это за внезапная дружба с Тесеем и откуда такое умение влиять на тщеславие нашего царя?

— А ты? — спросил Фол.

— Я хочу найти Ариадну. Меня во всей этой истории больше всего тревожит именно она.

Поиски Ариадны, на которые Кора с согласия царя взяла из казны чуть ли не полталанта серебра и подняла на ноги всех осведомителей афинской полиции, ни к чему не привели. Ариадна показала свое рыльце, как тарантул из-под камня, — и сгинула. Но отныне ни Коре, ни Тесею не было покоя.

Зато подготовка к набегу на Спарту, набегу бессмысленному, совершенно нецивилизованному, исподволь шла. При

дворе древнего царька всегда найдутся лакеи, готовые на любую подлость ради царских милостей, там же нет недостатка и в лейтенантах, мечтающих о майорских погонах. А так как Тесею много для набега не требовалось — лишь подготовленные кони и колесницы, лучшие в Аттике, да отряд всадников, готовых отдать жизнь, чтобы остановить преследование. Вот, пожалуй, и все на первый день. А на второй — место, в котором можно укрыть добычу. Не поведут же ее по улицам Афин, это уж будет пахнуть первой мировой войной, так как на сторону Спарты сразу станет весь Пелопоннес, все дорийцы, включая, конечно, и Крит, хотя, по слухам, Миноса на Крите не было — он уже несколько месяцев занимался безуспешными поисками ненавистного Дедала. А может быть, это был очередной пропагандистский трюк хитрого Миноса и под видом этих поисков он проводил какой-нибудь морской набег, особо его не афишируя.

Новости о жизни в других полисах и царствах Кора черпала из разговоров в агоре и при дворе, в беседах с кентаврами и мудрецами, но, разумеется, она так и не стала достаточно образованна в понимании греческой жизни. Для этого надо было родиться, вырасти здесь, верить в то, во что верит обыкновенный древний эллин, и лишь тогда этот мир откроется перед тобой в своей страшной, смешной, забавной и обыкновенной полноте. Люди, окружавшие Кору, жили в глубоком убеждении в том, что не солнце поднимается на небо, а сверкает колесница Гелиоса, не молния ударила в храм, а рука Громовержца, не сам потонул в море матрос, а его увлекла туда сирена. Все должно быть волшебным... А Кора существовала в мире волшебном по нашим меркам, но совершенно лишенном волшебства по меркам греческим. Ибо она никак не могла убедительно сказать себе самой, что старый Хирон или сатир Никос являются существами противоестественными. Они просто жили тут, как и Тесей, и Медея. Кора видела нимф и нереид, она даже купалась в одной бухте с сиренами, которые в тот вечер категорически не желали петь и вовсе не отличались особой красотой... Но чудеса вселенского уровня были скрыты от Коры. И она подозревала, что так и не попала в тот уровень ВР-круиза, где эти существа и события обитают. И ей не суждено увидеть, как Атлант держит небо или как от взгляда на горгону Медузу человек пре-

вращается в камень. Чудес не бывает. И если Тесей убил в Лабиринте большого злобного быка, он никогда и никому не признается в этом, потому что сам верит в то, что убил именно Минотавра. А если он убил Минотавра, то, значит, Коре не велено правилами ВР увидеть существо с бычьей головой и человеческим телом.

А раз так, то где-то впереди будет состязание самых красивых женщин Эллады, как бы выборы мисс Греция, где воспитанный медведицей Маугли тех времен Парис отдаст предпочтение Афродите, которая пообещает ему любовь самой красивой женщины в мире. И тогда начнется кровавая суматоха вокруг Прекрасной Елены...

Елена достанется Парису!

Значит, даже если набег и удастся, то Тесей недолго будет наслаждаться любовью спартанской красавицы. Иначе Афродита никогда не посмела бы наградить ею Париса. А это значит то, что либо похищение Елены не состоится, либо Диоскуры настигнут Тесея, и тогда... тогда в самое ближайшее время Кора может возвратиться домой, выполнив или провалив задание.

Пока что разведка Коры, не найдя, где скрывается Ариадна, узнала много интересного и, возможно, полезного. Во-первых, оказалось, что Дедал живет в Афинах, делает вид, что он простой кузнец, даже отрастил длинную бороду и красит ее хной. Во-вторых, стало известно, что Пирифой появился среди магнетов недавно, победив в бою совсем уж забытого предыдущего вождя, а может быть, помер тот вождь... Магнеты были племенем мелким, плели корзины, ловили рыбу и никогда не стриглись. Их и за людей-то мало кто считал. На самом деле Пирифой был сильным малым, от него не было спасу соседним деревням, но, конечно же, настоящим героем или царем его никто не считал. Так что и Феаку эта дружба была непонятна и тревожна. Верные люди уже проникли в Спарту, к сожалению, там не было сейчас кентавров — какая-то очередная размолвка с лапифами закрыла для них ворота того города. Но удалось проникнуть во дворец, достичь ушей Кастора и донести до него мысль об опасности для Елены. Кастор взбеленился — братьям давно уже не нравилось то, что некие внешние силы пытаются разыграть Елену как политическую карту. Так Кастор и сказал человеку Феака,

который побывал в Спарте. А так как в карты еще никто играть не умел, то Кора отнесла это выражение к издержкам ВР. Елену охраняют, а возможно, удастся сделать и больше...

Они опять сидели за столиками во дворе конюшен Фола. Фол был мрачен, он был у какого-то местного оракула, и тот предсказал ему близкую кончину от отравленной стрелы Геракла. Это было необъяснимо и даже обидно разговорчивому ученому кентавру, он все порывался отправиться на поиски Геракла, чтобы выяснить, что за этим таится, но никто в те дни не знал, где скитается герой после очередного своего безобразия, а Кора советовала Фолу сбегать к более солидному Дельфийскому оракулу, может, он опровергнет местное предсказание.

Был вечер, жена Фола приносила им молодое, мутное, легкое, но хмельное вино, звезды, хоть и зимние, горели ярко и висели низко. И Кора представила себе, как тонка перегородка между нею и тем миром, где Милодар расшифровывает в компьютерном зале ВР-центра данные о ее существовании. Если не забыл... или сам не умер от старости...

— Завтра приезжает Пирифой, — сказал Фол.

Налетел порыв ветра и проник сверху в окруженный стенами, но открытый с неба дворик. Фол опрокинул кубок вина.

— Не пей, — сказала его жена Феодосия, странного пятнистого раскраса кентаврисса, — нашему народу пить вредно. Ты же видишь, как спивается молодежь. Это плохо кончится.

— Для меня — точно, — согласился Фол. Феак напился и заснул тут же во дворе, под снежком.

Фол со вздохом отставил пустой кубок и стал клониться вправо. Кора испугалась, что он упадет в очаг, горевший посреди двора, и с помощью жены осторожно уложила его на кошму.

— Все ли будет готово к приезду Пирифоя? — спросила Кора.

— Я молю богов, чтобы так и случилось, — ответил Хирон.

— Пожалуй, к ним по этому вопросу лучше не обращаться! — сказала Кора.

* * *

Приезд Пирифоя был обставлен куда скромнее, чем можно было ожидать, если судить по сплетням о нежной дружбе двух молодых героев, заполонившим Афины. И если бы Кора не была предупреждена друзьями заранее о том, что Тесей так и не отказался от дикой затеи, она могла бы проспать и появление Пирифоя, и даже отъезд друзей-героев за Прекрасной Еленой.

Но Кора была предупреждена.

Она выехала верхом на своей мирной кобылке Партенопе к северным воротам, которые, несмотря на туманный, зябкий, припорошенный инеем голубой час, были открыты. Возле них стояла группа всадников — небольшой отряд фракийцев, славных своим умением быстролетно и неустанно скакать на лошадях. На стене среди редких зубцов были видны ранние зеваки — в Афинах ты мог рассчитывать на зеваку даже в полночь. Под взглядами фракийцев Кора отъехала несколько в сторону, за выступ, прикрывавший городские ворота. Кора была одета по-мужски, голова ее прикрыта небольшим кожаным шлемом и волосы убраны под него, так что решить издали, юноша это или амазонка, не было возможности. А так как после войны с амазонками их корабли нередко приходили в Афины, то никто уже не удивлялся ни их одежде, ни странному акценту, ни поведению, непривычному для молодой женщины.

Солнце еще не поднялось, тянулся томительный рассвет. Переступали ногами кони, воины горячили их, и порой кто-нибудь вырывался из строя отряда и несся в сторону, затем останавливал коня и шагом возвращался к товарищам. Вдали из мглы зимнего тумана послышался шум копыт, как шум лавины. Фракийцы сразу насторожились и замолчали. И тут же, словно сверив часы, изнутри, из города, также послышался шум — гремели по каменным мостам окованные колеса колесниц и звенели подковы.

Все происходило точно так, как и было обещано Коре ее соглядатаями.

«Ах ты, мой милый Тесей, — не без злорадства подумала Кора, — ты решил обмануть свою главную охранницу, но на этот раз не получилось».

Они возникли почти одновременно.

С севера с гиканьем, не боясь разбудить мирно спящие за

стеной кварталы Афин, мчались магнеты; волосы их, лишь перехваченные кожаными тесемками поперек лба, развевались сзади, как черные рваные флаги, а одежда, сшитая из шкур, делала их похожими на обезьян. Впереди толпы магнетов несся ладно сложенный, могучий воин в шлеме, украшенном петушиными перьями, в медных доспехах и с коротким копьем в руке.

Из ворот навстречу ему куда сдержанней и медленней выехали несколько колесниц афинского царя. На передней стоял он сам. За колесницами скакала сотня царской охраны — легковооруженные и быстрые воины, приученные к бою на мечах и метанию дротиков.

При виде Тесея Пирифой осадил своего вороного коня и спрыгнул на землю. Тесей перекинул вожжи колесницы возничему и тоже спустился на землю. Одет он был без торжественного блеска, с коим положено выезжать на бой афинскому монарху. Шлем его был круглым, без украшений, а латы как у простого воина. Даже поножи были простыми и гладкими.

Цари поспешили друг к другу, широко раскрыв объятия.

Кора оглянулась. Ее союзники запаздывали.

Нет, вот подъезжает кентавр Фол.

— Здравствуй, друг. Где же посылка из Спарты?

— Молчи, — прошептал Фол.

Из повозок и больших фур, которые опоздали вчера вечером к закрытию ворот и теперь, проведя ночь у стен столицы Аттики, ожидали, когда откроются ворота и можно будет въехать на рынок или по иным торговым делам, вылезали любопытные — куда от них денешься?

Тесей что-то крикнул фракийцам, и они помчались к скоплению повозок, веля любопытным спрятать свои рожи от греха подальше.

Обняв друг друга за плечи, Тесей и его союзник направились к воротам, где уже был поставлен столик и на нем кувшин с вином, два серебряных кубка и нарезанный сыр.

Кравчий разлил алое вино по кубкам.

Пирифой прошел совсем близко от Коры, и она смогла разглядеть его.

Самые дурные предчувствия оправдались.

Новый друг Тесея, увозивший героя в смертельно опасное путешествие, был знаком Коре. Это был не кто иной, как

Кларенс, претендент на престол в Рагозе и, самое главное, соперник принца Густава по несостоявшейся дуэли. По каким-то своим соображениям, а может быть, и не без сговора с герцогиней, он предпочел расправиться с Тесеем без дуэли.

Ну что ж, вот и еще один убийца? Кора обрадовалась, как радуется диагност пусть тяжелому, но верному диагнозу. Убийца номер три. Прекрасная Кларисса намеревалась растопить нам мозги кислотой, прекрасная Ариадна обрушила на нас целую гору, чтобы и следа не осталось от ее жениха, а вот теперь появился и Пирифой. Видно, он решил передать судьбу Тесея в руки Диоскуров, которые, предупрежденные о набеге, готовы изрубить Тесея на мелкие кусочки, что тоже может стать последним подвигом афинского царя. Пирифой высоко поднял свой бокал.

— За нашу победу, друг! — воскликнул он. — Два дня пути — и самая красивая женщина в Элладе наша. Но ты клянешься соблюсти уговор?

— Я клянусь, — ответил Тесей, — и не спрашиваю тебя об этом, потому что дважды с другом не договариваюсь.

— Я пошутил. Я доверяю тебе, мой брат, — сказал Пирифой.

Господи, до чего же неприятное лицо, подумала Кора, хотя в общем ничего неприятного в том лице не было. Герой как герой...

Почувствовав чужой взгляд, Кора подняла голову.

Ей показалось, что среди фигурок на городской стене одна ей знакома — Ариадна! Хотя она могла ошибиться.

Тесей ударил кубком о стол и выплеснул остатки вина на покрытую изморозью землю. Вино кровью полилось к колеснице. Пирифой допил кубок до конца.

— Ну что ж, — сказал Тесей, — чем скорее мы поскачем, тем быстрее мы обгоним слухи о нашем подвиге. Я предлагаю отправиться в путь.

Феак незаметно подъехал сзади к Коре.

— Все в порядке, — сказал он.

Тогда Кора легонько натянула поводья, и ее кобылка выехала на открытое место между двумя отрядами.

Ее сразу заметили.

Тесей как раз поставил ногу на подножку колесницы. Он замер. Он покраснел от стыда и гнева.

— Это что такое? — закричал он. — Как ты смеешь?! Что ты здесь делаешь, женщина?

Лишь хорошее трезенское воспитание не позволило ему употребить более грубое слово.

— Я пришла, — сказала Кора, словно не чувствуя, как клокочет в царе гнев, — чтобы остановить твою безумную затею.

— Уйди с дороги! — Тесей вступил на свою колесницу и рывком вырвал поводья у возничего. — Прочь!

— Не будь мальчиком, Тесей. Ты — царь, — сказала Кора.

Сзади она почувствовала движение воздуха. И, не оборачиваясь, поняла, что старый кормчий не испугался стегнуть своего коня и встать рядом с Корой.

— Выслушай нас, — сказал Феак. — Мы никогда не учили тебя дурному.

Краем глаза Кора увидела, что сзади подошел кентавр Фол, уважаемый учитель и мудрец в Афинах. Тесей заколебался. Это были его люди, его друзья...

Но не друзья Пирифоя.

И тут, конечно же, не Пирифой — не известный никому вождь мелкого племени, а плейбой Кларенс из знатного клана королевства Рагоза сделал ошибку.

Он закричал полным презрения голосом:

— Да что ты их слушаешь, Тесей! Ты не мальчишка! Гони прочь этих жалких рабов, или я их сейчас сам изрублю на куски.

И, подняв меч, Пирифой двинул своего коня на Кору.

Тесей мог выгнать оппонентов, он мог и приказать убить их — в гневе он терял выдержку. Он мог и выслушать их.

В тот момент он сам еще не знал, как поступит.

Наглость Пирифоя решила этот вопрос за него.

— Остановись! — сказал Тесей, повернув открытую ладонь в сторону своего спутника.

Тот остановился, подчиняясь тону и властности окрика.

— А ты, госпожа Кора, говори. И я советую тебе сказать что-то новое. Иначе я накажу тебя, клянусь Зевсом.

— Ты знаешь, кого ты намерен украсть в Спарте?

— Да, Прекрасную Елену.

— Ты ее видел когда-либо?

— Я ее не видел, но слухи о ее красоте распространились по всей Элладе.

— И кто тебе сказал об этом?

— Неважно, кто сказал!

— Я сказал! — крикнул, потеряв всяческое терпение, Пирифой. — Я сказал. И если ты не выгонишь эту девку, клянусь, я убью ее, но тебе я больше не друг.

— Вот видишь, — сказала Кора. — Может, ты помнишь старую поговорку «Зевс, ты сердишься, значит, ты не прав»?

— Говори, Кора.

— Видел ли ты портрет Елены? Видел ли ты ее изображение, как это делается при сватовстве, если ты не можешь приехать на свидание с невестой?

— Зачем это мне?

— Тогда позволишь ли ты мне показать тебе изображение твоей невесты?

— У тебя оно есть? — Тесей был заинтересован. — Ну и хитра ты, Кора!

Кора обернулась. Кентавр Фол заржал, и голос его пронесся в утреннем воздухе до самого моря.

Одна из крытых повозок, запряженная четверкой славных коней, по сторонам которой ехали, появившись сзади и незаметные раньше два вооруженных и закованных в панцири кентавра, в одном из них Кора узнала своего старого друга Хирона, двинулась с места и подкатила ближе.

Хирон наклонился и раскрыл полог. Он помог слезть с повозки полногрудой молодой женщине в длинном сером хитоне и черной хламиде. Тем временем второй кентавр вытащил из повозки нечто длинное, завернутое в холстину.

Все замерли, как в ожидании фокуса. Пирифой, который, видно, не отличался тонким умом, тоже стоял проглотив язык.

— Здравствуй, царь Тесей, — сказал Хирон.

— Доброе утро, мудрый Хирон, — ответил Тесей. — И ты тоже участвуешь в этом заговоре?

— Ради спасения тебя от обмана, царь, я готов подняться с постели раньше, чем обычно... Эта женщина, стоящая перед тобой, кормилица царевны Елены Прекрасной.

— Что? Повтори?

— Да, господин Тесей, — сказала молодая женщина. — Я кормилица и нянька царевны Елены. Мне выпала большая честь — высиживать яйцо, из которого она вывелась, а затем выкармливать девочку грудью. Эти добрые господа сказали

мне, что тебя подговорили украсть нашу девочку и начать войну между Спартой и Афинами. Я не могу этого позволить! У меня сестра и племянницы живут в Афинах. У меня половина семьи тут!

— Так что ты хочешь мне сказать? Говори! — Тесей был раздражен, как раздражается мальчик, у которого сорвалась лыжная прогулка.

— Разверните! — приказала кормилица кентавру.

Тот стал разматывать холст.

— Великий скульптор Фидий-старший изваял мою милую любимицу месяц назад. И это точное изображение ее я привезла с помощью добрых кентавров, чтобы ты мог посмотреть собственными глазами на нашу Прекрасную Елену.

Холстина упала на припорошенную снегом землю. Перед ними стояла изваянная в рост и оттого казавшаяся несколько меньше, чем в действительности, девочка лет десяти. Розовый мрамор передавал детскую беззащитную нежность ее тела. Глаза Елены голубели на открытом и доверчивом лице, а темно-рыжие, вырезанные из янтаря волосы были забраны в две косички.

Пауза тянулась бесконечно. Молчали все. Лишь переступали и порой коротко ржали кони.

— Это и есть Прекрасная Елена? — спросил наконец Тесей, обведя взором окружающих и остановив его на Хироне.

— Я видел эту девочку три дня назад, — сказал кентавр. — Ее брат Кастор разрешил мне покатать ее по двору. Она будет очень красивой девушкой. Лет через десять. И завидной невестой...

— Это клевета! — Пирифой наконец-то собрался с силами. — Врут они! Она и ее братья — близнецы.

— Она родилась с ними, но они родились десятилетними, а она — обычным младенцем, — пояснила кормилица, — об этом все знают.

— И ты хотел, чтобы я женился на маленьком ребенке? — спросил Тесей. — Или ты рассчитывал, что я позволю тебе сделать это?

— Откуда я знал?! — закричал Пирифой. — Откуда мне знать?! Мне сказали, что она прекрасная, и я тебя позвал. Чтобы сделать лучше! Я же твой друг!

— Этот господин, — кормилица показала на Пирифоя, —

прошлой осенью был у нас. Его принимали Диоскуры. Он представился братьям-государям как царь острова Наксос.

Конечно же, подумала Кора, внутренне улыбаясь и наконец-то переведя дух, Ариадна подсказала ему название острова. А может быть, они там с ней встречались?

— Молчи, старая ведьма! — закричал Пирифой и поднял копье, намереваясь пронзить кормилицу. Та завизжала. Тяжеловооруженный кентавр вышиб мечом копье из рук Пирифоя. И схватил его за руку.

Магнеты заворчали.

Афиняне подняли луки и дротики.

— Видел ли Пирифой Елену? — спросил Тесей у кормилицы.

— Он видел девочку. И даже играл с Леночкой, — сказала женщина. — И он не смеет называть меня старой ведьмой. К тому же я должна вам сказать, господин Тесей, что несколько дней назад от этого господина Пирифоя пришло письмо братьям Диоскурам. В нем сообщалось, что ты, царь Тесей, хочешь украсть себе в жены их маленькую сестренку. Я видела это письмо собственными глазами. Он просил устроить тебе засаду.

Кора увидела, как напряглись жилы на шее у кентавра, — боги не обидели силой Пирифоя. И уж конечно, из руки простого человека он бы легко вырвался.

— Наш поход отменяется, Пирифой, — спокойно и царственно произнес Тесей. — Я попрошу тебя и твоих людей покинуть пределы Аттики и никогда более не переступать ее границ. Иначе ты не вернешься домой живым.

— Это мы еще посмотрим! — закричал Пирифой.

Кентавр отпустил его.

Пирифой крикнул: «Мы еще встретимся, мальчишка!» — и, полоснув плетью своего коня, помчался прочь. За ним — отряд магнетов.

Раздался громкий стук копыт по мерзлой земле. Все смотрели вслед Пирифою, и никто не заметил, как стрела, пущенная с городской стены, нашла свою цель...

Кору будто толкнули в спину.

Она попыталась обернуться, и ей стало очень больно. Она вскрикнула.

Никто не услышал ее крика, но Феак увидел, как она падает, и спрыгнул с коня. В следующее мгновение земля содрогнулась — на колени рухнул гигантский кентавр Хирон,

оба они старались закрыть Кору от других стрел — если они были...

И еще через три или четыре секунды, когда стук копыт магнетов стал глохнуть в воздухе, Тесей увидел, что случилось с Корой.

— Откуда? Кто? — закричал он.

— Со стены, — ответил Феак.

— Выньте стрелу!

— Подождите, — ответил Хирон. — Боюсь, как бы она не изошла кровью. Я обломаю лишь древко, а наконечник выну дома.

— А вдруг он отравлен! — Тесей был в отчаянии. — Я во всем виноват!

Он выскочил из колесницы и упал на землю рядом с Корой.

Он гладил ее бесчувственное плечо, он гладил ее волосы, выбившиеся из-под кожаного шлема.

— Я никогда не любил никого, кроме тебя... Кора, богиня моя, спасительница...

— Прости, царь, — сказал кентавр Хирон, — но нам надо отнести ее к Фолу. Она теряет много крови.

Два кентавра несли ее через город, который просыпался, так и не узнав о сцене, которая только что разыгралась перед воротами Афин. Кентавры несли накрытую плащом Кору осторожно, как сосуд, полный воды...

* * *

Кора проснулась на следующее утро слабой и бессильной. Феодосия, как звали жену Фола, которая ухаживала за ней, принесла ей ночной горшок, за что Кора ей была благодарна до гробовой доски, так как мысль о необходимости передвигаться с помощью собственных ног была невыносимой.

Добрая Феодосия, чтобы не беспокоить раненую, надела на копыта нечто вроде валенок и потому ходила по комнате беззвучно. Она сказала Коре, что та провела без сознания больше суток, правда, Хирон и хотел этого, он специально подмешивал ей в лекарство сонное зелье, потому что раны затягиваются у людей, когда те спят.

Едва Кора пришла в себя, появился Асклепий, главный врач Афин, по слухам, будущий или даже современный бог

медицины, но притом ученик Хирона. Асклепий оказался высоким худым сутулым молодым человеком, который рассуждал значительным глубоким голосом, словно больше учился риторике, чем медицине. Он пощупал у Коры пульс, приподнял веко, потрогал лоб, разве что только не сделал кардиограммы, то есть вел себя совершенно не соответственно эпохе. Но с Хироном он разговаривал с превеликим почтением, и когда они обсуждали действия каких-то неизвестных Коре трав и настоев, он мерно качал головой, соглашаясь с каждым словом учителя, и был похож на цаплю, выбирающую из болота червяков.

Потом Асклепий торжественным тоном сообщил Коре, что лечение проходит нормально, ее состояние не вызывает опасений, но требуется постельный режим.

Хирон благостно улыбался, гордясь своим учеником.

Асклепий сообщил, что донесет свое мнение до слуха царя, который лично изволит беспокоиться о здоровье Коры. А Кора спросила на прощание:

— Попросите его беречь себя. Мой пример пусть будет ему наукой.

— Я с вами совершенно согласен, — неожиданно согласился Асклепий. — Вы знаете, что лучника, стрелявшего в вас, до сих пор не нашли?

Он попрощался с Корой, и они с Хироном перешли в конюшню, где Асклепий еженедельно смазывал волшебными мазями рану, нанесенную некогда кентавру Герой. Хирон утверждал, что чувствует себя все лучше, но Кора подозревала, что на этот раз Гера победила.

После его ухода Феодосия сказала Коре по секрету, что отношения Асклепия и Хирона не такие простые, как кажутся, — ведь Асклепий по чину и происхождению принадлежит к богам, хотя ей, простой кентавриссе, сложно объяснить, каким образом. У Асклепия есть два флакончика из египетского стекла. В них содержится кровь Медузы. Один флакончик может оживить человека, а второй убить — одной каплей. Но Афина не разрешает Асклепию пользоваться этими каплями, и поэтому он лечит обычными, которые научил его составлять Хирон. Ну как тут разберешься, кто из целителей главнее?

— И ты веришь в эти флакончики? — спросила Кора слабым голосом.

— Как же не верить? — удивилась Феодосия. — Все верят. — Потом подумала малость и сказала мудро: — А если их и нет, то все равно верю.

— Глас народа — глас богов, — сказал Хирон, который, проводив Асклепия, возвратился к пациентке. — Завтра еще полежишь, наберешься сил, Харикло прислала тебе варенья из грецких орехов, а потом будешь как новенькая.

— Спасибо, — сказала Кора. — Я встану завтра, хорошо? Я обеспокоена.

Хирон почесал бороду, вытащил из нее несколько сучков, с отвращением отбросил в угол комнаты и сказал:

— Хорошо. Только учти, что будешь чувствовать большую слабость. И тебе лучше передвигаться на носилках.

На том и порешили.

Так как носилок в доме, разумеется, не было — кто будет носить кентавров на носилках? — то по просьбе Хирона Феодосия послала слугу в город, чтобы он нашел там человека, который специально держит носилки, чтобы давать их напрокат.

Хирон заставил Кору выпить еще целый кубок теплого душистого горьковатого зелья и стал рассказывать о том, какой у него талантливый ученик Асклепий. Он только выглядит таким хилым и худым, а голова у него умнее, чем у самого Зевса.

Кору стало клонить в сон, и она спросила доброго кентавра:

— А у него есть флакончики с кровью Медузы?

— Тебе уже сообщили? — Хирон улыбнулся, а потом сказал: — К сожалению, Афина в самом деле подарила ему эти флаконы. И соблазн воспользоваться ими.

— А разве плох соблазн оживить человека?

— Человека можно вылечить, — объяснил Хирон. — На то и есть лечение. Возвратить человека из царства Аида могут только боги. И если человек обладает правом бога, то для него это плохо кончится.

— Феодосия сказала, что Асклепий — бог медицины?

— Он хороший врач. Профессионал. Я даже сказал бы, что он мой лучший ученик. Но он общался с богами, он — любимый сын Аполлона, тот не только знал его, но и баловал! И убедил Афину сделать ему такой подарок. А подарок — это соблазн. Пока еще Асклепий подчиняется мне. Но я скоро погибну.

— Что ты говоришь!

— Чует мое лошадиное сердце, что я скоро погибну. И может быть, лучше, что не доживу до беспомощной старости. И без меня Асклепий наверняка захочет почувствовать себя равным богам, он захочет поставить медицину выше смерти. Он оживит одного человека, убьет второго, оживит третьего... и погибнет сам. Вот увидишь! Боги испытывают нас, смертных, на прочность.

— Значит, я сегодня познакомилась с первым в мире реаниматором? — сонным голосом произнесла Кора.

Кентавр понял это слово.

— Называй его как хочешь, но доверяйся лечащему врачу. — И он осторожно накрыл Кору мягким шерстяным одеялом.

* * *

На следующее утро Кора проснулась совсем здоровой. Настолько, что использовала свои слабые ноги для передвижения по комнате и дому, хотя Феодосия ходила за ней, не отставая ни на шаг, готовая поддержать Кору, если та начнет падать.

В зеркало она попыталась увидеть рану, но стараниями Хирона рана затянулась, и осталось лишь красное пятно под лопаткой.

Метко стреляли, подумала Кора.

Потом она позавтракала в постели. Ее кормили какой-то пресной кашей и зимним, вялым, очень сладким виноградом.

Кентаврята совали рожицы в комнату, чуя, что госпоже уже лучше и их не прогонят. Их и на самом деле не гнали.

Потом они даже забрались в комнату. Это были потешные создания, шаловливые, но робкие. Девочка, самая маленькая из них, попросила разрешения причесать Кору, и, когда получила его, ее братья чуть не лопнули от зависти.

Дома было тихо и пусто. Фол ушел по делам, Феодосия отправилась на рынок. Лишь копытца детей звонко перестукивались по глухим комнатам.

Вошла служанка и сказала:

— За вами носилки, госпожа.

Кора поблагодарила девушку и быстро оделась. Она надела два хитона и гиматий, сверху шерстяную хламиду, а также

свой любимый, облегающий голову кожаный шлем, который привезла из путешествия на Крит, но хоть убей не помнила, как и когда он ей попался. Башмаки она натянула высокие, на шерстяные носки — слава богу, их кто-то уже изобрел. Кора боялась простудиться.

Спина еще болела, но Хирон перед уходом поклялся, что можно не бояться, рана не будет кровоточить, там уже образовалась новая кожа. Кора вышла во двор. Сыпал мокрый снег, а может, снежный дождь. Было темно и гадко.

Носилки стояли перед воротами дома.

Возле них переминались с ноги на ногу носильщики довольно жалкого вида. Серые хламиды, натянутые концами на головы, не спасали от дождя.

Толстяк в шляпе, с полей которой капала вода, с обвислыми щеками и тремя подбородками, закутанный еще более, чем носильщики, поклонился ей и сказал, что носилки поданы как велено. И спросил, куда госпожа намерена ехать.

— Во дворец, — сказала Кора.

Она ступила на носилки, которые стояли на земле, возвышаясь лишь сантиметров на десять, подобно длинному столу на очень коротких ножках. Ножки переходили в высокие столбики, перекрытые сверху тентом, так что дождь и снег не попадали внутрь. В носилках пахло дешевыми духами и пудрой — видно, их недавно использовала какая-то гетера. За время жизни в Элладе Кора научилась разбираться в местных духах и благовониях и даже приобрела свои склонности и привязанности, но в целом запахи духов и кремов здесь были грубы и примитивны. Усевшись получше, Кора при помощи толстяка, который командовал носильщиками, опустила занавески — с открытыми занавесками хорошо разъезжать на носилках в теплую сухую погоду, а тут то ком грязи от встречной повозки, то снежок, пущенный сорванцом с плоской крыши, могут испортить одежду, а то и разбить лицо.

В носилках сразу стало полутемно, они качнулись. Носильщики подняли их профессионально — ровно и одновременно — и понесли вперед. Зря человечество отказалось от таких носилок. Конечно, жаль оставлять лошадей и автомобили без работы, но люди умеют это делать куда приятней, чем механизмы или животные.

Носилки равномерно покачивались, и Кора, еще слабая после ранения, даже задремала, представляя себе мысленно

улицы, по которым ее несли ко дворцу. За бесконечную жизнь, проведенную в Афинах, она, казалось бы, знала наизусть каждую из улочек этого города, уже не городка, а настоящей столицы. Это произошло у нее на памяти. Но на памяти или в ложном воображении обманутого мозга? Вот и сейчас ей начало казаться, что ее несут не в гору, как положено, а ровно, по узкой извивающейся дороге... Она потянулась было к занавеске, чтобы открыть ее, но тут носилки резко остановили свой бег.

Раздался звон оружия. Голоса.

Стража дворца... Значит, просто разыгралось воображение.

Нетерпеливая мужская рука распахнула занавески.

— Выходи, госпожа.

Носилки опустились.

Придерживаясь рукой за стойку, чтобы не потерять равновесия, Кора вышла из носилок. Дождь со снегом усилились, ветер нес струи почти горизонтально, и Кора прикрыла лицо от зверского нападения стихий.

Толстяк, как ему и положено, резво бежал впереди носилок и теперь промок до нитки и был несчастен, затрусил к двери, за которой оранжевым отблеском горел очаг. Вслед за Корой туда же зашагали тяжеловооруженные воины в кожаных панцирях и медных шлемах — слишком просто одетые для царской стражи.

Эта мысль не успела толком отпечататься в сознании Коры, тоже поспешившей к спасительной двери.

И вот она в помещении — низком, никак не дворцовом, освещенном факелами слуг и большим открытым очагом, над которым на вертеле медленно поворачивался баран.

Над бараном склонился человек, опрыскивая его из флакона мутным винным уксусом, он был занят своим делом настолько, что не обернулся к Коре. По ту сторону очага стояла Ариадна. Она скрестила на груди тонкие ручки и смотрела на Кору спокойно и свысока, как в момент их самой первой встречи, когда герцогиня Рагоза выразила недовольство тем, что ей предлагают лишь агента номер три.

На шаг сзади Ариадны стояли рядышком Кларенс и Кларисса — то есть Пирифой и Медея.

— Какое изысканное общество, — произнесла Кора, как только обрела способность говорить.

Она резко обернулась назад, в надежде отыскать возможность бежать из этой комнаты. Но воины в кожаных куртках с длинными волосами, забранными под кожаные колпаки, надежно перекрывали вход, держа руки на рукоятках загнутых кинжалов.

Человек, который поливал уксусом барана, сделал шаг назад, вытирая пот с лица, раскрасневшегося от жара костра.

— Жаркое у нас получится на славу, — сказал он.

Этого мужчину Кора также узнала — удивительно, сколько у нее знакомых в этом древнем мире! Это был великий мастер и изобретатель Дедал, в поисках которого дни и ночи проводил царь Минос.

— Скоро можно приступать к пиру, — добавил он и только тут признал Кору. — Какая радость! — сказал он, улыбаясь вольтеровской улыбкой. Лысина его блестела и отражала свет факелов. Жидкая рыжая борода казалась приклеенной. — К нам пожаловала госпожа Кора, с которой я имел честь общаться. Надеюсь, что у вас нет дурных воспоминаний о наших встречах?

Дедал засмеялся тем добрым предстарческим смехом, когда лучики добрых тонких морщинок букетиками собираются возле уголков глаз.

— Кора, — сказала Ариадна, — надеюсь, вы достаточно разумны, чтобы не устраивать здесь ковбойских трюков. Дом надежно охраняется. Пирифой привел сюда самых отъявленных головорезов из своих магнетов. А у стен дома стоят деревянные люди Дедала — прообразы роботов. Надеюсь, их вам уже приходилось встречать.

Кора молчала. В таких ситуациях, как учил комиссар Милодар, агент сохраняет шансы на выигрыш, только если ведет себя не так, как ожидает от него победитель. Когда он молчит, то приходится разговаривать преступнику. И преступник, как правило, почувствовав себя победителем, становится словоохотлив. Вот тогда-то агент должен уметь слушать. Кора умела слушать. Она молчала.

— Я предлагаю тебе, Кора, пройти в соседнюю комнату. Там удобнее. И там не будет свидетелей нашего разговора.

— Я желаю присутствовать при этом разговоре! — вдруг заявил Пирифой. Он не скрывал своей злобы — видно, до сих пор не мог простить Коре унижения у городских ворот.

— Ты еще наговоришься с ней, Кларенс, — сказала герцогиня. — Так ты идешь, Кора?

Раздвинув занавески, Ариадна двинулась в глубь дома. Кора молча последовала за ней.

Они оказались в небольшой, уютной и достаточно освещенной светильниками комнате, где с трех сторон вдоль стен тянулись низкие диваны с подушками и мягкими шкурами, чтобы было уютно возлежать или сидеть на них. Перед диванами стояли овальные столики со стеклянными и серебряными кубками.

— Садись, Кора.

Ариадна двигалась ловко и быстро, и при колеблющемся свете было трудно понять, изменилась ли она за то время, пока они не виделись, или нет. Вроде бы она стала старше.

Но двигалась герцогиня легко и ловко.

Она разлила по кубкам мутноватую белую жидкость.

— Хочу отплатить тебе добром, Кора, — сказала она. — Конечно, я не могу в ВР-круиз взять с собой виски или хорошую водку, но старина Дедал, светлая голова, соорудил достойный перегонный аппарат, так что можешь попробовать виноградной водки.

Ариадна протянула свой бокал, чтобы чокнуться. Бокал был очень красив. Видно, египетский или сирийский, как бы сплетенный из витков разноцветного стекла. Самогон оказался крепким, почти чистый спирт. С непривычки Кора закашлялась.

Ариадна спокойно выпила свой бокал до дна и улыбнулась.

— Теряешь практику, моя дорогая девочка. Тебе пора возвращаться домой и приниматься за доброе шотландское виски.

— Зачем вы все это устроили? — спросила Кора.

— Позволишь еще бокал?

— Нет, спасибо, я сегодня первый день как встала.

— Стрелял мой человек, — сообщила не без гордости Ариадна. — Мы думали, что если убьем или серьезно раним тебя, то они будут вынуждены убрать тебя отсюда и мы тогда кончим наши семейные дела без твоего вмешательства.

— Кентавр Хирон — замечательный лекарь, — сказала Кора.

— Недолго ему жить осталось, — сказала Ариадна.

— Не смейте его трогать!

— При чем тут мы? Мы вообще никого здесь не трогаем.

Отдайте нам нашего милого Густава, и больше нас никто не увидит. Думаешь, мне легко здесь без моих кремов, без моих гелей, без моих массажисток? Это же каторга! Хирона, кажется, убьет Геракл или кто-то еще из местных хулиганов. Разве вы перед отлетом не читали?

— Тогда все было так срочно... И честно сказать, порой я рада, что не знаю завтрашнего дня.

— Это ничего не дает, — ответила Ариадна. — У каждого мифа есть столько вариантов, любой может стать ВР-вариантом. Так что со знанием попадаешь впросак хуже, чем с полным неведением. Ну разве я могла предполагать, что ты сдуру вытащишь из пещеры моего жениха? — Ариадна засмеялась серебряным мелодичным смехом; свет от светильника упал на лицо и осветил сетку морщин, которые покрывали его. Да, годы здесь нелегко дались герцогине Рагозе.

— А как вы выбрались с Наксоса? — спросила Кора.

— Это длинная история. Зевс прислал мне на помощь Диониса. Мы жили с ним... впрочем, это не имеет отношения к нашей истории.

— Много детей нажили?

— Оставьте свои глупые шутки, Кора. И не путайте субъективное время здесь, которое у каждого свое, и объективное, которое продолжается там...

— Зачем вы похитили меня, герцогиня? — спросила Кора.

Рагоза отпила еще от своего бокала, взяла спелый мандарин, очистила его, потом гневно отбросила в угол, он покатился по ковру, покрывавшему пол.

— Потому что ты мне надоела, черт побери! И когда три дня назад ты сорвала нашу последнюю, так тщательно продуманную операцию, я поняла, что хватит нам охотиться за Густавом — пора убирать тебя. Мы не можем больше рисковать. Не сегодня завтра здешний ВР-путь Тесея заканчивается. И Густав вернется обратно в наше время, чтобы погубить нашу династию. Так что перед тобой, Кора, очень простой выбор.

— Какой же?

— Или ты сегодня же даешь сигнал, чтобы тебя отсюда откомандировали, вытащили, убрали, эвакуировали! Впрочем, ты можешь куда-нибудь уехать — но ни в коем случае не приближайся больше к Тесею!

— Либо?

— Либо — ты знаешь — ты не выйдешь отсюда живой.

— Меня в будущем вылечат от смерти, а у вас будут очень крупные неприятности.

— Я лучше тебя знаю, какие у меня будут неприятности. Поэтому я позабочусь о том, чтобы тебя не смогли оживить. Я знаю правила ВР-круизов не хуже тебя. И все наши покушения на Тесея, как ты понимаешь, имели в виду именно окончательное уничтожение. Так что тебя не смогут оживить... даже в Галактическом центре. И твой идиот комиссар останется без своего агента номер три... А может, триста тридцать три?

— Неважен номер, — сказала Кора и протянула свой бокал Ариадне. Хозяйка дома налила в него водки. — Важно то, что мне удалось сорвать три ваших покушения. Так что считайте, добрая тетушка Густава, что я неплохо отрабатываю свои гонорары.

— Проклятие! — вырвалось у герцогини в лучших традициях готического романа.

Но этим сцена и завершилась, потому что женщины чокнулись и выпили обжигающий напиток.

— Ну как? — спросила дама Рагоза. — Ты уезжаешь?

— Не могу, — по мере сил искренне ответила Кора.

— Почему?

— Потому что у меня нет связи с моим временем. Только когда Тесей тем или иным образом покинет или завершит ВР-круиз, я тоже буду возвращена...

— Белая рабыня, не так ли? — спросила дама Рагоза.

Они еще выпили. Кора с удовлетворением подумала, что судьба благородно поступила, определив ей в соперницы даму Рагозу. Будь она союзницей, споила бы агента. С герцогиней так прекрасно пилось. Даже такая чепуха, как этот первобытный самогон.

— Здесь до черта вредных примесей, — сказала Кора о спирте.

— Ни в коем случае. Чистейший продукт, — возразила герцогиня. — Двойная перегонка. Дедал — гений своего времени. Помните, как он улетел с Крита? И с тех пор его не нашли. Я рада, что мы теперь работаем вместе.

— Он знает о вашем задании?

— Ни в коем случае. Но он умеет ценить необычных людей.

— Ну и компания! — искренне воскликнула Кора. — Вас здесь трое?

— Как так трое? А, ты имеешь в виду гостей из Рагозы? Да, конечно, нас трое. — Голос дамы Рагозы прозвучал лживо.

Кора не знала, верить или нет.

Но дама Рагоза не дала возможности рассуждать.

— Не знаю, — сказала она, возвращаясь к главной теме беседы, — действительно ли ты не имеешь связи...

— А вы?

— У нас есть связь. Но по своим каналам...

— Наверное, нелегко вам далось отправить в Древнюю Грецию целую бригаду мстителей?

— Мы все купили себе путевки в ВР-круиз, — быстро солгала Ариадна.

— Не надо считать меня идиоткой, — ответила Кора. — Я-то знаю, что в ВР-круизе человек теряет память о своей действительной жизни. Это условие существования в этом мире. Тесей не подозревает, что он — принц Густав. Вы же все знаете. Как и я. Но решить вопрос о том, чтобы отправить сюда не участников, а охотников за человеком, могли лишь на самом верху. Боюсь, что назревает уголовное дело века...

— Пожалуй, мы сожжем тебя, Кора, — задумчиво сказала Ариадна.

— Не успеете — меня автоматически вытащат обратно, как только датчики сообщат информацию об угрозе для моей жизни.

— Кора, уходи! Не мешай нам! Мы заплатим тебе столько, сколько ты не заработаешь за три жизни!

— Спасибо за комплимент. А то этот скряга Милодар уже третий год не повышает мне категорию. Я работаю как младший инспектор, представляете?

— Кора, немедленно перестань молоть чепуху! Уходи, или мы тебя убьем.

Кора увидела, как дрожит лапка Ариадны под тяжестью старинного бокала.

— Мне надо подумать, — сказала она. Можно предположить, что уже сейчас ее хватились. Впрочем, нет, даже если кентавр Фол вернулся домой, он полагает, что Кора уехала во дворец в наемных носилках. А Тесей занят другими делами. И ему грозит беда.

— Некогда думать! — заявила Ариадна.

Голос ее звучал нетвердо. Язык подчинялся с трудом. Кора решила пожертвовать собой.

— Еще по бокалу за встречу! — предложила она.

— Ни в коем случае! — сказала Ариадна. — Наливай!

Но ничего не вышло.

Занавеси в дальнем конце комнаты резко раздались в стороны, внутрь пахнуло алым отблеском очага и запахом жареной баранины.

В комнате стоял человек в бронзовом шлеме с маской, закрывавшей все лицо. На нем был драгоценный чеканный панцирь с изображением головы горгоны Медузы. У пояса висел широкий меч в украшенных золотом ножнах. Это был или бог, или царь, или герой... Именно он командовал в этом доме.

— Мне надоело ждать, — сказал он, забыв поздороваться с Корой. — Боюсь, что вместо делового разговора у вас получилась попойка.

— Не смей так говорить! — возмутилась Ариадна. — Я царица и герцогиня. И кстати, спала с богом Дионисом, чего тебе не дано!

— Какая мерзость, — сказал человек в шлеме-маске. — Она хоть успела вам, Кора, сообщить наши условия? Достаточно мягкие?

Голос его был знаком. Она уже разговаривала с этим человеком.

— Я попросила времени подумать, — ответила Кора.

— Некогда думать. Иначе мы убьем вас.

— Попробуйте, — сказала Кора. — Тогда я окажусь в центре реанимации, прежде чем вы успеете замести следы. И посмотрим, как вы тогда выпутаетесь. И кто здесь останется, чтобы убить Тесея.

— Нет, голубушка, Ариадна пожалела тебя, — сказал человек в шлеме-маске, — у нас есть способы убить тебя навечно, и для этого мы завели здесь местного умельца по имени Дедал. Может, слыхала? Способный, бестия, но тщеславие его загубит... погоди, не возражай. Но я согласен с тобой, незачем брать на себя лишний грех. Лишний грех — лишний риск. Так что тебе просто придется несколько дней пробыть у нас в гостях, пока мы закончим операцию «Принц Густав». Красиво звучит для Древней Эллады, а?

— Ни черта у вас не выйдет, — сказала Кора.

— У нас все выйдет, потому что я сам специально прибыл сюда, чтобы организовать ликвидацию этого мальчишки. До этого здесь работали дилетанты, то есть особы, которые по своим мелким эгоистическим причинам желали убрать Густава с политической арены.

— Я не особа! — сказала Ариадна, сложилась калачиком и захрапела мужским басовитым рыком.

— Мне же Густав опасен по-настоящему. Для меня его смерть — дело моей жизни или смерти. Как-нибудь, Кора, когда все это кончится, я тебе расскажу, почему мне пришлось подталкивать этих людишек к действию, — человек в маске-шлеме сделал жест в сторону двери, включая таким образом в число людишек Пирифоя и Медею. — Но я не учел один фактор — тебя. Теперь мне пришлось прибыть сюда самому, взять на себя руководство операцией и в первую очередь изолировать тебя. Так что не сетуй, что попала между жерновами, — уж очень велики ставки. — Он обернулся к двери, ведущей в большую комнату, и позвал: — Мастер Дедал!

Тот вошел. Уверенно, без приниженности и страха.

— Будь любезен, друг, — сказал человек в маске-шлеме, — проведи госпожу Кору в ее новое жилье.

Дедал сухо ухмыльнулся и сказал Коре:

— Иди, — и показал на небольшую дверь между диванами, закрытую занавеской.

Кора понимала, что сейчас ей нужно время подумать, прежде чем бросаться в бой.

Она послушно пошла вперед по темному коридору. Коридор привел в комнату без окон, освещенную лишь одним факелом. «Вот и моя тюрьма», — подумала Кора. В дальней стороне комнаты было невысокое ложе, покрытое кошмой.

— Иди туда, — сказал Дедал.

Кора молча пошла.

Когда она дошла до середины комнаты, то услышала сзади громкий щелчок.

Плита пола, на которую она наступила, поддалась под ногой, и Кора, не готовая к такому повороту событий, упала вниз.

Внизу, на глубине метров двух или чуть более, была куча соломы.

— Отдыхай, госпожа, — сказал Дедал.

Плита повернулась, и в каменном мешке наступила абсолютная темнота.

* * *

Кора ушибла локоть и колено. И была зла на себя. Вдвойне — за наивность и за глупость. Это совершенно разные понятия, но абсолютно непростительные в работе агента. Она дала сама привезти себя в носилках в западню, хотя ей всего-то следовало время от времени выглядывать наружу и смотреть, куда ее несут. Так не попадаются и первокурсники. И благо бы попалась месяц назад, когда ничего не грозило ни ей, ни Тесею. Но сейчас, в кульминационный момент борьбы, так подставиться!

Кора лежала на каменном полу подвала. Надо было заставить себя побороть боль. Кора подвигала руками и ногами — все цело. «Значит, у меня ничего не сломано, это замечательное везение. Сейчас я отсюда выберусь и покажу им всем, где раки зимуют...»

Кора села. Солома была влажная, ледяная, от нее смрадно пахло гнилью и дохлыми крысами.

«Сначала дадим им всем покинуть дом. Пускай уезжают. Пускай готовят покушение... А как ждать, если не знаешь, когда же покушение состоится? Значит, их теперь четверо. Трое мне знакомы. А четвертый — фигура новая и неизвестная ИнтерГполу. Впрочем, уверенно говорить об этом можно, только сняв с него шлем. Надо же было грекам придумать такие шлемы! В строю они красивы — каска шлема переходит в нащечники, сверху спускается защитная планка для носа, так что остаются видны лишь глаза. Замечательно... Значит, я плохо работала на планете Густава, если не нашла в Рагозе главного убийцы, того человека, который может управлять такими разными фигурами, как дама Рагоза и Кларенс».

Раздумывая подобным образом, Кора не бездействовала.

Она обшаривала кончиками пальцев стены своей тюрьмы, затем пол... Она предположила, что вряд ли во внутренних помещениях дома, где жил Дедал, специально сделали каменную ловушку для Коры или подобных ей пленников. Судя по всему, подвал был выкопан очень давно — стены были

влажными от слизи и подземных растений, волокна которых свисали космами со стен.

«Теперь давайте простучим костяшками пальцев. Только не торопись, Кора, сейчас важнее точность, чем быстрота».

Она стала простукивать стены подвала.

По законам приключенческого жанра или, может, по закону подлости, звук пустоты обнаружился лишь за камнями четвертой, последней стенки. Наверное, уже прошло больше часа, как она в заточении. А возможно, и больше. Камень звучал чуть-чуть иначе. Может быть, здесь заложено отверстие? Тем более что кажется, вроде и слой слизи здесь не так толст...

«Ну давай постучим еще... и еще раз».

Разумеется, никаких инструментов у Коры с собой не было. Или почти не было. Ведь не считать же инструментом небольшой ножик, который поместился в сумочку с косметикой, прикрепленную к поясу под верхним хитоном. Обыскивать здесь еще не умеют. И всегда удивляются, когда видят, что антигерой пронес в зал заседаний если не катапульту, то копье с себя длиной.

К счастью, камни крепились в подвале раствором. Хваленая циклопическая кладка древности, конечно, Коре бы не поддалась. Но та часть стены, в которую вгрызлась Кора, состояла из небольших, плохо подогнанных камней, скрепленных раствором относительно мягким и даже крошащимся от постоянной сырости.

Так что ножика, умелых движений опытных пальцев и помощи бронзовой булавки, которой была скреплена на плече хламида, было достаточно, чтобы через некоторое неустановленное время один из камней пошатнулся.

А как только один камень в стене пошатнется, считай, что стены не существует, — это древний закон крепостной осады.

Камень упал на солому. Кора осторожно протянула руку — за камнем была пустота. Конечно, подумала она, будет очень грустно оказаться в роли графа Монте-Кристо, который копал проход в стене двадцать лет только для того, чтобы попасть в соседнюю камеру. Но ведь и в соседней камере может сидеть полезный для дела аббат!

Со злостью, которая удесятерила силы, Кора, забыв о ранении и усталости, буквально вырывала из стены камень за камнем, пока не образовался достаточный выход из ее под-

земного дворца. В последний раз вдохнув мерзкого затхлого воздуха подвала, Кора выползла в соседнее помещение и поняла, что это не просто помещение, а подземный ход, какие делались порой в домах, чтобы хозяин мог незаметно выбраться за пределы дома. По крайней мере, Кора сделала такое предположение, пройдя, согнувшись в три погибели, по длинному коридору, а затем поднявшись по нескольким каменным ступенькам к двери.

Дверь была деревянной, рассохшейся, в трещины проникал вялый свет.

Теперь требовалось удвоить осторожность, потому что совершенно неизвестно, где ты окажешься, миновав эту дверь.

Кора дотронулась до двери и начала ее отжимать. Дверь была не заперта, но страшно скрипуча. Тем более что с внешней стороны к ней были привалены какие-то мешки и глиняные кастрюли. Так что когда Кора надавила чуть сильнее, то вся эта преграда загремела, зашуршала, зашелестела, взвыла... и дверь, распахнувшись широким жестом сеятеля, разбрасывающего семена, раскидала предметы, которыми была завалена.

Горшки покатились по полу небольшого храма, куда и вывела Кору лестница, следом за горшками поддались мешки с шерстью и какой-то гнилью, пустые или наполненные всяким хламом корзины — видно, сюда кидали то, в чем приносили в храм дары, но некому было толком заняться разборкой упаковки древних времен.

Но благо бы горшки, амфоры и корзины покатились просто так. Нет, они покатились на человека, который, сидя на корточках спиной к Коре, раскладывал или складывал на полу нечто большое и белое. Этот человек сначала в страхе вскочил и хотел было бежать, затем догадался оглянуться и не увидел Кору, которая присела в темном углу за оставшимися там корзинами. Тогда он кинулся на катящийся на него поток вторсырья, отбрасывая корзины и мешки ногами и руками, стараясь защитить от них нечто для себя драгоценное, что лежало на каменном полу. При этом он совершенно неприлично ругался на древнегреческом языке голосом изобретателя Дедала.

Наконец Дедалу удалось справиться с лавиной, и он отправился поглядеть, что же стало его причиной.

Видно, Дедал был неглуп, потому что, увидев открытую

дверь — и чего же она ее не закрыла впопыхах! — связал ее с наличием в доме Коры, так что приближаться к ней не стал, а, наоборот, отступил назад и крикнул:

— Стража, ко мне!

Кора продолжала таиться за мешками, лихорадочно оглядывая храм, чтоб сообразить, как из него выбраться. Храм, вернее, храмик представлял собой помещение метров двадцать на пятнадцать с одним входом вдали от Коры, если не считать хода в подвал.

Вдоль стен храма рядами стояли колонны, которые поддерживали кровлю. Между ними тянулись потемневшие от времени балки. Никакой статуи или другого знака, указывающего на то, кому принадлежал храм, Кора не увидела. Вот и все, что она успела понять до того, как в храм, стуча медными подковами башмаков, вбежали десятка два деревянных солдат Дедала, выстроились, перекрывая выход, и замерли в одинаковых позах оловянных солдатиков, что говорило об их искусственном происхождении.

— Кто там есть, — сказал Дедал, — выходи!

Кора рассудила, что у нее нет особенного выбора, шагнула вперед, пытаясь отряхнуть с себя пыль и паутину, обмотавшую ее в укрытии.

— Молодец, — сказал Дедал. — Так быстро найти выход из этого каменного мешка и выбраться сюда — этого не смог бы и я сам. Нет, ты стой, госпожа, не приближайся.

Он махнул рукой, и на условный жест два воина подняли дротики, готовые метнуть их в Кору. Это было неприятно. Но с фактами приходится считаться.

— Можно я сяду? — спросила Кора. — Я ужасно устала. К тому же у меня еще толком не зажила рана.

Дедал оглянулся, увидел округлый табурет, стоявший метрах в пяти от него, и снисходительно произнес:

— Садись, если тебе не сидится в подвале.

Кора сочла это предложение добрым знаком. Как говорится в старом анекдоте, который рассказывают либо о Наполеоне, либо об Александре Македонском: «Дал конфетку, а мог бы и пришибить».

Кора села в позе послушной ученицы, сложив ладони на коленях.

Дедал был в коротком хитоне, поверх которого надел кожаный фартук, как у кузнеца. Сандалии у него старые, реме-

шок у одного порван, и он пришлепывал при ходьбе. Изобретатель был не стрижен и не ухожен.

— Вы здесь совсем один, без семьи? — спросила Кора.

— Ты видела, как погиб мой сын, — зло ответил Дедал.

«Не надо было спрашивать об Икаре, осторожнее, Кора».

— А чем вы тут занимаетесь? — голос у Коры звучал мягко, почти жизнерадостно, словно у внучки старого мастера, который в одиночестве вырезает из дерева модели фрегатов.

— Я не знаю, — сказал Дедал, глядя на Кору и обнаруживая определенный цинизм, который можно назвать и прямотой, — то ли велеть им тебя зарезать при попытке к бегству, то ли связать и кинуть обратно в подвал.

— Что ты хочешь, девочка, — передразнила его Кора, — кусочек торта или чтобы тебе отрубили головку?

— Я думаю, что они будут мне благодарны, — заметил Дедал, — если тебя убьют при попытке к бегству. И мне спокойнее. Я не люблю тараканов, которые пролезают во все щели.

— Ты их боишься, мастер? — спросила Кора, будто речь и не шла о ее смерти.

— Я никого не боюсь, — ответил он. — Но госпожа Ариадна встретила меня, когда я скрывался от ее отца, она дала мне приют, она купила для меня этот дом и даже заброшенный храм, где я могу заниматься своими опытами.

Дедал обвел рукой вокруг, и Кора только сейчас заметила, что в темных углах храма таятся какие-то колеса и балки — видно, и в самом деле следы изобретательской деятельности Дедала.

— Я ей благодарен. А бедному изобретателю всегда нужна защита.

— Царь Тесей тоже может защитить бедного изобретателя, — сказала Кора. — И надежнее, чем эти проходимцы, которые сбегут отсюда не сегодня завтра.

— Царь Тесей обречен, — уверенно сказал Дедал. — Я не могу на него рассчитывать.

— Царь Тесей переживет всех своих врагов, — сказала Кора. — И это говорю я, богиня Кора-Персефона.

— Ах, оставь, — улыбнулся Дедал и сразу стал похож на очень лысого Вольтера. — Богини не ползают по подземным ямам и не собирают на себя паутину.

— Ты в самом деле можешь меня убить? — спросила Кора.

— Если ты будешь мешать моим занятиям, моим изобре-

тениям, моей великой судьбе, то, конечно же, я тебя убью, — ответил Дедал, и он был совершенно искренен.

— Тогда я буду помогать твоим изобретениям, — сказала Кора. — И стану незаменимой.

— Не надо говорить глупостей, женщина! — рассердился Дедал. — Ты тратишь мое драгоценное время.

— Я вижу, что на полу лежат твои знаменитые крылья, на которых ты улетел с Крита?

— Да, я придумал, — сказал Дедал, он совершенно изменялся, если речь заходила о его изобретениях, — я придумал, как сделать, чтобы они не плавились от солнца. Я заменил воск, скрепляющий перья, составом из алебастра и черного клея, который, затвердевая, уже не боится жары. Как жаль, что я не знал этого, когда мы летели с Икаром!

Дедал приложил кулак ко лбу — он в самом деле любил своего сына и до сих пор переживал его гибель.

— А над чем вы еще сейчас работаете? — спросила Кора.

Дедал сразу насторожился.

— Не надо, женщина, — сказал он сердито, — хитрить и делать из меня дурака. Я обещал моим друзьям присмотреть за тобой, пока они не убьют этого мерзавца Тесея.

— Мерзавца?

— Конечно же! Порождение Ехидны! Это он виновник гибели моего сына — не появись он на Крите, я бы жил там в свое удовольствие! И мой сын был бы жив. Ты думаешь, почему я помогаю во всем тем людям, которые его сегодня убьют? Только потому, что не прощу ему смерти Икара.

— Я думаю, что ты не совсем прав, Дедал, — сказала Кора, хоть и понимала, как рискует, произнося такие слова. — Я думаю, что ты делаешь то, что тебе надо. И если бы не было Тесея, ты нашел бы другого виноватого. А так ты связался с самыми страшными преступниками Эллады, пришельцами, которые намерены зверски убить законного царя Аттики, потому что им это выгодно! Они дали тебе мастерскую и деньги, чтобы ты мог покупать приборы и всякие приспособления. В истории человечества таких, как ты, будут тысячи! И завтра они истребят всех греков, пользуясь твоим изобретением, каким-нибудь дьявольским огнем, но ты скажешь, что никогда не принимал в этом участия, потому что именно в это время изобрел новый клей для своих белых крыльев.

— Ты не смеешь так говорить! Это неправда! Я никому не продаюсь!

К счастью для Коры, от ее напора Дедал растерялся.

— Тогда выпусти меня, чтобы я могла успеть во дворец предотвратить убийство!

— Нет.

— Ты боишься?

— Я не хочу им мешать. К тому же ты не успеешь им помешать.

— Тогда тем более ты должен меня отпустить.

— Нет.

— Тогда продай мне мою свободу.

— Любопытно, — произнес Дедал. Он вытер руки о фартук, снял его, стащил через голову и кинул на пол. — Как же ты намерена меня подкупить? Своим прекрасным телом?

— Нет, не думаю, что ты к этому сейчас стремишься.

— Только бесплатно! — Дедал нехорошо засмеялся.

— Что для тебя всего дороже?

— Знания, — ответил Дедал так, словно был готов к этому вопросу.

— Тогда я буду торговать с тобой знаниями.

— Что можешь знать ты, женщина, закрытого от меня?

— Ты можешь смеяться над паутиной, которая покрыла мою хламиду, — ответила Кора. — Но, наверное, даже ты уже знаешь, что нутро человека не должно соответствовать его одежде.

— Ты не богиня! — упрямо ответил Дедал. — И только тянешь время. А это тебе ничего не даст.

— Я предлагаю тебе товар, — сказала Кора. — Что ты хотел бы изобрести?

— Чепуха!

— Хорошо. — Кора старалась придумать первый ход, который убедил бы Дедала в ее могуществе. Но что придумаешь, когда у тебя нет под рукой ни компьютера, ни логарифмической линейки? Нужен принцип, понятный Дедалу... — Хорошо, — повторила Кора. — Ты изобрел крылья, которые несут тебя над морем. Но я знаю, что еще легче построить воздушный корабль, который поднимет и тебя, и всю твою семью.

— Ты знаешь? — Дедал вдруг взволновался. Он был заинтригован. Что-то в голосе Коры убедило его, что она не шутит.

— Да. И могу рассказать тебе. Это простое изобретение. Но до него ты не додумался.

— Скажи.

— Нет. Мена за мену. Ты скажешь мне, что замыслили твои друзья.

— Они не друзья мне.

— Не спеши отрекаться, мастер. Ты хочешь знать, как построить воздушный корабль, который поднимет в воздух десять человек? А несколько таких кораблей могут поднять в воздух целую армию. С этим знанием ты станешь главной драгоценностью для любого агрессора.

— Для кого?

— Ты согласен?

— А ты не обманешь?

— Дедал, я сейчас в твоей власти. Мне нужно бежать. Если мое изобретение тебе не подойдет, ты можешь приказать своему роботу меня застрелить, ты можешь бросить меня связанной в подвал — я в твоей власти.

— А если я тебя обману?

— Зачем? Кто убивает курицу, которая несет золотые яйца?

— Ты знаешь еще что-то?

— Ты можешь не верить в то, что я богиня, но от этого я не переменюсь.

Дедал отошел к крыльям, странное зрелище являли они — словно падший ангел растворился, исчез, оставив лишь символ воздушной чистоты.

— Эти люди, — сказал Дедал, — эти люди придумали, как выманить царя Тесея из дворца.

— Как?

— Ариадна сказала ему, что ты попала в плен к Пирифою, который хочет тебе отомстить. И она знает, как найти тебя, при условии, что Тесей забудет прошлое и женится на ней.

— Но она же сама сказала, что вышла замуж за Диониса!

— Тесей не знает этого. Тесей думает, что Ариадна все эти годы ждала его. Что она страдала, что она раскаялась... Теперь ты скажи, что за изобретение может поднять в воздух несколько человек?

— Куда Ариадна повезет его?

— В Собачьи скалы. Их мало кто знает, там лесистые места. Там никто не живет.

— И что угрожает там Тесею?

— Так мы не уговаривались, госпожа. Расскажи мне об изобретении.

— Никуда он не поедет! Почему он должен куда-то ехать ради меня? Кто я такая? Одна из женщин его двора.

— Даже мне известно, что это не так.

— Что угрожает ему на той скале?

— Хватит. Ни слова больше.

— У тебя есть черный уголь? — спросила Кора. Она поняла, что больше Дедал ничего сейчас не скажет.

— Где-то был.

Дедал отошел в сторону, к ящику с инструментами, и извлек из него коробочку, в которой лежали мел и кусок угля.

— Я нарисую здесь, — сказала Кора, показав на каменный гладкий пол рядом с крыльями.

— Только рисуй крупнее, — сказал Дедал, — здесь темновато, а у меня пошаливают глаза.

— И сильно... Я имею в виду, ты совсем плохо видишь?

— Я хорошо вижу издали, но плохо вблизи, а это очень неудобно для работы, для тонкой работы. Но это знак старости... Порой так хочется разглядеть малую вещь...

— Может быть, и здесь я смогу тебе что-то посоветовать, — сказала Кора, стараясь, чтобы ее слова прозвучали обыденно.

— Глаза исправить не могут даже боги, — ответил Дедал, но он был взволнован. Изобретатель в нем трепетал от ожидания. — Покажи!

Кора нарисовала углем круг.

Под ним нечто вроде светильника.

— Представь себе, Дедал, — сказала она, — что ты сошьешь или склеишь из кожи или тонкого материала, сквозь который не может проникнуть воздух, большой шар.

— Насколько большой?

— Может быть, как этот храм. Если в нижней его части сделать отверстие, а под ним поместить сильный светильник, который дает много тепла, то этот шар начнет надуваться.

Кора кинула взгляд на мастера. Он стоял, скрестив руки на груди и склонив яйцеобразную голову. Он думал.

— Когда шар начнет рваться вверх, ты должен обмотать

его веревками и привязать снизу корзину. В корзине же будут люди, которые полетят в небо.

Дедал молчал.

Кора понимала, что не может донести до сознания Дедала даже смысл того, что такое воздух и почему он не должен проникать через оболочку воздушного шара. Сейчас он поднимет ее на смех и прикажет кинуть в подвал...

— Чем же лучше покрыть оболочку? Если я сошью ее из шелка, который привозят торговцы с Востока, он будет легким, но если я покрою оболочку клеем, то она станет тяжелой... А кожа, госпожа, совершенно для этого не годится! И не пытайтесь меня учить! — закричал Дедал.

Он оттолкнул Кору и, встав на колени посреди зала, принялся рядом с ее неумелым рисунком чертить проект воздушного шара...

— Кроме этого, проблема будет — чем питать светильник и как сделать, чтобы он не поджег шар, понимаешь?

— Понимаю, — прошептала Кора, готовая расцеловать старого негодяя.

Только минут через пять — для Коры они прошли быстро, потому что она с наслаждением квалифицированного зеваки любовалась тем, как Дедал рисует и вновь стирает варианты воздушных шаров, ругаясь при этом, смеясь и проклиная кого-то. Вот он начал биться над проблемой управления шаром, а когда Кора сказала ему, что, может, стоит попробовать тот винт, который он уже использовал на своем корабле, Дедал вскочил, подбежал к ней и, встав на цыпочки, расцеловал в обе щеки, щекоча мягкой бородой. Это было неожиданно и даже трогательно. Тут же он отпихнул ее от себя и кинулся вновь к чертежу.

— Дедал, — сказала Кора, — мы еще не закончили разговор.

— Но я же тебе все сказал! Ты можешь идти куда хочешь. Я тебя не держу.

— Объясни мне, что грозит царю?

— Все ясно и подло, — сообщил Дедал, как будто только сейчас догадался о моральной нечистоплотности своих друзей. — Почему-то им нужно, чтобы твой Тесей не просто погиб, но погибла его голова. С моей точки зрения, это не очень правильно. Но, в сущности, это ваши проблемы.

— И что они придумали?

— Там есть скала, — сказал Дедал. — Она совершенно отвесная...

Тут он забыл о Коре, вернулся к чертежу и нарисовал вместо шара нечто вроде сигары, так чтобы можно было поставить по винту спереди и сзади.

Он принялся рисовать винты.

— Дедал! — закричала Кора. — Я тебя убью!

— Вот это новость, — удивился мастер. — Неужели я тебе чего-то не сказал?

— Не сказал! В чем его смерть?

— Я выковал им множество, может, тысячу тонких бронзовых шипов, каждое с локоть длиной. Когда тело твоего любимого царя упадет с обрыва, острия пронзят его в сотне мест. И должен сказать тебе, что задача отлить эти иглы была непростой даже для меня. Хочешь, я тебе покажу, какую я придумал систему постоянного литья и заточки?

— Боже мой, какой замечательный образец военного ученого двадцатого века! — воскликнула Кора. — Это же вы, Дедал, чуть-чуть не уничтожили всю Землю, сохранив при этом способность к любознательности и любовь к музыке и изящным искусствам.

— Я очень любознателен, — согласился Дедал. — Твои носилки стоят во дворе. Можешь ими воспользоваться.

— А где кони?

— Если они оставили хоть одного коня — погляди в конюшне! И запомни, что я всегда честно соблюдаю соглашения.

— С кем бы ни заключил?

— С кем бы ни заключил. А кто прав, кто виноват — у меня нет для этого выработанных этических критериев.

И в этот момент, когда Кора поняла, что больше ей не о чем разговаривать с этим нейтралом, в храме стало темно.

На секунду.

С грохотом разлетелись в разные стороны деревянные воины Дедала.

Растаптывая их в неудержимой ярости, в храм ворвался кентавр Хирон.

Но, несмотря на грохот, возникший при его появлении, Кора услышала шум, и сзади, из полуоткрытой двери, которая вела в подвал, тюрьму Коры, вылез, проклиная всех на

свете, измазанный паутиной, весь в пыли и грязи кормчий Феак.

— Ну вот, — сказал укоризненно Дедал, — вы разбили моих деревянных людей, а в них вложено столько моего творческого труда!

Но никто не слушал Дедала. Феак поддержал Кору за плечи — ее вдруг охватила такая слабость, что она с трудом могла бы удержаться на ногах. Кентавр склонился над ней.

— Они тебя били?

— Нет.

— Они тебя хотели убить?

— Может быть. Но пока им было выгоднее посадить меня в подвал. Потом, я полагаю, они бы меня обязательно убили, так, чтобы следа от меня не осталось.

— Правильно, — сказал Дедал, спокойно стоявший в сторонке от могучих копыт кентавра. — Они договорились сжечь Кору, опоив ее, сжечь в печи. Когда закончат все с Тесеем.

— И ты молчал, грязная собака? — закричал кентавр.

— Хирон, мы были с тобой друзьями, — сказал Дедал. — Не оскорбляй меня. Подумай, кому бы я мог об этом рассказать?

— Мне. Или Фолу.

— Мне было некогда, — честно признался Дедал. — Я ковал иглы, чтобы погубить Тесея.

— Подождите, не надо сейчас обо мне, — попросила Кора. — У нас совсем нет времени. Они хотят заманить Тесея на Собачьи скалы. Там они устроили для него ловушку.

— Тесея во дворце нет, и никто не знает, где он, — сказал Феак.

— Он давно уехал?

— Он уехал как раз перед нашим приходом, и, по описанию, за ним приезжала Ариадна.

— С ним есть охрана?

— Он не взял с собой охраны.

— Этого я и боялась, — сказала Кора.

И в нескольких фразах она рассказала друзьям о плане Ариадны. Дедал подтвердил ее рассказ. Он с нетерпением ждал, когда кентавр уведет Кору, потому что ему хотелось вернуться к своему новому изобретению.

* * *

Путь к лесу, где неподалеку от берега моря возвышались Собачьи скалы — отвесный обрыв с одной стороны, крутой откос — с другой, и все это высотой в двести локтей, — вел из тех ворот города, недалеко от которых находилось убежище Дедала. Конечно, можно было бы вернуться во дворец, поднять там тревогу и уговорить отряд телохранителей Тесея отправиться на поиски царя. Но это означало потерять по крайней мере полчаса. Так что во дворец Фол послал одного из двух своих племянников, которые ждали у дворца, среди поверженных и поломанных деревянных людей.

Кора сразу обратила внимание на то, что магнетов — охраны Пирифоя — в доме или возле него нет. Значит, отряд всадников там, в лесу. На стороне же Коры были двое старых и один молодой кентавр, пожилой кормчий да она сама. Небольшая разномастная, но отчаянная армия.

И ей было вовсе не страшно — только бы успеть. А в остальном она была уверена в том, что они обязательно спасут принца Густава. Должна бы трепетать сейчас от страха и нетерпения, а улыбается, скача верхом на верном Хироне и похлопывая его по пегой теплой колючей спине. «В своем времени теперь буду непревзойденным мастером скачек на кентаврах».

— Успеем? — спросил Фол. У него было тяжелое копье. Кентавры предпочитают копья. У них могучие руки, и они могут достать копьем практически любого всадника, а если не проткнут, то собьют с коня.

В лесу снег лежал надежно, до весны. На узкой дороге были видны следы многих людей и коней.

— Дурак, что дал себя увести, — сказал Фол.

— Он боялся за жизнь госпожи Коры, — ответил Хирон.

Феак ехал верхом на Фоле. У него был старый железный меч с золотой рукоятью. Он привез его из дальнего путешествия к краю света. На лезвии меча было выложено золотом изображение динозавра. Но Феак говорил, что никогда не видел такого зверя.

Два пьяных сатира, видно, сильно замерзли за ночь, выбежали из леса и стали зазывать в гости. Хирон строго спросил у этих бездельников, когда проезжал здесь отряд чужих людей.

— С ними ехал благородный Тесей, — сказал один из сатиров. — Он был печален.

— И рядом с ним ехала красивая женщина, такая нежная, что я не посмел бы обнять ее, — сказал второй сатир. Они глупо смеялись и топали козлиными ногами. Скоро они скрылись за деревьями.

Молодой кентавр хорошо читал следы и потому ехал первым.

— Вот тут они останавливались, спорили, совещались, как ехать дальше. Вот следы царя Тесея — подкова его коня несет на себе изображения змей. Царь спорил... но они его уговорили.

— Скоро ли? — спросила Кора.

— Теперь надо молчать, — сказал Фол. — Звуки здесь разносятся далеко.

Кентавры осторожно ступали по мерзлой земле. Они шли рысью рядом с дорогой, не спуская глаз со следов.

Внезапно молодой кентавр поднял руку.

В этом месте следы их противников отделились от основной дороги и по узкой тропинке углубились в лес. Тропинка шла все выше. И становилась круче.

Кора хотела сказать, что слезет с Хирона. Почему-то ей показалось, что так будет лучше. И в этот момент из скопления черных, голых, кое-где с бурыми листьями кустов вылетела стрела. Она пролетела над плечом молодого кентавра, который с удивлением и слишком поздно повернул голову, следя за ее полетом, скользнула по бедру Коры и вонзилась в ствол дерева.

И совершенно беззвучно. Как во сне.

Тогда Феак сам спрыгнул с кентавра и покатился по земле. Кора инстинктивно последовала его примеру, кентавры, освобожденные от своей ноши, кинулись в сторону, и в ту же долю секунды стая стрел промчалась над прогалиной, где вилась тропинка, и стрелы застучали наконечниками по деревьям или беззвучно падали на снег.

Если бы кто-то из магнетов, сидевших в засадах, охраняя своих господ, не поспешил выстрелить, то она наверняка бы уже была мертвой. И все они...

Но Кора выхватила небольшой меч, что забрала перед отъездом из дома Дедала, обнажили свое оружие и ее друзья.

В сущности, магнетов было не так много, чуть больше дю-

жины, столько Пирифой смог привести в Афины. Они были убеждены, что ловко подстерегли врагов и убьют их, но когда их залп сорвался, то оказалось, что они, стараясь стрелять наверняка, подпустили кентавров слишком близко, и оттого у них не было времени заложить новые стрелы и натянуть луки. И не было времени, а может, сообразительности кинуть луки и схватиться за кривые кинжалы. Ревущая лавина кентавров — а почему бы трем кентаврам и двум взбешенным людям не оказаться лавиной? — обрушилась на длинноволосых дикарей, опрокинула, разметала их — несколько тел остались на земле, и Кора не заметила и не знала, ударила ли кого-нибудь из них мечом, хоть и хотела этого. Оставшиеся в живых разбежались, но, как ни странно, лес, сдавленный холмами, сожрал звуки этого короткого жестокого сражения, и тишина возвратилась немедленно, как только угас топот последнего из магнетов.

...Они стояли в пустом лесу, перед ними была тропинка, которая вела вверх.

Светило зимнее солнце, высоко в небе парил орел, ветер был свежим и бодрым.

«Я понимаю, что за чувство движет мною, — подумала Кора, — это чувство шахматиста, который увидел верный выигрыш в партии, и, хотя соперник еще сопротивляется, убежденный в возможности выкрутиться, ты знаешь игру на несколько верных шагов вперед».

— Пошли? — спросила Кора. Один из магнетов застонал. Он держался рукой за живот, и вокруг него было много крови.

— Добить его? — спросил молодой кентавр.

— Они вернутся за ним и добьют, если нельзя донести до дома, — сказал Хирон.

Они начали подниматься, и вскоре деревья расступились и перед ними образовался покатый подъем к вершине скалы, которая с той, дальней, стороны обрывалась вниз.

Они остановились. Впереди, на краю обрыва, стоял Тесей. Остальные были там же — все, включая Медею. Они окружили Тесея полукругом, так что Пирифой стоял сзади, Ариадна и Медея по краям, а незнакомец в шлеме-маске разговаривал с Тесеем, сообщая ему что-то неслышное на таком расстоянии. Как они заманили его сюда?

Тесей не согласился с чем-то и опустил руку на рукоять меча, но не успел — Медея выхватила меч раньше и отбежала, смеясь. Тесей шагнул к ней, но был настороже. Он, видно, понял, что попал в ловушку.

...Не сговариваясь, Кора и кентавры шли вперед молча, чтобы не спугнуть врагов.

Но все же человек в шлеме-маске что-то услышал, быстро обернулся — глаза его сверкнули сквозь разрезы бронзы — и крикнул что-то Пирифою. Кентавры и Кора с Феаком ринулись вперед, но Пирифой успел толкнуть его. Тесей не удержал равновесия — слишком силен и неожиданен был толчок. Он поднял руки в тщетной попытке удержаться на краю, и тогда человек в маске толкнул его еще раз, хоть и не сильно...

Тесей с криком исчез с обрыва.

— В стороны! — закричала Ариадна.

Четверо убийц побежали в разные стороны, и лишь Кора поняла причину паники, прозвучавшей в голосе герцогини: если они последуют за Тесеем, то погибнут так же наверняка и навсегда, как Тесей.

Они разбегались как зайцы по вершине скалы, вламываясь в кусты, что росли там с боковин скалы, но Кора и ее друзья не стали их преследовать.

Потому что бежали прямо к обрыву.

Они замерли на самом краю.

Внизу, страшно далеко, они разглядели золотистый отсвет бронзовых игл.

Но не увидели тела Тесея, пронзенного насквозь этими иглами.

Тесея не было.

— Хирон, — взмолилась Кора, — у тебя же глаза как у орла...

— Его нет там, — сказал кентавр. — Что-то случилось.

— Может, там куст, незаметный отсюда и он зацепился за него? — спросил Феак.

И тут большая, но легкая тень пронеслась над площадкой.

Громадная белая птица, из последних сил взмахивая крыльями, пролетела над площадкой и уронила свою тяжелую ношу на снег.

Тесей лежал на площадке.

Дедал, не сложив крыльев, опустился рядом с ним и сказал:

— Вот уж не думал, что смогу его поднять.

— Как? Почему? — закричала Кора.

— Я успел подлететь и увидел, как они его скинули. У меня новые крылья. Стоило же их испытать.

Они подошли к Тесею. Он открыл глаза, нашел Кору, обрадовался ей.

— Все-таки ты жива, хвала богам, — сказал он.

— Мой друг Дедал, что на самом деле подвигло тебя на столь рискованный и героический поступок? — спросил Хирон. — Это настолько не в твоем характере...

— Уважаемая госпожа Кора, — Дедал перевел дух и проверил ремни, которыми крылья были прикреплены к его телу, — смотрите, как я все рассчитал. Я не повторяю ошибок дважды.

— Дедал! — Хирон вышел из себя. — Говори, почему ты здесь?

Изобретатель обернулся к Коре. Он не просил, а объяснял — воспитанный человек среди друзей.

— Уважаемая госпожа Кора обещала показать мне, каким образом можно улучшить зрение, когда я смотрю на малые предметы. Если она не солгала, то такой дар с ее стороны стоил небольшого полета к скале Партены.

— Ты, как всегда, расчетлив, — сказал Фол.

— Разумеется, мой друг. Потому я велик и буду великим в памяти человечества, а тебя скоро забудут.

— Не все, — сказала Кора.

Тесей сел и потряс головой, как бы приводя в порядок ее содержимое. Феак помог ему подняться на ноги. Молодой кентавр подобрал его меч и принес царю.

— Спасибо, Тесей, — сказала Кора.

— Мы квиты, — улыбнулся молодой царь. Но молодой ли? Кора увидела лицо человека, умудренного суровой жизнью. Сколько тебе лет, Тесей?

Дедал тронул ее за локоть. Глаза его были такие же, как у голодного кота.

— Для этого, — сказала Кора, — надо взять кусок стекла. Допустим, шар. — Дедал внимательно слушал ее. — И затем надо будет шлифовать его до тех пор, пока не получится линза. Линза — это вот что. — Кора нарисовала линзу пальцем на снегу. — Мы смотрим как бы сбоку на плод твоей шлифовки. И от того, насколько линза плоская, она будет по-разному увеличивать...

Поблагодарил ли ее Дедал или не успел, она так никогда и не узнала.

Мир вдруг потерял четкость очертаний и стал крутиться, набирая скорость, пока не превратился в серую тошноту от бесконечного и стремительного взлета... И все исчезло.

* * *

Кора очнулась в клинике ВР-центра в отдельной палате. Она открыла глаза и увидела возле койки мужественное и слишком красивое — даже в Древней Элладе таких не делают — лицо комиссара Милодара.

— Что случилось? — спросила она.

— Поздравляю с завершением первой части задания.

— Как так? Они же остались там! И Тесей тоже!

— ВР-круиз принца Густава завершен, так как завершено земное существование царя Тесея. Разрешите процитировать соответствующий источник.

Милодар включил дисплей у ее койки. Голос оттуда произнес:

«Царь Лиокомед притворился, что хочет показать царю Тесею его владения. И заманил его на вершину высокого утеса, откуда столкнул героя вниз. Представил же он все это дело так, будто Тесей упал случайно, когда пьяный решил прогуляться после обеда». Павсаний. Описание Греции, издание Роша-Перейра, том первый, параграф семнадцатый».

— Спасибо, — сказала Кора и почувствовала бесконечную на всю жизнь горечь, потому что никогда больше не увидит Хирона, Феака и Фола, с которыми она не успела попрощаться... Ну что бы предупредить ее за минуту до конца той жизни?

— Ты плачешь? — удивился Милодар. — Ну и нервочки у тебя, агент Орват. Возьми себя в руки. Нам нельзя здесь с тобой разнюниваться.

— Уйдите, а? — попросила она. — Хоть ненадолго.

— Только ненадолго...

Милодар вышел, и Кора выплакалась сразу за несколько лет.

* * *

Милодар, как и грозился, возвратился через час. Но предварительно прислал косметолога и массажистку. Негодяй, ни слова не сказал о том, как она выглядит, но как нагло продемонстрировал свое действительное отношение к ее пропавшей красоте.

Первым делом Кора потребовала зеркало и принялась себя разглядывать. Массажистка и косметолог сидели смирно.

Объективную картину ущерба, который нанесла Коре прошедшая командировка, было определить нелегко, потому что перед этим она полчаса ревела, глаза и щеки опухли и покраснели. Но помимо этого Кора была вынуждена признать, что из зеркала на нее глядит женщина скорее средних лет, нежели молодая, загорелая до черноты, с выгоревшими до белизны волосами, среди которых Кора, с покорностью судьбе, увидела и седые...

Под взглядами специалисток Кора разделась — тело загорело неравномерно, правая рука и ноги до колен были темными. Ведь специально Кора не загорала, но эти части тела нередко были открыты.

— Какое сегодня число? — спросила она массажистку, которая начала разминать ей живот и пробежала пальцами по груди и плечам.

— Восьмое марта, — сказала та. Она была совсем девочкой, черненькой, курчавой. Коре даже показалось, что видела ее среди своих рабынь в Афинах. Видно, теперь ей часто будут чудиться здесь знакомые лица.

— А какого года?

Она ждала ответа, но боялась, что он будет иным. И в самом деле, Кора потеряла меньше, чем полгода жизни. С осени прошлого года, с конца сентября, и до начала марта.

— Значит, все это сойдет? — спросила она у косметолога, проводя жесткой ладонью по обветренной и еще не высохшей щеке.

— Вы снова будете молоденькой, как... Афродита.

— Смешно, — сказала Кора. — Афродита вовсе не молода.

— Ну вы же понимаете, что я имею в виду!

Специалистам, видно, не объяснили, из какой командировки вернулась агент Орват. Впрочем, в центральной клинике ИнтерГпола не принято задавать вопросы. Ни здесь, в

отделе диагностики и контроля, ни в отделении пластики, ни в корпусе замены тел.

Милодар вошел, когда косметолог и массажистка еще трудились в четыре руки.

Кора не стеснялась его — в Древней Греции иное отношение к наготе.

Милодар отвернулся к окну и попросил:

— Если можно, то прикройся, а?

— Мы кончаем на сегодня, — сказала массажистка.

— Отлично, — ответил Милодар. — Вы получите агента в качестве постоянной пациентки через несколько дней. Разработайте пока наиболее быструю и эффективную программу восстановления. Понятно?

Специалисты собрали свои чемоданчики.

— Что нового? — спросила Кора, когда они вышли.

Милодар почти нежно прикрыл ее простынкой.

— Не надо соблазнять меня, — попросил он. — Ведь я собираюсь жениться.

— Наконец решили?

— Почти.

— И на ком же?

— На обеих. Иначе умру от ревности. Нельзя жениться лишь на одной из близняшек, оставляя вторую неизвестно кому, при условии, что ты их не различаешь.

— Хорошо быть начальником, — сказала Кора.

— Ты не представляешь, какой будет скандал!

— Никакого скандала, — ответила Кора. — Вам просто сменят гражданство на кувейтское или оман-мускатское. И у вас еще останется резерв исламских браков.

— Не говори глупостей! — вспылил Милодар.

— Расскажите же, что нового, — попросила Кора.

— Нового? — Милодар вытащил трубку, хотел ее раскурить, потом спросил, можно ли курить в палате. Сам себе ответил, что, конечно же, нет. Раскурил трубку и сказал: — Тесея проверяют в этой же больнице. У него все в порядке.

— ВР-круиз выдаст ему сертификат об успешном завершении путешествия?

— С отличием, — искренне ответил Милодар.

— И он полетит к себе?

— Завтрашним специальным рейсом.

Эту фразу Милодар произнес с некоторым нажимом, и

Кора решила не спрашивать его, почему же спецрейсом, — пускай сам расскажет.

— А остальные?

— По моим сведениям, их ждал крейсер без опознавательных знаков, который тут же взял курс на их планету.

— Как я понимаю, для нас с вами их роль в этой истории интереснее, чем роль Тесея?

— Тесей прост, как правда, — сказал Милодар. — Тебе не мешает, что я курю?

— Как могло получиться, что три или даже четыре наших современника, не взяв путевок на ВР-круиз, не соблюдая его правил, носились свободно по Древней Греции, как пошлая банда убийц?

— Почему ты решила, что они не взяли путевок?

— Да потому, что они помнили, кто они, где они и зачем они! Точно как я!

— Они не были в игре?

— Вы, по-моему, свалились с луны, или вас сознательно кто-то запутывает. Разве вам не понятно, что...

— Стоп! — приказал Милодар. — Ни слова больше. Мне была высказана иная версия.

— Вы ей поверили, комиссар?

— Я ей не поверил, но должен был справиться у тебя.

— Тогда я вам скажу...

— Ты ничего не скажешь, — ответил Милодар. — И больше не откроешь рта до тех пор, пока не окажешься на тайной московской базе.

— Но я голодная как собака!

— Еще одно слово, и я загоняю в тебя иглу!

В руке Милодара поблескивал парализатор. Кора посмотрела с ужасом на своего шефа. Глаза его сверкали злодейским, убийственным огнем.

Дулом парализатора он нажал на кнопку на браслете и произнес:

— Эвакуационный флаер высокой защиты... палата номер шестнадцать акклиматизационного отделения! Шестой этаж. Два флаера сопровождения! Усилить охрану московской базы по схеме особой тревоги.

— Комиссар, — начала было Кора.

И увидела узкое дуло парализатора, из которого высовывался кончик иглы.

Она промолчала все шесть минут, пока перед окном не завис флаер особой службы.

За это время Милодар успел подвинуть к двери тяжелый шкаф, привалить кровать. Кора стояла за шторой.

Флаер замер у окна, и Кора первой прыгнула в него через узкое отверстие. За ней последовал Милодар. По жесту комиссара флаер сразу упал вниз, и правильно сделал — в тот же момент ручная ракета, выпущенная из коридора по двери палаты, рванула в шкафу с инструментами.

...Флаер пошел прочь на бреющем полете. Флаер сопровождения летел чуть выше и левее... Патрульный вертолет ВР-центра сорвался с крыши небоскреба и спикировал на них. Удар принял на себя флаер сопровождения. Милодар, не спускавший глаз с картины короткого боя, смотрел, как обломки флаера сопровождения и парашюты с катапультировавшимися агентами сыплются на Воробьевы горы. Он не переставая передавал их координаты в центр реанимации, чтобы за ними как можно скорее прислали «Скорую помощь».

До «Узкого» добрались без новых приключений. Там баражировали еще две боевые машины, которые прикрывали их сверху, пока флаер спускался к широкой трубе, торчащей из пруда. Милодар и Кора спустились по веревочной лестнице к трубе, там по ступенькам, вделанным в стенку трубы, проникли под пруд, где на изрядной глубине и располагался московский узел управления ИнтерГполом. Милодар сказал Коре:

— Теперь можешь разговаривать.

Сам же прошел к транслятору вещества и вложил в него кассету с полной записью событий последнего часа. Через шесть минут эта кассета ляжет на стол шеф-комиссара в Галактическом центре. Ему принимать решения.

Кора спросила:

— Можно выпью?

— Разумеется. Открой бар и пей.

Совсем недавно здесь сидела визитерша — дама Рагоза. Совсем недавно.

— Ты что, перешла на сухое вино?

— Да, привыкла как-то...

Оба засмеялись.

— Пойми, что я не имел с тобой связи. Все время, пока ты

была в ВР-круизе... А ты утверждаешь, что убийцы свободно проникли и туда?

— Может быть, и не единожды.

— Кто были эти убийцы?

— Трех я знаю. Кларисса выступала в облике волшебницы Медеи, герцогиня Рагоза стала Ариадной...

— Не может быть! — вдруг развеселился Милодар. — Ей захотелось своего племянника?

— Ничего не вышло. Я это пресекла.

— Из ревности?

— Не будем вдаваться в подробности... Я спасала его жизнь.

— Он предпочел тебя? Нет, ты скажи, предпочел? Если ты скажешь «нет», я тут же подошлю к нему наемного убийцу — и уж мой человек не промахнется!

— Иногда я жалею, что этого не случилось, — сказала Кора.

— У вас было столько времени! Как они мне сказали, субъективно — несколько лет.

— Об этом ты догадываешься только в последний день, — ответила Кора.

— Тогда первым делом ты должна сообщить мне подробно, во всех деталях обо всем, что произошло в ВР-круизе с тобой и охраняемым тобой объектом. На подробный рассказ я даю тебе двадцать минут. Через двадцать минут кассета должна уйти в Галактический центр. Мы имеем дело с достаточно серьезным противником, и решения, очевидно, будут приниматься на самом высоком уровне.

Пока Кора, усевшись перед компьютером, докладывала о своей командировке, Милодар сделал и принес ей яичницу с ветчиной и банку обожаемого абрикосового джема.

— Картошки! — потребовала Кора, отключив на секунду запись.

К концу передачи Милодар испек несколько картофелин в мундире.

Отправив кассету, он уселся напротив и с удовлетворением смотрел, как Кора ест картошку, окуная ее в соль.

— Рассказ я твой слышал. Не откажи мне в нескольких дополнительных деталях.

— Пожалуйста. У вас пива нет?

— Где-то была банка.

Милодар достал банку из холодильника. Отдаленный гул

проник в их каземат, и стены его задрожали. С потолка полилась струйка воды.

— Ничего, — сказал Милодар. — Отобьются. Мы давно следили за паном Гермесом-Полонским. Они забрали слишком большую власть над Игрой, и она для них перестала быть игрой. Они стали зарываться — от уверенности в себе и от того, что им обязаны многие сильные мира сего. Но скупой платит дважды. Они польстились на миллиарды, которые им предложили убийцы с Рагозы, хотя, сидя тихо, они могли бы спокойно заработать эти миллиарды за несколько лет. — Милодар позволил себе улыбнуться.

— А акционеры? Общественность?

— Я полагаю, что мало кто, кроме посвященных лиц, узнает о действительной сути конфликта. И голову даю на отсечение, что из Галактического центра придет указание смикшировать звук... сделать все тихо. Спокойствие — вот главный принцип Галактического центра. Кто-то исчезнет, о ком-то забудут...

Больше взрывов не было. Милодар снова сходил на кухню, принес оттуда большую кастрюлю и подставил ее под струйку, льющуюся с потолка.

— Троих ты знаешь, — сказал он. — Для Центра нужна была информация. Они сами ее будут обрабатывать. Я не такой умный. Мне интересно твое мнение. Кто четвертый, так и не догадалась?

— Нет. Но он был главным.

— И все равно сочетание этих марионеток мне кажется неестественным. Хоть я и изучал твой отчет о полете на Рагозу. Давай попробуем понять, кем что руководило.

— Давайте, — сказала Кора. Она так неожиданно вкусно и быстро наелась, что ее начало клонить в сон.

— Первая убийца — Медея. Кларисса.

— Она — помощница, — сказала Кора. — Я убеждена. Она у них в руках. Я помню ее по Рагозе. Она меня спасла от смерти. Думаю, что Кларенс обещал ей, что разделит с ней ложе и трон в случае своего прихода к власти.

— Второй убийца сам Кларенс. Почему бы ему не рассчитаться с Густавом на дуэли? Как и договаривались? И почетно, и красиво.

— А вдруг Густав вернется из ВР-круиза другим человеком? Так случалось. Ведь прожитая человеком в круизе

жизнь остается в его памяти, и навыки остаются тоже. Я думаю, что, по здравом размышлении, Кларенс решил не рисковать и, когда у Клариссы операция провалилась...

— Когда ты провалила операцию Медеи, то он взялся за дело сам.

— В промежутке была госпожа Рагоза, — напомнила Кора.

— Ее игра настолько нелогична, что я теряюсь... даже забыл о ней. Удивительно, но злейшие враги объединились против Густава из страха перед тем новым, что он намерен принести на планету. Полагаю, что все разговоры о позоре поражения на дуэли, которыми меня кормили милые агенты Космофлота, это домашние домыслы. Я даже допускаю, что заговор против него, возглавляемый тетей и главой его собственного клана, существовал давно. И когда госпожа Рагоза появилась у нас с рассказом об опасности, угрожающей Густаву, она уже знала, кто займется его ликвидацией.

— Я не спорю, что ваша версия может быть справедливой, комиссар, — согласилась Кора. — Если бы не появился потом человек, который не хотел показывать своего лица и который взял в руки руководство операцией. До того как он появился, я так или иначе с ними справлялась. У меня есть способность заводить друзей, вот они мне и помогали. Но когда появился четвертый, Бронзовая Маска, я чуть было не потерпела поражение.

— А кто были твои друзья? — спросил Милодар.

— Вы не поверите, комиссар, — ответила Кора. — Два кентавра, Феак и Дедал.

— Тот самый?

— К сожалению, тот самый.

Уловив нечто странное в голосе Коры, Милодар оживился:

— Ты обязана мне все рассказать.

Зажужжала межпланетная грависвязь. Кассета из Галактического центра материализовалась под компьютером.

— Ну вот, а ты боялась, — сказал Милодар.

Послание из Галактического центра было чисто звуковым, кратким и безликим:

«Комиссар Милодар остается на Земле для задержания любой ценой, несмотря на противодействие ряда земных правительств, президента Гермеса-Полонского. Задержание проводится в течение сегодняшнего дня. В случае необходи-

мости вылет с Земли блокировать. Эскадра крейсеров уже вылетела».

Комиссар Милодар слушал голос начальства, медленно качая головой, подобно старинной китайской игрушке — болванчику.

«Агент Кора Орват сегодня же на корабле, которым летит на Рагозу принц Густав, отправляется с ним и осуществляет его охрану до момента, когда Галактический центр Интер-Гпола решит, что опасность для его жизни миновала».

— Еще чего не хватало! — закричала Кора. — Я в отпуске.

Ее никто не слышал.

«Ответственность за отлет принца Густава и Коры Орват, а также за их безопасность в пути полностью лежит на комиссаре Милодаре. Рекомендуем использовать для этой цели его личный крейсер».

— Еще чего не хватало! — закричал комиссар Милодар. — У меня только один крейсер, и он нужен для более важных операций!

Но и Милодара никто не услышал.

Когда голос шеф-комиссара умолк, Милодар нажал кнопку селектора:

— Лейтенант, приведите сюда моего гостя.

— Он здесь?

— Я его с утра убрал из госпиталя. И видишь, оказался прав.

Открылась дверь, и вошел принц Густав. В руке он держал длинный черный футляр.

В отличие от Коры, которая была в ВР-мире в командировке и потому сохранила свой облик, Густав, как игрок ВР-круиза, имел право себя улучшить в соответствии с выбранной ролью. Поэтому Кора не сразу узнала в высоком сутулом молодом человеке героя Древней Эллады Тесея, который мог свободно поднять Кору на одной руке.

Молодой человек будто сошел с фотографий, с тех, что Кора рассматривала в этом кабинете полгода назад. Те же очки в тонкой золотой оправе. Он их носит, чтобы казаться умнее, поняла Кора.

Густав сразу ее узнал.

— Дама Орват! — воскликнул он и радостно улыбнулся, и это была улыбка царя Тесея, открытая, добрая и в то же время плутовская, которая всегда напоминала тому, кто умеет

смотреть, что с этим человеком лучше все же держать ухо востро.

— Кора, — поправила его она. — Пожалуйста, называйте меня Корой, хотя я совершенно теряюсь, как вас мне называть. Просто господином наследным принцем и вашим высочеством?

— Я тоже умею шутить, — ответил принц. — Вы знаете, мое имя Густав. Хотя, наверное, вам приятнее было бы называть меня Тесеем.

— Для этого вам придется полгода качать мышцы, — бесцеремонно сообщила принцу Кора, и тот не стал спорить.

— Что-нибудь выпьете, принц? — спросил Милодар.

— Пива. — Принц поставил футляр на пол. Он был метра полтора длиной.

— Что там внутри? — спросила Кора.

— Контрафагот, — ответил Тесей, — в свободное время я люблю играть на контрафаготе.

Милодар разлил пиво по бокалам. Себе же нацедил из сифона воды.

— Вы бросили пить? — спросила Кора. — Совсем?

— Мое заявление о переходе в кувейтское подданство рассмотрено благожелательно, — ответил Милодар. — А у нас в Кувейте строгие правила: никаких спиртных напитков.

* * *

Малый крейсер «Честь-2», название которого всегда забавляло Кору, потому что она представляла его как честь второго сорта или разряда, стартовал без всяких помех через четыре часа с подмосковного поля.

Крейсер был невелик и автоматизирован. Кроме пассажиров, на нем находилось лишь три навигатора и девица-связист, она же оружейник. Девица была резка в движениях, подчеркнуто сурова, но при этом завидовала Коре и мечтала стать полевым агентом. Имени ее Кора за несколько полетов на «Чести-2» так и не запомнила, потому что команде крейсера на каждый полет выдавали новые фальшивые документы, отчего и сами навигаторы порой не могли оперативно вспомнить детали своей новой биографии.

Каюты Густава и Коры были невелики, но уютны и славно обставлены, включая обильно снабженные бары, содержимое которых также тщательно проверялось и заменялось перед каждым рейсом во избежание отравы. Так что можно догадаться, что на борту этого крейсера передвигался по Вселенной сам комиссар Милодар.

Тесея в первый день Кора почти не видела. Сама она диктовала отчет и отвечала на миллион компьютерных вопросов, касавшихся как альтернативной Древней Греции, так и особенностей ВР-круиза, и, наконец, положения дел на Рагозе.

Перед обедом Кора отыскала бывшего Тесея в гимнастическом зале, этот небольшой зал был любимым детищем Милодара. Тесей крутил колеса тренировочного велосипеда. Кора несколько удивилась, увидев, что, несмотря на худобу и некоторую сутулость, он хорошо сложен, мышцы его вполне рельефны, очевидно, на них нет ни капли жира. По типу мускулатуры Кора скорее отнесла бы принца к стайерам или даже марафонцам, способным к длительным упорным усилиям.

— Вы будете обедать? — спросила Кора.

Густав прекратил крутить педали. Бегущая перед ним на экране дорожка погасла.

— Мы больше не друзья? — спросил Густав.

— Мне трудно воспринимать вас здесь как моего старого протеже Тесея.

— Тот был красив, отважен, непобедим и служил царем, — сказал Густав, слезая с велосипеда и накидывая на плечи махровое полотенце, чтобы идти в душ.

— Какая чепуха! — искренне возмутилась Кора. — Он был милым человеком, и мне очень хотелось бы, чтобы вы от него что-нибудь унаследовали.

— К сожалению, я все помню, — сказал Густав. — Всю свою ту жизнь. Поэтому я ощущаю себя очень старым.

Кора внутренне согласилась с ним. Старость Густава была в тоне его голоса, во взгляде, в том, как он осторожно и выверенно двигался и даже поворачивал голову. В отличие от Коры Густав не сохранил ни загара, ни мышц — они были им как бы получены в начале Игры, как бутсы или теннисная ракетка. И теперь сданы бутафору. Раны и шрамы Коры были внешними, Густав же получил свои на всю жизнь, только для этого надо было заглянуть ему в душу.

— Скажите, вам субъективно понятно, сколько времени мы с вами там прожили? — спросила Кора уже за обедом.

— Я жил там дольше, чем вы, потому что вырос в Трезене.

— Вы помните и это?

— Смутно. Я думаю, что эта программа — как бы предварительные условия игры, заложенные в мою память в момент входа в роль.

— Тогда у вас нет оснований чваниться годами и веками. Я же тоже прилетела вслед за вами, как только стало известно, что на вас готовится покушение.

— И тогда познакомились с моей тетей?

— И вашей будущей супругой, — позволила себе улыбнуться Кора. Ей было любопытно, как воспримет ее слова Густав. Что он успел узнать после возвращения? Что он помнит? Что он понимает?

— Я ознакомился с вашим отчетом, — сказал Густав. — И внутренне сравнил его с собственными воспоминаниями.

— И не совпало?

— Отчет — это как медицинское пособие. Скелет.

— А факты — кости?

— Факты совпадают, — улыбнулся Густав и поправил указательным пальцем дужку очков. Совсем как царь Тесей. — Меня спасло то, что вы, госпожа Кора, побывали на Рагозе и знали их всех в лицо.

— Не всех. Для меня загадочен четвертый член бригады.

— Не узнали? — спросил Густав. — Может быть, вы его не видели в Рагозе?

— У него тоже династические соображения?

— Мне давно следовало бы догадаться, — сказал Густав. — Я никуда не годный глава государства. Я не разбираюсь в людях!

— Неправда! — возмутилась Кора. — Я наблюдала за вами много лет! Вы отлично разбираетесь в людях!

Густав замер с ложкой в руке. Он смотрел на Кору так, как царям не положено смотреть за обедом на своих охранников.

— Я в тебе никогда не разбирался, — произнес он после того, как Кора увидела и впитала этот взгляд, ощутив щекотание под ребрами. — Но во мне всегда сидело опасение, что ты намерена кинуть меня через бедро.

— Ну вот и все испортил, — расстроилась Кора. — Мы чуть было не перешли на лирическую ноту.

— Тебе это было неприятно?

— Нет, царь Тесей.

— Не надо. Мне грустно сознавать, насколько я жалок после обратного превращения.

— Глупости! — заявила Кора. — Пустые выдумки. Я видела, как ты работал в тренировочном зале. У тебя нормальное мужское тело. Даже смотреть приятно.

— Если бы ты не была древней гречанкой, — сказал Густав, — я бы наверняка растерялся от такого замечания.

— Я не только древняя эллинка, — сказала Кора. — Но есть подозрение, что я — воплощение Персефоны, хранительницы царства мертвых.

— Чепуха! — рассмеялся Густав. — Это тебя пугали глупцы, а ты, наверное, как и положено полевому агенту, не любишь читать. Кора-Персефона — покровительница цветения, расцвета жизни. Именно поэтому каждую осень мрачный Аид затягивает ее обратно в царство мертвых. До весны.

Они перешли в маленькую кают-компанию. Кора споткнулась о футляр с контрафаготом. Густав открыл горячий бар и извлек из него две чашечки кофе, Кора — хороший коньяк из другого бара.

— Твой Милодар — сибарит, — сказал Густав.

Они сидели на небольшом диване, невероятно мягком и расслабляющем. И Кора никак не могла понять, почему она оказалась на этом диване, когда ей можно было бы сесть в кресло по другую сторону низкого столика.

— Тебя не стесняет наша одежда? — спросил Тесей.

— Еще как стесняет! — призналась Кора. — А кто тот человек, Бронзовая Маска?

— Мы его увидим... Я тебе его покажу. Нет смысла называть его имя сейчас, если оно ничего не говорит.

— Жаль. Это как в плохом детективе — главный убийца появляется в последний момент со стороны, потому что автор не придумал, кому отдать пальму первенства.

— Обычно это бывал дворецкий, — напомнил Густав.

Он чуть-чуть подвинулся к Коре. И замер, как бы проверяя реакцию птицы глазами кота.

— Тебе было лучше, — сказал он. — Подумай, ведь ты все видела и всех узнавала. Для меня же вокруг существовали лишь мои современники, мои древние современники. Я видел тебя, я видел тупицу Кларенса и охотницу за троном Клариссу. Но иными, чем мы. Я же не подозревал, что где-то существует страна Рагоза и в ней трон, который мне, вернее

всего, не суждено занять. И все мои надежды на то, чтобы омолодить мою страну, рухнут... Понимаешь ли ты, что прожила несколько субъективных лет рядом с самым настоящим Тесеем? Я помню, как я боялся ворожбы Медеи, как внутри весь дрожал.

— Внешне это не было заметно.

Рука афинского героя потянулась за чашечкой кофе, но на полдороге зависла над коленом Коры, словно вертолет, заблудившийся в плохую погоду.

Кора не обратила на вертолет никакого внимания, а спросила:

— И совсем ничего не отзванивало в твоем сознании или, скажем, подсознании? Ведь твоему мозгу объективно эти люди были более чем знакомы!

— Больше того... ты будешь смеяться. — Густав отвел вертолет к летному полю — к плоскости стола, откуда он забрал пассажиров, то есть чашечку с кофе. — Ты будешь смеяться, но до того, как я выслушал твой рапорт, я не до конца осознавал всю серьезность положения. Я видел, как ты сидишь в какой-то комнате и с равнодушным лицом рассказываешь, что в такой-то ситуации такая-то герцогиня Рагоза приняла ВР-облик Ариадны и передала объекту охраны клубок ниток... Я слушал тебя, и в мозгу что-то щелкало. И я вспомнил ситуацию: и ревущую толпу перед входом в Лабиринт, и глаза Ариадны, а потом — как я рубил этого несчастного урода.

— Минотавра?

— Конечно. Но тогда он не показался мне несчастным уродом. Он был зловещим чудовищем, символом угнетения моих родных Афин, пожирателем девушек! Я сражался с ним... потом слушал тебя и понимал: о боги! Ариадна же и на самом деле моя помолодевшая тетка Рагоза, которая сочла за самое разумное в интересах сохранения кланов присоединиться к моим врагам. Хотя я думаю, ей пригрозили...

— Кто?

— А потом я слушал твои слова о Пирифое и думал: идиот, как же ты мог не узнать братца Кларенса?

— Братца?

— Это было его прозвище в школе для особо одаренных детей, в которой мы учились. В Рагозе все князья и принцы по рождению получают звание «особо одаренных детей» и отправляются в особую школу. Это демократично и в то же

время дает возможность не толкаться в обществе плебеев. На самом деле это ужасное лицемерие!

— Разумеется, — сказала Кора, с надеждой глядя на то, как рука Густава вновь поставила чашку на столик и на этот раз по-братски опустилась ей на дальнее плечо, так что Коре пришлось чуть податься к принцу. Что она и сделала весьма покорно.

— И тогда мне стала ясна структура заговора, — сказал Густав. — И я догадался, кто же тот, четвертый, главный организатор моего устранения!

— Когда вернешься, ты их всех повесишь?

Густав так удивился, что, к сожалению, снял руку с плеча Коры.

— Почему я должен их вешать? Я же намерен строить демократическое государство!

— И тебе позволят?

— Пусть только попробуют возразить!

— Тогда положи мне руку на плечо, как было! А то здесь что-то прохладно!

— Тебе зябко? — удивился Густав. — Ты же всегда любила холод. Дай-ка я подниму температуру в отсеке, — и он потянулся через Кору, чтобы достать до выключателя...

Кора чуть-чуть сдвинулась с таким расчетом, чтобы Густав не удержал равновесия и вынужден был дотронуться ухом до ее груди.

Сладкий электрический ток пронзил все ее тело, а этот идиот тут же вскочил с дивана и принялся извиняться.

— Тесей, — сказала тогда Кора, — мне это надоело. Мы сможем с тобой наговориться о делах и даже подорваться на мине, которую нам подложат в Космопорте завтра. Но уже десять или пятнадцать лет я хочу, чтобы меня поцеловал настоящий древнегреческий герой. Он же совершенно не обращает на меня внимания.

— Честное слово? — спросил Тесей. Нет, конечно же, он глуп!

— Я тебе лгу, я над тобой издеваюсь, я над тобой смеюсь — что тебе еще надо? Или ты хочешь, чтобы я... чтобы я...

И тут она поняла, что не знает, как и чем ему угрожать, как его задеть, обидеть, расшевелить и уничтожить, потому что ей хотелось всего одновременно.

Тогда Тесей осторожно, как в замедленной съемке, опус-

тился перед Корой на колени и опрокинул при этом журнальный столик, правда, этого не заметив. Почему-то он принялся целовать ей руки, что было, конечно, очень красиво и сентиментально, но, с точки зрения Коры, пустой тратой времени после всех лет ожидания.

Так что Коре ничего не оставалось, как осторожно извлечь свои пальцы из его рук и, сжав ими щеки бывшего царя и будущего короля, поднять его голову поближе к своим губам.

Густав не сопротивлялся, особенно после того, как сообразил, что от него требуется.

— Я так ждал этой минуты, — прошептал он.

Кора позволила ему склониться к ней и поцеловать ее с искренним древнегреческим энтузиазмом. Кора подозревала, что длительное пребывание в древнем мире превратило рагозского студента в опытного любовника — правда, пока лишь подозревала...

Поцелуи Густава становились все жарче, и он уже как-то приспособился на диване рядом с Корой, так что наступал тот момент, когда надо было решать, начинать ли сопротивление, хотя бы из тактических соображений, либо плюнуть и не сопротивляться.

...Комиссар Милодар, конечно же, угадал ее мысли. Это, к сожалению, отличает его от остальных людей в Галактике.

— Молодые люди, — сказал он. — Я вам искренне сочувствую, но работа еще не закончена, и я категорически возражаю против того, чтобы мои агенты позволяли себе отвлекаться на любовь в то время, когда работают телохранителями.

Кора вырвалась из-под обалдевшего Густава, вскочила с дивана и почему-то принялась ставить на место опрокинутый журнальный столик. Густав, опомнившись, встал на колени на ковер, чтобы собрать с него разбитые чашки и прочую мелочь, свалившуюся со стола. Он старался не смотреть на Милодара.

— Я вам этого, комиссар, никогда не прощу, — искренне заявила Кора. — И если бы я не знала, что это вовсе не вы, а только ваша голограмма, то я бы задушила вас собственными руками.

— Голограмма! — воскликнул Густав. — А я-то ломаю голову, когда господин комиссар смог забраться на корабль, если мы отлетали без него.

С этими словами он кинул в Милодара книгой воспоми-

наний первой жены физика Эйнштейна, которую схватил с рояля. Комиссар инстинктивно отшатнулся, но книга все равно прошла сквозь его плечо.

— Правильно, — сказал Густав. — Это только голограмма.

— Тем не менее я категорически возражаю против метания в меня предметов, — заявил Милодар. — Я нахожусь при исполнении обязанностей, и вы нанесли моральную травму высокому должностному лицу.

— Что вас принесло, комиссар? — обиженно спросила Кора, которая уже пришла в себя. Она наклонилась и подобрала с пола книгу.

— Разумеется, завтрашние дела, — ответил Милодар. — Я спешил сюда, будучи совершенно уверен, что молодые люди обсуждают завтрашнюю тактику поведения. Ведь именно завтра нас может ждать засада. Все четверо убийц из Рагозы исчезли еще до возвращения принца Густава и агента Орват. Их поджидал быстроходный корабль. У них в запасе было несколько часов, чтобы подготовить встречу и уничтожение принца. Поэтому естественно, что я отложил все дела и примчался к вам. К сожалению, я застал совершенно непотребную эротическую сцену. Я подозреваю, что в своей Древней Греции в результате непрерывного общения с сатирами, нимфами и другими козлами вы совершенно распустились и думаете лишь о сексе. И мне стало стыдно... — Комиссар понурился.

— А теперь позвольте мне сказать два слова, — принц Густав остановил поднятой рукой готовую уже броситься в бой Кору. — Я разговариваю сейчас с вами как глава независимого государства, комиссар, и прошу об этом помнить. Хорошо?

— Хорошо, — произнес Милодар на тон ниже. Он был чуток на перемены в политической обстановке.

— И хоть вас это совершенно не касается, — продолжал Густав голосом и тоном царя Тесея, — для вашей информации могу заверить вас, что агент Кора Орват, которая по крайней мере трижды спасла мне жизнь и находилась при моей особе несколько субъективных лет на труднейшей работе, ничем — ни жестом, ни словом — не дала мне надежды на какое бы то ни было сближение с ней. И никаких иных чувств, кроме глубочайшего уважения к госпоже Коре, я не испытывал. Да, сейчас, в нашем времени, в безопасной обстановке, наступила реакция. И я позволил себе дотронуться

до госпожи Коры. Я прошу за это у нее прощения. Но не у вас, комиссар.

Густав протянул Коре руку, и та сказала:

— Спасибо, ваше высочество.

— Для тебя я — твой друг Тесей, — ответил принц.

— Да, Тесей. Но я должна сказать, что для меня в жизни не было более сладкого поцелуя, чем тот, который у нас с тобой почти получился, но был прерван этой жалкой копией сексуального извращенца, липового гражданина государства Кувейт...

— Кора! — взмолился комиссар. — Давай не будем переходить на личности. Я к вам не приставал, а то, что позволил себе пошутить... Бог мне судья! Любите друг друга, дети мои, и я буду счастлив.

Голограмма позволила себе скатить по щеке большую слезу, которая сорвалась и упала на ковер.

— Не обращай внимания, — попросила Кора принца. — Это его обычные штучки.

— Тогда, если вы не возражаете, — сказал Милодар, — я хотел бы начать обсуждение возможных событий завтрашнего дня и нашей тактики. В нашем распоряжении не так много времени — одна ночь. И мы будем работать.

«Черт побери, — вздохнула Кора, — одна ночь! Ну почему ее нужно губить тактикой и стратегией? В конце концов, я всего лишь влюбленная женщина».

— Навигатор, — произнес Милодар, — попрошу вас принести все последние материалы по обстановке в Рагозе.

Навигатор вошел почти мгновенно — крейсер «Честь-2» невелик. Он нес чемоданчик с документами и кассетами.

«Интересно, давно ли он стоял за дверью? Мы совсем забыли, что не одни на корабле. А будем ли когда-нибудь одни?» И Кора поняла, что это в высшей степени сомнительно. Она кинула взгляд на Тесея, но тот уже перебирал пачку вчерашних газет и журналов, только что телепортированных через Галактический центр.

— Пока они не прилетели, — сказал Густав, — может быть, у нас остается шанс, что они не успеют подготовить народное восстание, чтобы нас достойно встретить.

— Это вчерашние газеты, — сказал Милодар. — Не надо себя утешать.

* * *

Крейсер «Честь-2» опускался к столице Рагозы осторожно, прощупывая эфир в поисках опасностей. Но ничего чрезвычайного услышать не удалось.

— Опускайтесь! — приказал комиссар. — В конце концов, нас не возьмешь даже прямой наводкой. Мое присутствие на борту остается тайной. Я буду посредником между вами и Галактическим центром. Никто не должен догадаться, что я здесь.

По лицу Тесея, который, как и Кора, успел прикорнуть лишь на два часа, скользнула усмешка.

— Милый, — сказала Кора, заметив усмешку, — не забудь, что наш комиссар Милодар оставляет на борту только свою голограмму. А ей ничего не грозит, так что считай, что дядя шутит. И не стоит его недооценивать.

— Мудрые слова, — согласился Милодар, — можно составить славное кладбище из героев, которые меня недооценили.

— Где опускаемся? — спросила Кора, пропустив браваду мимо ушей.

— На столичном Космодроме, — сказал Густав. — Мне стыдно таиться.

— Но на вас может быть совершено покушение! — возразил Милодар.

— Милодар! — возмутился Густав. — Я потратил полночи, чтоб убедить вас в том, что дома, на глазах у всей страны, они ничего не посмеют сделать. Иначе зачем им было тратить столько сил, чтобы убивать меня в Древней Греции?

— Я все понимаю, — сказала голограмма. Но потом махнула рукой.

Впрочем, если и оставались сомнения, то они были тут же разрешены посланием с планеты: «Кораблю «Честь-2», исполняющему специальное задание ИнтерГпола по доставке принца Густава. От Центральной диспетчерской. Вам предлагается посадка на площадке «один» Центрального космопорта. Наводка производится нами».

— Мы подчиняемся? — спросила суровая оружейница по внутренней связи.

— Разумеется, мы подчиняемся, — заявил Милодар. — Но я не пожалею жизни на то, чтобы узнать, кто мог сообщить

сюда о нашем прилете и дать заранее координаты. Я их всех уничтожу! Всюду предатели!

— Извините, комиссар, — ответил навигатор «Чести-2», который слышал эту грозную филиппику голограммы. — Данные о нашем корабле в соответствии с правилами полетов я выдал Центральной диспетчерской уже два часа назад на ближних подступах к системе.

— Тогда считайте, что вы уволены!

— Простите, не скажете ли, за что? — спросил навигатор. Он был молод, подтянут и, видно, намеревался сделать космическую карьеру.

— За то, что слишком прямолинейно понимаете правила. Правила существуют для слабых. Мой крейсер правилам подчиняться не намерен. Тем более когда я нахожусь на его борту!

— Простите, а когда вы появились на его борту? — нагло спросил навигатор, которому уже нечего было терять. — В судовой роли вы не значитесь.

— Я сейчас на борту!

— Командир корабля, каковым являюсь я, — заявил навигатор, — несет ответственность лишь за тех, кто находится на борту, и принимает приказ от вышестоящего начальника, только если он находится на борту. В ином случае я рассматриваю вас как самозванца и попрошу покинуть корабль!

— Покинуть? Вы выбрасываете меня в космос?!

Внезапно навигатор отвернулся от экрана.

— Приготовиться к посадке. Держать связь с диспетчерской, — приказал он своему помощнику. Затем экран погас. — Пассажирам незачем присутствовать в навигационном отсеке во время посадки.

— Какой мерзавец! — воскликнул Милодар.

— Он прав, комиссар, — вежливо сказал Густав, забирая в свою руку пальцы Коры и легонько сжимая их. — И если вы намерены его рассчитать, я хотел бы взять его в свой флот. Мне нужны решительные навигаторы, которые не лебезят перед сумасбродными голографическими копиями своего начальства.

— Да как вы смеете!

— Я смею, комиссар... Не так ли?

Голограмма Милодара обворожительно улыбнулась в ответ. Конфликт был исчерпан.

— Приготовиться к посадке. Посадка через две минуты, — сказал навигатор.

Кора поцеловала Густава.

Поцелуй был коротким, но нежным. Милодар отвернулся. Он был мрачен.

Они пошли собираться. Следовало появиться в Рагозе в соответствующем виде.

— Какое огневое прикрытие потребуется пассажирам? — спросила оружейница у Милодара.

— Никакого огневого прикрытия, — ответил комиссар. — Наше с вами присутствие — лучшее огневое прикрытие в мире. Меньше всего рассчитывайте на ракеты, моя юная подруга. Нам еще не раз придется вместе летать, и потому советую прислушиваться к человеку с боевым и жизненным опытом.

— Слушаюсь! — ответила оружейница. На том разговор закончился. Кора поспешила в свою каюту, чтобы переодеться.

* * *

Далее происходило нечто невероятное. Площадь космодрома, внушительная своими размерами и количеством вышедших из употребления, но не вывезенных из-за хронической нехватки средств кораблей всевозможного вида и преклонного возраста, была заполнена ликующим народом. Тысячи и тысячи рагозийцев, оставив свои дела, с утра, когда какими-то своими путями руководство державы дозналось о прилете принца Густава, начали собираться туда. Одни из любопытства, другие — движимые страстью к реформам и в надежде на выход из периода исторического застоя. Были тут и многочисленные члены и слуги клана Рагозы, которые законопослушно готовились приветствовать завтрашнего сюзерена. Там стояли рука об руку горячие сторонники свободы и галактического братства и поклонники клановых законов и полной изоляции от внешних влияний. Были там князья, приехавшие на импортных «Мерседесах», и нищие с глиняными конусообразными чашами для подаяния в руках, там стояли плечом к плечу дорогие валютные проститутки из квартала Ванильных Ванн рядом с задумчивыми, но восторженными студентками физического техникума, любимого детища принца Густава. Но главное заключалось в том, что, идя по зову сердца, спеша из любопытства, торопясь по при-

зыву клана, все эти тысячи встречавших были призваны и организованы (не подозревая о том) усилиями энергичной и неутомимой дамы Рагозы.

Но шаг этот был вынужденным, потому что дама Рагоза провела предыдущую ночь в яростных переговорах с представителями ведущих кланов, для того чтобы выработать единую линию поведения.

Даме Рагозе и ее спутникам пришлось выслушать немало горьких упреков в том, как они провалили охоту на Густава, хотя на подкуп президента и некоторых иных сановников «ВР» пошла половина годового бюджета страны, а также драгоценности покойной королевы-матери.

Разумеется, некоторые горячие головы (как доносили в Галактический центр агенты ИнтерГпола, внедренные при дворе) требовали немедленно устроить засаду и нечаянно взорвать весь Космопорт и корабль, на котором прилетит Густав, а еще лучше — взорвать его на подлете к планете. Но радикалы были поставлены на место влиятельными главами кланов, понимающими, что подобные акции дискредитируют государство и могут вызвать действия со стороны Галактического центра, тогда как веками отработаны куда более тонкие и действенные способы расправы с противником.

Надо сказать, что на совете кланов было немало сторонников Густава. По крайней мере, тех законопослушных вельмож и нуворишей, которые понимали, что на самом деле пора что-то менять в государстве Рагоза. К тому же они противились криминальным замашкам некоторых традиционалистов. Эти сторонники Густава выполняли роль амортизаторов, останавливая радикалов, которых, разумеется, ничему не научили провалы в Афинах.

В результате было решено ликвидировать принца Густава, но сделать это культурно и чисто. Для чего была выработана следующая программа:

«1. Организовать встречу принца Густава на высоком уровне.

Рассеять имеющиеся у него и у руководства ИнтерГпола подозрения. Народ встречает принца Густава. Все рады.

2. В случае если ИнтерГпол пришлет с Густавом какую-нибудь охрану, отрезать и изолировать ее, как только принц будет отвезен в предназначенную ему резиденцию.

3. При первой же возможности устроить неожиданную катастрофу, в которой обязательно должна погибнуть некая Кора Орват, объявленная врагом Отечества номер один. После ее уничтожения принести официальные извинения Галактическому центру.

4. Участникам неудачного круиза в Древнюю Грецию полностью отрицать свою причастность к этому делу и объяснять возможные совпадения нестойким состоянием психики принца Густава. Если он будет настаивать на том, что подвергался покушениям, убедить его, что убийцами были агенты ИнтерГпола во главе с Корой Орват. Тут же попытаться спровоцировать принца на убийство агента Коры Орват.

5. На следующий день, когда все уладится, назначить срок коронации Густава и тут же в тронном зале во время заседания организовать случайное появление принца Кларенса с дубиной, который потребует немедленной дуэли. После бурного объяснения совету кланов надлежит проголосовать за проведение дуэли.

6. Появление принца Кларенса, подготовку к дуэли и дуэль демонстрировать по всем телевизионным каналам в прямом эфире, чтобы не дать принцу Густаву свободы маневра. Если он соглашается на дуэль, выдать ему тяжелую, но гнилую палку, чтобы не подвергать опасности жизнь уважаемого принца Кларенса. Если Густав откажется от дуэли, то разоблачить его трусость и дезавуировать права на престол по настоянию старейшин. Особая роль при этом отводится даме Рагозе, которая должна со слезами на глазах отказаться от прав Густава на престол ввиду того, что кандидат его недостоин.

7. Совершенно лояльно и официально выслать принца Густава из страны для продолжения образования в Московском университете с последующей ликвидацией его, когда вся кутерьма затихнет.

8. Если не будет выполнен пункт 3, не дать выбраться живой с планеты агенту Коре Орват как наиболее низкому и преступному элементу, проникающему к нам с подлыми замыслами...»

* * *

Густав перестал читать документы.

— Тут дальше подписи, — сказал он. — Моя тетя старалась привязать их всех к колеснице, чтобы потом не сбежали.

— А мне нравится, — сказала Кора, — внимание к моей недостойной персоне. Как им хочется меня убить!

Они стояли в кают-компании и ждали, пока копия секретного протокола уйдет в Галактический центр. Голограмма Милодара вне себя от возмущения носилась по кают-компании, проходя сквозь рояль, диваны и столики. Комиссар утверждал, что более грязной интриги еще не встречал. Он врал, потому что не только встречал, но устраивал интриги похуже.

Представитель Космофлота Мишель с Вероникой доставили еще ночью выкраденный протокол совещания совета кланов и смогли, не обратив на себя внимания, сразу после посадки пронести его на «Честь-2», были довольны собой, но слабы в ногах от чувства опасности, которой избежали. Они-то понимали, что им, если бы попались с таким документом, на свете не жить!

Навигатор уже трижды передавал запросы с диспетчерской: почему не выходит любимец народа?

— Они снайпера не посадят? — спросила Кора. — Вон туда на крышу?

— Ничего они мне сейчас не сделают.

— Надо дождаться решения Центра! — Милодар увидел, что Густав направляется к выходу.

— Здесь правлю я, — ответил Густав. Потом улыбнулся и уточнил: — Здесь я король, мой милорд.

«Интересно, — подумала Кора, направляясь за ним. — Какого Шекспира он цитирует?»

— А ты куда? — взбеленился Милодар. — Тебя же подстрелят!

— Мне с Густавом и приятнее, и безопаснее, — ответила Кора.

— Спасибо, — сказал принц.

Он прижал к переносице дужку очков. Потом накинул плащ — легким и привычным движением царя Тесея. Взял в руку длиннющий футляр с контрафаготом, сунул в другую руку так и не дочитанную книгу воспоминаний первой жены Эйнштейна и вышел на площадку перед пандусом.

В толпе, сразу узнавшей принца, раздались приветственные крики и началось массовое размахивание флажками и портретами госпожи Рагозы, а также основателя клана короля Волкнера Великого. Также послышались крики «Да здравствует свобода!», «Да здравствует демократия!». Они были не так слышны, как возгласы в честь кланов, но в толпе тут же завязались схватки и началась некоторая суматоха, а полиция и войска стали раздвигать толпу, наводя порядок.

Все эти первые минуты Густав стоял на площадке у пандуса, Кора на полшага сзади. Так хотел Густав. Ему нравилось дразнить соперников.

— Что дальше? — спросила Кора.

— Мы будем играть на опережение.

— Осторожней, Тесей, — сказала Кора.

— Ты их не бойся. Они страшны, только когда чувствуют силу. Сейчас они не уверены в себе.

Кора подумала, что такими устами неплохо бы пить мед.

В толпе образовался довольно широкий коридор. По нему к кораблю приближалась процессия, одетая ритуально и, на взгляд Коры, нелепо. Хотя, пожалуй, если вспомнить, как она бегала в хитоне по горам Аттики, то и она сама покажется кому-нибудь нелепой.

Впереди рядком шли главы трех основных кланов. Два старика в плащах немыслимого фасона вышагивали по бокам дамы Рагозы, наряд которой был прост и темен.

На два шага сзади — остальные высшие чины государства. Кора могла различить среди них некие знакомые лица.

Дама Рагоза вытянула вперед тонкие белые ручки, и широкие рукава плаща съехали к плечам — зрелище было трогательным, почти эллинским: Пенелопа встречает возвратившегося Одиссея и не знает еще, донесли ли ему о ее любовниках.

Микрофоны всех телекомпаний страны покачивались над головами Густава и Рагозы. И потому всем телезрителям были видны их лица. И слышен возглас тетки герцогини:

— Густав, мой мальчик! Ты вернулся в родную Итаку! Как мы ждали тебя!

Дама Рагоза повисла на Густаве, и на его лице появилась весьма вымученная улыбка, замеченная всеми телезрителями.

— Наконец-то ты пришел, чтобы занять причитающийся тебе по праву престол твоих предков.

Раздался грохот салюта — фейерверк раскрылся звездами над полем, от мельтешения флагов кружилась голова. Шум стоял несусветный. Густав с трудом успел уклониться от тетких объятий. Он передал Коре книгу воспоминаний фрау Эйнштейн и поочередно пожал расшитые перчатки вождей главных кланов.

— Обратитесь к народу? — спросил один из журналистов, что пробился со стороны.

Журналист показал на деревянную платформу, сооруженную, вероятно, специально ради такого события.

Согласно пункту № 2 протокола о намерениях кланов все должно решиться после торжественного обеда в тронном зале дворца, под юпитерами камер, когда Пирифой забьет своей дубинкой Густава. Ну что ж, видно, перед смертью Коре придется пострелять... если успеет.

— Я рад обратиться к народу!

Эта идея всех привела в восторг.

И дала возможность Густаву пройти сквозь толпу знати с минимальными рукопожатиями и объятиями. Кларисса попыталась ущипнуть Кору, и Кора не отказала себе в удовольствии так рубануть ее по кисти, что Кларисса взвыла и схватилась за руку. Она пыталась выкрикнуть какое-то обвинение, но в таком шуме разве разберешь — обвинение это или вопль восторга?

Волоча свой футляр с контрафаготом, Густав пробился к платформе и встал перед букетиком микрофонов и камер, установленных на общей толстой ноге, как на связке розг, которые таскали с собой по Древнему Риму какие-то негодяи.

Густав поднял вверх свободную руку, и народ воодушевился.

Остальные знатные люди постепенно влезали на платформу и выстраивались за его спиной. По крайней мере, с самого начала Густав перехватил инициативу.

Герцогиня Рагоза успела все же шустро нырнуть под руку Густаву и выкрикнуть в микрофон:

— Наш дорогой принц так устал с дороги. Сейчас он, показавшись народу, отправится в свою резиденцию. Завтра — торжественный прием во дворце и парад. Ура! Да здравствует принц! — И тут же она потащила Густава прочь от микрофона. Оттащить его от микрофона можно было лишь бульдозером, а бульдозера не нашлось под рукой, Пирифой же показал нерешительность. Впрочем, как и Бронзовая Маска, ко-

торый двинулся было к Густаву, но восторженный крик толпы и требования, чтобы Густав сказал хоть несколько слов, остановили его.

— Дорогие мои сограждане! — заговорил Густав.

Площадь замолчала.

— Дорогие мои соотечественники. Я возвратился на родину, завершив образование, и готов теперь принять бремя власти. Я принял решение короноваться!

Толпа закричала: «Ура!»

Ариадна растерянно обернулась к Бронзовой Маске, тот к Пирифою, но остановить сейчас Тесея не представлялось возможным.

— Я надеюсь, что общими усилиями мы все вместе вытащим нашу любимую страну из той ямы, в которой ее держат князья и принцы, думающие лишь о своих клановых интересах, — продолжал Густав.

И тут на площади наступила гробовая тишина. В приветственной речи таких слов говорить не положено. Да и кто ожидал от этого физика столь решительных слов?

— Я не намерен отменять старинные законы и обычаи нашей страны. Я уважаю заветы предков. Я знаю, что многие, очень многие из граждан Рагозы были удивлены и даже шокированы моим прошлогодним решением отложить дуэль с благородным Кларенсом, представителем дружественного мне клана, до окончания моего образования. Надеюсь, однако, что никто не заподозрил меня в трусости и малодушии — в ином случае такой король нам не нужен!

— Не ну-ужен... — глухо прокатилось по площади.

— Так что прежде чем приступить к делам, я должен отдать долги. При свидетелях. Надеюсь, что мой соперник здесь?

Густав обернулся — он знал, куда смотреть. Кларенс был потрясен словами Густава и лишь тряс головой, стараясь возбудить в ней какую-нибудь разумную мысль.

— Ну что вы! — закричала, прорываясь к микрофону, дама Рагоза. — Будем ли мы омрачать поединком первый день встречи короля? Можем ли мы рисковать его жизнью и здоровьем? Нет и еще раз нет!

Герцогиня подняла ручонки, призывая толпу поддержать ее, но толпа поддержала ее далеко не так дружно, как ей того хотелось. Многие страшно обрадовались тому, что станут

свидетелями исторического зрелища, другие не выносили всем надоевшего хулигана Кларенса, третьи вообще были довольны, когда господа и дамы дрались между собой. Четвертые вдруг вознадеялись, что король и на самом деле сможет противостоять этой страшной и тупой силе кланов — их же оружием!

Ариадна кинулась к Бронзовой Маске за советом. Она ничего не понимала. Спектакль разворачивался по непонятному сценарию. И это было тревожно. Но поддержки от Бронзовой Маски, за которой внимательно наблюдала Кора, полагая в нем главного противника, не последовало.

— Ну как, Кларенс? Ты готов к бою?

Спесь взяла верх. Кларенс уже пришел в себя.

— Пускай принесут из «Мерседеса» мою дубинку, — сказал он.

— Она у тебя с собой? — ласково спросил Густав.

— Я всегда готов проломить прыщик, который боги выдали тебе вместо головы. — И Кларенс засмеялся. Кларисса вторила ему.

Старики, старейшины кланов, неодобрительно качали головами. Все происходило неправильно: ведь битвы на дубинках должны проводиться лишь в кругу своих... Но поведение Кларенса также было недопустимо. И старикам лишь оставалось повторять:

— Ну и времена пошли...

Несколько полицейских уже тащили нечто завернутое в синий бархат.

Это была дубина Кларенса. Он развернул бархат. Дубина была толстой, шишковатой, с рукоятью, оклеенной для удобства акульей кожей.

— Где твое оружие, претендент? — спросил Кларенс Дормир, вложив в слово «претендент» все свое презрение к сопернику.

И тогда впервые заговорил Бронзовая Маска:

— У нас заготовлена дубина для наследника.

Он дал сигнал, и несколько молодых людей в масках вытащили на платформу не очень толстый кривой сук.

В толпе поднялись возмущенные крики.

— Другой у нас нет, — ответил, разведя руками, Бронзовая Маска. — Может, Густав привез с собой свое оружие?

И тут он осекся, потому что увидел, как Густав раскрывает

черный футляр для контрфагота и там на красном бархате лежит довольно тонкая палица... И Кора поняла, откуда она у Густава. Он же отнял ее у разбойника! В первом своем подвиге. И больше того, поняла Кора, Густав с самого начала избрал судьбу Тесея не только потому, что ему понравился этот герой, но и потому, что тот был славным мастером драк на палицах. Оставалось тайной, как Тесей пронес палицу в наше время.

— Проверить оружие, проверить оружие! — закричала было Ариадна и осеклась, потому что ей подошло время отступить далеко на задний план.

— А ну, давай, братец! — закричал Густав, превращаясь вновь в молодого Тесея.

— Убью! — зарычал Кларенс.

Князья, принцы и министры в мгновение ока посыпались с платформы.

И на возвышении, открытом со всех сторон для телевизионных станций и кинокамер Галактики, два претендента на трон сошлись в смертельном бою. Вообще-то по правилам положено было надевать стальные шлемы... но в классическом бою, в бою за трон, касок не надевали.

Кларенс пошел вперед, словно Минотавр.

Он так размахивал дубиной, что Кора поняла: на самом-то деле искусство битвы на дубинах давно уж вымерло на этой планете и Кларенс в своем воображении питался лишь историческими фильмами, где князья и вожди только этим и занимались.

А Тесей... Тесей учился этому в детстве при дворе Питфея, он победил мастера своего дела — разбойника Перифета. И потом Кора не раз видела палицу в руках Тесея, полагая, что тот лишь подражает своему дяде и кумиру — Гераклу. Но лишь теперь она поняла, что тихий интеллигентный физик, глубоко сидевший в печенках царевича, все эти годы готовился к бою.

И потому бой был довольно короток и вовсе не так красив, как многие того ожидали. Раза два или три палицы тяжко ударились и застонали... Затем Тесей, дождавшись, пока Кларенс сделает выпад, отступил в сторону так, чтобы противник пронесся мимо. И когда тот летел в прыжке, он как следует врезал ему палицей по лопаткам. Кларенс ускорил полет и вылетел за пределы платформы. Тесей принял форму

отдыхающего Геракла и стал ждать, пока полицейские и помощники помогут Кларенсу возвратиться на платформу, чего тот вовсе не желал.

Наконец Кларенс встал на платформе и заявил для всех телекамер:

— Так нечестно!

Коре было видно, как поперек его спины вздулся красный след.

Зрелище было удивительным, и Кора поняла, что оно ей напоминает бой Давида и Голиафа. Причем Давидом был стройный, но худой и даже чуть сутулый физик, прилетевший с Земли, Голиафом — накачанный в клубе культуристов для прогулок по пляжу кретин и развратник.

Местный Голиаф поднял дубину и вновь пошел на Густава.

Тот подождал, пока противник приблизится, и несильно ударил его по пальцам — дубина у того выпала. Густав так же легонько ударил палицей Кларенса по щеке, и на глазах у всех щека начала раздуваться.

Кларенс поднял руки и завопил:

— Ну хватит, прекратите безобразие! Развели здесь Средневековье! Я буду жаловаться!

Он закрыл лицо руками. А толпа хохотала. Один из старейшин поднялся на платформу и сказал в микрофон:

— По старинному обычаю я, как старейший из вождей, прошу победителя пощадить жизнь соперника ради его престарелых родителей. Но если ты, победитель, не примешь моих слов во внимание, никто тебя не осудит.

Густаву невозможно было принимать или не принимать слов во внимание, потому что Кларенс уже достиг своего «Мерседеса» и, давя зрителей, дал газ, чтобы уехать как можно дальше.

«Теперь осталось только убить меня — и программа выполнена», — сказала себе Кора. Густав отыскал ее глазами — она стояла у самой платформы, готовая в любой момент вскочить наверх, чтобы помочь своему Тесею. Густав подмигнул ей и тщательно уложил палицу в футляр.

Кора посмотрела на «Честь-2». Люк был открыт. Там стоял комиссар Милодар. Кора пожалела, что он стоит слишком далеко и не разглядеть выражения его лица. А приятно было бы посмотреть. Разумеется, чувство собственного превосходства над всеми остальными жалкими представителями чело-

вечества, за исключением его прямого начальства, не оставило и никогда не оставит Милодара. Но все же он получил ощутимый щелчок по носу — этот студент-физик смог провести операцию без помощи и даже в определенном смысле вопреки указаниям Милодара. Теперь комиссару предстояло выработать версию, по которой все лавры должны будут достаться именно ему.

Впрочем, Кора понимала, что операция далеко не завершена и если ты, находясь в осином рое, прихлопнул одну из ос, это вовсе не означает, что все остальные тут же попрячутся в гнездо.

Честно говоря, Кора не представляла, каким будет следующий шаг Густава. Хотя надеялась, что правильным.

А веселье на площадке не утихало — даже те, кто пришел посмеяться над свихнувшимся на Земле наследником, теперь готовы были носить его на руках. Люди непредвзятые не скрывали своих светлых ожиданий, связанных с появлением на престоле настоящего образованного демократа с дубиной.

Тем временем под бурные крики народа старейшина объявил, что отныне никаких препятствий к коронации принца Густава нет и быть не может. И состоится она, как только астрологи определят наиболее подходящие день и час. Затем старейшина обратился к принцу Густаву с вопросом, не пожелает ли он сказать несколько слов своему славному народу на прощание.

— Хорошо, — ответил Густав. — Тогда я скажу сегодня то, что хотел отложить на завтра.

Эта фраза прозвучала так странно, что толпа на площади буквально опешила.

И тут не выдержали нервы у герцогини Рагозы. С тихим повизгиванием, разносившимся далеко по площади, она начала проталкиваться сквозь толпу подальше от платформы. И Кора поняла, что герцогиня решила не дожидаться мести, которую обрушит на ее хрупкие плечи победитель.

— Тетя! — закричал тогда Густав в микрофон. — Не убегайте. Я вас простил. Вы — детище своей эпохи и всего социального воспитания. Доживайте свои дни в своих дальних имениях, только не появляйтесь мне на глаза и поменьше интригуйте.

Хотя в толпе было мало тех, кто разбирался в политике, и

тем более знавших о роли герцогини в последних событиях, даму Рагозу проводили с поля свистом и криками, потому что народ уже понял, что ему повезло с новым правителем, и, следовательно, старые правители, неугодные новому, народу больше не нравятся.

Но главный сюрприз был впереди.

— Кора, — попросил он, а так как его голос разносился микрофонами, то люди стали вставать на цыпочки, чтобы увидеть, к кому обращается принц, — Кора, передай мне, пожалуйста, воспоминания первой жены физика Эйнштейна.

— Первой жены... — прокатилось по площади.

— Воспоминания...

— Эйнштейна... Вы знаете Эйнштейна? Я не знаю никакого Эйнштейна!

Кора передала книгу. Густав открыл ее, проверил, на месте ли закладка.

— А теперь, — произнес Густав столь руководящим голосом, что ослушаться его было невозможно, — я попрошу подняться ко мне вот этого господина в бронзовой маске.

Головы всех на площади стали поворачиваться к господину в непривычного вида греческом шлеме и бронзовой маске, скрывавшей лицо. Тот с опозданием почувствовал внимание толпы и осознал опасность в приглашении принца. Очевидно, подумала Кора, он просто забыл, что выделяется таким странным образом.

— Идите сюда, — позвал Густав. — К вам же обращается ваш принц.

Бронзовая Маска постарался двинуться в обратном направлении подальше от платформы. Почувствовав это, зрители на площади сомкнулись и принялись подталкивать Бронзовую Маску к платформе, причем потерявшие уверенность в своем всесилии бюрократы и аристократы, так же как простой народ, дергали Бронзовую Маску, толкали и тянули, так что через две минуты Бронзовая Маска очутился на платформе.

— Мои дорогие сограждане! — воскликнул тогда Густав озорным голосом Тесея, сражающегося на мечах со своими сверстниками. — Я хочу показать вам человека, который в последние дни предпринял несколько попыток меня убить.

— О-о-о-о! — прокатилось по площади.

— В свое время при необходимости я могу обратиться в суд и привлечь туда таких свидетелей, как принц Кларенс из рода Дормиров, даму Клариссу и даже мою родную тетку Амалию Рагозу.

Бронзовая Маска попытался спрыгнуть с платформы, но Густав решительно схватил его за плечо.

— Но я не намерен наказывать этого человека, — сказал он. — Этот человек сам придумал себе наказание, равного которого по изысканности и жестокости еще не знало человечество.

Вновь заинтригованная толпа замерла, с неба роем спустились жучки телевизионных камер и замерли над головой принца. Бронзовая Маска нервно оглядывался, и Коре было видно, как воспаленно блестят его глаза.

— Если хочешь, Оливер Джадсон, — сказал Густав, — то ты можешь снять шлем. Без него легче дышится.

Ой! — мысленно воскликнула Кора. Как же она могла не узнать главного убийцу! Он оставался для нее настолько вне подозрений, что даже разговаривая с ним, видя его глаза и руки, она, опытный профессионал, не заметила очевидного сходства. Конечно же, это Оливер Джадсон, он же Будда бесконечной жизни по имени Амитаюс, он же оракул Провала, самый знаменитый человек в государстве Рагоза.

Но мало кто в толпе догадался, кто такой Оливер Джадсон, ведь знали всесильного оракула, фактического властителя судеб всей страны. Знали Будду Амитаюса, но не Джадсона.

— Помочь тебе? — спросил Густав.

— Нет, — ответил оракул. — Мне удобнее в шлеме.

— Наивно. Весь народ нашего государства хочет увидеть тебя воочию, а ты прячешься в медном ночном горшке.

— Не смей так говорить, мальчишка! — воскликнул оракул, сам сорвал шлем и бросил его на платформу. Шлем покатился по ней и, покачавшись на краю, замер.

И тут народ узнал оракула Провала.

И гул ужаса прокатился по площади. Так велика была власть предсказателя, так упорна была вера в его всемогущество...

— Почему, Оливер? — спросил Густав, глядя, как ветер колышет редкие волосы оракула. — Почему ты хотел моей смерти?

— Потому что, — ответил оракул, приглаживая волосы и обретая уверенность в себе, потерянную несколько минут назад, — потому что все мои предсказания, без исключения, обязательно сбываются. И если я предсказал смерть человеку, он должен умереть!

Предсказатель говорил хорошо поставленным голосом, приблизив губы к микрофону, отчего его голос, казалось, заполнял все пространство над площадью и проникал в сердца тысяч людей.

— Я предсказал твою смерть, — произнес оракул. — Значит, ты, считай, мертв.

— Значит, ошибся, мой старый друг.

— Я не друг тебе, принц. Я выше тебя. Я знаком и близок с астральными силами, с черной и белой магией. Великие экстрасенсы России прилетают ко мне после своей смерти посоветоваться о вечности. Как смеешь ты, ничтожество, поднять на меня руку!

Оракул разошелся вовсю, и Кора видела, как толпа постепенно отступала от платформы, люди не смели стоять так близко к своему божеству.

— Ты кончил? — хладнокровно спросил принц Густав.

Оракул ничего не сказал. Он ожидал ответного крика или капитуляции противника, но не такого делового вопроса.

— Если кончил, то завяжи шнурок. У тебя шнурок на правом башмаке развязался.

И это тоже было сказано так, что оракул посмотрел на свой ботинок, потом присел на корточки и стал завязывать шнурок.

Эта минута и дала возможность Густаву вновь овладеть вниманием толпы. А людям опомниться от грома джадсоновской речи.

— Мы с Оливером Джадсоном, — буднично продолжал Густав, — вместе кончали спецшколу. Только я окончил десятилетку за восемь лет, а наш уважаемый оракул умудрился просидеть в каждом классе по три года. И его выпустили из школы на волю, когда у него уже была третья жена и восемь детей. Что ему оставалось делать? Он пошел в экстрасенсы.

Толпа грохнула хохотом. И понятно — люди в хохоте расправлялись с собственным страхом и собственным пресмыкательством перед Буддой вечной жизни Амитаюсом.

Оракул поднялся, с трудом удержал равновесие и попытался оттолкнуть принца от микрофона. Но принц уже привык к дуэлям, он так рубанул ребром ладони по тянущейся к микрофону руке оракула, что тот завопил на всю площадь:

— Ты с ума сошел! Ведь больно же...

Это были самоубийственные слова.

И если даже Оливер Джадсон, поняла Кора, сможет сохранить за собой рабочее место над Провалом, ему потребуется несколько лет, чтобы вернуть хотя бы часть власти над умами рагозийцев.

— Мы так устроены, — продолжал Густав, не глядя на оракула, — что помним только сбывшиеся предсказания. Нас можно дурачить сколько угодно и назначать конец света раз в три месяца, а затем отодвигать его по климатическим условиям. Из тысячи предсказаний Оливера Джадсона сбывалось одно, но о нем сразу же начинали трубить газеты и купленные экстрасенсом телевизионные дикторы. Отсюда один шаг до преступлений...

Густав сделал паузу.

А оракул предпринял еще одну попытку незаметно сползти с платформы, но тут уж в дело вмешалась Кора и легко выбросила его обратно на помост.

— И ты здесь, — сказал оракул растерянно, будто только что узнал Кору. Он остался сидеть у ног Густава. Он подобрал свой бронзовый шлем, но надевать не стал, а обнял и прижал к животу.

— Сейчас идет следствие в Галактическом центре, — сказал Густав, — о причастности оракула к смерти моего отца.

— Я никого не убивал! — сказал оракул, глядя вверх.

— Но ты знал от заговорщиков день и час смерти моего отца. И ты опубликовал это предсказание, чтобы добиться славы оракула! С помощью сети шпионов и при помощи своей любовницы... — Густав посмотрел на Клариссу. Та стояла, в ужасе зажав рот ладонью, — ...имя которой не играет роли, он проникал в дома, спальни людей, он узнавал грязные секреты, он шантажировал и вымогал деньги — дым, выходящий из Провала, стал самым грязным дымом нашего отечества.

Как все любопытно и несправедливо устроено на свете, подумала Кора. Не будь Кларисса-Медея так сказочно хоро-

ша, пожалел бы ее Густав? Скрыл бы ее имя?.. И тут же она остановила себя: не ревнуй.

— Вранье, вранье, вранье! — Оракул отпихивался рукой, но не поднимался с помоста.

— Вы только вспомните, какую власть над нашим государством получил этот жулик! Как ловко он и его друзья пользовались нашей доверчивостью и дикостью нашей клановой системы! Три года назад он предсказал войну с нашими соседями варилами. Может, вы помните, что произошло? В день, предсказанный оракулом, наша армия напала на наших соседей. И не потому, что это было так удобно только одному оракулу. Вы спросите у генералов, не договорились ли они заранее с Оливером Джадсоном.

Гул возмущения охватил площадь. Некоторые вельможи, пригибаясь, бежали с площади к своим машинам.

— А вы забыли, как голодала вся страна, когда оракул объявил, что нельзя сеять хлеб, потому что планеты противятся этому? Сколько они все заработали на ввозе хлеба? И власть этого третьегодника стала столь громадной, что если он предскажет кому-то из вас, что его мать должна умереть ночью, то ее может убить собственный сын.

— Это клевета!

— Тогда скажи, скажи, зачем ты отправился в Древнюю Грецию? Почему ты хотел убить меня?

— Потому что все мои предсказания сбываются. А если и не сбываются, значит, я так захотел.

— Когда ваш любимый оракул говорит, что руководил моим убийством только для того, чтобы сбылось его предсказание о моей смерти, это правда, — сказал Густав. — Я не должен был возвратиться сюда живым. И когда не удались покушения на меня других убийц, он занялся этим сам. И если бы я погиб, то он бы вновь торжествовал. И вы бы еще покорнее подчинялись его приказам и капризам. Но можно я задам тебе вопрос, Оливер? Почему тебе нужно было предсказать мою смерть? Только потому, что тебя попросила об этом моя тетя?

— Я не просила! Он сам придумал! И мне сказал! — завопила из толпы герцогиня.

— Все куда серьезнее. Оливер однажды совершил роковую

ошибку. Ошибку, в которой он раскаивается всю жизнь. Ты помнишь?

Оракул не ответил.

— Именно эта ошибка чуть не стоила мне жизни. Дело было пять лет назад...

— Замолчи! — закричал оракул, стараясь встать, и Кора с удивлением увидела, что ноги не держат предсказателя — так он был испуган.

— Пять лет назад, на вечере встречи учеников нашего класса оракул сильно напился. Очень сильно. И у меня с ним вышел спор. Я спросил его, может ли оракул предсказать собственную смерть. И он ответил, что такое предсказание — дело чести каждого достойного оракула. Например, Нострадамус предсказал свою смерть. «А ты?» — спросил я. «А я как оракул сильнее всех!» — «Тогда скажи, когда умрешь?» — спросил я его.

— Молчи! — умолял оракул, но Густав отмел его сильным движением руки.

— У меня был перстень с изумрудом, родовой перстень. Джадсон, как плебей, всегда обожал знаки принадлежности к благородным. Он был пьян, но жаден, как всегда. И он сказал: «Отдашь перстень, скажу!» Я снял перстень и попросил написать дату собственной смерти и подписаться. Много раз после этого он просил меня вернуть записку. Но я понимал, что записка — грозное оружие, и не отдал ее. И убить меня он решил из-за предсказания не столько о моей смерти, сколько собственной смерти.

— Где? Где это предсказание? — летели со всех сторон вопросы.

— Так как меня многократно обыскивали, и дом мой обыскивали, и дачу, и даже охотничий домик, и комнату в московском общежитии, то мне пришлось хранить предсказание оракула в таком месте, где его никто не мог найти. — Тут Густав поднял книжку. — Вот воспоминание первой жены физика Эйнштейна. Это моя настольная книга, я ее всегда таскаю с собой. А в книге есть закладка. Ну кто будет обращать внимание на закладку в моей книге, если ее так просто вынуть?

И Густав открыл книжку и вынул закладку. Кора знала, что произойдет, и первой прыгнула на помост, чтобы свалить отчаянно бросившегося на Густава оракула.

— Я бы справился, — сказал Густав.

Оракул бился в руках Коры, потом вдруг обмяк и затих.

— Уважаемый глава клана Дормиров, — обратился Густав к старейшине. — Не будете ли вы любезны прочесть предсказание оракула Оливера Джадсона, именующего себя предсказателем?

Старейшина принял листок из руки Густава. И прочел:

— «Я, великий непогрешимый оракул, Будда вечной жизни Амитаюс, предсказываю, что я умру 2 августа... 234 года Галактической эры».

Наступила абсолютная тишина, потому что множество людей на площади шевелили губами, стараясь сообразить, когда же это второе августа наступит.

И потом кто-то крикнул:

— Но это же сегодня!

— Это сегодня!

— Сегодня! Сегодня!.. — ревела толпа.

— Поэтому я и торопился попасть сюда именно второго августа, — сказал Густав.

И тут началось самое страшное.

Кора ничего не успела сделать. И Густав тоже был бессилен — никто не ожидал, что толпа с такой яростью кинется на всесильного, а потому столь ненавистного оракула. Сотни рук тянулись к предсказателю....

Кора пришла в себя на пустой платформе. Над ней склонился Густав.

— Ты жива?

Лавируя среди редких оглушенных и ошарашенных зрителей, к платформе подкатил побитый, обшарпанный, но еще крепкий микробус Космофлота. Мишель помог Густаву внести Кору внутрь. Она уже пришла в себя настолько, что уселась в кресло.

— Что было дальше? — спросила Кора. — На меня кто-то наступил, и я отключилась.

— Они его понесли... — сказала Вероника.

— Куда?

— Мы можем поехать за толпой, — предложил Мишель.

— Не надо, — сказал Густав. — Я все знаю. Я предвидел заранее.

— Что, ваше высочество? — удивился Мишель.

— Я уверен, что славные граждане моего королевства, собравшись в толпу, исполнят последнее предсказание оракула Оливера Джадсона.

— Ты их не остановил? — вдруг вскрикнула Кора.

— Как я мог это сделать, если сам едва успел отскочить в сторону? И честно говоря, в тот момент меня куда больше беспокоила твоя судьба, чем финал этого подлеца.

— Ты жесток.

— Я не могу позволить себе прощать тех, кто меня убивает.

— И остальных... троих?

— Для остальных есть смягчающие обстоятельства, — усмехнулся Тесей.

Кора уже научилась различать улыбки этих двух царей. Но разговор на этом оборвался, потому что микробус вынужден был остановиться: на площадку ворвалась гвардейская бригада на бронированных мотоциклах, призванная найти и спасти наследника престола.

Густав высунулся из микробуса и крикнул командиру, чтобы бригада следовала за ним к резиденции.

Так они и ехали по загородному шоссе. Впереди — потрепанный микробус Космофлота, перед ним и за ним — гвардейская бригада на мотоциклах, похожая на преувеличенный почетный эскорт.

Только через несколько километров Кора сообразила:

— Мишель, поворачивай обратно.

— Почему?

— Я хочу вернуться на «Честь-2».

— Почему? Она же не улетает сегодня, — удивился Мишель.

— Жаль, — ответила Кора. — Но мне приятнее будет ночевать на борту «Чести».

— Невозможно, — сказал Мишель. — Экипаж уже в городской гостинице, мы их отправили на машине агентуры ИнтерГпола. Корабль заперт на ключ.

Густав хранил молчание, уставившись в окно. Он угадывал знакомые с детства пейзажи и как бы заново знакомился с аллеями и кущами пальм, разбегающихся от шоссе.

— В какой они гостинице? — спросила Кора.

— В «Сириусе».

— Я тоже переночую там. С ними.

— Но вам забронирован номер в «Люксе». «Люкс» куда лучше.

— «Сириус»! — приказала Кора так, что Мишель не посмел ослушаться.

Густав, как назло, молчал, и нельзя было высказать все, что о нем думаешь. Только когда машина остановилась у «Сириуса» и мотоциклы наполнили собой и невероятным грохотом широкую улицу, он вышел из микробуса, чтобы помочь Коре.

— Ты не примешь ничего из рук убийцы? — спросил он.

— Я постараюсь не принимать, — сказала Кора.

— Желаю тебе счастья, — сказал Густав.

— Тебе же — долгого царствования на благо подданных.

Густав снова заглянул в микробус.

— Вы меня подбросите до резиденции? — спросил он.

— Разумеется, — ответил Мишель.

Вероника высунулась из окошка микробуса и протянула Коре банкнот.

— Этого тебе хватит на ужин и выпивку, — сказала она.

— Спасибо. — Кора приняла деньги. — Я отдам завтра.

— Не надо. Спасибо тебе за нашего принца.

— Если бы я знала, — сказала Кора.

— Ты ничего не понимаешь, — сказала Вероника. — Может, приедешь к нам поужинать?

— Нет, простите, я устала.

Мотоциклы ревели так, что Кора устала говорить с Вероникой. Она помахала ей на прощание. Гвардейская бригада приняла этот жест за приказ к выступлению, и кортеж покинул площадь.

* * *

Кора встретила в холле одного из навигаторов, он пригласил ее в бар. Навигатор не видел, что происходило на площадке, — они уехали, как только сдали корабль наземной службе. Кора рассказала ему, как Густав возвратил себе трон. Пришел второй навигатор с оружейницей, и пришлось повторить рассказ. Тут начались вечерние новости по телевизору, и Кора поняла, что в баре слишком многие на нее глазеют. Она попрощалась с навигаторами, договорившись встретиться с ними в девять за завтраком.

Она поднялась к себе в номер, простой и безликий, как каюта на корабле, приняла душ и потом, открыв окно и потушив свет, уселась у открытого окна и смотрела с четвертого этажа на вечернюю жизнь улицы, очевидно, более оживленную, чем обычно, — ведь такой день!

В конце концов, какое она имеет право судить Тесея? Тесей убил немало разбойников. Кто-то должен убивать разбойников. «Ты, Кора, все путаешь: студента Густава с физического факультета и царя Тесея, которого ты до какой-то степени сама воспитывала. По крайней мере воспитывалась вместе с ним. Но ты была там, в Элладе, для того, чтобы, выполнив задание, сбросить его и память обо всем, как старую кожу, а он провел там жизнь, чтобы стать не только Густавом, но и Тесеем. И преуспел на этом поприще. А ты, Кора, очень рассердилась».

Черная тень образовалась на фоне синего неба. Кора угадала Густава. Он спрыгнул в комнату.

— Прости, — сказал он, вглядываясь в густой полумрак комнаты, — я снял номер рядом и перешел по карнизу.

— Ты с ума сошел! — испугалась Кора. — Ты же мог сорваться.

Она кинулась ему навстречу, чтобы исколотить его за такие глупости.

Но он неправильно истолковал ее порыв и обнял. Нежно и крепко. Так что ей некуда было деться и пришлось ответить на его поцелуй.

— Прости, — прошептал Густав, — я был жесток.

— Я не могу тебя осуждать.

— Если ты не будешь меня осуждать, значит, ты меня совсем не любишь.

После этого они довольно долго молчали, потому что целовались.

Следующая фраза принадлежала Коре, но была сказана, когда они уже очутились в постели:

— Ты давно хотел удовлетворить свое любопытство, Тесей?

— Если это называть любопытством, то что назвать любовью?

Кора предпочла поверить Густаву, потому что вера была

ей желанна, а ждать этого свидания, которое растянулось на столько лет, ей было невмочь.

— Да, — шептала она Густаву, когда рука его несмело и трепетно дотронулась до ее груди, а потом скользнула к бедрам...

В глаза Коре раздражающе била непонятная надпись световой рекламы, которая каждую секунду меняла цвет.

— Погоди, милый, — прошептала Кора.

Она вскочила с постели и задернула шторы. Тогда в комнате стало абсолютно темно, настолько, что они оба исчезли, остались лишь ощущения. Кора сбросила туфли и кинулась в постель. Ее тело точно знало, где его встретят жадные руки Тесея.

— О Тесей! — прошептала она. — Наконец-то мы вместе.

— О Кора! — воскликнул Тесей. — О миг свершения!

— Погодите, погодите, — произнес сухой голос Милодара. — Я попрошу вас прервать ваши объятия. Вы успеете к ним вернуться. У меня же нет ни одной лишней секунды.

Голос комиссара возник в темноте совсем рядом с кроватью.

Кора вырвалась из объятий Густава и попыталась вскочить, но Густав дернул ее к себе и, плотно приложив губы к ее уху, неслышно прошептал:

— Он нас не видит. Не помогай ему.

— Кора, я все слышу, — ответил Милодар. — Я слышу, как скрипнула кровать. Кора, немедленно откликнись. Кора, зажги свет. Я считаю до пяти. Если ты не зажжешь свет, считай, что ты уволена. Раз, два, три, четыре, четыре с половиной... четыре и три четверти... Принц Густав, от вас, как от зрелого государственного деятеля, я не ожидал такого поведения. Вы же знаете, что я голограмма. Я не могу зажечь свет! Вы меня слышите? Учтите, что я упрямее вас. Несмотря на мою крайнюю занятость, я останусь здесь и буду ждать, пока вы не соблаговолите в конце концов отпустить моего сотрудника. В Галактическом центре требуют немедленного отчета о драматических событиях. Сегодня же ночью. Кора, ты на службе, черт побери! Сначала ты наговоришь отчет, я тебе даю номер телефона — там ждут... Да слышите ли вы, в конце концов!

Густав потянул Кору за руку к двери.

— Главное, — прошептал он, — оторваться от преследования. Голограммы бегают не быстрее людей, а расположение помещений в этой гостинице мне знакомо.

Они выбежали босиком в коридор, и, когда добежали до угла, Кора увидела, как сквозь запертую дверь номера в коридор выходит, зажмурившись от яркого света, голограмма ее шефа.

Но они уже скрылись за углом, потом на грузовом лифте поднялись до последнего этажа, по пожарной лестнице спустились на два этажа ниже, пробежали сквозь три служебных помещения, снова оказались в коридоре, и, наконец, Густав втолкнул Кору в какой-то номер и закрыл дверь.

— Света зажигать не будем. И будем надеяться на счастье.

— Мы где? — спросила Кора.

— В моем номере, — ответил Густав. — В том, который я снял, чтобы встретиться с тобой.

Они уселись рядом на кровать и несколько минут молчали, держась за руки.

Любовный энтузиазм возвращался медленно, неспешно, и первый поцелуй прозвучал лишь минут десять спустя. Но, правда, последующие поцелуи посыпались как из пулемета и слились в один. Впопыхах Кора даже и не заметила, что она совершенно обнажена и лежит в объятиях Тесея на его кровати.

— Ой, мой дорогой, — прошептала она... и слилась с ним в одно...

Дверь в коридор отворилась, и в комнату ввалилась фигура, источавшая отвратительный запах.

Фигура нащупала выключатель у двери.

Вспыхнул верхний свет.

Кора и Густав сидели, поджав колени и натянув одеяло до подбородков.

Измазанный в экскрементах и каких-то помоях, обвешанный грязными тряпками и клочьями бумаги, неузнаваемый, как рождественская елка сумасшедшего золотаря, в номере стоял совершенно обессиленный и почти неживой оракул. Будда вечной жизни, Оливер Джадсон.

— Приютите меня! — взмолился он, продирая глаза грязным рукавом и не понимая еще, куда он попал. — Я несколь-

ко часов пробирался канализационными каналами — меня скинули туда изверги.

— Теперь можно его убить? — спросил Густав.

— А вот теперь его убивать нельзя, — ответила Кора. — Теперь он настолько провалился со своими предсказаниями, что на некоторое время стал безопасен. А потом, как и положено просвещенному монарху, ты найдешь ему применение. Пока что вызови сюда телевизионщиков.

Оракул, потеряв сознание, свалился у двери. Густав вызвал бригаду с телевидения, чтобы она могла показать народу его ненавистного любимца.

Густав же с Корой босиком спустились по пожарной лестнице и, пробежав незамеченными два квартала, скрылись в густом городском парке, в это время суток совершенно пустом, если не считать парочек под кустами.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕТСКИЙ ОСТРОВ. *Роман* 5
НА ПОЛПУТИ С ОБРЫВА. *Роман* 233
ПОКУШЕНИЕ НА ТЕСЕЯ. *Роман* 473